

*Metropolitan Nanniyah Menden
in Paris.*

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ

ЧИТАТЕЛЯМ КНИГИ «СОВРЕМЕННОКИ О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ»

К 90-летию восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви и избрания на Патриарший престол святителя Тихона, а также к 100-летию выдающегося подвижника истории Русской Православной Церкви в XX веке М. Е. Губонина выходит в свет сборник «Современники о Патриархе Тихоне», собранный и в основном подготовленный помянутым автором к 1965 году — к 100-летию святого Патриарха.

Грандиозному масштабу исторических событий XX века соответствовало поразительное величие святителя Тихона, скрывавшееся за редкой простотой, смирением и кротостью святого, избранного и поставленного к кормилу церковной власти Самим Богом поистине в лютую годину беспрецедентных гонений. Церковный народ удивительно любил и чтит своего Патриарха, но и тогда, и в наши дни далеко не все могут оценить по достоинству его непосильный подвиг, красоту его святости.

Живые рассказы, свидетельства близких к Патриарху Тихону людей раскрывают привлекательный, чарующий своей простотой и любовью образ, внутреннюю духовную жизнь святого, которая обычно остается скрытой в официальных актах и исторических источниках, так что хочется еще раз с глубокой благодарностью вспомнить собравшего их труженика М. Е. Губонина и пожелать, чтобы как можно больше людей ближе узнали и полюбили великого исповедника ушедшего века.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ

Издание посвящается
90-летию Священного Собора
Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.,
90-летию избрания на Патриарший Престол
Святейшего Тихона, Патриарха Московского
и всея России,
100-летию со дня рождения
Михаила Ефимовича Губонина

МАТЕРИАЛЫ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

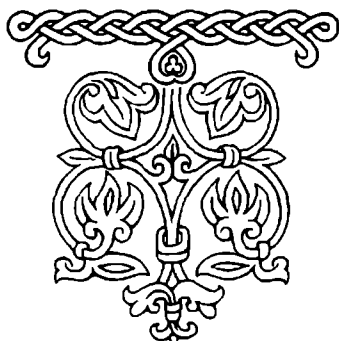
Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Воробьев
(главный редактор)

Протоиерей Александр Салтыков

Иерей Александр Щелкачев

Н. Е. Емельянов

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОВРЕМЕННОИ О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ

Составитель и автор комментариев
М. Е. Губонин

Том I

Москва 2007

УДК 27
ББК 86.372
С 56

Редакционный коллектив издания:

Ответственный редактор
профессор протоиерей Владимир Воробьев

*Научное редактирование, дополнения, приложения,
редакционные примечания и указатели*
Н. А. Кривошеева

Подготовка издания
Н. А. Кривошеева, Н. С. Соловьева

С 56 **Современники о Патриархе Тихоне:** Сб. в 2 ч. Т. 1. / Сост. и автор коммент. М. Е. Губонин. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. — 720 с.: ил., [50] с. ил. — (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / Редкол.: прот. В. Воробьев (гл. ред.) и др.).

ISBN 978–5–7429–0301–7

В сборнике, озаглавленном «Современники о Патриархе Тихоне», собраны воспоминания современников великого святителя, раскрывающие его святой, столь привлекательный и чарующий своей простотой, смирением и кротостью образ, часто не в столь значительных житейских ситуациях, обнаруживающих внутреннюю духовную жизнь святого, которая обычно остается скрытой в официальных актах и исторических источниках. В первом томе представлены мемуары, написанные людьми близко знавшими святителя и глубоко его почитавшими. Комментарии к воспоминаниям, написанные составителем сборника М. Е. Губониным, дополняют их и дают возможность читателю глубже познакомиться с историей Русской Православной Церкви первой половины XX века и жизнью ее выдающихся служителей.

УДК 27
ББК 86.372

ISBN 978–5–7429–0301–7

© Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, 2007

Тропарь, гласъ г:

Въ годѣнѣ тѣжкѣю бѣгомъ избранный, въ совершеннѣй святости и любви бѣа прославленъ еси: во смиреніи величіе, въ простотѣ и кротости силѣ бжїю явлѣа, положилъ еси душѣ за црковь, за люди свои, исповѣднице свѣте патріарше тѣхъне. моли хрѣта бѣа, емуже сорасплѣса еси, и нынѣ спасти зѣмлю рѣсскую и пѣствѣ твою.

Кондакъ, гласъ ѿ:

Глѣженіе твоѣ исполнено стѣномъ и горемъ, священномучениче тѣхъне, патріарше нашъ, но былъ еси правило вѣры и образъ кротости, повѣждаа распри и раздѣленіа. силою смиреніа и любви хрѣтовы противосталъ еси злобѣ сатанинскоѣ, возглавилъ еси доброе вѣнство новыхъ мучениковъ, црковь рѣсскую оутвердившихъ на вѣки.

*Сей труд посвящается
светлой памяти
Преосвященного Тихона (Шарапова),
епископа бывшего Гомельского
(1886–1937)*

ОТ РЕДАКЦИИ

К столетию со дня рождения Святейшего Патриарха Тихона в 1965 году Михаил Ефимович Губонин закончил работу над рукописью «Современники о Патриархе Тихоне» и оформил ее в виде трех машинописных томов, готовых для издания. К столетию со дня рождения М. Е. Губонина ПСТГУ издает это драгоценное наследие.

Воспоминания современников о св. Патриархе Тихоне являются второй частью церковного архива, собранного М. Е. Губониным. Издание первой части его архива было осуществлено в 1994 году и широко известно как сборник в двух частях «Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1945 годов». «Акты» стали настолько цитируемой книгой, что без них уже не может обойтись ни один исследователь, занимающийся новейшей историей Русской Православной Церкви. В 2006 году была издана доработанная третья часть архива М. Е. Губонина: «История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями)».

Небольшая часть воспоминаний о Патриархе Тихоне была издана в Санкт-Петербургском издательстве «Сатисъ» в 1994 году под названием «Патриарх Тихон и история русской церковной смуты» (издание не было окончено). Несмотря на целый ряд недостатков, эта книга пользуется большой популярностью как у историков, так и у интересующихся историей Русской Церкви. Рукопись М. Е. Губонина «Современники о Патриархе Тихоне» касается не только истории «русской церковной смуты», но и всего столетнего периода истории Русской Православной Церкви со дня рождения будущего Патриарха.

Оригинал рукописи «Современники о Патриархе Тихоне» состоит из 82 машинописных тетрадок большого формата (более 200 авторских листов), сшитых вручную, в которые вклеены подлинные фотографии Патриарха Тихона и иллюстрации к текстам. На обложке первого тома была вклеена полоска бумаги красного цвета с надписью «Единственный экземпляр». Весь экземпляр представ-

ляет первую закладку машинописи. В первый том рукописи вошли «Воспоминания о Патриархе Тихоне», которые удалось собрать Составителю (так именовал себя М. Е. Губонин) в то время, когда само имя Патриарха Тихона было под запретом. Отметим, что некоторые использованные источники, упоминаемые в рукописи, редакции не удалось обнаружить в архивах и библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга, более всего это касается зарубежных эмигрантских изданий. Особенно ценными в рукописи представляются уникальные воспоминания современников Патриарха Тихона, написанные по просьбе Михаила Ефимовича и предоставленные ему, а также записанные и литературно обработанные им со слов очевидцев. Второй том рукописи, состоящий из двух книг, является собранием комментариев к первому тому и значительно дополняет его. Каждый комментарий представляет из себя отдельную научную статью, раскрывает определенную тему церковной и отечественной истории. Свод документов и статей, вошедших в рукопись, можно было бы назвать хрестоматией по истории Русской Православной Церкви конца XIX – начала XX века. Работу над рукописью Михаил Ефимович продолжал и после 1965 г., в частности, им были составлены дополнительные комментарии, которые не вошли в машинописные тома, а остались в виде или полностью законченных статей, или подборки материалов для будущих работ, которые Составитель не успел закончить. Эта часть архива была передана в ПСТГУ протодиаконом Сергием Голубцовым († 2006) незадолго до его кончины и используется при публикации со ссылкой на «дополнительный архив».

Для удобства читателей редакция воспоминания и комментарии к ним помещает в одном томе. Редакцией расставлены отсылки к комментариям, сделаны примечания, дополняющие и уточняющие текст рукописи, раскрыты сокращения в текстах, уточнены имена упоминаемых лиц, сверены евангельские цитаты, проведена сверка цитат по первоисточникам, выверены выходные данные изданий и указаны цитируемые страницы. К сожалению, некоторые использованные в рукописи источники были не доступны редакции, тогда после отсылки Составителя на источник ставился знак «[?]». Дополнительные комментарии от редакции приведены в квадратных скобках с пометой «Ред.» и набраны более мелким шрифтом.

При публикации сохраняются некоторые особенности рукописи: фамилии иерархов и монашествующих лиц, восстановленные в тексте М. Е. Губониным, заключены в квадратных скобках, если же фамилия иерарха указана в первоисточнике, то она дает-

ся в круглых скобках. Все даты М. Е. Губониным указаны по двум стилям, в издании сохранена двойная датировка после введения нового стиля в 1918 году. Все замечания и уточнения, сделанные Михаилом Ефимовичем, в тексте заключены в квадратные скобки с указанием «Сост.». При написании прописных букв в словах «Патриарх, Патриаршество, Православие» сохранялась редакция Составителя. В остальных случаях были использованы современные нормы правописания. Предельная точность воспроизведения документа – основной принцип, которым руководствовалась редакция. Сам текст, принадлежавший Составителю, рассматривался нами как документ ярко иллюстрирующий свою эпоху. Некоторые исправления вносились в тех случаях, когда в свете новых сведений можно было исправить ошибки или уточнить устаревшую информацию, но в каждом случае это отмечалось редакцией. Такие редакционные исправления в целом незначительны. Издание позволит читателю войти в воссозданный мир церковной жизни минувших лет и гораздо ближе узнать Святителя Тихона – одного из величайших святых недавнего времени. Думается, у благодарного читателя возникнет потребность добрым словом оценить и великий подвиг Составителя – приснопамятного труженика на церковной ниве Михаила Ефимовича Губонина. Хочется поблагодарить и верную помощницу Михаила Ефимовича – его супругу Зою Петровну Губонину, хранительницу бесценного архива, теперь доступного церковной общественности.

* * *

Издание осуществлено усилиями сотрудников Отдела Новейшей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Компьютерный набор выполнен Н. А. Кривошеевой.

Археографическая подготовка текста осуществлена Н. А. Кривошеевой и Н. С. Соловьевой.

Сверку с первоисточниками и архивными материалами, примечания и комментарии от редакции, приложения и указатель имен выполнила Н. А. Кривошеева под общим руководством протоиерея Владимира Воробьева.

Для иллюстраций и комментариев использованы: база данных ПСТГУ о пострадавших за веру православных христиан (адрес в интернете: <<http://kuz1.pstbi.ccas.ru>>).

Редакция выражает сердечную благодарность иерею Александру Мазырину, Н. Е. Емельянову, Л. С. Аристовой, О. В. Косик, И. В. Щелкачевой, А. Г. Воробьевой, А. Е. Колесник за помощь в подготовке издания. Особая благодарность протоиерею Александру Троицкому и ведущему научному сотруднику Российской Государственной библиотеки Н. Ю. Бутиной, оказавшим неоценимую помощь в библиографической работе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Миф и легенда часто гораздо глубже воплощают в себе дух истории, чем самые исторические факты. К их голосу надо прислушиваться всякому, кто хочет проникнуть в судьбы прошлого.

Архиепископ Анастасий (Грибановский)

Мемуары особенно ценны вскрытием закулисных подробностей. В официальных актах, как всегда, много условной фальши.

А. В. Карташев

Историки обычно излагают биографии больших исторических деятелей, уделяя главное внимание основным событиям их жизни, не обращая особого внимания на детали. Между тем иной раз детали больше характеризуют человека, чем его служебная биография.

А. Э. Левитин-Краснов

Сто лет тому назад — 19(31) января 1865 г. — в занесенном снежными метелями заштатном городке Псковской губернии — Торопце в семье рядового приходского священника Спасо-Преображенской церкви о. Ивана Беллавина родился человек, которому впоследствии суждено было не только возглавить величайшую Русскую Православную Церковь, но и сохранить Ее в самую тяжелую и смутную эпоху в возможном для дальнейшего существования виде. Более того, он предназначен был не только к этому сверхчеловеческому подвигу, но и к тому, чтобы своим духовным обликом явить православным людям своего времени поучительный пример непоколебимой веры в Бога, нелицемерной любви к Церкви и беззаветной преданности вековым устоям родной страны. И, наконец, он был призван и к тому, чтобы показать всей своей внутренней духовной сущностью прекрасный образец личной святости, безупречной чистоты и несгибаемой твердости своих религиозных и национальных убеждений, которые являясь вечными ценностями, не подлежат никаким колебаниям и изменениям под влиянием вечно-приходящих исторических условий, и не обмениваются ни на какие чечевичные похлебки.

Речь наша идет о приснопамятном Святейшем Тихоне, Патриархе Московском и всея России, великом Отце современной Церкви.

В более или менее отдаленном будущем православные историки, несомненно, тщательно соберут и добросовестно изучат все разнообразные материалы, оставшиеся после небывало величественной и трагической эпохи — времени управления им Церковью; его церковно-административной и национально-патриотической деятельности; воссоздадут и оценят его непрерываемо чистый и самоотверженный, украшенный всеми высокими дарами национального гения, обаятельный духовный облик.

И думаем (и есть к тому все основания), что в процессе выявления и накапливания потребных материалов наибольший пробел обнаружится в области его личного быта; в области «будней» его жизни, неизвестных и незримых широкой публикой, так как свидетелями и участниками этих будней являются обычно лишь разного рода келейники, швейцары, кучера и дворники, то есть лица из числа самой ближайшей повседневной обслуги, а также те весьма немногие наблюдательные люди из многочисленного потока посетителей, которые, хотя и понимают истинную цену для историка и бытописателя всевозможных бытовых «пустяков» (тем более когда эти последние являются фоном для фигуры большого исторического и морального значения), но лишены возможности систематического их накопления, сами являясь лишь случайными их свидетелями.

К сожалению, Иванушка Шушерин — келейник и мемуарист «великого государя» Патриарха Никона, равно как и помянутые «наблюдательные люди», — являют собой редчайшее исключение; масса же обычно «смотрит и не видит, слушает и не слышит», не говоря уже о целом ряде трудно объяснимых психологических и исторических моментов, мешающих людям сразу же правильно усваивать и должным образом оценивать все происходящее непосредственно перед их умственным и физическим взором.

К личности и деятельности Святейшего Патриарха Тихона, как к явлению исторически внезапному и огромному по своей внутренней значимости, все это относится в самой большой степени, поэтому здесь совершенно справедливо замечание, что «трудно быть современником великих исторических событий и людей. Необходимо стоять на некотором расстоянии, чтобы видеть величие того, что удивительно велико, нужно иметь возможность оглянуться, чтобы видеть вершину горы; и то, что мы легко можем рассмотреть издали, не охватывается зрением, если находится непосредственно перед нашими глазами. Кроме того, чтобы познать великое, необходима еще некоторая общность духа с ним, — нужно, чтобы душевные силы были одного с ним порядка и находились

на должной высоте. Дело и страдания Патриарха столь огромны, столь единственны в своем роде, что ускользают от холодного и равнодушного взгляда. Сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (*Булгаков С. Н. Страж дома Господня. С. 387*).

И не зря сказал на другой же день после настолования Святейшего Патриарха Тихона митрополит Арсений (Стадницкий), доктор церковной истории, что «восстановление Патриаршества есть великое историческое событие, значение которого мы, может быть, теперь ясно не сознаем, а оценят его наши потомки, для которых раскроется весь смысл происходящего в настоящий момент, подобного которому навряд ли что было в нашей истории» (из приветственного слова митрополита Новгородского и Старорусского Арсения Святейшему Патриарху Тихону, сказанного 22 ноября 1917 г.).

И вот, может быть именно поэтому, в силу нашего недопонимания, в силу невозможности для нас правильного восприятия и осмысления всего происшедшего перед нами, многое ускользнуло и безвозвратно исчезло из того, что в действительности должно было быть берегаемо и тщательно, с любовью сохранено, как высочайшие реликвии духа ушедшего Первосвятителя. И чего, к сожалению, не сделано по тем или иным причинам.

Но если этот печальный вывод приложим ко многим сторонам вещественного и духовного наследия Патриарха Тихона, то что же в таком случае остается сказать о тех ушедших мелочах и пустяках его быта — его повседневной жизни, о которых мы упомянули выше?

К великому нашему огорчению, чего-либо другого, кроме тягостной русской поговорки, сказать по этому поводу нечего... Известно: что имеем, не храним, потерявши — плачем.

Все эти безрадостные наши рассуждения ведут к тому, чтобы благосклонному читателю стали ясны те побудительные причины, в силу которых возникла и после долгих и настойчивых усилий осуществилась предлагаемая далее работа.

В нашем сборнике, озаглавленном «Современники о Патриархе Тихоне», собраны по возможности все те «мелочи патриаршей жизни», которые, по-видимому, не могут претендовать на внимание и место в официальной биографии почившего Святейшего Патриарха Тихона или солидном исследовании о его жизни и деятельности, именно в силу своей кажущейся маловажности. Однако благоговейное почитание памяти Первого и Великого нашего Господина и Отца внушает мысль о самом тщательном собирании и бережном хранении подобных бытовых крох, так как, думается, при всей своей внешней незначительности они нередко носят на себе печать большой истори-

ческой правды и обнаруживают ту сокровенную сторону жизни, следы которой мы тщетно стали бы искать в официальных источниках.

Поэтому нам кажется, что пренебрегать подобными «мелочами» — значит сознательно закрывать глаза на уяснение себе многих психологических и историко-бытовых особенностей, присущих деятельности и облику Святейшего.

А то обстоятельство, что среди всего собранного материала оказалось немало разного рода «мусора» и даже заведомой лжи, нисколько не повлияло на нашу решимость внести все это в единый свод наряду с другими, объективными и правдивыми рассказами и сообщениями. Напротив, для вдумчивого читателя на темном фоне злобы и инсинуаций еще ярче подчеркнется все то светлое и высокое, что было столь присуще Патриарху Тихону и так характерно для него.

Кроме того, здесь, несомненно, отразился не передаваемый никакими словами дух времени: дух злобы, коварства и нетерпимости, которым, к сожалению, так насыщено наше время... И его не следует отмечать, нужно лишь спокойно и объективно отделить плевелы от пшеницы.

Являясь в самом широком и благородном смысле слова крупнейшим общенародным деятелем небывалой эпохи, Святейший Патриарх Тихон и по своему высокому положению, и по чувству неиссякаемой деятельной любви к людям вообще (без разделения их на какие-нибудь классы, как это теперь принято, к сожалению!) изо дня в день соприкасался с огромным количеством народа самого разнообразного настроения и положения и, являясь в силу особенностей своего духа и характера личностью далеко не обычного порядка, оставил множество воспоминаний о себе в сердцах и памяти лиц, не только любивших и чтивших его, но и совсем иного, противоположного направления.

И казалось, что, собрав воедино все это разнородное духовное наследие Великого Первосвятителя, мы имели бы в своих руках прекрасный памятник его величия духа, смиренномудрия и нелицемерной святости, полезный не только для воспоминания и утешения, но в еще большей степени — для поучения и назидания многих из нас.

К сожалению, по целому ряду причин, останавливаться на которых подробнее здесь нет никакой надобности, своевременно сделать это не представлялось возможным, а позже, когда такая возможность наконец явилась, пришлось с горечью констатировать, что «иных уж нет, а те далече». Поэтому ожидавшегося первоначально обилия воспоминаний о Святейшем Патриархе Тихоне собрать так и не удалось.

Отсюда: следует утешить себя хотя бы и тем, что и то немногое, зафиксированное здесь путем выписок из различных изданий и ру-

кописей, не всегда всем доступных, или тщательных расспросов у людей правдивых, внушающих доверие, в свое время более или менее близких ушедшему Первосвятителю, до некоторой степени восполнит этот досадный пробел в общей массе материалов к биографии Святейшего, тем более что для нас совершенно очевидно (и с каждым днем подтверждается все более и более!), что, как выразился в свое время со всей справедливостью почтенный протопресвитер о. Терентий Павлович Теодорович, в свое время бывший членом Собора 1917—1918 гг., «значение судеб Православия в России и значение почившего Патриарха не замыкается в границах российской равнины».

А то, что в почившем Первоиерархе «идея Патриаршества нашла свое лучшее оправдание и подтверждение» (Жизнеописание Тихона, Патриарха Московского и всея России. См. наст. сборник. С. 77), кажется, уже становится очевидным и для многих наших слепорожденных церковных и нецерковных людей.

Надеемся отсюда, что не *«всуге трудимся»*: *«поминайте наставники ваши»* (Евр. 13, 7), — заповедано нам всем...

Патриарх Тихон был не только живым и чистым сердцем Русской Церкви, но и светозарным вождем и вдохновителем всех церковных героев духа современности. И когда же уместнее всего вспомнить о нем и воздать должное его светлой памяти, как не в день столетия его рождения в этот мир, принесший ему столько страданий, а его пасомым наоборот: столько радости и воодушевляющей бодрости.

И этими излучениями святости и мудрости да назидаются и вдохновляются и наши православно верующие потомки, ради которых и принят этот наш труд, за неизбежные недостатки которого (как и всякого творения человеческих рук!) просим снисхождения и извинения.

К сказанному добавим лишь то, что духовную ценность или значимость предлагаемого труда предоставляется почувствовать и оценить каждому, кто потрудится ознакомиться с ним; следует иметь в виду, однако, то обстоятельство, что литературная обработка устных сообщений произведена лицом случайным в этой (литературной) области, что, конечно, не могло не отразиться отрицательно на форме, в которую облечены эти рассказы и сообщения сборника «Современники о Патриархе Тихоне».

Бранденбург, апрель 1945 г. —

Москва, 19 января (1 февраля) 1965 г.

*Понедельник, столетие со дня рождения
Святейшего Патриарха Тихона.*

Составитель

М. Е. Губонин
**СУЖДЕНИЯ О СВЯТОСТИ СВЯТЕЙШЕГО
ПАТРИАРХА ТИХОНА¹**

Непоколебимая убежденность в святости Святейшего Патриарха Тихона, возникавшая где-то в самой глубокой и неуловимой толще русского церковного общества, сперва робко и случайно стала проявляться иногда еще при его жизни. Надо сказать, что и сам облик этого Первосвятителя, как духовный, так и чисто внешний, зримый окружающими, как нельзя более соответствовал общественному, близкому и дорогому всем образу русской святости. Такие качества Святейшего, как необычайная, редко где встречаемая теплая простота и задушевная сердечность, смирение, граничащее с искренней конфузливостью, доброта, участливость и особая проникновенность, неизменно располагавшая к нему души собеседников и всецело покорявшая их, — все это с течением времени не могло не направлять мыслей множества так или иначе общавшихся с ним людей в сторону совершенно естественной и единственно правильной оценки его духовной сущности как явной святости.

Иные ко всем этим общественным душевным свойствам Патриарха прилагали еще и сумму его исповеднических подвигов, которым, в начале 1920-х годов, действительно дивился весь христианский мир, как справедливо указывалось в одной из грамот (тех годов) Иерусалимского Патриарха Дамиана. В этом случае святость облика нашего Патриарха не ставилась под сомнение многими, даже весьма осторожными и сдержанными в этих вопросах людьми.

Здесь нам вспоминается один благочестивый среднего возраста человек, выдающейся образованности (занимавшийся, кажется, педагогической деятельностью), который, в начале 1920-х годов, приезжая систематически в Москву из Таганрога, где он проживал, — неизменно являлся к Святейшему Патриарху Тихону для разрешения текущих вопросов церковной жизни, возникавших у него в провин-

¹ Данная статья вошла в дополнительный архив М. Е. Губонина — *Примеч. ред.*

ции и, главным образом, для принятия патриаршего благословения, ценимого им чрезвычайно высоко.

Однажды, в пояснение этого, Степан Николаевич (так его звали) сказал пишущему эти строки при встрече в Богоявленском монастыре:

— А как же? Разве вы не понимаете, что Патриарх наш — святой человек? Это совершенно несомненно; это — видно; это — чувствуется.

Ведь святые люди именно такими и были при жизни. Ничем явным они не отделялись от других. Жили среди грешных людей, бывали в той или иной степени обременены самыми обычными житейскими заботами и попечениями... Все как у всех других, простых смертных людей. Только непосредственное, личное общение с ними, так сказать, реальное, физическое соприкосновение, без сомнения, убеждало всех тех, кто имел счастье пользоваться таким общением, в том, что им предстоит и запросто с ними беседует несомненно благодатная, необычная, из ряда вон выходящая, святая личность, хотя святость эта еще и не апробирована временем и некоторыми подтвердительными фактами.

— Это очень ясно! Очень!.. — закончил Степан Николаевич. — Я, например, никогда и ни на минуту не сомневаюсь в истинности того, о чем говорю вам теперь.

Более громкие и определенные высказывания на эту тему стали раздаваться устно и появляться (в зарубежной) печати сейчас же по кончине Святейшего Патриарха Тихона, которая как внутри страны, так и во всем мире произвела впечатление грома среди ясного неба (учитывая возраст почившего) и возбудила немедленные темные слухи о ее насильственности...

Так, еще в 1925 году, в нашей так называемой антирелигиозной печати появилось сообщение о том, что глава русской церковной эмиграции, митрополит Антоний (Храповицкий) еще заранее обещал своему окружению «открыть мощи» Святейшего Патриарха Тихона (*Сахаров К. И. Патриарх Тихон. М., 1925. С. 35*).

Но если это сообщение не лишено налета безбожнического глумления (столь свойственного подобному сорту людей), то печать церковная, говоря о том же, конечно, была окрашена совсем в иные тона.

Приведем некоторые примеры.

«Образ Святейшего Патриарха Тихона — с годами, по мере возрождения Русской Православной Церкви, еще ярче будет блистать на православном горизонте, как путеводная звезда, — и пребудет он в светлой памяти Православной Церкви не только „Святейшим“, но —

дай Бог — и святым» (*Теодорович Т. П., протопр.* Светлой памяти Святейшего Патриарха Тихона // Воскресное чтение. Варшава, 1926 [?]).

«Уже теперь Тихон, своими благочестивыми детьми почитается „святым”» (*Хендрикс П.* Церковная Москва в описании иностранца / Пер. с голландского // *Голос Литовской православной епархии.* 1939. № 5. С. 15).

Святейшего Патриарха Тихона «глас народа уже причисляет к лику святых» (*Путь.* 1931. № 31. С. 102).

Были, конечно, и другие, подобные, сообщения.

Что все такого рода предчувствия и высказывания не являются лишь плодом «бредовых фантазий фанатиков и мракобесов», как это квалифицируется в наших «атеистических» кругах, а имеют под собой весьма определенную и для верующего сознания очень логичную и ясно понимаемую почву, — доказывают уже имеющие место зарубежные канонизации русских святых, современников Святейшего Патриарха Тихона, таких, как протоиерей о. Иоанн Сергиев (Кронштадтский), архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) и митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) и Петроградский Вениамин (Казанский)¹.

В этом плане нам кажутся не лишними интереса высказывания последнего обер-прокурора Синода, позже (в эмиграции) ставшего профессором Парижской Православной Духовной Академии А. В. Карташева об общем богатстве святостью Русской Церкви, как прошлом, так и современном.

В своем последнем капитальном труде он на эту тему писал следующее:

«Во избежание излишних сомнений и колебаний в оценке развития Русской Церкви приложим здесь бесспорное мерило святости. Русская Церковь от самой своей колыбели была также ревнительницей прославления собственных святых. Украшая родную землю высоким титулом „Святой Руси”, Русская Церковь оправдывала эту претензию усердными канонизациями, число которых ко времени Петра возросло до 230, а вместе с местночтимыми именами даже и до 500. Стеснительный контроль петровского законодательства временно остановил эту щедрость официальных канонизаций. Но всенародное, соборное почитание чтимых подвижников православного благочестия с казенным законодательством не считалось. Церковная власть прославила до конца синодального периода всего десять новых имен,

¹ В настоящее время все перечисленные лица причислены к лику святых и Церковью в Отечестве. — *Примеч. ред.*

а частные опыты собирания сведений (например Е. Поселянина) и данные церковных журналов выявляют более ста новых кандидатов для канонизации. Если к ним присоединить еще сотни новомучеников [коммунистического гонения]¹, то свидетельство о богатстве скопившейся харизмы святости в Русской Церкви синодального периода будет бесспорным. Каталог 500 чтимых святых имен за первые семьсот лет своей истории Русская Церковь смело может противопоставить новый месяцеслов и мартиролог только за 250 лет, количественно больший прежнего², да еще под героическим и неувыдаемым венцом мученичества за веру Христову» (*Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М.: Наука, 1991. Т. 2. С. 319—320*).

Возвращаясь к вопросу о святости личности почившего Святейшего Патриарха Тихона, считаем уместным здесь упомянуть и о том, что в начале шестидесятых годов, проживавший на покое в Петушках Владимирской области Преосвященный бывший Ковровский Афанасий (Сахаров) показывал пишущему эти строки оригинальную фотографию «из-за моря» (США), — репродукцию с какой-то фресковой или масляной монументальной росписи (по-видимому, в одном из тамошних русских храмов), на которой изображается сонм святых, «в земле Российской просиявших». На видном месте, среди давно и недавно прославленных наших святых, изображен в рост Святейший Патриарх Тихон — в мантии и патриаршем куколе.

После того как мы изложили все эти предчувствия и «знамения времени», будущим православным русским людям остается лишь ожидать (в чем не сомневаемся) последующего подтверждения правильности и остроты религиозной интуиции их предшественников.

¹ В рукописи М. Е. Губонина вместо этой фразы стоит многоточие. — *Примеч. ред.*

² В настоящее время в поименный список Собора новомучеников и исповедников Российских внесено более 1800 имен пострадавших в годы гонений. — *Примеч. ред.*

М. Е. Губонин

СХЕМА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА (ТЕЗИСЫ)

Вниманию будущего биографа Великого Отца нашей Церкви Святейшего Патриарха всея России Тихона предлагается некий конспективный материал, представляющий собою сжатую схему его жизни и деятельности, в связи с некоторыми наиболее выдающимися и характерными фактами, имевшими место в соответствующие годы жизни Церкви.

Не ручаясь за исчерпывающую полноту этой схемы, полагаем, однако, что она все же с достаточными подробностями охватывает общую картину церковной жизни и событий его эпохи.

Тезисы наши построены в хронологическом порядке.

1861—1896

Открытие св. мощей и прославление святителя Тихона (Соколова), епископа Воронежского, Задонского чудотворца. — Рождение Василия Ивановича Беллавина (иначе: Белавина^[1]) (1865). — Происхождение. — Детство. — Продажа Аляски Соединенным Штатам Америки. — Кончина и погребение митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). — Его преемники на Московской кафедре. — Учреждение Алеутской епархии. — Вася Беллавин в Торопецком духовном училище. — Назначение К. П. Победоносцева обер-прокурором Святейшего Правительствующего Синода (1880). — Учреждение Общества Религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. — Холмское Православное Богородичное Братство (1882). — Василий Беллавин в Псковской Духовной семинарии. — Освящение храма Христа Спасителя в Москве (1883). — В. Беллавин студент Санкт-Петербургской Духовной Академии. — Санкт-Петербургская Духовная Академия в те годы. — Ми-

¹ В квадратных скобках указываются номера комментариев и дополнений, помещенных во второй части настоящего тома.

хаил Грибановский и кружок патриархистов в Санкт-Петербургской Духовной Академии. — Епископ Владимир (Соколовский) в Америке (1887). — Окончание В. И. Беллавиным Санкт-Петербургской Духовной Академии со степенью кандидата (магистранта) богословия. — В. И. Беллавин — преподаватель Псковской духовной семинарии (1888). — Пострижение в мантию В. И. Беллавина с именем Тихона. — Иеродиакон Тихон. — Иеромонах Тихон (1891). — Архимандрит Антоний (Храповицкий) и писатель Л. Н. Толстой. — Пророчество о Патриархе Тихоне, записанное в Соловецком патерике. — Иеромонах Тихон — инспектор Холмской духовной семинарии (1892). — Ректор Холмской духовной семинарии — архимандрит Тихон (1892). — Архиепископ Холмско-Варшавский Флавиан (Городецкий) и архимандрит Тихон. — Богословские труды архимандрита Тихона в журнале «Странник» (1895). — Награждение архимандрита Тихона орденом св. Анны 2-й степени. — Хозяйственные попечения архимандрита Тихона о Холмской духовной семинарии. — Административная деятельность в Холмщине. — Труды американки мисс Изабеллы Хапгуд по переводу православных богослужебных книг на английский язык. — Прославление святителя Феодосия (Углицкого), архиепископа Черниговского (1896).

1897

Холмские церковные торжества. — Письмо иеромонаха Антонина (Грановского) о предполагаемой архиерейской хиротонии архимандрита Тихона. — Высочайшее повеление о бытии ректору Холмской духовной семинарии архимандриту Тихону епископом Люблинским. — Наречение архимандрита Тихона. — Хиротония архимандрита Тихона в Троицком соборе Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. — Епископ Люблинский Тихон.

1898

Холмско-Варшавский архиепископ Иероним (Экземплярский) и викарный епископ Тихон. — Кончина епископа Таврического Михаила (Грибановского) и его завет епископу Антонию (Храповицкому) о восстановлении Патриаршества в нашей Церкви. — Холмские церковные торжества. — Конфликт епископа Тихона с Леснинской игуменьей. — Высочайшее повеление о бытии епископу Люблинскому Тихону епископом Алеутским и Аляскинским (США). — Прощание с люблинской паствой и отъезд в Америку епископа Тихона. — Епископ Тихон в Берлине, Париже, Гавре, проездом в Америку. — Прибытие в Америку. — Кончина митрополита Санкт-Петербургского Палладия

(Раева). — Архипастырская и административная деятельность епископа Тихона в Америке.

1899

Съезд духовенства восточных штатов в Аллегени (США).

1900

Основание «Американского православного миссионерского общества». — Епископ Тихон и православное храмоздательство в Америке. — Епископ «Алеутский и Северо-Американский». — Открытие «Женского православного соревновательного общества». — Епископ Тихон и англиканский епископ Фондюлакский Чарльз Графтон. — Посещение Квихпахской миссии на Аляске.

1901

Хиротония ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрита Сергия (Страгородского) во епископа Ямбургского. — Освящение новосозданного храма в Вилькесбарре. — Закладка первого русского храма в Нью-Йорке во имя святителя Николая. — Организация Ситхинского музея «Иннокентиевское хранилище». — Архипастырский объезд Канадской миссии. — Награждение епископа Тихона орденом св. Владимира 3-й степени. — Священник-целибат Александр Немоловский в Америке.

1902

Поездка в восточные штаты. — Посещение броненосца «Ретвизан» на верфи Крампа в Филадельфии. — Закладка русского храма в Чикаго. — Освящение нового храма в Вилькесоне. — Открытие Московского епархиального дома (в Лиховом пер., в Каретном Ряду), созданного трудами и попечением митрополита Владимира (Богоявленского). — Освящение нового Свято-Николаевского храма в Нью-Йорке. — Освящение Кирилло-Мефодиевского храма в Нью-Британии. — Самозванец Стефан (Уствольский), американский «митрополит». — Похищение и уничтожение Казанской иконы Божией Матери. — Освящение сиро-арабского храма. — Присоединение инославных к Православию.

1903

Освящение Михайловского храма в Питтсбурге. — Послание Константинопольского патриарха Иоакима III (Деведжи) о самозванце Стефане (Уствольском). — Освящение Чикагского Свято-Троиц-

кого храма. — Присутствование епископа Тихона на летней сессии Святейшего Правительствующего Синода. — Открытие св. мощей и прославление прп. Серафима Саровского чудотворца. — Епископ Фондюлакский Графтон в Санкт-Петербурге. — Погребение Преосвященного Маркелла (Попеля). — Учреждение Аляскинского викариатства. — Хиротония архимандрита Иннокентия (Пустынского) во епископа Аляскинского. — Представление епископа Тихона императору Николаю II. — Возвращение в Америку. — Присоединение Денверских униатов. — Издание Евангелия от Луки на алеутско-лисьевском наречии. — Храмоздание и открытие новых православных приходов в Америке.

1904

Учреждение Бруклинского викариатства. — Молитвенное поминовение в Филадельфийском храме экипажа погибшего крейсера «Варяг». — Наречение и хиротония архимандрита Рафаила (Ававини) во епископа Бруклинского. — Патриотическая деятельность епископа Тихона в связи с русско-японской войной. — Награждение епископа Тихона орденом св. Анны 1-й степени. — Второй архипастырский съезд Канады. — Освящение храма в Раббит-Гиллье. — Освящение часовни в Бивер-Лейке, Гуньке и Андрию. — Епископ Тихон и мисс Изабелла Хапгуд, переводчица на английский язык православных богослужебных книг.

1905

Епископ Тихон и Апостол Японии епископ Николай (Касаткин). — [Присвоение архиепископу Тихону звания почетного доктора богословия от образовательного богословского учреждения американской епископальной Церкви *Nashotah Hause*. — *Ред.*] — С. Ю. Витте и его инициатива в вопросе о реформе Русской Церкви. — Позиция профессора Е. Е. Голубинского по вопросу о реформе Русской Церкви. — Борьба К. П. Победоносцева с С. Ю. Витте и митрополитом Петербургским Антонием (Вадковским). — Избрание епископа Тихона на Финляндскую кафедру (практически осуществлено не было). — Доклад Святейшего Синода императору Николаю II о церковной реформе. — Возникновение вопроса о восстановлении Патриаршества в Русской Церкви. — Возведение епископа Тихона в сан архиепископа. — Перенесение кафедры из Сан-Франциско в Нью-Йорк. — Синодальный запрос архиереям о желательных преобразованиях в Церкви. — Открытие Православной семинарии в Миннеаполисе. — Архиепископ Тихон — основатель Свято-Тихоновского

мужского монастыря в Пенсильвании. — Архиепископ Тихон в гостях у епископа Холмского Евлогия (Георгиевского). — Учреждение Сербской миссии в Америке. — Учреждение духовного училища в Кливленде. — Увольнение К. П. Победоносцева. — Новый обер-прокурор Святейшего Синода кн. А. Д. Оболенский. — Прием императором Николаем II трех митрополитов в связи с предполагаемым созывом Всероссийского Поместного Собора. — Организация в Санкт-Петербурге демократического «Кружка 32-х» — гнезда будущих церковных бесчинников.

1906

Учреждение Особого Предсоборного Присутствия при Святейшем Синоде. — Землетрясение в Сан-Франциско, гибель русского храма, архиерейского дома и проч. — Обер-прокурор Святейшего Синода А. А. Ширинский-Шихматов. — Обер-прокурор Святейшего Синода П. П. Извольский. — Прекращение работ Особого Присутствия при Святейшем Синоде.

1907

Назначение архиепископа Тихона на Ярославскую и Ростовскую кафедру. — Первый Всеамериканский Православный Собор. — Итоги служения архиепископа Тихона в Америке. — Кончина К. П. Победоносцева. — Проводы архиепископа Тихона из Америки. — Прибытие архиепископа Тихона в Ярославль. — Посещение Ярославля протоиереем о. Иоанном Сергиевым (Кронштадтским). — Архипастырское служение и административная деятельность архиепископа Тихона в Ярославской епархии. — Поездки по епархии: Углич, Данилов и проч.

1908

Съезд духовенства Ярославского училищного округа. — Архипастырский объезд церквей и монастырей Рыбинского, Угличского и Ростовского уездов. — Богослужбная, административная и благотворительная деятельность архиепископа Тихона. — Посещение архиепископом Тихоном публичных собраний, актов, вечеров и лекций. — Поездка в Борисоглебский монастырь и посещение храмов Ростовского уезда. — Убийство грузинскими шовинистами Экзарха Грузии архиепископа Никона (Софийского). — Посещение Ярославля великим князем Константином Константиновичем в сопровождении семьи. — Посещение Югской Дорофеевой пустыни, г. Углича и некоторых приходских храмов архиепископом Тихоном. — Посе-

шение приходов Рыбинского уезда. — Посещение г. Пошехонья и женских монастырей: Севастьянова и Исакова, а также некоторых сельских приходских храмов. — Поездка (через Кострому) в Спасо-Геннадиев монастырь Любимского уезда. — Посещение Ипатьевского Костромского монастыря. — Посещение Рыбинского Софийского женского монастыря. — Архиепископ Тихон навещает о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского) в Вауловской женской обители Романово-Борисоглебского уезда. — Архипастырская поездка в Пошехонье. — Архиепископ Тихон и издание «Воскресного всенощного бдения по напеву Ярославского Архиерейского хора (4 голоса)» композитора священника В. Н. Зиновьева. — Церковное торжество по случаю 50-летия Большой Ярославской Мануфактуры. — Очередной объезд некоторых уездов епархии (с 15.12.1908 по 19.12.1908). — Кончина члена Святейшего Синода митрофорного протоиерея о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского). — Всероссийский Миссионерский Съезд в Киеве.

1909

Ограбление Чайкиным чудотворного образа Божией Матери именуемого «Знамение» (Ярославль). — Архиепископ Тихон и поминовение в 40-й день кончины протоиерея о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского) в Успенском женском скиту. — Обер-прокурор Святейшего Синода С. М. Лукьянов. — Архиепископ Тихон и увековечение памяти духовных композиторов Бортнянского, Турчанинова и Львова. — Открытие второго (Угличского) викариатства Ярославской епархии. — Хиротония архимандрита Иосифа (Петровых) во епископа Угличского при участии архиепископа Тихона. — Учреждение «Общества памяти о. Иоанна Кронштадтского». — Молитвенное поминовение архиепископом Тихоном писателя Н. В. Гоголя (100 лет со дня рождения). — Награждение архиепископа Тихона орденом св. Владимира 2-й степени. — Освящение храма в селе Язвищево. — Архиепископ Тихон в Кашине на прославлении св. благоверной великой княгини Анны. — Посещение некоторых попутных приходов своей епархии. — 200-летие Полтавской победы и архиепископ Тихон. — Первый Всероссийский Монашеский Съезд в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. — Поездка в Углич и некоторые приходы епархии. — Поездка архиепископа Тихона в города Самару и Задонск. — Запрос искусствоведа-археолога А. А. Титова о композиции иконы Божией Матери «Прибавление Ума». — Вопрос о ликвидации Грузинского Экзархата (в связи с убийством архиепископа Никона Софийского). — Архиепископ Тихон совершает литургию во втором исправительном аре-

стантском отделении (в Ярославле). — Архиепископ Тихон и 200-летие кончины святого Димитрия Ростовского, торжества в Ростове Великом. — Присутствование архиепископа Тихона на зимней сессии Святейшего Синода. — Столетие Санкт-Петербургской Духовной Академии и архиепископ Тихон. — Архиепископ Тихон и годовщина кончины протоиерея о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского).

1910

Участие архиепископа Тихона в наречении и хиротонии Гдовского vicария Санкт-Петербургской епархии Вениамина (Казанского). — Вклад архиепископа Тихона в Общество духовной и материальной взаимопомощи бывших питомцев Санкт-Петербургской духовной академии. — Архиепископ Тихон председатель Особого совещания по вопросам внутренней и внешней миссии. — Зверское убийство бандитами священника о. Михаила Вироцкого (Чигиринский уезд). — Архиепископ Тихон жертвует Свято-Тихоновскому монастырю в Америке 10 000 рублей. — Епископ Рыбинский Сильвестр (Братановский). — Святотатство в Московском Большом Успенском соборе в Кремле. — Кончина протопресвитера военного и морского духовенства А. А. Желобовского. — Участие архиепископа Тихона в хиротонии епископа Митрофана (Землянского). — Архиепископ Тихон — член Чрезвычайного Собрания училищного Совета при Святейшем Синоде, посвященного вопросам противодействия думской школьной политики. — Участие архиепископа Тихона в хиротонии епископа Гермогена (Максимова). — Полоцкие торжества. — Архиепископ Тихон сопровождает в Вильну прах архиепископа Виленского и Литовского Никандра (Молчанова). — Кончина протопресвитера И. Л. Янышева и архиепископ Тихон. — Налет бандитов на Богородицкий женский монастырь Ветлужского уезда Костромской епархии. — Архиепископ Тихон и 300-летний юбилей иконы Божией Матери в Казанском женском монастыре (Ярославль). — Архиепископ Тихон и 50-летний юбилей Софийского женского монастыря в г. Рыбинске. — Обзорение некоторых приходов Рыбинского уезда. — Указ об оставлении архиепископа Тихона на зимнюю сессию Святейшего Синода. — Участие архиепископа Тихона в хиротонии епископа Уманского Димитрия (Вербицкого).

1911

Участие архиепископа Тихона в архиерейской хиротонии епископа Рьльского Никодима (Кононова). — Участие архиепископа Тихона в архиерейской хиротонии епископа Прилуцкого Сильвестра

(Ольшевского). — Синодальное послание о прославлении епископа Белгородского Иоасафа (Горленко). — Богослужение архиепископа Тихона в Ростовском Авраамиевом монастыре. — Панихида у гробницы императора Александра II в связи с 50-летием освобождения крестьян. — 200-летие Правительствующего Сената и участие в этом торжестве членов Святейшего Синода. — Обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер. — Участие архиепископа Тихона в архиерейской хиротонии епископа Сумского Феодора (Лебедева). — Участие архиепископа Тихона в 200-летнем юбилее Санкт-Петербургской Синодальной типографии. — Обзорение некоторых приходских храмов и Николо-Улейминского монастыря. — Посещение архиепископом Тихоном г. Данилова. — Богослужебная поездка в Ростовский женский Рождественский монастырь. — Торжества в Борисоглебском монастыре. — Архиепископ Тихон в селе Лютове Ярославского уезда на родине епископа Сильвестра (Братановского). — 50-летие прославления св. Тихона (Соколова) Задонского. — Богослужебное посещение Углича, Мологи и ряда приходских храмов. — Прославление святителя Иоасафа (Горленко). — Убийство священника села Ново-Троицкого в Елецком уезде о. А. Ф. Покровского. — Освящение зимнего храма в Спасской церкви г. Рыбинска. — Архиепископ Тихон отпевает в г. Ростове Великом останки археолога А. А. Титова. — Покушение на жизнь архиепископа Волынского Антония (Храповицкого). — Богослужение в селе Овсецове Угличского уезда.

1912

Епископ Гермоген (Долганев) и Распутин. — Англиканские духовные гости в Санкт-Петербурге. — Кончина Апостола Японии архиепископа Николая (Касаткина). — Архиепископ Тихон и чествование памяти Святейшего Всероссийского Патриарха Гермогена (300-летие мученической кончины). — Торжественное заседание, посвященное памяти Святейшего Патриарха Гермогена. — Учреждение Предсоборного Сопровождения при Святейшем Синоде. — Снятие сана иеромонахом Илиодором (Труфановым). — Слухи о предстоящем восстановлении Патриаршества в России к 300-летию Дома Романовых. — Архиепископ Тихон проводит свой отпуск на Кавказе. — Освящение собора в Варшаве. — Торжество в Спасо-Пробоинском храме г. Ярославля. — Вклад архиепископа Тихона в Свято-Тихоновский монастырь в Америке. — Освящение храма в селе Макарове Ростовского уезда. — Кончина митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского). — Освящение храма в селе Слизневе Романово-Борисоглебского уезда. — Кандидатура архиепископа Тихона на столичную Санкт-Пе-

тербургскую митрополичью кафедру. — Архиепископ Тихон и «Союз русского народа». — Освящение Фатьяновского храма Ростовского уезда. — Обследование храмов Ростовского уезда. — Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский).

1913

Поставление игуменнии Марии в Казанском монастыре Даниловского уезда. Архиепископ Тихон в селе Воскресенском на Обноре. — Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Ярославле. — Подготовка к празднованию 600-летия Ярославского Толгского монастыря в 1914 году. — Богослужебная поездка архиепископа Тихона в г. Петровск. — Приезд в Россию Антиохийского Патриарха Григория IV (Аль-Хаддада). — Патриаршие хиротонии епископов: Тихвинского Алексия (Симанского) и Дионисия (Валединского) в г. Кременец. — Торжество в Борисоглебском монастыре. — Награждение архиепископа Тихона орденом св. Александра Невского. — Посещение императором Николаем II городов Ярославля и Ростова Великого. — Обзорение храмов VII Ярославского благочиннического округа. — Церковное торжество в Петропавловском храме при Мануфактурах. — Отдых архиепископа Тихона в селе Воскресенском на Обноре. — Открытие школы пчеловодства и огородничества при Толгском монастыре. — Торжество поднятия колокола в Борисоглебском монастыре. — Архиепископ Тихон жертвует 5 000 рублей на нужды духовного просвещения. — Архиепископ Тихон жертвует 2 000 рублей на просветительные нужды Братства св. Димитрия. — Высочайшее повеление о переводе архиепископа Тихона на Виленскую и Литовскую кафедру.

1914

Убийство епископа Белгородского Иоанникия (Ефремова). — Прощание архиепископа Тихона с Ростовской паствой. — Прощание архиепископа Тихона с Ярославской паствой, отъезд к месту нового служения. — Встреча архиепископа Тихона в Вильне. — Ярославский архиепископ Агафангел (Преображенский). — Первое посещение Ковны. — Дар архиепископа Тихона библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии. — Запрос Даманского архиепископу Тихону о священных реликвиях. — Архиепископ Тихон и общество «Русское зерно». — Посещение архиепископа Тихона окрестными иерархами. — Покушение П. К. Гусевой на жизнь Г. Е. Распутина-Новых в селе Покровском. — Слуцкие торжества. — Архиепископ Тихон и собрание в память о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского). — Первое

обозрение Литовской епархии. — Празднование 400-летия обновления Николаевского храма Вильны. — Открытие св. мощей Патриарха Гермогена. — Посещение архиепископа Тихона митрополитом Киевским и Галицким Флавианом (Городецким). — Виленские богослужебные торжества в связи с посещением города митрополитом Флавианом. — Прибытие в Вильну Рижского, Гродненского и Белостокского архиереев. — Газетные сплетни в связи со съездом иерархов в г. Вильне. — Богослужение архиепископа Тихона в Виленской тюрьме. — Посещение Ковны, Рауданского замка и проч. — Посещение архиепископом Тихоном г. Риги. — Русско-германская война. — Прославление св. Питирима епископа Тамбовского. — 600-летие Ярославского Толгского монастыря. — Патриотическая деятельность архиепископа Тихона в связи с войной. — Посещение и материальная поддержка военных лазаретов. — Архиепископ Тихон почетный член города Ярославля. — Посещение Вильны императором Николаем II. — Архиепископ Тихон и гибель великого князя Олега Константиновича. — Архиепископ Тихон жертвует 1 000 рублей на нужды Ярославского городского управления. — Архиепископ Тихон жертвует 2 000 рублей на устройство помещения для паломников Виленского Свято-Духова монастыря. — Рескрипт великого князя Константина Константиновича на имя архиепископа Тихона. — Поминовение митрополита Иосифа (Семашко). — Архиепископ Евлогий (Георгиевский) в гостях у архиепископа Тихона. — Епископ Феофилакт (Клементьев) в гостях у архиепископа Тихона.

1915

Посещение архиепископом Тихоном (в поезде) проезжающего обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера. — Синодский указ архиепископу Тихону об обеспечении священнослужителями православных приходов Галиции. — Архиепископ Тихон жертвует 5 000 рублей на благоустройство храмов своей епархии. — Архиепископ Евдоким (Мещерский) в гостях у архиепископа Тихона. — Обер-прокурор Святейшего Синода А. Д. Самарин. — Освящение приюта-убежища имени о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского). — Очередной объезд епархии: Боруны, Крево, Ошмяны. — Оценка печатью патриотической деятельности архиепископа Тихона. — «Дело» епископа Варнавы (Накропина), или «Тобольский скандал». — Протопресвитер военного и морского духовенства Г. И. Шавельский в гостях у архиепископа Тихона. — Кончина и погребение схиархимандрита Гавриила (Зырянова) в Седмиезерной пустыни. — Обер-прокурор Святейшего Синода А. Н. Волжин. — Архиепископ Тихон и эвакуация

св. мощей Виленских мучеников. — Присутствование архиепископа Тихона в Синоде. — Кончина митрополита Киевского и Галицкого Флавиана (Городецкого). — Командировка архиепископа Тихона в г. Тобольск. — Кончина архиепископа Николая (Зиорова).

1916

Высочайший рескрипт о пожаловании бриллиантового Креста для ношения на клобуке архиепископу Тихону. — Чудотворный образ Владимирской Божией Матери в царской Ставке. — Прославление святителя Тобольского Иоанна (Максимовича). — Обер-прокурор Святейшего Синода Н. П. Раев. — Вопрос о прославлении св. Иосифа митрополита Астраханского. — Первые женские богословские курсы (Москва). — Убийство Г. Е. Распутина-Новых.

1917

Снятие сана настоятелем Владикавказского собора протоиереем Дьяченко. — Подготовка прославления убиенного митрополита Астраханского Иосифа. — Февральская революция (низвержение самодержавия) и Церковь. — Арест Петроградского митрополита Питирима (Окнова). — Явление иконы «Державной» Божией Матери в селе Коломенском под Москвой. — Обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов. — Его первые шаги. — Вылазка из подполья «демократического» духовенства. — Удаление митрополита Макария (Невского) с Московской кафедры. — Выход шести иерархов из числа членов Синода. — Вылазка грузинских бесчинников-шовинистов («автокефалия Грузинской Церкви»). — Бурная деятельность «безумца» В. Н. Львова. — Жульническая махинация церковных обновленцев по присвоению «Всероссийского церковно-общественного вестника». — Начало открытых кошунов и богохульств в стране. — Послание митрополита бывшего Московского Макария (Невского) «собратьям-епископам». — Арест митрополита Макария (Невского). — Разгон Святейшего Синода. — Кошунственный выпад в дальних пещерах Киево-Печерской лавры. — Удаление с Харьковской кафедры архиепископа Антония (Храповицкого). — Гибель св. мощей святителя Софрония (Кристалевского). — Новый состав Святейшего Синода (предательство архиепископа Сергия Страгородского). — Послание Святейшего Синода в связи с предполагаемым созывом Всероссийского Поместного Собора. — Новый Петроградский митрополит Вениамин (Казанский). — Волна епархиальных, монастырских, благочиннических и прочих съездов духовенства. — Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве. — Арест архиепископа Воронежского Тихона (Никано-

рова). — Открытие работ Предсоборного Совета. — Убийство протоиерея Скворцова и его жены (Москва). — Избрание архиепископа Тихона на Московскую митрополичью кафедру. — Архиепископ Тихон возглавляет съезды ученого монашества. — Повсеместные ограбления храмов и монастырей. — Убийство духовника Александро-Невской лавры. — Время и место созыва Всероссийского Поместного Собора. — Псаломщики-террористы. — Убийство иеромонаха-проповедника. — Всероссийский съезд ученого монашества в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. — Московский архиепископ Тихон благословляет женские «ударные батальоны смерти» правительства Керенского. — Убийство в Сергиевской пустыни иеромонаха Паисия. — Обер-прокурор Святейшего Синода А. В. Карташев. — Епископ Красноярский Никон (Бессонов) слагает с себя сан и монашество. — Московский епархиальный съезд и архиепископ Тихон. — Архиепископ Тихон утверждает церемониал открытия Всероссийского Поместного Собора. — Захваты церковных типографий. — Ликвидация обер-прокуратуры и учреждение Министерства исповеданий. — Возникновение дела архиепископа Пензенского Владимира (Путяты). — Архиепископ Тихон возглавляет избирательный епархиальный съезд во Владимире, избрание архиепископа Сергия (Страгородского). — Переезд в Москву Святейшего Синода. — Архиепископ Антоний (Храповицкий) вновь избирается на Харьковскую кафедру. — Съезд соборных делегатов в Москву. — Архиепископ Тихон возводится в сан митрополита. — Приготовления к открытию работ Всероссийского Поместного Собора. — Открытие Всероссийского Поместного Собора в Большом Успенском соборе Московского Кремля. — Некоторые статистические данные о составе Собора. — Митрополит Московский и Коломенский Тихон избирается Председателем Собора. — Соборная поездка в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. — Убийство о. Г. Рождественского (Орловская епархия). — Резолюция Первого Отдела Собора по вопросу о Патриаршестве. — Обращение Петроградского раввина к Собору. — Вскрытие скандальных обновленческих махинаций по присвоению «Всероссийского церковно-общественного вестника». — Налет бандитов на Свенский монастырь и убийство игумена Гервасия и др. — Собор и вопрос о восстановлении Патриаршества в Русской Церкви. — Волна святотатств по стране. — Речь архимандрита Илариона (Троицкого) в защиту восстановления Патриаршества. — Вопрос о церковно-приходских школах. — Крах Временного Правительства. — Решение Судной комиссии по делу бывшего Пензенского архиепископа Владимира (Путяты). — Октябрьский переворот и Церковь. — Восстановление Патриаршества. — Разгар гражд-

данской междоусобной войны в Москве. — Соборное избрание трех кандидатов на Всероссийский Патриарший Престол. — Расстрел в Царском Селе протоиерея о. Иоанна Кочурова. — Захваты монастырского имущества. — Соборное посольство в Московский военно-революционный штаб. — Митрополит Тихон осматривает повреждения кремлевских святынь. — Поездка соборян в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь под Москвой. — Избрание митрополита Московского и Коломенского Тихона Патриархом Московским и всея России. — Позднейшие отклики на восстановление Патриаршества и избрание Патриархом митрополита Тихона. — Соборная делегация с «благовестием» на Троицком подворье. — Убийство протоиерея И. П. Недосекина и его жены (Смоленская епархия). — Отъезд нареченного Святейшего Патриарха для молитвенного сосредоточения в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. — Подготовительные мероприятия к на stolованию (интронизации) Патриарха. — Соборное определение о титуловании Патриарха. — Разработка чина на stolования (интронизации) Патриарха. — Соборное посольство в Свято-Троицкую Сергиеву лавру для приглашения нареченного Патриарха в Москву на торжество на stolования (интронизации). — Слух о разграблении лаврской ризницы. — Торжественное на stolование Святейшего Тихона Патриарха Московского и всея России. — Отклики на поставление Патриарха. — Суждения о личности Святейшего Патриарха Тихона. — Первое посещение Святейшим Патриархом Тихоном Соборной палаты. — Украинские церковные сепаратисты. — Пять старейших иерархов возводятся в сан митрополита. — Предполагаемая резиденция Святейшего Патриарха в Кремлевском Николаевском дворце. — Известительное послание Святейшего Патриарха Тихона Главам Православных автокефальных Церквей. — Собор и вопрос об охране церковных древностей и имущества. — Слухи о возможном отделении Церкви от государства. — Соборное определение о вспомогательных высших органах церковного управления: Священном Синоде и Высшем Церковном Совете. — Поток приветствий в связи с восстановлением Патриаршества и поставлением Святейшего Патриарха Тихона. — Закрытие первой сессии Священного Собора Православной Российской Церкви. — Отобрание у Церкви всех учебных заведений. — Послание Святейшего Патриарха Тихона грузинским самочинникам («автокефалистам»).

1918

Новогоднее слово Святейшего Патриарха Тихона. — Доклад «неправославной женщины» А. Коллонтай о конфискации всех мона-

стырских имуществ. — Всеукраинский церковный Собор в Киеве. — Патриарший наместник архиепископ Иоасаф (Каллистов). — Насильственный захват Александро-Невской лавры в Петрограде. — Гибель протоиерея о. Петра Скипетрова. — Послание Святейшего Патриарха Тихона от 19.01(1.02).1918. — Отклики на послание. — Солидарность с посланием представителей инославия. — Собор и послание Патриарха от 19.01(1.02).1918. — Декрет о прекращении государственных материальных субсидий Православной Церкви. — Кронштадтские матросы и Святейший Патриарх Тихон (предполагаемый его арест). — Петроградский крестный ход. — Декрет об отделении Церкви от государства. — Отклики на декрет. — Соборное определение о декрете. — Чрезвычайное определение Собора о предоставлении Святейшему Патриарху права единоличного назначения Местоблюстителей. — Убийство Почетного Председателя Всероссийского Церковного Собора митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского). — Декрет о введении в стране григорианского (католического) календаря. — Общемосковский крестный ход. — Провинциальные крестные ходы. — Патриарший призыв пастырей к стойкости. — Ограбление Патриаршей Ризницы. — Идея создания Всероссийской церковно-приходской организации. — Постановление Святейшего Синода об окончании своих полномочий. — Открытие работы новых органов Высшего Церковного Управления при Святейшем Патриархе. — Организация охраны Святейшего Патриарха Тихона. — Передача бывшему императору Николаю II просфоры от Патриарха. — Приветственный адрес лютеран Святейшему Патриарху. — Патриаршее послание о Брестском мире. — Депутация рабочих г. Дмитрова у Святейшего Патриарха. — Украинская Церковная Рада. — Убийство архиепископа Пермского Андроника (Никольского). — Соборное определение о мерах, вызываемых гонением на Церковь. — Соборное деяние о прославлении св. Софрония (Кристаллевского). — Закрытие второй сессии Священного Собора Православной Российской Церкви. — Похищение Курской чудотворной иконы Знамения Божией Матери. — Трагическая гибель соборной делегации в г. Перми. — Детский крестный ход в Петрограде. — Первая архиерейская хиротония при Святейшем Патриархе Тихоне (епископ Переславский Дамиан Воскресенский). — Ограбление чудотворной иконы Иверской Божией Матери в Москве. — Ограбление храма Христа Спасителя. — Послание Святейшего Патриарха Тихона Константинопольскому Патриарху о гонениях на Церковь в России. — Разгром миссионерства («дело» о. Иоанна Восторгова и др.). — Святейший Патриарх Тихон в Петрограде. — Патриаршие богослужения в петроградских храмах. —

Хиротония единоверческого епископа Симона (Шлеева). — Профессор С. Н. Булгаков принимает священный сан. — Вторая сессия Всеукраинского Священного Собора. — Открытие третьей, последней, сессии Всероссийского Поместного Собора. — Трагическая гибель (утопление) епископа Тобольского Гермогена (Долганева). — Ярославское восстание, восстание левых эсеров в Москве и Святейший Патриарх Тихон. — Расстрел епископов Ефрема (Кузнецова), Исидора (Колоколова) и Варсонофия (Лебедева). — Слово Святейшего Патриарха Тихона в связи с убийством бывшего императора Николая II и его семьи. — Петроградское межвероисповедное собрание по вопросу о защите веры. — Гибель грузинского самочинника «Католикоса» Кириона (Садзегелли). — Расстрел протоиерея-миссионера о. И. Восторгова. — Святейший Патриарх Тихон и заговор Локкарта. — «Народная академия богословских наук» в Москве. — Соборное определение о прославлении убиенного митрополита Астраханского (в XVII в.) Иосифа. — Закрытие третьей, последней, сессии Священного Собора Православной Русской Церкви. — Оценка деятельности Собора. — Святейший Патриарх Тихон в Ярославле. — Святейший Патриарх Тихон в Ростове Великом. — Расстрел епископа Вяземского Макария (Гневушева). — Налет бандитов на покои митрополита Макария (Невского) в Николо-Угрешском монастыре. — Обращение Святейшего Патриарха Тихона в Совнарком. — Убийство мамонтовцами епископа Верненского Пимена (Белоликова). — Расстрел епископов: Лаврентия (Князева) и Мефодия (Красноперова). — «Христианско-социалистическая рабоче-крестьянская партия». — Вопрос о допущении совершения Св. Евхаристии на суррогатах вина. — Домашний арест Святейшего Патриарха Тихона. — Католический архиепископ барон Рооп и Святейший Патриарх Тихон. — Ликвидация русских отделов «Всемирного Союза Христианской Молодежи». — Начало грандиозной кампании в центре и на местах по вскрытию свв. мощей русских святых. — Дальнейшая судьба бывшего епископа Красноярского и Енисейского Никона (Бессонова).

1919

Убийство епископа Ревельского Платона (Кульбуша). — Вскрытие св. мощей святителя Тихона (Соколова) Задонского. — Разгар кампании по вскрытию святых мощей в стране. — Циркуляр Святейшего Патриарха Тихона по поводу предварительного освидетельствования свв. мощей местными преосвященными. — Протест Ватикана против гонения на религию в России (в ответ на обращение омских иерархов). — Требование Святейшего Патриарха Тихона о прекращении

кампании по вскрытию мошей. — Вскрытие св. мошей преподобного Сергия Радонежского и всея России чудотворца и Святейший Патриарх Тихон. — Свято-Троицкая Сергиева лавра — «церковный центр». — Юго-восточный церковный Собор в Ставрополе (Кавказском). — Расстрел Астраханских епископов: Митрофана (Краснопольского) и Леонтия (фон-Вимпфен). — Временное Высшее Церковное Управление на юго-востоке России (в стане генерала Деникина). — Начало кампании по ликвидации русских монастырей (Звенигород). — Покушение П. К. Гусевой на жизнь Святейшего Патриарха Тихона. — Попытка Святейшего Патриарха Тихона исправить грузинское каноническое преступление (переписка с «Католикосом» Леонидом Окропиридзе). — Переписка Святейшего Патриарха Тихона с митрополитом Макарием (Невским) о суррогатах вещества Св. Евхаристии. — «Дело» о Романа Медведя. — «Дело» «Христианско-социалистической рабоче-крестьянской партии» (Ф. И. Жилкин, Н. Д. Кузнецов и др.). — Святейший Патриарх Тихон и зарождение экуменического движения (архиепископ Натан Содерблум примас Швеции, доктор Дж. Мотт и др.). — Факты антирелигиозного насилия. — Процесс П. К. Гусевой. — Процесс архиепископа Агапита (Вишневого) в Новочеркаске. — «Дело отрока Гавриила». — Крестьянское волнение в Сергиевом Посаде. — Расстрел епископов: Соликамского Феофана (Ильменского) и Вольского Германа (Косолапова). — Домашний арест Святейшего Патриарха Тихона. — Реставрация чудотворной иконы Владимирской Божией Матери и Святейший Патриарх Тихон.

1920

Кончина бывшего Петроградского митрополита Питирима (Окнова). — Кончина члена Собора 1917—1918 гг. Е. Н. Трубецкого. — Кончина епископа бывшего Владимирского Алексия (Дородницына). — Кончина Патриаршего Наместника архиепископа Можайского и Коломенского Иоасафа (Каллистова). — Воссоздание древней экстерриториальной Крутицкой кафедры. — Декрет Совнаркома об обращении Свято-Троицкой Сергиевой лавры в «музей». — Обращение Святейшего Патриарха Тихона в Совнарком по поводу св. мошей прп. Сергия Радонежского чудотворца. — Подписка Святейшего Патриарха Тихона и членов Патриаршего Священного Синода о прекращении церковного бракоразводного делопроизводства. — «Дело Виленских угодников». — Убийство епископа Уфимского Симона (Шлеева). — Зарождение вопроса о самочинной польской «автокефалии». — Присвоение митрополиту бывшему Московскому и Коломенскому Мака-

рию (Невскому) титула «Алтайского». — Протест Святейшего Патриарха Тихона в адрес Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета по поводу постановления Совнаркома о св. мощах прп. Сергия Радонежского. — Послание Святейшего Патриарха Тихона в связи с закрытием и разгоном насельников Свято-Троицкой Сергиевой лавры и реквизицией св. мощей прп. Сергия. — Учреждение Сербской Патриархии. — Хиротония архимандрита Петра (Полянского) во епископа Подольского. — Гибель Петроградского протоиерея о. Ф. Н. Орнатского¹. — «Дело Новгородских церковников» во главе с епископом Хутынским Алексием (Симанским). — Циркулярный указ Святейшего Патриарха Тихона № 362 о мерах к сохранению церковно-административного управления на местах при отсутствии органов Высшего Церковного Управления в центре. — Итоги «кампании по вскрытию мощей». — Возникновение вопроса об автономии Финляндской Православной Церкви. — «Дело» Объединенного Совета православных приходов г. Москвы (А. Д. Самарин, Н. Д. Кузнецов и др.). — Появление на церковном горизонте непрощенных «реформаторов» (А. И. Введенский и «Чуриковцы», священник о. Константин Смирнов, заштатный епископ Антонин Грановский и др.).

1921

Святейший Патриарх Тихон дарует церковную автономию Финляндской Православной Церкви. — Эмигрантское Временное Высшее Церковное Управление за границей обосновывается в Сербии. — Указ Святейшего Патриарха Тихона № 424 о назначении архиепископа Евлогия (Георгиевского) управляющим западно-европейскими русскими приходами. — Пересмотр дела Владимира (Путяты) по докладу митрополита Сергия (Страгородского). — Несостоявшееся восстановление в сане бывшего архиепископа Владимира (Путяты). — Подтверждение митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) о своем согласии с патриаршим указом № 424 о назначении архиепископа Евлогия (Георгиевского) управляющим Западноевропейскими русскими приходами. — Голод в Советской России. — Послание Святейшего Патриарха Тихона к народам мира о помощи голодающим. — Открытие и деятельность патриаршего Комитета помощи голодающим. — Правительственный запрет организации церковной помощи голодающим. — Святейший Патриарх Тихон дарует широкую

¹ Священномученик протоиерей Философ Орнатский был расстрелян 30.10.1918 в Петрограде на берегу Финского залива. Причислен к лику святых в 2000 г. — *Здесь и далее примеч. ред.*

поместную автономию Православной Церкви в Польше. — Упорядочение церковных дел в Польше. — Архиепископ Георгий (Ярошевский) — Патриарший Экзарх в Польше. — Возникновение на Украине самостийного движения «самосвятства», или «липковщины». — Святейший Патриарх Тихон благословляет жертвовать голодающим церковные ценности, не имеющие богослужебного (литургического) употребления. — Церковные дела в Америке после архиепископа Евдокима (Мещерского). — Русская пропольская иерархия домогается «автокефалии»; отказ в «автокефалии» со стороны Святейшего Патриарха Тихона. — Указ Святейшего Патриарха Тихона № 1575 о запрещении богослужебных новшеств. — Всезаграничный русский Церковный Собор в Сремских Карловцах (Сербия). — Его монархические решения (в конце Собора). — Запрос Наркомюста и ответ Святейшего Патриарха Тихона о резолюциях Карловацкого Собора.

1922

Переговоры представителей польского правительства в Москве со Святейшим Патриархом Тихоном об устройстве Православной Церкви в Польше. — «Положение об управлении Православной Церковью в Польском государстве». — Организационный «Собор» польских «автокефалистов» в Варшаве. — Кончина митрополита Крутицкого Евсевия (Никольского); слухи о его отравлении. — Тема о несметных богатствах Церкви муссируется гражданской печатью. — Указ Святейшего Патриарха Тихона об объеме полномочий Варшавского митрополита. — Священник-«реформатор» Константин Смирнов лишается священного сана. — Декрет ЦИК РСФСР об изъятии церковных ценностей. — Газетная травля Святейшего Патриарха Тихона и резкие выпады печати против духовных руководителей Церкви. — Переговоры Петроградского митрополита Вениамина (Казанского) со Смольным об участии Церкви в изъятии церковных ценностей. — «Секретная инструкция» Святейшего Патриарха Тихона по поводу изъятия церковных ценностей. — Определение Святейшего Патриарха Тихона и Патриаршего Священного Синода о восстановлении в сане митрополита Арсения (Мацевича, XVIII в.). — Изъятие из всех храмов и монастырей страны церковных ценностей; «Шуйское кровавое дело»; побоище в Старой Руссе; столкновения в петроградских храмах; «Смоленское кровавое дело» и т. д. — Изъятие церковных ценностей в Москве. — Появление на церковном горизонте «прогрессивной группы духовенства». — Покушение Константинопольской Патриархии на русское церковное достояние за границей (учреждение Фиатирской кафедры в Европе). — Драматические события при изъятии церков-

ных ценностей в московских храмах. — Арест архиепископа Крутицкого Никандра (Феноменова). — Патриарший молебен в храме Христа Спасителя о прекращении голода в стране. — Начало судебного процесса «московских церковников». — Выступление Святейшего Патриарха Тихона на процессе в качестве «свидетеля». — Постановление Святейшего Патриарха Тихона и Патриаршего Священного Синода об упразднении Карловацкого Всеаграничного Высшего Церковного Управления. — Арест Святейшего Патриарха Тихона. — Развал Высшего Церковного Управления. — Самозванная депутация «прогрессивного духовенства» Петрограда направляется в Москву. — Конец процесса «московских церковников»: одиннадцать смертных приговоров. — Е. А. Тучков организует внутренний развал Церкви путем создания обновленческого раскола. — Допросы Святейшего Патриарха Тихона. — Посещение заключенного Патриарха группой «прогрессивного духовенства» (начало грандиозной обновленческой авантюры). — Письмо Святейшего Патриарха Тихона Председателю ВЦИК М. И. Калинину. — Второе посещение обновленцами заключенного Святейшего Патриарха Тихона. — Обращение Святейшего Патриарха Тихона к митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому). — Воззвание обновленцев с открытым осуждением Святейшего Патриарха Тихона. — Ходатайство Ватикана об освобождении из заключения Святейшего Патриарха Тихона. — Организация самочинного обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ). — Провоцирование обновленцами Святейшего Патриарха и митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского). — Третье и последнее посещение обновленцами заключенного Святейшего Патриарха Тихона. — Резолюция Святейшего Патриарха Тихона на «сыновнем» докладе обновленческих провокаторов. — Перевод заключенного Святейшего Патриарха Тихона из Троицкого подворья в Донской монастырь. — Выход журнала обновленческих раскольников «Живая Церковь». — Митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) запрещает в священнослужении мятежных («прогрессивных») клириков своей епархии. — Арест митрополита Петроградского Вениамина (Казанского). — Прообновленческие шатания временно управляющего Петроградской епархией епископа Ямбургского Алексия (Симанского). — Вопрос в английской Палате лордов о мерах защиты Святейшего Патриарха Тихона. — Процесс «петроградских церковников» с митрополитом Вениамином (Казанским) во главе. — Зарождение безблагодатной (самочинной) обновленческой «иерархии». — Церковные диспуты в Москве. — Организация института обновленческих «уполномоченных». — Польские иерархи-само-

чинники провозглашают незаконную «автокефалию». — Предательское выступление митрополита Владимирского Сергия (Страгородского) и двух других высших иерархов о признании ими каноничности ВЦУ обновленческих раскольников. — Послание митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) о вступлении в управление Православной Русской Церковью на основании полномочий данных Святейшим Патриархом Тихоном. — Ссылка митрополита Агафангела (Преображенского) в Сибирь. — Окончание процесса «петроградских церковников»; расстрел митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) и др. — «Августовский съезд Живой Церкви». — «Августовский съезд» поднимает вопрос о лишении сана Святейшего Патриарха Тихона и отлучении его от Церкви. — Окончание «Смоленского кровавого дела»: четыре смертных приговора. — Зарождение и организация «Союза церковное возрождение»; «лидер» епископ Антонин (Грановский). — Сообщение о расстреле архиепископа Иркутского Анатолия (Каменского). — Отношение карловацких иерархов к указу Святейшего Патриарха Тихона № 347 о ликвидации Всеаграничного Высшего Церковного Управления. — Раскол среди обновленцев (В. Д. Красницкий и заштатный епископ Антонин Грановский). — Процесс «харьковских церковников». — Процесс «рыбинских церковников». — Процесс «могилевских церковников» и т. д. — Продолжение разложения обновленцев «на ся»: возникновение СОДАЦа (Союз Древле-Апостольской Церкви). — Процесс «астраханских церковников». — Процесс «крымских церковников». — Волна процессов церковников в стране с осуждением местных епископов и лучших представителей православного клира — как углаживание путей обновленческим раскольникам. — Итоги изъятия церковных ценностей из православных храмов России.

1923

Тайное воссоздание православной иерархии. — Убийство в Варшаве архимандритом Смарагдом (Латышенко) изменника Православию митрополита Варшавского Георгия (Ярошевского). — Подготовка «суда» над Святейшим Патриархом Тихоном в Москве. — Выступление архиепископа Кентерберийского в Палате лордов по поводу организации защиты заключенного Святейшего Патриарха Тихона. — Подготовка к обновленческому «Собору» 1923 года. — Открытие обновленческого самозванного «Собора» 1923 года. — Заочный (неканоничный) обновленческий «суд» над Святейшим Патриархом Тихоном. — «Хиротония» мятежного и запрещенного в священнослужении священника-двоеженца А. И. Введенского в храме Хри-

ста Спасителя в Москве. — Вручение «приговора» обновленческого «Собора» заключенному Святейшему Патриарху Тихону. — Протест мирового общественного мнения против преследования Святейшего Патриарха Тихона. — Константинопольское «Всеправославное совещание». — Перевод заключенного Святейшего Патриарха Тихона из Донского монастыря во внутреннюю тюрьму ГПУ. — Слухи о высылке Святейшего Патриарха Тихона за границу. — Кончина Великого Патриаршего архидиакона о. К. В. Розова. — Реорганизация зарубежного Высшего Церковного Управления в Карловцах. — Заявление Святейшего Патриарха Тихона в Верховный Суд РСФСР. — Кончина московского протоиерея о. А. Л. Мечева. — Освобождение Святейшего Патриарха Тихона из заключения. — Святейший Патриарх Тихон присутствует при погребении останков о. А. Л. Мечева на Лазаревском кладбище. — Первое послание Святейшего Патриарха Тихона по освобождению из заключения. — Возобновление богослужбной и административной Первосвятительской деятельности Святейшего Патриарха. — Паника в рядах обновленцев в связи с освобождением из заключения Святейшего Патриарха Тихона. — Переосвящения храмов, оскверненных обновленческими «богослужениями». — Самочинный переход Финляндской Церкви в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. — Святейший Патриарх Тихон печатно опровергает принадлежность ему послания от 23.11(06.12).1922 г. — «Автокефалия» антониновского «Союза церковное возрождение». — Беседа В. П. Коутса со Святейшим Патриархом Тихоном. — Зарубежные отклики на заявление Святейшего Патриарха Тихона в Верховный Суд РСФСР. — Второе послание Святейшего Патриарха Тихона по освобождению из заключения и отклики на него. — Самозащитная обновленческая «теория» о рождении «тихоновского раскола» в Православной Русской Церкви (т. е. в обновленческой). — Волна обновленческих покаяний пред Святейшим Патриархом Тихоном и в провинции пред местными православными архипастырями (там, где они уцелели). — Кинофильм «Тихон после раскаяния». — «Белковщина» (протоиерей Е. Х. Белков) в Петрограде. — Малый Собор прилучившихся православных епископов в Михайловском храме Донского монастыря. — Послание Малого Собора. — Разъяснение петроградской прокуратуры о недопустимости публичного молитвенного поминовения Святейшего Патриарха Тихона. — Организация обновленцами (в целях обмана верующего населения страны) своего самочинного «Священного Синода». — Предварительные итоговые данные о «процессах церковников», проходивших по стране. — Возобновление церковных диспутов в Москве. — Указ Святейшего Пат-

риарха Тихона о поминовении гражданской власти (не принят православным населением). — Предварительное келейное покаяние митрополита Владимирского Сергия (Страгородского) пред Патриархом Тихоном в отпадении своем в обновленческий раскол. — Хиротония (в Лугу) епископа Мануила (Лемешевского) как мера разгрома обновленческих мятежников в петроградской епархии. — Томос Константинопольской Патриархии о подчинении своей юрисдикции Эстонской Православной Церкви. — Негласные переговоры о примирении обновленцев с Православной Русской Церковью. — Публичное покаяние Владимирского митрополита Сергия (Страгородского) в старом соборе Донского монастыря. — Воззвание Святейшего Патриарха Тихона и единомысленных с ним иерархов об отмежевании Церкви от контрреволюции. — Святейший Патриарх Тихон и инцидент в Симоновом монастыре (оскорбление действием епископа Назария Андреева со стороны настоятеля монастыря архимандрита Петра Руднева). — Святейший Патриарх Тихон утверждает «Чиноприем обновленческой иерархии». — Послание Святейшего Патриарха Тихона о реформе церковного календаря. — Окончание бесплодных переговоров с обновленцами о примирении их с Православной Русской Церковью. — Святейший Патриарх Тихон отменяет введенный было им новый (григорианский) календарный стиль в церковной практике. — Репрессии гражданской власти в связи с отменой Святейшим Патриархом Тихоном введения нового стиля. — Подтверждение ликвидации Карловацкого ВЦУ. — Обновленческий «Синод» провоцирует Константинопольского Патриарха на посылку в Россию «следственной комиссии» по «делу» Патриарха Тихона. — Указ Святейшего Патриарха Тихона о первенстве епископов, заключенных в Соловках.

1924

Подготовка общественного мнения страны к «реабилитации» Святейшего Патриарха Тихона. — Кампания по снятию церковных колоколов для нужд государства. — Захват Константинопольской Патриархией Финляндской Православной Церкви (бывшая Финляндская епархия Русской Церкви). — Постановление Президиума ЦИК СССР о прекращении «дела» гр. Беллавина и др. — Секретный приезд обновленческого «протопресвитера всея Руси» В. Д. Красницкого в Москву. — Негласные предварительные переговоры Красницкого с представителями Патриаршего Высшего Церковного Управления. — Митрополит Платон (Рождественский) и Всеамериканский православно-русский собор в Детройте. — Циркуляр НКЮ о запрещении

молитвенного поминовения Святейшего Патриарха Тихона. — Послание Святейшего Патриарха Тихона № 18 об осуждении вождей обновленческого раскола. — Непрошеное вмешательство Константинопольского Патриарха во внутренние дела Православной Русской Церкви («удаление» Патриарха и возвращение к синодальному управлению Церковью). — Отъезд обновленческого епископа Николая (Соловья) в Монте-Видео (Уругвай). — Грызня в стане «безбожников» о «методике» так называемой антирелигиозной пропаганды. — Покаяние «протопресвитера всея Руси» о. В. Д. Красницкого пред Святейшим Патриархом Тихоном. — В. Д. Красницкий включается в число членов Высшего Церковного Совета в организуемом при Святейшем Патриархе Высшем Церковном Управлении Православной Русской Церкви. — Отклики на покаяние Красницкого. — Переписка Святейшего Патриарха Тихона с митрополитом Варшавским Дионисием (Валединским) по вопросу о польских церковных делах. — «Великое предсоборное совещание» обновленцев в Москве. — Стремление некоторых обновленческих групп к примирению со Святейшим Патриархом Тихоном. — Ответное послание Святейшего Патриарха Тихона Константинопольскому Патриарху в связи с вмешательством последнего во внутренние дела Православной Русской Церкви. — Резолюция Святейшего Патриарха Тихона № 523 об отмене журнального постановления о приеме о. В. Д. Красницкого и включении его в состав Высшего Церковного Совета. — Первый (и последний) съезд антониновского «Союза церковное возрождение». — Вопрос о легализации Высшего Церковного Управления при Святейшем Патриархе Тихоне. — Раскаianie Константинополя в позиции, занятой было им по отношению к Святейшему Патриарху Тихону. — Вручение послания Святейшего Патриарха Тихона № 244 митрополиту Варшавскому Дионисию (Валединскому). — Публичное покаяние обновленческого «митрополита» Серафима (Мещерякова). — Заявление Святейшего Патриарха Тихона во ВЦИК по вопросу о реформе календаря. — «Неполная автокефалия» Польской Церкви, дарованная Константинопольским престолом. — Налет бандитов на резиденцию Святейшего Патриарха Тихона в Донском монастыре и убийство его келейника Я. А. Полозова. — Ухудшение состояния здоровья Святейшего Патриарха Тихона. — Завещательное распоряжение Святейшего Патриарха Тихона о преемстве высшей церковной власти.

1925

Святейший Патриарх Тихон в лечебнице Бакуниных. — «Расширенный пленум» обновленческого «Синода» и его «Обращение к епи-

скопату Православной Русской Церкви». — Представление епископа Пантелеимона (Рожновского) Святейшему Патриарху Тихону о действительном положении дела Православия в Польше. — Очередное ходатайство Святейшего Патриарха Тихона о легализации Высшего Церковного Управления Православной Русской Церкви. — «Обращение» уругвайского «епископа» Николая (Соловья) к обновленческим «лидерам» о покаянии их пред Святейшим Патриархом Тихоном. — Последнее богослужение Святейшего Патриарха Тихона в храме Большого Вознесения у Никитских ворот. — Послание Святейшего Патриарха Тихона от 25.03(07.04).1925 г., так называемое «предсмертное завещание». — Кончина Святейшего Патриарха Тихона в лечебнице Бакуниных. — Подробности кончины Святейшего Патриарха Тихона и отклики на нее мировой и отечественной прессы. — Перевозка останков Святейшего Патриарха Тихона в Донской монастырь. — Двухдневное молчание нашей официальной печати о кончине Святейшего Патриарха Тихона. — Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский). — Отзывы о митрополите Петре (Полянском). — Торжественное отпевание и погребение в Донском монастыре останков Святейшего Патриарха Тихона. — Опубликование «предсмертного завещания» Святейшего Патриарха Тихона. — Отклики на «предсмертное завещание». — Слухи о насильственной кончине Святейшего Патриарха Тихона. — Отношение зарубежных русских иерархов к Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому). — Подтверждение подлинности «предсмертного завещания» Святейшего Патриарха Тихона¹. — Харьковские обновленцы поднимают вопрос об отмене «осуждения» Патриарха «собором» 1923 года. — Внутренние и зарубежные суждения о святости Святейшего Патриарха Тихона. — Послание ко Всероссийской пастве Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) от 15(28).07.1925 г. — Отклики на послание Патриаршего Местоблюстителя. — Стокгольмский экуменический конгресс чтит память Святейшего Патриарха Тихона. — Официальное и торжественное провозглашение в Варшаве незаконной «автокефалии» Православной Церкви в Польше. — Второй обновленческий лжесобор. — Сравнительный состав Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. и двух обновленческих разбойничьих «соборов» (1923

¹ В настоящее время документально установлено, что свт. Тихон опубликованный в «Известиях ВЦИК» текст, так называемого «предсмертного завещания», не подписывал (см.: Сафонов Д. В. К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона. Богословский вестник. Сергиев Посад. 2004. № 4. С. 265—311).

и 1925 г.). — Очередная провокация А. И. Введенского на «соборе» 1925 года: письмо-фальшивка «епископа» Николая (Соловья). — Покаянные мотивы на «Соборе» обновленцев в 1925 г. — Патриарший Местоблюститель и Белорусская «автономная Церковь» («митрополит» Мелхиседек Паевский). — Таблица сведений об обновленческой лжеиерархии. — Ватиканский соглядатай Мишель д'Эрбиньи в Москве. — Окончательная редакция «Чиноприема обновленческой иерархии». — Попытка Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) легализировать Высшее Церковное Управление. — Газетная травля Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского). — Арест Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского). — Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). — Появление на церковном горизонте новых ставленников Е. А. Тучкова — григорианских раскольников или ВВЦС (т. е. Временного высшего церковного совета; «лидер» архиепископ Екатеринбургский Григорий Яцковский). — Некоторые данные о закрытии и сносе православных русских храмов (в частности по Москве).

1926

Полемика Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергея (Страгородского) с григорианскими раскольниками. — Провокационный доклад григорианских раскольников заключенному Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому). — Кончина митрополита Алтайского Макария (Невского). — Годовщина кончины Святейшего Патриарха Тихона. — Пермское выступление освобожденного из ссылки митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского). — Обмен письмами между заключенным Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром (Полянским) и его Заместителем митрополитом Нижегородским Сергием (Страгородским) по вопросу о текущем церковном моменте. — Переписка между митрополитами: Петром (Полянским), Сергием (Страгородским) и Агафангелом (Преображенским) о возглавлении Высшего Церковного Управления. — Клеветнические пасквилы обновленческого протоиерея Василия (Кожина; впоследствии митрополита Гермогена) против Православной Церкви. — Отказ митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) от попыток возглавления Православной Русской Церкви. — Начало раскола среди зарубежной русской иерархии. — Роль сакеллиона Василия Димопуло в Москве. — Подготовка к патри-

аршей интронизации заключенного митрополита Казанского Кирилла (Смирнова). — Арест Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского). — Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Петроградский Иосиф (Петровых). — Завещательное распоряжение митрополита Иосифа (Петровых) о преемстве высшей церковной власти. — Арест митрополита Иосифа (Петровых). — Заместитель Патриаршего Местоблюстителя архиепископ Угличский Серафим (Самойлович). — Пермское послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского).

1927

Кончина запрещенного в священнослужении (православными и обновленцами) заштатного епископа Антонина (Грановского). — Разгром Саровской пустыни и судьба св. мощей прп. Серафима Саровского чудотворца. — Освобождение из заключения Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского). — Организация Временного Патриаршего Священного Синода при Заместителе. — «Соловецкое послание»¹ заключенных в Соловецком концлагере православных епископов. — Вопрос о «лояльности» эмигрантской русской иерархии и клира. — «Декларация» (послание от 16(29).07.1927) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и Временного при нем Патриаршего Священного Синода. — Отклики на «Декларацию». — Указ Заместителя о молитвенном поминовении гражданской власти за богослужением. — Затворник иеросхимонах о. Алексей (Соловьев) о поминовении гражданской власти. — Отношение Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) к «Декларации» Заместителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода. — Послание Заместителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода от 18(31).12.1927 г. (в развитие «Декларации»). — Церковный диспут в Московской Государственной Консерватории о «Декларации» Заместителя. — Внутрицерковные брожения и расколы, возникшие в связи с изданием «Декларации».

¹ Имеется в виду послание: «К правительству СССР (обращение православных епископов из Соловецких островов — „Соловецкое послание“)» (Акты... С. 500—507). В настоящее время достоверно установлено, что послание было написано 27.05(07.06).1926, но широкое распространение среди верующих получило в 1927 г., после публикации его за границей.

1928

Письмо архиепископа Угличского Серафима (Самойловича) Заместителю о порочности и ошибочности его нового церковного курса. — Отмежевание Ярославской группы архиереев от Заместителя (выступление «Ярославской оппозиции» во главе с митрополитом Ярославским Агафангелом Преображенским). — Письмо митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) Заместителю по вопросу о позиции «ярославской группы». — Постановление Заместителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода № 76 о нестроениях в Ленинградской, Ярославской, Вотской и Воронежской епархиях. — Обновленческий «III Поместный собор Украинской Церкви» в Харькове поднимает вопрос о пересмотре «дела» Святейшего Патриарха Тихона. — Постановление Заместителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода по делу Ярославской группы архиереев. — Кончина в Загорске (Сергиеве Посаде) старца-затворника иеросхимонаха о. Алексия (Соловьева). — Кончина в Ярославле митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского). — Приезд в Москву митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского). — Листовка вятского протоиерея о. Н. Люперольского в защиту митрополита Сергия (Старгородского).

1929

Кончина заключенного в Соловках архиепископа Воронежского Петра (Зверева). — Арест бывшего Заместителя Патриаршего Местоблюстителя архиепископа Угличского Серафима (Самойловича). — Кончина в Киеве Экзарха Украины митрополита Киевского и Галицкого Михаила (Ермакова). — Закрытие храма-усыпальницы Донского монастыря как мера к ликвидации «культа» Патриарха Тихона. — «Первое письмо» митрополита Кирилла (Смирнова) Заместителю из Туруханской ссылки. — Снос Иверской часовни в Москве. — «Первое письмо» Заместителя митрополиту Казанскому Кириллу (Смирнову). — «Второе письмо» митрополита Кирилла (Смирнова) Заместителю из Енисейской ссылки. — Закрытие всех московских монастырей. — Кончина в ленинградской тюрьме следовавшего этапом из Соловков бывшего управляющего Московской епархией при Святейшем Патриархе Тихоне архиепископа бывшего Верейского Илариона (Троицкого). — Отклики на кончину архиепископа Илариона (Троицкого) у нас и за границей. — «Второе письмо» Заместителя митрополиту Казанскому Кириллу (Смирнову).

1930

Кончина в казахстанской ссылке одного из видных членов Собора 1917—1918 гг. и Предсоборного Присутствия 1906 г. профессора Н. Д. Кузнецова¹. — Первое интервью Заместителя корреспондентам (советской) печати. — Второе интервью Заместителя корреспондентам (зарубежной) печати. — «Памятная записка» Заместителя о церковных нуждах на имя П. Е. Смидовича. — Письмо из Обдорской ссылки (поселок Хэ) Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) Заместителю. — Моление о Русской Церкви в Англии. — «Крестовый поход» папы Пия XI (Ратти). — Увольнение митрополита Евлогия (Георгиевского) от управления заграничными русскими приходами за участие в «Крестовом походе». — Переписка и отклики по делу митрополита Евлогия (Георгиевского). — Слухи об изъятии из могилы и кремации останков Святейшего Патриарха Тихона, захороненных в Донском монастыре.

1931

Уход митрополита Евлогия (Георгиевского) в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. — Выход в свет «Журнала Московской Патриархии» (первое издание). — Убийство епископа Дмитровского Серафима (Звездинского)². — Гибель заключенного в Бутырской тюрьме «митрополита» Бориса (Рукина) — одного из вождей григорианского раскола (ВВЦС). — Письмо ссыльного протоиерея о. Валентина Свенцицкого («Духовным моим детям»). — Кончина архиепископа Сильвестра (Братановского). — Кончина ссыльного протоиерея о. В. Свенцицкого. — Кончина маститого архиепископа Владимира (Соколовского-Автономова). — Взрыв (разрушение) храма Христа Спасителя в Москве. — Отклики на разрушение храма Христа Спасителя.

1932

Кончина в Костроме ссыльного бывшего обер-прокурора Св. Синода А. Д. Самарина. — Кончина в Москве первоначального возглавителя обновленческого раскола «митрополита» Леонида (Скобеева). — Кончина в Свердловске главы григорианского раскола («ВВЦС») «митрополита» Григория (Яцковского). — Отречение от Бога обновленческого «архиепископа» Гервасия (Малинина). — Слух

¹ По другим данным скончался в 1936 г.

² Священномученик епископ Серафим (Звездинский) был расстрелян 26.07.1937 в г. Омске. Причислен к лику святых в 2000 г.

о расстреле митрополита Ставропольского Серафима (Мещерякова)¹. — Кончина обновленческого «епископа» Евгения (Белкова).

1933

Кончина в Уфе (?) епископа Иоанна (Пояркова). — Кончина заключенного архиепископа Иринарха (Синеокова). — Кончина в Ташкенте бывшего Крутицкого митрополита Никандра (Феноменова). — Убийство архиепископа Корнилия (Соболева). — Появление в Москве митрополита Кирилла (Смирнова) и его полемика с Заместителем. — А. И. Введенский — «доктор философии».

1934

Кончина в США митрополита Платона (Рождественского). — Циркулярный указ Московской Патриархии № 804 о новом титуловании Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. — Кончина в Москве митрополита Трифона (Туркестанова). — Окончательное решение Заместителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода по делу Владимира (Путяты). — Расстрел бывшего члена Собора 1917—1918 гг. епископа Василия (Зеленцова)². — Вскрытие захоронения о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского). — Зверское убийство архиепископа Рижского Иоанна (Поммера).

1935

Самоликвидация обновленческого «Синода» и учреждение так называемого «Первоиераршества». — Расстрел архиепископа Варфоломея (Ремова). — Кончина в Астрахани ссыльного схиархимандрита Анемподиста (Алексеева), келейника Святейшего Патриарха Тихона. — Расстрел архиепископа бывшего Читинского Евсевия (Рождественского)³. — Кончина одного из вождей обновленческого раскола «митрополита» Евдокима (Мещерского). — Кончина обновленца-профессора С. М. Зарина.

1936

Кончина в Ташкенте бывшего Товарища Председателя Собора 1917—1918 гг., одного из трех кандидатов в Патриарха, митрополита Арсения (Стадницкого). — Кончина в Ленинграде обновленческого «протопресвитера всея Руси» (и главы «Живой Церкви») о. В. Д. Красницкого. — Кончина в Сербии бывшего товарища Председателя

¹ Митрополит Серафим (Мещеряков) был расстрелян 07.05.1933.

² Священномученик епископ Василий (Зеленцов) расстрелян 07.02.1930 в Москве. Причислен к лику святых в 2000 г.

³ Архиепископ Евсевий (Рождественский) расстрелян в Новосибирске 05.11.1937.

Собора 1917—1918 гг., одного из трех кандидатов в Патриарха, митрополита бывшего Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого). — Кончина под Тобольском ссыльного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского)¹. — Кончина в Иваново-Вознесенской тюрьме заключенного управляющего Московской епархией архиепископа Филиппа (Гумилевского).

1937

Указ Московской Патриархии № 52 о новой форме поминовения высшей церковной власти в связи с кончиною Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского). — Убийство Сербского Патриарха Варнавы (Росича). — Убийство заключенного в Малмыжской тюрьме архиепископа Ириней (Шульмина)². — Кончина в Ташкенте заключенного архиепископа Бориса (Шипулина). — Кончина в Москве (по слухам — расстрелян) заключенного митрополита Серафима (Чичагова)³. — Кончина заключенного в Мариинском концлагере бывшего секретаря Святейшего Патриарха Тихона архимандрита Неофита (Осипова)⁴. — Расстрел епископа бывшего Уфимского Андрея (Ухтомского).

1938

Прежние и современные статистические данные о Православной Российской Церкви. — Расстрел заключенного епископа бывшего Проскуровского Валериана (Рудича). — Убийство в концлагере заключенного епископа бывшего Липецкого Уара (Шмарина). — Расстрел в Горьком митрополита Евгения (Зернова)⁵.

1939

Кончина заключенного в Соловках архиепископа бывшего Самарского Петра (Руднева)⁶. — Расстрел Экзарха Украины митрополита Киевского и Галицкого Константина (Дьякова)⁷.

¹ Священномученик митрополит Петр был расстрелян в Магнитогорской тюрьме 10.10.1937. Причислен к лику святых в 1997 г.

² Архиепископ Ириней (Шульмин) был расстрелян 08.02.1938 в г. Куйбышеве.

³ Священномученик митрополит Серафим (Чичагов) был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой 11.12.1937. Причислен к лику святых в 1997 г.

⁴ Архимандрит Неофит (Осипов) был расстрелян 03.11.1937.

⁵ Священномученик митрополит Евгений (Зернов) был расстрелян 20.09.1937 в Карлаге. Причислен к лику святых в 2000 г.

⁶ Архиепископ Петр (Руднев) расстрелян 03.11.1937 в урочище Сандормох в Карелии.

⁷ Митрополит Константин (Дьяков) умер в киевской тюрьме 10.11.1937.

1940

Кончина в Ковно митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского). — Кончина в г. Тур (Франция) архиепископа Феофана (Быстрова).

1941

Великая Отечественная война. — Кончина первого Патриаршего Местоблюстителя по завещательному распоряжению Святейшего Патриарха Тихона, митрополита бывшего Казанского Кирилла (Смирнова)¹. — Эвакуация из Москвы Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Блаженнейшего Сергия (Страгородского) и Высшего Церковного Управления. — «Патриаршая интронизация» А. И. Введенского в Ульяновске. — Кончина заключенного священника о. Павла Флоренского².

1942

Кончина в заключении [раскаявшегося. — *Ред.*] вождя обновленцев на Украине «митрополита» Пимена (Пегова). — Кончина заключенного в Мариинском концлагере раскольника-григорианца епископа Иоанна (Киструсского). — Выход в свет книги «Правда о религии в России». — Бесславная кончина в Ленинграде обновленческого «митрополита» Николая (Платонова).

1943

Последняя обновленческая «хиротония» епископа Сергия (Румянцева). — Трагическая кончина «украинствующего митрополита» Алексия (Громадского). — Кончина теоретика-«безбожника» Емельяна Ярославского (Губельмана Минея Израилевича). — Возвращение из эвакуации Патриаршего Местоблюстителя. — Прием И. В. Сталиным трех митрополитов. — Собор 19-ти епископов (весь наличный состав епископата Русской Церкви) избирает митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси. — Отклики на реставрацию Патриаршества в СССР. — Выход в свет «Журнала Московской Патриархии» (второе издание). — Учреждение Совета по делам Православной Русской Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР. — Гибель епископа Кирилла (Васильева) в Псково-Печерском монастыре. — Журнальное постановление Патриарха

¹ Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) был расстрелян 20.11.1937 в Чимкенте. Причислен к лику святых в 2000 г.

² Священник Павел Флоренский был расстрелян 08.12.1937.

Сергия (Страгородского) и Патриаршего Священного Синода № 12 о восстановлении молитвенно-канонического общения с Грузинской Церковью. — Покаяние обновленческого «митрополита» Корнилия (Попова). — Кончина бывшего священника, «безбожника» Сергея Калиновского.

1944

Убийство гитлеровцами Экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского). — Кончина Святейшего Сергия (Страгородского), Патриарха Московского и всея Руси. — Патриарший Местоблюститель митрополит Ленинградский Алексей (Симанский). — Кончина в Новосибирске бывшего обновленческого «протопресвитера» Павла Красотина.

1945

Распад обновленческого раскола. — Поместный Собор Православной Русской Церкви в присутствии Восточных Патриархов, Глав и представителей Православных автокефальных Церквей избирает Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского Алексея (Симанского) Патриархом Московским и всея Руси. — Торжественная интронизация (настолование) Святейшего Патриарха Алексея (Симанского). — Казнь через повешение епископа бывшего Аксайского Гермогена (Максимова) в Югославии. — Покаяние обновленческого «митрополита» Василия (Кожина). — Окончание Великой Отечественной войны. — Паломническая поездка в Восточные Патриархаты Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея (Симанского). — Возрождение богословского образования в Русской Церкви. — Кончина в Японии митрополита Сергия (Тихомирова). — Прием в молитвенно-каноническое общение дальневосточных иерархов-эмигрантов. — Признание советским законодательством за Православной Русской Церковью прав юридического лица (чего Она была лишена двадцать восемь лет)¹. — Воссоединение с Православной Русской Церковью группы «карловчан» и «евлогиян» (митрополит Крутицкий Николай Ярушевич в Париже).

¹ Имеется в виду «Положение об управлении Русской Православной Церкви», принятое Поместным Собором 1945 г. и утвержденное постановлением Совнаркома СССР от 28.01.1945, которое давало надежду на то, что советское законодательство о религии, действовавшее с 1918 по 1945 г., будет пересмотрено, и Православной Церкви в СССР будет придан юридический статус, но это произошло только в 1989 г.

1946

Посмертное снятие церковного запрещения с митрополита бывшего Северо-Американского Платона (Рождественского). — Открытие Свято-Троицкой Сергиевой лавры. — Кончина запрещенного в священнослужении бывшего петроградского священника А. И. Введенского. — Кончина в Париже митрополита Евлогия (Георгиевского). — Посещение Москвы Румынским Патриархом Никодимом (Никулеску).

1947

Открытие храма-усыпальницы (старого собора) и возобновление почитания памяти Святейшего Патриарха Тихона в Донском монастыре. — Безрезультатная поездка в Америку митрополита Ленинградского Григория (Чукова) с целью воссоединения американских раскольников. — Возвращение в Вильну свв. мощей Виленских мучеников.

1948

Первая панихида у гробницы Святейшего Патриарха Тихона после 20-летнего перерыва. — Открытие регулярных богослужений в старом соборе Донского монастыря — месте упокоения Святейшего Патриарха Тихона. — Восстановление гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Московские церковные торжества по случаю 500-летия автокефалии Православной Русской Церкви. — Съезд на торжества Восточных Патриархов, Глав и представителей автокефальных Православных Церквей. — Торжественная панихида у гробницы Святейшего Патриарха Тихона в присутствии Глав и представителей Православных автокефальных Церквей. — Покаяние митрополита Варшавского «и всея Польши» Дионисия (Валединского). — Панихида в день Ангела у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Попытка возрождения обновленчества. — Московская Патриархия дарует права автокефалии Православной Русской Церкви в Польше.

1949

Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Панихида в день Ангела у гробницы Святейшего Патриарха Тихона.

1950

Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Присылка лампы к гробнице Святейшего Патриарха Тихо-

на от православных русских граждан, подданных США. — Панихида в день Ангела у гробницы Святейшего Патриарха Тихона.

1951

Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Главы и иерархи Грузинской, Болгарской и Румынской Православных Церквей посещают гробницу Святейшего Патриарха Тихона. — Панихида в день Ангела у гробницы Святейшего Патриарха Тихона.

1952

Панихида в день рождения у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Кончина в Куйбышеве архиепископа Алексия (Палицына). — Загорская Конференция всех Церквей и религиозных объединений СССР. — Заместитель Патриаршего Экзарха в Северной Америке архиепископ Адам (Филипповский) посещает гробницу Святейшего Патриарха Тихона. — Панихида в день Ангела у гробницы Патриарха Тихона. — Кончина в Москве архиепископа Астраханского Филиппа (Ставицкого).

1953

Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Кончина в Москве митрофорного протоиерея А. М. Станиславского, члена Собора 1917—1918 гг. и Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне. — Панихида у гробницы Святейшего Патриарха Тихона в присутствии митрополитов Антиохийской Церкви.

1954

Создание Американского Экзархата. — Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Болгарский Патриарх и другие болгарские иерархи совершают панихиду у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Кончина Патриаршего Экзарха Америки митрополита Гермогена (Кожина). — Группа бывших униатских клириков во главе с епископом Антонием (Пельвецким) совершает панихиду у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Постановление ЦК КПСС «об ошибках в антирелигиозной пропаганде».

1955

Православные клирики Финляндии совершают панихиду у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Объем и структура управления Православной Церкви в СССР. — Кончина в Москве митрополита Ленинградского Григория (Чукова), бывшего однодельца митрополита Петроградского Вениамина (Казанского). — Клирики Северо-Американского Экзархата совершают панихиду у гробницы Святейшего Патриарха Тихона.

1956

Панихиду в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона совершает бывший член Собора 1917—1918 гг. митрополит Нестор (Анисимов). — Архиепископ Йоркский и другие епископы и клирики Англиканской Церкви совершают у гробницы Святейшего Патриарха Тихона молитвенное поминовение его по обряду своей Церкви. — Сербский Патриарх Викентий (Проданов) и др. епископы и клирики Сербской Православной Церкви совершают панихиду у гробницы Святейшего Патриарха Тихона.

1957

Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Кончина в Москве Е. А. Тучкова. — Перенесение праха митрополита Алтайского (бывшего Московского и Коломенского) Макария (Невского) из села Котельники в Успенский собор Свято-Троицкой Сергиевой лавры. — Финская церковная делегация во главе с епископом Павлом (Ольмари) совершает панихиду у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Перенесение праха иеросхимонаха затворника о. Алексия (Соловьева) с Кокуевского на новое кладбище г. Загорска. — Панихида в день Ангела у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Реставрация архитектуры и надгробий кладбища Донского монастыря (до конца доведено не было). — Восстановление храмов и открытие их для богослужения в Александро-Невской лавре в Ленинграде. — Торжественная панихида у новой гробницы Святейшего Патриарха Тихона в старом соборе Донского монастыря, в связи с 40-летием восстановления Патриаршества в России.

1958

Слухи (позже не подтвердившиеся) о превращении Донского монастыря в административный центр Православной Русской Церкви и

резиденцию Всероссийского Патриарха. — Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Торжественное празднование 40-летия восстановления Патриаршества в Православной Русской Церкви. — Прибытие в Москву Восточных Патриархов, Глав и представителей Православных автокефальных Церквей на торжественное празднование 40-летия восстановления Патриаршества в России. — Торжественная панихида в Донском монастыре у гробницы Святейшего Патриарха Тихона в присутствии всех делегаций Православных автокефальных Церквей, съехавшихся в Москву на юбилейные церковные торжества (семь Патриархов и множество других иерархов).

1959

Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Новая волна так называемого «научно-атеистического» похода против Русской Православной Церкви. — Пастор Датской Церкви посещает гробницу Святейшего Патриарха Тихона. — Постановление Святейшего Патриарха Алексия (Симанского) и Патриаршего Священного Синода об анафематствовании клириков, отрекшихся от Бога и переметнувшихся в «безбожие».

1960

Обновление аппарата Московской Патриархии и Совета по делам Православной Русской Церкви при Совете Министров СССР. — Кончина в Лодзи (Польша) митрополита бывшего Варшавского Дионисия (Валединского). — Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Кончина в Бельгии митрополита Александра (Немоловского). — Поругание злоумышленниками гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Посещение гробницы Святейшего Патриарха Тихона архиепископом Брюссельским (Бельгия) Василием (Кривошеиным) и др. — Окончание многолетнего процесса о юрисдикционной принадлежности Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке, сооруженного архиепископом Алеутским и Северо-Американским Тихоном; прибывший в Москву американский юрист Ф. Адлер посещает гробницу Святейшего Патриарха Тихона в Донском монастыре. — Панихида в день Ангела у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Православная делегация из Голландии посещает гробницу Святейшего Патриарха Тихона. — Канонизация Константинопольской Патриархией Астраханского архиепископа Митрофана (Краснопольского), члена Собора 1917—1918 гг. и Председателя соборного Отдела о Высшем Церковном Управлении.

1961

Панихида в день рождения у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Отобрание гражданскими властями у Церкви св. мощей святителя Тихона Задонского (Соколова) в связи с предстоящим 100-летним юбилеем их прославления (Орел). — Нападение на Святейшего Патриарха Алексия (Симанского) неизвестного злоумышленника во время богослужения в Елоховском Богоявленском соборе. — Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Кончина в Симферополе архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). — Кончина в Псково-Печерском монастыре митрополита Вениамина (Федченкова). — Сербский Патриарх Герман (Джорич) совершает панихиду у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Кончина в Москве митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича).

1962

Панихида в день рождения у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Обращение к главе правительства епископа Гермогена (Голубева) в связи с произволом представителей гражданской власти на местах по отношению к Церкви и Ее служителям. — Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Группа православных мирян Финляндии посещает гробницу Святейшего Патриарха Тихона. — Посещение церковной Москвы примасом Англии архиепископом Кентерберийским Михаилом (Рамзеем). — Панихида в день Ангела у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Посещение Московской Патриархии представителем Ватикана монсеньером И. Виллебрандсом. — Кончина в Петушках (Владимирская епархия) члена Собора 1917—1918 гг. епископа бывшего Ковровского Афанасия (Сахарова). — Кончина в Москве члена Собора 1917—1918 гг. митрополита Нестора (Анисимова). — Кончина в Ставрополе Кавказском митрополита Антония (Романовского). — 85-летие Святейшего Патриарха Алексия (Симанского). — Панихида по Святейшем Патриархе Тихоне в Дрибергене (Голландия) по случаю 45-летия его наставления.

1963

Третий съезд духовенства и мирян Патриаршего Экзархата Православной Русской Церкви в Америке. — Панихида в день рождения у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Торжественное празднование 50-летия архиерейского служения Патриарха Москов-

ского и всея Руси Алексия (Симанского). — Панихида в день Ангела у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Слух о закрытии храма-усыпальницы (старого собора) Донского монастыря.

1964

Закрытие старого собора Донского монастыря с захоронением Святейшего Патриарха Тихона. — Историческая встреча в Старом Иерусалиме Константинопольского Патриарха Афинагора с папой Римским Павлом VI (Монтини). — Открытие старого собора Донского монастыря для периодических богослужений. — Панихида в день кончины у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Пасхальное приветствие папы Павла VI Святейшему Патриарху Алексию (Симанскому). — Кончина в Свято-Троицкой Сергиевой лавре иеромонаха Гавриила (Лихоманова), келейника Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского). — Взрыв (уничтожение) Петропавловского храма на Преображенской площади (Москва). — Панихида в день Ангела у гробницы Святейшего Патриарха Тихона. — Поездка Святейшего Патриарха Алексия (Симанского) за границу: Москва, Афины, Женева, Лондон, Москва.

1965

Празднование 100-летия со дня рождения Святейшего Патриарха Тихона в Донском монастыре. — Сорокалетие со дня кончины Святейшего Патриарха Тихона; панихида у его гробницы в Донском монастыре.

[1981

19 октября (1 ноября) Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей канонизировал Собор новомучеников и исповедников Российских, среди прославленных имен — Святейший Патриарх Тихон¹.

1989

Празднование 400-летия установления Патриаршества в Русской Православной Церкви. 26 сентября (9 октября) Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых Святейших Всероссийских Патриархов Иова и Тихона. Чин канонизации состоялся в Троицком соборе Данилова монастыря².

¹ Материалы о канонизации святого Патриарха Тихона и собора новомучеников и исповедников Российских Русской Православной Церковью Заграницей см.: Приложение 1.

² Материалы о канонизации святого Патриарха Тихона Русской Православной Церковью см.: Приложение 2.

1991

5(18) ноября поджог Малого Донского собора, где хранились святые мощи Святейшего Патриарха Тихона (в годовщину избрания на Патриарший престол).

1992

9(22) февраля торжество обретения святых мощей Святейшего Патриарха Тихона в Донском монастыре¹.

2000

Торжества, посвященные 2000-летию Рождества Христова. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви единодушно прославил для общецерковного почитания в лике святых Собор новомучеников и исповедников Российских XX века, поименно известных и донныне миру не явленных, но ведомых Богу. Собором канонизированы и другие святые, послужившие Богу и Церкви в разные исторические периоды². — *Ред.*]

¹ Материалы обретения мощей святителя Тихона см.: Приложение 3.

² Материалы о канонизации собора новомучеников и исповедников Российских см.: Приложение 4.

Часть 1

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПАТРИАРХЕ
ТИХОНЕ**

Неизвестный автор^[2]

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ТИХОНА, СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ

1. От школьной скамьи до Патриаршего Престола

Святейший Тихон пришел к своему великому посту от земли. Он родился 19(31) января 1865 года в семье сельского священника Торопецкого уезда Псковской епархии, Иоанна Беллавина. В миру он носил имя Василия. Детские и юношеские годы его прошли в деревне, в непосредственном соприкосновении с крестьянством и близости к сельскому труду. С юных лет он отличался особой религиозной настроенностью, любовью к церкви и редкой кротостью и смирением.

Никакого сильного покровительства он не имел, и своим великим и славным будущим он всецело обязан своим дарованиям, своей мудрости и своему труду, главным же образом — полному преданию всего себя в волю Божию.

Среднее образование он получил в родном Торопецком духовном училище и в Псковской семинарии, а высшее образование — в Петербургской Духовной Академии. Уже в то время его высокие нравственные и умственные качества производили такое впечатление на окружающих, что любившие его студенты Академии прозвали юного Беллавина Патриархом^[3]. В 1888 году он окончил Академию 23-х лет от роду.

Первые девять лет своей самостоятельной жизни он посвятил религиозному воспитанию юношества — был преподавателем богословия, инспектором и ректором духовных семинарий в Пскове и Холме. Образцовым преподаванием богословской науки он умел заинтересовать своих юных слушателей.

Стремясь своей чистой душой к Богу, он вел строгую, целомудренную жизнь и на 27-м году жизни, в 1891 году, он принял монашеский постриг. В честь св. Тихона Задонского, с молодости отличавшегося кротостью и смирением, ему было дано имя Тихона.

19 октября 1897 года, на 33-м году жизни, он был посвящен во епископа. Ему вверили кафедру Люблинскую Варшавской епархии. Это был один из самых молодых архиереев. Епископ Тихон ревностно отдался работе по устройству своего нового викариатства, а обаянием своего нравственного облика он приобрел всеобщую любовь не только русского населения, но и евреев и поляков.

Вместе с тем его честное сердце никогда не выносило каких бы то ни было посторонних вмешательств в церковную жизнь. Ревизуя (по обязанности Варшавского викария) привисленские монастыри, он нашел в одном из них, при станции Лесная Полесской железной дороги, отсутствие всякой отчетности и полный произвол «высокопоставленной» графини-игумении в распоряжении трудовыми народными копейками. Преосвященный Тихон заявил об этом своему архиепископу, а обиженная графиня помчалась жаловаться в Петербург. Синод внял ее воплям, но убрать епископа Тихона оказалось нелегко, благодаря его огромной популярности. Искали выхода — и в 1898 году, в расцвете духовных и физических сил, он был направлен для несения ответственного служения за океан, в далекую американскую епархию.

Возглавляя Православную Церковь в Америке, архиепископ Тихон много сделал в великом деле распространения Православия, в благоустройстве своей огромной епархии, в которой он учредил два викариатства^[4], и в постройке храмов^[5] для православных русских людей. А любовным ко всем отношением, в частности, в устройстве дома для безвозмездного приюта и питания бедняков-переселенцев из России, он завоевал всеобщее уважение. Американцы избрали его почетным гражданином Соединенных Штатов^[6].

В 1907 году он вернулся в Россию и был назначен на Ярославскую кафедру^[7]. Одним из первых распоряжений по епархии скромного и простого архипастыря было категорическое запрещение духовенству при личных к нему обращениях класть вошедшие в обычай земные поклоны^[8]. И в Ярославле он быстро приобрел любовь своей паствы, оценившей его светлую душу и тепло с ним прощавшейся на его про водах.

В 1913 году (22 декабря) он — архиепископ Виленский и Литовский. После перевода в Вильно он сделал особенно много пожертвований в различные благотворительные учреждения. Здесь также выявилась его натура, богатая духом любви к людям. Он напрягал все свои силы к тому, чтобы помочь несчастным обитателям Виленщины, лишившимся, благодаря войне с немцами, своего крова и средств к существованию и толпами шедшим к своему архипастырю.

Для Преосвященного Владыки Тихона, верного своему архиерейскому долгу, Церковь и Ее интересы всегда были дороже всего. Он никогда не допускал никаких посягательств государства на Церковь, что, конечно, всегда и везде влияло на отношение к нему правительства. И для присутствия в Святейшем Синоде он вызывался в столицу всего лишь несколько раз при обер-прокуроре Лукьянове.

Когда же произошла Февральская революция и был сформирован новый Синод, архиепископа Тихона пригласили в число его членов¹. 21 июня 1917 года Московский епархиальный съезд духовенства и мирян избрал его, как ревностного и просвещенного архипастыря, широко известного даже за пределами своей страны, Московским митрополитом¹. Вот что писал об этом избрании орган Московской Духовной Академии «Богословский вестник»¹¹⁰.

«Европейски просвещенный, архиепископ Тихон на всех местах своего епископского служения проявил себя независимым деятелем высокой честности, твердой энергии и одновременно большого такта, человеком сердечным, отзывчивым и чрезвычайно простым и доступным как в деловых, так и частных отношениях к людям. Замечательно, наконец, что при всей страстности, какую иногда принимало обсуждение кандидатов на избирательном съезде, никто не мог бросить даже и тени чего-либо компрометирующего на личность архиепископа Тихона»².

Его свободным избранием, «этим чрезвычайным историческим актом Церковь Московская [...] начинает новую жизнь на древнехристианских началах церковной свободы. Избрание архиепископа Тихона, с этой точки зрения, должно быть признано самым удачным и лучшим, какое только можно было сделать как из среды наличного епископата, так, в частности, из числа выдвинутых в избирательном собрании кандидатов»³.

«Владыка Тихон был одним из [...] немногих маяков в эпоху беспроектной церковной реакции, и те, на долю которых падал жребий активно бороться за правду и свободу церковную, не могут никогда забыть о той неизменной поддержке и сердечном участии, которые встречали они у архиепископа Тихона»⁴.

¹ 21 июня архиепископ Тихон был избран на Московскую кафедру, а в сан митрополита был возведен 13 августа 1917 г. — *Примеч. ред.*

² Первый московский архипастырь по соборному избранию клира и народа // Богословский вестник. 1917. Июнь-июль. С. 139.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 136.

«Он с решительным и нескрываемым отрицанием относился ко всем преследованиям со стороны церковной власти лиц духовного ведомства за политические и церковно-общественные воззрения и настойчиво не принимал никакого участия в монархических организациях. На последней почве [...] у него произошло столкновение с ярославским губернатором, вследствие которого он и был переведен на Литовскую кафедру... Ярославское общество приняло сторону архипастыря и выразило ему сочувствие избранием его почетным гражданином Ярославля»¹.

«Борьба, которая произошла на избирательном собрании ввиду выдвинутой одновременно другой кандидатуры на кафедру в лице А. Д. Самарина, делает факт избрания архиепископа Тихона чрезвычайно знаменательным и исторически высокоценным.

В этот критический момент светлое имя архиепископа Тихона, как благородного носителя прогрессивных церковных идеалов, испытанного церковно-общественного деятеля само собою, без всякой организованной тенденциозной агитации, силою только внутренней значимости сплотило воедино подавляющее большинство делегатов прогрессивного течения и дало последнему решительную победу.

Испытанная твердость воли и высокий такт нового Московского Владыки дают уверенность в том, что ему удастся успешно справиться с своей трудной задачей быть истинным вождем церковного общества, живущим и действующим в полном единодушии со своим клиром и всем церковным народом епархии, как того требуют интересы и польза Церкви настоящего великого и страшного момента.

Московская Духовная Академия свободно приветствует нового главу Церкви Московской и своего Почетного Попечителя искренним и утвержденным „а к с и о с ”»².

В сане митрополита Московского Владыка Тихон много работал по административной и церковно-научной подготовке к Всероссийскому Поместному Собору — заботился о размещении делегатов на Собор, о подыскании помещений для его заседаний, занимался составлением программ по вопросам, подлежащим соборному решению.

Когда же золотой сон лучших сынов Церкви сбился наяву, и осенью 1917 года открыл свои занятия Священный Собор Церкви Российской, митрополит Тихон был избран его Председателем. Много мудрости и такта требовало от него руководство Собором. Надо было примирять и направлять в единое правильное русло на благо Церкви

¹ Первый московский архипастырь... С. 136.

² Там же. С. 141.

противоречащие друг другу мировоззрения его членов, разные течения соборных групп.

Собор ставил своей целью построить жизнь Русской Церкви на ее незыблемых, исконных началах, и первым большим и важным вопросом, остро ставшим перед Собором, был вопрос о Патриаршестве.

«Почему необходимо восстановить Патриаршество? — спрашивал Собор в своей исчерпывающей, блестящей речи архимандрит — ныне архиепископ Иларион [Троицкий]¹». — Потому, что патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви. Церковное законодательство в лице Апостольских правил совершенно недвусмысленно требует: „Епископам всякого народа — [в том числе и русского, разумеется! — *Сост.*] — подобает знати первого в них и признавати его, яко главу”. Церковная история и проводила неуклонно в жизнь параллельно с соборностью принцип первоиераршества. „Вся Христова Вселенская Церковь до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без Первоиерарха”. И только с этого момента печальным исключением стала наша Русская Церковь со своим нелепым Синодом, — в корне неканоничным и явно вредным, созданным Петром I из политических соображений, для порабощения Церкви государству».

Вот почему Отдел Собора о Высшем Церковном Управлении после целого ряда заседаний вынес определение о восстановлении Патриаршества. 12 сентября были открыты прения на общем заседании Собора, и уже чувствовалось, писал его участник, что в общем сознании и настроении вопрос этот решен положительно. 28 октября Священный Церковный Собор громадным большинством голосов решил восстановить в Русской Церкви Патриаршество².

Свободным голосованием членов Собора были избраны три кандидата на Патриарший Престол: «Самый умный из русских архиереев — архиепископ Антоний [Храповицкий], самый строгий — архиепископ Арсений [Стадницкий] и самый добрый — митрополит Тихон» — так выразился один из членов Собора.

¹ Желаящих глубже познакомиться с вопросом о Патриаршестве, отсылаем к этой прекрасной — и по содержанию, и по изложению — речи, напечатанной в октябрьском номере «Богословского вестника» за 1917 г. [См. На соборе: Почему необходимо восстановить Патриаршество: Речь в общем заседании церковного собора 23 октября профессора Московской Духовной Академии *архимандрита Илариона* // Богословский вестник. 1917. Октябрь-декабрь. С. 418—426. Акты... С. 41—46. — *Ред.*]

² Об этом есть подробная и интересная статья: [*Иларион, архимандрит*]. Восстановление Патриаршества и избрание Всероссийского Патриарха // Богословский вестник. 1917. Октябрь-декабрь. С. 427—430.

5 ноября, после торжественной литургии и особого молебного пения в храме Христа Спасителя, великая честь и великая ответственность патриаршего служения пала на Высокопреосвященнейшего Тихона, митрополита Московского и Коломенского.

21 ноября (4 декабря) 1917 года, в праздник Введения, он был поставлен Святейшим Патриархом всея России.

Поставление на Патриарший Престол происходило в Большом Успенском соборе.

Он не был стар — ему было еще только 52 года, но он уже тогда имел за собою почти двадцатилетнее епископское служение.

Вступая на Первосвятительский Престол, Святейший Тихон сказал, что ему страшно и дивно занимать патриаршее место, пустовавшее 200 лет. К Патриарху предъявляются великие требования, и душа его объята трепетом. Особенно трудно будет Патриарху управлять Церковью среди теперешних смертоносных бурь, но его надежда на Бога и на народ, в котором не угасла вера.

В этот великий исторический день все истинно православные люди радовались и поздравляли, вместе с представителями Вселенских Патриархов, Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. А по необъятному простору нашей Родины лился колокольный звон, возвещая всем о торжестве Церкви.

II. Святейший Тихон¹

Прежде чем говорить о личности незабвенного нашего духовного вождя, стоит подумать над словами о нем одного архиерея.

«Прекрасное таится, и само себя выявить не хочет. Истинная добродетель всегда скрыта, и видят ее лишь люди чуткие. Многих великих святых их современники не замечали».

Святейший Патриарх Тихон для православных людей — не только носитель высшей церковной власти. Он дорог нам и как человек, достигший высокой степени духовного совершенства, «как благодатный носитель Духа Божия, дающего слово мудрости и рассуждения».

Своей жизнью он явил редкий нравственный облик христианина-монаха, отличаясь глубокой религиозной настроенностью, духом целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Святейший Тихон — воистину благодатная личность, жившая для Бога и Богом просветленная.

«Не напрасно носил он титул Святейшего, — пишет о нем один священник. — Это была действительная святость, величаявая в сво-

¹Приведенные здесь мысли взяты главным образом из отдельных проповедей православных епископов.

ей простоте и простая в своем исключительном величии». «От Святейшего уходишь духовно умытым», — чутко уловил то благоухание праведности, какое излучала его чистая душа, другой священник. Вот почему улыбка Патриарха, светлая и ласковая, так памятна всем, его знавшим. Вот почему он так притягивал сердца всех обаянием своей личности, пред которой преклонялись подчас и люди неверующие, называя его «религиозным, благородным», действительно большим человеком.

Великая любовь ко Христу, к Его Церкви и к людям проходила светлой полосой через всю жизнь и деятельность Святейшего Патриарха Тихона.

«Он был олицетворением кротости, доброты и сердечности», — кратко и верно охарактеризовал Святейшего епископ Августин [Беляев].

«Он любил вас всею силою своей великой души. Он душу полагал за вас», — говорил другой архиерей бесчисленным тысячам православного русского народа, собравшимся ко гробу дорогого Первосвятителю.

В обращении с людьми Святейший был безгранично ласков, приветлив, сострадателен. «Для молодых он был отцом, для взрослых — мудрым наставником и руководителем и для всех вообще — другом», — трогательно отзывался о нем митрополит Петр [Полянский]. «Молитвенник народный, старец всея Руси», — называли Патриарха два монаха-подвижника. «Особенное впечатление на меня производила доброта Святейшего Тихона, и я всегда видел от него только ласку, внимание и любовь», — вспоминал с глазами, полными слез, один из спутников жизни Патриарха.

Его необыкновенная чуткость и отзывчивость проявлялись и в его широкой благотворительности, в щедрой и нераздельной помощи всем неимущим и обездоленным^[12].

Редкую доброту Святейшего Тихона не могли отрицать даже его враги и часто бывали обезоружены ею. «Пойдите к Патриарху, попросите у него денег, и он вам отдаст все, что у него есть, несмотря на то, что ему — Патриарху, в его возрасте, измученному после богослужения, придется идти пешком, что и было недавно», — сказал неизвестный Калиновский^[13], один из зачинщиков церковной смуты в Вербное Воскресенье 1926 года.

Все соприкасавшиеся со Святейшим Тихоном поражались его удивительной доступностью, простотой и скромностью. Многие нечуткие или недаленовидные люди не понимали его, злоупотребляли этими сторонами его души, готовы были видеть в них «просто сим-

патичного» человека. А между тем здесь-то и проявляется истинная святость.

Широкую доступность Святейшего нисколько не ограничивал его высокий сан. Двери его дома всегда были для всех открытыми, как открыто было каждому его сердце — ласковое, отзывчивое, любвеобильное.

«Будучи необыкновенно простым и скромным как в личной жизни, так и в своем Первосвятительском служении, Святейший Патриарх не терпел и не делал ничего внешнего, показного. Он явил собою пример великого благородства. Безропотно нес он свой тяжелый крест, без какой бы то ни было позы, эффекта. Он никогда не пытался выделить себя, не старался как-либо выскочить, непременно настоять на своем, исполнить во что бы то ни стало свою волю. Он был полон неподдельного, глубокого смирения и всецело предавал себя в волю Божию, благу и совершенную. Он стремился ее одну искать и исполнять, что неизбежно заставляло его отказываться подчас от своей человеческой воли, а подчас и от уже принятых решений. В последнем случае он мог давать повод своим врагам обвинять его в „безволии“. Но он смотрел на жизнь не по-мирскому, а по разуму Божию, проявляя здесь свою истинную мудрость.

Это и отличало его всегда как человека и архиерея. Этим он производил впечатление такой души, в которой живет и действует Христос. И нас звал к тому же Святейший Тихон, и одно из своих патриарших воззваний он закончил такими прекрасными словами: „Господь да умудрит каждого из нас искать не своего, но правды Божией и блага Святой Церкви!“».

III. Патриарх Московский и всея России

Всероссийский Церковный Собор 1917 года, поставивший во главе церковного управления Патриарха, так определил, в основном, его обязанности:

«Святейший Патриарх Московский и всея России заботится о внутреннем и внешнем благосостоянии Российской Церкви, обращается ко всей Российской Церкви с учительными посланиями и пастырскими воззваниями. Созывает церковные Соборы и председательствует на них. Председательствует в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете. Имеет высшее начальственное наблюдение за всеми центральными учреждениями при Священном Синоде и Высшем Церковном Совете, за правильным течением в них дел и за своевременным и точным исполнением принятых ими постановлений. Пользуется правом посещения в нужных случаях всех

епархий Российской Церкви. Принимает жалобы на архиереев и дает им надлежащий ход. Преподает архиереям братские советы как относительно их личной жизни, так и относительно исполнения ими архипастырского долга. Сносится с автокефальными Православными Церквями. Является представителем Церкви пред государственной властью»¹.

Огромные задачи стали пред Святейшим Тихоном. Ему была вверена многомиллионная, колоссальная по территории Русская Православная Церковь, со всеми ее духовными и материальными ценностями. Вот почему в сознании своей великой ответственности он всегда по завету Христа Божье отдавал только Богу.

Неизмеримо тяжел был его крест. Руководить Церковью ему пришлось среди всеобщей церковной разрухи, без вспомогательных органов управления, в окружении поднявших головы врагов Церкви, вроде безбожников, сектантов, а впоследствии и в обстановке внутренних расколов и потрясений, вызванных всякими «живоцерковниками, обновленцами, автокефалистами». «Тяжелое время переживает наша Церковь», — писал в июле 1923 года Святейший.

Сам же Святейший Тихон был настолько скромнен и чужд внешнего блеска, что очень многие при его избрании в Патриархи сомневались, справится ли он со своими великими задачами.

Но теперь, видя необыкновенно плодотворные результаты его подвижнической деятельности, прошедшей пред нашими глазами, мы имеем право сказать Святейшему: «Все, что мог, ты уже совершил», всецело оправдав те надежды, какие возложила на тебя Церковь! Более того. На ответственнейшем посту Первосвятителя Святейший Тихон пробыл семь с половиной лет, семь с половиной лет его алмазный крест на белом куколе сиял всему православному миру, и прямо трудно представить Русскую Православную Церковь без Патриарха Тихона в эти годы страшных потрясений. Так неизмеримо много сделал он для Церкви и для самой веры, которую в наши дни пытается захлестнуть своим мутным потоком неверие.

Заслуги Святейшего перед Российской Церковью неисчислимы. Замечательные слова сказал о нем митрополит Сергей [Страгородский] Нижегородский: «Он один безбоязненно шел прямым путем служения Христу и Его Церкви. Он на себе одном нес всю тяжесть

¹ О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России // Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви.: Вып. 1.: Прил. к «Деяниям» 2-е. М.: Собор. Совет, 1918 [Репринт: М., 1994]. С. 4.

Церкви в последние годы. Мы им живем, движемся и существуем, как православные люди».

Святейший Тихон был мудрым и опытным кормчим церковного корабля в бурные годы. Он сумел провести и сохранить его среди бушующих волн житейского моря. «И уже в одном этом, — сказал над гробом Патриарха профессор-протоиерей Страхов, — несомненная и величайшая твоя заслуга».

Своей мягкостью, кротостью, снисходительностью, своим тихим и любовным отношением к людям Святейший Патриарх умел всех примирить, успокоить. Умел победить своим незлобием все враждебное Церкви и внутри, и вне Ее. Своим исключительно высоким нравственным и церковным авторитетом он собрал воедино распыленные и обескровленные церковные силы. В черную ночь церковного безвременья его незапятнанное имя было светлым маяком, указывающим путь к истине Православия. Своими прекрасными патриаршими посланиями он звал народ к заповедям Христовой веры, к духовному возрождению через покаяние. А его безукоризненная жизнь была примером для всех.

Как высоту «утеса-великана» можно вполне определить лишь на известном расстоянии, так только впоследствии историки оценят полностью все величие дела, совершенного тихо, просто и скромно Святейшим Тихоном.

Чем же объяснить ту огромную роль, какую в истории Церкви наших дней сыграла его личность? Именно нравственным совершенством последней. Ничем иным, а именно редкой высотой и чистотой его духовного облика. Здесь и кроется, отсюда и исходит его значение как Патриарха.

«Такой и подобал нам Первосвятитель: преподобный, незлобивый, непорочный»¹, — сказал один архиерей словами Апостола о Святейшем. Его имя — Тихон, по-гречески значит «Бог счастья». Прекрасная, чистая жизнь усопшего Патриарха, целиком посвященная Богу, была воистину счастьем и для Русской Церкви, и для него самого!

Познакомимся же, насколько можем, ближе с его первосвятительской деятельностью и увидим, что вся она согрета огнем той любви, которой горело его сердце. И в повседневной, внутрицерковной работе, и в борьбе за Православие с «обновленческим» расколом, и в соприкосновении с народом, и во взаимоотношениях с гражданской

¹ *Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный до небес (Евр. 7, 26). — Примеч. ред.*

властью, — везде и всюду на деятельности Святейшего Патриарха Тихона лежит отпечаток его благодатной личности.

В беспрестанных и многообразных заботах о Церкви, в больших делах и мелочах, направленных к Ее благу, прошли годы патриаршего служения Святейшего Тихона. Управлению Церкви он отдавался с огромной энергией. После первого сильного припадка грудной жабы в 1924 году, он, измученный и полубольной, имел ежедневно шесть часов одной аудитории. Доктора удивлялись, что он так много работает и еще жив... Даже в день своей смерти Патриарх занимался церковными делами: читал письма и бумаги, писал резолюции.

Будучи сам добрым пастырем, отдавшим всего себя на дело Церкви, он к тому же призывал и духовенство. «Посвящайте все свои силы на проповедь слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову. И Бог мира и любви да будет со всеми вами!», — кончает он свое обращение к архипастырям и пастырям в 1919 году.

Он старался ставить достойных служителей алтаря и в общении с духовенством наставлял и ободрял его.

Последнему епископу, поставленному Святейшим Тихоном^[14], он сказал в своем приветственном слове: «Архиерейство — великая честь, но с ним связаны и великие страдания. Через страдания же — к небесной славе!» (Воскресенье. 1925. 5 апреля [?]).

В проповеди о Патриархе архиепископ Трифон [Туркестанов] вспоминал, как он, усталый, упавший духом, пришел к Святейшему, а тот указал ему на архиерейскую панагию с изображением Богоматери: «Ей оружие прошло душу, но Она не предалась мрачному отчаянию, — и мы должны по Ее примеру терпеливо нести свой жизненный крест»¹.

При хиротонии епископа Бориса [Рукина; бывшего Можайского], Святейший Патриарх, зная честолюбие и властолюбие ставленника, сказал ему: «Я знаю твою гордость, но хочу, чтобы ты служил Церкви, переборю себя. Помни же, что Бог гордым противится и смиренным дает благодать!»².

¹ Из проповеди архиепископа Трифона [Туркестанова] 25 сентября (8 октября) 1925 года.

² К сожалению, епископ Борис [Рукин] не оправдал доверия, оказанного ему Патриархом. Всего через несколько месяцев после кончины Святейшего он вместе с несколькими другими недостойными архиереями осмелился вызвать попытку нового раскола, образовав пресловутый ВВЦС. Но попытка эта кончилась полной неудачей, никто за ними не пошел, и теперь их удельный вес равен нулю. За самочиние и смуту они были подвергнуты запрещению и отстранению от управления замещающим Пат-

«Мы все приходили к тебе при жизни за утешением и назиданием, — говорил над могилой Святейшего другой архиерей, — и всегда встречали у тебя ласку и привет»¹.

И лучшая часть русского духовенства глубоко почитала своего Первоиерарха.

Святейший Патриарх Тихон жил радостями Церкви и болел, страдал ее скорбями. «Он верил в духовное, истинное обновление Русской Церкви», — сказал о Святейшем один православный епископ.

Не мог поэтому Патриарх не видеть многих уродливых явлений в жизни нашего общества — безверия, нравственной распушенности. И это нашло свое отражение в его воззваниях к Русской Церкви. В них — и горячий протест против грубого материалистического понимания жизни и так присущее душе Святейшего чувство глубокого смирения, сознания человеческой неправды пред Божественной истиной.

«Всего губительнее снедающая сердца смута духовная. Затемнились в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного, ослабла и самая вера, неистовствует беспощадный дух мира сего.

И среди свирепеющей бури слышится верному сердцу слово Господа: „что вы так боязливы? как у вас нет веры?“ (Мк. 4, 40).

От небрежения чад своих, от холодности сердец страдает наша Святая Церковь...

Ныне нужно дерзновение веры, бестрепетное ее исповедание. Да возгорится пламя светоча вдохновения в Церкви Российской, да соберутся силы, расточенные в безвремении. Пусть верные чада в союзе любви соединятся с архипастырями и пастырями своими и вместе являют служение в духе и силе» (18 декабря 1917 года).

«Наш знаменитый историк Ключевский^[15], говоря о преподобном Сергии и о значении его и основанной им лавры, предсказал: „Ворота лавры преподобного затворятся, и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашими великими строителями Земли Русской, как преподобный Сергий“. Ныне закрываются ворота

риаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием [Страгородским] Нижегородским и единодушной с ним православной российской иерархией. Осужденные и самим Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополитом Петром [Полянским] Крутицким, в его ясном и содержательном, все объясняющем письме 1 января [н. ст.] 1927 года, они не имеют теперь абсолютно никаких предлогов и поводов для своего преступного существования. [См.: Акты... С. 492—493. — *Ред.*]

¹ Из проповеди епископа Августина [Беляева] на Пасхе 1925 года.

лавры и гаснут в ней лампы. Что же? Разве мы уже не растратили весь свой нравственный запас?» (28 августа (10 сентября) 1920 года)¹.

«Забыли мы Господа! Бросились за новым счастьем, стали бегать за обманчивыми тенями, прильнули к земле, хлебу, к деньгам, — и так, чтобы всего этого достать как можно больше, взяли именно себе, чтобы другим не оставалось. Заботимся о том, что „преходит, — прилежати же о душе, вещи бессмертной” — совсем забываем» (1(14) января 1918 года)².

«Очистим же сердце наше покаянием и молитвою», — звал Святейший Патриарх.

Вместе с тем Патриарху приходилось отражать внешних врагов Церкви, о чем пишет он в одном из своих воззваний.

«Пользуясь происходящей у нас неурядицей в Церкви, Римский папа всяческими путями стремится насаждать в Российской Православной Церкви католицизм, и при поддержке польских властей на территории Польши уже закрываются православные храмы и многие из них обращены в костелы; так, например, в одной Холмшине закрыто более трехсот церквей и оставлено всего лишь около пятидесяти.

Разные сектанты-баптисты, евангелисты и другие, как противники Православию, также направляют все усилия к тому, чтобы умалить значение Православной Церкви и привлечь на свою сторону православных людей. Всем им мы заявляем, что Церковь Православная не даст себя превратить в сектантские группы, и уповаем, что не отойдет Она ни на шаг от заветов своего учения»³.

Устроение самой церковной жизни Святейший Тихон должен был осуществлять в духе постановлений Священного Собора 1917 года, много работавшего над преобразованием различных сторон церковной жизни. Однако большинство этих реформ не было принято или вследствие преждевременного прекращения деятельности Собора по условиям того времени, или как не привившиеся в церковном сознании.

В частности, ввиду принципиальной допустимости и практического удобства введения нового стиля в церковную жизнь, Патриарх

¹ Послание Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, в связи с закрытием гражданскими властями Свято-Троицкой Сергиевой лавры от 28.08(10.09).1920. См.: Акты... С. 167—169. — *Примеч. ред.*

² Слово Святейшего Патриарха Тихона, сказанное в храме Христа Спасителя (в Москве) перед началом новогоднего молебна. См. Акты... С. 76—77. — *Примеч. ред.*

³ Воззвание Святейшего Патриарха Тихона от 18.08(01.07).1923. См.: Акты... С. 286—287. — *Примеч. ред.*

1(14) октября 1923 года издал послание о реформе календаря, считая, вследствие неверности газетных сообщений, что на Востоке уже состоялось всеправославное соглашение по этому вопросу. Но вскоре выяснилось, что, во-первых, это не соответствует действительности. Во-вторых — вызывает тревогу и недовольство народа, о чем свидетельствовали многочисленные устные, а также и письменные заявления, которыми была завалена патриаршая канцелярия. И Святейший Тихон, конечно, не мог проводить насильственно незакономерную и неосмотрительную реформу, отмененную им 8(21) ноября. Этот вопрос детально разобран в большом письме Патриарха от 17(30) сентября 1924 года.

Любовь к людям, руководившая Святейшим, вылилась в его патриаршем служении в широкую гуманность. Святейший Патриарх Тихон на всех ступенях своей жизни и деятельности всегда протягивал народу руку помощи, всегда говорил ему доброе слово, всегда шел ему навстречу в его бедствиях.

«В период кровавых междоусобиц, полных ужаса и страданий, которые не могут не производить гнетущего впечатления на сердце каждого христианина, — писал он в 1919 году, — многократно обращались мы к верующим с церковной кафедры со словом пастырского назидания о прекращении распрей и раздоров»¹.

Когда участились кровавые расправы над евреями, Святейший Тихон выступил в 1918 году с особым посланием против еврейских погромов^[16].

Когда же вспыхнул голод в Поволжье, Патриарх организовал Комитет помощи голодающим. Его открытие 1(14) августа 1921 года ознаменовалось патриаршим богослужением в храме Христа Спасителя, при огромном стечении духовенства и народа. После торжественного молебствия было прочитано патриаршее воззвание о помощи голодающим, обращенное к православной России и ко всем народам земли.

Комитет, возглавляемый Патриархом, собрал большие средства и сделал очень много для голодающих.

Что же касается взаимоотношений Святейшего Патриарха Тихона с представителями научного мира Православной Церкви, то об этом лучше всего сказать словами профессора Московской Духовной Академии из уже цитированного выше журнала.

«1 октября [1917 года] Академия скромно праздновала свой праздник. Мы утешены были служением святителей Тихона Московского, Арсения [Стадницкого] Новгородского и Серафима [Остроумова]

¹ См.: Акты... С. 163. — *Примеч. ред.*

Орловского. В открытом собрании Совета происходил торжественный годичный акт. Ректором Академии профессором А. П. Орловым провозглашено было об избрании Советом в звании почетного члена Академии Высокопреосвященнейшего Тихона, митрополита Московского и Коломенского, — во уважение его многолетней плодотворной Архипастырской деятельности и постоянного высокопросвященного содействия интересам богословской науки»¹.

«Пребывавший в Троицкой лавре нареченный Патриарх 19-го ноября (2 декабря) совершил литургию в храме Московской Духовной Академии, после которой корпорация профессоров принесла ему свои приветствия и поднесла подготовленный к тому времени диплом на звание Почетного Члена Академии».

«19 ноября, отходя на крестный путь патриаршего служения, Высокопреосвященнейший Тихон служил в нашем храме. Этим он исполнил желание профессоров и студентов помолиться с ним в наших стенах. Отрада интимно простого, единогодушного настроения за этой службой — наша награда. Она же — свидетельство отношения Академии к Святейшему Патриарху: нет у нас страха пред ним, потому, что есть любовь, а совершенная любовь вон изгоняет страх. Мы в июне приветствовали избрание Владыки Тихона на Московскую кафедру, слышав лишь о нем, но не зная его непосредственно. Теперь мы знаем его и сыновне несем ему свою искреннюю любовь и свое глубокое уважение»².

Наконец, на тяжелую долю Патриарха Тихона выпало возглавление Русской Православной Церкви во время Ее перехода к новой, самостоятельной жизни, в условиях нового государственного строя. Этот переход, полагавший резкую грань между прошедшим и настоящим и совершавшийся в то время, когда два противоположные мировоззрения впервые открыто столкнулись друг с другом, — был крайне тяжелый и болезненный. И, если бы не все умиротворяющие, свойственные душе Святейшего кротость и добродушие, он, конечно, был бы еще острее. И все же с ним было связано более чем годичное заключение Святейшего Тихона — с мая 1922 года по июнь 1923 года.

Но еще за несколько лет до ареста Патриарх ясно заявил в воззвании от 25 сентября (8 октября) 1919 года:

¹ Живая жизнь. II. В Академии // Богословский вестник. 1917. Октябрь-декабрь. С. 433—434.

² В[арфоломей] [Ремов], и[еромонах]. Живая жизнь. II. В Академии // Богословский вестник. 1917. Октябрь-декабрь. С. 436.

«Установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение»¹.

«Повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских» (1 Пет. 2, 13)². «Подчиняйтесь и велениям Советской власти, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому же наставлению, должно повиноваться более, чем людям» (Деян. 4, 19; Гал. 1, 10)³.

Исходя из этих соображений, Патриарх еще в апреле 1922 года на объединенном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета осудил заграничный Карловацкий церковный Собор за его политиканство, за попытку восстановить в России монархию Романовых.

Вот почему, обличая позорную ложь обновленцев о «контрреволюционности» православных, Святейший имел право сказать: «И мы, и наша паства верны и Церкви Божией, и родному Православию, и нашему правительству. И только враги Церкви, сеющие смуту и вражду, могут утверждать иное»⁴.

Заключительным шагом отмежевания Церкви от каких бы то ни было политических действий было воззвание Святейшего Патриарха Тихона от 1(14) июля 1923 года, в котором он во всеуслышание говорит:

«Мы осуждаем такие действия и заявляем, что Российская Православная Церковь аполитична и не желает быть отныне „ни белой, ни красной“. Она должна быть и будет единою, соборною, апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, свергнуть Церковь в политическую борьбу — должны быть отвергнуты и осуждены»⁵.

Так должны быть отвергнуты и осуждены всякие обновленцы и им подобные, которые стали на широкую и скользкую дорогу политиканства, на путь приспособляемости, прислуживания перед Со-

¹ Послание Святейшего Патриарха Тихона с призывом к православному клиру и мирянам о невмешательстве в политическую борьбу от 25.09 (08.10).1919. См.: Акты... С. 163—164. — *Примеч. ред.*

² *Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти.* — *Примеч. ред.*

³ Послание... от 25.09 (08.10).1919. С. 164. — *Примеч. ред.*

⁴ Источник цитаты не определен. — *Примеч. ред.*

⁵ Воззвание Святейшего Патриарха Тихона от 18.06(01.07).1923. См.: Акты... С. 286. — *Примеч. ред.*

ветской властью и подкрашивания вечных идеалов христианства под «современные требования». Они изменили Христу, так как не захотели пойти по тому, свободному ныне, единственно правильному пути аполитичности, евангельскому пути воздаяния Божьего Богу, а кесарева кесарю, на который вышла теперь наша Церковь.

Огромно значение этого поворота, завершившегося патриаршим первоиюльским воззванием, для Русской Церкви, после Ее ненормального в политическом отношении двухвекового существования.

Надо упомянуть и о том, что «одною из постоянных забот нашего почившего Святейшего Патриарха было выхлопотать для нашей Православной Патриаршей Церкви регистрацию, а вместе с нею и возможность легального существования в пределах Союза ССР»¹, — писал в июне 1926 года митрополит Сергей [Страгородский]. «Отсутствии регистрации для наших церковно-правительственных органов создает много практических неудобств, придавая всей нашей деятельности характер какой-то нелегальности, — хотя мы и не совершаем ничего запрещенного законом республики, — что, в свою очередь, порождает много всяких недоразумений и подозрений»².

Сделаем один из многих напрашивающихся выводов, подводя итоги патриаршей деятельности Святейшего Тихона.

В нем идея Патриаршества нашла свое лучшее оправдание и подтверждение.

«Патриарх, — по выражению профессора С. Н. Булгакова, — есть церковная вершина, возвышающаяся над местной оградой, видящая другие вершины и видимая ими»³. В Патриаршестве Поместная Церковь непосредственно сознает себя органической частью Церкви Вселенской, в Нем особенно глубоко и ярко выражается Ее живое единство.

Но не говоря уже о теоретическом значении идеи первоиераршества, и практически в настоящее время без него Русской Церкви не обойтись. Ибо, при наличии коллегиального органа управления Церковью, в случае какого-либо неожиданного обстоятельства, вроде ареста нескольких или всех его членов, — теряется, естественно, каноническая преемственность высшей власти. Пропадает всякая закономерность, и — наша Церковь оказывается в водовороте анархии...

И большое счастье, что в настоящие годы именно такой человек, как Святейший Тихон, оказался на патриаршем посту. Он, не говоря

¹ Проект обращения к православным архипастырям и пастырям митрополита Сергея (Страгородского) от 25.05 (07.06).1926. [См.: Акты... С. 473—474. — *Ред.*].

² Там же.

³ *Булгаков С. Н.* Смысл Патриаршества в России // *Всероссийский церковно-общественный вестник.* 1917. № 167. С. 2—3.

уже о других его заслугах, сумел воссоздать на Руси Патриаршество, создал всем своим Первосвятительским служением — и на будущие времена! — прекрасный образ Святейшего Патриарха всея России.

IV. Обновленческий раскол

Особенно много послужил Русской Православной Церкви Святейший Тихон, и особенно ярко выявилось его истинное Православие в мучительную для Церкви пору так называемого «обновленческого» раскола. Если верующий человек честно продумает сущность этой церковной болезни последних лет, он не может не сознаться, что истина — не за обновленцами.

Арестом Святейшего Патриарха воспользовалась кучка ничтожных по своему количеству и качеству людей.

Они осмелились обманом и насилием захватить высшую церковную власть в России, т. е. совершили преступление, за которое Христос называет ворами и разбойниками (Ин. 10, 1)¹, а Церковь лишает сана.

Они грубо растоптали то, что Вселенская Церковь считает для себя законом — власть Патриарха, безбрачный епископат, — и тем самым поставили себя под осуждение за бунт против постановлений Вселенских Соборов.

Открытое пренебрежение обновленцев к вселенскому авторитету и основным нормам церковной жизни и, следовательно, полный разрыв их с Церковным Священным Преданием сказался и в целом ряде других фактов: существование их лжесобора, незаконного по своему созыву, составу и деятельности; извращение на нем церковных правил; образование своей, отдельной от Церкви, безблагодатной и антиканоничной иерархии; пополнение ее состава такими людьми, как Александр [Сидоровский], отрекшийся от епископства и монашества (Зосима), вступивший в брак и снова поставленный обновленцами в архиерея; прелюбодеяние церковное, т. е. поставление своих незаконных епископов на кафедры, занятые уже православными архиереями, не уволенными законной церковной властью.

Нечего и говорить о всей нравственной неприглядности перечисленных преступлений обновленцев. На словах у них был Христос, а на деле они распяли Его Святую Церковь, разодрали Ее ризу.

Велики их грехи и против православного духовенства, против честных священников и архиереев, во главе со Святейшим Патриархом

¹ *Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, кто перелазит инде, тот вор и разбойник. — Примеч. ред.*

Тихоном. Обновленцы подняли против них открытое гонение и своими лживыми доносами и клеветой ввергли множество людей в тюрьмы и ссылки.

Тяжко виноваты они и пред не признававшим их верующим народом, у которого они по всей России насильно отбирали православные храмы.

Наконец, они не остановились пред разрушением церковного единства, пред расколом: разорвав связь со всей православной иерархией и ее законным главой — Святейшим Тихоном, Патриархом Всероссийским, — они совсем отделились от Церкви.

Оказавшись вне Церкви, они тем самым пресекли благодатные струи, непрерывно текущие в Святой Церкви от Христа чрез апостолов, лишая себя единой Благодати Божией.

Что же представляют собою все эти живоцерковники, обновленцы, автокефалисты и им подобные? Самозванную, незаконную и безблагодатную организацию, не имеющую ничего общего — кроме внешности — с Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью.

А чего они достигли? К чему пришли? Одного достигли они: раскололи единое Тело Православной Российской Церкви, посеяли страшную смуту среди верующих, а многих и совершенно отшатнули от веры...

Но Святейший проявил себя верным служителем и исповедником неповрежденных и неискаженных заветов истинной Христовой Церкви. По самой природе своей правдивой души он был глубоко православным человеком, живым олицетворением Православия, что бессознательно подчеркивают даже враги Церкви, называя Ее членов «тихоновцами».

Еще будучи арестован, он в своем послании от 6(19) декабря 1922 года¹⁷⁾ призывал, по долгу своего первосвятительского служения, всех верных сынов Божиих стать твердо и мужественно за веру Божию и на защиту Святой Церкви, «древлеправославной».

Об «обновленцах» же говорил Патриарх в своих двух воззваниях после того, как был освобожден.

В первом из них, 15(28) июня 1923 года, он указывает на всю неканоничность, несостоятельность обновленческого «Собора», на котором между прочим из 67 присутствовавших архиереев, было только 10—15(!) законного посвящения, а все остальные — лжеепископы. Указав на это, Святейший дает краткую характеристику «идеологии» обновленчества. «Кто и что такое церковные „обновленцы“?» Вот что говорил о них еще в 1906 г. мыслитель-писатель, ставший впоследст-

вии священником, Валентин Свенцицкий: «Современное церковное движение можно назвать либеральным христианством, а либеральное христианство только полуистина. Душа, разгороженная на две камеры — религиозную и житейскую, — не может целиком отдаться ни на служение Богу, ни на служение миру. В результате получается жалкая полуистина, теплопрохладное, либеральное христианство, в котором нет ни правды Божией, ни правды человеческой. Представители этого христианства лишены религиозного энтузиазма, среди них нет мучеников, обличителей, пророков. И союз „церковно-обновленных” — это не первый луч грядущей апокалипсической жены, облеченной в солнце, а один из многих профессиональных союзов, и я убежден, — говорит Свенцицкий, — что настоящее религиозное движение будет не это и скажется оно совсем не так»¹.

И с этим нельзя не согласиться, если обратить внимание на то, что занимает наших обновленцев, что интересует их, к чему они стремятся. «Прежде всего — выгоды, чины, награды. Не согласных с ними стараются устранить, создают себе должности и титулы, называют себя небывалыми митрополитами всея России², архипресвитерами всея России³, из викарных поспевают в архиепископы⁴».

Во втором, первоиюльском [14 июля н. ст.], своем обращении Патриарх говорит, в частности, о значении «практических мероприятий» обновленцев. «Обновленцы эти бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь к сектантству, отступая от Ее канонов».

Полностью же история, сущность и оценка обновленческого раскола и выводы, обязательные для всех членов Церкви, изложены Святейшим Патриархом Тихоном в его основном послании 15(28) июля⁵. Это прекрасное воззвание, такое простое и ясное в своей правдивости, прозвучавшее как величественный благовест по всей России и открывшее собою полосу покаяния обновленцев, — непременно должно быть прочитано каждым православным христианином. Кончается оно призывом Святейшего к отколовшимся от церковного единства — «умоляем осознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасающее лоно Единой Вселенской Церкви!»

¹ Свенцицкий В. Христианское отношение к власти и насилию // Вопросы религии. 1906. Вып. 1. С. 5—8.

² Антонин (Грановский).

³ Красницкий.

⁴ Введенский и очень многие другие.

⁵ Послание Святейшего Патриарха Тихона (первое по освобождении из заключения). См.: Акты... С. 283—285. — *Примеч. ред.*

Стремясь не на словах только к истинному церковному миру, Святейший Патриарх поручил состоявшему при нем архиерейскому Синоду вести переговоры с главарями обновленцев^[18] о присоединении их к Православной Церкви¹.

Толпами шли обновленческие священники и архиереи на путь покаяния пред Церковью и ничего они не встречали у Святейшего, кроме безграничной ласки и всепокрывающей, подчас совсем незаслуженной любви. «Он имел особенную широту взгляда, способен был понять каждого и всех простить», — вспоминал о Святейшем Тихоне митрополит Сергей [Страгородский].

Но это не было уклонением от строго православной линии. Наоборот. «Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости Православия», — твердо и авторитетно сказал Патриарх (из его резолюции о примирении с Красницким, на адресе Елисаветградского духовенства 26 июня (9 июля) 1924 года № 523)².

Вот почему, 5(18) апреля 1924 года, за № 291, он издал новое, краткое, но содержательное послание, обличающее тяжкие преступления бывшего архиепископа Нижегородского Евдокима [Мещерского] и других главарей обновленческого раскола. В этом послании Святейший Патриарх, на основании церковных канонов и от имени единомысленной с ним Российской Православной Церкви подвергнул обновленцев каноническому запрещению и подтвердил, что они, впредь до раскаяния, находятся вне общения с Церковью³.

К чести для верующих истина Православия восторжествовала, и Святейший Тихон мог писать Константинопольскому Патриарху: «Весь русский православный народ сказал свое правдивое слово, как о нечестивом сборище, дерзновенно именуящим себя Собором 1923 года, так и о несчастных вождях „обновленческого“ раскола... Верующие не со схизматиками (раскольниками), а со своим законным и православным Патриархом»⁴.

¹ В высокой степени интересно и крайне важно для характеристики этих переговоров, сорванных заправилами обновленчества, — письмо к ним архиепископов Тихона [Оболенского], Илариона [Троицкого] и Серафима [Александрова], работавших в Патриаршем Синоде. [См. комментарий 18. — *Ред.*]

² См.: Акты... С. 326. — *Примеч. ред.*

³ О значении этого запрещения прекрасно говорит яркое и интересное письмо митрополита Сергея [Страгородского]^[19].

⁴ Ответное послание Святейшего Патриарха Тихона Константинопольскому Патриарху Григорию VII по вопросу о внутрицерковных делах в России. См.: Акты... С. 322—324. — *Примеч. ред.*

«Обновленчество» же нашло себе очень мало последователей и теперь бесславно прозябает по преимуществу в серой провинции, где нет православных архиереев и где обыватели не хотят или не могут понять даже того, что своим честным сердцем твердо усвоил и простой, подчас малограмотный народ: Церковь едина, а все обновленцы, живоцерковники, автокефалисты и т. д. — вне Церкви!

У. Любовь и ненависть

Русский православный народ глубоко ценил и понимал, кем был Святейший Тихон для Церкви и горячо любил своего великого духовного отца. Близок русскому сердцу он и потому, что наш усопший Первосвятитель был истинно русским человеком, воплотившим в себе лучшие стороны своего народа, от внешнего облика, так памятного и дорогого нам, до внутренних черт характера.

Взоры всех, кто чутко и искренно относится к жизни Православной Церкви, были обращены с надеждой и благодарностью к нему. Ведь и в отдаленных окраинах России, как в один голос говорят приезжающие оттуда люди, никогда его не видавшие, думали с любовью и молитвой: там, в далекой Москве, есть истинный поборник и хранитель Православия — Святейший Патриарх Тихон!

«Очень многие, — говорил один архиерей, — выражали близость к Патриарху, воспринимая его как благодатного старца. Это знаменательно — близость высокого архипастыря! Нам надо помнить, светильником какого света он является, и быть такими же тихими, кроткими, молитвенными, непосредственными в обращении к Господу, чтобы его любовь к Нему сообщилась и нам, и чтобы у нас была близость к нему и к Богу».

О большой любви и благоговейном уважении к нему верующих красноречиво говорят:

— Та трогательная заботливость, которой был окружен Святейший и все с ним связанное; во время его заточения, например, верующие следили, чтобы он ни в чем не нуждался, а после его радостного для всех освобождения, осыпали цветами своего любимого Первосвятителя.

— Те многие и многие тысячи народа, которые стекались на его дивные, незабвенные службы, где, на фоне общего великолепия, к Патриарху, простому и скромному и вместе неотразимо величественному, тянулись и взоры, и души всех!

— Те многочисленные народные толпы, которые теснились к Святейшему, чтобы только его увидеть, простаивали часами в храмах и около них, и в жару, и в мороз, чтобы получить его патриаршее благословение.

— Те молитвы, которые возносили за него не только во всей Русской Церкви, но и на берегах Средиземного моря, и в странах Европы, и за Великим Океаном.

Его огромный авторитет и общее почитание не ограничивались пределами России.

Святейшие Вселенские Православные Патриархи приветствовали его в 1917 году как своего брата, и до самой его смерти поддерживали с ним — поскольку это было возможно — самую тесную каноническую и дружественную связь.

Очень знаменательно, что «Всеpravославный конгресс в Константинополе, заседая под председательством Святейшего Патриарха Вселенского Мелетия IV [Метаксакис], узнав о состоявшемся в Москве церковно-народном сборище, которое среди остальных неканонических определений издало и определение о низложении находящегося в заключении Патриарха Тихона, — единогласно постановил выразить: во-первых, сожаление по поводу такого поступка в отношении Первоиерарха Св. Русской Церкви; во-вторых — сердечное сочувствие исповеднику-Патриарху.

Во Христе любящий брат
Вселенский Патриарх Мелетий [Метаксакис].
4 июля [н. ст.] 1923 года».

Когда «обновленцы» в 1924 году стали распространять свою очередную ложь об «устранении» Святейшего всею Восточною Церковью, — Вселенские Патриархи, возмущенные этим обманом, этой бесчестной спекуляцией их именем, громко, единодушно и категорически опровергли клевету обновленцев. Патриарх Димитрий [Павлович] Сербский в особой грамоте за № 2359 подтвердил свое опровержение, а Евдокиму [Мещерскому] ответил советом «прекратить церковную смуту и подчиниться Святейшему Патриарху Тихону, единственной главе Российской Православной Церкви».

Когда же Святейший Тихон скончался, на его могилу прислал венок архиепископ Кентерберийский, примас Англии.

Не менее показательно, что мировая христианская конференция, открывшая свои занятия 6(19) августа 1925 года в Стокгольме, почтила память покойного Всероссийского Патриарха Тихона — великого представителя христианства.

Но разнообразнейшие враги Православной Церкви ненавидели Ее главу, Святейшего Тихона. Трудно и вообразить, как много он от них страдал! Он был истинным избранником Божиим, и на нем оправда-

лись слова Христа: «*поносят вас, и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще, Мене ради*» (Мф. 5, 11).

Мало того — враги Церкви жаждали крови Святейшего Патриарха, покушались на его жизнь. Всем памятли эти дикие крики о желаемой смерти Патриарха, эти жуткие дни, вроде 5(18) октября 1921 года, когда он выходил после литургии из храма Христа Спасителя, и какая-то женщина ударом ножа ранила Святейшего...^[20] Или 26 ноября (9 декабря) 1924 года, когда несколько преступников ворвались в его комнаты и убили первым вышедшего на их шум любимого келейника, Я. А. Полозова; или же, когда, незадолго до перехода Святейшего в Бакунинскую больницу, неизвестные темные личности две ночи подряд пилили решетку на окне его кельи...

А кто измерит все море грязи и гнусной клеветы, выливавшейся беспрестанно на кристально чистого Святейшего Тихона, эту бездну низкой лжи, которой не стыдились враги Церкви, это бессовестное извращение всего, связанного с именем Патриарха?! Всевозможные обновленцы, возрожденцы и другие отщепенцы потому и пользовались ложью и клеветой как постоянным оружием против Святейшего, светлого обличителя их темных дел, чтобы тем самым хоть как-нибудь прикрыть и оправдать свои преступления против Церкви.

Наглой ложью и обманом являются заявления главарей раскола, что они «получили власть от Патриарха», который «от нее отрекся». В действительности же Первоиерарх Русской Церкви резолюцией от 29 апреля (12 мая) лишь на время своего вынужденного заключения передал высшую власть митрополиту Агафангелу [Преображенскому], превосходное воззвание которого от 5(18) июня 1922 года рисует истинное положение вещей.

Насквозь лжива попытка «обновленцев» — попытка с никуда не годными средствами — инсценировать «лишение Патриарха сана и монашества» на своем лжесоборе 1923 года. Его «постановление» о Святейшем Тихоне ничтожно и недействительно уже потому, во-первых, что сам «собор» был совершенно незаконным, неканоническим, неправославным по своему созыву, составу и деятельности¹ (а по тем насилиям, крикам и бесчинствам, какие на нем происходили, по всей своей преступной сущности — подобным разве только Ефесскому Собору 449 года, который за то и был назван «разбойничьим»). Во-

¹ Исчерпывающую характеристику «собора»^[21] и блестящий обзор церковных событий последних лет содержит «Воззвание православного российского епископата» от 1923 года. Будучи лучшим, пожалуй, из всего, что есть в литературе по обновленческому вопросу, оно представляет поэтому большой интерес для каждого верующего человека. [См.: Акты... С. 296—298. — Ред.]

вторых, подчеркиваем, осуждение Святейшего Патриарха этим «советом нечестивых» происходило без обязательного и необходимого (!) присутствия Вселенских Патриархов и предстоятелей автокефальных Церквей.

В самом же процессе «суда» наиболее вопиющим нарушением не только канонических, но и общечеловеческих требований является заочное осуждение Святейшего, без объяснений обвиняемого, без приглашения его на суд, по докладам трех не заслуживающих доверия обвинителей — трех главарей церковной смуты. Надо отметить, что их обвинения совсем не были подтверждены — ни допросом свидетелей, ни рассмотрением документов, не были даже проверены свободным обсуждением членов «Собора», — несмотря и на то, что председателю «Собора» было подано более 100 записок с требованием слова!

Вот почему просто не выдерживает никакой критики это недостойное порядочных людей и вместе жалкое по своему замыслу и исполнению «решение» о Святейшем Тихоне.

Должны быть всецело отменяемы и полные обычной лжи заявления обновленцев о том, что его «отстранил от власти греческий Патриарх». Ибо прежде всего последний не имеет на это ровно никакого права, о чем и писал в 1924 году Святейший в своем прекрасном, обстоятельном письме к нему. А во-вторых, он и не «удалял», конечно, Святейшего Тихона, а лишь подал ему в этом духе совет, — явно навеянный теми же врагами Церкви, обновленцами, сумевшими его обойти.

VI. От патриаршего престола к Престолу Господню

Святейший Патриарх Тихон надорвал свои силы на тяжком пути служения ради блага Русской Православной Церкви... Внешние и внутренние церковные потрясения, «обновленческий» раскол, непрестанные первосвятительские труды и заботы по устройению и умиротворению церковной жизни, бессонные ночи и тяжелые думы, более чем годичное заключение, злобная, гнусная травля со стороны врагов, глухое непонимание и неумная критика со стороны подчас и православной среды, все то, что за Христа претерпел страдалец-Патриарх на своем посту, подточило его когда-то крепкий организм, согнуло его высокую фигуру, наложило большой отпечаток измученности на его грустный взгляд¹, посеребрило его голову, свело его в могилу всего на 61-м году жизни...

¹ «Кажется, грусть всего мира смотрит в этих глазах», — сказал, глядя на лучшую фотографию Святейшего, один искренний юноша (хотя и не принадлежащий к Церкви).

Крайне больно было переживать все церковные беды его любящему отзывчивому сердцу, и оно не выдержало. Начиная с 1924 года Святейший Патриарх стал настолько сильно недомогать, что в день Рождества Христова написал свое завещание, в котором согласно постановлению Священного Собора от 25 января (7 февраля) 1918 года, указал себе преемника по управлению Русской Церковью¹.

Усиливавшаяся болезнь — сердечная астма — заставила Святейшего поместиться для систематического лечения в больницу доктора Бакунина (Остоженка, дом 19), где он был обставлен всеми удобствами и пользовался советами лучших московских врачей. Вот что сообщает доктор Бакунин, в больнице которого и скончался Святейший Тихон, об его болезни и смерти.

«Патриарх Тихон поступил в нашу лечебницу 13 января [н. ст.] 1925 года с хроническим воспалением почек и перерождением мышцы сердца (миокардит). Кроме того, еще до поступления в лечебницу, в Донском монастыре у него было несколько приступов грудной жабы.

Лечили Патриарха Тихона профессор В. П. Кончаловский и ассистент доктор Покровский (бывавший у Патриарха Тихона ежедневно). На консультациях бывали проф. Шервинский и проф. К. К. Плетнев. Кроме того, ежедневно посещал больного доктор Н. С. Щелкан. До 1-й недели поста в состоянии здоровья больного было отмечено заметное улучшение — отсутствие припадков, здоровый пульс и нормальное самочувствие. В начале первой недели поста Патриарх Тихон выписался на 4—5 дней из лечебницы для совершения служб в московских церквях, после чего вернулся в лечебницу очень утомленным и с ухудшением как со стороны сердца, так и почек.

Наступившее временное улучшение продолжалось недолго.

Патриарх Тихон регулярно выезжал по праздничным и воскресным дням, что не могло не отразиться на состоянии его здоровья.

2 апреля [н. ст.] врачом Виноградовым была произведена у больного экстракция нескольких корней из нижней правой челюсти. После этого у него появилось довольно обычное незначительное воспаление десны, распространившееся на соответствующую сторону глотки до миндалевидной железы. Был вызван специалист доктор Генкин, который, хотя и не нашел ничего серьезного, все же, не желая брать на одного себя ответственность, настоял на консультациях, состоявших-

¹ В силу этого распоряжения Святейшего Тихона после его кончины патриаршие права и обязанности перешли к митрополиту Петру [Полянскому], который с 27 марта [ст. ст.] 1925 года и является Местоблюстителем Патриаршего Престола. Теми же сообщениями руководился и митрополит Петр, назначив себе временного Заместителя в лице митрополита Сергия [Страгородского], который и управляет нашей Церковью.

ся накануне смерти в 10 часов вечера 25 марта (7 апреля). В консультациях принимали участие кроме д-ра Генкина, проф. Свержевский, д-р Мещерский и врачи лечебницы»¹.

В воскресенье 23 марта (5 апреля), за два дня до своей кончины, Святейший Патриарх Тихон, несмотря на боль в горле, выехал служить литургию в церковь Большого Вознесения на Никитской. Это была его последняя служба, последняя литургия...

Результат длинного богослужения и речи, сказанной Святейшим Тихоном поставленному им епископу, не замедлил обнаружиться — прежде всего в сильном раздражении горла. Однако Святейший, по видимому, чувствовал себя окрепшим и даже предполагал через несколько дней совсем выйти из больницы, тем более что приближалась Страстная неделя. Но — Господь судил иное.

И совершенно неожиданно, в самый день праздника Благовещения, Он призвал к Себе Первосвященителя Русской Церкви.

«Много дум вызывает эта смерть и сопровождавшие ее обстоятельства», — пишет один священник. Ближайшие объективные данные, приблизившие роковой конец, нам неизвестны. «Мертвые не говорят». Непосредственные причины смерти нашего Святейшего Отца окружены тайной, и эту тайну он унес с собой в могилу...

Во вторник 25 марта (7 апреля) последний день его земной жизни, он принял митрополита Петра [Полянского] и имел с ним продолжительную деловую беседу, после которой чувствовал себя очень утомленным.

Еще за три часа до своей кончины Патриарх беседовал с навещавшими его лицами, живо интересовался ходом церковных дел, сообщал о предполагаемом своем скором выходе из лечебницы, жалел, что недомогание не позволило ему совершить богослужение в великий праздник...

Вечером дежуривший при Патриархе послушник К. Пашкевич предложил ему прилечь, отдохнуть пред новой операцией, так как Святейший страдал бессонницей: «Ночь, все равно, Ваше Святейшество, вы проведете беспокойно».

Святейший ответил: «Теперь я усну... крепко и надолго... Ночь будет длинная, темная-темная...»

«В половине 12-го ночи, — продолжает доктор Бакунин, — состоялся последний обход больных врачом Лопатиной, во время которого

¹ Выдержки взяты из статьи: Болезнь и смерть Тихона // Вечерняя Москва. 1925. № 91(401). 23 апреля. С. 2 и газетного сообщения о кончине Святейшего: Смерть бывш[его] Патр[иарха] Тихона // Известия. 1925. № 81(2414). 9 апреля. С. 2.

Патриарх Тихон чувствовал себя в общем удовлетворительно; но не успел врач подняться в свою квартиру, как раздался тревожный звонок фельдшерицы, сообщавшей по телефону, что больному нехорошо. Немедленно был вызван доктор Щелкан. Врачи застали Патриарха Тихона в ясно выраженном припадке грудной жабы: задыхание, мелкий, падающий под руками пульс, холодный пот. Больной указывал на сердце и жаловался на боль.

Были впрыснуты обычные в таких случаях камфора и морфий, но пульс продолжал падать...» Медицинские усилия оказались тщетны.

Было 11 часов 45 минут вечера.

Святейший Патриарх Тихон умирал.

Но умирал он с тихой молитвой к Богу, молитвой благодарности и славословия. «Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе» — не успел он перекреститься в третий раз...

Многострадальная, чистая душа Великого Первосвятителя ушла из нашей осиротевшей Русской Церкви к Тому, Кому она служила всю свою жизнь здесь на земле.

VII. «Земля еси — и в землю отыдеши»¹

На другое утро «звон церковей, молитвенно печальный, дрожал над городом певучею волной»...²

Верующие останавливали друг друга на улицах, сообщая страшную весть. На зданиях некоторых иностранных миссий были приспущены флаги в знак траура.

Наступили горькие дни прощания...

В летнем соборе Донского монастыря в простом дубовом гробу неподвижно лежал Великий Господин и Отец наш, Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России.

День и ночь в продолжение четырех суток служились панихиды над телом усопшего осиротевшими архипастырями и пастырями Православной Церкви, и день и ночь непрерывно шел верующий русский народ. После пяти-семичасового стояния в огромной, полутораверстной народной ленте, входили в собор люди, съехавшиеся из тех городов нашей родины, куда успела дойти весть о кончине³.

¹ Горячо рекомендуем каждому великолепно написанные воспоминания одного петербургского священника — «Последние дни на земле», — дающие замечательно полную картину погребения Святейшего и всего, с ним связанного. [См.: Акты... С. 326—378. — *Ред.*]

² Из В. Т. Кириллова.

³ Почти повсеместно верующие узнали об этом слишком поздно, пока до них дошли газетные извещения, появившиеся в Москве лишь на третий день.

Входили с болезненно сжимающимся сердцем и с благоговением целовали в последний раз холодную руку Святейшего Патриарха Тихона. И хотя большего количества прощавшихся, в продолжение каких-нибудь ста часов, не мог пропустить собор, но и так слишком много слез видели его мрачные стены, и так прошло, по вычислениям счетчиков, около миллиона человек. В Вербное воскресенье, в праздник Ваий, хоронила Православная Российская Церковь своего Патриарха.

Думается, что этот приснопамятный день верующие никогда не забудут.

Такой необыкновенной службы давно не видали православные храмы на Руси. Все, что есть лучшего в Русской Церкви, — все было принесено в дар ее почившему Первосвятителю, все пришли сюда отдать ему последний долг.

Богослужение длилось более восьми часов.

Дивная служба была полна изумительной — величественной и скорбной красоты.

Отпевание совершали 63 архиерея под председательством пяти митрополитов, во главе с Местоблюстителем Патриаршего Престола Высокопреосвященным Петром [Полянским], митрополитом Крутицким, и около 400 священнослужителей. Выдающиеся московские проповедники, архиереи и профессора, сложили Святейшему Тихону прекрасный венок, сплели ему неувядаемую гирлянду своих слов о нем — слов любви, преклонения и глубокого горя... Дивно пели избранные хоры под управлением профессора Чеснокова, пели последнее прости Святейшему Владыке.

Недалеко от гроба стояли представители иностранных миссий.

А что же сказать о бесчисленном множестве народа, когда люди оставались в соборе еще с вечера, и к 11 часам утра туда уже не пускали даже священников без облачений! Колоссальные толпы мало-помалу запрудили собою не только весь огромный монастырский двор, всю территорию монастыря, но и прилегающую громадную площадь — поле и соседние улицы. Это представляло собою нечто небывалое, что-то такое большое и сильное, что, не видя, нельзя представить, а увидевши — нельзя забыть.

В этом безбрежном народном море соединились в одно великое целое представители всех слоев населения, всякого чина, пола и возраста. Всех их привлек к себе Святейший Патриарх Тихон, все они пришли проститься с тем, кого так любили.

Только исключительным благоговением собравшихся к памяти почившего можно объяснить тот идеальный порядок, какой сохрани-

ли они, стоя 8—12 часов (а очень многие и почти сутки) в страшной тесноте и духоте, не видя и не слыша самого богослужения. И ведь здесь — свободное изъяснение воли народа, без какого бы то ни было принуждения, без газетных реклам и сенсаций.

Все это, вместе взятое, говорит об очень многом и уму, и сердцу.

Говорит, во-первых, о самом Святейшем Тихоне и об отношении к нему верующих русских людей, и о том, что «значит, достоин он был такого уважения!», — как сказал один простой рабочий. А затем лишний раз и о том, что непреложная истина — слова Христа Спасителя: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее» (Мф. 16, 18).

Днем и великой скорби, и торжества Православия был этот замечательный день. Его прекрасная картина навсегда запечатлелась в сознании присутствовавших.

Казалось, словно сама земля прощалась с одним из лучших своих сынов... Была яркая тихая погода ранней весны, когда чувствуется и печаль и радость. Горячее солнце заливало и высокие, темно-красные стены собора, и почерневшие от веков огромные купола, и далекие золотые кресты, искрившиеся в лазурном небе, и стоявшие сплошной массой сотни тысяч людей. От них чернели крыши монастырских корпусов, стены, деревья и колокольни. В благоговейной тишине слышались лишь то здесь то там теплые сердечные разговоры об усопшем Первосвятителе. Да время от времени раздавались широкие, стонущие звуки погребальных напевов, сливавшихся с колокольным звоном.

Отпевание Святейшего Патриарха Тихона окончилось. Погребальная процессия показалась из собора... Весь народ запел «Вечная память», и это могучее пение, в котором так много любви и печали, звучало как шум моря, потрясая души сотен тысяч верующих.

Все стали креститься. У многих текли непрошеные слезы. Те, для кого Церковь — все в жизни, особенно больно ощущали незаменимую утрату... Православные русские люди прощались со своим духовным вождем и руководителем.

В последний раз они увидели бездыханное тело того, кого поистине называли Святейшим, видя в нем необыкновенную, благодатную, большую душу; кто всю силу своего морального и церковного авторитета, все свое положение, дарования, всю свою жизнь отдал служению Церкви и своей нравственной высотой так много сделал для нее в эти бурные годы; того, кто был безгранично любим миллионами людей, кто на пятой части земли, защищая Святое Православие, страдал за него, и, надорвавшись под этим тяжким крестом, успокоился навеки...

Его похоронили в древнем храме монастыря во имя Донской иконы Богоматери. Любящие его души заботливо, с чуткой внимательностью украсили его могилу. И теперь верующий православно-русский народ ходит на могилу Святейшего Патриарха Тихона — помолиться и подумать о нем, поклониться ему...

И не зарастет к нему народная тропа, не победит время любви к нему, как никем и никогда не будет побеждена Святая Церковь, не умершая со смертью Ее Первосвятителя.

Пусть же каждый из нас до последнего вздыхания сохранит в своем сердце его светлый образ.

Пусть каждого из нас воодушевляет стремление быть таким же чистым христианином, таким же верным сыном Православной Церкви, каким был наш дорогой, незабвенный Великий Господин и Отец.

И пусть горяча и усердна будет твоя, христианин, непрестанная о нем молитва: вечная память и вечный покой со святыми Святейшему Тихону, Патриарху Московскому и всея России!

Протопресвитер Георгий Шавельский^[22]

АРХИЕПИСКОП ВИЛЕНСКИЙ И ЛИТОВСКИЙ ТИХОН В СИНОДЕ

Я впервые увидел митрополита Питирима [Окнова]^[23] в Синоде на заседании, приблизительно через неделю после его назначения...

Одним из первых дел, которым занялся Синод, при участии нового митрополита, было тобольско-варнавинское^[24]. Тут сразу определился курс Питирима.

Как уже говорилось, резолюцией Государя предлагалось новой зимней сессии Синода пересмотреть уже состоявшееся решение Св. Синода по Тобольскому делу. Чтобы заняться исключительно этим делом, назначили особое заседание вечером — в кабинете обер-прокурора. Это было во второй половине ноября [1915 г. — *Сост.*]. Председательствовал митрополит Владимир [Богоявленский]. Кроме членов Синода, присутствовали: обер-прокурор^[25] А. Н. Волжин, директор его канцелярии В. И. Яцкевич, управляющий канцелярией Синода — П. В. Гурьев, его помощник С. Г. Рункевич и секретарь Синода Н. В. Нумеров^[26]. Всегда неровный и нервный, митрополит Владимир теперь особенно нервничал, ибо он принципиально не сочувствовал пересмотру варнавинского дела; теперь же он, кроме того, переживал остроу нанесенной ему обиды из-за этого дела.

— Это у нас будет частное совещание? — обратился он к обер-прокурору, оглядывая его кабинет и его костюм: обер-прокурор был в простом сюртуке, а не в мундире, как он обычно бывал на заседаниях Святейшего Синода.

— Нет, зачем же совещание. Будет настоящее заседание Синода^[27], — ответил обер-прокурор.

— Тогда почему же не там? — заметил недовольным тоном митрополит, указывая по направлению к синодальной палате.

Уселись за стол. Обер-прокурор сел против митрополита Владимира. Секретарь изложил сущность дела. Была прочитана царская резолюция. Началось обсуждение дела. Митрополит Владимир нервно и резко обвинял Варнаву (Накропина), доказывая справедливость прежнего сино-

дального решения. С большой горячностью против епископа Варнавы говорил Тверской архиепископ Серафим [Чичагов]. Он тогда переживал свою досаду. Энергично поддерживая связи с двором, не брезгуя знакомством с Распутиным, он крепко рассчитывал попасть в митрополиты. В конце ноября этого года, полк[овник] Д. Н. Ломан, ктитор Федоровского собора, близкий к архиепископу Серафиму и к Распутину, как-то откровенничал передо мной: «Почему Питирима, а не Серафима назначили Петроградским митрополитом? — возмущался Ломан. — Я уже говорил Григорию: „Что же ты не постарался для Серафима?“ — Утешает: „Пусть обождет. Вот, помрет Московский [митрополит Макарий Невский. — *Сост.*], — тогда Серафиму дадим”». Но Московский был живуч, и перспектива ожидания его смерти Серафиму не улыбалась. Да Петроградская кафедра и манила его больше Московской. Серафим сразу стал в ряды противников перепрыгнувшего его Питирима.

Как бывший гвардейский полковник и столбовой дворянин, архиепископ Серафим вообще свысока, если не с презрением, относился к мужику и неучу епископу Варнаве. Теперь же он не мог стать его защитником еще и потому, что последний был другом и наперсником Распутина, так жестоко обманувшего его радужные надежды. Несмотря, однако, на такие мотивы, которые, по моему убеждению, оказывали влияние на образ действий архиепископа Серафима, я должен сказать, что обвинительная его речь — иначе не могу назвать ее — против Варнавы была и смела, и серьезна. Протопр[есвитер] А. А. Дернов, как всегда, прямолинейно и резко обвинял Варнаву. Я, соглашаясь с наличием несомненного преступления Варнавы и необходимостью наказать его, считал, однако, что нельзя не принять во внимание резолюцию Государя, который просит Синод о смягчении наказания виновному епископу. Вместе с этим я находил совсем недопустимым, как могущее вызвать большой соблазн, синодальное послание к пастве о недействительности произведенного Варнавою прославления [святителя Тобольского Иоанна Максимовича. — *Сост.*]. Митрополит Питирим и Макарий (Московский) в течение всего заседания не проронили ни одного слова. Прочие члены Синода говорили в примиряющем тоне. Началось голосование. Митрополит Питирим воздержался от подачи голоса. Говорили, что раньше в Синоде такого рода воздержание не практиковалось. Решение Синода было таково: прославление считать недействительным; для нового освидетельствования мощей и проверки сведений о чудесах командировать в Тобольск Литовского архиепископа Тихона; епископу Варнаве сделать внушение. Митрополит Питирим не заявил протеста против такого решения. Обер-прокурор приказал спешно заготовить протокол настоящего заседания для скорейшей подписи.

Следующее заседание состоялось чуть ли не на другой день. Когда члены Синода заняли свои места, был подан заготовленный протокол вчерашнего заседания по Тобольскому делу. Но митрополит Питирим заявил, что он не может подписать протокола, так как с решением Синода не согласен и просит выслушать его мнение. Митрополит Владимир совершенно резонно, но очень резко стал доказывать, что дело решено, что митрополит Питирим вчера на заседании мог высказать свое мнение, а не молчать и, при несогласии с решением всех, вчера же должен был заявить о своем желании подать особое мнение и пр. Учитывая, что отказ митрополиту Питириму в его желании сейчас высказаться будет в Царском Селе ложно истолкован, как пристрастное отношение и к епископу Варнаве, и к митрополиту Питириму, некоторые члены решительно высказались за то, чтобы позволено было митрополиту Питириму изложить свое мнение. Митрополит Владимир в конце концов уступил. Митрополиту Питириму было предоставлено слово. Питирим говорил долго, опустив глаза вниз, ни на кого не глядя. Это была речь не судьи, а адвоката и притом адвоката бездарного, который, чтобы оправдать своего клиента, обвиняемого, скажем, в воровстве, силится доказать, что его клиент не хромой и не слепой, не отказывает своей семье в куске хлеба и не убивает среди бела дня на улице людей. Течение мыслей и речи митрополита Питирима было таково: епископу Варнаве объявляется внушение, прощение. Есть ли за что наказывать епископа Варнаву? Блудник ли он? Нет. Корыстолюбив? Тоже нет. Не учитель? Он проповедует, как умеет. Если его проповеди простые, не ученые, он не виноват: когда его ставили в епископы, знали, что он не образован и т. д. Защитники упорно обходили факт, лежавший в основе обвинения епископа Варнавы и решения Св. Синода, что епископ Варнава превысил данную ему власть, нарушил церковный закон и даже не исполнил царского указания. Несомненно, митрополит Питирим не настолько был глуп, чтобы после целого заседания, посвященного обвинению епископа Варнавы, он не понял, за что же нападают на этого святителя, и чтобы теперь он не чувствовал фальши своих доводов, своей защиты, но ему надо было одного добиться, чтобы в Царском Селе узнали, что и новая сессия сурово отнеслась к епископу Варнаве, а он один защищал его.

Митрополиту Питириму возражали: митр[ополит] Владимир, архиепископ Серафим, протопр[есвитер] А. А. Дернов и я. Протопр[есвитер] Дернов обвинял Питирима в неискренности, скрыто — в недобросовестности. Я спокойно разобрал всю его нелепую апологию, показав ее несерьезность и нелогичность.

Началось голосование. Митрополит Макарий, и на этом заседании не проронивший ни слова, заявил, что он не расслышал всего, что говорилось на заседании, и поэтому не может высказать своего мнения. Прочие члены согласились лишь смягчить некоторые выражения в заготовленном протоколе, оставив прежний смысл. Митрополит Питирим примирился на этом.

Обыкновенно протоколы заседания подписывались на следующем заседании. Но, чтобы митрополит за два дня не составил еще какого-либо мнения, обер-прокурор приказал приготовить протокол к концу заседания. Скоро новый протокол был подан для подписи. Подписали митрополиты Владимир и Макарий. Протокол передвинули к митрополиту Питириму.

— Я потом подпишу, — сказал он, отстраняя бумагу. Члены Синода переглянулись.

— Мы должны после вас подписывать, — обратился к нему один из членов. — Может быть, будете добры не задерживать нас.

— Нет, я не могу сейчас — перья здесь плохие, — ответил Питирим. Тогда архиепископ Тихон вставил новое перо в одну из ручек и подал ее Питириму.

— Вот это новое, хорошее перо.

— Нет, нет! Я такими перьями не пишу, — был ответ Питирима.

Подписались без Питирима и начали разъезжаться. Исполнявший тогда должность товарища обер-прокурора В. И. Яцкевич, прощаясь со мной, сказал:

— Сегодня беспримерный день в Синоде: один из митрополитов на время слушания дела оглох, а другого высекли протопресвитеры...

На следующем заседании мы узнали, что протокол подписан митрополитом Питиримом.

Поведение митрополита Питирима в Варнавинском деле раскрыло членам Синода, с кем, в лице нового митрополита, они будут иметь дело. Зато в Царском Селе его защита епископа Варнавы окончательно утвердила за ним репутацию верного и надежного царского слуги. Митрополит Питирим избрал для того времени верный, хоть для будущего и опасный путь. Что ему теперь значило мнение о нем Синода, когда им были пленены царские сердца! О далеком будущем он не задумывался, ближайшее было в его руках.

Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т.1. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954. С. 378—383.

ПРОТОПРЕСВИТЕР ШАВЕЛЬСКИЙ В ВИЛЬНЕ

Кажется, 11-го и 12-го сентября [1915 г. — *Сост.*] я провел в Вильне, где, после посещения находившихся там военных госпиталей, был гостем архиепископа Тихона¹, с которым сначала в городе, а потом на его чудной даче в Тринополе провел в приятной беседе около семи часов.

Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 1. С. 165.

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ СОБОР В СТАВРОПОЛЕ И АРХИЕПИСКОП АГАФОДОР

Я хорошо знал архиепископа Агафодора [Преображенского] по Московскому Собору [1917—1918 гг. — *Сост.*]. Тогда он поражал свою беспомощностью: его водили, ему подсказывали, за него решали [...]

Предупрежденный моей телеграммой о цели нашего приезда, архиеп[ископ] Агафодор принял нас, как милый, гостеприимный хозяин: для встречи нас выслал на вокзал своего викария, еп[ископа] Михаила [Космодемьянского], и эконома, иеромонаха Серафима, угощал по-архиерейски. Ужинать с ним было легко и приятно, беседовать же о деле куда труднее. Когда мы изложили ему свою просьбу, он запротестовал: нельзя открывать Собор, не снесшись с Патриархом, — надо сначала с ним снестись. Мы объяснили ему, что потому-то Собор и открывается, что нельзя сноситься с Патриархом, что Патриарх ничего не будет иметь против этого доброго и необходимого дела. В конце концов он согласился. Чтобы старец не передумал или не переубедили его, мы сейчас же принялись за писание бумаг Главнокомандующему и архиереям с целью тут же немедленно заставить старца подписать их и отсюда же их разослать. Положиться на слово старца нельзя было: после

¹ Впоследствии — Патриарх Тихон. — *Примеч. о. Георгия Шавельского.*

Московского Собора он еще более одряхлел — плохо соображал, все путал, забывал. Сидя за чаем, он серьезно спросил меня:

— А К. П. Победоносцев^[28] (†1906 г.) помер?

— Умер, владыка, умер, давно умер! — ответил я.

— А-а, помер!.. Хороший был человек. Царство ему небесное! — перекрестился архиепископ.

Когда на следующий день я стал читать архиеп[ископу] Агафодору написанные бумаги, он с удивлением начал спрашивать меня:

— Разве надо собирать Собор? А как же без благословения Патриарха? и т. п. Словом, за ночь все было забыто или перепутано. Пришлось убеждать снова [...]

Приближенные Агафодора, как архимандрит Антоний (Марченко) и другие, внушили ему, что созыв Собора вызовет гнев Патриарха, что можно обойтись и без Собора и т. п. [...]

19-го [мая — 1 июня 1919 г. по н. ст. в Ставрополе Кавказском. — *Сост.*] открылся Собор^[29]. Торжество началось совершением литургии. Служили: архиепископы — Агафодор, Митрофан [Симашкевич] и Дмитрий [Абашидзе], епископы — Макарий [Павлов] и Гермоген [Максимов] со множеством духовенства. Агафодор еле двигался, возгласы произносил по подсказке, вообще участие его в богослужении придавало последнему более похоронный, чем торжественный характер. Причастившись, Агафодор сел в кресло. К нему подошел Кубанский еп[ископ] Иоанн [Левицкий], 12-й год состоящий его викарием.

— А вы кто такой? — спросил его Агафодор.

— Разве не узнаете меня? — с удивлением спросил Иоанн.

— Нет, нет, не узнаю!

— Я же викарий ваш, Кубанский еп[ископ] Иоанн. Агафодор внимательно посмотрел на Иоанна:

— Да, да! Похожи, похожи! Здравствуйте! [...]

Переживший самого себя, совершенно одряхлевший, все забывающий, ни к какой работе не способный, архиепископ Агафодор был характерной фигурой в нашей церковной жизни старого времени. Когда-то он был очень работоспособен, деятелен, в известном отношении талантлив, но теперь он все позабыл, все перепутал, не в силах был разобраться в самых простых вещах [...]

Номинальному инициатору этого Собора, архиеп[ископу] Агафодору Собор принес много огорчений. На Соборе оформилось отделение Кубанской епархии от Ставропольской — событие, которого давно уже боялся престарелый, бессознательно цеплявшийся за власть архиепископ. Когда ему сообщили о соборном решении, он упал в обморок и при падении сильно ушиб голову и руку. Два дня

после этого он почти без движения пролежал в постели. За этим последовали другие огорчения. Он мечтал, что Собор поднесет ему белый клубок. Собор ограничился адресом, а вопрос о белом клубке отложил до восстановления связи с Патриархом. Не дождавшись от Собора милости, старец впал в страх, как бы Собор или учрежденное им ВВЦУ не отстранили его, по старости, от кафедры. Под этим страхом, постоянно мучившим его, он жил все время до самой своей кончины, 18[31] июля 1919 г., возможно, ускоренной пережитыми на Соборе волнениями.

Присутствовавший при кончине архиепископа Агафодора прот[оиерей] Кир[илл] Окиншевич рассказывал мне, что старец умирал спокойно, в полном сознании. Около него в момент смерти находились епископ Михаил [Космодемьянский] и прот[оиерей] Окиншевич. Последний, видя, что старец начинает дышать все тяжелее, обратился к еп[ископу] Михаилу:

— Надо читать отходную. Владыка умирает.

Умиравший открыл глаза и, уставившись на Окиншевича, спросил его:

— А вам кто это сказал?

Потом снова закрыл глаза, начал еще тяжелее дышать и через несколько минут скончался.

Таким образом, старец-архиепископ, может быть, сокращением дней своих заплатил за то дело, которое, совершившись помимо его воли, вопреки его желаниям, вне его сознания, вплетет его имя в церковную историю. Историк должен будет отметить, что архиепископ Агафодор созвал Южно-русский Собор, давший краю высшую церковную власть, которая отсутствовала после перерыва сношений с Патриархом и которая затем церковно объединила разрозненные части разоренной русской земли. Историк скажет, что архиепископ Агафодор молитвою и речью открыл Собор и «почетно» возглавлял его. Иного, по всей вероятности, он и не сможет сказать, ибо все, происходившее до созыва Собора и вызвавшее этот Собор, сводилось к разговорам отдельных лиц и частных групп, к кабинетным докладам Главнокомандующему и не зафиксировано на бумаге. Эра же соборная начинается приглашениями за подписью архиеп[ископ] Агафодора, обращенными к архиепископам, епископам, атаманам и пр. Таким образом, архиеп[ископ] Агафодор, в пору полного своего одряхления, невзначай, но прочно и почетно попал в историю.

Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 2. С. 333—334, 338, 339, 347—349.

Монахиня Анфия^[31]

БЕЗ МЫЛА

Однажды на Пасху пришла я в Донской, к Святейшему, поздравить с великим праздником и передать ему подарок от нашей Дивеевской игумении — белую шерстяную рясу.

Он усадил меня, сел сам, побеседовал со мною, с дураю, немного и сильно благодарил за подарок и за хлопоты об нем.

Я говорю:

— Да уж какие наши хлопоты, Ваше Святейшество... А он сильно благодарил... А потом и говорит:

— Что ж ты такую беленькую принесла рясу-то; уж больно маркая; потемнее бы какую, — не такую бы уж маркую. Я ведь враз испачкаю ее, и не отмоешь меня тогда...

А потом и говорит, будто осердясь, — а сам смеется:

— Мыла-то теперь нету!..

Записано со слов манатейной *монахини Анфии*, старшей сестры Серафимо-Дивеевского подворья в Москве, на 1-й Мещанской улице. М., 1933.

ИСЦЕЛЕНИЕ РАССЛАБЛЕННОГО НА ТРОИЦКОМ ПОДВОРЬЕ

О любопытном и несколько загадочном эпизоде, связанном со Святейшим Патриархом, рассказывала недавно мать Анфия...

Дело происходило, кажется, весной 1921 года (точно рассказчица не припоминает).

На подворье^[32] к ним прибыл один из нижегородских викариев, сравнительно еще молодой, недавно хиротонисанный епископ Варнава [Беляев]^[33], выходец из Зосимовой пустыни. По слухам — он

епископствовал недолго, так как вскоре скончал свои дни в Нижнем Новгороде в результате острого психического заболевания. («Сошел с ума — Господь его и прибрал», — заключила попросту мать Анфия).

С этим вот епископом Варнавою, или, лучше сказать, «при нем» проживали на подворье и два его келейника, приехавшие вместе с ним.

— Так и жили, — рассказывает мать Анфия, — пожилы, да и стали собираться вскорости ехать к себе обратно... Только вдруг однажды залетает ко мне в келию владыка и лица на нем нет: губы трясутся, весь белый и говорит, стуча зубами:

— Мать — беда!.. У меня келейник обмер. Что теперь делать — ума не приложу...

Как он мне сказал это слово — я сама испугалась досмерти. Господи, думаю себе, — да что ж это такое за наказание?

И говорю ему:

— Что делать? Говорю: — Доктора надо непременно звать, владыка. Пока там суд да дело, пошли мы с ним в комнату. Заходим и смотрим: лежит этот самый келейник на кровати, весь бледный — ни кровинки и дыху никакого нету. Закостенел весь, так и лежит — как доска...

Поглядела я на эту картину, да и думаю себе: Господи! Что же это теперь у нас будет? Что Евгений Александрыч-то скажет, когда узнает это самое дело? Ведь у нас, на подворье, Евгений Александрыч состоял на квартире. Стучков [Тучков. — *Сост.*]. С мамашей со своею... Он нам, бывалочи, завсегда наперед говорил: в каком приходе Святейший служить будет; в каком — Евсевий [Никольский; митрополит Крутицкий. — *Сост.*], али — Иларион [Троицкий]. Это он — завсегда...

Думаю я это себе, воображаю, а владыка-то Варнава и говорит:

— Ну вот что, мать: нечего нам тут время терять да раздумывать: когда там доктора, да когда еще чего, а надо нести его к Святейшему, на исцеление!..

А я и говорю:

— Да Господь с вами! Как же это его нести-то, владыка? Да и нести-то некому; старухи все...

А владыка Варнава говорит:

— Ты, — говорит, — поменьше рассуждай, а доставай-ка сей минут где-нибудь носилки. Положим на них, да и понесем. Тут недалече, донесем авось...

Вот я и полетела через улицу — к слепым в обчежитие, достала там складные носилочки, говорю владыке: «Принесла». А он говорит: «Ну, давайте его класть». Положили мы его, накрыли белой просты-

ней, позвали наших четырех сестер — и пошли. Впереди владыка в клобуке и в рясе, потом — сестры с носилками (а я им подсобляла), потом еще несколько сестер наших же, подворских: для сменки...

Меня-то там, на Мещанской-то — все знают. Все — наперечет. Мы несем, а ко мне все народ — которые прохожие — все подходит да спрашивает: «Какая же это сестра у вас представилась?» — думали, померла которая-нибудь: тогда все тифом помирали... тиф тогда ходил по Москве, сыпняк. Так и косил... Это в самую, в эту, в разруху было дело-то. Вот и думали: померла, ее и несут к Андрияну-Наталии¹⁴

А мы так и пошли: Андрияновским проулком, потом по Мещанской, по Четвертой, потом по Троицкой по улице, потом поворотили в Троицкий проулок и прямо — туды, на подворье, на Троицкое, — к Святейшему. Владыка Варнава так ходом и идет, а мы уж все за ним... Умаялись — страсть: из последних сил все повыбивались.

Ну, принесли — постучались. Покойник Яков¹, убитый, увидел владыку-то в стеклянную дверь — отпирает.

И повели нас наверх. Насилу-насилу мы это вперились в дверь-то, с носилками-то, да на второй-то этаж, по лестнице: уж мы его перли-перли пока в залку-то прошли. Насилу проперли. Поставили на пол носилки. А владыка Варнава уж команду подает, чтобы Святейшему сею минутою все, как есть, доложили. Пошли там докладывать...

Владыка Варнава присел на стульчик. Сидит-ждется... А мы все, монахини — сбились в кучу, как овцы. Трясемся. Думаем: «Господи!..»

Стали ждать. А этот — так и лежит на носилках, как чурка... Но вот Святейший выходит. Владыка Варнава прямо со стула вскакивает, к Святейшему: так, мол, дескать, Ваше Святейшество, и так. Такие вот дела...

Святейший подходит тогда к носилкам. Благословил этого-то: на носилках, широким крестом... Потом посмотрел на эту на простыню так пронзительно... и вдруг как воскликнет сердитым голосом:

— Именем Господа нашего Иисуса Христа тебе говорю: встань!..

Куда тут простыня полетела! Куда — носилки!.. Обмерший этот как вскочит, чисто ошпаренный, — да в дверь: бежать...

А Святейший-то ему еще вслед:

— Иди, да впрядь — не согрешай!..

А его и след простыл. А уж что тут с нами было — и рассказать нет моей возможности. Одного страху сколько натерпелись — единому

¹ Имеется в виду келейник Святейшего Патриарха Тихона — Яков Анисимович Полозов, погибший в декабре 1924 года. — *Примеч. ред.*

Господу Богу известно! Как овцы, жмемся к стенке, друг дружку передавили, а сами трясемся: сил наших нет никаких.

А Святейший повернулся к двери, да и пошел себе... А я только и успела шепнуть нашим монахиням: «Бегите сестры, бегите, милые!», — они врассыпную так и дунули по лестнице...

Вот оно дело-то какое вышло. И сейчас — как вспомню — руки-ноги трясутся... Знамо!

Разъясняя вышеизложенное, мать Анфия утверждает, что, хотя для нее лично, во всем этом случае и много загадочного и необъяснимого, но, несомненно, — по ее убеждению, — и то, что «камень эта» была со-стряпана с целью «подорвать Святейшего» начинавшими тогда поднимать голову церковными оппозиционерами или, может быть, даже и — безбожниками.

Но: вышло не по-ихнему!

Понять трудно: дело темное...

Одновременно со всей категоричностью она утверждает, что «обмерший» келейник действительно был «как доска» — совершенно окаменевший. Она его трогала собственными руками и говорит, что ни руки, ни ноги у него не гнулись, когда они перекладывали его с постели на носилки.

Как бы там ни было, но Преосвященного владыку Варнаву мать Анфия, как старшая сестра, слезно просила покинуть их подворье и чем скорее, тем лучше. И владыка со своим штатом тут же уехал.

Только мы их и видели. А уж что тут к чему — сами понимаете, как вас Господь вразумит!..

Записано со слов манатейной монахини *Анфии*, старшей сестры Серафимо-Дивеевского подворья в Москве, на 1-й Мещанской улице. М., 1925.

ПАТРИАРХ ТИХОН НА СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОМ ПОДВОРЬЕ

— Так что, вот что я вам, мои милые, скажу: никогда у нас Святейший на подворье не служил... Даже — ни разу. Звали мы его, конечно. Да ведь и некогда ему было, с нами — с дурами — путаться. Он и так, почитай, чуть ни каждый день где-нибудь да послуживал. То в Москве, то — уедет куда за город.

Раз только: не то в девятнадцатом, не то — в двадцатом году; подкатил на извозчике к нам — на Мещанскую, зашел в часовню, помолился; приложился к которым святыням — к камушку преподобного... Потом с нами сестрами побеседовал. Пошутил даже со старыми дурами и — уехал к себе, на Троицкое...

Только раз и был. А больше — даже: ни разу!..

Записано со слов манатейной монахини Анфии, старшей сестры Серафимо-Дивеевского подворья в Москве, на 1-й Мещанской улице. М., 1928.

Митрополит Вениамин (Федченков)^[35]

СОН ДОКТОРА М-НА

В 1925 году мне пришлось лечиться у одного известного в США, потом Париже, — доктора М. [...] Рассказывали о нем самом, что сначала он был неверующий, — как и ныне доктора и естественники^[36]. Но потом у него смертельно заболела любимая жена. Товарищи врачи объявили дело лечения безнадежным. Тогда он ночью стал горячо молиться: «Господи, если Ты есть, спаси жену мою!»

Утром, с приятелем доктором, который пришел, собственно, для того, чтобы убедиться в смерти больной, пошел в комнату жены... А она оказалась почти здоровой; скоро оправилась и совсем. И теперь живут благополучно.

Доктор сделался верующим. А после даже состоял членом приходского совета в парижской церкви. И вот, что он сам рассказывал мне на одном сеансе у него.

«...Я видел замечательный сон о Патриархе Тихоне. Будто находился я перед каким-то огромным, огромным полем. Вдруг слышу чей-то голос: „Сейчас пойдет мимо Пресвятая Богородица!“ „Боже! — подумал я, — окаянный и грешный я человек! Как я смею увидеть Богородицу?!“

И на меня напал страшный ужас.

А в это время вдалеке послышался какой-то необыкновенный гром, величественные звуки. Я понял, что это идет Царица Небесная... И от страха упал на землю, боясь, как бы мне грешнику, не увидеть Ее лица и не умереть.

Гром, или, иначе сказать, какой-то торжественный шум, гул, приближался все ближе ко мне... И вдруг я опять услышал голос: „Вот идет Божия Мать за душою Патриарха Тихона, — со святым Василием Великим, который много помогал ему при жизни в управлении Церковью“.

Шум пронесся дальше. Сон кончился. Я в страхе проснулся, с отчетливой памятью о необыкновенном видении.

Утром я еду к митрополиту Евлогию [Георгиевскому] и рассказываю ему все. И между прочим спрашиваю

— А при чем тут Василий Великий?

— Да как же?! — объясняет митрополит, — ведь Патриарх Тихон до монашества назывался Василием Ивановичем Беллавиным и носил имя в честь св. Василия Великого.

— Вот что!

Доктор, конечно, и не подозревал, что Патриарх в миру был именинником на Новый год, в день святителя Василия Великого. И потому он не мог бы придумать во сне того, чего не знал. Ясно, что сон был сверхъестественный уже по одному этому признаку. Но еще более поразился и доктор, и митрополит, когда на следующий день газетные телеграммы принесли известия, что 25 марта (ст. ст.), на Благовещение Божией Матери^[37], ночью скончался в Москве Святейший Патриарх Тихон».

Значит, доктор видел сон^[38] во время самой его кончины...

И теперь он чтит его, как угодника Божия.

Достоинно примечания, что, значит, наши святые, коих имена даны нам при крещении, пекутся о своих одноименниках не только тогда, когда носят их имя в миру; но даже и когда при пострижении в монашество дается им новое имя, новый покровитель (преимущественно — инок, хотя и не обязательно), прежний наш небесный «ангел», как обыкновенно говорится, — не перестает промышлять о порученном ему при крещении человеке. Да это так и должно быть: ведь иночество есть житие покаянное; покаяние есть возобновление благодати крещения, а не отмена его. И потому и новый иноческий покровитель только присоединяется к основному небесному попечителю, данному Богом при крещении.

Вениамин (Федченков), митрополит. Записки епископа. Рукопись. Ч. III. Ростов-на-Дону, 1955. [Вениамин (Федченков), митр. Записки архиерея. М.: Правило веры, 2002. С. 77—79.]

НЕСКОЛЬКО СТРОК ИЗ «ЗАПИСОК ЕПИСКОПА»

Когда началась революция, Патриарх Тихон поехал из Москвы в Ленинград [Петроград. — *Сост.*].

На Николаевском вокзале (теперь — Октябрьском) встретили его митрополит Вениамин [Казанский] с духовенством и народом и обратился с такою (по преданию) речью:

— Вот я, все духовенство и православный народ — мы готовы и умереть за Православную Церковь, — и т. д.

— Умереть ныне не мудрено, — ответил Патриарх со свойственным ему юмором. — А нам нужно научиться: как жить!

Правда ли это, или нет, — не знаю. Но на митрополите Вениамине его предсказание сбылось на деле.

А Патриарх (правда, не сразу, а постепенно и недолго) учился жить и основу будущей жизни Церкви заложил...

Недаром заместитель его [? — *Сост.*], митрополит Сергей [Старгородский], в послании своем [от 16—29.07.1927 г.; в известной «Декларации». — *Сост.*] сказал:

«Вот если бы Патриарх Тихон пожил бы еще год или два...»^[39]

Но над всем Промысл Божий [...]

В 1945 году, когда я был вызван из Америки на коронавание («настолование») Патриарха Алексия [Симанского], заехал я в Воскресенский храм в Сокольниках. Поклонился Иверской... И оттуда — на противоположную сторону, — поехали мы на машине в Донской монастырь на могилу Патриарха Тихона... Сопровождал меня бывший келейник Патриарха Сергия (теперь наместник Троице-Сергиевой лавры), архимандрит Иоанн [Разумов; впоследствии архиепископ Псковский и Порховский. — *Сост.*].

Шел слякотный снег...

Вениамин (Федченков), митрополит. Записки епископа. Рукопись. Ч. III. Ростов-на-Дону, 1955. [Вениамин (Федченков), митрополит. Записки архиепископа. М.: Правило веры, 2002. С. 442—443.]

И. И. Василевский^[40]

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА В СОБОРНОЙ ПАЛАТЕ

В первые годы революции в Москве практиковалось устройство духовных концертов с участием крупнейших и известнейших исполнителей. Происходили они в Соборной палате (в Епархиальном доме), и на всех неизменно присутствовал Патриарх Тихон, профессура ликвидированных Духовных Академий, писатели, интеллигенция, да и вообще — самая разнообразная публика. Словом, народу собиралось столько, что обычно мест для желающих попасть на концерт, не хватало, несмотря на солидные размеры палаты.

Тематические концерты эти включали в себя самую разнообразную программу. Иногда художественные музыкальные произведения исполнялись попеременно с лекциями и докладами на церковно-исторические или богословские темы. В других случаях — бывали и исключительно музыкальные концерты^[41], на которых лучшие, прославленные московские хоры исполняли редкие и сложные церковные песнопения, и так далее.

Устройством и организацией этих концертов занимался я при помощи нескольких энтузиастов этого дела.

Один из таких концертов посвящен был переживаемым тогда бурным революционным событиям и отношению к ним русских матерей. Тема трагическая и острая, так как, естественно, не было в стране ни одной семьи, в которой не создалась бы та или иная тяжелая ситуация. Во втором отделении должна была выступать Ольга Леонардовна Книппер-Чехова^[42] с чтением «Плача Богородицы», в сопровождении исполнения хором И. И. Юхова^[43] «Не рыдай Мене, Мати» и других подобных же произведений. Приехала она примерно за целый час до начала, и до самого ее появления в Епархиальном доме я очень беспокоился: в каком виде она появится? «Ведь лютеранка, — думалось мне, — явится еще в каких-нибудь там бриллиантовых серьгах или в каком-нибудь необыкновенном туалете, как у них там, у актеров, принято — с хвостом или декольте, — все пропадет: уьет одним хвостом сразу же всю идею концерта». Но не успела она показаться, как я сразу

же и совершенно успокоился, да и не только успокоился, но в душе и восхитился ее умом и деликатностью, внутренним тактом: она была в строгом, но изысканнейшем черном платье безо всяких выкрутас и украшений и в черной кружевной, “испанской” шали, небрежно, но артистически в то же время наброшенной на голову. В довершение же всего на груди ее на черном шелковом шнурке висел замечательно красивый гранатовый, кажется (я в камнях не очень-то силен), крестик.

Ее очень взволновало и обеспокоило то, что выступать ей придется «в церкви», но я ее тут же успокоил, сказав, что церковь во время концерта будет отгорожена от зала железным занавесом, который специально и был предусмотрен в свое время для тех случаев, когда зал заседаний следовало изолировать от храма, и при этом он принимал вполне светский, гражданский вид деловой аудитории... Беспокоило ее и присутствие на концерте Патриарха, но и по этому пункту я ее ободрил сколько мог, пообещав даже познакомить ее с Патриархом, чтобы она имела возможность лично убедиться в его благодущии и доброжелательстве к концертам этим, их исполнителям и вообще ко всем людям на свете.

Тут же научил ее, как полагается складывать руки, когда он будет благословлять ее и прочее.

— И надо поцеловать ему руку? — поинтересовалась она.

— Ну, это необязательно, — ответил я, — вообще у нас это принято, но это — как вы пожелаете и сочтете нужным. Захотите — так поцелуете...

Перед началом концерта я сбегал и разыскал Патриарха, только что прибывшего в Соборную палату и, рассказав о том, как нервничает Ольга Леонардовна, просил его разрешения представить ему ее. Он, разумеется, согласился, и я привел ее к Патриарху, который, благословив ее, сказал ей тут же, без предисловий:

— Ну вот, говорят, вы что-то пугаетесь нас. Не пугайтесь. Мы не очень-то уж страшные. Успокойтесь, — все обойдется очень хорошо. Пойдемте-ка садиться. — И он с разговорами, увлек ее в зал, где предложил ей место рядом с собою, так что она, сидя рядом с Патриархом и беседуя с ним, прослушала все первое отделение концерта.

А в первом отделении выступал Д. И. Боголюбов^[44], с прекрасной и глубокой речью, посвященной переживаниям и страданиям христианских матерей и вообще, и — особенно — применительно к данному тяжелому переживаемому всеми моменту.

Он говорил замечательно воодушевленно и буквально потряс слушателей трогательной взволнованностью и той болезненной актуаль-

ностью своей речи, которая нашла жгучие отклики в душе каждого из них.

А когда после него на эстраде появилась О. Л. Книппер-Чехова и, опершись рукою на стол, под аккомпанемент прекрасных и печальных напевов юховского хора — произнесла первые слова своего монолога, обращаясь к незримому Христу: «Чадо мое!..» — слова Богоматери над гробом Своего изувеченного и убитого Сына, — то все увидели, что по щекам ее медленно катятся слезы...

Концерт прошел с чрезвычайным успехом.

Записано со слов *И. И. Василевского*. М., 1956.

О «ДЕРЖАВНОЙ» ИКОНЕ

Скажу вам, что весьма многие, и я в том числе, очень любили Патриарха Тихона в частности и за то, что в нем совершенно не было и тени никакого ханжества.

Помню такой вот случай. Было это, помнится, в конце 17-го года или в самом уж начале 18-го; в эту вот пору. Дело в том, что вскоре после свержения царя один батюшка, настоятель церкви в селе Коломенском, под Москвой (фамилии его, к великому сожалению, никак не припомню, а жаль: для истории — следовало бы...), копаясь где-то там — на чердаке своего храма, обнаружил, среди прочих сложенных там предметов, какую-то икону Божией Матери с Младенцем на руках. Икона эта чем-то ему понравилась, и он приспособил было для нее какой-то киот. Но так как по размерам своим она не подходила к киоту: была несколько длиннее его, то он, «ничтоже сумняся, никогоже бояся», — взял ручную пилу и отхватил снизу часть доски вместе с ножками Младенца. (Уж по одному этому можно о его «культуре» судить!) Да-с!

Врезав таким образом икону в киот, он выставил ее в своем храме на поклонение народу, причем распространил слух о том, что Богоматерь эта будто бы неоднократно являлась ему во сне и указывала на необходимость прославления этого своего образа, как чудотворного. Батюшка назвал икону эту «Державной Царицей Небесной», видимо несколько играя на некоторых монархических струнах, живших тогда еще в народе.

И вот — началось нечто невообразимое (что прекрасно известно всем москвичам, современникам той эпохи). Открылось целое паломничество в Коломенское. Пошел слух о явлении нового чудотворного образа Богоматери. Заговорили об этом все и всюду. Начались бесконечные молебны, акафисты и просто разговоры. Служили перед этим образом и денно и нощно. Вся эта история наделала тогда массу шума. И писали и говорили об этом. Словом, создалось целое брожение.

Но предприимчивый настоятель несколько не успокоился на уже достигнутом эффекте и решил, так сказать, расширить и углубить результат своего предприятия — придать ему официальную санкцию и всероссийскую огласку.

В одно из очередных заседаний Патриаршего Высшего Церковного Совета (на котором присутствовал и я) он явился на Троицкое подворье и подал письменное многоречивое прошение на имя Святейшего Патриарха о прославлении «Державной» иконы Божьей Матери^[45]. Причем рассказал и разъяснил всему высокому собранию во главе с Патриархом, что Богоматерь регулярно является во сне и указывает ему о совершенно неотложной необходимости торжественного и всенародного прославления Ее образа.

Выслушав все это, Патриарх выслал из залы заседания о. настоятеля, сказав:

— Ну ладно: выйди пока. Мы тут обсудим это дело...

И когда тот вышел, обратился к присутствующим по этому вопросу, — интересуясь их мнением (об иконе этой все давно уже слышали!..).

Тогда встал А. Д. [Самарин. — *Ред.*] и, попросив разрешения высказаться, произнес:

— Ваше Святейшество! Мы — люди мирские: и нам невозможно решать подобные вопросы. Это выше нашей компетенции. Вопрос этот, мне кажется, подлежит решению лично Вашего Святейшества и Священного Синода... — и т. п., и сел.

Примерно в этом же духе высказался и еще кто-то.

Тогда, выслушав все это, Патриарх сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

— Ну вот, послушайте тогда, — я расскажу вам одну историю... это когда я в Ярославле еще был (т. е. когда он был еще архиепископом Ярославским и Ростовским). Был там у нас в деревне один дьячок, — пьянчужка и так, вообще-то, никудышный: кое-как там справлялся... И вот — повадился он все ко мне ходить на прием и все прошения подает, чтоб я его во священники рукоположил. Говорит: Архангел Михаил ему во сне является и требует, чтобы он добивался священства.

Раз я его, этак послушал, другой, третий...

Надоел он мне — хуже горькой редьки. «Ну, — говорю, — ладно: уходи, я тут подумаю». Посмотрел там в клировых ведомостях, в делах разных — ничего, конечно, хорошего: пьяница да забуддыга; я и так знал. А он опять является. Опять, говорит, Михаил Архангел ему являлся. Опять я его выгнал: «Ладно, — говорю, — иди, подумаю еще. Тогда сообщу тебе». Не унимается: дня три прошло — опять лезет со своими прошениями, опять с Архангелом Михаилом... Вот, думаю, напасть-то. Надоел он мне окончательно.

— Вот что, — говорю ему, — ты, это... вот что: иди-ка, ты, брат, домой, а как тебе Архангел Михаил явится, ты и скажи ему, что, мол, Владыка сказал вам передать, что если так уж очень нужно мне священство, то чтобы вы сами ему во сне явились, — а меня к нему больше не посылайте!

Ну — и все.

Больше, конечно, он ко мне со своими прошениями не совался.

Члены Совета, выслушав эту ярославскую историю, посмеялись, а Патриарх добавил:

— Ну-ка, позовите мне этого...

И когда коломенский настоятель вновь явился пред Советом, Святейший сказал ему внушительно и совершенно серьезно:

— Так вот что, отец: ты иди-ка сейчас с Богом. А если Царица Небесная пожелает прославить этот Свой образ, то Она уж как-нибудь Сама сумеет это сделать... Без нас с тобой. Да. Иди-ка! Бог тебя благослови...

Так вот и кончилась эта история...

Записано со слов *И. И. Василевского*. М., 1956.

А. И. Кузнецов^[46]

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С ПАТРИАРХОМ ТИХОНОМ

От автора: Статья «Мои воспоминания о встречах с Патриархом Тихоном» написана мною по просьбе одного весьма и глубоко уважаемого мною почитателя Патриарха Тихона [М. Е. Губонина. — *Ред.*]. Для него представляет большую ценность каждая деталь, каждая подробность из жизни покойного Патриарха, память о котором он хранит и с любовью чтит...

1

Покойного Патриарха Тихона первый раз я увидел, когда он был Московским архиепископом.

Было это в Москве, в начале лета, в воскресенье. Мой путь лежал из Замоскворечья на Красную площадь. Стоял ясный, чудесный день, дыхание легкого ветерка обдавало теплом, на ярко-голубом небе ни облачка, вся необъятная ширь раскинувшегося во все стороны города сверкала серебром.

Было тихо. Но невозмутимая тишина была необычайна. Всюду царил революционный пафос — знамение эпохи. Дух торжества революции и дух тревоги переселили беспокойный человеческий муравейник из мирных жилищ на площади и улицы города — логическое развитие времени. И вдруг здесь, в центре событий, — тишина и безлюдье.

На какую-то минуту я задержался у Лобного места. Налево, из храма Василия Блаженного, вышла небольшая горстка богомольцев, почти здесь же растворившаяся.

Но иллюзия безлюдья исчезла, едва я поднялся к верхним торговым рядам. Здесь было оживленно. Пешеходы торопились, наткнулись друг на друга, одни шли мне навстречу, другие обгоняли. На углу Никольской толпился народ: легко было понять, что эта толпа — часть какой-то процессии, потому что дальше, внизу площади у Воскресенских ворот, колыхалось человеческое море. Там я попал в такую давку, что уж и не чаял выбраться из нее. Двигаться дальше было бесполезно, и я остановился.

Такое стечение народа объяснялось просто: Московский архиепископ Тихон служил молебен в Иверской часовне.

Издалека, через затихшую площадь, доносилось неясное молебное пение.

Вскоре раздался колокольный звон — звонили в Казанском соборе. Толпа заволновалась, площадь загудела — процессия возвращалась в церковь.

Чтобы лучше рассмотреть архиепископа, люди лепились на каждом выступе, на каждой площадке, — везде, где только можно было стать ногой, иные карабкались по церковным сооружениям.

Мне удалось пробраться на верхнюю ступеньку паперти, и с этой позиции, на которой я удерживался с необычайной трудностью, я увидел архиепископа Тихона. Он прошел мимо меня на расстоянии одного шага, и я мог рассмотреть его во всех подробностях, возможных в тех условиях давки и тесноты. После я даже уверял многих, что архиепископ внимательно посмотрел на меня. Конечно, это был самый настоящий вздор: многие могли уверять точно так же, что архиепископ посмотрел именно на них, но тогда мне так показалось, и я долго верил своей выдумке — результату возбуждения и обостренных чувств. Архиепископ Тихон был в фиолетовой мантии, на голове переливалась многочисленными огоньками золотая митра. Белый омофор сливался с белым цветом его лица. Борода у него была серая, с ровной густой сединой. Он шел твердой походкой, немного склонив голову к левому плечу. Лицо его было радостным и растворялось в какой-то тонкой, едва уловимой и, пожалуй, немного застенчивой улыбке.

Я знаю, такие улыбки существуют, но они рождаются не из желания улыбаться, нет, они отражают внутренний мир человека, высота и глубина добродетелей которого образуют основные начала развития духа. Нравственная жизнь таких людей состоит в постоянном эстетическом воспитании самого себя, т. е. в приобретении чуткости к правде, добру и красоте и в укреплении неодолимого отвращения к безобразию всякого вида и рода. Это большой духовный процесс — процесс одухотворения, преображающий весь внутренний строй человека. Печать такого преображенного состояния лежит на всем внешнем облике человека. Это глубокий созерцательный взор, какое-то ясное и светлое выражение лица: застенчивое и незлобивое, мягкие движения и теплая очаровывающая улыбка.

Мне приходилось встречать такие открытые лица, бесконечно симпатичные, в которых, как в зеркале, отражаются внутренние духовные процессы, будто огнем озаряющие красоту и силу их духа.

Однако толпа, хлынувшая вслед за архиепископом, оттеснила меня, и я не мог попасть в церковь. Оказавшись на тротуаре, я, не раздумывая, направился к Воскресенским воротам. Там гудела толпа, и только через час я мог подойти к Иверской.

Помнится, в гостинице я силялся воссоздать в памяти внешний облик архиепископа, и, кажется, ничто не ускользнуло от меня и особенно, конечно, покоряющая улыбка. Правда, воображение почему-то исказило рост архиепископа. Показался он мне очень высоким, и я долго верил наблюдению своей памяти, пока не увидел его снова.

Однако среди всех различных впечатлений этого дня меня не оставляло непонятное, шемящее душу чувство: мне было грустно. С этим чувством я уехал из Москвы.

Отчего это? Чтобы объяснить непонятное состояние грусти, я ловил себя на разных мыслях, но ничего мрачного или тревожного не приходило в голову.

Разве вот что? Случайность встречи с архиепископом Тихоном?

Да, но почему эта случайность, тем более приятная, могла отозваться в моей душе грустью?

И все-таки это было так.

Почему? Не знаю.

Спустя несколько лет я неоднократно испытывал такое непонятное состояние грусти от встречи с владыкою Фаддеем [Успенским].

Смирение, детская незлобивость души, застенчивая до наивности улыбка этого святого человека, волновали меня, покоряли мое воображение и открывали в нем для моего внутреннего созерцания неисчерпаемые источники человеческих добродетелей. Но вот мы расстались с ним, и мне становилось грустно.

Не правда ли, парадокс?

Может быть, оттого становилось мне грустно, что высота и глубина его духа лишь подчеркивали его одиночество в этом мире, глухом и не отзывчивом, в мире равнодушия, в котором все закрывалось для прекрасного, и только тупое безразличие объективирует жизнь?

И было до мучительности тоскливо от сознания ненужности людскому равнодушию бесценного бисера, сокрытого в тиши одинокой кельи.

И еще совсем недавно я испытал чувство грусти от соприкосновения с таким же человеком. Осенью минувшего года я был приглашен к отшельнику^[47], живущему под Москвой, в трех часах пути.

День был не по-осеннему теплый, яркое солнце ослепительно сияло.

На душе было спокойно. Предчувствие чего-то хорошего немного волновало, осязаемо отрывало от гнетущей действительности и переносило в мир других эмоций. И вот перед нами обыкновенное русское село, с рублеными домами, белыми ставнями и зелеными палисадниками. Среди этих домов приютилось жилище добродетели, обитель христианского духа.

Хозяин предстал перед нами в образе величественного, семидесятилетнего седовласого старца, в простом монашеском подряснике, с широким кожаным поясом. Он — епископ, но на нем печать необычайной простоты — величайший дар всех замечательных людей. Владыка встречает нас радостным приветствием, и добрая сияющая улыбка не сходит с его лица.

Вообще владыка веселого нрава. Его биография изобилует арестами, тюрьмами, ссылками. Едва ли не треть своей жизни он был лишен свободы. Но, рассказывая о каком-нибудь горьком эпизоде своей жизни, владыка добродушно улыбается, в лице нет и тени уныния или огорчения от воспоминания о страшных часах жизни. Напротив, взор его оживлен и лицо выражает спокойствие, будто не он страдал, а кто-то другой, для него посторонний. И чтобы слушатели не предавались унынию от печальных повествований, владыка облагораживает и события, и людей.

«А знаете, — говорит владыка, — следователь, который меня арестовал и допрашивал, прекрасный человек, милейший человек». Но ведь нам понятно, что следователь не мог быть не только «милейшим», но и просто порядочным человеком, если он изобретал «дело» на человека, виновного лишь только в том, что он православный епископ.

Владыка ведет рассказ о своих разногласиях с высшей церковной администрацией и некоторыми епархиальными архиереями, возникшими на почве задуманного владыкою исправления некоторых текстов богослужебных книг. Слушатели видят, как несправедливо к нему отношение и как многие лица виновны перед ним, но ведь они «такие хорошие, чудесные люди».

Владыку лишили возможности посещать местный сельский храм, по-видимому, из ложных представлений, что авторитет местного духовенства упадет от соприкосновения епископа с прихожанами.

«Да, — вздыхает владыка, — теперь я уж не могу ходить в храм, служу дома, а ведь какое здесь чудесное, прекрасное духовенство».

Владыка забыл все обиды, все покрыл христианской любовью, и поражаешься такому детскому незлобию, смирению и силе всепрощающей христианской любви.

В нем нет эгоизма: он сменил архиерейскую пышность, славу, почет, епископскую власть на простую крестьянскую избу. Это не только отречение от житейских благ, это прямо боевой вызов им, ради знакомого и дорогого христианскому миру образа подвижничества. Сам владыка называет себя «епископом на покое», но разве не вернее сказать, что он «епископ на подвиге», притом на подвиге более суровом, имя которому самоотречение, ради усердной молитвы за человечество, так нуждающегося в печальниках и молитвенниках.

И царствует в этом бревенчатом доме особый мир: детского незлобия, смирения и самоотречения. И как он прекрасен, этот мир! Как он отличен от нашей действительности!

Когда мы ушли от подвижника, стояла темная ночь, сельская тишина едва нарушалась отдаленными неясными звуками. Мы шли с добрым моим приятелем и молчали. Говорить что ли было не о чем, или каждый из нас находился под впечатлением только что виденного другого мира, в котором живет праведник. Я первый нарушил молчание. «Вы знаете, что я испытываю чувство глубокой грусти?» — говорю я своему спутнику. «Я тоже, — отвечает он и, немного подумав, добавляет — вот то-то и оно!» И снова молчание.

В пустом вагоне поезда каждый из нас забился в угол и погрузился в собственные думы.

Я думал об этой замечательной и редкостной встрече, сравнивал, анализировал, вспомнил свои тревожные впечатления с архиепископом Тихоном, затем с архиепископом Фаддеем [Успенским], и поразила меня однородность эмоций от встреч с этими тремя лицами. Во всех этих случаях я испытывал одинаковое чувство какой-то чудесной грусти.

Спустя несколько месяцев Собор провозгласил архиепископа [митрополита. — *Ред.*] Тихона Всероссийским Патриархом.

Мне приятно было думать, что именно его я видел в торжественной процессии у Воскресенских ворот и что именно он произвел на меня неизгладимое впечатление.

2

Второй раз я увидел Святейшего Патриарха Тихона через несколько лет. Было это в тяжелые дни русской церковной жизни — весной 1924 года. Тогда бушевали страсти обновленческого раскола, разъедавшего организм Церкви. Наглые раздиратели хитона Христова, предатели, непризванные руководители «нового» церковного сознания насильственным образом, путем обмана и подлогов, овладевали

православными храмами, обрекая их на неминуемое закрытие и уничтожение^[48].

Раскольники, владевшие абсолютно пустовавшими храмами, обращались в местные государственные органы с просьбой передать им еще какой-либо храм, изъяв его у православных верующих. Такие просьбы обычно удовлетворялись, обновленцы занимали очередной храм, но верующие уходили и больше в него не возвращались. Еще вчера переполненный молящимися, ныне, в руках обновленцев, уже опустевший, храм начинал жить одинокой жизнью, а потом закрывался, передавался государству под какой-нибудь гараж или кузницу. Но обновленцы шли дальше и уже овладевали очередным православным храмом.

Православные люди понимали, что теряют храм безвозвратно, но даже такая страшная цена не останавливала их от высокого понимания своей преданности святому Православию, в слезах они покидали храмы, но к обновленцам не шли.

Так было по всем городам и весям, и Астрахань, разумеется, не являлась исключением. Положение становилось угрожающим, протесты верующих и их церковных советов не помогали. В таких обстоятельствах родилась мысль жаловаться в Москву.

Я находился в очень близких отношениях с Астраханским архиепископом Фаддеем (Успенским)^[49]. Как-то вечером владыка долго и обстоятельно рассказывал мне о наглых действиях обновленцев, доказывал необходимость жалобы в Москву, просил меня составить жалобу и с двумя-тремя делегатами от общин выехать в Москву. Я горячо принял эту просьбу архиепископа, составил жалобу, в которой в ярких красках и самых решительных тонах осуждал действия обновленцев, посягавших на храмы, и руководителей местных органов, способствовавших обновленцам в их антицерковных делах. Затем, где-то в церковных собраниях были избраны делегаты: Ф. Е. Баринов и И. Ф. Осипов, и вот мы в дороге, напутствуемые благословениями и добрыми пожеланиями владыки Фаддея.

В Москву мы приехали поздно вечером и, переночевав в гостинице «Балчуг», утром на другой день отправились в патриаршую резиденцию — в Донской монастырь (владыка Фаддей дал наказ получить благословение Патриарха).

В монастырь мы приехали к самому началу поздней литургии, был вторник на неделе перед Троицей, но служба совершалась в большом монастырском соборе. Приложившись к кресту, мы отправились в патриаршие покои. Дорожка, идущая от северной паперти собора, привела нас к красному кирпичному зданию с порогом в две ступень-

ки. Дверь была открыта, мы вошли и по внутренней короткой лестнице поднялись выше и вступили в небольшую комнату-приемную. Здесь стояла тишина, на скамейках сидело несколько человек, почти все из духовных; за маленьким столиком у окна сидел монах. Монах подошел к нам и каким-то таинственным шепотом спросил нас, кто мы и что нам нужно. Один из наших спутников достал из папки запечатанный сургучной печатью конверт и, не говоря ни слова, вручил его монаху, который тоже молча прочитал то, что было написано на конверте и, повернувшись, ушел с конвертом в другую комнату. Долго он не возвращался, а, вернувшись, спросил, кто из нас (он назвал мою фамилию), а затем подошел ко мне вплотную и прошептал, что Его Святейшество примет нас через час в таком порядке: сначала я пройду один, а после будут приглашены и остальные мои спутники.

Этот час мы употребили на экскурсию по монастырю. Хотя монастыря как такового не существовало, здания принадлежали светским учреждениям. Правда, каким-то образом оставалось там три или четыре монаха, обслуживавших церковные здания на положении наемных служащих; они ютились в маленьком помещении, около колокольни. Я с большим интересом рассматривал монастырские стены, башни, побывал на монастырском кладбище, с увлечением читал эпитафии, многое узнал и вообще с огромным удовольствием провел этот экскурсионный час.

Ровно в назначенное время мы вернулись в патриаршую приемную и, едва я переступил порог, как был подхвачен уже известным нам монахом, который за руку повлек меня в патриарший кабинет и, отворив передо мною дубовую дверь, пропустил меня вперед. Дверь за мною затворилась, и я оказался перед Его Святейшеством. Помню, я был смущен неожиданностью такого реприманда. Обычно перед аудиенцией у сановного лица посетитель подготавливает себя к встрече, взволнованно ожидает ее, обдумывает, как вести себя, а здесь?..

Комната, в которую я вступил, была довольно просторной и сводчатостью низкого потолка приятно напоминала старинные боярские хоромы или игуменскую келью большого монастыря. В левом углу стоял огромный кипарисовый киот с образом Богородицы, перед которыми горела разными огоньками большая серебряная лампада, цепочками прикрепленная к потолку. Около киота на зеленой ковровой дорожке стоял аналой, с раскрытой богослужебной толстой книгой. Справа стоял широкий книжный шкаф, этажерка с книгами, на стене висела зеленая мантия, около нее в углу стоял жезл, а на маленьком угольнике — белый патриарший куколь. У ломберного стола, стоявшего у стены, против входной двери, и покрытого вязаной черной ска-

тертью, из-под которой виднелись ярко-зеленые разводы, стояло два кресла с высокими спинками. Патриарх сидел в кресле. Он заметил мое смущение. «Ничего, ничего, идите вот сюда», — услышал я немного хриповатый баритон. Я подошел к креслу Патриарха, он встал, преподал мне благословение и, вероятно, чтобы вывести меня из замешательства, сразу же заговорил, указав рукою на кресло. Сели.

«Это вы от Астраханского архиепископа Фаддея? Владыка пишет мне о вас и просит оказать содействие. Какой же вы молодой! Вы не боитесь принимать на себя такие поручения?»

Я ответил в героическом тоне, что, мол, я сообразуюсь больше с интересами Церкви, чем с личными. Патриарх посмотрел на меня все с той же знакомой мне улыбкой и, может быть, подумал: «Ах, герой, герой!» — однако вслух сказал: «Ну что же, храни вас Господь!»

Затем Его Святейшество спросил, кому и на что именно мы жалуемся и неожиданно закончил эту часть беседы.

«Вы до завтра оставьте бумаги у меня, я их прочту. Теперь же мне скажите, как там живет Преосвященный Фаддей, как себя чувствует, как относятся к нему верующие? Он ест что-нибудь?» Не ожидая моего ответа, Патриарх продолжал: «Знаете ли вы, что владыка Фаддей святой человек? Он необыкновенный, редкий человек. Такие светильники Церкви — явление необычайное. Но его нужно беречь, потому что такой крайний аскетизм, полнейшее пренебрежение ко всему житейскому отражается на здоровье. Разумеется, владыка избрал святой, но трудный путь, не многим дана такая сила духа. Надо молиться, чтобы Господь укрепил его на пути этого подвига». Здесь Патриарх встал, подошел к книжному шкафу, что-то там поискал, в раздумье широко развел руками.

«Я хотел было прочитать вам письмо Преосвященного Кирилла [Смирнова]; они ведь вместе с владыкой Фаддеем прошли несколько тюрем и этапов... Где же оно?... Ах, да... Ну, все равно, я помню и так...» И Патриарх рассказал мне два эпизода из монашеских добродетелей владыки Фаддея, приведших Преосвященного Кирилла в трепетное изумление. Святейший Патриарх говорил все это медленно, низким голосом, с расстановкой, как это бывает всегда, когда человек хочет сказать очень важное. В его голосе слышались живые, взволнованные ноты, и светлые глаза, освещенные падавшим на его лицо солнечным лучом, с видимым любопытством обратились на собеседника. Патриарх был задумчив и величав, симпатичная улыбка придавала его словам задушевность. Я отчетливо помню этот момент. Среди многих томительных обязанностей нашего скучного мира такие минуты запоминаются на всю жизнь. И сама обстановка,

возвышающая и волнующая душу, располагала к такой тихой удивительной беседе. Я слушал и в душе удивлялся: как это верховный руководитель Церкви, убежденный сединой величавый Патриарх, свободно и задушевно ведет беседу с незнакомым человеком? И ведь это не из пустой галантности воспитанного человека и не из горделивого, показного и снисходительного великодушия. Беседует мудрец, черпающий из своей сокровищницы. Прикосновение к любезному его сердцу воспоминанию наполняет его душу восторгом, который он хочет передать собеседнику, чтобы и его душа загорелась таким же восторгом.

Мне хотелось о многом спросить Патриарха: так располагала к вопросам задушевная обстановка беседы, но я не мог нарушить этикета: таким людям вопросов не задают!

Затем Его Святейшество спрашивал меня об обновленческом епископе Анатолии [Соколове], сказал мне, что он ставленник его, Патриарха; наконец, после других церковных вопросов, спросил меня, как и где похоронены архиепископ Митрофан [Краснопольский]^[50] и епископ Леонтий [фон Вимпфен], есть ли следы их могил. Я ответил все, что знал со слов других.

Патриарх пригласил моих спутников. Они вошли, Его Святейшество поднялся с кресла, я тоже встал. Вся остальная часть беседы и прошла стоя. Преподая вошедшим благословение, Патриарх сказал: «Я одобряю вашу жалобу во ВЦИК. Конечно, обольщаться не следует, надежд мало, можно сказать, почти нет, но это не должно нас оттаптывать и разочаровывать. Мы должны все время держать в курсе церковных событий правительство. Обновленцы нагледят, и все, что происходит у вас, то же самое происходит по всем городам и в Москве. Конечно, жалоба сама собой, но мы должны непрестанно просить Господа, чтобы Он послал нам Свою милость и избавил бы нас от этого церковного несчастья...»

После некоторой паузы Патриарх продолжал: «Хорошо бы вам попасть с жалобой к Смидовичу. Многие говорят, что он более внимателен и, кажется, не такой уж ожесточенный против Церкви человек... но к нему попасть тоже — искусство». Здесь Его Святейшество широко улыбнулся: по-видимому, слово «искусство» ему понравилось своей меткостью и смешением понятий.

Затем Патриарх расспрашивал моих спутников о приходских делах, посещаемости храмов, не преминул сказать о святости владыки Фаддея и, уже благословляя нас, пригласил нас ко всеобщему богослужению в соборе Донского монастыря в субботу под Троицу.

На этом окончилась наша аудиенция.

Утром на другой день я опять был в патриаршей резиденции. Я пришел туда раньше обычного, чтобы, управившись с получением моих бумаг, успеть во ВЦИК, где меня должны ожидать мои спутники. Но оказалось, что келейнику ничего неизвестно о моих бумагах, — надо было ожидать Святейшего, а он еще не появлялся. Жду час-другой, волнуясь. В 12 часов келейник пригласил меня в кабинет. Его Святейшество стоял на конце ковровой дорожки, в том же бледно-розовом подряснике с широким вышитым поясом на талии. В креслах сидел представительный человек, судя по панатии — архиерей. Густая рыжая борода обрамляла его белое лицо^[51]. Он сидел, погружившись в разбор каких-то бумаг и на меня не обратил внимания. Его Святейшество преподал мне благословение и сейчас же передал мне большой пакет с надписью. Пакет был адресован Орлянскому. Мои бумаги находились в пакете. Что-то еще хотел сказать мне Патриарх, но к нему подошел митрополит Петр [Полянский] Крутицкий (это он сидел в кресле) с какой-то бумагой. Взяв у митрополита бумагу, Святейший, представляя меня митрополиту, сказал: «Это молодой юрист от владыки Фаддея из Астрахани... Вот астраханцы жалуются на обновленцев... отбирают у них храмы. Там командует Анатолий [Соколов]^[52]. Какой был тихий, скромный человек, а теперь поди как воюет с Церковью... Боюсь за владыку Фаддея, как бы они не сделали ему зла». Патриарх немного задумался, а потом уж продолжал: «Вот владыка Фаддей все просился на Волгу, ведь он волжанин, откуда-то из-под Нижнего... Ну вот теперь он на Волге. Надолго ли? Я ведь тоже люблю Волгу. Когда я служил в Ярославле — ходил на Волгу купаться, но в Рыбинске купанье лучше, я у Рыбинска Волгу переплывал. Бывало, еду с келейником купаться, а он дорогой уговаривает меня: не надо, дескать, так далеко плавать, можно и у берега. Я, конечно, соглашаюсь, а сам, куда там у берега...» Он рассказывает, весело смеется, яркий румянец восторга расцветчивает его лицо.

«Ну, благослови вас Господь», — говорит он мне и широким крестом осеняет меня, подставляя мне правую щеку. Я вышел.

Я спешил. Кажется, на углу 3-го Донского переулка я бросился в первый попавшийся экипаж и, не торгуясь с извозчиком, поскакал на свидание со своими спутниками.

Орлянский... Кто-то мне сказал, что это был не Орлянский, а Орлеанский^[53]. Может быть... не спорю. В тогдашней моей миссии это лицо занимало маленькое место. Из памяти даже ускользнуло и то, где я передал адресованный ему пакет: во ВЦИКе ли — на углу Воздвиженки и Моховой, или в Наркомюсте — на Кузнецком. Но тем не менее я ясно помню его лицо — этого начинавшего полнеть

38—40-летнего человека. Он был среднего роста, с очень белым, выхоленным лицом, черными волосами и наглым выражением глаз.

Он ли устроил нам прием у Смидовича, тоже не помню. Смидович принимал нас в угловой комнате, выходящей окнами и на Воздвиженку и на Моховую. Смидович был огромный мужчина, полный, едва умещавшийся в кресле. Он оказался очень внимательным и даже деликатным. Наша аудиенция у Смидовича окончилась его резолюцией на имя Красикова: «Красикову — принять меры к устранению неправильных действий Астраханского Адмотдела».

Вот Красикова^[54] я помню. Едва мы переступили порог его кабинета и вручили ему жалобу с резолюцией, как он обрушился на меня, назвав меня тихоновским приспешником, контрреволюционером и еще как-то, а потом выпроводил нас, объявив свою «резолюцию»: «Больше ко мне не приходите и вообще не приезжайте в Москву по мракобесовским делам. Жалобу разберем без вас, и ответ получите».

Да, Красикова я хорошо помню! Я вспомнил о нем и тогда, когда в конце того же года у меня дома был обыск. При обыске были изъяты копии жалобы во ВЦИК со всеми приложенными документами. Жалко, что погибли важные для церковной истории документы. Был изъят и портрет Патриарха Тихона, подаренный мне Святейшим с трогательной надписью. Помнил я Красикова и тогда, когда вскоре после обыска был вынужден переехать в Сталинград.

Да, Красикова я хорошо помню!!

Вечером в Троицкую субботу — это было 1-го или 2-го июня [1—14.06.1924 г. — *Сост.*] мы приехали в Донской монастырь. Был солнечный вечер, кругом стояла тишина, вернее, все было погружено в тихую задумчивость, спокойную грусть. Даже размеренный колокольный звон не нарушал торжественной тишины вечера, напротив, он вливался в эту тишину как необходимое дополнение, как аккомпанемент, сообщавший окружающему особое очарование.

От патриарших покоев до лестницы в собор стоял народ, он вытянулся в две шеренги, образовав живую улицу. Сейчас по этой дороге, среди этого множества людей, пройдет Патриарх. Дорога устлана сеном, пахнет мятой. Вот и процессия. Впереди идет иподиакон с крестом, вслед за ним несут подсвечник с горящей свечой, затем следуют иподиаконы с трикирием и дикирием. Вот и Патриарх. На нем зеленая шелковая мантия, длинный шлейф, который поддерживается сзади мальчиком в стихаре. На голове Патриарха белый куколь, с ниспадающими на плечи херувимскими воскрилиями, на груди две панагии. Патриарх шел величественной, твердой походкой, опираясь на жезл. Все в нем исполнено величия; и в фигуре, и в походке чувст-

вуется мужество. Сейчас мне это виднее в обстановке официальной, чем в кабинете, в условиях, близких к домашним.

Патриарх вошел в собор по ярко-красной суконной дорожке, устланной цветами. У входа в собор его встретило многочисленное духовенство во главе с епископом Сарапульским Алексием [Кузнецовым]^[55], громадная фигура которого с густой рыжей, до пояса, бородой, ярко выделялась на фоне всей процессии. Началось богослужение, отлично пел хор с канонархом. На величание Святейший вышел в богатом зеленом парчовом облачении, с омофором того же цвета, белая митра, увенчанная бриллиантовым крестом сверкала всеми цветами радуги. Собор был переполнен молящимися. Миропомазание [елеопомазание. — *Сост.*] совершал сам Патриарх. Мы подошли к Миро в десятом часу, а вообще служба окончилась в половине одиннадцатого. Усталости я не чувствовал: торжественность богослужения, величие праздника, переполненный собор — вносило в душу бодрость и духовное наслаждение.

Но уже все московские дела закончены, пора собираться домой. В среду после Троицы мы снова прибыли в патриаршую резиденцию, чтобы доложить Его Святейшеству о наших «успехах». Мы были приняты без осложнений и ожиданий, но аудиенция была короткой. Я доложил Патриарху все, что произошло с нашей жалобой. Патриарх внимательно слушал меня, а потом сказал: «Вот, я говорил вам, как трудно проходят такие жалобы. Но вы не останавливайтесь, напоминайте [...] мало ли, что говорил Красилов, это ведь фигура второстепенная...» Затем Патриарх пожелал нам счастливого пути, просил приветствовать архиепископа Фаддея. Приняв патриаршее благословение, мы отправились к себе, а на другой день покинули Москву.

3

Через два с половиной месяца я опять был в Москве и оказался случайным гостем Святейшего Патриарха. Вот как это произошло. Владыка Фаддей собирался в Москву по приглашению Святейшего по случаю праздника Донской [иконы. — *Сост.*] Божией Матери — 19 августа [ст. ст.]. Один он ехать не хотел и уговаривал меня поехать вместе с ним. «Тем более, — говорил владыка, — ответа по жалобе нет, и не худо бы еще раз навеститься к Смиловичу». Я согласился. Из Астрахани мы выехали втроем, в сопровождении келейника о. Халева, 16 августа [ст. ст.], с намерением прибыть в Москву утром 18 августа [ст. ст.]. Но в пути произошла задержка из-за железнодорожной катастрофы со встречным поездом. Это было страшное крушение на ст. Палласовка. По подсчету железнодорожников, тогда погибло до

двухсот человек. Одним словом, поезд наш опоздал в Москву больше чем на сутки: мы приехали — 19 августа [ст. ст.] вечером, когда престольное торжество окончилось.

Я по обычаю остановился в гостинице «Балчуг», а мои спутники отправились к родственникам владыки Фаддея — москвичам. Вечером — 20 августа [ст. ст.] — о. Халев явился ко мне в гостиницу с запиской от владыки. В записке говорилось, что завтра 21 августа [ст. ст.], он, владыка, именинник, будет служить литургию в монастырском храме Донской [иконы. — *Сост.*] Божией Матери и хочет видеть меня за литургией. Я, конечно, поехал к обедне, отстоял ее и после молебна отправился в алтарь, чтобы поздравить владыку с днем Ангела. Увидев меня, владыка сейчас же подошел ко мне и сказал: «Вы не уходите, сейчас пойдем к Святейшему. Вчера он пригласил меня к себе завтракать сегодня. Узнав, что и вы со мною, Святейший пригласил и вас».

Около 12 часов, прямо из церкви, мы отправились в патриаршие покои. Это было в том же здании. Из той же приемной, о которой я уже несколько раз упоминал, только с левой стороны, мы попали в жилые комнаты (кабинет — с правой стороны). Собственно, я видел только одну комнату, в которую нас привели. Это была столовая, с большим столом посредине, с простой столовой мебелью и деревянной, очень искусной люстрой, спускавшейся над столом со сводчатого потолка. Едва мы вошли в эту комнату, как показался Патриарх. Он был в муаровой рясе, с панагией на груди. Очень тепло Святейший поздравил владыку Фаддея с Ангелом, обнял его, и по русскому обычаю они трижды облобызались. Затем Его Святейшество преподал мне благословение и крепко пожал мне руку.

Помнится, мы без промедления сели за стол, после молитвы. Других гостей, кроме нас, никого не было. Гостеприимный хозяин начал трапезу с того, что извинился за интимность завтрака: «Я знаю, вы, владыка, не любите торжественных приемов и многолюдных трапез, так вот я пригласил вас на скромный завтрак, тем более хочу видеть вас в самой простой келейной обстановке».

Во время завтрака Патриарх сказал теплую сердечную речь в адрес именинника. Он назвал владыку Фаддея «Светоцем Церкви», «чудом нашего времени».

Владыка Фаддей, отвечая на это приветствие, отметил исповедническую деятельность Патриарха, его мужество и мудрость по управлению Церковью. «Я молюсь Богу, чтобы Он сохранил вашу драгоценную жизнь для блага Церкви». При этих словах Святейший прослезился. Его Святейшество был очень любезен ко мне: наливал мне

сладкого вина и сам клал на мою тарелку то кусочек рыбы, икры или сыра, в каждом случае повторяя: «Чем богаты... не обессудьте...»

Наш любезный хозяин словоохотлив, он рассказывает смешные истории из своей семинарской жизни, о приключениях, курьезах; о своем пребывании в Америке, американских нравах и обычаях и, чтобы немного пошутить, переходит к незатейливым сценкам из быта провинциального духовенства. Вероятно, в домашней обстановке Его Святейшество веселого нрава, любит невинно посмеяться. Помню его один рассказ. «Когда я был патриархом Алеутским, — говорит с характерной расстановкой Патриарх, — ко мне в 1904 году обратился англиканский священник доктор Ирвайн, с просьбой принять его в Православие. Я запросил Священный Синод, как быть, то есть снова его рукополагать или принимать без перерукоположения. Пришел ответ, что его англиканская хиротония недействительна, и я его рукоположил во священника. В Петербурге заинтересовались этим случаем и намеревались напечатать о нем в газетах, но для этого им понадобилась фотография Ирвайна. Я вызвал его и велел ему представить фотографию. Вдруг Ирвайн спрашивает меня: „Как мне фотографироваться: обычно или по примеру Мазарини?“ Вижу, что Ирвайн хочет сказать какой-то каламбур — не отвечаю на его вопрос, а он, ничтоже сумняшеся, продолжает. „Мазарини проиграл все и остался только в гетрах“. „Вот, проиграю гетры, — говорит Мазарини, — тогда пусть пишут с меня портрет Адама. Ведь многие, кажется, хотят видеть мое изображение“. Конечно, Ирвайн сказал мне дерзость, и надо было мне обидеться, но рассказ был забавен, и я сам от души смеялся». Патриарх рассказывает, смеется, лицо его розовеет.

Меня Святейший спрашивал о том, как теперь работают суды, что в них отличного от дореволюционных судов, почему не введен суд присяжных?

Вообще говорили о многом, за исключением официальных предметов.

Владыка Фаддей неоднократно начинал разговор об обновленцах, но Святейший как-то характерно махал руками и говорил: «Ну их к Богу», — и переводил разговор на другую тему.

В перерыве, пока еще не подавали чай, Патриарх подозвал келейника и что-то тихо ему сказал. Келейник вышел, а потом вернулся со свертком.

«Ну вот, Преосвященнейший, вам именной подарок — по русскому обычаю. Это облачение, притом красивое и сшитое по вашей фигуре. Хотел подарить отрезом, да ведь вы какой человек — все равно не сошьете или кому-нибудь отдадите... да... тут еще мантия, ведь

ваша-то, поди, старенькая...» Владыка Фаддей принимает сверток, собирается благодарить Патриарха, но сверток выскальзывает из одной руки, и из него падает красный бархатный футляр. Я бросился поднимать футляр. «Да тут еще маленькое прибавление... как это я забыл сказать о нем», — широко улыбаясь, говорит Патриарх. Владыка Фаддей открывает футляр, в нем бриллиантовый крест для ношения на клобуке, белые слоновой кости четки.

«Вам, — говорит Патриарх, обращаясь ко мне, — я с удовольствием сделал бы такой же подарок, да ведь в нем в суд не пустят... хотя в Англии... там ведь юристы в мантиях...» Затем Его Святейшество подходит к ломберному столику, достает из ящика свою фотографию, делает на ней надпись и церемонно вручает мне. Я благодарю с нижайшим поклоном. После чая все встали из-за стола и, помолившись по обычаю, стали прощаться с гостеприимным хозяином.

Я шел в гостиницу в приподнятом настроении. В руках у меня была фотография замечательного человека, в обществе которого я провел несколько незабываемых часов. Дорогой я останавливался и перечитывал надпись на фотографии: «Благословение Господа да сопровождает Вас всю Вашу жизнь. Смиренный Тихон. 21 августа [ст. ст.] 1924 г.».

Это была та самая фотография, которая, к несчастью, была изъята у меня при обыске, о котором я говорил выше.

В день кончины Святейшего Патриарха Тихона я думал над свежей могилой. Закатилось солнце, так ярко сиявшее над нашей Святой Церковью. Ушел «в путь всея земли» печальник нашей Церкви, мужественно защищавший Ее в годы испытаний. Кто теперь заменит его на этом исповедническом пути? Кто это будет? Будет ли достойным преемником почившего, способным сказать о себе так же, как это сказал почивший: «Нет такой власти на земле, которая могла бы связать нашу святительскую совесть».

Да... кто это будет?

Да спасет Бог нашу Святую Церковь!

Вечная память почившему!

Кузнецов А. И. Мои воспоминания о встречах с Патриархом Тихоном. Рукопись. Астрахань, 1962.

Протоиерей А. П. Рождественский^[56]

ВОСПОМИНАНИЯ О СЯТЕЙШЕМ ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ

Молитва Русской Церкви за Патриарха Тихона

Господи и Царю всещедрый!

Призри с высоты престола Твоего на Церковь Российскую Православную и на Святейшего Предстоятеля Ее и, якоже Петра от уз и темницы невредимо свободивый, Иосифа и Манассию от заточения изведый, соблюди невредима и ныне Пастыря Российского, Святейшего Патриарха Московского и всея России, Тихона, — укрепи его благодатию всепобеждающего Духа Твоего Святаго и спаси ко благу Церкви и Отчизны.

Воссияй светом познания истины Твоя заблудившим сынам народа Российского, смири злобные и гордые сердца их и обрати их к правде, миру и любви.

Господи многомилостиве, не отступи от нас, — вонми молитвам нашим, прости согрешения и беззакония рабов Твоих и помилуй ны, да избавлены от скорбей и бед, паки возрадуемся о Тебе, Господи — Избавителе нашем, и прославим в великолепии имя Твое, Отца и Сына, и Святаго Духа.

Аминь.

Молитва архиепископа Кентерберийского за Патриарха Тихона

О, Господи! Ты, Который сказал Своим ученикам, что — поражу пастыря и рассеется стадо его, умилосердись над рабом Твоим Тихоном, Патриархом всея Руси; спаси и защити его от руки врага, защити народ его в часы тьмы и дай ему мир ради милосердия Твоего. Ты, живущий и царствующий со Отцем и Святым Духом, всегда Единый Бог. Аминь.

* * *

Взбаламученное море России все еще кипит. Разрушены, опрокинуты прежние устои государственной жизни. Но как при потопе над бурными водами возвышался Богом хранимый ковчег, так и в Рос-

сии, среди обломков ее бывшего величия, несокрушимо высится корабль Церкви Православной, управляемый твердой рукой Ее духовного кормчего, Патриарха Московского и всея России Тихона. Этот простой, крайне доступный и мягкий в обращении человек оказался истинным героем на своем ответственном посту и с непоколебимой твердостью выдерживает все напоры мутных волн, обрушившихся на русский церковный корабль.

Я помню нынешнего Патриарха еще юношей, когда он учился в Псковской духовной семинарии, в 1878—1883 годах. Он родился в Торопце, Псковской губернии, где отец его всю свою жизнь был священником. Город этот тем замечателен, что похож на Москву необычайным обилием церквей; в маленьком городке церкви на каждом шагу, все старинные и довольно красивые. Есть в нем и местная святыня, древняя Корсунская икона Божией Матери^[57], известная в русских летописях с самых первых времен христианства на Руси. Жизнь там была крайне патриархальная, со многими чертами старинного русского быта: ведь ближайшая железная дорога была тогда верстах в 200-х от Торопца.

Влияние семейной и городской обстановки сказалось и на юноше Василии Ивановиче Беллавине, скромном семинаристе, отличавшемся религиозностью, ласковым и привлекательным характером. Он был довольно высокого роста, белокурый. Товарищи любили его, но к этой любви всегда присоединялось и чувство уважения, объяснявшееся его неуклонной, хотя и вовсе не аффектированной, религиозностью, блестящими успехами в науках и всегдашнюю готовностью помочь товарищам, неизменно обращавшимся к нему за разъяснениями уроков, особенно за помощью в составлении и исправлении многочисленных в семинарии «сочинений», т. е. письменных работ. В этом юный Беллавин находил для себя даже какое-то удовольствие, веселье и с постоянной шуткой, хотя и с наружно серьезным видом, целыми часами возился с товарищами, поодиночке или группами вникавшими его объяснениям. Замечательно, что товарищи в семинарии шутливо называли его «архиереем». В Петроградской Духовной Академии я застал В. И. Беллавина на третьем курсе. И хотя в Академии не принято было давать шутливые прозвища, но товарищи по курсу, очень любившие ласкового и спокойно религиозного псковича, называли его уже «Патриархом»^[58]. Впоследствии, когда он стал первым в России, после 200-летнего перерыва, Патриархом, его товарищи по Академии не раз вспоминали это пророческое прозвище.

Здесь, в Академии, Василий Иванович был также общим любимцем. Это особенно проявилось при одном обстоятельстве, когда он

уже был на последнем курсе. В Академии существовала студенческая библиотека, содержащаяся на средства, добываемые самими студентами, посредством взаимообложения, продажи жертвуемых книг и вещей, небольших пожертвований посторонних лиц и т. п. Журналы и газеты частью присылались бесплатно, частью выписывались по выбору самих студентов. Книги также покупались по желанию студентов, без начальственного контроля, хотя начальство прекрасно знало состав библиотеки. А так как при Академии была прекрасная и обширная библиотека, преимущественно книг духовного содержания, то, естественно, что в студенческую библиотеку выписывались большею частью светские книги, беллетристика, которой не было в академической; попадали туда и «запрещенные» книги. Библиотекарь был из студентов, по их собственному выбору. И вот однажды библиотекарь студент был сменен начальством по «неблагонадежности», а студенты протестовали против этого тем, что не хотели избирать никого, кроме забракованного начальством. Тогда ректор Академии, епископ Антоний [Вадковский], впоследствии митрополит Петроградский, назначает библиотекарем В. И. Беллавина. Маневр вполне удался: популярность Беллавина среди студентов была так велика, что никто не стал протестовать против нарушения студенческих прав, и он был признан студентами.

Обычно студенты, имеющие намерение сделать духовно-административную карьеру, принимали монашество еще в Академии, на 4-м курсе, а кто нуждался в сильной протекции, то при переходе с курса на курс, а то и раньше, даже на 1—2-м курсах. В. И. Беллавин кончил курс светским студентом и получил назначение в родную Псковскую семинарию преподавателем богословских предметов. Ученики его по семинарии живо помнят молодого преподавателя, резко выделявшегося среди других живым отношением к делу, дружеским вниманием к нуждам учеников, надежным покровительством в их столкновениях с семинарским начальством. Другие преподаватели бывали люди холодные, формалисты, третировавшие учеников как кутейников-семинаристов, обязанных лишь знать «от сих до сих» и вести себя тише воды, ниже травы. Мне не раз приходилось встречаться с учениками В. И. Беллавина по Псковской семинарии, и все они сохранили о нем самые светлые воспоминания. Жил он в патриархальном Пскове скромно, на мезонине деревянного домика, в тихом переулке близ церкви «Николы Соусохи» (там сохранилось много старинных названий) и не чуждался дружеского общества. И до сих пор он любит вспоминать о своих псковских друзьях, беседы с которыми давали ему отдых в часы досуга.

Но вот разнеслась неожиданная весть: молодой преподаватель подал архиерею прошение о принятии монашества, и скоро будет его пострижение. Епископ Гермоген [Добронравин]^[59], добрый и умный старец, назначил пострижение в семинарской церкви, и на этот обряд, редкий в губернском городе, да еще над человеком, которого многие так хорошо знали, собрался чуть не весь город. Опасались, выдержат ли полы тяжесть собравшегося народа (церковь во втором этаже семинарского здания), и, кажется, специально к этому дню поставили подпорки к потолкам в нижнем этаже. Очевидцы помнят, с каким чувством, с каким убеждением отвечал молодой монах на вопросы архиерея о принимаемых им обетах: «Ей, Богу содействующу» (да, при Божьей помощи). Конечно, как это всегда и бывает, многие плакали... Но сам постригаемый вполне сознательно и обдуманно вступал в новую жизнь, считая себя, очевидно, не склонным к семейным обязанностям и желая посвятить себя исключительно служению Церкви.

После пострижения служба «ученого монаха» идет уже по твердо установленной колее: сначала — административные должности в духовно-учебных заведениях, а затем кафедра епископа викарного, епархиального и т. д. Иеромонах Тихон, как нарекли В. И. Беллавина в монашестве, скоро получает назначение сначала инспектором, а потом ректором в Холмскую духовную семинарию (в г. Люблине)^[60], посвящается в епископа Люблинского, викария Холмской епархии, а там, как вполне надежный человек, испытанный на административном посту, назначается на ответственную епископскую кафедру в Соединенных Штатах Северной Америки. Я помню, с каким волнением уезжал в далекие края молодой епископ, вместе с младшим своим братом, болезненным юношей, покидая в Псковской губернии горячо любимую им мать-старушку; отца его тогда уже не было в живых. Брат его скончался на руках Преосвященного Тихона, несмотря на все заботы о нем, в далекой Америке, и лишь тело его было перевезено в родной Торопец, где жила еще старушка-мать. Вскоре, с ее кончиной, не осталось в живых никого из родственников нынешнего Патриарха^[61].

Довольно продолжительное пребывание в Америке дало простор административно-пастырским талантам Преосвященного Тихона, в применении к новым, совершенно чуждым для России, условиям.

Условия жизни и деятельности русского епископа в Америке были чрезвычайно своеобразны. Русские приходы разбросаны там по разным городам не только штатов, но и далекой Аляски и Алеутских островов, — Преосвященный побывал и там, своими глазами видел этих

православных полудикарей, сохранивших свой быт и веру в чуждых условиях американского гражданского строя. Наряду с русскими в Америке живет много галичан, отчасти униатов, много православных сирийцев, болгар, сербов, греков: нужно умело ориентироваться среди междоцерковных и международных отношений, не задевая ничьих привилегий. И русское духовенство, в условиях американской жизни, волей-неволей, должно во многом применяться к ним, что особенно трудно для лиц монашествующих. Полная свобода верований, гласность, равенство во взаимных отношениях, торговый дух американцев, — все это было непривычно русскому человеку, попавшему в американский водоворот из тихой монашеской кельи. Но врожденный такт Преосвященного Тихона, умение его понять чужие обычаи и любовное отношение к людям, помогли ему и в Америке настроить жизнь церковную на должный лад, вдохнуть в духовных своих помощников ревность к работе и сохранить между ними полный мир и согласие. Управление Преосвященного Тихона оставило глубокий след в жизни православных американцев, а сам он вспоминает об этом времени, как о таком, которое расширило его церковно-политический кругозор, познакомило с новыми формами человеческих взаимоотношений и подготовило к тому, что пришлось ему испытать впоследствии.

За время службы в Америке Преосвященный Тихон только один раз приезжал в Россию^[62], когда был вызван в Священный Синод для участия в летней сессии. Тут перед высшими иерархами и перед светскими правителями Церкви, — тогда обер-прокурорствовал еще К. П. Победоносцев, — обнаружились духовно-административные таланты молодого епископа, и он вскоре был возведен в высший сан архиепископа, а затем призван к управлению одной из самых старейших и важнейших епархий в России, Ярославскою. Там, в Ярославле, он пришелся совсем по душе. Все полюбили доступного, разумного, ласкового архипастыря, охотно откликавшегося на все приглашения служить в многочисленных храмах Ярославля, в его древних монастырях, даже приходских церквях обширной епархии. Часто посещал он церкви и без всякой помпы, даже ходил пешком, что в ту пору было необычным делом для русских архиереев. А при посещении церкви вникал во все подробности церковной обстановки, даже поднимался иногда на колокольню, к удивлению батюшек, непривычных к такой простоте архиереев. Но это удивление скоро сменялось искреннею любовью к архипастырю, разговаривавшему с подчиненными просто и ласково, с добродушною шуточкою, без всякого следа начальственного тона. Даже замечания обыкновенно делались добродушно,

иногда с шуткою, которая еще более заставляла виновного стараться исправить замеченную неисправность.

Ярославцам казалось, что они получили идеального архипастыря, с которым никогда не хотелось бы расставаться. Но высшее церковное начальство, преимущественно светское, не любило, чтобы архиерей долго засиживался на одной кафедре, особенно, если он приобретал там общие симпатии. Преосвященного Тихона скоро перевели на Виленскую кафедру, а в Ярославль прислали Виленского архиепископа Агафангела [Преображенского]. Это тоже достойнейший архипастырь, и доныне, кажется, здравствующий, и причины такого перемещения были непонятны. Кажется вмешался «Союз Русского Народа», тогда весьма влиятельный в высшем духовном мире. Проводы Преосвященного Тихона в Ярославле^[63] были необычайно трогательны; всеобщая любовь и уважение к нему ярославцев сказались в том, что городская дума избрала его почетным гражданином Ярославля, — отличие, не выпавшее на долю ни одному, кажется, из тогдашних архиереев.

В Вильне от православного архиепископа требовалось много такта. Нужно было угодить и местным властям, и православным жителям края, настроенным иногда крайне враждебно к полякам, нужно было и не раздражать поляков, составлявших большинство местной интеллигенции, нужно было всегда держать во внимании особенности духовной жизни края, отчасти ополяченного и окатоличенного. Для любящего во всем простоту архиепископа Тихона труднее всего было поддерживать внешний престиж духовного главы господствующей Церкви в крае, где не забыли еще польского гонора и высоко ценили пышность. В этом отношении простой и скромный владыка не оправдывал, кажется, требований ревнителей внешнего блеска, хотя в церковном служении он не уклонялся, конечно, от подобающего великолепия и пышности и никогда не ронял престижа русского имени в сношениях с католиками. И там все его уважали. Помню, как он однажды ехал из Вильны на свою великолепную архиерейскую дачу, Тринополь, в простой коляске и в дорожной скуфейке, к ужасу русских служащих; но все, кто его встречали и узнавали, русские, поляки и евреи, низко ему кланялись. Во время прогулки по «кальварии» — так назывался ряд католических часовен вокруг архиерейской дачи, посвященных разным стадиям крестного пути Христа на Голгофу, — перед архиепископом вставали и приветствовали его все католики, служившие при часовне, хотя он был в подряснике и шляпе.

Здесь, в Вильне, Преосвященного застало в 1914 году объявление войны. Его епархия оказалась в сфере военных действий, а затем че-

рез нее прошел и военный фронт, отрезавший часть епархии от России. Пришлось Преосвященному покинуть и Вильну, вывезли лишь св. мощи и часть церковной утвари. Сначала он поселился в Москве, куда перешли и многие виленские учреждения, а потом в Дисне, на окраине своей епархии. Во всех организациях, так или иначе помогавших пострадавшим на войне, обслуживавших духовные нужды воинов и т. п., Преосвященный Тихон принимал деятельное участие, посещал и болящих и страждущих, побывал даже на передовых позициях, под неприятельским обстрелом, за что получил высокий орден с мечами. На это же время падает и присутствие архиепископа Тихона в Священном Синоде, куда он неоднократно вызывался правительством. Между прочим, по поручению Синода, он должен был совершать далекое и не особенно приятное путешествие в Тобольск, для расследования громкого дела о самовольном прославлении мощей пресловутым епископом Варнавой [Накропиным], которого поддерживал Распутин. Как всегда, Преосвященный Тихон действовал примирительно и много способствовал благополучному окончанию дела.

Всего тяжелее оказалось положение архиепископа Тихона во дни революции, когда он был в Синоде, а на кресле К. П. Победоносцева и В. К. Саблера оказался неуравновешенный В. Н. Львов. Тотчас же с усердием, достойным лучшего применения, и с приемами жандарма старых времен, революционный обер-прокурор изгнал из Синода митрополитов Питирима [Окнова] и Макария [Невского], ставленников Распутина^[64], но и остальным членам Синода не легко было ладить с В. Н. Львовым.

Затем весь состав Синода был сменен; был освобожден от присутствия в нем и Преосвященный Тихон. Вскоре москвичам пришлось избрать себе архипастыря, вместо уволенного на покой митрополита Макария, и вот на московскую кафедру был избран Виленский архиепископ Тихон.

Что повлияло на этот выбор, совершенно неожиданный и для самого Преосвященного Тихона? Несомненно, рука Божия вела его к тому служению, какое он несет теперь для славы Церкви и спасения Родины. В Москве его мало знали. В Петроград приезжали особо уполномоченные от московских духовных и светских кругов, чтобы собрать сведения о достойных кандидатах; в собрании, особо для них устроенном, называлось много имен, было названо и имя архиепископа Тихона, но определенно ни на ком не остановились. На предварительных собраниях в Москве, перед выборами архипастыря, имя архиепископа Тихона также не выступало на первую очередь; больше голосов было за А. Д. Самарина, и только решительное голосование в

храме, пред древнею святынею Москвы, Владимирской иконой Божией Матери, дало значительный перевес пред всеми архиепископу Тихону; он был торжественно провозглашен избранным и утвержден Священным Синодом. Возможно, что близость Ярославля к Москве имела здесь некоторое значение: ярославцы хорошо помнили архиепископа Тихона.

Москва торжественно и радостно встретила своего первого избранника-архипастыря. Он скоро пришелся по душе москвичам, и светским, и духовным. Для всех у него находится ровный прием и ласковое слово, никому не отказывает он в совете, в помощи, в благословении. Скоро оказалось, что владыка охотно принимает приглашения служить в приходских церквях, — и вот церковные причты и старосты начинают наперебой приглашать его на служения в приходские праздники, и отказа никому нет. После службы архипастырь охотно заходит и в дома прихожан, к их великой радости. В короткое время своего архиерея знает чуть не вся Москва, знает, уважает и любит, — это ясно обнаружилось впоследствии.

Как только разразилась революция, рухнула власть, на которую привыкла опираться Церковь, — всем церковным людям стало ясно, что нужно немедленно созвать Церковный Собор, который должен дать новые, крепкие устои церковному порядку. Синод собрал «Предсоборный Совет», для разрешения всех вопросов, связанных с немедленным созывом Собора, и в работах этого Совета архиепископ Тихон принял деятельное участие. Когда было решено открыть Собор именно в Москве, 15 августа [1917 г.], то новому московскому архипастырю пришлось много поработать, чтобы в короткое время приготовить все нужное к принятию и размещению духовных гостей, членов Собора. Ведь Соборов не бывало на Руси свыше 200 лет, — все было ново, непривычно, нужно было предусмотреть все детали, чтобы работа Собора шла беспрепятственно и успешно. Архиепископ сам неоднократно осматривал все помещения, назначенные для работ Собора и для его членов, объезжал монастыри, где должны были жить епископы, — их ожидалось свыше 60-ти. И если Собор сразу пошел гладко, если членам его можно было жить и работать, хотя и без желательного простора и удобств, то в этом заслуга, несомненно, Московского архипастыря.

Члены Собора скоро оценили это: председателем Собора был избран архиепископ Тихон, получивший к тому времени титул митрополита. В этом сказалось, конечно, прежде всего желание членов Собора почтить духовного хозяина Москвы, приютившей Собор. Но председательство на Соборе митрополита Тихона дало возможность

всем членам, собравшимся из далеких концов России и даже из-за границы, близко познакомиться с архипастырем, узнать его прекрасный характер, неисчерпаемую доброжелательность, высокий ум и такт. До сих пор мало кто знал Преосвященного Тихона: он не любил выдвигаться на первый план, никогда о себе не шумел и не жаловал льстецов.

В первую очередь Собор выдвинул вопрос о восстановлении в России Патриаршества, уничтоженного Петром Великим в целях укрепления царского самодержавия. Собором решено было восстановить Патриаршество. Это как раз совпало с большевистским переворотом; в Москве стояла несмолкаемая канонада — большевики обстреливали Кремль, где дружно держалась еще кучка юнкеров. Когда Кремль пал, все на Соборе страшно тревожились и об участи молодежи, попавшей в руки большевиков, и о судьбе Московских Святынь, подвергшихся обстрелу. И вот первым спешит в Кремль, как только доступ туда оказался возможным, митрополит Тихон, во главе небольшой группы членов Собора. Я помню, с каким волнением выслушивал Собор живой доклад митрополита, только что вернувшегося из Кремля, как перед этим члены Собора волновались из опасения за его судьбу: некоторые из спутников митрополита вернулись с полпути и рассказывали ужасы о том, что они видели, но все свидетельствовали, что митрополит шел совершенно спокойно, не обращая внимания на озверевших солдат, на их глазах расправлявшихся с «кадетами», и побывал везде, где было нужно. Высота его духа тогда была для всех очевидна.

Спешно приступили к выборам Патриарха; опасались, как бы большевики не разогнали Собор. Решено было голосованием всех членов Собора избрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией, посредством жребия, указать избранника. И вот, усердно помолвившись, члены Собора начинают длинными вереницами проходить перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дали требуемое большинство митрополитам Харьковскому и Новгородскому, и лишь на третьем выдвинулся митрополит Московский Тихон. Перед Владимирскою иконою Божией Матери, нарочно принесенною из Успенского собора в храм Христа Спасителя, после торжественной литургии и молебна схимник, член Собора, благоговейно вынул из урны один из трех жребиев с именами кандидатов, и ныне покойный митрополит Киевский Владимир [Богоявленский] провозгласил имя избранника — митрополита Тихона. Живо помню, с каким смирением, с сознанием важности выпавшего жребия и с полным достоинством принял Преосвященный Тихон известие о Божием избрании. Он не жаждал нетерпеливо этой вести, но

и не тревожился страхом, — его спокойное преклонение перед волей Божией было ясно видно для всех. Когда торжественная депутация членов Собора, во главе с высшим духовенством, явилась в церковь Троицкого подворья в Москве, для «благовестия» о Божием избрании и для поздравления вновь избранного Патриарха, Пресвященный Тихон вышел из алтаря в архиерейской мантии и ровным голосом начал положенный по церемониалу краткий молебен. Отвечая на поздравительные речи, произнесенные после молебна от имени Собора, от Синода, от Московской епархии, владыка для каждого нашел ласковое, нешаблонное слово: это было тогда же отмечено. Тогда же он дал обет — стоять за Церковь Православную до смерти, — и вот теперь он всем показал, что обещание это не было лишь пустым звуком, что оно было дано от души и с полным убеждением.

Время перед торжественным возведением на патриарший престол митрополит Тихон проводил в Троице-Сергиевой лавре, готовясь к принятию высокого сана. Соборная комиссия спешно выработывала давно забытый на Руси порядок поставления патриархов, особенности их служения, отличия в одежде и тому подобное. Большевики тогда не закрыли еще Кремля, и можно было совершать церемонию в древнем патриаршем соборе — Успенском, где сохранился и патриарший трон на горнем месте, — на него никто не садился со времени последнего Патриарха, — и особое патриаршее место. Добыли из богатой патриаршей ризницы облачения русских патриархов, жезл митрополита Петра, митру и белый клобук Патриарха Никона и др. Интересно отметить, что клобук и мантия Никона оказались вполне пригодными для нового Патриарха.

Великое церковное торжество происходило в Успенском соборе 21 ноября [4 декабря] 1917 года. Мощно гудел Иван Великий, кругом шумели толпы народа, наполнявшие не только Кремль, но и Красную площадь, куда были собраны крестные ходы из всех московских церквей^[65]. За литургией два первенствующие митрополита, при пении «аксиос» (достойн) трижды возвели Божия избранника на патриарший трон, облачили его в присвоенные его сану священные одежды. После литургии новый Патриарх, в сопровождении крестного хода шел вокруг Кремля^[66], окропляя его святой водой. Замечательно отношение большевиков к этому торжеству. Тогда они не чувствовали еще себя полными хозяевами и не заняли определенной позиции в отношении Церкви, хотя враждебность к Ней была ясна. Солдаты, стоявшие на гауптвахте у самого Успенского собора, вели себя развязно, не снимали шапок, когда мимо проносили иконы и хоругви, курили, громко разговаривали и смеялись. Но вот вышел из собора Патриарх,

казавшийся согбенным старцем в своем кругло-белом клобуке с крестом наверху, в синей бархатной мантии Патриарха Никона, — и я видел, как солдаты моментально скинули шапки и бросились к Патриарху, протягивая руки для благословения через перила гауптвахты. Было ясно, что то было лишь «бахвальство», модное, напускное, а теперь прорвались настоящие чувства, воспитанные веками.

Патриарх Тихон не изменился, остался таким же доступным, простым, ласковым человеком, когда стал во главе русских иерархов. По-прежнему он охотно служил в московских церквях, не отказываясь от приглашений. Близкие к нему лица советовали ему, по возможности, уклоняться от этих утомительных служений, указывая на престиж Патриарха; но оказалось потом, что эта доступность Патриарха сослужила ему большую службу: везде его узнали как своего, везде полюбили и потом стояли за него горой, когда пришла нужда его защищать. Попробуй-ка теперь большевики его тронуть, — за него подыметесь вся Москва, а теперь и вся Россия. Но мягкость в обращении Патриарха Тихона не мешала ему быть непреклонно твердым в делах церковных, где было нужно, особенно в защите Церкви от Ее врагов. Теперь уже вполне наметилась возможность того, что большевики помешают Собору работать, даже разгонят его. Несмотря на это, Патриарх никогда не уклонялся от прямых обличений, направленных против гонений на Церковь, против декретов большевиков, разрушавших устои Православия, их террора и жестокости.

Всем памятно обличительные послания Патриарха, заканчивавшиеся анафемой большевикам^[67]. Неоднократно устраивались грандиозные крестные ходы для поддержания в народе религиозного чувства, и Патриарх неизменно в них участвовал. А когда получилась горькая весть об убийстве Царской семьи, то Патриарх тотчас же, на заседании Собора, отслужил панихиду, а затем служил и заупокойную литургию, сказав грозную обличительную речь^[68], упрекая большевиков в этом вопиющем преступлении.

По решению Московского Церковного Собора, в управлении Церковью Патриарх действует совместно со Священным Синодом, состоящим из одних архиереев, и Высшим Церковным Советом, — из архиереев, духовенства и мирян. И Патриарх Тихон всегда строго соблюдал это постановление Собора, не принимал на себя единоличных решений и предпочитал все делать с общего согласия, часто собирая соединенные заседания Синода и Совета. Он обращался к ним за советом даже по таким делам, которые принадлежали ему единолично, хотя оставлял за собою право следовать или не следовать выслушанным советам. Помню, как составлялось громовое послание Патри-

арха к большевикам по случаю годовщины их владычества. Многие тогда настойчиво отговаривали Патриарха от этого рискованного шага, опасаясь за его свободу и жизнь. Когда он прочитал на соединенном заседании Синода и Совета проект послания, то все высказывали крайние опасения и указывали на то, что Патриарх должен беречь себя для пользы Церкви. Патриарх внимательно выслушал все советы, но стоял на своем. В ближайшее воскресенье он служил в своем Троицком подворье и после литургии заявил бывшим у него, что подписал послание и сделал распоряжение об отправке его комиссарам. «Да, он всех внимательно слушает, мягко ставит возражения, но на деле проявляет несокрушимую волю», — говорил по этому поводу один интеллигент, член Собора.

Каждую минуту опасались за жизнь Патриарха. Большевики наложили уже руку на членов Собора, выселяли их то из одного помещения, то из другого, некоторых арестовали, ходили тревожные слухи о замыслах и против Патриарха. Однажды поздно ночью явилась к Патриарху целая депутация из членов Собора во главе с видными архиереями, извещавшая его, со слов верных людей, о решении большевиков взять его под арест и настойчиво советовавшая немедленно уехать из Москвы даже за границу, — все было готово для этого. Патриарх, уже легший было спать, вышел к депутации, спокойный, улыбающийся, внимательно выслушал все, что ему сообщили, и решительно заявил, что никуда не поедет: «Бегство Патриарха, — говорил он, — было бы слишком на руку врагам Церкви, они использовали бы это в своих видах. Пусть делают все, что угодно». Депутаты остались даже ночевать на подворье и много дивились спокойствию Патриарха. Слава Богу, тревога оказалась напрасною. Но за Патриарха тревожилась вся Москва. Приходские общины Москвы организовали охрану Патриарха; каждую ночь, бывало, на подворье ночевали по очереди члены церковных Советов, и Патриарх непременно приходил к ним побеседовать. Неизвестно, что могла бы сделать эта охрана, если бы большевики действительно вздумали арестовать Патриарха: защищать его силой она, конечно, не могла, собрать народ на защиту — тоже, так как большевики предусмотрительно запретили звонить в набат, под страхом немедленного расстрела, и даже ставили своих часовых на колокольнях. Но в дежурстве близ Патриарха церковные люди находили для себя нравственную отраду, и Патриарх этому не препятствовал.

Безбоязненно выезжал Патриарх и в московские церкви, и вне Москвы, куда его приглашали. Выезжал он либо в карете, пока было можно, либо в открытом экипаже, а перед ним обычно ехал иподиа-

кон в стихаре, с высоким Крестом в руках. Народ благоговейно останавливался и снимал шапки, и я не помню случая, чтобы кто-нибудь сказал оскорбительное слово. Когда Патриарх ездил в Богородск, промышленный город Московской губернии, а позже в Ярославль и в Петроград, то многие опасались, как бы не устроили скандал солдаты или рабочие, но все страхи оказались напрасными. В Богородске рабочие встретили Патриарха, как прежде встречали царя, устроили для его встречи красиво убранный павильон, переполняли все улицы во время его проезда. В Ярославле, — это было уже после его разгрома, — сами комиссары вынуждены были принять участие во встрече, обедали с Патриархом, снимались с ним. О поездках Патриарха в Петроград хорошо известно: это был целый триумф. Московские комиссары хотели предоставить для Патриарха лишь одно купе в вагоне, но железнодорожные рабочие настояли, чтобы ему был дан особый вагон, и в пути встречали его на остановках. Религиозное чувство сказалось в русском человеке, он сердцем почувал в Патриархе «своего», любящего, преданного ему всей душой.

В церковном служении Патриарх Тихон соблюдает ту же простоту, какую он отличается в частной жизни: нет у него излишней аффектации, театральности, часто надоедливых, но нет и грубости по отношению к служащим, тех громких окриков и суетливости, какими иногда сопровождается архиерейская служба. Если нужно сделать какое-либо распоряжение, оно делается тихо и вежливо, а замечания делаются исключительно после службы и всегда в самом мягком тоне. Да их и не приходится делать: служащие проникаются тихим молитвенным настроением Патриарха, и каждый старается сделать свое дело как можно лучше. Помню, с какой любовью и благоговением служил с Патриархом знаменитый московский архиерей Розов, — говорят, будто трагически уже кончивший свою жизнь^[69]. Торжественное служение Патриарха со множеством архиереев и клириков, многолюдные крестные ходы, — всегда совершались чинно, в полном порядке, с религиозным подъемом.

Жил Патриарх в прежнем помещении московских архиереев, в Троицком подворье Сергиевской лавры, «у Троицы на Самотеке»^[70]. Это скромный, хотя и просторный дом, без претензий, куда проще, чем многие другие архиерейские дома в России, — например в Курске, в Ставрополе. К дому непосредственно примыкает Крестовая церковь, где монахи Сергиевской лавры ежедневно совершали положенное по уставу богослужение. Рядом с алтарем помещается небольшая моленная, уставленная иконами; в ней Патриарх и молится во время богослужения, когда не служит сам. Но служить он любит и

часто служит в своей Крестовой церкви. Дом окружен небольшим садиком, где Патриарх любит гулять, как только позволяют дела. Здесь часто к нему присоединяются и гости, и близко знакомые посетители, с которыми льется приятная, душевная беседа, иногда до позднего часа. Садик уютный, плотно отделенный от соседних дворов, но детишки-соседи взбираются иногда на высокий забор, и тогда Патриарх ласково оделяет их яблоками, конфетами. Тут же и небольшой фруктовый садик и огород, и цветник, и даже баня, но все это было уже запущено за время революции.

Конечно, и стол Патриарха был очень скромный: черный хлеб подавался порциями, часто с соломой, картофель без масла. Но и прежде Преосвященный Тихон был совсем невзыскателен к столу, любил больше простую пищу, особенно русские щи (конечно не мясные) да кашу.

Уезжая к семье на юг, я простился с Патриархом 2 декабря [ст. ст.] 1918 года. Тогда он жил в своем подворье уже под домашним арестом; в нижнем этаже помещалась стража из трех красноармейцев, которые вечером поднимались и наверх, чтобы проверить наличие своего поднадзорного. Патриарх не мог уже никуда выезжать из подворья и служил лишь в своей Крестовой церкви. Говорят, потом ему разрешили выезжать, — при мне этого не было. Гулять по своему садику он мог и принимал у себя посетителей беспрепятственно. Переносил он свой арест благодушно и нисколько не боялся за будущее. Больше всего беспокоила его судьба Церкви и России, но и в этом отношении он сохранял полную уверенность, что ниспосланное Господом испытание кончится вполне благополучно, к новой славе и Церкви, и Родины. Тогда казалось, что это случится скоро, и что скоро мне суждено будет вновь увидеть Святейшего Патриарха и родные места. Но вот минуло три года, и никто не может сказать, когда кончатся наши испытания. Годы идут, приближаясь к закату, — суждено ли нам увидеть Родину, суждено ли принять благословение у Святителя — Патриарха Тихона?

* * *

9 июня [н. ст.] 1922 года, когда написаны были последние строки, никто не думал, что нам скоро придется прочитать в газетах неожиданное сообщение из Москвы: Патриарх Тихон, будто бы, сложил свою святительскую власть. Мы могли ждать всего: заточения, насильственной его смерти, — но тем, кто его знает, не верится, чтобы он мог добровольно покинуть свой тяжелый, ответственный пост в это роковое время. А между тем, газетные сведения, полученные из

советских источников, передают, что 12 мая [н. ст.] небольшая группа петроградских и московских священников, всецело примкнувшая к коммунистической власти, обратилась к Патриарху с обвинениями в «вовлечении Церкви в контрреволюционную политику» и потребовала «немедленного созыва, для устроения Церкви, Поместного Собора и полного отстранения Патриарха до соборного решения от управления Церковью». Неизвестно, что ответил на это Патриарх, но в результате беседы с явившейся к нему делегацией, он, будто бы, удалился к себе в кабинет и через несколько минут вернулся и передал делегации следующий документ за своей подписью и с датой 12 мая [н. ст.] 1922 года: «Ввиду крайней затруднительности церковного управления, приведшей меня к гражданскому суду, считаю полезным для блага Церкви поставить временно, впредь до собрания Собора, во главе церковного управления одного из митрополитов».

Как видим, здесь нет никакого «отречения от престола»: лишь временно, ввиду необходимости отвечать перед гражданским судом и вслед за тем потерпеть, может быть, гражданскую кару, заключение в тюрьму и тому подобное, Патриарх передает церковное управление одному из митрополитов, а сам предоставляет рассмотрение дела будущему Церковному Собору. Но и такое временное устранение от церковного управления как-то не согласуется с обликом Патриарха: мудрый и предусмотрительный, хорошо понимающий лежащую на нем ответственность, он едва ли послушался бы требования какой-то, никем не уполномоченной группы священников, едва ли взял бы на себя столь важное для Церкви решение без совета с Священным Синодом и Высшим Церковным Советом, к которым он всегда обращался в таких случаях, и едва ли облек бы свое заявление в такую неофициальную форму. Правда, Московский Церковный Собор уполномочил Патриарха назначить себе ряд заместителей из числа иерархов, на случай смерти или насильственного устранения от власти; и созыв Церковного Собора предоставлен власти Патриарха, и суд над Патриархом принадлежит Собору. Но привлечение к гражданскому суду и даже заключение в тюрьму в такое время, как нынешнее, могут послужить лишь к славе церковного деятеля и не дают повода к обсуждению его дела на Соборе; тем менее обвинение, предъявленное малочисленной группой духовенства, может послужить для Патриарха побуждением устраниваться от власти: наибольшее, что он может сделать, — это устраниваться от председательствования на Соборе во время обсуждения выставленных против него обвинений и затем подчиниться решению Собора, — и только. Но отказаться от власти теперь, когда буря со всех сторон грозит церковному кораблю, когда

враги Церкви готовы воспользоваться всяким поводом, чтобы нанести Ей тяжкий удар, — нет, это не похоже на Патриарха Тихона.

Может быть, начались для него «последние испытания». Может быть, он уже является «исповедником», как были исповедниками древние христиане, бесстрашно заявлявшие перед языческим судом о своей вере во Христа. Может быть, скоро он станет и «мучеником», когда примет венец страданий и смерти от руки безбожных правителей. Будем молиться. Будем ждать и надеяться на милость Божию.

«Утверди, Господи, Церковь!»

Рождественский А. П., протоиерей. Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России: (Воспоминания). София: Рос.-болг. книгоизд-во, [1922] (Политика).

Митрополит Евлогий (Георгиевский)

ВЫПИСКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

[Назначенный в 1897 году ректором Холмской духовной семинарии архимандрит Евлогий (Георгиевский)^[71] по приезде из Владимира в Варшаву наносит визит архиепископу Варшавскому Флавиану (Городецкому)^[72]. — *Сост.*]

Встреча с Высокопреосвященным Флавианом оставила во мне самое благоприятное впечатление. Он был необычайно со мною ласков.

— А мы все вас заждались... Я очень рад. Наконец-то вы приехали... Преосвященный Тихон все меня запрашивал: когда же отец ректор приедет?

Он пригласил меня к завтраку. Тон его разговора, приветливый, ласковый, непринужденный, искреннее доброжелательство, которое в нем чувствовалось, были для меня приятной неожиданностью, — я воспрянул духом. Вот что значит доброе отношение!..

[Прибывшему в Холм архимандриту Евлогию. — *Сост.*] о инспектор сказал, что надо съездить к Преосвященному Тихону, который предложил мне приехать прямо к обеду.

Епископ Тихон, добрый, веселый, приветливый, встретил меня радушно.

— Я так вам рад...

Завязалась беседа, мы хорошо поговорили. Я почувствовал себя в той братской атмосфере, в которой нет и тени покровительственной ласки. Я понял, что всякую официальность в отношениях, к которой я привык во Владимире, надо отбросить и к моему новому начальству надо относиться попросту, с открытой душой. [...]

Я лично любил всяческую простоту, но для престижа нужно было подтягиваться: прекрасный выезд, шелковые рясы... Тут я лишь продолжал политику моего предшественника, архимандрита Тихона; он сумел высоко поднять значение ректора в глазах населения.

Вообще от него досталось мне хорошее наследие. Холмская семинария была небольшая (175 учеников), чистая и внутренне благоустроенная.

Архимандрит Тихон обладал большою житейскою мудростью, был человек такта и чувства меры; несмотря на свойственную ему мягкость и добродушие, умел настойчиво проводить полезные мероприятия. Вот, например, как он лишил преподавателей казенных квартир.

Нигде в России, кроме Холма, квартир преподавателям в семинарии не полагалось. Холмская епархия была маленькая; семинарию построили на 75 воспитанников, а число их с течением времени стало больше чем вдвое. Стало тесно. Архиепископ Флавиан и ректор о. Тихон решили преподавателей выселить из казенных квартир. Квартиры их были все на одном коридоре. Жены, кухарки... свара на чердаках из-за сушики белья... непрерывные мелкие ссоры хозяек, обычные в такого рода общежитиях. Атмосфера создалась столь неприятная, что некоторые жены стали уговаривать своих мужей: переедем в город! Выехал один преподаватель, за ним — второй... Архимандрит Тихон повел так, что постепенно все жильцы выехали. «Сами себя высекли...» — вздыхали они потом.

За пятилетие ректорской службы архимандрит Тихон поставил учебно-воспитательное дело отлично. В память открытия святых мощей святителя Феодосия Черниговского он устроил в семинарии второй храм во имя этого новоявленного угодника Божия, пожертвовав для сего семинарским залом. В этом новом храме совершалось ежедневное богослужение, причем каждый из шести классов имел свой день, когда он мог там самостоятельно нести клиросное послушание; а в праздники туда собирались для богослужения дети семинарской образцовой церковноприходской школы. Совершало будничное богослужение, также по очереди, семинарское духовенство: ректор, инспектор, духовник и преподаватели, носившие духовный сан.

Архимандрит Тихон был очень популярен и в семинарии и среди народа. Местные священники приглашали его на храмовые праздники. Милый и обаятельный, он всюду был желанным гостем, всех располагал к себе, оживлял любое собрание, в его обществе всем было весело, приятно, легко. Будучи ректором, он сумел завязать живые и прочные отношения с народом, — и этот же путь он указал и мне. В сане епископа он еще больше углубил и расширил свою связь с народом и стал действительно для Холмщины «своим» архиереем. Мне постоянно во время поездок по епархии приходилось слышать самые сердечные отзывы о нем духовенства и народа.

Еще при ректоре архимандрите Тихоне в семинарии еженедельно (по воскресеньям после обеда) бывали литературные вечера. Сначала выступал наш семинарский хор с песнопениями, потом бывали доклады: о католичестве, о православии (обычно эту часть брал на себя

преподаватель обличительного богословия); их сменяли рефераты на вольные литературные темы. Преподаватели охотно принимали участие в программе вечера. На собрания допускалась и публика. Съезжалось городское общество. По окончании докладов ректор устраивал у себя «чай». [...] Интеллигенции эти вечера нравились. Зал был полон, а «чай» [...] многолюден. [...]

С Преосвященным Тихоном мы были хорошие друзья. Я у него часто бывал, летом ездил к нему на дачку. К сожалению, епископскую кафедру в Холме он занимал недолго: в сентябре 1898 года его назначили епископом в Америку.

Тяжело, горько было Холмщине с ним расставаться. Все любили его единодушно. Провожали с подношениями, с изъявлением искренней, теплой благодарности.

После отъезда Преосвященного Тихона мои с ним отношения на протяжении многих лет оставались близкими. Когда он приезжал из Америки — а возвращался Преосвященный Тихон на родину дважды, — он всякий раз навещал меня. [...]

На общем бледноватом фоне преподавательского состава [в Холмской духовной семинарии. — *Сост.*] выделялась лишь одна фигура, — мрачная, жуткая, всех отталкивающая, — иеромонах Антонин [Грановский]. Что-то в этом человеке было роковое, демоническое, нравственно-преступное с юных лет. Он был один из лучших студентов Киевской Духовной Академии, но клубок надел только из крайнего честолюбия, в душе издеваясь над монашеством. Мой товарищ о. К. Аггеев^[73] (тоже Киевской Духовной Академии) рассказывал мне, как Антонин вечером уходил потихоньку из Академии и, швырнув обратно в комнату через открытую форточку клубок, рясу и четки, пропал на невесть где... Впоследствии он проявлял странности, похожие на ненормальность.

В Донском московском монастыре, где он одно время жил, будучи смотрителем духовного училища, завел медвежонка; от него монахам житья не было: медведь залезал в трапезную, опустошал горшки с кашей и пр. Но мало этого, Антонин вздумал делать в Новый год визиты в сопровождении медведя. Заехал к управляющему Синодальной Конторой, не застал его дома и оставил карточку: «Иеромонах Антонин с медведем». Возмущенный сановник пожаловался К. П. Победоносцеву. Началось расследование. Но Антонину многое прощалось за его незаурядные умственные способности. Он был назначен инспектором моей родной Тульской семинарии. В этой должности он проявил странное сочетание распушенности и жандармских наклонностей. Завел в семинарии невыносимый режим, держал ее в терроре;

глубокой ночью на окраинах города врывался ураганом в квартиры семинаристов, чтобы узнать, все ли ночуют дома, делал обыски в сундуках, дознавался, какие книги они читают и т. д. И в то же время его келейник устроил в городе что-то предосудительное вроде «танцкласса», где собиралась молодежь обоего пола. Семинаристы не выдержали и решили с Антонином покончить. Набили порошу в полено — и ему в печку. Но взорвало одну печку: Антонин куда-то ушел обедать, это его спасло. Началось дознание, приехал ревизор, темные дела инспектора раскрылись... Его бы следовало сослать в какой-нибудь глухой монастырь на покаяние, а его назначили преподавателем в Холмскую семинарию...

Огромный, черный, неуклюжий он производил тяжелое впечатление. [...] Чувствовалось в нем что-то трагическое, безысходная душевная мука. Помню, уйдет вечером к себе и, не зажигая лампы, часами лежит в темноте, а я слышу через стену его громкие стенания: ооо-ох... ооо-ох... ооо-ох... Мы за него боялись, приходили проведать. Заставали в темноте на койке, расспрашивали, утешали; он упорно стонал... [...]

Как-то отошел и повеселел Антонин тоже, когда мы гостили на святках у архиепископа Флавиана в Варшаве (это было в первый год моего приезда в Холм). Прожили там одну неделю, в архиерейских покоях; вместе с владыкой обедали, потом в гостиной пили кофе и в совместной дружеской беседе проводили вечер. Душою общества был молодой викарный епископ Тихон. Восхитительные вечера! И до того не похожа была их теплая родственная атмосфера на ледяную температуру во владимирском архиерейском доме! Я не знал, как мне за эти светлые дни Бога благодарить... [...]

Помню странную выходку Антонина на прощальном обеде в клубе, по случаю отъезда архиепископа Флавиана, назначенного Экзархом Грузии. Дело было Великим постом. За столом велись оживленные беседы, были речи... Антонин сидел сумрачный, и вдруг — его бас на весь стол: «А котлетки-то были телячьи...» Неловкое молчание. Архиепископ Флавиан, строители, гости... — все сконфузились.

Летом 1898 года незадолго до отъезда епископа Тихона в Америку Антонина возвели в сан архимандрита и назначили ректором Благовещенской семинарии... [...] Заменяя архиерея, он служил в соборе. Возникла у него какая-то ссора с губернатором, которую, однако, тот желал поскорее изгладить. [...]

В 1905 году Антонин самочинно выкинул из богослужения слово «самодержавнейшего» и стал писать в «Новом Времени» о конституционном соотношении законодательной, исполнительной и судебной

власти как о подобии Божественной конституции во Святой Троице. Святейший Синод и особенно обер-прокурор возмутились, и Антонина уволили в заштат, в Сергиевскую пустынь, с запрещением выезда за ее пределы. Эта репрессия его озлобила. Митрополит Антоний [Вадковский] над ним сжалился: он снова появляется в Петербурге, а затем назначается епископом Владикавказским. Там он заболел белокрыием. Мне, на Волынь, пришел указ — отправить на помощь больному моего викария, преосвященного Фаддея [Успенского]. Это было в конце февраля 1917 года, перед самым началом революции; Преосвященный Фаддей едва смог добраться: на железных дорогах уже шли забастовки. Прямо с вокзала он приехал в собор, а после обедни направился к болящему епископу. Позавтракали. И вдруг — келейник с докладом:

— В приемной повесился священник...

Антонина по болезни уволили на покой в Богоявленский монастырь (в Москве). Во время Церковного Собора я его навесил. Он ходил в рваном подряснике, подчеркивал свое униженное, заштатное положение и мне жаловался: «Меня забыли... меня все бросили...» Я узнал, что он иногда бродит по улицам Москвы и, как бездомный, валяется на скамейках перед монастырем. Когда у нас с ним зашла речь о митрополите Тихоне, нашем сослуживце по Холму, он высказывался против него. Потом митрополит Тихон мне говорил, что Антонин ничего слушать не хочет, что с ним не знаешь что и делать... Дальнейшее известно: Антонин порвал с Православной Церковью и возглавил какое-то объединение, именовавшее себя «церковью» (кажется «церковью возрождения»); вскоре он скончался.

Жуткая, мрачная фигура... [...]

[Место Варшавского архиепископа Флавиана Городецкого, назначенного Экзархом Грузии. — *Сост.*] занял архиепископ Иероним (Экземплярский)¹⁷⁴. Он был вдовец, семейный, занимал в свое время должность законоучителя в аристократическом учебном заведении — коллегии Павла Галагана (в Киеве). Большой барин, чудный певец, он жил с некоторою роскошью. О богатстве его облачений, о драгоценных камнях, неслыханно дорогих рясах и роскошном выезде... ходила громкая молва, иногда подкрашенная фантазией. Ходили и слухи, что к монашеству он не благоволит. Мы, холмские монахи, приуныли.

Преосвященный Тихон полушутливо пугал нас новым архиереем.

Я вместе с ним отправился в Варшаву встречать новое начальство. Первое впечатление было благоприятное, хотя, конечно, не могло быть той близости и теплоты, к которым мы привыкли...

— Вскоре, на Пасхальной неделе, я к вам приеду, — с первых слов заявил мне архиепископ.

И верно — приехал. Я встретил его по чину, в семинарском храме, с «цветами красноречия». Епископ Тихон устроил ему завтрак, сказал приветственную речь. Архиепископ Иероним мягкий, деликатный, тонкий в обхождении, тоже ответил речью, а потом спросил епископа Тихона прямо, без обиняков:

— Ваше Преосвященство, откуда вам известно, что новый архиеп-рей враждебно относится к монашеству?

— Это болтовня... — смутился Преосвященный Тихон.

— Прошу судить по фактам — не по сплетням.

Про меня кому-то из свиты сказал то, что подумал:

— У ректора на голове митра в виде лукошка, — намекая на мою дешевенькую митру. [...]

Вскоре после его приезда состоялось назначение епископа Тихона в Америку, а его место занял настоятель Яблочинского монастыря архимандрит Герман [Иванов]. Все решилось в Петербурге без ведома архиепископа Иеронима, который был этим обижен и к навязанному ему викарию относился потом холодно. Он и не скрывал от приближенных, что хотел иметь викарием меня.

Архимандрит Герман был обязан своим назначением хлопотам игумений местных женских монастырей [...] в частности — настоятельнице Леснинской обители матушке Екатерине⁽⁷⁵⁾: она расхвалила его в Петербурге. Архимандрит Герман умел ладить с женскими монастырями и пользовался большим расположением, нежели епископ Тихон, которого монашенки недолюбливали. Эта женская протекция дала повод владыке Иерониму к ироническому замечанию:

— Архимандрит Герман на монашеских юбках, как на парусах, выезжает. [...]

[В Холмщине. — *Сост.*] я узнал и полюбил народ на этих чудных монастырских торжествах. Случалось мне бывать и на храмовых сельских праздниках. Епископ Тихон завел такой порядок: если он сам ехать не мог, село приглашало архимандрита-ректора. Присутствие «золотой шапки» что-то для населения значило. [...]

Объезд замостских сел прекрасно осведомлял меня о церковной жизни приходов. Помогали мне и церковные «летописи». Каждый приходской священник должен был вести церковную «летопись»; отмечая в ней все события приходской жизни. По этим записям можно было судить о состоянии прихода; они характеризовали и священника и прихожан. Я читал их в экипаже на пути от села к селу. Бывали очень интересные. Читая одну из них, мне довелось, например, узнать, как рядовое холмское духовенство отзывалось о Преосвященном Тихоне, впоследствии — Патриархе.

К нам, в Холмщину зачастую перебежали, несмотря на пограничный кордон, галичане-руссофилы, среди них бывали и священники. Они принимали Православие и оседали тут же, где-нибудь в Холмщине. Воспитанные в условиях австрийского либерального строя, они и в новом своем отечестве оставались верными свободолюбивому духу. Так священник из галичан протоиерей Трач, в церковной летописи отметил, что в таком-то году приход посетил Преосвященный Тихон, и тут же весьма независимо высказал свое суждение: «Первый раз в архиерее вижу человека».

— Как же вы в официальном документе так написали? Разве раньше все были звери? — удивился я.

О. Трач смутился. Я запер документ в чемодан, сказал, что пошлю его в консисторию, — и поехал дальше. Потом на обеде, который устроило духовенство в уездном городе, о. Трач попросил меня не поднимать истории из-за его неуместного замечания. Я согласился. [...]

По прибытии Патриарха [Тихона на Троицкое подворье, после интронизации, 21.11(4.12).1917 года. — *Сост.*] началась краткая лития. Тут я впервые увидел вблизи протодиакона Успенского собора Розова, знаменитого на всю Россию своим изумительным, как колокол, могучим, голосом. Красавец, необыкновенно приятный, он отличался добрым, мягким нравом. В тот памятный день он возгласил «многолетие» Патриарху и всему Собору.

Обед был скромный и без потока речей: их было три-четыре, причем лица, которые их произносили, были намечены заранее. Скромное торжество [...] оставило утешительное впечатление. Все почувствовали, что у нас есть теперь заступник, предстоятель, отец. [...]

Возвращались мы в наше общежитие пешком; шли в светлом духе, в подъеме. Идем, тихо беседуя, опираясь на палочки, и вдруг навстречу — черная, с распущенными волосами, безумная женщина... И мы слышим ее исступленные выкрики: «Недолго, недолго вам праздновать!.. Скоро убьют вашего Патриарха!..» Жуткая встреча... — точно к беде черная кошка. Радость наша смешалась с предчувствием горя... [...]

Первое время после интронизации Патриарх на Соборе не появлялся. Председательствовал митрополит Арсений [Стадницкий]¹, который и провел Собор до конца его существования. Работы возобновились в комиссиях и в общем собрании. Но вот как-то раз, словно ясное солнышко, — появился на Соборе Патриарх... С каким благоговейным трепетом все его встречали! Все — не исключая левых профес-

¹ Он умер в Туркестане, в марте 1936 г. — *Примеч. митрополита Евлогия.*

соров, которые еще недавно так убедительно высказывались против Патриаршества... Когда при пении тропаря и преподнесении патриаршего креста Патриарх вошел — все опустились на колени. Патриарх проследовал прямо в алтарь, вышел в мантии, приветствовал Собор и, после молебна благословив всех, отбыл.

Это посещение — высшая точка, которой духовно достиг Собор за первую сессию своего существования. В эти минуты уже не было прежних несогласных между собой и чуждых друг другу членов Собора, а были святые праведные люди, овеянные Духом Святым, готовые исполнять Его веления... И некоторые из нас в тот день поняли, что в реальности значат слова «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...».

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной / Предисл. Т. И. Манухиной (Т. Таманин); Послесл. Т. И. Манухиной. Париж: YMCA-Press, 1947 (Impr. de Navarre). [*Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. Воспоминания. М.: Моск. рабочий, ВПМД, 1994. С. 88, 89, 93, 99—103, 110, 132, 281—282.]

Часть 2

**КОММЕНТАРИИ
И ДОПОЛНЕНИЯ**

КОММЕНТАРИИ И ДОПОЛНЕНИЯ

1. [О написании фамилии св. Патриарха Тихона

В послереволюционных источниках встречаются разночтения: фамилия Патриарха Тихона пишется как «Белавин», так и «Беллавин».

До революции в Псковской губернии встречались две фамилии: «Белавин» и «Беллавин», причем с двумя «л» писались фамилии духовных лиц. Во всех дореволюционных источниках фамилия будущего Патриарха писалась с двумя «л». Такое же написание фамилии встречается и во всех архивных материалах, которые подписывал отец Святейшего. Сам же Святейший Патриарх Тихон все документы подписывал «Беллавин». Первый автор, который в 1918 г. написал фамилию Патриарха Тихона с одним «л» был Емельян Ярославский, с легкой руки которого и пошло безграмотное написание фамилии, утвердившееся вскоре в антирелигиозной печати, а впоследствии и в других источниках. См.: *Новиков Н. С.* Колыбель опального Патриарха. Псков, Сельцо Михайловское «Робин», 1999. С. 30—36. *Попов Ю. Г.* Торопец Патриарха Тихона. Торопец: Изд-во Учебно-информационно-компьютерного центра, 2000. С. 10—11.

В дальнейшем при цитировании написание фамилии Патриарха Тихона будет соответствовать написанию первоисточника. — *Ред.*]

2. [Об истории создания данного документа

Данное «Жизнеописание» является главой из рукописи «Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Послания и документы», которое явилось одной из первых крупных работ, посвященных житию Святейшего Патриарха Тихона. В библиотеке Московской Духовной Академии имеется такая же машинопись, озаглавленная как: *Афанасий (Саваров), епископ.* Послания и документы по истории Русской Церкви после кончины Патриарха Тихона. Машинопись. МДА. Загорск, 1958. Такой же сборник, одноименный сборнику, которым пользовался М. Е. Губонин, был передан в Синодальную библиотеку после смерти Бориса Петровича Шифрина († 1985), бывшего в начале 1920-х годов иподиаконом св. Патриарха Тихона. В двух упоминаемых сборниках данное «Жизнеописание» открывает массив документов, который был известен в церковных кругах в виде машинописных или рукописных списков. Вероятно, рукопись была составлена до Великой Отечественной войны. По мнению некоторых хранителей копий «Жизнеописания», авторство приписывается — Борису Петровичу Шифрину, по мнению других — самому Михаилу Ефимовичу Губонину (как бы то

ни было, но как редактор рукописи Михаил Ефимович внес несомненный вклад в данный документ). Отметим, что данное «Жизнеописание» было положено в основу написания жития, составленного перед канонизацией свт. Патриарха Тихона. — *Ред.*]

3. Епископ Михаил (Грибановский) — пророк и предтеча восстановления Патриаршества в России

О годах, проведенных Василием Ивановичем Беллавиным в Санкт-Петербургской Духовной Академии (1884—1888) следует сказать подробнее; они были очень важны для формирования его духовной личности и наложили большой и яркий отпечаток на его дальнейшей архипастырской, первосвятительской деятельности, которая — как известно — приобрела огромное церковно-историческое значение и, несомненно, еще в будущие времена будет влиять на судьбы нашей Церкви.

80-е годы XIX столетия оказались весьма знаменательными в жизни столичной Духовной Академии, куда в это же время из псковской глуши прибыл подростком Вася Беллавин, будущий Святейший Патриарх Тихон.

В те годы заканчивает свое образование в Академии и остается в ней в должности инспектора один из замечательных людей, оказавших большое влияние на дело восстановления русского патриаршества, — убежденный и пламенный глашатай необходимости возвращения тогдашнего строя высшего церковного управления на его исконный, канонический путь, — о. Михаил Грибановский, впоследствии ставший епископом Таврическим.

С полнейшим основанием его можно и должно провозгласить пророком и предтечу русского Патриаршества.

Поэтому, хотя бы кратко, необходимо остановиться на некоторых, наиболее примечательных штрихах его недолгой, но глубоко назидательной и целеустремленной жизни.

Еще с детства в нем обнаружили некоторые склонности и симпатии к углубленному вниманию в исторические судьбы Русской Церкви.

Обучаясь в Тамбовской духовной семинарии, еще совсем молодым человеком он был отмечен со стороны ее ректора, выдающегося впоследствии церковного археолога и историка, архиепископа Казанского и Свяжского Димитрия (Самбикина)¹, — тогда еще архимандрита.

¹ Димитрий (Самбикин Дмитрий Иванович; 1839—17.03.1908), архиепископ. В 1865 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. С 1872 г. ректор Тамбовской духовной семинарии. В 1877 г. пострижен в монашество. 04.01.1887 хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Был еписко-

«Ректор семинарии, архимандрит Димитрий, оказывал сильное влияние на Грибановского как преподаватель церковной истории. Он сумел заинтересовать своих учеников, и в том числе Грибановского, прошлыми судьбами Церкви христианской и в то же время воспитать в них любовь к занятию историей вообще, любовь к исследованию старины по первоисточникам, насколько они доступны были молодым его слушателям.

Из учеников архимандрита Димитрия весьма многие еще на семинарской скамье заявили себя печатными трудами на страницах „Тамбовских епархиальных ведомостей” о прошлом в истории Тамбовской епархии и ее прежних деятелях. И между ними немало потрудился Михаил Михайлович Грибановский.

Надо заметить, что в это время о ректор был озабочен подготовкою к предстоящему (в 1879 г.) столетнему юбилею Тамбовской семинарии. Наряду с другими лучшими учениками был привлечен к разработке семинарского архива и Михаил Михайлович» [А. Л. Биографический очерк // *Михаил [Грибановский], епископ*. Над Евангелием. Полтава. 1911. Издание 3-е исправленное и значительно дополненное, с биографией. С. 33—34; дальнейшие цитаты извлечены отсюда же. — *Сост.*].

Можно думать, что уже тогда, только что вышедши из отроческого возраста молодой Грибановский стал уже задумываться о существовании столь странной, нигде и никогда не бывалой форме высшего церковного управления, притом противной прямым и явным указаниям канонов, которая со времен Петра утвердилась в России на удивление всему православному миру. А поступив по окончании Тамбовской семинарии в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, он еще более углубляется в этот волнующий его вопрос. Так, следуя совету своего семинарского ректора «и своим собственным симпатиям, Михаил Михайлович записался в число слушателей церковно-исторического отделения [Санкт-Петербургской Духовной Академии. — *Сост.*]. Из профессоров этого отделения, читавших лекции на I курсе, более всех понравились Коялович, бывший деканом отделения, Скабалланович и Прилежаев, а из профессоров по общеобязательным предметам А. Е. Светилин, читавший для I курса психологию. Относительно первых трех профессоров [...] Михаил Михайлович замечает с удовольствием, что все они примыкают к славянофильскому направлению, что „как нельзя более соответствует его личным симпатиям”» (А. Л. Биографический очерк. С. 44).

пом Подольским и Брацлавским, Тверским и Кашинским. С 1898 г. архиепископ. С 26.03.1905 архиепископ Казанский и Свяжский. — *Примеч. ред.*

Профессорский состав Санкт-Петербургской Духовной Академии в те времена был замечательным.

Во время обучения М. М. Грибановского ректором ее состоял доктор богословия, известный протоиерей о. И. Л. Янышев († 14.06.1910). В октябре 1883 года он, однако, переводится на пост протопресвитера Большого Зимнего и Московского Благовещенского соборов и духовника их императорских величеств. На его место в Академию назначается Преосвященный Арсений [Брянцев], епископ Ладожский, известный впоследствии архиепископ Харьковский и Ахтырский.

«Петербургская Академия в то время блистала именами крупных ученых. Св. Писание Ветхого Завета читал один из лучших знатоков ветхозаветного текста Ф. Г. Елеонский, автор „Истории Израильского народа в Египте” (СПб, 1884). Философию преподавал М. И. Каринский, подвергший критике кантовскую гносеологию в своей работе „Об истинах самоочевидных”. Логику преподавал А. Е. Светилин. Особенно хорошо было представлено учеными силами историческое отделение. Там читали курсы такие корифеи, как И. Ф. Нильский, известный византолог М. О. Коялович, автор «Литовской церковной унии» и „Истории русского самосознания”, И. С. Пальмов, крупнейший специалист по истории славянства, профессор-протоиерей П. Ф. Николаевский („История Русской Церкви”). Церковную археологию и литургику читал Н. В. Покровский, известный знаток христианской иконописи. Курс догматического богословия читал А. Л. Катанский» и т. д. (Патриарх Сергей и его духовное наследство. М.: Изд. Московской Патриархии, 1947. С. 16).

Воспользовавшись случаем, отметим здесь, что некоторые из известных преподавателей Санкт-Петербургской Духовной Академии, читавшие свои лекции при М. М. Грибановском и далее — при В. И. Беллавине, дожили не только до их архиерейства, но иные даже и до возведения на Всероссийский Патриарший Престол бывшего ученика их...

Так, Елеонский Федор Герасимович, доктор церковной истории, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, † 3.06.1906 г.;

Покровский Николай Васильевич, доктор церковной истории, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, директор Петроградского Императорского Археологического Института, † 8.03.1917 г.;

Катанский Александр Львович, доктор богословия, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, † 12.03.1919 г.;

Пальмов Иван Саввич, доктор церковной истории, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, академик, † 28.11.1920 г.

По позднейшему (обновленческому) отзыву, «Петербургская Академия культивировала преимущественно филологические и церков-

но-исторические знания, Московская — философию и вообще идеологические дисциплины, Киевская — догматику, литургику и археологию, Казанская — имела уклон миссионерский [...]

Петербургская Академия была самой „светской” академией, где с трудом прививался монашеский дух. Этому способствовало также и то обстоятельство, что и некоторые ректора Академии — монахи — в Петербургской Академии были людьми не обычного тогда монашеского типа [...] таковы Антоний Вадковский (впоследствии митрополит Петербургский), Иоанн Кратиров и некоторые другие» (*Зарин С. М., проф.* Подготовка обновленческого движения в Петербургской Духовной Академии // Вестник Священного Синода... 1927. № 4—17. С. 18).

Однако, несмотря на эту «светскость» тогдашней Санкт-Петербургской Академии (столь любезную нашим современникам-обновленцам), а также и несмотря на то обстоятельство, что до 1884 года в течение двадцати лет (!) среди студентов Санкт-Петербургской Академии не было монахов, — в этом именно году с полным и ясным сознанием стоящих перед ним задач, принимает монашеский постриг М. М. Грибановский, решившийся безраздельно посвятить все свои силы и всю свою жизнь родной Церкви и Православию.

«Факт принятия Грибановским монашества, работа над собой, невольно сказывавшаяся в его отношениях к товарищам, видимая печать одушевления высокими истинами веры и любви к ближнему не могли пройти бесследными в жизни академического студенчества. Те, кто был ближе к нему по духу, образовали молодую дружину его почитателей и единомышленников, впоследствии избравших и для себя путь иночества. Те же, кто далеки были в мыслях от монашества, были даже идейными противниками его, должны были призадуматься. Никто не считал себя вправе упрекнуть своего товарища в неискренности и в карьеризме, а напротив, все или, по крайней мере, большинство наличности, выдающегося по уму, по искренности убеждений товарища примирились с самим принципом монашества, как института, отвечающего высочайшим стремлениям человеческого духа. Недаром в летописях Санкт-Петербургской Академии имя инока Михаила связывается с историей восстановления в ней студенческого монашества [...]

В скором времени за ним состоялись пострижения в монашество и студентов III курса Н. А. Надеждина [впоследствии епископ Олонецкий и Петрозаводский Никанор. — *Сост.*], А. П. Храповицкого [впоследствии митрополит Киевский и Галицкий Антоний. — *Сост.*], Мещерякова [впоследствии митрополит Ставропольский Серафим. —

Сост.], ныне [1911 г. — *Сост.*] здравствующих в высоком сане епископов и др. Все они составили дружину молодых иноков, центром которой и руководителем был о. Михаил. Сам о. Михаил прекрасно видел и понимал свое влияние на студенчество и радовался. Сожалел только, что не в силах проявить своего влияния шире, в смысле привлечения большего числа лучших студентов к принятию иночества, считая себя на это не способным и уступая в этом отношении энергичному и пылкому А. П. Храповицкому» (*А. Л. Биографический очерк. С. 55—56*).

В 1885—1886 учебном году «в Академии произошло событие, имевшее впоследствии важное значение как для о. Михаила, так и для внутренней жизни Академии. На место И. Ф. Нильского, уволившегося от должности инспектора Академии, Святейшим Синодом был назначен за два года пред тем принявший монашество профессор, а затем инспектор Казанской Духовной Академии, архимандрит Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский) [впоследствии митрополит Петербургский и Ладожский, Первоприсутствующий член Св. Синода; † 1912 г. — *Сост.*]. К началу учебного года он уже вступил в должность. Прекрасные качества ума и сердца нового отца инспектора снискали ему сразу популярность среди студенчества и профессорской корпорации. Но особенно он был близок академическому монашеству.

Обаятельная личность его, чарующая простота и обходительность сразу привязали к нему восторженных юных монахов Академии крепкими, чисто родственными узами.

Отец Михаил, сверх того, был земляк отца инспектора, и это еще более привязывало его к нему. В квартире о. инспектора, а также и в квартире о. Михаила собирались очень часто по вечерам академические иноки и сочувствующие им студенты, светские и священники¹. Здесь, во время этих собраний, объединяющим их центром

¹ «К монашеской академической „дружине“ в это время принадлежали, кроме о. инспектора и о. Михаила (Грибановского), о. Антоний (Храповицкий), по окончании курса в 1885 году оставленный при Академии профессорским стипендиатом, о. Николай (Налимов) [впоследствии архиепископ Владимирский. — *Сост.*], принявший пострижение в конце предшествующего учебного года, состоящий преподавателем Петербургской духовной семинарии, о. Иоанн (Алексеев) [впоследствии епископ Пермский. — *Сост.*], студент III курса» (*А. Л. Биографический очерк. С. 59*).

Сюда же, в число непрременных членов академической «дружины» необходимо присовокупить имя еще одного известного идейного патриархиста [близкого друга, однокурсника по Академии будущего Патриарха Всероссийского], тогда еще иеромонаха, Никона (Софийского), впоследствии Экзарха Грузии, трагически и мученически погибшего при следующих обстоятельствах 28.05.1908 г. от руки грузинских изуверов-автокефалистов.

был отец инспектор, как человек административного такта и более глубокого жизненного опыта, а „старцем” и руководителем юных монахов был о. Михаил. Предметами бесед на собраниях чаще всего служили близкие и дорогие сердцу каждого идеалы современного монашества и вопросы о положении Русской Церкви, о воспитании

Дело происходило в Тифлисе.

28 мая «в половине одиннадцатого часа утра, Высокопреосвященный Никон, проходя с своим келейником по лестнице, ведущей в присутственную комнату Синодальной Канторы, подвергся нападению злоумышленников, которые сделали в него шесть выстрелов. Пораженный выстрелами, Высокопреосвященный Никон, обливаясь кровью, упал на ступеньках лестницы, а тяжело раненный в ногу келейник его добежал до присутственной комнаты и, со словами „убили Владыку Экзарха”, упал. Из присутственной комнаты немедленно же выбежали прокурор Синодальной Канторы Левицкий, секретарь Мгалобелов и другие, бывшие в присутственной комнате, лица. При содействии чиновников Синодальной Канторы и служащих в Экзаршеском доме, Высокопреосвященный Никон был перенесен в экзаршеские покои. Тяжело страдавшего от ран Высокопреосвященного бережно положили на большой стол, но Владыка твердым голосом попросил приподнять его. „Вот так мне легче”, — сказал Владыка, и некоторое время спокойно смотрел на окружающих его. Между тем глаза Владыки постепенно начали тускнеть и видно было, что приближается момент смерти. „Задыхаюсь, положите меня”, — опять произнес Владыка. Не успели голову умирающего опустить на подушку, как он опять попросил приподнять его и дать ему воды. Выпив глоток воды и произнеся четыре раза: „Господи, прости им”, — Высокопреосвященный Экзарх до прихода врача тихо скончался. Прибывшие врачи констатировали у покойного 6 огнестрельных ран, из которых почти все были смертельные» (Последние минуты высокопреосвященного Экзарха Грузии, архиепископа Никона // Церковные Ведомости. Прибавления. 1908. № 27. С. 1296).

Обычно, в своей дикой епархии, Экзарх Никон под рясой носил панцирь, но на этот раз, несмотря на напоминания келейника, не надел его, так как не предполагал нигде идти далее присутственной комнаты.

По позднешему свидетельству викария Владимирской епархии, епископа Ковровского Афанасия (Сахарова), архиепископ Никон перенес три покушения на свою жизнь, из которых последнее (грузинское) было роковым. Виновников злодеяния особенно и не разыскивали!..

Тело убитого Экзарха Грузии, в запаянном цинковом гробу (с окошечком) доставляется в специальном вагоне в г. Владимир. По пути следования вагона происходят многочисленные остановки для совершения панихид и возложения икон на гроб и бесчисленных венков.

Во Владимире состоялась грандиозная встреча тела и торжественное отпевание сонмом духовенства во главе с архиепископом Владимирским и Суздальским Николаем (Налимовым; 1906—1914 гг.).

Погребен Экзарх Грузии архиепископ Никон внутри юго-западного угла Успенского кафедрального собора, в ногах гробницы (ближе к алтарю) архиепископа Владимирского и Суздальского Сергия (Спасского; 1892—1904; знаменитого агиолога), захороненного здесь. На стене, над местом упокоения сих святителей установлены были мраморные доски, сорванные и уничтоженные при «реставрации» собора в 1950-х годах. — *Примеч. Сост.*

духа церковности в учащейся русской молодежи. Отец Михаил, вспоминая эти собрания, говорил, что беседами, происходившими на собраниях, а подчас и спорам он обязан был тем, что впоследствии (немного позже) вынужден был выступать в защиту своих взглядов на те или другие вопросы и в речах на публичных собраниях, и в печати.

Дружную семью жили члены академического монашеского братства, с горячею любовью относились они друг к другу, поддерживали друг друга в благородных стремлениях служить интересам Православия и русского монашества. О. Михаил всегда с любовью вспоминал эту, чисто братскую жизнь в стенах Академии в годы своего профессорства» (А. Л. Биографический очерк. С. 58—59).

В другом, позднейшем печатном источнике, этот период академической жизни излагается в следующих выражениях: «В начале 1886—1887 учебного года иеромонах Антоний [Храповицкий] после защиты своей магистерской диссертации „Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности” — был избран в доценты Петербургской Духовной Академии по кафедре Ветхого Завета. Здесь он опять вступил в общество дорогих друзей во главе с архимандритом Антонием (Вадковским), впоследствии Санкт-Петербургским митрополитом. Здесь о. Антоний [Храповицкий] кроме своих научных и педагогических занятий усиленно принялся за разработку возлюбленной им с детства идеи о восстановлении Патриаршества в России. В числе студентов Академии был в то время Василий Беллавин, будущий Всероссийский Патриарх Тихон, который при своем избрании на Патриарший Престол в 1917 году засвидетельствовал, как в бытность его студентом группа наставников и больше всех их иеромонах Антоний [Храповицкий] в своих беседах со студентами постоянно говорили о необходимости восстановления в России Патриаршества и Патриарх Тихон тогда [в 1917 г. — *Сост.*] поздравлял Владыку Антония с осуществлением его юношеских грез» (Рклицкий Н. Блаженнейший Антоний // Сборник избранных сочинений Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого: С портретом и жизнеописанием автора. Белград, 1935. С. XVI).

Таким образом, как показывают даже эти скудные, фрагментарные выдержки, к концу 1880-х годов заботами и усердием инспектора Академии, о. Михаила (Грибановского) и его ближайшего и энергичного сподвижника по культивированию среди монашеской молодежи Академии идеи восстановления в будущем канонического строя Русской Церкви, «новая» и «смелая» по тогдашним понятиям мысль эта постепенно дошла до сознания и сердец многих воодушевленных ею молодых монахов — будущих видных иерархов нашей Церкви, а располо-

Святейший Патриарх Тихон

Репродукция с фотографии из серии снимков, произведенных
в 1917 г. фотографом Труновым

*Работа епископа Подольского Иоанна (Вендланда). М., 1959 г.
Архив Составителя*

Московский Большой Успенский собор в Кремле (1475—1479)

На праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы 21.11(4.12).1917 г. в нем сонмом иерархов во главе с митрополитом Киевским и Галицким Владимиром (Богоявленским) совершена интронизация первого (по восстановлении Патриаршества) Патриарха Московского и всея России — Святейшего Тихона. Правее — собор Двенадцати Апостолов и древние патриаршие покои (1643—1655). «Успенский собор — центр Кремля, центр Москвы, центр России» (выражение затворника Зосимовой пустыни, преподобного иеросхимонаха Алексия (Соловьева), бывшего ранее пресвитером сего собора). (Здесь и далее подписи под фотографиями из архива Составителя сделаны М. Е. Губониным. — *Прим. ред.*)

Фотоснимок дореволюционного времени. 1913 г. (?)

Архив Составителя

**Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России
в Успенском соборе Кремля в день возведения
на Патриарший Престол 21 ноября 1917 года**

Архив Составителя

Митрополичьи палаты Троицкого подворья в Москве
Резиденция Патриарха Тихона в 1917—1922 гг.
Фотография конца XIX века

Вид на митрополичьи палаты со стороны надвратного корпуса Троицкого подворья
Современная фотография

Святейший Патриарх Тихон

Предполагается, что снимок этот произведен в алтаре Крестового храма
Троицкого Патриаршего подворья во имя преподобного Сергия Радонежского

Фотограф неизвестен. Москва, 1921 г. (?)

Архив Составителя

«Кажется, грусть всего мира смотрит в этих глазах», — сказал, глядя на фотографию Святейшего, один юноша

Архив Составителя

Святейший Патриарх Тихон

Одна из лучших по сходству фотографий

Фотограф неизвестен. 1924 г. (?)

Архив Составителя

**Святейший Патриарх Тихон и митрополит Петроградский
и Гдовский Вениамин (Казанский)**

Снимок произведен в митрополичьих покоях Александро-Невской лавры
во время посещения Петрограда Святейшим Патриархом

Фотограф неизвестен. Петроград, 1918 г.

Архив Составителя

Епископ Люблинский Тихон
Первая фотография после хиротонии. Октябрь 1897 г.

ЦИА ПСТГУ

Самый молодой епископ
в Сан-Франциско
Преосвященный Тихон,
епископ Алеутский и Аляскинский,
с приходским духовенством

Николаевский кафедральный собор
в Нью-Йорке, построенный при
епископе Тихоне в 1903 г.
В настоящее время — подворье
Московской Патриархии

Святитель Рафаил (Ававини),
епископ Бруклинский
(святой Православной Церкви
в Америке)

Архиепископ Ярославский
и Ростовский Тихон
ЦИА ПСТГУ

Государь император Николай II с архиепископом Ярославским и Ростовским
Тихоном в дни празднования 300-летия Дома Романовых

*Фото К. Булла. Ростов, 1913 г.
Архив Составителя*

Архиепископ Виленский
и Литовский Тихон. 1915 г.
ЦИА ПСТГУ

**Высокопреосвященный митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий)
в гостях у архиепископа Виленского и Литовского Тихона**

Слева направо: архиепископ Гродненский и Брестский Михаил (Ермаков), митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий), архиепископ Виленский и Литовский Тихон и епископ Белостокский Владимир (Тихоницкий)

Фото Н. Рубинштейна. Гродно, 1914 г.

Архив Составителя

Аркадий Ильич Кузнецов
ЦИА ПСТГУ

Протопресвитер
Георгий Шавельский
ЦИА ПСТГУ

Профессор протоиерей
Александр Рождественский
ЦИА ПСТГУ

Митрополит
Вениамин (Федченков)
ЦИА ПСТГУ

Управляющий русскими приходами
в Западной Европе митрополит
Евлогий (Георгиевский)

Снимок сделан 25.01.1938 г.,
в день тридцатилетнего юбилея
епископского служения. Париж

Архив Составителя

**Спасо-Преображенская церковь в г. Торопце,
настоятелем которой был священник Иоанн (Беллавин)**

Из кн.: Торопец Патриарха Тихона

**Дом Беллавиных по ул. Никитина, 8 (современный вид).
В 1997 г. на доме установлена мемориальная доска**

Из кн.: Торопец Патриарха Тихона

В ЭТОМ ДОМЕ
с 1869-1878 гг. ЖИЛ
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ
СВЯТЕЙШИЙ ТИХОН
БЕЛЛАВИН ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧ
1865 - 1925 гг.

Главная святыня г. Торопца
чудотворная
икона Божией Матери
Корсунская

Воскресенской церкви в селении Белавин, (Белавинский храм); по ополчению 42.
 Благословенная икона Божией Матери Корсунская. В С. Петербурге в 1815 году от
 Антипатрия Угрюмова куплена; в 1847 году в селении Торопца
 куплена у г. Навашина Архимандрита Никодима в Корсунском про-
 изведении в селении Торопца у г. Ларимова, в селении Торопца,
 в 1848 году в декабре в селении Торопца произведена перемещение в селение
 в селении Торопца в селении Торопца. Икона Божией Матери Корсунская
 в селении Торопца, в селении Торопца в селении Торопца в селении Торопца
 в селении Торопца в селении Торопца в селении Торопца в селении Торопца

В селении Торопца у г. Ларимова 33.
 в селении Торопца 9.
 в селении Торопца 6.
 в селении Торопца 1.

В селении Торопца в селении Торопца в селении Торопца в селении Торопца 35.
 в селении Торопца в селении Торопца в селении Торопца в селении Торопца

Выписка из клировой ведомости Воскресенской церкви погоста Клин, написанная
 рукой свящ. Иоанна Беллавина, отца будущего Патриарха Тихона. 1866 г.

Из кн: Колыбель опального Патриарха

Современный вид здания бывшего Торопецкого духовного училища,
в котором учился Василий Беллавин (ныне больница)

Из кн.: Торопец Патриарха Тихона

Здание Псковской духовной семинарии, где учился, преподавал
и был пострижен в монашество Василий Беллавин

Архив Составителя

жение к ней со стороны замечательного и любимого всеми ректора, Преосвященного Антония (Вадковского), конечно, придавали ей еще большую значимость в глазах студентов¹.

Еще позже, когда мысль эта внедрилась в широкое сознание передового церковного общества, удержать ее дальнейшее развитие стало, конечно, невозможно...

Брожение началось и в церковно-административных, синодальных кругах. Несмотря на наличие крупного противника этой идеи в лице «всемогущего» тогда обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, «убежденный патриархист» товарищ обер-прокурора Святейшего Синода «В. К. Саблер был солидарен с тогдашним епископом Волынским, а ныне митрополитом Антонием [Храповицким], проводившим [...] идею» восстановления в Русской Церкви Патриаршества «среди иерархии. К последнему примыкали архиепископ Николай [Зиоров], бывший Варшавский, митрополит Петербургский Антоний [Вадковский] и Экзарх Грузии Никон [Софийский], которые тоже были убежденными патриархистами. В это время Витте [С. Ю. — *Сост.*] в особом совещании поднял вопрос о реформе в церковном управлении, а Св. Синод, рассматривавший вопрос о возглавлении Русской Церкви — «чести ради» — Патриархом, провел его при молчаливом участии Саблера, который заменял Победоносцева. [...]

Победоносцев был по этому вопросу иного мнения. [...]

В докладе государю он внес предположение [вероятно, предложение. — *Ред.*] о необходимости, по примеру Византийских императоров, собрать церковный Собор в подходящее время, а предварительно созвать особое предсоборное совещание для обсуждения ряда вопросов для будущего Собора.

¹ «Антоний (Вадковский) был исключительно светлой личностью, чуждою всякого напускного благочестия; человек с высокими взглядами на светскую науку и культуру, на редкость отзывчивый к чужому горю и страданию, в высшей степени деликатный и гуманный. Ранее он был профессором Казанской Академии» (Вестник Священного Синода... 1927. № 4—17. С. 19—20).

«Антоний, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский искренне разделял стремления русской иерархии и лучших церковных людей наладить жизнь Церкви с восстановлением на Руси Патриаршества. Это был подлинный ревнитель святого Православия, приветствовавший всякое доброе намерение благого устройства церковной жизни. [...]

Впоследствии обновленцы, фальсифицируя исторические события и действительные симпатии Высокопреосвященного Антония (Вадковского), пытались выдать его за солидарного им иерарха и даже ссылались на его авторитет, как их якобы единомышленника» (*Сергий (Ларин), епископ. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол... С. 147]*).

Государь согласился с мнением Победоносцева. [...]

После этого дружеские отношения обер-прокурора и его товарища сразу оборвались. Саблер подал в отставку, был назначен членом Государственного Совета и уехал в имение» (*Маевский В. А. Сербский Патриарх Варнава. С. 40—41*).

В то время (1905) в связи с этим, в частном письме на имя члена Государственного Совета, бывшего товарища обер-прокурора, В. К. Саблера, епископ Житомирский и Волынский Антоний [Храповицкий] писал:

«Последние дни Вашей службы [в Синоде. — *Сост.*] вы ознаменовали подвигом, которым увенчали цветущее древо своих заслуг, как бы золотым венцом, проявив столь горячее сочувствие восстановлению канонического строя церковной жизни» — т. е. вопросу о восстановлении Патриаршества в Русской Церкви. (*Сборник избранных сочинений Блаженнейшего Антония. С. 292*).

Так, постепенно, под повседневным, убежденным и воодушевляющим водительством о. Михаила (Грибановского) и «правой руки» его в этом деле, о. Антония (Храповицкого) создался большой правосмыслящий идеологический круг будущих иерархов и вообще ученого монашества, всецело проникнутых непререкаемостью светлой идеи канонического устройства нашей Церкви в будущем. И если основы этой идеи были заложены в души своих питомцев преимущественно тщанием о. Михаила (Грибановского), то дальнейшее развитие ее и самоотверженное несение до самого момента ее исторического воплощения в 1917 году, — в виду преждевременной кончины этого предтечи нашего Патриаршества, выпало на долю его верного и последовательного преемника, — будущего митрополита Антония (Храповицкого), имя которого в этом смысле, несомненно займет почетное место на страницах новой истории Русской Церкви, развернувшихся уже на наших глазах...

Отсюда ясно, как и почему будущий первый Патриарх восстановленного русского Патриаршества, окончивший в 1888 году одним из первых Санкт-Петербургскую Духовную Академию и одушевленный самыми лучшими и искренними стремлениями к благу родной Церкви, устремляется на свое (ныне всем уже известное) самоотверженное архипастырское делание, завершив его величайшим подвигом создания и воплощения непререкаемо-прекрасного и светлого образа современного Первосвятителя — Патриарха!

Подвига, в конечном счете, стоившего ему жизни...

И при будущей детальной оценке его руководительства Церковью должна быть самым добросовестным образом отмечена та степень

формирования его духа и психологии, которая всецело обязана своим происхождением усилиям его воспитателей и в первую очередь таких, как о. Михаил (Грибановский) и его ближайшее окружение.

«Годы 1887, 1888 и 1889 в истории Петербургской Академии для лиц, близко стоявших к ней в это время, останутся навсегда в памяти как годы подъема среди студенчества научных интересов и развития и упрочения среди студентов проповедничества. Особенно это надобно сказать о 1888 году. Кроме того, о. инспектор отмечает знаменательный факт принятия окончившими курс одиннадцатью студентами священного сана и притом большею частью в провинциях и даже в селах.

Развитием любви и охоты к внебогослужебным чтениям студенты, без сомнения, обязаны тому направлению внутренней жизни студенчества, какое она приняла за отмеченные годы, благодаря, главным образом, академической монашеской дружине. Нет надобности подробно говорить об этом, — в свое время сделает это история, которая годы инспекторства и ректорства Преосвященного Антония (Вадковского), без сомнения, отметит, как лучшие свои страницы. Здесь достаточно упомянуть о том, что волна оживления внутренней академической жизни, развития научных богословских интересов захватила всю лучшую часть студенчества и некоторых профессоров Академии. Еще в начале 1887 года в Академии начали устраивать так называемые „богословские вечера”, проект которых составлен был о. Михаилом. Цель их — выяснение Православия для современного сознания. В чтениях на этих вечерах принимали участие как профессора, так и студенты. Так, два раза выступал профессор И. С. Пальмов по вопросу о славянских Церквях, затем Е. П. Аквилон, студент М. И. Булгаков о духовном регламенте; о. Михаилом было предложено чтение об единении Православных Церквей и о средствах к нему. Чтения эти сопровождалась беседами по поводу прочитанного. Сначала они устраивались в квартире о. Михаила, а потом в аудиториях. И в том и в другом случаях присутствовало немало студентов.

В том же 1887 году, во 2-й его половине, с возвращением в академическую монашескую семью о. Антония, вполне привились и укрепились внебогослужебные проповеди и чтения студентов. По инициативе о. Антония и под его руководством, в 1888 году студенты проповедники стали устраивать собрания с чтением и обсуждением рефератов, касающихся пастырского делания.

Кроме указанных специально-пастырских собраний, устраивались собрания в квартире Преосвященного ректора, о. инспектора и о. Антония с целью обсуждения вопросов миссионерства в самом широком смысле этого слова. Во время этих собраний намечен был

проект открытия Братства, задачи которого „способствовать распространению, утверждению, торжеству и славе Единой, Святой, Соборной, Апостольской Православной Церкви”.

Проект Братства, как и следовало ожидать, составлен был о. Михаилом, видевшим в осуществлении его одно из средств к проведению начал церковности в сознание и быт общества, той церковности, выяснению которой была посвящена вышеупомянутая речь его, сказанная в заседании членов Братства Пресвятой Богородицы.

Жизнь в Академии была ключом. Отец Михаил на все ее живые явления откликнулся с особенною готовностью служить делу приготовления своих единомышленников и соратников по реформе Церкви в будущем. Царивший в академической жизни молодого монашества дух, общий тон настроения лучшего студенчества создавали самую желанную, дорогую атмосферу для такого деятеля, как о. Михаил» (А. Л. Биографический очерк. С. 67—69).

Дальнейшая судьба болезненного о. Михаила (Грибановского) складывается таким образом, что он в скором же времени принужден был покинуть свою должность инспектора Академии и серьезно заняться пошатнувшимся здоровьем (чахотка).

Отправленный врачами для излечения своего тяжкого недуга на южное побережье Крыма, он поселяется в Гурзуфе, где «условия жизни: в смысле внешней обстановки, были для больного самыми благоприятными. Со времени приезда в Гурзуф [октябрь 1889 г. — *Сост.*] здесь жили в течение нескольких недель [...] обер-прокурор Св. Синода Константин Петрович Победоносцев и его супруга Екатерина Александровна. Они всегда с особенною любовью и заботливостию относились к о. Михаилу, теперь же проявили к нему чисто родственное внимание. При их посредстве о. Михаил познакомился с доктором Гурзуфа [...]

Однако о возвращении в Петербург, к месту служения в должности инспектора Духовной Академии, нечего было и думать [...] Стараниями лиц, заботившихся о нем (и прежде всего, конечно, К. П. Победоносцева), ему был продлен отпуск до 15-го августа. Врачи поставили неременным условием не возвращаться в Петербург, и Св. Синод озаботился подысканием для о. Михаила постоянного места служения где-либо на юге. Внимание Св. Синода и К. П. Победоносцева остановилось на Афинах, где имеется русская посольская церковь. И вот, указом Св. Синода [...] о. Михаил увольняется по прошению от должности инспектора Петербургской Духовной Академии» и назначается настоятелем посольской русской церкви в Афинах (А. Л. Биографический очерк. С. 70—71).

В 1894 году, вернувшись из солнечной Эллады на родину, архимандрит Михаил возводится в сан епископа и назначается на викарную Прилуцкую кафедру (Полтавской епархии).

После непродолжительного пребывания здесь и в связи с все обостряющимся процессом его — совершенно неизлечимой тогда — болезни, он переводится в Крым, где, наконец, управляет самостоятельной Симферопольской и Таврической епархией.

Здесь же, сорока двух лет от роду он и погибает от неумолимого недуга 19 августа 1898 года.

К умирающему епископу Михаилу приезжают два его друга: епископ Вольский Никон (Софийский), трагически скончавшийся десять лет спустя в звании Экзарха Грузии, а «через два дня навестить больного прибыл и другой святитель, подобно Преосвященному Никону (Софийскому), также бывший член академической монашеской дружины» Антоний (Храповицкий), епископ Чебоксарский» (А. Л. Биографический очерк. С. 119).

В одном из позднейших (послереволюционных) изданий это горестное свидание описывается следующим образом:

«Знаменательным событием в жизни Владыки Антония [Храповицкого] в Казани — это была его поездка в 1898 году в Симферополь к умиравшему другу епископу Михаилу Таврическому, когда-то студенту Грибановскому, с которым студент Храповицкий мечтал в Академии о восстановлении канонического устройства Церкви. 18 августа 1898 года вечером епископ Антоний стоял у смертного одра своего друга, который сказал ему: „Вот, возьмите эту панагию, подаренную мне Преосвященным Антонием [Вадковским] Финляндским. Я не могу сказать вам связной речи, потому что сознание мое работает уже вполовину. Да послужит сия панагия знаменем нашей духовной любви и связующего нас духовного единения. Я умираю, но духом всегда буду с вами и в вас. Я от всей глубины души разделяю ваше намерение устроить жизнь Церкви на началах канонических, древних, апостольских, на началах истинно христианских, человеческих. Это должно готовить постепенно, общею любовью братии”.

Епископ Антоний отвечал умиравшему другу: „Благословите меня, Владыко, на это святое дело вашим священным даром, а я приму слова ваши, как ваше завещание для меня и для всех нас, братии по духу, священное”. Умирающий благословил епископа Антония и прошептал: „Да, я не могу работать со всеми вами”. Епископ Антоний целовал его руки, стоя на коленях у его одра и говорил: „Вот это вам, Владыко, и больно, что вас среди нас не будет, а с вами мы работали бы веселее и дружнее”. Умирающий улыбнулся и, слегка разведя ру-

ками, произнес: „Ну уже, что делать? Бог все устраивает так, как нужно для Его славы, и от меня берет жизнь, когда это стало наилучшим”. Затем за 15 минут до смерти умирающий подозвал епископа Антония и, задыхаясь от начавшейся агонии, произнес: „Помните же мое завещание о Церкви: не забывайте Ее истинной формы”» (*Рклицкий Н. Блаженнейший Антоний. С. XXV—XXVI*)¹.

В другом месте говорится:

В Петербургской Духовной Академии «образовался кружок студентов [...] поставивших определенные цели — посвятить себя деятельности по возрождению русского монашества и по восстановлению канонического строя Русской Церкви, лишённого своего Главы — Патриарха и, благодаря этому, стесненной в своем развитии. Главными вдохновителями этого кружка были студент Грибановский (впоследствии епископ Михаил, скончавшийся в молодости от туберкулеза в Крыму), человек замечательного ума, образования и способностей и студент Храповицкий [впоследствии митрополит Киевский и Галицкий Антоний. — *Сост.*]. Епископ Михаил скончался в 1898 году и перед смертью он вручил прибывшему к его смертному одру епископу Антонию [...] свою

¹ Относительно деятельности архиепископа Антония (Храповицкого) в связи с восстановлением Патриаршества в нашей Церкви, — приводим следующую, любопытную запись, обнаруженную среди личных бумаг покойного епископа бывшего Алма-Атинского Тихона (Шарапова), одно время бывшего очень близким этому знаменитому иерарху.

«Когда-то митрополит Антоний поместил в журнале „Христианин” небольшую статью: „Господь — есть Бог Ревнитель”.

Между прочим, там Владыка Антоний вспоминает свою последнюю беседу с покойным — † 19.8.1898 — епископом Таврическим Михаилом, который на смертном одре, прощаясь, предсказал Владыке Антонию много пострадать за святое Православие. В статье об этом упоминается вообще и затем есть такая фраза: „И многое другое предсказал Преосвященный Михаил, о чем теперь — это было до революции — писать не время”.

Теперь в Бучаче спрошено у Владыки Антония: что такое еще предсказал умирающий епископ Михаил?

Ответ — восстановление в России Патриаршества, а равно и то, что Антоний [Храповицкий] примет в нем деятельное участие...»

Текст этот выписан пишущим эти строки из памятной записки Преосвященного Тихона (Шарапова), озаглавленной «Пасха в Бучаче». Бучач — в Галиции, Тернопольского округа, где в 1919 году, в разгар гражданской войны на Украине, находились в заключении в униатском Базилианском монастыре, митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), арестованный 5(18).12.1918, архиепископ Евлогий (Георгиевский), епископ Никодим (Кротков), Почаевский архимандрит Виталий (Максименко; впоследствии карловацкий митрополит в Америке) и автор этой записки — редактор монашеского журнала «Русский Инок», Почаевский же иеромонах (впоследствии епископ) Тихон (Шарапов).

панагию в залог осуществления их юношеских стремлений. С этой панагией, не блиставшей никакими ценностями, наш Владыка [Антоний Храповицкий. — *Сост.*] никогда не расставался и свое светлое знамя, поднятое в студенческие годы, пронес через все свое 50-летнее служение» (*Рклицкий Н.* Блаженнейший Антоний. С. XIV).

Самая кончина святителя Михаила (Грибановского) не заставила друзей, собравшихся у его ложа, долго ожидать себя.

За час до кончины умирающий спросил, сколько раз ударяют в колокол, когда умирает епископ, — настолько ясно и невозмутимо было его церковное самосознание в эти последние мгновения этой временной жизни...

«Задыхаясь, за несколько минут до смерти, он шептал друзьям своим свой последний завет о самоотверженном служении Апостольской Церкви» (*А. Л.* Биографический очерк. С. 129).

«Дыхание больного стало более и более затруднительным, звуки голоса его стали глухи, едва слышимы. Чувствовал больной, что смерть уже витает около него, что доживает он последние минуты. Подозвав к себе находившегося при нем смотрителя духовного училища, он едва уже выговорил следующие слова: „Прошу, передайте друзьям, чтобы не удалялись...” Преосвященный Антоний начал читать молебный канон на исход души. Умирающий, крестясь слабою рукою, обратил молитвенный взор к св. иконе. Дыхание становилось редким и прерывистым. Окончилось чтение канона, было начало 11-го часа. Взор умирающего, тускнея, становился неподвижным — сосредоточенным. Последовал глубокий и тяжелый вздох, вызвавший слезу на глазах умирающего; за ним два-три вдоха тихих, едва заметных; прошло несколько минут ожидания; взор умирающего совсем потускнел, не последовало еще ни вдоха, ни движения... Ясно было, что чистая душа святителя оставила тело и перешла в те горние обители, куда стремилась она и при жизни... По предложению Преосвященного Антония ректором семинарии, протоиереем В. В. Знаменским, прочитано было последование по исходе души. Прошло несколько минут, и редкие удары колокола, о чем лишь за час пред тем вспоминал почивший, возвестили жителям города, что лишились они своего любимого Архипастыря, так недолго украшавшего собою Таврическую кафедру» (*А. Л.* Биографический очерк. С. 123—124).

Так, по человеческим понятиям преждевременно, отошел из этой жизни интересующий нас святитель — епископ Михаил (Грибановский). Будущий историк Русской Церкви, в целях полного и ясного понимания явлений современной Ее жизни, должен будет со всей глубиной и проникновенностью вскрыть те нити и те связующие зве-

няя, которыми, с конца прошлого столетия (XIX) культивировался тот круг людей и формировались те явления, которые в конечном своем итоге привели нашу Церковь к обретению Ею в 1917 году полной канонической свободы и создали тех богатырей духа, без которых они не могли совершиться и которыми столь обильно щедрена светлая эпоха торжества восстановленного в нашей Церкви Патриаршества (1917—1925).

И, по-видимому, первым венцом славы в этом деле, по всей справедливости, должен быть украшен приснопамятный Пресвященный Таврический Михаил, светлое имя которого не может быть забыто в анналах истории Русской Церкви; в деле современного восстановления Ее извечного, канонического строя; в этом деле торжества Истины!

Отметим здесь и еще один момент.

«По словам близких к о. Михаилу людей, он обладал необыкновенною способностью „возбуждать к себе привязанность, уважение и даже благоговение. Его служба невольно уносила мысли присутствующих туда, где витал в это время его сильный дух”. [...] Даже люди других вероисповеданий относились с глубочайшим уважением к этому выдающемуся, редкому представителю Русской Церкви. И это всеобщее восхищение, преклонение нисколько не отражалось на о. Михаиле (Грибановском): он оставался всегда самим собой, простым, сердечным, без всякого подчеркивания своего значения, и это привлекало к нему всецело. Кто знал его, кто имел счастье с ним близко познакомиться, тот никогда не забудет его» (А. Л. Биографический очерк. С. 74—75).

Все, вышесказанное здесь, полнейшим образом и всецело может быть отнесено и к личности нашего первого Святейшего Патриарха, о появлении которого в Церкви так ратовал в течение всей своей жизни почивший епископ Михаил и которого — сам не ведая того, — буквально выпестовал своими руками! Не знаменательно ли это?!

В осуществившейся, наконец, идее «пророка и предтечи» нашего Патриаршества в значительной степени духовно воплотился как бы он сам!

И, наконец, достоин быть отмеченным и тот факт, что хотя и косвенным и лишь чисто внешним образом, но и сама преждевременная кончина епископа Михаила не осталась без влияния на продвижение по иерархической лестнице будущего осуществителя его идеи — его бывшего воспитанника — епископа Люблинского Тихона, в его постепенном, провиденциальном приближении к имеющему быть восстановленным Всероссийскому Патриаршему Престолу, так как на место почившего, на Таврическую кафедру, переводится епископ

Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров), которому в преемники (в Америку) направляется Синодом один из самых молодых и деятельных иерархов-миссионеров того времени — Преосвященный Тихон.

Так, посмертно, епископ Михаил даже действительно помог своему бывшему питомцу и будущему первому Всероссийскому Патриарху в неведомом для него самого продвижении к возглавлению нашей Церкви, уже на канонических началах...¹

Закончим нашу справку о Преосвященном Михаиле концовкой литературного характера.

Один из прекраснейших рассказов А. П. Чехова (погибшего также от туберкулеза!), «Архиерей» навеян образом Таврического епископа Михаила (Грибановского).

Конец этого рассказа, где выведена пережившая своего сына-епископа старуха-мать, которая, выходя вечерами за околицу встречать свою корову, рассказывала иногда другим таким же старухам о том, как она хорошо жила раньше, и что у нее был сын архиерей, и как ей в этом иногда не верили, — быть может, буквально воспроизводит тогдашнюю действительность. Мать епископа Михаила, Фавста Ермаиловна Грибановская, на три года пережила своего сына († в 20-х числах июня 1901 г.). «И денег, оставленных после Владыки и вырученных от продажи его вещей, как раз хватило на ее содержание и погребение».

Отец Владыки — протоиерей Михаил Иерофеевич Грибановский, родился в 1805 году, скончался в декабре 1880 года.

Всех детей у родителей было одиннадцать человек.

Подробнее о рассказе А. П. Чехова «Архиерей» см. в содержательной и ценной для отечественного литературоведа статье: «А. Чехов и

¹ Когда, в наше время, было организовано планомерное и массовое уничтожение православных храмов и монастырей, — был взорван и прекрасный симферопольский Александро-Невский кафедральный собор. Уничтожение кафедрального собора, для большего «атеистического» эффекта, было приурочено к кануну двенадцатого праздника, а именно: 5(18).08.1930 — под Преображение Господне.

Останки двух архиереев, захороненных в этом соборе: Преосвященного Михаила [Грибановского] и кого-то из его предшественников, по ходатайству верующих, были им выданы местными гражданскими властями, перенесены с благоговением на городское кладбище и преданы земле.

Тогда говорили, что при вскрытии гробов тело епископа Михаила обнаружено нетленным, и до того чтившаяся народом память его ныне еще более возросла и укрепилась.

В 1966 году передавали, что на могиле его систематически теплится лампада. Кто именно был вторым из захороненных в соборе архиереев, установить пока что не удалось.

церковность», помещенной в № 28 «Ярославских епархиальных ведомостей» за 1912 год, с. 540—544¹.

И еще о «литературе»: Епископ Михаил (Грибановский) «особенно [...] любил Достоевского» (А. Л. Биографический очерк. С. 136).

[Подробности о студенческой жизни будущего Патриарха Тихона см.: Булгаков П. И., прот. «Патриарший курс» / Публ., вступ. статья и комм. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2(19). М., 2006. С. 34—69. — Ред.]

4. Бруклинское викариатство в САСШ² и архиерейская хиротония архимандрита Рафаила (Ававини)

В связи с учреждением Бруклинского викариатства тогдашняя церковная печать сообщала:

В воскресенье 29.02.1904 епископ Тихон впервые возглавляет чин архиерейской хиротонии, совершаемый русскими епископами в Северо-Американских Соединенных Штатах.

В Бруклине, в сиро-арабском храме, епископ Алеутский и Северо-Американский Тихон в сослужении епископа Аляскинского Иннокентия [Пустынского] и сонма православного русского и арабского духовенства, среди коего: митрофорный протоиерей А. Товт, протоиерей А. Хотовицкий и мн. др., — совершает торжественную литургию и хиротонию во епископа Бруклинского, второго викария Алеутской и Северо-Американской епархии, архимандрита Рафаила (Ававини).

Не только храм, но и прилегающие к нему улицы заполнены молящимися и любопытствующими американцами, храм внутри убран цветами и иллюминирован снаружи — убран русскими и американскими национальными флагами.

В храме среди молящихся присутствуют: представитель российского императорского посольства в Вашингтоне, специально командированный на это торжество, А. Н. Бобров, российский императорский генеральный консул Н. Н. Лодыженский, представитель епископального епископа Ч. Графтона — С. Фай и другие. Перед началом богослужения состоялась торжественная встреча „со славою” епископа Алеутского и Северо-Американского Тихона и нареченного во епископа, архимандрита Рафаила (Ававини), которые прибыли в храм, предшествуемые хоругвеносцами и духовенством в облачениях.

¹ В упомянутой статье приводятся интересные слова А. П. Чехова: «Знаете, — сказал мне он один раз, — люди моего возраста, воспитываясь имели „знакомство” с церковью, у меня были религиозные отец, мать, дядя, мы знаем кое-что о церкви, что-то в нас держится... Растет новое поколение, которое совсем не знает церкви. Что вы будете с ним делать?» — *Примеч. ред.*

² Северо-Американские Соединенные Штаты. — *Примеч. ред.*

В положенное время митрофорный протоиерей А. Товт „приводит” архимандрита Рафаила (Ававини), который читает Исповедание веры частью на русском, частью на арабском языках. Далее совершается литургия Василия Великого, во время которой происходит архиерейская хиротония. Дальнейшая часть литургии совершается собором трех архиереев — „благодение небывалое в этой стране” за все время существования в ней миссии.

Сиро-арабы ликовали и со свойственною восточным народам экспансивностью тут же в церкви выражали свой восторг громким гулом, который по временам чуть не прорывался в рукоплескания, в наиболее трогательные моменты. Когда во время великого входа, передавая Преосвященному Рафаилу Святую Чашу, протоиерей Хотовицкий по-арабски, громко возгласил: „Архиерейство твое да помянет Господь Бог во царствии Своем” — и таким образом впервые гласно во всеуслышание приветствовал нового архиерея — арабы не могли сдержать своих радостных восклицаний и шумного восторга».

После окончания литургии епископ Тихон, вручая своему второму, новохиротонисанному викарию, жезл, произносит соответствующую речь, на которую епископ Рафаил отвечает по-арабски.

[Речь преосвященного Тихона, епископа Алеутского и Северо-Американского, при вручении жезла Рафаилу, епископу Бруклинскому, второму викарию Алеутской епархии Преосвященный епископ Рафаил, возлюбленный о Христе брат!

Приветствую тебя с радостным и великим событием в твоей жизни. Ныне вся исполнишься света и радости zde. Веселится о тебе Церковь Американская, ибо с твоим посвящением в архиереи умножается число столь вождельных делателей на Ниве Господней. Ликують сродники и земляки — православные сирийцы, ибо ныне они получают то, о чем, быть может, только мечтали. Радостями играет и твое сердце, ибо ты днешь призываешься к высшему служению в церкви Божией, символ которого — архиерейский жезл — принимаешь ныне от моей руки. Но радуясь и благодаря Бога, благоволившего о тебе сице, вникни умом и сердцем в то, что хотя ты и облакаешься высокою властью, но символ ее дается тебе простой и скромный, — жезл, напоминающий пастырский посох.

Пастыреначальник Христос изрек Своим ученикам: *князи язык господствуют ими, и велиции обладают ими; не тако же будет в вас; но, иже аще хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга, и иже аще хочет быти в вас первый, буди вам раб, яко же Сын человеческий не прииде, да послужат ему, но послужити* (Мф. 20, 25—28). Значит, власть духовная есть служение другим низшим, и «архиерейство» есть не безответственное господство, не подавляющее самовластие, а отеческое попечение.

Это отеческое попечение о людях чаще всего в слове Божиим представляется под образом пастыря, пасущего стадо свое, почему и знаком онаго является пастырский посох. Сам Христос называет себя пастырем добрым (Ио. 10, 11) и в Ветхом Завете: *сия глаголет Адоиаи Господь: яко же присещает пастух паству свою в день, егда есть облачен и мглян, среди овец своих разлученных, так взыщу овец Моих и избавлю я от всякаго места, аможе суть рассыпаны в день облачен и примрачен, и изведу я от язык и соберу я от стран и введу я в землю их и упасу я на пажити блазе, и будут ограды их тамо и уснут и починут тамо в пищи блазе и на пажити тучне; погибшее взыщу и заблудившее обрящу, и сокрушенное обяжу и немощное укреплю и крепкое снабдю* (Иезек. 34, 12—14, 16). Вот образец и для твоего подражания, возлюбленный брат, тем паче, что многое из вышеперечисленного приложимо и к твоим пасомым. Родные тебе сирийцы, нуждою гонимые, прибыли сюда из далекой родной земли искать счастья. Но сколько и здесь приходится им видеть «облачных и примрачных дней!» Как овцы, не имевшие пастыря, рассыпались они по лицу земли здешней. Бесхитростные, детски доверчивые, они часто делались добычею «зверей сельных»; и не было у них «выскающего и обращающего» до самого прибытия твоего сюда. Отселе настают и для них лучшие времена: рассыпанные по разным местам, они собираются в приходы, для них строятся церкви, отыскиваются пастыри, которые пасут их «на пажити блазе»; а ныне для дальнейшего успеха сего пастырского делаania облакаешься ты и властью архиерейскою.

Возлюбленный брат! Пастырь пасет своих овец с посохом в руках; с ним выводит он их на пажити, с его помощью ищет заблудшую овцу и отбивает похищенную. Приими и ты, как пастырь добрый, сей жезл доброты (Зах. 11, 7) и им паси вверенную тебе паству на пажити Христовой (Церковные Ведомости. Прибавления. 1904. № 13—14. С. 486—487). — *Ред.*]

Затем архипастыри, духовенство и приглашенные гости следуют в помещение под церковью, где состоялась трапеза, сопровождавшаяся исполнением русского гимна, дружными многолетиями и бесчисленными речами сиро-арабских ораторов, «стремившихся наперерыв, с присущим даром цветистого красноречия и поэзии, изъяснить свои чувства радости по поводу совершившегося события и бесконечные благодарности и симпатии к России» и т. д.

«Великое благодеяние оказано Святейшим Всероссийским Синодом всей Православной Американской миссии и, в особенности, сиро-арабской ветви ее, возведением архимандрита Рафаила в сан епископа. Этим событием положен один из существеннейших камней в домостроительство ее. Вместе с тем, в лице новорукоположенного епископа нашему правящему архипастырю Преосвященному Тихону дается полезный и опытный сотрудник» (Наречения и хиротония архимандрита Рафаила во епископа Бруклинского, второго vicария Алеутской епархии // Церковные Ведомости. Прибавления. 1904. № 13—14. С. 485).

5. Храмосодительство в Америке при архиепископе Тихоне

Храмосодительству архиепископа Тихона в Соединенных Штатах, Канаде и на Аляске можно было бы посвятить целое исследование, однако мы здесь ограничимся упоминанием лишь о двух воздвигнутых им в Америке величественных русских храмах, продолжающих и до настоящего времени быть средоточием Православия в теперешнем Американском Экзархате Московской Патриархии.

Имеем здесь в виду Свято-Николаевский собор в Нью-Йорке и Троицкий храм в Чикаго.

Прежде всего, как сообщала тогдашняя церковная печать, с благословения епископа Тихона, комитет по постройке православного русского храма в Нью-Йорке приобретает участок земли под храм, размером 75 x 100 футов за 36 000 долларов (*Хотовицкий А., священ.* Православная Церковь в Нью-Йорке // Церковные Ведомости. Прибавления. 1900. № 6. С. 229).

Затем, 9 мая 1901 года, в присутствии членов Российского Посольства с графом А. П. Кассини во главе, военного и морского агентов, русского консульства в Нью-Йорке, проживающих в Филадельфии русских моряков, множества русских и иностранных представителей, епископ Тихон в 11 часов утра, в сослужении одиннадцати православных священников, среди которых находятся: А. Хотовицкий, Б. Кальнев, И. Каппанидзе, И. Клопотовский, П. Попов, И. Зотиков и архимандрит Рафаил (Ававини), при пении хора русских матросов из Филадельфии, совершает литургию и чин на основание храма (во имя святителя и чудотворца Николая), сооружаемого в Нью-Йорке, во время которого закладывает краеугольный камень и медную доску с соответствующей мемориальной надписью.

Торжество заканчивается провозглашением многолетия главам правительства России и САСШ, Святейшему Правительствующему Синоду и епископу Тихону.

Текст мемориальной надписи на доске — таков: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Построена в честь и память Святителя Николая Чудотворца в царствование благочестивейшего и самодержавнейшего государя императора Николая Александровича; Вильям Мак-Кинлей состоял президентом Северо-Американских Соединенных Штатов и Преосвященный Тихон — епископом Алеутским и Северо-Американским. В лето от сотворения мира 7409 и от Рождества Христова 1901. Мая 9-го дня» (Сообщения из-за границы: Из Северной Америки // Церковные Ведомости. Прибавления. 1901. № 22. С. 790).

Спустя полтора года Свято-Николаевский храм был сооружен.

10 ноября 1902 г. в Нью-Йорке происходит торжественное освящение нового Православного русского храма во имя святителя и чудотворца Николая.

Архитектор И. В. Бергезен. Внешний вид храма см.: Церковные Ведомости. Прибавления. 1902. № 50. С. 1771.

С раннего утра к храму прибывает множество богомольцев, Православные русское и сербское братства из Нью-Йорка, Пассайка и Юнкерса, со своими знаменами и в парадных формах, а также американцы, стремящиеся проникнуть в церковь. Улица запружена народом и каретами.

На солее, с левой стороны помещается состав посольства в парадных мундирах, во главе с императорским чрезвычайным послом графом А. П. Кассини, генеральный консул Н. Н. Лодыженский, русский посланник в Корее А. И. Павлов, консул в Канаде Н. Б. Струве, мэр города Нью-Йорка С. Лоу, чиновники, почетные прихожане и пр. Храм набит народом до отказа.

В алтаре — представители инославного духовенства во главе с епископом епископальной Церкви в Фон-дю-Лаке, Графтоном, присутствующим в полном облачении. После торжественного чина освящения храма, с речью, посвященной этому радостному событию, к присутствующим обращается епископ Тихон, зачитывающий затем приветствие, полученное из Петербурга, от лица Святейшего Правительствующего Синода.

Во время литургии, совершенной соборно Преосвященным Тихоном, в положенное время, возлагается камилавка на ключаря нового храма о. Илью Зотикова и набедренники на окрестных священников — о. В. Туркевича и о. А. Немоловского.

По окончании литургии в архиерейских покаях происходит парадный прием и обед на сто персон (*Хотовицкий А., прот.* Торжество освящения русского православного храма в Нью-Йорке // Церковные Ведомости. Прибавления. 1902. № 50. С. 1770—1771).

Помещаем здесь речь Преосвященного Тихона, епископа Алеутского и Северо-Американского, сказанную им при освящении нью-йоркского храма:

«Приветствую вас, православные русские люди, с торжеством освящения вашего храма. Настоящий день столь же для нас радостен, как некогда для Израиля был радостен день, когда вместо скинии был создан при Соломоне храм Господень.

И подлинно, до сих пор мы имели в Нью-Йорке как бы только скинию. Как скиния переносилась из одного города в другой, так и мы переходили с своим храмом здесь с одного места на другое. И как

Давид некогда смущался тем, что он живет в доме кедровом, а ковчег Божий находится под шатром (2 Цар. 7, 2), так и мы многократно сетовали на то, что храм наш и беден, и тесен, и неудобен.

Ныне положен конец таким сетованиям и услышаны Господом сердечные воздыхания наши о том, чтобы в великом граде сем был воздвигнут храм, достойный русского народа и соответствующий величию Православной веры! Правда, по своим богатствам наш новый храм уступает многим храмам великой земли русской, но зато он, как и Соломонов храм, имеет миссионерское значение: уповаем, что о нем услышат и инославные, и придут в него, и помолятся здесь, и возденут руки своя к Богу нашему!

Возблагодарим же Господа, благодеещего нам, подвигшего добрых русских людей на жертвы для создания храма сего и освятившего его ныне благодатию Всесвятаго Духа Своего!

Вкусивши ныне яко благ Господь (1 Пет. 2, 3), помогший нам воздвигнуть сей величественный каменный храм, и сами вы, братья, по слову апостола Петра, *как живые камни устройте из себя храм духовен* (1 Пет. 2, 5), т. е. созидайте из себя церковную общину, столь же твердую и прочную, как и сей храм ваш. До сих пор, пока у вас не было настоящего храма, пока было лишь временное помещение для него, и другим казалось, и вам думалось иногда, что, быть может, и все дело Православной Церкви здесь лишь временное. Ныне, с устройением постоянного храма, опасения эти рассеиваются. *Созижду Церковь Мою, и врата адава не одолеют Ей* (Мф. 16, 18), *и се Аз с вами есмь до скончания века, аминь* (Мф. 28, 20). Верим и уповаем, что эти обетования Христовы касаются и нашего дела здесь, и посему приступайте ко храму сему без опасений, с дерзновением, соберитесь возле него, составьте одну дружную семью, *союзом веры и любви связуем*. Вы знаете, что у нас в России храм и приход тесно связаны между собой. Пусть будет так и у вас. Любите свой храм и чаще посещайте его. Русские люди издавна слывут за набожных и за любителей святых Божиих церквей: храмами стоит и красуется святая Русь. К сожалению, иные русские, попав за границу, по малодушию стыдятся сохранять здесь добрые обычаи своей родной веры и отречением от оных думают снискать себе уважение иностранцев. Горькое и печальное заблуждение: отступников никто не уважает! Не говоря уже о том, что Господь нам изрек о таких: *кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын человеческий, когда придет во славе Отца Своего со святыми ангелами* (Мк. 8, 38). Вы же не тако: в Православной вере стойте, родные предания держите и храм Божий любите.

Объединяясь около храма, вы и из самих себя созидайте храм духовен (1 Пет. 2, 5), чтобы самих себя, свою душу, свою жизнь посвящать на служение Богу. Не забывайте, что как храм ваш, так и вся ваша церковная община имеет миссионерское значение: *вы — род избранный, люди взятые в удел*, дабы возвещать окружающим вас инославным чудный свет Православия (1 Пет. 2, 9).

В одной из дивных молитв при освящении храма мы просим Господа о том, чтобы созданный храм служил нам во управление жития, во исправление благого жительство и во исполнение всякия правды. Посему при освящении вашего храма нахожу благовременным умолять вас словами святого апостола Петра, которые имеют близкое приложение и к вам. *Возлюбленные! Прошу вас, как пришельцев и странников удаляться от плотских похотей, восстающих на душу, и провождать добродетельную жизнь*, дабы окружающие вас инославные, *видя добрые дела ваши, прославляли Бога и Церковь вашу. Такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей; как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии, будьте покорны всякому начальству, всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь. Более же всего имейте усердную любовь друг к другу, ибо любовь покрывает множество грехов. Будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры. Служите друг другу каждый тем даром, какой получили от Бога, дабы во всем прославлялся Бог чрез Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков, аминь* (1 Пет. 2, 11—17; 3, 8; 4, 8—11)» (Сообщения из-за границы: Речь преосвященного Тихона, епископа Алеутского и Северо-Американского при освящении Нью-Йоркской церкви // Церковные Ведомости. Прибавления. 1902. № 50. С. 1768—1769).

Нашу заметку об освящении нью-йоркского Свято-Николаевского храма закончим статьей протоиерея А. Хотовицкого: «Торжество освящения русского Православного храма в Нью-Йорке» (выписка):

«Исполнились заветные желания православной миссии в Америке. На восточном побережье ее, в метрополии Нового Света — Нью-Йорке, куда эмигрантским прибоем забросило уже не одну тысячу наших земляков и единоверцев, и где давно нашли себе место молитвенные дома других исповеданий, красуется отныне величественнейший русский Православный храм. Радую душу и проникая в глубины сердца, далеко разносился 10 ноября радостный благовест церковного звона, и, отвечая на его мощный призыв, спешил православный, оторванный от далекой родины, люд под своды новой обители испросить у Бога благословения новому делу...

Этот день был поистине торжеством Православия. Давно готовилась наша церковь к этому событию, и теперь, когда священнейшее благодатное действие совершилось, никогда не умрут в памяти богомольцев пережитые минуты. Так много радостных воспоминаний, впечатлений, умиленнейших чувствований! Они превысили даже тот подъем духа и те святые восторги, коими сопровождалось положение здесь краеугольного камня этого храма около года тому назад.

Просто не верится, что еще так недавно, на этом месте, где ныне возвышается благолепнейший русский храм, уныло глядели водруженные природой девственные скалы. На этой природной твердыне утвердилась твердыня духовная, и она — уповаем — не подвигнется вовек.

Все нам родное — в новой постройке. Среди высоких американских домов рутинной архитектуры, она — точно солнечный луч на облачном небе. Невольно привлекает она взор своим изящным, полным творческой идеи, видом. Опираясь на гранитные основания, церковь облегчает себя по мере своего восхождения к выси небесной; ее средняя часть — серый камень, украшенный изящной узорчатой высечкой, перевитый гирляндами цветного кирпича, терракоты и майолики разных цветов. Последнее — новость в нью-йоркском зодчестве. Зеленая графитная кровля, белоснежные херувимы по голубому и золотистому фону, темно-красный кирпич, — все это сливается в один мягкий световой аккорд, который довершается пятью куполами сероватой покраски, увенчанными золотыми крестами. По общему признанию местных экспертов архитектуры, новая церковь — одно из красивейших зданий в Нью-Йорке и единственное в таком роде и стиле.

По гранитным ступеням вы входите в церковь, осеняемую при входе изображениями ангелов, художественно высеченных на камне, и через небольшой притвор вступаете во внутренность храма. Она поразительна: ей присуще нечто воздушное, точно купол оторван от земли и держится на крыльях херувимов, витающих в выси. Живопись еще не тронула стен. Только выступами и карнизами белой штукатурки разбиты они на множество подразделений песочного цвета, на которых впоследствии, если Бог поможет, щедрая рука благодотворителей разместит священные изображения. Есть уже и проект внутренней росписи храма, но когда осуществится это предприятие — Господь ведает. Алтарь в виде полукруга, по сторонам коего две закрытые ризницы, и два открытых алькова, в коих удобно устроить придельные алтари.

Днем церковь освещена массой света, проникающего внутрь мягкими световыми лучами всевозможных цветов чрез цветные окна в

куполе постройки и по ее стенам. Ночью — церковь светла как днем: сотни скрытых за карнизами и невидимых глазом электрических огней, сливаясь в одну общую световую волну, гонят прочь самое представление о царящем за пределами храма вечернем мраке и тьме. И когда, после полного света, при чтении первого часа, церковь погружается в полумрак, рассекаемый теплящимися пред иконами и алтарем лампадами и свечечками, как-то особенно умиленно творишь свою молитву и полагаешь последний поклон пред отходом в жилище свое.

Под церковью просторный этаж, с большим залом для школы (здесь временно и помещалась наша церковь), для братских собраний, для типографии, для складов, для церковного сторожа, и еще ниже подвальный этаж; здесь паровые котлы, угольный склад, газомеры, электрические проводники и т. д.

К церкви примыкает подворье. Это маленький домик в четыре этажа, общей с церковью архитектуры, составляющий с ней нераздельное целое. На одной поверхности с церковным полом находится архиерейский этаж, сообщающийся с церковью двумя внутренними ходами: в алтарь и в глубину храма; выше — этаж настоятеля и еще выше — остального причта.

Удобными путями сообщения — трамваями и воздушной железной дорогой — церковь приближена к различным концам многолюднейшего и длиннейшего города, в разных уголках которого приютились члены приходской семьи, в мастерских, на заводах и фабриках добывая себе пропитание. В нескольких шагах от нового храма — центральный парк, гордость и краса Нью-Йорка, раскинувшийся на десятки миль в окружности. Сюда стекаются в душные месяцы сотни тысяч людей — подышать свежим воздухом. Издалека, с разных концов парка, в осенние и в зимние месяцы, когда листва деревьев опадает, видны золотые кресты нашей церкви, и далеко слышен благовест благозвучного колокола...

Торжество освящения храма началось накануне вечером. К восьми часам вечера внутренность храма была декорирована роскошными пальмами — дар одного из друзей России — американца г. Крейна. Алтарь и иконостас перевиты гирляндами зелени. Благодаря этому скрыта была убогость нашего маленького иконостаса, который, хотя и не отвечает размерам и богатству нового здания, оставлен в нашей церкви, ибо нового иконостаса пока соорудить нет средств...

Духовенство всего округа, до двадцати человек священнослужителей, собрались по призыву своего архипастыря, преосвященного Тихона, епископа Северо-Американского, разделить соучастием это

редкое торжество Православия. Преосвященный владыка, отдавший столько сил созданию и устройению храма, уже за несколько недель прибыл в Нью-Йорк и лично направлял дело приготовления к празднику. Самый день освящения был назначен лишь за две недели, после того как из Петербурга был получен ответ приглашенных высокопоставленных сановников с выражением их сожаления по поводу невозможности лично присутствовать на торжестве. Но и двух недель оказалось достаточно для приготовления ко дню освящения.

Началось всенощное бдение — ряд моментов дивного молитвенного умиления, которое так возвышает душу, так возрождает человека, напоая его жаждой добра и благожелательства ко всему-всему миру... Уставная служба с канонархом, чудесное пение, служение архиерея с сонмом духовенства, — все это умиляло, и служивших и богомольцев заставляло забыть, что мы в Америке, а не на родине, в недрах благочестивой матушки-Руси. Но в сугубой мере это дивное чувство было пережито всеми на другое утро, в самый день освящения.

С раннего утра 10 ноября стали стекаться богомольцы к новому храму. Прибыли братства — русское и сербское из Нью-Йорка, из Пассайка и из Юнкерса со знаменами, в своих парадных формах. Задолго до 10 часов прилегающая к церкви улица была запружена каретами и народом, стремившимся проникнуть внутрь церкви. Американцев пропускали по билетам. Вскоре пришлось воспретить дальнейший приток богомольцев. Храм вместимостью на 900 человек заключил в свои стены более двух тысяч народа, и свыше тысячи осталось стоять во всю службу снаружи, куда сквозь раскрытые двери слабо доносились звуки священных песнопений.

С левой стороны алтаря на солее поместилось посольство в парадных мундирах, во главе с императорским чрезвычайным послом графом А. П. Кассини, генеральный консул Н. Н. Лодыженский с прочими чиновниками консульства, русский посланник в Корею А. И. Павлов, консул в Канаде Н. Б. Струве, мэр города Нью-Йорка С. Лоу, почетные прихожане и семейства причта.

Внутри алтаря, в правой придельной его части, заняли места приглашенные представители инославного духовенства, среди коих обращал на себя внимание почтеннейший старец, маститый епископ епископальной Церкви в Фон-дю-Лаке, Графтон, виднейший борец в Америке за католические начала в дисциплине англиканской Церкви. В полном епископальном облачении, со служебником в руках, он внимательно следил за ходом богослужения, за обрядом омовения и водружения престола и пр. Заметно было, как умиление сказывалось в его молитвенных воздыханиях и слезах. Описывая после торжество

освящения нашей церкви, инославные органы с полным почтением отнеслись к присутствию епископа Графтона в его облачении.

Всем американцам облегчена была возможность следить за порядком богослужения и его главнейшими моментами благодаря программам, которые заблаговременно были раздаваемы всем входившим в церковь. Надо было удивляться, как спокойно и тихо, не производя ни малейшего шума, стояло это многочисленное собрание в течение трехчасовой службы, как внимательно следило оно за порядком ее. Для поддержания этого внимания и привлечения американцев к более активному участию в происходившем было произнесено по-английски несколько возгласов — сугубая ектения, поминовение на великом входе и речь настоятеля, благодарившего гостей за доброе расположение и выяснившего высокие заветы православного дела везде на всем земном шаре.

Кто опишет то радостное, умиленное чувство, какое переживалось всеми богомольцами? С того первого момента, когда сонм духовенства в новых белых облачениях встретил своего архипастыря пением величественного гимна: „От восток солнца до запад хвально имя Господне”, — молитвенная волна, ни на минуту не ослабевая, все полнее и полнее облекала душу, и сердце с полной силой вторило чудным словам — хвалы, прошения, благодарения. Чудные псалмы, чудное пение, чудные молитвы! Громко прозвучали удары камней, пригвождающих верхнюю доску ко престолу. Омыли престол святою водой, напоили его ароматами. „Вонмем!” — трепет пробежал по затаившей дыханию церкви. Святым миром утверждено сие освящение. Останки святых почили в ковчеге, под престольной доской. Опустилась вся церковь на колени и полилась ко Всевышнему вдохновенная молитва архипастыря от лица всей церкви.

„Слава Богу нашему во веки веков!”

Чье слово изъяснит тот великий, навсегда незабвенный миг, когда, с вознесенным над главой антимином и мощами святых, Владыка возгласил сквозь затворенные двери: „Возьмите врата князи ваша... и увидет Царь славы!”. „Кто есть сей Царь славы? — трепетно вопрошает лик, точно внедряя в сердце каждого особенное внимание к величю редкой минуты, точно призывая всех к особому тщанию достойно встретить Грядущего... Господь Сил Той есть Царь славы!” — раздается восторженный клик, проникая существо каждого богомольца, благовествуя вечную Славу Превысшего небес... Двери отверзлись и сердца всех подвиглись во сретение...

Еще минута — и церковь внимает поучению святителя.

„Соберитесь возле этого храма, составьте одну дружную семью, союзом любви и веры связуемы. Любите свой храм. В Православной

вере стойте, родные предания держите, храм Божий любите... Вы род избранный, люди взятые в удел, чтобы возвещать окружающим вас инославным чудный свет Православия...”

Кончил Владыка свое архипастырское наставление и заключил его дорогим приветом, полученным из России:

„Святейший Синод призывает благословение Божие на всю собравшуюся при освящении паству”.

Слава и благодарение Господу, подвигшему государя призвать всю Россию к созданию здесь первого храма! Слава и честь священноначалию русскому и добрым печальникам Православия и церковного дела, в трудные минуты не покинувшим нас благодатною помощью и щедрою жертвой! Поклон до земли всем вложившим лепту в это святое дело! Да воздаст Господь всем сторицею.

Вслед за осенением храма на четыре страны крестом начались многолетствования: государю императору всероссийскому и членам царствующего дома, Святейшему Правительствующему Синоду, Преосвященным митрополитам Церкви Российской, Преосвященному епископу Тихону, Преосвященному епископу Николаю [Зиорову], президенту Соединенных Северо-Американских Штатов, настоятелю и причту храма, создателям и благодетелям оного и всей пастве нью-йоркской.

С особым благолепием прошла божественная литургия святого Иоанна Златоустого, ознаменованная возложением камилавки на ключаря нового храма священника И. Зотикова и набедренников на окрестных священников — отца В. Туркевича и отца А. Немоловского. За причастным протоиерей Хотовицкий обратился с кратким приветствием к православным богомольцам, поздравив всех и поблагодарив братства за дружеское внимание и любовь.

После литургии в покоях Преосвященного владыки состоялся прием, устроенный по форме обычных американских „ресепсион”. Каждый из гостей представлялся его Преосвященству, спешил выразить свои восторги по поводу виденного и слышанного и уступал место другим, пожимая на ходу руки знакомым и проходя в другое помещение, где подавали чай, шоколад, тартинки и прочее. Как и обычно, эта церемония не потребовала долгого времени. В течение часа сменилось несколько сот гостей, и к двум часам остались только лица, приглашенные владыкой на обед, в количестве до 100 человек.

Обеденный зал был декорирован тропическими растениями, — на передней стене был задрапирован во флаги портрет государя и портреты архипастырей. Продолжительное „ура” и троекратно исполненный гимн „Боже, царя храни” сопровождали первый, возглашенный

господином послом графом А. П. Кассини, тост за здоровье Государя Императора. Тут же отправлена была, за подписью графа А. П. Кассини и епископа Тихона, телеграмма [...]

С воодушевлением, с кликами „ура” и пением многолетий были встречены затем один за другим следовавшие тосты — за президента Соединенных Штатов, за Святейший Синод Всероссийский, за господина посла, за Преосвященного епископа Тихона, за друзей и печальников Православия — К. П. Победоносцева и В. К. Саблера, за бывшего епископа Американского Преосвященного Николая [Зиорова] [...] за строителей храма и причт. Официальные тосты были заключены застольной речью протоиерея Хотовицкого, посвященной воспоминаниям о ходе постройки, о добрых русских благотворителях и в конце приглашавшей всех присутствовавших примкнуть к выражениям благодарности и к чествованию того, кто ближе всех сроднился с новой постройкой и чей художественный гений и творчество помогли осуществить в такой совершенной форме нашу мечту: это — И. В. Бергезен, наш архитектор, который с редким бескорыстием отдал целиком принятому на себя делу свой труд, свои силы и свои редкие, увековеченные отныне дарования. Тут же был поднесен архитектору от церкви изящный подарок: на серебряном блюде работы Тиффони две солонки художественной работы русской эмали, в виде моделей Кремлевских башен. Мощным „ура” и дружным многолетием все собрание засвидетельствовало свою благодарность И. В. Бергезену. Спасибо ему!

Задушевные тосты и разговоры тянулись еще долго, непрерывной чередой. Уходя, гости уносили с собой приятное воспоминание о русском уголке, где под кровлей православного храма богомолец может исповедать Господу свою радость и горе и где в дружеской беседе с русской причтовой семьей может отдохнуть духом и мысленно побывать на своей дорогой родине.

В 7 часов вечера чудный звук колокола призывал прихожан вновь на молитву, в наш новый, прекрасный храм [...]

Так совершилось давно жданное, великое в истории заграничного Православия событие! [...] Прочтет ли кто эти строки? [...] Примите нашу благодарность все, кто хотя на минуту подарил нас сочувствием; примите наш земной поклон все, кто помог нашему делу [...] когда по нужде протягивалась к вам за подаванием рука вашего заокеанского земляка и единове́рца [...]

Вспоминая все это, я усердно прошу всех отцов-пастырей, кто прочтет эти строки, передать своей пастве о нашем дивном празднике и поклониться благодетелям нашим глубоким-глубоким поклоном.

Протоиерей *А. Хотовицкий*» (Церковные Ведомости. Прибавления. 1902. № 50. С. 1769—1775).

«Со дня открытия в Нью-Йорке величественного русского собора к Православию стали очень быстро присоединяться все родственные верующие: униаты, поморцы, единоверцы [...] и вообще все те, у кого своей церкви в Америке не было, а к чужой пристать не хотели. Это было время расцвета Русской Церкви» (Независимая Православная Церковь в Америке (письмо из Нью-Йорка) // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1908. № 7. С. 222).

Подобным же образом создается русский Православный храм и в другом крупном центре САСШ — Чикаго.

С прибытием в Америку епископа Тихона в Чикаго начинаются поиски участка земли, пригодного для постройки русской церкви и вскоре же, по личному указанию владыки, выбран участок в 12.500 кв. футов (255 кв. сажень).

16 марта 1903 г., в воскресенье, в 10 часов утра, епископ Тихон совершает освящение русского православного храма во имя Святой Троицы в г. Чикаго.

После освящения престола и антиминса состоялся крестный ход, по окончании которого епископ Тихон обращается к народу с архипастырским словом.

За литургией Василия Великого настоятель собора отец Иоанн Кочуров в красноречивой проповеди ознакомил молящихся с историей построения чикагского храма, а затем, по-английски, благодарил всех американских друзей за оказанное участие и материальную помощь.

Кроме множества богомольцев различных национальностей, на торжестве освящения присутствовали многочисленные почетные представители американского общества, епископ епископальной Церкви Графтон (в полном облачении), дипломатический корпус и различные гости, следившие за порядком богослужения по заранее розданным программам.

После литургии, в церковном доме, епископ Тихон устроил прием избранного общества, окончившийся торжественным обедом.

Чикагский храм и приходской дом при нем нужно без всяких оговорок признать прекрасными. По своему величию и благолепию они уступают разве только нью-йоркским. Строил их лучший в Чикаго архитектор господин Сюзливан.

Церковь построена в русском стиле и расположена в одной из тихих, уединенных частей города [...] здание церкви чрезвычайно красиво отделяется своей оригинальной архитектурой среди соседних зданий, а высокая колокольня собора, видная со всех сторон на далекое

расстояние, точно маяк указывает на то место, где попавший на чужбину русский человек и каждый православный славянин найдет свою духовную родину, нравственную поддержку и утешение» (Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 17. С. 682—684).

Закончим эту нашу заметку следующими словами тогдашней церковной печати, высказанными в связи с переводом архиепископа Тихона из Америки на Ярославскую кафедру:

«Великие памятники оставляет Высокопреосвященный Тихон на Северо-Американской земле, и его смело можно назвать создателем американской Православной Церкви» (Отъезд Высокопреосвященного Тихона, архиепископа Ярославского и Ростовского из Нью-Йорка (корреспонденция из Нью-Йорка) // Ярославские епархиальные ведомости. 1907. № 15. С. 226).

6. Поправка о «почетном гражданстве» архиепископа Тихона

Автор ошибается: Святейший Патриарх Тихон никогда не был почетным гражданином Северо-Американских Соединенных Штатов. И хотя этот слух усиленно распространялся в Москве в начале 1920-х годов, в связи с известной деятельностью в стране организации «АРА», — но он лишен был всякого основания.

Святейший Патриарх был почетным гражданином города Ярославля.

Когда состоялся перевод его из Ярославля на Виленскую кафедру, Городская Дума г. Ярославля, в воздаяние его заслуг и трудов по управлению епархией, а также в знак своей любви и признательности за все соделанное им почтила его титулом «почетного гражданина города Ярославля».

15 сентября 1914 г., в печати появляется сообщение о том, что «Св. Синод разрешил архиепископу Литовскому и Виленскому Тихону принять звание почетного гражданина города Ярославля. Этот случай избрания епископа почетным гражданином города является чуть ли не единственным в истории Русской Церкви. Высокопреосвященный Тихон пользовался, как известно, глубоким уважением и любовью Ярославской паствы» (Хроника церковно-общественной жизни // Вестник Виленского Свято-Духовского Братства. 1914. № 18. С. 384).

[Интересен один малоупоминаемый факт из американской жизни святителя Тихона. «Высокое уважение американской епископальной Церкви к личности и деятельности Высокопреосвященного Тихона, архиепископа Алеутского и Северо-Американского, засвидетельствовано недавно состоявшимся поднесением владыке почетного звания доктора богословия от образовательного богословского учреждения *Nashotah Hause*. По предложению епископа Графтона и его коадьютера, директора этой богословской колле-

гии единодушно постановлено облечь нашего архипастыря этим званием, — пример исключительный в летописях не только нашей миссии, но и епископальной Церкви в отношении к членам иного вероисповедания. Высокопреосвященный принял это звание и в сердечном письме благодарил Nashotah Hause за доброе внимание, выразив со своей стороны полную симпатию и молитвенные пожелания преуспeyания сему учреждению, работающему во славу христианского дела» (Церковные ведомости. Приложения. 1905. № 29. С. 1221). — *Ред.*]

7. Прибытие архиепископа Тихона на Ярославскую кафедру

К месту нового своего служения — в Ярославль — архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон прибывает 11 апреля 1907 года. В местном епархиальном органе момент этот описывается следующим образом:

«Наконец давно жданный ярославцами Владыка Тихон прибыл к месту своего архипастырского служения. Ярославль готовился к достойной встрече и приему своего нового Архиепископа, шествующего на ярославскую ниву Божию из далекой Америки. Служебная телеграмма [...] из Петербурга принесла ярославцам весть, что архиепископ Тихон едет в Ярославль с 9-часовым вечерним поездом из Петербурга и, значит, к месту назначения своего прибьет в 2 часа дня 11 апреля. Задолго до прихода поезда на дебаркадере ярославского вокзала стали собираться представители духовенства, духовно-учебных заведений, городской администрации и полиции. Здесь были: господин вице-губернатор, бригадный командир, директор ярославского кадетского корпуса, городской голова, отец ректор духовной семинарии, смотритель духовного училища, преподаватели семинарии и женских духовных училищ, члены духовной консистории, множество духовенства и мирян. Незадолго до прихода поезда на вокзал прибыл Преосвященный Евсевий [Гроздов], епископ Угличский. Как только прибывший поезд остановился, духовенство во главе с Преосвященным Евсеем направилось в вагон 1-го класса, чтобы получить благословение от святителя Тихона. Толпа народа жадно устремила свои взоры на дверь вагона и ловила момент выхода из него святителя Божия. Вот он показался, благодушный, улыбающийся, и весь народ, встречавший Владыку, обнажил свои головы и отдал святителю общий поклон. Архиепископ Тихон проследовал в директорское отделение вокзала, где и состоялось представление высших административных лиц, представителей духовно-учебных заведений и города. Под торжественный звон всех ярославских колоколов, которые возвещали о прибытии Владыки Тихона горожан, спешивших к кафедральному собору и Спасскому монастырю, ар-

хиепископ Тихон направился к собору¹. Около кадетского корпуса были выстроены шпалерами кадеты, приветствовавшие с благополучным приездом Архипастыря. [...] В кафедральном соборе Владыку встретило с подобающею честью старейшее городское духовенство. При входе в собор архиепископ Тихон возложил на себя мантию и приложился к Св. Кресту. Кафедральный протоиерей Н. Крутиков обратился к Владыке с приветственной речью, в которой, вспомнив о входе Господнем в Иерусалим, празднике, почти совпавшем с входом святителя Тихона в Ярославль, пожелал архиепископу Тихону доблестных трудов на ниве Ярославской, на которой трудились его славные предшественники. Отец протодиакон провозгласил „исполла эти деспота“, и певчие плавно, умирительно, под управлением регента архиерейского хора отца В. Зиновьева, запели „Достойно“ — входное. Архиепископ Тихон проследовал в алтарь, приложился к Св. престолу, а потом к местным иконам — Спасителя и Божией Матери. Отец протодиакон произнес краткую сугубую ектению и провозгласил многолетие государю императору, Св. Синоду и архиепископу Тихону, который третье многолетие произнес сам так: „Преосвященному Евсевию, епископу Угличскому, всему освященному собору и жителям богоспасаемого града сего многая лета“. Певчие пропели многолетие. Архиепископ Тихон обратился с первым своим святительским назиданием к новым своим пасомым. [...]

После речи Его Высокопреосвященства все стали подходить ко Кресту, а певчие с особым чувством пропели „Днесь благодать Св. Ду-

¹Ярославский Успенский собор. «Величественное здание Ярославского Успенского собора стоит на главной Ильинской площади, близ впадения реки Которосли в Волгу.

В этом соборе почивают мощи благоверных князей Василия и Константина Всеволодовичей, а также находится местночтимая икона Ярославской Божией Матери.

Успенский собор был выстроен великим князем Константином Всеволодовичем († 1219 г.), который выстроил точно так же и Ростовский собор. При Алексее Михайловиче [середина XVII в. — *Сост.*] Ярославский собор был дважды перестроен вновь. При второй перестройке и были обретены мощи, почивающие в соборе.

Святые князья были внуки Константина Всеволодовича, строителя Успенского собора. Старший из них, Василий, почил в 1249 году. Его брат, Константин, в 1257 году был убит в сражении с татарскими грабителями в окрестностях Ярославля. Гора, на которой был убит князь, и до сих пор зовется Туговою; здесь находится теперь кладбище. Ярославская икона Божией Матери была поставлена в храм именно этими князьями» (*Белов А. Ярославль и его достопримечательности // Светоч. 1911. № 3. С. 906.*)

В самом конце 1920-х годов., местными мракобесами безбожия, в порядке «научно-атеистической работы», прекрасный ярославский Успенский кафедральный собор, состоящий на учете как «памятник искусства и старины»... снесен!

ха нас собра”, — стихиру, вполне отвечающую и времени и настроению присутствовавших в храме.

Отец ключарь собора поднес Владыке описание Успенского ярославского собора и житие Св. благоверных князей Василия и Константина, ярославских чудотворцев. Приложившись к Св. мощам, архиепископ Тихон проследовал в Спасский монастырь, где в его покоях ожидали его начальствующие и преподаватели всех духовно-учебных заведений г. Ярославля, представители администрации, общества хоругвеносцев и проч. Под ионафановский трезвон колоколов архиепископ Тихон прибыл в свой архиерейский дом и направился сразу же в монастырский собор, поклониться св. ярославским чудотворцам — Феодору, Давиду и Константину. Все аллеи монастырского двора и садика были запружены народом, радостно взиравшим на своего нового святителя.

Из собора архиепископ по галерее, благословляя усердный народ, проследовал в свои покои, где был встречен со св. крестом и св. водою экономом архиерейского дома иеромонахом Аполлинарием. Приложившись к св. кресту и окропив себя св. водою, Владыка начал знакомиться со своими сотрудниками. Сколько задушевности и доброты светилося в глазах Архипастыря, когда ему начальники учебных заведений представляли господ преподавателей. Почти со всеми Владыка немного поговорил. Нашлись среди присутствовавших лица, которых Владыка помнил по Академии, нашлись земляки-псковичи. Председатель общества хоругвеносцев господин Гнуздев просил Владыку принять хлеб-соль. На роскошной серебряной солонке выгравирована надпись: „Высокопреосвященному Тихону, архиепископу Ярославскому и Ростовскому в память прибытия в Ярославль 19—11/IV—07 г.¹ от Ярославского общества хоругвеносцев”. Городское духовенство тоже по русскому обычаю приветствовало своего нового святителя хлебом-солью, равно как и братия Спасского монастыря в лице о. Аполлинария, Владыка благодарил всех собравшихся за оказанный ему радушный прием и, простившись со всеми, остался с Преосвященным Евсевием.

Массу впечатлений произвел приезд архиепископа Тихона, его внешность, его первое слово, его движения. И народ, расходясь по домам, вслух выражал свои чувства симпатии и уважения, которые уже успел снискать себе новый Владыка Ярославский» (*Алексий, иеромонах. Прибытие Высокопреосвященного Тихона, архиепископа Ярославского и Ростовского в Ярославль // Ярославские епархиальные ведомости. 1907. № 18. С. 257—260*).

¹ 11.IV.1907 г. — *Примеч. ред.*

8. Распоряжение архиепископа Тихона о земных поклонах архиерею и прочее

Это распоряжение весьма характерно для внутреннего облика тогдашнего архиепископа Ярославского и Ростовского Тихона, тем более что сам он вышел из низов захолустного, провинциального духовенства и, по-видимому, с детства еще помнил, что раболепство низшего духовенства и вообще клириков пред лицом епископа (особенно в те, давно прошедшие времена), не всегда, конечно, было искренним и выражавшим подлинные чувства любви и преклонения перед апостольским авторитетом епископа, а являлось большею частью лишь соблюдением давно сложившейся традиции, идущей еще от лет древних. С другой стороны, и предметы такового поклонения — епископы — также, безусловно, не всегда бывали на том, должном, уровне духовной высоты, которая теоретически предполагалась в них и которая, собственно, и вызывала к действию такую нижайшую форму преклонения.

Может быть, памятуя и имея в виду нечто от вышесказанного, Высокопреосвященнейший Тихон (в то время только что вернувшийся из Америки, где подобные формы проявления уважения между людьми безусловно исключались), наблюдая продолжавшуюся в России, известную ему еще с детства традицию совершения земных поклонов при всякой встрече клирика со своим Архипастырем, и счел благовременным прекратить в отношении себя проявление такого почитания со стороны хотя и подчиненных ему пастырей, но, до некоторой степени, все-таки унижающее их священный сан.

Как бы то ни было, распоряжение это вполне соответствует духу кротости и смиренномудрия сего архиепископа.

Кроме того, этим распоряжением не оставлен без внимания и должного исполнения и назидательный пример апостольский:

Когда Петр входил, Корнилий встретил его и поклонился, падши к ногам его.

Петр же поднял его, говоря: встань; я тоже человек... (Деян. 10, 25—26).

Это и подобные ему распоряжения нового Ярославского Архипастыря были весьма необычны для того времени, и новый стиль управления епархией сейчас же был с благодарностью воспринят подведомственным духовенством и паствою, и с большим сочувствием отмечен тогдашней печатью.

Приводим об этом несколько кратких выдержек:

«Известно, например, его обращение к Ярославской пастве с таким предложением: 1) анонимных писем-доносов ему не присылать,

ибо таковым не только не будет придаваться значения, но они не будут читаться им, 2) в прошениях не писать кавалеру орденов (духовные лица лишь сопричисляются к орденам, но не состоят кавалерами оных), 3) при представлении не делать ему земных поклонов» (Ярославские епархиальные ведомости. 1907. № 19. С. 278; [Церковные ведомости. Прибавления. 1907. № 28. С. 1141]).

Или:

«Показательным для архипастырского духа Пресвященного Тихона явилось его распоряжение о ставленниках, приезжающих в Ярославль для рукоположения. Он предписал им не привозить с собою жен и останавливаться либо в Спасском монастыре, где имелось помещение для ставленников, либо у родных и близких знакомых, но не в гостиницах, где обстановка не способствует духовной сосредоточенности и молитвенному настроению, столь необходимым при рукоположении» ([Церковные ведомости. Прибавления. 1907. № 35. С. 1503—1504. — *Ред.*]; *Ведерников А.* Ревнитель церковного единства. С. 66) и т. д.

В 1908 году архиепископ Тихон издает распоряжение, в силу которого подача прошений на его имя со стороны сельского духовенства разрешается по почте, взамен бывшей до того обязательной личной явки¹.

9. [О членстве архиепископа Тихона в Святейшем Синоде в 1917 году

Автор в данном случае ошибается. Архиепископ Тихон был вызван на зимнюю сессию Св. Синода 1916—1917 гг. После назначения обер-прокурором Св. Синода В. Львова состав дореволюционного Св. Синода был распу-

¹ Приведем текст распоряжения полностью: «Архиепископом Тихоном издано следующее распоряжение: „Не лишним почитаю поставить в известность лиц, просящих себе места в епархии, что нет нужды им непременно являться ко мне с прошениями и тем вводить себя в дорожные расходы, а достаточно и по почте прислать просьбы. В прошениях нужно прописывать действительные причины, а не выдуманные (бывали примеры последних) и серьезные и основательные, а не вроде таких, что „церковный дом стоит возле дороги, по которой крестьяне ездят на свои поля”, или, что „церковный дом ветхий” (как будто он поправится от того, что обитатель его переедет на другое место. Думается, что прихожане скорее поправят дом для того, кто прослужит у них несколько лет, чем для нового, только что назначенного). Рекомендуются для подачи прошения обстоятельно расследовать приходские условия на новом месте, чтобы после назначения не отказываться (чему бывали примеры), и вообще не спешить с просьбами о перемещениях (иногда прослужив год-два), а брать пример со старых священников, которые живут по 30—40 лет на одном приходе, часто не богатом, далеко отстоящем от города, что не мешает им воспитывать детей своих. Дяконы, не окончившие курса семинарского, могут рассчитывать на получение только таких священнических мест, на которые нет просителей с полным богословским образованием”» (Церковные ведомости. Прибавления. 1908. № 2. С. 93). — *Примеч. ред.*

шен, и архиепископ Виленский и Литовский Тихон не был вызван в состав вновь избранного Св. Синода. Более подробно см. комментарий «О „разгоне” Синода В. Н. Львовым в 1917 году (документы), революционная „деятельность” обер-прокурора В. Н. Львова». См.: Т. 2. Комм. 8 — *Ред.*]

10. Указание о наличии упоминаемого материала в Сборнике

Эта статья из «Богословского вестника» полностью воспроизведена в нашем Сборнике. См. Комментарий «Речь профессора-архимандрита Илариона (Троицкого) на Соборе 1917—1918 гг. в защиту восстановления Патриаршества». [Т. 2. Комм. 47. — *Ред.*]

11. К речи профессора-архимандрита Илариона (Троицкого) о восстановлении Патриаршества в России

Знаменитая речь члена Собора 1917—1918 гг. профессора-архимандрита Илариона [Троицкого] «Почему необходимо восстановить Патриаршество?» в свое время была опубликована в октябрьско-декабрьской книжке «Богословского вестника» за 1917 год. [См. Акты... С. 41—46. — *Ред.*]

Существовало убеждение, что именно эта речь архимандрита Илариона [Троицкого] доставила окончательное торжество идее восстановления Патриаршества на Соборе, ибо только лишь после ее произнесения соборные обновленцы прекратили свои нескончаемые вылазки против патриархистов, и Патриаршество было восстановлено. (См. комментарий: «Речь профессора-архимандрита Илариона (Троицкого) на соборе 1917—1918 гг. в защиту Патриаршества». Т. 2. Комм. 47).

12. О личной благотворительности архиепископа Тихона

Помимо так называемых «финорганов», которые, как это общеизвестно, на пополнение вечно дефицитного госбюджета извлекают из Православной Русской Церкви колоссальные денежные средства в виде различного рода и наименования налогообложений: «земельных рент», «страховок», налоговых «перерасчетов», «недоимок», «пеней» и т. д., и т. д., коими, как паутиной обвита Церковь, — «поповскими» заработками и доходами неизменно и пристально «интересуется» и гражданская печать, и наши казенные «атеисты» (хотя область эта — по официальному нашему законодательству — их совершенно не касается), строящие на этой базе свои «научно-атеистические» разоблачения «религиозного дурмана».

См., например, статьи: *Юрин А.* На что духовенство тратит деньги верующих // *Спутник агитатора.* 1937. № 23. С. 23—25; *Доходы князей Церкви* // *Безбожник.* 1938. № 3 (636). С. 4—5 и множество других.

Вся эта публика, бесконечно копающаяся в чужих и, главное, чуждых ей поповских карманах и скрупулезно, по-гобсековски, пересчитывающая «доходы князей Церкви» с неиссякаемой алчной надеждой отжать в свою пользу лишнюю монету, — как правило, никогда и нигде, ни одним словом не заикается о поповских... расходах!

А следует отметить, что у «попов», кроме обычных, общечеловеческих, мотивов и побуждений для траты своих денег, имеется всегда еще одна расходная статья, о которой самым гуманным «научным атеистам» никогда и в голову не приходит...

Статья эта — личная благотворительность, вытекающая из самой сущности христианского учения, исповедуемого «попами».

И хотя все прекрасно знают о широчайшей христианской благотворительности, существующей и в настоящее время на всем земном шаре (кроме Советского Союза, где официальное проявление ее запрещено!), о тех неисчислимых великих благодеяниях, которые повседневно творятся ею по отношению ко всякого рода обездоленным людям, — факт гигантской общественной и личной христианской благотворительности замалчивается у нас самым тщательным образом в угоду все той же, так называемой атеистической пропаганде (которая давно бы развалилась без всех этих бесчисленных искусственных подпорок).

В своем усердии не по разуму некоторые антирелигиозные умники пытаются даже (правда, по-детски и совершенно безграмотно) подвести какую-то «теоретическую» базу под свои рассуждения на эту тему. Так, в одном нынешнем антирелигиозном журнале появляется ответ на вопрос, поставленный самой же редакцией: «Почему запрещается благотворительная деятельность Церкви?» (у нас любят сами себе задавать вопросы, чтобы в целях «поучения» иметь возможность высказаться на тему, о которой никто не спрашивает...).

Ответ борзописцев этого журнала, многократно указывающего на «колоссальность» церковных материальных средств, таков: «Жалкие подачки Церкви, вроде леденцов, не могут иметь какого-либо значения в жизни советских людей. Эти гроши, выделяемые Церковью из своих огромных доходов, способны лишь унижить человека.

Благотворительность не имеет никакого отношения к религии и потому является незаконной. Она противоречит и церковному вероучению» [разрядка наша. — *Сост.*].

Более оскорбительную для читателя беспардонную болтовню, полагаем, трудно где-либо сыскать в печати...

«Скрытая цель благотворительности духовенства [продолжает „поучать” журнал. — *Сост.*] — это попытки возвысить авторитет

Церкви и укрепить Ее влияние среди населения [...] Таким образом [?! — *Сост.*] „добрые деяния” церковников [...] преследуют „не вполне добрые цели”» (Против нарушения советского законодательства о культах // Наука и религия. 1960. № 5. С. 86).

Таким образом, доводя до логического конца «философию» цитируемого журнала, с неизбежностью следует, что, например, многомиллионные средства, не вытребованные, а пожертвованные русскими верующими людьми (или Русской Церковью, что одно и то же) на оборону нашей страны во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., ассигнованы были не на что иное, как на «не вполне добрые цели».

Вывод, с которым остается лишь поздравить почтеннейшую редакцию этого «научного» журнала!

Обратимся теперь к вопросу о личной христианской благотворительности.

Лица, коим действительно более или менее известны реальные «доходы» и расходы, скажем, Святейшего Патриарха Тихона или других «князей Церкви», а также личное отношение Святейшего Патриарха вообще к разного рода «доходам», держатся совершенно иного мнения по данному вопросу. Приведем здесь несколько первых попавшихся под руку выписок из печати былых времен об отношении к «доходам» некоторых наших архиереев и реальные (а не выдуманные в редакциях и на различного рода «процессах церковников») факты из этой области.

Например, в предреволюционное время, от Успенской Почаевской лавры «епархиальный [Житомирский и Волынский. — *Сост.*] Архиерей получал около 30 тысяч дохода в год. По свидетельству лаврских наместников, ко времени исчисления этого дохода от владыки Антония [Храповицкого] поступала написанная его рукой пачка денежных переводов с адресами тех лиц, которым должны быть разосланы следующие ему деньги. Это были стипендии учащимся, пособия нуждающимся священникам и их вдовам, различным просителям. Это была широкая благотворительность, оказываемая щедрою рукою» (*Рклицкий Н.* Блаженнейший Антоний. С. XXX).

Другой факт: «Известен случай, что Хозяйственным Управлением [Святейшего Правительствующего Синода. — *Сост.*] было срочно выслано одному монастырю 1000 руб. потому, что насельникам монастыря нечего было есть в самом точном смысле этого слова; и в Московской епархии есть монастыри, где братия кушает без хлеба (напр., ужинает)» (Деяние 62: 27. В. П. Шеин // Деяния. Кн. 6. Вып. 2. С. 149).

Не менее выразительна следующая выписка, касающаяся видного «князя Церкви», престарелого и больного (разбитого параличом) митрополита бывшего Московского и Коломенского Макария [Невского]:

«Потерпел наш Угрешский заточник и голод и холод, что еще более подорвало его здоровье. Некоторое время недостаток в пропитании на Угреше ощущался даже очень остро. Однажды нам прислали напоказ кусок хлеба, который подавали Святителю к столу — это был совершенно несъедобный ломоть, наполовину с отрубями, колючий» (Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М.: ПСТБИ, 1995. С. 51).

«Правду говорит пословица: от сумы да от тюрьмы не отказывайся. К Вашей любви прихожу с сумой: сотворите милость, наделите меня сахарным песком или сахаром — сегодня потребил последний свой запас. Если и у Вас нет, то и мне нечего думать о таком лакомстве». (Последняя выписка — из письма сего митрополита от 5—18.06.1920 г., к автору «Жизнеописания митрополита Макария (Невского)», епископу Арсению (Жадановскому) // Там же. С. 40).

Прекрасную отповедь всем непрошенным «исследователям» и счетоводам чужих денег дал митрополит Новгородский и Старорусский Арсений [Стадницкий] в своем выступлении на траурном заседании Собора 1917—1918 гг., посвященном памяти зверски убитого митрополита Киевского и Галицкого Владимира [Богоявленского], у которого — кстати сказать — перед смертью, убийцами обнаружено было всего-навсего лишь 100 рублей «деньзнаками» того времени.

Митрополит Арсений [Стадницкий] сказал: «Я уверен, что если бы те, кто в своем легкомыслии или по злобе [вот, это вернее! — *Сост.*] занимаются подсчетом архиерейских доходов и богатств, увидели бы скромную обстановку первого иерарха, они были бы посрамлены. Они убедились бы, какое неправильное понятие об архиереях составляется у людей, которые не знают сокровенной жизни их» (Речь митрополита Новгородского Арсения // Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 9—10. С. 342).

Что же касается христианской благотворительности интересующего нас Святителя — Святейшего Патриарха Тихона на различных этапах его Архипастырского и Первосвятительского служения народу, то, несмотря на общеизвестность (по крайней мере, в церковной среде!) этой стороны его деятельности, приведем несколько конкретных примеров.

По этому поводу, прежде всего, в одном из рукописных современных трудов, читаем:

«Его необыкновенная чуткость и отзывчивость проявлялись и в его широкой благотворительности, в щедрой и нераздельной помощи всем неимущим и обездоленным.

Редкую доброту Святейшего Тихона не могли отрицать даже его враги и часто бывали обезоружены ею. „Подите к Патриарху, попросите у него денег, и он вам отдаст все, что у него есть, несмотря на то, что ему — Патриарху, в его возрасте, измученному после богослужения, придется идти пешком, что и было недавно”, — сказал неизвестный Калиновский, один из зачинщиков церковной смуты» (Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха... См. наст. сб. С. 67).

Из более ранней поры — дореволюционного времени — когда, будучи епископом и архиепископом, Святейший Тихон располагал неизмеримо большими личными средствами (и когда деньги были значительно дороже!), приведем, для примера, следующие краткие сообщения на эту тему:

Нужды детского приюта Кадьякской Иоасафовской школы [Аляска] «принимаются к сердцу» епископом Тихоном, повелевшим отчислять на содержание сего приюта пятьдесят долларов из штатных сумм (Церковные Ведомости. Прибавления. 1901. № 41. С. 1556).

В селении Восток [Канада], епископ Тихон вносит свою щедрую лепту на церковь, богадельню, школу и читальню (Церковные Ведомости. Прибавления. 1901. № 41. С. 1557).

В Холме [Волынь], в торжественной обстановке, в связи с празднованием 25-летнего юбилея воссоединения униатов зачитывается и распространяется в народе историческая записка «О былых временах Православия и унии в Забужной Руси», отпечатанная в количестве 5000 экземпляров на пожертвованные для этой цели 150 рублей епископом Алеутским и Северо-Американским Тихоном (Церковные Ведомости. Прибавления. 1900. № 22. С. 866).

В Канаде, при объезде епархии, епископ Тихон жертвует на нужды местного Свято-Тихоновского Братства, — коего он состоит почетным покровителем, — 20 долларов (Церковные Ведомости. Прибавления. 1904. № 43. С. 1718).

В связи с началом русско-японской войны епископ Алеутский и Северо-Американский Тихон вносит на нужды Российского Красного Креста — 500 рублей и организует сбор средств в Америке (Церковные Ведомости. Прибавления. 1904. № 12. С. 453).

В 1905 году, «Апостол Японии» епископ Николай (Касаткин) трижды направляет епископу Тихону благодарственные письма за присылку денежных средств и церковно-богослужебных предметов для нужд русских военнопленных и раненых воинов, находящихся в Япо-

нии (Церковные Ведомости. Прибавления. 1905. № 11. С. 458—459; № 21. С. 882—884. № 29; С. 1221—1224).

Наконец, приводим сводку данных о личной благотворительности Святейшего Патриарха Тихона в бытность его архиепископом Ярославским и Ростовским и — затем — Виленским и Литовским. Точнее о тех проявлениях его личной благотворительности, которые просочились в тогдашнюю печать (1907—1915 гг.) и которые, таким образом, стали достоянием гласности. Желających убедиться в достоверности приводимых данных — отсылаем к сообщениям в Ярославских и Литовских Епархиальных Ведомостях за соответствующие годы.

В глазах непредубежденного, объективного читателя сводка эта никаких комментариев не требует. Перед «смотрящими же и не видящими» бисер метать не собираемся...

Итак: личные пожертвования архиепископа Тихона (Ярославского, а затем Виленского) на благотворительные и просветительские цели. (1907—1915 гг.). Неполный перечень по некоторым данным печати.

1907 г.

Угличскому Братству преподобного Паисия	50—00
Попечительству при Трехсвятительской церкви Ярославского духовного училища	50—00
Обществу взаимопомощи диаконов и псаломщиков Ярославской епархии	100—00
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	100—00
Ярославскому Епархиальному Комитету Православного Миссионерского Общества	100—00
Вклад в Толгский монастырь Ярославской епархии	500—00
Попечительству о бедных учениках Ярославской духовной семинарии	100—00

1908 г.

Сиротам священника с. Сеславина (Ярославского уезда) П. Головщикова	5—00
Благотворительному Обществу при церкви Троицы на Бору Ростовского уезда	25—00
Неимушим воспитанницам Ярославского женского училища духовного ведомства	1000—00
Попечительству о бедных учениках Ярославской духовной семинарии	1100—00

Попечительству при Трехсвятительской церкви Ярославского духовного училища	500—00
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	1100—00
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище (к его 25-летию)	100—00
Угличскому Братству преподобного Паисия	50—00

1909 г.

Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	1300—00
Строительной Комиссии по устройству нового храма в деревне Горелово Мологского уезда	50—00
Попечительству при Трехсвятительской церкви Ярославского духовного училища	600—00
Попечительству при Трехсвятительской церкви Ярославского духовного училища	50—00
Ярославскому Комитету «православного Миссионерского Общества»	300—00
Угличскому Братству преподобного Паисия	200—00
Иоанникиевской богадельне	25—00
Троице-Варницкой богадельне	25—00
Попечительству об учениках Ярославской духовной семинарии	100—00

1910 г.

Обществу духовной и материальной взаимопомощи бывших питомцев Санкт-Петербургской Духовной Академии	100—00
Ярославскому Братству Св. Димитрия	600—00
Попечительству об учениках Ярославской духовной семинарии	100—00
Троице-Варницкой богадельне	25—00
Ярославскому Комитету «Православного Миссионерского Общества»	350—00
Попечительству при Трехсвятительской церкви Ярославского духовного училища	50—00
Иоанникиевской богадельне	25—00
Угличскому Братству преподобного Паисия	50—00
Свято-Тихоновскому монастырю в Северной Америке	10000—00

1911 г.

Ярославскому Епархиальному Попечительству о бедных духовного звания	6800—00
Ярославскому Комитету «Православного Миссионерского Общества»	400—00
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	5500—00
Угличскому Братству преподобного Паисия	250—00

1912 г.

Обществу вспомоществования нуждающимся учащимся Новинской учительской семинарии	25—00
Ярославскому Комитету «Православного Миссионерского Общества»	50—00
Угличскому Братству преподобного Паисия	50—00
Ярославскому Епархиальному Комитету Трезвости	25—00
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	1700—00

1913 г.

Благотворительным учреждениям при Петропавловской церкви в городе Ярославле	100—00
Ярославскому Епархиальному Попечительству о бедных духовного звания	200—00
Ярославскому Братству Св. Димитрия	100—00
Ярославскому Епархиальному Училищному Совету на пособие нуждающимся преподавателям	5000—00
Братству Св. Димитрия на устройство религиозно- нравственных чтений	2000—00
Братству Покрова Божией Матери при Ярославском Епархиальном Ионафановском женском училище	1700—00
Ярославскому Комитету «Православного Миссионерского Общества»	550—00
Угличскому Братству преподобного Паисия	350—00
Ярославскому Епархиальному Попечительству о бедных духовного звания (на нужды богадельни)	25—00

1914 г.

На нужды Ярославского городского управления	1000—00
Ковенскому Отделению западнорусского Общества	50—00

Санкт-Петербургской Духовной Академии на пополнение библиотеки	100—00
Санкт-Петербургской Духовной Академии на пополнение ризницы	50—00
Виленскому Обществу «Русское Зерно»	50—00
Виленскому детскому приюту «Ясли»	10—00
Виленскому Обществу «Красного Креста»	100—00
Литовскому Епархиальному Попечительству о бедных духовного звания	200—00
Виленскому Комитету «Красного Креста» (в счет содержания двух кроватей для раненых)	200—00
Виленскому Комитету «Красного Креста» (в счет содержания двух кроватей для раненых)	1200—00
Виленскому Свято-Духовскому монастырю на устройство помещения для паломников	2000—00
Нуждающимся учащимся средних мужских и женских учебных заведений	100—00

1915 г.

Попечительству о бедных воспитанниках Литовской духовной семинарии	200—00
Братству Покрова Пресвятыя Богородицы при Борунской церковно-учительской школе	100—00
Виленскому Свято-Духовскому Братству	5500—00
Литовскому Патронату для выздоравливающих нижних чинов	100—00
Виленскому Свято-Духовскому монастырю	1000—00
В пользу бедных воспитанников Литовской духовной семинарии	200—00
Виленскому приюту имени о. Иоанна Кронштадтского	25—00
Литовскому Патронату для выздоравливающих нижних чинов	100—00
Певчим села Камень-Спасское Виленской епархии	10—00
Литовскому Обществу пострадавших от войны	100—00
Виленскому городскому попечительству о бедных	100—00
 Всего рублей	 56150—00

Пятьдесят шесть тысяч сто пятьдесят рублей 00 копеек.

При делении этой суммы на 9 лет получаем: 6238 рублей 00 к. в год.

При делении годовой суммы (6238.00) на 12 месяцев, получаем: 519 рублей ежемесячной траты личных средств на «никем» и «ничем» не побуждаемые дела милосердия!

«Лучше давать, чем брать» — говорит Священное Писание (а это невдомек «атеистам» и «фининспекторам»), и христианская душа не может не проявлять себя в доброделании.

Вместе с мудрецом античной древности Святейший Патриарх Тихон как от себя лично, так и от лица всей Православной Русской Церкви, возглавлявшейся им, имел полное право сказать, глядя с улыбкой на «инакомыслящих»:

«У меня есть лишь то, что я роздал!»

13. Поправка о времени снятия с себя сана С. Калиновским

Сообщение сомнительной достоверности. Калиновский снял сан с себя и ушел на антирелигиозную «работу» еще при жизни Святейшего Патриарха Тихона, о чем последний упоминает в одном из своих посланий, изданных по освобождению из заключения.

Что касается факта «пешего хождения» Патриарха после одного из богослужений, то это также вряд ли правдоподобно, так как служения его обычно происходили вдалеке от местожительства и ему неизменно бывал обеспечен транспорт. Как известно, он имел хотя не собственный, но постоянный выезд с известным всей церковной Москве Иваном Кирилловичем на козлах. Да и любой настоятель храма или приходской совет вряд ли бы отпустили Патриарха пешком после совершения им богослужения в их храме. Очень сомнительно...

[Калиновский Сергей Васильевич (ок. 1886—1930-е гг.), бывший священник. С 1910 г. священник Московской епархии. В 1917 г. полковой священник. С 1918 г. настоятель храма Гребневской Божией Матери на Лубянке. В 1919 г. безуспешно пытался создать «Рабоче-крестьянскую христианско-социалистическую партию». В 1921 г. организовал бесплатную столовую для голодающих при храме. С 1922 г. один из идеологов обновленческого раскола, издавал журнал «Живая Церковь». 13.05.1922 подписал первый программный документ московских, петроградских и саратовских обновленцев группы «Живая Церковь» под названием «Верующим сынам Православной Церкви России». В мае 1922 г. входил в группу обновленцев, ведущих переговоры со св. Патриархом Тихоном. С 18.05.1922 член обновленческого ВЦУ. В августе 1922 г. вышел из ВЦУ, вскоре заявил о снятии с себя священного сана. Последние годы жизни вел антирелигиозную пропаганду (Следственное дело... С. 915). — *Ред.*]

14. О последней архиерейской хиротонии, совершенной Святейшим Патриархом Тихоном

Последним ставленником Святейшего Патриарха Тихона, которого он хиротонисал в храме Большого Вознесения у Никитских ворот, в воскресенье 23.03(05.04).1925 года, уже будучи больным (за два дня до кончины), был Преосвященный Сергей [Никольский], епископ Ефремовский, викарий Тульской епархии. Как говорили тогда: в прошлом — офицер. Недолгое епископство его закончилось трагически: будучи арестованным в Бузулуке он затем переводится в Чкаловскую тюрьму, где 16 мая 1930 года был расстрелян как «контрреволюционер». Таким образом, цитата из приветственного слова, сказанного ему Патриархом, — приведенная в Сборнике, явилась, в буквальном смысле слова, пророческой.

[Сергий (Никольский) Михаил Александрович; 1892 — 16.05.1930), епископ Бузулукский, викарий Самарской епархии. Внук архиепископа Исидора (Никольского). Окончил Духовную Академию, кандидат богословия. 1923—1927 г. епископ Ефремовский, викарий Тульской епархии. Неоднократно арестовывался и находился в тюрьмах, не допускался властями к месту служения. В 1927 г. настоятель Скорбященского монастыря в г. Задонске. После выхода «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) на покое. В июне 1928 г. был осужден на 3 года ссылки. 27.04.1930 приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Расстрелян в г. Оренбурге на горе Маяк. — *Ред.*]

15. К кончине и погребению историка профессора В. О. Ключевского

Великий русский историк Василий Осипович Ключевский, заслуженный профессор Московской Духовной Академии и Московского университета, — скончался от гангрены ног 12.05.1911 года.

Родился В. О. Ключевский в 1839 г. в Пензе, в семье священника, среднее образование получил в Пензенской духовной семинарии. Затем окончил Исторический факультет Московского университета; 1872 — магистр русской истории; 1879 — экстраординарный профессор Московской Духовной Академии и доцент Московского университета; 1882 — доктор русской истории.

Автор классического труда: «Курс русской истории» — 4 тома; работ: «Боярская дума на Руси», «Жития святых как исторический источник» и многих других.

Погребен В. О. Ключевский на старом кладбище Московского Донского монастыря, у алтаря летнего (большого) собора.

Отметим тот факт, что в своем послании от 28.08(10.9).1920 г., изданном в связи с закрытием Свято-Троицкой Сергиевой лавры и

глумлением над мощами преподобного Сергия, Святейший Патриарх Тихон цитирует В. О. Ключевского.

Он писал:

«Наш знаменитый историк Ключевский, говоря о преподобном Сергии и о значении его и основанной им лавры, предвещал: „Ворота лавры Преподобного затворятся и лампы погаснут над Его гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашими великими строителями Земли Русской, как Преподобный Сергий”.

Ныне закрываются ворота лавры и гаснут в ней лампы...» и т. д. [Акты... С. 168. — *Ред.*]

О В. О. Ключевском см. также биографический очерк: *Шабатин И., проф.* Ключевский В. О., великий русский историк (Доклад в МДА 26 апреля 1966 г.) // ЖМП. 1966. № 7. С. 71, а также и воспоминания о нем см.: Федор Иванович Шаляпин. [Сборник. В 2-х т.] М., Искусство, 1957—1958.

16. [Об отношении Святейшего Патриарха Тихона к еврейским погромам

Введение в научный оборот новых источников позволяет точнее оценить линию, которой придерживался Первосвятитель в послереволюционный период, стараясь отмежеваться и от вовлеченности в политическую борьбу и от надуманных обвинений. Одним из таких документов является ранее неизвестное обращение Патриарха в СНК от 1 августа 1919 г.¹ Это ответ на статью «некоего Карина», обвиняющего Церковь в «безудержной антисемитской и белогвардейской агитации» и организации погромов. Как одна из многих подобных статей, она является документом эпохи, характеризующим методы и приемы большевистской печати в борьбе с идеологическими противниками². В связи с этим, но главным образом для того чтобы понять смысл дальнейшей полемики, приведем ее текст полностью:

«Рясофорные погромщики»

Во вчерашнем № «Известий» была помещена телеграмма из Киева, в которой сообщалось, что на заседании союза пастырей Киева и киевской епархии было внесено предложение о том, чтобы духовенство отмежевалось от погромов и обратилось с соответствующим заявлением к населению. «Почтенное» собрание с епископом Василием во главе единогласно это предложение отклонило. Таким образом, киевские пастыри не сочли даже нужным отмежеваться, хотя бы на словах, от тех ужасов и зверств, которые творили и творят над мирным еврейским населением Украины банды Григорьева, Зе-

¹ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 126. Л. 8—9.

² Формальным поводом для публикации послужило телеграфное сообщение из Киева, опубликованное под заголовком: «Они за погромы». (Известия ВЦИК. 1919. № 165 (717). 29 июля).

ленного, Петлюры и т. д. В этом нет ничего удивительного. Наше духовенство все время шло в авангарде отечественных погромщиков. Все кошмарные погромы царизма совершались при непосредственном идейном и фактическом участии священнослужителей всех рангов. Рясофорные погромщики именем Христа натравливали черную сотню и одурманенную несознательную толпу на евреев. Именем Христа люди-звери, натравленные попами и жандармами, разбивали головы восьмидесятилетних стариков и бросали с трехэтажных домов грудных младенцев.

Мы хорошо это помним. Кошмар гомельского и кишеневского погромов еще стоит у нас перед глазами. То же происходит теперь на Украине, но в гораздо более ужасных размерах; то же черные вороны реакции хотят вызвать и у нас, в Советской России.

Ни для кого не секрет, что почти по всем церквам Москвы святые отцы ведут самую безудержную антисемитскую и белогвардейскую агитацию в проповедях, под видом религиозных беседований и т. д.

Добровольные, самые злостные агенты Колчака и Деникина, они разжигают человеконенавистнические инстинкты своих слушателей. Призванные поучать свою паству заветам любви к ближнему, служители алтаря своей погромной агитацией кошунственно оскверняют имя того, представителем которого на земле они являются. Но это их дело.

Советская власть не может попустить, чтобы такая агитация велась безнаказанно. Пользуясь полной неприкосновенностью, пользуясь полным вмешательством государственной власти в дела религии, они используют богослужебные места меньше всего для совершения культа, а, главным образом, для безудержной антиеврейской и антисоветской травли.

Не нам учить святых отцов заветам правды и любви. В этом они сами должны быть большими «специалистами».

Не знаем, состоится или уже состоялось собрание московских пастырей, не знаем, было ли там внесено какое-нибудь решение, одобряющее или порицающее погромы, не знаем даже мнения по этому поводу патриарха Тихона, но так или иначе в Красной Москве не может быть места позабывшим свои прямые обязанности священствующим погромщикам.

Советская власть совершенно не вмешивается в дело религии, она отделила церковь от государства и не мешает всякому верить так, как он хочет, и в этом отношении поставило верующих в условия, которых для них не существует почти ни в одной стране, ни в одном государстве. Власть трудящихся отняла только у духовенства их земли, их богатства, их привилегии и преимущества и отняла у него возможность дурачить в школах подрастающее поколение.

И если святые отцы, не желая мириться с потерей всего этого, в дикой злобе призывают несознательные массы на погромы и зверские расправы, советская власть должна раз навсегда поставить их на место и сказать им: „Довольно!“ Карин» (Известия ВЦИК. 1919. № 166(718). 30 июля. С. 3).

Таким образом, в адрес Церкви и Патриарха был выдвинут ряд обвинений. Вполне очевидно, что обвинение в погромах являлось лишь логическим поводом к тому, чтобы доказать *антисоветскую* и *антиобщественную* сущ-

ность самого церковного института; так как тот, кто провоцирует и принимает участие в погромных эксцессах, видимо, с легкостью сделает подобное и по отношению к власти, противником которой является. Не случайно автор связывает воедино антисемитизм и «белогвардейскую агитацию».

Карин вводит в заблуждение читателей, что не известно мнение Патриарха Тихона относительно погромов. В своем послании от 21 июля 1919 г., т. е. буквально за неделю до публикаций в «Известиях» о погромных настроениях духовенства, обращаясь к «чадам Православной Российской Церкви», Святейший пишет: «Доносятся вести о еврейских погромах, избииении племени без разбора возраста, вины, пола, убеждений. [...] Православная Русь! Да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятие. [...] Помни: погромы — это торжество твоих врагов. Помни: погромы — это бесчестие для тебя, бесчестие для Святой Церкви!»¹ Из вышеизложенного еще раз можно заключить, что обвинения автора статьи весьма далеки от действительности. Видимо, именно тот факт, что позиция Церкви относительно погромов довольно четко была сформулирована незадолго до этого в патриаршем послании, и поэтому вызвала немедленную реакцию Предстоятеля Русской Православной Церкви. Приведем это письмо Патриарха Тихона полностью:

«В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Вынуждаюсь обратить Ваше внимание на непрекращающуюся в лубочных и официальных изданиях травлю против Православной Церкви и Ее служителей, — травлю, принявшую чисто погромный характер. Православной Церкви навязываются настроение и вины, вовсе ей несвойственные. Из непроверенных сообщений делаются спешные выводы, и авторы статей, направленных против Православной Церкви и ее служителей, изошряются в усилиях причинить ей боль и опорочить ее действия.

В № 166—718 Известий ВЦИК-СРККД-МСРКД помещена статья некоего Карина „Рясофорные погромщики“. Основывая свои выпады на неправдоподобном, во всяком случае непроверенном телеграф[ном] сообщении из Киева, гр[ажданин] Карин поносит Православную Церковь и духовенство, называет последнее „авангардом отечественных погромщиков“, „натравливающих именем Христа черную сотню и одурманенную несознательную толпу на евреев“, „злостными агентами Колчака и Деникина“, „разжигающими челоовеконенавистнические инстинкты своих слушателей“, „использующими богослужебные места главным образом для безудержной антиеврейской и антисоветской травли“, „позабывшими свои прямые обязанности погромщиками“ и т. д. Не довольствуясь этим, гр[ажданин] Карин берет огульно под подозрение почти всю Московскую Церковь, донося по начальству: „Ни для кого не секрет, что почти по всем церквам Москвы святые отцы ведут самую безудержную антисемитскую и белогвардейскую агитацию в проповедях, под видом религиозных собеседований и т. д.“

¹Послание Святейшего Патриарха Тихона чадам Православной Российской Церкви от 08(21).07.1919 // Акты... С. 160—161.

Мы с негодованием отмечаем весь этот погромный беззастенчивый поклеп на Св. Православную Церковь. Отношение ее к погромам достаточно определилось во дни печальной памяти минувших еврейских погромов. Кто, как не духовенство, выступало против погромов и устно и печатно? Кто останавливал стихийную резню еврейского племени? Если гр[ажданин] Карин не помнит этого, не помнит статей архиепископа Антония Храповицкого¹, о Иоанна Кронштадтского², то пусть не спешит с своими обобщениями и стремления к погромной агитации, не сваливает с больной головы на здоровую.

Мы с негодованием отмечаем и то утверждение автора, будто „ни для кого не секрет, что почти по всем церквам Москвы святые отцы ведут самую безудержную антисемитскую и белогвардейскую агитацию в проповедях и т. д.” Мы убежденно заявляем: это неправда. И такая „осведомленность” автора поистине изумительна, если сопоставить с ней его дальнейшее признание в неосведомленности: „Не знаем, — пишет он, — состоится или уже состоялось собрание московских пастырей, не знаем, было ли вынесено там какое-нибудь решение, одобряющее или порицающее погромы, не знаем даже мнения по этому поводу патриарха Тихона”.

Вот это и удивительно: знать, что происходит почти во всех церквах Москвы, читать в беседах пастырей белогвардейскую и антисемитскую агитацию и не быть знакомым с действительно известным Московскому православному населению отношением Патриарха Тихона к большому вопросу о погромах и с теми взглядами, какие преподаны им в руководство по этому вопросу всем верным чадам Российской Православной Церкви, и какие изложены в его послании, написанном после покушения на его жизнь. Копию этого послания при сем прилагаем³. Не наша вина, что лишение нас средств к опубликованию наших обращений к народу ограничивает распространение их и ту пользу, какую в настоящие трудные часы могли бы принести мятущемуся обществу.

Остается согласиться с гр[ажданином] Каринным только в той части его утверждения, что действительно „Советская власть поставила верующих в условия, которых для них не существует почти ни в одной стране, ни в одном государстве”. О, да. Это правда. Самая горькая правда.

Нас зовут отмежеваться от погромов. Мы это всегда делали. Мы не окажемся в числе погромщиков.

Но мы зовем и вас: отмежеваться от погромщиков, травящих наподобие гр[ажданина] Карина неповинную часть русского населения. Такие погромщики неизмеримо больше вреда принесут Советской власти и стоящему под угрозой стихийной резни злосчастному еврейскому племени, чем самая

¹ К кишиневскому бедствию. Слово, сказанное 30 апреля 1903 г. епископом Антонием. См.: Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. 1. Пг., 1919. С. 356.

² Слово о. Иоанна Кронштадтского. Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями в Кишиневе. Там же. С. 353.

³ Очевидно, что речь идет о послании от 08(21).07.1919.

„безудержная антисоветская и антиеврейская агитация” „рясофорных громщиков”.

Патриарх Тихон.
1919 года Авг. 1 дня. Москва»

(ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 126. Л. 8—9.)

Как мы видим, Первосвяtitель четко дистанцируется от обвинений Церкви в экстремизме и контрреволюции. Вряд ли он рассчитывал, что это обращение облегчит положение Церкви. Тем не менее, в соответствии со своей последовательной позицией, отстраняясь от какой-либо политической борьбы с советской властью, Патриарх считает своим долгом защищать устои церковной жизни от ложных обвинений. (Публ. по: *Лобанов В. В.* «Вынужден обратить ваше внимание...» (Обращение Патриарха Тихона в СНК от 1 августа 1919 г.) // Вопросы гуманитарных наук. 2004. № 6. С. 34—40). — *Ред.*]

17. Подложное послание Святейшего Патриарха Тихона от 6(19).12.1922 г.

23.11(06.12).1922 г. появляется в Москве и ходит по рукам подложное послание Святейшего Патриарха Тихона об анафематствовании обновленческого ВЦУ.

Апокриф этот проникает также и за границу и публикуется эмигрантской прессой. (Иные говорили, что послание это сфабриковано было за границей и уже оттуда проникло к нам. Могло быть и так и этак; существенного значения это не имеет.)

Посетивший значительно позже Москву, митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский), в своих опубликованных воспоминаниях о поездке, между прочим, писал: Святейший Патриарх Тихон «как Великий Господин Российской Церкви, в котором, вследствие уничтожения большевистской властью Священного Синода, по воле Всероссийского Собора и существу Первосвяtitельского служения, сосредоточилась вся Высшая Церковная Власть, в своей краткой грамоте к Церкви, данной еще из узилища Донского монастыря (6 декабря 1922 года), назвав „Высшее церковное управление” антихристовым учреждением, анафематствует его» (*Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. С. 238).

По выходе из заключения, знакомясь постепенно с событиями и документами, накопившимися в Церкви за время его отсутствия, Святейший Патриарх Тихон встречается, наконец, и с посланием неизвестного автора, скрепленным подписью: «Патриарх Тихон».

Кроме того, Е. А. Тучковым (по-видимому) передается Патриарху для ознакомления и экземпляра белоэмигрантской газеты «Дни», где также воспроизводится это послание.

Опровергая этот подлог, Святейший Патриарх публикует в советской печати следующее письмо:

«В редакцию газеты „Известия ВЦИК”.

Гражданин редактор!

Покорнейше прошу не отказать поместить в Вашей газете следующее опровержение:

В заграничной газете „Дни” от 28.5 (10 июня) с. г. за № 184 напечатано послание, якобы исходившее от меня, по поводу отношения Нашего к ВЦУ и Советской власти, датированное 23.11 (6 декабря) 1922 года в Донском монастыре.

Настоящим заявляю, что такого послания я не писал, и что такое является поддельным и не соответствующим Нашему взгляду. Это не что иное, как новая попытка зарубежных врагов Советской власти использовать Нас еще раз, как Патриарха, в политических антисоветских целях.

Донской монастырь, 10 июня 1923 года [н. ст].

Патриарх Тихон».

(Среди церковников // Известия. 1923. № 153(1890). 5 июля. С. 5.)

18. Переговоры с обновленцами о примирении их с Православной Русской Церковью

Говоря в своей статье, что «стремясь не на словах только к истинному церковному миру, Святейший Патриарх поручил состоявшему при нем архиерейскому Синоду вести переговоры с главарями обновленцев о присоединении их к Православной Церкви», автор затрагивает один из существеннейших и тяжелых моментов тогдашней церковной жизни.

Было известно, что «часть обновленческого епископата тяготилась отчуждением от Святейшего Патриарха и очень желала найти пути к примирению с ним. К таковым принадлежали Преосвященные: Иннокентий [Пустынский], Иувеналий [Машковский], Иосиф [Ясковский], Лоллий [Юрьевский] и др. Некоторые из них покинули обновленцев и примирились со Святой Церковью.

Митрополит Евдоким (Мещерский) [...] не мог не видеть, что Синод не в силах задержать поступательного хода истории, что вот-вот наступит крах „нового порядка”, и он ищет путей к переговорам со Святейшим Патриархом Тихоном, жертвуя многим [? — *Сост.*] и во многом идя на компромисс [? — *Сост.*]. [...]

Со стороны обновленческого Синода для ведения переговоров были выделены архиепископы Алексей [Баженов] Казанский и Серафим [Руженцев] Владимирский. Святейший Патриарх, желая

умиротворить Церковь и надеясь на успешный исход переговоров, выделил своих делегатов, Преосвященных архиепископов Крутицкого¹ Илариона [Троицкого] и Серафима [Александрова] Тверского. Православная иерархия требовала от обновленцев отказа от женатого епископата, запрещения второбрачных и третьобрачных клириков, признания Святейшего Патриарха законным Главой Церкви Российской. Обновленцы шли на уступки и были готовы предложить женатым епископам отпустить от себя своих жен или уйти на покой без права служения архиерейским чином. Второбрачных же готовы были лишить сана. Но они упорно требовали отказа Святейшего Патриарха от управления Церковью и удаления на покой до созыва нового Поместного Собора в Гефсиманский скит [возле Троице-Сергиевой лавры. — *Сост.*] или иную обитель. Новый Собор должен был пересмотреть все дело Патриарха и вынести свое объективное решение. Потом, в ходе переговоров, они хотели, чтобы при Патриархе, если он останется или будет избран другой, всегда состоял и действовал Священный Синод и чтобы этот Синод ограничивал Патриарха в его функциях и он без обсуждения в Синоде не решал никаких дел. Переговоры этой смешанной комиссии не привели ни к чему.

Требования обновленцев об уходе Патриарха со своего поста были наглыми. Никто не мог согласиться с этим, потому что это привело бы к признанию власти Синода, незаконно возникшей. Это означало бы сдачу православных позиций, укрепление авторитета обновленцев и признание суда над Патриархом законным и справедливым.

Разумеется, никто не мог удовлетворить дерзких требований разбойничьего Синода» (*Сергий (Ларин), епископ*. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол. С. 353—354]).

Или, как сказано в другом месте короче: «Руководители Живой Церкви, подталкиваемые мирянами, сами подняли вопрос о соединении с Патриаршей Церковью. Патриарх не имел оснований уклониться от обсуждения этого вопроса, так как дело шло о спасении многих, отторгнутых от церковного единства, настаивая только на каноническом порядке соединения. [...] С августа 1923 г. по ноябрь тянулись эти переговоры, из которых стало ясно, что руководители Живой Церкви на вопрос соединения смотрят, главным образом, с точки зрения сохранения своих личных преимуществ» (*Стратонов И. А., проф.* Русская церковная смута. С. 97).

¹ Титула «Крутицкого» архиепископ Иларион [Троицкий] никогда не имел; он постоянно именовался Верейским, управляющим Московской епархии.

Первое свидание представителей сторон происходит 13(26).08.1923 г. на квартире «лидера» обновленческих авантюристов, «митрополита» Евдокима [Мещерского]. Здесь, в продолжение 2-х часов рассматриваются взаимные претензии и предложения о мерах к изжитию раскола.

Одним из неперемных условий «примирения» со стороны обновленцев «митрополит» Евдоким выдвигает требование о необходимости немедленного созыва Собора Православной Русской Церкви. По мысли обновленцев (по крайней мере, некоторых из них) Собор должен быть собран и открыт Патриархом Тихоном, после чего происходит церемония «восстановления» его в сане со стороны обновленцев. Через некоторое время после этого Патриарх должен сделать Собору заявление о сложении с себя патриарших полномочий и устранившись от управления Церковью (См.: *Гervasий [Малинин], епископ*. Одна из прежних попыток староцерковников к примирению со Св. Синодом РПЦ // Вестник Священного Синода... 1927. № 4—17. С. 23).

Следует отметить, что самый день встречи представителей русского епископата с раскольничьими «лидерами» был не обычным будничным днем; во-первых, готовилось большое дело — покаяние и прием в Церковь совратившегося в обновленческий раскол и более года косневшего в нем виднейшего из наших иерархов, митрополита Владимирского Сергия [Страгородского] (чин покаяния осуществлен был на следующий день вечером, в канун праздника Успения Божией Матери, за патриаршим служением всенощного бдения в старом соборе Донского монастыря), а кроме того, этот день был днем тезоименитства Святейшего Патриарха. Святейший совершал в этот день торжественную литургию в летнем (большом) соборе Донского монастыря, в сослужении сонма архиереев, съехавшихся со всех концов на день Ангела Первосвятителя, — принести ему свои поздравления и благопожелания.

Поэтому, очевидно, во второй половине дня вернувшиеся сюда после переговоров с обновленцами архиепископы Серафим [Александров], Иларион [Троицкий] и Тихон [Оболенский], с благословения Святейшего Патриарха (и — надо думать — после краткого доклада ему о происходившем собеседовании) пригласили гостей-иерархов в Михайловский храм монастыря (впоследствии «музей надгробий»), для сообщения им результатов первой своей встречи с обновленческим «лидером» по вопросу о примирении сторон. (Может быть, совещание предусмотрено было и заранее.)

Этот импровизированный Собор Архиереев в Михайловском храме составили 27 епископов.

Сохранились имена некоторых из них:

1. Тихон [Оболенский], архиепископ Уральский и Покровский
 2. Серафим [Александров], архиепископ Тверской и Кашинский
 3. Петр [Полянский], митрополит Крутицкий
 4. Иларион [Троицкий], архиепископ Верейский, в. у. Московской епархии
 5. Пахомий [Кедров], архиепископ Черниговский и Нежинский
 6. Амвросий [Полянский], епископ Каменец-Подольский
 7. Борис [Рукин], епископ Можайский
 8. Вассиан [Пятницкий], епископ Новогеоргиевский
 9. Парфений [Брянских], епископ Ананьевский
 10. Гервасий [Малинин], нареченный епископ Арзгирский и др.
- Святейший Патриарх Тихон на Соборе 27-ми епископов не присутствует.

Первым, с докладом перед иерархами, выступает архиепископ Тверской и Кашинский Серафим [Александров].

В позднейшем изложении обновленческой печати произносившиеся на Соборе речи выглядят следующим образом:

Выступление архиепископа Тверского и Кашинского Серафима:

«Богомудрые архипастыри, мы только что сейчас, в количестве 3-х уполномоченных Святейшим Патриархом Тихоном лиц, были у высокопреосвященнейшего митрополита Евдокима, где около двух часов беседовали с ним обстоятельно по вопросу о ликвидации нашего церковного разделения. Высокопреосвященнейший митрополит Евдоким предложил нам обсудить три вопроса по этому делу безотлагательно, принципиально с коими мы согласились. Это: 1) согласны ли мы на примирение с ними. Если мы согласны, то надо, 2) завести сношения и начать совместную подготовительную работу к предстоящему Поместному Собору и 3) Поместный Собор открывает Святейший Патриарх Тихон. На этом Соборе Патриарх Тихон должен отказаться от управления Церковью и уйти на покой. Если мы согласны будем провести все это в жизнь, то высокопреосвященнейший Евдоким дал нам обещание, что Патриарх Тихон будет на Соборе ими восстановлен в сущем сане...»

[Вопрос одного из присутствующих епископов, имени которого автор статьи не помнит. — *Сост.*] «Скажите, Ваше Высокопреосвященство, знает ли о всем этом нашем собрании и предметах обсуждения его сам Святейший Патриарх Тихон? Если он знает, то как он смотрит на все это?»

На этот вопрос последовал следующий ответ архиепископа Тверского Серафима: «Мы ни одного шагу ступить в делах церковных не

можем без воли Патриарха Тихона. Конечно, обо всем этом я Святейшему докладывал и просил его благословения на собрание. Святейший Патриарх Тихон мне ответил так. Я привожу буквальные слова Его Святейшества: «Надоел я вам, братцы, возьмите метелку, да и гоните меня». По-видимому бы, Патриарх Тихон ничего не имел против того, если ему для блага Церкви необходимо отойти в сторону от кормила правления Русской Церкви».

Выступление епископа бывшего Винницкого (Каменец-Подольского) Амвросия [Полянского]:

«Меня удивляет и мне не совсем понятно почему Вы, Ваше Высокопреосвященство называете Евдокима высокопреосвященнейшим митрополитом. Признаете ли Вы его за законного архиерея?»
Архиепископ Серафим ответил утвердительно, что он пока его признает законным архиереем и что этот вопрос спорный. Далее епископ Амвросий продолжал: «А для меня и, наверное, и для других, здесь присутствующих, Евдоким вовсе не высокопреосвященнейший митрополит, а бывший архиепископ, потому что он присоединился к отщепенцам, самозванному духовенству, отколовшемуся от Святейшего Патриарха Тихона и (по его идеологии) от Церкви Христовой. Сами посудите, кто у них первыми вершителями дел были? Бывший епископ Антонин [Грановский], состоявший на покое в Заиконоспасском монастыре. Он из личных счетов пошел против Патриарха Тихона, а к нему примкнули и прочие из духовенства с темным прошлым. Антонин оказался богохульником. Он, как нам известно, идет против почитания святых угодников Божиих, признает только Святую Троицу и священные события из жизни Христа и Богоматери, иконостас он называет ненужной перегородкой, которую пора, по его словам, сломать, он не признает крещения младенцев и причащает по-католически. Епископ Леонид [Скобеев] — нам мало известная личность, но он, несомненно, подкуплен, дабы расшатать канонические устои Святого Православия. Введенский, бывший Петроградский священник, а теперь женатый архиерей, чуть ли не из евреев; священник Боярский высказывался кощунственно на их незаконном Соборе 1923 г. против почитания святых мощей. Вот эти опороченные люди и восстали против Святейшего Патриарха Тихона и Святого Православия, и Святейший Патриарх во всяком случае не мог им поручать управления Церковью и образовывать ВЦУ. Некоторым из них лицам поручено было только патриаршую канцелярию привести в порядок, а они, воспользовавшись этим, самочинно захватили и патриаршую власть в свои руки, образовали ВЦУ и устроили незаконный Собор. Вот к ним и присоединился бывший архиепископ Евдоким и тем самым от-

колосся от Церкви Христовой, а посему он не может быть законным архиереем». [...]

Выступление архиепископа Верейского Илариона:

«Да, для нас фактически митрополит Евдоким не является законным митрополитом, как сам отколовшийся от Церкви Христовой, но Церковь-то Христова своим постановлением юридически еще ведь не санкционировала его отпадение и ниспадение в разряд мирян. Она его еще терпит в сущем сане. Вот когда будет Собор, то все это будет рассмотрено, и если Собор признает митрополита Евдокима и других виновных отпадшими и сделает свое окончательное решение о сем, тогда мы не вправе будем величать владыку Евдокима **Высокопреосвященнейшим**». Все-таки епископ Амвросий с этим не согласился. «Архиепископ Иларион еще раз высказался, что он везде бывал, много говорил по церковному вопросу с компетентными людьми и пришел к тому заключению, что для них, тихоновцев, — больше выхода нет, как только одно — подойти в Священному Синоду Российской Православной Церкви, — договориться с обновленцами, не нарушая канонических устоев Православной Российской Церкви. Все наше разделение, говорил архиепископ Иларион, основано только на недовольстве некоторыми иерархами и православными мирянами личностью Патриарха Тихона». [...]

Выступление епископа Новогеоргиевского Вассиана [Пятницкого]:

«Я слышал на улице [?! — *Сост.*], один из моих знакомых светских людей, встретился и сказал: „Владыка, у вас сегодня будет собрание в Михайловском храме. Будете обсуждать о том [?! — *Сост.*], как подойти к обновленцам и примириться с ними. Митрополит Евдоким признает Патриарха Тихона Патриархом, через него откроет Поместный Собор, удалит его на покой, провозгласив себя Патриархом. Но едва ли кто пойдет за Евдокимом, потому что он идет против монашества. Как все это могло случиться и допускаете ли вы возможность притязаний на Патриаршество со стороны митрополита Евдокима”». [...]

И наконец:

«Один из епископов (не помню имени его) спросил архиепископа Серафима [Александрова] и не получил на это ответа: „...Я не понимаю, почему мы должны идти к обновленцам по их предложению мириться? Если это им нужно, пусть они к нам идут для примирения. Мы будем очень рады”».

(Все приведенные выше цитаты о выступлениях епископов на Соборе, в Михайловском храме, почерпнуты из статьи «епископа» Гервасия (Малинина) из «Вестника Священного Синода...» за 1927. № 4—17. С. 23—24.)

Собор не выносит какого-либо решения по докладу архиепископа Серафима но, по-видимому, одобряет дальнейшие усилия Православной Церкви к возвращению в свое лоно раскольников.

По другим данным, совещание резко разделилось на две группы, причем архиереи — представители Данилова монастыря — выступили с организованным энергичным убеждением собравшихся святителей в явной неканоничности и гибельности для Русской Церкви этого умысла против Святейшего Патриарха, грозящего не успокоением Церкви, а новой смутой.

Как бы то ни было, но, в результате, совещание подтверждает неизменную преданность и послушание епископата Святейшему Патриарху и каноническим устоям Русского Православия.

В народе же, — в ходе дальнейших переговоров с обновленцами — начинают циркулировать, главным образом, две версии предполагаемого соглашения между сторонами. Вкратце они сводятся к следующему:

1. В итоге соглашения должен быть создан Синод в составе 6-ти представителей Православной Русской Церкви («тихоновцев») и 6-ти представителей обновленческой иерархии (из числа канонически правильно поставленных епископов). Председательствует в Синоде Патриарх, права и обязанности коего несколько изменяются в сторону их ограничения; он становится подотчетным Синоду, отчитываясь перед ним за каждый межсессионный период.

Точнее, роль Патриарха отныне сводится лишь к почетному Председательствованию в Синоде; к символическому возглавлению Церкви.

Обновленческий глаголемый епископат из брачных священников и женившихся монахов, а также второбрачный клир ликвидируются: отпускаются «на покой» с пожизненным запрещением в священнослужении.

Церковь Русская переходит на новый («григорианский») календарный стиль.

2. Весь статут патриаршего строя в Православной Русской Церкви, разработанный и утвержденный Собором 1917—1918 гг., остается неизменным. Патриарх Тихон возглавляет Синод из 12-ти иерархов (по 6-ти от каждой стороны), но по истечении некоторого времени (приблизительно 3—4 месяца) с момента образования этого Синода, «по своему почину» подает на имя Синода заявление об уходе на покой и о сложении с себя обязанностей и прав Главы Русской Церкви, с назначением Патриаршего Местоблюстителя, который временно, до избрания нового Патриарха, возглавляет Патриарший Синод.

Наиболее рьяными противниками вообще какого бы то ни было соглашения и примирения между сторонами, со стороны обновленцев, называют клику незаконных брачных «архиереев» во главе с митрополитом «всая Сибири» (или «сибирским котом», как именовал его Святейший Патриарх Тихон) Петром [Блиновым].

Замечательно, что в самый день первой встречи сторон, 13(26).08.1923 г., в письме на имя обновленческого Рязанского Церковного Управления, «митрополит» Евдоким отваживается на лживое освещение происходящего, когда в этом письме сообщает о полном «разложении», царящем будто бы в Донском монастыре (т. е. в «лагере» Святейшего Патриарха Тихона) в связи с начавшимися переговорами. Сообщает и о несуществующей в действительности резолюции примирительного совещания и низложении Патриарха.

Одновременно не сидят сложа руки и другие многообразные враги Церкви. Так, центральная гражданская пресса, со слов «лидера» «Живой Церкви», «протопресвитера всея Руси» В. Д. Красницкого, торопится сообщить своим читателям, что Святейший Патриарх Тихон и его «партия», после освобождения Патриарха из заключения, стали будто бы вести тайные переговоры с Троицким подворьем, т. е. с засевшими в нем обновленцами, о примирении, которое было почти достигнуто, но не состоялось» т. к. главой Церкви, с одной стороны выдвигался Патриарх Тихон, а с другой — митрополит Евдоким» (Среди церковников: На диспуте // Известия ВЦИК. 1924. № 216(2251). 21 сентября. С. 5).

Что же касается лагеря штатных безбожнических мракобесов, то эти, с присущей им деревенской развязностью и наглостью, в своем «Безбожнике», в статье: «Капитуляция тихоновщины» [одно заглавие чего стоит!! — *Сост.*], пишут:

«Нам сообщают, что по почину сторонников Тихона, в настоящее время, с согласия б. [«бывшего»! — *Сост.*] Патриарха, ведутся переговоры об условиях присоединения тихоновцев к обновленческому движению» [разрядка наша. — *Сост.*] (У церковников: Капитуляция тихоновщины // Безбожник. 1923. № 38. С. 6).

Словом, все — совершенно наоборот. У этих господ, по обыкновению, заворот кишок в голове и они пытаются уверить своих незадачливых читателей в том, что не Волга впадает в Каспийское море, а наоборот. И хотя это не верно, но в достаточной степени «чудно». А, как говорится, чем чуднее, тем скорее прославишься, что, собственно, и требуется.

Словом, и в этом случае, враги Церкви изошрялись на все возможные и невозможные манеры.

Но именно поэтому, ввиду жутьнических, провокационных и совершенно несерьезных, не идущих к делу, трюкаческих способов ведения переговоров со стороны раскольнических «лидеров» и их подпевал, таковые, естественно, должны были окончиться и окончились полнейшим провалом, и обновленцы остались, как выражался про них Антонин [Грановский], «со своими свадебными бубнами», — что им было, очевидно, дороже всего...

По-видимому, время для их покаяния тогда еще не пришло, и лишь в середине сороковых годов им пришлось поодиночке, и уж по всей форме, каяться, превращаясь на глазах у изумленных зрителей из «митрополитов» и «архиепископов» — в диаконов, иеромонахов и псаломщиков.

Автор статьи нашего Сборника пишет: «В высокой степени интересно и крайне важно для характеристики этих переговоров, сорванных заправилами обновленчества, письмо к ним архиепископов Тихона [Оболенского], Илариона [Троицкого] и Серафима [Александрова], работавших в Патриаршем Синоде».

Этим письмом мы и закончим настоящее примечание о провокационной попытке обновленцев (вряд ли предпринятой без «благословения» Е. А. Тучкова) «примириться» с законным священноначалием и каноническим возглавителем Церкви, Святейшим Патриархом Тихоном, — перед которыми они были столь тяжко виновны и которые, несмотря на это, с радостью и готовностью стремились покрыть христианской любовью все причиненное и им, и Церкви в целом, зло.

Текст этого письма — заключительного документа в ходе переговоров — таков:

«Евдокиму, митрополиту Одесскому и Херсонскому.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко! Мы получили отношение возглавляемого Вами Синода от 13 (26) октября с. г. за № 2495, в котором мы поставляемся в известность, что Вы считаете возможным продолжать переговоры о церковном мире на условиях:

- а) Удаление Патриарха Тихона от дел управления.
- б) Удаление его на жительство, впредь до Собора, в Гефсиманский скит.

в) Перенесение окончательного решения дела Патриарха на Собор.

Мы пришли в крайнее недоумение, когда увидели, что в упомянутом отношении об этих условиях Вы говорите как о „признанных нами ранее приемлемыми“. Это непонятное для нас обстоятельство побуждает нас привести на память краткую историю наших ранних переговоров.

Получив Ваше первое приглашение при первой встрече с Вами и А. И. Новиковым 13(26) августа с. г. мы, с благословения Святейшего Патриарха Тихона, вели лишь предварительные переговоры для ознакомления с Вашими предложениями, которые мы обязаны были потом подвергнуть на благоусмотрение Святейшего Патриарха и на обсуждение православных епископов, сохранивших каноническое общение со своим законным Первосвятителем. Вполне понятно, что принимать какие-либо условия в виде резолюций до выяснения взглядов сонма епископов едва ли можно, не имея на то никакого права и никаких полномочий; мы тогда же неоднократно, в самой решительной форме заявляли, что никаких резолюций принимать мы не можем.

На нашем совещании 13(26) августа и не было принято никаких постановлений, не было вынесено никаких резолюций, не было даже ни составлено, ни подписано никакого протокола. Высказанные Вами пожелания, близкие по смыслу (но не по форме) к перечисленным в Вашем последнем отношении условиям, разумеется, нас ни к чему не обязывали.

Скоро нам стал известен целый ряд совершенно непонятных нам и крайне прискорбных фактов. Так, например, в тот самый день, 13(26) августа, когда мы предлагали высказанные Вами пожелания на обсуждение Собора 27-ми епископов, Вы писали на имя своего рязанского церковного управления:

„В Донском началось полное разложение и смятение. Тихон прислал уже к нам трех депутатов с просьбой о перемирии и примирении. На объединенном заседании даже его сторонники вынесли резолюцию: „сложить все полномочия и отдать себя на суд Собора епископов”. Резолюция уже вручена Тихону”.

30-го августа (12-го сентября) Вы писали в официальном отношении за № 136 на имя митрополита Антония [Храповицкого]:

„Б[ывший] Патриарх Тихон запутался совершенно и, поняв это, подал заявление в Святейший Синод о примирении с отколовшимися от него духовенством и народом. Смешанная комиссия, устами даже его ярых защитников (епископ Иларион [Троицкий]), вынесла ему следующую резолюцию: сложить все полномочия, удалиться в монастырь, ждать над собою суда Собора епископов. Резолюция вручена”.

Это Ваше отношение, напечатанное в газете „Известия” от 25 октября, № 244 (1981), получило широкое распространение и произвело, разумеется, немалое смущение среди православного народа, верного своему законному Главе, Святейшему Патриарху Тихону.

Вам лучше чем кому-либо известно, что такого заявления Святейшего Патриарха в Вашем Синоде не было и нет и что никакой резо-

люции с указанным Вами содержанием никто ему не вручал, так как и невозможно вручить резолюцию несуществующую.

Когда мы вторично получили от имени Вашего Синода приглашение, подписанное уже не Вами (6—19 октября), и когда мы встретились с другими представителями Вашего Синода (7—20 октября) — они сами признали Ваши сообщения не соответствующими действительности и заявили нам, что на выставленных Вами ранее условиях они больше не настаивают. И вдруг, всего через неделю, в отношении Синода от 13(26) октября снова выплывают те же условия, и о них говорится, что они уже признаны нами приемлемыми.

С крайним недоумением отмечая такую непоследовательность Вашего Синода и с великим огорчением встречая распространяемые Вами, заведомо неверные известия, мы считаем своим долгом заявить, что указанные факты являются серьезным препятствием делу церковного мира, так как это святое дело, по нашему крайнему разумению, может быть совершено в духе истины и полной искренности. Мы полагаем, то прежде всяких новых переговоров должен быть исправлен тот вред, который нанесен делу церковного мира Вашими известиями, противоположными истине. По нашему убеждению, простой моральный долг обязывает Вас и Ваш Синод опубликовать разъяснение о том, что вышедшие от Вас известия о небывалом заявлении Святейшего Патриарха и о никогда не существовавшей резолюции, которая будто бы была ему вручена, не соответствуют подлинной действительности.

Кроме того, мы не можем не обратить внимания на разосланный от имени Вашего Синода циркуляр, ныне напечатанный в № 1 „Вестника Священного Синода”, с. 16. Здесь на Святейшего Патриарха возводится явная неправда, будто бы он объединяет реакционные общественные силы для нового политического мятежа и взрыва и будто бы он управляет черносотенством и белогвардейщиной.

Нам хотелось бы верить, что Вы и возглавляемый Вами Синод решительно откажетесь от того, совершенно противного духу Христа и Его Истинной Церкви настроения, которым так глубоко проникнут указанный циркуляр. Иначе создается столь удушливая моральная атмосфера, что в ней нельзя работать хотя бы с малейшей надеждой на достижение желанного мира церковного. Вовсе не какие-либо политические вождения заставляют нас собраться вокруг Святейшего Патриарха, а только желание сохранить верность своему архиерейскому обещанию и соблюсти непоколебимым канонический порядок иерархического преемства. И в наших переговорах с Вами и с другими представителями Вашего Синода нами руководило исключительно

одно желание — воссоединить со Святой Церковью отторгнувшихся от Ее единства во время печальной смуты церковной. Это желание побуждает нас не уклоняться и от дальнейших переговоров, несмотря на тяжелые огорчения, которые доставили нам выше нами перечисленные факты; но эти переговоры, по нашему убеждению, возможны лишь в том случае, если не только подобные факты не будут повторяться вновь, но и имевшие место будут, по возможности, исправлены.

Мы будем рады узнать, что наши мысли, изложенные в настоящем письме, разделите Вы и Ваш Синод.

Серафим, архиепископ Тверской.

Управляющий Московской православной епархией архиепископ Иларион.

Тихон, архиепископ Уральский.

15(28) октября 1923 года. Москва».

Это письмо трех уполномоченных Святейшим Патриархом Тихоном иерархов для ведения переговоров с обновленческими «лидерами» последовало в ответ на нижеследующее отношение обновленческого Синода, за № 2495 (по другим источникам: № 2503), на имя православных архиереев:

«† Священный Синод Российской Православной Церкви. Окт[ября] 15(28) дня 1923 г. № 2503. Гор. Москва. Самотека. Троицкое подворье.

Членам Комиссии от бывшего Патриарха Тихона по выработке проекта соглашения с Священным Синодом, архиепископам Серафиму и Илариону.

Священный Синод сим сообщает Вам, что в заседании своем от 13 (?) (26) октября сего года, определил: считать возможным дальнейшие переговоры при условии признанных Вами ранее приемлемыми, — а именно:

- а) удаление бывшего Патриарха Тихона от дел управления,
- б) удаление бывшего Патриарха Тихона на жительство впредь до Собора в Гефсиманский скит,
- в) перенесение окончательного решения дела бывшего Патриарха Тихона на Собор.

Священный Синод поставляя о сем Вас в известность, предлагает сообщить, приемлема ли и ныне указанная выше позиция для Вас.

Председатель Священного Синода митрополит Евдоким.

Председатель Админ[истративного] Отд[ела] Св[ященного] Синода. Секретарь, член Св[ященного] Синода.

Печать Св[ященного] Син[ода] Пр[авославной] Р[оссийской] Ц[еркви]»

(См. прилагаемую фотокопию этого документа, подлинник коего хранится в собрании обновленческих документов Преосвященного Сергия Ларина.)

Итак, 15(28).10.1923 г. «представители Патриарха уведомили живоцерковного митрополита Евдокима, что они прекращают дальнейшие переговоры» (*Стратонов И. А., проф.* Русская церковная смута. С. 97).

19. О неизвестном письме митрополита Сергия (Страгородского) по поводу послания Святейшего Патриарха Тихона об осуждении главарей обновленческого раскола

К сожалению, автор в таких неопределенных речениях упоминает в своих примечаниях (в 36-м) о письме митрополита Сергия [Страгородского], что понять определенно, о каком именно письме идет здесь речь, совершенно невозможно.

20. Покушение П. К. Гусевой на жизнь Святейшего Патриарха Тихона; дело Гусевой

Приведенная дата происшествия неверна; оно имело место на Петров день 29.06(12.07).1919 года. Покушавшаяся на Патриарха П. К. Гусева привлекалась к суду, что было отражено в тогдашней антицерковной печати.

Остановимся несколько подробнее на этом, характерном для того времени, эпизоде.

29.06(12.07).1919 года Святейший Патриарх Тихон, в сослужении сонма духовенства и при обычном, многотысячном, стечении молящихся, совершал торжественную литургию в храме Христа Спасителя по случаю Петрова дня.

По окончании ее и благословив молящихся Патриарх, в сопровождении своего многочисленного окружения и клириков храма Христа, вышел из кафедрального собора и направлялся к своей пролетке, стоявшей, по обыкновению, в низу широкой каменной лестницы. В это именно время из толпы к нему подбегает вооруженная ножом женщина и, воспользовавшись всеобщим мгновенным замешательством, наносит Патриарху удар в правый бок.

Пострадавшему немедленно оказывается медицинская помощь; устанавливается, что произведенное ранение принадлежит к разряду легких.

В связи с этим покушением на жизнь Патриарха в народе распространяется слух (оказавшийся ложным), что покушавшаяся в действительности является переодетым мужчиной.

Задержанная народом злодейка доставляется в милицию, где, при установлении ее личности, оказывается Пелагеей Кузьминичной Гусевой.

(Биографические данные о ней и портрет ее см. в журнале «Искры», за 1914 год, № 26 и № 28, где она именуется несуществующим именем Феония, а по другим источникам — Хиония.)

В 1914 г. и также в Петров день она покушалась на жизнь («пырнула ножом») в селе Покровском (Тобольской губернии) известного «старца» Григория Ефимовича Распутина-Новых, сводя с ним какие-то свои старые счета¹.

30.06(13.07).1919 г. [14(27).07.1919 г. — *Ред.*], по случаю избавления Святейшего Патриарха Тихона от угрожавшей ему опасности (при покушении Гусевой), в храме Христа Спасителя, сонмом архиереев во главе со Святейшим совершается торжественная литургия с последующим благодарственным молебном, совершенном епископами, во время которого Святейший Патриарх, облаченный в мантию, стоит на солее пред образом Спасителя.

Множество народа переполняет храм. Вся солея и путь Патриарха усыпаются живыми цветами.

Несколькими днями позже представитель Советского Правительства наносит Патриарху Тихону на Троицком подворье визит вежливости с выражением сочувствия в связи с недавним покушением (Епископ Тихон Шарапов).

[Речи, произнесенные митрополитом Арсением (Стадницким) и Святейшим Патриархом Тихоном в храме Христа Спасителя 14(27).07.1919 после благодарственного молебна по поводу избавления от смертельной опасности Святейшего Патриарха Тихона.

¹Что касается покушения П. К. Гусевой на Распутина, имевшее место в предреволюционные годы, — приводим об этом следующее сообщение:

29.06.1914 г., в воскресенье, на Петров день, в селе Покровском Тобольской губернии, происходит «покушение на жизнь известного „старца” Григория Распутина. Он шел по улице с детьми. К нему подошла какая-то женщина и вступила с ним в разговор. Вдруг она выхватила из-под платка кинжал и ударила им „старца” в живот. Кинжал застрял в глубине около 3 1/2 вершков. Неизвестную обезоружили и арестовали местные крестьяне. На допросе она назвалась Гусевой, крестьянкой Симбирской губернии». [...]

«Как говорят, Гусева давно хотела отомстить Распутину за оскорбление двух ее дочерей и некоей монахини Ксении». [...]

«Содержится Гусева в одиночной камере Тюменской тюрьмы». (Покушение на жизнь Распутина // Искры. 1914. № 25. С. 207; Героиня наших сумерек // Там же. № 28. С. 223). — *Примеч. Сост.*

Речь Митрополита Арсения ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО.

Милость Божия, явленная на Вас, подвигнула верующую Москву на общую благодарственную молитву пред Господом за спасение Ваше от смертной опасности. Эта радость молитвенного подвига есть радость и всей Русской Церкви, избранным духовным вождем которой Вы являетесь. Здесь, в этом святом храме, сказалась о Вас воля Божия. Вы не искали этой почести, а были взысканы ею. Вы не желали ее, а Вас возжелал Господь, указав Вам великий подвиг первосвятительства в Русской Церкви, путь крестного служения, на котором, как на свитке, виденном некогда пророком Иезекиилем, пред выступлением его на пророческое служение, начертаны слова: ПЛАЧ, СТОН и ГОРЕ. И Вы приняли на себя это бремя и пошли этим путем с верою в уповании на Промыслительную силу Божию, благовременно избирающего потребных людей для служения Себе.

Здесь же, в этом храме, пролилась и кровь Ваша от злодейского покушения на Вашу жизнь, — благодарение Богу, не осуществившегося. Является ли это печальное событие следствием злого умысла, заранее обдуманного, совершено ли оно под влиянием религиозного фанатизма, какой-либо ослепленной страсти, или по другим причинам, — нам не ведомо; но несомненно то, что оно есть плод смуты, охватившей нашу родину, представляющую собою ныне взбаламученное море.

По образному святоотеческому выражению, Святая Церковь уподобляется кораблю, плавающему по морю. Свирепеющее море и воздымающиеся волны селятся поглотить корабль Иисусов. Но тщетны их усилия, ибо на корабле этом бодрствует Небесный Кормчий Христос Спаситель, Который управит свой корабль, так как обетования Его о неодолимости Церкви вечны и неизменны.

В течение почти двадцативекового своего существования и земного устроения Святая Церковь, как Царство Божие, Царство света, мира, правды и любви, ведет духовную брань, по Апостолу, с царством мира сего, с миродержателями тьмы века сего, с духами злобы поднебесной (Ефес. 6, 12). И та брань вековая. Борьба добра со злом, Христа с Велиаром наполняет собою весь мир. Окончится она тогда, когда завершится мировая история, и вся земля поклонится паки грядущему Сыну Божию, чтобы завершить и увенчать эту борьбу окончательною и вечною победою добра над воплощением зла — Антихристом, которого, по Апостолу, Христос убьет духом уст Своих (2 Сол. 3, 6). Когда это будет, нам не дано знать. Но каждый день и час мы должны быть готовы к этому. Это достойное приготовление к сретению Христа, являющееся вместе с тем и нашим спасением, совершается в учрежденной Им Церкви, как в спасительном корабле, для которого не страшны никакие бури и волны в виде тех испытаний, гонений, страданий и мучений, которым подвергались и подвергаются обитающие в Нем. Этим не только не колеблется сила и крепость Церкви, но еще больше укрепляется и утверждается. История Церкви свидетельствует, что мера гонений всегда была слабее духа исповедничества верных сынов ее, из которых многие запечатлели свою преданность Христу мученичеством.

Кровь мучеников — это то благодатное семя, которое давало обильно благостные плоды. Кровию Христовую утверждает Святая Церковь, и на крови мучеников она укреплялась и процветала. Так было в первые века христианства, так было впоследствии, так — теперь. Так будет до окончания века.

Что касается настоящего времени в жизни Церкви, то оно значительно напоминает первые времена христианства. Как тогда, так и теперь, в основу жизненного строительства полагается богоборческое начало, борьба против Бога, вражда против Христа и Его учения, вера объявляется суеверием, религия — опиумом для народа, а священнослужители — врагами народа, затемнителями его и вообще вредным паразитическим элементом, подлежащим упразднению. Подтверждением этого является сонм мучеников и исповедников веры последнего времени, преимущественно из архипастырей и пастырей, запечатлевших свою принадлежность к Церкви кровию. Они служат для нас, современников, пока остающихся в живых, ободряющим примером. Ибо мы, по Апостолу (1 Кор. 4, 9), являемся насмертниками, т. е. как бы приговоренными к смерти. Дай Бог нам силу и крепость духа достойно переносить настоящее, и встречать грядущее, и быть верными даже до смерти в исполнении своего долга (Апок. 3, 10).

И в этом отношении, Вы, ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО, являете для нас живой, назидательный пример. Вы смело и бодро смотрите в глаза смерти, витающей над Вами, всегда уповая во всем на волю Божию, всегда благу и спасительную. Господь ведает, что творит, Господь ведет Свою Церковь ими же вест судьбами. Верим, что Небесный Кормчий управит Свою Церковь, а Вам, как земному Кормчему Русской Церкви, подаст силы и укажет способы вывести Ее из настоящего тяжкого положения Ее. Попустив совершиться этому злобному похушению, Он сохранил Вашу жизнь, очевидно, для блага Церкви.

Приветствуем Ваше Святейшество от всей Русской Церкви с этим чудом милости Божией. Мы имели утешение только что молиться с Вами при совершении Божественной литургии, за которую принесли бескровную Жертву о себе, о спасении живых и мертвых. А теперь благословите нас помолиться о Вас, да сохранит Вас Господь в мире, цела, честна, здрава, долгоденствующа, право правяща слово истины во благо Святой Церкви.

Ответное слово, произнесенное Святейшим
Патриархом Тихоном в храме Христа Спасителя
после благодарственного молебна по поводу
избавления его от смертельной опасности

27 июля 1919 г.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЕ АРХИПАСТЫРИ И ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ
О ХРИСТЕ ОТЦЫ И БРАТИЕ.

Приношу вам душевную благодарность за ваши добрые чувства, подвигшие вас в эти дни возносить о мне усиленные моления ко Господу и ныне собравшие вас в таком множестве в сей святой храм. Переживая прилучившееся здесь со мною две недели тому назад, я еще раз убеждаюсь в глубокой жизненности слов Св. Апостола, что мы *Господом и живем, и движемся, и существу-*

ем [здесь и далее выделено в тексте архивного документа. — *Ред.*] (Деян. 17, 28). Знаете, как близка была ко мне опасность, но дерзновенно скажу вместе с псалмопевцем: *смерти не предал меня Господь, не умру, но жив буду и повем дела Господня* (Пс. 117, 17—18). Не для развлечения, конечно, была направлена на меня рука с ножом, но промышляющая о мне милость Божия направила нож не в глубь тела, а как бы вскользь под кожу, и всю боль поранения умягчила до ощущения незначительного щипка. Слава Богу, Благodeющему мне.

Господь призвал меня к высокому Патриаршему служению, коего я не искал, как совершенно справедливо сказал о сем сейчас Высокопреосвященнейший Митрополит Арсений. Господь и хранит меня до того времени, пока жизнь моя нужна для Церкви. Покорный воле Божией, я остаюсь спокоен и за свою участь. И посему, если исполнятся пожелания ваши мне многих лет, если Господь пошлет мне мирную кончину и удостоит меня великой чести почивать с Отцами моими и предшественниками в древнем святом Успенском соборе, буди имя Господне благословенно. Но если мне суждено прожить *мало дней* и умереть от ножа, или от расстрела, или иною *наглою смертию*, и не будут знать места погребения (Второз. 34, 6) — да будет воля Божия: *я не лучше собратий моих* (3 Цар. 19, 4), которые уже так умерли. Желал бы только, чтобы такая смерть послужила во очищение многих грехов моих и была принята Господом как жертва благовонная за люди. И опять, — великое благодарение Господу, если бы Он сподобил меня *видеть дни благи*, когда родина наша станет снова единою, великою и могучею Русью и о Церкви нашей будут возглаголаны мирная и благая, но да будет воля Божия, если и мне, подобно ветхозаветным праведникам, не получившим обетованного (Евр. 11, 13), и Моисею, не вошедшему в землю обетованную, не суждено будет дожить до лучших дней.

В настоящие дни испытаний *смирим себя под крепкую руку Господню, все печали наши возвергнем нань, яко той печется о нас* (1 Пет. 5, 7—8). В совершающихся с нами научимся уразуметь перст Господень, указующий нам, как говорил и приветствовавший меня при входе в храм, идти ко славе чрез страдания, ибо многими скорбями *надлежит внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Посему мы во всем должны являть себя как *служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах и изгнаниях* (2 Кор. 6, 4—5).

Помолитесь, отцы и братие, чтобы Господь дал нам силу утвердиться в таких мыслях, и о *еже Господу доброе намерение и желание верных своих во благое исполнити и всегда, яко щедр, благодаяти нам, и Церкви Своей Святей, от всякого обстояния избавляя верных рабов Своих* (из чина благодарств[енного] моления).

Патриарх Тихон.

14—27 Июля 1919 г. Воскресенье.

Москва, Храм Христа Спасителя.

ОР РГБ. Ф. 257. Карт. 8. Ед. хр. 14. Л. 7—7 об. Подлинник. Машинопись. Подпись-автограф. ГА РФ. Ф. 550. Оп 1. Д. Л. 5—6. Машинопись. Опубликовано: «От всякого обстояния избавляя верных рабов Своих...» / Публ. Н. Кривошеевой // Богословский сборник. Вып. 6. С. 154—159. — *Ред.*]

9(22).10.1919 г. Особая Сессия Московского Совнарсуда, при участии представителя Наркомюста П. А. Красикова, слушает дело по обвинению гражданки Гусевой Пелагеи Кузьминичны, в покушении на жизнь Патриарха Тихона.

Признав П. К. Гусеву, по данным медицинской экспертизы, психически ненормальной и в момент покушения находившейся в невменяемом состоянии, суд выносит решение о прекращении настоящего дела с последующим помещением Гусевой П. К. в психиатрическую лечебницу.

Характерно, что о прошлом покушении Гусевой на жизнь Распутина, в 1914 г., суд даже и не заикнулся.

Приводим сообщение печати о данном процессе.

«И. Ш. Дело о покушении на Патриарха Тихона». (Отчет о слушании дела П. К. Гусевой в Особой Сессии при Совнарсуде). [И. Шпицберг? — *Сост.*]

22 октября 1919 г. [н. ст.] в особой сессии при Совнарсуде, в составе председателя А. А. Лисицина и судебных заседателей гг. Лебедева и Семенова, при участии представителя от Наркомюста П. А. Красикова, состоялось слушание дела по обв[инению] Пелагеи Кузьминичны Гусевой в покушении на убийство Патриарха Тихона.

Обстоятельства дела следующие:

12-го июля [н. ст.] Патриарх служил обедню в храме Христа Спасителя. По окончании службы к Патриарху, по пути его с келейником, — к коляске подбежала женщина и ударила в бок ножом. На Патриархе оказались одетыми: 2 рясы и один подрясник. Нож запутался в рясах и выпал. При медицинском осмотре оказалось: на 2 сантиметра ниже 12 ребра с правой стороны сзади между правой лопаточкою и первою аксиллярною линиею имеется косая рана длиною около 2 см. Рана принадлежит к разряду легких.

Женщина была задержана и оказалась Гусевой Пелагеей Кузьминичной, из Симбирской губернии. Когда отец Александр [Хотовицкий? — *Сост.*] показал гр[ажданке] Гусевой нож и спросил, «зачем она ранила Патриарха?», Гусева ответила, что она убила антихриста.

В милиции Гусева показала:

«Года два тому назад я видела сон. Сам Спаситель сказал мне: «Не бойся, Я с тобой». Долгое время я ходила по святым местам и там много слышала плохого про Синод, а Тихон в то время в Синоде был. Одно время я была арестована за политические дела. Выйдя из тюрьмы, опять пошла по святым местам и видела, как духовенство наживается. Я думала давно убить Тихона, когда он еще митрополитом был. В Москву я приехала месяца два тому назад одна. Вчера я была в

Троицком подворье и узнала, что сегодня, т. е. 12-го июля, Патриарх будет служить обедню в храме Христа Спасителя. Я пошла к обедне и ждала его выхода. По выходе Патриарха из церкви я и ударила его ножом в правый бок, бросилась бежать, но на площади у остановки трамвая меня задержала толпа и передала милиционеру. Тихона хотела зарезать за то, что он идет против народа, как и все духовенство. Пусть знают, что, может быть, кроме меня, найдется и другая. Самого главного зверя я ухватила, а остальные его зверьки, всем им будет крышка. Ножик остался в боку, когда я ударила Тихона. Хотела порезать весь живот, да силы не хватило. Два месяца я жила на Курском вокзале, ночуя на площади. Зарабатывала средства к существованию в Москве ноской багажа пассажирам. Дома у меня осталась дочь 14 лет. Два сына находятся в Красной армии на фронте».

Ввиду возникших сомнений в нормальности умственных способностей Гусева была подвергнута медицинскому освидетельствованию и наблюдению, причем врач Н. П. Тяпугин дал следующее заключение: «Гусева страдает душевной болезнью, характеризующейся систематизированным бредом преследования и бредом величия религиозного характера, выражающимся в том, что она считает себя посланницей Бога, Его „очами и руками“; она должна совершить акт возмездия по заповеди: „Мне отмщение и Аз воздам“. Возмездие должно быть совершено потому, что Патриарх Тихон — антихрист; он — давний враг христиан и пр. Наряду с бредовыми идеями, Гусева страдает слуховыми и зрительными галлюцинациями: она видела Спасителя в облаках, за 4 дня до покушения к ней являлась Божия Матерь, в белой одежде и окруженная сиянием, сказала: „Держай!“ Душевная болезнь, которою страдает Гусева, — длительная и затяжная, представляющая в своем течении постоянные ослабления и ожесточения, в зависимости от различных внешних и внутренних условий; соответствует хроническому первичному помешательству.

Этой болезнью Гусева страдает, по-видимому, уже давно. По ее словам в ранней молодости она ходила по монастырям, читала Святое Писание, позднее она стала подвергаться искушениям дьявола, который, являясь к ней в образе мужчины, лошади и проч., хотел „соблазнить“ ее, но она всегда стойко противостояла искушениям, почему и была избрана Богом, Который дал ей великую миссию борьбы со злом и антихристом; она еще несколько лет тому назад сидела в тюрьме „за обличения“. Покушение на Патриарха Тихона совершено Гусевой под влиянием описанных бредовых идей и галлюцинаций. Во время совершения преступления Гусева находилась в состоянии сумасшествия, в таком же состоянии находится и в настоящее время».

На суде Гусева показала следующее:

«Мне 46 лет, вдова, имею трех детей: двух сыновей и дочь. Виновной себя не признаю, считая, что уничтожила слугу сатаны. Приехала в Москву до Троицы и все время находилась на вокзале. Своим поступком я хотела показать, какой недостойный человек есть Тихон. Я видела видение, что у Патриарха Тихона была большая пасть. Господь покажет, что Тихон не истинный Патриарх. Мысль об его убийстве у меня возникла давно. Считаю себя здоровой, хотя и находилась в доме сумасшедших. Я считаю, что Патриарх имеет образ человека, а дух в нем сатанинский. Я не решалась убить Патриарха, но Бог сказал мне, что если я не убью, то он проклянет меня, тогда я подбежала и воткнула в него нож. Я считаю, что духовенство должно быть смиренно и кротко, а оно гордое, как оно есть. Я считаю, что духовенство идет против народа. Тихона я считаю антихристом».

Представитель Наркомюста П. А. Красиков в заключении своем полагал, что Гусеву следует ввиду ее болезненного состояния, благодаря которому ее религиозный фанатизм и отрицательное отношение к Православному духовенству приняли аномальную форму покушения на жизнь и здоровье представителя этого духовенства, — от наказания освободить и озаботиться помещением ее в условия, наиболее соответствующие ее психическому состоянию, в санаторию или в приют.

Суд постановил: 1) что актом врачебного освидетельствования психического здоровья Гусевой и сообщением доктора Психиатрической клиники Московского государственного университета Ганушкова¹ с несомненностью устанавливается, что в момент покушения на Патриарха Тихона 12-го июля 1919 года, гр[ажданка] Гусева находилась в состоянии психической невменяемости, страдая душевной болезнью, характеризующейся бредом величия религиозного характера, выражающимся в том, что она считает себя посланницей Бога, для уничтожения, по ее словам, сатаны и антихриста в лице Патриарха Тихона, чтобы покарать врагов народа и христиан — гордых сатанинских вождей ибо, по ее словам, Господь поставит и избрет кротких и смиренных; 2) что Народный Суд, являясь органом диктатуры рабочего класса, который борется только организованным путем, не может не отнестись с осуждением к актам единоличной расправы даже с врагами народа; 3) что покушение на представителей духовенства, хотя и враждебного революции и трудовому строю, дает оружие в руки контрреволюции, как средство агитации среди еще находящихся под

¹ Так в тексте. Правильно Ганнушкин. — *Ред.*

влиянием духовенства темных и несознательных слоев населения и извращает истинное понимание декретов советской власти, касающихся религии и Церкви; 4) что в отношении гр[ажданки] Гусевой необходима дальнейшая экспертиза в порядке социального обеспечения для определения ее дальнейшей судьбы и принятия мер для излечения ее, как человека трудящегося [?! — *Сост.*] и социально необеспеченного. Посему Народный Суд постановил: 1) гр[ажданку] Пелагею Кузьминичну Гусеву за нанесение раны Патриарху Тихону от судебного преследования освободить, как психически невменяемую в момент совершения проступка, а также и в настоящее время и дело прекратить и 2) оставить гр. Гусеву на излечении в Психиатрической клинике Московского государственного университета и сообщить в медико-санитарный отдел и в Отдел Соц[иального] Обеспеч[ения] об освидетельствовании Гусевой для определения ее дальнейшего лечения и времени нахождения в больнице в зависимости от того, насколько болезнь ее излечима и насколько в дальнейшем она представляет опасность для окружающих» (*И. Ш. Церковники и их агенты перед народным революционным судом: IV. Дело о покушении на Патриарха Тихона // Революция и Церковь. 1919. № 3—5. С. 45—46.*)

21. О «Малом Соборе» епископов в Донском монастыре (июль 1923 г.)

В июле 1923 г., т. е. вскоре по освобождении Святейшего Патриарха Тихона из заключения, в стенах Донского монастыря происходит некий «Малый Собор» из числа «прилучившихся» православных иерархов, оставшихся верными каноническому патриаршему строю.

Испросив у гражданской власти соответствующее разрешение, собравшиеся епископы обсуждали создавшееся в Церкви положение и, осудив обновленческих раскольников, подтвердили свою незыблемую преданность Главе Церкви — Святейшему Патриарху Тихону.

Или, как об этом говорит сам Святейший Патриарх в своем ответном послании Константинопольскому Патриарху в 1924 году.

Православный Русский епископат «получив разрешение на собрание, еще в июле [...] соборным голосом осудил обновленцев, как схизматиков, а ко мне, — говорит Святейший Патриарх, — обратился с просьбой снова стать во главе Русской Православной Церкви и быть Ее Кормчим до того момента, когда Господу Богу угодно будет даровать мир Церкви голосом Всероссийского Поместного Собора и засвидетельствовать перед всем миром нашу правду».

Эти же (собравшиеся в Донском монастыре иерархи) составляют и издают ко всеобщему сведению «Послание Епископов Единой Православной Кафолической Российской Церкви» (или, как оно иногда

именуется еще: «Воззвание Православного Российского Епископата от 1923 года»), — написанное в развитие послания Святейшего Патриарха от 2(15).07.1923 года. Об этом епископском послании и упоминает автор статьи, приведенной в нашем Сборнике (см. с. 84).

Желающим понять точку зрения на внешнее развитие и внутреннюю сущность обновленческого раскола с позиций Православного автора-современника и участника церковных событий начала 1920-х годов, горячо рекомендуем ознакомиться с безусловно лучшим трудом по данному вопросу из написанных до настоящего времени, озаглавленным: *Затворник А.* Обновленцы по суду канонов Вселенской Православной Церкви. Девять лекций против обновленческого лжеучения. Уфа, 1927 (132 стр.).

С сожалением, однако, следует оговорить, что книга эта, изданная вряд ли легально и крайне ограниченным тиражом, представляет собою чрезвычайно библиографическую редкость.

Таким образом — как говорили тогда — «Малый Собор» состоялся в связи с возникновением в среде епископата вопроса о целесообразности дальнейшего управления Церковью Святейшим Патриархом Тихоном по освобождению из заключения. Как подчеркивали тогдашние газеты, Патриарх был выпущен на свободу не в силу отсутствия состава «преступления», а в связи с поданным им заявлением об отмежевании от внутренней и внешней контрреволюции и, в перспективе, ему продолжал грозить «суд». Поэтому — главным образом — и высказывались в епископате соображения в пользу воздержания его от управления, до этого, неминуемого «суда» (впоследствии отмененного под влиянием протеста мирового общественного мнения).

Но, кроме того, существовали в епископате (единичные) мнения и о том, что Святейший Патриарх «скомпрометировал» себя как Глава Церкви, не сумев предвидеть и предотвратить возникновение обновленческого раскола в 1922 году.

Был некий слух и о том, что сам Святейший высказывал намерение о добровольной сдаче высшей церковной власти кому-либо из старейших иерархов, вследствие своего нездоровья и усталости от непрерывной и превышающей человеческие силы борьбы «со стихиями мира сего»...

Но последнее — только слух и догадка, к тому же совершенно не отвечающая духовному облику Патриарха.

Несколько человек архиереев-«даниловцев», выразителей взглядов и суждений настоятеля Данилова монастыря, епископа Феодора [Поздеевского], иерарха весьма авторитетного в те годы, — заняли на «Малом Соборе» четкую и твердую позицию в пользу признания

деятельности Патриарха безукоризненной и незапятнанной; возможность ухода Святейшего Патриарха от церковного руководства они оценили как страшную пагубу для Церкви и настойчиво поддержали возникшую среди епископата инициативу об обращении к Святейшему с убедительной просьбой не покидать своего поста в столь рискованный и опасный для Русской Церкви исторический момент.

Несколько позже, как знак признательности Патриарха архiereям-«даниловцам» за их стойкость, — им было направлено частное письмо настоятелю Данилова монастыря епископу Феодору [Поздеевскому], в коем последний возводился в сан архиепископа с правом ношения бриллиантового Креста на клобуке.

22. Краткие биографические сведения о протопресвитере Г. И. Шавельском

Протопресвитер военного и морского духовенства о. Георгий Иванович Шавельский родился 6 января 1871 г. в селе Дубокрай Витебской губ., в семье дьячка, «который тяжким крестьянским трудом добывал кусок хлеба для своей многочисленной семьи».

В детстве он окончил духовное училище, а затем духовную семинарию. С 1891 г. — псаломщик в одном из приходов Витебской епархии и сельский учитель; 1895 г. — священник. Овдовев, оканчивает Санкт-Петербургскую Духовную Академию [со степенью кандидат богословия. — *Ред.*]; настоятель Суворовской церкви [Санкт-Петербурга. — *Ред.*]. Во время русско-японской войны — полковой священник, дивизионный благочинный и затем главный священник Маньчжурской армии; протоиерей. По окончании войны возвращается к своей прежней деятельности. Кроме того, законоучитель Смольного института, профессор богословия в Историко-филологическом институте; 1910 г. — [магистр богословия. — *Ред.*] член духовного правления военного и морского протопресвитера; 1911 г. — протопресвитер военного и морского духовенства Российской империи (преемник протопресвитера Е. П. Аквилонова). [1915—1917 гг. — член Святейшего Синода. Член Священного собора 1917—1918 гг. В августе 1918 г. после освобождения от должности протопресвитера военного и морского духовенства возвратился в свое имение, откуда пробрался в ставку генерала Деникина и возглавил военное духовенство Добровольческой армии. В начале 1920 г. Врангелем был освобожден от управления военным духовенством и отправлен за границу для окормления русских беженцев. — *Ред.*]. После революции эмигрирует в Болгарию. [В 1927 г. переходит в юрисдикцию Болгарской Православной Церкви. — *Ред.*] Здесь — преподаватель Софийского университета;

профессор богословского факультета Софийского университета и, наконец, директор и законоучитель русской гимназии.

Скончался 2 октября 1951 г. в Болгарии.

23. Мыгартства на юге России и кончина бывшего Петроградского митрополита Питирима (Окнова)

[Питирим (Окнов Павел Васильевич; 28.06.1858, мыс Коженгузен Рижского уезда Лифляндской губ. — 02.02.1920, Новороссийск), митрополит Петроградский и Ладожский. Родился в семье протоиерея. В 1879 г. окончил Рижскую гимназию. В 1883 г. — Киевскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. 03.06.1883 пострижен в монашество, 12.06.1883 рукоположен во иеродиакона, 19.06.1883 — во иеромонаха и 19.06.1883 назначен преподавателем Киевской духовной семинарии. С 26.09.1887 инспектор Ставропольской духовной семинарии, с 24.03.1890 ее ректор. 08.04.1890 возведен в сан архимандрита. С 11.09.1891 ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии. 17.08.1894 хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. С 02.11.1896 епископ Тульский и Белевский. С 17.06.1904 епископ Курский и Белгородский. С 25.02.1905 именовался Курским и Обоянским. 06.05.1909 возведен в сан архиепископа. С 04.10.1911 архиепископ Владикавказский и Моздокский. С 22.12.1913 архиепископ Самарский и Ставропольский. С 26.06.1914 архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии, член Св. Синода. 23.11.1915 возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Петроградским и Ладожским. 02.03.1917 был арестован Временным правительством наряду с царскими министрами, вскоре освобожден и постановлением Св. Синода 06.03.1917 уволен на покой с пребыванием в Успенском монастыре на горе Бештау (г. Пятигорск). При отступлении армии Деникина переехал в г. Екатеринодар, потом Новороссийск, где и скончался. — *Ред.*]

Последний при царском режиме, недолговременный Петроградский митрополит Питирим [Окнов] плачевно окончил свою жизнь: сейчас же, как только произошла революция и осуществилось свержение монархии, 6.03.1917 года он, без особых церемоний, был удален с кафедры и, как «распутинский ставленник», арестован. Однако, за неимением состава преступления, тут же был освобожден и, пробыв некоторое время в лаврской больнице, согласно предписанию новой гражданской власти в лице «революционного» обер-прокурора В. Н. Львова, удален на Кавказ (в монастырь на горе Бештау).

«В 1918—1919 г. Жевахов (товарищ обер-прокурора Святейшего Синода при Н. П. Раеве) с митрополитом Питиримом жили в Пятигорске, а в самом начале января 1920 г. они переехали в Екатеринодар и поселились у митрополита Антония [Храповицкого], тогда управлявшего Кубанской епархией» (*Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 2. С. 72*).

Произошло это таким образом. Разбушевавшаяся за эти годы тяжелая и кровопролитная гражданская война поделила русских людей и Россию на два непримиримых лагеря. Бежавший — по примеру других иерархов — из Москвы митрополит Киевский и Галицкий Антоний оказался в стане белогвардейцев на юге России, занятом «Добармией» генерала Деникина. Митрополит и ряд других иерархов проживали тогда в Екатеринодаре и представляли собою некое местное автономное церковное самоуправление, отрезанное линией фронта от Главы Церкви — Святейшего Патриарха Тихона. Касаясь этого периода в своих воспоминаниях о екатеринодарской жизни в 1920 году, митрополит Евлогий [Георгиевский] впоследствии писал так: «Однажды зашел я в архиерейский дом, сидим мы, раздумываем о положении дел [церковных и междоусобных. — *Сост.*], — и вдруг входит старик, в мещанской чуйке, в шапке, изнуренный, измученный, по виду странник — и мы в изумлении узнали в нем... бывшего Петербургского митрополита Питирима. Оказывается, он был сослан в Успенский монастырь на Кавказе, на горе Бештау. Когда началась эвакуация [белогвардейцев. — *Сост.*], он бросился к нам. И теперь, дрожа от волнения, психически потрясенный, он униженно молил нас о помощи: „Не оставляйте, не бросайте меня“. „Не беспокойтесь, не волнуйтесь, мы не оставим вас“, — сказал я. „Отдохните у меня“ — предложил митрополит Антоний [Храповицкий]. Неожиданной встречей я был потрясен. Помню митрополита Питирима в митрополичьих покаях... Как он домогался этого высокого поста! Как старался снискать расположение Распутина, несомненно в душе его презирая!..» (*Евлогий, митр.* С. 324).

Несколько позже, в связи с военным поражением генерала Деникина, все множество белогвардейцев, находившихся на занятой им территории, срочно эвакуируется за границу Черным морем. Некоторые русские архиереи, покидающие вместе с ними Родину, оставляют здесь, в Екатеринодаре, злосчастного старца-митрополита.

«Митрополита Питирима взять с собой не удалось: он заболел, ехать с нами доктор ему не разрешил. Мы оставили его на попечение митрополита Антония, которому власти обеспечивали, в случае опасности, своевременную эвакуацию. Митрополит Питирим проболел с месяц и умер» (там же).

Отпет и погребен митрополитом Антонием.

Или, как сообщает другой мемуарист, «митрополит Питирим заболел и 20 января (2 февраля) 1920 г. скончался, а Жевахов, за несколько дней до смерти митрополита Питирима куда-то уехал» (предваритель-

но обобрав умирающего!) (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 72).

Так, в безвестности, среди скорбей и лишений, больной, опороченный и всеми оставленный, закончил свою жизнь этот старец, бывший некогда довольно видным (и, по-своему, совсем неплохим) представителем русской иерархии.

Вместе с ним ушла в историю и тень Распутина, так или иначе вивавшая над Русской Церковью в последние дни царизма.

24. «Дело» епископа Варнавы (Накропина), его кончина и Святейший Патриарх Тихон

Суть варнавинского дела, или «Тобольского скандала» (как выражалась тогда левая печать), вкратце заключалась в следующем.

Началось это «дело» в Тобольске 27.08.1915 г.

Получив в ответ на свой запрос телеграмму императора Николая II о разрешении пропеть величание над мощами местночтимого Святителя Тобольского Иоанна [Максимовича], но запрещающую его прославление, — епископ Тобольский Варнава [Накропин]¹ в 11 часов вечера того же дня колокольным звоном собирает в собор массу богомольцев, где совершает молебен с пением тропаря св. Иоанну Златоусту (небесному покровителю митрополита Тобольского Иоанна Максимовича) и припевов просто: «Святителю отче Иоанне...» с сознательным неупоминанием титула!

В заключение молебна поется величание Святителю Иоанну Тобольскому, что исключалось содержанием царской телеграммы.

В последующие дни «служили так, чтобы можно было, если грянет гром и начнется следствие, свалить с Иоанна Тобольского на Иоанна Златоустого. Поэтому старались умалчивать о «Тобольском» и поминали просто Святителя Иоанна».

Невзирая на эти недостойные уловки, весть о полулегальном прославлении Святителя Иоанна достигает Петрограда, и епископ

¹ Варнава (Накропин Василий, 1859—1922), архиепископ. Родился в крестьянской семье. Окончил Петрозаводское городское училище. В 1897 г. пострижен в монашество в Клименецком монастыре Олонецкой епархии. В 1898 г. рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Игумен, архимандрит. В 1908—1910 гг. настоятель Новоголутвиного монастыря Московской епархии. 28.08.1911 хиротонисан во епископа Каргопольского, викария Олонецкой епархии. В 1913—1916 гг. епископ Тобольский и Сибирский. 05.10.1916 возведен в сан архиепископа. В марте 1917 г. уволен на покой по требованию Временного правительства, настоятель Высокогорского Воскресенского монастыря Нижегородской епархии. В 1918 г. был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. В 1920 г. был назначен на Архангельскую кафедру, но выехать туда не смог. — *Примеч. ред.*

Варнава вызывается к допросу в Святейший Синод. Виновным себя епископ Варнава не признает. «На какой-то вопрос обер-прокурора Самарина, сидевшего за своим столом, когда Варнава, стоя перед синодальным столом, давал ответ Синоду, он резко заметил:

— А ты кто такой здесь будешь? Прокурор, что ли? Коли прокурор — твое дело писать, а не судить архиерея!..

А потом добавил:

— Когда архиерей стоит, мирянам не полагается сидеть» (*Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 1. С. 372*).

Как бы то ни было, но из этого, не очень значительного внутрицерковного инцидента, распоясавшаяся предреволюционная «прогрессивная» печать, ради целей, известных одной ей, и в угоду некоторым определенным кругам, раздула невероятный «скандал», а отсюда, под предлогом распутинского засилья, очередной замаскированный удар направлялся, конечно, опять по адресу Церкви, «попов» и клерикалов.

11.12.1915 г. присутствующий в Святейшем Синоде архиепископ Виленский и Литовский Тихон командировается в Тобольск для расследования возникшего «дела».

Ему выдаются соответствующие документы и прогоны. На следующий день, 12.12.1915 г. архиепископ Тихон выезжает к месту назначения и вскоре обер-прокурор Волжин (уже!) получает от него документы, реабилитирующие до некоторой степени Тобольского епископа.

Свистопляска, поднятая «либеральной» печатью в связи с «делом» Варнавы, несколько затихает.

«Полученными от Тихона материалами Волжин остался вполне доволен» (*Горев М. Последний Святой. С. 170*).

По возвращении из командировки архиепископ Тихон продолжает присутствовать в Синоде.

Получение архиепископом Тихоном 6.05.1916 г. (день Ангела императора Николая II) бриллиантового Креста для ношения на клобуке (Высочайший рескрипт // Церковные Ведомости. 1916. № 18—19. 6 мая. С. 119), впоследствии будет истолковано тем же М. Горевым как компенсация за удачное замазывание «Тобольского скандала»¹.

¹ «Высочайший рескрипт» от 6 мая 1916 г. гласил:

«Пресвященный Архиепископ Литовский Тихон.

Архипастырское служение ваше, значительная часть которого протекала в отдаленной Северной Америке, всюду проникнуто было глубокою преданностью исконным заветам русской православной церковной жизни и исполнено ревностью о благе Святой Церкви и благоустройстве приходской жизни. Ваши непрестанные святительские заботы о благе паствы вашей, неизменно отмечаемые духом кротости, истинно христианской благожелательности и отческой любви к пастырям и пасомым,

Однако вскоре же, невзирая ни на какие истерики «прогрессивной» печати, происходит давно ожидавшееся народом (особенно сибиряками) прославление Святителя Тобольского Иоанна; причтение его к лику святых. Торжество это состоялось в Тобольске 09.06.1916 года, его возглавил митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский) с сонмом иерархов, съехавшихся из разных мест России. Несмотря на трудности и лишения военного времени, тысячи богомольцев съезжаются на торжество прославления.

(О Святителе Тобольском и всея Сибири Иоанне Максимовиче (род. 1615), бывшем архиепископе Черниговском, † 10.06.1715 г., см.: *Путинцев М., свящ.* Святые Сибири // Душеполезное чтение. 1873, март. С. 338—355; *Абрамов Н.* Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и всея Сибири // Странник. 1863. № 5. Май; С. 71—78; 1864. № 1. Январь. С. 5—20. *Сулоцкий А., прот.* Жизнь Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского и всея Сибири // Странник. 1864. Январь. С. 5—37. [*Фомин С. В.* Последний царский святой: Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец: Житие, чудеса, прославление, служба, акафист. СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2003. — *Ред.*])

Потомки Святителя Иоанна — генерал Максимович с семьей, после революции эмигрировали в Константинополь, а отсюда в 1924 году переехали в Лион (Франция). [Из рода Максимовичей происходил выдающийся святой Русской Православной Церкви Заграницей архиепископ Иоанн Сан-Францисский. — *Ред.*]

«Семья религиозная, церковная» (*Евлогий, митр.* С. 460).

Бывший поп-распутинец, переметнувшийся впоследствии в так называемые научные атеисты — Михаил Галкин (Горев) — в 1928 году неплохо, кажется, заработал на Святителе Иоанне [Максимовиче], посвятив истории его прославления свой пасквиль «Последний Святой», тогда же изданный ничем не брезгующим Государственным издательством.

Заканчивая свой «научный» бред, поп Галкин сообщает своим наивным читателям, что в последнее время «Варнава терся [!! — *Сост.*] в Москве, в качестве одного из ближайших агентов Патриарха Тихона. Когда же последнему стали указывать, что своей близостью к Варнаве он

нискажи Мое Монаршее благоволение, в изъявлении коего Всемилостивейше жалуя вам бриллиантовый крест для ношения на клобуке.

Поручая Себя молитвам вашим, пребываю к вам благосклонный

На подлинном Собственно Его Императорского Величества рукою начертано:

«НИКОЛАЙ»

6-го мая 1916 года». — *Примеч. ред.*

только компрометирует себя, Патриарх „с горечью” решил расстаться с Варнавой и выслал [? — *Сост.*] его в один из провинциальных городов.

Тогда [продолжает врать поп Галкин-Горев. — *Сост.*] оскорбленный Варнава решил порвать с Тихоном» (*Горев М. Последний Святой. С. 256*).

Заметим здесь, что, как и всегда у наших «научных атеистов», стремящихся выдавать желаемое ими за действительное, получилась «осечка» у Галкина-Горева и на этот раз.

«Последний святой» — Святитель Иоанн [Максимович] оказался отнюдь не последним святым Русской Церкви и, смеем заверить Галкиных и тутти кванти¹, отечественных святых будет немало и впредь, так что «литературные» заработки им вполне обеспечены.

Что же касается Преосвященного Варнавы, то он до самой своей кончины прекрасно проживал в Москве.

Скончался он в 1922 году незадолго до ареста Святейшего Патриарха Тихона.

Так, в субботу, 09(22).04.1922 г., после совершения литургии в своем крестовом Сергиевском храме Троицкого подворья, Святейший Патриарх Тихон отбыл в храм Покрова Божией Матери, что на Филях, где в сослужении сонма духовенства, при многочисленном стечении молящихся, возглавил чин отпевания тела скончавшегося бывшего Тобольского архиепископа Варнавы, или «Суслика» — как в свое время титуловал его Распутин.

Тело архиепископа Варнавы погребено внутри ограды Покровского же храма, впоследствии закрытого.

К сказанному остается добавить, что почивший святитель среди некоторой части церковного общества пользовался глубоким почитанием и слыл за прозорливого старца-подвижника. В прошлом он был известен как незаурядный проповедник-народник и прекрасный хозяйственник-администратор.

В связи с его кончиной распространялся слух о предсказании им, незадолго до кончины, что в скором времени Москва сильно пострадает от огня. Об этом вспоминали в войну 1941—1945 гг.

25. Синодальные обер-прокуроры последних царствований (краткие биографические замечания о них)

С 60-х годов XIX века и до восстановления Патриаршества в Русской Церкви в 1917 году, сменилось тринадцать гражданских «начальников» церковных, приставленных к Церкви для государственного контроля над Ней и удержания Ее в той извращенной внешней форме

¹ Tutti quanti (*ит.*) — и всякие другие; и пр. и пр.; поголовно все. — *Примеч. ред.*

существования, которую изобрел Петр I, сломав в угоду идее самодержавия исконные канонические рамки Ее бытия, сложившиеся от лет древних согласно 34-му Апостольскому правилу.

И хотя обер-прокуроры Святейшего Правительствующего Синода последнего предреволюционного пятидесятилетия представляли собой людей весьма разнообразных по своему духовному облику, но в большинстве своем это все же были люди православно-русские, в той или иной степени болеющие интересами Церкви. Научно-общественный ценз их неизменно был велик (за единичными исключениями), хотя иногда и мало отвечал специфическим церковным требованиям.

Наименее удачными из галереи последних обер-прокуроров следует признать двоих: Н. П. Раева и В. Н. Львова.

И безусловно крупнейшим во всех отношениях — К. П. Победоносцева.

Таким образом, за время жизни Святейшего Патриарха Тихона перед его глазами прошел довольно разнообразный контингент этих пресловутых царских «добрых офицеров», с которыми у него — как правило — складывались и поддерживались достаточно хорошие служебные взаимоотношения.

И действительно, как свидетельствуют ставшие теперь уже историческими факты: «не было ни одного из» обер-прокуроров, кто бы относился недоброжелательно к архиепископу Тихону, «кто бы не отдавал дань уважения его широким и глубоким познаниям, его такту, архипастырской опытности, отзывчивости и особенно его высокому христианскому настроению и никем не пререкаемой чистоте и высоте его архипастырского служения» (Православный календарь на 1918 год).

За указанный период времени обер-прокуроры Синода чередовались в следующем порядке:

Ахматов А. П. (28.02.1862—03.06.1865)

Толстой Д. А., граф. (03.06.1865—04.04.1880)

Победоносцев К. П. (24.04.1880—19.10.1905)

Оболенский А. Д., князь (20.10.1905—24.04.1906)

Ширинский-Шихматов А. А., князь (26.04.1906—09.07.1906)

Извольский П. П. (27.07.1906—05.02.1909)

Лукиянов С. М. (05.02.1909—02.05.1911)

Саблер (Десятовский) В. К. (02.05.1911—05.07.1913)

Самарин А. Д. (05.07.1915—26.09.1915)

Волжин А. Н. (30.09.1915—07.08.1916)

Раев Н. П. (30.08.1916—28.02.1917)

Львов В. Н. (28.02.1917—24.07.1917)

Карташев А. В. (24.07.1917—05.08.1917).

5 августа 1917 года обер-прокуратура ликвидируется и Временным правительством учреждается Министерство исповеданий. Первым и последним министром исповеданий является — Карташев А. В. (05.08.1917—10.09.1917).

После этой исторической даты Церковь наша освобождается от государственной опеки до середины 1927 г.

Ниже помещаем некоторые биографические данные о выше упомянутых обер-прокурорах Святейшего Правительствующего Синода, собранные нами из различных источников с неодинаковой полнотой.

[Ахматов Алексей Петрович (22.11.1817—25.11.1870) — выходец из дворянской семьи Симбирской губ., окончил Казанский университет кандидатом права. С 1836 г. на военной службе, генерал-лейтенант. В 1860 г. назначен харьковским военным губернатором. 28.02.1862 назначен обер-прокурором Св. Синода. С 1863 г. член Государственного совета. 03.06.1865 полностью уволен со службы вследствие крайне расстроенного здоровья и уехал за границу. Похоронен в Троице-Сергиевой лавре (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 58—60). — *Ред.*]

[Толстой Дмитрий Андреевич (01.03.1823—25.04.1889). Родился в Москве в дворянской семье. В 1842 г. окончил Императорский Александровский лицей с золотой медалью. С 1843 г. на государственной и придворной службе. 03.06.1865 назначен обер-прокурором Св. Синода. Член Государственного совета и сенатор. 14.06.1866 назначен министром народного просвещения с оставлением в прежних должностях. 04.04.1880 уволен от должностей министра просвещения и обер-прокурора, с оставлением членом Государственного совета, сенатором и гофмейстером. 25.04.1882 назначен президентом Императорской Академии наук. 30.05.1882 назначен министром внутренних дел (с оставлением в других должностях). Похоронен в своем имении — с. Маково Рязанской губ. (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели... С. 737—742). — *Ред.*]

Победоносцев Константин Петрович (21.05.1827—10.03.1907) — уроженец Москвы, сын профессора университета, внук священника Звенигородского уезда Московской епархии. Окончил Санкт-Петербургское Училище Правоведения и с 1846 г. поступает на службу в сенатскую канцелярию. С 1859 по 1865 г. занимает кафедру гражданского права Московского университета (автор «Курса гражданского права»). Как выдающийся юрист в 1861 г. приглашается преподавать законоведение умершему вскоре цесаревичу Николаю Александровичу. Затем преподает тот же предмет великому князю (позже императору) Александру III Александровичу и сыну его, будущему императору Николаю II. С 1868 г. — сенатор. С 1872 г. — член Государственного

совета и с 24.04.1880 — обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода, каковую должность занимал в течение трех царствований, до 19.10.1905 г., т. е. свыше 25 лет.

«Все, что сделано в церковной области за это время, так или иначе носит печать его влияния, его таланта, его инициативы. Выдающийся юрист, церковный писатель, публицист — он все свои силы, всю свою преданность Церкви, все свое уважение к Ней посвятил на служение Ее благу, на служение православному народу русскому, как он понимал это благо, — и работал искренне, усердно, не покладая рук. [...]

Церковно-приходская школа, поставившая просвещение народа под сень Церкви Христовой, — в полном смысле слова детище Константина Петровича. [...]

За последнюю четверть века не было более известного во всех классах и слоях русского общества государственного человека [...] причем и почитатели и враги его одинаково сходились в признании, что это был человек просвещеннейший, великого ума, колоссальных знаний, неподкупной честности и изумительного трудолюбия» († К. П. Победоносцев // Церковные ведомости. Приложения. 1907. № 11. С. 510).

Автор многих трудов из области богословия, права, публицистики.

Другой современник пишет о К. П. Победоносцеве:

«К. П. Победоносцев был оригинальной личностью, не замечавшей своих противоречий.

Выдающийся ученый юрист, человек огромного государственного ума, необыкновенной эрудиции и убийственного анализа, создавших ему славу всеразрушающего оппонента и в Совете Министров, и в Государственном совете, К. П. Победоносцев своим острым умом сразу проникал в глубь явлений, замечал его слабые стороны, прозревал могущие произойти от него последствия. Но чтобы решительной рукой остановить оказавшееся негодным и опасным и вместо него создать новое лучшее, — для этого у него не доставало творческого синтеза или воли, — вернее того и другого. И он примирился со злом и даже своей пассивностью попустительствовал тому, что сам отрицал...» (Шавельский Г. И., *протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 163).

В самом начале двадцатого столетия, когда началось брожение революционных страстей, и многие крупные государственные деятели последнего царствования были убиваемы из-за угла, при помощи бомб, револьверов и адских машин, — не был обойден в этом отношении и такой необычайный государственный деятель, каким был К. П. Победоносцев. 09.03.1901 года, в начале 1-го часа ночи, приехавший специально из Самары «сын титулярного советника Николай

Константинов Лаговский [...] подойдя к дому обер-прокурора Святейшего Синода на Литейном проспекте, к освещенным в нижнем этаже окнам кабинета, в котором в это время занимался действительный тайный советник Победоносцев, произвел по направлению к письменному столу два выстрела».

Стрелявший промахнулся (Покушение на жизнь обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева // Церковные Ведомости. Прибавления. 1901. № 11. С. 393—394).

Наконец, приведем и «научно-атеистическую» характеристику К. П. Победоносцева.

«Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — злейший реакционер и мракобес, обер-прокурор Синода в 1880—1905. По образованию юрист. Был идейным защитником неограниченного самодержавия, вдохновлял реакционную политику царизма. Важнейшей своей целью жизни считал борьбу с революционным движением [?! — *Сост.*], главную опору в этой борьбе видел в религии. Организовывал строительство церквей, особенно в рабочих районах, вел наступление воинств[ующей] церкви на просвещение народа под видом внедрения церковно-приходских школ, стремился искоренить светскую школу и подчинить церкви все народное образование. Через цензурное ведомство преследовал прогрессивную печать, вел войну с материалистической наукой и прогрессивной литературой [? — *Сост.*]. С именем П[обедосцева] связана травля Л. Н. Толстого и отлучение его от Церкви, а также массовое преследование сектантов» (Краткий научно-атеистический словарь. М., 1964. С. 436). [См.: *Шилов Д. Н. Государственные деятели... С. 580—591. — Ред.*]

[Оболенский Александр Дмитриевич (24.11.1855—21.09.1933), князь. В 1877 г. окончил Императорское училище правоведения, определен на службу в Министерство юстиции. Почетный мировой судья и предводитель дворянства Козельского уезда Калужской губернии. С 1897 г. товарищ министра внутренних дел. С 1901 г. сенатор. С 1905 г. член Кабинета министров, член Государственного совета. Обер прокурор Св. Синода (20.10.1905—24.04.1906). 1907—1917 гг. член Государственного совета. С 1920 г. эмигрировал в Германию. Скончался в г. Дрездене Германия. (См.: *Шилов Д. Н. Государственные деятели... С. 526—528). — Ред.*]

[Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (19.11.1862—22.12.1930), князь. В 1884 г. окончил Императорское училище правоведения, определен на службу в Министерство юстиции. В 1885 г. переведен в Министерство внутренних дел, чиновник особых поручений при эстляндском генерал-губернаторе. С 1890 г. служил в ведомстве православного исповедания. Обер-прокурор Св. Синода (26.4.1906—09.07.1906). С 1906 г. член Государственного

совета. С 1919 г. в эмиграции. В июне 1921 г. на съезде правых монархистов в г. Бад-Рейхенгалле (Бавария) избран одним из трех членов Высшего монархического совета. В 1921 г. участвовал в Карловацком церковном соборе. В 1924 г. переехал на жительство в г. Севр под Парижем, где и похоронен. (См.: *Шилов Д. Н. Государственные деятели...* С. 526—528). — *Ред.*

Извольский Петр Петрович (14.02.1863—09.12.1928).

[Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Служил в министерстве иностранных дел и министерстве внутренних дел. 27.07.1906 назначен обер-прокурором Св. Синода с оставлением в придворной должности. Член Государственного совета. С 1917 г. жил в Ялте. В октябре 1920 г. выехал из Ялты в Константинополь, с 1923 г. проживал в Париже. — *Ред.*]

После революции эмигрировал за границу и окончил жизнь свою священником.

В Париже, на рю Дарю, он явился к управляющему западноевропейскими русскими приходами, митрополиту Евлогию [Георгиевскому] и выразил желание принять священный сан. Митрополит рукополагает его во священника [1922 г. — *Ред.*] и назначает настоятелем русской церкви в Брюсселе (Бельгия) на место умершего протоиерея о. Александра Смирнопуло.

«Отец Петр Извольский [первый, назначенный мною в Брюссель настоятель] был замечательным, образцовым священником. В нем сочетались смирение и кротость, столь трогательные в бывшем важном сановнике, со стойкостью, с умением стать авторитетным в глазах прихожан. К своему служению он относился с ревностью неопита, вложил в него все свои дарования. Прихожане его единодушно почитали, а для меня о. Петр был утешением. Очень к нему был расположен знаменитый кардинал Мерсье [примас Бельгии. — *Сост.*]» (*Евлогий, митр.* С. 391). [См.: *Шилов Д. Н. Государственные деятели...* С. 302—304. — *Ред.*]

Лукьянов Сергей Михайлович (23.08.1855—02.09.1935).

Член Государственного совета, сенатор, тайный советник, назначается обер-прокурором с оставлением его членом Государственного совета и сенатором.

Доктор медицины С. М. Лукьянов родился в Москве в 1855 году. Окончил гимназию с золотой медалью. Окончил Военно-медицинскую Академию со званием лекаря, с отличием и с награждением премией Иванова. По конкурсу оставлен на 3 года при Академии, для подготовки к профессорскому званию. В это время работал при клинике проф. С. П. Боткина. В заграничной командировке занимался в Страсбурге в лабораториях профессоров Гольца и Гоппе-Зейлера. В 1883 г. — доктор медицины. Далее работает в Лейпциге, Геттингене и пр.

В Санкт-Петербурге, по возвращении из-за границы, удостоен звания приват-доцента по кафедре общей патологии. С 1886 г. — экстраординарный профессор Варшавского университета.

В 1894 г. — директор Института экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге. С 1897 г. — совещательный член Медицинского совета Министерства внутренних дел. С 1898 г. — преподаватель училища правоведения по кафедре судебной медицины. В 1900 г. — член Комиссии по вопросу о реформе средней общеобразовательной школы.

С. М. Лукьянову принадлежит до 50 научных трудов (в том числе 3 тома «Оснований общей патологии»). Под его руководством опубликовано до 110 научных сообщений.

С. М. Лукьянов состоял членом-корреспондентом флорентийской медико-физической Академии; почетным членом медицинского общества в Генте; почетным членом Кавказского медицинского общества; председателем биологического отделения русского общества охраны народного здоровья и многих других научно-медицинских обществ.

С 1904 г. — член Государственного совета.

2.05.1911 года С. М. Лукьянов уступает свой пост новому обер-прокурору, В. К. Саблеру — в прошлом товарищу обер-прокурора К. П. Победоносцева.

В связи с этим, 18.05.1911 года, в 2 часа, после окончания очередного заседания, члены Святейшего Правительствующего Синода приглашают в залу присутствия приехавшего для прощания с Синодом бывшего обер-прокурора, члена Государственного совета, сенатора, тайного советника С. М. Лукьянова.

Временно первенствующий в Синоде митрополит Московский и Коломенский Владимир [Богоявленский] после теплой, приветственной речи, подносит С. М. Лукьянову и благословляет его образом Спасителя.

Выразив свою благодарность, бывший обер-прокурор принимает благословение и трижды лобызается с каждым из архипастырей (Именные Высочайшие указы, данные Правительствующему Сенату // Церковные Ведомости. 1911. № 19—20. С. 105. Прощание Святейшего Синода с бывшим обер-прокурором // Церковные Ведомости. Прибавления. 1911. № 21. С. 859—863. Прощальные речи бывшего обер-прокурора Святейшего Синода С. М. Лукьянова // Там же. С. 922—926).

[14.12.1917 С. М. Лукьянов был уволен со службы (один из немногих бывших царских чиновников отказался ходатайствовать о пенсии перед со-

ветской властью). С 1918 г. преподавал в институте усовершенствования врачей. В ночь с 4 на 5 ноября 1919 был арестован в Петрограде и отправлен в Москву. Осенью 1920 г. по многочисленным ходатайствам был освобожден. 22.11.1920 избран профессором Государственного клинического института усовершенствования врачей. С 1930 — академик, пенсионер. — *Ред.*] [См.: *Шилов Д. Н. Государственные деятели...* С. 432—436. — *Ред.*]

Саблер Владимир Карлович (13.11.1845—08(09?).09.1929).

Родился в 1845 году. Сын штаб-лекаря и дворянки Тульской губ. Алексеевой. Окончил Московский университет.

«Получил очень серьезное юридическое образование и после недолговременной профессорской деятельности в Московском университете был привлечен К. П. Победоносцевым к службе по духовному ведомству» в должности юрисконсульта.

Женат на аристократке Заблоцкой-Десятовской.

06.05.1905 г. «В. К. Саблер покидает службу в Синоде и назначается членом Государственного совета. Настоящие причины ухода В. К. Саблера не выяснены. Передают, однако, что главной побудительной причиной отставки были коренные разногласия во взглядах на церковные дела между К. П. Победоносцевым и его ближайшим помощником. История этих разногласий, по словам самого В. К. Саблера, очень сложна» (Новый обер-прокурор Св. Синода // Ярославские епархиальные ведомости. 1911. № 21. С. 385).

Из различных позднейших (а отчасти и современных) сообщений печати нетрудно понять, что главным мотивом расхождения В. К. Саблера с К. П. Победоносцевым в 1905 г. был, в конце концов, вопрос о предстоящих неминуемых преобразованиях в Русской Церкви, включая восстановление в Ней Патриаршества, о чем уже тогда немало высказывалось мнений в гражданской и особенно церковной печати, с пожеланием недалекого и положительного разрешения этой проблемы.

Известно, что К. П. Победоносцев смотрел на этот вопрос весьма неодобрительно и занял совершенно отрицательную позицию в деле его положительного разрешения.

На этой именно почве возникали трения К. П. Победоносцева и с Первенствующим членом Св. Синода митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием [Вадковским], и с некоторыми другими иерархами, сочувствовавшими идее восстановления Патриаршества в России.

Через 6 лет, 02.05.1911 года, состоялось назначение на пост обер-прокурора Св. Синода, действительного тайного советника, сенатора В. К. Саблера (Десятовского, по жене).

Позднейшие «научно-атеистические» пошляки, в стремлении опорочить «всех и вся» им неугодных, о В. К. Саблере — «правой руке» давно умершего Победоносцева, — в частности, писали:

Саблер — «на жаргоне Распутина — „Цаблер“ [...] — Не человек, а воск, чистый воск! — расхваливал Саблера Николаю Романову Распутин. — Подогреешь и жми его! Вот царский послушник... И церковник!.. Вот!..» (*Горев М.* Последний Святой. С. 264).

Как бы то ни было, «обер-прокурор В. К. Саблер [...] прекрасно знал Церковь, любил Ее и много работал для Нее; но тут случилась другая беда: его имя в обществе и в Думе связывали с Распутиным» (*Евлогий, митр.* С. 182).

Обер-прокурорство В. К. Саблера продолжалось — и вполне благоплодно для Церкви, несмотря на ряд нежелательных явлений в Ней, что от него не зависело, — до самого ближайшего предреволюционного времени, когда на этом посту его сменил А. Д. Самарин.

В. К. Саблер надолго пережил революцию и испытал на себе некоторую долю репрессий со стороны новой, революционной государственности, как «царский опричник», «махровый реакционер», «распутинец» и т. п.

Так, еще в первые дни революции, 24.04.1918 года, в Москву, под усиленным конвоем [!! — *Сост.*] доставляется арестованный под Новочеркасском, бывший обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода, В. К. Саблер (Десятковский). После недолгого пребывания в заключении, в чрезвычайной следственной комиссии «за отсутствием состава преступления» он, однако, освобождается из тюрьмы. (Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. № 9. С. 2).

Позже, «приватно» проживая в Москве, совершенно устранившись от какого бы то ни было касательства к церковным делам, он влачил довольно жалкое существование. Есть свидетельство, что он не очень благосклонно относился к позиции Святейшего Патриарха Тихона в отношении «внешних». Но с несомненностью следует понимать это его отношение лишь как оценку патриаршей «политики», которую, как известно, последний неуклонно осуществлял до конца дней своих. Что же касается личности Святейшего, то В. К. Саблер, прекрасно знавший Патриарха еще с давних пор, ставил ее, конечно, очень высоко. Кажется, В. К. Саблер считал, что иерарх, возглавляющий при данной ситуации Русскую Церковь, должен бы быть более ярко выраженной лояльной направленности, а может быть, и вообще более «гибким»...

В беседе с пишущим эти строки бывший священник села Колтова (Московская епархия, Каширский уезд), ранее долгое время служивший при храме в имени Саблеров, о. Василий Покровский, рассказал, что в

начале 1920-х гг. он как-то навестил проживавшего в то время в Москве (на Поварской) В. К. Саблера. Последний, в разговоре с гостем о текущем церковном моменте заметил, что, по его мнению, было бы, по-видимому, лучше для Православной Русской Церкви, если бы на Соборе 1917—1918 гг. Патриархом, вместо Святейшего Тихона, оказался избранным тогдашний Владимирский митрополит Сергей [Страгородский].

Оказался ли правым в этой своей мысли В. К. Саблер, теперь может судить каждый, кто более или менее знаком с правдивой историей нашей Церкви за послереволюционный период Ее существования.

В «безбожнической» брошюре некоего К. И. Сахарова, посвященной Святейшему Патриарху Тихону, совершенно неожиданно для читателя самоуверенный автор сообщает, что, в свое время, будто бы обер-прокурор Саблер «очень неодобрительно и подозрительно...» относился к архиепископу Тихону (*Сахаров К. И.* Патриарх Тихон. М., 1925. С. 5). Эта, в полной мере безответственная фраза, нигде и ничем не подтверждаемая, притянута ни к селу и ни к городу автором лишь с целью лишний раз засорить внимание читателя на постоянных внутренних кознях и интригах в Церкви, якобы имевших место в действительности...

Но продолжаем о В. К. Саблере. В широких церковных кругах было хорошо известно о его личной щедрой благотворительности. Отметим здесь лишь малую крупичку из этой области.

В имении Саблеров, в 15 верстах от Каширы, расположенном в прекрасной, живописной местности на берегу Оки, была создана женская богословская семинария, рассчитанная на 500 девочек, с 6-летним курсом обучения. Величественные, многоэтажные корпуса этого замечательного духовно-учебного заведения свидетельствовали о широком размахе его учредителей и попечителей, из которых главным и первым был «никудышный» (по дальнейшему отзыву о. Г. И. Шавельского) В. К. Саблер.

Прекрасно поставленное дело преподавания как специально богословских дисциплин, так и общеобразовательных предметов, а также более чем просто хорошее содержание учениц этой семинарии, отличное питание и вообще весь продуманный общий учебно-воспитательный строй ее, — много десятилетий спустя (когда от всего этого учреждения не осталось и следа!), с любовью и благодарностью вспоминались былыми воспитанницами семинарии, успевшими уже превратиться в древних старух.

Девицам, окончившим семинарию, предоставлялось право преподавания Закона Божия в общеобразовательных школах.

26 сентября, в день местного храмового праздника, на память представления св. ап. и ев. Иоанна Богослова в семинарии бывало боль-

шое торжество и наплыв высокопоставленных, духовных и светских гостей; литургия в этот день совершалась здесь обычно собором епископов в сослужении многочисленного клира. 500 питомиц щедро одарялись различными гостинцами.

Вечером бывал торжественный и многолюдный прием в роскошном доме Владимира Карловича, где присутствовали все члены его семьи: супруга Ольга Андреевна и три сына.

В этот день, в 1916 году, заканчивая в Семинарии официальную, торжественную часть праздника, в предвидении грядущих событий, с теплой речью к питомцам обратился сам Владимир Карлович, который со слезами на глазах дал понять своим многочисленным слушательницам что, очевидно, близятся иные времена, когда, по-видимому, Семинария вынуждена будет прекратить свое существование... В связи с этим Владимир Карлович, завещал девушкам хранить в своей жизни то святое и доброе, что стремилась вложить в их души и сознание эта школа...

В революцию, конечно, все было разграблено и разрушено.

К концу своей жизни, будучи древним старцем, В. К. Саблер был сослан в Тверь (Калинин).

Здесь он, «оставленный на медленную муку [...] буквально голодал, и когда друзья приносили ему кусочек черного хлеба, маститый 85-летний старец плакал от чувства благодарности. Последние годы он провел в Твери, проживая в церковной сторожке...» (Маевский В. А. Сербский Патриарх Варнава. С. 42).

В своих воспоминаниях злой и (кроме себя) всеми недовольный, бывший протопресвитер военно-морского духовенства о. Г. И. Шавельский, даже в строках, посвященных памяти В. К. Саблера, ухитрился сохранить тон Собакевича, так-таки и не усмотрев в его облике совершенно ничего положительного. Он пишет: «Саблер не обладал ни умом Победоносцева, ни непреклонной волей князя Голицына, ни властью Протасова, прежних обер-прокуроров. Он пробыл обер-прокурором всего четыре года, и, однако, он, как ни один из его предшественников и преемников, оказал решительное влияние на склад и характер всей церковной жизни предшествовавшего революции времени. В. К. Саблер был оригинальнейшим обер-прокурором. Он всегда был другом архиереев [...] Но он был другом и всего духовного и особенно монашеского чина. Его приемная всегда была переполнена монахами и монахинями, игуменами и игумениями, архимандритами и протоиереями. Они принимались в первую очередь. Игумены, архимандриты и протоиереи приветствовались троекратным лобзанием. Наблюдатель, правда, мог при этом заметить, что даже кончики усов Владимира Карловича не касались лика отцов. Но... звуки по-

целуев все же раздавались. К игумениям, игуменам и архимандритам Владимир Карлович обращался не иначе, как „мать честная”, „отче святой” и т. п. Посещая монастыри, Владимир Карлович выстаивал шестичасовые монастырские службы, во время которых усердно ставил свечи, отбивал поклоны, вообще являл пример самого истового благочестия. Речь В. К., с кем бы он ни разговаривал, была пересыпана священными изречениями и словами, — даже от нее пахло елеем и ладаном. Ревность к делу у В. К. не оставляла желать большего. Он был занят каждый день и все время — с утра за полночь: очень часто он принимал посетителей после 12 часов ночи. Он все время был в суете и работе и все время, казалось, дышал церковностью. Какого же еще можно было желать обер-прокурора? Императрица и царский духовник, протоиерей А. П. Васильев, так и считали, что лучшего обер-прокурора Св. Синода, чем В. К. Саблер, и не может быть...

Чем же ознаменовалось хозяйничанье [! — *Сост.*] Владимира Карловича? [...]

Награды сыпались как из рога изобилия. Архиеереи, архимандриты, игумены, священники были засыпаны всевозможными наградами. Викарии награждались такими орденами, каких раньше с трудом удаивались архиепископы. Сорокалетние архиеереи возводились в архиепископы, награждались крестом на клобуки — наградой, которой раньше сподоблялись лишь престарелые архиепископы. Митра для белого духовенства стала почти обычной наградой и т. д. и т. п. [...]

Множество наградных дел [...] должны были бы свидетельствовать о [...] расцвете церковной жизни [...] Конечно, ничего подобного не было. Если можно говорить о каком-либо обязанном мощному содействию и покровительству Владимира Карловича расцвете, то только о болезненном [! — *Сост.*] расцвете так называемого „ученого” монашества, в руках которого и раньше была иерархическая власть Русской Церкви, а теперь оказалось и духовно-учебное дело. В „царствование” В. К. развилась какая-то эпидемия пострижений студентов Духовных Академий, пострижений без счету, выбору и разбору, своего рода скачек к архиерейскому омофору. Это безнравственное [! — *Сост.*] и уродливое [! — *Сост.*] явление в последнее время привело к измельчанию архиерейства, омирщению монашества, развалу [? — *Сост.*] руководимых монахами духовных учебных заведений» (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 1. С. 281—286).

Как все это поразительно пахнет... обновленчеством!

Здесь о. протопресвитер явно «пхает телегу в мешок», но она не лезет. «Развал» духовно-учебного дела в предреволюционное время если и имел в действительности некоторое место, то должен быть отнесен не

за счет администрирования никуда не годного — по убеждению Шавельского — обер-прокурора В. К. Саблера (каких мирян дай Бог побольше в Русской Церкви и впредь!), а за счет инициативы и закулисного влияния в этом деле со стороны различных церковно-думских и профессорских элементов с их подпевалами в рясах и видмундирах из титулиновско-львовской «стаи славных», — всех тех «прогрессивных» и «либеральных» батюшек (особенно из столичных!) и профессоров, которые давно уже начали свою подпольную «работу» по подкапыванию Дома Божия... Отбросив здесь излишнюю скромность, следует вспомнить, что и сам о. протопресвитер являл собою в то время достаточно рельефный тип столичного «прогрессивного» батюшки с немалой долей обновленческой лигатуры в своем пастырском облике. И недаром его фамилия украшает собою страницы злобного пасквиля на Русскую Церковь бывшего его подчиненного священника и — в некотором роде — питомца, А. И. Введенского («Церковь и государство», с. 109—110), где о. Шавельский совершенно недвусмысленно (хотя, правда, и бездоказательно, как всегда у этого автора) выводится весьма «бунтарски» настроенным иереем, готовым принять самые левые обновленческие «идеи»... Надо думать, что в эмиграции о. Г. И. Шавельский имел полную возможность заново переосмыслить эту свою былую позицию и вполне отречься от нее¹.

Далее, в мемуарах своих, он пишет следующее о В. К. Саблере:

«При некоторых своих несомненно хороших качествах ума и сердца, В. К. принадлежал к числу людей, для которых интересна сервировка стола, а не яства, что на столе; которых новая лампадка в иконостасе или киот больше радует, чем новая, свежая и сильная богословская мысль; которых пропуск нескольких стихир или псалмов за всенощной в духовной семинарии беспокоют больше, чем безобразная постановка в этой семинарии богословской науки. [...]

Из В. К. Саблера, может быть, вышел бы хороший художник, поэт, еще лучший анекдотист-рассказчик, наверное — отличный старообрядческий начетчик, а судьба поставила его у кормила Церкви в самую серьезную пору жизни русского народа. [...]

В[ладимр] К[арлович] [...] на все смотрел как-то легко и просто: пусть будет книга самая пустая, но лишь бы в красивой обертке; пусть совсем загниет жизнь в монастыре, но лишь бы там красиво служили; пусть „святой” отец будет с пустыми головой и сердцем, но лишь бы вид его был „ипостасен”: важен на вид, сановит — в церковном смысле, непременно при длинной бороде и таких же волосах».

¹ Об эволюции взглядов протопресвитера Г. И. Шавельского речь пойдет ниже. См. комментарий 30. — *Примеч. ред.*

Поразительно, как все это нервирует о. Г. И. Шавельского! О, крамольный душок обновленческого тления, не выносящий никакой священной, национально-религиозной традиции! Как все это не по нутру нашему прогрессивному о. протопресвитеру — «умеренно-подстриженному» и с бородкой а ля Генрих Птицелов. Это — не мелочь! даже здесь просачивается их разрушительная, ядовитая преемственность. До чего же все это тесно переплетено, начиная от «реформ канонических» и кончая «рубашечками-фантази», о которых говаривал в свое время Антонин [Грановский].

«Характерна еще одна особенность В. К. Саблера. Казалось, где найти большего благодетеля для архиереев и всего духовного чина, чем Саблер? Когда только и как только ни целовал он владык и «честных отцов»! И, несмотря на это [...] ни раньше, ни позже — не было столько архиерейских перемещений и, кажется, даже увольнений на покой, как при нем.

Время пребывания Саблера у власти ознаменовалось: а) страшным упадком во всех отношениях, кроме количественного [! — *Сост.*], так называемого „ученого” монашества, широко открывавшего двери для всяких искателей приключений; б) понижением умственного и нравственного уровня в архиерействе [?! — быть может, и в протопресвитерстве? — *Сост.*]; в) расстройством и упадком духовно-учебных заведений, в особенности Духовных семинарий и академий; г) омирщением монастырей; д) огромным понижением образовательного, — при огромном повышении общего образования в России, — уровня в среде сельского белого духовенства, развитием „фельдшеризма” в пастырстве вместо „докторства”; е) общей отсталостью церковной жизни и работы; ж) совершенным не использованием огромных монастырских и других церковных богатств, все время остававшихся под спудом, пока не разграбили их большевики.

Сторонники Саблера укажут на его добродетели. [...] Я совсем не хочу отрицать ни некоторых добрых качеств, ни добрых дел Саблера, но считаю, что положительное, сделанное им для Церкви было столь мелко и ничтожно в сравнении с тем, что можно и должно было сделать при наличии тех сил и средств, которыми тогда располагала Церковь, что об этом положительном и говорить не стоит. Самое же главное в том, что тон, взятый Саблером, самый характер его работы были разрушительны для Церкви» [?! — *Сост.*] (*Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 1. С. 286*).

Такова, в конце концов, нелестная оценка деятельности благодетелей В. К. Саблера как обер-прокурора Синода со стороны одного из последних синодальных членов. И однако здесь же, в вос-

поминаниях своих, о. Шавельский, незаметно для себя, проговаривается, указав, несколькими строками ранее, что В. К. Саблер «как ни один из его предшественников и преемников, оказал решительное влияние на склад и характер всей церковной жизни предшествовавшего революции времени».

Если же — как теперь известно — «предшествовавшее революции время» привело нашу Церковь к Патриаршеству, то доля заслуги в этом принадлежит, бесспорно, и В. К. Саблеру, ибо и он был одним из «Никодимов» Русского Патриаршества...

Стало быть, отбросив все второстепенное, в итоге общей оценки В. К. Саблера и его служения Церкви на антицерковном — в существе своем — посту обер-прокурора, следует признать, что деятельность его в целом была весьма положительной, проникнутой любовью и доброжелательством к духовенству и верующему народу и окрашена тем духом церковности, который мы тщетно стали бы искать у новых церковных «радетелей» типа о. протопресвитера и иже с ним.

В. К. Саблер не искал козлов отпущения — на кого бы свалить все те незадачи, доставшиеся ему в Русской Церкви в наследие от его многочисленных предшественников, а как умел и понимал, старался поощрять все то положительное и доброе, находившееся в сфере его компетенции и, может быть, действительно, меньше чем следовало бы боролся с безмерно распустившимися в его время так называемыми обновительными тенденциями, разъедавшими (пока что изнутри) организм Русской Церкви. Таким образом, по всей справедливости, единственной коренной ошибкой благочестивого и церковного — в самом лучшем смысле этих слов — обер-прокурора В. К. Саблера была его аристократическая и юридическая терпимость в отношении лукавых, политиканствующих батюшек своего времени, охотнее обивавших пороги различных конспиративных «Союзов 32-х» или думских «кулуаров», чем вверенного их попечению приходского храма.

И, наконец, если верующие православные люди призываются к подражанию «наставникам» своим и назиданию, взирая на конец живота их, то применительно к о. Шавельскому и В. К. Саблеру, лишь последний, но никак не первый, являет собою достойный вечного поклонения, подлинно православный и религиозный пример!

А дар назидания своей смертью — дается немногим... [См.: Шилов Д. Н. Государственные деятели... С. 645—649. — *Ред.*]

Самарин Александр Димитриевич (30.01.1868—30.01.1932).

«А. Д. Самарин [...] — представитель славянофильской династии (племянник знаменитого славянофила Ю. Ф. Самарина и сын

Д. Ф. Самарина, также известного славянофила) — пользуется огромной популярностью среди московской интеллигенции. Будучи очень религиозным человеком консервативного склада, А. Д. Самарин с юных лет выступал в качестве церковного публициста: в 1890-е годы он приобретает известность своей резкой полемикой с В. С. Соловьевым, которая ведется им со строго православных позиций. Репутация строго православного деятеля обеспечивает ему влиятельное положение в московском земстве и назначение в 1915 году на пост обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода. На этом посту А. Д. Самарин проявляет необыкновенную стойкость и принципиальность. „Это личное назначение царя [...] оказалось неудачным для власти, потому что Самарин, человек правых убеждений, был слишком честен и непреклонен в своих религиозных убеждениях и мешал извилистой и нечистой церковной политике, корни которой через Распутина восходили к императрице”» (*Миллюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 205.*)

«В самом начале своей деятельности Самарин заявил царю, что он не отвечает за управление делами Православной Церкви, если Распутину будет разрешено влиять на них из-за кулис. [...] Самарин — один из самых популярных и уважаемых членов Правительства [...] Нужно напомнить, что Распутину удалось добиться назначения своего друга Варнавы [Накропина] епископом Тобольским. Поведение последнего вызвало в обществе такое возмущение, что Самарин призвал его к ответу. В результате он сам был уволен» (*Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1922. С. 142—144.*)

Увольнение обер-прокурора А. Д. Самарина состоялось в связи с «распутинским засильем» в Синоде, вылившемся в известное «варнавинское дело» о незаконном прославлении Святителя Тобольского Иоанна [Максимовича].

«Московское депутатское дворянское Собрание постановило выразить Самарину скорбь по поводу оставления им поста обер-прокурора Св. Синода. Это была первая ласточка революции: московское дворянство выражало скорбь по поводу действий государя!..» (*Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 1. С. 373.*)

В первые после революции годы имя А. Д. Самарина не сходит со страниц доживавшей свои последние дни церковной печати, а позднее муссируется в самой «отрицательной» окраске в печати так называемой «антирелигиозной», обличающей его в крайней контрреволюционности.

В действительности, в эти годы А. Д. Самарин, подобно ряду других — в прошлом высокопоставленных — лиц, сумел вполне отрече-

шиться от всяких политических «надстроек» и целиком переключился в сферу религиозных, церковных интересов, всегда бывших ему близкими. Так, летом 1917 года он фигурирует на епархиальном съезде духовенства и мирян, экстренно созванном для избрания Московского митрополита, как один из возможных кандидатов на Московскую кафедру, а несколько позже развивает активную церковно-общественную деятельность на посту Председателя правления объединенного союза приходских советов Московской епархии. И, конечно, эта, весьма полезная для Церкви его деятельность, сейчас же берется под обстрел «безбожниками» и, в конце концов, дорого обходится ему — не раз влачимо по судам и трибуналам в качестве обвиняемого в... контрреволюции.

[Первый раз А. Д. Самарин был арестован в октябре 1918 г. и провел полтора месяца в тюрьме. Затем в 28.08.1919 был вновь арестован по делу Совета объединенных приходов (так называемое «дело Самарина—Кузнецова»). 11—15 января 1920 г. состоялся показательный открытый судебный процесс, на котором А. Д. Самарин был приговорен к высшей мере наказания — к расстрелу, который был заменен бессрочным заключением. Освобожден в марте 1922 г. В конце 1925 г. был арестован по делу митрополита Петра (Полянского) и приговорен к 3 годам ссылки в Якутию, после окончания ссылки вновь был сослан. — *Ред.*]

Последние годы жизни А. Д. Самарин проводит в Костроме, куда был сослан как «социально-опасный элемент». Здесь нередко можно было видеть его в роли чтеца или псаломщика в одной из не закрытых, тогда еще, местных церквей.

17(30).01.1932 г. А. Д. Самарин скончался.

Погребен на Александро-Невском кладбище г. Костромы. [См.: *Широв Д. Н. Государственные деятели... С. 656—658. — Ред.*]

Волжин Александр Николаевич (08.05.1860—02.01.1933).

[Из дворянской семьи. Окончил гимназический и университетский курс в Императорском лицее цесаревича Николая. С 1889 г. на службе в МВД. Член Государственного совета. 14.12.1917 уволен со службы. После Февральской революции выехал на юг страны. В 1918 г. эмигрировал. Жил на Мальте, в Италии, Баварии, а последние годы во Франции. Похоронен на русском кладбище в Кокал в Ницце (Франция). — *Ред.*]

В Могилеве (царской ставке во время русско-германской войны) обер-прокурором Св. Синода «на место Самарина, был назначен гофмейстер Александр Николаевич Волжин, занимавший должность директора департамента общих дел Министерства внутренних дел. В состав нового Синода, кроме митрополитов и архиереев, по предложению обер-прокурора были включены два протопресвитера» —

А. А. Дернов¹ протопресвитер придворного духовенства и Г. И. Шавельский — военного и морского. (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 1. С. 373).

Об увольнении А. Н. Волжина тот же автор высказывается так:

«Слетел с своего поста обер-прокурора Св. Синода А. Н. Волжин. Честный, прямой и благородный, он [...] не пошел по пути компромиссов и этим сразу восстановил против себя „Царское” [Село. — *Сост.*]. Что он отказался от знакомства со „старцем” [Распутиным. — *Сост.*] и уклонился от визита Вырубовой, уже одного этого там не могли простить ему. Но он, кроме того, вел борьбу не на жизнь, а на смерть с митрополитом Питиримом [Окновым]. При поддержке своих верных друзей, как и надо было ожидать, митрополит Питирим победил» (там же. Т 2. С. 64). [См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели... С. 147—149. — *Ред.*]

Раев Николай Павлович (1856—1919).

[Из духовного звания. Окончил институт восточных языков. С 1879 г. на государственной службе в Министерстве народного просвещения. Директор Петербургских высших женских курсов. — *Ред.*]

Далее следует назначение на пост обер-прокурора Св. Синода «избранного митрополитом Питиримом директора женских курсов Н. П. Раева, известного лишь тем, что он был сыном Петербургского митрополита Палладия [Раева] [...]

Ближе всех к митрополиту Питириму был Раев, ибо в свое время теперешний митрополит пользовался покровительством его отца, Петербургского митрополита Палладия (Раева), выдвинувшего Питирима, когда он был архимандритом на пост ректора Петербургской духовной семинарии.

Н. П. Раев раньше не служил в духовном ведомстве. Вся его служба прошла на педагогическом поприще. Близость его к Церкви выражалась лишь в том, что отец его [...] когда-то был Петербургским митрополитом. О занятии обер-прокурорской должности год тому назад Н. П. Раев, уже близившийся к преклонному возрасту (ему тогда было за 60 лет), не мог и мечтать [...]

¹ Дернов Александр Александрович (12.02.1857—12.10.1923), протопресвитер. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию в 1882 г., кандидат богословия. Служил в храмах Санкт-Петербурга. 17 февраля 1915 г. назначен заведующим придворным духовенством и протопресвитером соборов Зимнего Дворца и Московского Благовещенского. После революции служил в Петрограде. Был арестован по делу митрополита Вениамина (Казанского), отпущен по ходатайству А. И. Введенского, но категорически отказался признать обновленчество. — *Примеч. ред.*

Я [...] впервые увидел Раева. В парике ярко черного цвета, с выкрашенными в такой же цвет французской бородкой и усами, с чуть ли не раскрашенными щеками, в лакированных ботинках, — он производил впечатление молодившегося старика довольно неприличного тона. В Синоде он держался очень просто. [...]

Этот господин по какой-то злой насмешке судьбы попал в церковные кормчие» (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 66—67). [См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели... С. 619—620. — *Ред.*]

Львов Владимир Николаевич (02.04.1872—1934 (1941?)).

[Помещик. Депутат III и IV Государственных Дум от Самарской губ., октябрист, конституционный демократ, в обеих Думах председатель комиссии по делам Русской Православной Церкви. Окончил юридический и историко-филологический факультеты Московского университета, вольнослушателем посещал лекции в МДА. В 1905 г. участвовал в организации в Самаре и Самарской губернии отделений «Союза 17 октября». Член партии октябристов. В августе 1915 г. вошел в прогрессивный блок. Из шести списков будущего правительства, составленных и опубликованных в 1915 г., фигурировал в четырех в качестве обер-прокурора Св. Синода. Во время Февральской революции избран 27.02.1917 членом Временного Комитета Государственной Думы. 28.02.1917—05.08.1917 обер-прокурор Св. Синода при Временном правительстве. 03.03.1917 участвовал в переговорах с вел. кн. Михаилом Александровичем о его отречении от престола. 14.04.1917 реорганизовал состав Св. Синода (заменяв почти весь его состав). 21.07.1917 подал в отставку. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. Выбыл из состава Собора. Участвовал в организации Корниловского выступления — по собственной инициативе был посредником между Керенским и Л. Г. Корниловым. 26.08.1917 был арестован, вскоре освобожден. Октябрь 1917 г. встретил в г. Бугуруслане, политической деятельностью не занимался. Отступая с войсками А. В. Колчака, в январе 1920 г. выехал в Японию, затем во Францию. В ноябре 1921 г. примкнул к «сменовеховству», выступил в Париже с докладом на тему «Советская власть в борьбе за русскую государственность» и в 1922 г. вернулся в Россию, примкнул к обновленческому расколу, член обновленческого ВЦУ. В 1927 г. был арестован по уголовному делу и по постановлению Коллегии ОГПУ от 29.04.1927 выслан в Томск на 3 года. В сентябре 1929 г. из ссылки освобожден и оставался на жительство в Томске, где и скончался. По другим данным, расстрелян в Москве в конце 1941 г. — *Ред.*]

В. Н. Львов «крупный самарский помещик, примыкавший в 4-й Думе к националистам (партия Столыпина), войдя перед революцией в „желтый блок“, получил во Временном правительстве портфель обер-прокурора, так как в кругу своих единомышленников в Думе имел репутацию специалиста по церковным делам. Между тем, быть специалистом по каким бы то ни было делам он никак не мог: человек удивительно поверхностный, ни к чему, кроме произнесения ли-

беральных речей, не способный и комически самовлюбленный, он представлял собой совершенно карикатурную фигуру; есть что-то роковое в этом — в том, что русская церковная реформация прямо начала с оперетки» (*Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 32*).

В. Н. Львов — бывший председатель Комиссии по делам Православной Церкви Государственной Думы; «Октябрист-корниловец». Первый «революционный» обер-прокурор Временного правительства, В. Н. Львов был хорошим предтечей будущего безбожническо-обновленческого блока, обрушившегося впоследствии на Русскую Церковь, и положительная роль его (Львова) заключается в том, что своей безумной и безобразной деятельностью на посту обер-прокурора он сразу же открыл глаза широким слоям иерархии, клира и мирян на то, чего следует ожидать и опасаться Русской Церкви в будущем от сложившейся внутригосударственной действительности. Надо думать, что эта «деятельность» В. Н. Львова немало способствовала болезненному заострению церковного сознания в сторону охранения и спасения Церкви от произвола и ужаса всех видов церковного «либерализма» и «свободы»; единодушные большинства соборян 1917—1918 гг. в деле восстановления канонического строя церковного явилось, по видимому, одним из положительных церковных «ответов делом» на разрушительные происки церковных деятелей типа В. Н. Львова.

И только в этом негативном смысле прослеживается некая «положительная» роль погромно-полицейской деятельности «революционного» обер-прокурора.

Начал он «с треском».

15(28).03.1917 года, под заголовком «Трагедия Св. Синода» газеты сообщили о смятении и возмущении синодальных членов, вызванных «бурной» деятельностью нового обер-прокурора, возомнившего себя повелителем Церкви.

«Члены Св. Синода переживают тяжелые дни. Заседаний нет, обер-прокурор в Москве [поехал будировать церковное население и клир против своего Архипастыря, митрополита Макария Невского! — *Сост.*]. Все время идут частные совещания то в квартире одного члена Синода, то другого. Положение создалось тягостное и неопределенное. Никто из синодальных архиереев не знает, что сулит ему грядущий день.

Депутация из членов Св. Синода была у М. В. Родзянко, была и у председателя Совета Министров кн. Львова [Георгия Евгеньевича. — *Сост.*], но эти визиты не дали в руки членов Св. Синода ничего определенного.

Правда, кн. Львов заявил, что новый обер-прокурор „несколько горячий человек”, но и только.

Из думских кругов докатились до Синода слухи о том, что якобы В. Н. Львова скоро заменит новое лицо. Слухи эти вселили было некоторую надежду, но потом оказалось, что они нуждаются в большой проверке» (Свободная Церковь. Пг., 1917. № 1. С. 1).

Однако за три недели до открытия Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг., по указу Временного правительства, В. Н. Львов освобождает обер-прокурорское кресло, уступив его следующему — последнему — обер-прокурору Святейшего, но уже не «Правительствующего» Синода.

Как участник «корниловского мятежа» В. Н. Львов некоторое время обретается «в нетях», а затем — позднее — появляется в среде эмиграции, в Берлине.

В момент зарождения обновленческой авантюры он вновь, неожиданно, оказался в Москве, пытался примазаться к обновленческому ВЦУ, выступал за обновленцев на многочисленных тогда общественных церковных диспутах и всячески жонглировал и заискивал перед новыми гражданскими и церковно-«революционными» властями. Обновленцы, по-видимому, не сочли для себя выгодным компрометировать свою «идею» близостью с представителем дурацкого Временного правительства, и вскоре В. Н. Львов — как это часто случалось в те годы, исчезает с горизонта...

Был Львов, и — нет Львова. Никто о нем и не вспоминал.

В начале 1960-х гг. Патриарший Экзарх в Средней Европе архиепископ Берлинский Сергей [Ларин], в неофициальной беседе с карловацким епископом Нафанаилом [Львовым], сыном обер-прокурора, выяснил, что родитель этого раскольнического иерарха окончил дни свои в далекой сибирской ссылке в г. Томске...

Карташев Антон Владимирович (11.07.1875—10.09.1960).

[Профессор, церковный историк. По окончании Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1898 г. со степенью кандидата богословия оставлен в ней профессорским стипендиатом, а с 1899 г. — и. д. доцента СПбДА. С 1905 г. — профессор Высших Бестужевских женских курсов. После окончания Академии активно вовлекся в общественную жизнь. Он начинает печататься под псевдонимами в различных изданиях. Когда об этом стало известно в Академии, то ему предложили выбрать или преподавание, или журналистику; он выбрал последнее и стал активно печататься уже под своим именем. После Февральской революции Временное правительство назначило обер-прокурором Св. Синода В. Н. Львова, который предложил пост своего помощника А. В. Карташеву. После того как В. Н. Львов покинул свой пост, на его место был назначен А. В. Карташев, а после упразднения поста обер-прокурора он становится первым министром вероисповеданий, которым пробыл

только 10 дней. Всю свою энергию Антон Владимирович сосредоточил на скорейшем созыве Поместного Собора Православной Российской Церкви. Член Предсоборного Совета и Священного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. В конце 1917 г. был арестован среди других министров Временного правительства, был освобожден по ходатайству Собора. В 1918 г. эмигрировал. С 1925 г. — профессор Богословского института в Париже. Автор значительного числа научных публикаций. Его многочисленные труды сосредоточены преимущественно на двух темах: «Воссоздание Святой Руси» и «Вселенская миссия православия», «Очерки по истории Русской Церкви» в 2-х томах. — *Ред.*]

30.03(12.04).1917 года, указом Временного правительства, Председатель религиозно-философского общества А. В. Карташев назначается товарищем обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова, а 24.07(07.08) того же года состоялось назначение его обер-прокурором Святейшего Синода.

Антон Владимирович Карташев родился в 1875 г. Уроженец г. Екатеринбург (Свердловск); в 1899 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию; профессорский стипендиат по кафедре истории Русской Церкви; 1907 — читает курс истории Русской Церкви на высших женских курсах; заведующий богословским отделом Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге; Председатель религиозно-философского общества; магистр богословия; член Предсоборного Совета; член Собора 1917—1918 гг. (на коем избран членом Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне).

Вся его недолгая обер-прокурорская деятельность была вполне благоприятной для Церкви и содействовала всем тем положительным церковным тенденциям, которые в итоге своем дали восстановление канонического строя нашей Церкви.

05.08.1917 года, в самом преддверии Собора, обер-прокуратура, как явление церковно-ублюдочное и порожденное самыми крайними, «махровыми» устремлениями монархизма, ликвидируется и вместо нее учреждается Министерство исповеданий. Министром исповеданий назначается тот же А. В. Карташев.

Однако вскоре же 10(23).09.1917 г. «газеты сообщают, что [...] министр Исповеданий А. В. Карташев вручил заместителю министра-председателя [Временного правительства. — *Сост.*] М. И. Терещенко для передачи А. Ф. Керенскому [...] заявление на имя министра-председателя» об увольнении его с поста министра исповеданий «в виду ясно определившегося засилия социалистов над Временным правительством и невозможности подлинной коалиционной структуры кабинета».

На просьбу М. И. Терещенко взять заявление обратно «А. В. Карташев категорически отказался сделать это» (Политическое обозре-

ние: Указ А. В. Карташева // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 110. С. 4).

Впоследствии А. В. Карташев эмигрирует за границу. На закате жизни работает над историей Русской Церкви и читает курс ее в Богословском Институте в Париже. (Изданы два тома, третий остался в рукописи.)

Скончался последний обер-прокурор Русской Церкви А. В. Карташев в Париже, в конце 1950-х гг. [†10.09.1960. — *Ред.*]

26. Некоторые сведения о чинах канцелярии Святейшего Правительствующего Синода, Собора 1917—1918 гг. и Патриаршего Высшего Церковного Управления

На страницы истории возрожденного патриаршества, со всяким благодарением должны быть занесены имена: П. В. Гурьева, Н. В. Нумерова, С. Г. Рункевича, В. Н. Самуилова, В. И. Яцкевича и Невского.

Эти лица, из числа руководящих технических работников бывшего аппарата Святейшего Правительствующего Синода немало потрудились в деле обеспечения бесперебойной работы Собора 1917—1918 гг., а после восстановления Патриаршества на этом Соборе и разработки структуры органов Высшего Церковного Управления при Святейшем Патриархе создали и обеспечили гармоничное функционирование как обоих вспомогательных органов ВЦ Управления: Патриаршего Священного Синода и Высшего Церковного Совета, так равно и личной канцелярии Святейшего Патриарха Тихона.

Если принять во внимание условия тогдашней церковной жизни и весь объем происшедшей церковно-административной ломки, то самоотверженный, огромный труд этих людей поистине следует назвать героическим.

Эти «царские чиновники» на деле оказались подвижниками и вернейшими сынами своей Матери-Церкви в тяжелейший момент Ее жизни...

Гурьев Петр Викторович. Родился в 1863 г., сын протоиерея Московской епархии, окончил Московскую Духовную Академию, магистр богословия. С 1890 г. — старший секретарь канцелярии Святейшего Правительствующего Синода; коллежский ассессор; 1900 г. — заведующий канцелярией Училищного Совета при Святейшем Синоде, член оногo. 1912 г. — Управляющий канцелярией Святейшего Синода; действительный статский советник. Член Предсоборного Совета. 1917—1918 гг. — товарищ секретаря Всероссийского Поместного Собора. Член Соборного Совета. Член Юридического Совещания при Соборном Совете. 1918 г. и далее — Управляющий канцелярией Пат-

риаршего Священного Синода и Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне.

В 1923 году, после несостоявшегося судебного процесса по делу «гр. Беллавина и др.», — в коем он был одним из главных обвиняемых лиц, — П. В. Гурьев находился некоторое время в заключении во Владимирской тюрьме совместно с многими другими «церковниками». [Был арестован в 1922 г. В 1924 г. отправлен в ссылку в Туркестан, Бухару.— *Ред.*]

Дальнейшая судьба его неизвестна.

Нумеров Николай Васильевич. Родился в 1875 г., кандидат богословия. Обер-секретарь Святейшего Правительствующего Синода. Заведующий общей канцелярией Поместного Собора 1917—1918 гг. и делопроизводитель Соборного Совета. [В 1918—1922 гг. делопроизводитель (секретарь) канцелярии Священного Синода и Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне. — *Ред.*]

Он упоминается в исторических актах Русской Церкви, связанных с узурпацией патриаршей власти обновленческими авантюристами. В частности, фамилия его начертана в известной патриаршей резолюции о передаче временного исполнения патриарших функций митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), (1922). [В апреле 1922 г. Н. В. Нумеров был арестован в Москве по делу Высшего Церковного Совета, но вскоре был освобожден. — *Ред.*]

Дальнейшая судьба его неизвестна.

Рункевич Степан Григорьевич. Родился в 1867 г. [В 1891 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, в 1894 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1900—1911 гг. Обер-секретарь Святейшего Синода. Одновременно занимался научной деятельностью: в 1900—1907 гг. приват-доцент Санкт-Петербургского университета. — *Ред.*] Доктор церковной истории (1901). Помощник управляющего канцелярией Святейшего Правительствующего Синода [1911—1917]. Член Учебного Комитета при Св. Синоде [1903—1912]. Непременный член Медицинского Совета Министерства внутренних дел [1912—1917]. Член Предсоборного Совета. Член Св. Собора 1917—1918 гг. Председатель Редакционного Отдела Собора. Член Хозяйственно-распорядительного Совещания при Соборном Совете.

Автор многих церковно-исторических работ.

[Среди наиболее известных работ С. Г. Рункевича: Александро-Невская лавра, 1713—1913. СПб., 1913; Великая Отечественная война и церковная жизнь. Пг., 1916; История Минской архиепископии, 1793—1832. СПб., 1893;

Религиозные мотивы в сочинениях Пушкина. СПб., 1899; Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. СПб., 1897; История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1900 (за которую он был удостоен степени доктора церковной истории); Приходская благотворительность в г. Санкт-Петербурге. СПб., 1914.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится личный архивный фонд С. Г. Рункевича.

Необходимо отметить, что С. Г. Рункевичу принадлежит неоценимая заслуга по спасению церковных архивов Русской Православной Церкви, особенно сохранению архива Священного Собора 1917—1918 гг. После закрытия Собора, Степан Григорьевич проживает в Москве в Епархиальном доме, оставаясь членом делегации Собора по сношению с советской властью. Когда власти конфисковали Епархиальный дом из церковного ведомства и передали другим организациям, он добился, чтобы находившиеся там архивы Высшего Церковного Управления были на время оставлены в нем. Вместе с тем он сохранил и комнату, в которой сам проживал. Соборный архив Рункевич поместил в «особом шкафу», а архив Св. Синода и другие архивные материалы перенес к себе в комнату. Все эти архивы в то время, практически не имея никаких гарантий сохранности, находились на его личном попечении. До 1920 г. С. Г. Рункевич прилагал усилия для сохранения церковных архивных фондов. Он понимал, что сохранить архивы можно, только передав их под опеку государства в Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Сознывая свою личную ответственность за судьбу оказавшихся на его попечении церковных архивов, он прилагал все усилия, чтобы обеспечить их сохранность. Независимо от складывающихся обстоятельств, он стал приводить в порядок находившиеся в его комнате архивные материалы, готовя их к передаче в ЕГАФ. Многие дела Св. Синода и его учреждений, «оставшиеся без ответственного досмотра делопроизводства», были им «разобраны, снабжены индивидуальными описями и занесены в общую опись по каждому учреждению». Относительно архива Поместного Собора церковным руководством первоначально не было принято решения о передаче его в ЕГАФ. Но предвидя опасность, угрожающую соборному архиву, С. Г. Рункевич предпринял ходатайство, согласно которому ВЦУ согласилось передать, и Главархив принял в ЕГАФ и архив Собора. В очень нелегкой обстановке С. Г. Рункевичу приходилось хранить архивы и заниматься работой по их разбору. Само управление Главархива было заинтересовано, чтобы переданный в ЕГАФ соборный архив был приведен в порядок участником Собора. И здесь Степан Григорьевич оказался наилучшим исполнителем. Он, будучи председателем Редакционного отдела Собора, как никто другой представлял логические связи между массами разрозненных, находящихся в беспорядке документов. Уже к осени 1921 г. он составил и подготовил опись. В декабре 1921 г. «московский» архив Св. Синода был переправлен в Петроград и передан в ЕГАФ, туда же Рункевич препроводил четыре доклада «о находящихся в Москве архивах бывшего духовного ведомства». И только закончив дела, связанные исключительно с судьбой церковных архивов, он вернулся в конце 1922 или начале 1923 г. в Петроград. 12 марта

1924 г. С. Г. Рункевич скончался. И только тогда, когда появилась возможность работать с «закрытыми» архивами, мы можем по достоинству оценить, какую огромную услугу оказал Церкви этот выдающийся человек, обеспечив в годы лихолетия сохранность и будущее церковных архивов. (По статье: *Щеглов Г., Ионов А.* Делегация Высшего Церковного Управления и церковные архивы в первые годы после Октябрьской революции // Церковно-исторический вестник. 2004, № 11. С. 155—159). — *Ред.*]

Самуилов Вячеслав Никандрович. Родился в 1862 г., магистр богословия. Правитель дел Учебного Комитета при Святейшем Синоде. Член Собора 1917—1918 гг. Секретарь Отдела Собора о Духовно-учебных заведениях. Заведующий Протокольной Частью канцелярии Священного Собора и составлением Соборных Деяний.

Имя его также упоминается в патриарших актах двадцатых годов. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Яцкевич Виктор Иванович. Род. в 1862 г., кандидат богословия. Директор департамента по делам Православной Церкви. Член Предсоборного Совета. Член Собора 1917—1918 гг. и т. д.

[Родился в Витебской губернии. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, кандидат богословия. С 1887 г. состоял на службе в Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. 1898 г. старший столоначальник. 1903 г. вице-директор, а с 1910 г. директор канцелярии. С 1912 г. член Учебного комитета при Святейшем Синоде. Кроме того, был членом статистического совета МВД, директором департамента православных вероисповеданий. В 1917 г. участвовал в работе Государственного Совета. В 1918—1921 гг. работал в Петроградском отделении центрархива ВЦИК. С 1921 г. до дня смерти — ученый секретарь Государственной археографической комиссии, заведующий научным архивом и канцелярией. В марте 1922 г. был арестован по «делу митрополита Вениамина (Казанского)», но вскоре освобожден. Скончался 13 ноября 1924 г. в Ленинграде и был похоронен на кладбище Александро-Невской лавры (могила не сохранилась). — *Ред.*]

27. Порядок заседаний Святейшего Правительствующего Синода в предреволюционное время

В самое ближайшее предреволюционное время состав Святейшего Правительствующего Синода и условия, в которых протекала его повседневная работа, по отзыву протопресвитера военного и морского духовенства, о. Г. И. Шавельского, бывшего одно время членом Синода, — выглядели следующим образом.

«За полтора года моего присутствия в Синоде, в течение трех сессий в нем перебивало много членов — архиепископов и епископов. Среди них были весьма достойные, как твердый, неподкупный, прямой и умный Новгородский епископ Арсений (Стадницкий), лучший

наш богослов, архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), осторожный и чистый архиепископ Литовский Тихон, безгранично прямой и открытый епископ Рязанский Димитрий (Сперовский). К ним же я должен отнести и прямого, иногда до резкости, честного придворного протопр[есвитера] А. А. Дернова. Были сознававшие необходимость реформ и рвавшиеся к ним, как архиепископ Тверской Серафим (Чичагов). Были и недостойные. [...]

Скажу теперь о деловой работе Св. Синода.

Заседания происходили по понедельникам, средам и пятницам от 11 до 1 ч. дня. В экстренных случаях назначались заседания и в другие дни, иногда в вечерние часы. Домой члены Синода обычно никаких дел с собой не брали и ими дома не занимались. Поступившие в Синод дела предварительно переваривались в синодальной канцелярии и уже в переваренном виде докладывались секретарями и обер-секретарями этой канцелярии на заседаниях Синоду.

На заседания члены Синода прибывали без лент, но обязательно со звездами на груди и занимали по старшинству места по обеим сторонам длинного стола, стоявшего против портрета государя, перпендикулярно к внутренней стене, посреди огромного продолговатого зала. Центральное, высокое с короной кресло под царским портретом, как предназначенное для государя, всегда оставалось незанятым. Обер-прокурор со своим товарищем садился за столом, стоящим около задней стены; управляющий синодальной канцелярией и его помощник — за другим столом, недалеко от входа в зал. Докладчик становился на кафедру у самого синодального стола против портрета государя. Как обер-прокурор, так и прочие чины являлись на заседание обязательно в мундирах со старшими орденами и при звездах, у кого они были.

Словом, внешняя сторона синодальных заседаний в отношении благолепия и торжественности не оставляла желать ничего лучшего. Дело, вероятно, не пострадало бы, если бы этой торжественности было немного и поменьше.

Деловая же сторона синодальных заседаний была куда слабее» (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 148—149).

28. К кончине К. П. Победоносцева

Константин Петрович Победоносцев скончался в Санкт-Петербурге, в субботу 10 марта 1907 года.

«Он завещал похоронить себя самым скромным образом: не возлагая на гроб его никаких венков, — тело везти на место упокоения на простых дрогах, отпевание совершить простому священнику» († К. П. Победоносцев // *Церковные Ведомости. Прибавления.* 1907. № 11. С. 512).

Погребен Константин Петрович у алтаря церкви Свято-Владимирской женской церковно-учительской школы в Санкт-Петербурге.

29. Юго-восточный Собор в Ставрополе Кавказском в 1919 г. и суд над архиепископом Агапитом (Вишневым)

Екатеринодар. В связи с гражданской войной на юге России (Украина, Дон, Кубань) — «связь с Патриархом порвалась [...] случилось странное явление: огромная территория, почти весь юго-восток России, с несколькими епархиями, оказалась без высшей церковной власти [...] Необходимость ее была очевидна» (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 329).

Собранное по инициативе протопресвитера Добровольческой армии и флота о. Г. Шавельского специальное заседание архиереев (бежавших сюда после падения Одессы) и бывших членов Московского Собора 1917—1918 гг. выносит постановления:

1. от имени собрания просить старейшего Ставропольского архиепископа Агафодора (Преображенского) созвать в г. Ставрополе Поместный Собор;

2. собор составить из всех находящихся на территории Добрармии епископов и членов Всероссийского Церковного Собора, присоединив к ним по 4 представителя от каждой епархии;

3. командировать в Ставрополь представителей епископата, клира и мирян для переговоров с архиепископом Агафодором (Преображенским) и

4. просить главнокомандующего генерала Деникина об отпуске на расходы 50 тысяч рублей.

В результате переговоров делегации с архиепископом Агафодором (Преображенским) созыв Собора намечается на 18(31).05.1919 г.

Практически открытие состоялось днем позже, т. е. в воскресенье 19.05(01.06).1919 г. По этому случаю была совершена торжественная литургия собором пяти иерархов в сослужении многочисленного духовенства.

После литургии и молебна, совершенных в архиерейской Андреевской церкви, происходит деловое открытие Собора выступлением старейшего (среди наличного епископата) архиепископа Ставропольского Агафодора. После него приветствует Собор главнокомандующий «Добрармией» генерал Деникин, присутствующий здесь с начальником штаба.

После трапезы и небольшого перерыва Собор приступает к работе. Избирается президиум: председатель — архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич); товарищ Председателя — от

епископата архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), от клира — протопресвитер Добрармии и флота Г. И. Шавельский, от мирян — князь Г. Н. Трубецкой.

Архиепископ Агафодор избирается почетным Председателем Собора.

Занятия Собора происходят с 19.05(01.06) по 24.05(06.06).1919 г.

В соборных занятиях принимают участие 55 человек. Некоторые из них являются членами бывшего в Москве Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг.

Приводим полный список членов Ставропольского Собора 1919 г. (знаком «+» отмечены бывшие члены Московского Собора 1917—1918 гг. [Отметки проставлены Составителем. — *Ред.*]):

1. Аббати Андрей Иванович +;
2. Абрамов Николай Матвеевич, профессор +;
3. Агапит [Вишневецкий], архиепископ Екатеринославский и Мариупольский +;
4. Агафодор [Преображенский], архиепископ Кавказский и Ставропольский +;
5. Апраксин Петр Николаевич, граф +;
6. Арсений [Смоленец], епископ Приазовский и Таганрогский;
7. Беловидов Петр Иванович, протоиерей;
8. Верховский Павел Владимирович, профессор +;
9. Вознесенский Николай Павлович;
10. Востоков Владимир Игнатьевич, священник +;
11. Гавриил [Чепура], епископ Челябинский и Троицкий +;
12. Гаденко Константин Порфирьевич;
13. Гермоген [Максимов], епископ Аксайский;
14. Граббе Павел Михайлович, граф +;
15. Гладкий Иван Ефимович (?);
16. Димитрий [Абашидзе], архиепископ Таврический и Симферопольский +;
17. Добровольский Михаил Капитонович, протоиерей;
18. Завитаев Иван Макарович, протоиерей +;
19. Ивановский Александр Иосифович +;
20. Иоанн [Левицкий], епископ Кубанский и Екатеринодарский;
21. Карташев Николай Тимофеевич, протоиерей +;
22. Кожин Василий Иванович, священник +;
23. Козлов Иван Николаевич, священник;
24. Конограй Михаил Андреевич, священник;
25. Красовский Алексей Феодорович, священник;
26. Лаванов Владимир Алексеевич, священник;

27. Левшин Димитрий Феодорович, генерал;
28. Ломако Григорий Петрович, священник +;
29. Львов Владимир Александрович, протоиерей +;
30. Макарий [Павлов], епископ Владикавказский и Моздокский +;
31. Малиновский Александр Платонович, протоиерей +;
32. Митрофан [Симашкевич], архиепископ Донской и Новочеркасский +;
33. Михаил [Космодемьянский], епископ Александровский;
34. Ногатырев Алексей Гаврилович, священник +;
35. Николайченко Иван Николаевич, священник;
36. Окиншевич Кирилл Емельянович, протоиерей;
37. Оппоков Виктор Владимирович;
38. Павлов Георгий Андреевич, генерал;
39. Полихроний, монах;
40. Рейнке Михаил Михайлович;
41. Рождественский Александр Петрович, протоиерей +;
42. Россиев Павел Амалиевич +;
43. Свенцицкий Валентин Павлович, священник;
44. Сенько-Поповский Леонид Андреевич;
45. Сергей [Петров], епископ Сухумский +;
46. Смирнов Димитрий Андреевич, протоиерей;
47. Сперанский Яков Димитриевич +;
48. Терещенко Иван Никифорович;
49. Трубецкой Григорий Николаевич, князь +;
50. Хандалеев Василий Павлович, протоиерей;
51. Хомяков Василий Димитриевич;
52. Чернявский Николай Францевич, генерал;
53. Шавельский Георгий Иоаннович, протопресвитер +;
54. Якушев Петр Самуилович

и позже был включен в число членов Ставропольского Собора, прибывший на юг —

55. Трубецкой Евгений Николаевич, князь +.

(Кандидов Б. Церковно-белогвардейский Собор в Ставрополе в мае 1919 года. М., 1930. С. 59—60; Кандидов Б. Церковь и гражданская война на юге России. М.: Безбожник, 1931.)

О созыве и открытии работ Ставропольского Собора в стане генерала Деникина учредители его, поддерживавшие «хотя и не беспрепятственные связи с Патриархом Тихоном» (Обвинительное заключение по делу граждан: Беллавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича, Гурьева Петра

Викторовича по 62-й и 112 ст. ст. Уголовного Кодекса. М., 1923; [См.: Акты... С. 225—280; Следственное дело... С. 263—332. — *Ред.*], извещают последнего через лазутчика «Федю» (сумевшего пробраться через фронты гражданской войны в Москву) «на клочке бумаги» (там же).

Деятельность этого импровизированного Собора следует резко разграничить на две сферы: чисто церковную; организационно-административную и ярко выраженную политическую. В этой последней Собор немало времени и усилий затратил на обсуждение и организацию различных политических благоглупостей, вроде устройства «крестного хода» из Ставрополя в Москву (через все фронты!), для освобождения ее от большевиков и вызволения из египетского плена Святейшего Патриарха Тихона. Затея эта, конечно, осуществлена не была, хотя планировалась «всерьез».

Особенно отрицательное значение этого Собора следует усматривать в том, что все эти, не подлежащие его компетенции, политические увлечения явились впоследствии тяжелой и излишней нагрузкой обвинительного материала, предъявленного в 1923 году Святейшему Патриарху Тихону, которому, таким образом, предстояло рассчитываться за горшки, разбитые не в меру ретивыми отцами-соборянами в Ставрополе в 1919 году.

Согласно заявлению одного из членов Собора, епископа Ростовского-на-Дону Арсения (Смоленца)¹ «все постановления Ставропольского Собора должны быть представлены на утверждение [...] Патриарху Тихону задним числом» (там же). Таким образом, отцы Собора даже официально мыслили все свои деяния прикрыть впоследствии патриаршим именем и авторитетом.

Окончилась соборная деятельность 24.05(06.06).1919 г.

«Если принять во внимание, сколько времени отняли у Собора выборы президиума, членов Временного Высшего Церковного Управления, наконец, церемониально-богослужебная часть [...] то на собор-

¹ Впоследствии об одном из активных участников этого юго-восточного Собора, епископе Арсении (Смоленце), в обновленческой печати появится следующий отзыв:

«Епископ Арсений. Он пришел в Ростовскую епархию с либеральным прогрессивным лицом, но с первым приходом Советской власти либерализм его потускнел. Советская власть ушла. Пришел Деникин, и лицо епископа Арсения стало реакционным и черносотенным. Его политические грехи на днях будет судить Ревтрибунал. Мы заняты его грехами в церковном управлении. Он через своего кума профессора агитирует о созыве и направлении „Ставропольского Собора“. Играет первую скрипку в Высшем Церковном Управлении на юге России, на территории белогвардейцев. Он свою малую и убогую Ростовскую епархию из викариатства обратил в самостоятельную и себя из викария в правящего. Он слаболовен, но непреодолимо упрям и упорен» (*П-в П. М. Церковная революция на Дону // Живая Церковь. 1922. № 4—5. С. 12.* — *Примеч. Сост.*

ную ушло не более трех дней. В эти три дня Собор сделал чрезвычайно много: рассмотрел и принял проект Временного Высшего Церковного Управления на юго-востоке России, одобрил ряд соборных воззваний, рассмотрел вопрос о приходе, о духовно-учебных заведениях, о церковной дисциплине и пр. [...] Работа шла быстро, продуктивно, несколько спешно, но и эта спешность скорее помогала делу, сдерживая словоизвержения, чем вредила ему...» (Шавельский Г. И., *протопр. Воспоминания...* Т. 2. С. 340—341).

В связи с окончанием соборных работ у церковных и светских белогвардейцев возникает мысль об устройстве в стане генерала Деникина постоянно действующего местного (автономного) церковно-административного аппарата для управления епархиями, оказавшимися на территории занятой «Добрармией». Таким образом, «до установления правильных сношений» со Святейшим Патриархом Тихоном Ставропольский Собор учреждает Временное Высшее Церковное Управление на юго-востоке России. (Зародыш будущих зарубежных Карловацких организаций.)

Открытие учрежденного Ставропольским Собором ВВЦУ на юго-востоке России происходит 5(18).06.1919 г. в г. Екатеринодаре.

По этому случаю здесь, в Войсковом соборе, в 10 часов утра, в присутствии главнокомандующего «Добрармией» генерала Деникина, высших чинов штаба и прочих, совершается торжественный молебен соборным архиерейским служением.

Временное Высшее Церковное Управление составляют: председатель — Новочеркасский и Донской архиепископ Митрофан (Симашкевич), товарищ председателя — Таврический архиепископ Дмитрий (Абашидзе), члены — протопресвитер о. Г. И. Шавельский, профессор-протоиерей А. П. Рождественский; профессор Ростовского университета П. В. Верховский и граф В. В. Мусин-Пушкин.

В послании, изданном Ставропольским Собором по поводу организации Церковного Управления, говорится о подотчетности последнего Святейшему Патриарху Тихону после «трепетно ожидаемого освобождения Великого Отца и Патриарха нашего» от большевиков.

Работа Церковного Управления протекает в форме периодически созываемых сессий. Таковых за время деникинщины было 14, а при бароне Врангеле — 11. Каждая сессия продолжалась от двух до пяти дней.

«Управление имело постоянный штат и ответственного руководителя в лице председателя. Управляющим канцелярией состоял Экзакустодиан Махароблидзе, старый и опытный работник полевой канцелярии дореволюционного протопресвитера военного и морского духовенства».

Заседания Временного Высшего Церковного Управления происходили последовательно в следующих городах:

- с 5(18).06 по 6(19).07.1919 — Екатеринодар;
- с 18(31).07 по 20.07(02.08).1919 — Новочеркасск;
- с 7(20) по 10(23).08.1919 — Таганрог;
- с 23.08(05.09) по 24.08(06.09).1919 — Новочеркасск (паки) и т. д.

(*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 329; *Кандидов Б.* Церковно-белогвардейский Собор 1919 года; *Кандидов Б.* Церковь и гражданская война на юге России.)

«Учрежденное Собором Высшее Церковное Управление было облечено всей полнотой власти, какая принадлежит Патриарху с его Св. Синодом и Высшим Церковным Советом, до восстановления связи с Патриархом, когда оно немедленно должно было бы сложить свои полномочия» (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 341).

Однако фантазиям церковных белогвардейцев осуществиться не было суждено; провлачив свое существование до времени полного военного поражения белогвардейских армий, ВВЦУ на юго-востоке России, физически разрушенное и расплывшее в своем составе, эмигрировало в общем белогвардейском потоке за границу и вскоре возродилось вновь в виде столь на шумевшего впоследствии Карловацкого Высшего Церковного Управления, доставившего, как известно, немало хлопот и горя не только Святейшему Патриарху Тихону, но и его преемникам по возглавлению Русской Церкви.

Окончилась вся эта затея о Шавельского и иже с ним, следующим образом:

«С оставлением нашими [белыми. — *Сост.*] войсками Ростова, ВВЦУ лишилось почти всех членов, ибо архиепископ Митрофан [Симашкевич], епископ Арсений [Смоленец] и проф. Верховский остались на местах, первый в Новочеркасске, второй в Таганроге, третий в Ростове, а профессор-протоиерей Рождественский, тяжело больной, был эвакуирован, граф же Мусин-Пушкин выбыл в Крым. Остались только митр. Антоний [Храповицкий]» и протопресвитер Г. И. Шавельский. (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 384).

И, по отзыву последнего, деятельность ВВЦУ протекала чрезвычайно успешно. Он пишет:

«Я полтора года заседал в Св. Синоде, полгода в Высшем Церковном Совете при Св. Патриархе (в 1918 г.) и должен сказать, что ни в том, ни в другом высоком учреждении я не получил такого удовлетворения, какое я получил, работая в ВВЦУ, возглавлявшемся архиепископом Митрофаном [Симашкевичем]» (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 373—374).

Что же касается члена ВВЦУ профессора Павла Владимировича Верховского, то он был убит в Одессе во время прихода «красных», в январе 1920 года. По отзыву Шавельского: «человек нежной души, искренней веры и большой работоспособности».

Из всех деяний ВВЦУ самым крупным следует признать его суд над архиепископом Екатеринославским Агапитом (Вишневым) за чрезмерное увлечение последним идеей Украинской «автокефалии». Этот святитель, как повествуют мемуары, «в разгар революции был увлечен волною украинской самостоятельности. Не будучи в состоянии разобраться в быстро сменяющихся событиях, ни хоть отчасти заглянуть в будущее, он при первом же обособлении Украины решил, что последняя крепко стала на ноги, и всецело примкнул к самостоятельности [...]»

Когда с захватом Малороссии войсками генерала Деникина самостоятельности был положен конец, к архиепископу Агапиту предъявили ряд тяжких обвинений. Его обвиняли во многом: 1) что он в Екатеринославе на площади пред молебном взывал: „Москва нас уничтожила“; 2) звал к отделению Украины от Москвы, а Украинской Церкви от Патриарха и сам прекратил поминовение Патриарха; 3) в декабре 1918 года в полном облачении, окруженный духовенством, встречал въезжавшего на белом коне в Киев Петлюру, своего ученика по Полтавской духовной семинарии, причем приветствовал его речью и троекратным лобызанием. Митрополит Платон [Рождественский] (бывший Одесский) уверял, что Агапит [Вишневский] (его друг) был уполномочен на это находившимися тогда в Киеве епископами [...] 4) в конце декабря [1918 г. — *Сост.*] [...] возглавлял сформированный из нескольких священников и мирян Петлюровский Украинский Синод, деятельность которого, кажется, ограничилась лишь тем, что он предписал поминать в украинских церквах на всех богослужениях трицу: „Сымона, Хведора“ и еще какую-то, подобную им личность, т. е. Петлюру, Винниченко и их компаньона. Скоро эта директория была выгнана из Киева, после чего и Агапит [Вишневский] убежал через Одессу в Екатеринодар [...]

К несчастью для Агапита (Вишневого) в это время вернулся [в Таганрог. — *Сост.*] из Галицийского плена Киевский митрополит Антоний (Храповицкий), беспощадно отнесшийся к экспериментам Агапита (Вишневого) и так же, как и главнокомандующий [генерал Деникин. — *Сост.*], потребовавший суда над ним».

ВВЦУ поручает ведение следствия архиепископу Кишиневскому Анастасию [Грибановскому], который, при этом «не покривил душой».

«Произведенное им самым тщательным образом следствие представило полную картину самостоятельных походов Екатеринославского архиепископа, пробиравшегося по взбаламученному морю украинской жизни к Киевской митрополичьей кафедре.

По положению ВВЦУ не могло судить архиерея, — требовался архиерейский Собор. В октябре (кажется не ошибаюсь) 1919 г. в Новочеркасске такой Собор составился. Участвовало, кажется, 12 архиереев» (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 375—377).

В разное время в стане генерала Деникина (затем барона Врангеля) находилось порядочное количество православных иерархов (плюс-минус 30 человек!); из них-то и составился Собор 12-ти архиереев для суда над архиепископом Агапитом.

Приводим (может быть, не совсем полный) список архиереев, оказавшихся в стане «Добрармии» и позже — в большинстве своем — покинувших Родину:

1. Агапит (Вишневецкий), Екатеринославский;
2. Агафодор (Преображенский), Ставропольский;
3. Алексей (?), викарий Минской епархии;
4. Анастасий (Грибановский), Кишиневский;
5. Антоний (Храповицкий), Киевский;
6. Аполлинарий (Кошевой), Рыльский;
7. Арсений (Смоленец), Ростовский-на-Дону;
8. Гавриил (Чепура), Челябинский;
9. Георгий (Ярошевский), Минский;
10. Гермоген (Максимов), Аксайский;
11. Дамиан (Говоров), Царицынский;
12. Димитрий (Абашидзе), Таврический;
13. Димитрий (Вербицкий);
14. Евлогий (Георгиевский), Волынский;
15. Иоанн (Левицкий), Кубанский;
16. Макарий (Павлов), Владикавказский;
17. Митрофан (Абрамов), Сумский;
18. Митрофан (Симашкевич), Донской;
19. Михаил (Космодемьянский), Александровский;
20. Питирим (Окнов), бывший Петроградский;
21. Платон (Рождественский), бывший Одесский;
22. Сергей (Лавров);
23. Сергей (Петров), Сухумский;
24. Феодор (?), викарий Минской епархии;
25. Феофан (Гаврилов), Курский;

26. Феофилакт (Клементьев), Елисаветпольский и некоторые другие.

По соборному суду архиереев архиепископ Агапит (Вишневский) приговаривается к лишению кафедры и ссылке в монастырь (Георгиевский, в Крыму: один из «богатеиших и красивейших монастырей Крыма») (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 377—378).

Другой зарубежный церковный мемуарист на эту тему сообщает:

«Архиепископ Агапит был инспектором Полтавской семинарии в то время, когда Петлюра в ней учился. Из семинарии Петлюру выгнали за какой-то неблаговидный поступок. Когда Петлюра въехал в Киев, архиепископ Агапит встретил его льстивой речью, приветствуя его как „героя” и „освободителя”. „Мы с вами давно знакомы...”, — между прочим напомнил он. Петлюра промолчал. Потом архиепископ Агапит повел резко украинскую линию. За этот уклон теперь Высшее Церковное Управление его и судило. Был поднят вопрос: оставить его на кафедре или уволить? Решили уволить на покой. На его место назначили Донского викария епископа Аксайского Гермогена [Максимова]. Однако политические события развернулись так, что он не мог добраться до своей кафедры» (*Евлогий, митр.* С. 321).

Таковы были церковные обстоятельства на юге России в начале патриаршества Святейшего Тихона...

30. [О «дальнейшей» позиции протопресвитера о. Георгия Шавельского

К сожалению «былая позиция» о. Георгия осталась неизменной. В готовящихся в настоящее время к публикации новых интересных воспоминаниях протопресвитера о. Г. Шавельского «В школе и на службе (Воспоминания)», написанных в эмиграции незадолго до смерти и хранящихся в настоящее время в ГА РФ (Ф. 1486. Оп. 1. Д. 7 и 8, объемом более 1000 листов), охватывающих период более 70 лет (со дня его рождения и до конца 1940-х), оценка истории и деятелей Русской Православной Церкви совершенно не изменилась. Единственный, к кому о. Георгий «не имел претензий», был Святейший Патриарх Тихон, о котором он писал всегда с неизменным уважением и почтением, что подтверждается выдержками из его «Воспоминаний»:

«Имел наш епископат, конечно, и достойных представителей. Назову некоторых из них: наш Святейший Патриарх Тихон, Новгородский Митрополит Арсений [Стадницкий], Владимирский Сергей [Страгородский], Донской архиепископ Митрофан [Симашкевич], Могилевский архиепископ Константин [Бульчев] и многие другие были настоящими носителями архиерейского сана. Но они, — думается мне, — в своем архиерейском служении были бы значительно выше, если бы прошли серьезную школу и имели более счастливую архиерейскую коллегия» (ГА РФ. Ф. Оп. 1. Д. 7. Л. 172);

«благостный и житейски мудрый архиепископ Литовский Тихон» (*Шавельский Г., протопр.* Русская Церковь перед революцией. М., 2005. С. 78).

В «Воспоминаниях», написанных в эмиграции, многих упреков достаиваются мученики и исповедники Русской Церкви (к которым о. Георгий проявляет некое бесчувствие, не имея сострадания к их мученическому подвигу), и восхваляются многие «деятели», перешедшие в обновленческий раскол, такие как А. Введенский и А. Боярский, которых о. Георгий характеризует в своих воспоминаниях, «как лучшие кадры военного духовенства» (ГА РФ. Ф. Оп. 1. Д. 7. Л. 362.).

На протяжении всех своих «Воспоминаний» о. Георгий скрывает такой существенный факт своей биографии: освобождение от должности протопресвитера военного духовенства, замечая лишь, что «я передал это заявление Патриарху Тихону [освобождение от должности протопресвитера военного духовенства. — *Ред.*], сказал ему: „Раньше я сумел бы помочь им, теперь я бессилен. Уповаю, что Вы этих пастырей... не оставите без своей защиты”. Патриарх Тихон был добрый, справедливый и рассудительный человек. Думаю, что моя просьба была принята им во внимание» (ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 434).

На заседании Соборного Совета № 112 от 11(24) августа 1918 г. было вынесено следующее решение:

«Слушали выписку из постановления Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета, 7(20) августа за № 270, об увольнении Протопресвитера Г. И. Шавельского, согласно прошению, по болезни, от должности Члена Высшего Церковного Совета и Протопресвитера военного и морского духовенства и утверждении вместо него следующего по числу полученных избирательных голосов кандидата на сию должность прот[оиерея] П. А. Миртова.

Постановили:

1. Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета огласить на Соборе» (ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 152).

Нигде и никогда позднее о. Георгий не упоминает об этом постановлении и всюду говорит о себе как о пожизненном протопресвитере армии и флота.

В заключение к сказанному приведем отрывок из «Воспоминаний» о. Георгия Шавельского.

Московский Поместный Собор 1917—1918 гг.

Избрание Патриарха Всероссийского

Московский Поместный Собор 1917 г. открылся торжественным богослужением в Московском Успенском соборе, закончившимся крестным ходом на Красную площадь. А. Ф. Керенский присутствовал на богослужении и участвовал в крестном ходе. К этому дню, Успения Божией Матери, Правительство пожаловало званием митрополитов трех архиереев: новоизбранных Московского Тихона [Беллавина] и Петроградского Вениамина [Казанского] и Экзарха Грузии, возглавлявшего тогда Синод, Платона [Рождественского].

Первые дни соборной работы были посвящены организации собора и принятию приветствий. Президиум Собора должен был состоять из председателя, двух товарищей председателя от епископата, двух от белого духовенства и двух от мирян. Я был избран товарищем председателя от белого духовенства. После этого на всех соборных заседаниях мне пришлось сидеть рядом с архиеп[ископом] Антонием (Храповицким), тогда считавшимся самым видным членом Российского епископата, и близко узнать его. До того времени я недостаточно хорошо знал его, но однако не разделял общего преклонения пред ним, считая его очень талантливым, но совсем не деловым человеком. Мое соседство с ним по креслу на соборных заседаниях и непрерывное выслушивание его реплик и самых скабрёзных анекдотов, как и основательное ознакомление с его работой окончательно убедили меня, что эта „яркая” звезда на архиерейском небосклоне была весьма дурной величиной. Архиеп[ископ] Антоний был безусловно талантливым человеком, много читал, много знал, обладал бойким умом и острым языком; был нестяжателен, отзывчив, прост в обращении. Но у него как-то странно уживались талантливость с бесталанностью, мудрость с наивностью, многознание с пустою болтливостью. Бывало, на заседаниях и в частных беседах, выскажет он десяток мыслей. Всегда они бывали, как евангельские девы: „пять от них мудрых и пять юродивых” (Мф. 25, 2). Оставшись со своими, и мудрыми и юродивыми мыслями, он, бывало, мудрые свои мысли забудет, а юродивые приведет в исполнение. Оттого, рассказывали мне и сам я потом в Екатеринодаре наблюдал, его епархиальное управление и вся его жизнь отличались редкой хаотичностью. А его словесный цинизм был беспримерным. Не знавший Антония мог подумать, что этот прославленный Владыка мыслил только блудными образами и лексикон его состоял из блудных слов и речений. А на Соборе ведь он был выдвинут первым кандидатом в Патриархи.

Среди приветствовавших Собор выступил и я. В своей речи я ярко изобразил крестный путь, пройденный нашей Армией, и ее тогдашнее, ужасавшее всех мысливших людей, состояние. Моя речь произвела на членов Собора огромное впечатление, обеспечившее мне большое внимание и тех, кто до того мало знал меня.

Материалы для соборных работ были подготовлены Предсоборным Совещанием в 1906 г., которое было составлено из самых видных архиереев, богословов, канонистов. Его протоколы и журналы, заключающие в себе целое богословие, были напечатаны в 1907 г. Но состав Собора не удовлетворил меня. Как известно, каждая епархия дала своих представителей от духовенства и мирян. Выбирались они по указанию своих Владык, из „самых благочестивых” членов паствы. Из разных епархий явилось на Собор не мало полуграмотных и даже неграмотных членов, совершенно неспособных разбираться в догматических и канонических вопросах. При голосовании потом неизменно наблюдалась одна и та же картина: каждый из таких членов следил за своим архиереем, встанет он или будет сидеть? Если же случалось, что такой член-простец поспешно вставал, а его Владыка не поднимался, то

и этот член спешил опуститься в свое кресло. Такие члены чаще бывали ненужным балластом, тормозом, чем ценностью для Собора.

Памятен мне следующий случай. На соборном заседании обсуждался вопрос: какой теперь нужен пастырь приходу? Председательствовал на этом заседании архиеп[ископ] Антоний. Говорили архиереи, умные священники, профессора академий, ученые представители общественных организаций. Было высказано много умных, метких мыслей об условиях современной пастырской работы и о качествах, которыми должен отличаться современный пастырь. Когда речи кончились, председательствовавший архиеп[ископ] Антоний обратился к Собору: „Отцы и братия! Мы выслушали много ученых речей. Мне кажется, что нам следует услышать, как думает по этому вопросу простой народ. Может быть, кто из простецов-членов скажет нам что-либо?” На кафедру взошел благообразный, одетый попросту, пожилой крестьянин Н. „Ваши Высокопреосвященства, отцы и братия, — начал он. — Его Высокопреосвященство хочет знать наше мнение, какой нам нужен священник. Я отвечу: нам нужен такой священник, который умел бы хорошо петь”. Поклонившись Собору, Н. сошел с кафедры. Слова попросил очень умный и остроумный протоиерей Константин Маркович Агтеев, профессор богословия в одном из высших Санкт-Петербургских светских учебных заведений и Председатель Учебного Комитета при Св. Синоде. „Владыка Антоний, — начал он свою речь, — хотел узнать, какой, по мнению простого народа, должен быть приходской пастырь. Мне кажется, что мы — образованные люди — должны подымать простой народ до своего уровня, а не опускаться до его понимания. Я очень доволен, что Владыка Антоний услышал голос простого народа, выраженный членом Собора Н. По его убеждению, теперь народу нужен священник, который умел бы хорошо петь. Как вы все знаете, архиеп[ископ] Антоний является яркой звездой в блестящем созвездии наших архипастырей. Но член Собора Н. не взял бы его в свой приход священником, так как, как всем известно, архиепископ Антоний совсем не умеет петь”. Собор громким смехом ответил на реплику протоиерея К. М. Агтеева. Больше всех смеялся сам архиеп[ископ] Антоний. И вот такие члены Собора решали назревшие за 250 лет огромные церковные вопросы.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что трудно было Собору произвести нужную для Церкви работу. Епископат наш был в смятении: прежней опеки государственной власти он лишился; революционный обер-прокурор Львов, раньше в Думе вооружавший против попраiania государственной властью свободы Церкви, теперь надругался над архиереями, над Синодом, над церковной свободой; в епархиях духовенство и миряне, почувствовав свободу, низвергали владык с их кафедр, в приходах прихожане прогнали своих духовных отцов; политическое положение страны не было радостным: Армия стала не боеспособной, немцы начали угрожать Киеву; Временное правительство теряло самообладание, а вместе с ним и авторитет в народе; скоро оно сменилось новым правительством, объявившим: „Религия — опиум для народа”. Требовался какой-то решительный поворот в церковной политике, в отношениях Церкви к государственной власти, во всей ее работе.

В Соборе произошло разделение: одни из его членов рвались в объятия новой власти, — к сожалению, это была самая слабая в церковном отношении часть соборных членов; другие боялись мысли об общении с безбожной властью; третьи выжидали, как дальше поведет себя новая власть и окажется ли возможность какой-либо совместной с нею работы. Большинство членов Собора, — этого нельзя скрывать, — было настроено неблагоприятно к возмущавшей российскую жизнь революции.

Собор заседал до 8 сентября 1918 г. Единственным реальным, оказавшим большое влияние на последующую жизнь Русской Церкви, было учреждение, или, правильнее сказать, восстановление Патриаршества, упраздненного Петром Великим в 1700 г.

Когда на Соборе был поднят вопрос о восстановлении Всероссийского Патриаршества, я, — откровенно сознаюсь в этом, — не примкнул к горячим защитникам его. Главной причиной этого было то, что я разочаровался в нашем епископате и не видел человека, который мог бы с честью и славой понести на своих плечах патриаршеское бремя. Более же всего меня пугала мысль, что на патриаршем престоле может оказаться Антоний, и тогда во всей Российской Церкви водворится тот же хаос, от которого страдали управлявшиеся Антонием епархии. Мое отношение к патриаршему вопросу было замечено многими, ставшими после этого моими недоброжелателями.

Порядок избрания Патриарха был таков: сначала избирали кандидатов, потом из выбранных кандидатов избирали трех лиц, — и в первом, и во втором случае тайным голосованием. Из выбранных трех лиц одного вынудим в храме жребия. При первом голосовании я оказался пятым по числу поданных голосов. На мою долю выпало 75 голосов¹, как я потом узнал, принадлежавших самой интеллигентной части Собора. От второго голосования я решительно отказался, хотя многие видные члены Собора убеждали меня не отказываться. При втором голосовании прошли: Антоний, Арсений (Новгородский) и м[итрополит] Тихон Московский. Так как ни один из них не получил нужного числа голосов, то было произведено третье голосование, давшее тот же результат: на первом месте оказался Антоний, на втором — Арсений, на третьем — м[итрополит] Тихон. Скажу несколько слов об этих кандидатах.

Архиепископ Антоний уже достаточно охарактеризован мною. Хотя он стоял на первом месте, я считал его самым нежелательным кандидатом. Архиеп[ископ] Арсений был очень серьезный архипастырь, но ему не доставало смелости и мужества при встрече с опасностями. В то время как Антоний стремился к Патриаршеству, как манне небесной, Арсений трепетал при мысли, что тяжкий жребий Патриаршества может упасть на него. Московский митр[ополи]т Тихон не отличался ни ученостью Антония и Арсения, бывших ректоров в Академии, ни славой, витавшей около имен их. Но это

¹ При первом голосовании о. Георгий был восьмым и получил только 13 голосов. См. Деяния... Т. 3. С. 51. И только при втором голосовании он получил 75 голосов. Там же. С. 55. — *Примеч. ред.*

был благожелательный и добрый, рассудительный и спокойный, простой и для всех доступный, благочестивый архипастырь. Спокойствие и благодушные не покидало его в самые трудные минуты его жизни. Он не был узким консерватором, но он был далек от увлечений не продуманного либерализма и был осторожен в отношении всяких новшеств. К вопросу о Патриаршестве он относился спокойно и благодушно, полагаясь во всем на волю Божию.

Избрание Патриарха происходило в Московском храме Христа Спасителя после торжественнейше совершенных литургии и молебнов. На молебен вышли все, участвовавшие в Соборе архиереи. Храм был переполнен народом. По окончании молебна старейший митрополит Владимир (Киевский) [Богоявленский] со мною и протопресвитером Успенского собора Н. А. Любимовым поднялся на амвон, к урне, стоявшей пред принесенной из Успенского собора Владимирской иконой Божией Матери. Перекрестившись, митрополит Владимир сломал печать, а избранный Собором иеросхимонах Алексей [Соловьев] опустил руку в урну и, вынув оттуда один из трех, свернутых в трубочку, билетов, передал его м[итрополиту] Владимиру, а тот — протопресвитеру Любимову, для объявления народу. Любимов своим могучим голосом возгласил: «Московский митрополит Тихон». Толпа, наполнявшая собор, покачнулась и послышался вздох облегчения. Величественный архиерей Успенского собора К. В. Розов возгласил многолетие новоизбранному Святейшему Московскому и всея Руси Патриарху Тихону. Антоний, Арсений и Тихон не присутствовали на этой церемонии, — они остались у себя дома. Новоизбранный Патриарх Тихон принял известие об избрании спокойно и благодушно. Арсений радостно и перекрестился, когда ему сообщили об избрании Тихона. А Антоний крепко выругался. В Киеве, в Екатеринодаре, в Карловцах он покажет, чего можно было ожидать от него, если бы он стал Патриархом.

В начале 30-х годов, — конечно, нашего [XX] века, — митр[ополит] Евлогий [Георгиевский], сидя у меня, в Софии, вспомнил об избрании Патриарха. „А вы не забыли, — обратился он ко мне, — как вы тогда отличились? Кончилось богослужение. Патриархом избран митрополит Тихон. Все архиереи собираются уходить из собора и облакаются в соборной ризнице в верхние рясы. И вы были там. Вдруг раздался ваш громкий голос: „Теперь я вижу, что любит Господь нашу Церковь, — не допустил он архиепископа Антония до патриаршеского престола“. Архиереи тогда страшно возмутились вашими словами. Признаюсь, и я принадлежал к числу возмущавшихся. Я теперь вижу, что вы сто раз были правы. Ставши Патриархом, натворил бы он дел...” На стороне же архиепископа Антония были почти все архиереи и почти вся серая часть Собора. Значит, не всегда глас народа бывает гласом Божиим...

Работа Собора не удовлетворяла меня, как и многих других самых сильных соборных, ожидавших, что Собор во многом исправит нашу церковную жизнь. Собор не хотел касаться самых важных, назревших вопросов, каковы тогда были: об архиерейском служении, об ученом монашестве, о реорганизации монастырей и монашеской жизни и др. Впрочем, монастырям Собор уделил некоторое внимание. На одном из заседаний раздалась речь о необ-

ходимости привлечь насельников монастырей к просветительской деятельности — к проповеднической, издательской и т. д. Тогда на кафедру взошел Уфимский, честный и искренний, епископ Андрей (Ухтомский). „Отцы и братия, — обратился он к Собору. — Вы хотите заставить монахов, чтоб они проповедовали. О чем же они будут проповедовать? Их надо просить не о том, чтоб они проповедовали, а о том, чтоб они не смели проповедовать”... Члены Собора не могли не согласиться с еп[ископом] Андреем, так как наши монастыри почти сплошь были населены простецами, не способными ни к какой просветительной работе.

Если бы Собор взглянул на дело глубже и свою работу развил шире, тогда, может быть, не появилась бы у нас и Живая Церковь, не послужившая к славе нашей православной веры. Ведь, в начале в Живую Церковь ушли не худшие, а лучшие, и только потом к ним присоединились разные искатели приключений. Ведь и ныне чрезвычайно на Руси прославленный Патриарх Сергей тоже, было, примкнул к Живой Церкви и только потом, убедившись в ее несостоятельности, вернулся в патриаршую Церковь.

Недавно вернувшийся из Москвы, где он участвовал во Всеправославном церковном Совещании, Экзарх Болгарский Стефан сообщил мне, что там в России многие архиереи и священники продолжают считать большой ошибкой Московского поместного Собора, что он избрал в Патриархи м[итрополита] Тихона, а не меня. По их мнению, я был единственным человеком, который мог тогда вывести Церковь на правильный путь и избавить Ее от тех потрясений, которым она подверглась вследствие ошибок тогдашних Ее вождей¹. Я совершенно не разделяю такого мнения. При том крушении, какое постигло Российскую державу, Церковь не могла без тяжких болезней и страданий продолжать свое существование, — потрясения для Нее были неминуемы. Может быть, всегда спокойный и неизменно благодушный Патриарх Тихон был именно тем человеком, который был нужен для того времени.

С избранием Патриарха [Святейший] Синод прекратил свое существование. Его место заступили два учреждения при Патриархе — Св[ященный] Синод и Высший Церковный Совет. Я был избран членом последнего.

Между тем, хотя Ведомство Протопресвитера военного и морского духовенства в январе 1918 г. было упразднено, военные и морские священники продолжали обращаться ко мне со своими нуждами и печальями. Особенно тяжело было положение находившихся на фронте священников. Для многих из них оставаться в своих распропагандированных частях не представлялось возможным. Епархиальные же архиереи встречали возвращавшихся с фронта крайне недружелюбно. Особенным недружелюбием отличался Волынский архиеп[ископ] Евлогий. В июле 1918 г. я получил длинное скорб-

¹ Это фантазии отца протопресвитера (или митрополит Стефан хотел просто польстить о. Георгию), вряд ли кто из присутствующих на Совещании представителей русского духовенства стал бы вспоминать в 1948 г. бывшего протопресвитера Белой армии — эмигранта, а тем более высказывать приведенный пассаж. — *Примеч. ред.*

ное письмо, подписанное более чем 20 священниками. „От архиеп[ископа] Евлогия, — писали они, — мы терпим более насмешек, надругательств, бессердечия и оскорблений, чем от всех врагов на фронте”. Для меня было несомненно, что архиеп[ископ] Евлогий вымещал на моем духовенстве свою злобу ко мне за то, что я был противником его воссоединительной политики в Галиции. В старое время я скоро нашел бы управу в отношении таких архиереев. Теперь мне осталось одно: докладывать Патриарху. Но Патриарх со свойственным ему спокойствием относился и к моим жалобам. Тогда я подал заявление Патриарху, что, будучи не в силах защищать подчинявшееся мне, ныне страждущее военное и морское духовенство, я отстраняюсь от участия в Высшем Церковном Управлении, уповая, что после этого Его Святейшество примет на себя заботу о доблестно трудившемся на фронте, вынесшем так много лишений, страданий и всяких иных невзгод, духовенстве. Патриарх не хотел отпускать меня, но я настоял на своей просьбе. [...]

Когда я отказывался от службы, у меня не было плана в отношении будущего. Я имел тогда небольшой, приобретенный мною в конце 1916 г. кусочек земли в Оржанском уезде Могилевской губернии, в 20 верстах от г. Витебска, и маленькие сбережения, которых должно было хватить мне на 3—4 года. Под влиянием обиды, нанесенной мне архиереями их отношением к моему духовенству, мне хотелось именно таким образом выразить свой протест. Я тогда был молод, силен, работоспособен и в своих жизненных требованиях скромен. Я был уверен, что так или иначе сумею добывать себе кусок хлеба. Я уехал в свой фальварок (50 дес[ятин] земли с домом и садом) Шеметово, где, казалось мне, я смогу укрепить свои расшатанные нервы» (*Шавельский Г. И., протопр.* В школе и на службе (Воспоминания). Машинопись. ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Лл. 540—550).

Об о. Георгии Шавельском см.: *Кострюков А. А.* Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий синод // Церковь и время. 2006. № 1(34). С. 134—154; *Бокач Феодор.* Протопресвитер Георгий Шавельский // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 98—110; *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Церковь и революция // Там же. С. 111—121. — *Ред.*]

31. О старшей сестре Серафимо-Дивеевского подворья монахиня Анфия и Е. А. Тучкове

Автор — манатейная монахиня, мать Анфия, старшая сестра Серафимо-Дивеевского подворья, находившегося на 1-й Мещанской в Москве.

Из «простых», весьма малообразованная и вряд ли даже достаточно грамотная, она в то же время отличалась незаурядными административно-хозяйственными способностями и обладала большой практической смекалкой, столь присущей русскому простонародью. Эти ее врожденные деловые качества способствовали тому, что в свое время она была выдвинута дивеевской игуменией на ответственный пост

старшей сестры монастырского подворья в Москве и в течение долгих лет, до самого разгона подворья, с честью несла это нелегкое послушание, к тому же отягощенное еще и пресловутыми «обстоятельствами времени».

Служебное положение матушки Анфии стало особенно острым и сложным после того, как неожиданно вселился в подворье «сам», всемогущий тогда, разрушитель Церкви Русской, Евгений Александрович Тучков со своей престарелой «мамашей» — весьма юркой и миниатюрной старушонкой, чрезвычайно религиозной и большой любительницей торжественных богослужений.

Вельможа Е. А. Тучков, расположившись в покоях Серафимо-Дивеевского подворья, убил сразу двух зайцев. Во-первых, он приобрел прекрасную, комфортабельную и бесплатную квартиру со всем ассортиментом полагающихся коммунальных удобств и, во-вторых, с самого момента въезда сюда, заимел ровно столько весьма услужливых, почтительных и также бесплатных горничных, прачек, кухарок и уборщиц, сколько было сестер в Дивеевском подворье.

Смекалистая матушка Анфия, конечно, нисколько не растерялась и прекрасно учла все те неисчислимы «блага», которые проистекали для подворья из самого факта проживания в нем «самого» и непосредственно руководила обслуживанием и улагодворением «Евгения Александровича» и «ихней мамыши» («спаси их, Господи!»).

Справедливости ради следует отметить, что в те незабвенные годы, когда, ложась спать, люди не были уверены в том, пробудут ли они в своей постели до утра, — сестры Дивеевского подворья прекрасно и безмятежно почивали на своих перинах, поскольку «ангелом-хранителем» их являлся сам «Евгений Александрович»!

За все годы своего жительство на подворье он многократно оказывал всякого рода покровительство и некоторое, так сказать, пособие в хозяйственных и бытовых нуждах как подворью в целом, так и отдельным его насельницам, коль скоро — по тому или иному поводу — они прибегали под его высокую руку.

И естественно, что главным регулятором отношений между Е. А. Тучковым и сестрами подворья была все та же энергичная и неутомимая мать Анфия, вскоре же вполне сумевшая, нисколько не теряя своего достоинства (понятие о котором у нее было весьма высоким!), не только «укротить» своего страшного квартиранта, но даже несколько и расположить его в свою пользу.

Так, например, Евгений Александрович, заранее осведомленный по своим каналам, в свою очередь своевременно оповещал всех этих «лампадок» о местах предстоящих торжественных богослужений Свя-

тейшего Патриарха Тихона или архиепископа Илариона (Троицкого), которого особенно любили и почитали верующие москвичи... В таких случаях группа дивеевских монашек, облачившись должным образом и прихватив с собою «мамашу», отправлялась на богомолье по указанному «Евгением Александровичем» адресу («спаси его, Господи!»).

«Мамаша», конечно, тоже была весьма довольна, так как при этих паломничествах ей, естественно, обеспечивалось самое лучшее место (где-либо на клиросе), какая бы давка ни была в храме!

Поэтому, в позднейших разговорах, когда речь заходила о той, минувшей уже эпохе самодержавного царствования в Церкви Е. А. Тучкова, мать Анфия, хоть и со вздохом, но неизменно благосклонно отзывалась об этой, слишком хорошо известной ей исторической (как-никак!) личности.

— Ну, да уж что вы! — скажет, бывало, она — с Евгением-то Александровичем еще жить было можно... Куды! Он, бывалочи, нам все ж таки немало помогал другой раз. То ордер на дрова даст, то — глядишь — еще чего... Мы уж ему премного благодарны. А то, ведь, другой-то, давно бы уж нас всех разогнал: кого-куды (и костей не соберешь!)...

И, задумавшись о чем-то невеселом, покивав своей старческой головой как бы в подтверждение этих невысказанных мыслей, добавляла:

— Нет, ничего; он мужчина был обходительный. Не какой-нибудь фолюган; спаси его, Господи!..

Таким образом, в значительной мере благодаря этому оригинальному (чтобы не сказать: противоестественному) блоку, Серафимово-Дивеевское подворье просуществовало значительно дольше многих других монастырских представительств в Москве, которых было весьма немало в предреволюционную пору.

Но пришел и ему конец.

Когда его закрыли и разогнанные сестры разбежались и разъехались в разные стороны, престарелая уже, но бодрая духом и по-прежнему деятельная мать Анфия пошла работать уборщицей в ближайший оставшийся тогда храм Знамения, что в Крестах, в Ямской Переславской слободе, — как выражались в старину — близ Крестовской заставы, у Виндавского или Рижского вокзала. Более близкие к подворью приходские храмы, были тогда, по-видимому, уже уничтожены или закрыты. К числу первых надо отнести прекраснейший храм XVII века (типичнейшей для Москвы архитектуры) во имя свв. мучеников Адриана и Наталии и далее (к заставе, по левую руку улицы) храм Троицы в Капельках. Ко вторым — храм св. Филиппа митрополита на 2-й Мещанской улице.

В крестовский храм (как тогда практиковалось) по мере уничтожения окружающих приходских церквей переносились их некоторые святыни. Так, сюда была перенесена икона св. муч. Трифона из разрушенного храма в Напрудной, весьма чтимая окружающим населением, и многое другое.

Настоятельством в то время в храме и выполнял обязанности местного благочинного ставший уже также вполне престарелым, митрофорный протоиерей отец Стефан Марков. Матери Анфии он был давно и хорошо известен, так как еще в своей далекой молодости, в самом начале 1920-х годов, сей батюшка (только что рукоположенный в священный сан) настоятельством в миниатюрнейшем храмике Серафимо-Дивеевского подворья.

Впрочем, в те далекие времена весьма многие благочестивые местные жители недолго любили молодого о. Стефана Маркова, ибо он позволял себе не только появляться на улице в светской одежде — дерзость неслыханная по тем временам! — но даже отваживался и на то, что на велосипеде отправлялся на Сухаревку за продовольствием, — что уж являлось совершенно беспрецедентным нарушением и потрясением всех традиций и основ духовного быта!

Потрудившись несколько лет на послушании уборщицы храма, добродетельная и трудолюбивая матушка Анфия, — по-видимому, в середине пятидесятых годов — тихо отошла ко Господу, и теперь никто уже нам не расскажет, сколько в действительности невидимых миру страданий и слез стоил тот «худой мир» с Е. А. Тучковым, который она с таким напряжением созидала ради своих сестер и любимого ею родного подворья...

Кстати два слова и о Тучкове.

Обновленческие церковные историки Анатолий Левитин (Краснов) и Вадим Шавров как-то высказывались о нем следующим образом:

«Умный, хитрый и волевой человек Е. А. Тучков (надо отдать ему справедливость) очень умно проводил правительственную политику в отношениях с Церковью. Выдающийся дипломат, он легко находил „ключ к архиерейским сердцам” ... Одних умел припугнуть, с другими разговаривал по-дружески, с грубоватой фамильярностью, с третьими был утончен, но вежлив. Характерно, что впоследствии, уже будучи не у дел, он с большим уважением отзывался о Патриархе Тихоне и с величайшим презрением — об обновленцах» (*Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 66*).

Совершенно не разделяя всю эту восторженную и вряд ли искреннюю, комплиментарную болтовню по адресу Е. А. Тучкова, отметим

со своей стороны, что люди, пережившие лично ту церковную эпоху и знающие о ней не понаслышке только, конечно, с подобной характеристикой Тучкова согласиться никогда не смогут...

И прежде всего следует сказать, что никогда и никакой «правительственной политики» применительно к Церкви нашей не существовало и существовать не могло по той простой причине, что Церковь всегда рассматривалась и рассматривается как объект, подлежащий всегда и при всех обстоятельствах самому беспощадному разгрому и уничтожению, с неизменной конечной целью стереть Ее когда-либо с лица земли без малейшего остатка!

Это — общеизвестно и бесконечно проповедуется в течение пятидесяти лет на территории России. Поэтому очевидно, что при такой «правительственной политике в отношении с Церковью» ни Тучкову, ни кому-либо другому, поставленному во главе дела физического разгрома Русской Православной Церкви, совершенно не требовалось быть «умным, хитрым и волевым человеком», ибо по положению своему — Тучков всегда был «прав» и «чем хуже» он орудовал в своем ведомстве, «тем лучше» это казалось творцам «правительственной политики в отношении с Церковью».

Что же касается характеристики Е. А. Тучкова как «выдающегося дипломата», то полагаем, что она не лишена изрядной порции скрытой юмористики...

Надеемся, что в будущем церковные историки в должной мере займутся изучением этой колоритной фигуры и без особого труда сумеют доказать, что «король» этот (подобно андерсеновскому) был также совершенно гол!

Впоследствии Е. А. Тучков, отстраненный от «церковной» работы, долгое время находился на периферии, — говорили, в Казахстане. Затем возвратился в Москву, где и проживал до самой своей кончины.

Говорили еще, что незадолго до смерти он ослеп.

Скончался Евгений Александрович Тучков в апреле 1957 года; погребен на Ваганьковском кладбище.

О кончине его «мамаши» каких-либо сведений не имеем.

[Тучков Евгений Александрович (1892—1957) — сотрудник ОГПУ—НКВД. Родился в деревне Теляково Владимирской губернии. В 1905 г. поступил мальчиком в кондитерскую. В 1911—1915 гг. служил конторщиком в кожевенно-обувной мастерской г. Шуи. В 1915—1917 гг. писарь при тыловых военных начальниках. В 1917 г. вступил в партию большевиков. В 1918 г. вступил в областную ЧК города Иваново-Вознесенска, заведующий юридическим отделом. В 1919 г. организатор отряда особого назначения,

заведующий секретным отделом губернской ЧК. В 1919 г. участвовал в подавлении крестьянских восстаний в Башкирии. В 1921 г. руководил кампанией по изъятию церковных ценностей в Уфе. В 1922 г. назначен заместителем начальника VI отделения СО ГПУ, секретарь Комиссии по отделению Церкви от государства. 05.05.1922—20.10.1929 гг. начальник VI отделения СО ГПУ—ОГПУ. С сентября 1922 г. секретарь Антирелигиозной комиссии. На поприще борьбы с Русской Православной Церковью работал с Троцким, Бухариным, Сталиным, Менжинским, Ягодой и др. В 1923 г. за заслуги в проведении массовых репрессий духовенства награжден пистолетом системы «Маузер». Организатор и исполнитель преследований св. Патриарха Тихона, во время следствия над которым допрашивал Патриарха и многих архиереев. Инициатор провокаций и расколов в Церкви, опора обновленцев. В 1927 г. за арест и «дело» митрополита Петра (Полянского), создание смуты, связанной с митрополитом Агафангелом (Преображенским), окончательное оформление раскольничьей группы Григория (Яцковского) и опубликование декларации митрополита Сергия (Страгородского) награжден грамотой и золотыми часами. В 1929 г. сделал попытку учиться в МГУ, но оставил это занятие. В 1931 г. за «энергию, инициативу и находчивость» в деле уничтожения Церкви награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1931—1933 гг. полномочный представитель ОГПУ на Урале. С 1933 г. заместитель особо уполномоченного Москвы, руководитель уничтожения Церкви. Поскольку к 1939 г. на свободе почти не осталось православных священников и епископов, уволен из органов НКВД «за невозможностью дальнейшего использования». В 1939—1947 гг. лектор в Центральном союзе воинствующих безбожников. С 1947 г. на пенсии. Автор нескольких антирелигиозных брошюр. За несколько часов до смерти имел продолжительную беседу с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I. Умер в 1957 г. в Москве. По некоторым сведениям, сохранился его архив и воспоминания, которые до настоящего времени не опубликованы. См.: *Васильева О. В.* Серый кардинал ВЧК // Новое время. 1993. № 46. С. 40—45. — *Ред.*]

32. Кратко о Серафимо-Дивеевском подворье в Москве

Подворье известного девичьего Серафимо-Дивеевского монастыря в Москве находилось в начале 1-й Мещанской улицы, по правой ее стороне, если идти от Сухаревой башни в направлении Виндавского (или Рижского) вокзала.

В свое время здание подворья с примыкавшей к нему часовенкой всегда было выкрашено розовой краской, так что выглядело довольно милостиво и как-то несколько «игрушечно». Часовня была выстроена в псевдорусском архитектурном стиле, ставшем весьма модным в первые годы XX столетия. Своеобразную острую крышу часовенки завершали тоненькие барабанчики, увенчанные вытянутыми, луковичной формы, худосочными главками в «нестеровском» духе.

Вообще, внешне и внутренне, стилистически, подворье это перекликалось с Марфо-Мариинской обителью: оба эти здания были проникнуты одним настроением.

Там и тут чистота и порядок были идеальными.

Справа по входе в часовню, в стене был вмонтирован очень значительных размеров кусок того камня (по виду — серого гранита), на котором тысячу дней молился преподобный Серафим Саровский. Над камнем, на стене, был живописно изображен этот святой в коленапреклоненной позе, с молитвенно воздетыми руками. Камень был одной из главных святынь часовни, и прохожие верующие в течение всего дня беспрестанно заходили в часовню поставить свечку, помолиться и приложиться к камню.

Пели монахини подворья прекрасно. Хор имел какое-то совершенно своеобразное звучание; ансамбль был настолько спетым, что слышался как бы единый нежный звук какого-либо неведомого музыкального инструмента вроде небольшого органа или фисгармонии. Поэтому, когда в порядке очереди с другими московскими монастырями на Троицком Патриаршем подворье пели монахини Серафимо-Дивеевского подворья, то служение Святейшего Патриарха Тихона приобретало особо нарядный и очень своеобразный колорит. Впрочем, это было нечасто.

Совершенно особого покроя были наметки у здешних монахинь, накинутые на их высокие, несколько расширенные сверху клобуки: они делались из черного тюля и прикреплялись таким образом, что несколько нависали спереди и закрывали глаза и верхнюю часть лица, примерно до середины носа. Это было необычно и красиво, хотя, надо сказать, несколько... кокетливо.

По определенным дням недели в часовне Серафимо-Дивеевского подворья совершалось молебствие с чтением акафиста преподобному Серафиму, и тогда проникнуть в нее бывало невозможно. В таких случаях часть богомольцев, не попавшая внутрь, толпилась снаружи, на тротуаре.

Какое назначение было придумано для часовни после закрытия подворья — неизвестно. В помещение же келий, освободившихся после разгона монахинь, сейчас же понаехали какие-то «граждане» с детьми, корытами, кастрюлями, фикусами и прочими бытовыми принадлежностями обывателей ниже средней руки.

33. [Епископ Варнава (Беляев)]

Варнава (Беляев Николай Никанорович, 12.05.1887—06.05.1963), епископ. Пострижен в монашество (духовный сын старца Алексия Соловьева) во время учебы в Московской Духовной Академии, которую окончил в 1915 г.

со степенью кандидата богословия. В 1915—1918 гг. преподаватель Нижегородской духовной семинарии. 29.02.1920 хиротонисан во епископа Васильсурского, викария Нижегородской епархии. В 1922 г. подписал резолюцию Нижегородского епископата о признании обновленческого ВЦУ. Покаялся и понес епитимью, наложенную его духовным отцом. 29 сентября 1922 г. получил благословение старца Алексия на несение подвига юродства, чтобы не переходить в обновленчество, которое приняло все Нижегородское духовенство. Проживал в доме своих духовных детей, несколько раз арестовывался, но каждый раз был освобожден. Писал труд «Основы искусства святости (Опыт изложения православной аскетики)» в 3-х томах (Нижний Новгород: Братство во имя св. кн. Александра Невского, 1995). В 1933 г. арестован в Москве «за создание тайного монастыря». Приговорен к 3 годам заключения в концлагере. После трех лет заключения в лагере проживал с 1936 г. по 1948 г. в Томске на поселении. С 1948 г. жил в Киеве, где и скончался. См.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992. Кн. 1. С. 47—85; *Проценко П. Г.* Биография епископа Варнавы (Беляева). Нижний Новгород. 1999. — *Ред.*]

34. О храме свв. мучеников Адриана и Наталии в Мещанской

Приходской храм свв. муч. Адриана и Наталии в Мещанской (у Сухаревой башни) сооружен был в 1688 г. Закрыт в июне 1936 г., вскоре же снесен с тем, чтобы на месте его построить безобразный многоквартирный дом.

Разрушенный храм — типичный памятник московской церковной архитектуры своего времени, пятиглавый с шатровой колокольной.

Настоящая церковь во имя свв. Апостолов Петра и Павла. Начата она строиться повелением «великих государей царей Иоанна Алексиевича и Петра Алексиевича в 1686 г., а совершена в 1688 г., что видно из надписи, на колоколенной стене находящейся...» — говорится в одном старом справочнике о церковной Москве (Путеводитель по Москве, изданный Архитектурным обществом для членов V съезда зодчих в Москве / Под ред. *И. П. Машкова*. М., 1913. С. 171).

В другом справочнике (от 1882 г.) сказано: «Первоначально устроена сия церковь в 1688 г. во имя свв. Апп. Петра и Павла с правым приделом во имя свв. мучеников Адриана и Наталии, по повелению царей Иоанна и Петра Алексиевичей и по благословию Патриарха Иоакима; затем в 1833 г. заложен и в 1835 г. окончен левый придел во имя св. Николая Чудотворца. Мать Петра Великого царица Наталия Кирилловна часто посещала эту церковь, почему в память сего день 26 августа [старого стиля. — *Сост.*] во имя свв. Адриана и Наталии празднуется торжественнее прочих святых, во имя которых устроены приделы. В 1812 г. эта церковь была совершенно разграблена и

крыша оной сгорела» (Москва. Соборы, монастыри и церкви / Изд. Н. А. Найденова. Ч. 3. М., 1882. С. 190).

В свое время, в день престольного праздника, в храме сем обычно служил Святейший Патриарх Тихон.

35. [Митрополит Вениамин (Федченков)]

Вениамин (Иван Афанасьевич Федченков, 12.09.1880—04.10.1966), митрополит. В 1903 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию. В 1907 г. — Санкт-Петербургскую Духовную Академию, кандидат богословия, иеромонах, профессорский стипендиат. С 1908 г. секретарь архиепископа Сергия (Страгородского). В 1910 г. исполнял должность доцента СПбДА. С 1911 г. инспектор СПб духовной семинарии. В 1917—1919 гг. ректор Тверской духовной семинарии, архимандрит. Член Священного Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Тверской епархии. В 1919 г. читал лекции в Таврическом университете. 10.02.1919 хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии; в 1919—1920 гг. епископ армии и флота войск юга России; в 1920 г. член Совета Министров при генерале Врангеле. С 1920 г. в эмиграции; жил в ряде европейских стран. 1921 г. один из инициаторов Карловацкого собора, один из организаторов РПЦЗ; С 1923 г. — епископ Карпатской Руси. С 1925 г. инспектор и преподаватель Свято-Сергиевского богословского института. 03.12.1927 воссоединился с Московской Патриархией. С 1930 г. создавал в Западной Европе приходы Московской Патриархии. С 19.04.1932 архиепископ; в 1933 г. управляющий епархией Московской Патриархии в США; с 22.11.1933 архиепископ Алеутский и Сан-Франциский, Экзарх РПЦ в США; с 14.07.1938 митрополит. Участник Собора 1945 г. В 1946 г. получил советское гражданство. С 21.08.1947 митрополит Рижский; с 27.03.1951 митрополит Ростовский и Новочеркасский; с 28.11.1955 митрополит Саратовский и Балашовский; с 20.02.1958 на покое в Псково-Печерской лавре. † 4.10.1961. Автор ряда сочинений и воспоминаний: «Записки архиерея», «На рубеже двух эпох» и мн. др., издающихся в настоящее время.

«Доктор М.»: Манухин Иван Иванович (1882—1958), доктор медицины, ученый. В 1921 г. эмигрировал вместе с семьей в Париж. Был домашним врачом митрополита Евлогия (Георгиевского). Его жена — Татьяна Ивановна Манухина (1885—1965) записала и отредактировала воспоминания митрополита Евлогия. Более подробно о семье Манухиных см.: *Вениамин (Федченков)*, митр. Записки архиерея. М.: Правило веры, 2002. С. 844—847. — *Ред.*]

36. Люди науки и веры

Опротметчивое замечание высокопоставленного автора о неверии «естественников» не может быть обойдено молчанием, так как легкомыслием своим оно льет воду на мельницу казенного «безбожия», и без того дошедшего до крайней наглости в своих утверждениях подобного рода.

Что встречаются «естественники» неверующие, — спорить не приходится, но то же самое бывает и с людьми всех других категорий.

Более того, Церковь Христова имеет все основания заявить, в опровержение утверждений настоящих и будущих лжецов, что величайшие люди истинной науки в своем подавляющем большинстве — суть люди религиозные, верующие в Бога! Да иначе и быть не может, ибо нормальный человеческий ум, чем более насыщает себя истинными знаниями, тем более и более приближается к Источнику и Творцу всех этих знаний — Богу!

Замечательно, что даже такая дубиноголовая русская историческая личность, как Петр Первый, по свидетельству Нартова, высказывался следующим образом на интересующую нас тему: «Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен» (*Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 322*).

«Наука и религия два могучих русла, по которым протекает духовная жизнь человека. Это два глаза, которыми человек взирает на сущее, два уха, которыми прислушивается к таинственному шепоту Вселенной, две руки, которыми строит свою жизнь, две ноги, на которых зиждется вся история человечества. Не безумно ли, поэтому, поднимать вопрос о несовместимости науки и религии.

И все же нельзя отрицать факт, что между наукой и религией (правильнее, богословием) существует столетняя вражда, выразившаяся не только в словесной перебранке, но иногда доходившая до кровавой схватки и костра.

Наши профессиональные безбожники за последние годы начали организованное наступление на религию в надежде, что на переломе от старого к новому общественному строю, на развалинах бывшей казенной Церкви им удастся искоренить и религиозное чувство из сердец миллионов верующих. Миллионы экземпляров антирелигиозной литературы распространяются среди массы, устраиваются бесчисленные антирелигиозные доклады и делается все возможное, чтобы убедить массу, что религия дурман для народа. [...]

По нашему искреннему убеждению антирелигиозная агитация немало содействовала подъему религиозного чувства. Раньше люди считались верующими по паспорту. Церковь часто посещалась по принуждению, учащихся заставляли зубрить катехизис и учебники по Зако-

¹ О религиозности ученых (конкретные данные) см.: *Белявский Ф.* Атеизм и наука // *Всероссийский Церковно-Общественный вестник.* 1917. № 139. С. 2—3.

Декнерт в недавнее время выяснил, что из 262 известнейших естествоиспытателей 242 должны быть признаны верующими в Бога, а 20 — равнодушными и отрицательно относящимися к Богу. — *Примеч. Сост.*

ну Божию, самостоятельное рассуждение по религиозным вопросам почти не разрешалось, духовная жизнь замирала, и религия превращалась в поверхностное обрядоверие и неосознанный атеизм. [...]

Антирелигиозная пропаганда заставила людей сознательно отнестись к вопросам религии, индифферентизм исчез, религиозное сознание проснулось, и начался процесс деления на верующих и неверующих, который и в настоящее время еще не закончился. Вот первая заслуга антирелигиозной пропаганды.

Никто из искренне верующих и интеллигентных людей не будет отрицать, что в темной массе осталось много суеверий, уцелевших со времен язычества и ужившихся с христианством. Наши безбожники, разоблачающие эти суеверия, делают доброе дело, за которое мы им только можем быть благодарны. Мы, стремящиеся к истинному христианству, тоже боремся против суеверий, но мы знаем разницу между суеверием и истинным религиозным опытом, мы убеждены, что за грубой оболочкой суеверия нередко таится чистый алмаз религиозного чувства. Разбивая оболочку, мы сохраняем алмаз. Не забудьте, что суеверный маг, астролог, алхимик, все же были отцами нашей науки. [...] Древние жрецы и учителя религии равным образом блуждали и создавали много тленных суеверий, немало которых дошло и до нас, но [...] они искали постичь смысл, цели [...] жизни, искали сблизиться с духом вселенной, который они чувствовали [...] но которого не могли понять.

Нелепо отрицать науку потому, что она принимала столько ложного за истину. Аристотель как физик, Птолемей как астроном для нас больше не авторитетны, но было бы неблагодарно и несправедливо отрицать их заслуги и великий ум. Равным образом нелепо отрицать религию, потому что Будда, Магомет и другие учителя и пророки религии не постигли всю полноту истины.

Мать религии — благоговение перед неизвестным, ее метод — вера, ее цель — постичь должное жизни не только в узком кругу земного опыта, но и в ее вселенской совокупности.

Мать науки — любопытство перед неизвестным, ее метод — самокритика, ее цель — познать сущее.

Возможен ли синтез между религиозным духом утверждения и научным духом отрицания? Мы верим, что это не только возможно, но и необходимо. Мир ученых и мыслителей знает немало таких примеров. Ньютон, Дарвин, Гексли, Друммонд были великие естествоиспытатели и при том люди религиозные. Мы имеем среди наших литературных гениев Гоголя, Толстого, Достоевского, Тютчева, Соловьева и целую плеяду других крупных мыслителей, совмещавших в себе критический разум и религиозное благоговение. Пусть наши безбожники объясняют

это как хотят, но факты остаются фактами. Мы же верим и надеемся доказать, что число религиозных ученых увеличивается, а не уменьшается, что преграды, разделявшие прежде истинную науку от истинной религии устраняются и что мы начинаем новую эру научного и религиозного творчества, для которого современная отрицательная критика является лишь необходимой подготовительной работой [...]

Мы будем руководиться лозунгом Апостола Павла: „Все испытайте, хорошего держитесь”. Мы не боимся истины, ибо истина сделает нас свободными. Истина освободит нас от лженауки, суеверий, лже-религии и откроет нам смысл, цель и должное жизни, к познанию которых никогда не перестанет стремиться человечество» (*И[адеждин] Г. Наука и религия // Христианин. 1924. № 1. С. 7—8; № 2. С. 23—24.*)

Не углубляясь в поисках доказательств — в дебри этой темы, достаточно хотя бы лишь бегло перечислить кое-кого из представителей религиозного человечества из мира науки, чтобы понять, какой — в качественном отношении — богатейший духовный материал является «телом церковным»; какие умственные и эмоциональные творческие силы человечества цементируют собою здание Церкви Христовой!

Русские:

Писатели — Державин, Грибоедов, Тютчев, Крылов, Гончаров, Толстой, Лермонтов, Пушкин¹.

«Корифеи русской богословской мысли» — по выражению «Миссионерского сборника» за 1910 год: Жуковский, Соловьев, Хомяков, Гоголь, Достоевский, Аксаков, Герцен, Тихомиров, Чичерин, Самарин, Киреевский, Салтыков-Щедрин...

Композиторы — Глинка, Чайковский, Рахманинов, Римский-Корсаков, Глазунов, Балакирев, Ипполитов-Иванов, Гречанинов, Бортнянский, Турчанинов, Львов, Дегтярев, Ведель...

Художники — Суриков, Репин, Ге, Крамской, Иванов, Нестеров, Васнецовы, Врубель, Верещагин, Семирадский, Шебуев...

Актеры — Савина, Шаляпин, Нежданова, Ермолова, Яблочкина, Станиславский...

Ученые — Ломоносов, Павлов, Ключевский...

Врачи — Пирогов, Гааз, Филатов...

Военачальники — все древние, а также из новейших: Суворов (внук протоиерея Московского Архангельского собора), Кутузов, Нахимов, Макаров...

¹ О религиозности А. С. Пушкина см.: *Антоний [Храповицкий], митр.* Пушкин как нравственная личность и православный христианин. Белград. 1929; Воскресное чтение. Варшава. 1937.

Архитекторы — Казаков, Баженов, Шусев...

Просветители — Ртищев, Иван Федоров (диакон), Новиков...

Государственные деятели — Богдан Хмельницкий, Сперанский и пр., и пр., без конца.

Не русские:

Философы — Кант, Якоби, Фихте, Шеллинг, Гегель, Лейбниц, Спенсер, Гейхмюллер, Секретан, Эйкен, Милль, Платон, Декарт, Беркли, Вольф, Спиноза, Навиль...

Композиторы — Бах, Бетховен, Гендель, Гуно, Россини, Моцарт, Лист (священник)...

Ученые — (в том числе и «естественники») Ляйель, Мюллер, Риттер, Линней, Пастер, Ампер, Гершель, Дарвин, Эдисон, Ньютон, Фарадей, Бию, Бишоф, Кеплер, Гельмгольц, Геер, Райнке, Медлер, Бойль, Коперник (священник) и пр., и пр., без конца.

Приведем высказывания о Боге некоторых из них:

Ляйель (великий геолог): «В каком бы направлении мы ни производили исследования, при всяком исследовании мы открываем ясные доказательства предусмотрительности, силы и мудрости творческого разума — Бога» (Апологические очерки: IV. Есть ли Бог? // Украинский православный благовестник. 1927. № 5. С. 4).

Мюллер (ученый-историк): «Только с познанием Господа и по основательном изучении Нового Завета я стал понимать смысл истории» (там же).

Риттер (величайший географ): «Мы не напрасно пришли в этот мир: здесь мы созреем для иного мира» (там же).

Огюст Конт (основатель эмпиризма): признавал за религией естественные права и отводил ей место в человеческой жизни (там же).

Линней (описав все растения, их устройство и жизнь), восклицает: «Вечный, Великий, Всеведущий и Всемогущий Бог прошел передо мною. Я не видел Его в лицо, но Его отражение охватило мою душу и погрузило ее в благоговение» (там же).

Пастер: «Я много изучал и потому верую, как простой крестьянин, если бы я сделался еще учнее, то моя вера была бы так же глубока и пламенна, как вера простой женщины-крестьянки» (там же).

Ампер: «Берегись заниматься одной только наукой, одной рукой исследуй природу, а другой как дитя за одежды отца, держись за край Божьей ризы» (там же).

Гершель (знаменитый астроном): «Все науки приносят по камню в храм, воздвигаемый для прославления Творца Бога нашего» (там же).

Лейбниц: «Бог есть источник, из которого получают бытие все другие существа» (там же).

Дарвин, отец биологии, признавал Бога как первопричину всего существующего и, по свидетельству его ученика Уоллеса, усердно молился Богу (там же).

Чарльз Дарвин (будучи, между прочим, церковным старостой) писал: «Я заслуживаю быть названным теистом (верующим в Бога)» (4-е издание, с. 88; подробности о Дарвине в этом смысле, см. в книге Данилевского «Дарвинизм» [См.: Данилевский Н. Я. Дарвинизм: Критическое исследование Н. Я. Данилевского. Т. 1—2. СПб., 1895—1899. — *Ред.*]).

Бэр (натуралист): «Гармония естественных сил ведет нас к всеобщей первооснове, и эта первооснова не может быть отличима от Того Высочайшего Существа, на Которого указывает религиозная потребность человечества.

Если хотят принимать свидетельство Моисея не буквально (о творении мира), а только по существу, то должны согласиться, что более возвышенного свидетельства не доходило из древнего мира».

Все нападки на религию во имя науки Бэр называет «комическим анахронизмом, странными, запоздалыми возражениями, с которыми давно уже покончила естественная наука».

Кант: «Умно, что иные ищут успокоения в Евангелии, потому что это неиссякаемый источник всех истин, если исследовать всю вселенную, то нигде не найдется другого подобного источника».

Эрнест Ренан: «Изгладить Христово имя из этого мира будет равносильно потрясению мира во всех его основаниях» (Апологетические очерки // Украинский Православный Благовестник. 1927. № 11. С. 171).

Фихте: «Все мы стоим на почве христианства со всей нашей цивилизацией, наукой и философией» (там же).

Маколей: «Кто делает что-либо для уничтожения христианства, тот совершает преступление против человеческой цивилизации, подобное тому, которое называется государственной изменой» (там же).

Биою (математик и физик): «Или Моисей имел в естественных науках то же глубокое познание, как и наш век, или он был вдохновен свыше».

Бишоф (химик и геолог, профессор в Бонне): «Не из точного исследования и не путем наблюдения и опыта приобрел свои познания бессмертный бытописатель, а из другого источника: из Божественного вдохновения познал он истину. Но истина на все времена будет оставаться истиною».

Кеплер (астроном): «В творении я ощущаю Бога, как бы руками». (Свое важнейшее произведение о гармонии мира он заключает благодарностью Творцу.)

Райнке: «Чудо стоит в противоречии не с природой, а что мы знаем о природе».

Медлер (астроном): «Истинный естествоиспытатель не может быть отрицателем Бога; естественный и божественный закон одно и то же».

Бойль (отец современной химии): «Истинный естествоиспытатель нигде не может проникнуть в познание тайн творения без того, чтобы не ощущать перста Божия».

Гельмгольц: «Библия поразительно согласуется с естественными науками».

Бубэ: «Библия написана в то время, когда естественные науки сделали еще столь ничтожные успехи, открывает однако же в немногих строках столь замечательные вещи, которых можно достигнуть не иначе, как только при помощи чрезвычайных успехов науки; фактов, описанных в ней, никто раньше не знал, философы впадали в противоречия; она и в научном и нравственном отношении возвышается — она не человеческое, а Божественное произведение».

Бэкон Верулемский: «Только поверхностное знание природы может отводить нас от Бога, — более же глубокое и основательное возвращает к Нему».

«Вера во Христа предъявляет к нашему чувству требования, налагает на нас обязанности, затрагивает наши интересы, потому-то так легко восстановить людей против Христа» (*Остроумов Ст., прот.* Знамение пререкаемое // Украинский православный благовестник. 1927. № 11. С. 169).

Малебранш сказал, что «если бы математические теоремы стояли поперек нашим выгодам, то и они возбуждали бы споры» (там же).

Геер (геолог): признавал «Всемогущего и Всепремудрого Творца» (там же).

Ньюман (кардинал) утверждает, «что богословие есть такая же наука о Боге, как астрономия — наука о звездах» (Церковная жизнь. Владимир. 1924. № 3—4. С. 4).

Павлов И. П.: «В недавней своей публичной лекции в Ленинграде, академик Павлов, творец рефлексологии, заявил, что подавление религиозного инстинкта действует депрессивно угнетающе на общий уровень психики» (там же).

Агриппа фон-Нетесгейм (знаменитый филолог; 1486—1535): известен как «склонявшийся к мистицизму».

Эдисон находит, «что на основании фактов научно обоснованных [...] можно прийти к заключению, что существует тот потусторонний мир, о котором говорит богословие. Материя вечна, неуничтожима —

это доказано, «а потому, было бы противно здравому смыслу верить в возможность уничтожения духовных сил» («Богоискатели» // Безбожник. 1927. № 16—17. С. 6).

Агассис (естествоиспытатель) называл свою науку «переводом мыслей Творца на человеческий язык».

Браунинг: «По мнению профессора Оскара Браунинга, Церковь в продолжении христианской эры имела самое сильное влияние на цивилизацию, всегда была главным двигателем, направляющим людей на путь благородства и добродетели» (*Остроумов Ст., прот.* Знамение пререкаемое // Украинский Православный Благовестник. 1927. № 11. С. 171).

Генрих Гейне (в § 7 своего завещания, о котором «умалчивают заграничные и русские издатели сочинений Гейне» определенного направления), пишет: «Четыре года уже прошло, как я отбросил всякую философскую гордость и вновь пришел к религиозным идеям. Я умираю с верой в вечного Бога, Творца мира, и призываю Его милосердие на свою вечную душу. Я скорблю, что я непочтительно отзывался о святых вещах, но я к этому увлечен был не столько внутренним расположением, сколько духом времени. За то, что я почти бессознательно оскорблял добрые нравы и целомудрие, Боже, прошу Тебя и всех людей простить мне»¹.

Лейбниц: написал гимн «Иисусе, смерть и страдания Которого, есть наша жизнь и радость».

Спиноза: «Бенедикт Спиноза учит: существует лишь одна субстанция, и это Бог. Эта единая субстанция бесконечна, она абсолютна. Все конечные субстанции берутся от нее, заключаются в ней, выходят из нее, в нее погружаются; существование их лишь относительное, преходящее, случайное. Абсолютная субстанция открывается нам как под видом бесконечного мышления, так и под видом бесконечного протяжения. То и другое, бесконечное мышление и бесконечное протяжение, суть два атрибута абсолютной субстанции; мы познаем лишь эти два атрибута, но Бог, абсолютная субстанция, может быть, имеет еще много других атрибутов, неведомых нам. [...]

Только непонимание или злонамеренность могли придать этому учению эпитет „атеистического“. Никто не высказывался возвышеннее Спинозы о божестве» (*Гейне Генрих.* Полное собр. соч. Т. 8. М.: Изд. О. Вольф, 1908. С. 78—79).

Коперник, Кеплер, Ньютон: «Три великих основателя новейшей астрономии, Коперник, Кеплер и Ньютон, были все трое, в полном

¹ Источник цитаты не найден. — *Примеч. ред.*

и высоком значении слова, читателями Бога. Это одна из прекраснейших страниц в истории развития человеческой мысли. Ищут часто прикрыть ее забвением, но ни во власти никого уничтожить ее» (*Навиль Э.* Вопрос о зле. С. 163).

Коперник: «Когда открытие Коперника было обнародовано, оно вызвало против себя сильную и живейшую оппозицию. Противники были многочисленны. Это были, прежде всего, ученые, пристрастные к старой идее, которые не вдруг могли отказаться от результатов всех трудов, положенных ими» (там же. С. 160).

Исаак Ньютон при произнесении слова «Бог» — благоговейно снимал шляпу (*Разные известия: Ответ «ученым» // Ярославские епархиальные ведомости. 1912. № 20. С. 387*).

Фарадей любил постоянно читать Библию и других приглашал к тому же.

А. С. Пушкин: «Англичане правы, что дают Библию детям. Мои дети будут читать вместе со мною Библию по-славянски»¹.

«Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением» (*Пушкин А. С. Некоторые исторические замечания // Пушкин А. С. Дневники. Записки. СПб.: Наука, 1995. (Серия литературные памятники). С. 66*).

Джордано Бруно: был монах и до конца жизни остался им.

Роджер Бэкон (1244—1294) английский монах, открытия которого много содействовали развитию естественных наук.

Дарвин, Ренан: «Хотя ни один из них не был безбожником» (*Остроумов Ст., прот. Знамение пререкаемое // Украинский православный благовестник. 1927. № 11. С. 172*).

Толстой Л. Н.: «Трагична и кончина Л. Толстого, который четверть века боролся против церковного разумения Христа, а умирать бежал в монастыри Оптину и Шамордино» (там же. С. 171)².

¹ Источник цитаты не найден. — *Примеч. ред.*

² Свое отношение к вере в Бога Л. Н. Толстой выражал, например, следующими словами: «Я уважаю всякую веру в Бога, в каких бы формах она ни выражалась, но я не могу сочувствовать полному безверию» (*Ярославские епархиальные ведомости. 1913. № 12. С. 522*).

А «Горький рассказывает такую с ним [Л. Н. Толстым. — *Сост.*] встречу. Ялта. Толстой едет верхом. Горький идет возле стремени.

— В Ялту приехал В. Г. Короленко, — говорит он.

Нахмурившись, по обычаю, Л[ев] Н[иколаевич] спрашивает:

— А он в Бога верует?

— Не знаю, — отвечает Горький.

— Главного-то и не знаете, — хмуро отвечает ему Толстой (*Вениамин Федченков, митрополит. Записки архиерея. Рукопись*). [Данный отрывок вошел в книгу: *Вениа-*

Ницше: «Дерзкий Ницше [...] последние годы впал в душевную болезнь и успокаивался только при звоне колоколов» (там же).

Вольтер: «Вольтер предсказывал: „через сто лет Библия будет позабытою и неизвестною книгою; ее можно будет находить, как редкость, в кладовых и археологических музеях, как свидетельство глупости ранних поколений”. Это предсказание записано было в парижском доме, в котором теперь, через 150 лет после предсказания Британское Библейское Общество имеет склад Библий, ежегодно распространяющий на разных языках более ста тысяч книг Священного Писания. А Вольтер полузабыт, да и умер-то он с колебанием и великим страхом за свою грешную душу» (там же).

Д. Штраус: «Противник Евангелия Давид Штраус высказал надежду, что своими изысканиями он нанес смертельный удар христианству. Но он не догадывался, что Священное Писание с человеческою стороною, уязвимою, имеет божественную, нестареющую, открытую только верующей душе. Он умирал забытый и одинокий. За ним ухаживала христианская диаконисса во имя Того, против Кого он боролся лучшую часть жизни» (там же).

37. Богоматерь в судьбе Святейшего Патриарха Тихона

Сообщаемый митрополитом Вениамином (Федченковым) сон знакомого ему доктора, в котором главным действующим лицом была Богоматерь, а также отмечая факт кончины Святейшего в день Богородичного праздника (Благовещение) или день интронизации его на Всероссийский Патриарший Престол, совпавший также с днем Богородичного праздника (Введение), — все это вместе взятое приводит к предположению о несомненном покровительстве Богоматери Святейшему Патриарху Тихону в продолжение всего его жизненного пути.

Об этом знаменательном явлении, сопутствовавшем ему в несении Креста архипастырского и, затем, Первосвятительского служения, он совершенно ясно высказался в ответной речи делегатам Собора 1917—1918 гг., прибывшим на Троицкое подворье 05(18).11.1917 г. с благовестием об избрании его в Патриарха.

Он сказал тогда:

«Утешением и ободрением служит для меня и то, что избрание мое совершается не без воли Пречистыя Богородицы. Дважды Она,

мин Федченков, митр. «А сердце говорит мне верь!». М.: Правило веры, 2004. С. 16. С упоминанием воспоминаний Горького. См.: *Горький М.* Воспоминания о писателях. Горьковское госиздательство, 1951. С. 70. — *Ред.*]

пришествием Своея честныя иконы Владимирския, в храме Христа Спасителя, присутствует при моем избрании: в настоящий раз самый жребий взят от чудотворного Ея образа. И я как бы становлюсь под честным Ея омофором» (Приложение к деянию 36: Ответное слово митрополита Московского и Коломенского Тихона при благовестии ему Патриаршества // Деяния. Кн. 3. С. 118).

Другие же современники, как бы подтверждая эти высказанные Святейшим слова, со своей стороны добавляют:

«Пред сей иконою при избрании Святителей клали запечатанные царской печатью жребии, которые после молебна тут же вынимались митрополитом и распечатывались царем, при чем объявлялось имя избранного. Пред тою же иконою, после молебного пения, был по жребию избран на Патриарший Престол Всероссийский Патриарх Тихон» (Житие Святителя Иоасафа, чудотворца Белгородского: Приложение: Свышеуказанный путь к спасению России / Сост. Н. Д. Жевахов. 2-е изд. Новый Сад (Югославия): Филонов, 1929. С. 56).

«Митрополит Владимирский Сергей [Страгородский] составляет новый акафист в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, где восхваляет попечение Богоматери о земле Русской [...] и особенно радостно восхваляет Богоматерь, что Она Своею чудотворною иконою благословила работу Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. и от Своея же чудотворной иконы дала жребий восстановленного Патриаршества Своему избраннику Патриарху Тихону» (Полгода со дня кончины Святейшего Патриарха Сергея // ЖМП. 1944. № 12. С. 28).

Столь явное и осознанное многими проявление особого покровительства Богоматери по отношению к первому — по восстановлении у нас Патриаршества — Святейшему Патриарху Тихону требует, как нам кажется, каких-то посильных разъяснений со стороны будущего биографа этого нашего Первосвятителя.

Действительно, весьма достойно внимания то обстоятельство, что Богоматерь, в лице ряда Своих икон неотступно сопутствовала Святейшему Патриарху Тихону на всех этапах его архиерейства (а может быть, и с детства; см.: комментарий 57). Таковы: Холмская (на Волыни), Толгская (в Ярославле; там же и Ярославская), Виленская (в Литве) и, наконец, Владимирская и Донская иконы Божией Матери в Москве (не говоря о других).

Особенно знаменателен, конечно, факт двукратного избрания на московскую (митрополичью и патриаршую) кафедру Святителя Тихона от подножья величайшей Московской и Всероссийской святыни — чудотворного Владимирского образа Божией Матери.

Особенно интересна и знаменательна эта связь Владимирской иконы — общерусской святыни — с избранием митрополита Тихона на пост главы нашей Церкви (т. е. также: «всея Руси»). И хотелось бы думать поэтому, что в масштабах его былой епархиальной архипастырской деятельности покровительство Богоматери ограничивалось местными Ее святыми иконами. Когда же Господь судил ему возглавить Церковь Русскую в целом, то и покровительство Матери Божией приняло иной, всероссийский, объем через посредство всероссийской же святыни — чудотворного образа Владимирской Божией Матери...

Добавим здесь, что именно к этому Богородичному образу со стороны Святейшего Патриарха Тихона, по некоторым данным, отмечалось особое благорасположение и теплое молитвенное тяготение.

Так, в связи с развернувшейся в первые годы революции большой работой по расчистке и реставрации лучших памятников древнерусской иконописи, приступлено было наконец и к удалению всех позднейших наслоений и записей с первоначального образа Владимирской Богоматери из Успенского Собора Московского Кремля. В то время крупнейший знаток и исследователь в области иконографии профессор Александр Иванович Анисимов¹ (погибший впоследствии на Соловках), как сам впоследствии сообщил пишущему эти строки, лично обращался за благословением на это начинание к Святейшему Патриарху и встретил со стороны последнего исключительное внимание и любовное отношение к отечественным церковным древностям вообще, а к вопросу о расчистке Владимирской иконы — в особенности.

В своей монографии, посвященной реставрации и истории чудотворного образа Владимирской Богоматери, сам А. И. Анисимов (в 1928 г.) писал следующее:

«Благожелательное отношение к великому памятнику со стороны как тогдашнего Главы Русской Церкви — Патриарха Тихона, так и музейного управления привело к тому, что Владимирская икона не только стала доступна теперь внимательному и подробному изучению, но

¹ Анисимов А. И. (1877—1937), историк искусства, один из основоположников научной реставрации; заведующий отделом Религиозного быта в Историческом музее (1920—1929); в 1920-е гг. профессор МГУ и Ярославского университета, ВХУТЕМАСа; один из руководителей Комиссии по реставрации памятников искусства и старины — Центральных государственных реставрационных мастерских. Арестовывался в 1919, 1921 и 1930 г. (приговорен к 10 годам лагерей: отбывал срок в Соловецком лагере особого назначения, где и был расстрелян). См.: *Кызласова И. Л.* Из истории исследования художественной культуры Византии и Древней Руси. Вып. 1. Александр Иванович Анисимов (1877—1937). М.: МГУ, 2000. — *Примеч. ред.*

и освободилась от всех позднейших наслоений и реставраций» (Анисимов А. И. Владимирская икона Божьей Матери. Прага: Seminarij Kondaqovianum, 1928. С. 25)¹.

Тогда же, среди церковных москвичей, рассказывали, что после расчистки и реставрации этой прославленной иконы художник-реставратор Бородин снял с нее три копии в размер оригинала. Комиссия специалистов, возглавленная тем же профессором А. И. Анисимовым, отобрала лучшую из этих трех копий, которая после торжественного патриаршего служения в одном из храмов была преподнесена представителями московских приходов Святейшему Патриарху Тихону. Она становится затем келейной святыней Патриарха.

После кончины Святейшего икона эта (по-видимому, после краткого пребывания в Сокольниках, в жилище Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра Полянского) перешла в собственность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и сохранялась в Патриархии.

Вторая из трех копий находилась в храме свв. мучеников Адриана и Наталии на 2-й Мещанской улице и помещена была в довольно аляповатом и претенциозном киоте работы резчика В. А. Чубарова, символически изображавшем Московский Кремль с «парящей над ним» Владимирской иконой Божией Матери. Несколько позже, при разрушении этого замечательного московского храма XVII столетия, как сам этот образ вместе со своим громоздким и надуманным киотом, а также и замечательное распятие (с Голгофой), последняя работа Виктора Михайловича Васнецова, — прихожанина этого храма (здесь же и отпетого по смерти), — отобраны гражданскими властями и с тех пор «канули, как в воду»...

Что же касается православного толкования происхождения и истории этого прославленного образа, то считается, что чудотворный образ Владимирской Божией Матери писан «по преданию апостолом Лукой и [...] доска, на которой она изображена, взята от того стола, который находился в жилище Иосифа и Богоматери в отроческие годы Иисуса Христа. В начале образ оставался в Иерусалиме, затем был перенесен в Царьград, а в XII в. был в женском монастыре в предместье Киева, откуда в 1155 г. [...] перенесен во Владимир. Икона эта прославилась дарованием многих побед над врагами, главным образом татарами, успокоением мятежей и междоусобиц и спасением от

¹ Более подробно см.: *Кызласова И. Л.* О благословении Патриархом Тихоном трудов деятелей культуры по сохранению и реставрации памятников древней живописи // Вестник ПСТГУ. М., 2006. Вып. II:2 (19). С. 27—33. — *Примеч. ред.*

Тамерлана Москвы, куда она перенесена во время битвы из Владимира и где обретается и поныне с 1395 года» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. С. 536—537).

После отобрания у Церкви этой религиозной, национальной и исторической святыни, она выставлена теперь для обозрения посетителей, в качестве экспоната, в Государственной Третьяковской Галерее (а перед тем — после расчистки — находилась в закрытом впоследствии «Отделе Религиозного Быта» Государственного Исторического Музея; в его фондах).

Наконец, затронув тему о покровительстве Богоматери Святейшему Патриарху Тихону, нельзя не коснуться вопроса о существовании и еще одного образа Матери Божией, имеющего непосредственное отношение и к Святейшему Патриарху Тихону так, равно, и ко всем его преемникам по Первосвятительскому Патриаршему Престолу.

Среди множества других чудотворных и чтимых изображений Божией Матери Православной Русской Церковью почитается также, — мало кому известная, — икона, носящая наименование «Патриаршей». Но несмотря на такое знаменательное наименование, кажется, ни в 1917 году, ни позже на ее иконографию и историю не было обращено никакого внимания, что, полагаем, давно следовало бы уже сделать.

Неизвестно (нам, по крайней мере) ничего и о ее значении и почитании в первый период русского Патриаршества (1589—1700 гг.).

Из сказанного о ней попалося нам на глаза лишь следующее.

«Патриаршая икона Божией Матери, находится в Могилевской губернии, в монастыре Пустынском близ города Мстиславля. Явилась большому глазами князю мстиславскому Симеону в XII в. [!! — *Сост.*] на источнике, где теперь и находится обитель и храм. Икона прославлена многими чудесами и почитается не только православными, но и иноверцами. Празднование 15(28) августа [на Успение! — *Сост.*]» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том 2. С. 1784). К сожалению, никаких дальнейших указаний на связь наименования этой иконы с образом возглавления нашей Церкви, встретить нигде не удалось [впрочем, особенно и специально мы этим вопросом не занимались. — *Сост.*].

В ежегодных календарях, издаваемых Московской Патриархией, в алфавитных списках Богородичных чудотворных икон, а также в тексте под 15 (28) августа, об этой — Патриаршей — иконе Божией Матери не упоминается.

Конечно, над многими нашими Святителями простирался покров Богоматери. Закончим поэтому наше примечание на эту тему малень-

кой исторической справкой о почитании Богородицы со стороны известного Первосвятителя нашей Церкви синодального времени, ветхого деньми митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора (Никольского), при котором закончил свое высшее духовное образование в стенах Санкт-Петербургской Духовной Академии, студент оной, Василий Беллавин, будущий Святейший Патриарх Тихон (в 1888 г.):

«Мать будущего [митрополита] Исидора, жена псаломщика, уходя на сельские работы в поле, не имея на кого оставить сына, клала его на лавке под иконой Богоматери, мысленно прося Владычицу оградить в ее отсутствие сына от всяких бед. Всю жизнь свою митрополит Исидор считал Богоматерь своей Заступницей (он родился в день Покрова), и не было просьбы, которой бы он не исполнил, когда его просили именем Пресвятой Девы» (Ярославские епархиальные ведомости. 1912. № 36. С. 697).

38. О вещих снах

Касаясь вопроса о «вещих снах» вообще, следует заметить в на-зидание нашим, слишком многочисленным «культурным» умникам и разного рода скептикам, что сновидения подобного рода, как ни истолковывай их и как ни относишься к ним, являются в действительности не столь уж редким явлением в жизни людей, как это может показаться на первый взгляд. Об одном из «вещих снов» совершенно такого же характера (по своему значению), как и переданный в рассказе митрополита Вениамина (Федченкова), сообщается не только в произведениях различных «мракобесов» и тому подобных «отсталых личностей», но и во вполне современных и «культурных» изданиях, в частности и в сборнике, изданном государственным издательством «Искусство» (М., 1958 г.), озаглавленном «Федор Иванович Шаляпин» (Т. 2. С. 276—277). Сейчас сборник этот у нас широко распространен среди более или менее интеллигентной публики, еще не окончательно утратившей способность интересоваться некоторыми вопросами искусства в популярном изложении.

В сборнике, посвященном воспоминаниям о личности и творчестве Ф. И. Шаляпина, говорится, например, следующее (повествует Константин Коровин):

«Дурной сон.

Ко мне пришел доктор и сказал:

— Что же, температура нормальная. В солнечный день можете выйти ненадолго.

После его ухода я заснул.

И видел во сне, как пришел ко мне Шаляпин, голый, и встал около моей постели, огромный. Глаза у него были закрыты, высокая грудь колыхалась. Он сказал, держа себя за грудь:

— Костя. Сними с меня камень...

Я протянул руку к его груди — на ней лежал холодный камень. Я взял его, но камень не поддавался — он прирос к груди...

Я проснулся в волнении и рассказал окружающим и Н. Н. Курову, который ко мне пришел, про этот страшный сон.

— Нехороший сон, — сказал Н. Н. Куров. — Голый — это нехорошо...

А утром я прочел в газете, что Шаляпин умер.

Я встал, оделся, хотел куда-то идти. Лил дождь. Пришло письмо из редакции с просьбой поскорее написать о Шаляпине.

Я поехал в редакцию. Трудно было писать. Слезы подступали...

Вернувшись домой, я застал у себя П. Н. Владимирова — артиста балета.

— Вот ведь, — сказал он, — Федор Иванович умер. Борис приехал из Америки. Я его видел. Он спрашивал о вас. Я был в доме. Там не протолкаешься. Масса народу. Он умер в забытьи» (*Коровин Константин. Шаляпин: Встречи и совместная жизнь. Париж, 1956. С. 211—212.*)

Так как с позиций правоверного марксиста-материалиста все вышеизложенное не более как самая стопроцентная чепуха и поповские сказки, то остается лишь сделать вывод, что наше государственное издательство занимается ничем иным, как распространением этих сказок (тир. 75 000 экз.), т. е. играет на руку «попам».

Закончим это наше примечание сообщением еще об одном «веще сне», о котором повествовал в свое время Преосвященный Тихон (Шарапов), епископ бывший Гомельский. Этот сон пригрезился ему в заключении, во время сна на нарах в камере Могилевского ГПУ. Позже, освободившись в Москве из заключения, Преосвященный изложил содержание этого сна на внутренней стороне переплета своего архиерейского Чиновника... Во второй половине 1920-х годов пишущий эти строки, состоя старшим иподиаконом сего святителя, многократно держал в руках этот Чиновник.

Вскоре после своей хиротонии (9—22.03.1925) владыка Тихон появился во вверенной ему Гомельской епархии и повел там успешную войну против местных обновленцев. А так как это шло вразрез с интересами гражданской власти, то он вскоре же был арестован и, насидевшись в достаточной мере по провинциальным тюрьмам, препровожден этапным порядком в Москву — свалочное место для всех

архиереев, недопускаемых Тучковым к управлению своими епархиями в целях обеспечения максимального успеха обновленцам в их огромной деятельности по развалу Церкви на местах.

Итак, в Чиновнике было изложено — примерно — следующее:

В молодости, во время проживания владыки в Почаевской лавре, у него был друг, из простецов, некий иеромонах о. Аркадий. К 1925 году, в связи с многолетним проживанием владыки за границей — в Германии, связь его с другом прервалась, в результате чего они надолго потеряли из виду друг друга... Конечно, грустили и мечтали о встрече.

В самом начале 1925 года о. архимандрит Тихон наконец вернулся на родину, где вскоре состоялась его архиерейская хиротония. За обычной суматохой и множеством дел, возникших в связи с его новым служебно-иерархическим положением, справок о своем старом друге, на первых порах навести не удалось (как предполагалось). А затем, весьма вскоре же, состоялся и отъезд на епархию, закончившийся — как сказано выше — более чем печально как для него лично, так равно и для порученного ему церковного дела.

И вот в Могилеве, находясь в заключении в местном ГПУ, лежа в вынужденном бездействии на нарах, Преосвященный Тихон задремал. Во сне он увидел своего друга иеромонаха отца Аркадия, причем в самом плачевном состоянии — где-то лежащим на койке при последнем издыхании; всякая помощь ему была бесполезна... Положение было трагичнейшим и беспомощным, так что горю владыки не было границ. И пока он метался в хлопотах, в поисках мер к спасению своего тяжело болящего и горячо любимого друга... о. Аркадий скончался.

Горю владыки, как оказалось, действительно не было предела, так как, проснувшись и с изумлением оглядевшись по сторонам, владыка почувствовал, что все лицо его мокро от слез и ряса, свернутая под головой вместо подушки, также влажна, пропитана слезами.

Проснувшись, он долго не мог прийти в себя и слезы продолжали по-прежнему лить из глаз под влиянием только что виденного печального зрелища.

Позже в Москве, вскоре после освобождения из заключения и дачи необходимой подписки о невыезде, Преосвященный принял немедленные меры к тому, чтобы навести справки о своем давнем и далеком друге.

Справку навести удалось. Оказалось в день «вещего сна» о. Аркадий скончался.

Все вышеизложенное в кратких речениях и сообщено собственноручно Преосвященным Тихоном на внутренней стороне задней крышки переплета Чиновника.

Впоследствии, в память покойного своего друга, владыка Тихон при пострижении в мантию своего келейника Никандра Перепечко, в соборном храме Московского Богоявленского монастыря, нарек его Аркадием (этот последний в конце 1930-х или начале 1940-х гг., в сане архимандрита, погиб где-то в сибирских концлагерях). [Аркадий (Перепечко, 1900—10.11.1937) — архимандрит. После ареста владыки Тихона последовал за ним в ссылку. С 1928 г. в ссылках и узах, отбывал наказание в Свирлаге. 1936—1937 гг. служил в г. Алма-Ате во Введенской церкви. В 1937 г. вновь арестован, и проходил по одному делу с владыкой Тихоном, приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Расстрелян в г. Алма-Ате. — *Ред.*]

39. Выписка из «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) от 16(29).07.1927 г.

Автор здесь ошибается. Подобный ответ со стороны Святейшего Патриарха Тихона последовал не митрополиту Петроградскому и Гдовскому Вениамину (Казанскому), а судя по сообщению «Церковных ведомостей» — протоиерею Рудинскому¹. Это произошло во время встречи Патриарха с представителями Правления Петроградского Братства Приходских Советов.

Об этой встрече упоминается также у А. Левитина и В. Шаврова в их «Очерках» об обновленческом расколе, на страницах, посвященных Святейшему Патриарху Тихону (с. 46).

[В ответ на приветственную речь протоиерея Н. Рудинского Святейший Патриарх сказал:

«Своей речью Вы напомнили мне ту полуношь, когда в большом волнении пришли ко мне по делу организации приходов. То, о чем говорили Вы, тогда очевидно послужило началом большого дела.

Я очень сочувствую участию мирян в церковной жизни и делу объединения приходских советов, ибо по опыту своему знаю, какую силу и мощь

¹ Рудинский Николай Семенович (1871—1937), протоиерей. Родился в Ярославской губ. В 1896 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию и в том же году рукоположен во иерея. С 1897 г. — настоятель церкви свв. Сергия и Германа Валаамских при Александровском кадетском корпусе и Законоучитель корпуса. С мая 1911 по 1922 г. — настоятель Борисоглебской церкви в Санкт-Петербурге. С 1920 г. преподавал литургику в Богословском институте. В июле 1922 г. был арестован по делу «Петроградских Православных братств». В 1922—1924 гг. в ссылке. В октябре 1924 г. вернулся в Ленинград. В 1937 г. проживал в г. Кольчугино Владимирской обл, где был арестован и приговорен к расстрелу. Расстрелян. — *Примеч. ред.*

в церковном делании представляет собой мирской элемент, правильно направляемый. Миряне — живая сила.

Я слышал сейчас, что Братство объединяет людей, готовых на подвиги исповедничества, мученичества, готовых на смерть.

Русский человек вообще умеет умирать, а жить и действовать он не умеет.

Задача Братства не в том только, чтобы воодушевлять на мучения и смерть, но и наставлять как надо жить, указывать чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возростала и крепла. Наше упование — это жизнь, а не смерть и могила.

Меня утешает, что Приходские Советы объединяются, что все вы живете общим соборным разумом. И я уверен, что рано или поздно это будет везде, что в конце концов в каждой епархии будут такие Братства, объединяющие приходские общины.

Помогай вам Бог в вашем деле объединения пастырей и пасомых на пользу Церкви Божией» (В Братстве Приходских Советов // Петроградский церковно-общественный вестник. 1918. № 16. 20(7) июля. С. 3). — *Ред.*]

Слова, приведенные митрополитом Вениамином (Федченковым) из известной «Декларации» 1927 г. неверны; там сказано так:

«Одною из забот почившего Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона пред его кончиной было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к Советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: „Нужно бы пожить еще годика три”. И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца» [См.: Акты... С. 509—510. — *Ред.*].

(Так называемая «Декларация» или вернее: Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергея Страгородского и Временного при нем Патриаршего Священного Синода от 16—29.07.1927 года. [Акты... С. 509—513. — *Ред.*]).

Этот остроумный ответ Святейшего о беззаветной готовности русских людей умирать по первой надобности и полном неумении жить как нужно, — помнится, встречался еще где-то, в литературе.

40. Краткие биографические сведения об И. И. Василевском

Автор приведенных рассказов — Иван Иванович Василевский, весьма деятельный и подвижной старичок, сын одного подмосковного священника, настоятеля церкви в Вешняках (дачная местность), некоего о. Ивана Василевского. После революции Святейший Патриарх Тихон, узнав поближе этого вдового священника и оценив в нем какие-то скромные, не всем заметные (по-видимому) добродетели, — предложил ему архиерейский сан и вскоре хиротонисал его (с тем же

монашеским именем) в епископа Бронницкого, викария Московской епархии.

Святитель этот был настолько простым, скромным и невзыскательным человеком, что все окружающие и знавшие его, даже и после хиротонии, неизменно продолжали называть его «отцом Иваном». Смиранный старичок-владыка никогда и не пытался даже оговаривать всех обращающихся к нему таким образом.

В историческом смысле архиерейство его достопримечательно в том отношении, что в роковой момент всеобщей «посадки» архиереев, как возглавлявших Церковь в целом, так, в частности, управлявших Московской епархией, — «отец Иван» по необъяснимой, счастливой случайности оказался не за решеткой и был одним из участников триумvirата московских викариев, управлявших тогда Московской Патриаршей областью, которую неправильно именовали Московской епархией.

Триумvirат этот состоял из епископов: Дмитровского Амвросия (Смирнова), Серпуховского Алексия (Готовцева) и Бронницкого Иоанна (Василевского).

«Резиденция» этих столичных иерархов находилась в миниатюрном и полутемном подвале приходского храма Св. Николы, что в Кошелях, стоявшего почти на самом перекрестке Яузских ворот и потому оказавшегося весьма подходящим для сноса, так как, совершенно очевидно, «мешал» уличному движению... Так это вскоре и произошло.

Тогдашний церковно-исторический момент был чрезвычайно трагичным и совершенно бесперспективным. Управление этих святителей из подвала кошелевского храма вполне можно уподобить (и безо всякого преувеличения!) сидению на бочке с порохом... (1926—1927 гг.)

Скончался отец нашего автора И. И. Василевского, Преосвященный Бронницкий Иоанн (Василевский) 20.02.1931 г.

Что же касается самого И. И. Василевского, интересующего нас в данный момент, то впоследствии он хотя стоял и далеко от церковной стихии, но никогда окончательно не утрачивал связи с людьми из этого, по-видимому, близкого ему, мира... Сам он работал на каких-то административных, организационных ролях в сфере музееведения, прикладного народного творчества, искусства палешан и т. д. Он вечно устраивал какие-то хранилища и выставки древнего шитья, резьбы по дереву и т. п., изыскивал и подбирал коллекции для музея игрушек в стенах Троице-Сергиевой лавры (по-видимому, совместно с Бартрамом), организовывал хранение каких-то баснословно-огромных коллекций русского народного орнамента, на расхищение

которых беспрестанно покушаются различные высокопоставленные невежды и предприимчивые евреи, окопавшиеся в каких-то комитетах и комиссариатах и т. д., и тому подобное. Короче — вся жизнь его, страшно деятельная и насыщенная, была целиком посвящена интересам русского народного творчества и кустарным ремеслам всех видов, которые он беззаветно любил и по-своему неплохо понимал.

Ближе к старости, когда энергии стало поменьше, он стал («тайно-образующе») заниматься изготовлением архиерейских облачений и митр (так как все подобные предприятия давно уже оказались ликвидированными, а нужда в подобной продукции не миновала!), которые он стремился изготовлять «в древнерусском стиле», а не как-нибудь. Затем, одно время, Иван Иванович увлекся руководством росписями храмов (например Борисоглебский собор в Рязани), для чего набрал волонтеров-живописцев и альфрейщиков из известных ему мастеров-палешан.

Так он и промышлял до самого того времени, когда разбил его паралич, и он в совершенном уединении и как бы «на покое» отсиживался в своем домике, в тех же Вешняках, где когда-то священствовал его родитель «отец Иван» и в ограде которой теперь еще хранится могила Бронницкого епископа Иоанна (Василевского)... Ее изредка навещает больной старичок с пышными, седыми усами...

41. Духовные концерты при Святейшем Патриархе Тихоне

В числе первых своих мероприятий, направленных «на благо народа», в 1918 г., новорожденная Советская власть ликвидировала все духовно-учебные заведения, от приходских школ до Академий включительно, как «очаги мракобесия».

Веками создававшееся колоссальное имущество, находившееся в обладании Духовно-учебного комитета Святейшего Синода, немедленно и с азартом было «национализировано», т. е., говоря попросту отобрано, и в большинстве своем бессмысленно уничтожено с одинаковым мстительным и злобным упорством по всей России, после чего Церковь Русская в течение 25 лет даже и не помышляла о каком-либо подобии духовного образования в своих недрах.

Однако, несмотря на совершенно неблагоприятные условия, отдельные энтузиасты дела духовного образования никогда не переводились, и попытки в этом отношении, хотя и абсолютно безнадежные предпринимались неоднократно. Так, в 1918 г., под высшим смотрением Святейшего Патриарха Тихона была открыта полулегальная, не имевшая никаких материальных средств к существованию, так называемая «Православная народная академия богословских наук» (Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. № 22 [?]),

ютившаяся одно время в стенах московского Высоко-Петровского монастыря. Очень немногочисленные студенты сей академии жили на своих харчах, совершенно так же, как и энтузиасты из среды профессорско-преподавательского персонала.

Гражданские власти сейчас же, конечно, пронюхали о существовании такого зловредного и опасного заведения и приняли немедленные мероприятия к тому, чтобы поскорее и окончательно удушить поповское крамольное начинание. «Академия» эта пряталась по темным углам, перебиралась из чулана в чулан и вскоре окончательно протянула лапки кверху.

Но и энтузиасты духовного просвещения не сдавались, предпринимаемая новые попытки.

Так, например, с благословения Святейшего Патриарха Тихона известный в свое время, энергичный и предприимчивый, архимандрит Гурий (Степанов; впоследствии архиепископ Иркутский, питомец Казанской Духовной Академии) добился в каких-то хитрых, промежуточных инстанциях визы на открытие в Москве православных миссионерских курсов. Они действительно открылись и существовали некоторое время в Боголюбской башне китайгородской стены у Варварских ворот (в помещении закрытой «Народной Духовной Академии», перекочевавшей сюда из Петровского монастыря). Однако вскоре же, отчасти из-за отсутствия достаточных материальных средств, а главным образом, конечно, в силу «независящих обстоятельств», и это начинание пришлось оставить... Немного же позже наши мудрые «отцы города» разобрали по кирпичику не только вышеупомянутую Боголюбскую башню, но и всю китайгородскую стену со всеми башнями и прочими сооружениями древности, предварительно затратив несколько десятков миллионов рублей на тщательную реставрацию их к радости и удивлению всех любителей отечественной старины и искусства...

В 1919 г., в Петрограде предпринимается попытка создания Богословского Института. Протоиерей о. Николай Чуков, избранный Советом Института «на должность ректора [...] был утвержден в этой должности Святейшим Патриархом Тихоном. После закрытия Института в 1923 г. о. Николай стал во главе районных богословских курсов» (К восьдесятилетию митрополита Ленинградского и Новгородского Григория) // ЖМП. 1955. № 3. С. 23)¹.

¹ В 1922 г. в Петрограде о. Николай Чуков по процессу «церковников» вместе с группой других лиц во главе с митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским) был приговорен к расстрелу, а после замены ему смертной казни тюремным заключением отбывал свой срок до 1923 г.

Помимо перечисленных, были и другие попытки в этом же направлении как в столицах, так равно и в провинции; энтузиазма-то было достаточно, но материальных средств к тому и всех других возможностей, как правило, не имелось...

Подъем был большим, но и пресс оказывался невероятно тяжелым.

В одном позднейшем церковно-литературном труде эпоха эта описывается в следующих выражениях:

«В ближайшие годы после октябрьского переворота Церковь переживала особое время расцвета и подъема [в широком смысле вызванных восстановлением Патриаршества. — *Сост.*]. Казалось, что Она расширилась и созидалась на долгие годы мира и духовного роста. Никто не думал о ближайшей перемене. Забила ключом приходская жизнь. С одной стороны, организовались братства, с другой — являлись талантливые проповедники, привлекавшие массы религиозного и ищущего смысла и цели жизни народа. Детские елки, собрания по домам, доклады и диспуты так и рождались в удивительном этом периоде. Казалось, что кто-то развязал все узлы и освободил от уз религиозную мысль [и инициативу. — *Сост.*]. Лучшие имена профессор-богословов заблестели на вновь открытых курсах» (Отчизна неизвестная. С. 46).

Как бы то ни было, но в самом начале революции, когда еще не совсем угасли надежды на будущее, более или менее нормальное, положение Церкви в государстве, а потому и дело духовного образования казалось неизбежным в каком-то объеме, люди, болеющие этими вопросами, в целях изыскания хотя бы минимальных денежных средств, с благословения Святейшего Патриарха Тихона, решили в помещении Московского епархиального дома (тогда еще не окончательно отобранного у Церкви) систематически устраивать различного рода духовные концерты с участием лучших артистических сил Москвы. Весь чистый сбор должен был поступать на дело духовного образования.

К участию же в концертах на первых порах предположено было пригласить (и в действительности приглашались) следующие лица из мира искусства Москвы: И. М. Москвин, О. Л. Книппер-Чехова, А. В. Нежданова, Ф. И. Шаляпин, протоиереи К. В. Розов,

(Впоследствии протоиерей о. Николай Кириллович Чуков стал митрополитом Ленинградским и лицом, весьма приближенным к Патриарху Алексию Симанскому.)

[О митрополите Григории (Чукове) см.: *Сорокин Владимир, прот.* Исповедник: Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб. Изд-во Князь-Владимирский собор. 2005. — *Примеч. ред.*]

М. К. Холмогоров, лучшие церковные хоры московских храмов и многие другие.

Концерты происходили при переполненных сборах и сопровождались неизменным, бурным успехом. В 1920 г., по требованию гражданской власти, все это начинание пришлось прекратить, так как этот выход из тяжелого материального положения совсем не устраивал тех, кто давно еще и с таким смаком придумывал удушающую петлю делу духовного образования русского религиозного юношества...

Неизменно посещал все эти концерты и сам Святейший Патриарх, как бы давая этим добрый пример своим пасомым.

Изыскивались необходимые денежные средства в Фонд духовного образования и через приходские храмы; был кликнут клич по всей Руси Великой.

Здесь, в приходских храмах, также устраивались духовные концерты и богословские лекции-проповеди в разных вариантах. Тарелочный сбор поступал на те же цели.

Наконец, «внешние» совсем осерчали и взялись за свою обычную «научно-атеистическую» шарманку... И тут, конечно, не обошлось без яду:

«Москва буквально обклеена афишами церковников. Аршинными буквами москвичи оповещаются, что в таком-то храме, при участии Неждановой, Смирнова и Петрова, состоится лекция-концерт, или «вечер духовных песнопений» [...]

В последнее время в практику церковников вошло афишами же оповещать Москву о патриарших служениях, совершаемых „при участии архидиакона Розова”. Афиши выпускаются и в том, наконец, случае, когда в каком-либо храме, по случаю престольного праздника или иного церковного торжества, богослужение совершает [...] архиерей» (Отклики: «Молитвенные вечера» // Революция и Церковь. 1919. № 1. С. 22).

В связи со всем вышесказанным следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что Святейший Патриарх — как никто другой — с большим доброжелательством организовывал и поощрял всякую инициативу в деле устройства всех этих концертов, так как смотрел на них не только как на предприятия материального значения, но в гораздо большей степени усматривая в них один из очень действенных путей для религиозного, богословского и церковно-эстетического воздействия на души человеческие, которым ни в коем случае не следует пренебрегать в наши дни...

И надо сказать, что именно этим путем церковно-религиозного просвещения Святейший Патриарх, на всем длительном пути своего

миссионерского делания, пользовался постоянно и очень охотно. Ни в одном учебном заведении и ни на одной архипастырской кафедре он не забывал использовать все эти религиозно-просветительные мероприятия.

В церковной (епархиальной) периодике дореволюционного времени сохранилось не мало о том свидетельств. И мы приведем здесь некоторые из них для дополнения облика нашего Первосвятителя и с этой, — мало кому известной, — стороны. А она именно красной нитью проходит через всю его просветительную, миссионерскую, архипастырскую биографию.

Так, еще в Холме, вспоминает один очевидец, «при ректоре архимандрите Тихоне в семинарии еженедельно (по воскресеньям после обеда) бывали литературные вечера. Сначала выступал наш семинарский хор с песнопениями, потом бывали доклады: о католичестве, о Православии (обычно эту часть брал на себя преподаватель обличительного богословия); их сменяли рефераты на вольные, литературные темы. Преподаватели охотно принимали участие в программе вечера. На собрания допускалась и публика. Съезжалось и городское общество. По окончании докладов ректор устраивал у себя чай» (*Евлогий, митр.* С. 98).

В Америке епископ Тихон, помимо общеизвестной, бурной и многосторонней просветительной и миссионерской деятельности, успевает учредить, между прочим, и местный церковно-археологический музей, связанный с возникновением и развитием Православия в Новом Свете, названный им «Иннокентиевским древлехранилищем» в честь и память Иннокентия Веньяминова, просветителя алеутов, — впоследствии митрополита Московского (одного из величайших миссионеров Русской Церкви)¹.

В Ярославле этого рода деятельность архиепископа Тихона принимает особенно широкий и продуктивный размах. Он систематически организует (или содействует организации) литературно-музыкальные вечера и утренники в духовно-учебных заведениях; устраивает и поощряет всякого рода диспуты, доклады, лекции и собеседования на богословские и исторические, а также просветительные и нравственные темы, или лекции, посвященные памяти великих наших соотече-

¹ Святитель Иннокентий (Попов-Вениаминов Иван Евсеевич; 1797—1879), митрополит Московский и Коломенский, просветитель Сибири и Америки причислен к лику святых на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 1977 г. Дни памяти 31.03/13.04; 23.09/06.10. — *Примеч. ред.*

ственников, например Н. В. Гоголя, М. В. Ломоносова (в 200-летний юбилей его рождения) и т. д.

Архиепископ со своими викариями, как правило, неизменно присутствуют на всех подобных вечерах и утренниках.

Свое высокое покровительство и просвещенное содействие архипастырь неизменно оказывал всем обращающимся к нему в таких случаях.

В 1907 году архиепископ Тихон благословляет регенту архиерейского хора, духовному композитору о. Зиновьеву приступить к труду гармонизации по местному распеву в 4-х голосном изложении «Воскресного всенощного бдения» (издано в 1908 г.) (О нотном произведении регента Ярославского Архиерейского хора, свящ. В. Зиновьева, озаглавленном «Воскресное всенощное бдение» // Ярославские епархиальные ведомости. 1908. № 46. С. 826).

В 1909 году содействует в научных трудах церковному археологу Титову¹ в его исследованиях относительно иконы Божией Матери, именуемой «Прибавление ума».

Затем оказывает содействие в исторических изысканиях архивному работнику Н. Ф. Флоровскому.

Способствует сбору денежных средств на сооружение памятника церковным композиторам: Бортнянскому, Турчанинову и Львову (1909).

Принимает участие в широком молитвенном поминовении великого сына Русской Церкви — Н. В. Гоголя (1909) и т. д., и т. д.

Словом, редко бывало так, чтобы архиепископ Тихон не откликнулся на то или иное церковно-просветительное мероприятие, независимо от того, местного ли оно, либо общецерковного значения. Концерты же и лекции в епархиях архиепископа Тихона, как замечено выше, являлись постоянным средством религиозно-просветительного воздействия на пасомых и одним из мощных рычагов их духовного воспитания.

Есть основания полагать, что и сам архиепископ Тихон любил посещать всевозможные духовные концерты и разного рода иные церковно-просветительные мероприятия. Во всяком случае свидетельства об этом имеются. В качестве примера укажем на присутствие архиепископа Тихона на грандиозном концерте, организованном в

¹ Титов Андрей Александрович (1844—1911) — историк, археолог, искусствовед, краевед, археограф, благотворитель, выдающийся знаток и собиратель книжно-рукописного наследия. Скончался в Ростове Великом. В отпевании принимал участие архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон. — *Примеч. ред.*

Москве, в память 300-летия мученической кончины Святейшего Патриарха Гермогена, 19.02.1912 г., в 7 часов 30 минут вечера, в большом зале Московского Епархиального дома.

На собрании этом присутствуют великая княгиня Елизавета Феодоровна в сопровождении старшей сестры Марфо-Мариинской общины В. С. Гордеевой, митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер, архиепископы: настоятель Донского монастыря Алексей (Опоцкий), Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий), Ярославский и Ростовский Тихон [Беллавин], Тульский и Белевский Парфений (Левицкий), епископы: Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский), Рязанский и Зарайский Димитрий (Сперовский), Волоколамский Феодор (Поздеевский), Дмитровский Трифон (Туркестанов), Серпуховской Анастасий (Грибановский), Можайский Василий (Преображенский), епископ Иоанникий (Казанский), настоятель Симонова монастыря епископ Мисаил (Крылов), настоятель Заиконоспасского монастыря епископ Евфимий (Елиев), настоятель Спасо-Андроньева монастыря епископ Владимир (Соколовский), Председатель Училищного Совета при Святейшем Синоде протоиерей П. И. Соколов, архимандриты, игумены и игумении московских монастырей и множество столичного духовенства. Из светских лиц, кроме обер-прокурора, присутствуют командующий войсками Московского военного округа П. А. Плеве, заведующий придворной частью в Москве князь Н. Н. Одоевский-Маслов, Московский комендант генерал от инфантерии Е. П. Вишняков, состоящий при великой княгине Елизавете Феодоровне генерал от кавалерии М. П. Степанов, член Государственного Совета граф С. Д. Шереметьев, Московский градоначальник А. А. Адрианов, губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин, попечитель Московского учебного округа А. А. Тихомиров, Московский вице-губернатор А. М. Устинов, ректор Университета М. К. Любавский, директор Румянцевского музея князь В. Д. Голицын, директор Консерватории М. М. Ипполитов-Иванов, почетный опекун князь А. Б. Голицын, профессор В. Д. Цветаев, историк Д. И. Иловайский, профессор живописи В. М. Васнецов и многие другие лица.

На заседании с речами, посвященными памяти и деятельности Патриарха Гермогена, — выступают: епископ Серпуховской Анастасий [Грибановский], В. В. Назаревский, академик А. И. Соболевский, Е. В. Барсов и протопресвитер Московского Большого Успенского собора Н. А. Любимов.

После речей Синодальный хор, под управлением Н. М. Данилина, исполнил пять песнопений, имеющих отношение к торжеству, переложенных на музыку А. Д. Кастальским и М. М. Ипполитовым-Ивановым.

Собрание отличалось необычайным многолюдством, поэтому в ближайшие дни намечено неоднократно повторить вечер (Чествование памяти Святейшего Патриарха Гермогена в Москве: Торжественное собрание // Церковные Ведомости. 1912. № 8. С. 331—332).

Таково было отношение архиепископа (а впоследствии и Святейшего Патриарха) Тихона ко всякой инициативе в церковно-просветительной и отчасти даже развлекательной области.

42. Дополнение к выступлению О. Л. Книппер-Чеховой на духовном концерте; А. П. Чехов о загробной жизни

За это свое выступление в Епархиальном доме О. Л. Книппер-Чехова¹ от вознаграждения категорически отказалась. В ответ на все мои просьбы и уговоры, говорит И. И. Василевский, она решительно отвечала, пожимая обе мои руки: «Не надо, не надо. Пожалуйста, ничего не надо. Благодарю очень, очень... То, что я сама пережила выступая у вас, — мне дороже всяких денег!»

Судя по этим словам можно предположить, что, хотя Ольга Леонардовна была и лютеранка, но, по-видимому, наша церковно-религиозная эстетика (не говоря о более глубоком) вполне проникала ей в душу.

Воспользовавшись случаем, коснемся здесь одного нового свидетельства о «религиозности» знаменитого супруга Ольги Леонардовны, Антона Павловича Чехова.

В одном воспоминании о нем, читаем:

«Что думал он о смерти? Много раз старательно твердо говорил он мне, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме — суший вздор:

— Это суеверие. А всякое суеверие ужасно. Надо мыслить ясно и смело. Мы как-нибудь потолкуем с вами об этом основательно. Я, как дважды два — четыре, докажу вам, что бессмертие — вздор.

Но потом несколько раз еще тверже говорил прямо противоположное:

¹ Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868—1959), актриса, народная артистка СССР. Жена А. П. Чехова. С 1898 г. служила в Московском художественном театре. Первая исполнительница ролей в пьесах Чехова. — *Примеч. ред.*

— Ни в каком случае не можем мы исчезнуть без следа. Обязательно будем жить после смерти. Бессмертие — факт. Вот погодите, я докажу вам это» (*Бунин И. А. Чехов // Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 497*).

Помянем здесь и о том большом и глубоком почитании, какое высказывал в отношении Святейшего Патриарха Тихона Ф. И. Шаляпин, также предполагавший выступать на религиозных концертах в Епархиальном доме, о чем уже велись им соответствующие переговоры все с тем же неутомимым И. И. Василевским.

Практически участие Ф. И. Шаляпина в этих концертах не осуществилось, так как, кажется, весной 1921 года он навсегда покинул родину.

И. И. Василевского Ф. И. Шаляпин неоднократно просил свидетельствовать Его Святейшеству свое глубочайшее уважение и испрашивал святительского благословения себе и своему семейству.

Иван Иванович, в свою очередь, неукоснительно передавал Патриарху эти приветствия великого артиста.

43. Церковный хор И. И. Юхова и его филиалы

До революции церковный хор под управлением Ивана Ивановича Юхова¹ пользовался большой известностью среди московских церковных меломанов, прослойка которых среди верующих москвичей всегда была довольно значительной.

Много было юховского пения записано до революции и в граммофонной записи. Часто выступал этот хор и вне стен храма — в концертах народной и церковной музыки (что было тогда очень распространено). Турчанинов, Бортиянский, Ведель, а из новых — Чайковский, Архангельский, Кастальский и множество других, не сходили с репертуара.

В самом начале революции церковно-певческое предприятие И. И. Юхова расцвело настолько, что певцы его пели одновременно в нескольких храмах, состоя в ансамбле громадного певческого коллектива, который обслуживал одновременно несколько приходских храмов, меняясь — в зависимости от надобности и от усмотрения начальства — в своем качественном и количественном составе.

Одним из юховских филиалов управляла его родная дочь — Екатерина.

¹ Юхов Иван Иванович (1871—1943), хоровой дирижер. Организованный им хор в 1919 году преобразован в Первый государственный хор (с 1925 г. хор им. М. И. Глинки), на базе которого в 1942 г. Юхов создал Республиканскую русскую хоровую капеллу (ныне — им. А. А. Юрлова). — *Примеч. ред.*

Эта широкая певческая деятельность династии Юховых закончилась, однако, как и следовало ожидать, — самым плачевным образом, подобно и всем прочим хорovým коллективам Москвы: в один злощастный день множество регентов и наиболее ответственных певцов были арестованы и препровождены по известному адресу — куда Макар даже телят не загонял...

Так был ликвидирован известный юховский хор со всеми своими «филиалами»... Однако сам он лично и некоторые, наиболее «гибкие» из его певцов, совершенно безболезненно переключились на гражданское пение.

44. [О протоиерее-миссионере Д. И. Боголюбове

Боголюбов Димитрий Иванович (17.02.1869—22.06.1953), профессор-протоиерей, выдающийся миссионер. Родился в семье псаломщика. В 1890 г. окончил Самарскую духовную семинарию. В 1894 г. окончил Московскую Духовную Академию, магистрант. После окончания Академии был епархиальным миссионером в Тамбовской, Харьковской, Санкт-Петербургской епархиях. В 1911 г. за книги «Миссионерские беседы со штундистами» и «Православный противосектантский катехизис» был удостоен премии митрополита Макария (Булгакова). С 1913 г. инспектор Ставропольской духовной семинарии. С 1914 г. инспектор Воронежской духовной семинарии. Член Предсоборного Присутствия, член Священного Собора 1917—1918 гг. В 1921 г. был приговорен к 1 году ссылки в Архангельскую область. В 1922 г. принял священный сан, приходский священник в Москве, был помощником св. Патриарха Тихона по управлению Московской епархией, благочинный. В 1924 г. был арестован «как активный реакционный деятель тихоновской церкви». Приговорен к 3 годам ссылки, по амнистии был освобожден, но вскоре был вновь арестован, и до войны находился в заключении. В 1943 участвовал в возрождении духовных школ. Патриарх Сергей хотел назначить его ректором Богословского института, но председатель Совета по делам религий Карпов воспротивился, сославшись на антисоветское выступление Д. И. Боголюбова на Соборе 1917—1918 гг. Был профессором истории раскола в Московском православном богословском институте, а затем в МДА. Участвовал в Поместном Соборе 1945 года. В 1947 г. удостоен степени магистра богословия. С 1951 г. на пенсии, духовник Троице-Сергиевой лавры (*Муравьев Н., Лебедев Н.* Проф.-прот Д. И. Боголюбов (Некролог) // ЖМП. 1953. № 7. С. 6—9). — *Ред.*]

45. К прославлению иконы «Державной» Божией Матери

История прославления иконы Божией Матери, именуемой «Державной», более достоверно излагается другим современником.

Впоследствии кратко сообщалось, что в четверг, 2(15).03.1917 г, в день подписания царем Николаем II акта об отречении от престола Российского государства в селе Коломенском под Москвой происходит явление чудотворной иконы Божией Матери, именуемой «Державной».

Она обнаруживается уроженкой Бронницкого уезда Московской губ. крестьянкой Евдокией Андрияновой.

В связи с появлением этой новой иконы в некоторых монархически-настроенных кругах возникло брожение и пробудились надежды реставрационного политического характера (Воскресное чтение. Варшава. 1937. № 1 [?]).

46. Краткие биографические сведения об А. И. Кузнецове

Автор этих «Воспоминаний» уроженец Петербурга — Аркадий Ильич Кузнецов [09.02.1899—27.12.1980. На его надгробном памятнике выгравировано: «Девизом его жизни было „Laudatur Jesus Christ” („Восхваляй Иисуса Христа” — лат.)» — *Ред.*], с начала 1920-х годов проживающий в Астрахани, где, по его словам, он нашел не только поприще для своей служебной деятельности и семье, но — прежде всего — обрел и духовную родину, встретившись по пути сюда с такой светлой личностью, каковым был архиепископ Астраханский, Высокопреосвященный Фаддей (Успенский). Близкие и добрые отношения с этим Владыкой не только воспитали А. И. Кузнецова в духе истовой, православно-русской церковности, но и прекрасно просветили его богословски, так как Владыка — сам доктор богословия — со всей любовью не только преподавал своему питомцу полный курс знаний старой Духовной Академии, но и еще более развил и углубил эти знания, постоянно тренируя богословскую мысль своего ученика.

Имея высшее юридическое образование и будучи человеком вообще широких воззрений и незаурядной эрудиции, А. И. Кузнецов пользовался, по-видимому, репутацией солидного и делового специалиста в своей области, так как занимал командные должности в юридическом мире Астраханской области.

Такое положение, добытое долголетним трудом и глубоким знанием дела, продолжалось до конца 1950-х годов, когда его близость к местным духовным кругам сыграла ему плохую службу. После неудачных попыток к «перевоспитанию» Аркадий Ильич был снят со всех занимаемых им служебных постов и ославлен в местных газетах как «мракобес» и проч. (со всеми вытекающими отсюда последствиями!..).

А. И. Кузнецов является автором ряда работ по юридическим вопросам, а также немалого количества трудов богословских и церковно-исторических. Конечно, все эти его произведения не изданы.

[В настоящее время издан труд А. И. Кузнецова «Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви». См.: «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И. В. Соловьев. М. Общество любителей церковной истории. Издательство Крутицкого подворья, 2002. В предисловии к «„Обновленческому” расколу» излагается история создания документа. В настоящем сборнике эта работа упоминается как рукопись архиепископа Сергия (Ларина). — *Ред.*]

47. Разъяснение о лице, коему посвящены данные строки рассказа

Далее идет речь о проживавшем на покое в пос. Петушки Владимирской обл. епископе бывшем Ковровском Афанасии (Сахарове).

После тридцатилетних тюремных заключений и ссылок, владыка, в Петушках жил до самой своей кончины 15(28).10.1962 года.

[Священноисповедник Афанасий (Сахаров) причислен к лику святых в 2000 г.

Более подробно о святителе Афанасии (Сахарове) см.: Молитва вас всех спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. предсл. и примеч. О. В. Косик. М., Изд-во ПСТБИ, 2000. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / Ред. кол.: прот. В. Воробьев (гл. ред) и др.). В книге приведены материалы, касающиеся владыки Афанасия, вошедшие в дополнительный архив М. Е. Губонина. — *Ред.*]

48. «Методика» захвата православных храмов обновленцами (по профессору П. В. Гидулянову)

В целях содействия распространению и укреплению обновленческого мятежа и, конечно, в прямое нарушение Декрета об отделении Церкви от государства, представители гражданской власти в центре и на местах планомерно и организовано оказывают всяческую поддержку смуте и расколу, административно помогая ему бороться с Православной Русской Церковью. В частности, поддержка эта выражается и в незаконном массовом отторжении «культовых зданий» (по-русски: церквей) от Православной Церкви и передаче их (по «праву» сильного) в ведение и пользование обновленческого ВЦУ и «Синода».

Произвол, незаконное отобраение храмов у приходов, находящихся в юрисдикции Святейшего Патриарха Тихона, и отдача их раскольникам принимает катастрофические для Церкви размеры в 1923—1924 годы.

С мест во ВЦИК направляется непрерывный поток жалоб, свидетельствующих о повсеместном, плановом наступлении безбожническо-обновленческого «блока» на жизненные, насущные интересы и права Русской Церкви.

В частности (для примера): Параскевиевский храм в пос. Дризна Орехово-Зуевского уезда, храм в г. Орехово-Зуеве, московский храм Николы что на Ямах, Петропавловский храм на Старой Басманной ул. (Москва), храмы в городах Перми, Козлове (Мичуринск), Городище Пензенской губ., Демьянске Новгородской губ., Владивостоке, Верхне-Удинске, Боровичах, в Туркестанской республике, в Кубано-Черноморской области (главным образом в Армавире), в Лукояновском у. Нижегородской (Горьковской) губ., селе Рассказове Тамбовской губ., селе Сеславине Козловского (Мичуринского) у. Тамбовской губ., храмы в станицах Кубанской области: Поповической (Мичуринской), Покровской, Дмитровской и многих других, — путем расторжения «всех договоров с группами верующих по различным поводам» неизменно вымышленным, — изымаются из пользования православного населения и передаются «крайне незначительным группам обновленцев, тогда как подавляющая масса местного населения принадлежит к староправославной Церкви» лишенная, ввиду отсутствия храмов «возможности удовлетворять свои религиозные потребности» (*Гидулянов П. В.* Отделение Церкви от государства. Сборник документов. М., 1924. С. 10—11).

«Во ВЦИК поданы жалобы о расторжении договоров с прежними группами и передаче [...] храмов обновленческой группе, хотя большинство местного населения принадлежит к старому толку Православной Церкви. Вследствие этого преобладающая [разрядка наша. — *Сост.*] часть населения, считая невозможным по религиозным соображениям присоединиться к обновленцам, не имеет, где удовлетворять свои религиозные потребности» (там же. С. 11).

«Во ВЦИК поступили жалобы [...] о расторжении договоров и передаче храмов крайне незначительным группировкам обновленцев, тогда как подавляющая [разрядка наша. — *Сост.*] масса прежних прихожан принадлежит к старому толку и вследствие отобраения храма стеснена в отправлении культа ввиду отдаленности или малой вместимости соседних храмов...» (там же. С. 12).

«Поданы во ВЦИК жалобы о расторжении [...] договоров и о передаче храмов незначительным обновленческим группировкам, тогда как большинство [разрядка наша. — *Сост.*] населения местного принадлежит к староцерковникам и, не считая возможным соединиться с обновленцами по религиозным убеждениям, или вовсе лишено возможности, или крайне стеснено в отправлении культа по своему исповеданию» (там же. С. 12).

49. Архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский). Воспоминания А. И. Кузнецова

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью — были...

В. Жуковский

1

Архиепископ Фаддей (Иван Васильевич Успенский) приехал в Астрахань в воскресенье 9(22) декабря 1923 года, а вообще Астраханская Церковь считала его своим епископом с декабря месяца 1921 года. В день Рождества Христова — 25 декабря 1921 г. (ст. ст.) имя владыки Фаддея впервые возносилось за литургией, вместе с именем епископа Анатолия (Соколова) — викария Царевского, как временно управляющего Астраханской епархией, за отсутствием владыки Фаддея в Астрахани. В январе месяце 1922 года владыка Фаддей прислал епископу Анатолию письмо, в котором уведомлял, что он не может приехать в Астрахань раньше апреля месяца, так как, будучи членом Синода, он задерживается в Москве в связи с синодальными обязанностями. В письме он просил епископа Анатолия прислать ему в Москву доклад о состоянии епархиальных дел.

К тому времени церковная жизнь в Астраханской епархии, после тяжелых потрясений, вызванных убийством архиепископа Митрофана [Краснопольского] и епископа Леонтия [фон Вимпфена], а затем и последовавшей неожиданною кончиною вновь прибывшего на Астраханскую кафедру архиепископа Палладия [Соколова]¹, стабилизировалась, приняла более или менее спокойное течение. Епископ Анатолий производил хорошее впечатление, часто служил, в обращении был прост, жил в полутемной келье Иоанно-Предтеченско-

¹ Архиепископ Палладий (Соколов) († в декабре 1919 г.) был хиротонисан во епископа Астраханского и Енотаевского в октябре 1919 г. и вскоре возведен в сан архиепископа. — *Примеч. ред.*

го монастыря, был всякому доступен. Часто после богослужений он передавал приветствия пастве от архиепископа Фаддея, рассказывал с амвона о его добродетелях и о скором приезде его в Астрахань. Астраханцы привыкли к мысли, что вскоре они встретятся с главой своей Церкви. Предстоящая встреча тем более волновала их: они ждали своего архипастыря, о котором говорилось так много и так хорошо. Но встреча затягивалась. Владыка Фаддей не приехал в апреле, как обещал. В начале мая месяца началось следствие по делу епископа Анатолия, ключаря кафедрального собора о. Димитрия Стефановского, профессора Дмитриевского и других лиц, по обвинению их в сопротивлении изъятию церковных ценностей по декрету правительства от 23 февраля 1922 года. Епископ Анатолий был подвергнут домашнему аресту у себя в монастыре и управлять Церковью не мог. В этих затруднительных обстоятельствах было решено отправить двух священников В. Смирнова и Е. Карасева в Москву к владыке Фаддею за инструкциями по поводу дальнейшего управления епархией. Но эта делегация вернулась ни с чем. Патриарх Тихон был под арестом, Синода не существовало. На Троицком подворье они нашли единственного человека — секретаря Синода Нумерова, который сообщил им, что владыка Фаддей последний раз участвовал в заседании Синода 21 апреля (5 мая), на котором рассматривался вопрос об упразднении заграничного Синода Русской Православной Церкви, возглавляемого митрополитом Антонием [Храповицким]. Владыка Фаддей подписал постановление Синода за № 347 и вместе со всеми членами Синода ушел. С тех пор Нумеров больше его не видел, но высказал осторожное предположение об его аресте. Нумеров показал им подлинник указа № 347 и даже дал им один экземпляр с подписью владыки Фаддея (позже о. В. Смирнов показывал мне этот экземпляр. На нем была подпись: Член Священного Патриаршего Синода архиепископ Фаддей Астраханский. Кстати, он все бумаги подписывал, употребляя букву фиту). Затем делегаты обратились к епископу Феодору (Поздеевскому), управлявшему Даниловским монастырем, у которого обычно жил владыка Фаддей, когда бывал в Москве. От него они узнали, что архиепископ арестован и этапирован вместе с митрополитом Кириллом [Смирновым], а затем и епископом Афанасием [Сахаровым] в тюрьму города Владимира.

Итак, правящий архиерей — в тюрьме, викарий — под судом и лишен возможности управлять Церковью. В таком положении оказалась епархия к маю месяцу 1922 года. Опять настали тревожные времена.

Вскоре начался судебный процесс над епископом Анатолием и прочими лицами, о которых мы уже упоминали. Верующие, искренне

разделявшие печальную участь епископа Анатолия, тысячами собирались у монастыря и толпою провожали его каждое утро до здания бывшей городской думы, где происходил суд, с тревогой ожидая приговора, помня злую участь Митрофана [Краснопольского] и Леонтия [фон Вимпфена]. Но слава Богу! Суд закончился условным приговором, теперь, к радости верующих, епископ Анатолий может вернуться к управлению Церковью. Но надежды обманули верующих. Судьба обрушила на Церковь новый удар. Разрушительные силы обновленчества готовили Церкви новое испытание и увлекли за собою епископа Анатолия. Он пренебрег народной любовью, не захотел идти с теми, кто еще недавно шел с ним и благословлял его тернистый путь. Теперь он стал чужим и враждебным. Астраханская паства осиротела.

2

Тем временем владыка Фаддей шел крестным путем. Из Владимирской тюрьмы — в Нижегородскую, оттуда в Вятскую, из Вятки — в Сольвычегодск, а из Сольвычегодска пешком до Усть-Сысольска и уж после этого в село Покровское. Конечно, все это стало известно гораздо позже, а в то злополучное время для Церкви никто не знал, какие дороги уводили владыку Фаддея все дальше и дальше от своей паствы.

После того как в журнале «Живая Церковь» (№ 4—5 за 1922 г. С. 24) было напечатано постановление живоцерковников от 23 июня (6 июля) 1922 года: «Архиепископа Астраханского Фаддея уволить на покой, с воспрещением ему пребывания в пределах Московской епархии», местные власти запретили возносить его имя за богослужениями. Нельзя было возносить и имени Патриарха Тихона. Как же быть? Спасительная благодать Святаго Духа указала астраханцам на Восточных Православных Патриархов, и они стали номинальными кормильцами Астраханской Церкви. Что касается административного управления Церковью, то эти права стал осуществлять каждый приход, на основании предшествовавшей практики церковной жизни.

Между тем, обновленцы управлялись епископом Анатолием, забирали себе лучшие храмы, кремлевские соборы, хотя их храмы пустовали, и сами обновленцы испытывали на себе явную недоброжелательность верующих. Епископ Анатолий, будучи викарием, восхвалял, как мы уже говорили, архиепископа Фаддея, а теперь, став сам архиепископом Астраханским, не замедлил злословить своего бывшего начальника, называя его «тихоновцем», «контрреволюционером».

В конце 1922 года Астраханскую епархию принял под свое окормление православный епископ Сердобский Петр (Соколов)¹, проживавший в Саратове. Конечно, епископ Петр мог управлять Астраханской Церковью также номинально, тем не менее это было большим плюсом для православного сознания.

1. Теперь епархия имела епископа, который если фактически и не управлял Церковью, то все-таки идейно объединял церковную жизнь самоуправляющихся приходов.

2. Всякий верующий знал, что на Руси продолжает преемственно существовать православный епископат, отличный от обновленцев. Этим разоблачалась обновленческая ложь о передаче им церковной власти Патриархом Тихоном.

3. Борьба с обновленчеством при таких условиях принимала идеологически осмысленные формы и указывала правильные пути церковной действительности.

3

В июне месяце 1923 года был освобожден из-под ареста Патриарх Тихон, вернувшийся к своей деятельности. Это было величайшим событием в Русской Православной Церкви, это являлось победой над силами разрушения и уничтожения.

В ноябре месяце 1923 года возобновилось возношение Астраханской Церковью имени архиепископа Фаддея. Астраханцы услышали радостную весть: владыка вернулся из заточения и вскоре приедет в Астрахань. Теперь он жил в Волоколамске — под Москвой, служил в Московских храмах. В конце ноября к нему выехали соборный ключарь о. Димитрий Стефановский и настоятель церкви Воздвижения о. Василий Смирнов.

Вот что мне позже рассказал о. Д. Стефановский. Приехали они в Волоколамск поздно вечером, отыскивали дом, где жил владыка. Это была большая рубленая крестьянская изба на окраине города. Внутри дом имел три перегородки, за одной из перегородок жил владыка. В комнате стояла железная кровать, у окна — стол. Единственный стул предназначался владыке, а для гостей принесли две табуретки. «Владыка принял нас, — говорит о. Д. Стефановский, — не то что любезно, а как-то по-монашески кротко. Говорил он тихо и мало. Мы рассказали ему о положении епархиальных дел, о трудностях, переживаемых епархией, об обновленцах. Владыка слушал нас внимательно, кое о

¹ Епископ Петр (Соколов, † 1937) был временно управляющим Астраханской епархией в 1923 г. — *Примеч. ред.*

чем переспросил. Нас поразила общая скудость обстановки и его бедной одежды, но зато привела в восторг аскетическая внешность, застенчивость и какая-то детская робость. Когда, в конце беседы, мы положили перед ним пакет с деньгами на предстоящие расходы по поездке в Астрахань, владыка густо покраснел, смутился и, отодвигая от себя пакет, сказал: «Что вы, что вы, зачем же деньги, нет, нет, не надо, я приеду, приеду». Нам стало неловко, как будто мы сделали что-то очень непристойное или обидное. После чая, поданного молодым келейником, батюшки собрались уходить. При прощании владыка сказал им, чтобы они ехали домой одни, его не дожидались бы и что он приедет 8 или 9 декабря (ст. ст.). Особо владыка подчеркнул, чтобы о его приезде не оповещалось и не устраивалось каких-либо встреч или церемоний. «Вышли мы от него — рассказывал почтенный ключарь — и кое-как уговорили келейника взять пакет с деньгами, он долго отговаривался и, наконец, взял».

4

Познакомился я с архиепископом Фаддеем, если можно сказать, при драматических обстоятельствах. Было это 7(20) декабря 1923 года. Я держал путь в Астрахань, ожидая в Москве на Павелецком вокзале поезда — Петроград—Астрахань (так тогда курсировал Астраханский поезд). Из Москвы поезд отправлялся около 6 часов утра, поэтому я приехал на вокзал часом раньше. В залах и около касс толкались люди, сновали носильщики, предлагая услуги на приобретение билетов и переноску багажа. Было шумно, суетливо, как это бывает на всех вокзалах мира в часы ожиданий и отходов поездов. Носильщик ушел покупать мне билет, а я, выбрав отдаленный уголок зала, сел на скамейку. Недалеко от меня, в самом углу, сидел человек в рясе и монашеской скуфье. В руках у него был небольшой томик. Он читал, близко поднеся книжечку к глазам, как это делают близорукие. Рядом с ним на скамейке стоял небольшой саквояж, а на нем узелок, наподобие тех узелков, с какими пассажиры отправляются в дорогу, считая себя независимыми от станционных буфетов. Вскоре к читавшему подошел молодой человек, судя по рясе, скуфье и длинным, почти до пояса, волосам — монах. Он что-то говорил сидевшему. До меня долетело слово: «Астрахань». Я понял — это мои попутчики. Затем по залу прошел станционный служитель с колоколом в руках, позвонил и объявил посадку на поезд. Я вышел на перрон. Ехал я в жестком вагоне, тогда еще называвшимся вагоном третьего класса. Мое место было в последнем купе, в котором я был единственным пассажиром. Затем мое одинокое положение

разделили пожилая женщина с огромным деревянным чемоданом, а после второго звонка в купе вошел, с саквояжем и узелком в руках, уже известный нам молодой монах, а вслед за ним и тот, который так сосредоточенно читал маленький томик. Он стал раздеваться, а молодой монах ушел. Вскоре поезд тронулся. Мой визави, сняв рясу и оставшись в одном подряснике, перехваченном на талии широким кожаным ремнем, сел и немедленно принялся за чтение того же самого томика. Для меня было несомненным, что это монах. Белое, аскетическое лицо, с ярким румянцем на щеках, большой лоб, умные глаза и гладко причесанные, с прямым пробором волосы, — определенно подчеркивали его принадлежность к черному духовенству. Он то читал, то дремал, прислонившись головою к стене. На какой-то станции я принес в своем дорожном чайнике кипяток, заварил чай и предложил ему разделить со мною чаепитие. Он поблагодарил меня, достал из узелка зеленую кружку, налил в нее чай, молча выпил и опять принялся за чтение. Словом, мой попутчик был удивительно молчалив — и это меня очень удивляло.

В Козлове наша третья пассажирка сошла с поезда, вместо нее Бог послал нам другого пассажира, шумливого озорника, омрачившего наше путешествие. Он был олицетворен молодым человеком лет 22—23-х, в военной форме, с рюкзаком за плечами. Он был пьян и сквернословил, сначала по адресу плохой погоды, перешел на железнодорожную администрацию, а затем, увидев духовное лицо, обрушил свою грязную ругань на моего молчаливого соседа. Долго бушевал наш новый пассажир, наконец, уснул. Рано утром на другой день я был разбужен толчком в спину. Около меня стоял вчерашний сквернослов. «Вставай, — иди водку пить!» — услышал я его хриплый голос. Он еле держался на ногах, на его койке стояли две фляги, отвратительно пахло самогоном. Я был взбешен бесцеремонностью пьяницы и почти отшвырнул его от постели. Это не смутило его: он принялся за моего соседа, который по-прежнему сидел в углу и дремал. Пьяный подсел к нему и толкнул в бок. Монах открыл глаза и, мягко отстранив его руку, вежливо просил оставить его в покое. Пьяница разразился отборной руганью, схватил монаха за руку и с криками: «расшибу», «уничтожу» — бросился на него. Я успел взять хулигана за плечи и оттолкнуть его. На шум сбежались пассажиры из других купе и общими усилиями удалось унять буяна. Где-то, кажется, в Аткарске, хулигана, при содействии милиции, сняли с поезда.

Легко себе представить состояние моего соседа: его побледневшее лицо выражало испуг и беспокойство, руки дрожали. Он глядел на меня благодарными глазами и дважды сказал: «Спасибо». Вот имен-

но с этого и началось наше знакомство. Драматическое событие утра сообщило нам тему для разговора. Каждый из нас стал припоминать подобные случаи из жизни, затем разговор перешел на другие темы. Короче говоря, я узнал, что мой попутчик — архиепископ Фаддей и едет в Астрахань на кафедру. Его сан преисполнил меня уважением к нему, а нетребовательность, по крайней мере дорожная, приятно дополняла мои представления о монахах-аскетах.

Я проснулся, когда поезд был недалеко от Астрахани. Владыка Фаддей, судя по теплой рясе и клобуку, приготовился к выходу. Он стоял у окна и сосредоточенно вглядывался в белые валуны тумана. На последней остановке мы явственно услышали колокольный звон, доносившийся из города.

Вот и вокзал. Я взялся за свой небольшой чемодан и жестом показал соседу на его саквояж, — дескать, и его могу взять. Но моя услуга оказалась излишней: через какую-нибудь секунду наше купе наполнилось встречающим владыку духовенством. Они подходили к нему под благословение, толпились и глазами искали его багаж и, кто знает, может быть были удивлены, увидев старенький, выдавший виды, саквояж и почти нетронутый узелок с съестным и зеленой эмалированной кружкой.

Однако было видно, что эта восторженная встреча смущала владыку. Он был явно встревожен и возбужден. Было ли это от неожиданности, или от непривычности к таким сценам встречи, — я тогда не знал. Позже я узнал, что владыка просил не устраивать встречи и церемоний. При выходе из вагона он смутился еще больше, увидав на перроне толпу из духовенства и мирян, а далее за перроном, на вокзальной площади, волновалось людское море. Он растерялся, сунул мне уже знакомый нам узелок, вышел из вагона и сейчас же оказался в центре людского потока. У вокзала владыку ожидала пролетка, но сквозь толпу она не могла пробиться, — владыка пошел пешком, сопровождаемый толпою. Расстояние от вокзала до церкви Воздвижения — не более одного километра, но потребовалось около двух часов, чтобы дойти до нее. Моросил мелкий холодный дождь, было грязно, но это, по-видимому, мало смущало владыку. Он шел. В церкви Воздвижения звонили. Около 11 часов утра архиепископ Фаддей вошел в храм, началась литургия.

Я отчетливо помню этот воскресный день 9(22) декабря — праздник иконы Божией Матери Нечаянной Радости. Старейший протоиерей города Н. Г. Пальмов встретил владыку в храме приветственной речью на тему нечаянной радости, выпавшей астраханцам именно в день этого праздника Богородицы. Литургия окончилась в 3 часа дня,

но владыка отбыл из церкви около 5 часов вечера. Целых два часа благословлял от молящихся в храме и толпившихся вокруг храма.

Вспоминаю одну подробность из первого богослужения архиепископа. Знали, что владыка не везет своего облачения. Как быть? Где его достать? Кафедральный собор и его богатейшая ризница — в руках обновленцев. Что делать? Кто-то вспомнил, что один комплект архиерейского облачения, принадлежавший отдаленному предшественнику архиепископа Фаддея — архиепископу Тихону (Малинину)¹ находится в Покрово-Болдинском монастыре, там же есть и рипиды. Привезли это облачение с рипидами. Мантию, принадлежавшую покойному епископу Леонтию, отыскали у одного из монахов Иоанно-Предтеченского монастыря, посох владыки Митрофана находился у протоиерея Н. Г. Пальмова. К первому богослужению архиепископа Фаддея не доставало трикирия и дикирия, — владыка служил без них.

5

Первые три дня владыка жил у настоятеля Воздвиженской церкви о. В. Смирнова, а затем переселился на Республиканскую улицу в дом № 11.

По приезде в Астрахань я целый месяц не виделся с владыкой, хотя еще в поезде обещал заглянуть к нему в скором времени. Но во все это время я не переставал живейшим образом интересоваться его жизнью на новом месте. Я успел узнать, что на другой день после приезда владыки в Астрахань портной Поляков начал шить для него архиерейское облачение, что какие-то сердобольные старушки принесли владыке чуть не дюжину только что сшитого белья; староста церкви Князя Владимира Агафонов заметил на ногах владыки старенькие с заплатками сапоги, принес ему хорошую теплую обувь. Но что все это владыка немедленно роздал нищим. Из уст в уста ходила молва, что владыка очень мало ест, почти целый день проводит в церкви, по ночам что-то пишет, спит чуть ли не на голых досках. Словом, за этот месяц я получил десятки восторженных отзывов о новом архиерее.

Все эти рассказы вызывали у меня естественный интерес. Желание увидеть человека не от мира сего в домашней обстановке привело меня к нему. Был январь. Морозный полдень. Парадную дверь отперла мне древняя старушка. По короткой скрипучей лестнице я поднялся наверх и в коридоре увидел владыку, который тоже вышел на мой

¹ Тихон (Малинин, †1793), епископ Астраханский и Терский с 1792 г. — *Примеч. ред.*

звонок. Встретил он меня ласково и повел в комнату. Вот я и в жилище этого удивительного человека. На всем, что находится в комнате, — печать простоты, вернее убожества. Владыка занимает две комнатки. В первой комнате стоит простой сосновый стол, покрытый цветной клеенкой, три или четыре стула, на двух окнах — кисейные занавески, в углу образа с полотенцами на киотах. Во второй комнате железная кровать, покрытая серым байковым одеялом. Первая комната имеет назначение столовой, приемной, кабинета, вторая — спальни.

Старушка принесла два стакана чая и несколько булочек. Владыка выпил свой чай и съел булочку. Второй стакан был около меня и, по-видимому, предназначался мне. Так как ни хозяин, ни его прислужница меня не угощали, я не знал, что делать с чаем. Выпил я полстакана, когда чай был почти холодным. Около часа я пробыл в доме владыки. Он рассказал мне о своих впечатлениях на новом месте, был очень доволен всем, спросил меня о моих делах. По дороге домой я не переставал думать о только что виденном. Для меня все было новым и неожиданным. Раньше я видел богатые архиерейские покои-дворцы, пышные выезды в дорогих каретах, сановных архиереев. А вот здесь — картина убожества, неприхотливости, какое-то непонятное отношение к гостю. Все необычно и странно. Я, конечно, догадывался об особых личных свойствах владыки, наблюдая его в поезде, но то было мелким, частным эпизодом. Мне казалось, что домашняя обстановка во многом изменит мои догадки. Мне понадобилось еще несколько недель, чтобы твердо узнать о нем все, что мне хотелось. Я увидел, что этот невзыскательный к жизни человек привлекал к себе людей именно этой невзыскательностью. Я присутствовал на его богослужениях в переполненных храмах, слышал его чудесные, вдохновенные проповеди, видел его кротость и смирение, доходившие до детского незлобия, я видел толпы народа, провожавшего его домой и толпившегося у его дома, на улице и во дворе, с утра до вечера ожидавшего, когда владыка пойдет в церковь. Его жилище было недалеко от Покровской церкви, куда он ходил ежедневно утром и вечером одной и той же дорогой — через парк. Дорога стала привычной: здесь толпа ждала владыку, чтобы вместе идти в храм. И долго, долго эта дорожка именовалась Фаддеевской. (Прошло несколько десятков лет с тех пор, а я помню эту аллею. Как мановением волшебного скипетра, живо воскрешает она прошлое. Когда иду я через парк, обязательно пройду по ней, посмотрю на покосившийся дом, и трогательные воспоминания нахлынут на меня тревожной, но тихой задумчивостью. Здесь живая связь сливается с вечной памятью.)

Я понял все, когда собственными глазами увидел источник, из которого родится обаяние и любовь к служителю духа. Нет, не ищите этого чистого источника в роскошных покоях, раззолоченных каретах! Красивые перья делают птицу красивой. Вот он — этот источник — в старенькой порыжевшей рясе; она как бы являлась олицетворением душевной красоты, возбуждающей все прекрасное в душе другого, открывающей глаза на правду жизни, на евангельскую любовь, на беспредельное богатство души. Истинное богатство человека — его внутреннее достоинство. Именно этим сокровищем владел приснопамятный владыка Фаддей.

Среди бесчисленных добродетелей владыки была одна такая, которая, во-первых, отомстила мне за мой эгоизм, а во-вторых, сделала меня искренним поклонником его. Вспоминая мой первый визит владыке, я часто думал над тем, почему он не счел необходимым предложить мне чай. Это ничуть не обижало меня, а как-то шокировало относительно простого такта к гостю. Такая ничтожная подробность визита, конечно, ни о чем не говорила, и не стоило бы о ней думать и вспоминать, если бы психологический эффект от такой мелочи не оказался таким неожиданным и огромным. Оказывается, владыка не имел ничего своего, собственного. Давали ему чай или обед, — он пил, ел, а если не давали — не спрашивал. Что делалось в доме по хозяйству, он не знал, ни во что не вникал, всегда считая себя гостем и зависимым от того, кто ему прислуживал. Вот — причина, которую я эгоистично возводил в какую-то негостеприимность. Узнав об этой великолепной аскетической черте полнейшего жизненного самоотречения владыки, я часто упрекал себя в несправедливом суде над ним. Разумеется, это еще больше покорило меня. Я мысленно поклонился величию духа этого необыкновенного человека.

Через два-три месяца я был в доме владыки Фаддея своим человеком, — он почтил меня своей дружбой.

6

Так как архиепископ Фаддей приехал в Астрахань в самый разгар обновленчества, автор считает необходимым изложить историю астраханской обновленческой смуты и ход борьбы с ней.

Изучая историю обновленческого раскола, я особенно интересовался источником, из которого текли мутные потоки обновленческих реформ. Я находил этот источник не в той внешней, своего рода, революционной акции, совершенной разрушителями Церкви 2(15) мая 1922 года, когда они обманно объявили свою ориентацию высшей церковной властью. Нет конечно. Обновленчество началось не теперь.

Сейчас оно только диалектически прошло через стадию завершения давно сформированных стремлений, а вообще силы разрушения питались старыми корнями. Желание узнать, не было ли чего-либо своего, предрасполагавшего к обновленчеству в Астрахани, привело меня к о. Вячеславу Соллертинскому — настоятелю церкви в Черкизове (Москва), ранее служившему священником Николо-Гостинной церкви в Астрахани. Вот что я узнал от него. Еще за несколько лет до революции настоятель Николо-Гостинной церкви Ксенофонт Цендровский вел с о. Вячеславом разговор о русской церковной жизни. Он сетовал на архиерейский деспотизм, резко высказывался против монашества, возмущался воспрещением второбрачия духовенства. Цендровский сотрудничал в журнале «Звонарь», издававшимся священником Белковым [Христофором. — *Сост.*], и одобрял выступления журнала за обновление церковной жизни. Цендровский имел несколько экземпляров решений 4-го Всероссийского миссионерского съезда в Киеве в 1909 году. Известно, что этот съезд обновленцы пытались превратить в Поместный Собор без епископата. Цендровский, восхищаясь революционными лозунгами обновленцев, с которыми он выступал на этом съезде, распространял среди астраханского духовенства содержание этих лозунгов. «Мне, как молодому священнику, деятельность Цендровского казалась несовместимой с послушанием Церкви в силу нашего сана, — говорил о. Вячеслав. — Я думал тогда, не слишком ли крутой разрыв с традициями Церкви проектируют обновленческие идеологи, не поколеблет ли это устои Церкви? Иногда я возражал Цендровскому, но мои возражения приводили к осложнениям по службе». О. Вячеслав иногда бывал у Цендровского дома и заставал там священников Михаила Боровкова, Александра Юрикаса. Они редактировали какие-то обращения к духовенству, сочиняли проекты церковных реформ. «Тогда я чувствовал себя участником какого-то заговора против Церкви и спешил уйти домой». О. Вячеслав Соллертинский с протодиаконем Г. К. Антоненко (впоследствии патриарший архидиакон) выехали в Москву — в Черкизово, расставшись с Астраханью в первые же дни захвата обновленцами власти.

Такие сведения о существовании в Астрахани своего рода подпольного антицерковного кружка из духовенства вполне объяснили мне очень важный факт: обновленческую власть признало на первых порах все без исключения астраханское духовенство. Вероятно, долготелняя агитация астраханских идеологов обновленчества сыграла свою подготовительную роль.

В начале июля месяца 1922 г. епископ Анатолий [Соколов] собрал в Иоанно-Предтеченском монастыре все городское духовенство и

уездных благочинных. Он зачитал документ об организации в центре ВЦУ¹, сообщил, что это вполне законная и преемственная церковная власть. На этом собрании он зачитал свое послание к духовенству и пастве, объяснив законное происхождение ВЦУ, которому и следует подчиняться. «Мы все подписались под этим посланием, ничего не подозревая и ни в чем не сомневаясь», — говорил мне священник Князь-Владимирской церкви о. Всеволод Виноградов.

Приблизительно через полмесяца епископ Анатолий вновь собрал все духовенство. Это собрание происходило в церковно-приходской школе при Троицкой церкви (сейчас ул. Псковская). На собрании выступил Цендровский с докладом о программе Живой Церкви. «Вот здесь мы и поняли, что значит ВЦУ. Едва докладчик окончил изложение живоцерковной программы, в зале поднялся шум, крики. Церковный староста Ильинской церкви Баринов зачитывает послание митрополита Агафангела (Преображенского), разоблачающее обновленческую ложь, а затем, обращаясь к присутствующим, призывает их не признавать ВЦУ и епископа Анатолия. Миряне и часть духовенства рукоплещут Баринову, раздаются крики «долой Анатолия», «гоните Цендровского!». Собрание закончилось, епископ Анатолий укрылся в квартире настоятеля Троицкой церкви о. Г. Степанова (в верхнем этаже школы). Цендровского проводили площадной бранью. «Я вернулся домой и сейчас же написал епископу заявление, в котором отвергал законность власти ВЦУ, не соглашался с живоцерковной программой и просил исключить мою подпись на послании», — рассказывал мне о. Всеволод Виноградов. Это было первое заявление протеста — оно вполне соответствовало благородной, прямой и смелой натуре о. Всеволода. Вслед за о. Всеволодом Виноградовым такие же заявления подали священник Христорождественской церкви о. В. Залесский, настоятель Иоанно-Златоустовской церкви о. В. Наследышев, священник Казанской церкви о. И. Болтинский. Осталось неизвестным, кто еще из духовенства официально декларировал свой отход от обновленчества; известно лишь то, что в течение ближайших недель около епископа Анатолия группировалось небольшое число его приверженцев. Обновленцы забили тревогу и, по-видимому, потребовали из Москвы подкрепления своих позиций. Вот тогда на Астраханской церковной арене появился Михаил Постников — уполномоченный ВЦУ, известный церковный погромщик, ставший затем обновленче-

¹ ВЦУ — Высшее церковное управление, высший орган управления обновленческой «церкви», созданный 18.05.1922, во главе которого стал епископ Антонин (Грановский). ВЦУ просуществовало до 1923 г. — *Примеч. ред.*

ским архиереем, а потом, к сожалению, принятый в состав православного епископата.

Постников пытался сговориться с непослушным духовенством, оправдать ВЦУ и обновленческое движение. Было созвано собрание духовенства и мирян опять в той же школе. Едва Постников, епископ Анатолий, Цендровский и Боровков заняли места в президиуме, раздались крики «долой их всех», «гоните Мишку кривого, Мишку — рязанского гармониста!» (так почему-то «окрестили» Постникова). Бушевали, конечно, миряне. Собрание было сорвано. В дальнейшем Постников реализацию своей миссии перенес в резиденцию епископа Анатолия, туда приглашались по три-четыре человека из духовенства, с ними он вел переговоры. Кажется, никто из не признавших обновленчество не откликнулся на его приглашение, кроме о. Всеволода Виноградова, который пошел затем, «чтобы сказать ему в лицо, что он негодяй!» Так мне говорил он сам.

19 июля (1 августа) Постников вместе с епископом Анатолием служил литургию в кафедральном соборе с водоосвящением, а накануне был вынесен Крест. После обедни он объяснил, что теперь служба будет по новому стилю. И действительно, в некоторых храмах служба стала совершаться по новому стилю. Не обошлось и без курьезов. В церкви Князя Владимира о. И. Великанов — настоятель — служил по новому стилю, а о. Виноградов — по старому. Произошел конфликт: верующие не пускали Великанова в церковь. У паперти дежурила толпа и всякий раз оттесняла Виноградова за ограду. Впрочем, продолжалось это недолго. Отец И. Великанов публично отрекся от обновленчества и, на этом окончилось богослужение по новому стилю.

В церкви Троицы произошло нечто обратное. Там настоятель о. Г. Степанов остался верен старому стилю, а новостильником оказался священник Тихон Березин. При содействии гражданских властей Троицкая церковь была зарегистрирована за обновленцами, и Березин стал настоятелем, а Степанов оказался на положении бесприходного священника.

Постников оставил по себе дурную славу своей наглостью и вероломством. Отец Василий Смирнов рассказывал в 1958 году, что он сам видел у Постникова револьвер, которым он угрожал ему — Смирнову и о. Евгению Карасеву, если они не присоединятся к обновленцам. После отъезда Постникова из Астрахани Смирнов и Карасев были арестованы — это были первые жертвы обновленческой смуты.

Теперь ясно определилось, кто остался на стороне Православия и кто — в лагере обновленцев. Обновленцы владели следующими храмами: кафедральным собором, Троицким собором (в Кремле), Николо-

Гостинной церковью, Смоленской, Иоанно-Предтеченским, Благовещенским, Спасо-Преображенским монастырями, Духосошестввенской, Троицкой, Михаило-Архангельской, Ильинской (Ильи Пророка) и Рождества Христова. Все остальные храмы находились в руках православных. Священники, несогласные с обновленцами, ушли из занятых последними храмов и были размещены по православным приходам. Прихожане тоже ушли со своими священниками. Выявились и главные деятели обновленчества: Цендровский, Боровков (получившие от ВЦУ мандаты уполномоченных), Березин, Абрамов, Смиренномудров, Царевский (вскоре принесший покаяние), Остроумов, Юрикас, протоиерей Талдыкин, иеродиакон Гервасий — монах Покровского монастыря, миряне: братья Кочергины Николай и Евтропий, В. И. Двинянинов, Прозоров. Другие обновленческие священники не проявляли себя, активностью не отличались, довольствуясь своим положением генералов без армий. Настоятель церкви Петра и Павла Н. И. Орлов, оставаясь обновленцем, формально ушел за штат, но не переставал служить с епископом Анатолием в других обновленческих храмах. Этим самым он сохранил Петропавловскую церковь за староцерковной ориентацией. Было ли это актом благородства с его стороны, или это случилось вопреки его намерениям — неизвестно.

Все эти главные деятели составили обновленческий штаб, названный Епархиальным советом. Для черновой работы он использовал сельских священников. Из с. Хмелевки был вызван священник Н. И. Котов, из Икрянного — П. Калелейкин и еще кто-то. Какого рода черновую работу они вели, об этом будет рассказано дальше.

Цендровский и Боровков усиленно занимались агитационной работой: устраивали публичные собеседования, на которых доказывали благодетельность обновленчества, порицали монашество и обвиняли патриаршую Церковь во враждебности к новому политическому строю. Они оба предприняли поездки по уездам и очень скоро насадили обновленчество везде, за исключением Николаевской слободы. Метод, к которому они прибегали, был несложен: приехав в село к священнику, они требовали показать им храм; при осмотре храма они отбирали антиминос, который возвращался священнику после подписки о том, что он отвергает патриаршую Церковь и признает ВЦУ и Астраханский Епархиальный Совет. Отец А. Луцкий рассказывал, что он, зная о таком методе обращения духовенства в обновленчество, организовал в Николаевской слободе группы сопротивления в каждой церкви. Приехавшего в слободу Боровкова ни в один храм не пустили, а он, Луцкий, как благочинный не принял его у себя дома. Боровков в слободе успеха не имел.

На стороне староцерковников были маститые, образованные священники. Никто из авторитетных и почтенных священников в обновленчество не пошел. Достаточно вспомнить Н. Г. Пальмова, Г. Степанова, И. П. Болтинского, Е. И. Покровского, В. Григорьева, Б. Ветвицкого, известных своей высокой образованностью и религиозной принципиальностью; о. В. Залесского, о. Всеволода Виноградова, о. Д. Стефановского, о. А. Поспелова, о. Е. Фетисова, о. В. Наследышева, протодиакона Антония Позднякова — высоконравственных, богато одаренных благочестием. Это были столпы. Верующие шли за ними, находили в них опору и возлагали на них свои надежды. Было и еще очень много священников, преданных Православию. О них я не упоминаю не потому, что они не достойны добрых, благодарных слов. Они также проводники правды. Мало ли таких людей, которые не выделяются из среды особыми свойствами, но обладают способностью зажигать других в стоянии за правду?

Итак, обновленцы заняли часть храмов. Верующие почти в полном составе покидали свои приходские храмы и вместе с духовенством, если оно не оставалось в обновленчестве, уходили в другие приходы. Прихожане церкви Михаила Архангела перешли в церковь Афанасия Афонского, туда же перешли прихожане и Предтеченского монастыря. Прихожане Ильи Пророка перешли в Тихвинскую церковь, от Рождества Христова — в Покровскую, от Николы и Смоленской — к Воздвижению. Одним словом, обновленческие храмы пустовали, а православные пополнялись новыми прихожанами. Обычно с прихожанами приходило и свое духовенство. Оно получало право совершать богослужения: поздние обедни, акафисты, молебны. Например, прихожане собора перешли в единоверческую церковь. Ключарь собора о. Д. Стефановский служил здесь для своих прихожан литургии, читал акафисты. Это, конечно, мало устраивало верующих: церкви были постоянно переполнены, а с другой стороны — верующие видели, как пустовали их храмы, которыми завладели обновленцы. Покинутых верующими обновленцев также не устраивало благополучие непокорного стада. Обе стороны сошлись на одной и той же платформе, и каждая из сторон принимала меры к ликвидации затруднений. Православные обратились к гражданским властям с просьбой вернуть пустующие у обновленцев храмы; обновленцы просили гражданскую власть запретить комбинирование нескольких приходов в одном храме. Впрочем, вскоре по проискам обновленцев были арестованы о. Д. Стефановский, о. В. Залесский, о. Г. Степанов и «комбинирование» само собою прекратилось. Просьба православных не только не была удовлетворена, напротив, у них был отобран и передан обновленцам еще один храм — Введения во храм

Пресвятой Богородицы. Верующие сопротивлялись, избили обновленческих уполномоченных и оставили храм, вследствие милицейских мер. Настоятель о. П. Дьяконов был арестован. Впрочем, вскоре все арестованное духовенство было освобождено.

В сентябре месяце в Москву выехала делегация, состоявшая из: о. Всеволода Виноградова, о. В. Залесского и регента Князь-Владимирской церкви С. В. Андреева. Целью их поездки было ознакомление с церковной жизнью в столице. Они привезли полнейшую информацию о захвате обновленцами церковной власти, о сущности и целях Живой Церкви, побывали у «возрожденцев» в Заиконоспасском монастыре. По возвращении в Астрахань о. В. Залесский выступал в православных храмах с докладами, в которых разоблачал обновленцев и призывал верующих крепко держаться Православия.

Другая делегация из духовенства выехала в октябре или ноябре в Саратов и добилась у Петра (Соколова), епископа Сердобского, согласия окормлять Астраханскую Церковь. Это был большой плюс в жизни православных, доселе не имевших епископа.

Но как только обновленцам стало известно, что у православных есть свой епископ, они предприняли ряд демаршей. На Николу епископ Анатолий решил служить на Трусове в Никольской церкви, не принадлежавшей обновленцам. Церковный совет уведомил епископа, чтобы он не приезжал к богослужению, так как прихожане, дескать, не состоят с ним в молитвенном общении. Настоятель церкви Серафим Аврорский поддерживал позицию церковного совета. По случаю престольного праздника к богослужению было приглашено городское духовенство, с возглавлением о. Н. Г. Пальмова. К 9 часам утра все собрались в храме, и тут произошло неожиданное: Серафим Аврорский вышел с Крестом для встречи архиерея. Приехал епископ Анатолий. Произошло замешательство. Староцерковное духовенство покинуло храм, церковный староста и прихожане разошлись. Епископ Анатолий служил литургию, а затем Серафим Аврорский запер храм, ключи унес с собой. Этот огромный, прекрасный храм стал обновленческим. Через неделю епископ Анатолий намеревался так же поступить и с Преображенским храмом. Он назначил там богослужение, но к приезду епископа храм оказался запертым. В ограде стояли — церковный староста В. А. Лебедев и второй священник о. А. Руднев: они объявили Анатолию, что в храм его не пустят. Епископ с позором уехал.

Летом 1923 года, в канун праздника Казанской, в Казанскую церковь явился Боровков с В. И. Двиняниновым. Они потребовали, чтобы храм был передан обновленцам. Церковный староста И. Ф. Осипов с помощью прихожан вытолкали из церкви и Боровкова и Двиняни-

нова. Целую неделю в храме не было службы из-за опасности налета на него со стороны обновленцев, дежуривших у ограды. Ключи от церкви были отобраны у Осипова заведующим адмотделом Е. Е. Терентьевым, и этот самый лучший из приходских храмов был передан обновленцам. Настоятель о. В. Григорьев перешел с прихожанами в Покровскую церковь, о. И. Болтинский — в Знаменскую, а священник Третьяков остался у обновленцев.

Наступление обновленцев на православные храмы шло усиленным темпом. Вскоре епископ Сердобский Петр был арестован. Теперь астраханцы оказались в тяжелейшем положении: у них отбирались храмы, не было своего епископа. Обновленческий агитпроп действовал активно. Так как ВЦУ отменило богослужение по новому стилю, обновленцы этим воспользовались и в своих публичных выступлениях не переставали доказывать, что теперь между староцерковниками и обновленцами разницы нет. Приходите и убедитесь. Неустойчивая часть верующих была в раздумье. Вероятно, и тревожные сомнения и смутные надежды попеременно овладевали их сознанием. Толпа легко переходит от зла к раскаянию и от поругания к обожанию. Именно в этот момент, когда волны сомнений могли увлечь своим мутным потоком многих, день 9(22) декабря 1923 г., день Нечаянной Радости, вывел на вокзальную площадь многотысячную толпу, чтобы показать ей ее надежду.

7

Приезд владыки Фаддея в Астрахань вызвал естественную тревогу у обновленцев, тем более нервировало обновленцев, что встреча архиепископа вылилась в такую небывалую демонстрацию, угрожавшую им потерей жалких остатков церковного стада. Первые службы архиепископа в церкви Воздвижения привлекли массу верующих. На Рождество (25 декабря 1923 г. — 7 января 1924 г.) владыка Фаддей служил утреню и обедню в старом соборе Рождества Богородицы (в храме верхнего этажа — во имя Вознесения Господня). Несмотря на то, что богослужение началось в 3 часа утра, огромная масса верующих заполнила храм, внутренние лестницы, площадку нижнего этажа, широкую паперть и часть улицы у Краеведческого музея. Другие Православные церкви тоже были переполнены молящимися. Зато Успенский кафедральный собор, в котором епископ Анатолий служил позднюю обедню, почти пустовал. В праздник Крещения Господня повторилось то же самое. Крестный ход на воду, начавшийся от старого собора, представлял собою грандиозное зрелище, масса верующих с иконами и Крестами заполнила всю Московскую (сейчас Советскую) улицу и

протянулась через кремлевскую площадь до Волги. Обновленцы же вышли из Кремлевского собора с горсточкой своих приверженцев.

Легко себе представить, что думали обо всем этом в обновленческом лагере.

В то время много говорили о неуместности триумфальной встречи владыки Фаддея, да и сам владыка неодобрительно относился к такой церемонии. Толковали о вреде от такого открытого, демонстративного вызова обновленцам и, что греха таить, боялись ответных мер со стороны гражданских властей, поддерживавших обновленчество, как разрушителей Церкви. Опасения такого рода, разумеется, были не беспочвенными. Но я рассуждал иначе. Я спрашивал себя, чего могли ожидать верующие от приехавшего к ним епископа: приостановления обновленческих притязаний на православные храмы? Прекращения обновленческой смуты? Нет, конечно, ни того ни другого ожидать нельзя было, потому что эти процессы приостановить или прекратить было невозможно: развитие их было подчинено силам, стоявшим над обновленчеством. Приезд владыки Фаддея, как и следовало ожидать, нанес ущерб самой обновленческой идеологии, подтвердил ее лживость и порочность. Православные церкви по-прежнему переходили к обновленцам, обновленческие вожаки не переставали атаковать верующие массы и после приезда архиепископа, но доступ к сердцам верующих для них был закрыт. Именно поэтому триумфальная встреча владыки явилась определенной победой над обновленчеством, она укрепила православное сознание. Мне казалось, что такая демонстрация была нужна.

Любопытно отметить, что сам владыка за все время служения в Астрахани ни одного слова против обновленчества публично не сказал. Но для верующих не нужны были слова обличения, они без слов понимали правду Церкви, воплощенную в этом божественном сосуде кротости, смирения, преданности и полного отречения от всего, что не есть Церковь. Хорошо это чувство выразил астраханский идеолог обновленчества Ксенофонт Цендровский, когда приносил покаяние в грехе раскола. Он сказал: «Долго я коснел в грехе обновленчества. Совесть моя была спокойна, потому что мне казалось, что я делаю какое-то нужное и правое дело. Но вот я увидел владыку Фаддея, я смотрел на него и чувствовал, как в душе моей совершается какой-то переворот. Я не мог вынести чистого, проникновенного взгляда, который обличал меня в грехе и согревал всепрощающей любовью, и я поспешил уйти. Теперь я ясно сознавал, что я увидел человека, которому можно поклониться не только в душе, но и здесь на ваших глазах».

Замешательство в обновленческом лагере, вызванное приездом архиепископа Фаддея, очень скоро повлекло за собою поредение его рядов. Из обновленческого штаба ушли и вернулись в лоно Православия священники: Царевский и Третьяков, архидиакон Гервасий, миряне братья Кочергины; Юрикас ушел из обновленчества и опубликовал в газетах свое отречение от сана и Церкви. И, наконец, обновленчество покинул его астраханский идеолог — Ксенофонт Цендровский. Почти все сельское духовенство покинуло обновленчество и устремилось под окормление владыки Фаддея. Я присутствовал за богослужением в церкви Петра и Павла, когда братья Кочергины исповедили свой грех участия в обновленческой деятельности. Оба они, один за другим, обратились к верующим с покаянными словами, порицали деятельность обновленческих главарей, вскрыли их преступные способы, при помощи которых они овладевали храмами. Это было важным открытием, о котором я скажу ниже.

Но обновленцы своих позиций не сдавали. Генералы без армии напрягали свои силы и продолжали свое гнусное дело захвата храмов. В феврале месяце обновленцы заняли нижний храм старого собора Рождества Богородицы. Староста собора Ф. П. Гузик оказал сопротивление, не давал ключей, но был арестован, и ключи у него были отобраны и переданы обновленцам. Положение с богослужением в соборе осложнилось. В оба этажа ход в храм был через одну железную дверь. Православные попали в зависимость от обновленцев, владевших ключами от внешней двери. Чтобы попасть в верхний этаж собора, нужно было выпрашивать ключи у обновленческого старосты — Двинянинова, который давал их неохотно. Жаловались на это местным властям, но безрезультатно. Но несмотря на всяческие рогатки, владыке Фаддею удавалось служить в верхнем соборе, хотя обновленцы сопровождали его богослужения провокационными выпадами. Помню такой случай. В верхнем этаже идет архиерейская служба при переполненном храме. На внутренних лестницах, ведущих в храм, — толпы народа. Здесь же в коридоре, у входа в нижний собор, стоит Двинянинов и разглагольствует: «Эх, вы, бараны, чего толпитесь? Ведь вот храм — разве он не такой? Идите сюда. Привязались к Фаддею, а что он? Простой, без образования, монах, не чета нашему Анатолию — академику!» (слово «академик» он произносит «икадемик»). В молящемся народе возмущение, кто-то громко говорит: «Выбросьте его вон!» Двинянинов скрывается в пустующем храме. Перед Пасхой верхний храм собора перешел в руки обновленцев. Сначала Двинянинов отказал в выдаче ключей, около месяца собор

был закрыт, а затем местные власти его зарегистрировали за обновлениями целиком.

Владыка Фаддей перенес свою кафедральную резиденцию в Знаменскую церковь. Это была одна из красивых и богатых церквей города. Но и этот храм удержался за православными одну неделю. Владыка Фаддей назначил в нем богослужение в одно из воскресений, а накануне явился к нему староста И. И. Козлов и сообщил, что храм перешел к обновленцам по распоряжению местных властей. Настоятель храма — престарелый Димитрий Фаворский остался у обновленцев, священники о. И. Орлов и о. И. Болтинский перешли: первый в Петропавловскую, а второй — в Покровскую церкви. Вместе с Знаменской обновленцы овладели и Воздвиженской церковью. К началу мая 1924 года у староцерковной ориентации оставалось 10 храмов: Петра и Павла, Иоанна Златоуста, Князя Владимира, Тихвинская, Никольская (прокаженных), Покровская, Афанасия Афонского, Донская, Вознесения (единоверческая) и на Трусове — Преображенская.

Но уже в середине мая обновленцы начали вести подготовку к отобранию церкви Петра и Павла. Настоятель храма о. Б. Ветвицкий был вызван в Губисполком, и там ему было сказано, что церковь Знамения предложено обратить в производственное предприятие и что в связи с этим обновленцы претендуют на церковь Петра и Павла. Это новое притязание обновленцев немедленно стало достоянием православных верующих. Возмущению их не было предела. Старосты отобранных церквей: Киселев, Баринев, Гузик, Коновалов, Григорьев, Осипов и другие ворвались в кабинет председателя Губисполкома с требованием прекратить поддержку обновленцев со стороны местных властей. Конечно, этой обструкцией они ничего не добились и поняли, что действовать нужно иначе, т. е. жаловаться в Москву.

Такая же мысль возникла у владыки Фаддея. И вот 14 мая (ст. ст.) вечером я был в доме у владыки. Он взволнован и подавлен. Едва я переступил порог его комнаты, владыка сразу же заговорил.

«Вот хорошо, что вы пришли так скоро. Давайте подумаем, что делать с обновленцами. Заберут они все наши храмы. Я думаю, надо бы подать жалобу в Москву и поехать с ней вам и представителям от церквей. Вы слышали, что говорили Кочергины у Петра и Павла? А вот грома заявлений от верующих о мошеннических проделках обновленцев». Я вспомнил, что говорили Кочергины. Чтобы завладеть храмами, надо было представить в местные органы власти списки верующих, число которых превосходило бы количество староцерковников. А где их взять? И вот священники Калелейкин, Котов и даже Березин «пошли в народ», т. е. делали обход по домам. Войдя в дом,

Котов так начинал свою речь: «Ты, бабушка, слыхала, как ругают живоцерковников, а ведь это несправедливо. Они лучше чем староцерковники. Чтобы помянуть родственников о здравии или за упокой, тебе надо идти в церковь, подавать записку, платить деньги, а вот мы будем поминать всех бесплатно. Говори, кого записать?» Следовал длинный перечень живых и умерших, узнавались фамилии. В результате — тысячные списки, поданные органам власти. Уже известный нам Терентьев показал эти списки старостам — жалобщикам. В одном из списков Баринов увидел себя. Так и было записано: «Баринов Федор Евдокимович».

На столе у владыки лежали заявления верующих, разоблачавшие махинации обновленцев. Я не стал раздумывать и согласился написать жалобу и поехать с нею в Москву.

Негодование против обновленчества во мне было невыразимо велико. Я отчетливо сознавал разрушительные тенденции обновленчества и воодушевился предстоящей мне миссией — защитой Церкви. Вероятно, высшая степень воодушевления затмила во мне чувства осмотрительности и предосторожности. Буквально на другой день моя квартира превратилась в какой-то штаб. Вечерами приходили экстаросты, приносили заявления от верующих, в которых они разоблачали подлоги обновленцев при составлении списков. Приходили бесприходные священники и торопили с жалобой и отъездом. Когда жалоба с грудой приложений была готова, подписать ее собралось около 20 человек.

25 мая (ст. ст.) я, с Бариновым и Осиповым, выехали в Москву. Как проходила наша поездка, к кому мы обращались с жалобой и с чем мы вернулись в Астрахань, я подробно описал в записке, озаглавленной «Мои воспоминания о встречах с Патриархом Тихоном», вкратце дополню тот рассказ. При отъезде в Москву владыка Фаддей вручил мне письмо на имя Святейшего Патриарха Тихона, к которому мы должны были пойти, прежде чем идти с жалобой в правительственные инстанции. Так мы и сделали. Патриарх принял нас, оставил жалобу и все приложения у себя для прочтения, а на другой день все это вернул с письмом на имя Орлеанского. Мы его разыскали и через него попали на прием во ВЦИК к Смидовичу, который со своей, благоприятной для нас, резолюцией направил нас в Наркомюст к Красикову. Он накричал на меня, назвал тихоновцем, контрреволюционером, но обещал прислать ответ на жалобу письмом.

Узнав о моем возвращении из Москвы, мои «доверители» нагрянули ко мне на квартиру. Я и мои товарищи по поездке сообщили им пока не совсем утешительные сведения, упомянув все-таки, что Сми-

дович сделал ободряющую резолюцию в том смысле, что Красикову предлагалось расследовать факты подложности списков обновленцев и вообще принять меры к восстановлению законного порядка. Такая резолюция, конечно, ко многому обязывала Красикова, но судя по тому, как он принял нас, швырнув жалобу с резолюцией в сторону, мы не возлагали больших надежд на благоприятный исход дела. Будем ждать ответа.

Но ответа нет. Вот уже прошло несколько месяцев. В конце августа мы вместе с владыкой Фаддеем выехали в Москву. Об этой поездке я подробно писал в тех же «Воспоминаниях о встречах с Патриархом Тихоном». Я был приглашен вместе с владыкой Фаддеем к обеду у Патриарха. Его Святейшество подарил владыке по случаю дня его Ангела дорогое облачение и бриллиантовый Крест на клобук, а мне собственную фотографию с трогательной надписью. Тогда же в канцелярии Красикова я узнал, что наша жалоба отправлена в Астрахань «для принятия мер».

По приезде в Астрахань я раза два наведовался к Терентьеву за справками по поводу жалобы, но опять никакого определенного ответа. Дважды телеграфировали Красикову о положении дела, но, увы, кругом молчание. По-видимому, я очень надоел властям предержавшим своими жалобами, и они решили от меня избавиться. В конце октября, утром в воскресный день, у меня дома был произведен обыск. Работники ГПУ Киселев и Мальцев изъяли у меня копии нашей жалобы со всеми приложениями и фотографию Патриарха, ту самую, которую Его Святейшество мне подарил с своей надписью. Мне было приказано явиться в ГПУ на другой день. Вечером я был у владыки Фаддея; он ободрил меня. «Завтра ничего с вами не произойдет, не бойтесь. Немножко побранят, прочтут вам лекцию, как опасно защищать Церковь и отпустят. Я помолюсь за вас». Утром я явился к Киселеву. Он обрушился на меня, называл опасным сообщником врагов революции, которые «цепляются» за Церковь, указал мне статью уголовного кодекса, по которой я буду привлекаться. Но к концу беседы Киселев неожиданно изменился, стал вежлив и предложил мне дать подписку в том, что я больше не буду оказывать юридической помощи староцерковникам. Я дал такую подписку и был отпущен. Все отобранное при обыске мне не вернули.

Теперь необходимо упомянуть о фактическом церковном положении в Астрахани к тому времени. После изъятия у православных Знаменской церкви (в марте 1924 года), положение как будто стабилизировалось. Обновленцы, покушавшиеся на Петропавловский храм, не давали о себе знать. Здесь, может быть, сыграла положительную

роль жалоба в Москву. Хотя мы жаловались на незаконный и преступный характер захвата обновленцами храмов и просили вернуть их православным, в Москве могли решить просто: захваченных церковей не отдавать, но и на оставшиеся в руках староцерковников храмы не посягать. Вероятно, это так и было, если судить по притихшим обновленческим главарям.

Уже в марте 1924 года владыка Фаддей сделал собором Князь-Владимирскую церковь, вмещавшую многотысячное количество верующих, церковь Петра и Павла — для воскресных всенощных и чтения акафиста Николаю Чудотворцу, Покровскую церковь — нечто вроде Крестовой церкви, где он ежедневно бывал и почти ежедневно совершал литургию. Постом владыка любил служить в единоверческой церкви, очень уютной, богато украшенной, снаружи увенчанной пятиглавой кровлей, со старинной пирамидальной колокольной. Впрочем, владыка часто посещал и все другие храмы и по будням служил то у Афанасия Афонского, то у Тихвинской, то у Николая (прокаженных). Все знали, что в любой день владыка где-нибудь служит. Но были у него и постоянно заведенные богослужения. В церкви Петра и Павла он служил каждую среду всенощную, а в четверг — акафист Николаю Чудотворцу, в пятницу он читал акафист Богородице в Покровской церкви, в воскресенье — акафист Спасителю — в Князь-Владимирском соборе. После акафистов владыка вел беседы. В церкви Петра и Павла он разъяснял Новый Завет. Начиная с первой главы Евангелия от Матфея и кончая Апокалипсисом, владыка останавливался на каждой строчке евангельского текста и разъяснял его смысл. Стоит, бывало, владыка на кафедре в мантии и омофоре и говорит, говорит. Его белое аскетическое лицо сосредоточено, — глаза горят, румянец на щеках — кумач, а в церкви тишина и какой-то особый проникновенный покой. Любил я эти святые минуты. За акафистами в Покровской церкви — по пятницам — владыка изъяснял Ветхий Завет, а после воскресных акафистов — жития святых дня. Проповеди владыка говорил за каждой литургией, даже и тогда, когда бывал нездоров. Помню, это было 8(21) сентября 1924 года, в день Рождества Богородицы. Владыка служил обедню в Покровской церкви. Во время Херувимской он почувствовал себя плохо. Стоявший у престола по правую руку о. Димитрий Стефановский отвел владыку в кресло, принесли воду, нашатырный спирт. Все как будто обошлось, служба продолжалась, но при отпуске повторилось то же самое. Надо бы немедленно ехать домой и в постель, но владыка, едва оправившись от приступа, вышел с проповедью.

В течение 1924—1925 годов обновленцы искали примирения с Церковью. Епископ Анатолий дважды писал владыке Фаддею о необходимости примирения. С этими письмами приходил священник Боровков. Владыка не принимал Боровкова, а прочитав письма, передавал через келейника о. Халева, что он примет в общение с Церковью каждого желающего покаяться, но не признает обновленчество за Церковь и не может говорить о примирении с ним. Епископ Анатолий сам приехал к нему, но владыка Фаддей уклонился от встречи с ним. Когда вопрос о примирении не получил желательного для обновленцев решения, обновленцы перенесли его на «народное» обсуждение. С этой целью в кафедральном Успенском соборе в Кремле обновленцы устроили торжественную вечерню, а после нее собеседование на тему о примирении. Об этом было объявлено машинописной афишей, расклеенной на кремлевских воротах и других местах. Собор наполнился людьми, вечерня шла в полном благочинии и тишине. После вечерни епископ Анатолий снял облачение и вышел на амвон в рясе. Он обратился к стоящим в соборе с речью. Едва он коснулся сущности обновленчества, неосторожно упомянув о том, что принадлежность «тихоновщине» означает контрреволюцию, как раздались голоса протеста, кто-то из толпы двинулся вперед к амвону, епископ Анатолий, побледневший, испуганно бросился в алтарь. Было слышно, как он запер за собою дверь. Толпа долго не расходилась. Будто бы посылали за милицией. Приходил ли кто из милиции, — не знаю, не видел.

В 1924—1925 годах в Астрахани происходили публичные диспуты на тему «Есть ли Бог?». В качестве оппонентов приглашались архиепископ Фаддей и епископ Анатолий. Читал однажды лекцию ректор Московского университета М. Н. Покровский. Диспут происходил в кинотеатре «Модерн». Апологетическая речь владыки Фаддея вызвала шумные аплодисменты. Второй диспут, происходивший в театре «Аркадия», был для владыки огорчителен. Доклад проректора Саратовского университета Ильинского был содержательным, владыка Фаддей записывал некоторые места из доклада, собираясь выступить, но вслед за Ильинским выступил с докладом «присяжный лектор» астраханских атеистов — Образцов, допустивший в речи хулиганское объяснение всемирного потопа. Владыка Фаддей встал и немедленно вышел из ложи, за ним последовали о. Г. Степанов, И. Болтинский, о. А. Арнольдов. В президиуме диспута была оглашена записка владыки, что он не намерен участвовать в собрании, лишенном научного интереса и превращенного в арену антирелигиозных анекдотов.

Дважды приезжал обновленческий «благовестник» Александр Введенский с лекциями на тему: в первый раз — «Трагедия христианства»

и второй раз — «Что такое Живая Церковь?». Несмотря на специальное приглашение владыка Фаддея оба раза уклонился от «удовольствия» присутствовать на лекциях «митрополита». Приезды Введенского были пышными: его встречало все обновленческое духовенство. Первый раз он приехал в Смоленскую церковь, где настоятелем был Боровков. Состоялся молебен в пустующей церкви. Второй раз Введенский был встречен в Успенском кафедральном соборе. Около паперти какие-то женщины кричали: «Один приехал, гражданин митрополит, или с женой?», «Который раз женат?»

9

Я взял на себя непосильный труд воспроизвести на бумаге облик архиепископа Фаддея, заранее зная, что этого сделать не могу: не хватит писательского таланта. Перед мысленным взором того, кто прочтет эти записки, я должен воссоздать образ человека необычайной монашеской красоты: мистического склада души, аскетических подвигов, ревностного, до самоотверженности, отношения к Церкви, смирения, кротости, беспредельной доброты и любви к людям. Какая-то необычайная гармония царилла во всем существе этого человека. Я чувствовал эту гармонию, соприкасаясь с ним, она явственно мне слышится и сейчас, когда я пишу эти строчки. Но как передать ее тем, которые не видели его? Для этого нужно владеть огромным художественным воображением.

Не так много прошло [лет? — *Сост.*] со времени его кончины, но обычное среди людей забвение вступает и по отношению к нему в свои права. Образ его тускнеет, расплывается в отрывочных воспоминаниях, хотя и рисуется в верных очертаниях тех, кто знал его лично и знает со слов других. И уходит, таким образом, из памяти верующего общества замечательный русский человек, которому был дорог родной народ и святая Церковь, которую он любил до самозабвения. Именно вот эти кусочки его жизни, из которых я решился воссоздать его образ, помогут задержать архиепископа Фаддея в памяти, не дадут ему уйти совсем и отдадут его под покровительство современного и будущего поколения верующих людей, которые не утратили и не утратят способности распознавать в людях прошлого их величайших нравственных качеств и уважения к ним.

Владыку Фаддея считали святым, — и эта репутация святости создавалась не только верующими астраханцами, но и в кругах иерархических о нем отзывались точно так же. Я уже имел случай в «Воспоминаниях о встречах с Патриархом Тихоном» упомянуть о моей беседе с Патриархом. Едва я переступил порог его кабинета, Святейший

спросил меня: «Вы от владыки Фаддея? Вы знаете, что он святой? И это не только мое мнение». Чтобы усилить силу своих слов, Патриарх рассказал мне о письмах митрополита Кирилла (Смирнова), которые тот присылал Патриарху из тюрем и ссылки. Я уже раньше упоминал, что владыка Фаддей был арестован, заключен в тюрьму и отправлен в ссылку вместе с митрополитом Кириллом, а затем и епископом Афанасием [Сахаровым]. Вот что рассказал мне Патриарх из писем митрополита Кирилла.

«Привезли нас во Владимирскую тюрьму с владыкой Фаддеем в один день и поместили в большую камеру вместе с ворами. Свободных коек нет, нужно располагаться на полу, и мы поместились в углу. Страшная тюремная обстановка среди воров и убийц подействовала на меня удручающе, я волновался, переживал и не знал, что с собой делать. Владыка Фаддей, напротив, был спокоен и, сидя в своем углу на полу, все время о чем-то думал, по ночам молился. Как-то ночью, когда все спали, а я сидел в тоске и отчаянии, владыка взял меня за руку и сказал: „Для нас настало настоящее христианское время, — не печаль, а радость должна наполнять наши души. Сейчас наши души должны открыться для подвига и жертв. Не унывайте, Христос ведь с нами“. Моя рука была в его руке, и я почувствовал, как будто по моей руке бежит какой-то огненный поток. В какую-то минуту во мне изменилось все, я забыл о своей участи, на душе стало спокойно и радостно. Я дважды поцеловал его руку, благодаря Бога за дар утешения, которым владел этот праведник. Через несколько дней в нашей камере появился молодой епископ Афанасий (Сахаров), о нем было предсказание владыки Фаддея. Владыке Фаддею почти ежедневно приходили передачи. Получив очередную передачу, владыка Фаддей передавал ее старосте камеры, а тот делил ее на всех, самому владыке доставалась всегда ничтожная часть из присланных продуктов. Как-то поступила обычная передача, владыка отделил от нее небольшую часть и положил под подушку, а остальное передал старосте для дележа. Я увидел это и осторожно намекнул владыке, что, дескать, он сделал для себя запас. „Нет, нет, не для себя. Сегодня придет к нам наш брат, его нужно покормить, а возьмут ли его сегодня на довольствие?“ Вечером привели в камеру епископа Афанасия, и владыка Фаддей дал ему поесть из запаса. Я был ошеломлен предсказанием и рассказал о нем новичку. В камере его любили: один из почитателей уступил ему свою койку. Вечером 14(27?) июля владыка Фаддей лег спать раньше обычного. „Надо побольше поспать, а то завтра погонят нас дальше, — и придется ли уснуть?“ — говорил он. И верно, утром на другой день нас погнали дальше».

Все это тогда рассказал мне Святейший Патриарх Тихон. Я не ругаюсь за дословную передачу рассказа, но за истинность смыслового содержания беру на себя полную ответственность. Сам покойный Патриарх был хорошо осведомлен о святости жизни владыки Фаддея. И не случайно называл его святым, а на приеме 21 августа 1924 года (ст. ст.), в моем присутствии, Патриарх, обращаясь с речью к владыке, назвал его «Светочем Церкви», «чудом нашего времени»¹.

О дальнейших испытаниях этих трех иерархов я узнал в октябре 1961 года, когда судьба свела меня с епископом Афанасием, жившим на покое в аскетическом уединении в с. Петушки Владимирской области. По рассказам епископа Афанасия, из Владимирской тюрьмы они долго странствовали по пересыльным пунктам. Едва они появлялись на том или ином пересыльном пункте, как архиепископу Фаддею доставляли передачу: продукты, подушку, белье, обувь и т. д. Оказывается, по следам узников шли мать и сестра владыки Фаддея — Вера Васильевна. Им как-то удавалось узнавать о путях этапа, и они каждый раз опережали прибытие узников на новое место. Епископ Афанасий так же, как и митрополит Кирилл, с любовью и благоговением отзывался о монашеских качествах владыки Фаддея: полном собственном забвении, необычайной кротости и детском незлобии его. «Все, что получал он „с воли“, делил на всех, а себе ничего не оставлял. Мне владыка почти насильно отдал подушечку, а сам спал на кулаках... Одному заключенному, когда тот „в котях“ натер ноги, владыка отдал свои сапоги», — говорил епископ Афанасий. В связи с этими сапогами владыка Афанасий припомнил следующий эпизод: «Владыка отдал сапоги, оставшись в шерстяных носках, а так как вскоре предстояла наша отправка дальше, ему нужна была обувь. С „воли“ прислали ему большие рабочие ботинки с шнурками. Шли мы последним этапом, где-то недалеко от Усть-Сысолька, и надо же было развязаться шнурку на одном его ботинке. Владыка Фаддей остановился и, пока управлялся со шнурком, конечно, немного отстал от партии. Один из сопровождавших нас подбежал к нему и со всей силой ударил его кулаком в спину, владыка упал, а потом с трудом догонял нас».

Около полутора лет они пробыли вместе, за это время, по словам епископа Афанасия, владыка Фаддей не только не выражал словами, но и виду не подавал, что ему трудно; ни одного упрека, ни одной жалобы на свою тяжелую судьбу. Он утешал своих собратий, и они испытывали на себе дар утешения, каким обладал владыка.

¹Примечания составителя, обозначенные буквами, см. в конце данной статьи. — *Примеч. ред.*

Даже такой церковный либерал и вольнодумец, как митрополит [? — *Сост.*] Антонин (Грановский), и тот преклонялся перед нравственным величием владыки Фаддея. Я уже упоминал, что в самом начале обновленческой смуты из Астрахани отправилась делегация в Москву, чтобы получить верные сведения о церковных делах. Делегаты побывали у митрополита [? — *Сост.*] Антонина. По словам делегата С. В. Андреева, Антонин принял их грубо, вышел к ним в старом засаленном подряснике, но узнав, что они из Астрахани и что там правящий архиерей — Фаддей, сразу смягчился и предложил стулья.

«Знаю, знаю владыку Фаддея, очень хорошо знаю. Святой жизни человек. Это — уникал в нашем мире», — говорил Антонин. В конце беседы Антонин вновь вернулся к разговору о владыке Фаддее: «Ведь он вылечил меня от болезни. Болел я белокровием. Было это во Владикавказе. Служить не мог, все лежал, и вдруг получаю указ Синода: во Владикавказ в помощь мне едет Волынский викарий Фаддей. Был конец февраля 1917 года, кругом забастовки, поезда ходили с перебоями. Владыка Фаддей с трудом добрался до Владикавказа, и прямо в собор. Отслужил литургию, приехал ко мне, и здесь мы познакомились. Я лежал в кровати, а ему подали завтрак. Помню этот день очень хорошо, потому что тогда повесился священник, и прямо в передней архиерейского дома. Остановился владыка в моем доме, каждый день служил, приносил из церкви просфоры, святой воды и всякий раз подолгу сидел у моей кровати. Я говорил о скорой смерти, а он утешал меня. „Вам бы, владыко, надо послужить литургию, причаститься и выздоровеете“. А мне, куда там идти в церковь, подняться не могу. И вот однажды взял он меня за руку и поднимает с кровати, и поднял такого верзилу, как я. И что же? Ничего у меня не болит. Утром поехал в собор, служил, причастился. Это он меня поднял с одра болезни. Праведник, праведник!»^b.

В декабре 1943 года в гостинице «Москва» я познакомился с архиепископом Симоном [Ивановским], управлявшим Черниговской епархией. Узнав о моем знакомстве с архиепископом Фаддеем, владыка Симон рассказывал мне следующее: «Что владыка Фаддей — святой человек, — это известно всем, кто его знал и кто о нем слышал. Надо вам сказать, что я был преемником владыки Фаддея по его Владимиро-Волынской кафедре. Это было в начале двадцатых годов, когда Владимиро-Волыньск, вследствие революционных событий в России, вошел в состав Польского государства. Владыка Фаддей находился у себя на родине — в России, а я остался за рубежом. Занял я Владимиро-Волынскую кафедру после двухлетнего вдовства и с первых же дней увидел, как крепко была спаяна паства с владыкой Фаддеем. Духовен-

ство, народ не только помнили о нем, но считали его как бы временно отсутствовавшим, молились о его здравии за каждым богослужением. В доме многих верующих находились его фотографии, помещенные в переднем углу вместе с иконами. Как-то я сказал ключарю собора, что так пользоваться фотографиями владыки нельзя, но ключарь только развел руками: „Что с ними делать? Они говорят, что он святой”.

Как-то мне пришлось быть во Львове у униатского митрополита Андрея Шептицкого. Он спросил меня, где теперь находится епископ Фаддей? „Мои униаты в былое время тайком ездили к нему и теперь спрашивают, где его можно разыскать, они считают его святым”.

Во Владимиро-Волынске любили его за смирение, кротость, за простоту и постоянное общение с народом, за то, что он «ходил пешком» и «в нанковой рясе». Кстати, на этой почве между ним и Волынским архиепископом Евлогием [Георгиевским] произошел конфликт, говорит владыка Симон [Ивановский]. «Как-то архиепископ Евлогий решил побывать у своего vikария — епископа Фаддея во Владимиро-Волынске. О приезде была послана телеграмма. Подходит поезд, на перроне владыка Фаддей встречает высокого гостя со свитой, идут в вокзал, оттуда на площадь. Здесь архиепископ Евлогий ищет глазами карету, но увы, кареты нет. Оказывается, нужно идти пешком. Владыка Евлогий, любивший помпу, в ужасе, однако идет за хозяином, а он, не признававший карет, чувствовал себя спокойно. Так и дошли до архиепископской резиденции. Рассказывают, что архиепископ Евлогий на другой же день уехал из Владимиро-Волынска, считая себя обиженным и об этом написал Саблеру».

Ныне здравствующий митрофорный протоиерей о. Павел Нечаев вспоминает такой необыкновенный случай в своей жизни, связанный с владыкой Фаддем.

«Было это в 1925 году. Жил я в г. Свяжске Казанской епархии и служил священником в одной из свияжских церквей. Как-то получил я письмо из Астрахани от архиепископа Фаддея. В этом письме астраханский владыка писал, что он меня знает со слов Казанского архиерея (по-видимому, митрополита Кирилла) и предлагает мне переехать в Астрахань на должность настоятеля Преображенской церкви на Форпосте (сейчас Трусово). Предложение для меня было неожиданным, я не собирался покидать Свяжска, был хорошо устроен, отношения с верующими у меня были хорошими, и я ответил владыке Фаддею, что его предложение для меня очень лестно, я весьма благодарю за внимание ко мне, но предложения его принять не могу.

Прошло с год, как я послал такой ответ владыке Фаддею, и вот я получил от него второе письмо. В нем он напоминает мне о моем отве-

те на его предложение и пишет так: „Вы напрасно не согласились переехать в Астрахань. Храм Преображения хороший, впрочем, судьбы Господни неисповедимы, все может случиться, и вы еще послужите в этом храме”. В 1929 году в Свяжске закрыли храмы, в том числе и тот, в котором я служил. Я принужден был выехать из Свяжска. Путь мой лежал по Волге. Я остановился в Астрахани и пошел к владыке Филиппу [Ставицкому], не могу ли, дескать, получить место священника в каком-либо приходе. Владыка Филипп принял меня и на мою просьбу о предоставлении места священника сказал: „Вот идите, послужите у Преображения на Трусове, а там будет видно”. Мгновенно я вспомнил владыку Фаддея и от неожиданности такого совпадения разволновался и слезы потекли из глаз. Я рассказал об этом владыке Филиппу. Служил я в Преображенской церкви более двух лет, вплоть до ее закрытия в конце 1931 года. Этот случай всегда напоминает мне о высочайших духовных дарах, которыми владел приснопамятный владыка Фаддей».

10

Аскетический строй жизни, разумеется, сопутствовал владыке и во времена служения его в Астрахани. Может быть, его духовные дарования здесь даже стали выше и глубже, если, рассуждая по-человечески, учесть, что покинув Владимиро-Волынскую кафедру, он на протяжении почти пяти лет, с небольшим перерывом, был лишен свободы. Сознание оторванности от жизни, от людей, которым он служил своими монашескими идеалами, житейская скорбь, естественно, должны были углубить в нем чувство самоотрешенности и проявиться в высшей форме. Во всяком случае астраханцы увидели в нем всю необычайную красоту монашеского духа, созерцание и богомыслие. Именно таким предстает владыка Фаддей в памяти тех, кто его знал и видел.

В Астрахани владыка находился в окружении добрых людей; с ним вместе они трудились по управлению Церковью. Отец Григорий Степанов, о. Василий Наследышев, о. Иоанн Болтинский, о. Всеволод Виноградов, о. Евгений Покровский, о. Евгений Карасев и другие лица являлись не только помощниками владыки, но и составляли передовой фланг по борьбе с обновленчеством. Среди этих лиц были и праведники, такие как ключарь собора о. Димитрий Стефановский, о. Василий Залесский и незабываемый по кротости и смирению протодиакон о. Анатолий Поздняков — общий любимец и духовенства и верующих.

Я упомянул об управлении Церковью. Административную часть управления владыка от себя отстранял. У него не было канцелярии.

Была всего одна именная архиерейская печать для ставленических грамот и указов о назначениях и перемещениях. Ставленнические грамоты и окружные (пасхальные и рождественские) послания печатала на машинке дочь ключаря — Елизавета Дмитриевна, а указы о назначениях выводил от руки сам ключарь о. Д. Стефановский. Все делопроизводство находилось у ключаря в сакvojе. Быть может, в то время административные функции епархиального архиерея были очень незначительны. Приходами управляли церковные советы, с Москвой, если и была деловая переписка, то она заключалась в частных письмах, за исключением патриарших посланий. После кончины Патриарха и изоляции его Местоблюстителем — митрополита Петра [Полянского], епархии вообще остались без централизованного управления. Что же делать канцелярии, тем более в понятиях владыки Фаддея? Дисциплинарных дел не было, потому что за всю свою архиерейскую деятельность владыка Фаддей ни на кого и ни одного взыскания не наложил, больше того, никто не слышал от него устного упрека или грубого слова, сказанного в повышенном тоне. Формуляров на духовенство не велось, после того как в дни революции была уничтожена Консисто́рия, а вместе с нею и формуляры. По правде сказать, и не было времени у владыки для канцелярских дел. Ежедневное утром и вечером посещение церкви и служба, а днем прием посетителей, постоянно толпившихся на лестнице, в коридоре, во дворе, в виду открытого доступа к владыке. Какой-то деревенский батюшка, узнав о простоте приема посетителей архиереем, явился к нему прямо с парохода в 6 часов утра. И ничего. Был принят, только батюшке ждать пришлось минут десять, пока владыка умывался^c.

Все это, разумеется, занимало много времени, уж некогда было вникать в дела административные, тем более владыка считал их третьестепенными.

Мне представлялось, что монашеский строй жизни выработал у владыки Фаддея сознание, что, помимо чисто монашеского духа: созерцания и богомыслия, его внешняя миссия как епископа должна состоять в постоянной апостольской связи с народом, в назидании верующего сердца. Все остальное приложится. Именно такое чисто духовное управление душами верующих, составляющих тело Церкви, импони́ровало внутреннему убеждению владыки. И не случайно говорил он часовые проповеди за каждым богослужением, вел беседы за акафистами, в течение двух лет объяснял священное писание, предпринимал апостольские поездки по епархии.

И верующие люди, следовавшие за ним тысячами, видели в нем не только отрешенного от всего мирского святого человека, но и своего

духовного вождя — внешний притягательный центр. Скажите такому верующему, что владыка не управляет Церковью, он не поймет, удивится и скажет: «Владыка Фаддей объединил нас вокруг себя, вдохнул в нас новые благодатные силы. Наша Церковь расцвела, живет полнокровной жизнью, а вы говорите, что владыка не управляет нами?»

Собственный пример — вот главная сила в управлении Церковью владыки Фаддея.

Вот один из эпизодов, показывающих влияние собственного примера владыки на других. Дьякон церкви с. Никольского Димитрий Попов был уволен церковным советом из прихода за самогоноварение. Зная о моих близких отношениях к архиерею, он явился ко мне с просьбой, ссылаясь на бедственное положение его большой семьи, — не могу ли я замолвить за него слово перед архиереем. Есть место дьякона у Князя Владимира (у него отличный бас), но нужен архиерейский указ. Попов меня уверял, что обвинение его в самогоноварении клевета. Так, дескать, «я и скажу архиерею». Я согласился, и мы пошли к владыке. Оставив его ожидать в коридоре, я прошел в комнату и рассказал владыке, зачем я пришел. Оказывается, владыка знал об этом из письма старосты.

«А он не будет варить самогонку в городе?» — спросил меня владыка. Я ответил в том смысле, что это клевета и что вот он здесь и собирается опровергнуть обвинение. Я позвал Попова. Едва переступив порог комнаты, дьякон сразу же бросился в ноги архиерею. Владыка смутился: «Что вы, что вы, зачем это?» И, наклонясь, стал поднимать его за руку. А дьякон вопил басом: «Простите меня владыка святой... я недостойный, окаянный, дьявол меня попутал и завлек в этот грех...» Когда он успокоился, владыка спросил его: «Даете вы слово, что больше не будете заниматься самогонкой?» Обрадованный дьякон в слезах, крестным знамением дал обещание. Владыка преподал ему благословение и сказал: «Молитесь Божией Матери, чтобы Она помогла вам избавиться от этого соблазна».

Попов повернулся ко мне лицом и повалился в ноги, прося у меня прощения в том, что мне солгал.

Вспоминая этот случай, о. Попов мне говорил: «История моего назначения к Князю Владимиру — есть история исцеления от моих недостатков. Я лгал вам, что не варил самогона, хотел это вранье продолжить и у архиерея. Но увидев его, я понял сразу, что такому человеку лгать нельзя. Его аскетический вид, большие глаза, кроткие и проникновенные, покоряли и звали к правде Божией. Беру на душу величайший грех, если скажу вам, что другому архиерею, особенно тому, кто меня рукополагал, я солгал бы, зная, что за признание он

оттаскал бы меня за волосы и другого места не дал... Данное обещание я твердо храню и со слезами вспоминаю милость ко мне этого чудесного человека».

Дьякон Попов, по отзывам духовенства и церковного совета Князь-Владимирской церкви, был примерным человеком, отличался благочестием. Через год владыка Фаддей сделал его протодиакonom, умер о. Попов от туберкулеза в 1933 году.

Этот случай мне также представлялся показательным, что касается управления Церковью, в иных условиях появилось бы дознание, канцелярская волокита, суд и приговор епископа. И кто знает, в каком случае исход дела был бы более благотельным? Мои симпатии на стороне владыки Фаддея.

Понимая душу и мистический склад жизни владыки, его окружение старалось избавить его от всяческих административных и канцелярских дел. Под руководством о. Димитрия Стефановского духовенство занималось разными церковными вопросами. Я помню, что в коридоре архиерейской квартиры постоянно днем находилось духовенство. Что-то обсуждалось, перелистывались страницы книг. Иногда я слышал: «Надо на завтра позвать о. Иоанна Великанова, ведь он уставщик и скажет, как быть», или «Почему нет Болтинского, ведь он обещал принести комментарии к апостольским правилам». Иногда о. В. Наследышев доказывал какому-нибудь старосте, что «в это воскресенье владыка не может служить у вас, он уже утвердил расписание богослужений на этот месяц». Появлялся о. Димитрий Стефановский и, обращаясь к о. Евгению Карасеву, спрашивал: «Вы ответили в Харабали на запрос священника?», или «Вы говорили Жимскому, какую херувимскую надо петь в пятницу?» Обращались и к о. Димитрию Стефановскому: «Вы составили наряд духовенства на воскресенье?»

Одним словом, все эти вопросы стремились разрешить самостоятельно. План богослужений архиерея составлялся здесь же, ключарь показывал его владыке, обычно он с ним соглашался и один экземпляр прикреплял к стене у единственного стола. Часто владыка не знал, кто ему будет сослужить в том или ином богослужении, так как во все эти вопросы не вникал. Владыка любил церковное пение. Зная это, окружавшее его духовенство маневрировало певцами. Нужно сказать, что в Астрахани в те времена было несколько прекрасных хоров. У Петра и Павла руководил хором знаменитый Жимский, у Иоанна Златоуста — Васильев (бывший регент Успенского кафедрального собора), у Князя Владимира — Власов-Желудков. Одним словом, в каждой церкви, находившейся в окормлении владыки Фаддея, был хороший хор. И вот к тому или иному архиерейскому богослужению

церковный хор усиливался за счет хоров других церквей. Иногда сам владыка говорил ключарю, чтобы он попросил регента спеть «Херувимскую» Рахманинова, Чайковского или еще какого-нибудь автора.

Иногда в этом же коридоре решались и хозяйственные вопросы. Вот из кухни выходит келейник о. Халев и обращается к собравшимся: «Отцы, помогите! Вчера приходил хозяин и просил деньги за квартиру, а где их я возьму, а у владыки никогда их не бывает». Кто-то из присутствовавшего духовенства идет в Покровскую церковь, там достает деньги и улаживает квартирный вопрос. Или мать владыки просит у собравшихся немного денег на домашние нужды. Однажды едва я успел переступить порог этого дома, как ключарь спросил, нет ли у меня с собою денег. Понадобилась какая-то незначительная сумма, и вот весь дом в затруднении. Оказалось, что владыка собирается во Владимировку, поезд идет часа через два, а у о. Халева нет денег на билет. Случайно подвернулся я, и дело с деньгами было улажено.

Вообще дело с деньгами и с продовольственным обиходом было сложным, драматическим. Дело в том, что сам владыка плохо разбирался в деньгах, ни от кого денег не брал и о. Халеву запретил принимать всякие денежные подношения. Как же жить? Вскоре прибыло еще два иждивенца: мать и сестра владыки. Так как владыка о своем бюджете не думал, то о нем позаботились все те же отцы, окружавшие его. Они распределили между приходами расходы по содержанию архиерейского дома. Квартиру, освещение, отопление и все прочие расходы, связанные с квартирой, должен оплачивать приход Покровской церкви; за пользование выездной пролеткой расчеты с ее хозяином Федором Федоровичем должен нести приход церкви Иоанна Златоуста. Приход церкви Петра и Павла обеспечивал ежемесячную выдачу денег на продовольствие, обувь, одежду и прочее. Деньги выдавались сестре владыки Вере Васильевне. За церковью Князя Владимира оставлена обязанность покупки материалов и пошивка из него облачений, иподиаконских стихарей, расчеты с портными, хотя владыка предпочитал все время служить в своем ветхом, желтеньком облачении, а летом в белом полотняном, с голубой отделкой. Только под конец для него было сшито зеленое бархатное облачение. Кажется, один раз служил он в нем.

Нетребовательность ко всему у владыки была необыкновенная. Питался он, как правило, каким-нибудь грибным или овощным супом, овощными котлетами, в скоромные дни ему подавали рыбную уху, с кусочком рыбы и немного каши. Утром он пил один стакан густого, только что заваренного чая с булочкой, в скоромные дни булочку намазывал сливочным маслом.

Отец Халев не вынес всей суровости жизни в доме владыки, отпросился в отпуск, уехал и больше не вернулся.

В пятидесятые годы я как-то рассказывал одному из архиереев о жизни владыки, коснувшись его рациона. Чувствовалось, что мой собеседник внутренне негодует на такой «плебейский» образ жизни маститого архиерея и, чтобы узнать, были ли у владыки Фаддея гости, устраивал ли он приемы, какая сервировка стола, он спросил меня: «То, что Вы рассказываете, касалось келейной жизни владыки Фаддея, ну а какие вина и какая посуда подавалась, когда у него были гости?» — я рассмеялся до неприличия так же, как смеюсь в настоящую минуту, когда об этом пишу. Я ответил, что у владыки не было вилок, и он всегда пользовался только ложкой и ел из алюминиевых тарелок и гостей никогда не звал... Мой собеседник был явно шокирован и, может быть, даже усомнился в моем рассказе^d.

Что пища для владыки была на последнем месте, я это знаю из личных наблюдений над многими случаями.

31 августа 1924 года (ст. ст.) владыка предпринял, с астраханскими паломниками, апостольскую поездку в с. Иванчуг — от Астрахани в 3—4 часах езды по Волге. Иванчуг знаменит был тем, что там в церкви хранилась чудотворная икона Феодоровской Божией Матери. Астраханцы свято чтили эту икону, с давних времен богомольцы совершали в Иванчуг паломничество пешком, чудотворную икону с почестями привозили почти каждый год в Астрахань, перед нею совершались молебны. Вот туда — в Иванчуг и предпринял поездку владыка Фаддей. Духовенство Иванчуга арендовало у пароходства пароход «Чугунов» для этой поездки. Уже с полдня паломники являлись на пароход, а к двум часам пароход был полностью загружен. Ждали архиерея. На пароходе не было пассажирских кают, а внизу был кубрик или салон. Вот в этот салон принесли несколько кресел под белыми чехлами, раздвинули стол и устали его винами и яствами. В кубрике сновал повар, приглашенный из какого-то ресторана. Словом, и на палубе, и в салоне ожидали архиерея. Он приехал. На трапе встречает его духовенство и, конечно, ведет в салон, но владыка идет по палубе к корме, толпа дает ему дорогу. На корме между якорями, цепями и лебедкой владыка увидел канатную бухту и сел на нее. Так три с половиной часа владыка не сходил со своего места, был окружен народом и беседовал с ним о завтрашнем празднике Симеона Столпника. Я помню, подул ветер, стало прохладно, и надо было укрыться в теплом месте. Из салона приходили, настойчиво звали его, но он беседовал и, по-видимому, не замечал холодного ветра.

В Иванчуге нас встретили с колокольным звоном, священники Иванчуга и окрестных сел, в светлых облачениях, стояли на берегу среди многотысячной толпы народа. На берегу стояла икона Феодоровской Божией Матери. Владыка приложился к иконе и направился с процессией в храм. Сейчас же началась всенощная, с акафистом Феодоровской Божией Матери. Она окончилась в 11 часов вечера.

Я и ключарь были приглашены на ночь в настоятельский дом, и поэтому ужинали вместе с владыкой. Владыка еле притронулся к пирогу, потом съел кусочек арбуза. Вот, все, что он съел за целый день.

На этом же пароходе все вернулись на другой день в Астрахань.

Спустя несколько лет сын настоятеля церкви с. Иванчуг отца Феодора Лушпаева — Василий Федорович Лушпаев, мой сотоварищ по профессии — рассказал мне, со слов отца, следующее: когда в тридцатых годах стали закрывать сельские церкви, и очередь подходила к церкви Св. Троицы в Иванчуге, он, настоятель, ночью вывез Феодоровскую икону Божией Матери из церкви, ночью же ее доставили в город, а оттуда отвезли в Киев. Лушпаев (сын) будто бы слышал от кого-то, что эта икона была вывезена за границу. Но как, кем и при каких обстоятельствах — неизвестно. Читая недавно книгу воспоминаний митрополита Евлогия [Георгиевского], я наткнулся на одно место, где рассказывается, как одна француженка привезла из России в Париж икону Феодоровской Божией Матери. Я подумал, не эта ли самая икона Богоматери украшает теперь русский храм в Париже?

Да, так вот пища занимала в жизни владыки какое-то третье место. Вспоминаю вот какой случай. Великий четверг 1924 года. Владыка служит в Покровской церкви. Идут часы, владыка стоит на кафедре среди церкви (он никогда не садился). Протодиакон о. Антоний и дьякон Голямин стоят на солее с кадилами.

«Благослови, Владыко, кадило», — говорит о. Антоний. Владыка углубился, немного опустил голову, никакого движения. Протодиакон снова еще громче просит благословить кадило, и опять никакой реакции. Оба идут к кафедре, получают благословение, и начинается каждение. После омовения ног я узнал, что владыка с понедельника ничего не ел и будет ли он что-либо есть до Св. Пасхи?

Зная, что владыка ест мало, о. ключарь всякий раз, когда приход после богослужения приглашал владыку на «чай», предупреждал местное духовенство, ни о чем за чаем не поднимать разговора, если не заговорит сам владыка. Так это было и на праздник Преображения в Трусове, когда собрались на «чай» в доме священника А. Руднева.

«Отцы, умоляю вас не начинать разговора за чаем. Владыка увлекается беседой и плохо ест», — говорил о. ключарь при входе в дом

Руднева. Сели за стол, принялись за еду, владыке подали чай. Едва он притронулся к булочке, как священник А. Тихонов начал: „Меня тронуло Ваше упоминание в проповеди, владыко, когда Вы привели слова апостола Павла: „Аще не воста Христос, тщетна вера наша”. Отец ключарь мечет громы и молнии в сторону, где сидит Тихонов. Но владыка забыл и о чае, и о булочке, и принялся говорить на эту тему. Все едят и слушают, а владыка, по милости упрямого совопросника, ведет беседу. Конечно, все напились, наелись; владыка увидел, что никто уж не прикасается к пище, встал, прочли молитву. На этом и окончился „чай”».

Владыка был удивительно молчалив, что касается вопросов, не имевших отношения к религиозной или научно-богословской темам. Здесь же он вдохновлялся и мог говорить часами. Но стоило коснуться каких-либо других тем, наступало молчание. Редко, редко он скажет какую-нибудь отрывочную фразу. Прихожу однажды к нему и говорю: «Какой ночью был ливень с громом, на улице лужи...» Владыка смотрит на меня и о чем-то думает. «Да, да, ливень. Вот, в сегодняшней четьи-минее рассказывается о житии праведного, Христа-ради юродивого. Однажды застал его ливень в лесу...» Владыка воодушевляется рассказом. Воспользовавшись паузой, я говорю владыке: «У Вас в доме крыша худая, на лестнице вода». Молчание.

Прочитав его книгу «Единство книги пророка Исаии», я спросил владыку, в каком году он получил магистерскую степень. «А кто Вам сказал, что я магистр богословия?» «То есть как? — я прочел об этом в 4/д томе энциклопедии Брокгауза и Ефрона», — ответил я. «Мало ли что они напишут... Так на чем мы остановились? Да, я говорил о „Данииловых седмицах”...»

В Астрахани у владыки гостил епископ Феодор [Поздеевский]. Кажется, это было в 1924 году. Мы познакомились. Не помню по какому случаю я завел разговор о литературных трудах владыки Фаддея. «Оказывается, он магистр богословия», — сказал я. «Что Вы, что Вы он давно доктор богословия», — возразил мне владыка Феодор. Уже после отъезда епископа Феодора я попросил у владыки Фаддея его докторскую диссертацию.

«Вы узнали, что я доктор богословия?.. Это, конечно, владыка Феодор сказал... неважно, ничего не значит... в эту субботу начнут петь „Покаяния отверзи”, и мы окажемся в преддверии Великого поста. Я соскучился по литургии Преждеосвященных даров. Когда писал ее Григорий Двоеслов...»

Несколько раз я просил владыку рассказать что-нибудь из его биографии. В ответ было молчание. Однажды я взял в руки его архиерей-

ский чиновник. Я знал, что этот чиновник привез ему в подарок епископ Феодор. Перелистывая чиновник, я увидел на передней и задней обложках и вставных листах мелко написанную епископом Феодором биографию владыки. Вот, что я узнал из нее.

Владыка Фаддей родился в г. Васильсурске Нижегородской губернии в 1874 году. (У Брокгауза неправильно указан год рождения — 1872-й)¹. Отец его — Василий Иванович Успенский был настоятелем Васильсурского собора. Мальчик учился в Нижегородском духовном училище, а затем и в духовной семинарии. По окончании семинарии, он поступил в Московскую Духовную Академию, на третьем курсе Академии принял монашество, на четвертом курсе — посвящен в сан иеродиакона. Академию окончил в 1898 [1896. — *Ред.*] году, со степенью кандидата. В 1901 году получил степень магистра богословия за капитальный труд: «Единство книги пророка Исаии», в 1902 году написал книгу «Записки по дидактике», ставшей теорией духовной педагогики. В 1908 году написал большое исследование под заголовком «Иегова». В том же году Московская Духовная Академия присудила ему степень доктора богословия.²

По окончании Академии, иеромонах Фаддей был назначен преподавателем догматического богословия в Уфимскую духовную семинарию, затем там же был инспектором и, наконец, с 1908 года, в сане архимандрита, был ректором семинарии и настоятелем Уфимского Успенского монастыря. Владыка Феодор рассказывает в этой биографии о том, что они с владыкой Фаддеем — однокурсники по Академии, были в большой неразлучной дружбе, в один день были пострижены в монашество, а перед пострижением вместе проходили послушание на Валааме. Епископ Феодор отмечает особые благодатные дары, которыми владеет владыка. Кротость, смирение, аскетизм — основные черты пламенного монашеского духа — были присущи владыке Фаддею с юных лет. «Он — прирожденный монах, и мы — студенты Академии это ясно видели», — говорит епископ Феодор. Владыка Фаддей был на особом положении в Академии: книга, церковь и постоянное созерцательное состояние — вот его постоянные занятия. Ни развлечений, ни шумных игр, тем более студенческих пирушек, он не признавал и в них не участвовал.

¹ Владыка Фаддей родился 12 ноября 1872 г. — *Примеч. ред.*

² Сведений, подтверждающих присуждения степени доктора богословия владыке Фаддею до 1917 г., не найдено. В 1908 г. Архимандрит Фаддей был хиротонисан во епископа Владимир-Волынского. — *Примеч. ред.*

В биографии рассказывается, почему ему дано имя Фаддей. В духовном училище, где учился Ваня Успенский, учитель словесности заставлял их разучивать басни Крылова в лицах. В одной из басен, которая начинается фразами: «Здорово, кум Егор! Здорово, кум Фаддей!» Ване выпала роль Фаддея. С тех пор это имя и превратилось в своеобразную кличку среди учеников. Ваня был уже в семинарии, и там нет-нет, да кто-нибудь и крикнет: «Фаддей!» Кто-то даже из товарищей по Академии и тот звал его Фаддеем. Одним словом, шло за ним имя героя крыловской басни. И вот Валаам — послушание перед постригом. Идет студент Успенский по монастырскому двору и вдруг слышит сзади себя: «Фаддей, Фаддей!» Обернулся и видит у кельи старца-схимника. Схимник хочет отворить дверь и не может. Успенский подошел и помог ему. И долго думал он, что бы это могло значить, откуда старцу известно, что так его иногда кличут? Но вот и постриг в монашество, новый инок слышит «брат наш „Фаддей” постригает власы главы своея». Что же происходит, почему Фаддей? Эта мысль сразу же возникает у вновь постригаемого, и он ошеломлен. Мгновенно встает перед ним духовное училище, басни, разучиваемые в лицах, «кум Фаддей», школьные товарищи, семинаристы, наконец старец-схимник — все они невольные провозвестники нового имени, нового рождения.

Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) давно слышал о монашеских добродетелях ученого монаха Фаддея. Сам пламенный до фанатизма монах, он давно хотел иметь рядом с собою таких же монахов, и вот Антоний (Храповицкий) в Уфе уговаривает архимандрита Фаддея перейти на службу на Волынь и обещает представить его к сану епископа. Но скромный и смиренный монах не ищет славы и отклоняет от себя епископскую честь. Целых два года владыка Антоний ведет с ним переписку и все по этому же вопросу и все тот же, отрицательный ответ.

«В Петербурге знали хорошо, что архимандрит Фаддей решительно не желает быть епископом, и все-таки последовал указ о возведении его в архиерейский сан, с назначением викарием к архиепископу Антонию Волынскому. Это было в 1911 году», — пишет епископ Феодор в биографии.

Владыка Фаддей подчинил меня своему нравственному влиянию. Я видел в нем человека исключительных дарований, красоты и высокой нравственности. Мне доставляло радость видеться с ним, меня тянуло к нему. Приду иногда к нему вечером, так просто, без дела,

чтобы только посмотреть на него, а потом дорогою размышлять. И всякий раз я открывал в нем нечто новое для моих размышлений. Я думал: вот, живут в этом огромном человеческом хаосе люди, живут как случится, думают о чем случится, на что натолкнут их мысль внешние обстоятельства. Живут для того, чтобы удовлетворять свои низшие потребности, не отдавая себе отчета в смысле и цели жизни и не думая над тем, чем она окончится, увлекаясь непроизвольно и бессознательно приливом и отливом меняющихся видений и иллюзий, не имеющих ни реального смысла, ни внутренней связи. Человек живет с явным намерением поработить свой дух влиянию внешних обстоятельств. Говорят, что это и есть жизнь. Нет, это только бытие, существование. Человек не был бы человеком, если бы какое-то духовное организующее начало не вдохнуло в него жизнь. Часы имеют колесики, передаточное устройство, камни, стрелки. Но если чья-то мысль не организует взаимодействие этих механизмов, часы не станут часами. Точно также и человеческая жизнь. Она прежде всего — произведение духа, созидающего личность. Духовная жизнь — высшее назначение человека, как самодовлеющей личности. Если жизнь человека искажает этот идеал, является поруганием идеала, то это — противоречие природы. Герои духа — это огромный духовный капитал, он приобретен трудным, но верным путем, путем отрицания всего, что порабощает дух. Герои духа стоят над противоречиями человеческой природы, указывают на него [на них? — *Сост.*] людям, зовут к преодолению его [их? — *Сост.*].

Соприкасаясь с владыкой, я находился во власти такого рода размышлений. Их возбудила во мне личность этого христианского подвижника, его аскетический дух, кротость до детского незлобия, самоотречение, во имя жизненного подвига, до убожества в жилище, одежде, прикрывавшей величие духа.

Огромный религиозный подъем, вызванный в верующем народе таким необыкновенным подвижником веры, вызывал и во мне горячее религиозное чувство. Снова меня окружала атмосфера веры, я оказался в собственной стихии.

Я был воспитан в патриархальной благочестивой семье. В детстве и отрочестве меня постоянно влекло в церковь. Здесь все мне казалось величественным и таинственным. Жизнь Церкви представлялась мне какой-то особенной, не похожей на жизнь дома, где всегда люди суетятся, спорят, кричат. Мне нравились длительные богослужения, толпы богомольцев, все люди какие-то богобоязненные, важные. Я испытывал наслаждение, находясь среди всех этих сосредоточенных в молитве людей. Годы юности, учебы, забот, увлечение театром, тан-

цами сказались на мне: вопросы церковные становились на второй план. Вера во мне не оскудевала, Церковь всегда вызывала у меня чувство уважения, но дух индифферентизма бродил во мне и отвлекал от Церкви! И вот теперь огромный подъем, прилив благодатных сил. Все воскресло во мне, и я понял величайшую цену Церкви, как ценность единственную, вечную. Несомненно, поэтому так яростно я восставал против обновленцев, разрушавших Церковь. Я догадывался, что дело не в самих обновленческих раскольниках: они исполнители чужих идей и чужой воли, но тем омерзительнее и подлее казались мне эти наемники, рабы злой воли, и я повел с ними борьбу.

Владыка Фаддей привлек меня и как крупнейший ученый богослов, писатель. Вскоре после приезда владыка перевез в Астрахань и всю свою огромную библиотеку, хранившуюся в разных местах. Я прочитал его труды: «Единство книги пророка Исаии», «Иегова», «Записки по дидактике». Все это — фундаментальные произведения, исследования глубокой, пытливой мысли. Вскоре владыка предложил мне изучать богословие... Я был рад почерпнуть и из этого кладезя мудрости. Я начал с нравственного богословия, затем изучил догматическое богословие, основные начала христианской философии, основное богословие, литургику, гомилетику, церковную историю. Помню, я не расставался с богословскими науками, засиживался за ними все ночи. Каждая новая богословская тема открывала передо мною неведомые горизонты. Когда я возвращал владыке ту или иную книгу, он спрашивал меня: «Разумеешь ли, что чтеши?» Я отвечал, что все для меня понятно и кое-что усвоено. «Ну-ка, скажите, что такое грех с точки зрения нравственного богословия?» Я отвечал. «А как учили схоластики о грехе?» И еще ряд вопросов. Владыка хвалил меня за хорошее знание Священного писания Нового Завета.

В занятиях богословием прошел весь 1924 и половина 1925 года. В начале июня произошло событие, разлучившее меня с владыкой.

Наша жалоба на обновленцев, с которой я ездил в Москву, не получала столь долго разрешения, а между тем пустующие обновленческие храмы гражданские власти стали закрывать: закрыты и сейчас же снесены храм Иоанна Богослова в Благовещенском монастыре, храм Илариона Великого в Покровском монастыре, два храма в Иоанно-Предтеченском монастыре, храм Николая Черногорского на кладбище, Скорбященская церковь на Трусове. Все другие пустующие обновленческие храмы ожидает такая же участь. Тревога православных за участь храмов вновь побудила их искать защиты от обновленческого насилия в Москве. Снова, как и в прошлом году, меня стали осаждать просьбами еще раз побывать в Москве. Чувство омерзения к об-

новленцам оказалось во мне сильнее данной подписки не заниматься церковными вопросами, я пренебрег ею и предосторожностью и поехал в Москву. Но до столицы я не доехал, в Саратове был задержан, отправлен в тюрьму и целых девять дней был в полной неизвестности, по какому поводу я оказался за решеткой. На десятый день меня освободили с условием, что я не возвращусь в Астрахань.

Я переехал в Сталинград. Дома все-таки побывал, простился с владыкой, который нагрузил меня книгами для дальнейшего богословского образования. В Сталинграде обо мне стало скоро известно православному духовенству. Епископ Иов (Рогожин) приходил ко мне за советами, кому и как подавать жалобы на обновленцев, забирающих у православных храмы. Сменивший епископа Иова архиепископ Арсений [Смоленец] присылал ко мне келейника узнать, как я живу и не нуждаюсь ли в чем. В 1926 году меня навестил ключарь о. Димитрий Стефановский и привез мне письмо от владыки Фаддея, передал мне фотографию владыки с трогательной надписью. Вообще я вел с владыкой регулярную переписку.

27 ноября (10 декабря) 1926 года^е на владыку Фаддея были возложены обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, в связи с чем он выехал из Астрахани в Москву, но в Саратове был задержан и отправлен на жительство в г. Кузнецк Саратовской губернии. В связи с этим обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя принял на себя 16(29) декабря 1926 года Серафим [Самойлович], архиепископ Угличский.

Из Кузнецка я получил от владыки всего два письма. Я собрался было к нему, но он уговорил меня в письме, что ради безопасности ездить к нему не следует. В Кузнецке владыка пробыл до марта 1928 года, когда ему было разрешено сменить место жительства. Переехал он в Саратов, служил там, но продолжал именоваться Астраханским, а астраханской епархией управлял епископ викарий Енотаевский — Стефан [Гнедовский]. В сентябре месяце того же года владыка Фаддей переименован Саратовским, а в ноябре переведен в Тверь.

Вернулся я в Астрахань в августе 1929 года. Во главе епархии стоял архиепископ Филипп [Ставицкий]. Благополучен был неизменный о. Димитрий Стефановский.

О. Василий Залесский, протодиакон о. Антоний Поздняков, о. Петр Дьяконов, о. Александр Кузьмин и другие были осуждены, находились в лагерях.

13(26) сентября 1929 года были арестованы архиепископ Филипп, о. Д. Стефановский, о. Василий Наследышев, о. Евгений Покровский, о. Димитрий Алимов, о. Феодор Семченко. Их обвиняли

в контрреволюционном заговоре (газета «Коммунист» от 1 октября 1929 г.). В связи с их арестом на городских предприятиях и в учреждениях собирались митинги с требованием для них смертной казни (хотя никто не знал, в чем они обвиняются и как тяжелы их «преступления». Времена и нравы!). Один из участников такого митинга рассказывает, что требования выступавших доходили до смешного: какой-то оратор потребовал для них «усекновения главы». И странное дело — люди голосовали за это «усекновение». Но так как арестованные в действительности были виновны только в том, что они — православные священники, то их отправили 1(14?) марта 1930 года в ссылку — в Усть-Цыльму. В ссылке умерли о. Д. Стефановский, о. Евгений Покровский, о. Д. Алимов и о. Ф. Семченко. Вернулись: через 5 лет — о. В. Наследышев и через 11 лет — владыка Филипп, который вновь управлял Астраханской Церковью с 1943 года и скончался в мире 29 ноября (12 декабря) 1952 года^f.

Тогда — в 1930 году — вместо владыки Филиппа в Астрахань был назначен епископ Андрей (Комаров), а во время его ареста, с сентября 1930-го по февраль 1931 г., Церковью управлял епископ Алексей (Орлов). Епископа Алексея удалили из города за следующий «проступок». Он купил почтовую бумагу, на каждом листке которой сбоку было напечатано: «Религия — орудие угнетения трудящихся». Используя эту бумагу для деловой церковной корреспонденции, епископ Алексей слово «угнетения» очень ловко переделывал в «утешение». Кто-то обратил внимание на такую «недозволенную» переделку, и «справедливость восторжествовала».

В 1930 году началось интенсивное уничтожение церквей. Снесены были старый собор Рождества Богородицы, Воздвиженская, Смоленская, снесено несколько глав и колокольня Казанской церкви, Духосошестввенская, церковь Троицы, Афанасия Афонского, Единоверческая — Вознесения, церковь Спасо-Преображенского монастыря, величественная колокольня Благовещенского монастыря, Никольская церковь на Трусове, церковь Знамения превращена в хлебозавод, Николо-Гостинная использована под городской архив, в церковь Павла Исповедника переселился народный суд. Кафедральный собор и другие кремлевские церкви закрыты, закрыта церковь Преображения на Трусове. Обновленцы овладели церковью Петра и Павла. К 1932 году в их обладании находились церковь Введения, Ильи Пророка и Петра и Павла.

В 1934 году церковь Петра и Павла была закрыта.

Небезынтересно вспомнить судьбу церкви Петра и Павла. Целый год она стояла взаперти. Однажды ко мне как к консультанту Госрыб-

треста обратился директор Пролетарского рыбозавода с просьбой поставить визу на договоре. Договор заключался между Горкоммунхозом и рыбозаводом на продажу на слом церкви Петра и Павла (рыбозаводу понадобилась щебенка кирпича). Я постыдил директора: неужели ради щебня нужно ломать старинную прекрасную церковь? Визу на договор я не поставил. Конечно, обошлись и без меня, но на службе стали именовать меня «церковник». Очень скоро церковь сломали, но кирпич и щебень несколько лет лежали неубранными.

В 1934 году церковная ситуация была следующая: хотя в обладании православных находилось 3—4 храма и во главе Церкви стоял епископ Андрей [Комаров], но с духовенством дело обстояло плохо. Настоятель церкви Князя Владимира о. И. Великанов, по выходе из тюрьмы, не стал больше служить. Церковь недели две не имела священника. Приходской Совет отыскал в городе высланного из Сталинграда священника о. Павла Александровского — 72-х лет, он и стал служить без диакона. При отпевании моей матери — 17(?) (30) июля 1934 года, я читал апостол — не было псаломщика. Александровский к концу года был выслан из города, на его место вступил бесприходный единоверческий священник о. Евфимий Фетисов, затем Фетисова сменил о. Алексей Арнольд. В начале 1936 года вернулся из ссылки о. Василий Залесский, ставший вторым священником в этой церкви.

В Тихвинской церкви служил о. Павел Нечаев. В церкви Иоанна Златоуста служили о. Григорий Степанов и о. В. Смирнов, в Покровской церкви пока оставались свои штатные священники: о. И. Болтинский, о. Викторин Тышко и о. Евгений Карасев. В 1936 году вернулся из заключения протодиакон о. Антоний Поздняков. Он стал служить в Покровской церкви.

Епископ Андрей (Комаров) с 1935 года фактически не управлял Церковью, потому что, будучи обложен большим подоходным налогом и не уплативший его, он был привлечен к ответственности за злостное уклонение от платежа налога. Дело окончилось в суде легким приговором, но, по-видимому, он опасался снова оказаться перед судом как неоплатный должник и перестал служить... Впрочем, он по приглашениям верующих ходил по домам с требами, исповедовал, причащал и отпевал покойников. В начале 1936 года епископ Андрей выехал из Астрахани. В конце 1936 года обновленцам была отдана часть храма Иоанна Златоуста. В двух приделах служили православные, а в одном — обновленцы, чередуясь в службах. Парадокс времени ощущался каждым верующим, и все понимали, что это значит. Во избежание провокаций о. Григорий Степанов, о. В. Смирнов и дьякон Алексей Милашевский покинули храм. В 1936 году храм был

закрыт и обращен в склад, и сейчас же была снесена колокольня. Теперь обновленцы потянулись к Князю Владимиру, и также, как и в церкви Иоанна Златоуста, заняли часть храма. Здесь они начали свою деятельность с хулиганства: мешали православным служить, приспособив время своих богослужений к богослужениям Православных. Однажды получилось так, что обновленцы, явившись в церковь раньше, чем православные, завладели всеми церковными сосудами и сорвали у православных литургию; как-то они служили всенощную одновременно: пели в главном приделе, пели в левом. Отец А. Арнольдов покинул храм, за ним ушли о. Василий Залесский и В. Смирнов, и, таким образом, церковь Князя Владимира осталась в руках обновленцев. Вскоре и она была закрыта.

В 1937 году произошли аресты духовенства. Были арестованы о. Василий Залесский, о. Викторин Тышко, о. Евгений Карасев, о. Петр Дьяконов, о. Александр Кузьмин, о. Василий Наследышев, о. Антоний Поздняков (эти трое уже раз отбывали заключение, вернулись, и вот теперь — снова), о. Александр Руднев, о. Николай Покровский, о. Феодор Степанов, о. Петр Цветков и целый ряд сельских священников. Через несколько месяцев вернулись домой только двое: Степанов и Цветков, остальные исчезли. Тридцать лет прошло с тех пор, и никто не знает, где и какую смертью окончили жизнь невинные страдальцы.

После ареста духовенства ушли на покой И. Болтинский — из Покровской церкви, Г. Иванов — из церкви Донской Божьей Матери, оба они стали работать малярами. В. Смирнов работал где-то кассиром. С уходом Болтинского, Покровская церковь осталась без священника. Вскоре там стал служить престарелый священник о. Феодор Извеков. Раньше он служил в церкви села Житного, а после закрытия сельского храма питался подаянием возле городских храмов. Вот его-то и уговорили служить в Покровской церкви.

В церкви Донской Божьей Матери пока служил о. Г. Таптыков, а после его смерти, последовавшей в 1939 году, храм был закрыт, обращен в слесарную мастерскую, а затем был вообще снесен.

Священник Тихвинской церкви о. Павел Нечаев был привлечен к суду за неуплату крупной суммы подоходного налога, на его имущество был наложен арест, а затем оно было изъято финорганами. В связи с таким положением он был вынужден покинуть церковь. Ее закрыли и сейчас же снесли.

У обновленцев дело обстояло так: управлял ими «архиепископ» Александр [Шубин], ходивший в церковь с женой. На его глазах закрывали и сносили церкви. В 1937 году у обновленцев остались церк-

ви Введенская, Ильи Пророка и Рождества Христова. Справившись со своей задачей, которая состояла в ликвидации православных храмов, Шубин в 1937 году уехал из Астрахани. Там где-то подсчитали его трофеи — закрытые храмы и дали ему сан «митрополита». После его отъезда, в 1938 году была закрыта церковь Рождества Христова и снесена колокольня, затем в том же году гражданские власти обратили в склад деревянной тары церковь Ильи Пророка. У обновленцев осталась церковь Введения. Ее сдал под гараж обновленческий проходимец некто Рыбаков. Как-то ехал я в трамвае — в 1939 году. Ко мне подошел средних лет мужчина в хорошем пальто и шляпе и вдруг ни с того ни с сего обратился ко мне с такими словами: «По одежде и портфелю вижу я, что вы человек с положением, не можете ли вы указать мне, где бы я мог найти работу по должности начальника снабжения, завхоза, агента. Я бывший поп, долго морочил людям голову, сам ни во что не верил. Надоело это мне, пошел я на днях в Горсовет и отдал ключи от церкви Введения, дескать, никому церковь не нужна. Теперь там — гараж». Я спросил его фамилию, громко назвал его негодяем и подлецом и вышел из вагона.

12

Я был у владыки Фаддея в Твери в 1931 году, затем в январе 1933 года. Об этой последней встрече я уже упоминал в других своих записках. Напомню только, что, едва увидев меня, владыка спросил: «Вы слышали, что Александр Введенский получил степень доктора философии за работу „Динамика бытия“? Ведь такая же работа была у владыки Феодора [Поздеевского]. Я грешу, уж не воспользовался ли Введенский его трудами?» Владыка был обеспокоен этим обстоятельством, высказывал разные догадки, и пока я был у него три дня, он неоднократно возвращался к этой теме разговора¹.

В Твери, как и в Астрахани, владыка был окружен всеобщей любовью верующих. Зримо ощущал я эту любовь в несметной массе богомольцев за его богослужениями. И сам владыка отвечал народу любовью, единением с ним, каждодневным посещением храмов, постоянными проповедями и поучениями, самоотверженным служением Церкви. И приятно мне было вспомнить чудесное прошлое. Давно я не испытывал такого светлого чувства, и вот снова эти три незабываемых дня.

¹ В дополнительных комментариях к «Воспоминаниям» имеется отзыв А. И. Кузнецова на диссертацию А. Введенского под названием «Перед судом истории». — *Примеч. ред.*

* * *

Скорбью легло на мою душу известие о кончине владыки. Тем сильнее была эта скорбь, что владыка скончался в тяжелых условиях заключения. Верующие знают, что переселился этот подвижник веры в лучший мир, но время, место и обстоятельства его кончины остаются в области неоднородных сведений.

Я имел намерение поместить в этих записках имеющиеся у меня сведения о его кончине, но воздержался, случайно узнав, что в Калининне (бывшей Твери) есть рукописи, с наибольшей полнотой воспроизводящие печальную повесть о последних днях приснопамятного владыки. Это и понятно, кому как не калининцам, проводившим владыку в крестный путь, полагается знать, где и как окончился этот путь.

Будущее поможет нам устранить некоторые неточности в сведениях, и истина будет найдена.

* * *

Я закончил воспоминания кончиной владыки Фаддея, то есть я повел разговор о смерти. Но, говоря о смерти, я не встречал человека более живого, чем владыка Фаддей. Трудно представить, что его нет среди нас, среди верующих, окружавших его святой любовью. Он живой, потому что живет в памяти современников, как пламенный провозвестник Христовой Истины, как апостол, как человек, не знавший других интересов, кроме интересов Церкви. В унижении, гонениях, узах, но в величии духа и несгибаемой воли стоит он на Божественной страже в нашем живом сознании и указывает путь в жизнь лучшую, вечную.

Он живой в моем сознании, потому что его жизнь, его слова позволили мне понять то, что от меня было закрыто. Он дал мне глубину проникновения в тайны христианства. Все это живет во мне вместе с его живым образом.

В день Ангела владыки Фаддея — 21 августа (ст. ст.) 1924 года, покойный Патриарх Тихон, в своем приветствии именинника, назвал его «чудом нашего времени». Я всегда помню эти слова. Мне кажется, они имели глубокий смысл. «Наше время», о котором говорил Святейший Патриарх, — XX век — век переоценки ценностей, индифферентизма, богоискательства, стремления жить без христианства. Словом — это эпоха критицизма, вызвавшая упадок верующего чувства. Критический дух захватил и деятелей Церкви... Они устремились к реформам, будто бы религиозный подъем верующего народа без ре-

форм невозможен. Но только эгоцентризмом и обновленческими нелепостями окончились пресловутые реформы.

Верующее чувство, между тем, ждало не реформ, не споров вокруг христианских идей, а подъема религиозного духа. И конечно, такое явление, как владыка Фаддей, на все вопросы христианского духа отзывающийся и все собою примиряющий, — есть чудо. Оно было даровано для того, чтобы все видели, как человек может воплотить в себе великие идеалы христианства.

Он животворил в людях христианский дух — в этом его память и бессмертие.

Вечная память другу Божию!

* * *

О проповедях владыки Фаддея

Мы упоминали, что владыка Фаддей говорил проповеди и поучения за каждым богослужением (литургией, акафистом, иногда за всенощной). Все, что он произносил с амвона, он предварительно записывал или собственноручно, или диктовал переписчицам-любительницам, увлекавшимся его проповедями. Это были три молодые девушки: Андреева Ольга, Иванова Зоя и Мария Воробьева. Они старательно выполняли свои обязанности по переписке.

Каждая проповедь или поучение записывались на тоненькой тетрабочке, сшитой из бумаги размером в осьмушку. Такая тетрабочка всякий раз вкладывалась в пустую голубую обложечку такого же размера. При произнесении слова эта обложечка неизменно находилась в руках владыки; иногда он заглядывал в нее, чтобы прочесть какой-нибудь сложный текст.

В Астрахани владыка произнес более трехсот проповедей и поучений, за исключением многочисленных бесед на акафистах, на которых владыка разъяснял священное писание, но записей речей не хранил. Обычно их брал себе ключарь о. Д. Стефановский или те же переписчицы. Они снимали с них копии и передавали какому-нибудь почитателю владыки.

Ко мне попало двадцать собственноручных слов владыки; все, что было у ключаря исчезло при его аресте, а все, что хранилось у переписчиц, уничтожено ими в страшные тридцатые годы.

Помещенные здесь две проповеди и одно акафистное поучение написаны рукою покойного владыки. Все остальные его речи, имеющиеся у автора, требуют восстановления поврежденных мест, после чего будут также отпечатаны.

За литургией, в церкви Князя Владимира, г. Астрахани, — в день Св. Духа в 1925 году.

Причины, по которым чрезвычайные знамения «пришествия Духа», бывшие в первые времена христианства, потом сменились действиями как бы обычными

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

«Пятидесятницу празднуем», воспевала Св. Церковь, «и Духа пришествие» (стихира на «Господи воззвах» праздн.), который в сей пресветлый день должен был «излиться на всякую плоть» по пророчеству Иоилия, засвидетельствовав Свое пришествие явственно чудными знаменьями, как говорится у того же пророка: «И будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваша сновидениями вразумляемы будут» (Ин. 2, 28; Деян. 2, 17). И предреченное о пришествии Духа Святаго пророком Иоилем исполнилось в точности: мы видим, что действительно, по свидетельству книги Деяний апостольских, Дух Святой излился на апостолов в виде огненных языков и они начали пророчествовать на иных, неведомых им дотоле языках, вещать чудные дела Божии. Видим, что не одни апостолы сподоблялись дара пророчества и иных чудных действий Духа, но весьма многие. Если еще в Ветхом Завете, когда не было обильного излияния Св. Духа, Господь «взяв от Духа», Который почивал на Моисее, и сообщил дар пророчества семидесяти старейшинам, в том числе Елдаду и Модаду для пророчествования в стане. Это побудило даже Моисея сказать Иисусу Навину: «о, если бы все в народе Господнем были пророками!» (Числ. 11, 25—29), то что сказать о временах Нового Завета, когда «Дух излился на всякую плоть»?

Так излился Он на семь диаконов (Деян. 6, 3), особенно на Стефана, который, «исполненный Духа, совершал великие знамения и чудеса», побеждал в споре книжников знаменитой синагоги, так что последние «не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил» (Деян. 6, 5, 8—10). С каким дерзновением обличал он членов синагории, угрозы которых еще при жизни Христа заставляли народ говорить о нем лишь тайно (Ин. 7, 13), а апостолов, по воскресении, побуждали держать двери дома запертыми «страха ради иудейска» (Ин. 20, 19)! Члены синагории всячески заботились о том, чтобы имя Христа не упоминалось по смерти Его, запрещали накрепко апостолам «учить о имени Сем» (Деян. 5, 28), а св. Стефан не убоился со всею силою обличать вождей народа за убиение Христа и свидетельствовать о Нем открыто (Деян. 7, 51—56). Разве не исполнение слова пророка

Иоилия «юноши ваши будут видеть видения», в том, что Стефан, как свидетельствовал он в синедрионе, «видел небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (Деян. 7, 56)? Разве можно было без обильного излияния Св. Духа исполниться такой любви к врагам, чтобы молиться за своих убийц: «Господи! не вмени им греха сего!» (Деян. 7, 60), хотя закон, как его, впрочем, ложно понимали, допускал ненависть к врагам, требовал воздаяния «око за око и зуб за зуб», призывал к проклятию врагов, а не благословению их и молитве за них (Мф. 5, 38—44)?

Разве не видением Христа обращен был к вере жестокий гонитель Савл и сделался великим «апостолом языков», через которого доселе лучи света Христова обильно изливаются на нас? Видимым образом сошел Дух Святой на евнуха Ефиопской царицы Кандакии, крещенного диаконом Филиппом (Деян. 8, 39). Без великих чудес и знамений, совершающихся силою Духа Христова, не могло быть вообще столь успешным обращение ко Христу народов, поэтому знамения и чудеса были в первые времена христианства многочисленны и чрезвычайны. В самый день Пятидесятницы, после излияния Духа Святого на апостолов, по проповеди ап. Петра, обратилось ко Христу около трех тысяч, после исцеления хромого — еще пять тысяч. Чудеса умножились настолько, что выносили больных на улицу в надежде на исцеление их самую тению проходящего Петра, и все более присоединялось к Церкви Христовой мужчин и женщин (Деян. 5, 14—16). В Церкви Коринфской, по словам св. апостола Павла, ссылающегося на опыт самих коринфян, не было «недостатка ни в каком даровании» Духа (1 Кор. 1, 14, 1—5, 21); каждому, писал апостол, дается проявление Духа на пользу: одному дается Духом слово мудрости, другому — слово знания тем же Духом, иному — вера... иному дары исцелений, чудотворения, пророчество, различение духов, разные языки, истолкование языков (1 Кор. 12, 7—10), о том же пишет св. апостол Павел в послании к Ефесянам (4, 7, 11), к Римлянам (12, 6—8), а апостолы Петр и Иоанн в соборных посланиях (1 Пет. 4, 10—11); (Ин. 2, 20, 4, 1—2, 13).

Поэтому первые христиане хорошо знали о пришествии Духа (Ин. 14, 17), явление Духа было для них не пустым звуком, а тем, что они видели, слышали, испытывали, переживали сами. И не напрасно, а как знающим, переживающим на деле, говорили им апостолы о Святом Духе, как слышали мы и ныне в апостольском чтении: «не упивайтесь вином, в нем же есть блуд, но паче исполняйтесь Духа, глаголюще себе во псалмах и пениях и песнях духовных» (Еф. 5, 18—19), т. е. в песнях, составленных по вдохновению от Духа Святого, «поступайте,

как чада света, потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине» (Еф. 5, 8—9).

Но христиане нынешние о пришествии Духа как бы ничего не слышали, как бы ничего о Нем не знают (сравн. Деян. 19, 2). Правда, слышат о Нем в песнях церковных, торжественно празднуют сошествие Святого Духа, но все это как бы в каком-то полусне, полудремоте, и слышанное тот час забывают, как забывают многое виденное во сне. Слова о Святом Духе остаются для многих христиан словами о чем-то неведомом, совсем далеком от их жизни, — в собственной их жизни никогда не переживаемом.

Где пришествие Духа? Как ощутить последнее, узнать, было ли оно, или нет? — говорят они. Для них Дух Святой как бы не существует, а если и существует, то действует лишь в душах иных людей, потому что в собственной душе они такого действия никогда не замечали, хотя в действительности «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнойтайне», без дыхания Святого Духа не может быть в душе человека духовной жизни, как тело замирает без дыхания.

Почему же многие христиане «не знают» Духа Христова (Ин. 14, 17), пришедшего в мир по обетованию Христову, как бы Его и не было?

Потому, прежде всего, что многие из них стали «плотию», живут по плоти, а не по духу, жизнь плотскую только и знают, ощущают, о духовной же не помышляют. Удивительно ли, что Дух Божий не может пребывать и в них, как не мог пребывать в людях перед потопом, сделавшихся «плотию» (Быт. 6, 3), думавших только о том, чтобы есть, пить, строить, покупать, продавать, жениться, выходить замуж (Мф. 24, 38; Лк. 17, 26—29), так что самый дух этих людей как бы растворился в плоти.

Если же иные продолжают помышлять и о жизни духовной, то не могут ощутить пришествия Духа потому, что хотят ощутить плотскими чувствами: «излияния духа» они готовы уподобить влитию воды внутрь тела, ощутимому тлению. Но, конечно, «излияние Духа» происходит духовно, подобно тому, например, как в душу «вливается» радость, или душа «изливается» в скорби (Пс. 41, 5). Это излияние ощутительно, но лишь для души. Хотя Дух Святой «излился на всякую плоть», но действия Его, заметные иногда и на плоти, как например, при даре пророчества, языков, направляются всегда в глубины духа, совести (1 Кор. 2, 10—11).

Или не замечают многие действия Святого Духа потому, что ожидают непременно действий Его поразительно чудесных, например, чудесного изменения души против желания самого человека, или

уподобляют действия Духа Святого воображаемым волшебным действиям колдунов, ворожей, которые заговорами могут будто бы без желания самого человека переменить его любовь в ненависть. На самом деле Дух Святой не действует в душе человека принудительно, Он не насилует нашего естества, нашего свободного хотения. Он незримо склоняет наш ум, сердце, волю в сторону добра, не насилуя их. Он просветляет ум, умиляет сердце, дает крепость воле, новое направление всей жизни человека, однако не без свободного согласия на то самого человека, так что человеку, находящемуся под незримым воздействием Св. Духа, кажется, что он действует сам от себя. Например, просветит Дух Святой ум человека, а ему при невнимательности думается, что он поступил умно, благодаря напряжению лишь собственного ума; умилит Дух Святой сердце, умягчит его, вызовет в нем спасительный порыв покаяния, а человеку кажется, что сердце само собою почему-то изменилось по собственному желанию человека. Отклонит Дух Святой человека от злого желания, направит на путь спасительный, а человек мнит, будто сделался лучше, добродетельнее, благодаря усилиям своей воли. И не хочет знать человек, что Дух Святой воздействует на него, скрывая Свои действия за собственными движениями души человека потому, что не хочет стеснять свободы человека, ищет от него любви свободной, а не насильственной, мнимой, продажной.

Если бы человек сам поступал всегда умно, то почему в порыве гнева, в увлечении страстью беззаконной любви, приобретения, честолюбия и т. д. действует часто столь глупо, что сам называет свои страсти безумными? Почему вслед за умилением нередко вскоре же наступает в душе полное бесчувствие, за порывом раскаяния — порыв злобы, искустельного соблазна. Почему ставший под влиянием иногда какого-то бессознательного, непонятого порыва, на путь добра опять возвращается на прежний путь? Если бы все движения в душе человека были его собственными, то почему вскоре же и против желания так скоро изменяются? Очевидно, многие из добрых движений — плод незримых воздействий Духа и, если захочет человек, эти движения могут удержаться в душе, не захочет, возвращаются к тому, чем был сам, без Духа Святого. Не замечает человек многих действий Духа и потому, что мало заглядывает в глубины совести, где действия Духа более всего происходят. Между тем, как совесть является «естественным законом» в духовной жизни человека; как в природе видимой за действием «естественных законов» многие не хотят видеть действий силы Божественной, утверждая, что действует во всем сама природа с ее законами, так за действиями «естественного закона» совести не замечают действий

Св. Духа. По определенным законам природы движется солнце, распространяет свет, живительную теплоту, течет вода, обращается в пар, проливается из облаков в виде дождя, дуют ветры, оставляя всюду громадные следы своего движения, произрастает земля растения и т. д. Но при внимательном наблюдении нельзя не видеть, что самая природа с своими законами исполняет лишь волю Творца, направляя действие сил и законов природы так, как требуется по Божественным промышлениям о мире, — потому что лишь Существо премудрое, разумное, всеблагое, всемогущее, всесправедное может действовать с такою благодетельною, всеобъемлющею целесообразностью, а не слепые силы неразумной природы. Так и действия Духа Святого нужно примечать не тогда лишь, когда они явно чудодейственны, превышают действие естественных сил, как в даре языков, пророчества, но и тогда, когда Дух Святой действует незримо в совести, производя в ней как бы естественные, но в то же время необъяснимые движения и направляя последние куда «хочет» (Ин. 3, 8).

Чрезвычайные действия Св. Духа необходимы были особенно в первое время христианства, когда нужно было со всею силою всколыхнуть море жизни человеческой и дать ей новое направление; потом море жизни должно было постепенно войти в свои берега, и действия Духа Святого в нем должны были сделаться как бы обычными, хотя это не значит, что они прекратились, как море вечно волнуется и без «дыхания бурна» (Деян. 2, 2) ветров. Притом, первые христиане гораздо более, чем последующие, открывали сердца для веяния Духа Христова, делаясь способными к восприятию по мере каждого (Рим. 12, 3; Еф. 4, 7) великих и даже чрезвычайных Его дарований, к чрезвычайным, сильнейшим волнениям души, переменам в духовной жизни; позднейшие же, оскудевая в вере и любви (Лк. 18, 8; Мф. 24, 12), давая все более место себялюбию в сердце, делались все менее способными и к малым духовным волнениям. От всякого, кому дано много, много и потребует; и кому много вверено, с того больше взыщут (Лк. 12, 48), и потому, с оскудением силы веры и любви Дух Святой как бы ограничивал Свои чрезвычайные действия, все более скрывая Себя для «немогущих вместить» (Мф. 19, 12) под собственными движениями души таковых, не насилуя последних, но незаметно направляя, куда хочет. Если бы не пришел Дух Святой в мир, и все в духовной жизни людей происходило бы само собой, то чем же можно было бы объяснить чудную перемену в апостолах, которые, будучи простыми рыбаками, не чуждые общечеловеческих немощей, не только сами вполне преобразились духовно по сошествию Св. Духа, а с собою преобразили духовно и мир, поистине сделавшись «князьями по всей земле» в

духовной жизни мира (Пс. 44, 17)? Каким образом, без пришествия Духа люди, перед пришествием Христовым развратившиеся, как перед потопом, целыми тысячами обращались к святой духовной жизни (Рим. 2, 18; 3, 26)? Что воодушевляло людей, бывших себялюбцами и миролюбцами (Тит. 3, 3—6) идти за Христа на страшные муки? Почему христианство среди страшных гонений не уничтожалось, а распространялось? Почему кровь мучеников делалась семенем христианства, а не побуждала совсем забыть имя Христово? Почему целые тысячи людей, ранее преданных нередко удовольствиям, утопавших даже в страстях, добровольно шли в пустыни, отказываясь от всяких утех земных и начиная жить, как бесплотные ангелы?

«Дух Святой бе убо присно, и есть, и будет» (Стих. хвалитн. утрен. Пятидесят.). Возжелаем искренно, от сердца, Его пришествия и Он придет к нам, как явственно пришел к апостолам, ожидавшим Его пришествия, и приходил к первым христианам. Пусть придет Он незримо, но духовно ощутительно, или оставит явственные следы Своего посещения, произведши чудную перемену в душах, так что мы почувствуем в себе охоту и силу делать то, что еще час тому назад казалось нам совершенно невозможным (Мф. 19, 26): так, видя перемену обстановки в оставленной нами на время, запертой комнате, в которую никто не мог войти, мы говорим, что кто-нибудь там все-таки был. Незримо, постоянно посещает души людей и Дух Святой, производя в них необъяснимые перемены, и эти посещения будут тем чаще и заметнее, чем более сами мы будем их желать и о «пришествии Духа» к нам молить. Аминь.

В церкви Князя Владимира г. Астрахани, —
6(19?) марта 1925 года

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

*Придет день Господень, как тать ночью,
и тогда [...] стихии, разгоревшись, разрушатся [...] Если это все разрушится, то
какими должно быть вам в святой жизни и
благочестии (2 Пет. 3, 10—11).*

Слышите, возлюбленные, о чем нас спрашивает святой апостол в своем соборном послании, чтенном сегодня?

В самом деле, что мы можем сказать о смысле нашей жизни?..

Большинство из людей раз и навсегда решив для себя, что сокровенный смысл и высшая цель жизни недоступны для них, отказываются даже от попытки сколько-нибудь прояснить себе мрак жизни

светом мысли или веры, а, чтобы лучше освободиться от тяжелого впечатления мрака, закрывают глаза, стараются заглушить в себе высшие вопросы и стремления духа, удовлетворяя низшие потребности своей природы.

Но человеку нужно не только жить, но и давать отчет в смысле жизни. Между прочим, сколько бы человек ни старался заглушить в себе сознание и все высшие стремления духа, огрубеть, опошлеть, — это ему не удастся: человеческая природа сказывается по временам, беспокойные вопросы о цели жизни возмущают самодовольство, и тогда человек должен думать об этом. Эти вопросы особенно возникают в старости, т. е. когда их поздно задавать.

Говорят, что жизнь наслаждение и пир, нечего искать каких-то других целей. Пользуйся жизнью, спеши захватить все, что она дает.

Но откуда в человеке такая сильная любовь к жизни, если в ней нет величайшего блага? Отчего люди стремятся к счастью, если счастье не есть цель жизни? Тогда где эта цель?

Есть ли, был ли за тысячи лет хоть один человек, который мог бы сказать о себе, что он достиг этой цели. Был ли человек, который узнал сам и передал другим, что такое счастье?

Правда, сначала человек идет на жизнь с бодростью и надеждами, но сама жизнь разбивает и разрушает светлое представление о ней. Кто испытывал в жизни одни радости без горя?

Много препятствий к достижению счастья извне, в противодействующих силах природы, во враждебных обстоятельствах среды, в недостатке собственных сил, но еще больше препятствий к достижению счастья состоит в том, что человек не находит счастья даже в удовлетворении своих желаний, и источник такого недовольства кроется внутри самого человека. Если бы жизнь со всех сторон улыбалась человеку, и у него не было бы предлогов к жалобам, человек стал бы их выдумывать.

Ведь жалуются все люди: и большие и малые, бедные и богатые, здоровые и больные, трудящиеся и тунеядцы, невежды и мудрецы. Вечное недоразумение, по-видимому, в том, что у человека нет определенного предмета для счастья, а силы ограничены. Тысячи людей борются за счастье, но, достигнув его, оказывается, что казавшийся венец счастья только дальнейшая ступень к новому идеалу.

И если бы жизнь была только сменой удовольствий, то разве одно уже представление о том, что через 30—40 лет все это кончится, разве это не внесет горечь в жизнь и не наполнит чашу веселья отравой?

Если вспомнить, что такая жизнь иногда строится на обидах и лишениях другого человека, то разве жизнь может быть пиром, а не ареной, где собрались животные, чтобы растерзать друг друга?

Другие утверждают, что жизнь является осуществлением идеалов добра, истины и красоты. Очень хороший и правильный взгляд. Но это стремление, в действительности же люди не могут найти средств к осуществлению этих идеалов. Покажите хоть одного человека (гения, мудреца), который был бы выражением этих идеалов, без упрека и пятна, чтобы ему можно было поклониться? Покажите хоть одно общество, где бы безмятежно царствовала истина, любовь, справедливость и мир, и чтобы оно было образцом для других?

Напротив, жизнь представляет поругание и искажение этих идеалов, — в этом противоречие человеческой природы.

Истина? Но что это такое — никто не знает, а крупницы ее, добываемые трудом поколений, теряются во тьме невежества и предрассудков.

Добродетель! Но в чистую добродетель люди не верят, потому что рядом с нею мы видим зло. Против зла общество устроило тюрьмы — печальные свидетели против добродетели.

Красота! Но это чувство в нас огрубело, и в жизни человеческой, при ее пороках, она не занимает больше места.

Справедливость! Но кругом жалобы на несправедливость, разъедающую человеческое общество. Иногда несправедливость искореняют новыми несправедливостями.

Любовь! Но вместо нее — господство эгоизма, отравляющего и помрачающего самые высокие человеческие чувства, источник зависти, ненависти и злобы. И едва ли проходит в истории человечества хоть год, хоть месяц или день, чтобы не проливалась кровь человеческая.

Кто-то сказал, что истина, ложь, добро и зло, правда и неправда — понятия относительные, что это так кажется ограниченному уму. В природе заблуждение необходимо для развития истины, зло способствует добру, ложь — правде и что эти элементы не противоположны, а только отрицательны. Нет, это не так. Добро не может быть источником зла, как и зло — источником добра. Нельзя свет назвать тьмою, белое — черным, горькое — сладким. Красота сияет лучше, если ее не безобразят.

До истины не надо доходить кривым путем. Логический путь есть путь от истины к истине. Говорят, что все-таки добродетель торжествует и что отрицательных явлений меньше, чем положительных, и что истина и добро имеют преимущество перед грубой силой. Однако

в жизни мы наблюдаем обратные явления. Грубая сила повелевает и ругается над нравственной силой, ум преклоняется перед невежеством, тьма предрассудков гонит истину со света, унижает и преследует провозвестников истины. Всякий счастливый невежда и деспот готов уязвить мудреца, угнетенного поборника добродетели, с тем, чтобы отнять у него веру в истину и добродетель. Честный мудрец должен утешать себя тем, что ему при жизни не видеть своей истины, и что после смерти к нему придет слава. Правда, в истории это иногда бывает, но вообще-то благодарность и слава в потомстве — высокие и жалкие слова. Как будто мученику много пользы в том, что потомки его мучителей воздвигнут ему памятник на том месте, где его мучили — свидетельство преступления и беславия прежних поколений. Да и верно ли, что каждого мученика ждет слава. Суд потомства и суд истории такие же, как и суд современников. Да и откуда черпает история сведения, разве не от случайных и пристрастных летописцев?

Говорят еще, что личная жизнь человека не удовлетворяет идеальным требованиям счастья, добра, истины и справедливости, но что все эти идеалы предназначено осуществить всей жизни человечества. После долгих исканий и колебаний, после тяжелых трудов и жертв человечество придет к своим идеалам, найдет счастье, узнает истину и установит справедливость, тогда люди будут наслаждаться этим, и не будет в человечестве несчастий и зла. До этого жизнь человека — непрерывная и тяжелая работа над достижением идеалов, и каждый век, каждый народ, каждое поколение и каждый человек вносит свою долю в эту сокровищницу труда. Работа идет безостановочно, люди живут, умирают, поколения меняются, народы исчезают, но каждый век, каждый народ передает своему преемнику, а этот дальнейшему.

Верно — жизнь непрерывный труд, прогресс и безостановочное движение. Но труд имеет цену, когда сознается его смысл. И движение имеет смысл, если сознается цель и верность его.

Итак работа идет из-за осуществления человеческого идеала.

Но что же это за слово «человечество»? Мы не знаем человечества как живого существа; мы знаем людей, поколения, народы. Миллионы людей живут, трудятся, борются для того, чтобы, наконец, явилось какое-то нравственно совершенное поколение, не знающее пороков и несчастий. Но верно ли, что всякий труд принесет свою пользу, и что в общечеловеческом прогрессе ни одна крупица истины и добра не пропадет?

История имеет массу противных примеров. Мы горды своими знаниями и успехами и думаем, что наши труды принесут пользу прогрессу человечества; но ведь жили и до нас люди, также трудились и

имели успехи. Обломки жизни свидетельствуют о блестящей цивилизации, процветавшей на Ниле, Ганге и Евфрате. А теперь памятниками этой цивилизации остались лишь несколько жалких обломков, несколько слов и намеков на рукописях. Кто знает, не произойдет ли и с нашей цивилизацией то же самое? Может быть, нынешняя гордая и блестящая Европа некогда будет представлять из себя степь, вроде нынешних азиатских или африканских степей, и от блестящих городов останется столько же, сколько осталось от Ниневии и Вавилона?

Хотя говорят, что этого не произойдет, но кто знает, насколько современная цивилизация окажется способной обезопасить человечество от сокрушительной силы новых Аттил, Тамерланов и Чингизханов.

Итак, поколения вымирают, народы исчезают, цивилизации гибнут, и кто может поручиться, что они успевают передать новым поколениям все выработанные ими сокровища мысли и труда. Какое же будет иметь значение наши знания и труды, если ими не воспользуются последующие поколения? В ином месте собирались сокровища мысли и труда целые века, и вдруг в короткое время все это сокрушалось истребительными силами природы и людским невежеством.

Можно ли поверить, что и это исторический прогресс, в котором не пропала ни одна крупица труда и мысли?

Каждая эпоха считает свои мысли и дела за истину, но так ли это?

Не кажется ли некоторым, что прогресс в человеческой жизни приведет человека к идеалу только тогда, когда человек поймет свое неидеальное состояние, зависящее от самой природы человека, и прежде всего займется внутренним совершенствованием. Достаточно ли для человека одних знаний и образования, чтобы прогресс человеческой жизни приближался к идеалу?

Нет спора, что частные знания человека увеличиваются, но... весьма спорно, ближе ли человек к истине, и не открывает ли горизонт неизвестности каждое новое открытие. Средств к удовлетворению потребностей больше, но счастливее ли человек?

Знаний больше, но лучше ли стал человек и можно ли нравы современного человека передать потомкам?

Пороки, зло, остаются теми же, что и у дикарей, с той только разницей, что цивилизация дает этим порокам и злу более тонкую форму. Злоба развитого человека опаснее злобы дикаря. Умножаются орудия и средства к благосостоянию человека, но и сооружаются более сокрушительные средства, и изобретатели этих средств тоже ведь считают их человеческим прогрессом. Неужели и этот прогресс приведет к идеалу?

Не найдя ответа на вопрос о смысле жизни, многие называют человеческую жизнь несчастьем, страданием, вечным проклятием и произволом судьбы. Жизнь — глупая шутка, дар случайный, дар напрасный. Скорее всего это сказано в минуты душевного угнетения или разочарования, потому что жизнь сама по себе и неистребимое чувство жизни, общее всем людям, сохраняющееся у человека в самые трудные минуты и не покидающее его до самой смерти — служит лучшим опровержением такого мрачного взгляда на жизнь.

Может быть, человеческому уму и не нужно доискиваться смысла жизни, может быть, жизнь — бессмыслица, призрак, сон, и существование человека — только мечта?

Такая мысль о жизни развивалась во взглядах целых философских систем. Таков был эпикуреизм.

Были люди, которые утверждали, что мир является производением собственного «я», и подвергали сомнению свое собственное существование, и познание о мире они называли иллюзией. Но ведь каждый человек живет, мыслит, ест, пьет и, следовательно, жизнь — реальная сущность, а не мечта, и что уж по одному этому в жизни имеется определенный смысл.

Жизнь, как они говорят, есть громадный, сложный механический процесс, неизвестно когда, кем и для чего приведенный в действие и действующий по одним и тем же законам. Личность человеческая занимает маленькое место в этом процессе и увлечена общим движением, подчиняясь общим законам. Человек, вне этого процесса, ничего себе представить не может. Поэтому, зачем же спрашивать, для чего пущена в ход эта машина, если человек знает о жизни только из изучения движения, отношения вещей между собой, не зная их внутренней сущности.

Но, однако, вопросы о начале, сущности и цели бытия так глубоки в человеческой природе, что от этих вопросов нельзя отделаться ссылками на опыт. Позитивизм называет бытие сложной машиной, никогда не останавливающимся механическим процессом. Но кто устроил эту машину, откуда взялся материал, как материал сложился в правильные формы и как машина пришла в закономерное движение? Тогда имеет ли смысл движение или это бессмысленный хаос и путаница?

Если жизнь есть механический процесс, тогда надо отречься от души, мысли, воли и свободы. Тогда нет прогресса, не существует идеального стремления человека, и весь труд человека без смысла и цели?

Но христианство учит нас другому. Жизнь христианская есть путь для истины, добра и счастья. Именно поэтому в человеке заключено глубокое, неоспоримое стремление к идеалам правды. Нет на земле

человека, который сознательно предпочел бы истине — ложь, добру — зло, счастью — страданье. Зачем же тогда человек, любя правду — лжет, любит добро, а делает зло. Это потому, что жизнь человеческая уклонилась от своего идеала. Когда-то этот нравственный кризис произошел в природе человека. Догмат о грехопадении объясняет нам эту тайну человеческого бытия. Он объясняет нам и другое — догмат Искупления, потому что душа человеческая хочет вернуться к прежнему идеальному состоянию, ищет путей к нему и в догмате Искупления находит этот путь. Именно в этих догматах открывается глубочайшая тайна человеческого бытия. Вера и свобода воли — основные начала для развития в человеке стремления к уразумению тайны жизни.

Какой же ответ дадим апостолу, вопрошавшему нас сегодня о смысле жизни? [...]

Жизнь — великое сокровище, скажем мы. Не будем унижать цену жизни, не будем легкомысленно требовать от нее многого, иначе нам будет казаться малым то, что она нам дает. Не будем требовать от жизни одних радостей, но благодарить Бога за всякий свой и чужой успех, за всякое добро, сделанное другому. Будем воспитывать в себе христианские добродетели и искоренять дурные помыслы, будем любить справедливость и беспрестанно молиться Богу, чтобы Он, создавший нас по Своему Образу и Подобию, вел нас по путям Своей премудрости и благодати. Аминь.

Примечание:

Проповедь эта сохранилась в подлиннике, будучи написанной рукою самого владыки. Но текст ее испорчен, вылинял. Порче особенно подверглись начало и конец речи. Между фразами: «В самом деле, что мы можем сказать о смысле нашей жизни?» и «Большинство из людей...» несколько строк восстановить нельзя. Эта часть печатается с небольшим пробелом.

Фраза «Жизнь — великое сокровище» — воспроизводится после пропуска трех строчек.

На утрени в день «Похвалы Богородицы»
в Петропавловской церкви г. Астрахани
21 марта 1925 года

Возвышенность акафистной «похвалы» Пресвятой Богородице, как напоминание о том, что бедствия внешние должны вести не к угнетению, а к подъему духа христианина.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Вспоминая, как, при каких обстоятельствах начала совершаться «Похвала Богородице», акафистное Ей пение в субботу 5-й седмицы

Великого Поста, мы видим, что началась эта «Похвала» с восхваления Божией Матери за избавление от бед внешних, от врагов облегших город Константинополь, персов и скифов (в 626 году), потом сарацын (673, 716 гг.).

Казалось бы, как могла бы душа быть способною к возвышенному славословию, когда сама она от сдавивших жизнь людей бедствий осады вместе с телом как бы пригнеталась к земле? Время ли тогда для высокого богословствования? Возможно ли тогда думать о чем ином, кроме сдавившей тесноты, гнетущей боли, способов избавиться от них? Однако в акафистном хвалении Богоматери мы видим лишь малую долю воспоминаний о бедствиях житейских; песнотворец, сказав о них немного, спешит перейти к самым возвышенным хвалам и восторженному богословствованию, как бы он забыл о бедствиях житейских, весь устремился на духовные высоты, высоты жизни не человеческой лишь, а и Божественной, на которые взошла Богоматерь, на которых во славе Она пребывает, с которых сияет миру, разгоняя дальний мрак греха и бед.

Если воспев «Взбранной Воеводе победительная, благодарственная», вознести моление: «но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи» (конд. акаф. 1-й), творец акафиста обращает нашу мысль в даль веков минувших, к первозданным Адаму и Еве, и видит, как и тогда сияла уже, как предрассветная заря, слава Богоматери во всем блеске: «радуйся, Ею же радость воссияет; радуйся, Ею же клятва исчезнет; радуйся, падшего Адама воззвание; радуйся, слез Евиных избавление» (икос 1-й). Возрев на эту светлую славу Богоматери, песнопевец поражается ее неизмеримым величием: «радуйся, высоту неудобовосходимая человеческими помыслы; радуйся, глубино неудобозримая и ангельскими очима» (икос 1-й). Откуда эта высота? Оттого, что Она — Матерь Самого Бога, глубины веков лучами спасения Своего озарявшего и в последние дни обновившего светом всю тварь: «радуйся, яко еси Царево седалище; радуйся, яко носиши Носящего вся; радуйся, звездо, являющая Солнце; радуйся, утробо Божественного воплощения; радуйся, Ею же обновляется тварь; радуйся, Ею же поклоняемся Творцу» (икос 1-й). Продолжая поражаться величием чудес, скрытых в Богоматери и Ее прославивших, певец Богоматери восклицает: «радуйся, совета неизреченного Таиннице; радуйся, молчание просящих веро; радуйся, чудес Христовых начало; радуйся, велений Его главизно».

Затем начинается ряд ветхозаветных величественных образов, под которыми прежде скрывалась, потом открылась духовная слава Бо-

гоматери, послужившей таинству воплощения Бога Слова: «радуйся, лестнице небесная, ею же сниде Бог; радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо» (икос 2-й); «радуйся, ниво, растящее многоплодие щедрот; радуйся, трапезо, носящая обилие очищений; радуйся, приятное молитвы кадило; радуйся, всего мира очищение» (икос 3-й); «радуйся, море, потопившее фараона мысленного; радуйся, камению, напоивший жаждущие жизни; радуйся, огненный столпе, наставляя сущия во тьме; радуйся, покрове миру, ширший облака; радуйся, пище манны преемнице; радуйся, сладосте святые Служительнице; радуйся, земле обетования; радуйся, из Нея же течет мед и млеко» (икос 6-й). К Ней стеклись как бы все великие спасительные образы Ветхого Завета, потому что Она, ведь, «Селение Бога и Слова, святая святых большая, Ковчег, позлащенный Духом, Сокровище живота не истощимое» (икос 12-й).

Оторвалась мысль песнотворца от житейских бед означенными ветхозаветными образами великого таинства, чрез Пречистую Деву совершившегося. И переходя к временам «последним» Нового Завета, творец акафиста останавливает взор свой прежде всего и более всего на спасении духовном, которому Пресвятая Дева послужила: «радуйся, Агнца и Пастыря Мати; радуйся, дворе словесных овец; радуйся, невидимых врагов мучение; радуйся, райских дверей отвержение» (икос 4-й); «радуйся, во чреве носящая Избавителя плененным; радуйся, рождающая Наставника заблудшим; радуйся, древо светлоплодовитое, от него же питаются вернии; радуйся, древо благосеннолиственное, имже покрываются мнози» (икос 7-й); «радуйся, столпе девства; радуйся, дверь спасения; радуйся, тлителя смыслов упражняющая; радуйся, Сеятеля чистоты рождающая» (икос 10-й); «радуйся, купели живописующая образ; радуйся, греховную очищающая скверну; радуйся, бане, омывающая совесть» (икос 11-й).

В этой возвышенности явлений Богоматери великий урок нам: Господь посылает беды житейские не для того, чтобы оне, пригнетая тело, пригнетали и дух, но чтобы, напротив, чем более пригнетается тело, тем более порывался дух на высоту, как пар или воздух, чем более они сперты, тем выше стремятся подняться. Здесь образное напоминание о Кресте Христовом, под бременем которого падал Сын Человеческий, но на котором, сохраняя «дух бодр» в немощи плоти (Мф. 26, 41) подъял безмерно тяжкое бремя согрешений человеческих, раздрал и пригвоздил их рукописание и затем легко возлетел на небесную высоту, взяв на рамо и заблудившуюся овцу, падшего человека. Человек хочет вознестись на высоту благополучия и сла-

вы, не неся креста своего, но его высота всегда оказывается мнимою, по слову еще древнего пророка: «поникнут гордые взгляды человека и высокое людское унижится, и один Господь будет высок в тот день» (Ис. 2, 11). Если страдания житейские принимает человек без мысли о Кресте, они обращаются в бремя гнетущее, пригнетающее вместе с телом к земле и дух; если же человек принимает страдания, как Богом возлагаемый на него Крест, то силою благодати возвышается чрез них сначала дух, а затем, когда плоть покорится духу, то дух прославляется и в теле.

Будем поэтому молить Божию Матерь об избавлении от бед жизни таком, которое помогало бы возвышению духа. Будем молить: «не ввери мя человеческому предстательству, Пресвятая Владычице, но прими моление раба Твоего, скорбь бо обдержит мя: терпети не могу демонского стреляния, покрова не имам, ниже где прибегну окаянный, всегда побеждаем, и утешения не имам разве Тебе, Владычица мира, упование и предстательство верных, не презри моление мое, полезно сотвори», т. е. исполняя моление об избавлении от бед и скорбей жизни земной, «полезно сотвори», и для души это моление. Чем более человек будет сосредотачивать моление на одних житейских скорбях, тем более будет замедляться помощь и скорби не будут прекращаться, пока не будет ими сколько-нибудь уловлена душа, и как бы удою закрепиться самая совесть, чтобы извлечь человека из духовной гибели, более страшной, чем внешняя. Чем более молясь, человек будет обращать все внимание свое на душу гибнущую, тем скорее подаст Господь помощь и в бедах внешних, хотя бы человек о них как бы забыл и нарочито не просил. Аминь.

Из воспоминаний об архиепископе Фаддее

М. Смыслов⁸.

С восторгом и радостью прочитал я записки Аркадия Ильича о владыке Фаддее. Образ этого необыкновенного человека, который был близок мне и моей семье, предстал передо мною во всем величии и красоте. Многое из того, что содержится в записках, мне известно лично и особенно та часть, в которой упоминается о ежедневных богослужениях и страстных проповедях приснопамятного владыки. Не могу не вспомнить тысяч благоговейных богомольцев, неизменно присутствовавших на его богослужениях и огромной толпой сопроваждавших его из церкви домой.

Верующие окружали его ореолом святости. В этой связи не могу забыть такого события. В единоверческом храме идет литургия. Владыка Фаддей стоит с чашей и преподает Св. Тайны. Верующие один

за одним подходят к чаше. Но вот неожиданность: владыка отстраняет от чаши молодую девушку и с волнением что-то говорит ей. Девушка в слезах и в какой-то растерянности уходит с амвона, ее окружают, спрашивают о случившемся и она рассказывает, что вчера держала пари с подружками, что может причаститься без исповеди, но вот сегодня, едва подошла она к чаше, как неожиданно услышала от владыки: «Отойдите в сторону и не делайте греха; поисповедайтесь сначала...» Я помню и эту плачущую, растерявшуюся девушку и то огромное, потрясающее впечатление от ее рассказа.

Девушка эта впоследствии стала глубоко верующей и часто рассказывала людям об этом случае.

Помню я этого чудесного человека и молюсь об упокоении его святой души в обителях Отца Небесного.

А. А. Соловьев^h.

А. И. Кузнецов, в своих воспоминаниях о Высокопреосвященном владыке Фаддее, воссоздал со всей добросовестностью и душевной теплотой образ этого самого замечательного из наших иерархов XX столетия, возбуждавшего всеобщее умиление личностью своей и всеобщую к себе любовь.

Воспоминания эти имеют, несомненно, значительную ценность для истории нашей Церкви и для истинного понимания Православного духа.

К этому славному памятнику хочется возложить свое скромное приношение — личные воспоминания об этом дивном человеке и архипастыре, оставившем у всех, знавших его, самую светлую о нем память.

Переехав из Саратова в Астрахань в начале 1924 года, я по роду моей тогдашней службы был лишен возможности принимать активное участие в церковной жизни, но продолжал живо ею интересоваться, сохраняя то резко отрицательное отношение к «живоцерковникам», которое я со всей активностью проявлял в Саратове. О том, что происходит в церковной жизни, мне постоянно сообщала моя квартирная хозяйка — Т. А. Матвеева, вдова настоятеля Никольской церкви, у которой я поселился по приезде в Астрахань.

Т. А. Матвеева имела широкий круг знакомых среди астраханского духовенства, знала обо всем том, что происходило в церковной жизни, и сама принимала в ней некоторое активное участие. О владыке Фаддее она говорила с постоянным восторгом и умилением.

Иногда к ней заходили кое-кто их духовенства. Чаще других бывали священники Смирнов и Болтинский (всегда вместе). В то время

им было лет по сорок. Это были священники образованные, интеллигентные, твердо противодействовавшие обновленцам. Когда они говорили о владыке Фаддее, то обычно ощущалась в их отношениях к нему некоторая двойственность: с одной стороны, они разделяли общее умиление его прекрасной личностью, его монашеской кротостью, смирением, чрезвычайной доступностью и простотой в обращении со всеми, с другой стороны, проглядывала добродушная ирония по поводу его метода управления епархией, состоявшего в полном самоустранении от всех административных дел. Правда, это не могло не казаться странным, совершенно необычным, противоречащим церковному порядку. Но ведь сам владыка-то был «необычный» во всех отношениях в ощущаемой всеми силе его глубокой молитвенности, в неутомимых, беспрестанных богослужениях (владыка служил литургию ежедневно), в его таком же неутомимом постоянном проповедничестве (владыка говорил проповеди за каждым богослужением), в его подлинном аскетическом образе жизни. Такому архипастырю можно было устраниться от всякого администрирования в обычном смысле, так как он осуществлял духовное руководство паствой, безмерно превосходящее всякое администрирование.

У Матвеевой я познакомился и с о. Димитрием Стефановским и протодиакон о. Антонием Поздняковым. Отец Д. Стефановский своим обликом напоминал мне владыку Петра [Соколова] епископа Сердобского [викария Саратовской епархии. — *Сост.*]. Он и был, подобно владыке Петру, таким же твердым, прямым, смелым человеком, беззаветно преданным Церкви. Протодиакон Антоний Поздняков был таким же «необычным» диаконом, каким «необычным» был и владыка Фаддей. В детски ясных глазах о. Антония светилась кротость, доброта и чистота его души. Он имел красивую внешность: чисто русское правильное лицо, густые, длинные, кудрявые волосы золотисто-русого оттенка. Общий облик его был светлым и ясным, та же преданность Церкви.

В то время я ходил в церковь довольно редко, обычно на богослужения, совершавшиеся владыкой Фаддеем. Они производили на меня глубокое впечатление. Особенно памятно мне, с какою умиленной кротостью, с каким искренним глубоким религиозным чувством он возглашал: «Услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концов земли и сущих в море далече». Когда я впервые это услышал, то был совершенно потрясен, ибо я совершенно ясно слышал не богослужебный возглас, но обращение владыки к Богу, как предстоящему перед ним живому Существо. И вообще все богослу-

жение владыки производило впечатление живой, непосредственной его беседы с Богом. Это ощущалось не только мною, но и многими, а возможно, и всеми.

В домашней обстановке мне пришлось видеть владыку Фаддея всего один раз у священника Иоанно-Златоустовской церкви о. Феодора Лебедева. Не помню, о чем говорили за столом. Владыка казался спокойно сосредоточенным и как бы несколько отчужденным от всего окружающего, казалось, что он находится в ином плане бытия, и это представлялось наиболее необычным для него, как архиерея и как человека. Это впечатление необычности владыки было таким же всеобщим, как и умиление перед его личностью, возбуждавшее всеобщую любовь к нему.

При таком епископе, каким был владыка Фаддей, обновленцы не могли, конечно, иметь никакого внутреннего успеха, так как вся ложность их отношения к Церкви становилась совершенно очевидной при сопоставлении с отношением к Церкви такого истинного архипастыря, каким был приснопамятный владыка Фаддей.

В этой связи мне вспоминается интересный факт. В 1925 году обновленческий «митрополит» Александр Введенский читал во всех городах по Волге свои лекции и вел диспуты. Одновременно на местах он проводил политику укрепления обновленчества. О своей поездке Введенский поместил очерк в журнале «ВЦУ»¹. В нем он писал, что «в Астрахани ничего нельзя сделать полезного для Церкви, пока там сидит епископом фанатик Фаддей». Конечно, правильнее было бы сказать, что в Астрахани нельзя было причинить вреда Церкви, пока там такой дивный епископ Фаддей.

В 1928 году владыка Фаддей управлял Саратовской епархией и там в самое короткое время приобрел такую же всеобщую любовь.

Вечная память светлому Ангелу нашей Святой Церкви!

О кончине владыки Фаддея мне стало известно в марте 1934 года. Тогда в Покровской церкви была совершена панихида по нем. Панихида носила интимный характер, совершалась без посторонних лиц, в присутствии только церковного причта и старосты.

Священник о. Болтинский, совершавший панихиду, доверительно сообщил мне, что известие о кончине архиепископа привез из Москвы епископ Андрей [Комаров], узнавший о кончине от близких к митрополиту Сергию [Страгородскому] (Патриаршему Местоблюстителю) кругов. Епископ Андрей так передавал об этом событии Болтинскому, что смерть владыки Фаддея является достоверным фактом и что в Москве в Дорогомиловском Соборе была уже совершена панихида. Может быть, и еще кое-что об этом знал о. Болтинский, но ничего

другого мне он не сказал. Я понимаю его, потому что в те времена на эту тему страшно было говорить.

Однако интимность панихиды очень скоро стала достоянием широких кругов верующих. Их не удовлетворяла скудная информация о кончине дорогого человека, они хотели знать подробности. Вскоре побрели по городу слухи, что кто-то куда-то ездил и будто бы с достоверностью узнал, что владыка Фаддей жив и находится в заключении. Слух этот стал всеобщим, люди порицали преждевременность панихиды и как бы в противовес ей массами подавали записки о его здравии. Церковь волновалась, были слышны обвинения епископа Андрея в том, что он преднамеренно распустил слух о кончине владыки. Для подозрений такого рода выдвигались основания. Дело в том, что епископ Андрей не пользовался авторитетом у верующих. Отсутствие авторитета объяснялось просто. Новый епископ был слишком бесцветен на фоне двух своих предшественников-архиепископов Фаддея и Филиппа (Ставицкого). И в самом деле, на протяжении одного десятилетия — две слишком колоритные, выдающиеся фигуры и одна слишком посредственная. Верующие это видели и, конечно, сравнивали. На первых порах епископ Андрей вел себя скромно, часто служил, верующие посещали его службы, но епископ Андрей не мог не видеть, что астраханская паства насыщена духом святости Фаддея и пламенеет христианским энтузиазмом Филиппа. Чтобы поддержать этот дух, нужно обладать духовными дарованиями своих предшественников. Но как быть, если таких дарований новый епископ не имел?

Вероятно, это обстоятельство озадачивало епископа Андрея, и он искал путей если не к сближению с паствой, то, по крайней мере, к ослаблению влияния на верующих своих предшественников.

Но на этом пути он сделал неверный шаг, прекратив возношение за богослужениями имени архиепископа Филиппа [Ставицкого]. Это оскорбило верующих, а архиепископ Филипп отозвался на это событие посланием к верующим (из тюрьмы), в которой резко осуждал епископа Андрея в самоуправстве и, как правящий епископ, запретил епископу Андрею, как викарию Вольскому, служить в Астраханской епархии. Конечно, никакого действия это послание на епископа Андрея не оказало, он продолжал служить и не думал об отступлении.

В апреле месяце епископ Андрей (после высылки из Астраханской тюрьмы архиепископа Филиппа) стал правящим и теперь объявил войну «Фаддеевщине» и «Филипповщине». Мне однажды довелось слышать слово епископа Андрея с амвона: «Фаддеевщину и Филипповщину я вышибу. Ее надо выжечь каленым железом...» Не-

трудно представить себе настроение верующих: оно было враждебным. Через несколько месяцев это настроение верующих вылилось в обструкцию. Вот как это произошло. Епископ Андрей находился под арестом с октября 1930 года по февраль 1931 года. Епархией управлял Енотаевский викарий епископ Алексей (Орлов), скромный, обаятельный человек, молитвенник. Его полюбили и приглашали служить по приходам. Так было и в канун Сретения Господня 1931 года. Его пригласили служить всенощную в Тихвинскую церковь. Он приехал, его встретили, служба началась. Вскоре сюда же в церковь прибыл епископ Андрей (утром освобожденный из тюрьмы). Епископ Андрей, никем не встреченный, прошел в алтарь. Что произошло в алтаре — неизвестно, но только на литию вышел епископ Андрей. В церкви поднялся шум. Было слышно: «Где же владыка Алексей?» Верующие подступили к епископу Андрею: «Владыка, вы нам не нужны, уходите отсюда... Мы не хотим вас... Вы хотели всех нас каленым железом... Уходите!»

Служба была прервана. Епископ Андрей хотел что-то сказать, но во всеобщем гвалте слов его не было слышно.

В ближайшее воскресенье этот инцидент повторился в церкви Иоанна Златоуста. Там епископа Андрея не пускали в церковь.

Епископа Алексея вскоре выслали из города, а епископ Андрей, которому, после всего случившегося нужно было покинуть город, остался в Астрахани и не переставал твердить о «Фаддеевщине» и «Филипповщине». Таков был епископ Андрей.

Легко понять, что такие отношения епископа с паствой не могли развиваться на основе взаимного доверия между ними. Именно в этом корень подозрения верующих в недостоверности известия о кончине владыки Фаддея, поскольку это известие вышло от епископа Андрея.

Отсутствие уважения к епископу Андрею объяснялось еще и тем, что он был необычайно простоватым в быту. Носил он широкую и очень длинную серую рубашку без пояса «нараспашку», брюки были заправлены в рабочие сапоги, на голове старая помятая шляпа. В таком наряде он щеголял по городу с неизменной громадной кошелкой в руках. Его видели на рынках торгующимся с бабами. На психологию верующих это действовало отрицательно. Все видели епископа как бы растворившимся в обычной житейской обстановке, погрязшим в суете жизни.

Разумеется, я был далек от такого рода подозрений. Мне казалось совершенно невероятным, чтобы архиерей, а не какой-нибудь искатель приключений, решился на такую авантюру. Скорее всего епископ Андрей сам мог заблуждаться, находясь во власти недостоверного

**Епископ Симферопольский и Таврический
Михаил (Грибановский)**

ЦИА ПСТГУ

**Первенствующий член Святейшего
Правительствующего Синода
Высокопреосвященный митрополит
Санкт-Петербургский и Ладужский
Антоний (Вадковский)**
(16.08.1846—2.11.1912)

Архив Составителя

Санкт-Петербургская Духовная Академия

**Епископ Чебоксарский
Антоний (Храповицкий)**
ЦИА ПСТГУ

Актовый зал Санкт-Петербургской Духовной Академии

Митрополит Питирим (Окнов)
Архив Составителя

Здание Святейшего Правительствующего Синода в Санкт-Петербурге
Архив Составителя

К. П. Победоносцев,
обер-прокурор Святейшего Синода
(24.04.1880—19.10.1905)

Князь А. Д. Оболенский,
обер-прокурор Святейшего Синода
(20.10.1905—24.04.1906)

П. П. Извольский,
обер-прокурор Святейшего Синода
(27.07.1906—05.02.1909)

С. М. Лукьянов,
обер-прокурор Святейшего Синода
(05.02.1909—02.05.1911)

Князь А. А. Ширинский-Шихматов,
обер-прокурор Святейшего Синода
(26.4.1906—09.07.1906)

**В. К. Саблер (Десятовский),
обер-прокурор Святейшего Синода
(02.05.1911—05.07.1913)**

**А. Н. Волжин,
обер-прокурор Святейшего Синода
(30.09.1915—07.08.1916)**

**А. Д. Самарин,
обер-прокурор Святейшего Синода
(05.07.1915—26.09.1915)**

Н. П. Раев,
обер-прокурор Святейшего Синода
(30.08.1916—28.02.1917)

В. Н. Львов,
обер-прокурор Святейшего Синода
(28.02.1917—24.07.1917)

А. В. Карташев, последний
обер-прокурор Святейшего Синода
(24.07.1917—15.08.1917)
и министр исповеданий
Временного правительства

В. И. Яшкевич,
директор Департамента православных
исповеданий
ЦИА ПСТГУ

С. Г. Рункевич,
доктор церковной истории, помощник
управляющего канцелярией Св. Синода
ЦИА ПСТГУ

**Ольга Леонардовна
Книппер-Чехова**
Архив Составителя

**Священномученик
архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский)**

На заднем плане - протодиакон Астраханского кафедрального собора о. Антоний Поздняков. Снимок сделан в селе Харабали под Астраханью, в саду у местного церковного старосты Ионова. 1926 г.

Архив Составителя

Священномученик
архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский)
ЦИА ПСТГУ

Дом, в котором проживал последние дни перед арестом архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский). Астрахань, ул. 3-го Интернационала, № 2

Архив Составителя

Дом купца Степанова в Астрахани, № 40 по Красной набережной реки Кутума (это же владение выходит на ул. Свердлова под № 45), в котором в 1918 г. помещалась ЧК. Во дворе дома, в складочном помещении, превращенном в тюремную камеру, содержались арестованные архиепископ Митрофан и епископ Леонтий (фон Вимпфен); здесь же они и расстреляны

Архив Составителя

**СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
РОССИЙСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

04. 10 1922.
№ 2803.
гор. Москва,
Смоленск, Троицк

Священному Синоду

Членам Коиссии ст бывшего патриарха Тихона по выработке проекта соглашения с Священным Синодом
Архиепископам:
СЕРАФИМУ и ИЛАРИОНУ.

Священный Синод сим сообщает Вам, что в Заседании своем, ст 26 октября сего года, определил: считать возможными дальнейшие переговоры при условиях, предложенных Вами ранее приемлемыми, - а именно:

- а/ удаление бывшего патриарха Тихона от дел управления,
- б/ удаление бывшего патриарха Тихона на жительство впредь до Собора в Геджиманский скит,
- в/ перенесение окончательного решения дела бывшего патриарха Тихона на Собор.

Священный Синод, поставляя о сем Вас в известность, предлагает сообщить приемлема-ли к ныне указанная выше позиция для Вас.-

Председатель
Священного Синода

Председатель
Адм. Стл. Св. Синода

**Фотокопия письма Председателя обновленческого Синода
«митрополита» Евдокима (Мешерского) православным епископам
по вопросу о воссоединении Церкви**

Подлинник из собрания
архиепископа Ярославского и Ростовского Сергия (Ларина)

Архив Составителя

Патриарх Тихон на молебне

По правую руку от него архидиакон Константин Розов.
Перед Патриархом его келейник Я. А. Полозов

Архив Составителя

**Великий патриарший архидиакон
Константин Васильевич Розов**

Постоянный богослужебный
спутник Святейшего Патриарха
Тихона; бывший протоиерей
Московского Большого
Успенского Собора

Архив Составителя

Смирненный Тихонъ, Божіей милостію патріархъ московскій и Всея Россіи,

возлюбленнымъ о Господѣ архипастырямъ, пастырямъ и всѣмъ
вѣрнымъ чадамъ Православной Церкви Россійской.

«Да избавитъ насъ Господь отъ настоящаго
нѣка лукаваго». (Гал. 1, 4).

Тяжкое время переживаетъ нынѣ святая пра-
вославная церковь Христова въ Русской землѣ:
гонимію воздвигли на истину Христову лютые и
гайные враги еей истины и стремятся къ тому,
чтобы погубить дѣло Христово и вмѣсто любя
христанской всенуд съвятъ събрана злобы, нева-
ности и братоубійственной бѣды.

Забыты и поирани заповѣди Христовы о любви
къ ближнимъ: ежедневно доходятъ до насъ из-
вѣстія объ ужасахъ и звѣрствъ избіеніяхъ ни
въ чемъ непоиманныхъ и даже на оури болѣзны
лежащихъ людей, виновныхъ только развѣ въ
томъ, что честно исполняли свой долгъ передъ
родиной, что въ смѣ свои подавали на служеніе
благу народному. И все это совершается не только
ночь, покровомъ почной тьмы, но и въ явь, при
дневномъ свѣтѣ, съ неслыханною доселѣ дер-
зости и безпощадною жестокостію, безъ всякаго
суда и съ поираниемъ всякаго права и закон-
ности - совершается въ наши дни во всѣхъ почти
городахъ и вѣсехъ нашей отчины: и въ столи-
цахъ, и въ отдаленныхъ окривахъ (въ Петро-
градѣ, Москвѣ, Иркутскѣ, Севастополѣ и др.).

Все сіе премоляетъ сердце наше глубокою
бодрѣнною скорбію и вынуждаетъ насъ обра-
титься къ тайнамъ Петроваго рода челоука-
скаго съ грознымъ съвомъ обличенія и преше-
віи по завѣду святооточаго, оуришающихся предъ
всѣми обличаи, да и прочи страхъ имуть.²
(1 Тим. 5, 20).

Опомнитесь, бездце, прекратите ваша крова-
вая расправы. Вѣдѣто, что творите вы, не только
жестокое дѣло, это - поименно дѣло сатаниское,
за которое подлежатъ вы огню геескому въ
адаи будущей - агитробой и страшному прокля-
тію поименно въ жизни настоящей - земной.

Влестію, даиою намъ отъ Бога, заирецаемъ
вамъ приступать къ Тайнамъ Христовымъ, ана-
фематствуемъ всѣхъ, если только вы носите еще
имена христанскія и хотя по рожденію своему
принадлежите къ церкви православной.

Заклинаемъ и всѣхъ насъ, вѣрующъ чадъ пра-
вославной церкви Христовой, не вступать съ та-
ковыми анафематскими родъ челоука-скаго въ какое-
либо общеніе. - Измите злаго отъ васъ самѣхъ.³
(1 Кор. 5, 13).

Гонимію жестъ чашіе воздвигнуто и на святую
церковь Христову: благолатная тайнства, осия-
ющая рожденіе на свѣтъ челоука, или бла-
гославляющая супружескій союзъ семьи христан-
ской, открыто объявляются изуважены, изни-
жены; святые храмы подвергаются или разру-
шенію чрезъ разстрѣль изъ орудій смертонос-
ныхъ (святые соборы Кремля московскаго), или
ограбленію и коудственому оскорбленію
(часовня Спасителя въ Петроградѣ); чинамъ
вѣрующимъ народомъ обгетла святыхъ скаки

Александровская и Почаевская лавры)⁴ захватываются безбожными властелинами тѣмъ
нѣка сего и объявляются какимъ-то якобы на-
роднымъ достояніемъ: школы, содержащіяся на
средства церкви православной и подготавливащія
пастырей церкви и учителей вѣры, признаются
излишними и обращаются или въ училища без-
вѣрія, или даже прямо въ рабскія «безира-
ственности. Имущество монастырей и вървой
православныхъ отбирается подъ предлогомъ что
это - народное достояніе, но безъ всякаго права
и даже безъ желанія считаться съ законною волею
самого народа. И, наконецъ, влестію, обличающая
возаорить порядокъ на Руси, право и правду,
обезпечить свободу и порядокъ, проявляетъ
всенуд только самое развѣданное съвоеволе и
слепое на зло надъ всѣми и въ частности -
надъ святою церковью православной.

Гдѣ же предѣлы отнять извѣдательствамъ надъ
церковью Христовой? Какъ и чѣмъ можно оста-
новить эгоистическіе напѣ враговъ истовыхъ?

Зовемъ всѣхъ насъ, вѣрующъхъ и върнихъ
чадъ церкв: станте на защиту оскорбленной
и угнетаемой нынѣ святой матери нашей.

Врата церкви захватываютъ власть надъ нею
и съ алаи имъ силою смертоноснаго орудія
а вы противъ станте имъ силою вѣры вашей,
вашего влестіаго и вѣрнанаго воля, который
остановитъ бездце и покажетъ имъ, что не
имѣютъ они права называть себя выборниками
народнаго бгга, стротелами попей жизни по
вѣдѣнію наро наго разума, ибо дѣйствуютъ даже
прямо противъ во совети народнаго.

А если нудно будетъ и пострадать за дѣло
Христово, зовемъ насъ, возлюбленныхъ чадъ
Церкви, зовемъ насъ на эти страданія имѣте съ
собой силами святого апостола: «Кто ни
разумѣетъ съ любовью Божіи: скорбъ ли, или
тѣснота, или гонѣніе, или гладъ, или выгота,
или бѣда, или мечъ» (Рим. 8, 35).

А вы, братѣ архипастыри и пастыри, не
медля ни одного часа въ влестію духовномъ
дѣланіи, съ именной ревностію возите часть

церкви православной и вселенно устроитъ
духовные совети, зовемъ и влестію, а доброе
волею станитесь въ рядъ захваченныхъ борющихся
коррѣ вѣры и истины и съвоеволяте силу
своего святого воудохощаго дѣла, и ни твердо упе-
ваемъ, что триа церкви будутъ погражены и
расточены силою креста Христова, ибо непре-
одолимо обгетлае Самого воудохощаго Кр-
стовнства. «Созиду церковь Мою, и врата
злабы не одоубятъ ея».

ТИХОНЪ, патріархъ московскій и всея
Россіи.

Января, 19 дня, 1918 года.

Листовка съ посланиемъ Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918 г.
об анафематствовании творящихъ беззаконія и гонителей Церкви Христовой

ЦИА ПСТГУ

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЯЩЕННОГО СОБОРА

ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Православные христиане!

Отъ вѣка неслыханное творится у насъ на Русь Святой. Люди, славше у власти и назвавшие себя народными комиссарами, сами чуждые христанской, а вѣколерые изъ нихъ в всякой вѣрѣ, издали декретъ (законъ) названной ими „о свободѣ совѣсти“, а на самомъ дѣлѣ устанавливаящій полное насиліе надъ совѣстью вѣрующахъ.

По этому закону, если онъ будетъ приводиться, какъ вѣстами и приводится уже въ исполненіе, все храмы Божіи, съ ихъ святымя достоянствемъ, могутъ быть у насъ сняты, ризы съ чудотворныхъ иконъ станутъ снимать, священные сосуды перельюуть, на деньги или обрѣзать во что угодно, колоколъ ный звонъ тогда смолкнетъ, свѣтлыя таинствъ совершаться не будутъ, покойники будутъ зарываться въ землю не отпѣтыми по церковному, цѣль и сдѣлано это въ Москвѣ и Петроградѣ, на кладбища православныя нанесены хоронить кого угодно. Было ли когда и съ крещенія Руси у насъ что-нибудь подобнае? Никогда не бывало. Даже татары больше уважали нашу святую вѣру, чѣмъ наши теперешніе законодатели. Доселѣ Русь зналась Святою, а теперь хотѣтъ сдѣлать ее поганною.

И слышано ли, чтобы дѣламъ церковнымъ управляли люди безбожныя, не русскіе и не православныя женщины, изъ свяую Александр-Невскую лавру въ Петроградѣ, какъ на какой-то вражескій лагерь, нахлѣли оруженныя люди и пригнали неслыханное безчинство и даже убили священника (и Петра Скипетрова), желавшаго вразумить словами обезумѣвшихъ людей. И совѣсь захватили бы эту святую, если бы народъ не защитилъ ее, — безъ оружія, только своею грудью, волами и ризаніями.

И по другамъ вѣстамъ приходится и, на вѣрше, еще будетъ происходить подобное поруганіе святыни и попытка обратитъ ее, ибо корысть къ наживѣ способна на всякое зло.

Объединитесь же, православныя, около своихъ храмовъ и пастырей объединитесь все — и мужчины и женщины, и старыя и малыя, — составляйте союзы для защиты свяг-

ныхъ святынь. Эти святыни — ваше достоиніе. Ваши благочестивые предки и вы создали и украсили храмы Божіи и посвящали это искусство Богу. Священнослужители — при нихъ только духовная стража, которой святыни эта вѣрѣна на храненіе. Но пришло время, когда и вы, православныя, должны обратитесь къ несмысленнымъ ея стражамъ и защитникамъ, ибо „правители народныя“ хотѣтъ отнять у православнаго народа это Божіе достоиніе, даже не спрашивая насъ, какъ мы къ этому относимся. Оберегайте же и защищайте вѣками созданное лучшее украшеніе земли Русской — храмы Божіи, не попустите перейти имъ въ дерзкія и нечестыя руки невѣрующахъ, не попустите совершиться этому страшному кощунству и святотатству. Если бы это совершилось, то вѣдь Русь Святая, православная, обратилась бы въ землю антихристову, въ пустыню духовную, въ которой смерть лучше жизни. Громко заявите всѣмъ заблудшимъ Бѣга и совѣсть и на дѣлѣ показывайте, что вы вняли голосу отца и вождя своего духовнаго, свѣтлѣшаго патриарха Тихона. Въ особомъ посланіи овъ зоветъ насъ послѣдовать за собою, идти на подвигъ страданія въ защиту святыни, повинаясь гласу апостола: „Намъ дано ради Христа не только вѣрывать въ Него, но и страдать за Него“ (къ Филип. 1—29). Лучше крестъ свою пролѣть и удостоиться вѣчнаго мученическаго, чѣмъ допустить вѣру православную врагамъ на поруганіе.

Мужайся же, Русь святая. Иди на свою Голгофу. Съ тобою крестъ святой, оружіе непобѣдимое. На помощь тебѣ притекутъ невидимы: „Матерь Божія, Пресвятая Богородица, — Стѣна Иерусалима, Заступница Усердннйаго рода христанскаго, умиающія сердца всехъ злыхъ людей. Съ тобою воинства небесныя, ревители славы Божіей. Съ тобою все святые, вѣнчѣть съ псаломѣвцемъ Давидомъ, сладкозвучно восхваляющимъ красоту селенія славы Божіей, язвающимъ: „Побѣди, ревность о домѣ Твоемъ сѣдѣаетъ насъ“ (Псал. 68—10). А Глава Церкви — Христосъ Спаситель вѣщаетъ каждому изъ насъ: „Буди вѣрѣнь до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота“ (Апокалипсисъ 2—10).

Листовка с посланием Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918 г.
(оборотная сторона)

ЦИА ПСТГУ

источника. В нем могло недоставать чувства критического такта, кругозора, но такое вероломство, в котором его подозревали, для меня было исключено.

Личные отношения с владыкой возлагали на меня обязанность найти истину. Я разослал письма: матери и сестре владыки — в Васильсурск, по последнему месту жительства владыки — в Тверь. И никакого ответа. Я поехал в Тверь. Хозяин дома, где жил владыка (помнится на ул. Крылова) любезно, но таинственно, как это было принято в то время, сообщил мне об аресте владыки, о смерти его матери и высылке из города его сестры. Арестован владыка был среди дня, был совершенно спокоен: ни тени волнения или испуга. Перед уходом поклонился в ноги матери и сестре, сказав: «Как я вас измучил», — потом благословил их. Вот все, что я узнал от владельца дома, посоветовавшего мне обратиться за подробностями к настоятелю Троицкой церкви.

Церковь Троицы — за городом. Чтобы попасть туда, нужно перейти деревянный мостик через узенькую речку. Было воскресенье, служба кончалась, я подождал о. Михаила у выхода из церкви. Вот какой диалог произошел между нами: Известно ли о. Михаилу о кончине владыки Фаддея? Да, известно; я служил по нем панихиду. Из каких источников это ему известно? Подают нам заупокойные записки, вот мы и служим. Я имею в виду официальные источники? Лично я не располагаю официальными данными, архиерея у нас нет, спросить не у кого, а вообще слух о кончине владыки упорный.

Мой собеседник говорил со мною неохотно. Я понял это и больше ни о чем его не спрашивал. Он уже повернулся, чтобы идти дальше, но что-то вспомнил и сказал: «Вон, смотрите, идет старичок-священник, он кое-что знает; спросите у него». Я догнал батюшку, пошел с ним рядом, познакомился. Это был протоиерей Петр Авксентьевич Соколов из города Бузулука, недавно освободившийся из заключения и теперь проживавший в Твери у дочери. Он был глухой, на улице говорить с ним было невозможно, и я зашел к нему домой. Вот что я узнал от него. Какая-то старушка, почти ежедневно приходившая в ГПУ с передачками для владыки Фаддея, однажды утром, по обычаю, принесла передачу. Постучав в окошечко к коменданту, она протянула туда узелок, но сидевший за окном человек передачи не взял и захлопнул окно, что-то пробормотав неясное. Через несколько минут окошечко вновь открылось и тот же человек подал старушке завернутые в бумагу вещи: подрясник, скуфью и белье. Это было неожиданно, старушка была озадачена, страшная догадка мелькнула в голове. Снова стала старушка стучать в окошечко и с мольбой просила

объяснить, что все это значит, дескать, не умер ли владыка? Из окна грубый, лаконичный ответ: «да» и окно захлопнулось.

Слух этот стал немедленным достоянием всех верующих, и вот заупокойные панихиды. Сам о. Петр был уверен в совершенной бесспорности кончины владыки.

Вот такие сведения я добыл в Твери.

В Москве я побывал на Басманной¹ — в резиденции Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия [Страгородского], который не мог меня принять, а его секретарь сообщил мне, что о кончине владыки известно только из частных сведений и что митрополит не располагает официальными сведениями.

Я был огорчен неудавшейся миссией, но что было делать в условиях того времени? Оставалось одно — примириться с тяжелой мыслью о кончине владыки. Конечно, тяжело было сознавать бессилие проникнуть в тайну этого события, но тогда я утешал себя мыслью, что обстоятельства кончины владыки Фаддея не могут пройти бесследно для истории; когда-то тайное станет явным. Сейчас наша Церковь измученная, израненная, лежит в обломках, но ведь не вечен девятый вал?

...1938 год. Как-то я нашел в своем почтовом ящике плотно запечатанный конверт. В нем лежал любопытный документ. Это была копия безымянного письма на имя неизвестной Марии Васильевны. Письмо было написано через копировку, из чего можно было заключить, что оно распространялось среди многих лиц. В письме излагались обстоятельства кончины владыки Фаддея. Отлично помню, что письмо начиналось так: «У нас в Твери 20 декабря погиб владыка Фаддей. Помолитесь за упокой его святой души там у себя в Астрахани...» Далее следует описание гибели. Владыка находился во внутренней тверской тюрьме. Как-то утром, по обычаю, пошел он в туалетную комнату, находившуюся в коридоре. Едва наступил он на пол, как пол обрушился и он упал в глубокую выгребную яму, там и скончался. В письме не был указан год, когда произошла эта трагедия, т. е. относилось ли это к 1937 году, или письмо имело свою историю, тянувшуюся с 1934 года. Позже мне стало известно, что официальная панихида (заочная) по владыке Фаддее была совершена протоиерем Н. Ф. Колчицким в Елоховском соборе 2(15) января 1938 года. Если сопоставить две даты, т. е. 20 декабря и 2(15) января, то последовательность обоих событий приводит к выводу, что кончина владыки случилась 20 декабря 1937 года [2 января 1938 года? — *Сост.*]. В таком случае вернее предположить, что со времени его ареста в 1934 году и до кончины — в 1937 году, владыка находился в местах заключения,

откуда, по обстоятельствам того времени, он не мог подать о себе вестей. Все могло быть в то время!^к

Историю с возвратом его вещей тоже нетрудно объяснить: пришла фантазия тюремной администрации нарядить его в тюремную «спецодежду», чтобы он не выделялся из среды других, вот и сделали, а самый возврат вещей облекли в тайну. Как все это похоже на нравы того времени!

Примечания и дополнения Составителя

^а Еще задолго до того времени, как были написаны А. И. Кузнецовым эти его воспоминания об Астраханском архиепископе Фаддее (Успенском), пишущий эти строки при одной из встреч своих с Аркадием Ильичем, обратился к нему с просьбой припомнить и рассказать содержимое писем митрополита Кирилла [Смирнова] к Патриарху, о чем последний (в связи с разговором об архиепископе Фаддее) передавал А. И. Кузнецову в свое время.

Далее помещаем (устный) ответ А. И. Кузнецова на эту просьбу.

Отметим заранее, что хотя факты, приводимые ниже, и отличаются от таковых же приведенных в воспоминаниях об архиепископе Фаддее, но по своему внутреннему характеру они совершенно таковы же, так что совершенно бесспорно могут быть приписаны одному и тому же лицу. То обстоятельство, что в одном случае Аркадий Ильич вспоминает одни факты, а в другом — другие, на наш взгляд не снижает их исторической достоверности...

— Святейший мне поведал, — сказал автор «Воспоминаний», — что в одном из своих писем, присланных из ссылки, митрополит Кирилл сообщил, между прочим, о следующих эпизодах тюремной жизни, характерных для владыки Фаддея, приведших в полное умиление митрополита — его союзника.

В одной из камер Владимирской тюрьмы оказались вместе митрополит Кирилл [Смирнов], архиепископ Фаддей, епископ Афанасий [Сахаров] и ряд других духовных лиц из Москвы. Главный же контингент насельников камеры составляла, конечно, «шпана».

Владыку Фаддея по всем тюрьмам и ссылкам, как правило, сопровождала родная сестра, Вера Васильевна Успенская, чем возможно помогавшая своему брату; таскала за собою его постель и некоторые другие необходимые предметы: медикаменты и подобное, а также, по возможности, организовывала на местах и передавала в тюрьму подсобное питание.

Здесь во Владимире, на первых порах, ей удалось передать заключенному брату постель: маленький и жиденький тюфячок и две

подушки-думочки. Как сказано выше — камера была переполнена и нары, конечно, были заняты шпаной и старыми, засидевшимися, заключенными, так что вновь прибывшим пришлось располагаться на ночлег на асфальтовом полу.

В связи с этим владыка Фаддей стал уговаривать митрополита взять полученную им постель и устраиваться на ней спать.

Митрополит категорически отказывался, резонно возражая:

— А вы-то, как же?!

— А я лягу на полу, — ответил владыка Фаддей. — Это пустяки, вы не беспокойтесь. Я привык. Я очень хорошо усну... Это ничего. Я ведь дома у мамыши, всегда спал на мягких перинах, но — не любил... А так, — очень хорошо...

И снова принялся уговаривать митрополита воспользоваться его постелью. Последний наотрез отказался. Тогда, из деликатности, владыка Фаддей сложил тюфячок и подушечки вместе и положил этот сверток в углу камеры, что же касается ночлега, то он устроился непосредственно на асфальтовом полу, положил под голову кулачок и уснул.

Заснула и вся камера — тяжелым, нервным и удушливым сном, а утром, после поверки, сейчас же обнаружилось, что тюфячок и одна из двух подушечек-думочек владыки Фаддея — исчезли. Шпана, укравшая их, успела уже благополучно переправить похищенное в одну из соседних камер. Узнав все эти подробности, владыка Фаддей, воспользовавшись тем, что днем камеры не запирались, взял оставшуюся вторую думочку, отправился разыскивать по камерам похитителей и, найдя их, подал им и вторую думочку с просьбой забрать и ее, так как на одной спать низко и неудобно, а на двух — в самый раз!

Шпана, конечно, посмеялась на чудного попа, но принесенную думку с удовольствием взяла.

В своей камере некоторые из заключенных набросились на владыку Фаддея с непрошеными советами: отобрать у воров похищенное, вызвать надзирателя, пожаловаться, потребовать наказания похитителей и т. д. При таком возбуждении окружающих владыка страшно смутился, как-то оробел и стал доказывать всем, что постель эта совершенно ему не нужна, что все это — пустяки, что без постели даже еще удобнее, чем с нею, и прочее, тому подобное, так что все эти непрошеные советники под конец стали просто, пожимая плечами и разводя руками, в недоумении расходиться по своим местам.

Что же касается владыки, то он продолжал спать на полу и чувствовал себя «прекрасно».

Через несколько дней неутомимая Вера Васильевна ухитрилась передать в камеру, для своего брата, целую гору только что испеченных, румяных, испускающих одуряюще-соблазнительный запах домашних пирогов... у заключенных даже слюнки потекли! Владыка Фаддей приготовился было начать оделять пирогами своих сожителей по камере (как он и всегда делал с получаемыми им продуктами питания), но тут вошел дежурный по коридору и начал всех строить на прогулку.

Погуляли.

А по возвращении с прогулки в камеру обнаружилось, что пирогов и след простыл.

И опять зашумели непрощенные советники, возмущенные наглой покражей и ускользнувшей перспективой полакомиться давно не виданными домашними пирожками! Владыка же опять благодушно улыбался, смущался (как будто бы он сам похитил у всех этих людей пироги) и упрашивал Христом-Богом не поднимать скандала и не доводить происшедшего до сведения начальства. Для большей убедительности он заступался за шпану, доказывая, что кража ими пирогов — дело вполне естественное, так как, по всей вероятности, им не приходилось раньше питаться пирогами, вот — они и соблазнились. И — ничего удивительного. Сам же он на своем веку часто и много ел пирогов, особенно когда был семинаристом, так как печь их была особая мастерица его мамаша и т. д., и т. д.»

Вот, между прочим, и об этом писал митрополит Кирилл в своих письмах Святейшему Патриарху Тихону, рисуя облик владыки Фаддея. Поэтому-то первым вопросом Святейшего к автору «Воспоминаний» и был: «Ест ли что-либо владыка Фаддей?»

^b О пребывании епископа Владимиро-Волынского Фаддея во Владикавказе, в начале 1917 года, в качестве помощника болящему епископу Антонину [Грановскому], — упоминается в нашем сборнике в выписке из мемуаров митрополита Евлогия (Георгиевского).

^c В частном письме на имя пишущего эти строки (в 1960 году), автор воспоминаний о владыке Фаддее А. И. Кузнецов подтверждает этот — приведенный им здесь эпизод — следующими словами:

«Очень обидно за Церковь и за таких святых людей, вроде архиепископа Фаддея, которые всего себя посвящали Церкви и Ее высочайшим идеалам и так мало заботились о себе. Величайший иерарх [т. е. архиепископ Фаддей. — *Сост.*] не считал зазорным ходить в старенькой заплатанной рясе, в стареньких чиненых сапогах и иметь всего одно облачение и одну митру. Но он считал для себя зазорным не сказать слово утешения другому, не оказать ему помощи, не выслушать его. Зная, что владыка Фаддей принимает во всякое время, не-

которые бессовестные люди не считали неприличным явиться к нему рано утром. Бедняга вставал с постели, наскоро умывался и одевался и принимал посетителя, какого-нибудь сельского диакона. И все это без всякого ропота и упрёка. Вот и думаешь, что же это был за человек? Разве это не церковный капитал? И вот сравните с современными его собратиями. Небо и земля...»

^d Здесь имеется в виду один из последующих преемников архиепископа Фаддея на Астраханской кафедре, епископ Сергей (Ларин)¹. Последний в прошлом злостнейший обновленец... По своему моральному и учено-богословскому уровню — полнейшая противоположность архиепископу Фаддею.

Не приводя здесь многословных справок ограничимся лишь упоминанием о том, что Преосвященнейший Сергей (Ларин), страстный любитель всяческой показухи и бутафории, был до крайности «шокирован», узнав, что «резиденция» владыки Фаддея не ломилась от столового серебра и севрских сервизов, как это культивируется у него самого в болезненно-маниакальном стремлении прослыть за небывалого аристократа и большого барина.

На сообщение же А. И. Кузнецова сему иерарху о том, что блаженной памяти архиепископ Фаддей постоянно стремился как можно чаще совершать Божественную службу и радовался, если представлялась возможность литургисать ежедневно, — Преосвященный Сергей, весьма брезгливо поморщившись, заметил, что совершать литургию ежедневно в конце концов просто-напросто «банально», и что настоящий, уважающий себя «князь Церкви» должен появляться в своем кафедральном соборе не более трех-четырёх раз в год. (Чтобы народ «чувствовал», кого он лицезреет!)

^e В калейдоскопе быстро сменяющихся Глав нашей Церкви во второй половине двадцатых годов, когда по воле Е. А. Тучкова последовательно были посажены в тюрьмы все наши Первоиерархи, — дошла, наконец, печальная очередь возглавить Церковь и до Астраханского архиепископа Фаддея.

Это произошло в силу завещательного распоряжения Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых) от 25.11(8.12).1926, когда он почувствовал, что дни его — как заместителя — сочтены и призвал в преемники себе архиепископов: Корнилия (Соболева) Свердловского, Фаддея (Успенского) Астраханского и Серафима (Самойловича) Угличского.

¹ Епископ Сергей (Ларин) занимал Астраханскую кафедру с 9.02.1954 по 27.07.1959. — *Примеч. ред.*

Когда митрополит Иосиф был посажен в тюрьму, произошла рокировка, вызванная его вышеупомянутым завещательным распоряжением. Архиепископ Корнилий в обязанности Заместителя вступить не мог, так как находился в ссылке; архиепископ Фаддей по указанию Е. А. Тучкова был арестован в пути (из Астрахани в Москву) и препровожден на ссыльное жительство в Кузнецк, а Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, таким образом, стал архиепископ Угличский Серафим. Святитель сей возглавлял Церковь нашу до 30.03(12.04).1927, когда из узилища был выпущен на свободу прежде бывший Заместитель, митрополит Нижегородский Сергей [Страгородский].

Понтификат последнего, как известно, длился бесконечно долго и завершился патриаршеством всея мифической «Руси» (а не России, как было оно восстановлено на Соборе 1917—1918 гг.)!

^f Архиепископ Астраханский и Саратовский Филипп (Ставицкий) скончался 29.11(12.12).1952 от кровоизлияния в мозг в Московской Боткинской больнице.

1(14).12.1952, тело почившего, после заупокойной литургии в Успенском храме Новодевичьего монастыря (Москва), самолетом отправляется в Астрахань для отпевания и погребения.

4(17).12.1952 «после торжественной литургии и отпевания, совершенных владыкой Никоном (Петиним) с многочисленным духовенством, гроб с телом покойного архиепископа Филиппа был обнесен вокруг собора [бывший Покровский приходской храм. — *Сост.*] и погребен в особом склепе в стене собора возле левого алтаря» (Архиепископ Астраханский и Саратовский Филипп (Некролог) // ЖМП. 1953. № 1. С. 11—12).

^g Престарелый автор этих воспоминаний об архиепископе Фаддее, астраханец М. Смыслов является родным дядей кратковременного чемпиона мира по шахматам — Василия Смыслова.

^h Об А. А. Соловьеве см. далее.

ⁱ Обновленческого журнала «ВЦУ» никогда не было. Следует полагать, что здесь имеется в виду журнал, издаваемый обновленческим Высшим Церковным Управлением (ВЦУ), так называемый: «Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви» [выходивший в 1923—1932 гг. — *Ред.*]

^j Заместитель Патриаршего Местоблюстителя (а позже: Патриарший Местоблюститель и Патриарх) митрополит Нижегородский Сергей на Басманной улице никогда не проживал.

В описываемое время его резиденция находилась в Девкином переулке, переименованном впоследствии в Баумановский. После 1943 г.,

когда по указанию И. В. Сталина, Московской Патриархии были предоставлены хоромы (кажется бывшего Протопопова) в Чистом переулке на Пречистенке (ул. Кропоткина), — в старом домике-особняке в Девкином переулке поселился митрополит Крутицкий Николай [Ярушевич], который и прожил в нем до своей кончины (умер в Боткинской больнице).

В конце 1960-х годов говорили, что домик в Девкином переулке подвергся сносу.

^к К разговорам об обстоятельствах кончины архиепископа Фаддея прибавим нижеследующую выписку из частного письма одной древней старушки:

«Очень близкий человек к владыке Фаддею, пожилая девушка, которая всюду за ним следовала [родная сестра его Вера Васильевна Успенская? — *Сост.*], приезжала в Москву из Калинина и сообщила, что владыка умер в тюрьме в Калинине под нарами, но в каком году это было я не помню.

Архимандрит Георгий [Лавров; причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 г. — *Ред.*] Оптинский, живший в Даниловом монастыре [1920-х гг.; известный старец. — *Сост.*] в Москве, называл владыку Фаддея „всеблаженный архиерей” ...»

[Архиепископ Фаддей был арестован 20 декабря 1937 г. в г. Калинине и осужден тройкой при УНКВД СССР по Калининской области к высшей мере наказания — расстрелу. 31 декабря 1937 г. расстрелян в Калинине. В 1993 г. были обретены его честные мощи, которые в настоящее время находятся в Вознесенском соборе г. Твери. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 23 февраля 1997 г. священномученик Фаддей (Успенский) причислен к лику святых. День памяти: 18(31).12. О крестном пути владыки Фаддея см.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1999. Кн. 3. С. 481—565, 613—619. *Дамаскин (Орловский), иером.* Житие священномученика Фаддея, архиепископа Тверского (1872—1937). Тверь, 1997.— *Ред.*]

50. Ильичев А. Архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) (в последние годы жизни). Астрахань, 1964

В качестве примечания о кончине архиепископа Астраханского Митрофана (Краснопольского) приводим рукописную брошюру А. Ильичева (Кузнецова А. И.) «Архиепископ Митрофан Астраханский (в последние годы жизни)». 1964 г.

Архиепископ Астраханский Митрофан (Иван Васильевич Краснопольский) был назначен с 6 июля 1916 года на Астраханскую кафедру с Минской кафедры, на которой был с 3 ноября 1912 года. Его назначение было встречено астраханцами с огромным восторгом и любовью. Дело в том, что владыка Митрофан принадлежал к числу лиц, о которых принято говорить, что они деятели первой величины. Он был известен всей России как выдающийся церковный деятель: первоклассный проповедник, обладающий всеми качествами ораторской эрудиции, администратор, неутомимый, энергичный работник на ниве церковной и молитвенник. Россия знала архиепископа Митрофана и как члена Государственной Думы. Его страстные речи с думской трибуны были предметом всеобщего внимания.

На пятой сессии третьей Государственной Думы 16 апреля 1912 года владыка Митрофан произнес сильную речь в защиту Православной Церкви, а 13 мая вместе с другим членом Думы — епископом Евлогием (Георгиевским) защищал в Думе тезис о значении Православной Церкви в России, как первенствующей (об этом есть у В. И. Ленина, в собрании сочинений, т. 15, стр. 382, 390¹). Тогда обсуждалась смета Синода. Полной неожиданностью для депутатов Думы явилось заявление одного из членов Думы — представителя левого течения: «Ни одного гроша народных денег — этим кровавым врагам народа, затемняющим народное сознание», «религия — опиум народа». И вот на долю архиепископа Митрофана выпало тяжелое послушание парировать такой удар. Речь его была потрясающей, логика — непревзойденная.

Вот такая всесторонне эрудированная величина воссияла на старинной свещнице Астраханской Церкви, встреченная астраханцами с триумфом.

В первую же литургию, которую совершал вновь прибывший архиепископ в кафедральном Успенском соборе в Кремле, при огромном стечении верующих, он произнес проповедь, отметив в ней ужасы происходящей войны, призвал паству к упованию на покровительство Божие, к усилиям и жертвам. Мститый протоиерей — Астраханский вития — Н. Г. Пальмов — так отзывался о речи владыки

¹ Имеется в виду статья В. И. Ленина «Классы и партии в их отношении к религии и Церкви» (В 5-м издании 1980 г. полного собрания сочинений В. И. Ленина т. 17 на с. 613 дается следующая краткая биографическая справка: «*Митрофан (Краснопольский, Д.)* (род. в 1869 г) — черносотенец, епископ. Депутат III Государственной Думы от Могилевской губернии; в Думе был членом комиссий: по народному образованию, Православной Церкви и др.»). — *Примеч. ред.*

Митрофана: «Много на своем веку слышал я ораторов церковных и светских, многие вызывали у меня слезы, но такого оратора слышал я впервые: образность, темперамент, сила эмоции, глубочайшая вера в помощь Божию захватили меня до такой степени, что я был готов в благодарности пасть к его ногам».

2

Едва ознакомившись с состоянием епархиальных дел и наладив правильное их течение, владыка принялся за многотрудную работу, достойную его энергии и неиссякаемого энтузиазма. Это была подготовка к прославлению Астраханского митрополита Иосифа и проект восстановления Патриаршества на Руси. Это — два замечательных памятника, которые воздвиг себе приснопамятный владыка в сердцах верующих Руси. Он вошел в вечную историю Православной, и в первую очередь — Русской Церкви, как добрый воин, подвизавшийся добрым подвигом, как преданный, верный Церкви сын.

Канонизация святителя Иосифа была давно насущным вопросом. В кафедральном соборе, где почивают мощи мученика, собирались сведения, составлялись описания чудесных исцелений лиц, прибегавших к молитвенной помощи святителя Иосифа. В 1912 году кафедральный протоиерей И. Саввинский выпустил брошюру под названием «Святитель Иосиф, митрополит Астраханский». Автор систематизировал эти сведения, подробно изложил: кто, когда и при каких обстоятельствах получил чудесную помощь по молитвам святителя Иосифа. Это были заявления, присланные в свое время в собор из разных населенных мест Астраханской губернии и других городов. Синодальная Комиссия, прибывшая в Астрахань после опубликования брошюры о. Саввинского, подробно ознакомилась с положением дела и состоянием мощей святителя Иосифа. К началу 1913 года, при епископе Феофане (Быстрове)¹ ясно определилось, что св. Иосиф занимает достойнейшее место в сонме святых, в России просиявших, и что прославление его справедливо и неотложно. Однако по неизвестным причинам канонизация его затянулась. Преемники епископа Феофана — епископы Никодим (Боков)² и Филарет (Никольский)³

¹ Феофан (Быстров, † 19.02.1940) — епископ Астраханский и Енотаевский с 25.06.1912 по 8.03.1913. — *Примеч. ред.*

² Никодим (Боков, † 1914) — епископ Астраханский и Енотаевский с 8.03.1913 по 13.03.1914. — *Примеч. ред.*

³ Филарет (Никольский, † 1921) — архиепископ Астраханский и Енотаевский с 20.03.1914 по 24.05.1916. — *Примеч. ред.*

отстраняли от себя этот важнейший для Церкви вопрос, и дело заглохло.

Архиепископ Митрофан с присущим ему сознанием чрезвычайной важности такого события, как прославление новоявленного угодника Божия, взялся за дело.

М. Н. Капустин, бывший тогда псаломщиком в кафедральном соборе, так вспоминает тот момент в деятельности владыки Митрофана: «Он воскресил дело о прославлении святителя Иосифа и со всей страстью предался этой идее. Все мы — соборный причт, чиновники Консистории и приглашенные со стороны лица — были заняты этим делом. Владыка всем нам давал поручения и настойчиво требовал точного исполнения. А дел было много. Нужно было произвести архивные разыскания, отыскивать, подбирать подлинные заявления. Каждое такое заявление владыка сам сличал с текстом брошюры Саввинского. Мы вызывали заявителей из разных уголков обширной губернии и производили опрос: принадлежит ли заявление самому заявителю, при каких обстоятельствах оно написано, в чем именно выразилось чудо исцеления, не оказывал ли кто давления на заявителя, в смысле уговора подать заявление или прямой фальсификации фактов. Мы и сами ездили к заявителям, если они не являлись по нашим вызовам. Сам владыка неизменно принимал участие в таких вопросах. Судите сами, какая это была огромная, спешная работа».

Когда эта подготовительная и проверочная работа была закончена, владыка создал комиссию и дал ее членам различные поручения. Один из членов этой комиссии, ныне здравствующий Н. Кочергин рассказывает: «Мне и моему брату Е. Кочергину владыка поручил составить житие св. Иосифа, тропарь и кондак, профессору А. А. Дмитриевскому — службу святителю, сам владыка взял на себя обязанность составить акафист, художнику Цветкову было поручено написать икону угодника. Все мы работали с большим усердием и успешно выполнили поручение архиепископа. Владыка составил доклад Св. Синоду, прочитал нам его, позволил предложить ему некоторые поправки и поблагодарил за работу».

Работая над прославлением святителя Иосифа, владыка Митрофан одновременно и с такой же энергией готовил доклад Поместному Собору о восстановлении Патриаршества на Руси.

Письмоводитель Консистории В. И. Кузнецов рассказывал: «Владыка Митрофан поручил мне переписывать на пишущей машинке обширные исторические исследования о Патриаршестве, паломнические статьи в журналы и газеты, тезисы к докладу, справки, выпис-

ки из ученых трудов. Иногда поздно вечером я шел в архиерейские покои и нес ему то, что я успевал сделать за день. Я заставал владыку за письменным столом, буквально заваленным стопами книг и журналов. Владыка сидел, сосредоточенно думал, писал, а я и келейник стояли около стола — нас он не замечал».

Вот какой гигантский труд ожидал Преосвященного Митрофана в Астрахани в первые же месяцы пребывания его на кафедре.

29 июня 1917 года, в день престольного праздника, владыка совершал литургию в сослужении викария — епископа Царевского Иннокентия (Кременского) в церкви Петра и Павла (против тюрьмы) — ныне несуществующей. После проповеди он говорил народу: «Мы все приготовили к Поместному Собору, что касается восстановления Патриаршества в Русской Церкви и прославления святителя Иосифа.

Наконец, после многих трудов, нам удалось дело о прославлении дорогого нам всем мученика сдвинуть с мертвой точки. Веруем, что святитель Иосиф, украшенный мученическим венцем, займет в сонме святых достойное место. Слава Богу за посланную мне и моим соратникам великую помощь в этом святом деле. Святителю Отче Иосифе, моли Бога за нас!»

Будущий мученик, прославляя святителя Иосифа, не думал тогда, что эта любовь к святому готовит и ему мученический венец. Пройдет немного времени, и она поведет его по тому же крестному пути, который некогда изведаль святитель Иосиф.

3

С виду владыка Митрофан был строг. Может быть, это была природная строгость или, может быть, сосредоточенность, собранность, соединенные с огромной волей и требовательностью к себе и людям. Ключарь собора о. Димитрий Стефановский рассказывал автору: «Я сначала боялся его, — уж очень строгим он мне казался, а потом, узнав его ближе, убедился, что владыка ласков и добр. Бывая часто по долгу службы в архиерейском доме, я все ближе знакомился с личной жизнью владыки и все больше убеждался в том, что владыка прост и гостеприимен. Узнал и еще одну его черту: он много молился, каждый день был за литургией в крестовой церкви. Он очень рано вставал и до литургии успевал заняться делами».

Известный оперный певец — астраханец И. И. Великанов вспоминал: «Нужно было мне представляться владыке по поводу избрания меня членом Поместного Собора. Иду к нему и дрожу: как владыка примет меня, какой-то он строгий. Но как мне было приятно разочароваться в моем ложном убеждении. Владыка ласково меня

встретил, усадил в кресло и, благословляя, обнял меня, а затем несколько раз повторил: „Хорош, хорош избранник!” Второй раз пришлось мне быть у владыки за несколько дней до отъезда на заседания Собора. Теперь я шел к нему смело. Владыка беседовал со мною и с другим членом Собора — доктором Романовым о предстоящих наших обязанностях на Соборе, осведомился, как нас обеспечили на дорогу деньгами, сколько именно дали каждому, есть ли у нас в Москве знакомые, берем ли мы галоши и зонты на случай дождя. Одним словом, выспросил у нас все до мелочей и сам проводил нас до дверей, ласково прощаясь с нами».

Отец Димитрий Стефановский как-то провинился в чем-то, это вызвало замечание со стороны владыки, которое он сделал почтеному о. ключарю в несколько повышенном, раздраженном тоне. «Я обиделся, — говорит о. Димитрий, — владыка понял это и, переменяв тон, взял меня за руку, посадил в кресло, сел рядом со мною и с мягкой грустью заговорил: „Сам я знаю, что кажусь всем людям строгим, и часто думаю, что это за отвратительная черта? Но всегда успокаиваю себя тем, что это вовсе не суровая строгость, а скорее строгая задумчивость. Если бы вы знали, как суровы и безрадостны были мои детские и отроческие годы! Сколько человеческой гадости мне пришлось узнать, сколько обид, унижений, огорчений перенести! И вот с ранних лет легла на мое лицо печать задумчивости, и никак не могу справиться с нею”».

Автор этой рукописи интересовался историей детства и отрочества владыки Митрофана, но сведений об этом отыскать не мог. В письме из ссылки о. Димитрий Стефановский указывал, что интересующие автора сведения имеются у бывшего соборного старосты Д. И. Пряхина, но где он живет, жив ли он, автору долго не удавалось установить, и вот, наконец, встреча с Д. И. Пряхиным состоялась.

В свое время, после кончины владыки Митрофана, мать архиепископа Анастасия Семеновна рассказывала Димитрию Ивановичу Пряхину историю своей семейной жизни. «Она говорила, а я записывал слово в слово все, что слышал», — вспоминает Пряхин. Вот, что он записал.

«Я была дочерью сельского причетника, бедного, но благочестивого. У отца были еще дети помимо меня, так что мне не пришлось, по недостатку в семье средств, много учиться. Окончила я сельскую школу — вот и все мое образование, а дальше надо было помогать матери по хозяйству и по уходу за другими детьми. Рано меня решили сбыть с рук — выдать замуж и прочили видеть меня замужем за духовным лицом. Я и сама, когда пришла пора, все думала, уж если вы-

ходить замуж, то чтобы муж был обязательно священником: все-таки нужды будет меньше, чем у сельского псаломщика, вроде моего отца. Но никто из кандидатов в священники не сватался ко мне, — кому нужна такая бедная невеста! Не сбылась моя мечта, и вышла я замуж за простого рабочего. В нашей местности был небольшой кирпичный заводик, вот мой муж и работал на нем, делал кирпичи. При нашей бедности мне пришлось помогать ему, и я научилась этому ремеслу, делала кирпичи не хуже мужчин. Горько я думала о своей бедности и, молясь Богу, просила Его, чтобы у меня родился сын. Ах, если бы сын! Непременно он стал бы духовным лицом, я посвятила бы его Богу. Однажды я была в своем уездном городе и зашла в собор. Припала я там к иконе Божией Матери, прося Ее даровать мне сына, и так умилилась этой молитвой, что с тех пор была уверена, что у меня родится сын. И вот Бог дал мне сына Ваню. Разве я могла думать тогда, что мой сын, сын бедной каменщицы, будет известным в России святителем и что людская вражда приведет его к такой страшной кончине.

Шли годы, мальчик рос, а затем пришло время отдавать его в школу. Здесь же в нашем селе он и учился в сельской школе. Учился он прилежно и окончил школу первым учеником. Повез его отец в город, чтобы определить в духовное училище, но это было не так просто. Училище — для детей духовенства, в него трудно было попасть деревенскому мальчику — сыну каменщика. Кроме того, его надо в городе кому-то содержать, а на какие средства? Нечаянно для Вани¹ явился благодетель — его сельский учитель, полюбивший Ваню за прилежность в школе. Он вызвался определить его в духовное училище и оказывать ему содержание. Вот так с грехом пополам и стал наш сын учиться в духовном училище. Мы с отцом радовались, что сын наш будет духовным. Приезжал Ваня на каникулы, да и я иногда ездила к нему, когда очень скучала. Странное дело, я стала замечать в нем какую-то перемену. Он был задумчив, неразговорчив, избегал своих товарищей. Когда я спрашивала у него, что с ним случилось, он отмалчивался, а иногда с какой-то безнадежностью махал рукой. Может быть, скучал мальчик среди чужих ему людей? — думала я. Только потом от товарищей узнала, что в училище его обижали сверстники, называли мужиком, били, избегали с ним разговаривать. Ваня чувствовал себя одиноким и, конечно, загрустил. Однажды, в год окончания духовного училища, над ним устроили грубую шутку. Во дворе училища ученики накатали ледяную гору и в одну из перемен затащили на нее Ваню и толкнули вниз.

¹ Вероятно, произошла ошибка, мирское имя владыки Митрофана — Димитрий. Иваном звали отца владыки. — *Примеч. ред.*

Он покатился кубарем и влетел в окно кабинета инспектора училища. Зазвенели стекла, в кабинете поднялась суматоха. Злые товарищи сумели всю вину возложить на Ваню, он был обвинен в озорстве и исключен из числа учеников. Заступаться за него было некому, к несчастью, его благодетель только что умер. И вот я, низко кланяясь начальству, прошу его не исключать. Спасло его от исключения то, что он был лучшим учеником и что до окончания курса оставалось всего несколько месяцев. Потом Ваня поступил в духовную семинарию, и уже сам содержал себя, зарабатывая частными уроками. На мою долю, наконец, выпал счастливый день, о котором я так мечтала и которого так ждал его покойный отец, — мой сын стал священником. Это была необыкновенная радость — радость моей сбывшейся мечты.

Через несколько лет он овдовел, затем Академия, монашество, и вот Господь вознес его на высшую ступень священства — архиерейство. Перед хиротонией он просил меня привезти ему старинную семейную икону Богородицы „Умиление”, он очень любил ее и каждый день молился перед этой иконой».

Бедная мать рассказывала мне все это, прерывая рассказ рыданиями, говорит Д. И. Пряхин. В заключение она сказала: «Если придет время и вам представится возможность перенести прах моего сына в другое место, умоляю вас положить его рядом с могилой св. Иосифа и меня около него».

Мать владыки, после его кончины, поселилась в Благовещенском женском монастыре. Игуменья Платонида отвела ей келью. Почти каждый день Анастасия Семеновна была на могиле сына, просиживала там целые часы. Умерла она в двадцатых годах и погребена на городском кладбище в склепе монастыря. Икону «Умиление» она передала о. Димитрию Стефановскому, дочь которого Елизавета Димитриевна отвезла ее в Михайловский монастырь — в Киев. При закрытии монастыря икона все еще находилась там, о чем Е. Д. Стефановская рассказывала автору. На обратной стороне иконы Е. Д. прочла надпись: «Смиранный инок Митрофан».

Вероятно, источник кажущейся внешней строгости приснопамятного владыки и следует искать в тяжелых обстоятельствах его раннего возраста, наложивших на него печать в действительности не принадлежавшего ему облика.

В личной жизни он был прост и нетребователен. Иподиакон Иоанн Пупов, или, как его все звали — Ванюша, вспоминал, как часто владыка посылал его с деньгами в бедные семьи. Кстати сказать, Ванюша так любил владыку, что переживал его кончину страшно тяжело. Говорили, что на этой почве он заболел туберкулезом и на глазах у всех таял.

Итак 15 августа 1917 года в Москве открылся Поместный Собор Русской Православной Церкви. Владыка Митрофан выехал в Москву 1 августа (с ним вместе выехали викарий Царевский Иннокентий [Кременский]¹, в связи с переводом его на другую епархию). Какую роль играл владыка Митрофан в решении соборных дел, видно из бюллетеней соборных деяний. Еще подробнее об этом рассказывали члены Собора — Великанов и Романов. Владыка был избран членом чуть ли не всех комиссий, к нему обращались за справками, он выступал с речами, предложениями и проектами решений. Будучи подвижным, он успевал везде. «Нам приходилось удивляться, как этот человек может столько и с таким знанием дела работать! Он мог сутками не спать и все работать и работать», — вспоминал доктор Романов. С большим чувством и благоговением сделал владыка Митрофан доклад Собору о необходимости канонизации святителя Иосифа, и, когда этот вопрос был решен Собором, владыка немедленно отслужил молебен перед привезенной им из Астрахани иконой новоявленного святителя, не дожидаясь общесоборного молебна по этому случаю.

С 11 октября по 5 ноября 1917 года Собор обсуждал вопрос о восстановлении в России Патриаршества. Как известно, основным докладчиком по этому вопросу был владыка Митрофан. Его доклад вызвал ожесточенную полемику. Известно, что на Соборе были оппозиционные силы, противодействовавшие восстановлению Патриаршества. Целых двадцать шесть дней шли ожесточенные дебаты. Титлинов, Рубцов, Кузнецов, Кашменский и ряд других участников Собора яростно нападали на идею Патриаршества и, конечно, на докладчика — епископа Митрофана. Владыке нужно было отбиваться от этих враждебных сил, он выступал против каждого из них. «Посмотрели бы вы на него в эти дни боевых схваток, — говорил И. И. Великанов. — Он почти не сходил с трибуны Собора и бесконечно выступал в защиту Патриаршества». Наконец, идея Патриаршества победила, потому что имя Патриарха дорого русскому православному сознанию, потому что подавляющее большинство церковных людей шло на Собор, чтобы отстоять свой искони сложившийся церковный строй, нарушенный два века назад Петровскими реформами. Как радовался владыка Митрофан победе истинно православных сил на Соборе: «Он расцеловал каждого из нас», — говорил И. И. Великанов.

¹ Иннокентий (Кременский, † 1917) — епископ Царевский, викарий Астраханской епархии с 28.07.1911; с 2.09.1917 епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. — *Примеч. ред.*

Доклад и часть речей владыки Митрофана были напечатаны в газетах, в том числе и в Астраханских епархиальных ведомостях. Это был последний номер ведомостей, вышедший в декабре 1917 года, после чего издательство Ведомостей прекратило свое существование (было закрыто).

Здесь необходимо остановиться и забежать вперед, чтобы согласовать решения Собора по вопросам: прославления святителя Иосифа и восстановления Патриаршества и историческими данными, как они изложены в официальной печати.

В циркуляре наркома юстиции Курского № 73 от 14(27) августа 1920 года «О ликвидации мощей» содержится указание на то, что «церковники в целях политического воздействия на отсталые массы, канонизировали митрополита Иосифа Астраханского, одного из видных деятелей по подавлению восстания эпохи Степана Разина». Этим, дескать, Церковь продолжает дореволюционную практику лжи и обмана верующих.

Но прославление св. Иосифа произошло не вдруг. Подготовка к нему длилась 12—15 лет, и самый факт канонизации его Собором явился лишь естественным развитием истории этого вопроса, было бы удивительным для русского Православного сознания, если бы прославление мученика Собор оставил без внимания и без соборного решения. Какая же здесь неожиданность и нарочитость, приуроченная к какой-то политической акции.

Такая же историческая неточность [а, говоря точнее: фальсификация. — *Сост.*] содержится и в оценке второго соборного решения — восстановления Патриаршества. В обвинительном заключении по делу Патриарха Тихона, обвинявшегося тогда в сопротивлении изъятию церковных ценностей, Вышинский, вспоминая в 1923 году деятельность Поместного Собора, критикует архиепископа Митрофана, как докладчика на Соборе по этому вопросу. «Основная мысль выступавшего по данному вопросу докладчика — епископа Астраханского Митрофана заключалась в утверждении, что русскому народу нужен духовный вождь и руководитель, который мог бы явиться представителем подвига и дерзновения и как стоятель за Русскую Церковь (читай: за интересы церковных и помещичьих землевладений и сохранения возможности прежней эксплуатации трудящихся, так как церковная фразеология была тут только формой)». [О каких это «церковных землевладениях» провокационно болтает здесь Вышинский в 1923 году?! — *Сост.*].

Чего здесь больше: неосведомленности или искусственных натяжек? Идея Патриаршества в России не принадлежит времени, сов-

падающему с эпохой Собора 1917 года. Она родилась одновременно с петровской церковной реформой, упразднившей Патриаршество. Уже тогда истинное церковное сознание скорбело по поводу управления Церковью «Патриархами в вицмундирах, а позднее — во фраках». К началу нашего времени вопрос о Патриаршестве приобрел такую актуальную форму, что он стал ареной борьбы между разными течениями. В ходе этой полемики защитники идеи Патриаршества давным-давно выработали и формулу, на которой базировались их взгляды: Патриарх — это Отец, церковный вождь, стоятель за Церковь. Именно этих аспектов и держался на Соборе докладчик — архиепископ Митрофан. Поэтому и в его фразах: «представитель подвига и дерзновения» вовсе не содержалось каких-либо политических девизов или намеков, противоречивших современной политической действительности. Если бы Собор происходил в дореволюционную эпоху, то и тогда эти фразы прозвучали бы одинаково, и никому в голову не пришло бы истолковывать их в противоречии с их чисто церковным смыслом. Само собой разумеется, что квалификация Вышинского ясного и простого смысла доклада в виде какой-то фразеологии, скрывавшей в себе надежды на сохранение в стране дореволюционных помещичьих порядков, объяснялась знаменем времени и попыткой выдать желаемое за действительность.

Нельзя насиловать историю!

В другом месте того же обвинительного заключения Вышинский, вновь коснувшись выступления архиепископа Митрофана на Соборе, говорит следующее: «В слове в день избрания Белафина в патриархи епископ Митрофан, резко обрушившись на русскую революционную современность, клеветнически им охарактеризованную как совокупность обмана, лжи, грабительства и клятвопреступления, заявил: „Чего же мы ждем от нашего грядущего патриарха, чем он должен явиться на Руси? По обстоятельствам переживаемого времени он, прежде всего, должен собрать все живые, верующие силы народа и вдохновить его на подвиг служения тем вековечным заветам, на каких строилась и жила Россия. Среди общего распада и разрухи он должен идти впереди своего стада, воодушевляя его своим примером”». И снова идет речь не о политических, а о живых церковных силах, т. е. силах, совокупность которых способна отстоять интересы Церкви. Если к тому моменту создалась реальная угроза Церкви, то как же должен был поступить любой иерарх, любой сын Церкви, для которого безразличны интересы Церкви? Он, естественно, ожидает от патриарха мер, направленных к защите церковных интересов. Но ведь это не политические тенденции и не ориентация на какую-то

враждебность. Неужели Вышинский рассчитывал на беспринципность?

5

Затем наступил перерыв в работе Собора. Владыка Митрофан прибыл в Астрахань с членами Собора и в сопровождении нового vicария — епископа Царевского — Леонтия (барон фон Вимпфен), резиденция которого была в Иоанно-Предтеченском монастыре.

Владыка Митрофан провел в Астрахани Рождественские службы, новогодние праздники и совершив «Иорданский крестный ход» на Крещение, отбыл снова, вместе с другими членами Собора, в Москву по случаю возобновившихся заседаний Собора с 19 января (1 февраля) 1918 года¹.

Вернулся владыка Митрофан в Астрахань Великим постом. В его отсутствие, в период с 12 по 25 января [ст. ст.] 1918 г. в Астрахани шел первый этап гражданской войны. Казачьи войска обстреливали город и пытались овладеть Кремлем, занятым большевистскими воинскими частями. В результате боев войска отстояли Кремль, казаки были рассеяны. Однако владыку Митрофана, соборный причт и верующих ожидал неприятный сюрприз: во время обороны Кремля все три проезда в Пречистенских воротах были заделаны железными дверями, запиравшимися изнутри и охранявшимися снаружи. Доступ в кремлевские храмы верующим был затруднен. В особо тяжелом положении оказалось духовенство, проживавшее в доме внутри Кремля (при входе — направо), и сам архиепископ. Архиерейские покои, архиерейский двор, Консистория находились также в Кремле — ни пройти туда, ни выйти оттуда. К приезду владыки из Москвы сложилась именно такая ситуация: сам архиерей попасть к себе в дом не мог,

¹ Вторая сессия Поместного Собора 1917—1918 гг. открылась в субботу 20.01(02.02). 1918 г., под председательством Святейшего Патриарха Тихона, в присутствии 110 членов Собора (в том числе 24 епископов). По счету это было 66-е соборное Деяние.

Отметим здесь же, что прославление святителя Иосифа, по-видимому, состоялось в конце лета 1918 года, после закрытия III сессии Священного Собора.

Не лишено некоторого интереса то обстоятельство, что не более как 40 лет спустя после прославления, именно в 1958—1959 гг., несмотря на длительные и тщательные розыски и расспросы на месте, точную дату этого крупнейшего местного церковного события установить не удалось. — *Примеч. Сост.*

[Деянием 127 Священного Собора 6(19) апреля 1918 г. было принято решение о причислении к лику святых святителя Иосифа, убиенного митрополита Астраханского (Обзор Деяний... Т. 2. С. 460). Постановлением Патриарха и Св. Синода от 17(30) мая 1918 г. было разрешено к печати и богослужению употребление службы Иосифу Астраханскому (Обзор Деяний... Т. 3. С. 55). — *Ред.*]

проживавшее во дворе Кремля духовенство пользовалось неохотно выдаваемыми пропусками, верующие проходили к богослужениям по пропускам. Ныне здравствующий почтенный М. И. Смыслов вспоминает, как он сам ходил к коменданту Кремля Казакову за пропуском, чтобы попасть в собор.

Приехавший владыка Митрофан до выяснения дела поселился в Покрово-Болдинском монастыре за городом; через несколько дней ему было разрешено поселиться в своих покоях. Все имущество архиерейского дома, находившееся под наблюдением келейника, было в целости, за исключением архиерейской кареты и трех лошадей, взятых воинской частью во время обороны Кремля.

Вскоре в левом проезде Пречистенских ворот был сделан деревянный забор, отделявший собор от остальной части Кремля, и верующие получили беспрепятственный доступ к Успенскому и Владимирскому соборам (Троицкий собор и Никольская церковь оставались на территории гарнизона).

Пока церковная жизнь шла нормально. Владыка Митрофан служил в соборе и в приходских церквях. Постом он служил пассивно, а затем совершал все страстные и пасхальные богослужения в кафедральном соборе.

После Троицы владыка Митрофан снова отбыл в Москву, откуда вернулся 10 или 11 июля ст. ст. 1918 г., а 15 июля, совершая богослужение в храме Князя Владимира по случаю храмового престольного праздника, объявил, что 19 июля состоится крестный ход церквей вокруг Кремля.

Этот крестный ход был актом величайшего благочестия; он остался в памяти ныне здравствующих его участников как большое историческое событие. В тот год Астрахани угрожала опасность. С берегов Каспия на нее двигались войска белой армии и англичан. Над городом ежедневно появлялись английские самолеты, бомбардировавшие город с воздуха. Город жил тревожной жизнью, гражданские власти извещали население об опасности. Владыка Митрофан, как он сам говорил 15 июля за богослужением, решил «едиными устами и единым сердцем» всех верующих горожан испросить помощь Божию в избавлении города от кровопролития.

Крестный ход начался после литургии в соборе и продолжался несколько часов. Верующие с крестами и иконами от многочисленных церквей города, в огромной процессии, под колокольный звон церквей, с пением медленно обходили Кремль. Шествие началось от Пречистенских ворот, обогнуло южную стену Кремля, вдоль Александровского бульвара (сейчас площадь Ленина), а затем

мимо западной (Крымской) башни двинулось по северной стороне Кремля и мимо пыточной (артиллерийской) башни последовало по улице Экспланадной (ныне Трусова), около нынешнего универсама повернуло в табачный ряд (ныне ул. Кирова). У восточной калитки губернаторского (ныне Братского) сада владыка Митрофан остановился и, взяв кадило, отправился с протодиаконом Севастиановым к братской могиле в середине сада и там на могиле недавно погребенных воинов совершил краткую литию. Этот факт был известен многим, о нем тогда много говорили. Д. И. Прякин, как соборный староста, шедший в крестном ходе рядом с владыкой, был очевидцем литии. Далее крестный ход направился вниз по этой же улице и, повернув на Белгородскую (ныне улица Ленина), остановился у Знаменской церкви. Здесь владыка, подняв высоко над головою икону Богородицы, громогласно сказал: «Пресвятая Богородице, спаси нас!» После этого процессия окончилась. Участники крестного хода рассказывают о необычайной молитвенной настроенности и духовном подъеме, царивших среди верующих почти всего большого города.

В праздник Успения — 15(28) августа — владыка за службой в кафедральном соборе говорил: «Вот видите, как мы умолили Владычицу нашу. Недавнее восстание в городе обошлось без кровопролития. Веруем, что наша общая молитва в крестном ходе будет служить залогом нашего спокойствия» (владыка говорил об известном августовском однодневном мятеже в Астрахани).

6

В сентябре 1918 года в Астрахани возник епархиальный союз церквей. Председателем его был епископ Царевский Леонтий (фон Вимпфен)¹. Это было движение за демократизацию Церкви, попытки ограничения архиерейской власти. Одним словом, эта организация пила из того же источника, из которого почерпали свои идеи будущие обновленческие реформисты. Этот союз принес многие огорчения

¹ Леонтий (Владимир Николаевич фон Вимпфен, 1872—23.06.1919), епископ. Окончил Казанскую Духовную Академию. В 1900 г., кандидат богословия. Пострижен в монашество в 1897 г. До 1911 г. на учебно-духовной службе, в 1911—1914 гг. настоятель посольской церкви в Афинах. 28.09.1914 хиротонисан во епископа Чебоксарского; с 12.02.1915 епископ Ереванский, викарий Грузинской епархии; с 24.03.1916 епископ Кустанайский, викарий Оренбургской епархии; с 16.12.1916 епископ Петровский, викарий Саратовской епархии; с 1917 г. на покое; с 5.09.1917 (2.09.1917) епископ Енотаевский, викарий Саратовской епархии; с 1918 г. епископ Царевский, викарий Астраханской епархии. Расстрелян. — *Примеч. ред.*

владыке Митрофану, из-за этого союза возникли разногласия между ним и викарием епископом Леонтием.

Архиепископ Митрофан находил ненужной эту организацию, поскольку церковное управление принадлежит правящему епископу, и что приходская жизнь может быть устроена содействием и помощью епископа, а не путем разногласий с ним.

Владыка Леонтий, напротив, был вдохновителем такого союза и поддерживал его своим авторитетом. Архиепископ Митрофан был недоволен линией поведения своего викария и игнорировал этот союз, его деятельность и решения. Разногласия между архиереями росли на этой почве; владыка Леонтий открыто осуждал линию поведения владыки Митрофана.

Д. И. Пряхин вспоминает такой случай: «Пришел я как-то ко всенощной в Иоанно-Предтеченский монастырь и вижу странное: вместо богослужения во дворе монастыря идет какое-то собрание. В середине стоит стол, недалеко от него ряд скамеек. За столом сидит епископ Леонтий, на скамьях сидят священники и миряне, у скамеек толпятся люди. Что же происходит? Но недолго я был в недоумении: епископ Леонтий начал говорить. Говорил он о союзе церквей и о сопротивлении, которое оказывает союзу владыка Митрофан. Закончил он свою речь так: „Нам не нужен такой правящий епископ, каким является архиепископ Митрофан”. Меня это поразило. Я быстро вскочил на стол и стал говорить к собравшимся, что владыка Митрофан достойный архиерей и что такие суждения о нем, какие я сейчас слышал из уст епископа Леонтия, неправильны. Я еще что-то говорил в этом же духе, а потом спрыгнул со стола, и мне казалось, что участники этого собрания согласны со мною.

На другой день я рассказал об этом собрании владыке Митрофану, и в ответ от него услышал: „Бог с ним, пусть говорит. А ведь как просил меня быть моим викарием”».

7

Военные события в Астрахани к осени 1918 года приобретали все более актуальный характер. В Астрахань двигались с Кавказа остатки ослабшей XI армии, город становился важным стратегическим пунктом. Сюда перебазировались штабные организации XI армии, в том числе и Реввоенсовет фронта, разместившийся со своим большим аппаратом в Кремле. Сначала был занят дом, в котором жило духовенство собора: кафедральный протоиерей И. Саввинский, ключарь Д. Стефановский, протодиакон Севастианов быстро собрали свой до-

машинный скарб и покинули Кремль. Затем здание Консистории было очищено от чиновников и было занято военными. Наконец, дело дошло до архиерейского дома. Владыке Митрофану через келейного иеромонаха было передано требование освободить дом. Владыка начал оспаривать действия военных властей, пожаловался председателю Реввоенсовета Шляпникову, но получил отрицательный ответ. Помощник коменданта Кремля А. И. Иванов занял вещами коридор архиерейского дома. Коридор соединялся особым переходом с папертью собора. Теперь ход в собор для архиерея был закрыт. Со двора попасть в собор было тоже нельзя, так как сооруженный забор изолировал помещение архиерейского дома и у него не было связи с кремлевским двором, за исключением архиерейского двора, остававшегося пока в распоряжении архиерейского дома, но не имевшего выхода на улицу. А между тем, помещениями архиерейского дома распоряжались военные люди, занимали комнату за комнатой. Близкие к владыке люди поняли так, что владыка стал узником.

«Когда мы узнали об этом, — говорит соборянка Александра Михайловна Попкова, — мы сейчас же всеми правдами и неправдами пробрались в архиерейские покои и стали уговаривать владыку покинуть Кремль. О. Димитрий доказывал владыке всю опасность его положения, что среди властей идут о нем угрожающие слухи. Владыка был непреклонен. Я не выдержала и бросилась ему в ноги и тут я допустила неосторожность, сказав владыке, что ночью к южной стене Кремля будет поставлена лестница, и он может спуститься по ней в Александровский сад, а там мы будем ждать его. Владыка вскочил с кресла и, обращаясь к ключарю, гневно заговорил: „Это вы мне — архиерею — предлагаете позорный план бегства, будто я какой-то преступник. Легче часового уговорить бросить свой пост, чем русского архиерея, по крайней мере, меня. Вы хотите, чтобы я бросил собор, его святыню и стал бы нарушителем присяги? А что скажет моя паства, узнав, что архиерей бросил все и с позором бежал. Нет, нет! Я этого не сделаю. Уходите и не тревожьте меня!”

Что делать? Назревал определенный конфликт. Мы уже собирались уходить от владыки, — продолжает Александра Михайловна, — как вдруг в дверях кабинета появился келейник и знаками стал вызывать к себе ключаря. Отец Димитрий вышел и, вернувшись минут через пятнадцать, взволнованный и бледный, стал о чем-то шепотом говорить владыке. Владыка перекрестился и принялся надевать рясу и клобук; через несколько минут мы все вышли из архиерейских покоев через ранее закрытый, теперь открытый коридор. Владыка шел впереди, а мы все за ним. Когда поровнялись с нижним собором, владыка

вошел в него, приказав ключарю и иподиакону Иоанну идти с ним, а остальным ждать у дверей. Там они были минут двадцать. При выходе из Кремля владыка благословил нас и в нанятом экипаже с ключарем поехал к ректору семинарии в Спасо-Преображенский монастырь. Там он и поселился»¹.

Отец Димитрий, вспоминая это событие, рассказывал автору: «Пока мы уговаривали владыку покинуть Кремль, военные власти решили выселить его принудительно и приказали коменданту Кремля связать архиерея и в таком виде выселить. Мы с келейником увидели в коридоре А. И. Иванова, который объявил нам, что он вызвал четырех солдат и сейчас будет приводить в исполнение решение военного командования. Еле-еле мы уговорили его дать часовую отсрочку, чтобы еще раз попробовать уговорить владыку покинуть дом. Он согласился, а я поспешил к владыке, и дело было урегулировано мирным путем; владыка без единого возражения покинул свои покои».

Рассказывая подробности этого события, о. ключарь так говорил о них: «Мы считали владыку узником, когда он был лишен возможности выхода из Кремля, и поэтому уговаривали его воспользоваться лестницей. К этому были большие основания. Вечером, перед этим А. А. Жданов передал протоиерею Н. Г. Пальмову, что его, Жданова, дочь — Елена Андреевна Туманова, служившая секретарем у председателя Реввоенсовета Шляпникова, была свидетельницей следующего. В кабинет Шляпникова пришел комендант Кремля Казаков с каким-то докладом, в конце которого речь зашла об архиерейском доме. „И чего мы церемонимся с архиереем. Ведь это отъявленный монархист, делец царской Думы. Он устроил громадную демонстрацию в июле под видом крестного хода. Ведь это был смотр контрреволюционных сил, а мы, как дураки, смотрим на это сквозь пальцы. Давно его надо к стенке”. Передавая отцу этот казаковский демарш, Елена Андреевна советовала убедить владыку в необходимости немедленно

¹ По позднему устному разъяснению автора пишушему эти строки, покидая под давлением силы свой архиерейский дом, архиепископ Митрофан, сопровождаемый указанными лицами, зашел в нижний храм кафедрального собора будто бы для того, чтобы там, на горнем месте алтаря, под седалищем, закопать в грунт свои драгоценные панагии, которые, по-видимому, и до сих пор лежат там, где они в то время были закопаны архипастырем-мучеником.

Если до сих пор, при каком-либо случайном обнаружении, они еще не похищены кем-нибудь, хотя бы из многочисленного числа разного рода рабочих, многократно громивших и «переоборудовавших» для различных нужд алтари и храмы кафедрального Успенского собора, — то можно предполагать, что эти спрятанные святыни и ценности в будущем могут быть обнаружены...

уехать из Астрахани. Вот мы тогда же и решили предложить владыке свой план».

В доме ректора духовной семинарии владыке пришлось жить недолго: в самом конце декабря 1918 года семинария и все монастырские помещения были заняты командными курсами. Владыка переселился к Н. Г. Пальмову — в дом Благовещенского монастыря, в котором Пальмов был духовником (сейчас это угол улиц 3-й Интернациональной и Калинина № 2—10). Это было последнее жилище, последнее пристанище мученика.

Между тем находящиеся в Кремле воинские части заняли не только архиерейский дом, но и соборы под складские помещения. 12(?—25) февраля 1919 года в Астрахани был создан Революционно-военный Комитет во главе с С. М. Кировым. Ревком разместился в доме Губина на Кутуме, архиерейский дом стал резиденцией коменданта Кремля Казакова; соборы по-прежнему использовались для военных нужд (они были освобождены и переданы верующим в 1920 году).

Приезд в Астрахань Кирова и Атарбекова 6(?—19) января 1919 года внес в жизнь города большие изменения. Тревожное состояние городской жизни перешло в напряженное положение, вследствие того, что началась встреча устоявшейся жизни. Оказывается, в городе таилось много противодействующих сил. В повестях, освещающих астраханские дела того времени (*Холопов Г. К. Грозный год. [Роман]. М.: «Молодая гвардия», 1955 и др. изд.; Кремлев И. Л. Большевики. Трилогия. Т. 1—3. М.: Советский писатель, 1956 и др. изд.*) так и рассказывается, что Киров и Атарбеков считали своей главной задачей очистить город от контрреволюционных сил. Началась чистка партийных рядов, а затем и чистка советского аппарата. На первых порах были репрессированы рыбопромышленники: Агабабов, Беззубиков, Хлебников, Винников, владельцы магазинов: Шлеин, братья Фабрикантовы, хлебозаводчик Федоров, три брата — врачи Еллинские и многие другие (*Холопов Г. К. Грозный год. С. 155*).

25—26 (февраля? — 10—11 марта) в Астрахани происходила гражданская война, после которой репрессии усилились: были расстреляны одиннадцать человек — причт и совет церкви села Карантинного. 2(?—15) марта расстрелян староста Князь-Владимирской церкви Алексей Иванович Кочкарев — неграмотный конопатчик.

Владыка до сих пор сохранял внешнее спокойствие, совершал богослужения в приходских храмах, но после событий с репрессиями церковных работников стал нервничать и неоднократно повторял одну и ту же фразу: «Что же делать? Этак они уничтожат все духовенство. Как же быть?»

25 марта, в день Благовещения, владыка совершал литургию в Благовещенском монастыре и в проповеди коснулся «погибших в результате ненужных и бесполезных действий гражданских властей», а после литургии совершил панихиду по убиенным. Тогда это расценивалось в православных кругах как акт смелый, но влекущий за собой грозные последствия. Так это, конечно, и должно было случиться. После Благовещенской панихиды в воздухе запахло грозой... Все чаще до окружающих владыку Митрофана лиц стали доходить слухи об угрожающей ему опасности. Его имя все чаще и чаще упоминалось в кругах, настроенных против него. Тот же Казаков, теперь оказавшийся в составе ЧК, не переставал интересоваться владыкой. В конце марта, в самом конце Страстной недели, к владыке Митрофану явилась целая делегация и повела с ним разговор о необходимости немедленного выезда из города. «Я, — говорит о. Димитрий Стефановский, — и Пальмов стали доказывать ему крайнюю опасность дальнейшего пребывания его в городе. Я взял на себя смелость и сказал: „Владыко, нам подлинно известно, что среди военных есть лица, требующие вас „к стенке“. Вам нужно немедленно, именно сейчас, оставить Астрахань. Мы приготовили вам дощаник, на него уже погружена семья Саввинского. Вас там ждут. Завтра, может быть, уже поздно будет“. И снова владыка рассердился, как и в первый раз. „Вы предлагаете мне побег, и это в то самое время, когда у нас на глазах расстреливают невинных наших братьев. Нет, я никуда не уеду от своей паствы; на моей груди Крест Спасителя, и он мне будет укором в моем малодушии. Хочу спросить и вас: почему вы не бежите? Значит, вы дорожите своей честью больше, чем я должен дорожить своим апостольским саном? Знайте, я совершенно чист и ни в чем не виновен перед своей Родиной и народом“. Мы ушли от владыки, положась во всем на волю Божию».

Владыка Митрофан совершал пасхальные богослужения, был радостен. «Но в наших душах беспокойство за него росло все больше, потому что репрессии в городе не прекращались», — говорит почтенный отец ключарь.

Час, которого все боялись и со страхом предчувствовали его приближение, наступил. Это было 25 мая (7 июня), канун праздника Святой Троицы. Владыка служил всенощную в Троицкой церкви, ныне не существующей. После службы он остался ночевать у настоятеля — о. Григория Степанова, намереваясь утром, в день Троицы, служить здесь литургию. Он был арестован в первом часу ночи. Когда вошли вооруженные люди, владыка сидел в кабинете о. Григория и делал наброски к завтрашней проповеди. В доме заволновались, раздались женские плачущие голоса;

владыка был спокоен. Он быстро надел рясу и скуфью о. Григория, перекрестился и, преподав благословение всем столпившимся около дверей людям, молча последовал впереди арестовавших его.

Эта ночь под Троицу открыла перед владыкой Митрофаном его крестный путь, который привел его на Голгофу.

В один и тот же час был арестован владыка Леонтий, в своей резиденции — Иоанно-Предтеченском монастыре.

Арест епископа Леонтия кажется тем более удивительным. Если владыка Митрофан был деятелем большого масштаба, пользовался всероссийской известностью и мог быть в определенную полосу одиозен для некоторых кругов, то в противовес ему владыка Леонтий был незаметен, скромн, за пределы чисто церковных дел не выходил. Больше того, в самом начале становления Советской власти он публично декларировал свою лояльность новому политическому строю, напечатав в местных газетах приветствие возрожденному будущему. И вообще никто бы не мог послать владыке Леонтию упрека в какой-либо его политической деятельности.

Обоих узников поместили в камеры ЧК в доме купца Степанова. Это красивый особняк (цел и сейчас) выходит фасадом на Кутум (Красная Набережная) под № 40, а все дворовые постройки сквозного двора выходят на Б. Демидовскую (ныне ул. Свердлова) № 45. В особняке со стороны Кутума помещалась администрация ЧК, а со стороны Б. Демидовской, в бывших торговых и складских помещениях, размещались тюремные камеры. Вход к ним с улицы был через узенький проход, с массивной железной дверью (все это сохранилось и теперь).

К утру население города уже знало об аресте архиереев. Днем иподиакон Алексей Милашевский передал через охрану небольшие постели и пищу арестованным, и ему даже удалось увидеть их обоих во дворе.

8

Так началась новая страница в жизни обоих узников.

Все были уверены в полной невинности арестованных и, конечно, отдавали себе отчет в том, что их арест был вызван только тем, что они архиереи и своим положением могут оказывать влияние на массы. Если при этом учесть, что один из них известен всей России и как иерарх, и как член Государственной Думы, а другой — барон, то ясно, конечно, что пребывание на свободе их в те времена было чудом. Логика вещей слишком проста, и вряд ли надо было искать причин к их изоляции.

Между тем соборяне сейчас же принялись за поиски путей к освобождению заключенных владык. Нашли доступ к М. Л. Аристову,

командиру 156 полка, видному представителю военного командования в Астрахани. Доктор Романов через своего товарища — доктора А. А. Каплина, встретился с Аристовым (шурином Каплина) и просил его о содействии через Кирова. Аристов обещал поговорить, но на другой же вечер дал отрицательный ответ. По словам Романова, Аристов не решился говорить с Кировым, а с Атарбековым¹ считал разговоры бесполезными, зная его жестокую натуру и вероломство. Но он беседовал со следователем, и тот ему сказал, что архиереи ни в чем не виновны и что допрос их, по указанию Атарбекова, ведется лишь в области их церковной деятельности. Аристов упрекал обоих архиереев в том, что они не учли обстановки и пошли на определенный риск, оставаясь в почти осажденном городе. От Аристова соборяне узнали фамилию следователя и его адрес. В передаче ключаря и соборного старосты И. И. Ивлева — фамилия следователя — Цепляев, у Пряхина — Сопляев. Вскоре Ивлев и Пряхин встретились со следователем, который полностью подтвердил слова Аристова о невинности узников и советовал немедленно ходатайствовать за них. Это была трудная задача — идти к такому человеку, каким был в глазах астраханцев Атарбеков. Рассказывают, что когда он шел по улице, прохожие прятались в первые попавшиеся ворота. И все-таки соборный староста решил идти к нему. Вот как он передавал встречу с Атарбековым. «Пришел я в ЧК и после долгой процедуры получил пропуск к Атарбекову. Он сидел у себя в кабинете, худой, бледнолицый, меднобородый, с воспаленными глазами. Я рассказал ему о цели своего визита, он слушал не прерывая, и когда я кончил, он спросил меня, уверены ли верующие в невинности архиереев и ручаются ли они за то, что они будут вести себя поцерковному и не будут вмешиваться в политику. Я обрадовался такому спокойному тону и, конечно, поручился за архиереев. В ответ на это Атарбеков сказал, чтобы я принес ему письменное ходатайство. Я ушел от него вполне уверенный в том, что визит удался и скоро наши узники будут на свободе. При выходе из коридора я почти столкнулся с владыкой Митрофаном; его вел от следователя конвоир, оказавшийся славным малым. Я сказал владыке о своем визите и о содержании беседы с Атарбековым. Владыка ответил: „Хлопочите, я чист и ни в чем не виновен — вы за меня краснеть не будете...”

В тот же вечер, на квартире у о. Димитрия, мы составили письменное ходатайство в духе требований Атарбекова, поставили на бумаге

¹ Атарбеков (Атарбекян) Георгий Александрович (1892—1925), советский государственный и партийный деятель. С 1918 г. в органах ЧК. С 1921 г. председатель ревкома северных районов Армении; нарком почт и телеграфов. — *Примеч. ред.*

более десяти подписей и печать, а утром, окрыленный надеждой, я поспешил к Атарбекову. Он прочитал мою бумагу и сказал, почему ходатайство от собора, а не от союза церквей, я ответил ему, что соборянам казалось так лучше, если же требуется иначе, я готов принести любую нужную бумагу. Атарбеков вдруг рассвирепел: „Почему ваш Митрофан не вошел в союз церквей? А теперь ты цепляешься за этот союз и хочешь принести мне бумагу от него. Вот что, друг, бери свою бумагу и уходи и не попадайся мне на глаза. Если еще придешь, то я расстреляю сначала Митрофана, а потом тебя”. Я взял бумагу и быстро вышел на улицу. На Сапожниковском мосту меня ожидал ключарь и, увидев меня бледного и дрожавшего, понял, что моя миссия оказалась безуспешной».

Шли дни, узники находились в заключении. Почти каждый день им носили пищу. Следователь ЧК А. П. Доктусов постоянно информировал соборян о состоянии заключенных. Так что все заинтересованные люди знали все, что происходит с ними. Но вот тот же Доктусов принес страшную весть: узники расстреляны. Это было 23 июня (06.07) в день праздника иконы Владимирской Божией Матери. Ночью Доктусов был на службе в ЧК и был свидетелем совершенного убийства. Это произошло на рассвете. Доктусов тут же поспешил домой, и от него стало известно о случившемся.

Между тем, иподиакон И. Пупов, не знавший о смерти заключенных, утром по обычаю отправился в ЧК с передачей; конвоир передачи не принял, взял иподиакона за рукав и, приведя в караульное помещение (существует и теперь — у ворот с правой стороны) подвел к окну. Пупов увидел повозку, сверху накрытую рогожей и понял все. Через час весь город знал о смерти архиереев. В этот же день в газетах был напечатан список расстрелянных ночью. В числе 61 упоминались епископы Митрофан и Леонтий.

В слезах и страхе бросились соборяне в ЧК просить выдать им останки владык. «Мать владыки Митрофана в истерике бросилась к ногам часового, чтобы ее пропустили к Атарбекову, — говорит Александра Михайловна Попкова, — но нас безжалостно прогнали и не допустили к Атарбекову. Единственно, что мы увидели, по милости часового, — это повозку, наполненную телами под рогожей и стоявшую во дворе на солнцепеке. И шли мы к своим убитые горем, уверенные в том, что и архиереев отвезут вместе с другими на свалку собачьего бугра и там зароят. Что делать, как быть?» Но бедных женщин ждало неожиданное утешение: о. Димитрий с И. П. Ивлевым разыскали извозчиков, тех самых, на которых лежит печальная обязанность перевозки мертвых тел. Под большим секретом и за огромные деньги они

согласились доставить прах убитых в условленное место, со строжайшим условием совершить погребение до наступления рассвета.

Около часа ночи, когда город засыпал, извозчики принялись за свою работу, потянулись повозки за город. Около Красного моста одна повозка на миг остановилась, с нее быстро сняли двух покойников и переложили в ожидавшую телегу.

Там, около Покрово-Болдинского монастыря толпились люди у свежевырытой могилы. Оба покойника были в ночном белье. Теперь, при замаскированном свете фонаря, можно было разглядеть их. Рубашка владыки Митрофана окровавлена на груди и у рукавов, правый висок раздроблен, левая часть бороды вырвана, вокруг рта рана, на сгибе правой руки синяк и кровоподтек. Окровавленную часть рубашки женщины вырезают. Владыка Леонтий убит залпом, судя по трем кровавым отверстиям в сердце и груди. Кровавое пятно на рубашке также вырезается. Обоих одевают в приготовленное новое белье, владыку Митрофана облачают в священнические одежды, о. ключарь снимает с себя наперсный Крест для владыки Митрофана, к цепи прикрепляется железная коробка и в ней записка с изложением обстоятельств кончины и погребения. Для владыки Леонтия нашелся епитрахиль. (Ни гробов, ни облачений добыть было нельзя ввиду спешности погребения.) Отец Димитрий начал панихиду. Все собравшиеся пели погребальные напевы, плакали и трогательно прощались с новопреставленными. Вечную память пели, когда уже занялась заря. Первым в могилу положили владыку Леонтия, а сверху — владыку Митрофана; обоих завернули в простыни, предали земле, на могиле сделали небольшой холм.

Могилу их отыскать не трудно. Если от западного входа в Покрово-Болдинский монастырь идти на юг вдоль внешней стороны каменной ограды, то надо дойти до самого южного угла; от угла повернуть на юго-запад и сделать 50 шагов в этом направлении. На их могиле был возведен небольшой кирпичный оштукатуренный памятник, на котором было написано: «Архиепископ Митрофан и епископ Леонтий — убиенные 23 июня (06.07).1919 г.».

Автор вместе с архиепископом Фаддем (Успенским) дважды в 1925 году был у этой могилы на панихидах. В 1930 году памятник был разрушен, ввиду беспрерывных многочисленных паломничеств к могиле. Автор видел обломки памятника, старательно сложенные чьей-то благочестивой рукой в штабель. Теперь и обломки исчезли, и не осталось внешних примет.

Лишь под землей, на полуметровой глубине, заложены бутылки с вложенными в них записками, рассказывающими о страшной трагедии.

Наша печальная повесть была бы неполной, если бы в ней был пропущен главный пункт — момент смертной казни епископов. Тем более такое упущение было бы непростительным для автора, осведомленного вполне об этом обстоятельстве.

У почтенного о. ключаря в свое время было записано следующее: «Наконец мне удалось встретиться с очевидцем смертной казни архиереев. Это был средних лет человек по фамилии Терехов. Он рассказал мне, что в ночь их казни он, Терехов, был дежурным по камерам арестованных. Около трех часов ночи к камере, где содержались епископы, подошли комендант ЧК Волков и караульный начальник. Комендант вошел в помещение, и Терехов видел, как он толкнул ногой спавшего на койке архиепископа Митрофана и услышал голос: „Вставай“. Терехов видел, как тот встал и начал надевать рясу, но комендант схватил его за воротник рясы и закричал: „Живее выходи, на том свете обойдешься и в...“ (тут он назвал один из предметов нижнего белья). Вслед за этим комендант ухватил его за руку и потащил к двери, а, оказавшись во дворе, быстро-быстро зашагал и тянул за собой свою жертву.

Архиепископ Митрофан был в одном белье и босиком; сделав несколько шагов, архиепископ споткнулся и упал. Терехов подбежал к нему, поднял и вместе с Волковым довел до закоулка, где происходили расстрелы. Здесь стояли трое с винтовками. Архиепископ Митрофан, увидев их, благословил по-архиерейски двумя руками, за что Волков ударил его рукояткой револьвера по правой руке и сейчас же схватил его за левую часть бороды, с силой нагнув голову владыки вниз, и в таком положении выстрелил из револьвера в левый висок. Убитый упал. Уходя с этого места, Терехов услышал второй выстрел из револьвера. Через несколько минут те же лица вновь вошли в камеру и вывели оттуда епископа Леонтия. Терехов слышал голос: „Эй, выходи скорее, клади своего приятеля в телегу“. Епископ был так же в нижнем белье. Едва он дошел до этого же места, как раздался ружейный залп. Утром Терехов видел, что у владыки Митрофана вырвана левая часть бороды и разорван рот».

Следователь ЧК А. П. Доктусов был в это время во дворе ЧК, видел самую казнь, и его рассказ совпадает с рассказом Терехова, с тем различием, что, когда солдаты после преподанного им владыкой Митрофаном благословения отказались стрелять, его убил выстрелом из револьвера сам Атарбеков, находившийся на террасе, рядом с местом казни. Может быть, это был второй выстрел, о котором говорит Терехов?

То же самое рассказывал и И. П. Ивлев, слышавший об обстоятельствах казни епископов из достоверных источников. Во всяком случае все это совпадает с тем, что видели погребавшие у убитых: и вырванную часть бороды, и рану у рта, и перешибленную руку, и раздробленный висок.

10

В повестях, посвященных обороне Астрахани в период гражданской войны («Крепость на Волге» — Кремлева, «Грозный год» — Холопова и трилогии Кремлева) упоминается о существовавшей в Астрахани контрреволюционной группе «цианистый калий». В брошюре Мушкатерова¹, посвященной борьбе за установление советской власти в Астрахани, утверждается, что среди участников этой группы находились архиепископ Митрофан и епископ Леонтий. Они будто бы, как и другие члены группы, принимали участие в заговоре против военных руководителей и личного состава воинских частей. Заговор состоял в том, что группа из шестидесяти одного человека должна была отравить цианистым калием намеченных лиц из числа военных.

Но такое утверждение, касающееся епископов, вряд ли может претендовать на достоверность. Невероятность подобной авантюры ясна сама по себе, если представить, как два человека в рясах и клобуках пробираются в расположение воинских частей и пускают в ход отравляющие средства. Представить себе такую картину может лишь человек с болезненным воображением. Но дело не только в психологическом подходе к этому вопросу. Мы располагаем данными, фактически и логически опровергающими участие епископов в заговоре. Во-первых, мы имеем свидетельства двух следователей ЧК — Цепляева и Доктусова, утверждавших полное отсутствие каких-либо обвинений против епископов. Во-вторых, Холопов трижды утверждает, что арест всех заговорщиков — 61 человека — произведен одновременно в ночь с 18 на 19 июня (1 на 2 июля) 1919 года («Грозный год», с. 240, 254). У Холопова так говорит Атарбеков: «особый отдел [...] узнал адреса и планы ее участников и в ночь с первого на второе июля [с 18 на 19.6 ст. ст. — *Сост.*] арестовал одновременно всех заговорщиков (там же, стр. 524). То же говорит и Мушкатеров в своей брошюре (с. 123), хотя и неправильно передает это событие. По Мушкатерову выходит, что группа из 61 человека в ночь на 19 июня (2 июля) должна была «начать осуществление своего плана», но была в эту ночь аре-

¹ Имеется в виду брошюра: *Мушкатеров Н. В.* Оборона Астрахани и разгром контрреволюционных сил в Астраханском крае. Астрахань, 1961. — *Примеч. ред.*

стована, однако из диалога Кирова с Атарбековым 17(30) июня, т. е. за день до ареста («Грозный год», с. 240) видно, что эта группа существовала, но пока не действовала. Мушкатеров неизвестно для чего и в противоречие с взглядом самого Атарбекова активизировал группу.

Но дело, конечно, не в этом, а в том, что епископы были арестованы 25 мая (7 июня н. ст.), а не в ночь на 19.6 (2 июля), когда была арестована вся группа. Этот факт, т. е. арест епископов за 24 дня до ареста всей группы «цианистый калий» прежде всего доказывает, что они не являлись и не могли быть участниками заговора, если заговорщики были арестованы все одновременно. В интересах следствия было, чтобы все участники подверглись аресту одновременно. Это и понятно, потому что аресты поодиночке означали бы провал всей организации. Кто бы из членов группы стал спокойно ждать своей очереди и не предпочел бы скрыться? Разве не значит поэтому, что преждевременный арест двух «участников» группы — епископов испортил все дело, и ЧК вряд ли собрало бы к 18 июня (1 июля) всех подозреваемых. Это логически неоспоримо.

Что епископы были арестованы 25 мая (7 июня) — это факт неоспоримый. Еще живы сотни богомольцев, собравшихся в день Троицы (26 мая) на богослужение, но, увы, услышавших страшную новость. Вчера владыка Митрофан служил всенощную, а вот сегодня осиротевшая паства, толпившаяся в ограде Троицкой церкви, переживала свое горе. Ключарь о. Димитрий тогда записал к себе в дневник: «26 мая (08.06) 1919 года. Сегодня ночью арестованы архиепископ Митрофан и епископ Леонтий. Что ждет нас дальше? Какая-то безнадежность и общее уныние».

В-третьих, поведение архиепископа Митрофана, пока он был на свободе, не вяжется с ролью «заговорщика». Его предупреждают об опасности, настаивают на том, чтобы он покинул город, — он непреклонен. Он знает, что раздаются голоса: «к стенке», и опять остается равнодушным ко всему. Неужели так может вести себя человек, замешанный в преступлении и уже обреченный? Не говорит ли этот факт за то, что он сознает себя лояльным и непричастным к каким-либо тайным политическим интригам и потому чужд опасений?

Какой же вывод может сделать объективный историк относительно причин гибели епископов? Причина одна — обстоятельства времени. Об этом очень красноречиво говорит Холопов в диалоге Кирова с Атарбековым: «Сколько всего человек подлежит аресту?» — спрашивает Киров. «Шестьдесят один». Киров продолжает: «Особый отдел нам надо превратить в грозный меч по борьбе с контрреволюцией... Нам надо расширить рамки завтрашней операции... ликвидировать не

только группу „цианистый калий”, но и всех других явных и тайных врагов» (Холопов Г. К. Грозный год. С. 241).

В начале этого диалога Атарбеков говорит Кирову, что группа состоит из 61 человека, но из них трое остались неразысканными. Значит, на другой день, т. е. в ночь с 18 на 19.6 (1 на 2 июля) арестованных по этой группе могло быть только 58 человек. Чтобы список подлежащих расстрелу пополнить — в него и включили двух епископов, ранее арестованных без всякой вины. Это было так просто: следствия и суда не полагалось, достаточно было одного списка, содержание которого зависело всецело от Атарбекова. Поди там разбирайся, кто явный враг и кто тайный. Но интуиция Атарбекова¹ и в те времена не убедила верующую массу: она не поверила в заговорщическую деятельность епископов и оплакивала своих мучеников. Церковь и теперь молится о них. Это лучшее доказательство исторической правды. Имя этих двух святителей Христовой Церкви «пронесли яко зло», но «много скорбей у праведника» (Пс. 33, 20), именно потому «праведники наследуют землю» (Пс. 36, 29).

[Митрофан (Краснопольский) Дмитрий Иванович; 22.10.1869–06.07.1919), архиепископ. Родился в Воронежской губ. в крестьянской семье. В 1890 г. окончил Воронежскую духовную семинарию, рукоположен в сан диакона. Овдовев, в 1893 г. поступил в Киевскую Духовную Академию, которую окончил в 1897 г. со степенью кандидата богословия. В 1896 г. пострижен в монашество, в 1897 г. рукоположен в иеромонаха. В 1897–1902 гг. инспектор Иркутской духовной семинарии. В 1902–1907 гг. ректор Могилевской духовной семинарии в сане архимандрита. 11.02.1907 хиротонисан во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии. В 1912–1916 гг. епископ Минский и Туровский. В 1916–1918 гг. епископ Астраханский и Царевский. С 25.04.1918 архиепископ Астраханский.

Определением Священного Синода от 26 декабря 2001 г. священномученик архиепископ Митрофан (Краснопольский) внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских. День памяти: 23.06/06.07. — *Ред.*]

Примечания [автора. — *Сост.*]

1. Алексей Афанасьевич Дмитриевский — доктор богословия, профессор Киевской Духовной Академии. Будучи уроженцем Астрахани и окончивши астраханскую духовную семинарию, участвовал по приглашению архиепископа Митрофана в составлении службы св. Иосифу.

¹ Трагичная гибель Атарбекова произошла, кажется, в 1927 г.; о ней — с предельным лаконизмом (как это полагается) — сообщалось в газетах. Рассказывали, что он летел в Москву. Над Каспием самолет загорелся и, объятый пламенем, низринул в море. Пилот своевременно выбросился на парашюте и тем спасся. — *Примеч. авт.*

С 1918 по 1923 г. жил в Астрахани, отправлял обязанности псаломщика в соборе. В 1922 году, вместе с епископом Анатолием [Соколовым] и ключарем о. Димитрием, Д. И. Пряхиным и другими лицами был осужден по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей.

2. Отец Димитрий Стефановский — ключарь кафедрального собора — был маститый протоиерей, человек глубокой веры, бесстрашный, всегда находившийся в центре всех событий. Мы видим его, когда архиерею угрожает опасность. Это он вдохновляет людей, когда они идут в ЧК ходатайствовать за невинных; он никуда не бежит, узнав о казни архиереев, напротив, он добивается выдачи останков убитых и с огромным риском и бесстрашием совершает их погребение. Вообще бесстрашие — отличительная черта покойного о. Димитрия. В годы борьбы с обновленчеством его решительность и смелость были необыкновенны. Он резко выступал против разрушителей Церкви, за что неоднократно (более 10 раз) подвергался арестам, решительно ценой свободы отвергнул предложение присоединиться к обновленцам.

Отец Димитрий был осужден Астраханским губсудом по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Наказание отбыл.

1(14?) марта 1930 года вместе с архиепископом Филиппом (Ставицким) был выслан из Астрахани и скончался в Усть-Цильме.

Светлая личность этого исповедника ждет своего биографа¹.

¹ Как один из многочисленных фактов, характеризующий моральный облик о. Димитрия Стефановского, которым и будет украшена его будущая биография, о которой справедливо хлопочет здесь автор, сообщаем здесь следующее (по устному рассказу автора же):

«В самый разгул обновленческой вакханалии (по-видимому, дело происходило в 1928 году), на очной ставке в местном ГПУ встретились архиепископ Филипп (Ставицкий) и ключарь, протоиерей о. Димитрий Стефановский. Того и другого безуспешно склоняли примкнуть к обновленчеству с требованием соответствующей подписки.

Когда, наконец, выявилась совершенная безнадежность склонить двух почтенных старцев на измену Православной Церкви, взбесившийся от злости мальчишка-следователь, в бессильном остервенении, забывшись, ударил по лицу о. Д. Стефановского, вполне подходящего по возрасту ему в деды.

Последний невозмутимо перенес гнусное оскорбление, сказав лишь недорослю-хулигану:

— Как вам не стыдно! Что вы делаете?... Ведь это для меня не только не оскорбительно, но радует меня до глубины души и нимало не огорчает... Ничего-то вы не понимаете!

Вспоминая впоследствии этот эпизод, архиепископ Филипп говорил, что весь день тот он был в радостном, возвышенном состоянии духа, внутренне преклоняясь пред красотой и величием морального облика своего почтенного о. ключаря». — *Примеч. Сост.*

3. Иван Иванович Великанов — сын настоятеля церкви Князя Владимира, окончил Астраханскую духовную семинарию, был псаломщиком в соборе г. Красного Яра Астраханской губернии. Став певцом, — обладатель большого голоса, — он в 1923 году, одновременно с Максаковой, поступил в Большой театр. Потом пел за границей.

4. Михаил Петрович Романов — известный в Астрахани врач. Был членом Поместного Собора 1917—1918 гг. Михаил Петрович был исцелен по молитвам св. Иосифа от тяжелой и считавшейся неизлечимой болезни. По словам Романова, это исцеление привело его к глубокой вере. Церковный общественник.

5. Александра Михайловна Попкова, активная церковная общественница. Принимала участие в церковной жизни со времен архиепископа Афанасия (Дроздова).

6. А. А. Жданов — местный присяжный поверенный.

7. Е. А. Жданова — дочь А. А. Жданова, в замужестве княгиня Туманова. В истории гражданской войны ее именуют «княжна Туманова», в действительности она княжной не была, будучи лишь замужем за князем.

8. И. П. Ивлев — рыбак из с. Камызяка, Д. И. Пряхин — церковный общественник.

9. А. П. Доктусов — родной брат Н. П. Доктусова, профессора Московской Духовной Академии [в 1940—1950-х гг. — *Сост.*].

Церкви г. Астрахани при архиепископе Митрофане

В Кремле

1. Успенский кафедральный собор (верхний храм); Владимирский собор (нижний этаж).
2. Троицкий собор.
3. Никольская церковь.
4. Нерукотворенного Спаса (крестовая).

В городе

5. Николо-Гостинная (сейчас гор. архив).
6. Входа-Иерусалимская (в начале улицы Советской, снесена).
7. Знаменская (сейчас хлебозавод № 3).
8. Спасо-Преображенский монастырь (строится концертный зал).
9. Кирилло-Мефодиевская (миссионерская).
10. Рождества Богородицы (двухэтажная, снесена, на этом месте Дом книги).
11. Смоленская (ул. Трусова, снесена).

12. Благовещенский монастырь с двумя храмами: Иоанна Бого- слова и Живоносного Источника (остались монастырские стены).

13. Воздвиженская (снесена, находилась против женского мона- стыря).

14. Иоанно-Предтеченский монастырь (осталась одна церковь как склад).

15. Введения во храм (против Иоанновского монастыря, сейчас — гараж).

16. Никольская (в горобозе; уничтожена).

17. Афанасия Афонского (снесена).

18. Сошествия Св. Духа (снесена).

19. Николы Черногорского (снесена).

20. Покрово-Болдинский монастырь (остались некоторые здания).

21. Донской Божией Матери (на Казачьем бугре, снесена).

22. Казанская (на ул. Чехова; сейчас склад ящиков).

23. Покровская (пока, по милости Божией, существует).

24. Рождества Христова (отдана старообрядцам).

25. Петра и Павла (против тюрьмы, уничтожена).

26. Иоанна Златоуста (существует).

27. Князя Владимира (сейчас склад зерна). [В свое время освящена с участием о. И. И. Сергиева — Кронштадтского. — *Сост.*]

28. Тихвинская (на Паробичевом бугре, снесена).

29. Никольская (прокаженных, снесена).

30. Ильи Пророка (на Криуше, снесена).

31. Михаила Архангела (в Ямгурчеве, снесена).

32. Вознесенская (единоверческая, снесена).

33. Троицкая (на ул. Победы за каналом, снесена).

34. Петра и Павла (в Свободном, существует).

35. Преображенская (на Трусове, существует).

36. Никольская (на Трусове, снесена).

37. Скорбященская (на Трусове, снесена).

38. Никольская (на Заячьем острове, существует).

39. Георгия Победоносца (в Началове, снесена).

40. Рудненская (в Началове, снесена).

41. Павла Исповедника (на ул. Кирова, Нарсуд).

Домовые церкви (уничтожены):

1. Веры, Надежды, Любви (при женском епархиальном училище, сейчас школа Розы Люксембург).

2. Марии Магдалины (при Мариинской женской гимназии, сей- час школа имени Ленина).

3. Митрофана Воронежского (в архиерейском саду).

4. Утоли моя печали (не существует).

Иноверческие церкви

а) Армянские: Успенский собор (в конце Советской улицы), Петра и Павла (против армянской семинарии, теперешнего мединститута), Григория Великого (там же), Великомученицы Екатерины (на Криуше), Воскресения Христова (на Армянском кладбище). Все снесены.

б) Католический собор во имя Успения Божией Матери (на ул. Победы, под складом утиля).

в) Лютеранская кирка (против мединститута, на углу, снесена).

г) Старообрядческое подворье с церковью Покрова Пресвятой Богородицы (ул. Свердлова, церковь снесена).

Городские часовни (все снесены):

Никольская (на Кутуме, у Коммерческого моста).

Феодоровская (на Косе).

Троицкая (на Татарском базаре).

Воздвиженская (у Красного моста).

Никольская (рядом с церковью Николо-Гостинной).

Александровская (рядом с торговой школой).

Кирилловская часовня в Кремле (здание сохранено).

Благовещенская часовня при девичьем монастыре (здание сохранено).

51. Об ошибке автора в суждении о внешности митрополита Крутицкого Петра (Полянского)

Считаем, что автор «Воспоминаний» здесь ошибается; в описываемое им время митрополит Крутицкий Петр (Полянский) внешне выглядел как весьма болезненный и даже дряхлый старец, хотя лет ему было и не так уж много (родился в 1863 г.). У него постоянно был нездоровый, серо-зеленоватый оттенок кожи лица и большие, коричневые круги под глазами; говорили, что результат какого-то почечного хронического недуга.

Густой «рыжей» бороды — как сообщает автор — у митрополита никогда не бывало: шевелюра на голове (довольно длинная) и борода были почти седыми, что в сочетании с нездоровым лицом и постоянно утомленным выражением глаз, бывших когда-то голубовато-серыми, а теперь старчески-бесцветными, — делало вид его определенно дряхлым, немощно-усталым.

По-видимому, описывая события почти сорокалетней давности, автор в данном случае спутал облик митрополита Петра с внешностью

епископа Сарапульского Алексия (Кузнецова), именно в то же самое время появившегося в Донском монастыре, у Святейшего, и некоторое время фигурировавшего там.

Этот, действительно, был обладателем «густой рыжей бороды». О нем см. комментарий 55.

52. К процессу астраханских церковников по «делу» о сопротивлении изъятию церковных ценностей (епископ Анатолий Соколов и др.)

Совратившийся впоследствии в обновленческий раскол епископ Астраханский Анатолий (Соколов; бывший Председатель Училищного Совета при Святейшем Синоде в предреволюционное время)¹ первоначально зарекомендовал себя как прямой и стойкий православный иерарх.

Поведение его на астраханском процессе по «делу» о сопротивлении изъятию церковных ценностей достаточно рельефно обрисовано тем же автором в другой его объемистой рукописи, носящей название «Записки адвоката» (Астрахань, 1961), так и не увидевшей печати, так как содержит в себе слишком много «характерных особенностей» из юридического и правового мира, свойственных эпохе Сталина и Вышинского...

Относительно Анатолия (Соколова) в этой рукописи говорится:

«Когда в конце 1922 года рассматривалось дело по обвинению группы лиц в сопротивлении изъятию церковных ценностей, то этот процесс не только был организован по всем правилам, но на нем возникали и обсуждались тонкие юридические вопросы.

Фабула дела такова: в 1921 году [ошибка, следует: в 1922 г. — *Сост.*] Советское правительство издало закон об изъятии из церковных хранилищ всех ценностей в пользу голодающих. Церковные организации отказались сдать их, т. к. все они состояли из священных предметов [и были пожертвованы в храмы вкладчиками для строго определенных, религиозно-богослужебных надобностей. — *Сост.*]. Церковные объединения увидели в этом акте наступление на чувства верующих и кощунство над

¹Анатолій (Соколов Федот Андреевич, 07.06.1865—1942), обновленческий митрополит. В 1891 г. рукоположен во иерея. В 1904 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, кандидат богословия. В 1891—1914 гг. на учебно-духовной работе. В 1915 г. пострижен в монашество. 21.09.1919 хиротонисан во епископа Енотаевского, викария Астраханской епархии св. Патриархом Тихоном. В 1922 г. был судим по делу об изъятии церковных ценностей. В том же году уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. обновленческим ВЦУ назначен правящим Астраханской епархией. С 06.07.1927 обновленческий митрополит. В 1937 г. уволен на покой будучи правящим Костромской епархией. Скончался в Костроме вне общения с Православной Церковью. — *Примеч. ред.*

предметами богослужения. Русский Патриарх усмотрел в этом вторжение власти „во святая святых верующего человека” и своим посланием указал „ценностей не сдавать”. На местах послание приняли к исполнению, и началось сопротивление мероприятиям власти. Конечно, ценности были отобраны, а люди, руководившие сопротивлением, были преданы суду.

Обвинялись местный епископ Анатолий, профессор Киевского университета-астраханец, живший в Астрахани, А. А. Дмитриевский, соборный ключарь Д. А. Стефановский и ряд других лиц.

Я уже сказал, что процесс был организован по всем процессуальным правилам, с участием двоих обвинителей: Фокина и Макарова и 8 защитников (Черняк, Жданов, Осипов, Коханов и др.). Председательствовал Ф. А. Криворотов.

Правда, процесс был больше похож на диспут. Фокин с Библией в руках доказывал, что библейский Бог — злой. В этом плане он допрашивал подсудимых, особенно Дмитриевского, а затем на библейских текстах построил обвинительную речь.

В первый день процесса стороны спорили по такому вопросу: Фокин спросил епископа Анатолия о том, к какой партии он принадлежит? Обвиняемый ответил: „Аполитичен”. Фокин: „Аполитичных людей не бывает [?! — *Сост.*]. Церковь находилась на службе у царского правительства — значит Ее деятели — монархисты”.

[Вопрос обвинителя явно провокационный, так как советский юрист не может не знать, что в нашей стране существует только одна партия — коммунистическая атеистическая, к каковой православный епископ принадлежать не может, даже если бы разделял ее социально-политические установки. — *Сост.*].

Епископ Анатолий: „Нет. Религия и политика — понятия различные. Религия — вечный союз с Богом, законы религии непреходящи. Политика же — только люди, подобно перчаткам и пуговицам. Мое кредо — состоять в вечном союзе с Богом, а не с политикой”.

Фокин: „Вы эти басни пока бросьте и рассказывайте их старухам, а мне отвечайте на вопрос прямо”.

Епископ Анатолий: „Если вы претендуете на остроумие, то в ваших словах его так немного. Я остаюсь при своем мнении”.

Защитник Черняк обращается с заявлением к суду об устранении вопроса обвинителя. Обвинитель Фокин настаивает на своем вопросе. Суд удаляется на совещание и определяет — считать вопрос Фокина устраненным.

Второй юридический вопрос возник в один из следующих дней, по такому поводу. Подсудимый епископ Анатолий жил в Ивановском монастыре и, будучи под подпиской о невыезде, ходил в судебное засе-

дание пешком. Но уже с первого дня процесса его окружала многотысячная толпа, сопровождавшая в суд. Вся Советская улица была забита народом и, естественно, замедляла шаги епископа, и в здание, где происходил суд (Думский зал), он пробирался с большим трудом. Это, вероятно, была своеобразная демонстрация в защиту подсудимых. Фокин, сославшись на то, что епископ Анатолий „по неизвестным причинам” опаздывает на судебные заседания, обратился к суду с ходатайством об изменении ему меры пресечения, т. е. взятия под стражу на время суда.

Защитник Черняк энергично возражал, ссылаясь на то, что у суда нет права изменять принятую и утвержденную тем же судом меру пресечения, если обвиняемый ее не нарушил. Вопрос очень тонкий. Обвинитель еще дважды настаивал на своем заявлении. Защитник возражал. Суд удалился на совещание и отказал в домогательстве обвинителя, мотивировав тем, что если обвиняемый ничем не нарушил избранной меры пресечения, то у суда нет права ее изменять на худшую.

Процесс закончился небольшими сроками условного наказания».

После наказания, понесенного по этому процессу, епископ Анатолий возвращается в Астрахань и, по-видимому, «страха ради иудейска», совращается в обновленческий раскол, где, воленс-ноленс¹, уже в сане раскольнического «митрополита» громит Астраханскую православную епархию. Эта война его против Церкви продолжается до 1930 года; именно этот период его деятельности (т. е. особенно ретивую борьбу с Православием на первых порах перехода в обновленчество) имел в виду Святейший Патриарх Тихон, когда беседовал об астраханских делах с посетившим его в Донском монастыре автором «Воспоминаний».

Конечно, Астраханской епархии он причинил — в свое время — много бед и скорбей...

Скончался обновленческий «митрополит» Анатолий в 1942 году в Костроме, состоя «на покое», — вне общения (конечно) с Православной Русской Церковью, Которой когда-то отдал значительную часть своей ученой пастырской жизни и деятельности...

Отметим, как курьез, что отпевание тела почившего совершенно другим проживавшим там же обновленческим «митрополитом» бывшим Воронежским и Задонским Корнилием (Поповым), состоявшим в то время в одном из костромских обновленческих приходов, на амплуа... приходского священника!

Напомним, что в самые первые годы текущего столетия этот «митрополит», будучи еще священником Константином Поповым, состо-

¹ Volens nolens (лат.) — волей-неволей.

ял Ярославским епархиальным миссионером и пользовался любовью и доверием тогдашнего архиепископа Ярославского и Ростовского Тихона — впоследствии Святейшего Патриарха, которому так жестоко — злом за добро — отплатили впоследствии оба эти, с позволения сказать, иерарха!

53. Уточнение фамилии Орлянского

Полагаем, что здесь автор «Воспоминаний» ошибается, и персонаж, фигурирующий у него под фамилией Орлянского, в действительности был Орлеанским, известным в 1918—1920 гг. погромщиком Православной Церкви в Костромской епархии (где еще в 1929 году жила о нем печальная слава; «славно бо прославися»!).

Если замечание наше является справедливым, то пребывание его в ведомстве Смидовича-Красикова в середине 1920-х годов, где и когда автор «Воспоминаний» имел незавидный случай с ним встретиться явление вполне закономерное: заслуженный рост по работе.

54. VIII Отдел НКЮ и первые «деятели» по разгрому Православной Русской Церкви

П. А. Красиков (см. о нем ниже), о котором упоминает автор «Воспоминаний», был в то время заведующим VIII Отделом (позже переименован в V Отдел) Наркомюста (или НКЮ, т. е. Народного Комиссариата Юстиции).

Что же это за Отдел Наркомюста и чем он занимался?

Возник он «9 мая 1918 года при Народном Комиссариате Юстиции и по предложению его заведующего и бессменного руководителя П. А. Красикова назван „Отделом по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства”» (*Персиц М. М.* Отделение церкви от государства. С. 111—112).

Таким образом, судя по названию, казалось, что его единственной и естественной деятельностью, как Отдела Народного Комиссариата Юстиции — должны были быть: разъяснительная правово-юридическая работа по всем вопросам, связанным с воплощением декрета в жизнь и руководство по наиболее безболезненному практическому осуществлению этого декрета на местах.

Казалось, что Отдел с первых же шагов своей деятельности сумеет занять правильную позицию и во всяком случае взять под защиту нарождающейся законности многомиллионное православно-русское население от незаконных наскоков на него со стороны «научно-атеистических» пришибевых, почувствовавших праздник на своей улице и прекрасно усвоивших факт полнейшей безнаказанности за любые

насилия и безобразия, чинимые над «попами» и иже с ними, ради так называемого светлого будущего.

В действительности все пошло по совершенно иному пути. Ни о каком охранении чьего-либо права или законности никто в Отделе даже и не помышлял, и, как выяснилось с самых же первых дней его существования, он был задуман и создан только как ударный штаб по разгрому Православной Русской Церкви и по борьбе «с религией», т. е. с тем многомиллионным населением России, которому была чужда и неприемлема новая явленная, нерусская идеология Красиковых...

Для видимости (в целях большего тактического эффекта) этому учреждению была придана законническая, правово-юридическая внешность.

Нисколько не удивительно поэтому, что с самых первых своих шагов и во все дальнейшее время своего существования этот Отдел не только не корректировал юридически возникавшие на местах конфликты и тяжелые недоразумения, порожденные отсутствием законов, касающихся регламентированных декретом новых взаимоотношений Церкви и государства, но нередко своим участием еще более усложнял тяжелые и запутанные отношения, сложившиеся на местах у гражданских властей с представителями церковных организаций. Отдел сразу же стал поучать и стращать апеллирующее к нему — по неведению — верующее население, так что последнее второй раз уже не рисковало искать «законности» в затруднительных случаях, совершенно основательно опасаясь «как бы чего не вышло!..».

Поучая «несознательные» верующие массы и переругиваясь с «попами», деятели VIII Отдела этой своей показной, декоративной «работой» на деле прикрывали более важную и сокровенную: постоянную организацию и консультацию всех антицерковных сил на местах и нацеливание их на «законную» борьбу с Церковью и «попами». Таким образом, все бесчисленные, последующие, тяжелые конфликты Церкви с новой государственностью не только никогда не находили своего «законного» разрешения при содействии этого специально созданного учреждения, но, по-видимому, как раз наоборот, именно этим, так называемым VIII Отделом НКЮ, всегда сознательно усложнялись и заострялись до последнего предела и неизменно решались не в пользу Церкви, которая с точки зрения этого Отдела, по-видимому, никогда и не могла быть принципиально правой постольку, поскольку Она является именно Святой Православной Церковью...

Поэтому, по всей справедливости (и как это теперь уже в достаточной степени выявлено исторически), этот пресловутый VIII Отдел следует рассматривать (при всей его внешней законнической замас-

кированности) как первоначальную государственную организацию по борьбе с Церковью на базе декрета об «отделении Церкви от государства», целиком проникнутого — как известно — началами совершенной нетерпимости к религии и Церкви. И, конечно, декретом этим VIII Отдел воспользовался в полнейшей мере, а заданный им тон антирелигиозной «работы» оказался таковым, что два-три десятилетия спустя, распустившись в своем махровом цветении, с одной стороны, стал (и совершенно законно!) «притчей во языцех» буквально у всего цивилизованного человечества, а с другой стороны — принес столь неисчислимые и невероятные страдания великому множеству лучших русских людей, «виновных» лишь в том, что мозги их затесаны не так, как у тов. П. А. Красикова, а по-иному, и отсюда «вечные вопросы» решаются ими не совсем так, как приказывает начальство...

И поскольку «шила в мешке не утаишь» и народ наш не так уж глуп, как на это надеялся Красиков и иже с ним, то, несмотря ни на какую «косметику», истинная физиономия этого Отдела со страшной быстротой обнажилась во всей своей неприглядности на первых же порах его деятельности. И игра на два фронта выявилась во всем своем объеме.

Так, широковещательно «в специальном циркуляре от 21 декабря 1918 г. (3 января 1919 г.), касающемся проведения декрета в жизнь, VIII Отдел Наркомюста указал на необходимость избегать действий, которые оскорбляли бы религиозное чувство». Поэтому, например, «при передаче богослужебного имущества группам верующих граждан [имущества, только что отобранного у последних же! — *Сост.*]» совершенно «недопустимо, — говорится в циркуляре, — отобрание церковных облачений, мантий, платков с престолов, орлецов, других ковров и прочих богослужебных предметов и употребление их для революционных целей (перешивание на флаги и т. д.); недопустимо также снятие серебряных риз и украшений с икон, Крестов, Евангелий и престолов. [...]

Циркуляр предписывал „избегать каких бы то ни было действий [...] могущих казаться [...] разрядка наша. — *Сост.*] оскорбительными для того или иного культа”» (*Персиц М. М.* Отделение Церкви от государства. С. 128—129).

Это — одна сторона «деятельности» VIII Отдела; другая выглядит несколько иначе. Вот иллюстрация, заимствованная из антирелигиозной брошюры, изображающая ответ VIII Отдела «гражданам» деревни Поддубной, по наивности обратившимся сюда в 1918 году, в поисках своих юридических прав на организацию религиозного воспитания своих детей.

По первоначально многие прекраснодушные русские верующие люди принимали слова и положения декрета об отделении Церкви от государства за чистую монету!..

Вместо четкого и толкового ответа по существу заданного вопроса просители получают лицемернейшее велеречивое послание-поучение, которое не только уж по форме, но главное того — по существу своему является самым недвусмысленным «оскорблением религиозного чувства» и, стало быть (тем самым), и нарушением декрета об отделении Церкви от государства.

«В заключительной части письма говорится: „VIII Отдел предлагает гражданам деревни Поддубной, если у них имеется потребность [! — *Сост.*] у самих по старой привычке искать разъяснение вопросов жизни и природы в религии [! — *Сост.*], а не в науке, продолжать свободно [? — *Сост.*] самим придерживаться религиозных обрядов и верований, поскольку они не нарушают интересов мировой борьбы трудящихся с капиталом [!!?? лихо завернуто! — *Сост.*], детям же своим остерегаться [разрядка наша. — *Сост.*] навязывать [?! — *Сост.*] устарелые сведения об устройстве мира как физического, так и общественного, ибо сведения эти не могут быть полезны им в их борьбе с природой и с эксплуататорами. Что касается нравственности, то надо помнить, что не религия заставляет быть добрым гражданином и нравственным человеком трудящегося, а его борьба за устройство общественной жизни на основании правильно понятых им классовых интересов и правильно понятых законов природы”.

Этот и другие документы [продолжает автор брошюры. — *Сост.*] показывают, что VIII Отдел не ограничивал свою деятельность чисто юридической областью [разрядка наша. — *Сост.*]. Он поставил перед собой цель — всесторонне разъяснять декрет, а также разоблачать антинаучную роль религии и контрреволюционную деятельность духовенства [! разрядка наша. — *Сост.*].

Письменными ответами на запросы VIII Отдел не ограничивался. Почти каждое [!! — *Сост.*] письмо его в местный Совет заканчивалось уведомлением о возможности посылки лекторов для разъяснительной работы.

[Нетрудно себе представить, что это были за «лекторы» и какого рода «разъяснительную работу» они проводили на местах! — *Сост.*]

VIII Отдел издавал антирелигиозную литературу, призванную [? — *Сост.*] разъяснять политику Советской власти в отношении религии и Церкви. С 1919 г. начал выходить под редакцией VIII Отдела НКЮ журнал „Революция и церковь”, в котором печатались официальные

материалы и статьи на научно-атеистические темы» (Персиц М. М. Отделение Церкви от государства. С. 115—116).

Полагая, что приведенная цитата, в силу своей колоритности никаких особых комментариев не требует, добавим лишь, что заключительное утверждение почтенного автора о «научно-атеистических» статьях, печатавшихся в «Революции и Церкви» — совершенно фантастично ибо, во-первых, сам уровень руководителей журнала был весьма невысоким по своему интеллектуальному содержанию, а во-вторых, строго говоря, как деизм, так равно и атеизм, никогда не были и не могут быть ни «научными», ни «ненаучными», так как находятся совершенно в иной плоскости человеческого восприятия, чем сфера мыслительно-познавательная; один из них проповедует разумно-недоказуемое положение, а другой лишь отрицает его, проповедуя взамен «ноль».

Правда, так как ноль есть ноль, последний, то есть атеизм, постоянно нагло цепляется за вульгарную псевдонауку из чисто спекулятивных соображений, но, по крайней мере уже в наше время, эти его беспомощные и жалкие потуги никакого эффекта на мыслящего человека не производят. Таким образом, монополизированная VIII Отделом НКЮ «научно-атеистическая» сфера, с первых же дней своего существования в открытой форме, оказалась не под покровительством какого-либо гуманитарного учреждения, где ей по всей справедливости и следовало бы быть, а в цепких руках псевдонаучных шарлатанов и под тяжелой пятой законников и полицейщины где, впрочем, весьма уютно и, по-видимому, надолго устроилась.

Такого рода «научно-атеистической» деятельностью, на первых порах, с огромным азартом занялись следующие высокопоставленные лица: мадам А. М. Коллонтай, В. Д. Бонч-Бруевич, И. А. Шпицберг, П. А. Красиков, наконец «сам» Емельян Ярославский (М. И. Губельман) и тутти кванти... Впоследствии, когда безнаказанность и доходность такого рода деятельности выявились со всей очевидностью, миссионеров безбожия появилось бесчисленное количество, причем в немалой степени пополняется оно (и впредь, конечно, будет пополняться) за счет отбросов Церкви в виде разного рода Осиповых, Дулуманов, Кубиных, Спасских и тому подобных, но следует зафиксировать то обстоятельство, что пальма первенства бесспорно принадлежит здесь «знаменитому» попу-безбожнику о. Михаилу Галкину (он же Горев М. В.) и некоему «недоучившемуся семинаристу» Ионе Брихничеву.

Из первоначальных ожесточеннейших врагов Русской Церкви следует отметить следующих.

1. Коллонтай Александра Михайловна (1872—1952). Эта мадам не долго, но блистательно подвизалась на поприще «научного атеизма» в самые первые дни революции 1917—1918 гг., а затем вскоре переключилась на дипломатическую деятельность. Однако подготовка к национализации церковного имущества, насильственный захват Александро-Невской лавры и ряд других, подобных же мероприятий — теснейшим образом связаны с ее именем¹.

Пишущий эти строки прекрасно помнит эту даму по встречам с нею в Москве, когда — будучи еще подростком — многократно встречался с нею в саду, примыкавшем к особняку Вогау; на Воронцовом поле (ныне улица Обуха). Эта прекрасная усадьба была превращена в некий детский клуб, куда и жаловала частенько для оказания своего высокого и просвещенного внимания детям именованная в те дни Народным Комиссаром Общественного Призрения мадам Коллонтай.

Она держалась со всеми со снисходительной простотой царицы, а детей собирала в кучку вокруг себя и поучала с медоточивой улыбкой, но совершенно серьезно, немедленно доносить ей на своих родителей, буде последние осмелятся пороть своих чад или иными «устарелыми и отжившими» методами воздействовать на них в воспитательных целях, в то время как у нас провозглашены «высокие принципы братства, равенства и свободы». Эта знаменитая тогда дама тут же, в популярной форме, излагала окружавшим ее с разинутыми ртами малышам основы советской морали, этики и тому подобное, после чего все мы стремглав разбежались по домам — поделиться с родителями своими новыми познаниями, которые, впрочем, их слишком мало радовали!

Вскоре, однако, феерическая антирелигиозная деятельность мадам А. М. Коллонтай как-то померкла, затихла и всеми забылась...

2. «Бонч-Бруевич Владимир Димитриевич (1873—1955) — видный деятель Коммунистической партии и Сов[етского] гос[ударст]ва [...] публицист и издатель, этнограф и историк-исследователь в области религ[иозно]-обществ[енных] движений в России [...]. С 1946 Б[онч]-Б[руевич] руководил музеем истории религии и атеизма АН СССР [в Ленинграде] и сектором истории религии и атеизма Ин[ститу]та истории АН СССР [...] После Окт[ябрьской] революции Б[онч]-Б[руевич] принимал участие в подготовке декрета об отделении Церкви от государства и состоял

¹ Коллонтай А. М. Член ВКП(б) с 1915 г. В 1917—1918 гг. нарком государственного призрения. С 1920 г. заведующая женским отделом ЦК ВКП(б). С 1923 г. полпред и торгпред в Норвегии, первая в мире женщина-посол. 1930—1945 гг. посланник, потом посол СССР в Швеции. — *Примеч. ред.*

членом Комиссии ВЦИК по отделению Церкви от государства» (Краткий научно-атеистический словарь. М.: Наука, 1964. С. 88).

В. Д. Бонч-Бруевич еще по дореволюционным временам известен как горячий покровитель всякого рода сектантства (особенно толстовского стиля) и ярый ненавистник Православной Русской Церкви. Последние 20—30 лет своей жизни на политической, государственной поверхности не фигурировал. Как говорили, будто бы занимался «научной» работой в домашней, кабинетной обстановке.

3. Шпицберг Иван Анатольевич (1881—1933) — руководитель научного общества и изд[ательств]ва «Атеист», организованных в 1922 для издания атеистич[еских] и антиклерик[альных] работ сов[етских] и зарубежных авторов. «Под руководством Ш[пицберга] об[ществ]во осуществило издание в 1923—1930 книг П. Гольбаха, А. Дрекса [...] и др., не всегда, однако, на достаточно научном уровне. Изданы также работы сов[етских] ученых по истории христианства и Русской Православной Церкви. Ш[пицберг] был также редактором журн[ала] «Атеист», выступал в качестве переводчика...» (Краткий научно-атеистический словарь. С. 608).

О «научно-атеистической» деятельности этого персонажа сохранились в печати некоторые сообщения, весьма колоритные и характерные для той эпохи (1918—1920), когда он впервые появился и «прославился» на этом своем новом поприще.

Буквально не успели еще отгреметь громы октябрьского переворота, как в Петрограде, с антицерковными лекциями высунулся, главным образом среди солдат и матросов, бежавших с фронтов, — первый по времени из штатных антицерковных говорунов-демагогов, в прошлом чиновник Святейшего Правительствующего Синода по бракоразводным делам (как утверждали тогда), присяжный поверенный, «адвокат» Иван Анатольевич Шпицберг, — в стилистическом и даже «эрудиционном» плане предтеча всех неисчислимых последующих «антирелигиозных» и «научно-атеистических» учителей, наставников, прорицателей, чрево вещателей и пифий.

Так, образно выражаясь, тогдашняя печать, сообщала: «Пришел адвокат Шпицберг и сказал: Бог — буржуй! И наступило атеистическое сумасшествие народа, представители которого в припадке религиозного помешательства стреляют в Причастие, иконы, духовенство» (Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918 [?]).

И далее: «Вот одна из его лекций».

Публики немного... Преобладают „товарищи“... Они ведут себя во время лекций очень мило и непринужденно: разговаривают, сверты-

вают „цигарки”, раскуривают, сплевывают, аппетитно зевают... потягиваются, читают газеты, сидят, возлежат в живописных позах...

Нечто новое все же есть и у Шпицберга...

Это невероятно хамский тон всей лекции. Циничные, грязные выпады против Христа, Его Матери. Нужно ли приводить эти мерзости?.. С непередаваемой злобой, в каком-то бешенстве, с пеной у рта говорит Шпицберг о „попах”...

Но... не станет попов, о ком же будет читать свои „лекции” Шпицберг?

Пусть же остаются попы... Они еще нужны... Ими еще долго будет питаться Шпицберг...» (там же).

Или — в другом месте:

13(26).01.1918 г. в Петрограде, в Михайловском артиллерийском училище, присяжный поверенный («товарищ народного комиссара») И. А. Шпицберг, выступая на лекции на тему: «Современная Церковь и семья в освещении революции», — громит Православную Церковь и Святейшего Патриарха Тихона, называя последнего «самозванцем». (Лекция Шпицберга // Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 5. С. 205—206).

Сохранились и подробности этой «лекции», изложенные в сборных «Деяниях» со слов одного из очевидцев:

«Мне пришлось быть на лекции товарища народного комиссара, как его рекомендовали, Шпицберга Ивана Анатольевича [...] Эта лекция была на тему: „Современная Церковь и семья в освещении революции”. Лекция эта в существенных чертах такова: учение Церкви совершенно не согласно с учением великого учителя морали, человека Иисуса Христа. Патриарх Тихон — самозванец. Как его сделали „святыней”, кто его сделал „святыней”, какие по этому поводу произносились контрреволюционные речи и почему иначе быть не могло? Судьба богатейшего имущества нестяжательной Церкви. Вымирание богов-царей — воскресение Человечества (с большой буквы). Вот, в моих руках пригласительный билет, на котором и напечатаны эти пункты. Когда я пришел в зал, он наполнен был по преимуществу солдатами и матросами. Лекция эта с точки зрения религиозного человека имела самый кощунственный характер. То, что здесь говорилось о лице Иисуса Христа и о Пресвятой Деве Марии, передано было языком, который употребляют солдаты, передавая друг другу анекдоты. Религиозное чувство не могло не возмущаться этим; но все-таки эта часть речи не могла так беспокоить, как те выводы, которые сделал товарищ комиссара. „Я, заявил он, автор декрета о разводе и браке, и я должен сообщить вам, что предстоит еще более сложный революци-

онный процесс. Мы свергли земного царя, но нам предстоит свергнуть и небесного. Предстоит издание декрета о том, что запрещается совершение таинства Причащения, как колдовского действия, а затем, во-вторых, предстоит декрет о закрытии всех храмов. Это, прибавил он, жестоко, но мы должны к этому прибегнуть. Французская революция пришла к этой мысли на 4-й год, а мы пришли к этому же на первый год революции. Будет запрещено богослужение и будут отобраны церковные сосуды, как средство для колдовства; духовенство будет объявлено подозрительным по революции. Все духовные учреждения должны быть реквизированы. Что касается школы, то она должна быть светская”.

Аудитория настроена была целиком в пользу лектора и принимала все положения с восторгом и рукоплесканиями. Когда лектор читал один синодальный указ, я громко крикнул: „Подтасовка!”, и когда сообщены были им ложные сведения о Соборе, я сказал: „Ложь!” За это меня едва не вывели. Сообщая о Соборе, автор сказал, что жребий при избрании Патриарха вынимал уклоняющийся от военной службы монах. „Он девяностолетний старец!” — сказал я. Лектор видимо сконфузился, но меня опять хотели вывести; лектор успокоил толпу и заявил: „Накажем его молчаливым презрением”.

Мне кажется, что лекция эта имеет чрезвычайное значение...» (Деяние 67: М. Ф. Глаголев // Деяния. Кн. 6. Вып. 1. С. 33—34, *Введенский А. И., прот.* Церковь и государство. С. 143—144).

А спустя две недели, 27.01(09.02).1918 г., в Петрограде же, в зале Армии и флота, он читает очередную лекцию о новых декретах, касающихся Церкви.

Не утруждая внимания своей аудитории вопросами юридическими и правовыми, «лектор перешел к пошло-балаганному кощунству над Православным богослужением, над литургией [с легкой руки графа Льва Николаевича Толстого! — *Сост.*], над наставлением Патриарха. В отношении Патриарха он допустил фразу с прозрачным намеком: „Патриарх еще жив”. По мнению лектора, нужно положить конец Собору и „другим затеям” духовенства» (Лекция Шпицберга // Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 5. С. 205).

Приведенной справки, полагаем, вполне достаточно для того, чтобы читатель вполне смог представить себе моральный облик и «научно-атеистическую» эрудицию этого характерного для своего времени персонажа.

Злобно-демагогические антицерковные выступления Шпицберга, несмотря на всю их гнусность имели все же одно положительное свойство: они в значительной степени мобилизовали церковно-об-

щественное мнение и довольно правильно ориентировали Церковь в смысле объема и содержания зол и бед, готовящихся на Ее голову. В мстительном недержании речи адвокат Шпицберг раньше времени выболтал всю ту программу-максимум по разрушению Русской Церкви, которая тогда еще только вынашивалась в утробе нашей «научно-атеистической» мамы, только что сочетавшейся с VIII Отделом НКЮ и прочими «сурьезными» гражданскими инстанциями...

Замечательно (и это следует подчеркнуть), что все то, что выболтано было Шпицбергом в 1918 году, в той или иной (почти всегда предельной) степени, рано или поздно было осуществлено в ходе выполнения многолетней программы по уничтожению Русской Церкви...

4. Красиков Петр Ананьевич (1870—1939).

О нем имеем следующие отзывы: «Тов[ариш] Красиков — самый деятельный работник в области отделения Церкви от государства; декрет об отделении Церкви от государства и ряд позднейших законодательных актов связаны с его именем. В области антирелигиозной пропаганды т[овариш] Красиков является также большой силой».

Он род[ился] в 1870 г., старый большевик. «Примкнул к с[оциал]-д[емократическому] движению в начале 1890-х гг. Помощник при-связного поверенного».

После октябрьского переворота «председатель комиссии по борьбе с контрреволюцией, член коллегии НКЮ СССР, прокурор и зам[еститель] Предс[едателя] Верх[овного] суда СССР».

«Проводит работу по отделению церкви от государства». Редактор журналов: «Революция и церковь» и «Воинствующий атеизм».

В 1923 г. издан сборник публицистических статей Красикова: «На церковном фронте» (Малая советская энциклопедия. Т. 5. М., 1959. С. 34; Краткий научно-атеистический словарь. М., 1964. С. 298—299).

«Блестяще развернулись качества большевика-революционера Петра Ананьевича Красикова особенно в первый период Советской власти. Ему принадлежит в значительной степени разработка декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви [...] То, что было программой большевистской деятельности на протяжении десятилетий, надо было осуществить, когда большевики взяли власть. Надо было сломить власть церкви, господство религии над массами. Надо было нанести ей сокрушительный удар. Эту работу взял на себя Петр Ананьевич [...] Он участвовал во всех мероприятиях партии и правительства к тому, чтобы ослабить, парализовать, разбить влияние церковников, влияние религии» (Памяти П. А. Красикова // *Ярославский Е. О религии. М., 1957. С. 317*).

«Красиков — бывший присяжный поверенный — пьяница фантастический, в прежнее время выступал по делам об увечьях» (*Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 199*).

Добавим к этим отзывам еще одно впечатление современника. Причем впечатление, так сказать, живое, — сложившееся от непосредственного общения с П. А. Красиковым, в годы бурной «юридической» деятельности последнего, когда он неизменно пребывал (по свидетельству очевидцев), так сказать, в трансе совершеннейшего «административного восторга».

Так, один молодой юрист в своих воспоминаниях о посещении (по церковному делу) Москвы в 1922 году, пишет:

«Перед отъездом из Москвы я решил побывать в V Отделе НКЮ, ведающим вопросами по отделению Церкви от государства. Этим отделом заведовал т[оварищ] Красиков. У меня с собой был экземпляр напечатанного в ярославской типографии послания митрополита Агафангела [Преображенского]. Я решил показать его т[оварищу] Красикову интересуясь, что он скажет, ознакомившись с содержанием этого послания. [Послание это извещало православное население страны об аресте и заключении под стражу Святейшего Патриарха Тихона, появлении обновленческого раскола и о вступлении в должность Заместителя Патриарха — подписавшего это послание, митрополита Ярославского. — *Сост.*]

Прочитав его, т[оварищ] Красиков сказал: „Что такое? Где это вы достали? Да ведь, это какая-то контрреволюция”. На мой вопрос, в чем он именно усматривает контрреволюционный характер этого послания, т[оварищ] Красиков вместо ответа набросился на меня со словами: „Да кто вы такой, чем вы занимаетесь?”. — Я сказал, что окончивши Саратовский университет, продолжаю заниматься правовыми науками. „Хорошо, — сказал Красиков, — мы напишем в Саратов, чтобы вас удалили из Университета [!! — *Сост.*]. Как ваша фамилия?” Я назвал. Он вынул записную книжку и написал в ней, как я хорошо видел, „Синицын” вместо „Соловьев”. По-видимому, он лишь брал меня „на испуг”. Я откланялся. На прощанье он мне сказал: „Бросьте, молодой человек, бросьте заниматься этими делами”» (*Соловьев А. А. Борьба с «Живой Церковью» в Саратовской епархии... Рукопись. Астрахань, 1963*).

5. Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич; 1878—1943). Род[ился] в Чите, в семье учителя. Работал аптекарским учеником. В молодости примкнул к революционному движению. До 1917 г. «вел партийную работу в Сибири, Петербурге, Одессе, Москве, Туле» и т. д.

В 1917 г. — член Московского Военно-Революционного Комитета. «Неоднократно избирался в руководящие парт[ийные] и сов[етские] органы [...] По поручению партии Я[рославский] вел большую антирелиг[иозную] работу. Он возглавлял Союз воинствующих безбожников СССР в качестве председателя Центр[ального] Совета этого Союза, был ответств[енным] редактором газ[еты] „Безбожник“, журн[алов] „Антирелигиозник“ и „Безбожник“. В парт[ийной] и атеистич[еской] печати было опубликовано мн[ого] статей Я[рославского] по самым разл[ичным] вопросам критики религии [...]

Большое внимание уделял Я[рославский] подготовке кадров пропагандистов атеизма» (Краткий научно-атеистический словарь. 1964. С. 626—627). И прочее.

Кончина Е. Ярославского, последовала в самый разгар Отечественной войны, в 1943 году, и хронологическое совпадение смерти его с моментом резкого и неожиданно положительного поворота курса государственной власти по отношению к Православной Русской Церкви (реставрация Патриаршества после двадцатилетнего перерыва; признание в законодательном порядке прав юридического лица за Церковью, в отмену одного из основных положений декрета об отделении Церкви от г[осударст]ва; открытие многих, до того закрытых, храмов и монастырей; восстановление учебно-духовных заведений: Академий, семинарий и многое другое), — послужило основанием для упорного слуха о его казни, — слуха, распространявшегося как внутри страны, так равным образом (если не еще более), за рубежом.

В одном русском эмигрантском издании нам встретились следующие слова, написанные на полях его страниц:

«Ныне [...] исполнилось пророчество прозорливого старца о. Алексия Мечева [...] что, когда придет время, — Бог пошлет нужных людей, которые спасут Россию. — Бог послал Иосифа Виссарионовича Сталина и его сподвижников, который закрыл [...] Союз безбожников и казнил его председателя».

И. В. Сталин «приказал открыть православные храмы, учредил Комиссариат Православной Церкви [...] установил для всех днем отдыха воскресенье; восстановил Патриаршество в полном блеске и сказал Патриарху» Сергию (Страгородскому), «что он желает укрепления Православия» (Мемориальная надпись неизвестного автора на страницах книги: *Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский*. Т. 2. Белград, 1941; из библиотеки епископа Сергия Ларина).

Насколько правдоподобно это сообщение — сие покрыто (до времени) мраком неизвестности. Но то обстоятельство, что именно Е. Ярославский являлся наиболее лютым и непримиримым врагом

Православной Русской Церкви (во всяком случае, из числа явных), — это общеизвестно. И поэтому кончина его, предварившая собою некоторое относительное улучшение положения Церкви в нашей стране, вполне способна была привести мысли даже совсем непредубежденного современника к вышеизложенным выводам. Как бы то ни было, но само совпадение этих двух моментов в нашей современной церковной истории — весьма знаменательно само по себе.

6. [Галкин Михаил Владимирович (литературный псевдоним Горев) (? — 1930). До ноября 1917 г. священник Спасо-Колтовской церкви в Петрограде. 1917—1918 гг. редактор газеты «Свободная церковь». С 09.05.1918 сотрудник VIII (V) («ликвидационного», «по проведению отделения Церкви от государства») отдела НКЮ. Принимал участие в разработке Декрета об отделении Церкви от государства. С 1921 г. член Комиссии по учету и сосредоточению ценностей. С 13.03.1922 член Комиссии по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ) Московской губернии. С 20.03.1922 заместитель П. А. Красикова в Центральной КИЦЦ. В июле 1922 г. член Комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по отбору кандидатов на расстрел среди приговоренных к смерти по делу петроградского духовенства и верующих («дело митрополита Вениамина»). В октябре 1922 г. был рекомендован на должность секретаря Антирелигиозной комиссии. С 1922 г. помощник редактора газеты «Безбожник» (Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 2. Политбюро и Церковь. 1922—1925 гг. Новосибирск — М., 1998. С. 535). — Ред.]

Что же касается такого столпа «научного атеизма», как пресловутый петроградский «батюшка» отец Михаил Галкин, то наиболее красноречивое свидетельство о его внутренней сущности, из встретившихся нам в печати, приводим здесь, для справки, несколько ниже.

В 1917—1918 годах, в целях развала изнутри с таким трудом налаженной соборной работы и для поддержания шатких позиций церковных леваков всех оттенков, в виде обновленчествующих соборных батюшек и маловерующей профессуры из б[ывших] Духовных Академий со всем их «прогрессивным» лагерем, — на период деятельности Собора, из Петрограда в Москву переключивает газетка под модно-бульварным названием «Свободная Церковь», являющаяся, по свидетельству востоковской «Церковности» «еще бесстыднее Всероссийского церковно-общественного вестника» (руководившегося тогда известным Б. В. Титлиновым; о нем. см. Т. 2. Комм. 3)

Теперь приводим вышепомянутую цитату:

«Редактор-издатель газеты о. Галкин, помещающий в газете много пикантных историй об архиереях и монахах, не удосужится ли нам как-нибудь и притом поскорее рассказать, как он в своем Спасо-Колтовском храме в Петрограде, следуя основам „Свободной Церкви”

униженно и подбострастно принимал приглашенных им митрополита Питирима [Окнова] и Распутина?..» (Ракитины в рясе // Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 5. С. 196—197).

Само собою понятно, что для Емельяна Ярославского и иже с ним такой сотрудник в деле развала Церкви, как о. Галкин, явится совершенно ни с чем не сравнимой величиной. Поэтому никто особенно и не удивился, когда некоторое время спустя перекрасившись из «попа» Галкина в «безбожника» Горева, он начал со страшным азартом крушить своих недавних братьев по сану, выслуживаясь перед своими новыми «хозяевами»; особенно перед своим знаменитым шефом Е. Ярославским, к которому он устроился на амплуа помощника редактора газетки «Безбожник».

Об этой «идеологической» и «публицистической» работе батюшки Галкина-Горева приводим еще следующий отзыв:

«На столбцах газет появилась серия громовых статей против церковников, начались аресты священников, — вся Церковь пришла в движение. Карьеристы и конъюнктурщики, как всегда, еще более накаляли атмосферу, подливая масла в огонь, стремясь во что бы то ни стало заработать политический капитал. Особо лез из кожи некий Мих[аил] Горев, статьи которого, наполненные призывом к расправе с духовенством, не сходили тогда со столбцов центральной прессы. Читатели его статей, злобных и хлестких, вероятно, очень удивились бы, если бы узнали, что всего 4 года назад антирелигиозный вития сам был священником» (*Левитин А., Шавров В.* Очерки... С. 53—54).

Таким образом, первым по времени и значению попом-ренегатом следует по всей справедливости признать отца М. В. Галкина-Горева.

Так, перечисленные выше (и некоторые другие) лица в течение длительного времени составляли основное ядро или генеральный штаб по разработке «методов» и руководству не очень благородной работой по систематическому избиению, по сути дела, лежащей Церкви.

К этому штабу, как к остову, примазалась немедленно же самая различная «антирелигиозная» мелочь (впрочем, в несметном количестве, так как дело, прежде всего, оказалось чрезвычайно «не пыльным, но денежным»!). Некоторых из них, — наиболее назойливых, — назовем по именам. Это прежде всего некий «недоучившийся семинарист» (по рекомендации, кажется, о. И. Восторгова) Иона Брихничев (по-видимому, «по имени твоему и житие твое», как говорили монахи в старину), затем, печально окончивший дни свои генеральский сынок Борис Павлович Кандидов, подвизавшийся в качестве безбожнического

«церковного историка» (попросту: вор церковных документов); какой-то Ф. Н. Олешук; хроникер многочисленнейших тогда антицерковных «открытых» и «закрытых» судебных процессов, некий М. М. Шейнман, затем наши доморожденные, многочисленные как песок морской разные бесконечные «Ивановы, Петровы, Сидоровы»...

Из художников на этом злачном поприще особенно прославились Д. С. Моор, Мих[аил] Черемных, некий Коггоут и многие другие.

Как назвать всю эту публику, которая всю свою жизнь питается и живет за счет той Церкви, которую она бесконечно жалит, грызет, кусает, истязает, оплевывает и третирует — затрудняемся; будущие русские люди, может быть, придумают ей соответствующее наименование...

55. Сарапульский епископ Алексий (Кузнецов) и его послание к пастве

Упоминаемый автором епископ Алексий (Кузнецов)¹, управляющий Сарапульской епархией, посещавший в это же время Донской монастырь и Святейшего Патриарха Тихона, — не принадлежал к числу популярных или чем-либо прославленных иерархов того периода.

В прошлом — миссионер Урмийской миссии (в Персии).

В своих «Воспоминаниях», ругатель «всех и вся», прогрессивный и либеральный протопресвитер о. Г. И. Шавельский, именует (неизвестно: основательно ли?) и сего иерарха «распутинцем». Говоря о епископе Алексие как об авторе вышедшей перед революцией книжки о юродствовании святых Русской Церкви, — написанной им, будто бы, в оправдание и защиту Распутина (что, впрочем, ничем не подтверждается!), — Г. И. Шавельский пишет:

«Мне говорили, что книга эта составлена архимандр[итом] Алексием распутинцем, в оправдание Распутина. Может быть, в награду за эту услугу архимандрит Алексий, по протекции Распутина, в 1916 г. был сделан vicарием Московской епархии. [...]

Архимандрит Алексий, как мне сообщил проф[ессор] Н. Н. Глубоковский, представлял эту книгу в С[анкт]-П[етербургскую] Духов-

¹ Алексий (Кузнецов Николай Николаевич, 31.08.1875—9.01.1939 (15.11.1938?)), архиепископ. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию (кандидат богословия) и археологический институт. С 1902 г. на учебно-духовной работе. 26.12.1916 хиротонисан во епископа Дмитровского, vicария Московской епархии, с 20.03.1917 епископ Сарапульский, vicарий Вятской епархии; с 1918 г. епископ Сарапульский (правлящий). С 1925 г. неоднократно арестовывался и находился в заключении. С 1927 г. в сане архиепископа; в 1931—1932 и в 1935 гг. временно управляющий Свердловской епархией; с 22.11.1933 архиепископ Пензенский; с 27.03.1934 архиепископ Тобольский; с 14.05.1934 архиепископ Сарапульский, но в управление вступил 22.10.1935; в декабре 1937 г. арестован; расстрелян. — *Примеч. ред.*

ную Академию для получения степени магистра богословия, но там ее, конечно [?! — *Сост.*], отвергли» (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 1. С. 67).

Как бы там ни было и что бы там ни думалось отцу протопресвитеру, но, побыв недолго московским викарием, епископ Алексей, в 1917 году (и, стало быть, уже безо всякой «протекции» Распутина!) переводится на самостоятельную Сарапульскую кафедру. В разгар обновленческого мятежа он, как один из многих, «поползнувших в настоящем веке лукавствия» иерархов (как выразался Святейший), примкнул к обновленцам. Вскоре, однако, одумался, — покаялся и до самой кончины своей состоял в неизменном общении с законным священноначалием нашей Церкви.

Пользуемся случаем, чтобы привести здесь два любопытных документа, изданных этим архиереем именно в это же самое время, тотчас же по возвращении из Москвы в свой епархиальный град Сарапул. В церковно-историческом отношении они интересны потому, что в них, до некоторой степени, отражены те подпочвенные, замаскированные течения, царившие на Предсоборном обновленческом Совещании, — о которых очень не любили говорить в печати и устно обновленческие деятели. Представители этих течений, хотя и различно, с некоторыми вариациями, но, в конце концов, требовали от своих «лидеров» одного и того же: примирения с Матерью-Церковью и Ее Главою Святейшим Патриархом Тихоном.

Как известно, «лидеры» до этого не допустили, резонно усмотрев в этом требовании не более и не менее как совершенную капитуляцию «обновления Церкви».

Итак, первый документ.

«Циркулярно.

Сарапульский епархиальный архиерей. 15(28).07.1924. № 301.

Преосвященным викариям и оо. благочинным Сарапульской епархии.

Считаю своей обязанностью осведомить духовенство Сарапульской епархии о следующем: в бытность мою в Москве, в начале июня месяца, я детально ознакомился с происходившим в Москве в то время обновленческим Предсоборным Совещанием, на которое обновленцы возлагали так много надежд, и хочу осветить ход заседаний этого Совещания.

Сначала на Совещании рассматривался вопрос об управлении церковном и постановлено было ввести соборное управление с Синодом, а также и выборное начало при назначении на места

священно-церковнослужителей, рассуждали о белом епископате, второбрачии духовенства, об отношении к сектантству по докладу В. З. Белоликова и др. На Совещании образовалась центральная группа большинства (во главе с профессором Б. В. Титлиновым), стоявшая за примирение с Патриархом Тихоном и требовавшая постановки этого вопроса на голосование Совещания для прекращения продолжающегося разделения в Русской Церкви, и если бы этот вопрос был проголосован, то пришлось бы согласиться с мнением большинства и раздору церковному положен был бы конец. Но именующие себя митрополитами Евдоким [Мещерский] и Петр [Блинов] и меньшинство членов обновленческого Предсоборного Совещания не допустили голосования по данному вопросу, и Совещание не пришло к единению. Таким образом, мы видим усиленное тяготение большинства обновленцев к Патриарху Тихону как каноническому Первосвятителю Русской Церкви, и я сам видел у Его Святейшества депутацию членов Совещания, приходившую к Патриарху для переговоров о соединении с ним. В Москве я узнал, что сообщение именующего себя митрополитом Евдокима [Мещерского] о низложении Вселенской Патриархией Патриарха Тихона оказалось неправдоподобным, ибо Константинопольский Патриарх Григорий, с которым Патриарх Тихон находится в общении, так же, как и с другими Патриархами: Фотием [Пероглу] Александрийским, Григорием [Аль-Хаддадом] Антиохийским, Дамианом [Касатос] Иерусалимским и Димитрием [Павловичем] Сербским, — канонически не может касаться дел Русской Церкви, не состоящей под его ведением, что на Предсоборном Совещании не было никаких трех восточных митрополитов, которых ждали в Москву, о чем оповещал именующий себя митрополитом Евдоким, что на Совещании не оглашалось никаких посланий Восточных Патриархов о признании ими и утверждении обновленческого Синода. Святейший поручил мне передать духовенству Сарапульской епархии о том, что переговоры об окончательном принятии в общение Красницкого ведутся и о возможности допущения его в состав Высшего Церковного Управления при Патриархе, что Поместный Собор предполагается созвать им в 1924 г. или в следующем 1925 г., что в молитвенном общении с Красницким, принесшим покаяние Патриарху, последний пока не находится.

Именующий себя митрополитом Евдоким освобожден от председательствования в обновленческом Синоде и получает трехмесячный отпуск — так о сем сообщали некоторые из членов Великого Предсоборного Совещания» (Архив Ижевской епархии).

Второй документ.

«Божиею милостию, смиренный Алексий, епископ Сарапульский, — всем верным чадам Святой Православной Церкви Сарапульской епархии, о Господе радоватися.

«Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь», — говорит Ап. Павел в 13 гл., 9 ст. посл. к Евреям.

С этим апостольским наставлением я, по долгу своего архипастырства, обращаюсь к вам, возлюбленные братие и сестры о Господе, прося вас не увлекаться распространяемыми различными учениями обновленцев, которые говорят, что нет обновления, что ничего нового у них не вводится в Церкви, что служат они по-старому и что не нужно в Церкви допускать разделения. Давно ли они стали это проповедовать? С тех пор, как большинство верующих, поняв их сектантский дух в учении их, нетерпимость к мнениям других, их стремления к цели при отсутствии христианской любви и чувства доброжелательности, отшатнулись от них, признав обновленцев раздорниками, схизматиками в церковном отношении. Кого они предостерегают от разделения? Ведь сами прекратили общение с законными, каноническими православными архипастырями и пастырями, наставили, нарукополагали себе разных своих архиереев, не имеющих за собой никакой канонической основы, стали назначать их на живые, несвободные архиерейские кафедры, начали вмешиваться в управление епархиями, объявили епископов старого поставления, не имеющих общения с обновленцами — чуждыми Православия, некоторых запретили в священнослужении и т. д., и т. д. Сами обновленцы внесли раздор в жизнь Церкви и сами же умоляют не производить разделения. Получается странное противоречие. Прекрати обновленцы свою раздорническую церковную деятельность, смута церковная сама собой уничтожится. Значит все дело умиротворения церковной жизни и прекращения церковных нестроений зависит от самих обновленцев, которые сами должны оглянуться на себя и на свои деяния и к самим себе направить увещание св. Апостола Павла в 1 Кор., 1, 10 и др.: „умоляю вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях”. Ведь обновленцы отлично видят и хорошо знают, что в среде их идут распри и происходят споры и разделения; единомыслия между обновленцами нет; замечается среди них вражда и недовольство взаимное; отношения их между собой чужды христианской любви и взаимной добросердечности: Евдоким [Мещерский], именующий себя митрополитом, отлучает Антонина [Грановского], Антонин громит Евдокима, Михаил [Бирюков] и Ни-

колай [Ашихмин], именующие себя епископами, разносят Михаила [Трубина], именующего себя епископом, Иоанникий [Соколовский], именующий себя епископом «Трудовой церкви», не имеет ничего общего с остальными обновленцами. Александр Введенский, именующий себя архиепископом, чувствует себя одиноким, а о. Красницкий совершенно откалывается от всех иных и приносит покаяние Патриарху. Где же правда и истина у обновленцев? Ведь они учат, что правда Божия на их стороне, они зовут к себе, даже насильно тащат, а между собою столкнуться, поладить не могут. „Разве разделился Христос?“ — спросим мы их вместе с ап. Павлом (1 Кор. 1, 13), что среди них, обновленцев, нет единства, а происходят споры и разделения. Если они дерзают звать всех к миру, к прекращению церковных распрей, то значит у них пребывают мир и единение. Но видим совсем обратное — мира среди обновленцев нет, единомыслие среди них отсутствует. Как же они после этого осмеливаются звать к себе и учить о прекращении разделения церковного? „Вожди слепые“, скажем мы словами Спасителя (Мф. 23, 21), сначала примиритесь сами с собой, придите к церковному единению и поступите потом так, как поступают многие из вас, приносят покаяние и возвращаются к единству Православия, чтобы единым сердцем и едиными устами славить Господа и быть под духовным водительством Святейшего и законных архипастырей церкви. Так, например, поступил недавно в Москве, после Великого Предсоборного обновленческого Совещания обновленческий архиерей Александр Аккерманский, публично принесший в церкви покаяние и поведавший о своем разочаровании в обновленчестве, и особенно в неудовлетворенности от Предсоборного обновленческого Совещания, разбившего все его идеи и мечты и приведшего его к сознанию своего заблуждения в том, в чем он просил прощения и умолял о принятии его в церковное общение... Или не знают обновленцы, что первый обновленческий архиерей Иван Иванович Альбинский, порвавший с обновлением, принес покаяние Святейшему, или им не ведомо о приносимых покаяниях другими обновленческими архиереями: Артемием [Ильинским] Лужским, Иннокентием [Летяевым] Ставропольским и др.? О, они хорошо знают об этом, но молчат. Или им не известно ничего о покаянии Красницкого, засвидетельствовавшего печатно о том, что Патриарх Тихон, как Глава нашей Православной Церкви, сохраняя всегда строгое единение в области церковного вероучения, со всею массою церковного народа стоял на страже веры во все время своего патриаршего служения? Обновленцы хорошо осведомлены о том, что Красницкий печатно призывает к единению с Патриархом с прекращением соблазна и разделения ради церков-

ного мира и единения всех во единой вере Православной, сознавая допущенные им, о. Красницким, ошибки и разделения в церковном деле. Наконец, наши обновленцы отлично осведомлены о тяготении к Святейшему не только верующих масс, но и большинства обновленцев, что особенно ярко выявилось на Великом предсоборном обновленческом совещании в Москве, где большинство членов требовало примирения с патриархом Тихоном. Меньшинство этого не желало и скомкало все Совещание, не приведшее к единению, которого оно, значит, не желает. А потому все уверения обновленцев о прекращении разделения, все призывы к этому при наличии их нежелания идти по стопам в этом отношении большинства обновленцев, сознавших фальшь обновления и раскаявшихся в своем заблуждении, — дышат лицемерием, неискренностью и вызывают в верующих осторожную опасливость и недоверчивость к сладким речам обновленцев, заговоривших теперь другим языком, которым они произносят медоточивые речи о церковном единении, а в сердце своем таят яд сектантства и церковного раздорничества.

Блюдитесь, братие, да никто же вы прельщает тщетною лестию, скажу вам словами Ап. Павла и берегитесь от творящих церковные раздоры и соблазны. Имеяй уши слышати — да слышит.

01(14).08.1924.

Епископ Алексей».

«С подлинным верно. Благодичный К. Овчинников.

Предлагается членам причтов храмов: Люкского, Никольского, Б.-Норьинского, Романовского и Ильинского для переписки и прочтения в храмах и возвращения обратно, а потому о. настоятель храма по снятии копии потрудится переслать настоящее послание по указанному расписанию.

15(28).08.1924 Благодичный, Свящ[ященник] К. Овчинников». (Архив Ижевской епархии).

В пояснение приведенных документов добавим: на открывшемся в Москве 10(23).06.1924 года обновленческом «Великом предсоборном совещании» действительно, как сказано выше, выделяется некая «центральная группа большинства», возглавляемая известным обновленцем, профессором Б. В. Титлиновым, стоящая за примирение со Святейшим Патриархом Тихоном, но, конечно, на известных условиях.

Однако под давлением злостных обновленческих «лидеров», «митрополитов» Евдокима [Мещерского] и, главным образом, Петра [Блинова], вопрос о примирении всячески заминается и на голосование не ставится.

Тем не менее депутация членов «Великого предсоборного совещания», состоящая из представителей «центральной группы большин-

ства», является в Донской монастырь к Святейшему Патриарху для переговоров о способах своего воссоединения с Православной Церковью.

Тогда для спасения своего положения и в пику «группе большинства», Совещение в своем официальном приветственном обращении к правительству, «между прочим» сообщает, что одной из главнейших его (Совещания) задач будто бы «является полное и безусловное отмежевание от Тихона».

Можно думать, что это заявление подсказано было со стороны ведомства Е. А. Тучкова, потребовавшего от обновленцев ясного и четкого ответа об их истинном тогдашнем отношении к вопросу о примирении с Патриархом.

Особенно нервирует «Великое Предсоборное Совещение» полнейшее игнорирование его со стороны Православной Церкви: Святейшего Патриарха Тихона и его Высшего Церковного Управления. За этой мертвой тишиной обновленцы, со всей очевидностью, усматривают спокойствие и величие силы и правды; молчаливое осуждение всей их минувшей и настоящей деятельности. Наиболее чуткие из них со всей ясностью сознают, что обновленческая авантюра окончательно зашла в тупик.

Гражданская печать, весьма небезразличная и нервозно-ревнивая к судьбе обновленчества, старается подхлестнуть активность его «лидеров» едкими высказываниями на своих страницах.

«К Тихону вернулось Совещение в последний день своей работы. [...]

И Совещение сыплет громы и молнии на голову [...] Тихона.

Опять профессор Покровский [А. И., «знаменитый». — *Сост.*] с исторической точки зрения доказывает ненужность Патриаршества. Опять президиум с затяжной надеждой ждет хоть маленького скандальчика и...

Опять ничего...»

«Безбожник» на своих страницах характеризует «Великое Предсоборное Совещение» как «живой труп!» (Вестник Священного Синода... 1925. № 3. С. 2—4, 6—8; 1926, № 6(2). С. 9—18; Созыв Всероссийского предсоборного совещания // Известия. 1924. № 86(2121). 13 апреля. С. 5; Среди церковников // Там же. № 166(2201). 23 июля. С. 6).

Приведенные нами выше акты, изданные Преосвященным Сарapulьским Алексием, особенно ценны потому, что с исчерпывающей полнотой и искренностью отражают тот церковно-исторический момент, чрезвычайно острый и интересный сам по себе. Это получилось, очевидно, потому, что автор этих документов сам только что

вырвался из-под обновленческого гнета, незадолго до того (в мае 1924 г.) принеся Святейшему свое раскаяние в грехе отпадения в раскол... словом, извивался как мог в самой гуще тогдашних тяжелых событий.

При этих условиях отсиживаться в эмигрантской недосыгаемости, вне пределов «церковного землетрясения» и пописывать ядовитые мемуарчики, обозначая ярлыком «распутинца» всех несимпатичных лиц, как это проделывал протопресвитер Г. И. Шавельский и ему подобные, избравшие такую же «благую часть», — заслуга не велика!..

56. Краткие сведения о протоиерее А. П. Рождественском

Об авторе приводим следующие краткие данные: «Рождественский Александр Петрович — протоиерей церкви Мариинского дворца в Петрограде, профессор Петроградской Духовной Академии, присутствующий в Святейшем Синоде, член Предсоборного Совета, председатель Отдела о Духовных Академиях, член Соборного Совета [...] доктор богословия» (Алфавитный список членов Собора // Деяния... Кн. I. Вып. 1. С. 85).

[В плане дополнительного архива Михаил Ефимович предполагал составить более подробную статью о протоиерее А. Рождественском, но, к сожалению, в архиве такой статьи не оказалось. Воспоминания о. Александра Рождественского ценны тем, что он учился вместе с Василием Беллавиным в Псковской духовной семинарии, а в 1886—1888 гг. учился одновременно с будущим Патриархом в Санкт-Петербургской Духовной Академии, затем в 1890—1891 гг. служил в Псковской духовной семинарии, когда Василий Иванович преподавал в ней.

Рождественский Александр Петрович (20.06.1864—22.12.1930), протоиерей. В 1879 г. окончил Псковское духовное училище, в 1885 г. — Псковскую духовную семинарию, в 1890 г. Санкт-Петербургскую Духовную Академию, профессорский стипендиат по кафедре еврейского языка и библейской археологии, кандидат богословия, диссертация «Откровение Даниила о семидесяти седмицах» (Дан. IX). В 1891—1894 гг. учитель русского и церковнославянского языка в Великолукском духовном училище и Псковской духовной семинарии. С 1894 г. исполнял должность доцента кафедры Св. Писания Ветхого Завета СПбДА, после защиты диссертации (31.05.1896) утвержден 10.07.1896 магистром богословия и доцентом академии. С 1901 г. экстраординарный профессор. С 1903 г. священник Мариинского дворца в Санкт-Петербурге. С 1911 г. доктор богословия (работа «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова»). В 1903—1905 гг. редактировал журнал «Церковный вестник». В 1904—1910 гг. преподавал Закон Божий дочерям Их Величеств, в 1905 г. состоял членом Особого совещания о цензуре и печати и Комиссии для выработки правил для наблюдения за духовной литературой. В 1906 г. секретарь Комиссии по научному изданию Славянской Библии.

Член ряда общественных организаций. В 1911—1918 гг. ординарный профессор СПбДА. В 1917 г. член вновь созванного Св. Синода. Член Священного Собора 1917—1918 гг. по должности и по участию в Предсоборном Совете. В 1919 г. участвовал в Ставропольском Юго-восточном русском церковном соборе, эмигрировал в Болгарию. В 1921 г. член Карловацкого Всеаграничного церковного собора, но в заседаниях участия не принимал. В 1921—1923 гг. преподаватель Софийской духовной семинарии. В 1924 г. в связи с болезнью был освобожден от занятий. Умер в Моравской Тшебове (Обзор деяний. Т. 1. С. 366.) — *Ред.*]

57. Некоторые дополнительные данные об Корсунской иконе Божией Матери

«Корсунская икона Божией Матери. — О происхождении ее имеется два предания. Одно гласит, что икона Корсунская — Ефесская, писанная евангелистом Лукою, в 988 г. перенесена из Корсуни в Киев, а затем в Москву; другое же повествует, что икона принесена в XII в. в Россию Полоцкой княжной в монашестве Евфросинией. И установлена в Корсунском храме. В 1239 году, по желанию Евфросинии, образ был перенесен в Торопецкий храм, где происходило бракосочетание князя Александра Невского с дочерью Полоцкого князя, и с тех пор он там и обретается. Икона чудотворная, празднование ей — 9(22) декабря» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. С. 1474).

58. О прозвище «Патриарх», данном товарищами по Академии молодому В. И. Беллавицу

В IX главе воспоминаний С. П. Руднева (см. наст. сборник. Т. 2) воспроизведены слова приветственной речи архиепископа Антония (Храповицкого), сказанной нареченному Патриарху Тихону, только что избранному в храм Христа Спасителя (5—18.11.1917) на этот высокий пост.

В этой речи говорилось о том, что «избрание Тихона Патриархом было как бы предсказано еще задолго до того, как он принял монашество».

Предсказание усматривалось в том, что, — как говорил архиепископ Антоний (Храповицкий), обращаясь к нареченному Патриарху, — «Ваши собственные товарищи по Академии прозвали Вас Патриархом, когда Вы были еще мирянином и когда ни они, ни Вы сами не могли и помышлять о действительном осуществлении такого наименования, данного Вам друзьями молодости за Ваш степенный, невозмутимо солидный нрав и благочестивое настроение».

Факт этот упоминается и в других печатных изданиях.

[Приводим отрывок из воспоминаний «Патриарший курс»¹ сокурсника св. Патриарха Тихона о прозвище «патриарх», данном его товарищами по Академии:

«Да. Мы звали его ПАТРИАРХОМ. Над этим словом приходится останавливаться.

Вскоре после избрания на Московском Соборе Патриархом Высокопреосвященного Тихона в одной дальневосточной газете я прочитал статью, подписанную одним бывшим на Соборе епископом, посвященную этому избранию. Автор, как будто и расположенный к совершившемуся факту, позволил себе изобразить студенческие годы избранника несколько... странно [разрешил себе] допустимую иронию по поводу якобы „шуточного” названия, а также по поводу „патриаршего антуража” из студентов-товарищей Тихона. Там были и тещы, и певцы, и протоиерей и т[ому] под[обные] „чины” освященного причта. Получалось впечатление некоторого кощунства со стороны студентов „патриаршего” курса. Об антураже скажу ниже. Но касательно студенческого титула „патриарх” заявляю, что весьма не правы те, кто видит в этом шутку.

Сколько я ни напрягаю память, не могу вспомнить, откуда пошло это наименование. Одно утверждаю — в нем не было ничего шуточного. Пред товарищами высилась необычайная личность по своим умственным и, главное, нравственным свойствам. Называя Василия Ивановича патриархом, товарищи этим самым подчеркивали его выдающееся положение в своей среде. Вышеупомянутый Экзарх Грузии, в студенчестве свящ[енник] Николай Софийский, вовсе не принадлежал к шутникам. А преосвященный Филипп, в студенчестве Яков Бекаревич, никогда не смеялся. Улыбался очень часто, но когда начинали шутить с целью насмешить слушателей, будущий Переяславский викарий немедленно напоминал: за „всяко слово праздно, еже рекут человецы, воздадят о нем в день судный”. И этот-то никогда не смеявшийся человек никогда не называл Василия Ивановича по имени и отчеству, а всегда величал: „патриарх”, как и будущий Экзарх.

Речь о шуточном названии заканчиваю словами Лермонтова:

...Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

Мы никогда не видели морщин на челе патриарха, и совершенно естественно думали, что „он постиг счастье на земле и в небесах видел Бога”.

Он был солнце между нами. Не то солнце, которое то опалит вас, хотя бы и скрывается за тучами тропического тумана, то дозволит морозу распоряжаться вами в минуты самого яркого блеска, как это бывает в полярных странах. Нет: наше солнце патриарх и светило, и грело, как большой ум и великое любвеобильное сердце» (*Булгаков П. И. «Патриарший курс» // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2(19). М., 2006. С. 49—50*). В данной статье приводится

¹ «Патриаршим» назывался академический курс, на котором учился В. И. Беллавин. — *Примеч. ред.*

много неизвестных подробностей об академических годах учебы будущего Патриарха. — *Ред.*]

59. Епископ Псковский Гермоген (Добронравин)

[Гермоген (Константин Петрович Добронравин; 21.02.1820—17.08.1893), епископ Псковский. В 1845 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, магистр богословия, определен преподавателем философии и латинского языка Московской духовной семинарии. 24 октября 1846 г. рукоположен во иерея и определен к церкви на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге. В 1854 г. была издана его книга «Утешение в смерти близких сердцу», которая явилась плодом усиленной духовной работы, которая произошла после смерти жены. В этом же году он определяется законоучителем 3-й Санкт-Петербургской гимназии и настоятелем гимназической церкви. В 1869 г. на епархиальном съезде духовенства избирается на должность смотрителя Александро-Невского духовного училища. 1 сентября 1873 г. пострижен в монашество, а 8 ноября того же года хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 9 сентября 1876 г. епископ Ладожский, 24 апреля 1882 перемещен на Таврическую кафедру. С 9 марта 1885 г. епископ Псковский и Порховский. В 1893 г. был вызван для присутствия в Святейшем Синоде в Санкт-Петербург, где вскорости и скончался. Отличительными чертами святителя во всех местах его служения являлись удивительная скромность, искренние и сердечные отношения ко всем, заботливость о просвещении паствы, для которой он не только организовывал духовно-просветительные общества и беседы, но сам лично участвовал в этих беседах, попечительность о вдовах и сиротах духовенства. Автор трудов по истории Русской Церкви, догматическому богословию, литургике, духовно-нравственного содержания.

Представляет интерес письмо епископа Гермогена, епископа Псковского и Порховского, к правителю дел Учебного комитета при Св. Синоде А. В. Добрякову от 22 июня 1888 года.

«Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь Александр Васильевич!

В Псковской семинарии, за перемещением преподавателя Транквиллитатина, согласно его прошению, в Орловскую семинарию, открылась вакансия по кафедре догматического и нравственного богословия. Занять эту кафедру пожелал окончивший ныне курс в Санкт-Петербургской Академии по группе главных богословских наук кандидат Василий Беллавин, уроженец Псковской епархии, и просил моего содействия исполнению его желания. Преосвященный Ректор Академии, епископ Выборгский Антоний дал мне в письме от 15 июня 1888 года такой отзыв о Беллавине: „Г[осподина] Беллавина я могу с полной уверенностью рекомендовать как прекраснейшего и солиднейшего человека. Он и учился прекрасно, но, кроме того, и по направлению серьезному, церковному был выдающимся среди студентов. Поэтому я с своей стороны ходатайствую за него“. Ввиду такого благоприятного отзыва о г[осподине] Беллавине, я с своей стороны очень желал бы иметь его

в среде преподавателей в вверенной мне семинарии, о чем имею честь представить Вашему благовниманию и усерднейше просим Ваше Превосходительство иметь г[осподина] Беллавина в виду при замещении открывшейся в Псковской семинарии преподавательской вакансии.

Вашего Превосходительства,

Милостивого Государя,
покорнейший слуга

Гермоген, Епископ Псковский и Порховский.

22 июня 1888 года».

(РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 36. Л. 108. Рукопись («О размещении окончивших в 1888 году курс воспитанников Духовной Академии»). Опубликовано: Новые материалы к житию / Публ. В. Розанова, Е. Чистякова // Богословский сборник. Вып. 6. М., 2000. № 6. С. 76—77. — *Ред.*]

60. Статьи архимандрита Тихона (Беллавина), ректора Холмской духовной семинарии в церковной печати того времени

В довольно обширной богословской и церковно-исторической литературе, которую нам удалось просмотреть (впрочем, с очень значительными пробелами!), кроме двух случаев [по словам М. Е. Губонина. — *Ред.*], не встретилось трудов будущего Святейшего Патриарха Тихона. Поэтому обнаруженные труды — как редкие образчики его ученого богословского творчества — нами здесь полностью и воспроизводятся.

Это — статьи архимандрита Тихона, опубликованные в богословском журнале «Странник» в 1893, 1895 и 1897 годах, на следующие темы: «Вегетарианство и его отличие от христианского поста», «О подвижничестве» [и «Взгляд Св. Церкви на брак (по поводу ложных воззрений гр. Л. Толстого)». — *Ред.*].

Вот эти статьи.

ВЕГЕТАРИАНСТВО И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ХРИСТИАНСКОГО ПОСТА

Христианский пост многократно и многообразно подвергался нападениям и нареканиям со стороны «плотских» людей. Нападения эти становятся тем ожесточеннее, чем более в известное время люди ходят по плоти и заботятся об угождении ей. В такие времена господства плоти и измельчания духа голоса в защиту поста раздаются редко и робко. Тем приятнее слышать голос в пользу поста, раздавшийся в наши дни из мира светского, который далеко не часто поет в унисон с миром духовным, церковным. Разумею вегетарианское движение, возникновение которого оставалось бы только радоваться, если бы сами вегетарианцы не допускали в своем учении немалых промахов и погрешностей.

Под именем вегетарианства разумеется такое направление в воззрениях современного общества, которым допускается употребление в пищу только растительных продуктов, а не мяса и рыбы¹ (отсюда произошло и название вегетарианства — от латинского слова *вегетаре* произрастать). В защиту своего учения вегетарианцы приводят данные 1) из анатомии: человек принадлежит к разряду существ плотоядных, а не всеядных и плотоядных; 2) из органической химии: растительная пища содержит все необходимое для питания и может поддерживать силы и здоровье человека в той же степени, как и пища смешанная, т. е. животного-растительная; 3) из физиологии: растительная пища лучше усваивается чем мясная; 4) из медицины: мясное питание возбуждает организм и сокращает жизнь, а вегетарианское, напротив, сохраняет и удлиняет ее; 5) из экономии: растительная пища дешевле мясной; 6) приводятся, наконец, и нравственные соображения: убивание животных противно нравственному чувству человека, тогда как вегетарианство вносит мир и в собственную жизнь человека, и в его отношения к миру животных². Некоторые из этих соображений высказывались еще в глубокой древности, в мире языческом (Пифагором, Платоном, Сакиа-Муни); в мире христианском они чаще повторялись, но все же высказывавшие их были единичными личностями и не составляли общества; только в половине нынешнего столетия [XIX века. — *Сост.*] в Англии, а затем и в других странах возникли целые общества вегетарианцев. С тех пор движение вегетарианское все более и более возрастает; все больше и чаще встречается последователей его, которые ревностно распространяют свои взгляды и стараются осуществить их на деле; так, в западной Европе есть немало вегетарианских ресторанов (в одном Лондоне их до 30), в которых кушанья готовятся исключительно из растительной пищи; издаются книги вегетарианского поваренного искусства, в которых содержатся расписания кушаний и наставления для приготовления более 800 блюд. У нас в России также есть последователи вегетарианства, к числу которых принадлежит и известный писатель гр[аф] Лев Толстой.

Вегетарианству обещают³ широкое будущее, так как, говорят, человечество волею-неволею в конце концов придет к способу питания вегетарианцев. Уже и теперь в некоторых странах Европы замечается

¹ Лишь некоторые вегетарианцы допускают употребление в пищу молока и яиц. — *Здесь и далее примеч. автора сохранены как в публикации.*

² Все эти данные подробно раскрыты в сочин[ении] «Научные основания вегетарианства», «Вегетарианская кухня» и др.

³ Например, профессор Бекетов в брошюре «Питание человека» и в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Т. V. С. 691.

явление уменьшения скота, а в Азии это явление почти уже совершилось, особенно в наиболее населенных странах — в Китае и Японии, так что в будущем, хотя и не близком, совсем не будет скота, а следовательно, и мясной пищи. Если это так, то вегетарианство имеет ту заслугу, что его последователи разрабатывают способы питания и образа жизни, к которому рано или поздно люди должны будут примкнуть. Но кроме этой проблематичной заслуги вегетарианству принадлежит та несомненная заслуга, что оно предьявляет по адресу нашего сластолюбивого и изнеженного века настойчивый призыв к воздержанию.

«Присмотритесь, говорит Толстой, к нашей жизни, к тому, чем движимо большинство людей нашего мира; спросите себя, какой главный интерес этого большинства? И как ни странно это может показаться нам, привыкшим скрывать наши настоящие интересы и выставлять фальшивые, искусственные, главный интерес большинства людей нашего времени — это удовлетворение вкуса, удовольствие еды. Начиная с беднейших до богатейших сословий общества, обжорство, я думаю, есть главная цель, есть главное удовольствие нашей жизни. Бедный, рабочий народ составляет исключение только в той мере, в которой нужда мешает ему предаваться этой страсти. Как только у него есть время и средства к тому, он, подражая высшим классам, приобретает самое вкусное и сладкое... А посмотрите на жизнь людей образованных, послушайте их разговоры. Какие все возвышенные предметы как будто занимают их: и философия, и наука, и искусство, и поэзия, и распределение богатств, и благосостояние народа, и воспитание юношества; но все это для огромного большинства ложь, все это их занимает между делом, между настоящим делом — завтраком и обедом, пока желудок полон и нельзя есть еще. Интерес один живой, настоящий интерес большинства — это еда. Как поесть, что поесть, когда, где? Ни одно торжество, ни одна радость, ни одно открытие чего бы то ни было не обходится без еды. Люди притворяются, что обед, еда им не нужны, даже в тягость; но это ложь. Попробуйте вместо ожидаемых ими утонченных блюд дать им, не говорю — хлеба с водою, но каши и лапши, и посмотрите, какую бурю это вызовет, и как окажется то, что действительно есть, именно то, что в собрании этих людей главный интерес не тот, который они выставляют, а интерес еды»¹. Конечно, в приведенной характеристике современного общества есть некоторое преувеличение, но есть и значительная доля правды. Посему и настойчивый призыв со стороны вегетарианцев к воздержанию, к сокращению прихотей является как нельзя более

¹ «Первая ступень» в предисловии к «Этике пищи», XXI—XXIII.

кстати; и если бы они ограничились этим призывом, то оставалось бы только радоваться успеху и росту вегетарианского движения. Но нередко успех кружит голову и надмевает человека. То же случилось и с последователями вегетарианства: они приписывают ему то, чего оно не имеет и не может иметь.

Вегетарианцы думают, что если бы люди не употребляли мясной пищи, то на земле давно уже водворилось бы полное благоденствие. Еще Платон, который показал нам пример того, как можно умно рассуждать об идеях и т. п. высоких материях и в то же время далеко не умно решать вопросы из области государственной и общественной жизни, — еще Платон в своем диалоге «о республике» корень несправедливости, источник войн и других зол находил в том, что люди не хотят довольствоваться простым образом жизни и суровой растительной пищей, а едят мясо¹. А у другого сторонника вегетарианства уже из христиан, анабаптиста Трайона (ум. в 1703), находятся на этот счет слова, которые автор «этики пищи» приводит в своей книге с особым «удовольствием». «Если бы люди, — говорит Трайон, — прекратили раздоры, отказались от угнетения и от того, что способствует и располагает их к тому, — от умерщвления животных и употребления в пищу их крови и мяса, — тогда в короткое время ослабели бы, а может быть и совсем перестали бы существовать между ними взаимные смертоубийства, дьявольские распри и жестокости... Тогда прекратится всякая вражда, не будет слышно жалостных стонов ни людей, ни скотов. Тогда не будет ни потоков крови убитых животных, ни зловонья мясных рынков, ни окровавленных мясников, ни грома пушек, ни сожженных городов. Исчезнут смрадные тюрьмы, рушатся железные затворы, за которыми томятся люди вдали от жен, детей, свежего, вольного воздуха; смолкнут вопли просящих пищи или одежды. Не будет ни возмущений, ни хитроумных изобретений для разрушения в один день того, что создалось тяжким трудом тысяч людей, ни страшных ругательств, ни грубых речей. Не будет ни напрасного истязания животных непосильной работой, ни растления девиц. Не будет отдачи в аренду земель и ферм по таким ценам, которые принуждают съемщика изнурять и себя, и слуг, и скот почти до смерти, и все-таки оставаться в неоплатном долгу. Не будет угнетения низших высшими, не будет нужды за отсутствием излишеств и обжорства; смолкнут стоны раненых, не нужно будет медиков для вырезывания пуль из их тел, для отнятия раздробленных или поломанных рук и ног. Затихнут крики и стоны страждущих от подагры или других тяжких болезней

¹ Уильямс. Этика пищи. С. 27.

(вроде проказы или чесотки), кроме недугов старости. И дети перестанут быть жертвами бесчисленных страданий и будут такими же здоровыми, как ягнята, телята или детеныши всяких иных животных, не знающих недугов¹. Вот какую обольстительную картину рисуют вегетарианцы, и как легко всего этого достигнуть: стоит не есть мяса, и на земле водворится настоящий рай, жизнь безмятежная и беспечальная.

Позволительно, однако, более чем усумниться в осуществимости всех радужных мечтаний вегетарианцев. Хотя они и заявляют, что «их система поражает самый корень зла и обещает выгоды не утопические»², однако от того, что люди перестанут есть мясо, едва ли водворится на земле рай, Царство Божие, ибо Царство Божие, по премудрому слову Ап. Павла, не пища и питье, но праведность, мир и радость в Святом Духе (Рим. 14, 17). Христианское учение всегда было чуждо духа мечтательности. Оно тем и отличается от разных утопических теорий, что ясно различает идеал и действительность и, указывая человеческим стремлениям конечную цель в идеале, в то же время никогда не теряет из виду и действительности. А в этой-то действительности и невозможно полное осуществление идеального счастья. Нужды, горе и ссоры всегда будут отравлять земную жизнь человека, всегда будут спутниками в нашем настоящем состоянии, так как причина этих несчастных явлений не внешняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая, внутренняя, заключающаяся в греховном состоянии самой природы человека, в повреждении ее грехом. Пока такое состояние человеческой природы будет продолжаться, пока не изменятся в корне ненормальные условия нашей жизни, пока не восстановятся у нас правильные отношения к Богу, к собственному назначению и к внешнему миру, т. е. пока настоящая жизнь не сменится новою вечною жизнью, пока не откроется для человечества новое небо и новая земля, в которой правда живет (2 Пет. 3, 13), — до тех пор всегда будут нужды, бедность, горе и болезнь. А так как корень всех этих бедствий лежит гораздо глубже, чем думают вегетарианцы и подобные им мечтатели, то и средство, на которое они указывают, одно само по себе не может уврачевать зла: оно слишком для этого мало, поверхностно и незначительно.

То правда, что воздержание вообще и в частности от употребления мясной пищи обуздывает наши страсти и похоти плотские, дает большую легкость нашему духу и помогает ему высвободиться из-под вла-

¹ Уильямс. Этика пищи. С. 139—140.

² Там же. С. 280.

дычества плоти и покорить ее своему господству и управлению. Однако было бы ошибочно полагать это телесное воздержание в основу нравственности, выводить из него все высокие нравственные качества и думать вместе с вегетарианцами, что «растительная пища сама по себе создает много добродетелей»¹. Вопреки мечтам вегетарианцев, один из подвижников благочестия (прп. Иоанн Кассиан), которых, конечно, никак уже нельзя заподозрить в небрежении к посту, при виде трапезы которых, напротив, даже ангелы небесные радовались, по выражению Св. Иоанна Злат[оуста], — говорил, что «мы не полагаем надежды на один пост (телесный). Он не есть сам по себе благо или сам по себе необходим. Он с пользою соблюдается для приобретения чистоты сердца и тела, чтобы, притупив жало плоти, человек приобрел умиротворение духа. Но пост иногда обращается даже в гибель души, если неблагоприятно соблюдается. Надобно стараться, чтобы те добродетели, которые составляют истинное добро, были приобретаемы постом, а не для поста должны быть совершаемы действия тех добродетелей. Итак для того полезно сокрушение плоти, для того к нему должно быть присоединяемо врачество воздержания от пищи, чтобы через него мы могли достигнуть любви, в которой заключается неизменное и постоянное добро»². Значит, пост телесный служит только средством и пособием для приобретения добродетелей — чистоты и целомудрия, и должен необходимо соединяться с постом духовным, — с воздержанием от страстей и пороков, с удалением от худых помыслов и злых дел. А без этого сам по себе он недостаточен для спасения. Не делаем выписок о сем из творений Св. Отцов, так как трудно «вместити пишемых»: все отцы и подвижники согласно учат, что истинный пост бывает тогда, когда человек воздерживается от зла. Взамен всего приведем характерный рассказ о св. Макарии Вел[иком]. Ему однажды сам искушитель сказал: «Я не силен против тебя, Макарий. Все, что ты делаешь и я делаю. Ты постишься, а я совсем не ем. Ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одним только ты побеждаешь меня». «Чем же?» — спросил Макарий. «Смирением, — отвечал диавол. — Вот почему я не силен против тебя»³. Отсюда видно, что нельзя еще возлагать все надежды на один телесный пост.

Не считая одного телесного поста достаточным для спасения, подвижники благочестия в то же время не признавали и того, чтобы пост этот был для всех всегда обязателен (как хотят того вегетарианцы);

¹ Уильямс. Этика пищи. С. 215.

² Монашеская жизнь по изречениям о ней подвижников. Вып. 1. С. 77—78.

³ Монашеская жизнь... С. 101.

ибо, говорит св. Нил Сорский, «все организмы невозможно подчинить одному и тому же правилу: тела имеют большое различие в силе, как медь и железо в сравнении с воском»¹. Проповедуя только постоянную умеренность в пище и питии и сами воздерживаясь от вкушения мяса, они для других не запрещали вкушения по временам мясной пищи. Нужно все употреблять во славу Божию, говорили они, ни от чего совершенно не удаляясь, как делают еретики, безрассудно отвергающие то, что Бог сотворил весьма хорошим. От всех находящихся снедей, хотя бы и сладких, нужно брать понемногу. Таково рассуждение мудрых, а не то, чтобы некоторые роды пищи выбирать, а другие оставлять, дабы и Бога благодарить и сохранить ненадменность души: так мы избегнем возношения и не будем гнушаться тем, что Бог сотворил хорошим². Тех же людей, которые останавливаются на веществе снедей и пития, оставляя в стороне «разумение», — таковых отцы называют «нерассудительными». Эти нерассудительные люди ревнуют посту и трудам святых с неправильным разумением и намерением и думают, что они проходят добродетель. Дьявол же, стерегущий их как свою добычу, ввергает в них семя радостного мнения о себе, от которого зарождается и воспитывается внутренний фарисей, и предаёт таковых совершенной гордыне. Ибо ничто столь удобно не побуждает к гордости, как знающая о многих своих заслугах совесть и дума, живущая в уповании на оные³. К таким людям обращается с предостережением и пресвитер Исидор: «Если подвизаетесь, — говорит он, — то не гордитесь; если же тщеславитесь сим, то лучше есть мясо, ибо не так вредно есть мясо, как гордиться и надмеваться». А отцы Гангрского Собора даже возглашают анафему тому, «Если кто осуждает человека, который с благоговением и верою вкушает мясо (кроме крови и идоложертвенного)».

Таков поистине мудрый взгляд св. Церкви на вкушение мяса. В своих постановлениях Она всегда имеет в виду не какого-то отвлеченного, бесстрастного и бесплотного человека, какового нередко имеют в виду разные мечтатели вроде вегетарианцев, а человека живого, плоть носящего, человека со всеми его нуждами, потребностями, немощами; и к ним Церковь, следуя по примеру своего Божественного Основателя, относится с величайшею снисходительностью и милосердием. Бывали примеры, что великие подвижники и святые мужи, — эти лучшие выразители церковных воззрений, — «сразу ж-

¹ Монашеская жизнь... С. 68.

² Там же. С. 69, 81.

³ Там же. С. 98.

дая немощному естеству человеческому», не только не укоряли тех, которые ели в пост «неподобающие снеди», но даже и сами «мало» вкушали от сих снедей.

Так о святителе Тихоне рассказывают, что когда он жил на покое в Задонском монастыре, то однажды в пятницу на шестой неделе великого поста посетил монастырского схимника Митрофана. У сего последнего в это время был гость, некто Косма Студеникин, Елецкий гражданин, которого за его благочестивую жизнь любил и святитель. Случилось, что в этот день знакомый рыбак принес отцу Митрофану для Вербного Вокресения живого верезуба. Так как гость не рассчитывал пробыть до воскресения в обители, то схимник и распорядился сразу же приготовить из верезуба уху и холодное. За этими яствами и застал святитель Митрофана и его гостя. Схимник, испугавшись такого неожиданного посещения и считая себя виновным в нарушении поста, пал к ногам св. Тихона и умолял его о прощении. Но святитель, зная строгую жизнь обоих друзей, сказал им: «Садитесь, я знаю вас; любовь — выше поста», при этом сел сам за стол, съел ложки две ухи и угощал Косму. Такое снисхождение и доброта святителя поразили друзей: им известно было, что св. Тихон во весь великий пост по понедельникам, средам и пяткам не употреблял даже масла, а тем более рыбы¹. А о другом подвижнике благочестия, еще при жизни прославившемся даром чудотворения, св. Спиридоне Тримифунтском рассказывается, что некто зашел к нему с пути уже по наступлении великого поста, когда святитель с домашними держал по обыкновению строжайший пост и вкушал пищу только в известные дни, оставаясь в прочие совсем без пищи. Видя, что странник очень устал, Спиридон велел дочери своей предложить путнику покушать. Та отвечала, что нет ни хлеба, ни муки, ибо запас этого по причине поста был бы излишен. Тогда святитель помолился, попросил прощения и приказал дочери изжарить случившегося в доме соленого свиного мяса. После изготовления его Спиридон, посадив с собою странника, начал есть мясо и убеждал и своего гостя делать то же; а когда последний отказывался, называя себя христианином, святитель сказал: «Тем менее надобно отказываться, ибо Слово Божие изрекло: для чистых все чисто» (Тит. 1, 15)².

Не знаем, известны ли эти случаи вегетарианцам, и как они к ним относятся; но думается, что с вегетарианской точки зрения указанные святые мужи представляются «немощными». Однако св. апостол Па-

¹ Жизнь св. Тихона Задонского. М., 1863. С. 165—167.

² Созомен. Церковная История. Кн. 1. Гл. 11.

вел в послании к римлянам (14 гл. 2 ст.), где тоже в свое время были споры о том, есть ли мясо или только овощи, называет немощным того, кто считает позволительным для христианина есть только овощи — и кто на вкушение мяса смотрит как на что-то безнравственное и преступное (как и смотрят наши вегетарианцы).

И действительно, такой человек есть немощный христианин, готовый, по словам апостола, возвратиться к немощным и бедным вещественным началам и снова поработить себя им (Гал. 4, 9). Такой человек думает, что пища сама по себе может приблизить нас к Богу (1 Кор. 8, 8), как будто царство Божие есть пища и питье, а не праведность, мир и радость во Святом Духе (Рим. 14, 17); он забывает, что все чисто (Рим. 14, 20), и всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением (1 Тим. 4, 4). Непредосудительно, посему, и вкушение мяса в те дни, когда оно разрешается св. Церковью.

В начале роду человеческому были назначены Богом в пищу семена и плоды (Быт. 1, 23). Но когда человек грехом повредил всю свою природу и навлек проклятие и на землю, то растительная пища оказалась недостаточною для рода человеческого, и из Библии мы знаем, что после потопа Сам Бог наряду с зеленью травною дает в пищу людям и животных, и птиц, и рыб (Быт. 9, 3). Стало быть, употребление мясной пищи разрешено Самим Богом¹ и, как такое, оно не заключает в себе ничего противозаконного и безнравственного.

Но убивая животных в пищу, человек этим самым, по словам вегетарианцев, нарушает принцип справедливости и сострадания к животным. Он лишает их жизни, которую дал им не он, и причиняет им столь ужасные страдания, что даже привычным людям иногда становится жутко при виде мучений, испытываемых животными. В сочинениях вегетарианцев («Научные основания вегетарианства», «Этика пищи») целые страницы посвящены картинному описанию тех жестоких мучений, которым подвергает животных человек, этот «сластолюбивый обжора», «ненасытный чревоугодник», «злой палач». Сострадание, конечно, чувство в высшей степени почтенное, но только в таком случае, если оно носит трезвый и здравый характер, а не ложный и сантиментальный. Встречаются иногда особы, которые

¹ На это Уильямс, автор «Этики пищи», возражает, что если защищать мясоедение на основании Библии, то придется, чтобы быть последовательным, защищать и рабство, и многоженство, и самые варварские войны (208 стр. примеч.). Но для всякого непредубежденного человека ясно видно, что есть существенная разница между вкушением мясной пищи и хотя бы, напр., многоженством; и из Библии видно, что первое Бог разрешает и благословляет, а второе только на время попускает.

падают в обморок при визге собаки, но которые остаются безучастны к слезам и горю человека. Кто же такое чувство сострадания признает здоровым и истинным? Или кто одобрит индийцев, устроивших госпитали для кур, голубей и в то же время допуславших, чтобы парии тысячами умирали от жажды во время засухи, и не позволявших им пользоваться водою из колодцев для людей знатных. В таких случаях сострадание и любовь к животным развиваются за счет людей и в прямой ущерб этим последним.

Этот недостаток индусов, религией которых так восхищаются вегетарианцы главным образом за ее «возвышенные принципы милосердия к животным», присущ и вегетарианству. Защищая права животных, вегетарианцы, как говорится, «хватили через край». Очень многие из них¹ признают, что «животные совершенно однородны с человеком и в физическом, и в нравственном отношении», как и человек, «наделены разумом и нравственным чувством», иногда даже «в большей степени», «имеют те же понятия, чувства и способности»², «животные одного с человеком класса», «имеют одинаковое с ним право на жизнь», «они наши братья», и посему убиение их есть «братоубийство».

Но рассуждая так, вегетарианцы этим самым заявляют себя сторонниками материализма, который тоже не видит существенной разницы между человеком и животными. А материализм давно уже потерял всякий кредит в глазах ученого мира [!! — написано в 1895 г. — *Сост.*]: нет ни одного серьезного и беспристрастного ученого, который бы стал утверждать, что внутренний мир человека и животных один и тот же³.

Эти материалистические тенденции очень вредят чистоте вегетарианского учения, и нельзя не пожалеть, что вегетарианцы вместо того, чтобы вести дело проповеди своих идей в союзе с св. Церковью и в духе учения Христова, предпочитают почерпать подкрепление своим воззрениям из мутных кладезей ложных учений.

Архимандрит Тихон (Беллавин).

(Опубликовано: Странник. 1895. № 3. С. 487—499.)

¹ Например, Освальд, Бентам, Никольсон, Глейзе, Мишле, Гольц и, наконец, сам автор «Этики пищи» Уильямс.

² «Неужели души всех животных, кроме человеческой, смертны, или созданы совершенно иначе?» — вопрошает один вегетарианец («Этика пищи». С. 346).

³ Если и были «философы», которые утверждали противное, то еще св. Василий Великий говорил своим современникам: «Убегайте бредней утрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою и говорят о себе, что они были некогда и деревьями, и морскими рыбами. А я хотя и не скажу, бывали ли они когда-нибудь рыбами, однако же со всем усилием готов утверждать, что когда писали сие, то были бессмысленнее рыб».

Вторая статья архимандрита Тихона.

О ПОДВИЖНИЧЕСТВЕ

К именам многих св. подвижников (Антония, Евфимия, Феодосия, Иоанникия, Арсения и др.) Церковь присоединяет название «великий». Хотя в гражданской истории об этих «великих» людях и не упоминается, однако название это дано им Церковью по праву. Главное величие человека заключается в силе его духа, и такое величие и проявляли в себе подвижники. Это — люди, которые избирают себе единую цель жизни, единый путь — Христа. Все свои стремления, помыслы и деяния они направляют к тому, чтобы приготовить своего внутреннего человека ко вселению в него Христа. Снедаемые желанием Божественного, распаляемые стремлением к истинному свету и вечной жизни, они оставляют все, что может задержать их на избранном пути. Чтобы жизнь их не прониклась суетою, удаляющею от Христа, чтобы предметы земные не овладели их сердцем, они оставляют шумный свет и удаляются в пустыню. Но так как «от себя никуда не уйдешь», и, следовательно, и в пустыне у человека могут из сердца исходить «помышления злая», то подвижники ведут упорную и ожесточенную брань с нечистыми помыслами и распинают плоть свою со страстями и похотями. В этой борьбе ветхий, плотской человек, тлеющий в похотях прелестных, умирает и в них обновляется новый духовный, созданный по образу Божию. Жизнь их теперь всецело управляется духом. Всякое слово их, всякий взгляд, каждое действие, мысли, чувство, — все это проникнуто духом, который все земное преобразует в духовное во Христе и приносит обильный плод духовный: любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5, 22—23).

Такова внутренняя сторона жизни св. подвижников. А вот несколько черт из их внешнего быта.

Подвижники жили в безлюдных пустынях, в дремучих лесах, в глубоких пещерах и на бесплодных скалах. Нередко лет 30—40 и больше они не видали ни одного человека. Впрочем, многие из них, избегая совершенного уединения, жили по два, по три и в недалеком расстоянии друг от друга. В субботние и воскресные дни они сходились в одно место для пения псалмов и по целым ночам стояли на молитве. Если и вступали в беседу, то вся беседа их состояла в решении вопросов касательно внутреннего состояния их духа; все разговоры ограничивались взаимными наставлениями, как в том или в другом случае хранить свое сердце, как вести борьбу с искушениями, как умножить труды и подвиги. После недолгих свиданий, опять отходя на безмол-

вие, они погружались в созерцание, с глубоким вниманием следя за всеми своими мыслями и чувствами и стремясь достигнуть состояния бесстрастия. Для этого они соблюдали строгий пост и обрекали себя на разные лишения. Многие из них в продолжение сорока дней не вкушали пищи. Были добровольные страдальцы, которые носили тяжелые железные вериги. Иные в самый жаркий полдень выходили к болотистым местам и отдавали там пить кровь свою лютым мухам африканским. Некоторые, испытывая сильные искушения, зажигали костер сухих ветвей, повергались в огонь и спрашивали себя: «Горячо ли?» и сами отвечали: «Горячо, помни же огонь геенский и бойся греха». Постом и трудами они до того иссушали плоть свою, что на иных оставались одни кости да кожа. Платье их от долговременной носки само спадало с плеч, и отшельники нередко оставались без покрова под знойным небом Африки и под холодными и сырыми ночами Азии.

Вот против этих-то телесных подвигов и восстают по преимуществу противники подвижнического жития. Тело, говорят они, творение Божие, дано человеку самим Богом; следовательно, удовлетворение телесных потребностей так же законно и необходимо, как и душевных потребностей, и о теле нужно столь же заботиться, как и о душе, ибо только в здоровом теле может быть здоровый дух. А подвижники, вместо этого, всячески изнуряют свое тело!

Но ведь тело, хотя и творение Божие, однако взято Богом из персти земной, когда как душа есть дыхание Вседержителево, и в ней-то и заключается образ Божий и величие человека по сравнению с прочими тварями. Посему странно уравнивать в правах дух и тело; тело только орудие души, и о нем нужно заботиться лишь в той мере, насколько оно необходимо для деятельности духа: на удовлетворение телесных потребностей нужно смотреть как на средство, а не как на цель, иначе попечения о плоти превратятся в похоти (Рим. 13, 14). Если древние и говорили, что только «в здоровом теле здоровый дух», то не нужно забывать, что изречение это принадлежит язычникам, которые приносили дух и возвышали плоть; да и означает оно, собственно говоря, то, что в здоровом теле и дух здоровый, т. е. крепкий, мужественный, а вовсе не то, чтобы в здоровом теле находились глубокий ум, отзывчивое и доброе сердце, горячее религиозное чувство и т. п. качества духа, столь ценные для христиан.

Итак, упрек подвижникам, что они заботятся больше о душе, а не о теле, только делает им честь: об этом должен заботиться и всякий истинный христианин. Неоснователен упрек и в том, что они в своих подвигах идут против своей природы телесной и ее законных потреб-

ностей. Один подвижник (прп. Пимен) сказал: «Мы научились умерщвлять не тело свое, но страсти, живущие в теле». Подвижники идут не против природы и ее законных требований, а против ее расстройств и особенно против развращенной воли человека, неспособной держать его при удовлетворении потребностей в должных границах. Что в природе человеческой есть расстройство и что с ним нужно бороться, это едва ли требует подробных доказательств. Все в природе, говорит Преподобный Амвросий (Ключарев) в слове об аскетизме, имеет нужду в пище и питии, но один только человек обращает и то и другое в наслаждение, доходящее до страсти, и утучняет себя пищею и питием до потери здоровья и самообладания. Все в природе имеет нужду в отдыхе и сне, но один человек обращает сон в негу, просыпает срок, назначенный для деятельности. Все живущее в природе имеет инстинкт продолжения рода, но один человек обращает этот инстинкт в источник пороков и болезней. Итак, ужели не нужно умерщвлять плоти, иссушать в ней почву, на которой может возникнуть и разрастись нечистое семя греха?! Всякая уступка в пользу плоти сопровождается вредом для духа. Имея это в виду, подвижники едят и спят мало, чтобы не дать отучнеть и отяжелеть телу и не развести в нем гнезда лени и сладострастия, чтобы не сделать из него гнилого болота, из которого непрестанно поднимались бы в область духа вредные испарения праздных и нечистых мечтаний и вожделений. В видах воздержания подвижники суровую пищу предпочитают роскошной и лакомой и остерегаются употреблять вино, которое волнует кровь и возбуждает страсти. Они избегают зрелищ, игр, праздных бесед и развлечений, потому что все это прерывает строгое настроение ума, расслабляет дух, наполняет воображение и память пустыми образами и воспоминаниями. Они отрекаются от имений, от супружества, чтобы житейские заботы не связывали их в служении Богу.

Говорят: все это еще более или менее понятно. Но зачем жесткие власяницы и тяжелые вериги? Зачем столпы и многолетнее стояние на них? Зачем жизнь под открытым небом, лежание на голой земле, питание травой и кореньями? Зачем непрестанные коленопреклонения и деннонощные молитвословия?.. Но ведь сильные и застарелые болезни и врачуются сильными средствами. Мудрено ли, что ревнители духовной чистоты в борьбе разгоревшегося духа с застарелыми греховными навыками и страстями и особенно в начале этой борьбы прибегали к сильным средствам и нередко чувством боли и телесных страданий отвлекали свое внимание от приражений греховных. Только тот, кто не принимался за борьбу со страстями, не знает, каких усилий и подвигов стоит эта борьба.

Противники подвижнического жития любят говорить еще: зачем подвижники убегают от мира? Легко спастись в пустыне, где нет ни искушений, ни соблазнов, ни развлечений, ни забот. Гораздо большая награда была бы им, если бы они спасались среди шумного мира.

Из вышесказанного видно, легко ли спастись в пустыне, где подвижники вступают в брань не с плотию и кровию только, но с миродержателями тьмы века сего, с духами злобы поднебесной (Еф. 6, 12). «А лучше, — говорит св. Иоанн Лествичник, — иметь борьбу с людьми, нежели бесами, потому что люди хотя иногда ожесточаются и не покоряются, но потом опять смягчаются и повинуются: бесы же никогда не перестают против нас злобствовать и неистовствовать». Что же касается обещания большей награды за спасение в мире, то тот же св. Иоанн Лествичник приписывает такие слова и мысли внушению искусителя, который хитрым обещанием больших наград хочет отвлечь нас совсем от пути спасения¹. Истинно подвизающиеся заботятся не о наградах, а о том, чтобы очистить себя от страстей. Само собой разумеется, что можно и в мире спастись: немало святых, которые, живя в мире, угодили Богу. Но сосчитай, говорит Преподобный Гермоген (Добронравин), если можешь, угодивших Богу в мире и в уединении, и ты увидишь, что в пустыне больше угодников Божиих². И это понятно: в мире так много суеты и крушения духа, так много случаев и поводов привязываться к земле и забывать о небе! Что же странного в том, если св. подвижники покидали шумный мир и стремились уединиться. Насколько уединение важно для сосредоточенной и внимательной деятельности, это, думается, легко понять. Ученик, когда хочет основательно приготовить урок, уходит от семьи в уединенную комнату. Ученые и художники, когда берутся за работу, требующую напряжения духа, любят уединяться до совершенного отчуждения от всяких шумных развлечений, и глубокомысленные ученые труды свои и художественные произведения выносят из тиши уединения, а отнюдь не среди шума толпы и суеты общественной жизни. Насколько при этом они стремятся к полной сосредоточенности и стараются избегать даже незначительных впечатлений, видно из того, что некоторые философы имели привычку даже днем заниматься с закрытыми ставнями при свете лампы. А о Декарте сообщают, например, что он имел привычку, обдумывая философские вопросы, лежать в постели по 16 часов в сутки и притом с опущенными шторами и закрытыми ставнями, потому что в этом покойном положении ум его был дея-

¹ Монашеская жизнь по изречениям о ней подвижников. Вып. 1. С. 6.

² Минуты пастырского досуга. Т. 2. С. 25.

тельнее и сильнее, нежели когда его развлекали внешние впечатления¹. Если даже отвлеченное мышление требует такого уединения от внешних впечатлений, то тем более потребность в этом должны чувствовать подвижники.

Умное созерцание Божественного, к которому они стремились, требовало полного удаления от мирских соблазнов, безраздельной сосредоточенности духа, совершенной нерассеянности его. А все это возможно в обществе лишь на самое короткое время и мимоходом, в полном же своем виде оно возможно лишь в удалении от общества. Это и побуждало подвижников к уединению, к отшельничеству из мира. И вот подвижник оставляет мир и идет в пустыню, так как в ней полнее может разгораться его пламенная любовь к Богу. Как рыба может жить только во влаге, так и монах может жить и возрастать только в пустыне, говорит св. Антоний Вел[икий]. В пустыне все располагает отшельника к богомыслию. Ясный день, который в мире так часто манит людей на гулянье и развлечения, пустыннонику говорит о любви Отца Небесного, иже солнце Свое сияет на злые и благие (Мф. 5, 45). Лес, вода, птицы, звери, — все это располагает его к служению Богу. Он смотрит на деревья и думает: эти деревья растут все выше и выше от земли; мне ли, созданному Господом для неба, пресмыкаться сердцем по земле? Смотрит на ручей и думает: о если бы и моя жизнь текла так мирно, так светло, как течет этот ручеек! О если бы камни преткновения и соблазна не возмущали души моей, как не возмущают ручейка камни, лежащие на дне его! Смотрит на птиц небесных, слышит, как они с раннего утра до позднего вечера поют песнь своему Создателю, — и думает: я ли, ради которого Слово Божие стало плотию, я ли перестану возносить слово хвалы и благодарения своему Творцу, Промыслителю и Искупителю?²

Есть и еще возражение, которое часто приводится противниками иноческого жития. Говорят, что подвижники, как и все иноки, — эгоисты, люди, которые заботятся только о своем спасении, которые ради своего блага уходят из мира и покидают общество, не хотят быть полезными для него; они — мертвые члены рода человеческого.

Отчего же, однако, мы не считаем эгоистами и не осуждаем, а напротив, относимся с глубоким уважением к ученым труженикам, которые, ради служения своей науке отказываются от мира, его удовольствий и радостей, от шумных светских собраний и зрелищ, становятся чуждыми житейским хлопотам, заключаются в свой ученый кабинет

¹ Православное обозрение. 1877. Декабрь. С. 647.

² См. Гермоген, епископ. Минуты досуга. Т. 2. С. 33—34.

и там свободно, без помех, предаются своим любимым научным занятиям? Ведь отреклись же они от мира? И, однако, сам мир признает, что они приносят ему пользу учеными трудами. Пользу приносят ему и св. подвижники. Правда, они отрекаются от мира, умирают для него, чужды его жизни и интересам. Но каким? Они умирают для зла, в котором лежит мир; они становятся безучастными к тому, что мешает служению правде и истине: к мирскому стяжанию, к честолюбивой погоне за внешними достоинствами, к похвалам и оскорблениям. Так, когда однажды к Арсению Вел[ико]му пришли сказать, что досталось большое наследство, он ответил: «Скажите, что Арсений давно уже умер для мира». А о Макарии Египетском рассказывают, что он велел одному своему ученику идти на кладбище и там сначала поносить мертвецов, а потом хвалить их. Когда ученик возвратился, Макарий спросил его: «Что тебе сказали мертвецы?» — «Ничего», — отвечал тот. «Так и ты будь мертв: когда злословят тебя молчи и не сердись; когда хвалят, не превозносись, будь как мертвый и спасешься».

Вот в каком смысле подвижники отрекаются от мира, а не в том, чтобы порывать всякие, хотя бы и нравственно благодетельные связи с людьми. Отшельники приносили и приносят миру великую пользу. Находясь в пустыне, они служат спасению и благоденствию мирских людей, во-первых, своими горячими молитвами за мир. Люди мирские постоянно заняты мирскими заботами, по недосугу, а чаще по рассеянности духа, с трудом располагаются к молитве и потому имеют большую нужду в молитвах других за них. Подвижники, освобожденные от многих земных забот, молятся не о себе только, но и о ближних, и своими чистыми молитвами низводят на грады и веси благословение и милость Божию и отводят от них удары праведного суда Господня. Правда, многие из нас, по своей привязанности к чувственным и земным благам, не ценят и не понимают значения для мира молитв св. подвижников. Но ведь и слепорожденные не ценят и не понимают, что такое солнечный свет, и, однако, он нимало не теряет от этого своей ценности.

Подвижники, далее, своею строгою, святою жизнью своими мудрыми наставлениями производят самое благотворное влияние на людскую нравственность. Светильник не остается под спудом, а ставится на свещнике, чтобы светить людям (Лк. 11, 33), и не может град укрыться вверху горы стоя (Мф. 5, 14). Отшельники покидают мир, но сам мир ищет их. К ним стекаются алчущие и жаждущие правды. Они ждут от подвижников наставления и вразумления, и не вотще бывают их ожидания. На первый взгляд вам не кажется в речах старцев ничего необыкновенного, но вы слышите проповедника, отрек-

шегося от мирского, кому не нужны более ни слава мира сего, ни его богатства, ни удобства жизни, ни все то, что обыкновенно побуждает людей льстить, лицемерить, скрывать истину. Пред вами учитель, который тяжелыми подвигами своей жизни и непрестанною борьбою со своими страстями и похотями уже вполне утвердился в том, чтобы служить одной только правде и говорить ее в глаза каждому, не боясь ни прещений, ни угроз, ни наказаний. Пред вами говорит человек, достигший высокой степени нравственного совершенства, по справедливости называемый «ангелом во плоти». Ему известны все тайные изгибы души человеческой. Слово его проникнуто духом и жизнью, исполнено благодати; наставления его проверены продолжительным опытом собственной жизни. Неудивительно посему, что наставления подвижников производят чудеса нравственного обновления людей и что люди жаждут слов «учителей благих». К подвижникам (и древним — Антонию, Феодосию, Пахомию, Макарию Египетскому, и русским — Феодосию, Сергию Радонежскому, Тихону Задонскому, Амвросию Оптинскому) со всех сторон стекаются толпы народа, и не простецов только, но и знатных, и ученых; около них поселяются сотни учеников. И вот пустыня процветает, безлюдное место дает бытие многолюдному селению. Образуется монастырь, который нередко устроит на свои небогатые средства больницы, странноприимницы, школы, а в години общественных бедствий и сам жертвует всем, и других располагает к тому же, и является оплотом веры и опорой отечества (как, например, Троице-Сергиева лавра в смутное время). Если люди, преданные чувственному и земному, не могут понять духовных благ, оказываемых миру подвижниками, то пусть они оценят хотя эти видимые и открытые благодеяния отшельников. Если мир и это отвергает, то он отвергает свою собственную пользу.

Можно ли после этого говорить, что подвижники — мертвые и бесполезные члены общества, что они заботятся только о своем спасении и не проявляют любви к ближним? Ведь признаем же мы их достигшими высокой степени нравственного совершенства. А разве мыслимо было бы это совершенство, если бы у них не было такой важной добродетели, как любовь к ближним? Для кого эти рассуждения покажутся малоубедительными, тот пусть послушает примеров.

Один подвижник, прп. Агафон, до того любил ближних, что если кто, войдя в его келью, останавливал внимание на какой-нибудь вещи, то преподобный умолял его взять ее себе и не отпускал до тех пор, пока тот не исполнял его просьбы. Он до того любил людей, что

иногда говаривал: «О если бы я мог отдать прокаженному свое здоровое тело». И это не были одни только слова. Вот, например, какой случай был однажды с ним. Шел он из пустыни в город для продажи небольших сосудов его изделия. На пути встретил он прокаженного, который сказал ему: «Старец, снеси меня туда, куда ты идешь». Агафон донес его до города. Но тот велел ему положить его на том месте, где будут продаваться сосуды. Когда преподобный продал один сосуд, прокаженный сказал: «Отдай мне деньги». Агафон отдал. То же повторилось при продаже и остальных сосудов, так что все деньги перешли в руки прокаженного. Когда преподобный начал собираться в обратный путь, прокаженный сказал: «Снеси меня туда, откуда взял». Старец покорно принес его на прежнее место. Тогда прокаженный сказал ему: «Благословен ты, Агафон, от Господа на небе и на земле», — и стал невидим, ибо это был ангел Божий.

О другом подвижнике, преподобном Серапионе, рассказывают следующее. Однажды ему нужно было идти в Александрию. Время было холодное. Бедная одежда едва прикрывала изнуренное подвигами тело старца. Но вот идет ему навстречу нищий, который, не имея одежды, весь дрожит от холода. «Как, подумал Серапион, — я монах и подвижник — останусь в одежде, а этот нищий — брат мой — будет умирать с холода? Не осудит ли меня Господь на страшном суде, если я не окажу теперь помощи?» С этими мыслями старец тотчас снял с себя одежду и отдал ее нищему. Нагой сел он у дороги, держа в руках единственную теперь свою собственность — небольшое Евангелие. Скоро показался один путешественник, знавший Серапиона. Увидя его в таком положении и думая, что его ограбили разбойники, путник с сожалением спросил старца: «Кто так безжалостно раздел тебя, отче?» «Оно меня раздело», — отвечал Серапион, указывая на Евангелие. В другой раз Серапион встретил человека, которого займодавы мучили за долг, тогда как он подпал этому несчастью без вины и имел многочисленное семейство. Сердце человека Божия не вытерпело при виде страдальца: он немедленно продал в уплату долга и ризу свою и Евангелие, а сам нагой пришел в свою келью. «Где же риза твоя, отче?» — спросил его ученик. «Я послал ее вперед, отвечал старец, туда, где всем нам кроют и шьют платье». «А твое Евангелие?» «И оно теперь там же». Ученик изумился и выразил сожаление. «А не оно ли, — сказал старец, — постоянно твердило мне: продай все и раздай Христа ради нищим. Теперь только я прав пред ним, когда не пожалел и его!» Тот же Серапион, услышав об одном человеке, что он благочестив, но держится Манихейской ереси, оставил любимую пустыню, пошел и нанялся к этому человеку в работники и служил ему

до тех пор, пока не убедил его оставить ересь¹. Бывали и такие старцы, которые даже продавали себя, чтобы выручить другого из беды.

Да и вообще, многие пустыни процветали подвижниками, подобными Агафону и Серапиону. А часто ли в мире встретишь подобную любовь?

Но довольно. Думается, что сказанного достаточно, чтобы видеть всю высоту и величие подвижнической жизни и всю несправедливость нареканий на нее. Великое часто подвергается насмешкам и порицанию со стороны людей мелких. Удивляться ли, что св. подвижники испытывают ту же участь от людей, которые, невзирая на свою скудость и слабость понятий о предметах духовной жизни, берутся судить и отвергать то, чего и сами не понимают... Еще апостол Павел сказал, что душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием и не может разуместь, ибо о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14). А кто судит духовно, тот не затруднится приложить к святым подвижникам слова того же Апостола: по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли скитались в милотях и козих кожах, терпя недостатки, скорби и озлобления, те люди, которых весь мир не был достоин (Евр. 11, 37—38).

Архимандрит Тихон (Беллавин)

(Опубликовано: Странник. 1897. № 6—7. С. 219—229).

[Предлагаем еще одну статью В. Беллавина, опубликованную в том же журнале «Странник».

ВЗГЛЯД СВ. ЦЕРКВИ НА БРАК

(по поводу ложных воззрений гр. Л. Толстого)

В последние времена отступают некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак (1 Тим. 4, 1—3).

Гр[аф] Л. Толстой в своих недавних произведениях («Крейцера соната», «Послесловие к ней», «Юлий и Памфил») допускает лишь такой брак, в котором муж относится к жене своей только как к сестре. Это и есть, по нему, настоящий христианский брак. «Церковные же учения, незаконно на-

¹ То же делали и другие подвижники. Так, прп. Пафнутий (Герacleйский), услышав о некоей великой грешнице Таисии, губившей и себя, и других своею красотой, покинул пустыню, явился к ней и умолял ее оставить путь греха. Рассказ об этом, исторически искаженный, передается во французском романе «Александрийская Куртизанка», который в переводе на русский язык был приложен к «Историческому вестнику» за 1891 г.

зывающие себя христианскими, потеряли истинный идеал целомудрия, данный Христом, и взамен этого попытались установить такой брак, в котором и плотская любовь признается законною; но это лишь церковный брак, а не христианский: христианского, в таком смысле понимаемого брака не может быть, ибо он противен учению Христову».

Цель настоящей нашей статьи — показать, что учение Св. Церкви о браке неизмеримо выше учения гр[афа] Толстого о том же предмете и что воззрение первой, а не второго, есть воззрение христианское.

Препологой Бог щедро наделил первого человека дарами Своей благодати. Адам имел ум чистый, светлый, здравый, свободный от предрассудков и заблуждений и способный познавать вещи с величайшею легкостью; в нравственном отношении он был чист и невинен, воля его не была испорчена, и сердце не было заражено грехом. Тело первого человека было облечено крепостью, обладало силами свежими, неиспорченными, не имело в себе ни малейшего расстройства, было чуждо всяких болезней и страданий. Жил он в раю, или, по выражению Св. Иоанна Дамаскина, «телом водворялся в блаженной и прекрасной стране, а душою жил в несравненно высшем и прекраснейшем месте, где наслаждался сладчайшим созерцанием Бога». Несмотря, однако, на такое блаженство, Адаму чего-то недоставало: *не добро быти человеку единому: сотворим ему помощника по нему* (Быт. 2, 18). Без этого помощника не полно было и самое блаженство рая: одаренный способностью мыслить, говорить и любить, первый человек своею мыслью ищет другого существа мыслящего, его речь печально звучит в воздухе, и только мертвое эхо служит ему ответом; его сердце, полное любви, ищет другого сердца, близкого и равного ему; все его существо жаждет другого существа, подобного ему; но такого существа нет: твари мира видимого, его окружающие, стоят гораздо ниже его и потому не могут быть помощниками по нему; Существо же Высшее, невидимое, даровавшее ему жизнь, безмерно выше его. Тогда Всеблагий Бог, заботящийся о блаженстве человека, удовлетворяет его потребности и творит ему помощника по нему — жену. Он создает Еву из ребра Адамова, чтобы при таком единстве природы они сильнее прилеплялись друг к другу, сильнее чувствовали в себе взаимную любовь и жили нераздельною жизнью, составляя как бы одного человека, одну плоть (Быт. 2, 24).

Итак, вот первая цель брака — взаимное вспомоществование супругов в прохождении жизни. Это нравственная, духовная сторона брака. Но в нем есть и физическая сторона (как и сам человек есть существо духовно-чувственное); он имеет еще и другую цель — размножение рода человеческого. Церковь учит, согласно с Словом Божиим, что «Бог, будучи благ и преблаг, создал мир на тот конец, дабы и другие существа, прославляя Его, участвовали в Его благодати». Желая, чтобы этим блаженством пользовалось возможно большее число тварей, Бог благословляет их на размножение. Такое же благословение дает Он и первым людям: *благослови их Бог глаголя: раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28).

Таково было назначение брака до падения человека; но и после падения смысл и задачи его остались те же.

Брак до падения имел своею задачею вспомоществование супругов. После падения человек даже больше стал нуждаться в помощнике: если ему нужен был помощник в стране блаженства, то не нужнее ли он стал в юдоли плача и печали? Таким помощником для мужа и является жена. Как живущая по преимуществу сердцем, женщина со свойственными ее сердцу чертами — нежною любовью, покорною преданностью, кротостью, сострадательностью, долготерпением — является лучшим товарищем, другом, утешителем и помощником мужчины, как человека по преимуществу ума, твердости, мужества, характера. Муж получает восполнение своих сил из даров женской природы; в жене он находит себе поддержку на помощь. «Властитель, оскорбленный в своих правах и раздраженный сопротивлением его воле, или людскими пороками и дышащий гневом и мщением, — дома утихает, успокаивается и, примиряясь с человеческими слабостями, возвращается к людям с пощадою и милостью. Здесь честный труженик, изнемогающий в борьбе с препятствиями, получает ободрение и подкрепление и выходит на подвиг с новым мужеством и новыми силами. Здесь несчастный, доведенный неудачами до отчаяния, находит утешение в любви доброй жены и, ободряемый верою в Провидение, которую по преимуществу живет женское сердце, возвращается к делам с надеждою на лучшее будущее. Нет столь обидного общественного положения, нет столь тяжкого труда, нет столь горькой доли, с которыми не примирила бы мужа любящая и добрая жена»¹. Так необходима жена для мужа, и столь важное значение имеет брак как нравственный союз!

Брак, как нравственный союз мужчины и женщины, допускает и гр[аф] Толстой, но он не понимает его во всей его глубине и полноте: в христианстве брак не только нравственная связь, но и благодатный союз, таинство: *тайна сия велика есть: азъ же глаголю во Христа и во церковь* (Еф. 5, 32); союз мужа и жены в христианстве есть образ таинственного, благодатного союза Христа с Церковью. Толстой же не хочет признавать брака за таинство; по его взгляду, «старая основа» (т. е. вера в брак как таинство) «износилась и надо найти новую»; во всяком случае, «верить или не верить в таинство — это не важно». Напротив, мы думаем и утверждаем, что верить в брак как таинство весьма важно и что нет никакой нужды заменять эту старую основу, так как все спасение от разврата заключается в том, чтобы держаться христианского идеала брака как таинства, — идеала, отступление от которого ведет к разврату и преступлениям, как показал это и сам Толстой в «Крейцеровой сонате».

Часто приходится слышать, что брачные узы тяжелы для человека; и действительно, обязанности супругов высоки и трудны. Не говорим уже о том, что супруги должны жить друг в друге и друг для друга, служить один для другого подпорою и помощью, вместе делить радости и горести, не оставлять друг друга до самой смерти и т. п. Но как бы ни была сильна любовь супругов, они, как люди, не могут обойтись без того, чтобы не встретиться друг от друга каких-либо неприятностей и огорчений; для уврачевания их они необходимо должны иметь терпение и снисходительность, в противном же случае скоро

¹ Проповеди Пресвященного Амвросия, еп. Дмитровского. С. 10.

могут укорениться взаимные неприятности, которые сначала только охлаждают любовь, а потом и совершенно иссушают ее. Золотое правило брачной жизни — «терпи и переноси». Из всех качеств добрый нрав в семейной жизни оказывается наиболее полезным и производительным. Соединенный с самообладанием, добрый нрав порождает терпение переносить без жалобы, слушать не отвечая и не раздражаясь, а кротко выжидать, пока пройдет сердитая вспышка.

Такое терпение вполне необходимо как для мужа, так и для жены.

Женщина в физическом отношении характеризуется чертами большей нежности, слабости, немощности, а в нравственном — чертами кротости, скромности, чувствительности. Сообразно с такими типическими свойствами христианство называет женщину «*немощнейшим сосудом*» (1 Пет. 3, 7).

В силу же того, что жена существо слабейшее мужа, этот последний должен обращаться с нею весьма заботливо, осторожно, терпеливо. *Мужие любите своя жены, якоже и Христос возлюбил Церковь и Себе предаде за ню, да освятит ю...* (Еф. 5, 25). Некогда человечество было нечисто, порочно, безобразно; но Христос не отвратился от его безобразия; Он пересоздал и исправил его, искупил его грехи; Он не только смыл его нечистоту, но создал из него Церковь Святую. Не насилием, порицанием и угрозами достиг Он этого, а великою заботливостью и самоотверженною любовью к людям. Свои заботы о их чистоте, святости и непорочности Он простер до того, что пожертвовал даже для этого собственною жизнью. Вот идеал христианских отношений мужа к жене. Возлюбив ее искренне всем сердцем, он все делает к ее пользе; в его отношениях к ней не может быть и тени насилия и унижения. Жена слабее мужа, но слабость ее для мужа христианина только служит большим побуждением к тому, чтобы помогать ей, поддерживать ее, защищать, обращаться с нею с большею любовью, кротостью, терпением и снисходительностью к ее недостаткам, ветрености, расточительности, суетности и друг[им].

Не в меньшей степени нужно терпение и для жены. *Жены, своим мужем повинуйтесь, якоже Господу: зане муж глава есть жены, якоже и Христос глава Церкви, якоже Церковь повинуется Христу, такожде и жены своим мужем во всем* (Еф. 5, 22—24). А такое повиновение немислимо без терпения. Жене нередко приходится переносить своеволие, грубость, капризы, дурные желания своего мужа. Своим благоразумием, своею нежностью она должна терпеливо перевоспитать своего мужа, незаметно для него самого умирить его страсти и увлечения, направить его на все доброе и святое. Иногда жена покидается мужем и делается вдовой живого; после немногих дней радости жизнь ее отравляется холодностью; она — как нежный цветок, вырванный из родной почвы, чтобы пересадить его на лучшую почву, а на самом деле брошенный на дорогу под жгучие лучи солнца! У ней отнято счастье быть любимой, но зато осталось право любить, и она пользуется этим правом. Она следует по стопам Христа, который также не был признан и к которому тоже люди были холодны и несправедливы. Она продолжает быть помощницей того, кто ее безжалостно оскорбляет; она пьет без ропота чашу, подносимую ей каждый

день жестокою рукою мужа. За его неблагодарность она платит ему двойною любовью, сугубою преданностью, сугубыми жертвами. Она безмолвствует и смиряется в той надежде, что сердце мужа со временем будет ей возвращено, будет покорено ее любовью. Почему знать, может быть она и спасет своего мужа? (1 Кор. 7, 16). Но положим, он до конца остается несправедливым; терпит до конца и жена, имея в сердце образ Христа распятого; терпением она спасает свою душу (Лк. 21, 19).

Вот слабое изображение высоких и трудных обязанностей. Супружеский союз есть образ союза Христа с Церковью. Но осуществим ли этот идеал при одних естественных испорченных силах человека? Исполнимы ли высокие требования, предъявляемые к брачным лицам? Если мы без помощи Божией не можем творить полного и истинного добра (Ин. 15, 5), если все довольство наше от Бога (2 Кор. 3, 5), если Бог производит в нас добрые действия (Флп. 2, 14), то разве не нужна супругам благодать Божия, чтобы свято выполнить высокие обязанности? Необходимость для этого благодатной помощи прозревал ранее и сам гр[аф] Толстой: один из героев его романа «Анна Каренина» — Левин говорил: «Что я могу в этом страшном деле брака без помощи? Именно помощи мне нужно теперь». И христианским супругам такая помощь подается. Христианский брак есть не только союз нравственный, но и союз благодатный, тайна, таинство, в котором подается божественная благодать, освящающая и возвышающая брачный союз в образе союза Христа с Церковью и содействующая супругам в исполнении ими высоких обязанностей. Вот почему христианин не может удовлетворяться одним только гражданским браком без церковного венчания, ибо хотя он и может быть нравственным союзом, но остается без высшего христианского освящения, так как только к браку, благословленному Церковью, — этою сокровищницею благодати, — привлекается благодать Божия, гражданский же брак в основу и охрану брачной жизни кладет не зиждательные религиозно-нравственные начала, не духовно-благодатную силу Божию, а одни юридические обязательства и внешнюю силу, с которыми супруги не уйдут далеко по пути нравственного совершенства.

Другая сторона в браке — физическая. Гр[аф] Толстой со всею беспощадностью нападает на эту сторону; в браке он признает только одну нравственную сторону: единство идеалов, подвигов, духовное сродство, плотская же любовь не должна иметь места в нем. *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением (похотью), уже прелюбодействовал с нею с сердце своем* (Мф. 5, 23), — эти слова Спасителя, по взгляду Толстого, относятся не к одной чужой, посторонней женщине, а преимущественно к жене. Целомудренный настоящий брак это тот, в котором муж смотрит на свою жену только как на сестру. Через это замолкнут страсти и из них самая сильная и злая, половая плотская любовь, а благодаря этому настанет уединение людей, чем люди исполнят закон, данный им для достижения блага. Правда, через это прекратит-

ся и род человеческий, так как невозможно продолжаться без естественного рождения, но дело в том, что ему незачем продолжаться. Зачем жить? Ведь Шопенгауэры, Гартманы, да и все буддисты утверждают, что благо заключается в том, чтобы не жить. И они правы в том, что благо совпадает с самоуничтожением. К этому Толстой присоединяет еще и христианские церковные учения, проповедующие кончину мира и рода человеческого.

Что и по учению Христианскому мир кончится и размножение рода человеческого прекратится, это верно, но когда и где это будет? Христос Спаситель сказал некогда Апостолам: *не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти* (Деян. 1, 7). Значит, от воли Господа, а не от нашей воли, зависит положить предел размножения рода человеческого и открыть новое царство, где *ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают как Ангелы Божии* (Мф. 22, 30). Это будет уже на новой, обновленной земле. В условиях же настоящего, земного существования, когда люди и остаются людьми, а не как ангелы Божии, размножение будет иметь место, и брак с своей физической стороны будет служить средством для этого. Бог не только до падения благословил первых людей на размножение, но и после потопа, когда род человеческий давно уже находился в состоянии падения, повторяет Свое благословение сынам Ноя, *благодая: раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 9, 1).

И это потому, что, по библейскому взгляду, хотя человек грехом и внес порчу в природу и жизнь, однако ни та, ни другая не есть сплошное зло, как утверждают пессимисты, а за ними и Толстой. Христианское воззрение на жизнь чуждо крайностей оптимизма и пессимизма; оно весьма удачно соединяет в себе то, что есть истинного и в том, и в другом.

Мир был создан прекрасным, в нем царила гармония, но вот чрез грех вошло в него зло. Это стал мир греха, смерти, тления, но тем не менее он — мир Божий, в котором разрушающие силы находят себе постоянное противодействие со стороны силы творческой и созидающей, и в котором даже помимо избавления благость и милосердие Божие обнаруживаются в бесчисленных проявлениях. Он, конечно, лишен верховного добра и в этом отношении представляет собою область неудовлетворительности и недостатков, тем не менее заключает в себе много всяких относительных благ, относительную добродетель и счастье, действительные сокровища, которые хотя отнюдь не безусловны, однако же не лишены и известной ценности. Поэтому, хотя в жизни и есть весьма много страданий и бедствий, тем не менее они не могут уничтожить всякую цену ее и делать бытие хуже небытия. Жизнь не есть одно сплошное зло: непредубежденное сознание и незатемненное нравственное чувство всегда будут одобрять те разумно-нравственные проявления жизни, которыми осуществляются внутренние требования добра. В жизни есть немало радостей и светлых сторон, которые уравновешивают и даже пересиливают страдания. Во всяком случае страдания и неудовольствия не делают жизни хуже и ниже небытия. Живой человек испытывает страдания, но зато он испытывает и радости и удовольствия, за которыми забывает всякие бедствия, между тем как к небытию безусловно неприменимы признаки ни при-

ятного, ни неприятного. Прекратив существование в форме чувствующих и сознательных личностей, мы, правда, выиграем в том отношении, что безусловно освободимся от всех неудовольствий и страданий, но зато вместе с тем лишим себя и всех радостей и удовольствий. Будет ли в будущем выигрыш? Никакого.

Вообще, пессимистическое настроение в смысле полного и всецелого отвращения от всей и всякой жизни не есть нормальное и всеобщее чувство: все живое по природе любит жизнь и отвращается от смерти. В жизни благо, а отнюдь не в самоуничтожении. Поэтому даже ветхозаветный писатель, изобразивший всю суетность настоящей жизни, говорил: *поди, ешь с веселием хлеб твой и пей в радости сердца вино твое, коль скоро Бог благоволит к делам твоим. Пусть во всякое время одежды твои будут белы и пусть масти не оскудевают на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все время суетной жизни твоей и которую дал тебе Бог на все суетные дни твои, потому что эта доля твоя в жизни и в трудах твоих* (Еккл. 9, 7—9). А с пришествием Христа на землю стало еще больше оснований для светлого взгляда на жизнь. Жизнь и страдания Христа дают путь и средство к восстановлению нарушенной гармонии, снова открывают нам двери рая. Христос *возродил мир во упование живо* (1 Пет. 1, 3); *Он живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1, 4); в Нем мы приобрели больше, чем потеряли в Адаме. Посему и христианство не гроб для человеческого рода, не безлюдная и безжизненная пустыня, а напротив, оно сообщает своим приверженцам новую жизнь.

Итак, если жизнь не есть зло, то, значит, и призвание новых существ к жизни, или размножение рода человеческого чрез брак — путем рождения, не заключает само в себе ничего худого, греховного. Напротив, чрез это увеличивается число существ, славящих Бога, для какового прославления люди и призываются из небытия к бытию. А посему и физическая сторона в браке законна, и тот, кто отрицает ее и признает брак как исключительно сердечно духовную связь, тот по слову Св. Ап. Павла, внимает духам обольстителям (1 Тим. 4, 1—3).

Но тот же Апостол, допуская физическое общение между супругами христианами, повелевает, чтобы *брак у них был чистен и ложе непорочно* (Евр. 13, 4). И Св. Церковь требует от супругов не только исполнение обета супружеской верности, но и целомудрия, т. е. чтобы в отношениях друг к другу они старались обуздывать свои чувственные пожелания, *умели соблюдать свой союз в святости и чести, а не в страсти похотения, как язычники* (1 Сол. 4, 4—5).

В христианском браке естественное влечение ставится под господство духа, и физическая сторона его, хотя и не вытесняется и не уничтожается нравственною стороною, как ложно думает Толстой, однако подчиняется этой последней. В браке, как и во всяком другом отношении, человеку поставлено задачей не отрицать свою природу, но обращать ее на службу просвещенному и освященному благодатию Божиею духу. Брак одною стороною касается физической природы, но то, что есть в нем физического, должно

быть преддверием высшего начала. *Жена*, по слову Ап. Павла, *спасется чрез чадородие*, но не чрез одно чадородие, а *если пребудет в вере и любви, и в святости с целомудрием* (1 Тим. 2, 14), т. е. не чадородие само по себе служит к спасению жены, а пребывание в вере и любви, в которых она воспитывает детей своих: жена спасется чрез рождение детей в веру.

Таким образом, в христианском браке физическая сторона (плотская любовь) является только средством для осуществления одной из целей брака — рождения и воспитания детей. А где это средство обращают в цель, где нет такого господства нравственного принципа, где физическая сторона не только не подчиняется духовной, но и сама берет перевес над нею и поглощает ее, там такое состояние со всею силою осуждается Церковью, как унижающее и оскорбляющее идею брака. Поэтому не Толстой только, но и Церковь осуждает такое прохождение молодыми супругами «медового месяца», когда они без удержу удовлетворяют своей похоти. Не один Толстой, далее, а и всякий истинный христианин никогда не одобрит такого образа жизни супругов, когда для получения наслаждений или муж продолжает физическую связь с женою, несмотря на зачатие ею младенца, или жена истребляет плод. При таком ходе дел брак теряет всякое нравственное значение и становится одною половую связью; чувственная сторона выступает здесь на первый план, неподобающее ей место, и женщина рассматривается только как орудие для наслаждения. Со строгостью, хотя и более благоразумною, чем строгость Толстого, относится Церковь и к разводу, на который ныне стали люди очень падки, чтобы легче отдаваться «свободной любви». Развод возможен только после прелюбодеяния, когда брак уже нарушен в самом существе его: виновная сторона этим показывает, что она видит в браке лишь средство для удовлетворения чувственности и потому ищет новых наслаждений вне прежнего союза. В других же случаях брак не может быть расторгнут: *еже Бог сочета, человек да не разлучает* (Мф. 19, 6). Внешняя непривлекательность мужа или жены, несходство в характерах, взаимная неприязнь, — все это должно быть принесено в жертву высшей нравственной цели. Все столкновения, все неприятности должны уступить силе нравственной любви; неудовольствие, основанное на внешней эстетической неприязни, должно умолкнуть при чувстве истинной нравственной привязанности; раздоры и несогласия показывают только недостаток любви и должны побуждать супругов позаботиться о стяжании духа любви.

Таков высокий взгляд Св. Церкви на брак, — взгляд, несомненно возвышающийся над воззрениями Толстого. Как в других случаях (напр[имер], по вопросу «что нам делать?»), так и на этот раз главную силу учения Толстого составляет отрицательная сторона, критика нашей жизни, указание разврата, проникшего в семью: здесь он высказывает не мало горькой жизненной правды. Но когда дело касается положительной стороны, то он предлагает нечто несбыточное и неосуществимое: между его теориею и действительностью существует целая пропасть, которая увеличивается еще оттого, что Толстой имеет в виду чистую духовную природу человека. Быть может, многие смотрят у нас на брак как только на средство для удовлетворения чувст-

венных пожеланий. Однако, как показано выше, и христианская мораль и Церковь, — ее истолковательница, — прямо и решительно осуждают такие взгляды, но не жертвуют из-за них самым браком и не приходят к тем нелепым выводам, к каким пришел Толстой. Христианство историческое, церковное, — такое, каким содержит его Церковь, тем именно и отличается от всяких мечтательных, утопических теорий (в том числе и теории Толстого), тем их и превосходит, что оно ясно различает идеал и действительность и, указывая человеческим стремлениям конечную цель в идеале, в то же время никогда не упускает из виду и настоящей действительности. А в этой-то действительности, в условиях настоящего земного существования человека и невозможно полное осуществление идеально-целомудренного брака, указываемого Толстым, — брака, в котором муж относился бы к жене своей только как к сестре.

В последние времена отступят некоторые от веры, внимая духом обольстителям и учениям бесовским, чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак (1 Тим. 4, 1—3). Восстанут лжехристы и лжепророки; и так если скажут вам: вот Христос в пустыне, не выходите, вот Он в потаенном месте, не верьте (Мф. 24, 24, 26). Вот и гр[аф] Толстой, отрицая церковный брак, зовет ныне нас в некую пустынь «соломенного» вдовства и выдает такой свой взгляд за истинно христианский, как будто христианство своим благовестием всецело принадлежит безлюдной и безжизненной пустыне. Но у нас есть свои руководители, за которыми мы и следуем, так как они, а не Толстой, указывают путь, истину и жизнь. Они учат, что хорошо человеку не касаться женщины (1 Кор. 7, 1), и что невыдающий замуж своей девицы поступает лучше выдающего (38 ст.). Однако, не все вмещают слово сие, но кому дано (19, 11): каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе (1 Кор. 7, 7). Сообразно с этим, тем, которые могут вместить, христианство предлагает подвиг полного целомудрия, а кому не дано вместить, — оно предлагает и подвиг более слабый — брак, но все же подвиг христианский. А посему выдающий замуж свою девицу, по словам Ап. Павла, поступает хорошо, т. е. нравственно, по-христиански; если и женишься, не согрешишь, и если девица выйдет замуж, не согрешит (1 Кор. 7, 38, 28). Конечно, истинное девство выше брака; но следует ли, говорит св. Кирилл Иерусалимский, из-за того, что мы имеем золото, отнимать цену у серебра? Да не будет этого!..

В. Беллавин

(Опубликовано: Странник. 1893. № 12. С. 641—652). — *Ред.*]

61. О родственниках Святейшего Патриарха Тихона

Утверждение автора о том, что с кончиною матери у будущего Святейшего Патриарха Тихона не осталось в живых никого из родственников, кажется, не лишено достаточного основания.

Правда, в повседневном быту, не было видно при нем близких родных, как это нередко практикуется у архиереев, а затем было и

у его ближайших преемников — Патриархов Всероссийских Сергия (Страгородского) и Алексия (Симанского). При первом из этих двух одно время находилась его родная сестра Александра Николаевна (окончившая дни свои, как говорили, в тюрьме); при втором долгое время проживала также сестра, Анна Владимировна Погожева (по мужу, давно уже скончавшемуся), впоследствии постригшаяся под именем Евфросинии. Скончалась в Киеве, в сане игумении Покровской женской обители. О родственниках, более или менее близких, Патриарха Тихона, сохранилось, однако, мало устных и печатных сообщений.

[Исследование о ближайших родственниках Патриарха Тихона произвели А. А. Бовкало, помощник заведующего библиотекой Санкт-Петербургской Духовной Академии и исследователь из Великих Лук Н. С. Новиков.

Приводим полностью статью А. А. Бовкало:

«К ИСТОРИИ СЕМЬИ БЕЛЛАВИНЫХ»

В Центральном Государственном Историческом архиве Санкт-Петербурга хранится копия метрического свидетельства, которую Василий Иванович Беллавин (будущий Патриарх Московский и вся России Тихон) представил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию при поступлении в нее в 1884 г.:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО»

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, дано сие из Псковской Духовной Консистории, за надлежащим подписом и приложением казенной печати, на основании 1047 ст[атьи] IX Т[ома] Св[ода] Зак[онов] в том, что в метрической книге Воскресенской церкви погоста Клина Торопец[кого] уезда за тысяча восемьсот шестьдесят пятый год в части первой о родившихся под № 4 значится: января девятнадцатого родился, двадцать третьего числа крещен Василий. Родители его: онного погоста священник Иоанн Тимофеев и жена его Анна Гаврилова. Восприемниками были: погоста Борка священник Петр Малиновский и погоста Петра и Павлова священническая жена Татьяна Спиридонова. Таинство крещения совершил погоста Борка священник Петр Малиновский с дьячком Иваном Карзовым и пономарем Васильем Черепниным.

Г[ород] Псков. Августа второго дня. Тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года. Свидетельство это выдается для представления в С[анкт]-Петербургскую Дух[овную] Академию.

Член консистории [подпись]

Протоиерей Алексей Дегожский

Секретарь

[подпись]

И. д. столонач[альника]

[подпись]¹»

Копия свидетельства хранится среди документов тех студентов, фамилии которых начинаются на букву «Т», поскольку в метрической книге не была

¹ ЦГИА. СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1037. Л. 1.

указана фамилия отца будущего св. Патриарха, а только его отчество — Тимофеев, хотя фамилия Беллавиных встречается среди учеников Псковской духовной семинарии уже в 1826 году¹. Подобные случаи в метрических книгах встречаются не столь уж редко. Из лиц, участвовавших в крещении, известна пока лишь судьба пономаря Василия Черепнина: он служил в этом погосте до выхода за штат и умер 29 декабря 1899 года². О предках же Св. Патриарха Тихона не так давно опубликована работа³.

Священник Иоанн Беллавин⁴ впоследствии был переведен в Преображенскую церковь г. Торопца. Он стал также благочинным одного из округов Торопецкого уезда и членом правления местного духовного училища, в котором учились его дети. Жила семья Беллавиных в домике при церкви. У Василия Беллавина было три брата. Старший — Павел — родился 14 января 1857 г. Пройдя общеобразовательный курс Псковской духовной семинарии, он в 1877 г. поступил в С[анкт]-Петербургский историко-филологический институт и окончил его в 1881 г. по разряду русской словесности со званием учителя гимназии. За неимением свободных вакансий по Ведомству народного просвещения, Высочайшим Повелением от 17 августа его освободили

¹ См.: ЦГИА. СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1592. Лл. 7—8.

² См.: Псковские епархиальные ведомости. 1900. № 2. С. 29.

³ См.: Новиков Н. С. Колыбель опального Патриарха. Псков, сельцо Михайловское: «Робин», 1999.

⁴ Священник Иоанн Тимофеевич Беллавин упоминается как священник погоста Клин и благочинный одного из округов Торопецкого уезда в «Памятной книжке Псковской губернии на 1867 год» (с. 92). В «Памятной книжке... на 1881 год», как член совета Торопецкого духовного училища он упомянут (с. 91), на 1882 год (с. 62); последний раз — на 1889 год. (с. 91) как член правления этого училища. Кроме того, он был и благочинным II округа Торопецкого уезда («Памятная книжка... на 1886 год», с. 120; последний раз — на 1888 год, с. 148). Точной даты смерти о. Иоанна Беллавина пока установить не удалось. В. А. Бахревский утверждает, что о. Иоанн умер в год смерти императора Александра III, осенью 1894 г. (см.: *Бахревский В. А.* Святейший Патриарх Тихон. М., 2001. С. 140). Н. С. Новиков также указывает, что отец Иоанн скончался в конце 1894 года (см.: *Новиков Н. С.* Почетный гражданин Америки и Ярославля // *Русская Америка: историко-географический журнал.* 1995. № IV. С. 7). В книге «У истоков великой музыки. Поиски и находки на родине М. П. Мусоргского» (Л., 1989) Н. Новиков пишет: «Следующим летописцем родины Мусоргского стал священник Иоанн Беллавин. В архиве хранится его дневник на двадцати страницах, аккуратно исписанных убористым почерком, где подробно рассказывается об истории края, быте, нравах и взаимоотношениях прихожан. Дневник ценен тем, что его заполнял человек, знающий здешних жителей от рождения до смерти» (с. 189); «Еще более значительный для истории факт — сын пошивкинского священника Василий Иванович Беллавин стал в 1917 году Патриархом Московским и всея Руси» (с. 191). Безусловно, обнаруженный дневник о. Иоанна Беллавина очень интересен и еще раз свидетельствует о любви к Родине представителей рода Беллавиных, но священник погоста Пошивкина Торопецкого уезда Иоанн Беллавин, умерший 23 апреля 1894 г. (Псковские епархиальные ведомости. 1894. № 10. С. 147), был лишь дальним родственником св. Патриарха Тихона.

от обязательной службы по министерству¹. Он выразил желание служить по учебно-духовному ведомству, и с 22 ноября 1881 г. был назначен учителем латинского языка Сызранского духовного училища, но через два года, в 1883 г., умер².

О втором брате Иоанне известно, что он родился 7 октября 1859 г. в Клину. Был учителем Закона Божия в Торопецком мужском училище. Умер в начале 1890-х годов³.

Младший брат Святейшего Патриарха, Михаил, родился в Торопце 24 сентября 1873 года. Окончив Торопецкое духовное училище, он поступил учиться в Псковскую, а после четвертого класса перешел в Холмскую духовную семинарию, где ректором был будущий Святейший Патриарх, и окончил ее в 1895 году. В 1898 г. он приехал к брату, служившему уже на Аляске, и с 1 декабря 1898 г. служил псаломщиком в церкви г. Бриджпорт. 1 ноября 1899 г. Владыка Тихон назначил его своим личным секретарем и библиотекарем. М. И. Беллавин «с особым рвением занимался приведением в порядок» библиотеки, «заботясь о ее ценности и сохранности». Но, отличавшийся слабым здоровьем, 21 ноября 1902 г. он скончался от паралича сердца⁴. По заказу М. И. Беллавина для Торопецкого духовного училища «в Почаевской лавре монахом-художником были написаны на полотне прекрасные иконы Спасителя и Богоматери (копия Васнецовской — во Владимирском соборе в Киеве), иконостасного размера, для предполагавшейся к устройству домашней церкви при училище. Святые иконы получены и находятся в училищном зале, где совершаются общие молитвы (согласно воле г. Беллавина)... От того же благотворителя Торопецкое училище имеет прекрасную фисгармонию и две отличных скрипки для учеников и получило большой взнос в „общество вспомоществования учащимся в Торопецком духовном училище”»⁵. В память о М. И. Беллавине в Торопецком духовном училище была учреждена стипендия⁶.

В 1888 г. после окончания С[анкт]-Петербургской Духовной Академии Василий Беллавин был назначен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в Псковскую духовную семинарию (с 9 июля). 14 декабря 1891 г. он принял монашество с именем Тихон, а 22 декабря был рукоположен во иеромонаха. Определением Святейшего Синода от 12—17 марта 1892 г. иеромонах Тихон был назначен инспектором Холмской ду-

¹ См.: Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института. Часть первая. Выпуски I—XXIII (1871—1893). Издана под редакцией В.В. Латышева. Пг., 1917. С. 177.

² Церковный вестник. 1881. № 50. С. 344; Пятидесятилетие... С. 177.

³ См.: Новиков Н. С. Колыбель опального Патриарха. С. 47.

⁴ Ф. П. Михаил Иванович Беллавин [Некролог] // Американский православный вестник. 1902. № 23—24. С. 502—505.

⁵ Зимин Н. Из жизни Торопецкого духовного училища // Псковские епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 259—264.

⁶ Анна Гавриловна Беллавина [Некролог] // Псковские епархиальные ведомости. 1904. № 15. С. 366—368.

ховной семинарии, и с этих пор его церковное служение проходило за пределами Псковской епархии, но он часто приезжал в Торопец, где проживала его мать.

Уже будучи ректором Холмской духовной семинарии, архимандрит Тихон в июне 1896 г. побывал в Торопце, а 21 июня 1896 г. сопровождал епископа Псковского и Порховского Антонина (Державина) в его поездке в погост Якшин, Торопецкого уезда¹. 19 октября 1897 г. в Санкт-Петербурге состоялась хиротония архимандрита Тихона во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. На обратном пути из Петербурга к месту своего служения новый епископ «побывал на своей родине в г. Торопце, где, прожив пять дней, участвовал в совершении всенощных бдений и молебнов, а также посетил Духовное училище. В пятницу, 7 ноября, преосвященный Тихон с вечерним поездом» отбыл из Торопца². Через год состоялось его назначение в Америку. «Преосвященный Тихон (Беллавин), вновь назначенный епископ Алеутский и Аляскинский, — сообщая „Псковские епархиальные ведомости“, — посетив 13—14 октября на пути из места своего прежнего служения г. Псков, прибыв в свой родной Торопец 17 минувшего октября, в 11 часов дня, и в первый день никуда не выезжал. 18 октября он пред литургиею прибыл в [Корсунско-Богородичный. — *Авт.*] собор, где был встречен всем торопецким духовенством; после же литургии, отслужив акафист Божией Матери и сказав речь, он, в сопровождении настоятеля собора священника В. Д. Шукина, посетил местного предводителя дворянства, городского голову, исправника и других. 19-го — побывал у всех священников, в духовном училище, а также у смотрителя оногo Н. С. Зимина; 21-го — служил литургию в соборе, после которой совершил царский молебен, а вечером служил всенощное бдение в Казанской церкви³. В этот день он снялся со всем торопоградским духовенством у фотографа. 22-го — преосвященному Тихону был предложен в доме о. Владимира Шукина от духовенства обед, на котором было произнесено много тостов и пропеты многолетия за преосвященнейших Антонина и Тихона; 23-го октября в 8 часов утра Владыка отбыл из Торопца в С[анкт]-Петербург»⁴.

31 мая 1903 г. епископ Тихон снова приехал в Торопец. На следующий день, 1 июня, он служил раннюю литургию в Вознесенском кладбищенском храме, а после нее — панихиду на могиле отца и братьев. 7 июня он молился за всенощным бдением в Корсунско-Богородицком соборе, выходил на литию и читал акафист перед чтимой Корсунской иконой Божией Матери. А 8 ию-

¹ См.: Хребтов Д. Посещение Преосвященнейшим Антонином погоста Якшина Торопецкого уезда // Псковские епархиальные ведомости. 1896. № 16. С. 287—288.

² См.: Пребывание Люблинского епископа в Псковской епархии // Псковские епархиальные ведомости. 1897. № 22. С. 398—399.

³ С Рождества 1991/92 г. в Казанской церкви Торопца возобновились богослужения.

⁴ См.: Пребывание Алеутского епископа в г. Торопце // Псковские епархиальные ведомости. 1899. № 1. С. 10—11.

ня в том же соборе он совершил позднюю литургию в сослужении всего торопоградского духовенства. После литургии Владыку от лица духовенства и жителей Торопца приветствовал соборный священник Константин Беллавин. В ответной речи Владыка Тихон говорил о своей духовной связи с Торопцом и его жителями и о всегдашнем своем молитвенном общении с ними. «И сейчас молю Всевышнего, — закончил он свою речь, — да укрепит Он у вас то благочестие, каким отличались предки торопчане». После молебна епископ Тихон совершил на соборной площади чин освящения воды по случаю открывавшегося в этот день крестного хода по городу с Корсунской иконой Божией Матери. 12 июня Владыка Тихон отбыл из Торопца в Псков и Петербург¹.

20 июня 1903 г. Преосвященный Тихон был вызван для присутствия в Святейшем Синоде², а 17 декабря уволен во вверенную ему епархию³. «22 декабря Его Преосвященство предполагал уехать из Санкт-Петербурга в Торопец и там провести Рождество в родном доме», а 28 декабря отбыть из Торопца прямо за границу⁴. Это был его последний приезд к матери. Анна Гавриловна «последние годы жила почти безвыходно в своем уютном, скромном домике при Спасской церкви, прикованная к креслу тяжелым недугом — водяною. Этот тихий домик в оригинальном тупике, имеющий пред собою красивый и прибранный цветник, был известен всему городу, — так как любящий и почтительный сын... Преосвященный Тихон, когда бывал в Торопце, всегда останавливается... у матушки... Матушка родного торопчанам архипастыря... вследствие посещений Владыки пользовалась общею известностью и симпатиями, особенно в среде духовенства и бедных, которые всегда находили сочувствие и помощь одинокой старицы... [Она] в страданиях своих находила утешение видеть и чувствовать на себе защиту единственного далекого сына-святителя. Когда для духовного училища был сделан увеличенный фотографический портрет умершего в Америке младшего ее сына (Михаила), во имя которого в училище учреждена стипендия, матушке был показан портрет Михаила и предложено, не пожелает ли она для себя иметь такую увеличенную карточку, она спокойно и с верной любовью ответила: «Зачем мне большой портрет? Они живые, предо мною... И Владыка часто, часто пишет мне... Я любовь их чувствую. Закрою глаза, — и вижу их, как живых, пред собой... И почившего и далекого... Храни их Господь!»⁵

Анна Гавриловна скончалась в возрасте 72 лет 29 апреля 1904 г. 30 апреля в своей епархии епископ Тихон служил панихиду по новопреставленной

¹ См.: *Рюриков М., свящ.* Посещение г. Торопца Преосвященным Тихоном, Епископом Алеутским и Северо-американским // Американский православный вестник. 1903. № 15. С. 249—250.

² См.: Высочайшее повеление // Церковные ведомости. 1903. № 27. С. 1.

³ См.: Высочайшее повеление // Церковные ведомости. 1904. № 1. С. 1.

⁴ См.: Радостные Новогодние вести // Американский православный вестник. 1904. № 1. С. 3.

⁵ Анна Гавриловна Беллавина [Некролог] // Псковские епархиальные ведомости. 1904. № 15. С. 367.

Анне, а 3 мая, в день ее погребения, — заупокойную литургию¹. Отпевание совершало торопецкое духовенство. С особого разрешения епископа Арсения (Стадницкого) «в отпевании и проходах к месту последнего земного упокоения принимали участие учащие и учащиеся Торопецкого духовного училища»². Погребена Анна Гавриловна рядом с мужем у Вознесенской кладбищенской церкви. До сих пор верующие торопчане с любовью ухаживают за могилами иерея Иоанна и Анны и поддерживают их в должном порядке. В настоящее время на месте захоронения установлена часовня (*Бовкало А. А.* К истории семьи Беллавиных // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2(19). М., 2006. С. 11—16).

Родословную св. Патриарха Тихона впервые опубликовал Н. С. Новиков, см.: *Новиков Н. С.* Родословное древо Святителю Тихона // Московский церковный вестник. 1992. № 4(70). Март. С. 6; *Новиков Н. С.* Колыбель опального Патриарха. Псков, сельцо Михайловское: «Робин», 1999.

Необходимо привести еще один важный документ. Когда в апреле 1923 г. Патриарх Тихон был заключен во Внутреннюю тюрьму ГПУ, то только келейник Патриарха Яков Анисимович Полозов и его жена Наталия Васильевна обратились в Политический Красный Крест со следующей просьбой:

«От Якова и Наталии Полозовых,
Троицкая ул., д. 9, кв. 15.

Заявление.

Ввиду того, что Святейший Патриарх Тихон не имеет родственников и что Яков Полозов является служащим его в протяжении двадцати лет, обращаемся к Вам с просьбой разрешить нам делать ему передачи из наших собственных средств. Надеемся, что наша просьба будет удовлетворена. Наталия Полозова. 28/IV-23» (ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 27. Л. 175. Рукопись).

Никакие другие родственники, если они и были, не выразили желания помочь опальному Патриарху. — *Ред.]*

62. К вопросу о количестве посещений России архиепископом Алеутским и Северо-Американским Тихоном; деятельность его в Петербурге в 1903 г.

Почтенный о. протоиерей А. Рождественский здесь, в своих воспоминаниях, сообщает:

«За время службы в Америке Преосвященный Тихон только один раз приезжал в Россию, когда был вызван в Святейший Синод для участия в летней сессии. Тут перед высшими иерархами и перед светскими правителями Церкви, — тогда обер-прокурорствовал еще

¹ См.: С. Ф. Анна Беллавина // Американский православный вестник. 1904. № 10. С. 201.

² Анна Гавриловна Беллавина... С. 367.

К. П. Победоносцев, — обнаружались духовно-административные таланты молодого епископа, и он вскоре был возведен в высший сан архиепископа».

Все это совершенно справедливо. При всем том следует, однако, отметить то обстоятельство, что на основе воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского), — святителя, в свое время бывшего весьма близким Преосвященному Тихону, — возможно предположить, что за время своего архипастырства в Америке (1898—1907), последний не один, а два раза приезжал на родину.

В «Воспоминаниях» сказано буквально так: «Возвращался Преосвященный Тихон на родину дважды».

В другом месте сообщается следующее:

«Вскоре по получении мною указа [Св. Синода, о назначении самостоятельным епископом Люблинским и Седлецким. — *Сост.*], навестил меня епископ Тихон (впоследствии Святейший Патриарх). Он приехал в отпуск из Америки, узнал в Петербурге о моем назначении и пожелал меня поздравить. Несколько дней он провел со мною; мы вместе служили. Для меня это был праздник, — и не только для меня одного. Духовенство встретило его как родного. Он чувствовал себя в Холмщине словно возвратился домой, — с таким радушием, с такой любовью все его приветствовали» (*Евлогий, митр.* С. 148).

Если вышесказанное отнести к 1903 году, то выявляется недопустимая со стороны митрополита Евлогия ошибка, заключающаяся в том, что в этом году епископ Тихон приезжал в Россию не в отпуск и не для отдыха (как говорится в вышеприведенной выписке), а по вызову, для присутствия в Святейшем Правительствующем Синоде. И действительно, судя по сообщениям тогдашней церковной печати, видно, что приехал он в Санкт-Петербург вскоре после Троицына дня 1903 года, а отбыл к себе в епархию в самом конце того же года; во всяком случае, высочайшее повеление о роспуске состава летней сессии Синода последовало 17.12.1903 года.

Таким образом, вопрос о пребывании Преосвященного Тихона в 1903 году, в России, в связи с отпуском — отпадает сам собою.

Следовательно, остается лишь предположить, что приезд его в Россию в связи с отпуском, мог состояться в 1905 году, когда, действительно, Преосвященный Евлогий был назначен самостоятельным, правящим архиереем с титулом «Люблинского и Седлецкого» (измененного впоследствии «Холмского и Люблинского?»). Однако такое предположение противоречит утверждению протоиерея о. А. Рождественского о единственном посещении России Преосвященным Тихоном за период времени с 1898 по 1907 г.

Таким образом, со всей обоснованностью примирить это противоречие в высказываниях двух почтенных церковных мемуаристов остается задачей будущего церковного историка.

Со своей же стороны предлагаем следующий компромиссный вариант решения поставленной задачи (по нашему мнению совершенно реальный).

Хотя, несколько выше мы и сообщили, что Преосвященный Тихон в 1903 году приезжал в Россию не в отпуск, а по вызову для присутствования в Синоде, но утверждение это относится более не к формальной стороне интересующего нас вопроса, а, так сказать, в широком плане: для объяснения и оправдания столь длительного пребывания Преосвященного вне пределов своей епархии. Что же касается именно формальной стороны, то, действительно, он мог приехать и для использования здесь своего отпуска, и по каким-либо другим причинам (нам неизвестным), так как высочайшее повеление о присутствовании его в Синоде, последовало лишь 20.06.1903 г., т. е., приблизительно, тремя неделями позже (!) после того, как он прибыл на родину и, возможно, уже собирался обратно к себе в Америку. Да и сам текст повеления свидетельствует о том, что оно написано персонально Преосвященному Тихону, а не сонму иерархов, приглашаемому к присутствованию в предстоящую сессию, как это бывало обычно. Повеление это гласило:

«Государь император, в 20-й день июня 1903 года, высочайше соизволил повелеть Преосвященному Алеутскому Тихону присутствовать в заседаниях Святейшего Синода» (Высочайшее повеление // Церковные Ведомости. 1903. № 27. С. 275).

А отсюда не исключается (как нам кажется) возможность и того, что, при желании, Преосвященный Тихон мог навестить своего друга, новохиротонисанного епископа Евлогия в Холмщине и сразу же по приезде из Америки, и в течение всего длительного периода своего пребывания в России в 1903 году; вся эта визитация на место своего прежнего архипастырского служения могла занять не более 10 дней.

Правда, такое решение вопроса не согласуется с утверждением митрополита Евлогия о двукратном приезде в Россию его заморского друга-епископа и справедливым, поэтому остается утверждение о протоиерея А. Рождественского, но, следует сказать, что в литературе (церковной) того времени, нам, по крайней мере, нигде не попало — никаких сообщений о приезде Преосвященного Американского в Россию, ни в 1905, ни в каком-либо другом году!

А это тоже, полагаем, говорит не в пользу сообщения из митрополичьих воспоминаний, ко времени написания которых автор мог

давным-давно перепутать и забыть ряд фактов и дат из времен давно минувших и заслоненных в памяти множеством огромной важности и значения трагических событий последующего, небывалого исторического периода в жизни Церкви.

Что же касается посещения России Преосвященным Тихоном в 1903 году, то этот приезд его в свое время довольно подробно был освещен в церковной печати, благодаря чему мы имеем возможность хотя бы схематически представить себе его тогдашнюю занятость.

Так, еще по пути на родину, на Троицын день 25.05.1903 г., в Берлине, епископ Тихон совершает в местной русской посольской церкви торжественную литургию, чем «обрадовал всю православную берлинскую общину» (Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 9. С. 890).

На следующий день, 26.05.1903 г. (Духов день), он совершает литургию в Православном братском кладбищенском храме близ Тегеля (См.: Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 23. С. 890).

Как отмечено было выше, высочайшее повеление о присутствовании в Синоде Преосвященному Тихону последовало почти месяц спустя по его приезде (См.: Церковные Ведомости. 1903. № 27. С. 275).

В июле месяце в связи с многочисленными запросами касательно условий поступления на духовную службу в Америку, т. е. прав и преимуществ для духовенства, связанного со службою там и тому подобное, епископ Тихон через печать оповещает интересующихся об основных требованиях и условиях для желающих служить в Американской епархии (См.: Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 30. С. 303—304).

В том же месяце Преосвященный обращается в Святейший Правительствующий Синод с ходатайством о разрешении настоятелю православного русского храма в Нью-Йорке, о. Александру Хотовицкому, произвести церковный сбор средств в России на устройство иконостаса в Нью-Йоркском храме (См.: Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 33. С. 327).

8.08.1903 года выносится положительное определение Синода по означенному ходатайству Преосвященного Тихона, за № 3632 (там же).

В том же месяце Преосвященный Тихон посещает временно находящегося в Санкт-Петербурге Экзарха Грузии архиепископа Карталинского и Кахетинского, Высокопреосвященного Алексия (Опоцкого), у которого встречается с прибывшим к митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому) священником

англиканской миссии в Иерусалиме Доулингом. Здесь ведется общая беседа по вопросу о сближении Англиканской Церкви с Церковью Православно-Русской (См.: К вопросу о сближении церквей // Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 38. С. 1465).

12.09.1903 г. прибывает в Санкт-Петербург из Соединенных Штатов, в сопровождении диакона Фея и В. И. Бирбека глава Фондюлакской англиканской епископальной епархии епископ Ч. Графтон, приглашенный Преосвященным Тихоном в Россию для ознакомления на месте с русским Православием и установления личного контакта с выдающимися представителями Русской Церкви.

Престарелый епископ Графтон, говорит автор заметки, «снискал себе сердечную приязнь трех преемственных русских епископов в Штатах: Владимира [Соколовского], Николая [Зиорова] и Тихона» (там же. С. 1467—1468).

Заметим здесь кстати, что, между прочим, проезжая обратно в Америку через Лондон, епископ Графтон посещает здесь русского протоиерея, о. Евгения Смирнова, в беседе с ним восторженно отзывается о русских иерархах, с которыми ему приходилось соприкасаться в России. Естественно, что отзыв этот в значительной степени относится и к епископу Алеутскому и Северо-Американскому Тихону — близкому и уже давнему другу епископа Графтона (*Смирнов Евг., прот.* Впечатления американского епископального епископа Графтона о России и Православной Русской Церкви // Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 44. С. 1717).

2.10.1903 г. епископ Тихон совместно с сонмом иерархов — членов Святейшего Правительствующего Синода и викариями Санкт-Петербургской епархии — принимает участие в торжественном отпевании и погребении тела скончавшегося епископа бывшего Полоцкого, Преосвященного Маркелла (Попеля), одного из крупных деятелей по воссоединению западнорусских униатов и произносит надгробное слово перед отпеванием почившего святителя.

Чин отпевания совершается в Исидоровском храме Александро-Невской лавры; в нем участвуют Экзарх Грузии архиепископ Карталинский и Кахетинский Алексей [Опоцкий], архиепископ Новгородский Гурий [Буртасовский], епископ Тихон, епископ Пермский Иоанн [Алексеев], епископ Гдовский Константин [Булычев], епископ Ямбургский Сергей [Страгородский], епископ Нарвский Антонин [Грановский] и епископ бывший Старицкий Павел [Поспелов].

Приводим текст надгробного слова, сказанного Преосвященным Тихоном:

*Ныне отпускаеши раба Твоего,
Владыко, по глаголу Твоему с миром,
яко видесте очи мои спасение Твое.*
(Лк. 2, 29—30).

Эти слова святого Богоприимца Симеона почивший святитель Маркелл (Попель) применял к себе еще 25 лет тому назад, когда он оставял архиерейскую кафедру в Холме. Уже тогда он почитал главную задачу своей жизни исполненной, а себя — готовым отойти в иной мир. Но только ныне он велением Божиим он взят от среды нашей, и Дух и ему глаголет: *блажени мертвии, умирающие о Господе. Ей, да почуют от трудов своих, дела бо их ходят в след с ними* (Апок. 14, 13).

Какое же дело связано с именем почившего святителя?

Здесьний стольный град мало знал Преосвященного Маркелла, хотя и прожил он в нем около 15 лет. Он прибыл сюда на склоне своих лет, со старческими немощами, вел здесь жизнь замкнутую и уединенную. Однако, не обинуясь можем сказать, что ныне мы погребаем деятеля исторического, святителя, имя которого неизгладимо вписано на страницы новейшей истории нашей Церкви и отечества; он принадлежал к избранникам Божиим, которым дано было совершить великие дела.

Преосвященный Маркелл родился в Галиции. Страна эта русская, но не принадлежит к Российскому государству, и насельникам ее приходится отстаивать свою веру и народность от вражиих посягновений стереть и то, и другое с лица Галицкой земли. На поприще борьбы за русскую веру и народность подвизался в родной Галиции и почивший святитель, когда был там учителем и священником; деятельность его была столь ревностна и плодотворна, что когда понадобились подобные же борцы и для Холмской Руси, он был одним из первых приглашен сюда (в 1867 году) русским правительством.

В то время как раз началось пробуждение русской народности в Холмщине и Подляшье. Край этот издревле был населен русскими православными людьми. Но находясь на рубеже с другим государством, хотя и славянского племени, но иной веры, русские подпали под власть более сильных поляков, и те задумали переделать их на польский лад. Зная, что русские черпают главные силы для сохранения своей народности в вере православной, поляки посягнули на это священное достояние и придумали для русских унию, единение с Римом, и навязывали ее всякими насилиями. Долго боролись православные люди против злосчастной унии, но сила на время превозмогла: уния была принята и началось постепенное, но неуклонное уничтожение русской веры и народности в Холмщине. Богослужение стало все бо-

лее приближаться к католическому, из храмов начали выбрасывать иконостасы, заводить статуи, латинские изображения, употреблять органы; униатам внушалось, что вера их и латинян одно и то же, что они для удовлетворения своих духовных потреб легко могут обращаться к ксендзам, в костелы; самые церкви их нередко отдавались в аренду евреям. И такая работа по уничтожению русской веры продолжалась почти три столетия! Неудивительно, что после этого русская вера и народность, если и сохранилась в Холмщине, то лишь в виде едва тлеющей и готовой потухнуть искры.

Но вот эту потухающую искру задумали (после польского мятежа 1863 г.) раздуть в яркое пламя: возникло благое намерение освободить русский народ от польского гнета, пробудить в нем русское самосознание, восстановить обряд, обычай, язык. Для этой благодарной, но очень тяжелой работы и были вызваны деятели из Галиции и в числе их о. Маркелл. Здесь он быстро выдвинулся в ряду прочих, и ему поручались важные и ответственные дела по умиротворению смут, по разъяснению униатам необходимости восстановить прежний обряд. Вскоре он был поставлен во главе униатского духовенства и назначен администратором Холмской униатской епархии. Принимая это важное назначение, о. Маркелл высказал, что „тяжелые труды и многие скорби ожидают его на предстоящем поприще служения, но, невзирая на то, он выступает на этот путь с бодростью духа и готовностью принести все свои силы на алтарь Церкви и отечества”. И Бог благословил его труды таким успехом, что в короткий срок не только униа значительно освободилась от латино-польских наслоений, но даже во многих местах явилась мысль совсем оставить унию и присоединиться к Православной Церкви. Движение в пользу Православия, искусно и твердо направляемое о. Маркеллом, стало все более расти и в 1875 г. разрешилось присоединением около 200 тысяч холмских униатов к Православной Церкви. Тогда же о. Маркелл был посвящен во епископа и прожил в Холме еще четыре года, укрепляя воссоединившихся в вере православной; а всего он пробыл в Холме около 12 лет. Это была лучшая пора его жизни и деятельности. Сам он так о ней отзывался: „Двенадцать лет усиленного неусыпного труда; двенадцать лет удручающих душу опасений и розовых оживляющих надежд; но по милости Божией, труд увенчался успехом, опасения прошли мимо и надежды сбылись. Вековое заблуждение паствы моей рассеялось пред светом истины: униа, введенная насилием и хитростью, исчезла, как исчезает всякое дело обмана, Холмская Русь опять стала веровать, как веровали ее предки. „Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видесте очи мои спасение Твое”.

Вот это-то воссоединение Холмских униатов и есть то великое дело, которое совершено Преосвященным Маркеллом, которое стяжало ему благодарную память в роды родов и которое запишет имя его в историю Русской Церкви и государства.

И после Холма Преосвященному Маркеллу вверялись в управление епархии Подольская и Полоцкая, в которых некогда была уния; и в самом Святейшем Синоде, где он заседал последние 15 лет, особо живое и деятельное участие он принимал в вероисповедных делах западных епархий. Так до конца дней своих он оставался верен раз избранному и излюбленному делу просвещения бывших униатов.

Мы не перечисляем других архипастырских трудов почившего святителя, его забот о развитии проповедничества, церковного пения, школ, братств. Добрые плоды этих забот сохраняются и до ныне в тех епархиях, где он подвизался. Равно живет в них и добрая память о простом, сердечном отношении его к пастырям и пастве, о теплом, искреннем участии в их нуждах, о горячей любви и постоянной помощи родным и близким людям. В нем билось доброе и отзывчивое сердце, хотя по наружности почивший старец и казался суровым и замкнутым в себе. И самая замкнутость не вытекала ли у него из сознания того, что им уже совершено предназначенное ему Богом дело, и что он, как сам выражался, не здешний уже гражданин, а взыскует грядущего града в ином мире.

Ныне он и отозван в другой мир...

Помолимся же, братья, да упокоит Господь почившего святителя Маркелла в селениях праведных; да отпустит ему вся прегрешения вольные и невольные, *яко несть человек, иже жив будет и не согрешит*, и в таких великих и трудных делах, какое совершил почивший, нелегко избежать ошибок и прегрешений; но уповаем, по слову святого апостола, что почивший, *яко обративый грешников от заблуждений, спасет душу от смерти и покрывает множество грехов* (Иак. 5, 20).

Архиерейство его да помянет Господь Бог во царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь» (Речь перед отпеванием преосвященного епископа Маркелла // Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 41. С. 1567—1569).

Теперь продолжаем наши выписки о Преосвященном Тихоне.

28.11.1903 г. Преосвященный Тихон совместно с сонмом иерархов и в присутствии обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева принимает участие в чине наречения настоятеля Тифлисского Спасо-Преображенского монастыря и члена Грузино-Имеретинской Синодальной Конторы архимандрита Евфимия (Елиева) во епи-

скопа Алавердского (См.: Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 49. С. 1929—1930).

В ноябре же (?) месяце, в целях развития миссионерского дела среди инородцев своей Северо-Американской епархии, Преосвященный Тихон входит с мотивированным ходатайством в Святейший Синод, об открытии в Северо-Американской епархии Аляскинского викариатства с местопребыванием архиерея в г. Ситхе (*Булгаков В. С. Настольная книга для священно-церковно-служителей. С. 1394; Ведерников А. В. Ревнитель церковного единства. С. 63*).

29.11.1903 г. состоялось высочайшее утверждение доклада Святейшего Синода, — по представлению епископа Тихона, — об учреждении в Алеутской и Северо-Американской епархии кафедры викарного епископа, с присвоением ему именованя «Аляскинский» и о бытии епископом Аляскинским наместнику Московского Чудова монастыря, архимандриту Иннокентию (Пустынскому).

30.11.1903 г. епископ Тихон совместно с сонмом иерархов участвует в хиротонии епископа Алавердского Евфимия (Елиева), происходящей в Троицком соборе Александро-Невской лавры (Высочайшие повеления // Церковные Ведомости. 1903. № 49. С. 388).

12.12.1903 г. в зале заседаний Святейшего Правительствующего Синода епископ Тихон совместно с сонмом иерархов принимает участие в чине наречения архимандрита Иннокентия (Пустынского) во епископа Аляскинского.

В своей речи нарекаемый, между прочим, возлагает надежду на дальнейшую помощь себе в предстоящих архипастырских трудах, на своего «умудренного опытом и богатого любовью начальника» (Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 51—52. С. 2023—2026). (Упование, которое этот ставленник успел основательно забыть через двадцать лет, когда он стал обновленческим «митрополитом» Киевским и воевал против Церкви и Святейшего Патриарха Тихона!..)

14.12.1903 г. в Санкт-Петербургском Казанском соборе, епископ Тихон совместно с сонмом иерархов принимает участие в хиротонии своего викария, епископа Аляскинского Иннокентия.

По окончании литургии, Первенствующий — митрополит Московский и Колдменский Владимир (Богоявленский) — обращается к новохиротонисанному епископу с краткой приветственной речью, после чего приветствует и вручает архипастырский жезл новохиротонисанному его Кириарх, епископ Алеутский и Северо-Американский Тихон (См.: Церковные Ведомости. Прибавления. 1903. № 51—52. С. 2026).

15.12.1903 г. Экзарх Грузии архиепископ Карталинский и Кахетинский Алексей (Опоцкий) и епископ Алеутский и Северо-Американский Тихон на высочайшей аудиенции представляются императору Николаю II (Церковные Ведомости. 1903. № 51—52. С. 399). Впоследствии в печати сообщалось, что «на приеме у себя Северо-Американского епископа Тихона, Государь император изволил показать в беседе с епископом свое близкое знакомство с ходом миссионерского дела в епархии, свой участливый интерес к нему и свое всемилостивейшее одобрение его» (Из Америки // Церковные Ведомости. Прибавления. 1904. № 11. С. 407).

И, наконец, как упоминалось выше, 17.12.1903 г. последовало высочайшее повеление об увольнении епископа Алеутского и Северо-Американского Тихона во вверенную ему епархию (Высочайшие повеления // Церковные Ведомости. 1904. № 1. С. 1).

По пути в Америку, 31.12.1903 г., в берлинской посольской церкви Преосвященный «совершает всенощное бдение накануне нового года и в само новолетие литургию» (см.: Церковные Ведомости. Прибавления. 1904. № 9. С. 332).

Так в общих чертах (по данным печати) провел время в Санкт-Петербурге епископ Тихон при посещении им родины в 1903 году.

63. Проводы архиепископа Тихона из Ярославля

Высочайшее повеление о переводе архиепископа Ярославского и Ростовского Тихона на Виленскую и Литовскую кафедру состоялось 22.12.1913 г. Одновременно, тем же повелением, на место архиепископа Тихона в Ярославль переводится архиепископ Виленский и Литовский Агафангел (Преображенский).

Истинная причина этой рокировки так и осталась невыясненной вследствие того, что с одинаковой настойчивостью и достоверностью передавались в свое время факты, будто бы ее вызвавшие, причем, в некоторых случаях упор делается на архиепископа Агафангела (Преображенского), а в других — на архиепископа Тихона. Так это и осталось...

Таким образом, «Преосвященного Тихона [...] перевели на Виленскую кафедру, а в Ярославль прислали Виленского архиепископа Агафангела [Преображенского]. Это тоже достойнейший архипастырь [...] и причины такого перемещения были непонятны. Кажется, вмешался „Союз Руского Народа“, тогда весьма влиятельный в высшем духовном мире» (*Рождественский А., прот.* Святейший Тихон... С. 10—11 [См. наст. сб.]).

В Ярославле у архиепископа Тихона будто бы «были и столкновения. Одно из них произошло с ярославским губернатором, который

добился перевода Преосвященного Тихона на другую кафедру. [...] Преосвященный Тихон стал архиепископом Литовским и Виленским» (*Ведерников А. В. Ревнитель церковного единства. С. 67*).

Архиепископ «Тихон [...] был переведен в Вильну вопреки своему желанию, вследствие столкновения с ярославским губернатором» (*Московский церковный голос. 1917. № 16. С. 1*).

Архиепископ Виленский и Литовский Агафангел в свою очередь (по неофициальным данным) должен был покинуть свою кафедру из-за конфликта, происшедшего у него с мадам Кизиветтер, — влиятельной виленской дамой, которой он отказал в своем участии в крестном ходе и молебне у монумента графу М. П. Муравьеву, что было мадам Кизиветтер и ее окружением истолковано как антипатриотическая демонстрация со стороны правящего архиепископа.

Как бы то ни было, но высочайшее повеление состоялось, и двум архиепископам оставалось лишь выполнить его.

Проводы архиепископа Тихона из Ярославля происходили следующим образом (по свидетельству тогдашней печати).

12.01.1914 года «духовенство и граждане Ростова Великого прощались с архиепископом Тихоном. Слух о том, что в этот день сам архиепископ Тихон будет служить в соборе позднюю литургию, собрал еще до начала службы множество народу. Среди молящихся немало было духовенства из уезда, прибывшего проститься с Архипастырем. В 9 часов утра с соборной звонницы раздались густые звуки трехвекового старца благовестника „Сысоя“. Звал он ростовскую паству на последнюю совместную молитву с добрым Святителем. Архиепископ Тихон прибыл в собор в сопровождении Преосвященного Иосифа [Петровых] и был встречен служащим духовенством. В 10 часов началась литургия. Богослужение было на редкость торжественное. В архиерейском служении участвовали: Ростовского Богоявленского монастыря архимандрит Николай, Борисоглебского монастыря архимандрит Власий, Варницкого монастыря архимандрит Корнилий [Попов; впоследствии обновленец, а затем митрополит Горьковский. — *Сост.*], Николо-Улейминского монастыря архимандрит Амвросий, Алексеевского монастыря архимандрит Птоломей, настоятель Ростовского собора протоиерей А. Троицкий, настоятель Ростовского Петровского монастыря иеромонах Валентин, смотритель Ростовского духовного училища священник И. Карташов и священники собора С. Розов и А. Чуфаровский. Во время литургии были рукоположены: во иерея диакон А. Малиновский и во диакона псаломщик В. Никольский. По окончании литургии Архипастыри и все городское духовенство вышли на середину храма (для) совершения молебного пения. Перед началом

молебна настоятелем Ростовского собора протоиереем А. Троицким был прочитан адрес Ростовского духовенства. [...]

По прочтении адреса архиепископу Тихону духовенством поднесена была ценная панагия с частями св. мощей Ростовских угодников Леонтия, Исаии, Игнатия и Димитрия. Возложив панагию на себя, архиепископ Тихон обратился к ростовской пастве с прощальным словом. [...]

С глубоким вниманием слушали все присутствовавшие в храме прощальные слова Архипастыря. У многих на глазах видны были слезы. В конце молебна протодиакон И. Саввинским было возглашено многолетие государю императору, Святейшему Синоду, архиепископу Агафангелу [Преображенскому], архиепископу Тихону и епископу Иосифу [Петровых]. И сам архиепископ Тихон возгласил многолетие всему освященному собору и гражданам Богоспасаемого града Ростова... Служба кончилась. Густой вереницей тянулись богомольцы к Владыке получить от него святительское благословение...

Всем служащим литургию и многим почетным гражданам г. Ростова в покоях настоятеля собора был предложен обед. Во время обеда Преосвященный Иосиф сказал глубоко трогательное слово. Выступали с речами и другие ораторы... Многие плакали, не скрывая своих слез. Растроган, видимо, был и сам Владыка. В его всегда ласковом взоре светилась тихая печаль отца, прощающего с милыми сердцу детьми. Но вот трапеза кончена. Благословив присутствующих, архиепископ Тихон в сопровождении Преосвященного Иосифа и многочисленного духовенства отправляется на станцию для следования в Ярославль... С соборной звонницы пронесся прощальный звон колоколов. Вздыхал своей могучей грудью „Сысой”, бархатными стонами рыдал Полиелейный, пел прощальную песнь Лебедь, плакали детскими голосами зазвонные...

Проводить Владыку на вокзал прибыло много духовенства и граждан города Ростова. Всем хотелось последний раз взглянуть на Владыку, услышать его ласковое слово. Печаль видна была на всех лицах. Подошел поезд. Владыка вошел в вагон. Под пение многолетия поезд тихо двинулся. Провожающие долго смотрели вслед, пока поезд не скрылся из глаз» (Прощание архиепископа Тихона с ростовской паствой // Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 11. С. 232—233, 235—236).

«В воскресенье 19 января [1914 г., в Ярославле. — *Сост.*] Высокопреосвященный Тихон совершал в Крестовой церкви Спасского монастыря прощальную литургию. Владыке сослужили: епископ Угличский Иосиф [Петровых], епископ Рыбинский Сильвестр [Бра-

тановский], три архимандрита, несколько протоиереев, наместник Толгского монастыря о. Серафим [Самойлович; впоследствии архиепископ и Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. — *Сост.*] и два иеромонаха. Богослужение отличалось особой торжественностью. Архиерейским хором под управлением о. В. Зиновьева исполнялись песнопения Кастаньского, Чайковского и другие. За богослужением присутствовали: губернатор граф Д. Н. Татишев, вице-губернатор В. П. Кисловский, губернский предводитель дворянства князь И. А. Куракин, военные и гражданские чины, городской голова П. П. Шапов, товарищ гор. головы В. С. Лопатин, гласные городской Думы, председатель губернской земской управы Л. А. Каратыгин, дамы городского общества, члены общества хоругвеносцев. Обширная Крестовая церковь была переполнена до тесноты. Масса богомольцев не могла попасть в храм. Галереи и монастырский двор были усеяны народом. По окончании литургии Владыка Тихон разоблачился и в мантии голубого цвета вышел на амвон. Здесь ему одним из протоиереев города был прочитан адрес от духовенства и старост городских церквей и поднесена митра. Растроганный Владыка благодарил духовенство и старост за выраженные чувства и подношение [...]

К речи Архипастыря внимательно прислушивается собравшийся в церкви народ. На многих лицах слезы. По окончании речи Владыка опускается на колени и кланяется духовенству и народу, а затем прощается и благословляет всех. Хор в это время исполняет ему „Патриаршее многолетие” (XVII в.) [!! — *Сост.*]. Создается особо трогательное настроение. Благословение народа продолжается почти два часа.

В покоях Владыки собрались депутации. Их много. Первый адрес читается губернатором графом Д. Н. Татишевым, второй от городского управления читается П. П. Шаповым, от Духовной Консистории, Братства Святителя Димитрия и много, много других. Почти во всех адресах отмечается доброта, простота, доступность Владыки для каждого. Высокопреосвященный Тихон благодарил за приветствия и подношения: панагию, посох, мантию, четки, иконы и пр. Приветствия носили искренний, сердечный характер [...]

В честь архиепископа Тихона в помещении губернского земства состоялся прощальный обед, на котором присутствовали губернатор, вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, городской голова, члены городской управы, председатель губернской земской управы, епископы Иосиф и Сильвестр, генералы В. Г. Веселаго и Д. А. Долгов, профессора В. Н. Ширяев и А. И. и И. И. Успенские, полковник В. В. Витковский, архимандрит Корнилий [Попов; упо-

минавшийся выше. — *Сост.*], много гласных городской Думы и целый ряд других лиц, всего около 70 человек.

Прощальные речи произнесены губернатором Д. Н. Татищевым, князем И. А. Куракиным, товарищами городского головы В. С. Лопатиным и С. Д. Чистяковым. Последний, как хорошо знающий условия жизни западного края, в своей речи выяснил, что в новой епархии Преосв[ященный] Тихон сумеет стяжать себе любовь и симпатии туземного населения» (Проводы архиепископа Тихона // Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 6. С. 117—119).

В этот же день, «при прощании с архиепископом Тихоном члены Епархиального Училищного Совета подносят ему приветственный адрес.

„Члены местного Отдела Палестинского Общества, проживающие в г. Ярославле, и сотрудники по устройству Палестинских вечеров, явившись в полном составе во главе с г[осподином] Товарищем Председателя Отдела, Ярославским вице-губернатором В. П. Кисловским, сочли своим неперменным и приятным долгом почтить бывшего своего председателя особым адресом, напечатанным в виде свитка и заключенным в сафьяновый тисненый золотом футляр голубого цвета с соответствующей надписью. По уполномочию г[осподина] товарища председателя, адрес был прочитан действительным пожизненным членом Ярославского Отдела Палестинского Общества В. А. Андронниковым...”

По прочтении адреса растроганный Владыка в теплых выражениях благодарил всех» (Прощание членов Ярославского Отдела Императорского Православного Палестинского общества с архиепископом Тихоном, бывшим Ярославским, а ныне Литовским и Виленским // Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 39. С. 817—819).

«В архиерейские покои для принесения Владыке прощального приветствия от Епархиального Ионафановского училища, вместе с депутациями от других учреждений явились: о. председатель Совета священник И. К. Миртов, начальница О. М. Ликвентова и инспектор классов А. Г. Котельский. Начальница училища вручила Владыке вышитый золотом и шелками образ св. Николая Чудотворца собственной училищной работы, а инспектор классов произнес [...] речь» (там же).

По выслушании речи, Владыка благодарит за выраженные чувства кратким ответным словом.

Здесь обращаем внимание читателя на то, что речь инспектора классов А. Г. Котельского, ярко выражающая духовную сущность архиепископа Тихона как Святителя и Архипастыря-администратора,

кроме того и главным образом содержит в себе совершенно необычайные слова очень знаменательного, пророческого характера, полностью сбывшиеся впоследствии. Это и послужило причиной к полному воспроизведению речи здесь...

Вот ее полный текст.

«Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

В настоящий торжественный и печальный час Епархиальное Ионафановское училище не может оставаться безгласным, холодным зрителем того, что здесь совершается... Ибо, если говорят, что радость отверзает, а печаль смыкает уста, то бывает и так, что тяжелая утрата ищет себе выхода и облегчения в слове...

Епархиальное Ионафановское училище просит Вас, Владыко, принять сей образ Святителя Николая Чудотворца. Святитель Николай Мир Ликийский в церковных песнопениях изображается: „правило веры и образ кротости“, „свидетельство ваше светлость лица твоего душевное незлобие“, еще: „всех пристанище и заступник, скорбных утешитель, сущих в бедах прибежище“, „милости превеликия сокровище“. В благоговейном удивлении пред высотой христианских подвигов Святителя Церковь величает его „ангелом на земли, Святителей благолепием“.

Простите, Владыко, если я дерзну сказать, но я думаю выражу общие чувства, что Ваша светлая личность слагается из таких черт и душевных расположений, которые в дивной гармонии составляют чарующий образ Архипастыря, носителя человеколюбивого и долготерпеливого духа Христова, истинную красу наших иерархов. В этом — полагаю — заключается тайна того нравственного обаяния, которое Вы возбуждали во всей Вашей пастве, без различия званий, состояний и направлений, что показывает и настоящее собрание, слившееся „в одну душу“ в чествовании Вашего отбытия из епархии.

Мы должны отметить под Вашим благодатным правлением, счастливейший период в жизни училища: завершение его учебного строя чрез расширение предметов общего образования и открытие педагогических 7 и 8 классов, лучшее обеспечение административно-педагогического персонала и внешнее благоустройство чрез сооружения общежития, а также и процветания Покровского Братства, которое встало на ноги и развило посильно-широкую благотворительную деятельность благодаря Вашему непосредственному участию в делах его и особенно Вашим ежегодным щедрым жертвам. Вы оказывали нам такое доверие, которое нас трогало иногда до глубины души, и предоставляли широкий почин нашим начинаниям, Вашим ласковым

ободряющим словом поддерживая нас в минуты уныния и Вашими руководственными указаниями, мягко умиротворяющим влиянием направляя деятельность всех к истинному благу учебного заведения и епархии... Мы шли к Вам с нашими делами и, приближаясь к Вам, находили в Вас, Владыко, не высокоофициального начальника, а снисходящего к нам с высоты святительского престола человека, способного переживать с нами наши радости и огорчения, и уходили от Вас всегда с обновленной душой; так Вы скоро стали для училища близким, дорогим Архипастырем, разлука с которым повергает нас в истинную скорбь, заставляя чувствовать свое сиротство... Ибо и мы должны применить к себе, что некогда сказал апостол Павел христианам: „Многи пестуны имате о Христе, но не мнози отцы” (1 Кор. 4, 15).

Но очевидно, такова воля Божия. Смиренно преклоняясь пред волю Божьего провидения, мы, однако, лелеем отрадную надежду, что она направляет Вас ведомыми Ему путями к благу Вашему и Святой Церкви и поведет Вас, со временем, от славы к славе, от чести к чести до почестей высшего звания, когда должен осветить Церковь лучезарный образ Ваших добродетелей, как тот евангельский светильник, который не скрывают под спудом, но поставляют на свещнице, чтобы он больше осветил храмину (Мф. 5, 15). Может быть, в живительных лучах этого света нам суждено ощутить благодатное веяние новой пробуждающейся жизни — это мучительно чаемой весны в нашей отечественной Церкви... [разрядка наша. — *Сост.*].

Не откажите, дорогой Владыко, принять от училища сей образ работы наших детей и их воспитательниц, с горячими молитвенными пожеланиями: да сохранит Вас Господь, предстательством великого угодника Христова, ко благу Святей Православной Церкви и утешению всех чтущих и любящих Вас чад Вашей бывшей паствы в Ионафановском училище» (Прощальное приветствие Высокопреосвященнейшему Тихону от Епархиального Иоанафановского училища // Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 7. С. 139—141).

Наконец, в понедельник 20.01.1914 г. «архиепископ Тихон выехал к месту нового своего служения. В 4 часа дня, в Спасском монастыре, в храме св. благоверных князей был совершен напутственный молебен, который служили Преосвященный Иосиф, Преосвященный Сильвестр в сослужении многочисленного духовенства. По окончании молебствия иеродиаконом о. Феодором были возглашены многолетия.

Затем Владыка Тихон произнес многолетие гражданам Ярославля и всей ярославско-ростовской пастве. После этого епископ Сильвестр сказал напутственное слово, в котором отметил деятельность Владыки за время его служения в Ярославской епархии. Высокопреосвященный Тихон ответил на это слово еще раз, призвав благословение Божие на ярославскую паству. Хор пел Владыке многолетия. Переполюнявший храм народ подходил к нему за благословением.

Во дворе выстроились воспитанницы епархиальных женских учебных заведений, весь двор запружен народом. У ворот монастыря оркестр военной музыки; от монастыря до самого московского вокзала выстроены шпалерами войска. Масса народа.

Наступило время отъезда. Архиепископ выходит из покоев и благословляет собравшихся воспитанниц и народ, а затем вместе с Преосвященным Иосифом садится в экипаж, который тихо направляется из монастыря. Музыка заиграла „Коль славен”, загудели колокола. Звон разрастался по всему городу. Впереди едет и. д. полицмейстера Д. Д. Подгородников, затем следует губернатор гр. Д. Н. Татищев, за ним экипаж архиепископа. Владыка Тихон во все время пути благословляет войска и народ.

Около вокзала, в вокзале и на платформе тысячи народа. В парадных комнатах вокзала собрались проводить Владыку представители города и администрации. В 6 час. веч. Владыка направляется к вагону. Оркестр играет „Коль славен”. До отхода поезда Владыка стоит на площадке вагона, беседует с провожающими, благодарит за оказанное ему внимание.

Последний звонок. Звуки музыки мешаются с прощальными напутствиями. Снимаются шапки, военные взяли „на караул”. Владыка кланяется и благословляет народ. Женщины плачут, видны крестящие поезд руки. Колокольный звон разлился в теплом, почти весеннем воздухе. До Рыбинска архиепископа Тихона сопровождает епископ Сильвестр (Братановский). Народ стоит на платформе до тех пор, пока поезд не скрывается из глаз, а затем постепенно начинает расходиться, делясь воспоминаниями об уехавшем Архипастыре.

Старожилы не запомнят, чтобы Ярославль провожал с такой единодушной признательностью кого-либо из своих Архипастырей...» (Проводы архиепископа Тихона // Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 6. С. 119—120).

Так град Ярославль расстался со своим любимым Архипастырем.

Приведем еще несколько выписок из тогдашней церковной печати, связанных с перемещением Владыки Тихона на новую кафедру и характеризующих отношение к нему со стороны ярославской паствы.

«Его провожали в 1913 г. [...] с непритворными слезами, избрав почетным гражданином г. Ярославля, каковая честь редко выпадала на долю наших святителей. На прощание архиепископ Тихон все, что имел, раздал на разные благотворительные учреждения» (Православный календарь на 1918 г.).

В связи с отъездом архиепископа Тихона к месту своего нового служения, в Вильну, Ярославская городская Дума учреждает в высших городских училищах 6 стипендий имени Владыки (Кронштадтский пастырь. 1914 [?]).

«Ярославцы с неподдельной нежностью называли его „ясным солнышком”. Град Ярослава Мудрого так полюбил своего доброго и мудрого архипастыря, что при расставании с ним оказал ему совершенно исключительную честь, избрав его „почетным гражданином” г. Ярославля» (*Иоанн (Поммер), архиеп.* [Акты... С. 381]).

«Проводы Преосвященного Тихона в Ярославле были необычайно трогательны; всеобщая любовь и уважение к нему ярославцев сказались в том, что городская дума избрала его почетным гражданином Ярославля, — отличие, не выпавшее на долю ни одному, кажется, из тогдашних архиереев» (*Рождественский А., прот.* Святейший Тихон... С. 11).

«Случай избрания епископа почетным гражданином города является чуть ли не единственным в истории Русской Церкви. Высокопреосвященный Тихон пользовался, как известно, глубоким уважением и любовью ярославской паствы» (Хроника церковно-общественной жизни // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1914. № 20. С. 422).

«Вернувшись из Америки в Россию на кафедру Ярославскую, в 1907 г., в период начавшейся политической и церковной реакции, он явно уклонился от добровольно принятой на себя большинством тогдашнего русского епископата [...] неблагодарной задачи решительной борьбы с обществом за царское и епископское самодержавие. Он с решительным и нескрываемым отрицанием относился ко всем преследованиям со стороны церковной власти лиц духовного ведомства за политические и церковно-общественные воззрения и настойчиво не принимал никакого участия в монархических организациях; на последней почве, насколько нам известно, у него произошло столкновение с ярославским губернатором, вследствие которого он и был переведен на Литовскую кафедру; ярославское общество приняло сторону архипастыря и выразило ему сочувствие избранием его гражданином Ярославля» (Первый Московский архипастырь по свободному избранию клира и мирян // Богословский вестник. 1917. Июнь-июль. С. 138).

(Эта выписка, написанная в 1917 году после Февральской революции кем-то из церковных «либералов», знаменательна в том отношении, что всего через пять лет будет «бить по устам» своих авторов с их злостными клеветническими инсинуациями, направленными против Святейшего и Православной Русской Церкви.

Увы! Если начать планомерные археологические раскопки в пластах первоначальной «революционной» печати, подобных отзывов будет обнаружено немало...

Обращаем на это внимание будущего исследователя.)

64. Митрополиты Пителир (Окнов) и Макарий (Невский) как «распутинцы»; Распутин и его кончина

Говоря о митрополитах Пителире (Окнове) и Макарии (Невском) как о «распутинцах», автор здесь, по-видимому, несколько увлекается. Если о первом из них, действительно, установилась прочная репутация «распутинца», что и подтвердилось до некоторой степени при назначении его на Петроградскую кафедру, то митрополит Макарий (Невский) совершенно никакого (а тем более «близкого») отношения к Распутину не имел. Эту клевету на него (как и на множество других, неудобных им лиц) распространяли разного рода леваки через свою прессу, почти совершенно свободную от опеки какой бы то ни было цензуры в предреволюционные годы. Митрополит категорически опроверг возведенную на него клевету в своем известном открытом письме «к собратям-епископам», написанном им в виде протеста против удаления его с московской митрополичьей кафедры маньяком В. Н. Львовым. В свое время письмо это было широко обнародовано в печати.

Основывать связь митрополита Макария с Распутиным только на том факте (а других нет!), что тот и другой появились в столицах, прибывши из далекой Сибири, слишком фантастично...

По своим общественным, политическим воззрениям митрополит Макарий, как это всем известно, был ярко выраженный и последовательный консерватор (и наверное — монархист). Этого было вполне достаточно. И не нужно ему было быть «распутинцем», чтобы являться постоянной мишенью для всяческих инсинуаций разного рода леваков, включая, конечно, и церковных.

Относительно Распутина ограничимся следующими краткими замечаниями.

Указание на содействие епископа Феофана (Быстрова) продвижению Распутина в высшие придворные сферы [см.: *Вениамин (Федчен-*

ков), *митр.* На рубеже двух веков. М., Отчий дом, 1994. С. 133—134. — *Ред.*], неоднократно встречающееся в печатных данных о Распутине, подтверждает в своих мемуарах и протопресвитер о. Г. И. Шавельский.

По этому поводу он пишет:

«История восхождения Распутина к „славе” была такова.

В начале нашего столетия [...] среди друзей епископа Феофана [Быстрова] был священник Роман Медведь, почти однокурсник его по Академии [известный в Москве в 1920-х гг., при Патриархе Тихоне. — *Сост.*], очень способный, хоть и очень своеобразный человек. Этот отец Медведь паломничал от времени до времени по монастырям, встретил в одном из них Распутина, узрел в нем Божьего человека и затем поспешил познакомить с ним епископа Феофана. Последний [...] в свою очередь, познакомил его с великой княгиней Милицей Николаевной.

Распутин стал посещать дом великого князя Петра Николаевича, а затем и дом его брата великого князя Николая Николаевича. Обе эти семьи в ту пору увлекались духовными вопросами. [...]

Обе сестры великие княгини [„Анастасия и Милица Николаевны — дочери Черногорского короля”, примеч. о. Г. И. Шавельского. — *Сост.*], были тогда в большой дружбе с молодой императрицей, еще более их мистически настроенной. Они ввели в царскую семью нового „пророка” и „чудотворца” Григория Распутина.

Скоро „пророк” занял в царской семье такое положение, что смог навсегда отстранить от нее разочаровавшихся в нем своих прежних покровителей: и великих княгинь и епископа Феофана» (*Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 50—51).

Конец Распутина. В Петрограде, в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года, на Мойке 94, во дворце кн[язя] Юсупова, совершается убийство «старца» Григория Ефимовича Распутина-Новых (род[ился] в 1871 г. По другим данным «в 1864 или 1865 году» (Последний временщик последнего царя / Публ. А. П. Сидорова // Наука и жизнь. 1965. № 6. С. 100—107). Убийство организовано и совершается В. М. Пуришкевичем, князем Ф. Ф. Юсуповым-Сумароковым-Эльстон и великим князем Димитрием Павловичем.

Мотив убийства: спасение монархии от разложения и унижительного общения с «развратником», «хлыстом» и «мужиком» Распутиным.

«Труп „старца” по извлечении из реки поздно вечером был перевезен в Чесменскую богадельню (за Московской заставой), где было произведено вскрытие. В 4 часа утра викарий Вятской епархии епи-

скоп Исидор (Колоколов)¹, в последнее время друживший с Распутиным и через это пользовавшийся большим вниманием Царского [Села. — *Сост.*] [...] совершил литургию и отпевание. Затем тело было перевезено на грузовике в Царское Село, где возле устраивавшегося Вырубовой приюта для инвалидов было погребено духовником их величеств, протопресвитером А. П. Васильевым² [расстрелянным, кажется, в конце 1918 или начале 1919 г. в Петрограде. — *Сост.*; расстрелян 05.09.1918. — *Ред.*]. Царь, царица, наследник и царевны присутствовали при погребении...» (*Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 2. С. 251—252*).

«Брошенный в Неву труп был выловлен поднятой на ноги полицией, перевезен в Царское Село и тайно [? — *Сост.*] похоронен Александрой [Федоровной. — *Сост.*] [...] вблизи царского дворца...» (*Горев М. Последний святой. С. 237*).

Как говорили впоследствии, в действительности отпевание Распутина совершали: епископ бывший Михайловский (викарий Рязанской епархии), Исидор (Колоколов; в 1918 году расстрелянный будто бы за свою прошлую связь с двором)³, в сослужении архимандритов Иерофея (Померанцева)⁴ и Досифея (Степанова)⁵.

¹ Епископ Исидор по данному ряду скандальнейших походов был «притчею» в нашем святительстве. Скандалы не раз приводили его к отрешению от викариатства и к заточению в монастырь. Это, однако, не помешало ему в последнее время пользоваться особым вниманием Царского. Там близость к Распутину покрывала какие угодно согрешения и даже преступления. — *Примеч. протопр. Г. Шавельского.*

² Васильев Александр Петрович (1867—05.09.1918), протоиерей. В 1892—1918 гг. служил в Санкт-Петербурге. С 1914 г. духовник Царской Семьи, законоучитель Царских детей. В 1918 г. служил в Екатерининской церкви Петрограда. Расстрелян в Петрограде. — *Примеч. ред.*

³ Епископ Исидор (Колоколов) был расстрелян по приговору Уральской областной ЧК по обвинению в «монархизме и контрреволюции» в сентябре 1918 г. — *Примеч. ред.*

⁴ Иерофей (Померанцев Иван Юрьевич; 1873—после 1938), обновленческий «митрополит». 26.12.1919 хиротонисан в епископа Юрьевского, викария Владимирской епархии; с 1923 г. епископ Иваново-Вознесенский, викарий Владимирской епархии; с 1923 г. в обновленческом расколе. С 1933 по 11.08.1938 — обновленческий «митрополит» Казанский. — *Примеч. ред.*

⁵ Досифей (Степанов Дмитрий Иванович; 16.09.1883—31.08.1937), архимандрит. До 1926 г. в сане иеромонаха, архимандрита подвизался в Петроградской епархии. В 1924 г. был арестован и приговорен к 2 годам заключения. В 1926 г. уклонился в обновленческий раскол, был рукоположен в сан «епископа». В 1933 г. возведен в сан «архиепископа». В 1933 г. по принесении покаяния принят в общение с Православной Церковью в сане архимандрита, в том же году был арестован в Гомеле и приговорен к 8 годам заключения в лагере, который был заменен на 5 лет ссылки в Северный край, где вновь был арестован и приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян. — *Примеч. ред.*

Труп Распутина после революции будто бы был вырыт из могилы, сожжен и прах развеян по ветру. (*Горев М.* Последний Святой. С. 237; *Палеолог Морис.* Распутин: Воспоминания. М., 1923. С. 120; *Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания... Т. 2. С. 233—264).

По отзывам современников, церковно-мыслящие люди следующим образом реагировали на убийство Распутина:

«Отъезд мой из Луцка совпал со следующим обстоятельством. Я приехал на вокзал, купил газету, развернул ее — и вижу заголовок: „Убийство Распутина“... Первое впечатление, которое не изгладилось и впоследствии — вздох облегчения. Темная сила отошла...» (*Евлогий, митр.* С. 259).

«Я знаю достоверно, что когда убит был Распутин, даже весьма благочестивые духовные лица, конечно, не делавшие на нем карьеры, искренно перекрестились» (*Булгаков С.* На пиру богов. С. 35).

Закончим эту заметку о «распутинцах» и Распутине, небольшой выдержкой из трудов того же автора, посвященной анализу внутреннего, идейного, так сказать, смысла «распутинства» в широком его понимании.

«Самое мучительное было связано с Распутиным и его влиянием. О действительном характере этого влияния много врали и спорили. Чаще всего приплетали всякую грязь, которой я не верил, но совсем почти не знали действительной причины его силы, — именно болезни наследника и рокового и таинственного влияния на ход этой болезни (и даже мне, который, как отец, должен был бы это понимать, не приходило в голову никогда, каким непрерывным и скрытым мучением, обессиливающим и терзающим была для царской четы неизлечимая болезнь единственного сына).

Я никогда не видел Распутина. Услышал о нем впервые в 1907 г., в бытность членом 2-й Гос[ударственной] Думы, от М. А. Новоселова, который тут же выразил и сомнение в мистической доброкачественности этого совершенно особого человека. Тогда же я познакомился и с архимандритом Феофаном [Быстровым], который позднее сыграл столь роковую роль в знакомстве Распутина с царской семьей. О Распутине заговорили несколько лет спустя, и тогда же М. А. Н. [Михаил Александрович Новоселов. — *Сост.*], со свойственной ему ревностью о вере, начал собирать материалы о нем и готовить печатное его обличение, однако, задержанное полицией. Затем Распутин был ранен и удален в Сибирь [точнее: был ранен в Сибири, Гусевой, летом 1914 г. — *Сост.*], но с начала войны влияние его опять стало колоссально. Теперь степень этого влияния выясняется из писем царицы, но и тогда, во время войны, оно было общеизвестно и приукрашива-

лось, разумеется, слухами об измене. Газеты были полны намеками, сообщениями, выпадами относительно „темной силы”, тем более что она давала себя знать ощутительно и в церковной жизни (удаление Самарина, опала митрополита Владимира Богоявленского, возвышение епископа Варнавы Накропина, Питирима Окнова). Это был позор, позор России и царской семьи, и именно как позор переживался всеми, любившими царя и ему преданными. И вместе с тем это роковое влияние никак нельзя было ни защищать, ни оправдывать, ибо все чувствовали здесь руку дьявола. Про себя я государя за Распутина готов был еще больше любить, и теперь вмещаю ему в актив, что при нем возможен был Распутин, но не такой, какой он был в действительности, но как постулат народного святого и пророка при царе. Царь взыскал пророка, говорил я себе не раз, и его ли вина, если вместо пророка он встретил хлыста. В этом трагическая вина слабости Церкви, интеллигенции, чиновничества, всей России. Но что это царь в наши сухие и маловерные дни возвысился до этой мечты, смирился до послушания этому „Другу” (как в трагическом ослеплении зовет его царица), это величественно, это — знаменательно и пророчественно. Если Распутин грех, — то всей Русской Церкви и всей России, но зато и самая мысль о святом старце, водителе монарха, могла родиться только в России, в сердце царевом. И чем возвышеннее задание, чем пророчественнее, тем злее пародия, карикатура, тем ужаснее падение. Таково действительное значение «распутинства» в общей экономике духовной жизни русского народа. Но тогда это был самый страшный тупик русской жизни и самое страшное орудие в руках революции. Этого не понимали легкомысленные попы, как Востоков, пошло игравшие в демагогию на распутинской теме, но это отлично сознавали мои друзья, которые вели через Елизавету Феодоровну скрытую борьбу с Распутиным при дворе, когда А. И. Гучков просил их дать материалы о Распутине для „запроса” в Гос[ударственной] Думе и они отказались дать эти сведения. Они не хотели революции, которой хотели все злорадствовавшие о Распутине» (*Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 84—86.*)

65. Исправление ошибки автора о крестном ходе на Красную площадь 21.11.1917 г.

Фраза, начинающаяся словами «Великое церковное торжество происходило в Успенском соборе...» и далее, — не соответствует действительности.

Торжество, конечно, происходило, но народ не только не «наполнял Кремль» (и тем более Красную площадь), но срочно были приняты все возможные административно-полицейские меры к тому, чтобы не допустить в Кремль и тех, сравнительно немногих людей, которые (по предварительной договоренности с комендатурой Кремля) были снабжены специальными соборными пропусками для присутствия в Успенском соборе на торжестве наставления Патриарха.

Что же касается крестных ходов, то и здесь дело обстояло совершенно иначе, чем описывается. Никаких крестных ходов «изо всех московских церквей» в этот день также не было. По окончании литургии с чином наставления в Успенском соборе был совершен крестный ход лишь из этого собора в Чудов кафедральный монастырь и — обратно.

По-видимому, автор здесь путает обстановку, сопровождавшую торжество интронизации с проектировавшимися при этом общемосковскими крестными ходами с действительно бывшими общегородскими крестными ходами в Москве, состоявшимися в разное время, в 1917 и 1918 годы, по различным поводам. Один такой — грандиозный — крестный ход был устроен в связи с открытием Поместного Собора (15.08.1917); другой — не менее грандиозный, — явился протестом народа против начавшегося похода со стороны новой гражданской власти на Русскую Церковь (28.01—10.02.1918). Третий — состоялся в связи с чудом, происшедшим с образом святителя и чудотворца Николая на Никольской башне Кремля (9—22.05.1918).

Второй из этих крестных ходов был особенно грандиозным. Вызванный появлением декрета о так называемом отделении Церкви от государства, вернее о всестороннем ущемлении и угнетении Церкви, Ее полнейшем внешнем (физическом) разрушении и низведении до положения нелегальной «контрреволюционной» организации, стоящей естественно вне закона, второй из этих крестных ходов был настолько внушительным и впечатляющим, что новое правительство нашей страны поспешило принять все самые радикальные меры к тому, чтобы они более не могли повторяться в будущем...

Московский крестный ход состоялся 28.01(10.02).1918; впечатление о нем очевидца и участника изложено в нашем Сборнике.

Накануне по всей Москве расклеивается, а также печатается в большевистской прессе Обращение Президиума Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов г. Москвы и Московской об-

ласти, направленное против общемосковского крестного хода, возглавляемого Святейшим Патриархом Тихоном.

Автор обращения — небезызвестный Емельян Ярославский (Губельман) (См.: *Ярославский Е.* О религии. С.17—18).

Это обычное, демагогическое «поучение» наших, так называемых «безбожников», «полное упреков по адресу Православной Церкви», между прочим, утверждает, что Церковь восстала [? — *Сост.*] не против нарушения Ее свободы, ибо де свобода Церкви никогда не была и не будет нарушена, а против того материального ущерба, который причинит всему духовенству и монашеству декрет об отделении Церкви от государства.

Крестный ход в этой прокламации трактуется как демонстрация протеста.

«Около советских объявлений — группы горожан. Быстро возникают летучие митинги. К советскому воззванию отношение у большинства резко отрицательное. На летучих митингах говорят о гонениях на Церковь» (Церковные Ведомости. Прибавления. 1918. № 3—4. С. 161).

Однако совершенно напрасно лез из кожи вон этот Емельян Ярославский и его присные — крестный ход в Москве принял небывалые размеры и прошел с необычным подъемом, оставив о себе в москвичах, участвовавших в нем, незабываемо радостное воспоминание, как о редчайшем церковном торжестве.

И вообще надо сказать, что все крестные ходы тех лет, как столичные, так и провинциальные, являясь единственным возможным и легальным средством протеста против начинавшейся расправы с Церковью, носили необычайно героический жертвенный характер. Эти совершенно безобидные религиозные шествия в те времена нередко являлись мишенью для озверевших представителей местной власти не только в переносном, но и в самом прямом смысле этого слова. В какой-то отрезок времени расстрел крестных ходов являлся вполне обычной нормой, так как они и печатно, и устно трактовались как «контрреволюционные демонстрации», подавлять которые необходимо любыми средствами.

И — подавляли!

Петроградский крестный ход состоялся на неделю раньше и наделал немало суматохи в Смольном, где на первых порах пристроилась новая государственная власть.

Председатель «комнаты № 75» Смольного дворца (будущей ВЧК), Владимир Димитриевич Бонч-Бруевич принимает соответствующие меры для спасения революции от угрозы ей со стороны

крестного хода и Петроградского митрополита Вениамина (Казанского).

Впоследствии он вспоминает с обычной для него развязностью.

«Я не дозволился митрополиту, а соединился с каким-то архиепископом, который как раз позвонил мне по поводу того, что они хотят устроить крестный ход по Невскому от Исаакиевского собора до Невской лавры, и что он требует разрешения. Я ответил ему, что требовать он может у себя в приходе от своих дьячков и попов, а в Смольный ему надо обращаться с просьбой, так как здесь заседает законное рабочее правительство, что на первый раз я не ставлю ему в вину его некорректность, отнеся ее к его плохому семинарскому воспитанию. Сказал, что крестный ход правительство разрешает совершенно свободный, и если в нем будет не 200 000, как он говорит, а даже миллион людей [цифра близкая к тому, что было. — *Сост.*], то для нас это [будто бы! — *Сост.*] совершенно безразлично, и что я ему гарантирую полную безопасность крестного хода по всем улицам Петрограда, но со своей стороны его официально обязываю, как главного командира этой процессии, взять на себя ответственность за полный порядок внутри самой процессии.

— Как! — возопил он по телефону мне в ответ. — Я должен взять на себя обязательство за порядок в крестном ходе, да как же я могу это сделать?..

— Это меня не касается, — ответил я ему, — правительство разрешило свободу религиозных процессий, но под строгой ответственностью их организаторов. То время, когда урядники, полицейские и жандармы охраняли порядок в крестных ходах, минуло безвозвратно, и вам остается только одно — заменить этих представителей полиции вашими многочисленными монахами, дьяконами, священниками, расставить их по всему крестному ходу для наблюдения за порядком. И предупреждаю вас, что если внутри процессии произойдут какие-либо недоразумения или столкновения, то вы вместе с вашими благочинными и другими вашими начальствующими лицами ответите перед законной властью [вот как запугал!! — *Сост.*].

Я слышал по голосу архиерея, что он был чрезвычайно недоволен этим моим разговором с ним, перепуган и почти готов отказаться от крестного хода [какое болезненное, исступленное самомнение! — *Сост.*]. Я тут же ему сообщил официально для передачи митрополиту по поводу воззваний Патриарха Тихона и сказал ему, что если в крестном ходе будут раздаваться подобные листки, то арестовывать будут не тех, кто их берет, а тех, кто их раздает, и близь идущее наблюдаю-

шее за порядком духовенство, в каком бы чине оно ни было и в какой бы мундир ни было одето.

Крестный ход состоялся, но в нем участвовало, конечно, не две-сти тысяч¹. На всем пространстве его шествия, особенно на перекрестках улиц, были поставлены вооруженные отряды красной гвардии, которые должны были наблюдать, чтобы никто из толпы, не находившейся в крестном ходу, не помешал бы его шествию, чтобы никто не произносил каких-либо оскорбительных речей, насмешек над священными предметами культа и т. д. На всем пространстве шествия крестного хода было арестовано восемь человек, которые пытались своими провокаторскими выступлениями нарушить порядок и вызвать столкновение групп населения, и эти восемь человек были доставлены к нам в Смольный в 75-ю комнату для следствия и суда.

В свою очередь, чтобы воспользоваться этим крестным ходом для агитационных целей, мы отпечатали воззвание к гражданам, в котором подробно разъяснили им о советском правительстве и о тех законах, которые оно издало и будет издавать. Мне хотелось, чтобы эта самая некультурная, самая серая толпа [пример „аристократического” понятия о верующих русских людях со стороны „научных атеистов” и „демократов”! — *Сост.*], которая шла за духовенством в крестном ходу, познакомилась бы с сущностью декрета об отделении церкви от государства. Эти прокламации мы широко раздавали в крестном ходу...» [!! — *Сост.*] (*Бонч-Бруевич В.* Роль духовенства в первые дни Октября // *Безбожник.* 1928. № 45—299. С. 2—3; № 46—300. С. 2—3).

Почтеннейшему Бонч-Бруевичу, как видно, и не пришло в голову, что этот грандиознейший крестный ход в Петрограде, равно как и все многочисленные подобные же крестные ходы в провинции, как раз и явились результатом того, что эта «самая некультурная и серая» (по его тупым понятиям) толпа именно должным образом и очень скоро прекрасно разобралась в самой «сущности» декрета, отбросив всю его демагогическую дымовую завесу, старательно созданную творцами декрета, «родными братьями» В. Д. Бонч-Бруевича.

Крестный ход в Петрограде состоялся в воскресенье 21.01.1918 г. Во время этого грандиозного церковного шествия «лаврский про-

¹ «Один из корреспондентов определял число народу в крестном ходе до полумиллиона. Во всяком случае богомольцев было несколько сот тысяч» (Из выступления члена петроградской церковной делегации, протоиерея Ф. Н. Орнатского, перед членами Собора 24.01—6.02.1918, — о церковных событиях в Петрограде за последнее время (Деяние 68 // *Деяния...* Кн. VI. Вып. 1. С. 59; *Введенский А. И., протоиерей.* Церковь и государство. С. 171—178).

тодиакон громовым голосом прочел грозное послание» Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918 г. об анафематствовании творящих беззакония и насильников веры и Церкви Христовой¹.

В связи с крестным ходом петроградская епархиальная пресса писала:

«Глубокое спасибо митрополиту Вениамину за устройство памятного, радостного и ободряющего крестного хода.

История отдаст ему должное за незнающую, по-видимому, границ готовность его идти навстречу религиозным движениям и исканиям народной души.

Но он сам, конечно, мало думает об истории.

В слиянии с народом, с духовными стремлениями народа, митрополит Вениамин живет сам.

Он вышел из народной среды, вырос в единении с нею, страдает и радуется с народом.

И ему не нужно угадывать настроений народных.

Он сам их переживает...» (Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918 [?]).

Все эти слова (быть может, даже и в еще большей степени!) совершенно приложимы и к Святейшему Патриарху Тихону.

По призыву Собора и Святейшего Патриарха крестные ходы, вызванные появлением декрета об отделении Церкви от государства (в столь невероятной редакции!) и общим, непримиримо-враждебным отношением новорожденной государственности к религии вообще и к Православной Русской Церкви в особенности, состоялись почти во всех губернских городах страны и во множестве более мелких провинциальных центров.

Причем в Саратове, Нижнем Новгороде, Вятке, Владимире и во множестве других городов, безобиднейшие крестные ходы подвергаются вооруженному нападению со стороны усердствующих не по разуму новых градоправителей. В результате — немало раненых и убитых!

Приведем некоторые примеры из тогдашней печати.

В Харькове крестный ход в связи с декретом об отделении Церкви от государства подвергся обстрелу.

¹ Впоследствии Введенский в своей книге «Церковь и государство» (с. 174) будет утверждать, что патриаршее послание во время петроградского крестного хода оглашается не лаврским архидиаконом о. Евлогием, а лично митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским). Но это не верно, что — кроме о. Ф. Н. Орнатского — подтверждалось и другими современниками-очевидцами.

В Воронеже при попытке захвата Митрофаниевского монастыря, в связи с декретом об отделении Церкви от государства, происходят массовые волнения, избивание комиссара и «массовые церковные манифестации».

В Ярославле, в ответ на требование местным советом описей церковного имущества — собрание приходских советов выносит постановление о недопущении постороннего вмешательства в имущественные дела Церкви, распорядителем коих является православное население.

Отдельные попытки конфискации вызывают народные волнения.

Местная власть объявляет в городе военное положение, в результате с обеих сторон имеются человеческие жертвы.

Даже в провинциальной глуши в связи с декретом происходят нередко народные волнения. Таковое, например, произошло у одного из храмов Пошехонского уезда Ярославской губ., вследствие которого арестованы около 100 человек. Из числа арестованных несколько человек расстреляны, «другие угодили под революционный суд».

В Пензе возбуждение церковного народа, вызванное декретом об отделении Церкви от государства, принимает такие размеры, что местный совет рабочих депутатов вынужден забаррикадироваться «в надежном архиерейском доме» (*Титлинов Б. В., проф.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 127).

В Орле 2(15).02.1918 г., к совершающему Божественную литургию в местном кафедральном соборе епископу Орловскому и Севскому Серафиму [Остроумову], является прямо в алтарь комиссар, который, угрожая «именем народных комиссаров», требует отмены предполагаемого сегодня крестного хода из церквей всего города, так как иначе якобы «будет кровопролитие» (!!).

На спокойное замечание епископа: «Бог милостив, мы стрелять не будем» — комиссар не находит ответа и, смущенный, удаляется из собора.

По окончании литургии совершается общегородской крестный ход «ввиду воздвигнутого на Святую Церковь гонения», возглавляемый епископом Серафимом (Остроумовым).

Во время крестного хода распространяется послание Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918 г.; «отпечатанное с большими затруднениями в местных типографиях, в количестве 10 000 экземпляров, оно разбиралось нарасхват».

В связи со всем этим в городе происходит «экстренное заседание губисполкома по вопросу о поповской контрреволюции. Президиум губисполкома арестовал в этот день архиерея Серафима (Остроумо-

ва) и нескольких попов и церковных старост» (Деяние 80: 23. Доклад епископа Орловского Серафима // Деяния... Кн. VII, Вып. 1. М., 1918. С. 56—58; Безбожник. 1928. № 45. С. 299).

В Казани 2(15).02.1918 г. на общегородской крестный ход, организованный в связи с декретом об отделении Церкви от государства и молебствием об избавлении «от воздвигнутого на Нее Народными Комиссарами гонения» — собирается до 50 000 человек молящихся (Церковное оживление в Казани // Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 15—16. С. 533).

В Туле 2(15).02.1918 общегородской крестный ход подвергается расстрелу.

В результате — 13 человек убитых и много раненых (!) (Титлинов Б. В., проф. Церковь во время революции. С. 127).

В связи с имевшим место (4—17.2.1918) в Омске общегородским крестным ходом, в ночь на 6(19).02.1918 производится арест епископа Омского и Павлодарского Сильвестра (Ольшевского).

«После ареста черносотенного [?! — *Сост.*] епископа, во всех церквях [...] раздался набат, поднявший на ноги город [стало быть, весь город — „черносотенный“! — *Сост.*]. Толпа во время шествия к Дому Республики, жестоко избивала нескольких рабочих и солдат, пытавшихся разъяснить сущность декрета об отделении Церкви от государства и причины ареста епископа» [избила за „разъяснения“?! — *Сост.*]. (Наука и религия. 1922. № 21[?]). И так далее, и тому подобное.

Короче говоря, как сказано в «Послании Святейшего Патриарха Тихона к Константинопольскому Патриарху о воздвигнутых на Церковь Божию в России гонениях» (№ 2740 от 15—28.05.1918), «в разных городах нашего Отечества, как-то: Воронеже, Туле, Твери, Омске, народ, шествовавший за святым Крестом и иконами с пением молитвы в крестных ходах, для моления Бога об умиротворении жизни и о хранении Его Церкви, подвергся обстрелу, причинившему смерть и ранения немалому числу благочестивых мужей, жен и детей». [См.: Акты... С. 131. — *Ред.*]

Таковой оказалась конституированная «свобода» Церкви!

Так началось «отделение Церкви от государства»!..

66. О несостоявшемся крестном ходе вокруг Кремля 21.11(4.12).1917 г. после на stolования Святейшего Патриарха Тихона

Ошибка автора; запроектированный было первоначально, согласно разработанного ритуала, крестный ход вокруг Кремля (совершаемый по древней традиции после окончания чина на stolования Святейшего Патриарха) осуществлен не был, так как комендант запре-

тил это мероприятие. Он заменен был маленьким крестным ходиком внутри самого Кремля: из Успенского собора в Чудов монастырь, к мощам святителя Алексия — и обратно.

Вокруг же Кремля состоялся только объезд Святейшего Патриарха с сопровождающими его лицами, на четырех экипажах.

Во время этого объезда Святейший Патриарх совершал окропление святой водой кремлевских стен и народа, собравшегося в немалом количестве в некоторых местах, по пути его следования.

После объезда Кремля Патриарх направился к себе, на Троицкое подворье...

Вот как описывается этот церемониал в соборных «Деяниях»:

«35) В 1 час 52 минуты дня совершается выезд Патриарха через Троицкие ворота вокруг Кремля. Впереди Патриарха на особой колеснице диакон с патриаршим Крестом. Святейший Патриарх едет с сакелларием Успенского собора [протоиереем Н. И. Пшеничковым. — *Сост.*], каковой имеет в руках чашу со святою водой. Святейший Патриарх во время объезда патриаршим иссопом окропляет святой водой народ. В местах особо большого стечения народа Святейший Патриарх окропляет народ стоя. За Патриархом в особой колеснице едут: архиепископ Кишиневский Анастасий [Грибановский] и епископ Черниговский Пахомий [Кедров]. За архиереями на особой колеснице едут назначенные для составления соборного Деяния о поставлении Святейшего Патриарха делопроизводители Священного Собора В. Н. Самуилов, Н. Д. Кузнецов и А. И. Платонов.

36) Шествие направляется от Троицких ворот по Неглинной улице, по Кремлевской набережной и между Кремлевскою стеною и собора Покрова Пресвятыя Богородицы (святого Василия Блаженного), приближается к Спасским воротам.

37) Святейший Патриарх, в сопровождении архиепископа Кишиневского Анастасия и епископа Черниговского Пахомия входит в часовню св. Спаса у Спасских ворот и совершает краткое молебствие, по окончании коего, по выходе из часовни, Святейший Патриарх благословляет народ.

38) От Спасских ворот шествие направляется по Красной площади к часовне Иверской Божией Матери.

39) Святейший Патриарх в сопровождении тех же архиереев входит в часовню и совершает краткое молебствие и, по выходе из часовни, благословляет народ.

40) Шествие направляется по Воскресенской и Театральной площадям, по Петровке, по Кузнецкому мосту, Неглинному проезду, к Трубной площади.

41) Во время шествия многие из народа теснятся к колеснице Святейшего Патриарха и получают от него благословение и окропление святой водой. Народ во время проезда Патриарха, за редкими исключениями, обнажает головы и осеняет себя крестным знаменем. Наибольшее скопление народа было у Троицких ворот, у поворота с Кремлевской набережной к Спасским воротам, у собора Василия Блаженного, на Красной площади и у Иверской часовни.

42) На Трубной площади, у Птичьего рынка, Святейшего Патриарха встречает крестный ход из Рождественского женского монастыря с участием игуменни Иувеналии и монахинь, и из окрестных храмов. Патриарх, по выходе из колесницы, восходит на особо уготованное возвышенное место и совершает краткое молебствие при пении хора монахинь и певчих приходских церквей, пришедших с крестными ходами. На молебствии возглашается многолетие Святейшему Патриарху.

43) С Трубной площади Святейший Патриарх, через Самотеку, направляется на Троицкое подворье [...] куда прибывают все епископы и приглашенные гости» (Деяние 47 // Деяния... Кн. 4. С. 56—60).

А один из иерархов-современников и участников события впоследствии в своих воспоминаниях так пишет об этом патриаршем объезде Кремля.

«По древнему обычаю после интронизации Патриарх должен торжественно объехать Кремль, благословляя народ. Эта процессия обставлялась когда-то с большой пышностью. Теперь патриарший объезд Кремля являл картину весьма скромную. Патриарх ехал на извозчике [...] впереди, тоже на извозчике, — „ставрофор”, т. е. крестноносец, иеродиакон с патриаршим Крестом. Несметные толпы народа при приближении Патриарха Тихона опускались на колени. Красноармейцы снимали шапки. Патриарх благословлял народ. Никаких приветствий из толпы — благоговейная тишина... Большевицкая кремлевская стража косо посматривала на процессию, но выражать неудовольствие не решалась.

Я проводил Патриарха глазами, пока он не скрылся, и уехал в Троицкое подворье ожидать его к торжественному обеду, который был устроен на несколько сот человек.

На встречу съехались и другие члены Собора» (*Евлогий, митр.* С. 281).

67. К посланию Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918 г. об анафематствовании творящих беззакония и гонителей Церкви Христовой

19.01.1918 г., накануне открытия второй сессии Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг., в ответ на сложившуюся в стране и

осложнявшуюся с каждым днем братоубийственную кровавую обстановку, Святейший Патриарх Тихон счел вынужденным себя издать отрезвляющее послание с анафематствованием творящих беззакония и гонителей Церкви Христовой.

Конечно, врагам Церкви, постоянно жаждущим обличительных материалов против Нее и Ее представителей, было бы крайне выгодно иметь в этом документе политический, антисоветский акт, как они — уже десятилетиями — и пытаются выдавать и истолковывать его, хотя каждому здравомыслящему человеку совершенно очевидно, что это самая наглая ложь!

О какой бы то ни было «политике», «революции» или «контрреволюции» послание совершенно не упоминает и не касается этих вопросов, абсолютно не интересующих Церковь особенно в наше время. Общеизвестно, что вопросы эти никогда не затрагивались Патриархом Тихоном и во всех других, подобных же его актах, за исключением, быть может одного, только его послания к пастве 8(21).07.1919 г., в котором, впрочем, также не говоря ничего ни о какой «политике», Святейший Патриарх рисует лишь идеальную позицию современного русского православного христианина, какую ему следует занять в ответ на все, происходившее вокруг него в те дни.

Послание же Патриарха от 19.01.1918 г., по выражению одного видного тогдашнего церковного деятеля, всего-навсего явилось лишь ответом на то, что «язычество нас захлестнуло. Как и в послании Святейшего Отца нашего Патриарха сказано, многие — по рождению православные, а по духу враги Христа» (Деяние 78: 44. Прот. С. Г. Шлеев // Деяния... Кн. 7. Вып. 1. С. 14).

Другой тогдашний Святитель — утопленный в реке Туре епископ Гермоген (Долганев) — в своем письме из Екатеринбургской тюрьмы на имя Областного Совета Урала совершенно справедливо квалифицирует это послание Патриарха и соответствующие ему соборные определения, как лишь «защиту вопиющих, органических нужд и потребностей самой Церкви» и только (Под флагом религии: Еще о гермогеновщине // Революция и церковь. 1919. № 3—5. С. 49).

Причина, по которой послание издавалось Патриархом лично от себя, не дожидаясь открытия соборной сессии, заключалась в том, что он ни в коем случае не хотел связывать этого акта с деятельностью Собора, стремясь оградить его от какой бы то ни было ответственности за этот акт и беря таковую всецело на себя. Необходимо иметь в виду, что в те дни на Собор и без того уже бросались весьма недвусмысленные косые взгляды из нарождающихся новых гражданских сфер.

Впоследствии обстоятельство это будет сформулировано суконым языком А. Я. Вышинского следующим образом: послание написано «лично Тихоном-Беллавиным, как это видно из собственноручной надписи его на одной из копий этого послания» (Обвинительное заключение... [Акты... С. 229; Следственное дело... С. 269]).

Но как бы ни ухищрялись разные вышинские, а практически, в послании придаться было не к чему: ничего антисоветского (как такового) в нем совершенно не обнаруживалось.

По адресу нарождавшейся гражданской власти направлена в послании всего лишь одна — единственная — фраза. Причем фраза не полемического или какого-либо осудительного характера, будирующая или «призывающая к сопротивлению», а всего-навсего упрек в недолжном направлении деятельности этой новой власти, в частности по отношению к Православной Церкви, оберегать интересы Которой было, конечно, первейшей обязанностью Патриарха. (К этой фразе вернемся ниже.)

Кроме того, если принять во внимание, что сформировавшаяся впоследствии Советская власть (в процессе весьма длительном и очень негладком) в то первоначальное время своего существования, пребывала еще в совершенно, так сказать, газообразном состоянии, или, как выражаются теперь, «становления» ее еще далеко не произошло, то оказывается, что и упрек Патриарха, адресованный ей в послании 19.01.1918 года, прозвучал чисто декларативно и имел своим последствием не практическое, а только историческое значение...

О чем же все-таки писал в своем послании Святейший Патриарх Тихон, безмолвно созерцая со своего высокого места изо дня в день творящийся окрест кошмар: бесчисленные неповинные смерти и лютые страдания, потоки крови, грабежи, разбой, разврат, насилия и произвол?..

А вот о чем.

После обычного для актов подобного рода обращения к своим пасомым и краткой цитаты из послания св. Ап. Павла к Галатам (1, 14), он пишет, что явными и тайными врагами Церкви воздвигнуто на нее гонение. Одновременно всюду царит злоба и ненависть друг к другу, так как забыты и отвергнуты заповеди Христовы о любви; оповещает о нескончаемых жестоких убийствах, происходящих у всех на глазах денно и ночью по всей стране, и, упомянув о глубокой скорби своего сердца в связи со всеми этими печальными и трагическими явлениями, провозглашает всех таковых убийц и насильников извергами рода человеческого; призывает их опомниться и прекратить убийства

и кровопролития, грозя, в противном случае, огнем геенским и справедливом проклятием потомства. И как крайнюю меру воздействия на остатки совести всех этих кровавых садистов, Святейший Патриарх (отказав им в Тайнах Христовых) призывает на их головы самое крайнее прещение церковное — анафему! — если они еще где-либо, в последних крупицах своей совести считают себя хоть в какой-то степени христианами, или даже «если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной» — пишет он, как бы подчеркивая, что послание его обращено исключительно к церковному сознанию людей, хотя бы и до последней степени помраченному, но не к сознанию безцерковному (а тем более антицерковному, не говоря уже об антирелигиозном, к которому, конечно, совершенно бессмысленно было бы направлять призывы религиозного или морального порядка!).

После этого, обращаясь к верным чадам Церкви, Святейший Патриарх призывает их не общаться с первыми («с таковыми извергами рода человеческого»), т. е. с убийцами, бандитами и всякого рода злодеями, о которых шла речь выше.

Затем, продолжая рисовать картину ужасов, творившихся в стране в те дни, Святейший перечисляет и акты гонения на Церковь Христову, вполне справедливо усматривая в них корень всех зол и бед. Он говорит о массовом отвержении крещения младенцев, браковенчаний и под., разрушении и кощунственном оскорблении храмов, о повсеместных захватах и грабительском расхищении церковного достояния, собранного верующими людьми, под предлогом принадлежности его якобы «народу» (надо думать, в первую очередь, все-таки народу верующему?!..) и т. д. Справедливо плачется, наконец, и по поводу насильственного отобрания у Церкви всех принадлежавших Ей (и созданных Ею же!) бесчисленных духовно-учебных заведений...

«И, наконец, власть, — сетует Патриарх, — обещая водворить порядок на Руси, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и, в частности, над Святой Церковью Православной». Вот единственная фраза во всем послании Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918 г., непосредственно адресованная к тогдашней гражданской власти. И повторяем: вернее даже и не к власти в нашем обычном понимании значения этого слова, а ко всем тем силам, нередко еще противоборствовавшим друг другу, из которых впоследствии должна была окончательно сформироваться и выдаться таковая; в данный же момент она еще только мечталась и обдумывалась, слагаясь пока что в весьма неясные и крайне произвольные формы...

Для того момента процесс этот был вполне, по-видимому, закономерным и вряд ли теперь, когда он рассматривается в ретроспективном историческом плане, найдутся люди, попытающиеся возражать против факта его существования в те дни, со всеми присущими ему печальными и трагическими эксцессами.

Далее Патриарх, недоумевая о способах спасения Церкви от наступления на Нее разного рода «врагов неистовых», призывает всех верующих, во главе с собою, к естественной защите оскорбляемой ныне Церкви, конечно, имея в виду не материальные средства самообороны, а лишь духовные: веру, преданность Церкви и прочее.

Так, увлекая своих чад к стоянию за Церковь до страдания и самопожертвования, Святейший Патриарх особенно призывает к ревности церковной Архипастырей и пастырей, выражая уверенность, что силу духовную не одолеет никакая сила внешняя, физическая, в подкрепление чего приводит известное, непреложное обетование Христа Спасителя: «Созижду Церковь Мою и врата адовы не одолеют Ей».

Вот и все; следует подпись и дата.

Таково содержание послания Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918 года! Ни о каких-либо «большевиках» или «меньшевиках», ни о каком «советском правительстве» или «коммунистах» в послании нет, конечно, и помину!

Нет в нем (повторяем) также ни единого звука и о «контрреволюции», ни в смысле агитационном за нее, ни в смысле призыва ее: мобилизации на защиту Церкви и веры Христовой, или чего-либо подобного.

Все это совершенно исключается.

Наоборот, следует отметить нечто как раз противоположное; именно то, что послание это, — особенно принимая во внимание тот исторический момент, — являет собою документ совершенно особой духовной настроенности, особой возвышенности над «стихиями мира сего». В своем широком историческом смысле оно, в конце концов, толкует и плачется о горестной утрате русскими людьми тех многих неоценимых, духовных ценностей, которыми они обладали до того и которые с такими жертвами и с таким трудом накапливались тяжчайшим внутренним напряжением и подвигом многих предшествовавших поколений лучших людей и непревзойденных героев духа нашей нации. Блюсти эти ценности именно и поставлен был Патриарх всего лишь полтора месяца тому назад!

И не выполнил ли он этим посланием свой первейший нравственный и исторический долг перед Церковью и русским народом, указав на «знамения времени» не для всех, очевидно, явные.

Как бы то ни было, но именно этому посланию Святейшего Патриарха Тихона суждено было сделаться главным обвинительным аргументом как против него самого и его Архиепископской, Первосвятительской деятельности, так, равным образом, и против Церкви в целом.

Дело мастера боится: в руках опытных квалифицированных «стряпчих» и разного рода «подрядчиков церковной разрухи» (См.: *Затворник А. Обновленцы...* С. 16) с присосавшимися к ним бесчисленными специалистами по русским церковным вопросам из «Союза безбожников», — фокус этот оказался весьма по плечу.

Как известно, с самых первых дней революции все, прежде распяленные, злобные антицерковные силы в нашей стране, были кем-то тщательно собраны воедино и организационно оформлены в совершенно четкую и определенную секту «безбожников», которая, представляясь неким новым идейным организмом (хотя в действительности по внутренней сущности своей является такой же старой, как и само человечество со всеми его умственными заскоками!), немедленно примазалась к новой государственности и устроилась к ней на содержание, вполне импонируя общему «научно-материалистическому» направлению последней.

Секта эта сейчас же, с места в карьер, начала самую ожесточенную и оголтелую войну против всякой веры в Бога и — естественно — против Православной Русской Церкви в первую очередь и главным образом, громя и круша все без разбору — направо и налево, совершенно не разбираясь в средствах, с адской последовательностью придерживаясь своего неизменного «принципа»: чем хуже, тем лучше!

С течением времени представители этой секты, ратоборствуя от имени гражданской власти, постепенно настолько вошли во вкус, что присвоили этой своей деятельности некую даже, как бы государственную, функцию и общественно-полезную значимость. Таким образом, задрапировавшись в государственную тогу, сектанты, наконец, и печатно и устно стали выдавать себя чуть ли не за представителей государственной власти, действуя в отношении своих противников всем необъятным арсеналом полицейских мер воздействия, предоставленным им и в центре, и на местах, так как они очень скоро поняли, что гораздо эффективнее крушить своих идеологических противников не словом, а дубиной.

Действуя от имени «воинствующего материализма», секта «безбожников» бесконечно изощряется в своих погромных подвигах во славу этой философии, служа (не бескорыстно, конечно!) последней в деле идейного и административного разгрома всех ее противников и «еретиков»...

И так продолжается... десятилетиями!

И вот, как это ни невероятно, как это ни парадоксально, но в высшем смысле гуманнейшее и благонамеренно-патриотичнейшее послание Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918, в оборотистых руках новорожденных сектантов-«безбожников» превратилось в потенциал злобы и нетупеющий меч, бесконечно разящий ту самую Церковь и тех самых Ее представителей, от которых оно произошло. Ток христианской любви, освоенный по хитрому, материалистическому рецепту сектантскими знахарями, превращен в орудие разрушения Церкви и угнетения верующего населения России.

Ознакомившись с этим посланием, некоторые не лишённые остроумия «безбожники» сообразили, что если с ним (посланием) произвести некоторый, так сказать, психологический трюк, то оно явится воистину неисчерпаемой «идейной» и материальной кормушкой как для них самих, так, равно, и для многих поколений их потомков и «идеологических» преемников по развалу религии и Церкви.

А трюк этот заключался в следующем: надо сделать вид, что вся направленность этого патриаршего акта, все его — совершенно ясное и недвусмысленное — содержание, адресованы не против разбойничающих в стране элементов (тогда нередко действовавших, из маскировочных соображений, от лица неоформившейся еще новой гражданской власти), разного рода проходимцев, насильников, бандитов и пр. уголовников, а... против этой самой новой гражданской власти!!..

И, на удивление всему миру, бесчестный трюк этот со всей возможной «серьезностью» был проделан. И, таким образом, после подобной переадресовки весь смысл патриаршего послания немедленно приобрел архиконтрреволюционный характер, причем настолько «махровый» по своей концентрации, что «изучать», «исследовать», «аннулировать» и обрабатывать его в нужном плане журналистской братии из числа новых сектантов-«безбожников» хватит ровно до самого второго пришествия.

Действительно: получилось очень эффектно и — главное — ужасно контрреволюционно, что и требовалось.

Поколениям же миллионов православных русских людей остается лишь в безмолвном изумлении и негодовании наблюдать этот бессовестный адский эксперимент наших злых клоунов и жонглеров от «научного атеизма», которым и в голову никогда (за 50 лет!) не приходило: сколько невероятного горя и страдания причинено ими подобного рода «методикой и практикой антирелигиозной пропаганды».

Впрочем, о гуманности у них с во и понятия...

Таким образом, стоило лишь сделать вид в вышеизложенном смысле, и гражданская печать наша немедленно же и хором разразилась нескончаемым кошачьим концертом по адресу Церкви и — главным образом — Ее Главы, Святейшего Патриарха Тихона, сверкая самыми отборными перлами «научного атеизма», в которых ложь, наглость и глупость захлебывались в оголтелом соревновании друг с другом.

Приводим некий иллюстративный материал из того океана злого маниакального бреда, который раздался в ответ на патриаршее послание.

Так, оказывается, работа второй сессии Собора «открывается прочтением знаменитого по своей неслыханной дерзости „послания Смиренного Тихона”» (*Сережников В.* Епископ Филипп Ставицкий и православная церковь. С. 26).

«19 января 1918 г. патриарх Тихон обратился к духовенству и верующим с посланием, полным клеветнических нападок на Октябрьскую революцию. Патриарх предавал анафеме (церковному проклятию) Советскую власть и призывал бороться с нею...» (*Ярославский Е.* О религии. С. 587).

«Контрреволюционный заговор» в 1917—1918 гг. возглавлялся «патриархом православной церкви Тихоном и церковным собором 1917—18 гг., предавшим [предавшими? — *Сост.*] анафеме (церковному проклятию) Советскую власть и ее деятелей» (там же. С. 5).

«Патриарх Тихон проклинал Советскую власть» (*Сидоров Д.* Как относится коммунистическая партия к религии. М., 1956. С. 16).

«В 1918 году Патриарх Тихон издает свое знаменитое послание с проклятием на Советскую власть» (*Церковный вестник.* 1925. № 8—9 [?]).

«Патриарх Тихон, возглавивший в те годы церковь, проклинал Советскую власть» (*Осипов А. А.* Критика проповеднической деятельности православной церкви. Чему поучают с амвона. Л., 1962. С. 16).

«Патриарх Тихон в специальном послании в январе 1918 года проклинал Советскую власть, призывая „верных чад Православной Церкви” не общаться с нею, и обещал тем, кто ее поддерживает, „огонь геенский в жизни будущей”» (*Каширин П. А.* Реакционная сущность религиозной идеологии. [М.]: Госполитиздат, 1951. С. 28).

«Патриарх Тихон предавал анафеме большевиков и Советскую власть...» (*Ярославский Е.* О религии. С. 209).

«Почин в деле политического воинствования церкви» положило «знаменитое патриаршее анафематствование большевиков» (*Красиков П.* Четыре послания патриарха Тихона // Революция и церковь. 1919. № 1. С. 2).

«Патриарх [...] провозгласил Советскую власть „антихристовой” и анафематствовал ее» (Юдин Н. И. Правда о петербургских «святынях». Л., 1962. С. 23).

«Церковь, в лице значительной части ее духовенства, руководившаяся бывшим Патриархом Тихоном [...] встретила революцию анафематствованием, проклятием, призывая к борьбе с революцией, к борьбе с Советской властью» (Ярославский Е. О религии. С. 35).

Послание Патриарха «с призывом верующих к выступлениям против Советской власти» (Антирелигиозник. 1930. № 11. С. 43).

«Смиранный Тихон, Божию милостию Патриарх Московский и всея России [...] звал «православно-русский народ» восстать на борьбу с пролетариатом...» (Дмитриев А. Церковь и идея самодержавия в России. М.: Атеист, 1930. С. 227).

«Обращаясь к большевикам, Тихон восклицает: „Опомнитесь безумцы, прекратите ваши кровавые расправы!..”» и пр. (Каменев С. А. Церковь и просвещение в России. М.: Атеист, 1929. С. 31).

«19 января 1918 года патриарх Тихон [...] обнародовал свое историческое „послание”, где называл „извергами рода человеческого” и предавал „анафеме” рабочих и крестьян за то, что они „отбирали имущества монастырей и церквей” у дармоедов попов и монахов» (Логинов А. Новый «вселенский собор» // Безбожник. 1926. № 26—179. С. 1).

«„Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение”».

Последняя фраза является открытым призывом к полному саботажу Советской власти, призывом к срыву всех начинаний, характеризовавших первые, наиболее трудные и ответственные шаги Советской власти» (Каменев С. А. Церковь и просвещение в России. С. 31).

«„Смиранный Тихон” обрушился на большевиков посланием [...] Большевикам, конечно, ничего не случилось от тихоновской анафемы; большевики не ребята малые и не трусливые старухи, чтобы испугаться несуществующего „огня геенского”» (Ярославский Е. Церковь, земля и революция // Безбожник. 1926. № 10—163. С. 2).

«Оглашается послание патриарха Тихона, полное дикой злобы и непримиримой вражды к советскому строю. Большевики называются „извергами рода человеческого”, их дело — „делом сатанинским”. „Анафематствуем вас” — заявляет патриарх и предлагает верующим не вступать ни в какое общение с большевистской властью, а священнослужителям — отлучать большевиков от причастия Святых Таин...» (Смоленский процесс над церковниками в сопротивле-

нии изъятию церковных ценностей // Революция и церковь. 1924. № 1—2. С. 79).

И, наконец, нечто, уже совершенно неслыханное по своей зоологической злобе и наглости (очевидно, с построчным гонораром!):

«Оскалив зубы, с налитыми кровью глазами, широко замахнулась своим золотым крестом церковь Христова на рабочих и крестьян».

«Сгиньте, дьяволы, сгиньте, проклятые крамольники, разрази вас Господь, мужичье и фабричная рвань пролетарская».

«Святейший патриарх Московский и всея Руси, смиренный Тихон, рассылал во все углы и закоулки свое знаменитое воззвание: „Опомнитесь, безумцы... То, что творите вы, не только жестокое дело; это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы геенскому огню в жизни будущей, загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. Властью, данной нам от Бога, анафематствуем вас, если только вы носите христианские имена. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-нибудь общение. „Измите зло от вас самех”».

Вот как приветствовала русскую революцию проповедница кротости и любви Христовой — святая церковь.

Крестьянам, у которых на глазах у попов ключьями сшибали кожу со спины господами своими арапниками, рабочим, которых истязала непосильным трудом на заводах и фабриках ширококоротая, ненасытная русская буржуазия, — им нахально бросил в глаза этот смиренный разбойник брызжущие пеной бешеной злобы выражения:

„Дети сатаны”... Чертовы дети. „Исчадь ада”, отродье дьявольское.

Русским рабочим, русским крестьянам, которые потом, своими слезами поливали помещичьи поля, поливали все те места, куда ступала только нога дармоеда, людям, которые, подыхая с голоду, доставляли покой, уют и сытую роскошь своим повелителям-паразитам, людям, кровью которых кормились бездельники, им, когда они встали на борьбу за свои человеческие права, нахально попранные дармоедами, — им, высокопоставленный блюститель заветов Христовых не нашел ничего умнее как сказать:

„Анафемы вы, мужики, прокляты вы, трудящиеся. Сжечь вас всех в огненной печи, испепелить пламенем адским”.

„Измите зло от вас самех”, „сверните голову Советской власти”, — ревел патриарх» (Логинов А. Не поможет им Бог нас осилить // Безбожник. 1926. № 43—196. С. 1).

Вот перл «научно-атеистической» «работы» с «массами»!..

Нетрудно, полагаем, представить себе тот «благородный эффект» и те последствия, которыми ознаменовался для Церкви (т. е. десятков миллионов русских людей!) этот, с позволения сказать, перевод патриаршего послания от 19.01.1918 г. с призывом к миролюбию и прекращению кровопускания в стране со всем понятного русского языка на злоухищренный иезуитский жаргон новоявленных сектантов.

Следует, однако, сказать, что подобные шулерские трюки периодически встречаются в истории; в частности и в истории церковной. В качестве аналогии — правда, противоположного, негативного значения — к вышеприведенному нами эксперименту 1918 года, остановимся здесь вкратце на рассмотрении подобного же трюка, который произведен был десять лет спустя с другим документом общецерковного значения, также привлечшим к себе внимание мирового общественного мнения.

Имеем здесь в виду знаменитую «Декларацию» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) от 16(29).07.1927 г., которой он рассчитывал приобрести мир церковный и возможность нормального церковного домостроительства.

Разница заключалась лишь в том, что в 1918 году иванушками-дурачками прикинулись представители секты «безбожников», а в 1927 году то же самое проделали (с таким же «успехом») наши белоэмигранты, окопавшиеся в европейских столицах; устроившие не меньшую, по своему шуму и напряженности, свистопляску по поводу того — как они утверждали, что митрополит Сергий, тогдашний Глава Русской Церкви в звании Заместителя Патриаршего Местоблюстителя (пребывавшего в заключении) «продался большевикам», заявив им будто бы во всеуслышание всего изумленного человечества, что «ваши радости — наши радости!» (выражение это навязло тогда у всех в зубах и в ушах!..).

Так, в 1918 году злостно-провокационный политический водевиль был разыгран, так сказать, «слева», а в 1927 году, то же проделано было «справа». Только в этом и разница!

Потрясение же церковное и страдания людские в обоих случаях были немалые!..

По выходе в свет «Декларации» внутренние и внешние эмигранты сейчас же провозгласили ее автора «изменником Православию», «продавшимся большевикам» и чуть ли не «агентом ГПУ» — всего лишь по той простой причине, что одна фраза в этой «Декларации» читалась всеми этими лицами не так, как она была написана в действительности, а так, как им — по их политическим симпатиям — хотелось чтобы она звучала.

Пришлось также сделать вид, что содержание акта усвоено иначе, чем предполагалось автором его.

В «Декларации» митрополит Сергей писал: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи».

Очень ясно и понятно.

Но некоторые господа в рясах и сюртуках тогда потрудились сделать вид, что поняли написанное не так (как оно написано!), а иначе; митрополиту Сергию приписали явный «большевизм» ибо, дескать, он сам во всеуслышание заявляет в своей «Декларации», что радости Советской власти — наши (т. е. церковные) радости, а неудачи Советской власти — наши неудачи.

Отсюда уже делался окончательный — «логический» — вывод, что, мол, если большевики вконец разгромят Русскую Церковь, то по силе вышеизложенной формулы «Декларации» и эта их большевистская радость будет, конечно, радостью для митрополита Сергея и всех иже с ним. И так далее.

Провокационный политический трюк этот за границей принял тогда такие же гигантские размеры, как и «антирелигиозно-методический» фокус-покус с посланием Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918 г. Принцип — повторяем — был один и тот же; разница лишь та, что там его проделали политиканы-монархисты-антисоветчики, а у нас здесь «научные атеисты» и «безбожники», разного рода изобретатели «методики и практики антирелигиозной пропаганды».

По поводу этой зарубежной провокации приезжавший в 1928 году в Москву митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский) в своих воспоминаниях писал:

«Мне [...] вспомнилась одна из многих бесед с м[итрополитом] Сергием. Речь шла об его известной Декларации 1927 года.

— Что особенно взволновало русскую эмиграцию в вашей декларации — это ваши слова: „радости и успехи власти — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи“. Вы не можете себе представить, какое негодование возбудили в ней эти слова против вас, сказал я ему, прохаживаясь с ним в его келии. Он остановился, вскинул на меня свой пристальный взгляд и с едва заметной на лице улыбкой спросил меня:

— А вы читали мою декларацию?

— А как же? Читал.

— Там ведь нет тех слов, какие вы мне приписываете. Там есть: «радости и успехи нашей родины — наши радости и успехи, а неудачи

ее — наши неудачи». Если будет в нашей стране неурожай, голод, повальные болезни, кровавая междоусобица, ослабляющие наш народ, то, конечно, этому народному горю мы не будем радоваться. А если под управлением Советской власти страна наша будет преуспевать, богатеть, улучшаться, то мы этими успехами нашей страны не будем огорчаться, как радуются и огорчаются враги Советской Республики. Но разумеется, если в нашей стране станет увеличиваться неверие, Церковь будет преследоваться, мы не можем этому радоваться, как об этом заявлено мною в письме от 1(14) марта 1928 года. В своих верованиях и чаяниях мы стоим твердо. И не у вас только по своему за границей прочли это место декларации [разрядка наша. — *Сосм.*], нашли такие и здесь, у нас. Ко мне обращались они с вопросами: — что это значит? Пришлось им выяснить письменно.

Я немного смутился. Хотя я лично не придавал существенного значения этим словам декларации, если бы они и были выражены в редакции, усвоенной за границей, потому что я и сам их так воспринял, но невольно подумал: что же это? Или в заграничной печатной декларации неверно передано это место [разрядка наша. — *Сосм.*], или сам м[итрополит] Сергей старается истолковать в примирительном смысле неудачно сказанное?

— А так ли это, простите Владыко? — спросил я.

— Прочтите сами, если сомневаетесь. И он достал печатную декларацию, нашел то место: „читайте!”.

Действительно: „Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи...”

Тогда это несколько изменяет дело...» (*Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. С. 216—217).

Но вернемся к патриаршему посланию и посмотрим — что же в действительности послужило ближайшим, так сказать, непосредственным поводом к изданию Святейшим Патриархом Тихоном своего послания от 19.01.1918 года?

Причин к тому (во всяком случае очевидных) было две. Первая — это общий антихристианский дух чрезвычайной силы и направленности, усвоенный и воспринятый на вооружение новой, зарождающейся государственностью в ее отношении к старой Русской Церкви; дух совершенной нетерпимости и озлобленной, непримиримой агрессивности с нескрываемой конечной целью: совершенного физического уничтожения Церкви и создания условий, при которых в будущем стало бы невозможным какое бы то ни было проявление церковности в России.

Вторая — бурная и все нарастающая волна самого разнузданного кровавого террора, катившаяся по стране и в значительной степени касавшаяся Церкви и Ее представителей. Волна эта возникла тотчас же после падения царизма, прокатилась хронологически через всю эпоху царствования ублюдочного Временного правительства и приняла особенно трагические формы и широкий размах в связи с расширением и углублением гражданской войны в течение долгих последующих лет.

Резня эта унесла великое множество лучших представителей иерархии, клира и мирян во всех частях нашей страны.

В этих условиях Патриарху молчаливо созерцать происходящее у него перед глазами было бы, по меньшей мере, странно. Он вынужден был возвысить свой голос, призвав народ утихомирить свои разнузданные страсти и прекратить разбой, садизм и кровопускание.

И думается, что это отрезвляющее вмешательство Патриарха прежде всего достойно самой глубочайшей благодарности как со стороны современников, так, равно, и потомства...

Но — как говорится — «Бог судил иное».

Приведем для справки несколько первых попавшихся под руку выписок из газет, в которых отражены некоторые трагические эксцессы, наполнявшие в те дни церковную жизнь. Следует учесть и то, что в печать просачивалось далеко не все из событий подобного рода.

29.05(11.06).1917 г. газеты сообщили: «В селе Отхожем Борисоглебского уезда зверски убит с целью ограбления дьякон Архангельский и его жена с двумя малолетними детьми. Похищен сундук с 1500 рублями. Убийцы скрылись» (По городам свободной России // Свободная Церковь. 1917. № 8. С. 4).

15(28).06.1917 г. в Москве — убийство настоятеля церкви на Лазаревом кладбище протоиерея Н. А. Скворцова и его жены Евгении Михайловны.

«В 3 часа утра протоиерей о. Скворцов был разбужен каким-то стуком и шумом, несшимся со стороны кухни. Выйдя из своей спальни, о. Скворцов пошел посмотреть, в чем дело, и увидел трех мужчин. Последние, как оказалось, забрались в кухню через окно, в котором выломали раму. Прислуги в кухне не было.

Злоумышленники, вооруженные револьверами, топором, потребовали от священника денег, а затем один из разбойников ударил о. Скворцова топором по голове и убил его наповал. Убийцы, увидя шедшую на шум жену священника, произвели из револьвера несколько выстрелов. Одна из пуль попала ей в голову.

Спавшие в соседней комнате дочери о. Скворцова, закрыв свою дверь на крючок, открыли форточку и стали кричать о помощи...»

Не успев ограбить квартиру, бандиты скрылись, но спустя 1 час после заявления о случившемся в уголовную полицию, были задержаны, и оказались людьми с большим уголовным прошлым (Зверское убийство священника // Свободная Церковь. 1917. № 13. С. 4).

Летом же 1917 года в Борисоглебске (Тамбовская епархия) ограблена на крупную сумму соборная церковь. «Престолы осквернены. Разные священные предметы и деньги похищены. Святотатцы скрылись» (Свободная Церковь. 1917. № 10 [?]).

4(17).07.1917 г., во вторник, в Петрограде совершается зверское убийство духовника Александро-Невской лавры иеромонаха Филарета, 63-х лет.

«Труп убитого с перерезанным горлом был обнаружен одним из служителей на полу у двери келии, которая при осмотре оказалась разгромленной. Причиной убийства предполагается грабеж» (Два убийства // Свободная Церковь. 1917. № 13. С. 4).

9(22).07.1917 г., в воскресенье, в Сергиевой пустыни под Петроградом совершается зверское убийство старейшего иеромонаха пустыни о. Паисия, участника Цусимского боя (русско-японская война) на броненосце «Орле», награжденного за свои подвиги золотым крестом на георгиевской ленте.

Убийство совершили два солдата, поспешно скрывшиеся при попытке их задержать.

«С коридора же раздались душуераздирающие крики. Когда они [монахи. — *Сост.*] поднялись на лестницу второго этажа, то с ужасом остановились перед о. Паисием, который стоял согнувшись в коридоре и держался за грудь.

На вопрос: „Что с вами, батюшка?“ — о. Паисий прокричал:

— Меня зарезали два солдата!

Около него были две большие лужи крови. Нанесен был чудовишный удар в правую сторону груди. Тут же в коридоре он стал падать. Принесли носилки, и скончался он, как только внесли его в больницу монастырскую. После удара ножом промучился он больше 40 минут [...]

Розыски так и остались безрезультатными» (Два убийства // Свободная Церковь. 1917. № 13. С. 4).

«В начале нынешнего сентября [1917 г. — *Сост.*] в одном селе под Орлом [...] был зверски убит уважаемый священник о. Григорий Рождественский со своим юношей-племянником на глазах жены; забрав деньги, разбойники бежали, слышав набат, а собравшиеся прихожане, увидав плавающего в своей крови убиенного пастыря, принялись растаскивать все, оставшееся после грабителей имущест-

во осиротевшей матушки: рожь, овес, яблоки — все что попадало под руки. [...] Отсюда видно, что не только одни отщепенцы человеческого общества, но чуть ли не целые деревни могут постепенно обращаться в злодеев. Недалеко от них ушли и все современные лихоимцы, припрятывающие хлеб и товары, а затем продающие их за удешевленную цену. Вот до какого страшного времени дожила наша, когда-то Святая Русь» (Послание Св. Собора всем чадам Православной Российской Церкви // Церковные ведомости. 1917. № 43—45. С. 399—400).

В понедельник, 6 ноября 1917 г., Святейший Синод выносит определение № 5733, о прочтении в церквях послания Священного Собора всем чадам Православной Российской Церкви по поводу «поступающих сведений об ограблении церквей, монастырей, землевладельцев, а нередко и об убийствах служителей Божиих и мирных обывателей мирского звания» (Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1917. № 43—45. С. 402).

Одно из январских заседаний Собора (1918 г.) заканчивается повествованием крестьянина-миссионера А. Д. Зверева — Собору, о попытке кровавой расправы с местным священником в селе Борисове Московской епархии [Коломенский уезд? — *Сост.*] (См.: Деяние 66: 19. А. Д. Зверев // Деяния... Кн. VI. Вып. 1. С. 18).

В самом конце года, в Царском Селе совершается дикая и бессмысленная расправа над протоиереем о. Иоанном Кочуровым, расстрелянным озверевшими матросами на глазах своего сына-подростка. (см. комментарий: «Зверское убийство протоиерея о. И. А. Кочурова в Царском Селе в 1917 году; реакция Собора и Патриарха на это злодеяние». Т. 2. Комм. 36).

19.01.1918 года, в тот самый день, когда Святейший Патриарх издает свое послание, в Петрограде в упор расстреливается матросами почтенный протоиерей о. Петр Скипетров, увещавший солдат и матросов образумиться при инциденте в связи с захватом Александроневской лавры.

Наконец, 25.01(07.02).1918 года, в Киеве совершается зверское убийство маститого и заслуженнейшего представителя Православной Российской Церкви, Почетного Председателя Всероссийского Поместного Собора, престарелого митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского). (см. Т.2. Комм. 39).

И — что же? — спросим мы хористов ансамбля из вышеупомянутой секты «безбожников», — Святейшему Патриарху не следовало реагировать на все эти кошмары и на всю эту кровь?..

Сомневаемся! Полагаем, что и сектанты эти не решатся гласно и открыто утверждать подобное.

В связи с систематическим и массовым обнаружением фактов насилия и недоброжелательства к Русской Церкви и Ее представителям Соборный Совет в своем заседании 14(27).02.1918 г. выносит решение о расследовании на местах всех случаев насилия, имеющих отношение к Церкви и Ее служителям (протокол № 64) (Постановление Святейшего Патриарха и Св. Синода // Церковные ведомости. 1918. № 11—12. С. 80).

12(25).04.1918 г. в Курске происходит наглйшее похищение все-российской святыни, чудотворной иконы Божией Матери, украшенной золотой ризой и драгоценными камнями на сумму 7.000.000 (семь миллионов) золотых рублей (Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. [?]).

29.04(12.05).1918 г., ночью, в Москве происходит дерзкое ограбление чудотворной Иверской иконы Божией Матери. Из ризы иконы вынуты крупные бриллианты, имеющие очень высокую ценность (Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918, № 12 [?]).

1(14).05.1918 г., в Москве, проникшие ночью в храм Христа Спасителя грабители похищают с темно-синей бархатной хоругви, стоящей справа от алтаря, все бриллианты, «ценность которых очень велика» (там же).

И так далее, до бесконечности.

Произошла трагическая метаморфоза: люди, вчера еще благоговейно шедшие в храм Божий на молитву, ныне, вооружившись ломami и отмычками, принялись за ограбление тех же святых мест и за убийство священников, у которых накануне принимали благословение.

Произошло «атеистическое безумие народа», в припадке которого люди стали стрелять в то, чему недавно еще поклонялись (как отмечалось в церковной прессе).

Характеризуя же психологию всего этого уголовного отребья, всех этих «извергов рода человеческого», тогдашняя церковная пресса, доживавшая свои последние, считанные, дни, писала:

«Злобно притаился в народной гуще — „враг человек”. Для злой досады пастырям и не для счастья чьего-либо появился он, своеобразно „воспринявший” свободу. Не много нашлось по деревням таких: 2—3 человека в обществе, но их яд проникает глубоко. Они поняли светлую свободу как возможность полной разнузданности; не как отрадное равноправие без нудной полицейской опеки и созидание спокойной жизни на началах справедливости и глубокого уважения человеческого достоинства, не как зарю широкого просвещения для всех и самоопределения своей деятельности по мере сил и умения, и

преклонения пред законом, имеющим в виду оберегать каждую честную гражданскую личность, а как беспорядочную, безответственную, самовольную ломку всего, что стоит перед глазами, что просто не нравится почему-либо. Ложно толкуя свободу, играя на низменных чувствах доверчивых людей, не успевших разобраться в нахлынувших огромных впечатлениях, они, черня всячески духовенство, нередко обличавшее их дела [вот и скрытая причина: мечь! — *Сост.*], свободно и громко орут, что „вышли права прогонять попов, переменять, выбирать по своему вкусу” и т. д. (Обзор церковно-общественной мысли // Русский паломник. 1917. № 22. С. 253).

С этого, действительно, началось. Но, как известно, «аппетит приходит во время еды». И дальше, при полнейшем в ту пору безначалии в стране и вытекающей отсюда безнаказанности, звериные страсти подобных персонажей возрастали в своем зоологическом развитии с чрезвычайной прогрессией.

«Переменять и выбирать» «попов» оказалось уже неинтересно; куда занятнее их лупить, грабить и выпускать им кишки. И — дело пошло...

К этому прибавился и еще один, весьма выгодный и совершенно безопасный промысел: грабить церкви и монастыри, еще ломившиеся тогда от золотой и серебряной утвари, осыпанной драгоценными камнями и бесчисленным, как песок морской, жемчугом, собиравшейся веками в монастырских и приходских ризницах, куда они бесконечным потоком поступали как доброхотные дары, — вклады, приносимые верующим русским народом «на вечные времена».

Печальный и позорный почин в святотатственном ограблении Церкви поначалу был сделан в Кремле, в Патриаршей Ризнице, хранившей в своих недрах художественные и материальные сокровища мирового значения: древнюю церковную золотую и серебряную утварь и оклады, осыпанные драгоценными камнями — вклады (поминальные) и дары старых московских царей, бояр и других именитых людей, а также древние облачения всех Российских Первосвятителей митрополитов всея Руси и Святейших Патриархов Московских... Все эти саккосы, митры, омофоры, панагии и фелони со стихарями, иногда сплошь унизанные жемчугом и по сей час являются основным фондом сокровищ музея Оружейной палаты, куда собрано теперь все, оставшееся от грабежей и распродажи оптом и в розницу.

Эпидемия безнаказанных и дерзких ограблений храмов и монастырей прокатилась в начале революции буквально по всей стране, и, конечно, не найдется такой бухгалтерии, которая сумела бы подсчи-

тать материальные убытки, понесенные нашим верующим народом (Церковью)...

Говорить же о какой-либо оценке погибших художественных или тем более религиозных ценностей — не приходится! Им нет цены в финансовом выражении...

Все вышесказанное и многое другое: тяжелое, трагичное, гнетущее и дух человеческий и его внешнюю физическую жизнь, в изобилии бытовавшее в ту эпоху, все это вместе взятое и явилось в конце концов, вполне достаточной и оправданной побудительной причиной к изданию Святейшим Патриархом его послания от 19.01.1918 г. Цель этого послания — образумить людей и призвать их к покаянию и умиротворению, т. е. к доброму и спокойному созиданию жизни.

Патриарх Тихон с невыразимой скорбью повседневно наблюдал и видел, что «зло разливается [...] и зальет бедную Русь» (Собрание писем Святого Феофана [Горова]. Вып. 8. М., 1902. С. 49), и не мог, конечно, не принять доступных для него мер к обузданию злых сил. Это было профилактическое мероприятие со стороны Главы Церкви, направленное против злобно-кровавой стихии, разошедшейся в те дни по стране и в значительной мере воевавшей против Церкви, Ее служителей и Ее чад.

И справедливым оказалось замечание Главы Румынской Православной Церкви, Патриарха Юстиниана (Марина), оброненное им в беседе, сорок лет спустя описываемых событий (в конце 1950-х гг.), сказавшего, что «мы живем в эпоху, когда диавол переступил порог Храма».

Можно спорить, конечно, о том, насколько удачно Патриарх Тихон выступил в защиту возглавляемой им Церкви, но оспаривать его право на подобное выступление вообще, — как это пытались доказывать тогдашние и позднейшие мракобесы от «безбожия», — едва ли допустимо и, по меньшей степени, странно.

Повторяем: казалось бы, что нарождавшаяся, тогда еще административно-беспомощная и недееспособная новая гражданская власть, должна была всецело поддержать отрезвляющую инициативу Патриарха и уж во всяком случае быть ему бесконечно благодарной за самоотверженный и добрый почин в деле призыва к порядку и спокойствию в стране...

В действительности, однако, произошло нечто совершенно противоположное. Силы, враждебные Церкви, даже в тот тревожный и неустойчивый момент нашей истории решили повернуть эту добрую инициативу Церкви против Нее же и во вред Ей!

Настолько великой оказались ненависть к Богу и Церкви и безразличие к людским страданиям!

И теперь, когда почти полвека отделяют нас от первых лет революции и когда, наконец, вскрыты и заклеены позором все те недобрые и подлые «методы» борьбы с инакомыслящими, которые от лица государственной власти практиковались лицами, подобными пресловутому «законнику» А. Я. Вышинскому (кстати сказать, подписавшему в свое время «Обвинительное заключение» Святейшему Патриарху Тихону и тем самым лично увековечившему свою правово-юридическую несостоятельность и безграмотность), является наконец возможность более спокойно и объективно разобраться во всех тех недобросовестных нагромождениях, которыми, в частности, опутано и послание Патриарха от 19.01.1918 г. (Исх. № 7).

Следуя исторической правде, память Святейшего Патриарха Тихона должна быть совершенно очищенной от лживого, одиозного и провокационного клейма контрреволюционера (и вообще какого бы то ни было политического деятеля), в каком-то звании постарались утвердить его «безбожники» и их постоянные подпевалы, обновленцы всех наименований. В связи с этим посланию его с анафематствованием творящих беззакония и гонителей Церкви Христовой (как следовало бы именовать послание от 19.01.1918 года) необходимо уделить особое внимание, так как с ним связан если не самый основной, то, безусловно, один из самых основных пунктов обвинения Патриарха в активной «контрреволюционности».

Конечно, от того, что некоторые личности по незнанию дела или из провокационных соображений будут называть и называют устно и печатно Святейшего Патриарха Тихона «контрреволюционером» — слава и чистота его несколько не померкнут. По неизвестной еще нам исторической закономерности облик его и дальше будет расти и кристаллизироваться до какого-то необходимого предела, и никакие инсинуации замедлить или остановить этого процесса не могут. Но есть люди (и их немало), которые по недомыслию или недосугу, помраченные ходячей уличной терминологией, до сих пор под влиянием всех этих причин не разобрались в церковно-исторической значимости и церковно-религиозном смысле образа и дела Патриарха Тихона. И наша попытка есть, в первую очередь, стремление помочь им в их правильном восприятии.

В высшей степени знаменательно и характерно, что еще самые первые рецензенты, откликнувшиеся на патриаршее послание тотчас же, совершенно не усмотрели в содержании или духе этого акта какой-либо «политики», не говоря уж о «контрреволюции». Так, самый

первый, по-видимому, из них, следующим образом оценивает сущность послания.

«Политические в собственном смысле этого слова вопросы в послании не затрагиваются. Осуждается не партия с ее политической программой, не преступная воля, превращающая страну в сплошной пожар гражданской войны и в бескрайнее море крови... Осуждается не определенный государственный строй, но «дело сатанинское»... Из-за прекрасных слов о братстве и равенстве, из-за понятных все-таки слов о классовой борьбе выступает темная, мрачная сила зла, апокалипсический зверь из бездны; в страданиях и бедствиях родины переворачивается страница общей мировой трагедии: борьба добра и зла. Прямые линии переживаемых нами событий уходят в бесконечную даль вечной борьбы Христа и Сатаны. Отсюда понятно и грозное слово обличения и прещения вождя Русской Церкви. [...]

Кровь мучеников за Церковь Христову уже пролита, она проливается. Страдания пришли, они усугубятся еще. Русская Церковь в терновом венце подымается на свою Голгофу, и вождь Ея, тишайший, кроткий, незлобивый, верный пастырь Христов, Святейший Патриарх Тихон, зовет всех верных чад Церкви подняться вместе с ним на Голгофу любви Христовой и силе внешней противопоставить силу святого воодушевления, крепкого стояния за Церковь даже до смерти. Этот призыв не остается и не останется безответным. Церковь, о которой легкомысленно утверждали, что Она в параличе, Церковь, об одеждах Которой метали уже жребий ныне собирает всех верных и подымается в лучезарной красоте тернового венца Христова» (*Сагарда А.* Послание Святейшего Патриарха // Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 3—4. С. 150—151).

Далее особо подчеркнем и то обстоятельство (чрезвычайно показательное), что вопреки истерической демагогии «безбожников», поднятой вокруг послания, даже такой — по их же словам — матерый «контрреволюционер», как знаменитый в свое время протоиерей о. И. Восторгов, и тот ни на один миг и ни на йоту не «спекулировал» этим патриаршим посланием в своих политических целях, что, конечно, обязательно проделал бы, если бы послание это давало бы ему хоть малейший материал в этом смысле!..

Известно, да и в печати осталось зафиксированным, что в своей проповеди прихожанам храма св. Василия Блаженного (на Красной площади, где он был настоятелем) 20.01(02.02).1918 г. (т. е. в день оглашения послания на Соборе архиепископом Тамбовским Кириллом Смирновым) за всенощной, заканчивая свое слово на тему о только что вышедшем в свет послании Патриарха, он обещает слушателям

продолжить его (свое слово) на другой день «за литургией, если, конечно, после службы или ночью меня не арестуют и не убьют...» (что в действительности произошло несколько позже).

И на другой день о. Иоанн Восторгов, говорил в храме прихожан-богомольцам (слово от 21.01—03.02.1918 г.):

«Теперь всем нам предстоит особо напряженная борьба за веру и Церковь. К тому зовет нас патриаршее послание. Не о политической борьбе мы говорим. Но есть область — область веры и Церкви — где мы [...] должны быть готовы на муки и страдания... Церкви грозит опасность. И опять прибавим: к этому и призывает нас теперь наш общий отец, Святейший Патриарх всея России. И не думайте, что говорим о так называемых большевиках. Нет. Когда изверг Львов [В. Н. — *Сост.*] сидел обер-прокурором в Святейшем Синоде, то он задолго до большевиков... проявил такую сатанинскую злобу и неправду по отношению к служителям Церкви [...] что не лучше и не выше был теперешних насильников над святынями и над Церковью. Мы говорим вообще о всех, кто вторгается незаконно в дело Церкви, в совесть православных христиан...» [разрядка везде наша. — *Сост.*] (*Введенский А. И., прот. Церковь Патриарха Тихона. С. 45*).

В одном же из позднейших церковных актов касательно разбираемого послания Святейшего Патриарха Тихона говорится, что подобные всенародные выступления его тех лет «направлялись не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда революция проявляла себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, когда власти в смысле организованного правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало. В то время слагающиеся органы центрального управления не могли сдерживать злоупотреблений и анархии ни в столицах, ни на местах. Всюду действовали группы подозрительных лиц, выдававших себя за агентов правительства, а в действительности оказавшихся самозванцами с преступным прошлым и еще более преступным настоящим. Они и избивали епископов и священнослужителей, ни в чем не повинных, врвались в дома и больницы, убивали там людей, расхищали там имущество, ограбляли храмы и затем бесследно рассеивались. Было бы странным, если бы при таком напряжении политических и своекорыстных страстей, при таком озлоблении одних против других, среди этой всеобщей борьбы одна Церковь оставалась равнодушной зрительницей происходящих нестроений.

Проникнутая своими государственными и национальными традициями, унаследованными Ею от своего векового прошлого, Церковь

в эту критическую минуту народной жизни выступила на защиту порядка, полагая в этом свой долг перед народом. И в этом случае Она не разошлась со своим вероучением, требующим от Нее послушания гражданской власти, ибо Евангелие обязывает христианина повиноваться власти, употребляющей свой меч во благо народа, а не анархии, являющейся общественным бедствием. Но с течением времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти, Патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности в отношении к Советскому правительству, решительно отказался от всякого влияния на политическую жизнь страны» («Соловецкое послание» [См.: Акты... С. 503—504]).

Приведем и еще одно высказывание о патриаршем послании, — митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского), — иерарха, бывшего одно время чрезвычайно близким автору послания (в бытность его викарием на Виленщине) и потому хорошо знавшего духовную настроенность и образ мышления Святейшего Патриарха. В этом высказывании митрополит Литовский по-своему раскрывает внутренний смысл патриаршего обращения к пастве и так же, как и все прочие объективные рецензенты, совершенно не усматривает здесь никаких политических тенденций или намеков.

Он пишет:

«Патриарх Тихон в своем [...] послании [...] явился не выразителем церковного взгляда на власть, — он ее не коснулся, при виде величайшего смятения и разрушения Церкви и родины „явными и тайными их врагами“, но выразителем болезненно-горького чувства, крика пораженного небывалым горем своего сердца и благомыслящей части народа. „Властию, данной Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если вы только носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной“, — со всею решительностью объявлял он в своем послании к Церкви [„к Церкви“]!! — *Сост.*. Однако этот удар, не касаясь власти по существу, не затрагивал и прав ее церковных, ибо во главе ее стояли или безбожники или бывшие христиане, ставшие безбожниками. Анафема относилась к временно забывшим совесть и разум русским православным, но и здесь она теряла свою силу, будучи безличною, общею. Скорее всего она явилась предохранительным средством для людей, еще не потерявших страха Божия. Такого же характера были и последующие его послания. [...] Как обращенные к безбожникам, они в прямом смысле не были Архипастырскими посланиями, а скорее с обезглавливанием государства воплем к Богу печальника Русской Земли, а вместе с тем громким

откликом потрясенных душ благоразумной части народа, в котором она могла найти своему горю хотя некоторое успокоение: „Если наша совесть это — Патриарх; пусть его не послушают, но он говорит и еще скажет за нас” (*Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. С. 226—227).

И действительно: что послание адресовалось не против власти гражданской, а против разбойничающих в стране элементов, что вполне доказывается основной фразой послания: «Властию, данную Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас...» Это — так сказать — лейтмотив документа. И слишком «странно», что «безбожники» наши не смогли (будто бы!) разобраться в его адресации, очевидной для всякой «серой бабы», ходящей в церковь (о которых они обычно отзываются с невероятным презрением и нетерпимостью, забывая в своем помраченном злобою сознании, что это их собственные матери, сестры и бабки!).

И было бы совершенно ни с чем несообразно, если бы Святейший Патриарх анафематствовал представителей новой, нарождающейся гражданской власти, которые могли ему быть неприятны лишь как всякие другие безбожники и только, а бандитов, грабителей и садистов, заливавших кровью мирного населения необъятные просторы нашей страны — о чем поступал к нему неиссякаемый поток сообщений, оставил бы совершенно безо всякого внимания и прещения!

Святейший Патриарх Тихон, надо думать, не хуже кого бы то ни было разбирался в идеологической направленности тогдашних представителей власти, не только не скрывавших своего религиозного неверия, но, наоборот, всячески афишировавших его и похвалявшихся им; они и без всякого запрещения не «приступали» и не «приступают» к Тайнам Христовым. Больше того: других призывают и принуждают даже следовать тому же. Какой же смысл запрещать им то, к чему они не только не стремятся, но даже полностью игнорируют и осмеивают? Каждому ясно, что никакого! Только «безбожникам» — неясно!

Таким образом, — повторим еще раз, ибо это весьма существенное и вразумительное замечание, — что так называемые «безбожники» наши, возводя небывалое «преступление» на совесть и ответственность Патриарха за издание им этого послания (некоторые сознательно, а подавляющее большинство их бессознательно, в силу совершенной своей безграмотности в вопросах церковно-религиозных, о которых они обычно берутся толковать с такой неслыханной, нахальной развязностью) совершенно упускают из виду самый существенный момент в содержании настоящего акта: его значимость для негодных людей из среды верующего населения, коих анафематствование способно отрезвить и удержать от злодеяний, и полнейшую бес-

смысленность его в приложении к людям, считающих своей идейной концепцией атеизм...

Непосредственно к гражданской власти, тогда еще окончательно и не сформировавшейся еще, обращена (и совершенно недвусмысленно!) всего лишь одна-единственная фраза, никакой логической и редакционной связи с предыдущей — анафематствующей — не имеющая.

«И, наконец, власть...» и т. д.

Наконец!!.. Разве не ясно всякому грамотному человеку, что, стало быть, до сего времени говорилось не о власти?!.

С некоторой натяжкой, если угодно, дух послания в целом задевал лишь те административные, полицейские силы новой государственности, в первую очередь созданные и направленные ею для охраны своего становления, которые, на первых порах, не только не обращали никакого внимания на происходящую в стране поножовщину, но своей полной пассивностью в отношении последней, как бы даже несколько санкционировали ее разгул; деятельность — и самая активная — новых революционных полицейских сил, как известно, была направлена всецело и исключительно на подавление и ликвидацию всякого рода «контрреволюции», и только. Но ясно, что от этого патриаршего упрека до самой этой «контрреволюции» или какой бы то ни было «политики», как говорится, «дистанция огромного размера!» И «не заметить» ее вряд ли возможно!

В чем же тогда причина той истерики, которую господа «безбожники» устраивали и будут устраивать и дальше вокруг послания Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918 г. и аналогичных ему актов Церкви?

Явление это церковному сознанию совершенно понятно и никакой загадочности в себе не содержит.

Церковь Христова (в частности Русская) в мечтаниях Ее врагов обречена на ликвидацию и чем скорее, тем лучше. Но чтобы иметь внешний повод и основание для Ее разрушения, необходим обвинительный материал против Нее. А так как в действительности его нет, то он и создается искусственно, «при помощи простых рук», хотя и на удивление всему миру...

Эксперимент «безбожников» с патриаршим посланием — один из видов фабрикации церковного «криминала» («если его нет, то его следует выдумать...», как они выражаются еще с конца XVIII века...)

И выдумывают, хотя, конечно, не всегда остроумно.

Таким образом, и это патриаршее послание в опытных руках фокусников от «безбожия» превратилось в тот капитал, пенками с ко-

того еще долго будут питаться бесконечные создатели «методики и практики антирелигиозной пропаганды», окопавшиеся в различных редакциях с «просветительными» и «гуманистическими» вывесками...

Однако Церковь Христова как установление Божественное человеческими домыслами и средствами уничтожена быть не может: «сие от них не зависит...», поэтому и силы, борющиеся с Нею (как этой истины не понимающие), обречены на вечные бесплодные потуги и усилия, питаемые злым внутренним сознанием своей безуспешности. Борьба эта будет продолжаться (с разной степенью накала) и впредь; совершенно бесполезная для «безбожия» и жизненно-необходимая для самой Церкви. Этот кажущийся парадокс в действительности чрезвычайно прост: в этом огненном горении, сжигая все тленное, примазавшееся к Ней и закаляя Свое подлинное тело (народ церковный!) — Церковь укрепляется и обновляется (вот где обновление церковное, о котором мечтали многие поколения церковных мыслителей и чего не понимали наши «обновленцы»!).

Ибо «яко во огни искушается злато, тако и человецы приятни в пещи смирения» — как сказано где-то...

А смирение, как доподлинно ведомо религиозному сознанию, есть величайшая и непреоборимая сила, сокрушить которую невозможно, так как, во Христе, оно беспредельно... (отмечено это и у Ф. М. Достоевского).

И поэтому доброе дело делают наши так называемые «безбожники» воюя с Церковью; они, сами не зная того, служат Ей, как мусорщики выметая из Нее неизбежно накапливающуюся нечистоту, освежают Ее, чистят, моют и даже полируют до блеска.

За эту деятельность их остается сказать только одно: спаси их, Господи!

К великому, однако, сожалению, не все церковно-мыслящие люди в наши дни склонны рассуждать таким же образом. Есть некоторая прослойка их, которая (неволью подпевая «безбожникам») усматривала, вопреки очевидности, некоторую политическую направленность и в этих самых патриарших посланиях, к которым прицепились «безбожники». В частности и в послании Святейшего от 19.01.1918 г.

Так, даже святитель-мученик, архиепископ Иоанн (Поммер), откликаясь на кончину Патриарха, счел возможным в своей мемориальной речи высказать на интересующую нас тему следующие соображения:

«Проследим те приемы борьбы, которые были применены к нему [т. е. к Святейшему Патриарху Тихону. — *Сост.*] и против которых

он с честью устоял. Первый прием, обольщение: ценою признания власти [...] ценою публичного призыва народа к таковому признанию Патриарху давалась возможность купить себе все те внешние блага, какие способна дать своим сторонникам наличная власть. На эти искушения Патриарх ответил своими, всему миру известными посланиями к народу, в коих он объявляет наличную власть безбожную [...] и предаёт ее анафеме [...]

Представители [...] третьего интернационала усмотрели в этих посланиях вмешательство Церкви в политику и всячески поносили и поносят за них Патриарха и его сторонников. Но родной Патриарху народ, история и живое христианское сознание не могут не видеть в этих посланиях высочайшего проявления христианского и гражданского мужества и верности национальному и патриаршескому долгу. Подобно св. Филиппу и св. Гермогену, в тяжелую для родины годину Патриарх должен был осветить народу текущие события с церковной точки зрения, и он этот свой долг исполнил» (Вера и жизнь. Рига. 1925. № 5—6. [См.: Акты... С. 384]).

Высказывание это не одиноко; раздавались и другие, подобные же голоса.

Так, позднейшие церковные историки А. Левитин и В. Шавров, в стремлении «объективно» и «беспристрастно» обрисовать патриаршие выступления со своими учительными посланиями в первые годы революции, частично хотя и высказываются в пользу всего вышесказанного нами, но, в целом, вокруг этой положительной оценки разводят такую казуистику, что от нее (оценки) в конце концов не остается ничего доброго.

В ответ на эту их «услугу», пользуясь старой русской поговоркой, остается лишь сказать им от лица Церкви: «не нужен твой мед — не пачкай мой хлеб!»

Они пишут:

«Мы охарактеризовали деятельность Патриарха в бурные революционные годы (1917—1921 гг.), забыли мы сущую „малость“: знаменитые антисоветские воззвания Патриарха и его деятельность в качестве одного из вождей антисоветских сил в стране. Остановимся и на этой стороне его деятельности. На предыдущих страницах мы старались дать совершенно объективную характеристику Патриарха Тихона как деятеля и как человека. Как видит читатель, Патриарх Тихон был умным и добрым человеком, который, однако, являлся типичнейшим представителем дореволюционного русского духовенства, — таким он был и по своим воззрениям, и по своим вкусам, и по своему психологическому складу. Странно было бы ожидать от этого

человека, чтобы он рассуждал как марксист, да еще большевик и приветствовал бы Октябрьскую революцию; тогда он не был бы Главой русского, в целом консервативного, духовенства. Отражая позицию русского духовенства и почти всей тогдашней русской интеллигенции (даже таких людей, как А. М. Горький, Куприн, Скиталец и другие), Патриарх выступил против советского правительства с рядом воззваний. С крещенским воззванием 6—19 января [ошибка; следует 19.01—1.02. — *Сост.*] 1918 года, в котором он выступил с протестом против кровавых эксцессов, с воззванием против Брестского мира, а также с резким письмом к В. И. Ленину, написанным к первой годовщине Октября, в котором содержалось требование всеобщей амнистии. Что характерно для всех этих воззваний? Прежде всего отметим, что Патриарх, в противоположность некоторым священникам, нигде не восстает против социалистических или коммунистических принципов, ни даже против революции как таковой; он восстает, главным образом, против эксцессов и против отдельных актов советского правительства (Брестский мир). Правда, иногда Патриарх не видит за деревьями леса и не желает замечать тех огромных исторических сдвигов, которые несет Октябрьская революция, но это, конечно, не его вина, а его беда — это следствие той среды, в которой он вырос и развивался; это результат вековой позиции русского духовенства, которое всегда отличалось косностью и консерватизмом» (*Левитин А., Шауров В. Очерки... С. 47—48*).

Оставляя сказанное без каких-либо комментариев, закончим на этом все наши рассуждения «вокруг да около» патриаршего послания об анафематствовании творящих беззакония и гонителей Церкви Христовой и обратимся к последнему, существенному пункту, подлежащему рассмотрению...

В 1922—1923 гг. Святейший Патриарх Тихон находился в заключении, и в недалеком будущем предполагался его судебный процесс, по совокупности за все «грехи», вместе взятые, сформулированные с иезуитской придирчивостью и скрупулезностью в известном «Обвинительном заключении по делу гр. гр. Беллавина В. И. и др.», подписанном «знаменитым» в свое время А. Я. Вышинским.

Однако сверх всякого ожидания насторожившегося мирового общественного мнения процесс не только не состоялся, но и главное обвиняемое лицо — Патриарх — был выпущен на свободу с последовавшим вскоре совершенным прекращением его «дела».

Необходимым условием освобождения Патриарха из заключения послужило его известное заявление в Верховный Суд РСФСР от 3(16).06.1923 г., в котором имеется одна фраза, непосредственно касающаяся нашей

темы. Фраза эта в корне противоречит всему, высказанному нами, в защиту Патриарха и его послания от 19.01(01.02).1918 г. и целиком поддерживает и оправдывает все инсинуации «безбожников» в отношении послания, о которых говорилось выше. Таким образом, сам автор послания, Святейший Патриарх, как бы поддерживает все нарекания на него и тем самым как бы признает свою виновность за это свое давнишнее выступление...

Но дело все в том, что вот именно: «как бы»...

Однако обратимся к этой фразе.

Перечисляя в своем заявлении некоторые пункты предъявленного ему обвинения, в той или иной степени признаваемые им основательными, упоминает он и такое:

«Анафематствование в том же году власти...»

Весьма недвусмысленное: «анафематствование» «власти»!

Конкретность этой формулировки, по-видимому, исключает всякие дальнейшие разъяснения и перетолмачивания...

Но и опять скажем: это только «по-видимому»... а в действительности — не так, и потому мы несколько не склонны отступать от всего сказанного выше даже и после этого заявления Патриарха.

Дело в том, с одной стороны, что к 1923 году «безбожническое» толкование патриаршего послания настолько уже было распространено в широких нецерковных кругах, настолько въелось в сознание и память бездумной массы, принимающей обычно за чистую монету всякое «печатное слово» (особенно при теперешнем благоговейном трепете перед газетами!), что возражать и разъяснять что-либо по поводу своего послания со стороны Патриарха было бы совершенно непроизводительным занятием. Он, очевидно, и держался той мысли, что гораздо лучше во всех отношениях, не ворошив всего прошедшего, формально согласиться задним числом с тем «статусом кво», который создался с годами относительно этого злополучного его документа.

С другой стороны — не следует упускать из виду и того, что редакция патриаршего заявления в Верховный Суд РСФСР от 3(16).06.1923 г. принадлежала, по-видимому, не одному только Патриарху. А это очень существенный момент в смысле отображения в нем подлинного мнения Патриарха о трактуемом предмете.

Наконец, не исключается и то, что, стремясь к освобождению из узилища не ради личной, внешней свободы, а имея в виду лишь благо Церкви (когда в связи с разыгравшейся обновленческой вакханалией, его присутствие в Ней являлось для Нее не только существенно необходимым, но и единственно спасительным условием целостности и внутренней неповрежденности) полагаем, можно допустить мысль и

о том, что Святейший Патриарх Тихон был вполне способен пожертвовать исторически своей аполитичностью и вообще какой бы то ни было своей политической незапятнанностью (в угоду противоположному лагерю) ради немедленной возможности личного вождения церковного корабля среди разбушевавшегося «житейского моря»... (ради чего, собственно, заявление и писалось).

Известно: когда тонет корабль, бросают в пучину морскую и драгоценные грузы...

Таким образом, резюмируя сказанное, приходим к обобщающему выводу, что заявлению Святейшего, кажущемуся на первый взгляд противоречащим всем нашим построениям, никак не приходится придавать того безапелляционного смысла, каковой он производит по первому впечатлению. И это не значит вовсе, что заявление Патриарха фальшиво или неискренне, но говорит лишь только о том, что

1) в тот момент, для блага Церкви, Святейшему Патриарху необходимо было быть на свободе и снова принять бразды правления в свои руки;

2) казуистическим препирательством о предметах в данное время совершенно не актуальных (но которые способны отрицательно повлиять на его освобождение) Патриарх счел возможным не придавать особого значения и от них уклониться;

3) вряд ли его личное Святительское реноме способно серьезно пострадать от некоей, весьма несущественной «дани времени» в глазах благомыслящего церковного общества, которое также в достаточной степени ориентируется в тонкостях наличной церковной обстановки.

И решив именно как-то так возникшую перед ним задачу, Святейший Патриарх вышел на свободу, сокрушил обновленческую гидру и указал Церкви Ее дальнейший спасительный путь к Вечности, не запятнав и себя...

А в широком смысле — по церковному — все это выразится так:

Блаженни есте, егда поносят вам, и изженут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради.

Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех! (Мф. 5, 11—12).

В качестве концовки приведем некоторые сообщения высказанные в печати в связи с патриаршим посланием от 19.01.1918 г.

И, прежде всего, в одном из современных церковных документов говорилось, что «Священный Собор Православной Российской Церкви с любовью (!) приветствует послание Святейшего Патриарха Тихона, карающее злых лиходеев» (Каменев С. А. Церковь и просвещение

в России. С. 31). «Лиходеев» — добавим от себя, т. е. разбойников и злоумышленников, а не представителей власти (!), и в его развитие издает послание верующим, о текущем церковном моменте («От века неслыханное творится у нас на Руси Святой...»). Напечатанное в действующей еще тогда типографии Рябушинского, оно во множестве экземпляров распространяется среди верующего населения Москвы и провинции.

Святейший же Синод (доживавший тогда свои последние минуты) выносит определение (№ 170) об обнародовании послания Святейшего Патриарха Тихона от 19.01.1918 г. (См.: Церковные ведомости. 1918. № 2. С. 10).

Тут следует заметить, что несмотря на премудрое мероприятие — немедленную национализацию (или реквизицию) всех типографий в стране сразу же после октябрьского переворота, послания Святейшего Патриарха Тихона и, в частности, послание от 19.01.1918 г., печатались еще довольно свободно и, конечно, совершенно открыто, вполне легально во многих, ставших уже государственными, типографиях, причем печатали их те самые рабочие, на которых — по словам «безбожников» — будто бы почему-то так ополчился нехороший Патриарх-«контрреволюционер» и которых эти самые «безбожники» готовы защищать до самой последней возможности (хотя никто решительно их об этом и не просит!).

Даже в самой Москве послания эти печатали совершенно безо всякой конспирации и продолжали бы так же точно действовать и дальше, если бы на рабочих-печатников не было бы оказано давление из гражданско-правительственных сфер, вопреки бесконечной демагогии о «свободе слова» и тому подобном.

Так, несколько позднее на заданный ему вопрос «председатель рабочего коллектива (Моск[овской] Синодальной типографии) ответил, что рабочие [...] никогда не отказывались от печатания по приказам Синода, исключая одного раза, когда по требованию теперешнего правительства [разрядка наша. — *Сост.*] должны были прекратить печатание послания Патриарха» (Деяние 75: 263. Архиепископ Тамбовский Кирилл // Деяния... Кн. VI. Вып. 2. С. 241).

А вскоре после этого первый (по времени) «безбожнический» орган, выходящий под высоким протекторатом первейшего антицерковника, «спеца» и законника — П. А. Красикова, так сказать, не сморгнув глазом, с непревзойденным бесстыдством заявляет печатно своим наивным читателям о том, что Патриарху Тихону «предоставлена свобода печатать его воззвания [разрядка наша. — *Сост.*], ибо заставить замолчать Патриарха было бы [видите

ли! — *Сост.*] просто невыгодно с точки зрения развития политического сознания в массах» (*Красиков П. Четыре манифеста Патриарха Тихона // Революция и Церковь. 1919. № 3—5. С. 4.*)

Вот как — демагогически — вышел из положения радетель о «развитии политического сознания в массах», адвокат Красиков, только что сбежавший в Синодальную типографию и запретивший тамошним рабочим печатать патриаршее послание!

Таковы были условия первых шагов деятельности только что избранного Святейшего Патриарха всея России!

А вот, еще один исторический штрих, относящийся к тем же пресловутым патриаршим посланиям, кое-кому весьма не нравившимся. Автор — небезызвестный для церковного читателя Владимир Димитриевич Бонч-Бруевич!

«В ноябре [1917 г. — *Сост.*] была организована в Смольном так называемая семьдесят пятая комната, т. е. такое учреждение, которое, по воле Революционного комитета, утвержденного Петроградским Исполкомом, должно было заняться борьбой с пьяными погромами, контрреволюцией, саботажем, бандитизмом и другими многочисленными контрреволюционными проявлениями, которыми старый мир [? — *Сост.*] хотел пошатнуть новую молодую пролетарскую власть. Исполком назначил меня председателем этой Комиссии [„ЧК” — *Сост.*], поручив нашему Комитету власть для борьбы со всеми контрреволюционными элементами. Не успели мы организовать Комиссию из самых отборных рабочих петроградских заводов, как наши рабочие комиссары, рассыпанные решительно везде по Петрограду, сообщили мне, что повсюду, в самых глухих закоулках, появились чьи-то печатные прокламации, в которых проклинается советская власть и призывается на голову этих „безбожников и насильников” „гнев Божий” и которые обращаются ко всем верующим противиться этой „дьявольской власти”, ей не подчиняться, беречь „мать Церковь, ее служителей” и оставаться „верными чадами Православной Церкви”. Когда мне рассказали содержание расклеенных по заборам прокламаций, я догадался [! — *Сост.*], что это несомненно произведение рук духовенства православной церкви. Я чувствовал себя обязанным во что бы то ни стало как можно скорее открыть первоисточник, откуда идут эти произведения поповской печати и арестовать тех, кто написал эти воззвания и кто распространяет их. Нам посчастливилось. Недалеко от Смольного в переулках также появились подобные прокламации. Возмущенные рабочие и просто обыватели, сорвавши их и найдя некоторое количество экземпляров, подброшенных на крыльца домов, собрали все это и принесли мне в Смольный. Я тотчас же направил в

эти районы с десятков рабочих комиссаров, которые быстро рассыпались по всем переулкам и закоулкам и в одном из них арестовали двух благочестивых старушек, которые, ковыляя по тротуару, одетые в полумонашеские «черничные» платья, тихонько расклеивали эти листки. Одна мазала забор клейстером, а другая прихлопывала бумажку, тщательно разглаживая ее. Застигнутые врасплох, они заохали, были крайне изумлены, когда рабочие комиссары, бережно взяв их под крылышки, не спеша повели в Смольный. Они были приведены ко мне в 75-ю комнату. Эти сморщенные божии старушки были ужасно перепуганы и почти не могли отвечать. Видя, что разговаривать с ними не представляется возможным, я сказал, чтобы у них отобрали прокламации и отдали мне на просмотр. Старушки замерзли, я велел напоить их чаем с булками и дать погреться у печки. Старушки расположились, сначала робко поглядывая на нашу боевую обстановку, куда постоянно являлись и матросы, и солдаты, приводили арестованных, вносили конфискованное оружие, бомбы и т. п. Видя, что на них никто не обращает внимания, старушки вплотную засели за чаек. Один из комиссаров угостил их яблоками, и они с аппетитом выпивали стакан за стаканом, изрядно закусывая хлебом. Когда я увидел, что старушки обогрелись, распотели, я повел с ними беседу, кто они такие, кто их послал делать то дело, которое они делали и просил рассказать мне все подробно. Старушки встrepенулись и, видимо, не знали, как им быть. Я в это время прочел воззвание, которое оказалось подписанным патриархом Тихоном. Мне важно было знать, кто вокруг этих старушек действует. Старушки очень скоро подробно рассказали, что им дал по целковому их знакомый, у которого этих воззваний целые горы и который собирает вот таких лиц, как они, и рассылает их по всему городу и уезду. В это время ко мне в комнату вошел как всегда энергичной походкой тов. Благодравов, комендант Петропавловской крепости, в полном боевом вооружении, а с ним два его сотоварища, также в боевой, походной форме. Они приехали по моему вызову, чтобы немедленно отправиться и прекратить погром на одном из водочных заводов, который пьяная толпа громила на Мойке. Так как уничтожить погром было делом более важным и срочным, чем уничтожить штаб-квартиру патриарха Тихона, то я сказал Благодравову, чтобы он ехал на погром, а потом вернулся ко мне для отыскания конспиративной штаб-квартиры патриарха Тихона и для ареста всех тех лиц, которые там находятся, и я показал ему прокламации Тихона. Когда он узнал, кто их распространяет, то пристально посмотрел своим упорным, долгим взглядом на одну из старушек, которая перепугалась этого взгляда и вдруг стала садить-

ся, как бы защищаясь от него руками. Это было так смешно, и для нее, очевидно, так трагично, что все в комнате расхохотались, а она почти заплакала. Благонравов круто повернулся и вышел. Старушек мы больше не беспокоили, и они в томлении ожидали своей участи. Я им сказал, что они будут дожидаться вот того, который смотрел на них, и его они должны будут повести на ту квартиру, из которой они получили листки. Благонравов вернулся часа через полтора и сказал, обращаясь к старушкам:

— Пойдемте, да смотрите — не путать и не врать. Нам с вами возиться долго нечего.

Через полчаса Благонравов звонил мне по телефону, что он открыл квартиру, сплошь заваленную прокламациями, всевозможными книгами, свеженапечатанными против советской власти и что главное действующее лицо — хозяин этой квартиры — арестован, а также и все те, кто были там, что он ведет расследование. Всю эту публику он посадил в автомобиль и отправил в Петропавловскую крепость. Мы быстро нашли типографию, которую немедленно закрыли, арестовали ее владельца и всех тех, кто принимал участие в печатании этих прокламаций. Так началось наше первое знакомство с противосоветской пропагандой [?? — *Сост.*] представителей Православной Церкви.

Наутро я сообщил об этом инциденте Владимиру Ильичу, показал ему прокламацию Тихона и спросил его, что он велит делать нам с автором этих прокламаций.

— Ничего, — ответил Владимир Ильич, — сообщите ему, что советская власть не намеревается надеть на его голову венец мученичества, но все те, кто будет распространять его произведения, будут немедленно арестовываться и предаваться суровому суду. Напечатайте обо всем этом в газетах и предупредите рабочие кварталы, чтобы строго следили за появлением прокламаций.

Я сказал ему, что предполагаю немедленно сообщить Петроградскому митрополиту и поставить его в известность, что он как глава петроградского духовенства будет ответственен перед советской властью, в частности перед нашей Комиссией, за антиправительственную пропаганду в церквях и что он должен предупредить всех своих благочинных и священников, что такая пропаганда в открытом общественном месте с кафедры в церкви, будет нами преследоваться как контрреволюционная, согласно объявленного осадного положения в Петрограде, по всей строгости и суровости законов нашего времени. Владимир Ильич одобрил и эту меру и прибавил:

— Надо всегда ставить в ответственность самых высоких лиц Православной Церкви, хорошо помня, что низшее духовенство и особен-

но паства являются орудием в их руках и часто совершенно не ответственные за то, что делает высшее церковное управление и главари его.

Старушек мы на другой день призвали из Петропавловской крепости в 75-ю комнату Смольного, подробно им объяснили всю гнусность [!! — *Сост.*] пропаганды Патриарха Тихона. На старушек это произвело впечатление, когда они увидели у меня в шкафу за стеклом их прокламации рядом с бомбами контрреволюционеров. В конце концов мы их отпустили на все четыре стороны. Они клялись, что более никогда не будут этим делом заниматься и другим закажут, поблагодарили нас за хлеб-соль и ушли.

Всего за несколько дней и ночей мы арестовали около сорока человек, которые расклеивали в различных местах Петрограда эти прокламации Тихона» (*Бонч-Бруевич В. Д. Роль духовенства в первые дни Октября // Безбожник. 1928. № 45(299). С. 2—3; № 46(300). С. 2—3*).

Касаясь патриаршего послания об анафематствовании всех творящих в стране кровавые беззакония и гонителей Церкви Христовой, один из многих безбожнических специалистов по русским церковным вопросам сообщает в своем «научном труде», что с резкими протестами и возражениями против мероприятий новой гражданской власти, направленных к ущемлению деятельности церковных и религиозных организаций, выступил, между прочим, не один лишь Святейший Патриарх Тихон, но и представители всех других вероисповеданий: мусульмане, протестанты, буддисты, католики, иудеи и др.

Относительно этих последних читаем:

«Аналогичную [Святейшему Патриарху Тихону. — *Сост.*] позицию заняло и иудейское духовенство [...] образованный в Москве сионистами и раввинами еврейский национальный совет через три месяца после Октябрьских дней выступил с декларацией, в которой предал анафеме (херему) трудящихся [?? — *Сост.*] евреев, поддерживающих Советскую власть и обрушился на декрет „Об отделении церкви от государства и школы от церкви“, клеветнически [тоже? — *Сост.*] изображая его как акт гонения на религию.

Еврейские клерикалы [...] пытались отстоять не только дальнейшее существование еврейских религиозных школ — хедеров, талмуд-тор и ешиботов, но и сохранить за раввинами их чиновничьи функции...» (*Персиц М. М. Отделение церкви от государства. С. 158*).

Раз уж зашла речь о евреях, уместно здесь заметить, что в Гомеле, в 1923 году привлекался за сопротивление против мероприятий советской власти в отношении хедеров раввин Барышанский, прозванный в местных еврейских кругах за непреклонность занятой им по-

зиции — «еврейским Тихоном». (Славин И. Клерикализм и сионизм у евреев // Революция и Церковь. 1924. № 1—2. С. 9).

(Всестороннему разбору — со всех точек зрения — послание Патриарха Тихона было подвергнуто после оглашения его на первом заседании второй сессии Собора, в выступлениях многих членов Собора, что исчерпывающе отражено в 66-м соборном деянии.

Протокол этого деяния воспроизводится и А. И. Введенским в сочинении его «Церковь и государство» с. 111—169.)

68. Слово Святейшего Патриарха Тихона при служении его в Казанском соборе г. Москвы 8(21).07.1918 г. по поводу расстрела императора Николая II; нечто об иконе Казанской Божией Матери

Приводим это слово Святейшего Патриарха Тихона, сказанное им при служении своем в Казанском соборе на Красной площади (собор впоследствии снесен [ныне восстановлен. — *Ред.*]), по случаю престольного праздника 8(21).07.1918 г.

Воспроизводим его по выписке из неопубликованных «Деяний» III-й, последней, сессии Всероссийского Собора 1917—1918 годов. Отметим, что материалы этой сессии являются большой редкостью, т. к. (по слухам) при закрытии Собора, тогда же, в 1918 году, были вывезены за границу одним из эмигрировавших соборных секретарей (об этом было упомянуто и в печати¹):

«[...] 108. Протоиерей П. Н. Лахостский. (Внеочередное заявление.) Я выпросил себе слово, чтобы познакомить в нем в кратких словах с тем, о чем теперь со вчерашнего дня очень много говорят в Москве. А если многие знают и говорят, то и члены Собора должны знать это и обстоятельно подумать. Дело в том, что вчера Святейший Патриарх в Казанском соборе совершал литургию, и после Евангелия выступил с словом, которое он произнес экспромтом. Это слово, с разрешения Его Святейшества, я записал. Вот с ним-то я и познакомлю вас.

*Блаженни слышащи Слово Божие
и хранящи е (Лк. 11, 28)*

Эти слова, сейчас прочитанные в Св. Евангелии, сказаны Господом Иисусом Христом тогда, когда одна женщина из народа в порыве священного восторга от Его проповеди воскликнула: «Блаженно чрево, Тебя носившее, и сосцы Тебя питавшие» (Лк. 11, 27), т. е. счастлива Мать, родившая и воспитавшая такого Сына. Господь, поставивший

¹ См.: Дополнение к комментарию 26 в статье о С. Г. Рункевиче. — *Примеч ред.*

и в других случаях родство духовное выше телесного (Мф. 12, 46—50), отвечал ей: «Блаженни слышащие Слово Божие и хранящие е», т. е. больше чем родные Мне по плоти, счастливы те, которые близки Мне по духу, которые слушают Мои слова и хранят их, живут так, как Я учу словами жить. Значит счастье, блаженство наше заключается в соблюдении нами Слова Божия, в воспитании в наших детях Заветов Господних. Эту истину твердо помнили наши предки. Правда, и они, как все люди, отступали от учения Его, но умели искренно сознавать, что это грех, и умели в этом каяться. А вот мы, к скорби и к стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признается грехом, но оправдывается, как нечто законное. Так, на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший государь Николай Александрович, по постановлению Уральского Областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит пред нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он, отрекаясь от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы, после отречения, найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... и вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние — уже после расстрела — одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может и мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточают в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: «Блаженни слышащие Слово Божие и хранящие е».

Вот слово, произнесенное Его Святейшеством, мною записанное, просмотренное и одобренное Святейшим Патриархом. Я наблюдал, какое впечатление производило оно на народ. Его Святейшество говорил с волнением. К сожалению, его слышали не все, но мне показалось и другим, что те, которые слышали, почувствовали какое-то

облегчение от сознания, что заговорили те, кому следует говорить и будить совесть. Правда, на улицах говорят различно, некоторые злорадствуют и одобряют убийство, но верующие будут чувствовать себя смущенными. Вчера, без всякой связи со словом Святейшего Патриарха, в храме Христа Спасителя совершена панихида. В храме св. Спиридония, по требованию народа, панихида совершена дважды¹. Народ ждет, что мы как представители и носители христианской совести присоединимся не к тем, кто убивает и одобряет убийство. Мое предложение к Собору: присоединиться к слову Святейшего Патриарха, подобно тому, как Собор присоединился в свое время к посланию Его Святейшества с анафематствованием. Настоящее слово прекрасно выражает, представляет собою самую суть того, что говорилось о событии на Соборе в пятницу [6(19).07.1918 г. — *Сост.*], пред совершением панихиды. Мы делом уже выразили свое согласие со словом Патриарха» (Выдержка из сборника: «Выписки из Деяний III-й сессии Священного Собора 1917—1918 гг.». Рукопись. М., 1929. [См. Обзор Деяний... Т. 3. С. 46—49, 62—65. — *Ред.*]).

Приведем небольшую справку и о чудотворной Казанской иконе Божией Матери, которая триста лет хранилась в Казанском соборе на углу Красной площади и Никольской улицы, сооруженном в свое время иждивением (главным образом) освободителя Москвы от поляков, князя Димитрия Михайловича Пожарского (московская усадьба его находилась недалеко, на углу Большой Лубянки и Фуркасовского переулка). Казанский собор, вскоре же после прекрасной его реставрации, выявившей и восстановившей все его первоначальные (XVII в.) архитектурные детали, был, по распоряжению наших «отцов города», снесен до основания!

В 1612 году, вскоре по освобождении Москвы от полчищ поляков, пишет один из новейших историков Русской Церкви, «появился русский праздник иконе Казанской Божией Матери 22-го октября [ст. ст. — *Сост.*]. В Казани чудотворная икона, как известно в 1902 г., была преступно украдена и уничтожена. Это было зловещим предзна-

¹ 21 июля 1918 г. настоятель храма св. Спиридона Тримифунтского протоиерей Неофит Порфирьевич Любимов (1846—1918) отслужил панихиду по «убиенном новопреставленном бывшем царе Николае». Вечером того же дня сотрудники ВЧК арестовали о. Неофита по «обвинению в агитации против советской власти», в том, что «служил панихиду по „помазаннике Божием” Николае Романове». 17.09.1918 президиум Коллегии отдела по борьбе с контрреволюцией вынес о. Неофиту приговор: высшая мера наказания — расстрел. Вскоре приговор был приведен в исполнение. Священномученик протоиерей Неофит (Любимов) причислен к лику святых в 2000 г. — *Примеч. ред.*

менованием русского поражения со стороны нехристианской Азии [имеется в виду русско-японская война. — *Сост.*]. А в свое время явление иконы вскоре после падения Казанского царства было благим предзнаменованием победоносного русского и православного наступления до берегов Тихого океана. Профессор А. А. Дмитриевский утверждает, что в 1612 г. под Москву направлена была не копия Казанской иконы [как считали. — *Сост.*], а самый оригинал. Копия же осталась в Казани. Она и похищена, а хранившаяся в Казанском соборе на Красной площади Казанская икона и есть оригинал. Она в Москве сохранилась...» (*Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 80—81*).

69. Исправление ошибки автора относительно «трагической» кончины Великого Патриаршего Архидиакона К. В. Розова

В память архидиакона К. В. Розова заметим следующее.

Жизнь его окончилась не трагически, как неверно сообщает автор, а — по человеческим понятиям — преждевременно; казалось, он мог бы пожить и еще, т. к. ему не было и пятидесяти лет.

Великий Патриарший Архидиакон Константин Васильевич Розов умер в среду 17 (30) мая 1923 г., в то время, когда горячо любимый им Святейший Патриарх Тихон находился в заключении.

Покойный — уроженец Симбирской губернии. Первоначально, еще в дореволюционное время, назначается в Москву на должность второго диакона в храм Христа Спасителя, но по ходатайству великой княгини Елизаветы Феодоровны переводится в Санкт-Петербург, в придворный храм. После весьма недолгого пребывания здесь, вновь переводится в Москву — первым протодиаконом Московского Большого Успенского собора в Кремле, где и служит до закрытия кремлевских соборов в 1918 году, когда вместе со всеми другими клириками этого (Успенского) собора переводится к храму бывшего Крестовоздвиженского монастыря на Воздвиженке (против теперешнего центрального магазина «Военторга»; храм впоследствии был снесен).

К. В. Розов — неизменный богослужебный спутник Святейшего Патриарха Тихона во всех (почти) его многочисленных служениях в Москве и ее окрестностях.

Как сообщали впоследствии — много лет спустя — обновленческие историки А. Левитин и В. Шавров, «известный московский архидиакон Розов умер в конце 1922 года от дистрофии, вызванной голодом» (*Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 330*).

Помимо того, что дата кончины здесь указана неверная, не верна также и сама причина смерти; только при обновленческом непонимании того, кем был Великий архидиакон К. В. Розов для церковной

Москвы тех времен и для своих бесчисленных почитателей, — можно предположить, что он мог умереть с голоду. В действительности, К. В. Розов в Москве (хотя и голодной) не голодал... Да ему и не дали бы умереть с голоду, точно так же, как Святейшему Патриарху или любому другому архиерею или священнику — уважаемому и чтимому народом.

Как ярко выраженный русский человек Розов, к сожалению, страдал одним печальным «национальным» недугом, унесшим в могилу много наших талантливых людей; он пил больше, чем следовало бы...

Отпевание тела К. В. Розова было совершено 19.05(01.06).1923 г. в храме Большого Вознесения у Никитских Ворот, при огромном стечении верующих москвичей, собравшихся отдать последний долг «Косте».

Погребен на Ваганьковском кладбище у храма, рядом со своим настоятелем по Успенскому собору в Кремле, протопресвитером Николаем Александровичем Любимовым.

На его могиле водружен белый деревянный крест с надписью, исполненной славянским шрифтом: «Великий Архидиакон Константин Васильевич Розов. Род[ился] 10(22) февр[аля] 1874 г. Сконч[ался] 17(30) мая 1923 г.»

Церковная Москва без Розова стала уже не та...

Вскоре после освобождения своего из заключения — 25.06 (08.07).1923 г., после совершения литургии в храме Святителя Николая Чудотворца, что в Ваганькове, Святейший Патриарх Тихон посетил Ваганьковское кладбище и совершил здесь панихиду на могиле своего Архидиакона. (Богослужебный дневник Патриарха Тихона. Рукопись.) Этот молитвенный акт Патриарха сейчас же, конечно, вызывает злобную реакцию в стане обновленческих раскольников. Так, известный тогда всему свету небывалый «протопресвитер всея Руси» В. Д. Красницкий заявил (через гражданскую прессу):

«Вчера [...] Тихон служил панихиду на могиле архидиакона Розова. На панихиде присутствовали в полном составе польская миссия, торговое представительство Англии и проч. Зачем это? [отвечаем: чтобы воочию убедиться, что патриарх действительно выпущен из тюрьмы, чему не только за границей, но и у нас-то никто не верил первое время. — *Сост.*] Ясно, что каждое выступление Тихона — смотр контрреволюционным силам Москвы. Удивляюсь Советскому правительству — что оно это допускает [продолжает свою провокацию Красницкий, делая вид, что не понимает положительного значения для нашего правительства в том, что Патриарха представители капиталистического мира имеют возможность наблюдать в непосредствен-

ной близости. — *Сост.*] Власти необходимо вмешаться и помочь нам бороться с тихоновщиной» (*Большаков А. У «князей» церкви: У Красницкого // Красная газета. Пг., 1923. 12 июля. С. 2.*)

«Некоторое время спустя (4—17.07.1923) в Москве «начинает демонстрироваться кинофильм „Тихон после раскаяния“, в котором запечатлены его служения в различных храмах Москвы и, в частности, панихида на Ваганьковском кладбище по архидиакону К. В. Розове. (Фильм этот создан был также с целью убедить скептический западный мир в действительном освобождении из заключения Патриарха.)

Московские кинотеатры: „Арс“, „Форум“ и „Уран“, в которых демонстрировался 4(17), 5(18), 6(19) июля кинофильм, осаждались толпами с раннего утра. Перекупщики мест продавали билеты по невероятно высокой цене (билет на „Тихона“ стоит, примерно, столько же, сколько на Шалапина).

Этот кинофильм скоро перекочевал на европейские и американские экраны и всюду производил сенсацию» (*Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 320.*)

70. Краткие сведения о Троицком Патриаршем подворье в Москве на Самотеке

Относительно Крестовой церкви Троицкого подворья и самого подворья в старых справочниках Москвы сообщается:

Церковь во имя св. «Сергия Радонежского чудотворца, что при доме митрополита, Мещанской части.

Существовавшая при означенном доме церковь, в 1812 году сожжена неприятелем, с разрешения Святейшего Синода, изъясненного в указе от 13 ноября 1813 года, за № 3656, означенная церковь возобновлена в 1815 году, а в 1875 г. прибавлен к ней придел во имя Иверской иконы Божией Матери» (*Указатель улиц и домов столичного города Москвы... М., 1882. С. 881.*)

Храм этот, теперь ликвидированный, являлся местом многочисленных богослужебно-молитвенных подвигов Святейшего Патриарха Тихона в период 1917—1922 гг. и архиерейских хиротоний многих святителей — современников, произведенных от руки Святейшего.

Расположенный во втором этаже подворья небольшой храмик этот, весьма уютный и вместительный, имел с правой стороны алтаря специальную моленную келью, в коей Святейший Патриарх (а до него Московские митрополиты) молились в тех случаях, когда не принимали личного участия в совершавшемся богослужении. Ход в эту моленную был непосредственный — из внутренних покоев подво-

рья (минуя богомольцев). Другая, находившаяся в храме дверь, соединяла его с покоями, но она всегда находилась на запоре и ею обычно не пользовались за исключением случаев особо многолюдных молитвенных собраний (вынос св. Плащаницы в Великий Пяток и под.), когда молящиеся, переполнявшие храм, располагались и в близлежащих к нему комнатах — личных патриарших, составлявших часть его жилья.

Относительно Троицкого подворья в целом выписываем нижеследующую краткую справку:

«Троицкое подворье в Москве, недалеко от Сухаревой башни, близь церкви св. Троицы, что на Троицкой [храм сохранился донныне, но, конечно, не функционирует. — *Сост.*], с разными строениями и садом на земле, которая с 1609 г. принадлежала лавре [Сергиевой, Свято-Троицкой. — *Сост.*] по обеим сторонам реки Неглинной. Дом построен в 1759 и 1760 г.; в 1812 г. выжжен неприятелем, 1815 г. возобновлен. При нем домовая церковь во имя прп. Сергия. Дом сей служит обыкновенным местопребыванием митрополитов Московских, как настоятелей лавры, когда находятся в Москве» (*Горский А. В.*) Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. М., 1873. С. 195).

Официальный адрес Святейшего Патриарха был таков: Москва, Самотека, 3-й Троицкий переулок, Троицкое подворье.

[См.: У Троицы на Самотеке: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры в Москве / Под общей ред. архимандрита Лонгина. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2003; Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2(19). М., 2006.— Ред.]

71. К биографии митрополита Евлогия (Георгиевского) и кратко о зарубежном «евлогианском» расколе

Деятельность митрополита Евлогия (Георгиевского) в Европе — его управление православными русскими приходами, конфликт и борьба с Карловацким Синодом, переход в юрисдикцию Константинопольской Патриархии и прочее — все это представляет собою одну из колоритных и интереснейших драматических страниц истории нашей зарубежной Церкви времен Святейшего Патриарха Тихона и его ближайших преемников, вполне достойную самого тщательного изучения со стороны будущего церковного историка.

Попытаемся здесь в кратких речениях и схематическом изложении, насколько возможно, осветить этот вопрос, расположив в относительной хронологической последовательности некоторые данные,

накопившиеся у нас из различных церковных печатных источников этого времени.

Основными материалами вопроса (в будущем) должны будут послужить, конечно, печатные источники церковной эмиграции, а также архивы различных зарубежных церковных управлений.

Начнем с того, что православные русские храмы в Западной Европе существуют с начала XVII столетия, возникая последовательно в Швеции, Англии, Германии, Париже, Вене.

«К 1910 г. в странах Западной Европы насчитывалось кроме 22-х посольских и миссийских храмов, 30 церквей приходского характера [...] 8 надгробных, 7 Берлинского Братства св. Владимира и 12 частных. Должно отметить выдающееся архитектурно-художественное значение весьма многих из них. После войны 1914—1918 гг. рост русских православных церквей увеличился [в связи с колоссальным потоком белоэмиграции. — *Сост.*]. Так, к 1930 г. из находившихся в ведении митрополита Евлогия 67 церквей только 12 храмов представляли собой довоенные сооружения».

До революции русские храмы в Европе — при посольствах и др., состояли, независимо от своего территориального местонахождения, в юрисдикции Петроградского митрополита. Нахлынувшая теперь в Европу масса русских эмигрантов, естественно, требовала архипастырского о себе попечения, а митрополит Петроградский, отрезанный от западноевропейских русских приходов фронтами гражданской войны и странами, не признавшими еще тогда нашу новую государственную власть, полностью лишен был возможности управлять ими; связи не было, и в ближайшее время она не предвиделась.

Учитывая это обстоятельство, так называемое Временное Высшее Церковное Управление на юге России, зародившееся в 1919 году в стане генерала Деникина и эвакуировавшееся позже в Константинополь, 2(15).04.1921 года издает указ (№ 318) о назначении эмигрировавшего из России архиепископа бывшего Волынского и Житомирского Евлогия (Георгиевского, временно обосновавшегося тогда на жительство в Сербии, в местечке Белая Церковь) управляющим всеми западноевропейскими русскими церквами на правах епархиального архиерея.

Указ гласил:

«Его Высокопреосвященству, Преосвященнейшему Евлогию, архиепископу Волынскому и Житомирскому.

Сим имею честь уведомить Ваше Высокопреосвященство, что постановлением Высшего Временного Русского [Церковного. — *Сост.*] Управления Вам вверено управление всеми западноевропейскими

русскими церквами на правах Епархиального Архиепископа, включая и церковь с приходом в Болгарской Софии и в Букуреште; прочие же русские церкви на Балканском полуострове и в Азии управляются Р[усским] В[ысшим] Церковным Управлением; все сие впредь до восстановления сношений с Всероссийским Свят[ейшим] Патриархом.

Председатель В[ысшего] Ц[ерковного] Управления

Антоний [Храповицкий] митр[ополит] Киевский и Галицкий.

2—15 апр[еля] 1921. № 318. Печать: Высшее Русское Церковное Управление.

Назначение Ваше состоялось 2(15?) окт[ября] 1920 г. в Симферополе и подтверждено в начале ноября в Константинополе» (*Евлогий, митр.* С. 344).

Таким образом, «управление Западно-Европейской епархией» было поручено митрополиту Евлогию «Высшим Русским Церковным Управлением, вначале обосновавшемся в Константинополе, а потом в Карловцах, в Сербии, где всем [...] русским архиереям, было оказано широкое гостеприимство».

Это Высшее Церковное Управление в 1919 году организовалось на юге России, в стане генерала Деникина, как временный церковно-административный центр для управления епархиями и церквами, оказавшимися по ту сторону фронтов гражданской войны.

Архиепископ Евлогий «по вступлении на должность [...] почувствовал, что» его «полномочия канонически зыбки и нуждаются в подтверждении высшей инстанции Русской Церкви — Московской Патриархии».

Из Берлина (Германия) ему «удалось снестись с Патриархом Тихоном, — и вот, летом 1921 г. в Берлин прибыл патриарший указ, подтверждающий [...] назначение временно управляющим русскими православными церквами и приходами в Западной Европе впредь до восстановления правильных, нормальных сношений с Россией» архиепископа Евлогия.

Само обращение архиепископа Евлогия непосредственно к Святейшему Патриарху Тихону расценивается утвердившемся в Карловцах «Архиерейским Синодом» во главе с митрополитом бывшим Киевским и Галицким Антонием (Храповицким) как некоторое недоверие к себе, подчеркивание канонической неправомочности этого Синода как высшей церковной инстанции Русского Православия за границей.

По-видимому, отсюда — начало всех дальнейших, принявших впоследствии всемирную огласку трений между архиепископом Евлогием и зарубежным Синодом «карловчан».

Между тем, ввиду полной невозможности иметь регулярные сношения с западноевропейскими русскими приходами для митрополита Петроградского, ведению коего они подчинены (о чем было упомянуто выше), — Святейший Патриарх Тихон, «воспользовавшись присутствием в Западной Европе наших архиереев», эмигрировавших из России, с согласия митрополита Вениамина (Казанского), поручает одному из них — именно архиепископу Евлогию — управление православными русскими приходами в Западной Европе.

26.03(08.04).1921 г. Святейший Патриарх Тихон и Патриарший Священный Синод издают указ (№ 424) о назначении архиепископа Евлогия и объеме его полномочий. (У Буевского, в «Журнале Московской Патриархии» № 3 1953 г., приводится иной номер указа — 423.)

Вскоре, в связи со всем этим, архиепископ Евлогий получает из Петрограда от митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина пакет «со следующими важными бумагами:

1. Указ Святейшего Патриарха Тихона и соединенного присутствия Патриаршего Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 26.03(08.04).1921 г., за № 423, об утверждении архиепископа Евлогия в занимаемой должности врем[енно] управляющего западноевропейскими русскими приходами;

2. копия того же указа, за № 424, на имя архиепископа Финляндского Серафима (Лукьянова), и

3. собственноручное письмо митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина архиепископу Евлогию от 8(21).06.1921 г., о полном согласии митрополита с решением Патриарха и Соединенного Присутствия по сему вопросу.

Текст этого последнего документа таков:

«В. П. И.

Митрополит

Петроградский и Гдовский

8(21) июня 1921 г.

Петроград.

Ваше Высокопреосвященство,
Досточтимейший Владыка.

С своей стороны я даю полное согласие, чтобы в это время, когда почти нет сношений с заграничными церквями, Вы заведовали ими, тем более что это временное заведование Вашим Высокопреосвященством указанными церквями признано и подтверждено и Свят[ейшим] Патриархом.

Душа моя болела за эти церкви, но помочь им было невозможно.

Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник Вениамин митрополит Петроградский» (Зарубежная церковная смута // Вестник Священного Синода... 1927. № 2—15. С. 23—25; Раскол в Зарубежной Русской Церкви // Украинский Православный Благовестник. 1927. № 15. С. 246).

«Разумеется, эти документы совершенно укрепили мое [пишет архиепископ Евлогий. — *Сост.*] каноническое положение; источником своих церковных полномочий я имел уже не Временное Заграничное Церковное Управление, а высшую власть Русской Церкви» (ЖМП. 1931. № 2. С. 24—30; 1953, № 3; *Евлогий, митр.* С. 354—356; *Троицкий С. В.* Размежевание или раскол. С. 141—142. Зарубежная церковная смута // Вестник Священного Синода... 1927. № 2—15. С. 23—26).

О назначении своем архиепископ Евлогий оповещает некоторых знакомых священников; в частности о. Иакова Смирнова, настоятеля посольской церкви в Париже. «В ответ получил от него сдержанное письмо [...]

Осторожность о. Иакова Смирнова послужила средством к утверждению меня в правах: он запросил архиепископа Серафима (Лукиянова) Финляндского, не может ли он снестись с Патриархом Тихоном относительно законности моих прав. В результате последовал указ Патриарха, подтверждающий мое назначение (к этому указу я своевременно вернусь)».

Своим спутником в разъездах по Европе архиепископ Евлогий приглашает некоего Е. И. Вдовенко; «по профессии электротехник, но церковный человек, близко знавший Патриарха Тихона и московское духовенство, часто вращавшийся в этой среде. Я предложил ему быть диаконом при мне и поехать вместе со мною в Европу; он согласился» (*Евлогий, митр.* С. 345).

Так, «единственный из русских архиереев, кто имел право пребывать за границей и окормлять верующих, был митрополит Евлогий, которого Патриарх Тихон поставил управлять русскими Православными храмами на западе» (*Днепров Р., Полторацкий Н.* Под крылом Матери-Церкви // ЖМП. 1955. № 8. С. 66).

Поэтому «митр[ополита] Евлогия [...] довольно широкие круги русского рассеяния считают единственным каноническим авторитетом, представляющим за границей власть Всероссийского Патриарха» (Благовест. Периодический орган русских католиков. Париж. 1930. Январь-март. С. 52).

«Таким образом, — поясняет в свою очередь митрополит Евлогий, — вся власть над всеми русскими православными церквами за-

границей передавалась мне. Но, не желая единолично пользоваться этими полномочиями и осуществляя соборное начало церковной жизни, я решил осуществить их в братском единении с другими епископами, а потому согласился на установление ежегодных Архиерейских Соборов и Синода в Карловицах, под председательством старейшего митрополита Антония [Храповицкого]» (Зарубежная церковная смута // Вестник Священного Синода... 1927. № 2—15. С. 24).

17(30).01.1922 г. Святейший Патриарх Тихон и Патриарший Священный Синод издают указ № 64 о возведении в сан митрополита управляющего православными русскими приходами в Западной Европе архиепископа б[ывшего] Волынского и Житомирского Евлогия (Церковные ведомости. 1922. № 2).

В конце февраля 1922 года (примерно) патриарший указ № 64 доставляется в Берлин.

«Среди берлинской эмиграции распространяется слух о прибытии кого-то из Москвы с известием, что Патриарх возвел меня в сан митрополита. Я не поверил. Но вот как-то раз, на одном литературном собрании прихожан, подходит ко мне протодиакон и говорит: „А ведь, — верно! приехали из Москвы какие-то коммерсанты, и в кармане у них патриарший указ на ваше имя...” — „Вы путаете, что-нибудь не так...” — ответил я. „Нет, — верно! завтра они придут к вам”. На другой день, действительно, указ был мне вручен. [...]

В Крестопоклонную всенощную князь Ширинский-Шихматов поднес мне на блюде белый клубок. Я надел его...» (Это было 5—18.03.1922 г.). (*Евлогий, митр.* С. 367—368).

За границу и — прежде всего — в Польшу этот указ и другие патриаршие акты были вывезены архимандритом Тихоном (Шараповым), приезжавшим из Польши в Москву к Святейшему Патриарху и вернувшимся обратно. Вполне возможно, что в Берлин указ был им переправлен с какими-либо коммерсантами, что вполне вероятно еще и потому, что польской почте на основании личного горького опыта, со стороны о. архимандрита Тихона — доверия не было.

Что же касается Карловацкого ВЦУ, то еще 22.04(05.05).1922 г., в связи с явной антисоветской политической линией поведения этого Управления (Карловацкий Собор 1921 г. и многое другое), незадолго до ареста Святейшего Патриарха Тихона, последним и Патриаршим Священным Синодом Карловацкое церковное руководство упраздняется, о чем в одном из позднейших актов митрополита Сергия (Страгородского) сказано так:

«Образованное в Карловцах так называемое Высшее Управление Русской Церковью за границей за свою ярко политическую деятель-

ность было указом покойного Патриарха Тихона упразднено. Однако, успокаивая себя разными софизмами, это Управление продолжало существовать» (ЖМП. 1931. № 6. С. 74).

В связи с этим патриаршим указом 19.08(01.09).1922 г. в Сремских Карловцах (Сербия) происходит совещание 12-ти зарубежных русских архиереев, управляющих русскими православными приходами и членов Всеаглического Высшего Церковного Управления.

«Собор архиереев был созван Председателем Высшего Церковного Управления (за границей) митрополитом Антонием [...] Собор этот было предположено созвать тотчас же по получении указа, но он был отложен до настоящего времени вследствие болезни управляющего русскими православными церквами митрополита Евлогия, уезжавшего для лечения на месячный срок в Киссинген, и ввиду отсутствия находящегося на лечении Святейшего Патриарха Сербского, благословение которого требовалось на созыв Собора».

Предметом созыва и работы Съезда является полученный два месяца тому назад указ Патриарха Тихона и Патриаршего Священного Синода от 22.04(05.05).1922 г., за № 347, о ликвидации Всеаглического ВЦУ и подтверждении полномочий митрополита Евлогия на управление заграничными русскими приходами. Кроме того, собравшиеся занимаются разработкой условий для созыва 21.11(4.12).1922 г. очередного Всеаглического Русского Церковного Собора, имеющего окончательно решить вопросы, связанные с дальнейшей организацией высшей церковной власти за границей.

Вследствие того, что, с одной стороны, патриарший указ митрополитом Антонием расценивается как «вредный путь компромисса Патриарха Тихона с большевиками» и, с другой, ввиду того, что получен он был в момент, когда Патриарх Тихон был уже арестован, зарубежные церковники во главе с митрополитом Антонием остроумно решают, что в силу немедленно должен вступить не этот — полученный ими указ, а циркулярное постановление Патриарха и его Синода от 20.11(03.12).1920 г., за № 362, об организации церковной власти на местах в случае неожиданного прекращения деятельности Патриарха и состоящего при нем Высшего Церковного Управления.

Несмотря на то, что указ № 362 издан на два года ранее указа, полученного недавно (от 22.04—5.05.1922 г.), но он писан не для 1920 года, а для того времени, когда наступит предусмотренный в нем момент, т. е. когда деятельность Святейшего Патриарха и вспомогательных при нем органов высшего церковного управления окажется парализованной.

Это и случилось именно во время получения указа № 347.

Когда митрополит «Евлогий приехал в Карловцы, для выполнения указа» Патриарха Тихона о ликвидации Всеаграничного Высшего Церковного Управления, «митрополит Антоний стоял за то, чтобы указа этого не исполнять (вспоминается притча Спасителя: Мф. 21, 28—31)...»

Отсюда, в связи с изложенными выше соображениями и благодарно излишней мягкости, проявленной митрополитом Евлогием (Георгиевским) в вопросе ликвидации Всеаграничного ВЦУ (мягкости, как сказано выше, основанной не нежелании его единолично пользоваться данными ему Патриархом Тихоном прерогативами власти в отношении управления заграничными русскими приходами), — «на окончательном совещании, без участия мирян и пресвитеров, архиерейский Собор, выражая полную покорность и сыновнее послушание Патриарху Тихону», выносит компромиссное решение, суть которого сводится к следующему:

а. во исполнение указа № 362 от 20.11(03.12).1920 г. — учреждается «Архиерейский Синод» с неременным присутствием в нем митрополита Евлогия и

б. во исполнение указа № 347 от 22.04(5.05).1922 г. — ликвидируется Всеаграничное Высшее Церковное Управление.

Таким образом, воля Святейшего Патриарха Тихона была искажена, и все дело сведено лишь к перемене вывески. Централизованное Всеаграничное Церковное Управление продолжало прекрасным образом существовать и осуществлять свои прежние функции (Вестник Священного Синода...1927. № 2—15. С. 16—23; Приложение: *Трегубов И. «Живая церковь» и Церковное возрождение // Булатов И. П. К расколу в Православной Русской Церкви (с кратким историческим обзором православия). Вологда, 1922. С. 56—58).*

Вспоминая этот период жизни заграничной Русской Церкви, митрополит Евлогий пишет в своих воспоминаниях:

«По приезде в Карловцы я почувствовал сразу, что здесь за лето настроение изменилось. Сформировалась оппозиция указу Патриарха. Слышались речи о том, что „указ вынужденный, — не свободное волеизъявление Патриарха, что его можно не исполнять“. Я доложил на заседании Высшего Церковного Управления об указе; секретарь Управления Махароблидзе прочел докладную записку, в которой приведены были доводы доказывавшие, почему с патриаршим постановлением можно не считаться. Я заявил, что тон взят недопустимый по отношению к Главе Русской Православной Церкви, и я ухожу... Собрание перешло к голосованию. Резолюция большинства гласила: „отсрочить выполнение указа, впредь до выяснения обстоятельств,

при которых он был издан". Я выступил с „особым мнением". Настроение в собрании создалось напряженное...

На другой день прибыл запоздавший архиепископ Анастасий [Грибановский]. Он заявил, что, по его убеждению, „волю Патриарха исполнить надо", но так как в указе сказано „предоставить архиепископу Евлогию соображения относительно организации Управления...", то Высшее Церковное Управление следует упразднить, но созвать в следующем году новый Собор для устройства нового Управления, а тем временем Архиерейский Синод делает подготовку к нему, испросит разрешение сербских властей и соберет нужные материалы. Епископ Вениамин [Федченков] с этим предложением не согласился: „Митрополит Евлогий должен взять управление в свои руки без всякого Собора, а если необходимо Синод временно сохранить, то надо, чтобы митрополит Евлогий, — не митрополит Антоний, — был его председателем". Тут мне следовало и проявить власть, заявить, что отныне указы Карловацкого Синода для меня силы не имеют, что я исполню волю Патриарха... Но я ради братского отношения к собратьям-архиереям, закинутым в эмиграцию, во имя любви к митрополиту Антонию, старейшему зарубежному иерарху, с которым меня связывала долготлетняя духовная дружба, ради всех этих сердечных, может быть, сантиментальных, побуждений... пренебрег Правдой — волей Патриарха. В этом была моя великая ошибка, мой большой грех перед Богом, перед Матерью Русской Церковью и перед Святейшим Патриархом Тихоном, и в этом заключалась главная причина не только моих личных бед, но и источник всех дальнейших нестроений в жизни зарубежной Церкви. Глубоко сознаю свою вину и приемлю все эти испытания, как справедливое „наказание за преступление", хотя и содеянное во имя любви к моим собратьям — карловицким епископам и особенно митрополиту Антонию. В таких случаях сама любовь оборачивается враждою» (*Евлогий, митр.* С. 370).

В другом месте по этому же поводу, он пишет:

Патриарх Тихон всю «полноту церковной власти за рубежом вручил мне, назначив меня временно управляющим Православными приходами в Западной Европе, с предписанием немедленно распустить Высшее Церковное Управление в Карловцах и выработать новый проект управления церквями. [...]

Архиереи во главе с митрополитом Антонием, т. е. все члены Высшего Церковного Управления поначалу волю Патриарха признали, но вскоре же стали искать путей, — формально ее исполнив, — фактически ее не исполнять, а возродиться под другим наименованием, в том же составе, с теми же притязаниями, — и начать борьбу со мною, дабы

свести на нет мои полномочия главы Православной Русской Церкви за границей» (*Евлогий, митр.* С. 554).

По разъяснению проф[ессора] С. В. Троицкого, Карловацкое Высшее Церковное Управление, согласно определению Карловацкого же Собора, состоит из Синода и Церковного Совета.

Выполняя формально указ Патриарха Тихона и Патриаршего Священного Синода № 347, карловацкие иерархи, в стремлении, с одной стороны, показать послушание Патриарху Тихону, а с другой — сохранить любыми средствами централизованное заграничное церковной руководство, ликвидируют Высший Церковный Совет, передав его функции Заграничному Архиерейскому Синоду, в коем сосредотачивается, таким образом, фактическое руководство зарубежным русским Православием вопреки патриаршему указу.

У С. В. Троицкого отношении к указу заграничных церковных верхов, отчасти можно уловить из следующих строк: «указ Патриарха Тихона от 22.04(05.05).1922 г. о закрытии Карловацкого Управления не противоречит Постановлению, так как это Управление основано еще до того времени, как Постановление сделалось известным в Карловцах и, кроме того, устройство Управления не отвечает, как мы видели, Постановлению. Кроме того, указ издан не Патриархом, а Высшим Церковным Управлением во главе с Патриархом, каковое имеет право и отменить Постановление. Попытка опорочить законность указа, воспользовавшись его 3 пунктом, упоминающем о неполном числе членов Московского Синода, неудачна, так как этот пункт говорит о неполноте состава Синода для судебных дел, для которых нужно 12 епископов, тогда как для административного акта, каковым является указ, по определению Собора от 7(20).12.1917 о Священном Синоде и В[ысшем] Ц[ерковном] Совете (п. 14) достаточно и половины членов Синода и Совета. Таким образом, указ 1922 года является актом вполне законным и обязательным к исполнению, поскольку он касается власти Карловацкого Ц[ерковного] Управления над русскими церквями вне территории Сербского Патриархата» (*Троицкий С. В. Размежевание или раскол.* С. 147).

Впоследствии, оправдывая задним числом незакономерность этих своих действий, карловчане заявляют, что «в указанное время был закрыт не настоящий наш Архиерейский Синод, в Временное Высшее Церковное Управление», или (митрополит Антоний): «22 апреля (05.05) заграничного Синода вовсе не было, а было Высшее Церковное Управление, которое и было немедленно закрыто нами, согласно распоряжению Патриарха» (*Троицкий С. В. Идеология Карловацкого раскола // ЖМП. 1948. № 2. С. 46).*

В другом месте по этому поводу читаем:

«На пути канонического устроения русской церковной жизни за рубежом возникло препятствие в виде так называемого „Высшего русского церковного управления за границей“, самочинно основанного группой епископов-эмигрантов и занявшего по отношению к Русской Православной Церкви и русскому народу (?) враждебную позицию. Русская Православная Церковь в лице Святейшего Патриарха Тихона осудила политическую деятельность этого „управления“. Однако последнее не подчинилось решению высшей церковной власти и учинило раскол, получивший название „Карловацкого“» (Русская Православная Церковь: Устройство. Положение. Деятельность. М.: Московская Патриархия. 1958. С. 144—145).

Внутри церковного зарубежья конфликт митрополита Евлогия с карловчанами постепенно дошел до своего предела и через год после кончины Святейшего Патриарха Тихона вылился в форму открытого разрыва, к огорчению всего Православия.

Раскол этот между зарубежной церковной иерархией обнаружился в Карловцах 12(25).06.1926 г.

На происходящем здесь очередном Архиерейском Соборе русских епископов, между главой Карловацкой группы архиереев и одновременно Председателем Карловацкого Архиерейского Синода митрополитом Антонием — с одной стороны и управляющим западноевропейскими приходами и Главой Западно-Европейского Митрополичьего Округа митрополитом Евлогием — с другой, происходит разрыв служебно-деловых и личных отношений, возникший на почве притязаний митрополита Антония и его группы, на возглавление всей зарубежной Русской Православной Церкви, вопреки неоднократным указам Патриарха Тихона (от 26.03—8.04.1921; 22.04—5.05.1922 и других, аналогичных) о вверении бывшей заграничной области митрополита Петроградского попечению и руководству митрополита Евлогия, санкционированном в свое время (8—21.06.1921) и лично выраженным согласием тогдашнего митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина [Казанского].

На последовавших затем заседаниях подобные притязания вызывают решительный протест со стороны митрополита Евлогия, справедливо рассматривающего их как явное и неосновательное нарушение воли почившего Патриарха Тихона, могущей быть измененной лишь его каноническими правопреемниками по Патриаршему Престолу (*Зноско Владимир, прот.* Зарубежная церковная смута // Украинский Православный Благовестник. 1926. № 21. С. 8—10).

15(28).06.1926 г. митрополит Евлогий подает письменный протест против включения в повестку дня Архиерейского Собора вопроса о возглавлении Архиерейским Синодом в Карловцах всей зарубежной Русской Церкви.

Он «ясно увидел, что на этом Соборе снова начинается домогательство усилить, расширить и закрепить власть Архиерейского Синода в Карловицах и ограничить данные ему б[ывшим] П[атриархом] Тихоном полномочия [...] тогда решено было снять с повестки дня этот вопрос» (Украинский Православный Благовестник. 1926. № 21. С. 48—50; *Зноско Владимир, прот.* Зарубежная церковная смута // Украинский Православный Благовестник. 1927. № 3; Вестник Священного Синода... 1927. № 2—15. С. 23—26).

16(29).06.1926 г., в связи с переходом викария митрополита Евлогия, епископа Берлинского и Германского Тихона (Лященко) и ряда других архиереев на сторону митрополита Антония в возникшем конфликте этих двух митрополитов по вопросу о высшем церковном управлении за границей — митрополит Евлогий на Архиерейском Соборе остается в меньшинстве.

«Тогда, — говорит он, — я вышел из Собора [...] потому, что до глубины души был огорчен и не мог помириться с такими приемами соборной работы. [...]

Я уходил с Собора с тяжелым чувством... К глубокому прискорбию, Собор своими постановлениями явно нарушил волю Св[ятейшего] П[атриарха] Тихона [...] он сломал установленную церковную организацию, чем превысил свои полномочия. [...]

Нарушив эту волю Патриарха [...] Собор [...] внес разделение в нашу зарубежную церковную жизнь» (*Фомин П., прот.* За границей // Украинский Православный Благовестник. 1926. № 21. С. 9).

Впоследствии происшедший разрыв митрополит Евлогий описывает следующим образом:

Первоначально он ехать на Собор Архиереев в Карловцах не предполагал, но прибывший в Париж (по пути в Карловцы) Американский митрополит Платон [Рождественский] убеждает его в необходимости поездки. В результате — оба направляются в Сербию.

В первом же заседании, у Синода с митрополитом Платоном возникает столкновение: последнего обвиняют в притязаниях на автономию американских епархий.

«Возникает резкий обмен мнений, из которого выясняется, что митрополит Платон (Рождественский) и я... — пишет митрополит Евлогий, — признаем за Архиерейским Собором и Синодом лишь морально-общественное значение, но отнюдь не каноническое и

не судебно-административное. Митрополит Платон отказывается подписать протокол обсуждения его доклада об устройстве Русской Церкви в Америке, в котором его несправедливо обвиняют в том, что он якобы проповедует сепаратизм, отделение Американской Церкви от Русской. Я отказываюсь подписать его тоже. Собор настаивает на протоколе. Тогда возмущенный митрополит Платон покидает зал заседаний...

На следующий день поднимается буря из-за меня» (*Евлогий, митр.* С. 559).

По проискам епископа Берлинского Тихона (Лященко) соборным решением Германское викариатство выделяется в самостоятельную епархию, независимую от своего бывшего управляющего, митрополита Евлогия. Происходит скандал, в результате которого митрополит Евлогий покидает Собор, подав мотивированное заявление о причинах своего ухода.

«Так интрига епископа Тихона увенчалась успехом, и Собор с удивительной легкостью зачеркнул указ Святейшего Патриарха Тихона» (там же. С. 560).

Далее, в ходе развития конфликта и разрыва отношений между карловчанами и митрополитом Евлогием (Георгиевским), последний назначает на должность настоятеля Берлинского прихода прот[оиерея] Гр. Прозорова. «Младшему причту предписано указом „не принимать участия в богослужении с еп[ископом] Тихоном”. В свою очередь м[итрополит] Антоний шлет еп[ископу] Тихону телеграфное указание: „Никого не слушайте. Распоряжений м[итрополита] Евлогия не исполняйте”. А самому м[итрополиту] Евлогию — запрещает священнослужение в церквях Германии. М[итрополит] Евлогий немедленно проникает в Берлин, с целью „морально поддержать и укрепить” свою паству и по прибытии призывает на нее с амвона Божие благословение „за крепкое стояние на страже заветов Св. Патриарха”.

Еп[ископ] Тихон неистовствует [...] В ожесточении сердца и ретивости ума даже доходит до такого «святотатства», что признает с амвона Карловицкий Собор не только стоящим вне подчинения пок[ойного] Патриарха, но даже выше его» (*Зноско Владимир, прот.* Зарубежная церковная смута // Украинский Православный Благовестник. 1927. № 3. С. 49).

Таким образом, — пишет митрополит Евлогий, — этот «Собор выкопал глубокий [...] ров между собою и мною; он незаконно присвоил высшую власть в Русской Церкви, могущую изменить и даже отменить канонические распоряжения Патриарха Тихона, и, таким образом, создал наш горестный зарубежный церковный раскол. [...]

Вокруг меня непрерывно вилась сложная паутина интриг, козней, наветов... — все с целью лишить меня той полноты власти, которой я был облечен по воле Патриарха» (*Евлогий, митр.* С. 561).

10(23).07.1926 г. в Сремских Карловцах издается «Окружное послание» главы Карловацкой иерархии митрополита Антония. Происшедший на недавнем Архиерейском Соборе разрыв отношений между «карловчанами» и митрополитом Евлогием, управляющим западноевропейскими приходами, получает в «Окружном послании» «превратное и тенденциозное освещение» (Церковные ведомости. 1926. № 13—14; *Фомин П., прот.* За границей // Украинский Православный Благовестник. 1926. № 21 С. 8).

13(26).01.1927 г. в Сремских Карловцах происходит завершение конфликта между русскими зарубежными иерархами. Требуя признания своего авторитета и полнейшей ему покорности, карловацкие иерархи доводят до предела свой нажим на «непокорного» митрополита Евлогия. «Последний к 12(?) (25) ноября 1926 г. представил потребованное от него объяснение на 62 страницах. Карловацкий Синод 25—26 ноября (8—9.12) 1926 г. признал „несостоятельность и каноническую необоснованность” представленных митрополитом Евлогием соображений и окончательно предложил ему к 13—26 января 1927 года прислать заявление о полном подчинении Синоду, угрожая ему в противном случае „применить к нему меры прещения”. Митрополит Евлогий 7(20) января 1927 г. прислал в Ср[емские] Карловцы заявление о том, что ввиду краткости срока, он не может приготовить обстоятельный ответ, но признает действие Собора, особенно относительно Германской епархии, противоречащим распоряжениям Патриарха Тихона».

Поэтому, 13(26).01.1927 г. Карловацкий Синод постановляет: «Митрополита Евлогия предать суду епископского сословия. Кроме того, за наиболее тяжкие его антиканонические преступления [...] теперь же в качестве меры пресечения временно до решения предстоящего Собора и суда епископского сословия или до полного его раскаяния и заявления полной покорности Архиерейскому Синоду отстранить от управления русскими Православными церквами в Западной Европе и запретить его в священнослужении, временное управление означенными церквами поручить Высокопреосвященному Серафиму (Лукьянову), архиепископу Финляндскому и Выборгскому, к мерности которого отныне должны обращаться все и имя которого возносить в церквах после имени председателя и т. д. — Высокопреосвященного митрополита Антония [...] Об этом решении сообщить всем. [...]

Митрополит Евлогий, конечно, не обратил внимания на все это, а продолжает исполнять свою должность, на которую его поставил Патриарх Тихон. [...]

Раскол в Русской заграничной Церкви привлекает внимание всех» (Раскол в Зарубежной Русской Церкви // Украинский Православный Благовестник. 1927. № 15. С. 244).

Далее, в ответ на апелляцию митрополита Евлогия к Вселенскому Престолу по вопросу о запрещении его в священнослужении группой Карловацких архиереев Константинопольский Патриарх Василий III высказывает порицание Архиерейскому Синоду за границей и заявляет о неканоничности их прещений (*Евлогий, митр.* С. 564).

Продолжая отстаивать свою позицию и полемизируя с митрополитом Евлогием об объеме его канонических полномочий, митрополит Антоний «доказывает, что его противнику не были даны „особые” полномочия и что м[итрополит] Евлогий неоднократно писал Патриарху, чтобы он „уточнил” его положение. А потому, если бы все эти „особые” полномочия и истекали из данного указа от [22.04—05.05.1922 г. — *Сост.*], то м[итрополиту] Евлогию незачем было бы обращаться к Патриарху, который ничего ему не ответил [так как находился в это время в заключении. — *Сост.*], ибо не разделял его точки зрения».

Утверждая свою позицию, занятую им в конфликте с митрополитом Антонием, «м[итрополит] Евлогий уверяет, что ни за что не сойдет со своего пути, и никто не в силах его свести, кроме законного правопреемника Патриарха».

В конфликте двух зарубежных митрополитов «голоса мирян разделились — на приверженцев Антония и верных водительству м[итрополита] Евлогия. Странники последнего — профессор Таубе, Стратонов, Франк, Гартонг, утверждают, что каноническая сторона права м[итрополита] Евлогия, согласно непосредственному и ясному волеизъявлению Патриарха Тихона и пок[ойного] м[итрополита] Вениамина [Казанского], представляется бесспорной. Закрепление данных м[итрополиту] Евлогию полномочий сопровождалось также и осуждением „самочинной” архиерейской организации в Карловицах, принесшей Русской Церкви много непоправимого вреда. [...] Странники м[итрополита] Антония [...] монархисты-субсидисты: Марков 2-й, А. Масленников, Катенин, устроили [...] публичный доклад, на котором присутствовали сторонники б[ывшего] П[атриарха] Тихона. [...] В споре двух митрополитов Масленников предполагает наличие сил, работающих против Православной Церкви. [...] Марков познакомил с целым рядом документов, касающихся управления Православной

Церкви за границей и, разводя тончайшую казуистику, оспаривал право Патриарха вообще кого-либо назначать. А потому заявление м. Евлогия (Георгиевского), что он „назначен” Патриархом, — заявление произвольное» (Зарубежная церковная смута // Вестник Священного Синода... 1927. № 2—15. С. 25).

В изыскании путей к укреплению своих канонических позиций, потрясаемых в конфликте с группой карловацких архиереев, митрополит Евлогий 21.02(05.03).1927 года обращается с письмом к главе автономной Финляндской Православной Церкви, архиепископу Карельскому и всея Финляндии Герману (Аав), следующего содержания:

«Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь.

В последнее время между епископами Русской Церкви, пребывающими за границей, произошли печальные разногласия, губительно отражающиеся на церковной жизни.

Обстоятельства этого прискорбного дела следующие:

Принужденные [? — *Сост.*] покинуть пределы России некоторые русские епископы организовали за границей Управление русскими церквами, каковое Управление сначала, некоторое краткое время в 1920 году, пребывало в Константинополе, а потом сосредоточилось в Сербии, на канонической территории Патриарха Сербского.

Управление это указом Святейшего Патриарха Тихона от 22.04(05.05).1922 года было закрыто, и управление заграничными церквами передано мне, причем мне поручено было представить свои соображения о порядке управления этими церквами.

На это выразил свое согласие и Петроградский митрополит Вениамин (Казанский).

В целях мира я решил осуществить эти широкие, данные мне Патриархом Тихоном церковные полномочия не единолично, а в братском единении с другими русскими епископами, и условно согласился на новую организацию управления Русской Церковью за границей в виде ежегодно созываемых Соборов этих епископов и постоянно действующего органа — Архиерейского Синода. Может быть, это разделение власти с другими епископами было моей ошибкой и некоторым отступлением от точного смысла указа Патриарха Тихона, но оно вытекало из доброго побуждения, и притом согласие свое я обусловил тем, что эти учреждения должны находиться в полном подчинении власти Московского Патриарха, и ни в чем не будут отступать от его распоряжений, и что во внутреннем управлении моею епархией, в пределах Западной Европы, я буду самостоятелен и автономен.

Однако Архиерейские Соборы и Синод не сохранили этого условия и с самого начала пошли по пути искусственного и незаконного

расширения своей власти, стремились представить себя полномочными носителями высшей власти над всей Русской Церковью не только за границей, но и внутри России, неким совершенным Собором, которому я обязан безусловно подчиниться во всем, вопреки ясно выраженной воле Патриарха Тихона, давшего именно мне права на управление заграничными русскими церквами.

Я долго терпел эти незаконные посягательства, это явное нарушение воли Патриарха Тихона, но, наконец, в 1926 году, на очередном Соборе, когда снова был поставлен вопрос об этом, я заявил свой решительный протест против такого игнорирования указа Патриарха и покинул Собор. Точно так же и еще ранее меня покинул этот Собор и митрополит Северо-Американский Платон (Рождественский), также обиженный ими в делах, касающихся управления его епархией.

После моего ухода в мое отсутствие и без моего ведома было составлено определение о выделении из моего управления части моей епархии, германских приходов с образованием самостоятельной Германской епархии (всего 7 приходов), чем грубо нарушено 8 правило Третьего Вселенского Собора, 16 правило Антиохийского и 64, 67 и 111 правила Карфагенского Собора. Я не мог принять этого незаконного постановления в течение долгого времени (с июля месяца 1926 г. до января 1927 г.), вел переписку, убеждая Синод не проводить в исполнение этого постановления, и искал мирных путей к разрешению создавшегося конфликта. Однако мои доводы не имели успеха, и Архиерейский Синод требовал от меня полного и безусловного подчинения и, наконец, вынес еще более тяжелое и незаконное, противное церковным канонам, определение об устранении меня от управления вверенной мне Патриархом Тихоном епархии с запрещением священнослужения и с преданием церковному суду пребывающих за границей русских епископов. Так как этим актом окончательно нарушилась и воля Патриарха Тихона об управлении русскими заграничными церквами, и наше соглашение, то я совершенно прервал всякие официальные отношения с русским Архиерейским Синодом в Карловцах.

Я не мог согласиться на требование полного и безусловного подчинения ему по следующим основаниям: во-первых, каноническое положение Синода не получило санкции от Всероссийской церковной власти — от Московского Патриарха, а во-вторых, он пребывает на территории другой Поместной Церкви — Сербской и потому подлежит Ее каноническому ведению, в-третьих, он состоит из епископов, уже не управляющих своими епархиями, которые властью Патриаршего Престола в России уже замещены другими лицами, и посему, согласно 37 правилу Шестого Вселенского Собора и 18 правилу

Антиохийского Собора, прав управления не имеют. Что же касается меня, то я имею свои права на управление заграничными русскими церквями не от бесправных епископов-эмигрантов, а от ясно и определенно выраженной воли Патриарха Тихона, выраженной в его указах от 26.03(08.04).1921 года, № 424, от 17(30) января 1922 г. № 64 и 22.04(05.05).1922 года, № 349 [следует: № 347. — *Сост.*]. Отменять или изменять ее веления не могут ни заграничный Синод, ни Собор, как учреждения несовершенно, не имеющие под собой твердого канонического основания.

Так как наши разногласия вызывают большую смуту и разделение в нашей пастве, то я предлагал Архиерейскому Синоду всевозможные пути к тому, чтобы остановить сие пагубное для Святой Церкви разногласие, но он оставался непреклонным в своем незаконном решении.

Исчерпав бесплодно все доступные мне средства к тому, чтобы дать мирное разрешение создавшегося церковного нестроения и чтобы направить Синод на путь точного исполнения церковных канонов и воли Всероссийского Патриарха, я, оторванный политическими обстоятельствами от общения с Матерью Русской Церковью, излагаю пред Вашим Высокопреосвященством все это дело в твердом уповании услышать Ваш справедливый голос в защиту истины.

С моей точкой зрения совпало и только что полученное письмо Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Страгородского), написанное им в ответ на запрос пребывающих в Сербии русских Преосвященных по делу о разногласии со мною.

Из предлагаемой копии этого документа Вы усмотрите, что митрополит Сергей (Страгородский), во-первых, не санкционирует никаких прав заграничного русского Архиерейского Синода, говоря, что не знает, какие его полномочия, во-вторых, ввиду недостижения соглашения предлагает стать на почву канонов, и пребывающим в Сербии русским епископам подчиниться власти Сербского Патриарха, в-третьих, указывает для стран неправославных, в каком положении находится моя епархия, — организовать отдельные управления без подчинения их искусственно созданному центру, каким является русский Архиерейский Синод за границей.

Все это дает мне твердую надежду, что на основании вышеизложенного, а также прилагаемых при сем документов, Ваше Высокопреосвященство не откажете высказать свое беспристрастное суждение о том, что я имею все бесспорные права на управление православными русскими церквями в Западной Европе, что, получивши эти права

непосредственно от Патриарха Тихона, я не обязан безусловно подчиняться заграничному, пребывающему в Сербии, Архиерейскому Синоду, таких прав от Высшей Русской Церковной Власти не имеющему, а получившему их лишь от нашего взаимного согласия в виде постоянно действующих канонических норм, а потому лишенному твердых канонических оснований, и что ни Архиерейский Синод, ни Собор заграничных архиереев не имеют права отменять или изменять веление Патриарха Тихона и тем более не имеют права лишать меня управления епархией, запрещать в священнослужении и предавать церковному суду только за то, что я по мере сил моих и разумения стараюсь строго исполнять эту волю Святейшего Патриарха Тихона.

При сем прилагаются:

1. Копии указов Патриарха Тихона о моих полномочиях за № 424, 349 [следует — 423 и 347. — *Сост.*], от 26 марта — 8 апреля 1921 года и 22.04 (5 мая) 1922 года.

2. Письмо митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) от 8—21 июня 1921 года.

3. Письмо Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Московского Престола, митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) от 30 августа — 12 сентября 1926 года.

Испрашивая Вашего Святительского благословения и молитв, с глубочайшим уважением и братскою о Христе преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга

Митрополит Евлогий» (Раскол в зарубежной Русской Церкви // Украинский Православный Благовестник. 1927. № 15. С. 245).

Известный русский канонист, эмигрант, профессор С. В. Троицкий, окидывая ретроспективным взглядом происшедшее на Западе печальное разделение зарубежной иерархии, в своем исследовании этого вопроса пишет:

«Патриарх Тихон предполагал, что Западно-Европейская часть Русской Церкви будет устроена на более широких началах, чем простая епархия, так как епархиальное управление там уже существовало в момент указа и, следовательно, представлять соображения о нем было бы излишне. К сожалению, вместо того чтобы точно выполнить указ Патриарха и организовать митрополичий Западно-Европейский округ, митрополит Евлогий вступил в компромисс с Карловацким Управлением [самозванным по своему происхождению. — *Сост.*], удовлетворился вывеской округа вместо самого округа и этим создал почву для столкновения с епископом Тихоном [Лященко], а потом с Карловацким Управлением. Митрополит Сергий [Страгородский] в указе от 1(14).07.1927 № 96 (Церковный вестник. 1927. № 3. С. 1—2)

горько упрекает его за такой образ действий: „22.04(05.05) 1922 года, читаем мы здесь, состоялось постановление Святейшего Патриарха Тихона и Священного при нем Синода, коим упразднено временное Высшее Управление русскими церквами за границей [...] попечение же об означенных церквах возложено на Ваше Высокопреосвященство, с поручением Вам представить свои соображения о дальнейшем устройстве церковного управления за границей. Данное Вам поручение осталось неисполненным ни в 1922-м году (может быть, потому что Святейший был тогда изолирован), ни в 1923 году, когда Святейший снова стоял во главе управления Русской Церкви. Между тем упраздненное ВЦУ возродилось (и, кажется, не без Вашего содействия)» (Троицкий С. В. Размежевание или раскол. С. 141).

Тяжелая и запутанная ситуация, сложившаяся во второй половине 1920-х гг. в русском церковном зарубежье, внезапно усугубилась еще более.

Тогдашний временный Глава Русской Церкви, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергей, летом 1927 года издает (нашумевшую в то время во всем мире) свою знаменитую «Декларацию». В развитие последней последовал запрос Патриархии зарубежному русскому клиру о даче обязательства в лояльности к существующему в нашей стране государственному строю, так как до того, нередко, поведение зарубежных иерархов и церковных русских организаций осложняло и без того тяжкое положение Патриархии.

В результате переписки Заместителя с митрополитом Евлогием, последний первоначально дал требуемые от него Патриархией обязательства в такой лояльности, но затем, вскоре же, нарушил их своим известным лондонским выступлением.

В связи с этим вновь возникли нестроения в западноевропейском митрополичьем округе и возобновилась тягостная переписка между Заместителем митрополитом Евлогием, печально закончившаяся от решением последнего от вверенного ему управления русскими приходами в Европе и назначении на этот пост архиепископа б[ывшего] Белостокского Владимира [Тихоницкого].

16(29).06.1930 г. в Париже собирается Епархиальный Съезд западноевропейских православных русских приходов, для рассмотрения конфликта, происшедшего между Заместителем и митрополитом Евлогием, завершившегося указом Московской Патриархии об увольнении митрополита Евлогия на покой.

Обсудив создавшееся горестное положение, Съезд обращается к последнему с просьбой «не покидать епархии, не обречь ее на но-

вые гибельные потрясения, а продолжить управлять тем кораблем, который вручен [ему. — *Сост.*] [...] волею почившего Патриарха Тихона».

Епархиальный Съезд постановляет:

«Митр[ополит] Евлогий остается на своем посту, а указ митр[ополита] Сергия (Страгородского) оставляется без исполнения. [...]

Каноническая связь западноевропейской епархии с Российской Церковью остается незыблемой, но эта епархия впредь будет фактически образовывать автономный округ» (События в Православной Русской Церкви: Зарубежье // Благовест. Периодический орган русских католиков. Париж, 1930. Апрель-сентябрь. С. 158—161).

Примерно в июле в Париже появляется послание митрополита Евлогия по поводу указа Заместителя о своем увольнении от управления западноевропейскими приходами (Церковный вестник. 1930, № 8 [?]).

(Полный текст этого указа от 28.05—10.06.1930 г. приводится в первом издании «Журнала Московской Патриархии» № 2 за 1931 год).

В стремлении разрядить создавшуюся сложную и накаленную атмосферу публикуется «Необходимое разъяснение» митрополита Евлогия (Париж, сентябрь 1930), по поводу происходящих нестроений и волнений в управлении западноевропейскими приходами (Церковный вестник. 1930. № 10 [?]).

Одновременно в зарубежной, «евлогианской» церковной печати все более и более возвышаются голоса, осуждающие Заместителя за якобы отход его от пути, избранного и указанного Святейшим Патриархом Тихоном, — в сторону подчинения Церкви в России гражданской, безбожной власти (*Федотов Г. К* вопросу о положении Русской Церкви // Вестник Русского Студенческого Христианского движения. Париж. 1930. № 11. С. 10—14).

15(28).10.1930 г. появляется письмо Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия № 4563 — митрополиту Евлогию, по вопросу об отделении его и западноевропейских русских приходов от Московского Патриархата (*Троицкий С. В.* Размежевание или раскол. С. 98).

26.11(09.12).1930 г. последовало письмо митрополита Евлогия Заместителю по тому же вопросу (Церковный вестник. 1931. № 3 [?]; *Ведерников А.* Памяти Митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского) // ЖМП. 1957. № 9. С. 72).

Наконец, 11(24).12.1930 г. издается указ Заместителя № 261 по вопросу об отделении от Московского Патриархата западноевропейских русских приходов.

Указом упраздняется находящееся в Париже Епархиальное Управление, а митрополит Евлогий предается суду архиереев.

Так, наконец, под влиянием различных факторов канонического, церковного и нецерковного порядка окончательно складывается тяжелая ситуация в русском церковно-эмигрантском зарубежье.

Не видя иного выхода из создавшейся обстановки и в целях укрепления своего, весьма шаткого канонического положения, митрополит Евлогий, по плохому примеру финских самочинников (а может быть и по прямому совету архиепископа Германа Аав?), решается, наконец, на крайнюю меру: переход в юрисдикцию Константинопольской Патриархии и с этой целью выезжает в Константинополь совместно с секретарем Парижского Епархиального Управления Т. А. Аметиственным.

В те годы Вселенским Патриархом был Фотий II, которому не без основания «ставили в вину его отношение к „живоцерковникам“; от общения с ними он не уклонялся, полагая, что заблуждение „Живой Церкви“ временное, что оно пройдет, и ее разрыв с патриаршей Церковью не окончательный».

Константинопольский, Вселенский Патриарх проживает в Фанаре, — той части Константинополя, которую «пожалуй, можно назвать задворками турецкой столицы.

Нас ввели в Патриархию не через главные ворота, а через другой вход. После того как турецкий султан [Махмуд. — *Сост.*] приказал повесить на воротах Патриарха Григория [V-го, в 1821 г. — *Сост.*], главные ворота всегда на запоре».

С готовностью и без особых проволочек Патриарх Фотий II принимает в свою юрисдикцию митрополита Евлогия со всеми западноевропейскими русскими церквями и назначает его на ту же должность, в которой он состоял до сих пор, со званием Экзарха Константинопольского Патриарха.

Несколько позже о сем издается специальный том (от 4—17.02.1931 г. за № 346).

(Главнейшие акты, относящиеся к разрыву митрополитом Евлогием молитвенно-канонических отношений с Московской Патриархией и подчинению его Цареграду, напечатаны в «Церковном Вестнике» № 8 и следующие номера за 1930 г. См. также: Возрождение. 1930. № 2066; *Троицкий С. В.* Размежевание или раскол. 1932; ЖМП. 1957. № 9 и др.)

Осведомившись о переходе митрополита Евлогия и его пасомых в юрисдикцию Константинополя, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей обращается со специальным по-

сланием ко Вселенскому Патриарху Фотию II, в котором просит его пересмотреть в отрицательном смысле вопрос о приеме митрополита Евлогия и тем самым возвратить его на путь канонического послушания своему законному священноначалию в лице Московской Патриархии.

Основные документы (кроме вышеуказанных), характеризующие отношения Московской Патриархии с митрополитом Евлогием: переписка с ним, послания и определения Заместителя по этому делу, переписка Заместителя с Константинопольским Патриархом Фотием II по вопросу о переходе митрополита Евлогия в юрисдикцию Константинополя и пр., см.: Журнал Московской Патриархии. 1931. № 2. С. 24—30; № 3. С. 37—39; № 6. С. 75—80; № 7—8. С. 85—88; 1933. № 14—15. С. 157—164; № 16—17. С. 180—181.

В течение долгого времени ответа Константинополя на послание Заместителя по делу митрополита Евлогия, кажется, так и не последовало, и таким образом зарубежный раскол в Русской Церкви затянувшись, принял хронический характер.

Так шли годы...

В 1934 году, во взаимоотношении зарубежных церковных группировок хотя и произошло некоторое, чисто внешнее, изменение к лучшему, но, к сожалению, оно не послужило поводом к изжитию конфликта и водворению утраченного единства и мира.

Так, летом 1934 года митрополит Евлогий приезжает в Сербию (из Парижа, где имеет постоянное местожительство), на архиерейскую хиротонию бывшего Почаевского (и вообще Волынского) церковно-общественного деятеля, известного архимандрита Виталия [Максименко] и в Белграде посещает уже престарелого и многоболезненного своего учителя и друга митрополита Антония, с коим уже в течение ряда лет состоял в молитвенно-каноническом отчуждении. Оба митрополита тяжело переживали создавшиеся между ними сложные взаимоотношения, возникшие на почве борьбы за власть в зарубежной Русской Церкви; на почве различного понимания своего архипастырского долга и канонических полномочий на управление рассеянных по зарубежью миллионов русских эмигрантов.

«Когда я вошел — повествует в своих воспоминаниях митрополит Евлогий, — митрополит Антоний, в окружении нескольких духовных лиц, доканчивал утреннее правило. Больной, дряхлый, он сидел в кресле и заплетающимся языком произносил возгласы. Я подошел к нему. Он заплакал... Первые минуты нашей встречи прошли на людях. Пили чай. Говорить было трудно. Митрополит Антоний грустно

глядел на меня. „Все такой же... и улыбка все та же...” — сказал он. Слушать бедного больного моего друга и учителя было мне горько. „Пойдем прочитаем молитву”, — предложил он. Мы перешли в его маленькую спальню. Митрополит Антоний надел епитрахиль и прочел надо мною разрешительную молитву. Потом я — над ним. На душе стало ясно и легко... „Ты с дороги устал, — отдохни... Потом поговорим”.

Вечером совершенно неожиданно для меня появилось несколько епископов — и ясное небо вновь стали заволакивать тучи... Митрополит Антоний и я начали было обсуждать, как нам вместе служить, а епископы запротестовали: нельзя, надо предоставить дело на решение Синода [Карловацкого. — *Сост.*].

На Вознесенье за литургией митрополит Антоний и я стояли вместе на клиросе. Митрополит Антоний от слабости едва обедню достоял. Пытался сказать проповедь, но мысли у него пугались, он начал говорить о Вознесении, потом забыл и перешел на Воскресение, посреди „слова” вдруг разволновался, раскричался, зачем забыли форточку закрыть... Очень он был жалкий в своей старческой беспомощности» (*Евлогий, митр. С. 577*).

Но, как бы то ни было, а в августе 1934 г. в Сремских Карловцах, на очередном Съезде Карловацких иерархов, выносятся постановления о снятии запрещения в священнослужении с управляющего западноевропейскими русскими церквями митрополита Евлогия и о восстановлении молитвенного общения с ним (там же).

Общецерковное положение, однако, не улучшалось, и Русская Церковь в состоянии раскола внутреннего (обновленчество, григорианство и многое другое) и с утратой значительных внешних своих частей (карловчане, «евлогианцы», американские епархии и пр.) продолжала свое тяжкое (особенно в 1930-е гг.!) бытие вплоть до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

72. [Митрополит Флавиан (Городецкий)]

Флавиан (Городецкий Николай Николаевич; 26.07.1840, Орел — 04.11.1915, Киев, Киево-Печерская Успенская лавра), митрополит Киевский и Галицкий. Родился в дворянской семье. С десяти лет круглый сирота. После окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. На четвертом курсе он направился в Николо-Угрешский монастырь, где был принят в число послушников. 10 декабря 1863 г. перешел послушником в Симонов монастырь. В 1866 г. поступил секретарем к архимандриту Гурию (Карпову), назначенному настоятелем посольской церкви в Риме. 17 февраля 1866 г. пострижен в монашество. 18 февраля 1866 г. рукоположен во иеродиакона, после возвращения в Россию

был зачислен послушником в Казанский Спасо-Преображенский монастырь, и 9 апреля 1867 г. рукоположен во иеромонаха. 15 февраля 1868 г. перемещен в г. Симферополь в число братии Таврического архиерейского дома. 6 июня 1873 г. назначен членом Пекинской миссии, где в течение 10 лет проходил миссионерское служение; изучив китайский язык, принял на себя труд перевода богослужебных книг и книг религиозно-нравственного содержания, собирал материалы для китайско-русского словаря. 2 декабря 1879 г. назначен начальником Миссии с возведением в сан архимандрита. В 1884 г. возвратился в Россию и был зачислен в число братии Александро-Невской лавры. 2 февраля 1885 г. хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии. С 29 июня 1885 г. епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии. С 14 декабря 1891 г. епископ Холмский и Варшавский. 15 мая 1892 г. возведен в сан архиепископа. С 21 февраля 1898 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. С 10 ноября 1901 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский. С 1 февраля 1903 г. митрополит Киевский и Галицкий. Член Св. Синода. Почетный член Санкт-Петербургской, Казанской и Киевской Духовных Академий. В течение многих лет его связывали дружеские отношения с будущим Патриархом Тихоном, именно он предложил архимандрита Тихона на должность своего викария и целый год ждал его посвящения в епископы. По воспоминаниям чиновника Св. Синода Роговича, «в 1907 г. Преосвященный Тихон был переведен с кафедры Американской на кафедру Ярославскую, и по этому поводу вспоминается мне не совсем обыкновенный случай. Это было в Петербурге. После длительного заседания в Александро-Невской лавре, спускаемся мы вдвоем с Митрополитом Флавианом по лестнице митрополитских покоев, и я заговорил с ним по поводу перемещения Преосвященного Тихона в Ярославль. „Скажите мне что-нибудь, Владыко, про нового Ярославского Архиепископа? Вы его, кажется, близко знаете, а меня интересуется все, что относится к Ярославлю”. Митрополит остановился, из-под белого клобука сквозь очки на меня уставился его пристальный взор, и он как-то особенно значительно, с расстановкой произнес: „Вы спрашиваете меня про Преосвященного Тихона? Так вот попомните мои слова: если когда-нибудь будут выбирать в России Патриарха, то лучшего, чем он, никого не выберут”. Я всегда глубоко чтил светлый ум и высокий уровень милого Киевского Владыки, но мог ли я тогда думать, что слышу из уст его поистине „пророчество”?» (Рогович А. П. Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России // Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. М.: Крутицкое подворье, Общество любителей церковной истории, 2000. С. 33). — *Ред.*]

73. Кратко о протоиерее К. М. Аггеев и его кончине

Аггеев Константин Маркович (1868—28.05.1920), протоиерей, Председатель Учебного Комитета при Святейшем Синоде, магистр богословия, член Предсоборного Совета, член Собора 1917—1918 гг.,

член Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе. Ранее — законоучитель в Петербургском Смольном институте, Ларинской гимназии и др.

«Либерал». Любил говорить: «Я прежде Православный, а потом патриот; у нас, к сожалению, наоборот».

В гражданскую войну расстрелян как «контрреволюционер» при занятии Крыма Красной гвардией.

74. [Архиепископ Варшавский и Привисленский Иероним (Экземплярский)]

Иероним (Илья Тихонович Экземплярский, 20.06.1836—02.11.1905), архиепископ. Окончил в 1861 г. Киевскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, после окончания Академии на учебно-духовной службе. 30.06.1870 удостоен степени магистра богословия. 19.09.1871 рукоположен во иерея, с 1877 г. протоиерей. Овдовев, 27.07.1885 принял монашество. 3.11.1885 хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии; с 3.06.1890 епископ Тамбовский и Шацкий; с 30.04.1894 епископ Литовский и Виленский; с 6.05.1895 архиепископ; с 27.02.1898 архиепископ Холмский и Варшавский; с 6.06.1905 именовался «Варшавским и Привисленским».

Из воспоминаний о святителе Иерониме ключаря кафедрального собора протоиерея Терентия Теодоровича.

«Святитель поражал всех, знавших его, исключительной приветливостью, ласковой речью, чуждой обидного упрека, нежным обращением со скорбной, мятущейся и даже пред ним виновной душой. Чувствовалась такая теплота и доброта души, что искренность охватывала человека, и он высказывал все сокровенное, как доброму участливому отцу. Могу ли забыть? Три года, из них два особенно часто, по долгу службы, я бывал у владыки, — и ни разу я не вышел из его приветливых покоев угнетенным, неудовлетворенным, немирным. И выговор, который трудно было заслужить у нашего владыки, облекался в такую осторожную, мягкую форму, что уча, наставляя, он не бил, не угнетал. Бывало, идешь к архиерею, не раз угнетенный, смущенный, со скорбью на душе, служебной ли, житейской, даже семейной — и несколько минут беседы — общения с умиротворенной душой архипастыря так тебя успокоят, так тебя ободрят, что иным, примиренным идешь в жизненный путь. Только на почве высокой христианской любви мог развиваться этот мир, эта радость души святителя, во всех ценившего образ Божий и человеческое достоинство.

Но красота и доброта души владыки ни в чем так ярко не отражалась, как в делах милосердия. Часто он со слезами говорил:

— Не могу видеть спокойно горя людского; вот — бедная диаконская сирота, как бы ей помочь, устроить?

— Владыка, — говорю однажды, — бедная женщина просит разрешения сделать церковный сбор в соборе для уплаты за правоучение в гимназии.

— Зачем собирать, я могу дать, — и передает немалую сумму.

И как знали доброту души владыки! Две недели назад встречаю в коридорах собора плачущего юношу. Говорит: „Я к архиерею, слышал, что он помогает, я — сын священника [...] сирота, мать бедная, — 8 детей”. Говорю о нем владыке в соборе — во время причастия, и сразу — „При первом свидании поговорим и устроим его”. И дождался бы бедный внимания к себе и начало уже сделано, если бы не болезнь и смерть [...]» (*Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно)*). Т. 3. Erlangen, 1979—1989. С. 193—198. — *Ред.*]

75. О Леснинском девичьем монастыре, Бородинской игумении Марии Тучковой и реставрации могилы Е. Н. Дроздовой — матери митрополита Московского Филарета (Дроздова)

Леснинский девичий монастырь находится, в настоящее время, в пределах Польши, недалеко от г. Бялы, бывшей Седлецкой губ.; в 5—6 часах езды от г. Холма.

Воспользовавшись предложением, упомянем здесь в качестве антипода Леснинской игумении-кляузницы и интриганки, об одной из русских игумений давно прошедшего времени, у которых, тем не менее, никогда не поздно учиться всем игумениям последующих времен.

Имеем в виду известную, в свое время, игумению Марию Тучкову, основательницу подмосковного Бородинского девичьего монастыря. В миру она — Маргарита Михайловна, вдова знаменитого героя 1812 года, Александра Алексеевича Тучкова, погибшего в Бородинском сражении.

Монастырь свой она основала на самом Бородинском поле, где супруг ее был убит.

Итак, «в бытность свою уже игуменией, она по делам монастыря приехала к митрополиту Филарету [Дроздову], который, справившись о положении обители, спросил у нее: „довольна ли она сестрами?».

— Слава Богу, Владыка, отвечала она, — все они у меня такие славные, добрые! Жаловаться мне не на кого, только в том беда моя, что я-то грешная!

Митрополит, обратившись к образу, перекрестился и сказал:

— Благодарю Господа, наконец-то в моей епархии нашлась грешная игумения, а то с кем ни поговори — все святые...» (Ярославские епархиальные ведомости. 1912. № 36 [?]).

Такова была игумения Мария Тучкова; не в пример — Леснинской...

Придравшись, также к случаю, скажем несколько слов и о судьбе могилы матери митрополита Московского Филарета [Дроздова].

Евдокия Никитична Дроздова скончалась 20.03.1853 г. в Москве. Погребена на Пятницком кладбище, что за Крестовской заставой.

С годами, место захоронения ее праха забылось, и несколько десятилетий никто решительно этим вопросом совершенно не интересовался.

Поэтому, быть может, не лишено будет некоторого интереса то, что рассказали в 1961 году пишущему эти строки:

Живет в Москве врач Д., — очень благочестивый старичок. Однажды (в 1959—1960? гг.) приснился ему сон: видит, будто бы к нему в комнату (в которой он спит) входит какой-то старец духовного вида, очень маленького роста и, отрекомендовавшись бывшим Московским митрополитом Филаретом, обратился к доктору с покорнейшей просьбой: отыскать на Пятницком кладбище в Москве могилу его матери, восстановить ее и привести в должный порядок.

Ни о митрополите Филарете, ни тем более о его матери доктор наш никогда прежде особенно не задумывался, а так как сновидение это было очень реальным и произвело глубокое впечатление, то проснувшись и передумав все виденное, доктор Д. со всеми подробностями рассказал своим близким. Последовала, конечно, обычная для нашего времени, реакция: «Глупости, чепуха... Не обращай внимания. Мало ли чего во сне в голову не лезет!...»

Старичок-доктор, при всем своем благочестии, так и поступил.

Примерно через полгода сон, в точности, повторился, только митрополит на этот раз держал себя несколько иначе: он гневно обрушился на нерадивого доктора и уже не просил, а потребовал, чтобы на сей раз просьба его была выполнена безоговорочно. В противном случае пригрозил доктору недобрыми для него последствиями.

Теперь, проснувшись, доктор уже никому ничего рассказывать не стал, а передумав еще раз все, принял к сведению и исполнению.

Явившись как-то на Пятницкое кладбище и опросив всех могильщиков и церковного сторожа, он с огорчением убедился, что дело это безнадежное, так как все это был народ новый, ничем, кроме денег, не интересующийся, и разговаривать с ним на подобные темы — совершенно бесполезно. Отчаявшись в достижении какого-либо успеха, он тем не менее зашел в кладбищенский храм — поговорил еще и с духовенством, но и батюшки не могли сказать ему ничего утешительного, так как сами ничего не знали.

Таким образом, наш доктор пошел было уже вон с кладбища, но по пути к воротам разговорился с каким-то стариком, местным при-

хозяином. Поначалу и старик ничем не помог доктору, но затем стал припоминать, что в давние времена в самом храме, где-то у правого клироса находилась чья-то могила с соответствующей надписью на металлической доске, прибитой к стене...

Доктор встрепенулся, и, упросив старика, они оба вернулись в храм и стали исследовать указанное место. В стене, действительно, обнаружилось гнездо от болтов, на которых, по-видимому, крепилась в свое время доска над местом захоронения, как это нередко бывает видно и теперь кое-где в старых храмах.

На консультацию привлекли церковного сторожа, который как человек новый (сравнительно) мало чем помог. Никакой доски с надписью здесь на его памяти не было, а что было до него — он не знает.

Тогда, общим советом, решено было искать доску и стараться найти ее во что бы то ни стало, хотя, конечно, надежды на ее нахождение не было почти никакой.

Обыскали все чуланы и церковные закоулки — результата никакого.

А через несколько дней, когда доктор Д. вновь появился в кладбищенском храме, сторож сообщил ему, что нашел на чердаке, среди хлама, какую-то металлическую доску с надписью. Принесли ее в храм и приладив на то место у клироса, убедились, что она именно та самая, которая когда-то здесь была.

Надпись, разобранный с трудом через грязь и копоть, убедила доктора Д. в том, что именно здесь и погребена Евдокия Никитична Дроздова — родительница знаменитого Московского митрополита Филарета.

И казалось бы: остается доску прибить на ее старое место, и делу конец. Но тут взбунтовалось духовенство и, главным образом, так называемый приходской совет или, всесильная теперь, «двадцатка», которые ни в коем случае не разрешили водружать в храме ничего «нового».

Опечаленный доктор ушел и, обдумавши создавшееся положение, решился на крайнюю меру: добившись не без труда аудиенции у Святейшего Патриарха Алексия (Симанского), спрятанного от народа за семью замками (стараниями Совета по делам Русской Церкви), он, зная о его благоговении и почитании памяти митрополита Филарета (Дроздова), рассказал ему обо всем, начиная с двух виденных им снов, и кончил просьбою о содействии довести начатое дело до желаемого конца.

Всю эту историю Патриарх принял близко к сердцу и, конечно, дал немедленное указание кому следует о полном восстановлении, приве-

дени в порядок и должном содержании впродолье могилы Е. Н. Дроздовой (Сообщила *Н. Г. Гаврилова*. М., 1961).

Мы вполне согласны с тем, что рассказанная история имеет мало связи с Бородинской игуменией Марией Тучковой и еще менее — с Леснинской игуменией-интриганкой, но нам показалось, что она все-таки не лишена некоторого своего бытового интереса и потому достойна быть сохраненной, как говорится, «в анналах истории».

ПРИЛОЖЕНИЯ

О ПРОСЛАВЛЕНИИ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ ЗАГРАНИЦЕЙ

В дополнение к пророческой статье Михаила Ефимовича Губонина о святости Святейшего Патриарха Тихона редакция сочла своим долгом поместить в «Сборнике» материалы о прославлении, канонизации и обретении св. мощей Патриарха Тихона, — первого прославленного в России новомученика Русской Православной Церкви XX века.

В 1970—1980-е годы в России все яснее и глубже осознается значение подвига новомучеников и исповедников. Начинается сбор сведений о пострадавших в годы гонений. Так в 1976 году за границей в октябрьском внеочередном номере обзора «Религия и атеизм» (Германия) был опубликован список новомучеников, пострадавших в годы гонений. По словам редакции обзора, этот «синодик доставлен за границу в 1975—1976 гг. Один из экземпляров был привезен из Москвы иностранной туристкой, по поручению активных деятелей Русской Православной Церкви весной 1976 г. Этот синодик (в который вошло около 300 имен новомучеников) для келейного и храмового молитвенного поминовения был составлен во исполнение постановления Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. от 5(18) апреля 1918 года».

В октябре-ноябре 1981 года в Нью-Йорке под председательством Первоиерарха митрополита Филарета (Вознесенского) проходил Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей, в котором принимали участие 18 архиереев. Главной темой Собора было прославление Новомучеников Российских. С первых дней работы Собор «приступил к рассмотрению списков мучеников, выделяя из них имена тех, о ком имеются достоверные сведения, некоторых вычеркивая, а некоторых отлагая до выяснения, списки эти очень большие и потому рассмотрение их заняло много времени»¹.

Списки были в основном составлены на основании двухтомного труда протопресвитера Михаила Польского «Новые мученики Рос-

¹ Православная Русь. 1981. № 20. С. 4.

сийские». В числе прославленных святых было и имя Святейшего Патриарха Тихона. Отметим, что до 1981 г. за границей были прославлены трое святых: о. Иоанн Кронштадтский, прп. Герман Аляскинский и Ксения Петербургская.

На Соборе 1981 г. были вынесены следующие определения:

Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей

9/22 октября 1981 г.

Об именах Новомучеников постановили:

Прослушав предложенный Собору список Новомучеников и Исповедников Российских, мы с умилением лобызаем их общий подвиг. Теперь Собор считает необходимым поручить особой Комиссии проверить и отредактировать этот список и представить его на утверждение Собору в одном из следующих заседаний.

Полагаем, что в окончательно отредактированный список должны войти все Новомученики и Исповедники, пострадавшие до декларации митрополита Сергия от 16/29 июля 1927 г., породившей неизжитый и до сего времени раскол в среде верующих.

Мы преклоняемся перед подвигом и страданиями всех пострадавших и позже, но здесь должна быть проявлена особая осторожность при уточнении списка.

За невнесенных в список между тем будет продолжаться вознесение заупокойной молитвы, а Господь укажет еще времена и сроки для пополнения списков¹.

В Комиссию под председательством Высокопреосвященного Председателя Собора Митрополита Филарета избираются архиепископ Антоний Женеvский, епископ Лавр и епископ Григорий.

[...]

17/30 октября.

По вопросу о том, в какой форме поминать Новомучеников на молебствиях и литиях.

Постановили: *На молебне запев:* «Святити новомученицы и исповедницы Российстии, молитв Бога о нас»

На литии: После свв. Бориса и Глеба и «святых благоверных страстотерпцев царя мученика Николая, царицы мученицы Александры, царевича Алексия, царевен Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, св.

¹ В список вошли имена около 500 новомучеников и исповедников. Канон Новомученикам и Исповедникам Российским был опубликован в № 21 «Православной Руси» (с. 3–4). — *Примеч. ред.*

преподобномучениц княгини Елизаветы, инокини Варвары и всех новомучеников Российских», а на своем месте, после русских святителей «и иже во святых отец наших Тихона, Патриарха Московского исповедника, митрополитов: Владимира Киевского, Вениамина Петроградского, Петра Крутицкого, Кирилла Казанского, Иосифа Петроградского, архиепископа Андроника Пермского, епископа Гермогена Тобольского, пресвитера Иоанна, пресвитера Иоанна и всех священномучеников Российских».

Обсуждается вопрос о Евангелии, должно ли оно быть мученикам и преподобным,

П о с т а н о в и л и : Читать 52 зачало от Иоанна на литургии и 56 от Матфея на утрени¹.

«Архиерейский Собор в воскресенье 19 октября/1 ноября 1981 г. в Нью-Йорке прославил со святыми (канонизировал) Новых Мучеников и Исповедников Российской Церкви, явившись выразителем желаний и молитвенных устремлений своих пастырей и паствы, а также неустрашимых исповедников на Родине»².

Как происходило прославление Новомучеников Российских в Русской Православной Церкви Заграницей

Настал день, когда уже прославленные Богом на небе Новомученики Российские были на земле громогласно, перед лицом всего человечества, причислены к лику святых, которых, по слову апостола Павла, «недостойн был весь мир». Об этом — 31 октября—1 ноября 1981 года — возвестила миру Русская Православная Церковь Заграницей. [...]

Как же происходило торжество прославления?

Кто никогда не бывал в Синодальном соборе Знамени Божией Матери в Нью-Йорке, где находится кафедра Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей, — тот должен представить себе огромный зал некогда очень богатого американского дома, который вот уже более двадцати лет, как стал храмом. [...]

В субботу 31 октября к пяти часам вечера весь храм был переполнен молящимися, пришедшими на последнюю панихиду по Новомученикам Российским.

Для служения панихиды из алтаря выходят все присутствующие на Соборе 16 епископов [...], во главе с митрополитом Филаретом, Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей, совместно со множеством духовенства. Не ектениях читаются имена Новому-

¹ Православная Русь. 1981. № 24. С. 11–12.

² Православная Русь. 1981. № 21. С. 2.

чеников: духовенства, во главе со Святейшим Патриархом Тихоном, членов Царского Дома, во главе с Государем Императором Николаем Вторым, и имена монашествующих и мирян, знаменитых и неизвестных, разного чина и звания, возраста и пола, включая и детей за Христа принявших мученическую кончину. Эти сотни имен представляют лишь малую часть миллионов страдальцев, за каждым из которых стоит целая история, драма человеческой жизни с годами страданий и мучений, не говоря уже о потерях, разлуках, слезах, оставленности...

Поименно поминаются только сотни тех, которых сегодня прославляют. Те же многие тысячи, которые включены в имеющиеся у нас списки Новомучеников, но о которых еще нет точных данных или свидетельств, — те поименно не поминаются. Это не значит, что сомневаются в подлинности их мученичества. Отнюдь не значит. Пока нет подтверждения, — они как бы находятся в продолжающемся процессе прославления — о них молимся: «имена их Сам веси, Господи», — в завершение которого они со временем войдут.

Но вот возглашается «вечная память», пение которой стремительно, как огонь, охватывает весь храм, и вся тысячная толпа молящихся вторит хорам и духовенству — так, что кажется, что поют сами стены храма.. Последняя панихида закончена.

Начинается всенощная. В алтаре, кажется, еще более тесно, чем в самом храме. На отдельные моменты богослужения из алтаря выходит не все служащее духовенство, а лишь часть, так как стать в нужном порядке, выйти из алтаря, вернуться в него, — все это при тесноте очень затруднительно. Все духовенство вышло только на самое прославление (полиелей), которое состояло из открытия ковчегцев с мощами святых мучениц — Великой княгини Елизаветы Феодоровны и послушницы Варвары, и снятия пелены с новой иконы святых Новомучеников и Исповедников Российских — благодатных молитвенников за род наш. [...]

Вот открыты святые мощи; снята пелена, покрывшая очень больших размеров икону Новомучеников. Митрополит Филарет вернулся на свою кафедру среди других архиереев, воскурился благовонный аромат кадила — и запели, впервые на земле величание тем, из кого по каплям выпускали соки жизни, кто прошел страшным путем мученичества наших дней:

«Величаем, величаем вас, страстотерпцы Христовы, новомученицы и исповедницы Российские, и чтем страдания ваша, яже за Христа претерпели есте». [...]¹

¹ Киселев А., *прот.* Как проходило прославление новомучеников Российских // Православная Русь. 1981. № 21. С. 5–8.

О ПРОСЛАВЛЕНИИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Как отмечает Михаил Ефимович (подвиг жизни которого Господь чудесным образом отметил: он скончался 9 октября 1971 года — в тот день, когда через 18 лет совершилось прославление в Русской Православной Церкви горячо любимого и особенно чтимого им Святейшего Патриарха Тихона), святость Святейшего Патриарха Тихона ощущалась его современниками, несмотря на всю ложь официальной советской пропаганды, касающейся деятельности Патриарха Тихона, на все попытки уничтожить в памяти верующих образ святого Патриарха Тихона и целого сонма новомучеников и исповедников Российских, на все попытки помешать накануне канонизации прославлению святого со стороны светской власти.

В 1989 году Русская Православная Церковь торжественно отметила 400-летие учреждения Патриаршества на Руси. Проходившие в Москве юбилейные торжества содействовали тому, чтобы в глазах общественности учреждение Патриаршества на Руси приобрело значение национальное, государственное и историческое. Четыреста лет Московской Первосвятительской кафедры в рамках отечественной истории следует признать периодом грандиозным и исторически значимым.

Учреждение Московского Патриаршества в конце XVI века, его отмена в XVIII веке и восстановление в начале XX века имеют свой внутренний смысл в трудной истории России, религиозном подвиге русских людей.

В 1989 году, в год юбилея установления Патриаршества в Русской Православной Церкви, вопреки всем внешним противодействиям, был прославлен первый исповедник XX века — Святейший Патриарх Тихон.

После прославления Святейшего Патриарха Тихона в Русской Православной Церкви началась большая работа по прославлению новых святых: вскоре были причислены к лику святых ближайшие сподвижники Патриарха Тихона (воспоминаниям о которых Михаил Ефимович отвел большое место в своем «Сборнике»): митрополит Киевский

и Галицкий Владимир (Богоявленский), митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский), митрополит Петр (Полянский), митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Фаддей (Успенский) и др. На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года был прославлен Собор новомучеников и исповедников Российских известных и неизвестных пока людям, но ведомых Богу, были причислены к лику святых праведники и угодники Божии нашей Церкви.

Несомненно неопенимый вклад в это святое дело внес и Михаил Ефимович своими трудами. В официальном жизнеописании Святителя Тихона, представленном в комиссию по канонизации, были использованы и его уникальные материалы. Его же исследования были использованы и для канонизации других новомучеников Российских.

Церковные торжества, посвященные канонизации Святейшего Патриарха Тихона

С 7 по 14 октября [1989 г. — *Ред.*] в Москве состоялись церковные торжества, посвященные 400-летию установления Патриаршества в Русской Православной Церкви. Начало торжества было приурочено к дню Преподобного Сергия, игумена земли Русской. В субботу 7 октября в Москву прибыло более 300 участников празднования — архиереи, представители клира и мирян всех епархий как в СССР, так и за рубежом, настоятели и насельники монастырей, посланцы Духовных школ, сотрудники синодальных учреждений, а также зарубежных представительств. [...]

9 октября, в понедельник, в Патриаршей и Синодальной резиденции в Даниловом монастыре в Москве начал работу Архиерейский Синод Русской Православной Церкви, который открыл Святейший Патриарх Пимен [Извеков]. [...]

С основным докладом в первый день работы Собора выступил митрополит Киевский и Галицкий Филарет [Денисенко], Патриарший Экзарх Украины. С отчетом о работе Синодальной Комиссии по канонизации святых и о предстоящей канонизации Святейших Патриархов Иова и Тихона выступил председатель Комиссии митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий [Поярков].

В докладе митрополита Ювеналия «О канонизации святых» говорилось, что «по благословению Священного Синода изучила Комиссия житие, труды и подвиги первого после восстановления Патриаршества в Русской Церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона. [...] В настоящее время в Комиссию поступают материалы, касающиеся ряда отечественных подвижников веры и бла-

гочестия, канонизация которых ждет еще своего времени»¹. Проекты текстов жития, тропаря, кондака, деяния, чинопоследования канонизации двух первосвятителей Иова и Тихона одобренные Священным Синодом были переданы членам Архиерейского Собора.

На соборе состоялась дискуссия, в ходе которой отмечалось, что канонизация Патриарха Тихона своевременна и чрезвычайно важна как выявление святости первого Предстоятеля Русской Церкви после восстановления Патриаршества, деятельность которого протекала в трудные для нашей Церкви времена. Отмечалось, что процесс канонизации не имеет ничего общего с политическими симпатиями или антипатиями. Святейший Тихон являет собою образ церковного кормчего, стоявшего на строго канонических позициях и последовательно проводившего в своей церковной деятельности принцип невмешательства в политику, в противоборство политических сил. Патриарх Тихон — действительно печальник земли Русской пред Лицом Божиим. Он смело искал Божиих путей для Церкви в новых исторических условиях и понес свой патриарший крест до конца. Канонизация Святейшего Патриарха Тихона сегодня — это еще один шаг к общению со всем православным русским рассеянием, почитающим его как предстателя пред Престолом Божиим. Особую благодарность в связи с этой канонизацией передал в адрес Собора архиепископ Серпуховской Климент (Капалин), управляющий Патриаршими приходами в США, от имени Блаженнейшего митрополита Вашингтонского и всей Америки Феодосия, ибо Патриарх Тихон был одним из апостолов Православия на Американском континенте. Архиепископ Вологодский и Великоустюжский Михаил (Мидьюгин) поделился своими воспоминаниями о том, как православный народ встречал Святейшего Патриарха Тихона в Петрограде, проявляя глубокое уважение и почтение к личности святителя. Было также высказано единодушное мнение о необходимости скорейшей канонизации широко почитаемого православными христианами протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского).

После оглашения митрополитом Ювеналием Соборного Деяния о канонизации Святейших Всероссийских Патриархов Иова и Тихона Архиерейский Собор единогласно принял решение о причтении этих святых к лику святых Русской Православной Церкви.

Во второй половине дня в Троицком соборе Данилова монастыря состоялся чин канонизации новопрославленных святых, который возглавил Святейший Патриарх Пимен. По совершении последней па-

¹ Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский. О канонизации святых // ЖМП. 1990. № 2. С. 6.

нихиды по Святейшим Иове и Тихоне в собор были внесены иконы святителей, затем оглашено Деяние Архиерейского Собора и совершен первый молебен новоявленным русским святым. Во время совершения чина канонизации присутствовали члены Архиерейского Собора, участники празднования и множество богомольцев, собравшихся в обитель для участия в церковном торжестве. Затем все участники празднования отправились в Донской монастырь, где в храме в честь Донской иконы Божией Матери находится гробница Святейшего Патриарха Тихона. Митрополит Киевский и Галицкий Филарет совершил молебен перед честными мощами святителя. Все участники празднования и богомольцы воздали поклонение святому Тихону, место упокоения которого всегда привлекало множество благочестивых православных христиан...¹

ДЕЯНИЕ

Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о канонизации святителей Иова и Тихона, Патриархов Московских и всея Руси

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В сей торжественный день, когда вся Полнота Церкви Всероссийской светло празднует 400-летие со дня установления патриаршего в ней управления, проникаясь духовной радостью, мы, члены Освященного Собора архиереев Русской Православной Церкви, исследовав жития, труды, подвиги и церковное служение наших Предстоятелей в сане патриаршем: смиреннейшего Иова и боголюбивого Тихона, Патриархов Всероссийских, с благоговением и любовью определяем: изволися Духу Святому и нам причислить к лику святых, прославляемых всей Русской Православной Церковью:

1. **Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Иова**, отмечая следующие его добродетели:

праведность личного жития в исполнении заповедей Святого Евангелия;

ревность к православному исповеданию веры в Господа и Бога нашего Иисуса Христа;

заботу о благоустроении Русской Церкви и о христианском просвещении народов Сибири;

жертвенную любовь к пастве и освящение молитвенным подвигом и благословением защиты Отечества;

чудотворения и исцеления страждущих христиан, происходящие у мощей Святейшего Иова по его молитвам и заступничеству пред Богом.

¹ См.: ЖМП. 1990. № 1. С. 68—69.

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона, взирая на следующие его подвиги:

чистоту жизни, коею он явил пример следования за Христом и вручение себя воле Божией;

служение Церкви и ближним, которое простиралось до самопожертвования и выразилось в словах Святейшего: «Пусть погибнет мое имя в истории, только бы Церкви была польза»;

мужественное стояние за веру, в котором святитель Тихон перед лицом смертельной опасности являл подлинную святость и силу христианского духа;

исповедничество святителя, который противостоял раскольникам, претерпевая от них поругание. С именем Патриарха отождествлялась Русская Церковь, хранящая неповрежденным Святое Православие, и он сохранил единство возглавляемой им Церкви;

миссионерскую деятельность, где раскрылись апостольские труды и подвиги святителя.

2. Телесные останки святителя Иова, покоящиеся в Успенском соборе Московского Кремля, и святителя Тихона — в малом соборе Донского монастыря, считать святыми мощами и воздавать им должное церковное поклонение.

3. Празднование церковной памяти Святейших Патриархов установить в следующие дни по юлианскому календарю.

Святителю Иову:

19 июня — день его праведной кончины;

5 апреля — день перенесения его святых мощей в Успенский собор Московского Кремля.

Святителю Тихону память совершать в сей день его прославления, а также внести в месяцеслов дату его преставления, в день Благовещения Пресвятой Богородицы.

Установить 26 января (8 февраля) — день интронизации на Патриарший Престол первого Московского Патриарха — память учреждения Патриаршества на Руси.

Составить и принять богослужебные чинопоследования Святейшему Иову и Святейшему Тихону по чину полиелейной службы.

4. Писать Святейшим Патриархам Московским и всея Руси Иову и Тихону честные их иконы для поклонения и чествования, согласно правилам Седьмого Вселенского Собора.

5. Напечатать принятые настоящим Собором жития их для назидаания и наставления в благочестии чад церковных.

6. От лица Освященного Собора объявить о сей благой и благодатной радости прославления новых Российских чудотворцев пастве всероссийской.

7. Сообщить имена Святейших Иова и Тихона, Патриархов Московских и всея Руси, Предстоятелям братских Поместных Церквей для включения их в свои святцы.

Молитвами и предстательством новопрославленных Всероссийских святителей да ниспошлет Семилиственный Господь благословение и крепость Церкви нашей и всем с верою и любовью призывающим имена сих чудотворцев, да дарует благодать поспешествующую и спасающую. Аминь.

ПИМЕН, Патриарх Московский и всея Руси

Члены Священного Синода:	
Патриарший Экзарх Украины митрополит Киевский и Галицкий	ФИЛАРЕТ [Денисенко]
Митрополит Ленинградский и Новгородский	АЛЕКСИЙ [Ридигер]
Митрополит Минский и Белорусский, председатель Отдела внешних церковных сношений	ФИЛАРЕТ [Вахромеев]
Митрополит Крутицкий и Коломенский	ЮВЕНАЛИЙ [Поярков]
Митрополит Новосибирский и Барнаульский	ГЕДЕОН [Докукин]
Митрополит Тульский и Белевский	СЕРАПИОН [Фадеев]
Архиепископ Горьковский и Арзамасский	НИКОЛАЙ [Кутепов]
Архиепископ Саратовский и Волгоградский	ПИМЕН [Хмелевский]
Архиепископ Черниговский и Нежинский	АНТОНИЙ [Вакарник]
Управляющий делами Московской Патриархии и митрополит Ростовский и Новочеркасский, Патриарший Экзарх Западной Европы	ВЛАДИМИР [Сабодан]

Москва,
Свято-Данилов монастырь,
9 октября 1989 года¹

¹ ЖМП. 1990. № 1. С. 6—7.

ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ СЯТТЕЛЯ ТИХОНА

Одной из трагических тайн церковной жизни в советское время была для православных людей судьба мощей святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России.

Говорили, что в 1927 году после закрытия Донского монастыря чекисты извлекли тело святителя Тихона из могилы в Малом Донском соборе и сожгли его в крематории. По другой версии, святитель Тихон был перезахоронен монахами на Немецком кладбище с согласия ЧК. Была еще одна версия: монахи перезахоронили тело святителя где-то в Донском монастыре. То, что останки святителя Тихона могли быть уничтожены, не вызывало удивления: ненависть к Патриарху у советской власти была исключительной — в известной статье «Известий» в списке врагов советской власти он стоял под номером один.

Мнение о том, что тела Патриарха нет в могиле, было настолько стойким, что даже митрополит Николай Ярушевич, служивший панихиду по святителю Тихону в Малом Донском соборе в 1948 году, сказал после окончания службы: «Мы молились сейчас только над могилой Святейшего, тела его здесь нет».

И для этой уверенности были основания. В 1932 году лжемитрополит Введенский начал служить литургии в облачении, в котором москвичи сразу узнали то самое архиерейское облачение, в котором лежал во гробе Святейший Патриарх Тихон.

Считалось, что эти саккос, омофор, епитрахиль — удивительной работы — были изготовлены на фабрике Оловянишникова специально для Патриарха Тихона и только в одном экземпляре.

В мае 1991 года была возобновлена монашеская жизнь в Донском. И одно из первых благословений, которое испросили монахи у своего настоятеля Святейшего Патриарха Алексия, было благословение на поиски мощей святителя Тихона.

18 ноября, через две недели после окончания ремонта, Малый Донской собор был подожжен. Разбив окно, злоумышленники бросили бомбу с зажигательной смесью рядом с могилой Патриарха. В несколько минут выгорел почти весь храм. И только чудо спасло его от полного уничтожения. Одна женщина из окна своего дома увидела сам момент взрыва и сразу сообщила об этом в пожарную охрану.

И еще: в этот же день за Божественной литургией в Малом Донском соборе Господь вразумил иеромонахов приготовить запасные Святые Дары — Они были поставлены в дарохранильнице на Святом Престоле. До этого запасные Святые Дары здесь не готовились.

Трапезная часть храма выгорела полностью, уцелели только четыре чудотворные иконы. Но самое удивительное было в том, что огонь не коснулся алтарной части. Казалось, невидимая стена преградила путь огню.

Именно во время второго затянувшегося ремонта Малого Донского собора и были обретены мощи святителя. Да и день поджога — 18 ноября по новому стилю (5 ноября по старому) — особо знаменателен. Именно в этот день в 1917 году в храме Христа Спасителя жребий Патриаршества пал на святителя Тихона.

В день праздника Сретения Господня, ближе к вечеру, совершив молебен святителю Тихону, приступили к раскопкам. Об этом знали, кроме нескольких человек из братии монастыря, лишь Святейший Патриарх Алексей II, архимандрит Кирилл [Павлов] из Свято-Троице-Сергиевой Лавры и архимандрит Иоанн [Крестьянкин] из Псково-Печерского монастыря. Руководил раскопками Сергей Алексеевич Беляев, известный ученый, который принимал участие в обретении мощей преподобного Амвросия Оптинского, занимался раскопками в Дивеево и Херсонесе. Сергей Алексеевич был более всех убежден в том, что мощи находятся здесь. Он разыскал сведения о том, что облачение, в котором был захоронен Патриарх Тихон, не единственное. На фабрике Оловянишникова было изготовлено три таких комплекта.

Участник раскопок иеромонах Тихон (Шевкунов) позднее, по обретении мощей, писал: «Сняв мраморное обгоревшее надгробие и углубившись сантиметров на тридцать, мы наткнулись на массивную мраморную плиту с надписью: „Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России”.

Мы стали копать дальше и на глубине около метра обнаружили каменный свод склепа. Все работали без отдыха, и через несколько часов расчистили весь склеп. Нам пришлось приложить много усилий. Было вынута несколько камней, в образовавшееся отверстие мы протиснули зажженную свечу и заглянули внутрь. Склеп был пуст. Свеча осветила лишь пыльные клоки паутины и выступающие камни.

Самые худшие наши опасения оправдывались. Даже частицы мощей, даже щепки гроба, которые, как мы надеялись, могли обронить чекисты при вскрытии могилы Патриарха, здесь не было.

Когда мы немного пришли в себя, то решили поискать хотя бы у торцов склепа. Неожиданно прут, длиной в два метра, полностью

ушел вправо по ходу склепа и влево. То же самое произошло и с восьмиметровым прутом. Только тогда мы поняли, что обнаружили не склеп, а часть калориферной отопительной системы. Так в свое время отапливались многие русские храмы. Внизу ставили печь, и горячий воздух проходил по трубам, выложенным под полом.

Но когда мы раскопали калорифер, то заметили, что та часть, которая находится прямо под надгробием Патриарха Тихона, сравнительно новая, кладка скреплена цементом и особо тщательно укреплена. В других местах кладка была ветхая и скреплена известковым раствором. Но самое главное, найденная нами укрепленная часть трубы лежала не на земле, как в других местах, а на массивной бетонной плите.

У некоторых из нас появились сомнения, продолжать ли раскопки в этом месте, тем более, что по одной из версий могила Патриарха находилась рядом, метрах в пяти, у другого окна. Мнения разделились, и наутро мы поехали к Святейшему и рассказали ему обо всем, спрашивая благословения, как поступать дальше. Подробно расспросив обо всем, Святейший благословил продолжать поиски на том же месте.

С каждым часом работы надежда на успешное завершение нашего труда росла. Если бы чекисты разорили могилу, то вряд ли они стали бы так тщательно восстанавливать калорифер. Скорее всего, монахи похоронили Патриарха намного глубже, а трубу восстановили для маскировки и дополнительной защиты.

Когда через два дня напряженной работы перед нами предстал настоящий склеп Патриарха, то это было мощное, необычайно укрепленное сооружение, проникнуть в которое можно было бы только с большим трудом. Тогда мы поняли, почему во время похорон в Малый Донской собор была допущена лишь небольшая часть архиереев. По всей видимости, уже тогда все было готово, чтобы надежно защитить могилу Патриарха от возможного надругательства.

Сверху склеп был покрыт огромной плитой. На наше счастье, плита оказалась не цельной, а состояла из нескольких каменных секций, весом, приблизительно, по четыреста килограммов. Подняв одну из этих глыб, мы вновь опустили свечу внутрь. Перед нами был дубовый гроб, описание которого мы все хорошо знали. На нем лежала мраморная табличка, на которой при свете свечи мы прочли: „Патриарх Московский и всея России Тихон”, год и день интронизации, день и год смерти.

Мы сразу же позвонили Святейшему Патриарху Алексию. Только что закончилось совещание Святейшего Синода, было около двенадцати часов ночи. Минут через двадцать приехал Святейший. Мы встречали его колокольным праздничным звоном, в полночь он звучал, как на Пасху.

Трудно передать то чувство, которое испытывали мы в ту ночь, стоя у открытой могилы. Перед нами были благодатные святые мощи, которые мы и не чаяли увидеть, когда начинали раскопки. Это произошло 19 февраля.

22 февраля в монастырь приехали Святейший, члены Синода, старцы: отец Кирилл и отец Наум»¹.

В Малом соборе Донского монастыря перед открытием гроба Святейшего Патриарха Тихона Святейший Патриарх Алексей сказал:

«Преосвященные архипастыри, честные отцы, дорогие братья и сестры!

В 1925 году здесь, в Донском монастыре, Русская Православная Церковь провожала в последний путь всея земли Всероссийского Патриарха Тихона. Гроб с его телом был обнесен вдоль стен внутри монастыря и внесен в Малый собор. Здесь в присутствии одних только митрополитов и епископов тело почившего было предано земле.

Через два года монастырь был упразднен, и здесь, в этом храме, было общежитие. Усиленно распространялся слух о том, что тело Святейшего Патриарха Тихона извлечено из земли. По одной версии — кремировано, а по другой — захоронено на территории Донского монастыря или на одном из кладбищ Москвы. Даже указывалось место. То, что тело Святейшего Патриарха было чекистами изъято, настолько вошло в сознание, что совершая канонизацию, мы не стали вскрывать его гробницу.

В прошлом году в соборе случился пожар. От огня сильно пострадала западная часть храма: сгорели иконы, и вся штукатурка здесь теперь вся новая. И вот тогда, получив от меня благословение, и сделали попытку вскрыть захоронение Святителя. Под надгробием вровень с полом лежала тяжелая плита, на которой было написано „Святейший Патриарх Московский и всея России”.

Под ней находился кирпичный короб для калориферного отопления, который проходит по всему храму. Не было видно его нарушения. Было предположено, что захоронение вблизи короба, но после обследования ничего не было обнаружено. Тогда был разобран короб, и оказалось, что в действительности он был нарушен, но затем искуснейшим образом собран вновь. Под коробом были найдены белокаменные плиты, подняв которые, мы увидели гроб Святейшего Патриарха Тихона. Почти шестьдесят лет пробыл он в этом склепе, тронут временем, но стоит на месте! Сегодня нам предстоит его открыть.

¹ Святитель Тихон — Патриарх Московский и всея Руси / Сост. и общ. ред. О. В. Орловой. М.: Сретенский монастырь, Фонд Патриарха Тихона, 1995. С. 208—210.

Обретение мощей Святителя Тихона, Всероссийского Патриарха, Исповедника и Мученика, в непростое время, когда все Отечество наше, и Церковь, и народ подвержены испытаниям и трудностям, мы рассматриваем как милость Божию, явленную нам. Как милость Божию, которая должна укрепить нас в нашем подвиге — подвиге служения Святой Церкви Христовой, подвиге духовного обновления нашего народа, в сохранении веры и насаждении ее в сердца и сознание тех людей, которые находят сегодня дорогу в храм Божий»¹.

«Когда подняли сильно обветшавшую крышку гроба с осыпавшейся инкрустацией, — вспоминал иеромонах Тихон, — перед нами предстали святые нетленные мощи святителя Тихона, покрытые бархатной патриаршей мантией.

Еще через несколько дней члены комиссии по обретению мощей святителя Тихона омыли святые мощи по древнему чину, облачили в новые святительские одежды (самое облачение святителя отдано на реставрацию) и уложили в специально изготовленную раку.

Несмотря на то, что в склепе была стопроцентная влажность, святые мощи Патриарха Тихона, пролежав в земле 67 лет, сохранились почти полностью. Полностью сохранены десная рука, большая часть туловища, часть ног, волосы, борода и все кости. Примечательно, что одна из панагий святителя Тихона, сделанная из кости, здесь же, в склепе, полностью превратилась в прах, остался только серебряный оклад. Невольно вспоминается: „Хранит Господь кости их“. Сохранились и облачения святителя Тихона, Великий Патриарший Параман, четки, патриарший и монашеский параманные кресты, нательный крестик, драгоценная панагия, подаренная архиепископу Тихону духовенством и прихожанами Ярославской епархии. Сохранилась даже вербочка (святителя Тихона хоронили на Вербное Воскресенье) и флакон с благоухающим розовым маслом, которым отирали тело Патриарха перед погребением»².

Сразу же был отслужен благодарственный молебен.

Святейший Патриарх Алексий после молебна сказал:

«Поздравляю всех вас с милостью Божией, которая явлена нам обретением места захоронения и останков Святителя Тихона, Патриарха Московского.

¹ Слово Святейшего Патриарха Алексия в Малом соборе Донского монастыря перед открытием гроба Святейшего Патриарха Тихона // Московский церковный вестник. 1992. № 4(70). Март. С. 3.

² Святитель Тихон — Патриарх Московский и всея Руси. С. 211.

Мы видим перед собой гробницу по прошествии 67 лет. Мне говорили, что по всем законам материя не должна сохраниться, но мы видим патриаршую зеленую мантию, которой было покрыто тело, и золотые скрижали. Сегодня мы с благодарностью вспоминаем тех, кто предвидел возможность изъятия тела Святейшего Патриарха из места его упокоения. Насколько мудро было оно сокрыто, что его не достигли руки безбожников!

Вспомним первосвятительское служение Святейшего Патриарха Тихона, тяжелый крест, выпавший на его долю! Мы считаем его исповедником и мучеником за веру Христову. И обретение его святых мощей является для всей Русской Церкви знамение милости Божией в эти трудные времена. Мы верим, что своим предстательством, своими молитвами он укрепит нас в подвиге служения Церкви, народу и Отечеству. Да поможет Святой Патриарх Всероссийский Тихон всем нам в служении, которое выпадает на долю каждого из нас.

С общецерковной радостью поздравляю вас»¹.

После переоблачения мощи Святителя Тихона были положены в новую раку.

«В субботу первой седмицы Великого поста, накануне Недели Православия и в самый праздник Святого Православия в Малом Донском соборе начались всенародные молебны перед мощами святителя Тихона. В этот день праздновалось 75-летие явления Державной иконы Божией Матери, большая часть акафиста которой была написана Патриархом Тихоном. В этот день — торжества Православия — положено возглашать анафемы на еретиков и всех противящихся Божественному учению, и невольно вспоминалось то грозное послание святителя Тихона, где он анафематствовал преступников перед Богом, Церковью и народом.

5 апреля 1992 года мощи Святителя Тихона торжественно были перенесены Святейшим Патриархом и сонмом святителей в большой собор Донского монастыря.

Подобно тому, как в начале нынешнего века святитель Тихон был дан Церкви в период смутных времен, чтобы укрепить Ее и провести истинным путем Святого Православия, так и теперь, когда настали новые смутные времена, явлены нам в помощь его святые мощи»².

¹ Слово Святейшего Патриарха Алексия после благодарственного молебна // Там же.

² Святитель Тихон — Патриарх Московский и всея Руси. С. 211—212.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ

С 13 по 16 августа 2000 г. в Москве в Зале Церковных Соборов возрожденного Храма Христа Спасителя под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II проходил Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, в котором приняло участие 145 иерархов Русской Православной Церкви и представители всех Православных Автокефальных Церквей.

В первый день работы Юбилейного Архиерейского Собора выступил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий с докладом «Русская Православная Церковь на рубеже веков», в котором всесторонне изложил внутреннее и внешнее положение Русской Православной Церкви.

14 августа на Соборе был заслушан доклад Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых¹.

В своем Докладе митрополит Ювеналий, подводя итоги деятельности Синодальной комиссии по канонизации святых со времени Архиерейского Собора 1997 года и обобщая ее многолетние труды по изучению подвига новомучеников и исповедников Российских, сказал:

«Изучая подвиг пострадавших в начале гонений (1918—1921 годы), Синодальная комиссия по канонизации святых принимала решение, исходя из конкретных обстоятельств их мученической кончины. [...] Гонения 1918—1921 годов почти не оставили о себе письменных источников [...] этим объясняется и тот факт, что остаются неизвестными точные даты смерти многих убиенных за веру в тот период, а порой даже их имена. [...] Синодальной комиссией учитывалось, что в начале гонений церковными комиссиями на местах в епархиях велись исследования, касающиеся мучеников 1918—1921 годов. Это делалось

¹ В основу приложения положен доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Синодальной комиссии по канонизации святых // Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви: Храм Христа Спасителя, 13—16 августа 2000 года: Материалы. М.: Издательский Совет Московского Патриархата, Благотворительный фонд «Рождество — 2000», 2000. С. 69—90.

согласно постановлению Освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 годов. Поэтому результаты работы этих комиссий сочтены достаточными для принятия соответствующего решения.

Что касается священнослужителей, пострадавших после 1921 года, то здесь требуется особо тщательное изучение материалов, так как с этого времени (с 1922 года) появился обновленческий и другие расколы, инспирированные властью. [...]

В этот период следственными органами уже велась подробная запись следствия, большая часть этапов которого документировалась, и теперь такие документы становятся доступными для изучения».

Митрополит Ювеналий подчеркнул, что Комиссия, изучая подвиг новомучеников, выработала документ «Историко-канонические критерии в вопросе о канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века», и указал его суть:

«В условиях церковных нестроений 1920—1940 годов некоторые из пострадавших находились в отделении от законного Священноначалия. Причем в этот период разделения в церковной среде вследствие отступлений экклезиологического характера порой граничили с ересью. Другие происхождением своим обязаны преступному властолюбию, самоволию и всякого рода бесчинным акциям церковных раздорников. Наряду с такими расколами были разделения вследствие разного видения путей адекватного реагирования на бедственные для Церкви явления. Эти разделения изживались Церковью в исторически короткие сроки.

Нельзя ставить с одной стороны обновленческую схизму, приобретшую характер откровенного раскола в 1922 г., и „правую оппозицию“, то есть тех, кто по тем или иным причинам не соглашался с церковной политикой Митрополита Сергия». «В действиях „правых оппозиционеров“, часто называемых „непоминающими“, нельзя обнаружить злонамеренных, исключительно личных мотивов. Их действия обусловлены были по-своему понимаемой заботой о благе Церкви. Как хорошо известно, „правые“ группировки состояли из тех епископов и их приверженцев среди священнослужителей и мирян, кто, не соглашаясь с церковно-политической линией назначенного митрополитом Петром Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита (потом Патриарха) Сергия, прекращал возношение имени Заместителя за богослужением и таким образом порывал каноническое общение с ним. Но порвав с Заместителем Местоблюстителя, они, как и сам митрополит Сергей, главой Церкви признавали митрополита Петра — Местоблюстителя Патриаршего Престола.

Поэтому к канонизации предлагаются и „правые оппозиционеры”, такие как митрополит Казанский Кирилл (Смирнов, 1863—1937), епископ Глазовский Виктор (Островидов, 1875—1934)» и др.

В то же время не было оснований, — по словам митрополита Ювеналия, — ставить вопрос о канонизации ставших жертвами репрессий священнослужителей и мирян, приверженцев обновленческого и григорианского расколов, а также приверженцев возникших группировок украинских автокефалистов, которые имели связь с самосвятами, но этот общий вывод не распространяется на тех архипастырей и пастырей, кто, на время присоединился к обновленцам, потом оставил раскол и через покаяние вернулся в лоно Церкви и впоследствии стал жертвой антицерковных репрессий.

Хотя все пострадавшие священнослужители и миряне, которые были подвергнуты репрессиям, были реабилитированы, но в то же самое время члены Комиссии по канонизации святых не нашли оснований для канонизации лиц, которые на следствии оговорили себя или других, став причиной ареста, страданий или смерти ни в чем не повинных людей, несмотря на то, что они пострадали. «Малодушие, проявленное ими в таких обстоятельствах, не может служить примером, ибо канонизация — это свидетельство святости и мужества подвижников, подражать которым призывает Церковь Христова своих чад».

Далее митрополит Ювеналий сказал, что к моменту открытия Собора Комиссия изучила материалы о 860 мучениках и исповедниках, которые предполагалось рассмотреть на Юбилейном Архиерейском Соборе.

Вместе с поименным прославлением подвижников, чей подвиг уже изучен, было предложено совершить прославление всех за Христа пострадавших новомучеников и исповедников Российских XX века, пока не известных людям, но ведомых Богу.

Такое прославление всего сонма за Христа пострадавших новомучеников и исповедников Российских XX века, поименованных и неименованных, не оставит вне церковного почитания кого-либо из святых этого периода.

Ранее Архиерейский Собор 1992 года установил празднование Собора новомучеников и исповедников Российских XX века 25 января (ст. ст.) в случае совпадения сего числа с воскресным днем или в ближайший воскресный день после оногo. В принятии такого решения Собор руководствовался постановлением Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 годов, где в Определении «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь» было

решено совершать поминовение «всех усопших в нынешнюю годину гонений исповедников и мучеников» 25 января, в день убиения в Киеве в 1918 году митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), ставшего первой жертвой кровавых гонений за веру в XX веке среди архипастырей. В этот день уже празднуется память ранее прославленных новомучеников и исповедников Российских: святителя Тихона († 1925), Патриарха Московского и всея России, священномучеников Петра († 1937), митрополита Крутицкого; Владимира († 1918), митрополита Киевского и Галицкого; Вениамина († 1922), митрополита Петроградского и Гдовского, и иже с ним убиенных архимандрита Сергия и мирян Юрия и Иоанна; митрополита Серафима († 1937), архиепископа Фаддея († 1937), протоиерея Иоанна († 1917), протопресвитера Александра († 1937), преподобномученицы великой княгини Елизаветы и инокини Варвары († 1918).

После общецерковного торжества прославления пострадавших за веру в годы гонений необходимо будет продолжить работу по сбору сведений о тех, кто не был поименован в Деянии о канонизации новомучеников и исповедников Российских для последующего внесения их имен в церковный календарь.

Выявление в составе уже прославленного Собора новомучеников и исповедников Российских новых имен святых было постановлено совершать по решению Священного Синода на основании предварительного изучения этого вопроса согласно установившейся практике в Комиссии по канонизации святых.

Вторую часть своего доклада митрополит Ювеналий посвятил вопросу о канонизации Царской Семьи. Он подвел итог обсуждению этой темы с момента определения Архиерейского Собора 1992 г., в котором говорилось, что «при изучении подвигов новомучеников и исповедников Российских начать исследование материалов, связанных с мученической кончиной Царской Семьи». Рассмотрев все обстоятельства жизни членов Императорской Семьи в контексте исторических событий и церковного их осмысления вне идеологических стереотипов, Комиссия руководствовалась пастырской озабоченностью, чтобы канонизация Царской Семьи в сонме новомучеников и исповедников Российских не давала повода и аргументов в политической борьбе или мирских противостояниях, а способствовала бы объединению народа Божия в вере и благочестии. Комиссия стремилась учесть и факт канонизации Царской Семьи Зарубежной Церковью в 1981 году, вызвавший далеко не однозначную реакцию в среде русской эмиграции. Осветив подробно работу Комиссии по канонизации, митрополит Ювеналий сказал, что комиссия в полном

единомыслии и с одобрения Священного Синода нашла возможным прославить в составе Собора новомучеников и исповедников Российских страстотерпцев Императора Николая II, Императрицу Александру, Царевича Алексея, Великих Княжен Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию.

Третья часть доклада была посвящена канонизации подвижников благочестия, которые не подверглись арестам и ссылкам, но несли тяжелый крест служения Богу и ближним, являясь для своих духовных детей чадолюбивыми отцами.

В заключительной части своего доклада митрополит Ювеналий внес предложение прославить для общецерковного почитания в лике святых Собор новомучеников и исповедников Российских XX века, поименно известных и донныне миру не явленных, включить имена ранее прославленных новомучеников в лике местночтимых святых в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания, прославить в лике святых 860 мучеников и исповедников, материалы о жизни которых рассматривались Синодальной комиссией по канонизации святых и одобрены Священным Синодом, рассмотреть вопрос о канонизации в составе Собора новомучеников и исповедников в лике страстотерпцев членов Царской Семьи, рассмотреть вопрос о канонизации предложенных Комиссией по канонизации ряда подвижников благочестия. В приложении к докладу членам Архиерейского Собора был представлен поименный список подвижников, предлагаемых к общецерковной канонизации. Заканчивая свой доклад, митрополит Ювеналий сказал: «Соборное прославление всего сонма поименованных и неименованных новомучеников и исповедников Российских будет величайшим церковным деянием уходящего века. Совершив это прославление, мы продолжим труды наших братьев, собравшихся на Поместный Собор 1917—1918 годов и тогда уже начавших церковное почитание мучеников, убиенных за веру Христову».

По докладу митрополита Ювеналия на Архиерейском Соборе были приняты два документа:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви по докладу Синодальной комиссии по канонизации святых

Рассмотрев доклад Председателя Комиссии Священного Синода по канонизации святых Преосвященного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия и представленные им подготовленные

Комиссией материалы, связанные с вопросом прославления Собора новомучеников и исповедников Российских и других подвижников веры, Освященный Архиерейский юбилейный Собор определяет:

1. Одобрить доклад Председателя Синодальной комиссии по канонизации святых и деятельность Комиссии.

2. Принять текст Деяния Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века.

3. Принять текст Деяния Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о канонизации митрополита Макария (Невского; 1835—1926), протоиерея Алексия Мечева (1859—1923), иеросхимонаха Алексия (Соловьева; 1846—1928), иеросхимонаха Серафима Вырицкого (Муравьева; 1866—1949), 34 преподобномучеников Спасо-Преображенской Валаамской обители († 1578), митрополита Ростовского Арсения (Мацеевича; 1679—1772), епископа Пензенского Иннокентия (Смирнова; 1784—1819), архимандрита Макария (Глухарева; 1792—1847), священника Алексия Гнеушева (1762—1848), игумена Кизилташского монастыря Парфения (1816—1867) и об общецерковном прославлении преподобного Иова, в схиме Иисуса, Анзерского, и преподобных Оптинских старцев.

4. Правящим Преосвященным в контакте с Синодальной комиссией по канонизации святых продолжить сбор и изучение предания и мученических актов о свидетелях веры XX века для последующего включения их имен в Собор новомучеников и исповедников Российских¹.

ДЕЯНИЕ

Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

На исходе второго христианского тысячелетия, когда мир празднует юбилей Боговоплощения, Русская Православная Церковь приносит Христу плод своих голгофских страданий — великий сонм святых мучеников и исповедников Российских XX века.

Тысячу лет тому назад Древняя Русь приняла учение Христово. С тех пор Русская Православная Церковь просияла подвигами святителей, преподобных и праведных. Эпохой мучеников и исповедников для России явился XX век.

¹ Там же. С. 453.

Икона «Собор новых мучеников и исповедников Российских явленных и неявленных», написанная иконописцами ПСТГУ для канонизации на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 20 августа 2000 г.

Икона святого Патриарха Тихона с клеммами жития

Домовый храм в честь священномученика митрополита Петра Крутицкого
Традиционной гимназии Спасского братства

Н. М. Муравьева

Икона святого Патриарха Тихона
Храм Живоначальной Троицы в Вишняках
В. В. Стривевская

МАТЕРИАЛЫ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ
К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНЫ
19/31/1.1865 - 19.1/1.2/1965

С О В Р Е М Е Н Н И К И
О П А Т Р И А Р Х Е Т И Х О Н Е

СБОРНИК
ПЕЧАТНЫХ, РУКОПИСНЫХ И УСТНЫХ
ВОСПОМИНАНИЙ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР!

Москва - 1965

Титульный лист рукописи
«Современники о Патриархе Тихоне»

Комиссія по реставраціи памят-
никовъ искусства и старины въ
лицъ Председателя Н. Д. Траверса и
Членовъ Р. М. Георгіевскаго и А. Н.
Андріинова приступила нынѣ же
изученію древнихъ памятниковъ
русскаго иконописанія въ ихнихъ
мартировъ Андрея Рублева и Діо-
нисія. Съ этою цѣлію Членъ Ко-
миссіи предпринимаетъ путеше-
ствіе по древнѣйшимъ свѣдѣ-
ніямъ нашего Отечества.

Желаю уповая этому полезно и
для Святой Церкви начинанію,
призываю благословеніе Божіе на тру-
женниковъ науки.

Вашъ почитатель
и верный Р. М. Тихонъ.

Грамота Святейшего Патриарха Тихона с благословением работы Комиссии
по реставрации памятников искусства и старины

Август, 1918 г.

ОР ГТГ. Ф. 68. Д. 257

Собор святых новомучеников и исповедников Российских от безбожников убиенных.
Икона 1981 г., написанная к прославлению новомучеников и исповедников
Российских в Русской Православной Церкви Заграницей
ЦИА ПСТГУ

Святитель Тихон, Патриарх Московский, Просвятитель Америки.
Икона, написанная в Америке в 1980-е годы

ЦИА ПСТГУ

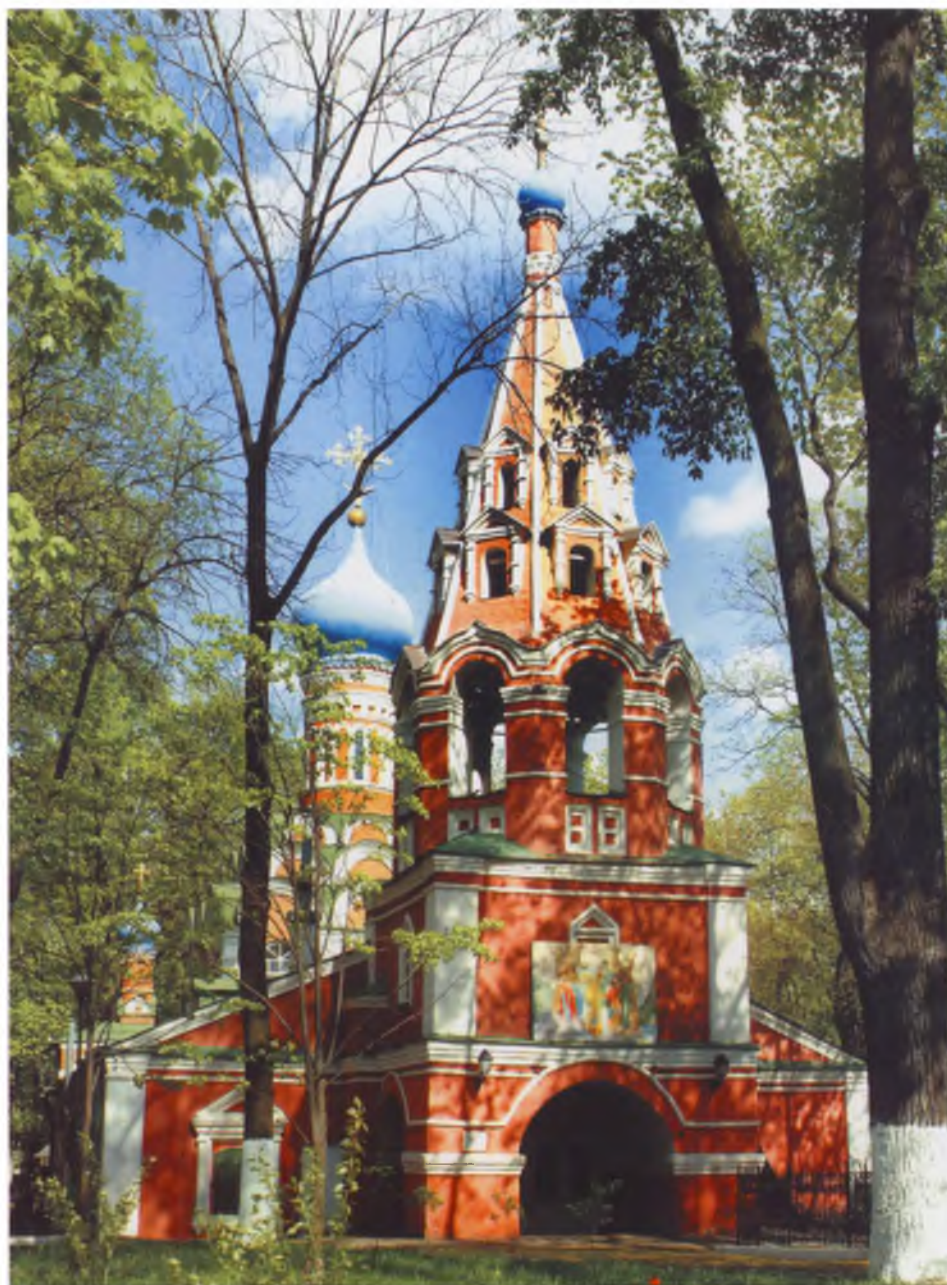
Троицкий собор Московского Свято-Данилова монастыря 9 октября 1989 года.
Прославление в лике святых Всероссийских Патриархов Иова и Тихона

**Чин канонизации совершают Святейший Патриарх Пимен
и постоянные члены Священного Синода**

Участники Архиерейского Собора во время чина канонизации

**Малый Собор в честь Донской иконы Божией Матери,
где был похоронен Патриарх Тихон в 1925 г.**

Из кн.: Донской ставропигиальный мужской монастырь

Обретение мошей св. Патриарха Тихона в Малом соборе Донского монастыря
ЦИА ПСТГУ

Святейший Патриарх Алексей II перед обретенными мощами святителя Тихона
ЦИА ПСТГУ

Перенесение мощей святителя Тихона

Из кн.: Донской ставропигиальный мужской монастырь

**Место обретения мощей
Святителя Тихона в Малом соборе
Донского монастыря**

*Из кн.: Донской ставропигиальный
мужской монастырь*

**Место захоронения Патриарха Тихона
в Малом соборе Донского монастыря.
1925 г.**

ЦИА ПСТГУ

Саккос Святителя Тихона

*Из кн.: Донской ставропигиальный
мужской монастырь*

Митра Святителя Тихона

*Из кн.: Донской ставропигиальный
мужской монастырь*

Прославление новомучеников и исповедников Российских
Храм Христа Спасителя 20 августа 2000 года
ЦИА ПСТГУ

Прославление новомучеников и исповедников Российских
Храм Христа Спасителя 20 августа 2000 года
ЦИА ПСТГУ

Святейший Патриарх Алексий II в Большом соборе Донского ставропигиального монастыря у мощей святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России

«В страшные дни революционного угара октябрьского переворота 1917 года на престол Первосвятителей нашей Церкви вступил Святейший Тихон, Патриарх Московский. Он вступил на путь исповедничества, и паства его тоже готовилась идти тем же путем. Вскоре многие из них оказались в тюрьмах, ссылках, на краю вырытых могил, возле оскверненных мощей, разрушенных алтарей. В своих многочисленных посланиях Патриарх Тихон обращался ко власти имущим с призывом умерить свою алчность, призывал пасомых силой духа и веры противостоять их злоухищрениям. Он был доступен и прост, к нему не прекращался поток духовенства и мирян со всех концов России. И никто не уходил от него без помощи и совета, утешения и благословения. Он укреплял малодушных, наставлял идущих на свою Голгофу, молился о новых мучениках Русской Церкви»

Святейший Патриарх Алексий II

Главой сонма Российских мучеников и исповедников за веру Христову явился Патриарх Тихон, который, характеризуя эту эпоху, писал: «Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово... Зовем вас всех, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей... А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого Апостола: *Кто ны разлучит от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч* (Рим. 8, 35)».

Многие из тех, кто пострадал за веру в XX веке, ревнуя о благочестии, желали жить в то время, когда верность Христу запечатлевалась мученической кровью. «В детстве и отрочестве, — писал из камеры смертников священномученик Вениамин, митрополит Петроградский, — я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел всей душой, что времена не те и не придется переживать, что они переживали. Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих. Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога».

«В наши смутные дни явил Господь ряд новых страдальцев... — писал святой Патриарх исповедник Тихон, — если пошлет нам Господь испытание гонений, уз, мучений и даже смерти, будем терпеливо переносить все, веря, что не без воли Божией совершится это с нами и не останется бесплодным подвиг наш, подобно тому, как страдания мучеников христианских покорили мир учению Христову».

Сбылись чаяния исповедника веры святого Патриарха Тихона — на крови мучеников ныне возрождается Русская Православная Церковь. Святая Церковь, от начала возлагающая упование на молитвенное предстательство пред Престолом Господа Славы Его святых угодников, соборным разумом свидетельствует о явлении в ее недрах великого сонма новомучеников и исповедников Российских, в XX веке пострадавших.

Боголюбивая Полнота Русской Православной Церкви благоговейно хранит святую память о жизни, подвигах исповедничества святой веры и мученической кончине иерархов, священнослужителей, монашествующих и мирян, вместе с Царской Семьей засвидетельствовавших во время гонений свою веру, надежду и любовь ко Христу и Его Святой Церкви даже до смерти и оставивших о себе грядущим

поколениям христиан свидетельство о том, что *живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем* (Рим. 14, 8). Они были служителями Животворящего Духа, явившего духовную силу Церкви в испытаниях недавнего прошлого, и мы не можем предать забвению их подвиг веры, ибо они во всем явили себя, как *служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах* (2 Кор. 6, 4—8).

Терпя великие скорби, они сохранили в сердце мир Христов, стали светильниками веры для соприкасавшихся с ними людей. Будучи столь стесняемы внешними обстоятельствами, все встречавшиеся испытания они переживали с твердостью и смирением, как это подобает каждому подвижнику и делателю на ниве Христовой, храня в сердце завет святого Апостола Петра: *Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословят за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почиает на вас* (1 Пет. 4, 12—14).

Прославляя подвиг новомучеников, Русская Православная Церковь уповает на их предстательство и молится, да пробавит Господь милость Свою на нас и даст всем нашим соотечественникам время на покаяние, зажжет в их сердцах огонь веры, ревность о возрождении Руси Святой, нашего земного Отечества.

Рассмотрев церковное Предание и мученические акты о подвигах новомучеников и исповедников Российских XX века, которым было дано *ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него* (Флп. 1, 29) Освященный Архиерейских Собор

единомысленно ОПРЕДЕЛЯЕТ:

1. Прославить для общецерковного почитания в лике святых Собор новомучеников и исповедников Российских XX века, поименно известных и донныне миру не явленных, но ведомых Богу.

2. Включить в Собор новомучеников и исповедников Российских имена пострадавших за веру, свидетельства о которых поступили:

[Далее идут имена 860 новопрославленных мучеников и исповедников Российских.]

3. Прославить как страстотерпцев в сонме новомучеников и исповедников Российских Царскую Семью: Императора Николая II,

Императрицу Александру, царевича Алексея, великих княжен Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию. В последнем православном Российском монархе и членах его Семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных Царской Семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге в ночь на 4/17 июля 1918 года был явлен побеждающий зло свет Христовой веры подобно тому, как бы воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке.

4. Внести в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания имени ранее прославленных новомучеников и исповедников Российских в лике местночтимых святых [...]

5. Честные останки новопрославленных святых именовать святыми мощами. Когда местонахождение их известно — воздавать им достойное почитание, когда неизвестно — оставить на Божие произволение.

6. Мученически или исповеднически пострадавшие епископы, иереи и диаконы, причисляются к лику священномучеников или священноисповедников; архимандриты, игумены и игумении, иеромонахи, иеродиаконь, иноки и инокини, послушники и послушницы причисляются к лику преподобномучеников или преподобноисповедников, миряне — к лику мучеников или исповедников.

7. Службу Собору новомучеников и исповедников Российских составить особую. Благословить составление отдельных служб каждому из прославляемых святых, а до времени составления таковых после сего для прославления отправлять по Общей Минее, каждому по его чину.

8. Общецерковное празднование памяти Собора новомучеников и исповедников Российских совершать 25 января/7 февраля, если этот день совпадает с воскресным днем, а если не совпадает — то в ближайшее воскресенье после 25 января/7 февраля.

9. Память новопрославленным святым праздновать также и в день их кончины или в иной день, связанный с жизнью святого. Особые дни памяти местных Соборов новомучеников устанавливать по благословению Святейшего Патриарха и Священного Собора.

10. Писать новопрославляемым святым иконы для поклонения согласно определению VII Вселенского Собора.

11. Напечатать жития новопрославляемых новомучеников и исповедников Российских для назидания в благочестии чад церковных.

12. От лица Освященного Собора объявить о сей благой и благодатной радости прославления новых святых всероссийской пастве.

13. Сообщить имена новопрославленных святых Предстоятелям братских Поместных Православных Церквей для включения их в святцы.

14. В послесоборное время поименное включение в состав уже прославленного Собора новомучеников и исповедников Российских совершать по благословию Святейшего Патриарха и Священного Синода на основании предварительных исследований, проведенных Синодальной комиссией по канонизации святых.

15. Правящим Преосвященным в контакте с Синодальной комиссией по канонизации святых продолжить сбор и изучение предания и мученических актов о свидетелях веры XX века для последующего включения их имен в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Предстательством и молитвами сонма новомучеников и исповедников Российских, предстоящих пред престолом Божиим и молящихся за наш многострадальный народ, за Русскую Церковь и нашу возлюбленную Отчизну, да укрепит Господь веру православных христиан и ниспошлет нам Свое благословение. Аминь.

АЛЕКСИЙ,

Божией милостию Патриарх Московский и всея Руси

ЧЛЕНЫ ОСВЯЩЕННОГО АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА¹

Празднование 2000-летия Рождества Христова

По завершению Архиерейского Собора, 18 августа, состоялся Торжественный акт, посвященный празднованию 2000-летия Рождества Христова. [...]

Духовным центром этих судьбоносных дней несомненно стало Деяние о канонизации Собора новомучеников и исповедников Российских. Решение это приняли единодушно все иерархи — участники Собора. В послании Юбилейного Архиерейского Собора всем верным чадам Русской Православной Церкви, в частности было сказано: «Важнейшим деянием Юбилейного Архиерейского Собора стало прославление для общецерковного почитания сонма новомучеников и исповедников Российских, поименно известных и донныне миру не явленных, но ведомых Богу. Более тысячи имен новопрославленных святых внесены в святцы Русской Православной Церкви. Причислены к лику святых в чине страстотерпцев Государь Император Николай Александрович и члены его Семьи: Государыня Императрица Александра Феодоровна, Наследник Цесаревич Алексей, Великие

¹ Там же. С. 285—300.

Княжны Ольга, Мария, Татиана, Анастасия. Собор выражает надежду на то, что это прославление станет переломным моментом в нашей истории, содействуя покаянию народа в грехе богоотступничества. Молитвами новопрославленных святых да поможет Господь стать на путь духовного исцеления и преображения.

Уходящий век и уходящее вместе с ним тысячелетие открывают нам величие судеб Божиих, явленных в истории нашей Церкви. Страшные гонения, пережитые верующими, не смогли сломить крепость человеческого духа, утверждаемого православной верой и надеждой на премудрый Промысл Божий, оживотворяемого любовью к Богу и ближним. Новомученики и исповедники Российские, невероятными страданиями запечатлевшие свою верность Святому Православию, уподобились евангельскому зерну, которое, претерпев смерть, обрело воскресение и новую жизнь (Ин. 12, 24). Ныне из этого благодатного зерна возрастает обильная нива духовного обновления народа Божия. Подвиг мучеников и исповедников укрепил Церковь, став ее твердым основанием. Огонь репрессий не только не смог уничтожить Православие на нашей земле, но, наоборот, явился тем горнилом, в котором закалились сердца верных чад Церкви Русской, непоколебимым и твердым стало их упование на Единого Бога, победившего смерть и даровавшего всем надежду воскресения. В возрождении духовных ценностей, в отказе от греха, в искреннем и нелицемерном покаянии мы видим залог преображения жизни народа и Церкви»¹.

Две Божественные службы, состоявшиеся в храме Христа Спасителя 19 и 20 августа — великое освящение верхнего храма и совершение чина канонизации Собора новомучеников и исповедников Российских — заняли особое место в череде Патриарших богослужений юбилейного 2000 года. Католикос-Патриарх всей Грузии Илия, Патриарх Сербский Павел, Патриарх Румынский Феоктист, Патриарх Болгарский Максим, Архиепископ всего Кипра Хризостом, Архиепископ всей Албании Анастасий и Митрополит Чешских земель и Словакии Николай, а также делегации всех Поместных Православных Церквей, с братской любовью откликнувшиеся на приглашение Патриарха всея Руси, прибыли в Москву для участия в юбилейных празднествах. Таких богослужений Первопрестольная еще не знала. Семь Предстоя-

¹ Послание Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви. Москва, Храм Христа Спасителя, 13—16 августа 2000 года // Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви: Храм Христа Спасителя, 13—16 августа 2000 года: Материалы. С. 470.

телей Автокефальных Православных Церквей, их многочисленные делегации и весь епископат Русской Православной Церкви во главе со своим Первосвятителем участвовали в чине освящения Храма Христа Спасителя и в двух Божественных литургиях, совершенных в нем в эти дни. Великим духовным смыслом было исполнено происходившее — это почувствовали все люди, которым посчастливилось участвовать в этих богослужениях. Было живое ощущение присутствия Божия при совершившемся историческом событии вселенского масштаба — воистину соединилась разорванная нить времен.

После чина канонизации Собора новомучеников и исповедников Российских Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей после Божественной литургии произнес слово:

«Предстоятели Святых Православных Церквей, собратья архипастыри, всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

Я сердечно благодарю Предстоятелей Поместных Православных Церквей и делегации всех Православных Церквей, которые приняли участие в наших торжествах, посвященных 2000-летию Рождества Христова. Вчера мы освятили храм, посвященный Рождеству Христову, — Храм Христа Спасителя. Сегодня мы совершили канонизацию новомучеников и исповедников Российских, пострадавших за веру Христову. Этим мы как бы подводим итог трагическому для нашего Отечества XX веку. Мы знаем, что кровью мучеников утверждается Церковь Христова. И духовное возрождение в странах, которые еще недавно были под коммунистическим владычеством, совершается именно молитвами и подвигом новомучеников, пострадавших за веру Христову.

Мы с надеждой вступаем в XXI век от пришествия в мир Господа и Спасителя нашего, надеясь, что этот век будет для наших народов веком мира, созидания и благополучия, а главное — возвращения к духовным, нравственным ценностям, которые оставил в Святом Евангелии Господь наш Иисус Христос.

Сегодня в воскресном евангельском чтении говорилось о буре на Тивериадском озере, которая постигла учеников Христовых. Апостол Петр вышел из лодки и хотел идти по волнам бурного моря ко Спасителю, но стал утонать. Тогда Господь, обращаясь к нему сказал: *Маловер, зачем ты усомнился?* Часто мы сравниваем нашу жизнь с бурным житейским морем. Но мы никогда не должны сомневаться в том, что Господь с нами. А если Господь с нами, то нам не страшны никакие бури житейского моря!

Отмечая 2000-летие Рождества Христова, мы надеемся на благодатную помощь Спасителя и Господа нашего в жизни каждого из нас,

в жизни наших Церквей, которые являются путеводителями своей паствы к вечному спасению.

Я еще раз благодарю Предстоятелей Поместных Православных Церквей и делегации Православных Церквей за то, что они были с нами на наших церковных торжествах, ибо всем нам надо укреплять всеправославное единство. Я благодарю всех наших православных верующих, которые через трудные годы испытаний пронесли веру Христову и сегодня исповедуют ее.

Мы никогда не забудем и сохраним в своем сердце эти два дня, эти две Божественные литургии, совершенные нами в присутствии народа Божия, как пример православного единства, как торжество Святого Православия.

Молитвами Собора русских новомучеников и исповедников да благословит Господь наши труды во славу Божию, на благо вверенных нам Православных Церквей и нашей паствы, которая ждет от нас указания пути в Царствие Небесное. С праздником всех вас, дорогие мои!»¹

¹ Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия после Божественной литургии в день совершения чина канонизации Собора новомучеников и исповедников Российских. Москва, 20 августа 2000 года // ЖМП. 2000. № 10. С. 56.

МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ ПАТРИАРХАТ¹

Всероссийская Патриаршая кафедра учреждена по инициативе царя Феодора Иоанновича и трудами правителя боярина Бориса Федоровича Годунова Архиерейским Собором 1589 года.

Всероссийская Патриаршая кафедра является пятой в порядке патриарших кафедр Вселенской Православной Церкви, что было определено на Соборе восточных православных Патриархов 1593 года.

«Весь ход исторических событий с естественной необходимостью влек Россию к учреждению Патриаршества. Независимый, сильный православный царь, при существовавшем тогда теократическом строе государства, не мог допустить подчиненности своей церкви». (*Шнаков А. Я. Государство и Церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение Патриаршества. Одесса, 1912. С. 260*).

Переговоры об учреждении на Руси Патриаршества были начаты в 1586 г. с прибывшим в Москву для сбора милостыни Антиохийским Патриархом Иоакимом. «Приближенная к трону группа и сам царь решили, если удастся, воспользоваться приездом Патриарха, чтоб найти в нем себе помощника в задуманном ими важном деле. Тайно было предложено Патриарху, должно быть с обещанием дать ему те 8000 золотых, за которыми он приехал в Москву, — самому поставить Московского митрополита Патриархом, как это позже было сделано с Иеремией. Тот отказался, боясь нареканий и ссылаясь на то, что «... это дело великое, всего собора» (там же. С. 273). При отъезде Патриарха вместе с ним для переговоров с Восточными Патриархами отправился подьячий Михаил Огарков. «В Царьграде отнесли очень холодно к желанию русского правительства учредить Патриаршество, и дело это весьма мало подвинулось вперед, хотя в России с нетерпением и трепетом ждали его благоприятного разрешения» (там же. С. 275). Восточные Патриархи не торопились с решением вопроса. В 1587 г. они собрались на специально собранный для этого Собор.

¹ См.: История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М.: ПСТГУ, 2006. С. 122—136.

Процесс обсуждения приостановился после того, как Константинопольский Патриарх Феопит II был снят с кафедры, а на его место султан вернул Иеремию II. Патриарх Иеремия получил епархию в расстроеном и разоренном состоянии. Для улучшения финансовых дел султан разрешил ему выехать для сбора милостыни в христианские страны. 1 июля 1588 г. Патриарх прибыл в Москву. Прибытие его стало неожиданностью для Русского правительства, тем не менее Патриарха встретили со всей торжественностью. Правителю, боярину Борису Годунову было поручено вести переговоры. Ему и принадлежит основная заслуга в установлении института Патриаршества в Русской Церкви. 17 января 1589 г. на Соборе епископов царь сообщил о результатах переговоров. 23 января было проведено избрание Патриарха, а 26 января — интронизация первого Патриарха Московского св. Иова.

После кончины в XVII в. последнего Патриарха Адриана в течении 21 года кафедра находилась во временном управлении Местоблюстителя, в ведение которого были переданы часть дел из расформированного Судного Патриаршего приказа. В 1721 г. Патриаршая кафедра упразднена по воле царя Петра Великого, учредившего синодальный (т. е. коллегиальный) строй высшего церковного управления, просуществовавший до Собора 1917 г. Продолжительное (21 год) местоблюстительство патриаршего престола свидетельствует об отсутствии у царя Петра изначального замысла о ликвидации Патриаршества. С другой стороны, пошатнувшийся авторитет Патриаршества из-за вмешательства прежних правителей в дела Церкви и превращения Патриархов (после свержения Никона) в заложников политической и династической ситуации, ставил вопрос о необходимости перемен в сфере церковного управления. Петр Великий не хотел допустить оппозицию своим реформам и соответственно своей власти, опирающуюся на духовный авторитет Патриаршества («дело царевича Алексея» показало, что некоторые видные представители высшего духовенства занимали не церковную, а сугубо политическую позицию противодействия петровским реформам). Пример вмешательства в дела государственного правления сильного Патриарха был показан еще Никоном. Низвержение Патриарха Никона и суд над ним стали поворотным моментом во взаимоотношениях государства и Церкви в России, когда принципы «симфонии властей» были нарушены, Церковь подпала под очевидный гнет государственной администрации, стала заложницей политических интриг при царском дворе. События начала XVIII в. лишь усугубили существовавшие противоречия. Принцип «цезарепапизма» с 1721 г. восторжествовал окончательно.

Негативную роль в ликвидации Патриаршества и учреждении для управления Церковью государственного органа — Синода — сыграл неправильно истолкованный принцип соборности, который нельзя переносить на государственную корпорацию, руководствующуюся не церковными, а государственными нормами.

Патриаршество и Патриаршая кафедра в Москве восстановлены Всероссийским Поместным Собором 1917—1918 гг. (определение от 04 и 08.11.1917 // Священный Собор Православной Российской Церкви: Определения Священного Собора Православной Российской Церкви. Вып. 1. М., 1918. Репринт: 1994).

Титул Патриарха — Московский и всея РОССИИ — был установлен и утвержден соборным определением от 08.12.1917 (там же. С. 4).

Титул изменен без изложения мотивации и без обсуждения при реставрации Патриаршества в 1943 г. — Московский и всея РУСИ.

26.01.1589 — 10.06.1605	—	Св. Иов^a
30.06.1605 — 17.05.1606	—	Игнатий (Грек)^b
03.06.1606 — 20.03.1611	—	Св. Гермоген^c
03.161 — 08.1611	—	Игнатий (Грек), паки
08.161 — 26.12.1613	—	в/у Ефрем (Хвостов)^d
1614 — 24.06.1619	—	в/у Иона (Архангельский)^e
24.06.1619 — 01.10.1633	—	Филарет (Романов)^f
06.02.1634 — 28.11.1640	—	Иоасаф^g
28.11.1640 — 27.03.1642	—	в/у Св. Серапион (Сысоев)^h
27.03.1642 — 15.04.1652	—	Иосиф (Дьяков)ⁱ
25.07.1652 — 10.07.1658	—	Никон (Минин-Ларионов)^j
10.07.1658 — 06.08.1664	—	в/у Питирим^k
06.08.1664 — 20.12.1664	—	в/у Иона II (Сысоевич)^l
27.12.1664 — 02.1667	—	в/у Павел^m
10.02.1667 — 17.02.1672	—	Иоасаф II (Новоторжец)ⁿ
07.07.1672 — 19.04.1673	—	Питирим^o
1673 — 1674	—	в/у Павел, паки^p
26.07.1674 — 17.03.1690	—	Иоаким (Савелов)^q
24.08.1690 — 15.10.1700	—	Адриан^r
16.10.1700 — 16.12.1701	—	в/у Трифилий (Инихов)^t
16.12.1701 — 14.02.1721	—	в/у Стефан (Яворский)^s
21.11.1917 — 25.03(07.04).1925	—	Св. Тихон (Беллавин)^u
30.04(13.05).1922 — 12(25).06.1923	—	в/у Св. Агафангел (Преображенский)^v
30.03(12.04).1925 — 27.11(10.12).1925/ 27.09(10.10).1937	—	в/у Сщмч. Петр (Полянский)^y
01(14)12.1925 — 25.11(08.12).1926	—	в/у Сергей (Страгородский)^w
25.11(08.12).1926 — 16(29).12.1926	—	в/у Иосиф II (Петровых)^x
16(29)12.1926 — 14(27).03).1927	—	в/у Серафим (Самойлович)^y
30.03(12.04).1927 — 30.08(12.09).1943	—	в/у Сергей (Страгородский), паки

30.08(12.09).1943	— 02(15).05.1944	— Сергий (Страгородский)^z
02(15).05.1944	— 22.01(04.02).1945	— в/у Алексий (Симанский)^{aa}
22.01(04.02).1945	— 04(17).04.1970	— Алексий (Симанский)^{ab}
05(18).04.1970	— 21.05(03.06).1971	— в/у Пимен (Извеков)^{ac}
21.05(03.06).1971	— 20.04(03.05).1990	— Пимен (Извеков)^{ad}
20.04(03.05).1990	— 25.05(07.06).1990	— в/у Филарет II (Денисенко)^{ac}
25.05(07.06).1990	— 28.05(10.06).1990	— в/у Алексий II (Ридигер)^{af}
28.05(10.06).1990		— Алексий II (Ридигер)

^a Полужирным шрифтом выделены имена Патриархов.

Вторая дата — дата свержения с престола бунтовщиками, сторонниками Лжедмитрия. Патриарх Иов преставился 19.10.1607 в монастыре г. Старицы, будучи в ссылке. Среди титулов Свт. Иова встречаются, например, следующие: «Патриарх Владимиро-Московский и всея Руси и всех гиперборейских земель и всего Северного края» или «Патриарх Владимирский, Московский и всея Руси» и т. д. В 1652 г. мощи его перенесены в Москву и положены в Успенском соборе с прочими митрополитами и Патриархами Всероссийскими. Канонизирован в 1989 г. Память. — 5.04 и 19.06.

^b Якобы бывший архиепископ Кипрский, посаженный в 1605 г. Самозванцем на Всероссийский Патриарший Престол, тайный униат. Был выбран Лжедмитрием I на Всероссийскую кафедру из Рязанской митрополии, так как первым из русских архиереев встретил Самозванца в Туле. Был поставлен собором русских архиереев 30.06.1605. После убийства Лжедмитрия «Патриарх Игнатий за то, что, не крестив Марину по-православному, а только миропомазав, допустил ее к таинству причащения и к таинству брака, низринут был Собором иерархов от своего престола и даже от святительства и в качестве простого черноризца отослан в Чудов монастырь под начало. Достоинно замечания, что, низлагая Игнатия, отцы Собора вовсе не упомянули о том, якобы он был поставлен неправильно и был незаконным образом архипастырем Русской Церкви, на что всего прежде следовало бы указать при его низложении. И есть несомненные свидетельства, что Игнатия считали современники Патриархом, а не лжепатриархом, хотя и признали потом еретиком». Скончался ок. 1640 г. в Виленском Троицком монастыре

^c Скончался Сщмч. Гермоген от голода 17.02.1612.

^d Митрополит Казанский.

^e Митрополит Крутицкий.

^f В грамоте к гетману Сапеге о дозволении освятить оскверненный храм, датированной 11.1608, именуется «Митрополит Ростовский и Ярославский, нареченный Патриарх Московский и всея Руси» По-видимому, «наречение» произошло в стане Тушинского вора. Дата кончины 01.10.1633.

^g Дата кончины 28.11.1640.

^h Митрополит Крутицкий.

ⁱ Дата кончины 15.04.1652.

^j Первая дата — дата поставления. Вторая дата — дата добровольного устрания от управления. Дата соборного осуждения Никона — 12.12.1666.

Преставился 17.08.1681 на р. Которосли, подплыв на струге к Ярославскому Спасскому монастырю. Погребен в Ново-Иерусалимском монастыре.

^к Митрополит Крутицкий.

^l Митрополит Ростовский.

^m Митрополит Крутицкий

ⁿ Из архимандритов Троице-Сергиева монастыря.

^o Дата кончины 19.04.1673.

^p Митрополит Крутицкий.

^q После упразднения Патриаршества «на Патриаршем дворе и в [Успенском] соборе в это время сохранялся еще старый церковный обычай, что при священнослужениях в отсутствие Патриарха творили поклонение, как присутствующему, его месту, на котором всегда стоял и патриарший посох. Само собою разумеется, что для новых порядков Духовного Регламента такое обстоятельство представлялось уже великою несообразностью, и потому Святейший Синод 14 августа 1721 г. определил: «В Москве, в Успенском соборе и в преждебывшем патриаршем доме, в церкви Двенадцати Апостолов, патриаршим местам поклонения не творить и во оных, в соборе и в церкви, и в Крестовой полате, и в прочих (местах) обретающиеся при патриарших местах посохи, отобрав, отдать в Ризницу». При расспросах по сему предмету ризничий объяснил: «Который де посох в церкви Двенадцати Апостол, и оный де для того на том месте, что к тому месту, по прежнему обычаю, кланяются они (прихожане) даже и до ныне» (1722 г.)...» (*Забелин И.* История города Москвы. М., 1905. С. 529—530).

^r Митрополит Крутицкий, помогавший в делах управления старцу Адриану в конце его жизни и временно управляющий по его кончине до назначения царем Петром Стефана Яворского Местоблюстителем.

^s Митрополит Рязанский и Муромский с титулом «администратор, блюститель, викарий и экзарх Патриаршего Престола». С ликвидацией Патриаршества и с установлением синодального строя, был назначен первым Президентом Св. Синода. Скончался 27.11.1722.

^t В примечании М. Е. Губонина (1970 г.) изложена краткая канва биографии глубокопочитаемого им Святителем Тихона. См.: Приложение 6.

^u Митрополит Ярославский. Вверенными Патриаршими полномочиями «по обстоятельствам времени» практически не воспользовался.

^v Митрополит Крутицкий; в должности Патриаршего Местоблюстителя реально возглавлял Российскую Церковь по день ареста 27.11(10.12).1925, однако канонически правильно почитать срок управления сщмч. Петра (Полянского) по ранее неизвестную точно дату его мученической кончины — 27.09(10.10).1937 (в этот день он был расстрелян в г. Магнитогорске).

^w Согласно полномочий, переданных митрополитом Крутицким Петром Полянским митрополиту Нижегородскому Сергию Страгородскому, последний с 01(14).12.1925 г. возглавил Русскую Церковь в звании заместителя Патриаршего Местоблюстителя (с весны 1926 г. его резиденция постоянно находилась в Москве. 25.11(8.12).1926—30.03(12.04).1927 не имел возможности исполнять свои обязанности и передал их др. иерархам (см. список).

С 1936 г., в связи с объявленной кончиной митрополита Петра Полянско-го, правил Церковью в звании Патриаршего Местоблюстителя (определение Временного Патриаршего Св. Синода № 147 от 14(27).12.1936 и указ Московской Патриархии № 52 от 17(30).01.1937).

^x Митрополит Ленинградский в звании Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. (позднее — в оппозиции Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию Страгородскому и его Временному Патриаршему Св. Синоду).

^y Архиепископ Угличский, викарий Ярославской епархии; в звании Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

^z Дата кончины 02(15).05.1944.

^{aa} Митрополит Ленинградский; в звании Патриаршего Местоблюстителя.

^{ab} Дата кончины 04(17)04.1970.

^{ac} Митрополит Крутицкий и Коломенский; в звании Патриаршего Местоблюстителя.

^{ad} Дата кончины 20.04(03.05).1990.

^{ae} Митрополит Киевский, экзарх Украины; с полномочиями Местоблюстителя Патриаршего престола.

^{af} Избранный Поместным Собором 1990 г. митрополит Ленинградский, нареченный Патриарх.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОСЛАВЛЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ¹

1865, 19(31) января (вторник) — рождение Василия Беллавина; сына священника Воскресенской церкви погоста Клина Торопецкого уезда (впоследствии священника Спасо-Преображенской церкви г. Торопца) Псковской епархии. (Тезоименитство 30.01 ст. ст. родители: Иоанн и Анна.)

1874–1878 — учеба в Торопецком духовном училище.

1878–1884 — Василий Беллавин проходит полный курс и с отличием оканчивает Псковскую духовную семинарию.

1884–1888, 11 июня — студент Василий Беллавин успешно проходит полный курс и одним из первых оканчивает Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата—магистранта богословия.

1888, июнь — Василий Иванович Беллавин определяется преподавателем богословия и французского языка в Псковскую духовную семинарию.

1891, 14 декабря — преподаватель Псковской семинарии В. И. Беллавин, в храме той же семинарии, от руки Преосвященного Гермогена (Добронравина), епископа Псковского и Порховского, постригается в мантию, с наречением имени ему Тихон (в честь св. Тихона Задонского; тезоименитство 13.08 ст. ст.).

1891, 15 декабря — рукоположен в иеродиакона.

1891, 22 декабря — рукоположен в иеромонаха.

1892, 17 марта — иеромонах Тихон определяется на должность инспектора Холмской духовной семинарии.

1892, июнь — ректор той же семинарии, архимандрит. Председатель Холмско-Варшавского Училищного Совета, Председатель Холмского Православного Богородичного Братства, благочинный монастырей Холмско-Варшавской епархии и прочее.

¹ Составлено М. Е. Губониным, дополнено редакцией.

- 1895, 6 мая — сопричислен к ордену св. Анны 2-й степени.
- 1897, 4 октября — Высочайшее повеление о бытии ректору Холмской духовной семинарии архимандриту Тихону — епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии.
- 1897, 18 октября — Санкт-Петербург. Наречение во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии.
- 1897, 19 октября — Санкт-Петербург. В Троицком соборе Александро-Невской лавры хиротония архимандрита Тихона во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. Хиротонию совершают: Первенствующий член Святейшего Синода, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий (Раев), архиепископ Казанский и Свяяжский Арсений (Брянцев), архиепископ Финляндский и Выборгский Антоний (Вадковский), епископ Нарвский Иоанн (Кратиров) и епископ Самарский и Ставропольский Гурий (Буртасовский).
- 1898, 14 сентября — епископ Алеутский и Аляскинский.
- 1900, 17 января — епископ Алеутский и Северо-Американский.
- 1901, 6 мая — сопричислен к ордену св. Владимира 3-й степени.
- 1904, 6 мая — сопричислен к ордену св. Анны 1-й степени.
- 1905, 6 мая — возведен в сан архиепископа.
- 1905, 6 мая — архиепископ Алеутский и Северо-Американский.
- 1907, 25 января — архиепископ Ярославский и Ростовский.
- 1909, 6 мая — сопричислен к ордену св. Владимира 2-й степени.
- 1913, 6 мая — сопричислен к ордену св. Александра Невского.
- 1913, 22 декабря — архиепископ Виленский и Литовский.
- 1916, 6 мая — награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.
- 1917, 23 июня — Московским Епархиальным Съездом духовенства и мирян избран на Московскую и Коломенскую митрополичью кафедру; архиепископ Московский и Коломенский.
- 1917, 13 августа — возведен в сан митрополита Московского и Коломенского.
- 1917, 15 августа — открытие в Москве Священного Собора Православной Российской Церкви.
- 1917, 18 августа — избрание Председателем Всероссийского Поместного Собора 407-ю голосами против 33-х.
- 1917, 5(18) ноября — Поместным Собором Православной Российской Церкви (по жребию, после закрытого голосования) избран и наречен Патриархом Московским и всея России.
- 1917, 21 октября (4 декабря) — Москва, Кремль. В Большом Успенском соборе — настолование (интронизация) нареченного Пат-

- риарха, митрополита Московского и Коломенского Тихона на Всероссийский Патриарший престол; чин возглавляется митрополитом Киевским Владимиром (Богоявленским), Святейший Патриарх Московский и всея России (11-й по счету не считая Игнатия Грека).
- 1918, 28 мая (10 июня) — 4(17) июня — поездка Патриарха Тихона в Петроград.
- 1918, 14(27) сентября — 22 сентября (5 октября) — поездка Патриарха Тихона в Ярославль и Ростов Великий.
- 1918, 11 (24) ноября — 1918, 24 декабря (1919, 6 января) — арест Патриарха Тихона.
- 1919, 11 (24) декабря — 1919, 24 декабря (1920, 6 января) — арест Патриарха Тихона.
- 1920, 8(21) июля — допрос Патриарха Тихона в Московском суде на «Процессе Виленских мучеников».
- 1922, 22 апреля (5 мая) — допрос Патриарха Тихона в Московском революционном трибунале на I процессе Московского духовенства об изъятии церковных ценностей.
- 1922, 6(19) мая — Патриарх Тихон увезен из Троицкого подворья и заключен под стражу в Донском монастыре.
- 1923, 3(19) мая — 14(27) июня — Патриарх Тихон в течении 48 дней находился во внутренней тюрьме ГПУ.
- 1924, 8(21) марта — постановление Президиума ЦИК СССР о прекращении дела по обвинению Патриарха Тихона.
- 1924, 31 декабря (1925, 13 января) — Патриарх Тихон помещен в больницу Бакуниных на Остоженке.
- 1925, март — новое постановление ОГПУ о привлечении Патриарха Тихона к суду.
- 1925, 25 марта (7 апреля), вторник, 11 часов 45 минут вечера, — «на исходе праздника Благовещения», в Москве, на Остоженке, в лечебнице Бакуниных — безвременная кончина на 61-м году жизни Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России.
- 1925, 30 марта (12 апреля) — Неделя Ваий. В летнем (большом) соборе Московского ставропигиального Донского монастыря, сонмом иерархов (около 60-ти человек) и «при огромном стечении молящихся», заполнивших монастырь и все прилегающие улицы и площади — совершается торжественная заупокойная литургия и чин отпевания в Бозе почившего Святейшего Патриарха Тихона, закончившиеся в 6 часов вечера; останки погребаются в старом (зимнем) соборе монастыря в честь Донской иконы Божией Матери, у Южной стены трапезной.

- 1925, 6(19) июня — Постановление Коллегии ОГПУ: «Дело ввиду смерти Беллавина следствием прекратить».
- 1981, 19 октября (1 ноября) — Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей прославил в соборе Новых Мучеников и Исповедников Российской Церкви, Патриарха Тихона, исповедника.
- 1989, 26 сентября (9 октября) — Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых Патриарха Тихона.
- 1991, 5(18) ноября — поджог Малого собора Донского монастыря, где сохранялись святые мощи Патриарха Тихона (в годовщину избрания на Патриарший Престол).
- 1992, 9 (22) февраля — торжество обретения святых мощей Патриарха Тихона.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Рукописи

- Арсений (Жадановский), епископ.* Воспоминания.
- Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. Рукопись.
Издано: *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. — М.: ПСТБИ, 1995.
- Вениамин (Федченков), митр.* Записки епископа.
- Вениамин (Федченков), митр.* Записки епископа. Рукопись в 3 ч. Ростов-на-Дону, 1955.
Наиболее полное издание рукописи см.: *Вениамин (Федченков), митр.* Записки архиеерея. — М.: Правило веры, 2002. (Ссылки на страницы проставлены по изд. 2002 г.)
- Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха...
- Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Рукопись. См. наст. сб. Т. 1.
- Левитин А., Шавров В.* Очерки...
- Левитин А., Шавров В.* Очерки обновленческого движения Русской Православной Церкви. Рукопись. М., 1960.
Издано: *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. — Kusnacht (Schweiz): Institut Glaube in der 2. Welt, 1977; То же. — М.: Крутиц. патриаршее подворье; Kusnacht (Schweiz): Institut Glaube in der 2. Welt, 1996.
Текст рукописи несколько отличается от последующих изданий. Некоторые исправления М. Е. Губонина в рукописи были учтены авторами в последующих изданиях. Мы оставляем цитаты в том виде, в каком они были цитированы *Составителем.* (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1996 г.)
- Сергий (Ларин), епископ.* Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол.]
- Сергий (Ларин), еп.* Обновленческий раскол. Астрахань; Омск. 1953—1959. Рукопись.
Издано: *Сергий (Ларин), еп.* Обновленческий раскол // Вестник Русского Западно-Европейского патриаршего Эрзархата. Париж, 1964. № 46/47. С. 120—153; № 48. С. 252—257.
Данная рукопись была издана: *Кузнецов А. И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: (Материалы для церков.-ист. и канон. характеристики) / *Сост. И. В. Соловьев.* — М.: О-во любителей церков. истории: Изд-во Крутиц. подворья, 2002. В данном издании дается краткая история создания рукописи. (Ссылки на страницы проставлены по изд. 2002 г.)

Отчизна неизвестная. Отчизна неизвестная. Рукопись.
 Издано: Отчизна неизвестная / *Авт. введ. А. Э. Левитин (Красное); Предисл. Е. А. Хорвата.* — London: Overseas Publications Interchange, 1988. (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1988 г.)

Литературные источники

- А. Л.* Биографический очерк / *А. Л.* // *Михаил (Трибановский), еп.* Над Евангелием. 3-е изд., испр. и значит. доп. Полтава, 1911.
- Акты... Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917—1943: Сб. в 2 ч. / *Сост. М. Е. Губонин.* — М.: ПСТБИ: Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. — (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).
- Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей: (Сб. сведений, касающихся преимущественно практ. деятельности отеч. духовенства): [В 2 ч.]. — Киев, 1913; То же. — Репр. воспр. изд. 1913 г. (Киев). — М.: Издат. Отд. Моск. Патриархата: Моск. отд-ние ВООПИиК, 1993.
- Булгаков С. Н.* Страж дома Господня. *Булгаков С. Н., прот.* Страж дома Господня: (Памяти Святейшего Патриарха Тихона) // *The Slavonic Review.* London, 1925. Т 4, № 10. Перепечатка: Акты... С. 387—392.
- Булгаков С. Н.* На пиру богов. *Булгаков С. Н., прот.* На пиру богов: Pro ucontra: Соврем. Диалоги. — София: Рос. — Болг. книгоиздательство, 1921 (Придвор. тип., 1920).
- Введенский А. И., прот.* Церковь патриарха Тихона. *Введенский А. И., прот.* Церковь патриарха Тихона. — М., 1923.
- Введенский А. И., прот.* Церковь и государство. *Введенский А. И., прот.* Церковь и государство: (Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918—1922 г.). — М.: Мосполиграф, 1923.
- Ведерников А. В.* Ревнитель церковного единства. *Ведерников А.* Ревнитель церковного единства: (К двадцатипятилетию со дня кончины Патриарха Тихона — 25 марта 1925 г.) // *ЖМП.* 1950. № 5. С. 61—69.
- Гидулянов П. В.* Отделение Церкви от государства. *Гидулянов П. В.* Отделение Церкви от государства. Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отд. НКЮста РСФСР / Под ред. П. А. Красикова, прокурора Верховного суда СССР. Изд. 2-е, вновь перераб. и доп. узаконениями и распоряжениями по 1-е окт. 1924 г. — М.: Юрид. Изд-во НКЮста РСФСР, 1924.

- Горев М.* Последний Святой... *Горев М. В. (Галкин).* Последний Святой: Послед. Дни Романов. Церкви; Канонизационный процесс Иоанна Тобольского 22 мая 1914 г. — 8 апр. 1917: По арх. материалам. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
- Деяния.* Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния [1—82, 104—106, 116—119]. — М.; Пг.: Собор. Совет, 1918. — Кн.1—10. — Изд. не завершено; То же (под загл.). Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. — Репр. воспр. изд. 1918 г. — М.: Новоспас. монастырь, 1994—1996. — Т.1—6. Т. 7—10. М.: Новоспас. монастырь, 1994—1996.
- Евлогий, митр.* *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания митр. Евлогия излож. по его рассказам Т. Манухиной / Предисл. Т. И. Манухиной (Т. Таманин); Послесл. Т. И. Манухиной. — Париж: YMCA-Press, 1947; То же (перев. изд.). — М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1994.)
- Елевферий, митр.* Неделя в Патриархии. *Елевферий (Богоявленский), митр.* Неделя в Патриархии. — Париж, 1938.
Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии: Сб. — М.: Крутиц. патриаршее подворье, 1995. (Материалы по истории Церкви; Кн. 5). (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1995.)
- Затворник А.* Обновленцы... *Затворник А.* Обновленцы по суду Вселенской Православной Церкви: Девять лекций против обновлен. Лжеучений. — Уфа, 1927.
- Иоанн (Поммер), архиеп.* *Иоанн (Поммер), архиеп.* Тихон, Святейший Патриарх Московский и всея Руси (скончался 7 апреля 1925 г.): Речь в Риж. кафедрал. соборе на нар. панихиде 12 апреля 1925 г. // Вера и жизнь. Рига, 1925. № 5/6. (Ссылки на страницы проставлены по: Акты... С. 380—386.)
- Каменев С. А.* Церковь и просвещение в России. *Каменев С. А.* Церковь и просвещение в России: (Очерки). — М.: Атеист, [1928].
- Кандидов Б.* Церковно-белогвардейский Собор 1919 года; *Кандидов Б. П.* Церковно-белогвардейский Собор в Ставрополе в мае 1919 г.: Материалы по вопр. об организации церков. контрреволюции в годы гражд. войны. — М.: Моск. рабочий, 1930.
- Кандидов Б.* Церковь и гражданская война на юге России). *Кандидов Б. П.* Церковь и гражданская война на юге: (Материалы к истории религ. контрреволюции в годы гражд. войны): По неопубл. арх. материалам. — М.: Безбожник, 1931.

- Карташев А. В.* Очерки...
Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. — Париж: YMCA-Press, 1959; То же. — Репр. изд. — М.: Наука, 1991.
- Маевский В. А.* Сербский Патриарх Варнава...
Маевский В. А. Сербский Патриарх Варнава и его время. — Новый Сад: Б.и., [1931].
- Мануил (Лемешевский), митр.*
Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включительно): В 6 т. — Erlangen, 1979—1989.
- Навиль Э.* Вопрос о зле.
Навиль Э. Вопрос о зле: Публ. чтения Эрнеста Навиля / Пер. свящ. *Н. Протопопова*. — М.: Ред. «Правосл. Обзорения», 1872.
- Обвинительное заключение...
Обвинительное заключение по делу граждан: *Беллавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича и Гурьева Петра Викторовича* по 62 и 119 ст. ст. Уголовного кодекса. — М.: Тип. ГПУ, 1923. Опубликовано: Акты... С. 225—280. Следственное дело... С. 263—332.
- Обзор деяний.
Священный Собор Православной Российской Церкви 1917—1918 г. Обзор деяний: Сессия первая / *Сост.: Кравецкий А. Г., Плетнева А. А., Шредер Г.-А., Шульц Г.* — М.: Крутиц. подворье, 2000—2002.
- Патриарх Сергей и его духовное наследство.
Патриарх Сергей и его духовное наследство. — М.: Изд. Моск. Патриархии, 1947.
- Персиц М. М.* Отделение Церкви от государства.
Персиц М. М. Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в СССР (1917—1919). — М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Полный православный богословский энциклопедический словарь.
Полный православный богословский энциклопедический словарь: Богослов. энцикл. словарь («Богословская энциклопедия») содержит в себе объяснение всех, касающихся Св. Правосл. Церкви, ее учения и жизни, понятий по вопросам богословского, философского, литургического, церковно-практического и исторического характера и составлен на основании лучших исследований специалистов по этим отраслям богословского знания. — СПб.: П. П. Сойкин, [1913]; То же. — Репр. изд. — М.: Концерн «Возрождение», 1992. — 2 т.
- Православный календарь на 1918 г.
Православный календарь на 1918 г.: 7426—7427 от Сотворения мира: Год 4-й. — Пг.: Издат. Совет при Св. Синоде, [1917].

- Рклицкий Н.** Блаженнейший Антоний
Никон (Рклицкий), архиеп. Блаженнейший Антоний, митрополит Киевский и Галицкий (Составлено по воспоминаниям и творениям Владыки и по рассказам его бывших подчиненных, сослуживцев и учеников) / *Ник. Рклицкий // Сборник избранных сочинений Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого: С портр. и жизнеописанием авт.: (Юбил. изд. к 50-летию священнослужения).* — Белград: Тип. «Слово», 1935; То же. — Репр. изд. — Монреаль: Братство преп. Иова Почаевского, 1986.
- Рождественский А., прот.** Святейший Тихон...
Рождественский А., прот. Святейший Тихон, Патриарх Московский и всяя России. — София, [1922].
Полностью текст брошюры вошел в наст. «Сборник»
- Сборник избранных сочинений Блаженнейшего Антония.**
Сборник избранных сочинений Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого: С портр. и жизнеописанием авт.: (Юбил. изд. к 50-летию священнослужения). — Белград: Тип. «Слово», 1935; То же. — Репр. изд. — Монреаль: Братство преп. Иова Почаевского, 1986.
- Сережников В.** Епископ Филипп и Православная Церковь.
Сережников В. Филипп, епископ Смоленский и Дорогобужский и Православная Церковь: (По материалам процесса Смолен. церковников (19.7)1.8 — (11)24.8.1922 г.). — Смоленск: Смолен. Губком РКП(б), 1922.
- Следственное дело...**
Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам Центр. архива ФСБ РФ. — М.: ПСТБИ, 2000. — (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).
- Собрание Определений и Постановлений**
Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений: В 4 вып.: Прил. к «Деяниям» 2-е. — М.: Собор. Совет, 1918; То же. — [Репр. изд.]. — М.: Новоспас. монастырь, 1994.
- Стратонов И. А., проф.** Русская церковная смута.
Стратонов И., проф. Русская церковная смута (1921—1931). — Берлин: Парабола. 1932.
Стратонов И. А., проф. Русская церковная смута (1921—1931) // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии: Сб. М.: Крутиц. Патриаршее подворье, 1995. (Материалы по истории Церкви. Кн. 5). (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1995 г.)
- Титлинов Б. В.** Новая Церковь.
Титлинов Б. В. Новая Церковь. — Пг.; М.: Петроград, 1923.
- Троицкий С. В.** Размежевание или раскол.
Троицкий С. В. Размежевание или раскол. — Paris: YMCA-Press, 1932.

- Указатель улиц и домов столичного города Москвы
Указатель улиц и домов столичного города Москвы, с пояснением сведений исторического происхождения наименования улиц, площадей и других мест и с указанием, к каким мировым и судебным участкам города причислены улицы с домами, на них находящимися, с историческим описанием всей церкви города и приложением плана города. — М.: Тип. при Канцелярии г. Моск. обер-полицеймейстера, 1882.
- Шавельский Г. И., протопр.* Воспоминания...
Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. — Т. 1—2; То же. — Репр. изд. — М.: Крутиц. патриаршее подворье, 1996.
- Шилов Д. Н.* Государственные деятели...
Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи, 1802—1917: Биобиблиогр. справочник. — СПб., 2002.
- Ярославский Е.* О религии.
Ярославский Е. О религии. — М., ГИПЛ, 1957.

Периодические издания

- Безбожник.
Безбожник: Еженедельная газета. — М., 1922—1942
- Богословский вестник.
Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией. — Сергиев Посад, 1892—1918. — Ежемес.
- Вестник Священного Синода...
Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. — М., 1923—1932. — Ежемес. № 1—55. — [Обновленческое издание].
- Всероссийский церковно-общественный вестник.
Всероссийский церковно-общественный вестник. — Пг., 1917—1918. — Ежеднев.
- ЖМП
Журнал Московской Патриархии: Издание Московской Патриархии. — М., 1931—1935, 1943—. — Ежемес.
- Петроградский церковно-епархиальный вестник.
Петроградский церковно-епархиальный вестник: Еженедельная газета. — Пг., 1917—1918.
- Свободная Церковь.
Свободная церковь: Еженедельная газета / Ред.-изд. свящ. М. В. Галкин. — Пг., 1917.
- Революция и церковь.
Революция и церковь: Ежемес. журн. / Ред. П. А. Красиков. — Пг., 1919—1924.
- Украинский православный благовестник.
Український православний благовісник. — Харьков, 1923—1928. — 2 раза в мес.

- Путь. Путь: Орган рус. религ. мысли / Изд. Религ.-филос. Акад.; Под ред. Н. А. Бердяева. — Париж, 1925—1940.
- Русский паломник. Русский паломник: Еженедельное иллюстрированное издание. — СПб., 1885—1917.
- Странник. Странник: Духовный учебно-литературный журнал. — СПб., 1860—1917.
- Церковные ведомости. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде: Еженедельное издание с прибавлениями. — СПб., 1888—1918.
- Церковные ведомости. Церковные ведомости / Издаваемые при Высшем рус. церков. упр. за границей. — Сремские Карловцы, 1922—1930. — Двухнед. изд.
- Ярославские епархиальные ведомости. Ярославские епархиальные ведомости. — Ярославль, 1860—1917. — Еженед.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Биографическая статья строится по следующему принципу: фамилия, имя, отчество, годы жизни (точная дата смерти указывается при гибели в годы гонений), сведения о статусе лица, для лиц духовного звания дается краткий послужной список (в некоторых случаях для пояснения основного текста даются более расширенные сведения), даются краткие справки о репрессиях. Для причисленных к лику святых указывается год канонизации. Полу жирным шрифтом выделены имена лиц, биографии которых приводятся в основном тексте, курсивом — авторы упоминаемых источников.

В указатель не включены упоминания о самом Патриархе Тихоне, имена святых в названиях церквей и монастырей, икон, орденов, братств, обществ и т. п., имена в подписях под фотографиями в иллюстрированных вставках, имена, входящие в географические названия, в названиях книг, статей, мифологические персонажи.

Имена лиц, упоминаемых в Приложениях, даются без биографических справок.

При составлении биографического именного указателя были использованы следующие публикации:

База данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (<http://kuzl.pstbi.ccas.ru>).

Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1997.

Деяния Русского Всеаграничного Церковного Собора. Сремски Карловцы, 1922.

За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917—1956: Биографический справочник. Кн. 1: А—К. М., 1997.

Именной список ректорам и инспекторам Императорских Духовных академий, Духовных семинарий, преподавателям Императорских Духовных академий, смотрителям Духовных училищ и их помощникам, состоящим в священном сане преподавателям Духовных семинарий и училищ, священнослужителям при русских церквях за границей и начальникам заграничных Духовных миссий на 1917 год. Пг., 1917.

История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М.: ПСТГУ, 2006.

Кандидов Б. Церковно-белогвардейский Собор в Ставрополе в мае 1919. М., 1930.

Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Вып. 1—3. М., 1962—1980.

Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно): В 6 т. — Erlangen, 1979—1989. (Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemeševskij). Teil I—VI. Erlangen, 1979—1989).

Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1997 в шести томах / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 1—6. М., 1999—2006.

Полный православный богословский энциклопедический словарь: Богослов. энцикл. словарь («Богословская энциклопедия») содержит в себе объяснение всех, касающихся Св. Правосл. Церкви, ее учения и жизни понятий по вопросам богословского, философского, литургического, церковно-практического и исторического характера, и составлен на основании лучших исследований специалистов по этим отраслям богословского знания. — СПб.: П. П. Сойкин, [1913]; То же. — Репр. изд. — М.: Концерн «Возрождение», 1992. — 2 т.

Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 1—11. М.: «Православная энциклопедия», 2000—2007.

Священный Собор Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Обзор деяний. Первая Сессия / Сост.: А. Т. Кравецкий, А. А. Плетнева, Г.-А. Шредер, Г. Шульц — М.: Крутиц. подворье, 2002.

Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.

Советская историческая энциклопедия. Т. 1—16. М., 1961—1976.

Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1—3. М., 1993—1995.

Энциклопедический словарь Русского библиографического института «бр. А. и И. Гранат и К^о», 7-е изд., переработанное. Т. 1—55, 57, 58, 1 доп. том. М., 1910—1948.

Краткие сокращения:

Архиерейский Собор 2000 г. — Освященный Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2000 г.

член Св. Собора 1917—1918 гг. — член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг.;

член Ставропольского церковного собора — член Ставропольского Юго-восточного русского церковного собора 1919 г.;

член Карловацкого Собора — член Русского Всеагресского Церковного Собора в Сремских Карловцах 1921 г.;

член Св. Синода — член Святейшего Правительствующего Синода (до 1918 г.), член Священного Синода при Патриархе Тихоне (1918—1925 гг.), член Временного Патриаршего Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителе (1927—1935 гг.)

А. Л. — 155, 158, 160, 164, 167, 168, 170

Аббаты Андрей Иванович (ок. 1883 — ?), член Св. Собора 1917—1918 гг., член Ставропольского церковного собора — 262

Абрамов Н. — 233

Абрамов Николай Матвеевич (1876—1949), инженер путей сообщения. Профессор Донского политехнического института в Новочеркасске. Член Св. Собора 1917—1918 гг., член Ставропольского церковного собора — 262

Абрамов, астраханский священник-обновленец — 330

Августин (Беляев Александр Александрович; 1886—23.11.1937), священномученик, архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Иваново-Вознесенского, викария Владимирской епархии. В 1924 г. выслан в Москву. В 1926—1929 гг. в ссылке. В 1931—1934 гг. в лагерном заключении. С 1934 г. епископ Калужский и Боровский. С 1936 г. архиепископ. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 67, 71

Аврорский Серафим, настоятель астраханской церкви — 332

Агабабов, астраханский рыбопромышленник — 409

Агапит (Вишневецкий Антон Иосифович; 1867—1924), архиепископ. В 1902 г. хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии. С 1908 г. епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии; с 1911 г. епископ Екатеринославский и Мариупольский. С 1918 г. архиепископ, В 1919 г. возглавил самочинный Священный Синод «Украинской Православной автокефальной Церкви». Принес покаяние. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол. Снова принес покаяние — 35, 261, 262, 267—269

Агассис Жан Луи (1807—1873), швейцарский естествоиспытатель — 291

Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич; 1854—16.10.1928), священноисповедник, митрополит. В 1889 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1893 г. епископ Тобольский и Сибирский; с 1897 г. епископ Рижский и Митавский. С 1904 г. архиепископ; с 1910 г. архиепископ Литовский и Виленский; с 1913 г. архиепископ Ярославский и Ростовский. Присутствующий в Св. Синоде. Член Предсоборного Совета и Св. Собора 1917—1918 гг. 28.11(11.12).1917 возведен в сан митрополита. С 1918 г. член Высшего Церковного Совета. 16.05.1922 после ареста св. Патриарха Тихона временно принял от него патриаршие права и обязанности. 28.06.1922 заключен под домашний арест в Ярославле, позднее переведен в тюремную камеру. В 1923—1925 гг. в ссылке и тюремном заключении. По завещательному распоряжению св. Патриарха Тихона от 07.01.1925 назначен вторым кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. 18.04.1926 выпустил послание о вступлении в права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя, затем отказался от прав на Местоблюстительство. 06.02.1928 вместе с группой архиереев Ярославской епархии выпустил декларацию об отделении от митрополита Сергия (Страгородского). 10.05.1928 дал компромиссное разъяснение февральского заявления. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 28, 38, 39, 44, 46, 84, 132, 257, 281, 328, 436, 492—494, 618

Агафодор (Преображенский Павел Флегонтович; 1837—1920), митрополит. В 1888 г. хиротонисан во епископа. С 1893 г. епископ Ставропольский и Кавказский. С 1907 г. архиепископ. В 1919 г. возведен в сан митрополита — 96—98, 261, 262, 268

Агафон, преподобный, пустынный египетский — 467—469

Агафонов, староста астраханской церкви св. Князя Владимира — 324

Агтеев (Агеев) Константин Маркович (1868—28.05.1920), протоиерей, член Св. Собора 1917—1918 гг. Расстрелян при занятии Крыма красными — 145, 272, 579, 580

Адам (Филипповский-Филипенко Адам Аполлинариевич; 1881—1956), архиепископ. Священник с 1912 г. Служил в различных церквях США. С 1922 г. епископ Канадский. С 1935 г. епископ Филадельфийский и Карпаторосский (США) в юрисдикции Американской митрополии. Архиепископ с 1936 г. В 1944 г. перешел в Московский Патриархат, Заместитель Патриаршего Экзарха в Северной Америке. С 1950 г. на покое. Скончался в США, г. Филадельфия — 53

Адлер Ф., американский юрист — 55

Адриан, Патриарх Московский и всея России — 617, 618

Адрианов А. А., московский градоначальник — 310

- Аквилонев Евгений Петрович (1861—1911), доктор богословия, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, протопресвитер военного и морского духовенства (1910—1911) — 163, 228
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), русский писатель — 287
- Александр (Немоловский Александр Алексеевич; 1875—1960), митрополит. В 1901 г. по окончании курса Санкт-Петербургской Духовной Академии со степенью кандидата богословия, определен священником (целибат) Катацкво-Филадельфийского прихода в США. В 1909 г. хиротонисан во епископа. С 1918 г. временно управляющий Алеутской епархией. В 1921 г. эмигрировал в Константинополь. С 1936 г. архиепископ Брюссельский и Бельгийский в юрисдикции Константинопольской Патриархии. В 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией и назначен архиепископом Берлинским и Германским; с 1948 г. архиепископ Брюссельский и Бельгийский. С 1959 г. митрополит — 22, 55, 174, 181
- Александр (Сидоровский), епископ см. Сидоровский Александр Александрович
- Александр (Хотовицкий Александр Александрович; 1872—21.11.1937), священномученик, протопресвитер. С 1895 г. псаломщик церкви свт. Николая в Нью-Йорке (Северо-Американская и Алеутская епархия). С 1917 г. ключарь храма Христа Спасителя в Москве. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1920—1921, 1922 г., 1922—1928 г. в заключении и ссылках. В 1928 г. вернулся в Москву, возведен в сан протопресвитера. В 1930-е гг. настоятель Ризоположенной церкви на Донской улице в Москве. Осенью 1937 г. вновь арестован. Расстрелян. Причислен к лику святых в 1994 г. — 170, 171, 173—175, 181, 183, 223, 486, 606
- Александр (Шубин Александр Тихонович; 1894—19.09.1937), обновленческий «митрополит». В 1915 г. священник Ставропольской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1923 г. обновленческий «епископ Святкрестовский», Пятигорской епархии. С 1926 г. «архиепископ». С 1927 г. «архиепископ Ленинградский», с 1930 г. занимал обновленческие кафедры: Новороссийскую, Старорусскую, Псковскую, Астраханскую и др. С 1935 г. обновленческий «митрополит». Арестован в 1937 г. Расстрелян — 361, 362
- Александр Аккерманский, епископ — 444
- Александр Введенский, «митрополит» см. Введенский Александр Иванович, протоиерей, обновленческий «митрополит»
- Александр Невский (1220—1263), Великий князь Владимирский, (1252) — 448
- Александр II (1818—1881), Император Всероссийский (1855) — 27
- Александр III (1845—1894), Император Всероссийский (1881) — 236, 479
- Александра Николаевна — Анна (Страгородская), монахиня Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря — сестра Патриарха Сергия (Страгородского) — 478
- Александра Феодоровна (1872—17.07.1918), страстотерпица, Императрица (1894). Урожденная Алиса Гессен-Дармштадская). Супруга Императора Николая II. Расстреляна вместе со всей семьей в г. Екатеринбурге. Архиерейским Собором 2000 г. причислена к лику святых — 588, 607, 611, 612
- Александровский Павел, священник — 360
- Алексей Михайлович (1629—1876), русский царь (1645) — 186

- Алексий (?), викарий Минской епархии, член Ставропольского церковного собора¹ — 268
- Алексий (Алексей) Николаевич (1904—17.07.1918), страстотерпец. Наследник Цесаревич и Великий князь. Сын страстотерпцев Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны. Расстрелян вместе со всей семьей в г. Екатеринбург. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 588, 607, 611, 612
- Алексий (Баженов Дмитрий, 1872 — после 09.02.1938), епископ, обновленческий «митрополит». В 1913 г. хиротонисан во епископа Николаевского, третий викарий Одесской епархии (с 1914 г. второй викарий). С 1917 г. епископ Елисаветградский, первый викарий Одесской епархии. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1921 г. епископ Тираспольский, временно управляющий Одесской епархией. В 1921 г. устранен Патриархом Тихоном от управления, а в 1922 г. уволен от должности. В 1922 г. уклонился в обновленчество. В 1923 г. обновленческий «архиепископ Казанский», а с 1924 г. «митрополит». Ставил перед Патриархом Тихоном вопрос покаяния, если за ним сохранится сан митрополита, но получил отказ. С 1933 г. обновленческий «митрополит Симферопольский и Крымский». С 1938 г. на покое — 206
- Алексий (Гневушев; 1762—1848), святой праведный, священник. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 608
- Алексий (Готовцев Алексей Дмитриевич; 1891—1936), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Звенигородского, викария Киевской епархии. В 1922 г. в тюремном заключении. В 1923 г. выслан в Москву; назначен епископом Серпуховским, викарием Московской епархии. В 1926 г. временно управляющий Московской Патриаршей областью. С 1927 г. епископ Рыльский, временно управляющий Курской епархией. С 1932 г. состоял на гражданской службе в Москве — 303
- Алексий (Громадский Александр Якубович; 1882—08.05.1943), митрополит. С 1918 г. в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. В 1922 г. хиротонисан в Польше во епископа Луцкого. С 1928 г. архиепископ Гродненский. С 1934 г. архиепископ Вольнский. В 1940 г. перешел в юрисдикцию Московской Патриархии. С 1941 г. возглавлял на территории Украины автономную Украинскую Православную Церковь (УПЦ). 25.11.1941 был избран на епископском совещании в Почаевской лавре Экзархом Украины, позднее возведен в сан митрополита. Убит по дороге из Кременца в Дубно — 50
- Алексий (Дородницын Анемподист Яковлевич; 1859—1919), архиепископ. В 1904 г. хиротонисан во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. Ректор Казанской Духовной Академии. С 1912 г. епископ Саратовский и Царицынский. С 1914 г. архиепископ Владимирский и Суздальский. Весной 1917 г. по постановлению съезда епархиального духовенства уволен от управления Владимирской епархией. В 1917 г. уехал на Украину, где возглавил движение украинских автокефалистов. В 1918 г. был запрещен в священнослужении. Перед смертью принес покаяние — 35

¹ В списке иерархов Русской Православной Церкви нет ни одного иерарха с именем Алексий, который мог бы принимать участие в Ставропольском церковном соборе, нет и ни одного викария Минской епархии с именем Алексий.

Алексий (Зверев Алексей Данилович; 1867/68—27.08.1918), мученик, миссионер. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1918 г. член комиссии Собора по расследованию убийства епископа Андроника (Никольского). Погиб вместе с членами комиссии. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 529

Алексий (Кузнецов), епископ Сарапульской — 123, 423, 440, 441, 443, 445, 446

Алексий (Мечев Алексей Львович; 1859—1923), святой праведный, протоиерей московской церкви св. Николая в Кленниках. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 40, 437, 608

Алексий (Опоцкий Алексей Алексеевич; 1837—1914), архиепископ. В 1894 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 1896 г. епископ Вятский и Слободской. С 1901 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии, член Св. Синода. С 1905 г. архиепископ Тверской и Кашинский. В 1910 г. уволен на покой с назначением сверхштатным членом Московской синодальной конторы и оставлением членом Св. Синода. Настойчиво высказывался за созыв Поместного Собора. С 1910 г. проживал на покое в Московском Донском монастыре, управляя им — 310, 486, 487, 492

Алексий (Орлов; 1862—04.09.1937), священномученик, архиепископ. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, в 1923 г. рукоположен обновленческими епископами старого поставления во епископа Бугурусланского, викария Самарской епархии. По покаянии в 1924 г. был принят в лоно Церкви в сущем сане, епископ Курганский, викарий Тобольской епархии, в 1931 г. епископ Енотаевский, викарий Астраханской епархии. С 1933 г. архиепископ. 1933—1935 архиепископ Омский. В 1935 г. арестован, выслан в Казахстан. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 359, 384

Алексий (Палицын Василий Михайлович; 1881—1952), архиепископ. В 1922—1924 гг. архимандрит, настоятель Донского монастыря в Москве. В 1924 г. арестован и выслан в Нарымский край. В 1926 г. хиротонисан во епископа Можайского, но в связи с арестом епархией не управлял, до 1941 г. в лагерях и ссылках. С 1941 г. архиепископ Волоколамский, викарий Московской епархии, с 1942 г. архиепископ Куйбышевский и Сызранский — 53

Алексий (Ридигер), митрополит Ленинградский и Новгородский см. Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси

Алексий Зосимовский (Соловьев Федор Алексеевич; 1846—1928), преподобный, иеросхимонах Смоленской Зосимовой пустыни. Член Св. Собора 1917—1918 гг. 5(18).11.1917 на выборах Патриарха вытянул жребий с именем митрополита Тихона. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 45, 46, 54, 274, 282, 608

Алексий I (Симанский Сергей Владимирович; 1877—1970), Патриарх Московский и всея Руси (1945—1970). Родился в Москве в дворянской семье. В 1913 г. хиротонисан во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. С 1921 г. епископ Ямбургский, викарий Петроградской епархии. В 1922—1925 гг. в ссылке. С августа 1926 г. архиепископ Хутынский, викарий Новгородской епархии. С 1932 г. митрополит Старорусский, викарий Новгородской епархии; с 1933 г. митрополит Новгородский; с октября 1933 г. митрополит Ленинградский; с 1943 г. митрополит Ленинградский и Новгородский. С 1944 г. Патриарший Местоблюститель. В 1945 г. избран Патриархом Московским и всея Руси — 28, 36, 38, 51, 55—57, 106

- Алексий II (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси с 1990 г. — 596—603, 612, 614, 615, 619
- Алексий, иеромонах — 187*
- Алимов Димитрий Емельянович (1873—?), священник астраханской Покровской церкви — 358, 359
- Альбинский Иван Иванович (?—1935), священник, обновленческий «архиепископ» Иоанн (Альбинский). До перехода в 1922 г. в обновленческий раскол настоятель храма в Петрограде. С 1922 г. «епископ Подольский, викарий Московской епархии». Постоянный член обновленческого ВЦУ. Обновленческий «архиепископ Нижегородский», «архиепископ Владимирский и Шуйский». Скончался вне общения с Православной Церковью — 444
- Амвросий (Ключарев Алексей Иосифович; 1820—1901), архиепископ. В 1878 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1878 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии; с 1882 г. епископ Харьковский и Ахтырский. С 1886 г. архиепископ — 463, 471
- Амвросий (Полянский Александр Алексеевич; 1878—20.12.1932), священноисповедник, епископ. В 1918 г. хиротонисан во епископа Винницкого. С 1922 г. епископ Каменец-Подольский и Брацлавский. В 1923 г. арестован. В 1924 г. выслан в Москву. С конца 1925 г. в заключении. Скончался в ссылке. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 209—211
- Амвросий (Смирнов Алексей Степанович; 1874—14.04.1938), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Михайловского, викария Рязанской епархии. С 1917 г. епископ Елецкий, викарий Орловской епархии. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1918 и 1921 гг. подвергался арестам. С 1921 г. епископ Брянский и Севский. В 1922 г. выслан в Москву. С 1923 г. епископ Рязанский. С 1925 г. епископ Сергиевский, викарий Московской епархии. В 1926—1928 гг. в ссылке. В 1928 г. епископ Дмитровский. С 1928 г. архиепископ, назначен архиепископом Вологодским. В 1931—1934 гг. в заключении. С 1934 г. архиепископ Пугачевский, викарий Саратовской епархии. В 1935 г. арестован и выслан в Красноярский край. В марте 1938 г. арестован. Расстрелян — 303
- Амвросий Оптинский (Гренков Александр; 1812—1891), преподобный, причислен к лику святых в 1988 г. — 467
- Амвросий, архимандрит Николо-Улейминского монастыря — 493
- Аметистов Тихон Александрович (1884—1941), полковник. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию и Академию Генштаба, георгиевский кавалер. В эмиграции с 1920 г., секретарь Парижского Епархиального управления при митрополите Евлогии (Георгиевском) — 576
- Ампер Андре Мари (1775—1836), французский ученый — 288
- Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич; 1873—1965), митрополит. В 1906 г. хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии. С 1916 г. архиепископ Кишиневский и Хотинский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1919 г. смещен с Кишиневской кафедры правительством Румынии, эмигрировал в Константинополь. С 1935 г. митрополит. В 1938—1964 гг. глава Русской Православной Церкви Заграницей. С 1951 г. жил в США. С 1964 г. на покое — 11, 267, 268, 310, 513, 563
- Анастасий, архиепископ всей Албании — 613

- Анастасия Николаевна (1901—17.07.1918), страстотерпица, Великая княжна. Младшая дочь страстотерпцев Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны. Расстреляна вместе со всей семьей в г. Екатеринбурге. Архиерейским Собором 2000 г. причислена к лику святых — 588, 607, 611, 613
- Анастасия Николаевна, Стана (1867—1935), Великая княгиня, жена Великого князя Николая Николаевича младшего — 502
- Анастасия Семеновна, мать священномученика архиепископа Митрофана (Краснопольского) — 397, 399
- Анатолий (Каменский Алексей Васильевич; 1863—20.09.1925), архиепископ. В 1906 г. хиротонисан во епископа Елисаветградского, викария Херсонской епархии. Депутат IV Государственной Думы. С 1914 г. епископ Томский и Алтайский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1923 г. архиепископ Иркутский. С октября 1924 г. архиепископ Омский — 39
- Анатолий (Соколов), епископ Царевский, викарий Астраханской епархии, епископ Астраханский** — 120, 121, 317—319, 327—329, 332, 333, 335, 340, 419, 423—425
- Андреев С. В., регент астраханской церкви св. Князя Владимира — 332, 344
- Андреева Ольга, духовная дочь архиепископа Фаддея (Успенского) — 364
- Андрей (Комаров Анатолий Андреевич; 1879—1955), архиепископ. В 1923 г. рукоположен во епископа Балашовского, викария Саратовской епархии; В 1924—1926 гг. временно управлял Саратовской епархией; с 1926 г. епископ Новоторжский, викарий Тверской епархии; с 1928 г. епископ Петровский, викарий Саратовской епархии; с 1928 г. епископ Вольский, викарий Саратовской епархии; с 28.10.1929 временно управлял Астраханской епархией; с 13.10.1933 епископ Астраханский. С 1934 г. архиепископ. В 1939—1941 гг. на покое. С 1941 г. архиепископ Куйбышевский и Сызранский; архиепископ Саратовский; с 1942 г. архиепископ Горьковский и Арзамасский; архиепископ Саратовский, архиепископ Казанский, с 1944 г. архиепископ Днепропетровский и Запорожский — 359, 360, 382—384
- Андрей (князь Ухтомский Александр Алексеевич; 1872—04.09.1937), епископ. В 1907 г. хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. С 1911 г. епископ Сухумский (Грузинский Экзархат). С 1913 г. епископ Уфимский и Мензелинский. В апреле 1917 г. вошел в состав нового Св. Синода. Член Предсоборного Совета и Св. Собора 1917—1918 гг. В 1918—1919 гг. окормлял духовенство армии адмирала А. В. Колчака. С 1920 г. в заключении и ссылках с короткими перерывами. В 1921 г. назначен епископом Томским, назначения не принял. С 1921-го по 1937 г. в ссылках, лагерях и тюрьмах. Расстрелян — 49, 275
- Андрей (граф Шептицкий Роман Мария; 1865—1944), униатский митрополит, первоиерарх униатской церкви в Галиции в 1901—1944 гг. — 345
- Андриянова Евдокия — 314
- Андроник (Никольский Владимир Александрович; 1870—20.06.1918), священномученик, архиепископ. В 1906 г. хиротонисан во епископа Киотоского. С 1914 г. епископ Пермский и Соликамский. Член Предсоборного Совета и Св. Собора 1917—1918 гг., избран в заместители члена Св. Синода. 05.05.1918 возведен в сан архиепископа. 17.06.1918 арестован. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 25, 589
- Андронников В. А., член Ярославского отдела Палестинского общества — 496

Анемподист (Алексеев Афанасий Алексеевич; 1867—1935), схииархимандрит. В 1915 г. наместник Виленского Свято-Духова монастыря. С 1917 г. проживал на Троицком подворье в Москве. После ареста Я. А. Полозова келейник св. Патриарха Тихона. В 1922 г. арестован. Был освобожден по ходатайству Патриарха Тихона, переехал вместе с ним в Донской монастырь, исполнял обязанности келейника Патриарха Тихона. В 1924 г. включен в состав Высшего Церковного Управления. В 1925—1929 гг. в ссылке. Затем проживал в Астрахани. Перед смертью принял великую схиму — 48

Анисимов Александр Иванович, профессор — 295, 296

Анна Кашинская († 1368), святая благоверная, Великая княгиня — 25

Антоненко Г. К., протодиакон — 327

Антоний (Вадковский Александр Васильевич; 1846—1912), митрополит. В 1887 г. хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии, ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1892 г. архиепископ Финляндский и Выборгский. С 1898 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. С 1900 г. первенствующий член Св. Синода. В 1906 г. председатель Предсоборного присутствия — 23, 27, 129, 147, 157, 158, 160, 161, 163, 165, 241, 450, 486

Антоний (Вакарин), Архиепископ Черниговский и Нежинский — 596

Антоний (Марченко), архимандрит — 97

Антоний (Пельвецкий Антоний Адреевич; 1897—1975), архиепископ. В 1946 г. хиротонисан во епископа Станиславского и Коломыйского. С 1954 г. архиепископ — 53

Антоний (Романовский Василий Антонович; 1886—1962), митрополит. В 1924 г. хиротонисан во епископа Ереванского, викария Сухумской епархии; с 1927 г. в заключении. С 1929 г. епископ Донской. С 1930 г. в заключении. С 1935 г. епископ Ставропольский и Донской. В 1935—1936 гг. временно управлял Сталинградской епархией; с 1936 г. в заключении. С 1943 г. архиепископ Ставропольский и Пятигорский; с мая 1945 г. архиепископ Ставропольский и Бакинский. С 1962 г. митрополит — 56

Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863—1936), митрополит, первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей. В 1897 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с 1899 г. епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии. Ректор Казанской Духовной Академии. С 1900 г. епископ Уфимский и Мензелинский; с 1902 г. епископ Вольнский и Житомирский. С 1906 г. архиепископ Вольнский и Житомирский. С 1914 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. Первый из трех кандидатов на Патриарший Престол. С 28.11(11.12).1917 митрополит Киевский и Галицкий. С 1920 г. в эмиграции. С 1922 г. председатель Зарубежного Архиерейского Синода — 17, 21, 27, 30, 31, 49, 65, 157, 158, 160—163, 165—167, 192, 204, 215, 229, 230, 266—268, 271—274, 287, 318, 355, 448, 557, 560—569, 577, 578

Антоний Великий (ок. 250—356), святой преподобный, подвижник, основатель монашества — 461, 465, 467

Антоний, епископ Женевский — 588

Антонин (Грановский Александр Андреевич; 1865—1927), епископ, обновленческий «митрополит». В 1903 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1908 г. уволен на покой. С 1913 г. епископ Владикавказ-

- ский и Моздокский. В 1917 г. уволен на покой. С 1921 г. запрещен св. Патриархом Тихоном в священнослужении в связи с вводимыми им в богослужение новшествами. С 1922 г. примкнул к обновленческому расколу, обновленческий «митрополит Московский». Глава обновленческой группировки «Союз церковного возрождения» — 21, 36, 39, 45, 80, 145—147, 210, 214, 247, 328, 344, 389, 443
- Антонин (Державин Иоанн Дмитриевич; 1830—1902), епископ. В 1883 г. хиротонисан во епископа Старицкого, викария Тверской епархии. С 1886 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии; с 1889 епископ Полоцкий и Витебский; с 1893 г. епископ Псковский и Порховский — 481
- Анфия, монахиня, старшая сестра Серафимо-Дивеевского подворья** — 99, 100, 102, 104, 103, 276—279
- Аполлинарий (Кошевой Андрей Васильевич; 1874—1933), архиепископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1918 г. епископ Белгородский, викарий Курской епархии. С 1919 г. в эмиграции. Член Карловацкого Собора. С 1921 г. временно управляющий Североамериканской епархией в юрисдикции Всезаграничного Архиерейского Зарубежного Синода. С 1927 г. епископ Североамериканский и Сан-Францисский. В 1929 г. возведен в сан архиепископа — 268
- Аполлинарий, иеромонах, эконом Астраханского архиерейского дома — 187
- Апраксин Петр Николаевич (1876—1962), граф, член Св. Собора 1917—1918 гг. — 262
- Аристов М. Л., представитель военного командования в г. Астрахани — 411, 412
- Аристотель (384—322 до н. э), древнегреческий ученый и философ — 286
- Аркадий (Перепечко Никандр Архипович; 1900—10.11.1937), архимандрит — 300, 301
- Аркадий, иеромонах — 300
- Арнольдов Алексей Иванович (1870—?), астраханский священник — 340, 360
- Арсений (Брянцев Александр Дмитриевич; 1839—1914), архиепископ. В 1882 г. хиротонисан во епископа Ладожского, викария Санкт-Петербургской епархии, ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1887 г. епископ Рижский и Митавский, с 1893 г. архиепископ. С 1897 г. архиепископ Казанский и Свяжский; с 1903 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский — 156, 623
- Арсений (Жадановский Александр Иванович; 1874—27.09.1937), епископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии. В 1923 г. уволен от управления Серпуховским викариатством. С 1926 г. выслан в Нижегородскую губернию. С 1932 г. проживал в г. Серпухове. Неоднократно арестовывался. Расстрелян — 193
- Арсений (Мацеевич Александр Иванович; 1697—28.02.1772), священномученик, митрополит. С 1741 г. митрополит Тобольский и Сибирский; с 1742 г. митрополит Ростовский и Ярославский. В 1763 г. лишен сана и сослан в Белозерский монастырь; в 1767 г. расстрижен и назван Андреем Вралем. Скончался в заключении. В 1922 г. по предложению св. Патриарха Тихона восстановлен в сане. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 37, 608
- Арсений (Смоленец Александр Иванович; 1873—19.12.1937), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Пятигорского, викария Владикавказской епархии. С 1917 г. епископ Приазовский и Таганрогский, викарий Екатеринославской епархии.

- С 1918 г. временно управляющий Ростовской епархией. В 1919 г. на Ставропольском церковном соборе избран членом Высшего Временного Церковного Управления Юго-Востока России. С 1919 (1920?) г. епископ Ростовский и Таганрогский. В 1922—1925 гг. в лагерном заключении. С 1927 г. архиепископ Сталинградский. В 1933—1937 гг. в ссылке. Скончался в ссылке — 262, 264, 266, 268
- Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич, 22.01.1862—10.02.1936), митрополит.** В 1899 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. В 1903—1910 гг. епископ Псковский и Порховский. С 1907 г. член Государственного совета. С 1910 г. архиепископ Новгородский и Старорусский. Член Предсоборного Совета, член Св. Собора 1917—1918 гг. по должности, как архиепископ. Второй из трех кандидатов на Патриарший Престол. С 28.11(11.12).1917 митрополит. Товарищ Председателя Священного Собора, член Соборного Совета, председатель Отдела о правовом положении Церкви в государстве. Член Св. Синода и Высшего Церковного Совета. В 1919—1921 гг. подвергался арестам. В 1922 г. вместе со св. Патриархом Тихоном был привлечен к судебной ответственности по делу об «изъятии церковных ценностей». С марта 1923 г. в тюремном заключении. В 1924—1926 гг. в ссылке в г. Красноводске. В 1926 г. переведен в г. Ташкент. В марте 1927 г. ему было разрешено свободное проживание в пределах Средней Азии. В 1933—1936 гг. митрополит Ташкентский — 13, 48, 65, 74, 149, 193, 219, 220, 259, 263, 269, 273, 274, 310, 483
- Арсений Великий египетский († ок. 450), преподобный — 461, 466**
- Артемий (Ильинский Александр Матвеевич; 1870—30.08.1937), архиепископ.** В 1917 г. хиротонисан во епископа Лужского, викария Петроградской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1922—1923 гг. обновленческий «митрополит Петроградский и Ладожский». В 1923 г. по покаянии принят в сущем сане. В 1923—1928 гг. жил в г. Луге на покое. С 1928 г. епископ Олонецкий. С 1930 г. епископ Тобольский. С 1937 г. архиепископ. В 1937 г. арестован. Расстрелян — 444
- Архангельский († 1917), дьякон с. Отхожева Борисоглебского уезда. Убит бандитами — 527**
- Архангельский Александр Андреевич (1846—1924), русский хоровой дирижер, церковный композитор — 312**
- Архиепископ Кентерберийский, примас Англии см. Михаил (Рамзей), примас Англии, архиепископ Кентерберийский**
- Атарбеков Г. А. — 409, 412, 413, 415—418**
- Афанасий (Дроздов Александр Васильевич, 1800—1876), архиепископ.** В 1842 г. хиротонисан во епископа Винницкого, викария Подольской епархии. С 1847 г. епископ Саратовский и Царицынский. С 1856 г. епископ Астраханский и Енотаевский. С 1858 г. архиепископ. С 1870 г. на покое — 420
- Афанасий (Сахаров Сергей Григорьевич; 1887—1962), священноисповедник, епископ, Член Св. Собора 1917—1918 гг.** Вместе с профессором Б. А. Тураевым по решению Собора составил Службу всем святым, в земле Российской просиявшим. В 1921 г. хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. С 1922 г. свыше 20 лет с небольшими перерывами в ссылках и лагерях. В 1956 г. возглавлял Календарно-богослужебную комиссию при Патриархе Алексии I. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 19, 56, 114—116, 153, 159, 315, 318, 342, 343, 387

- Афинагор (Спиру Аристоклис; 1886—1972), Константинопольский Патриарх (1949—1972) — 57
- Ахматов А. П., обер-прокурор Св. Синода — 235, 237
- Баженов Василий Иванович (1737/38—1799), русский архитектор — 288
- Бакунин, врач, директор клиники на Остоженке в Москве — 87
- Балакирев Милий Александрович (1836/37—1910), русский композитор — 287
- Баринов Федор Евдокимович, староста астраханской Ильинской церкви — 117, 328, 336, 337
- Барсов Е. В. — 310
- Бартрам — 303
- Барышанский, раввин — 548
- Бах Иоганн Себастьян (1685—1750), немецкий композитор — 288
- Бахревский В. А. — 479
- Беззубиков, астраханский рыбопромышленник — 409
- Бекаревич Яков см. Филипп (Бекаревич), епископ
- Бекетов, профессор — 452
- Белков Евгений Христофорович (1882—1930), бывший священник, обновленческий «епископ» «Союза церковного возрождения». В 1906—1907 гг. редактировал вместе с отцом журнал «Звонарь». В 1917 г. издавал журнал «Соборный разум». 13.05.1922 подписал первый программный документ московских, петроградских и саратовских обновленцев группы «Живая Церковь» под названием «Верующим сынам Православной Церкви России». В мае 1922 г. входил в группу обновленцев, ведущих переговоры со св. Патриархом Тихоном. В 1922 г. назначен управляющим делами обновленческого ВЦУ. Запрещен в служении священномучеником Вениамином, митрополитом Петроградским. В 1923 г. хиротонисан епископом Антонином (Грановским) во «епископа». Призывал к радикальным церковным реформам. С 1925 г. не служил — 40, 48
- Белков Христофор Александрович (1852 — после 1931), петроградский протоиерей, отец Е. Х. Белкова — 327
- Беллавин Василий Иванович см. Тихон, Патриарх Московский и всея России
- Беллавин Иван Иванович, брат св. Патриарха Тихона — 480
- Беллавин Иоанн, священник погоста Пошивкина Торопецкого уезда — 479
- Беллавин Иоанн Тимофеевич (1822—1894), отец св. Патриарха Тихона — 11, 61, 153, 478, 479, 483
- Беллавин Константин, священник г. Торопца — 482
- Беллавин Михаил Иванович, брат св. Патриарха Тихона — 480, 482
- Беллавин Павел Иванович, брат св. Патриарха Тихона — 479—480
- Беллавина Анна Гавриловна (1832—1904), мать св. Патриарха Тихона — 478, 480, 482, 483
- Белов А. — 186
- Беловидов Петр Иванович, протоиерей, член Ставропольского церковного собора — 262

Белоликов Василий Захарович (1887—25.11.1937), доцент Киевской Духовной Академии. Занимался педагогической и научно-богословской деятельностью и в послереволюционные годы. В 1924—1934 гг. преподавал в Московской обновленческой богословской академии. Принимал активное участие в обновленческих соборах и совещаниях, один из идеологов обновленчества. Был личным секретарем А. И. Введенского. В 1934 г. исключен из рядов обновленчества за недостойное поведение. В 1935 г. арестован, отправлен в лагерь. После отбытия заключения возвратился в Москву, но вскоре был снова арестован вместе с группой московских обновленцев. Расстрелян. Скончался вне общения с Православной Церковью — 442

Белявский Ф. — 285

Беляев Сергей Алексеевич, ученый-археолог — 598

Бентам — 460

Бергезен И. В., архитектор — 174, 182

Березин Тихон, астраханский священник-обновленец — 329, 330, 336

Беркли Джордж (1685—1753), английский философ — 288

Бессонов Николай Николаевич (1869—1919), бывший епископ. В 1906 г. хиротонисан во епископа Балтского, викария Полоцкой епархии. С 1909 г. епископ Кременецкий, викарий Волынской епархии; с 1913 г. епископ Енисейский и Красноярский. В 1917 г. снял сан, расстригся и женился — 30, 31, 34

Бетховен Людвиг ван (1770—1827), немецкий композитор — 288

Биою, математик, физик — 288

Бирбек В. И. — 487

Бишоф Теодор Людвиг (1807—1882), немецкий химик и геолог — 288, 289

Благодеров, комендант Петропавловской крепости — 546

Бобров А. Н., представитель Российского консульства в Вашингтоне — 170

Бовкало А. А. — 478, 483

Боголюбов Димитрий Иванович, протоиерей — 108, 313

Бойль Роберт (1627—1691), английский химик и физик — 288, 289

Бокач Феодор — 276

Болтинский Иоанн П., священник астраханской Казанской церкви — 328, 331, 333, 336, 340, 346, 349, 361, 380, 382

Большаков А. — 554

Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич — 430, 431—432, 507, 509, 545, 548

Борис (Рукин Борис Андреевич; 1879—1931), епископ, григорианский «митрополит». В 1923 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. В 1925 г. один из организаторов григорианского раскола, назначен григорианцами «митрополитом Московским». Арестован в 1931 г. и заключен в Бутырскую тюрьму. По заявлению ОГПУ покончил с собой в тюрьме — 47, 71, 209

Борис (Шипулин Владимир Павлович; 1874—1937), архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Винницкого, викария Подольской епархии. С 1914 г. епископ Балтский, викарий Подольской епархии. С 1915 г. епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии; член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1918 г. епископ Кирен-

- ский, vikарий Иркутской епархии. С 1921 г. епископ Уфимский. В конце 1922 г. в тюремном заключении. 20.02.1924 по прошению уволен на покой. С 1924 г. епископ Уфимский. В 1927 г. назначен на Тульскую кафедру с возведением в сан архиепископа, но вскоре был арестован, в 1927—1934 гг. в лагерном заключении и ссылке. С 1936 г. архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Расстрелян — 49
- Боровков Михаил, астраханский священник-обновленец — 327, 329, 330, 332, 340, 341
- Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825), композитор, музыкальный деятель — 25, 287, 309, 312
- Боткин Сергей Петрович (1832—1889), профессор, основоположник клиники внутренних болезней, основатель крупнейшей школы русских клиницистов — 239
- Боярский (Сегенюк) Александр Иванович (1855—09.09.1937), протоиерей, «митрополит». В 1911 г. рукоположен во иерея. Один из идеологов обновленческого раскола. Был запрещен в священнослужении священномучеником митрополитом Петроградским Вениамином. Член обновленческого Священного Синода. С 1925 г. обновленческий «протопресвитер». С 1933 г. обновленческий «епископ» Ивановский. С 1935 г. обновленческий «митрополит», управляющий Ивановской обновленческой митрополией. С 1936 г. в заключении в Ивановской тюрьме. Расстрелян — 210, 270
- Браунинг Оскар — 291
- Брихничев Иона Пантелеимонович (1879—1968), публицист. Окончил Тифлисскую духовную семинарию, где учился в одном классе с И. Джугашвили (И. Сталином). В 1903—1907 гг. приходской священник. В 1906 г. за участие в революционном движении был приговорен к 1 году заключения в тюрьме, в 1907 г. после освобождения лишен священного сана. Занимался литературным трудом. В 1917 г. вступил в РКП(б). Один из организаторов Союза воинствующих безбожников, секретарь его Центрального совета — 430, 439
- Бруно Джордано (1548—1600), итальянский философ — 292, 430, 439
- Бубэ Этьен (1865—1934), католический священник, архитектор — 290
- Бувеский — 558*
- Булатов И. П. — 562*
- Булгаков В. С. — 491*
- Булгаков М. И., студент Санкт-Петербургской Духовной Академии — 163
- Булгаков П. И., протоиерей — 170, 449*
- Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944), профессор-протоиерей, общественный и политический деятель, депутат II Государственной Думы, член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1918 г. рукоположен в сан священника. В 1922 г. был выслан из России. Преподавал в Праге и Париже, профессор и декан Свято-Сергиевского богословского института — 13, 34, 77, 504, 505
- Бунин И. А. — 312*
- Бухарин Николай Иванович (1888—1938), советский партийный и государственный деятель. Член ВЦИК, ЦИК СССР. Расстрелян — 281
- Бьюкенен Дж. — 249*

- Бэкон Роджер Верулемский (ок. 1214—1292), монах-францисканец, английский философ и естествоиспытатель — 290, 292
- Бэр Карл Макс (Карл Эрнест) (1792—1876), естествоиспытатель, основатель эмбриологии — 289
- Валентин, иеромонах, настоятель Ростовского Петровского монастыря — 493
- Валериан (Рудич Василий Нестерович; 1889—27.02.1938), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Проскуровского, викария Подольской епархии. С 1924 г. епископ Смоленский. Выслан в Москву. В 1924—1928 гг. в тюремном заключении и ссылке. С 1931 г. епископ Кирилловский, викарий Вологодской епархии. С 1932 г. временно управляющий Череповецким викариатством. С 1934 г. в лагерьном заключении. Расстрелян — 49
- Варвара († 1918), преподобномученица — 589, 590
- Варнава (Беляев), епископ — 99—102, 282—283**
- Варнава (Накропин), архиепископ Тобольский — 92—94, 133, 231, 232—234, 249**
- Варнава (Росич Петр; 1880—1937), Патриарх Сербский (1930—1937). Выдающийся церковный и общественный деятель Югославии. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. В 1910 г. хиротонисан во епископа Дебарско-Вележской епархии. В 1930 г. избран Патриархом Сербским. Покровитель и защитник русских эмигрантов. При его участии и под его председательством в 1935 г. было выработано «Положение о Русской Православной Церкви Заграницей», подписанное им и русскими иерархами, явившееся основой для дальнейшего управления Русской Православной Церковью Заграницей. Умер при невыясненных обстоятельствах — 49
- Варсонофий (Лебедев Василий Павлович; 1873—15.09.1918), священномученик, епископ. 08.01.1917 хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 34
- Варфоломей (Ремов Николай Федорович; 1888—10.07.1935), архиепископ. Пострижен в монашество в 1911 г. С 1916 г. экстраординарный профессор Московской Духовной Академии. В 1920 г. подвергался аресту. В 1921 г. хиротонисан во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. В 1923—1929 гг. настоятель Московского Высокопетровского монастыря. В 1928 г. арестован. С 1932 г. архиепископ. В 1935 г. вновь арестован. Расстрелян — 48, 75
- Василевский И. И. — 107, 109, 111, 302—304, 312**
- Василий (Димопуло; 1867—04.09.1934), сакеллион, архимандрит. 10.01.1924 назначен настоятелем подворья Вселенского Патриарха в Москве при храме прп. Сергия в Крапивниках, представитель Константинопольского Патриарха в Москве. С 1932 г. представитель Александрийского Патриарха в Москве — 44
- Василий (Зеленцов Василий Иванович; 1870—07.02.1930), священномученик, епископ. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как мирянин от Рязанской епархии, миссионер. В 1919 г. рукоположен во иерея, священник, а затем настоятель Троицкой церкви в Полтаве. 1922—1925 гг. в заключении. В 1925 г. пострижен в монашество, иеромонах, архимандрит, епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии. В 1926—1930 гг. в заключении и ссылке. Был одним из авторов «Соловецкого послания» в связи с Декларацией митрополита

- Сергия. Расстрелян в Москве. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 48
- Василий (Кожин), «митрополит» см. Гермоген (Кожин), митрополит
- Василий (Кривошеин Всеволод Александрович; 1900—1985), архиепископ. Родился в Санкт-Петербурге. В 1921 г. окончил Сорбонну. Участвовал в Русском студенческом христианском движении (РСХД). В 1925—1947 гг. подвизался на Афоне, пострижен в монашество. В 1951 г. переехал в Англию. В 1959 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1960 г. епископ Бельгийский и Брюссельский, в том же году архиепископ. Редактор «Вестника Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата» — 55
- Василий (Преображенский Вениамин Сергеевич; 1876—1945), священноисповедник, епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. В 1923 г. арестован, приговорен к двум годам ссылки в Зырянский край. В 1925 г. освобожден. В сентябре 1928 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Уральскую область. В сентябре 1932 г. освобожден, поселился в городе Орле. В 1933 г. арестован, приговорен к пяти годам заключения в лагере. Отбывал срок в ИТЛ близ города Рыбинска. В январе 1938 года освобожден. Проживал в Ярославской области. В ноябре 1943 г. арестован, приговорен к пяти годам ссылки. Скончался в ссылке в Красноярском крае. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 310
- Василий Великий (ок. 330—379), святитель, архиепископ Кесарийский (Каппадокийский) — 105, 460
- Василий Всеволодович († 1249), св. благоверный князь — 186
- Василий III, Патриарх Константинопольский — 569
- Васильев Александр Петрович (1867—05.09.1918), протоиерей. Духовник Царской семьи с 1914 г. Служил в храмах Царского Села. С 1917 г. служил в Екатерининской церкви в Петрограде. Расстрелян — 245, 503
- Васильев, регент Успенского кафедрального собора — 349
- Васильева О. В.* — 281
- Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926), русский живописец — 310
- Васнецовы, русские художники — 287
- Вассиан (Пятницкий Владимир Васильевич; 1879—27.12.1940), священномученик, архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Егорьевского, викария Рязанской епархии. В конце 1921 г. арестован, доставлен в Москву. В начале 1922 г. освобожден. В 1925 г. перешел в григорианский раскол. Принес покаяние. С 1927 г. епископ Козловский, викарий Тамбовской епархии. С 1930 г. архиепископ Тамбовский и Шацкий. В 1935 г. арестован. Скончался в ссылке. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в декабре 2000 г. — 209, 211
- Введенский Александр Иванович (1889—1946), протоиерей, обновленческий «митрополит». В 1915 г. рукоположен во иерея. Настоятель церкви свв. Захарии и Елизаветы в Петрограде. Один из инициаторов, руководителей и идеологов обновленческого раскола. Участник всех обновленческих лжесоборов. В 1923 г. «рукоположен» обновленцами в сан «епископа Крутицкого, викария Московской епархии». Постоянный член обновленческого Священного Синода. С 1924 г. «митрополит-благовестник». В 1930-х гг. «настоятель» храма Христа Спасителя

- в Москве. В 1932 г. назначен ректором обновленческой Московской богословской Академии. С 1936 г. «настоятель» Пименовской церкви в Москве. С 1940 г. «заместитель первоиерарха», с 1941 г. «первоиерарх» «Православной Церкви» в СССР. «Воспринял сан Патриарха», повелев посадить себя на антиминс. Вскоре сам отменил свое «патриаршество», оставив за собой лишь титул «Святейший и Блаженнейший Первоиерарх Московский и Православных Церквей в СССР». Скончался вне общения с Православной Церковью — 36, 39, 44, 48, 50, 52, 80, 210, 246, 251, 270, 340, 341, 362, 382, 509, 510, 535, 549, 597
- Вдовенко Е. И. — 559
- Ведель Артемий Лукьянович (1767—1806), духовный композитор — 287, 312
- Ведерников А. В. — 189, 491, 575*
- Великанов Иван Иванович, оперный певец, член Св. Собора 1917—1918 гг. — 396, 400, 420
- Великанов Иоанн, настоятель астраханской церкви св. Князя Владимира — 329, 349, 360, 396
- Вениамин (Казанский Василий Павлович; 1873—13.08.1922), священномученик, митрополит. В 1910 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. 25.05.1917 избран митрополитом Петроградским и Ладожским с оставлением в сане архиепископа. С 13.08.1917 митрополит. В 1922 г. арестован и осужден по «делу петроградского духовенства». Расстрелян. Причислен к лику святых в 1992 г. — 18, 26, 30, 36—39, 54, 106, 251, 259, 270, 301, 305, 438, 508, 510, 558, 559, 563, 565, 573, 569, 570, 589, 592, 606
- Вениамин (Федченков), митрополит** — 56, 104—106, **284**, 292—294, 298, 302, 501
- Верещагин Василий Васильевич (1842—1904), русский живописец — 287
- Верховский Павел Владимирович (†1920), профессор, член Св. Собора 1917—1918 гг., член Ставропольского церковного собора — 262, 265—267
- Веселаго В. Г., генерал — 495
- Ветвицкий Б., настоятель храма Астраханской епархии — 331, 336
- Викентий (Проданов Витомир; 1890—1958), Сербский Патриарх (1950—1958) — 54
- Виллебрандс И., монсеньер, представитель Ватикана — 56
- Винников, астраханский рыбопромышленник — 409
- Винниченко Владимир Кириллович (1880—1951), украинский писатель, один из руководителей националистического движения на Украине — 267
- Виноградов Всеволод, священник астраханской церкви св. Князя Владимира — 328, 329, 331, 332, 346
- Виноградов, врач — 86
- Вироцкий Михаил, священник Чигиринского уезда — 26
- Виталий (Максименко Василий Иоаннович; 1873—1960), архиепископ Русской Православной Церкви Заграницей — 577
- Витковский В. В., полковник — 495
- Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф, русский государственный деятель. С 1892 г. председатель Комитета министров — 23, 161
- Вишняков Е. П., генерал от инфантерии, московский комендант — 310

- Владимир (Богоявленский Василий Никифорович; 1848—1918), священномученик, митрополит. В 1888 г. хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. С 1891 г. епископ Самарский и Ставропольский. С 1892 г. архиепископ Карталинский, Экзарх Грузии. С 1898 г. митрополит Московский и Коломенский; с 1912 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Первенствующий член Св. Синода. Доктор богословия. С 1915 г. митрополит Киевский и Галицкий с оставлением Первенствующим членом Св. Синода. Член Предсоборного Совета, член Св. Собора 1917—1918 гг., почетный председатель Собора до 25.11(4.12).1917. 25 января (7 февраля) зверски убит в г. Киеве. Причислен к лику святых в 1992 г. — 18, 22, 33, 92, 94, 95, 135, 193, 240, 274, 310, 491, 505, 529, 589, 592, 606
- Владимир (Путята Всеволод Владимирович; 1869 — ок. 1941), архиепископ, впоследствии григорианский «митрополит». В 1907 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1911 г. епископ Омский и Акмолинский. С 1913 г. епископ Витебский и Полоцкий. С 1914 г. епископ Донской и Новочеркасский. С 1915 г. епископ Пензенский и Саранский. С 1917 г. архиепископ. По решению Судной комиссии Св. Собора 1917—1918 гг. Путята за недостойное поведение был лишен архиерейского сана и до покаяния должен был пребывать во Флорищевой пустыни. Указу не подчинился, провозгласил себя лидером «Народной церкви» взамен «отжившей царской», положив начало «пензенскому расколу», за что той же Судной комиссией был лишен архиерейского сана с возвращением в первобытное состояние монаха Владимира. Долголетние и многократные попытки пересмотреть это решение ни к чему не привели. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол. В 1923 г. обновленческим Президиумом ВЦС восстановлен в правах «епископа» и назначен «архиепископом Саратовским», затем «Пензенским». В 1928 г. принес покаяние митрополиту Сергию (Страгородскому), принят как монах. В 1934 г. перешел в григорианский раскол, григорианский «митрополит Томский и вся Сибирь». Согласно определению Московской Патриархии 1934 г. монах Владимир (Путята), до покаяния, объявлялся «отпавшим от Св. Церкви и лишенным христианского погребения». После 1934 г. в заключении. Скончался в отчуждении от Церкви — 31, 36, 48
- Владимир (Сабодан), Управляющий делами Московской Патриархии и митрополит Ростовский и Новочеркасский, Патриарший Экзарх Западной Европы — 596
- Владимир (Соколовский-Автономов Василий Григорьевич; 1852—1931), архиепископ. В 1887 г. хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. С 1891 г. епископ Острогжский, викарий Воронежской епархии; с 1896 г. епископ Оренбургский и Уральский. С 1903 г. епископ Екатеринбургский и Ирбитский. С 1910 г. на покое, назначен настоятелем Спасо-Андроникова монастыря в Москве. В 1921 г. назначен архиепископом Екатеринославским, назначения не принял. С 1924 г. архиепископ Днепропетровский. В 1925 г. перешел в григорианский раскол, но в 1926 г. принес покаяние и восстановил общение с Церковью. В последние годы пребывал в полузатворе — 21, 47, 310, 487
- Владимир (Тихоницкий Вячеслав Михайлович; 1873—1959), митрополит. В 1907 г. хиротонисан во епископа Белостокского, викария Гродненской епархии. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1918 г. временно управляющий Гродненской епархией. В 1923 г. отстранен польскими властями от управления Гродненской епархией и выслан во Францию. С 1923 г. викарий митрополита Евлогия (Георгиевского). В 1930 г. назначен временным управляющим русскими церквями в Западной Ев-

- ропе, назначения не принял. С 1946 г. Экзарх Западной Европы в юрисдикции Константинопольской Патриархии — 574
- Владимиров П. Н., артист балета — 299
- Власий, архимандрит Варницкого монастыря — 493
- Власов-Желудков, регент астраханской церкви св. Князя Владимира — 349
- Вознесенский Николай Павлович, член Ставропольского церковного собора — 262
- Волжин А. Н., обер-прокурор Св. Синода — 29, 92, 232, 250—251,
- Волков, комендант ЧК — 415
- Вольтер (1694—1778), французский писатель, философ-просветитель — 293
- Вольф Христиан (1679—1754), немецкий философ — 288
- Воробьев Владимир, профессор протоиерей, ректор ПСТГУ — 315
- Воробьева Мария, духовная дочь архиепископа Фаддея (Успенского) — 364
- Востоков Владимир Игнатьевич (1868—1957), священник, член Св. Собора 1917—1918 гг.; член Ставропольского церковного собора. С 1921 г. в эмиграции. С 1950-х гг. проживал в США. С 1954 г. протопресвитер Русской Православной Церкви Заграницей — 262, 505
- Восторгов Иоанн, протоиерей см. Иоанн (Восторгов), священномученик, протоиерей
- Врангель Петр Николаевич (1878—1928), барон, генерал—лейтенант. В 1918—1919 гг. в Добровольческой армии. С 1919 г. командующий Добровольческой армией. С 1920 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. При нем создано «Правительство Юга России». С 1920 г. Главнокомандующий Русской армии. В 1920 г. вместе с армией эвакуировался из Крыма. В 1924—1928 гг. организатор и председатель Русского общевоинского союза (РОВС). Жил в Брюсселе, где и скончался. Похоронен в Белграде — 265, 268, 284
- Врубель Михаил Александрович (1856—1910), русский живописец — 287
- Вырубова см. Мария (Танеева (Вырубова) Анна Александровна) монахиня
- Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954), Генеральный прокурор СССР в 1933—1939 гг. — 401—403, 516, 533, 541
- Гааз Федор Петрович (1780—1853), русский врач-гуманист — 287
- Гавриил (Зырянов Гавриил Федорович, в монашестве Тихон; 1844—1915), схииархимандрит, монах Седмиозерской пустыни, в 1892 г. пострижен в великую схиму, с 1900 г. схииархимандрит — 29
- Гавриил (Лихоманов Григорий Александрович; 1886—1964), иеромонах, келейник Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского). В 1925—1948 гг. в заключении — 57
- Гавриил (Чепур[а] Григорий Маркелович; 1874—1933), епископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Измаильского, викария Кишиневской епархии. С 1911 г. епископ Аккерманский, викарий Кишиневской епархии. В 1918 г. румынскими властями выслан из Бессарабии, епископ Челябинский и Троицкий. Член Ставропольского церковного собора. С 1920 г. в эмиграции. Член Карловацкого Собора, избран членом Всеамериканского Зарубежного Архиерейского Синода. Пребывал на покое в одном из монастырей Сербии — 262, 268

Гавриил Белостокский, младенец (отрок) († 1690), мученик. По преданию, пострадал от иудеев в г. Белостоке. В 1720 г. останки отрока Гавриила были найдены нетленными, в 1755 г. перенесены в Слуцкий монастырь. В 1915—1916 гг. они были привезены монахами-беженцами из Польши и поставлены в Покровском соборе (храм Василия Блаженного) в Москве. Перед мощами стали служить молебны, что вызвало обвинения настоятеля собора протоиерея Иоанна Восторгова в антисемитской пропаганде. Протоиерей Иоанн Восторгов был арестован и расстрелян. После его смерти молебны продолжались. В 1919 г. мощи подверглись кощунственному вскрытию (причем, экспертиза не смогла доказать фальсификацию), причт, сторожа и церковный староста собора были привлечены к уголовной ответственности по обвинению в «контрреволюции и антисемитской пропаганде». Было постановлено употребление тропаря и кондака мч. Гавриилу считать контрреволюционным деянием, гробницу с мощами сдать в музей — 35

Гаврилова Н. Г. — 584

Гаденко Константин Порфирьевич, член Ставропольского церковного собора — 262

Галаган Павел — 147

Галкин Михаил (Горев М. В.) — 232—234, 242, 430, 438—439

Ганушков (Ганнушкин Петр Борисович; 1873—1933), психиатр — 225

Гартман Эдуард (1842—1906), немецкий философ — 474

Гартонг, профессор — 569

Ге Николай Николаевич (1831—1894), русский живописец — 287

Гегель Георг Вильгельм (1770—1831), немецкий философ — 288

Гедеон (Докукин), митрополит Новосибирский и Барнаульский — 596

Геер Освальд (1809—1883), швейцарский геолог, ботаник, минералог, палеонтолог — 288

Гейне Генрих (1797—1856), немецкий поэт и публицист — 291

Гексли Томас Генри (1825—1895), английский биолог — 286

Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821—1894), немецкий ученый — 288, 289

Гендель Георг Фридрих (1685—1759), немецкий композитор — 288

Генкин, врач — 86, 87

Георгий (Лавров Герасим Дмитриевич; 1868—04.07.1932), преподобноисповедник, архимандрит. В 1922—1928 гг. служил в Донском монастыре в Москве. С 1928 г. в ссылке. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 392

Георгий (Ярошевский Григорий Григорьевич; 1872—08.02.1923), митрополит. В 1906 г. хиротонисан во епископа Калужского и Боровского. С 1916 г. епископ Минский и Туровский. С 1919 г. в эмиграции в связи с изменением государственных границ. С 1922 г. митрополит Варшавский. Возглавил самочинную Польскую Автокефальную Церковь. Убит в Варшаве противником автокефалии Польской Церкви — 37, 39, 268

Гервасий (Малинин) см. Малинин Григорий Васильевич

Гервасий, игумен Свенского монастыря — 31

Гервасий, иеродиакон Астраханской епархии — 330, 335

Герман (Аав; 1878—1961), архиепископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Финляндского и Выборгского Константинопольского Патриархата. Став главою автокефальной Финляндской Церкви, стал именоваться «архиепископом Карельским и всея Финляндии». В 1957 г. воссоединился с Русской Православной Церковью; архиепископ Карельский и Финляндский; с 1960 на покое — 570, 576

Герман (Джорич Хранислав; 1899—1991), Патриарх Сербский (1958—1990) — 56

Герман (Иванов), архимандрит, настоятель Яблочинского монастыря — 148

Герман (Косолапов Николай Васильевич; 1882—27.09(19.10?).1919), епископ. В 1918 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. В 1918 г. осужден Саратовским ревтрибуналом, приговорен к 15 годам тюремного заключения. Освобожден по амнистии. В мае 1919 г. арестован. Расстрелян — 35

Герман Аляскинский (1757—1837), святой. Причислен к лику святых в 1970 г. — 588

Гермоген (в миру Ермолай) (1530—1612), священномученик, Патриарх Московский и всея России с 1606 г. С 1579 г. священник в г. Казани. Когда обрели Казанскую икону Божией Матери, он был первым из священников, взявшим икону в руки, позднее написал ей акафист. В 1587 г. принял монашество. В 1589 г. хиротонисан во епископа Казанского, позднее возведен в сан митрополита Казанского и Астраханского. Предал анафеме восставших под руководством И. Болотникова (1606—1607), в 1608 г. выступил против Лжедмитрия II («Тушинского вора»), после захвата поляками Москвы запретил москвичам присягать польскому королю Сигизмунду III. В 1610—1611 гг. рассылал по русским городам грамоты с призывом к восстанию против интервентов. Схвачен поляками, заточен в Чудов монастырь и уморен голодом. Причислен к лику святых в 1913 г. — 27, 29, 310, 311

Гермоген (Голубев Алексей Степанович; 1896—1978), архиепископ. В 1926—1931 гг. наместник Киево-Печерской лавры. В 1931—1939 г. в заключении в лагере. В 1953 г. хиротонисан в епископа Ташкентского и Среднеазиатского. В 1956 и 1958 гг. управлял Алмаатинской епархией. С 1958 г. архиепископ. С 1960 г. на покое. С 1962 г. архиепископ Омский и Тюменский. С 1963 г. архиепископ Калужский и Боровский. С 1965 г. на покое — 56

Гермоген (Доброправин), епископ — 130, 450—451, 464

Гермоген (Долганев Георгий Ефремович; 1858—29.06.1918), священномученик, епископ. В 1901 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. С 1903 г. епископ Саратовский и Царицынский. С 1912 г. на покое в Жировицком Успенском монастыре, затем в Николо-Угрешском монастыре. С 1917 г. епископ Тобольский и Сибирский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. Арестован 24.04.1918 в г. Тобольске. Утоплен большевиками в реке Тура. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 27, 34, 515, 589

Гермоген (Кожин Василий Иванович; 1880—1954), митрополит. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Донской епархии. В 1918—1920 гг. член Донского епархиального совета. Член Ставропольского церковного собора. В 1920 г. был арестован и приговорен к расстрелу, но был помилован. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1931 г., будучи женатым, хиротонисан в обновленческого «епископа Темрюковского», викария Кубанской епархии, затем был «епископом Моздокским». С 1932 г. «епископ Кубанский», «архиепископ». С 1934 г. «архиепископ Терский», управлял Северо-Кавказской митрополией. С 1935 г. обновленческий «митрополит Северо-Кавказский». В 1945 г. покаянии был принят Московской Патриархией в сане протоиерея. В 1945 г. пострижен

- в монашество с именем Гермоген. В 1946 г. хиротонисан во епископа Казанского и Чистопольского, ректор Московской Духовной Академии и семинарии. С 1948 г. архиепископ. С 1949 г. доктор богословия. С 1949 г. архиепископ Краснодарский и Кубанский. С 1954 г. митрополит Алеутский и Северо-Американский — 44, 51, 53, 262
- Гермоген (Максимов Григорий Иванович; 1862—1945), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии. В 1918 г. арестован. С 1919 г. епископ Екатеринославский. В 1920 г. эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия). С 1920 г. архиепископ. Недолгое время был управляющим русскими приходами в Греции. В сентябре 1922 г. член Карловацкого церковного собора, избран членом новообразованного Всеамериканского Зарубежного Архиерейского Синода. С 1942 г. принял предложение возглавить Хорватскую Автономную Православную Церковь без канонического согласия Сербской Православной Церкви. На архиерейском суде этот поступок был осужден, как нарушающий права Сербской Церкви. По одной версии расстрелян в Югославии партизанами, по другой — умер в тюрьме, куда был заключен властями новой Югославии — 26, 51, 97, 262, 268, 269
- Герцен Александр Иванович (1812—1870), русский революционер, писатель, философ — 287
- Гершель, английские астрономы отец и сын: 1) Уильям (Фридрих Вильгельм) (1738—1822), основоположник звездной астрономии, 2) Джон Фридерик Уильям (1792—1871) — 288
- Гидулянов П. В., проф — 315, 316
- Глаголев Михаил Феодорович (ок. 1879—?), член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как мирянин от Петроградской епархии. Делопроизводитель страхового отдела Духовного ведомства, законоучитель Коммерческого училища и городских школ в Петрограде, кандидат богословия — 434
- Гладкий Иван Ефимович, член Ставропольского церковного собора — 262
- Глазунов Александр Константинович (1896—1936), русский композитор и дирижер — 287
- Глейзе — 460
- Глинка Михаил Иванович (1804—1857), русский композитор — 287
- Глубоковский Николай Никанорович (1863—1937), историк, богослов, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1920 г. в эмиграции. С 1923 г. профессор Богословского университета в Софии. В 1925 г. избран членом-корреспондентом Болгарской Академии Наук. Скончался в Софии — 440
- Гнущев, председатель общества хоругвеносцев г. Ярославля — 187
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), русский писатель — 25, 286, 287, 309
- Голицын А. Б., князь — 310
- Голицын Александр Николаевич (1773—1844), князь, обер-прокурор Св. Синода (1818—1824) — 244
- Голицын Василий Дмитриевич (1857—1926), князь, директор Румянцевского музея в 1910—1921 гг. Уволен с поста директора после ареста в 1921 г. С 1921 г. заведующий художественным отделом Румянцевского музея (затем библиотеки им. В. И. Ленина). Расстрелян — 310

- Голубинский Евгений Евстигнеевич (1834—1912), доктор церковной истории, профессор Московской Духовной Академии — 23
- Гольбах Поль Анри (1723—1789), французский философ-материалист — 432
- Гольц — 460
- Голямин, астраханский дьякон — 352
- Гончаров Иван Александрович (1812—1891), русский писатель — 287
- Гордеева В. С., старшая сестра Марфо-Мариинской общины — 310
- Горев М.* см. Галкин Михаил (Горев М. В.)
- Горский А. В.* — 555
- Горький (Пешков) Алексей Максимович (1868—1936), русский советский писатель — 292, 293, 541
- Граббе Павел Михайлович (ок. 1876 — после 1944), граф, член Св. Собора 1917—1918 гг., член Ставропольского церковного собора. Эмигрировал. В 1921 г. член Карловацкого Собора. В 1944 г. был арестован при занятии советскими войсками Галиции, заключен в лагерь, где и погиб — 262
- Графтон Ч., епископ, глава Фондолакской англиканской епископальной епархии — 22, 23, 170, 174, 179, 180, 183, 184, 487
- Гречанинов Александр Тихонович (1864—1956), русский композитор — 287
- Грибановская Фавста Ермиловна, мать епископа Михаила (Грибановского) — 169
- Грибановский Михаил Иерофеевич, протоиерей, отец епископа Михаила (Грибановского) — 169
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829), русский писатель — 287
- Григорий (Чуков Николай Кириллович; 1870—1955), митрополит. До 1918 г. служил в Олонечкой епархии. С 1918 г. служил в Петрограде. В 1920—1922 гг. ректор Петроградского богословского института. В 1922 г. был осужден по делу «митрополита Вениамина». Досрочно освобожден в 1923 г. В 1924—1928 гг. возглавлял районные богословские курсы. В 1935 г. выслан из Ленинграда, до 1941 г. проживал и служил в Саратове. В 1942 г. принял монашество и хиротонисан во епископа Саратовского, архиепископ. В 1942—1943 гг. временно управлял Астраханской епархией. В 1944—1945 гг. архиепископ Псковский. С 1945 г. митрополит Ленинградский и Новгородский. Член Св. Синода — 52, 54, 305, 306
- Григорий (Яцковский Гавриил Иулианович; 1866—1932), архиепископ, григорианский «митрополит». В 1908 г. хиротонисан во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии, с 1912 г. епископ Бакинский, викарий Грузинской епархии. С 1917 г. епископ Екатеринбургский и Ирбитский. С 1922 г. архиепископ. В 1922—1925 гг. в заключении. В мае 1924 г. включен в состав членов Св. Синода. В декабре 1925 г. один из организаторов григорианского раскола, именовал себя «Блаженнейшим митрополитом». Скончался без покаяния — 44, 47
- Григорий IV (Аль-Хаддад, † 1928), Патриарх Антиохийский (1906—1928) — 28, 442
- Григорий V (1751—1821), священномученик, Константинопольский Патриарх (1797—1798; 1806—1808; 1818—1821) — 576
- Григорий VII (Зервудакис или Папаставрианос; 1850—1924), Патриарх Константинопольский. В декабре 1924 г. избран на Патриарший Престол после отречения

- Патриарха Мелетия IV. При нем была признана автокефалия Польской Православной Русской Церкви и в 1924 г. Константинопольской Церковью был официально принят григорианский календарь — 81, 442
- Григорий, епископ — 588
- Григорьев В., настоятель астраханского храма — 331, 333
- Григорьев, атаман банды — 201
- Григорьев, староста астраханской церкви — 336
- Губонин Михаил Ефимович — 16, 19, 20, 112, 153—154, 315, 447, 451, 587, 591, 592, 620
- Гузик Ф. П., староста астраханского собора — 335
- Гуно Шарль (1818—1893), французский композитор — 288
- Гурий (Буртасовский Сергей Васильевич; 1845—1907), епископ. В 1885 г. хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского. С 1892 г. епископ Самарский и Ставропольский. С 1904 г. епископ Симбирский и Сызранский — 487, 623
- Гурий (Карпов), архимандрит, настоятель посольской церкви в Риме — 578
- Гурий (Степанов Алексей Иванович; 1880—1937/38), архиепископ. С 1906 г. доцент Казанской Духовной Академии, с 1912 г. архимандрит. С 1916 г. доктор церковной истории. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию от монашествующих. С 1920 г. настоятель Московского Покровского монастыря. В 1920 г. хиротонисан во епископа Алатырского, викария Симбирской епархии, вскоре был арестован, находился в заключении до 1922 г. В 1923 г. временно управляющий Петроградской епархией. С 1924 г. архиепископ Иркутский. 1925—1930 гг. в заключении. С 1930 г. архиепископ Суздальский, викарий Владимирской епархии. В 1932 г. вновь арестован и до конца жизни находился в заключении. Расстрелян в лагере под Новосибирском — 305
- Гурьев Петр Викторович — 92, 256—257, 263
- Гусева Пелагея Кузьминична — 28, 35, 218, 219, 223—226
- Гучков Александр Иванович (1862—1936), депутат и Председатель Государственной Думы III созыва. 2.03.1917 принял вместе с В. В. Шульгиным отречение императора Николая II. В 1917 г. военный и морской министр во Временном правительстве. С 1920 г. в эмиграции — 505
- д'Эрбиньи Мишель (1880—1957), аббат, епископ Католической Церкви, католический пропагандист, директор папского Библейского института — 44
- Давид, ярославский чудотворец — 187
- Дамаскин (Орловский), игумен — 283, 392*
- Дамиан (Воскресенский Дмитрий Григорьевич; 1873—03.11.1937), священномученик, архиепископ. В 1918 г. хиротонисан во епископа Переславского. В 1920—1927 гг. в тюрьме и ссылке. С 1927 г. архиепископ Полтавский и Переяславский; с 1928 г. архиепископ Курский и Обоянский. С 1932 г. в заключении в Соловецком лагере. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 33
- Дамиан (Говоров; 1855—1936), епископ. В 1916 г. хиротонисан в епископа Ереванского, викария Грузинской епархии. С 1917 г. епископ Петровский, викарий Саратовской епархии; с 1918 г. епископ Царицынский, викарий Саратовской епархии. С 1920 г. в эмиграции. Настоятель монастыря св. Кирика в Болгарии. Основатель

- и ректор (начальник) Русского пастырско-богословского училища при монастыре св. Кирика в местечке Станимака (Болгария) — 268
- Дамиан (Касатос; 1848—1931), Патриарх Иерусалимский (1897—1908; 1909—1931) — 16, 442
- Данилевский Н. Я.* — 289
- Данилин Николай Михайлович (1878—1945), хоровой дирижер — 311
- Дарвин Чарльз (1809—1882), английский естествоиспытатель — 286, 288, 289, 292
- Двинянинов В. И., астраханский священник-обновленец — 330, 332, 335
- Дегожский Алексей, протоиерей, член Консистории — 478
- Дегтярев Степан Аникиевич (1766—1813), композитор, дирижер — 287
- Декарт Рене (1596—1650), французский философ, математик, физик и физиолог — 288, 464
- Деникин Антон Иванович (1872—1947), генерал-лейтенант, военный и политический деятель, главнокомандующий Добровольческой армией и вооруженными силами Юга России (1918—1920). С 1920 г. в эмиграции — 35, 202, 203, 228—230, 261, 263—265, 267, 268, 556, 557
- Державин Гавриил Романович (1743—1816), русский поэт — 287
- Деркнет — 285
- Дернов А. А., протопресвитер придворного духовенства** — 93, 94, 251, 260
- Димитрий (Абашидзе Давид Ильич, в схиме Антоний; 1867—1942), архиепископ. В 1902 г. хиротонисан во епископа Алаведдинского, викария Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С 1903 г. епископ Гурийско-Мингрельский. С 1905 г. епископ Балтский, викарий Полоцкой епархии. В 1906 г. епископ Туркестанский и Ташкентский. С 1912 г. Таврический и Симферопольский. С 1915 г. архиепископ. С 1921 г. на покое. В 1928 г. пострижен в великую схиму. Скончался в Киево-Печерской лавре — 97, 262, 268
- Димитрий (Вербицкий Максим Андреевич; 1869—1932), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии. С 1921 г. епископ Белоцерковский, викарий Киевской епархии; с 1924 г. епископ Уманский; с 1925 г. архиепископ; с апреля 1930 г. архиепископ Киевский — 26, 265, 268
- Димитрий (Павлович; 1846—1930), Патриарх Сербский. Профессор Белградской богословской школы. В 1884 г. избран епископом Нишским. С 1898 г. государственный советник. В 1905 г. избран митрополитом Королевства Сербия. В 1920 г. выбран Патриархом Сербским. По его приглашению Высшее Церковное Управление Русской Православной Церкви Заграницей переехало из Константинополя в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) — 83, 442
- Димитрий (Самбикин), архиепископ Казавский и Свяжский** — 154, 155
- Димитрий (Сперовский Николай Андреевич; 1865—1921), архиепископ. В 1903 г. хиротонисан во епископа Кременецкого, викария Волынской епархии. С 1904 г. епископ Новомиргородский, викарий Херсонской епархии; с 1907 г. епископ Сухумский. С 1911 г. епископ Рязанский и Зарайский. С 1917 г. на покое, управляющий Старорусским Преображенским монастырем Новгородской епархии. С 1919 г. епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии С 1920 г. временно управляющий Псковской епархией. С 1921 г. на покое — 260, 310

Димитрий Павлович (1891—1942), Великий князь — 502

Димитрий Ростовский (Туптало; 1651—1709), святитель, митрополит Ростовский и Ярославский (1702) — 26, 494

Дионисий (Валединский Константин Николаевич; 1876—1960), митрополит. В 1913 г. хиротонисан во епископа Кременецкого, викария Волынской епархии. С 1919 г. в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. С 1922 г. архиепископ Волынский и Кременецкий. В 1923 г. избран митрополитом Варшавским «и всяя Польши», основатель и организатор неканонической автокефальной Православной Церкви в Польше. В 1948 г. принят в каноническое общение с Московской Патриархией, но не признан главой Польской Церкви. С 1948 г. на покое. Скончался в г. Лодзь (Польша) — 28, 42, 52, 54

Дмитриев А. — 522

Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856—1929), доктор церковной истории, профессор Киевской Духовной Академии, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук — 318, 395, 418, 424, 552

Днепр Р. — 559

Добровольский Михаил Капитонович, протоиерей, член Ставропольского церковного собора — 262

Добряков Александр Васильевич, правитель дел Учебного комитета при Св. Синоде — 450

Доктусов А. П., следователь ЧК — 413, 415, 416, 420

Доктусов Николай Петрович (1883—1959), профессор. С 1944 г. преподаватель богословского института. В 1951—1956 гг. инспектор Московской Духовной Академии и семинарии. С 1956 г. секретарь Учебного комитета Св. Синода — 420

Долгов Д. А., генерал — 495

Досифей (Степанов Григорий Гаврилович; 1883—31.08.1937), архимандрит. До 1919 г. архимандрит Александро-Невской лавры. В 1924 г. арестован. В 1926 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1927—1933 гг. занимал обновленческие архиерейские кафедры. В 1933 г. по покаянии принят в общение с Православной Церковью в сане архимандрита, вскоре арестован, до 1937 г. в заключении. Расстрелян — 503

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), русский писатель — 170, 286, 287, 539

Доулинг, священник Англиканской церкви — 487

Древс Артур (1865—1935), немецкий философ — 432

Дроздова Е. Н., мать митрополита Московского Филарета (Дроздова) — 581—584

Друмонд — 286

Дулуман Е., ренегат, отлучен от Церкви — 430

Дьяконов Петр, настоятель астраханской церкви — 332, 358, 361

Дьяченко, бывший владикавказский протоиерей, снявший сан — 30

Евгений (Белков), обновленческий «епископ» см. Белков Евгений Христофорович

Евгений (Зернов Семен Алексеевич; 1877—20.09.1937), священномученик, митрополит. В 1913 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1914 г. епископ Приамурский и Благовещенский. Член Св. Собора 1917—1918

- гг. В 1923 г. арестован в Благовещенске. С 1923 г. архиепископ, член Св. Синода при Патриархе Тихоне. В 1924—1929 гг. в заключении и ссылках. Участвовал в составлении «Соловецкого послания». С 1931 г. архиепископ Котельнический, викарий Вятской епархии. С 1934 г. митрополит Горьковский. В 1935 г. арестован. Расстрелян в Карагандинском лагере. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 49
- Евдоким (Мещерский Василий Иванович; 1869—1935), архиепископ, обновленческий «митрополит».** В 1904 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии, ректор Московской Духовной Академии. С 1909 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии. В 1914—1917 гг. архиепископ Алеутский и Северо-Американский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1918 г. архиепископ Нижегородский. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол, один из идеологов обновленчества. В 1922—1924 гг. обновленческий «митрополит Одесский». С 1922 г. член обновленческого Высшего церковного управления С 1923 г. председатель обновленческого Священного Синода. В 1934 г. уволен на покой с оставлением членом обновленческого Синода — 29, 37, 48, 81, 83, 206—211, 213, 214, 217, 218, 337, 442, 443, 445
- Евлогий (Георгиевский Василий Семенович; 1868—1946), митрополит.** В 1903 г. хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмской епархии. Депутат II и III Государственных Дум. С 1914 г. архиепископ Волынский и Житомирский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1920 г. в эмиграции. В 1921 г. управляющий русскими приходами в Западной Европе. С 1922 г. митрополит. После выхода в 1930 г. интервью митрополита Сергия (Страгородского) находился в оппозиции к нему. В 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии, назначен Экзархом Западной Европы, положил начало церковно-юридическому подчинению ряда православных приходов за пределами России Константинопольскому Патриарху (евлогянство). В 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией — 24, 29, 36, 47, 52, 104, 143, 149, 150, 166, 230, 233, 239, 242, 268, 269, 274—276, 284, 308, 345, 352, 389, 393, 484, 485, 504, 510, 514, 555—570, 573—578
- Евсевий (Гроздов Евстафий; 1866—1929), архиепископ.** В 1906 г. хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. С 1912 г. епископ Псковский и Порховский. С 1918 г. архиепископ. С 1924 г. временно управляющий автономной Нарвской русской епархией в Эстонии — 185—187
- Евсевий (Никольский Евгений Иванович; 1861—1922), митрополит.** В 1897 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1906 г. архиепископ Приморский и Владивостокский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. Постоянный член Св. Синода при Патриархе Тихоне. С 1920 г. митрополит Крутицкий — 137, 100
- Евсевий (Рождественский Евгений Петрович; 1886—05.11.1937), архиепископ.** В 1920 г. хиротонисан в епископа Яранского, викария Вятской епархии. С 1922 г. епископ Ставропольский и Кубанский; с 1923 г. епископ Ейский; с 1925 г. в заключении. С 1927 г. епископ Забайкальский и Нерчинский. С 1930 г. архиепископ Шадринский; с декабря 1930 г. в заключении. Расстрелян — 48
- Евфимий (Елиев Евстафий Платонович; 1847—1918), епископ.** В 1903 г. хиротонисан во епископа Алавердинского, викария Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С 1905 г. епископ Горийский Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С 1906 г. епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии. С 1909 г. на

- покое, управляющий Московским Заиконоспасским монастырем, с 1914 г. управляющий Московским Новоспасским монастырем — 310, 490, 491
- Евфимий Великий Благодушный (377—477), св., палестинский подвижник — 461
- Евфросиния (Погожева Анна Владимировна), игуменья, сестра Патриарха Алексия (Симанского) — 478
- Екатерина, матушка — 148
- Елевферий (Богоявленский Дмитрий Яковлевич; 1870—31.12.1940), митрополит. В 1911 г. хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. С 1917 г. временно управляющий Литовской епархией. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С июня 1921 г. архиепископ Литовский и Виленский. В 1922 г. объявил акт провозглашения польским правительством польской автокефалии незаконным. Заключен на три месяца в католическом монастыре. В 1923 г. переселен польским правительством в г. Ковно. С 1930 г. временно управляющий западно-европейскими приходами Русской Православной Церкви, подчинявшимися митрополиту Сергию (Страгородскому), в 1931 г. утвержден в этой должности — 46, 50, 205, 525, 526, 536, 537
- Елеонский Ф. Г., профессор — 156**
- Елизавета Феодоровна (1864—18.07.1918), преподобномученица, Великая княгиня. Старшая сестра царственной страстотерпицы Александры Феодоровны. В 1884 г. вступила в брак с Великим князем Сергеем Александровичем (убитым террористом в 1905 г.). С 1909 г. настоятельница Марфо-Мариинской обители в Москве. Была арестована в Москве в 1918 г. 18 июля 1918 г. вместе с другими алапаевскими мучениками была сброшена живой в шахту Нижняя Селикамская под г. Алапаевском Пермской епархии. После вступления в г. Алапаевск белой армии тело Великой княгини и других мучеников были извлечены из шахты. В 1920 г. их останки были перевезены в Пекин. Затем по желанию английской принцессы Виктории гробы с нетленными мощами преподобномучениц Елизаветы и Варвары были отправлены в Иерусалим. Причислены к лику святых в 1992 г. — 310, 505, 552, 589, 590, 606
- Еллинские, братья, астраханские врачи — 409
- Ермолова Мария Николаевна (1853—1828), русская актриса — 287
- Ефрем (Кузнецов Епифаний Андреевич; 1876—04.09.1918), священномученик, епископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Забайкальской епархии. Член Св. Собора 1917—1918 гг. 30.05.1918 арестован. Расстрелян. Архирейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 34
- Ефрем (Хвостов), в/у Московским Патриаршим Престолом — 618
- Жданов А. А., присяжный поверенный — 408, 420
- Жданов, защитник на процессе «астраханских церковников» — 424
- Жданова Е. А., в замужестве княгиня Туманова — 408, 420
- Жевахов Н. Д., товарищ обер-прокурора — 229, 230, 294
- Желобовский Александр Алексеевич (1834—1910), протопресвитер военного и морского духовенства (1890—1910) — 26
- Жилкин Ф. И., организатор «Христианско-социалистической рабоче-крестьянской партии» — 35
- Жимский, регент астраханской церкви Петра и Павла — 349

- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), русский поэт — 287
- Заблочкая-Десятковская Ольга Андреевна (1845 — после 1915), жена обер-прокурора В. К. Саблера — 241, 244
- Завитаев Иван Макарьевич (ок. 1861—?), протоиерей, член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Владикавказской епархии. Законоучитель реального училища во Владикавказе, кандидат богословия. Член Ставропольского церковного собора — 262
- Залесский Василий, священник астраханской Христорождественской церкви — 328, 331, 332, 346, 358, 360, 361
- Зарин Сергей Михайлович (1875—1935), профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, один из идеологов обновленческого движения, профессор Московской обновленческой богословской академии, член Президиума, секретарь и заведующий юридическим отделом обновленческого Священного Синода — 48, 157
- Затворник А.* — 227, 519
- Зверев Алексей Данилович см. Алексей (Зверев), мученик
- Зеленцов Василий см. Василий (Зеленцов), священномученик, епископ
- Зеленый, атаман банды — 201—202
- Зимин Н. С., смотритель Торопецкого духовного училища — 480, 481
- Зиновьев В. Н., священник, церковный композитор, регент архиерейского хора — 25, 186, 309, 495
- Знаменский В. В., протоирей — 167
- Зноско Владимир, прот.* — 565, 566
- Зотиков Илья Иванович (1863—1930), протоиерей. В 1895—1910 гг. служил в Америке. В 1910—1919 гг. служил в Петрограде. С 1919 г. ризничий храма Христа Спасителя. Арестован в 1922 г., в 1923 г. освобожден, служил в Москве, в 1927 г. вновь арестован, выслан в г. Владимир. Расстрелян — 173, 174
- Иван (Федоров; ок. 1510 — 1583), диакон, основатель книгопечатания в России — 288
- Иванов А. И., помощник коменданта Кремля в г. Астрахани — 407, 408
- Иванов Александр Андреевич (1806—1858), русский живописец — 287
- Иванов Г., астраханский священник — 361
- Иванова Зоя, духовная дочь архиепископа Фаддея (Успенского) — 364
- Ивановский Александр Иосифович (ок. 1884 — не ранее 1938), присяжный поверенный, член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как мирянин от Екатеринославской епархии, член Ставропольского церковного собора. С 19120 г. в эмиграции. Член Карловацкого Собора, в 1938 г. член Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей — 262
- Ивлев И. П., староста астраханского кафедрального собора — 412, 413, 416, 420
- Игнатий († 1288), свт., архимандрит Ростовского Богоявленского монастыря, с 1261 г. епископ Ростовский — 494
- Игнатий (Грек), Патриарх Московский и всея России — 618, 619
- Иероним (Экземплярский), архиепископ Варшавский и Привисленский — 21, 47, 148, 590—581

Иерофей (Померанцев), архимандрит, обновленческий «митрополит» — 503

Извеков Феодор, священник Астраханской епархии — 361

Извольский Петр Петрович, протоиерей, обер-прокурор Св. Синода — 24, 239

Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич; 1886—28.12.1929), священномученик, архимандрит, архиепископ. Профессор Московской Духовной Академии. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1920 г. хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. С 1923 г. архиепископ Верейский, в. у. Московской епархии. С декабря 1923 г. в заключении в Соловецком лагере. Скончался в заключении — 30, 46, 65, 81, 100, 190, 207—209, 211, 214, 215, 217, 278

Илиодор (Труфанов Сергей Михайлович; 1880—1952/1958), бывший иеромонах. Сначала поддерживал связь с Григорием Распутиным, а затем боролся с его влиянием. За нападки на власть и неподчинение Св. Синоду был отправлен на покаяние во Флорищеву пустынь, где ему было запрещено проповедовать, в 1911 г. бежал в г. Царицын и заявил о своем неподчинении правительству и Св. Синоду, вновь был водворен во Флорищеву пустынь, где он снял с себя сан и объявил о своем разрыве с Русской Православной Церковью. Организовал религиозную секту «Новая Галилея». Подвергался преследованию полицией за оскорбление императорской фамилии. После революции, в 1920-е гг. объявил себя «патриархом Царицынским и всея России», получив «сан» по способу украинских самосвяттов («рукоположение» миром). Создал свою «иерархию», но вскоре исчез, оказался в США, где работал швейцаром в гостинице. Опубликовал скандальные мемуары о Распутине — 27

Илия, Католикос-Патриарх всей Грузии — 613

Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920), русский историк — 310

Ильинский, проректор Саратовского университета — 340

Ильичев А. см. Кузнецов А. И.

Иннокентий (Кременский; † 1917), епископ. В 1908 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. С 1911 г. епископ Царевский, викарий Астраханской епархии; с 1917 г. епископ Вольский, викарий Саратовской епархии — 396, 400

Иннокентий (Летяев Иннокентий Алексеевич; 1882—1937), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Клинского, викария Московской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. принес покаяние. В 1923—1926 гг. епископ Ставропольский и Кавказский. С 1934 г. член Временного Патриаршего Св. Синода. С 1935 г. архиепископ Харьковский. С 1936 г. в заключении. Расстрелян — 444

Иннокентий (Попов-Вельяминов), святитель — 308

Иннокентий (Пустынский, Александр Дмитриевич; 1868—03.12.1937), архиепископ, обновленческий «митрополит». В 1903 г. хиротонисан во епископа Аляскинского. С 1909 г. епископ Якутский. С 1912 г. епископ Ташкентский и Туркестанский. До 1922 г. возведен в сан архиепископа. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол, назначен «архиепископом Курским и Обоянским». В апреле 1923 г. «уволен на покой». В 1924—1929 гг. «митрополит Киевский и Галицкий». С 1929 г. обновленческий «митрополит Архангельский и Холмогорский». В 1933 г. арестован. Расстрелян — 23, 170, 206, 491

Иннокентий (Смирнов; 1784—1819), святитель, епископ Пензенский. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 608

- Иоаким (Савелов), Патриарх Московский и всея России — 618, 620
- Иоаким III (Деведжи Христ; 1834—1912), Патриарх Константинопольский (1878—1884 и 1901—1912) — 22
- Иоанн (Алексеев Илья; 1862—1905), епископ. В 1899 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 1902 г. епископ Пермский и Соликамский — 158, 487
- Иоанн (Василевский), епископ Бронницкий — 302—303
- Иоанн (Восторгов Иоанн Иоаннович; 1864—05.09.1918), священномученик, протоиерей. Известный миссионер. С 1913 г. настоятель Покровского собора в Москве (храма Василия Блаженного). 30.05.1918 арестован ВЧК в Москве. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 33, 34, 439, 534, 535
- Иоанн (Киструссский Иван Иванович; 1878—?), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Раненбургского. В 1926 г. уклонился в григорианский раскол, «митрополит Раненбургский». В 1926 г. упоминается как принесший покаяние за уход в «григорианский» раскол; в 1927 г. упоминается на покое. Арестован в 1936 г., приговорен к 3 годам заключения. Дальнейшая судьба неизвестна — 50
- Иоанн (Кочуров Иоанн Александрович (1871—31.10.1917), священномученик, протоиерей. В 1895—1907 гг. служил в храмах Америки. С 1907 г. служил в Петроградской епархии. Зверски убит в Царском Селе большевиками. Причислен к лику святых в 1994 г. — 32, 183, 529, 606
- Иоанн (Кратиров Иван Александрович; 1839—1909), епископ. В 1893 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 1895 г. епископ Елизаветградский, викарий Херсонской епархии; с 1895 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1899 г. епископ Саратовский и Царицынский. С 1903 г. на покое, член Московской синодальной конторы — 157, 623
- Иоанн (Крестьянкин, 1910—2006), архимандрит Псково-Печерского монастыря — 598
- Иоанн (Левицкий Иоанникий; 1857 — не ранее 1927), епископ. В 1908 г. хиротонисан во епископа Ейского, викария Ставропольской (Кавказской) епархии. С 1916 г. именовался Кубанский и Екатеринодарский, викарий Ставропольской епархии; с 1916 г. епископ Краснодарский и Кубанский; с 1919 г. епархией не управлял; в 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, обновленческий «епископ Кубанский» — 97, 262, 268
- Иоанн (Максимович Михаил Борисович; 1896—1966), святитель, архиепископ. Из рода святителя митрополита Иоанна Тобольского. Родился в Харьковской губ., в семье генерала. В 1918 г. окончил юридический факультет Харьковского университета. Эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия). В 1925 г. окончил богословский факультет Белградского университета. В 1926 г. пострижен в монашество. До 1929 г. законоучитель в сербской гимназии в г. Великая Кикинда. Преподаватель и воспитатель в духовной семинарии св. апостола Иоанна Богослова в г. Битоли. В мае 1934 г. хиротонисан во епископа Шанхайского, викария Пекинской епархии. С 1945 г. архиепископ. С приходом к власти коммунистов в Китае переехал с паствой на Филиппинские острова. С 1951 г. архиепископ Западно-Европейский. В 1962 г. переехал в США, архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский в юрисдикции Всезаграничного Зарубежного Архиерейского Синода. Скончался

- в Сизтле (США). В 1994 г. прославлен в лике святых Русской Православной Церковью Заграницей — 233
- Иоанн (Поммер Иван Андреевич; 1876—1934), священномученик, архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии. С 1913 г. епископ Таганрогский и Приазовский, викарий Екатеринославской епархии. С 1917 г. епископ Старицкий, викарий Тверской епархии. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1918 г. епископ Пензенский, боролся с епископом Владимиром (Пулятой) и его «Народной церковью». Арестован, приговорен к расстрелу, но помилован. В 1918—1919 гг. в тюремном заключении. С 1921 г. архиепископ Рижский и всея Латвии. С 1925 г. депутат латвийского сейма, на посту депутата добился легализации Православной Церкви в Латвии. Убит латышскими националистами. Внесен в поименный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г. — 48, 500, 539
- Иоанн (Поярко Виктор; 1883—1933), архиепископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Давлекановского, викария Уфимской епархии. С 1928 г. епископ Уфимский и Давлекановский. С 1931 г. архиепископ. Перед смертью принял великую схиму — 48
- Иоанн (Разумов Дмитрий; 1899—1990), архимандрит, митрополит. В 1916 г. поступил в число послушников Смоленско-Зосимовой пустыни. В 1924 г. был пострижен в мантию. С 1942 г. архимандрит, наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры. В 1953 г. хиротонисан во епископа Костромского и Галичского. С 1954 г. епископ Псковский и Порховский; с 1959 г. епископ Берлинский и Германский; с 1960 г. епископ Псковский и Порховский. С 1962 г. архиепископ; с 1972 г. митрополит; с 1987 г. на покое — 106
- Иоанн (Шушерин), иподиакон при Патриархе Никоне, пользовавшийся его особым благоволением; по изложению Патриарха он содержался 3 года в тюрьме и 10 лет в заточении, был освобожден в 1682 г. Написал «Житие Патриарха Никона» (СПб., 1784) — 12
- Иоанн Алексеевич V (1666—1696), русский царь с 1682 г. — 283
- Иоанн Дамаскин (ок. 680 — ок. 780), преподобный, богослов, гимнограф — 470
- Иоанн Златоуст († 407), святитель, богослов, архиепископ Константинопольский (397—440) — 456
- Иоанн Кассиан, преподобный — 456
- Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иван Ильич; 1829—1908), святой праведный, протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Выдающийся церковный оратор и проповедник, духовный писатель. Великий молитвенник, обладавший даром прозорливости и чудотворения. Причислен к лику святых в 1990 г. — 18, 24—26, 28, 29, 33, 48, 204, 421, 588, 593
- Иоанн Лествичник (ок. 525 — после 600), преподобный — 464
- Иоанн Тобольский (Максимович; 1651—1715), святитель, митрополит Тобольский и всея Сибири — 30, 93, 231, 233, 234, 249
- Иоанникий (Ефремов Иоанн; 1863—1914), епископ. В 1905 г. хиротонисан во епископа Белгородского, викария Курской епархии. С 1913 г. на покое — 28
- Иоанникий (Казанский Иван Афанасьевич 1839—1917), епископ. В 1888 г. хиротонисан во епископа Великоустюжского, викария Вологодской епархии. С 1891 г. епископ Владикавказский и Моздокский; с 1892 г. епископ Михайловский, викарий

- Рязанской епархии; с 1895 г. епископ Угличский, викарий Ярославской епархии; с 1901 г. епископ Архангельский и Холмогорский; с 1908 г. на покое — 310
- Иоанникий** (Соколовский Феодосий Семенович; 1889—15.01.1938), епископ, григорианский «митрополит». В 1921 г. хиротонисан во епископа Бахмудского, викария Екатеринославской епархии. С 1924 г. епископ Омский; с марта 1925 г. епархией не управлял; перешел сначала в «лубенский», затем в «григорианский» раскол; лишен сана. До 1937 г. григорианский «митрополит Ульяновский». Расстрелян — 444
- Иоанникий** (Сперанский Иван Никанорович; 1885—1969), епископ. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Новгородской епархии. В 1923 г. тайно рукоположен в епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. С 1926 г. в заключении. В 1947 г. временно управляющий Красноярской епархией. В начале 1950-х годов был ненадолго арестован и удален по требованию властей на покой. В 1962—1969 гг. на покое в Псково-Печерском монастыре — 288
- Иоанникий Великий** (752—846), преподобный — 461
- Иоасаф** (Каллистов Павел; 1851—03.02.1920), архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Новогеоргиевского, викария Варшавской епархии. С 1917 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, управлял Московской и Варшавской епархиями. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С января 1918 г. архиепископ Коломенский и Можайский, Патриарший наместник, с октября 1919 г. переименован в архиепископа Крутицкого. В конце 1919 г. арестован. В январе 1920 г. освобожден и вскоре скончался — 33, 35
- Иоасаф II Новоторжец**, Патриарх Московский и всея России — 618
- Иоасаф Белгородский** (Горленко Иоаким Андреевич; 1705—1754), святитель, чудотворец. С 1748 г. епископ Белгородский и Обоянский. Через два года после кончины тело и одежды святителя были найдены нетленными. С этого времени началось его почитание. Причислен к лику святых в 1911 г. — 27, 294
- Иоасаф**, Патриарх Московский и всея России — 618
- Иов** (в миру Иоанн, † 1607), первый Патриарх Московский и всея России (1589—1605). В 1586 г. архиепископ Ростовский, с декабря 1586 г. митрополит всея России. Сторонник Бориса Годунова, способствовал избранию его на царство. В 1605 г., после смерти Бориса Годунова, лишен Патриаршества и сослан в Старицкий монастырь. Причислен к лику святых в 1989 г. — 57, 592—596, 617—619
- Иов** (Рогожин Флегонт Иванович; 1883—20.04.1933), епископ. В 1920 г. хиротонисан в епископа Вольского, викария Саратовской епархии. С 1922 г. епископ Пятигорский и Прикумский; с 1926 г. епископ Усть-Медведицкий, викарий Донской епархии; с 1927 г. епископ Мстерский, викарий Владимирской епархии. Скончался в ссылке — 358
- Иов**, в схиме Иисус, Анзерский, преподобный. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 608
- Иона** (Архангельский), в/у Московским Патриаршим Престолом — 618
- Иона** (Сысоевич), в/у Московским Патриаршим Престолом — 618
- Ионов А.* — 259
- Иосиф** († 1671), священномученик, митрополит Астраханский. Причислен к лику святых на Св. Соборе 1917—1918 гг. — 30, 34, 394—397, 400, 401, 403, 418, 420

Иосиф (Дьяков), Патриарх Московский и всея России — 618

Иосиф (Петровых Иван Семенович; 1872—20.11.1937), митрополит. В 1909 г. хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1919 и 1922 гг. подвергался арестам. С 1920 г. архиепископ Ростовский, викарий Ярославской епархии. В мае 1924 г. включен в состав членов Св. Синода при Патриархе Тихоне. По завещательному распоряжению митрополита Крутицкого Петра (Полянского) от 06.12.1925 г. назначен третьим кандидатом на должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В 1926 г. назначен митрополитом Ленинградским, но был лишен возможности занять кафедру. После ареста в ноябре 1926 г. митрополита Сергия (Страгородского) вступил в обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В декабре 1926 г. арестован и отправлен в ссылку. В 1927 г. было разрешено вернуться в г. Ростов, назначен митрополитом Одесским, назначения не принял. 6 февраля 1928 г. вместе с архиереями Ярославской епархии подписал акт отхода от митрополита Сергия, возглавив оппозицию, получившую название «иосифлянской». Уволен митрополитом Сергием на покой с запрещением в священнослужении. В 1930—1936 гг. в ссылке. Расстрелян в г. Чимкенте вместе со священномучеником Кириллом (Смирновым), митрополитом Казанским — 25, 45, 390, 391, 493—495, 498, 499, 589, 618

Иосиф (Семашко, † 1868), митрополит, бывший униатский епископ Мстиславский, викарий Белорусской епархии. В 1839 г. воссоединился с Православной Церковью, назначен епископом Вильнюсским, главный деятель по воссоединению униатов с Православной Русской Церковью — 29

Иосиф (Ясковский (Яцковский) Климент Александрович; 1893 (1896?)—?). обновленческий «епископ». В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. хиротонисан в обновленческого «епископа Черкасского, викария Киевской епархии». С 1927 г. «епископ Херсонский». В 1928 г. на покое. С 1932 г. «епископ Новгородский и Старорусский», с 1933 г. «епископ Уральский» — 206

Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (1859—1935), композитор и дирижер, директор Московской консерватории (1905—1922) — 287, 310

Ирвайн, англиканский священник — 125, 311

Иринарх (Синеоков-Андреевский; 1871—1933), архиепископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Березовского, викария Тобольской епархии. В 1918—1922 гг. управлял Тобольской и Сибирской епархией; в 1923—1925 гг. епископ Якутский; в 1925—1926 гг. епископ Великоустюжский и Устьвымский; с октября по декабрь 1926 г. епископ Ставропольский и Кубанский. С 1931 г. архиепископ Пермский — 48

Ириной (Шульмин Михаил Александрович; 1893—08.02.1938), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан в епископа Кушвинского, викария Свердловской епархии (единоверческой). С 1923 г. епископ Мензелинский; с 1924 г. епископ Малмыжский, викарий Ижевской епархии; с 1925 г. епископ Елабужский, викарий Сарапульской епархии; с января 1926 г. в «григорианском» расколе; в мае 1926 г. принес покаяние; с 1929 г. епископ Елабужский, викарий Казанской епархии; с 1930 г. епископ Бугурусланский. С 1930-х гг. епископ Мамалышский; с 1934 г. епископ Пензенский. С 1935 г. архиепископ Куйбышевский. Расстрелян — 49

Исаия († 1090), святитель, с 1077 г. епископ Ростовский — 494

Исидор (Колоколов Петр Александрович; 1866—09.1918), епископ. В 1902 г. хиротонисан в епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. С 1903 г.

- епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии; с 1906 г. епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии. В 1911 г. уволен на покой за «деяния недостойные сана епископа», с пребыванием в монастыре. Отпевал Григория Распутина после его убийства. Зверски убит в 1918 г. — 34, 503
- Исидор (Никольский) Иаков Сергеевич; 1799—1892), митрополит. В 1834 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. С 1837 г. епископ Полоцкий и Витебский; с 1840 г. епископ Могилевский и Мстиславский. С 1841 г. архиепископ. С 1844 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. С 1858 г. митрополит Киевский и Галицкий; с 1860 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский; с 1865 г. именовался Новгородским, Санкт-Петербургским и Финляндским. Под его руководством и при непосредственном участии был осуществлен перевод Библии на русский язык — 200, 298
- Исидор, пресвитер — 457
- Иувеналий (Машковский) Виктор Константинович, 1883 — после 1936), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Павловского, викария Нижегородской епархии. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол, обновленческий «епископ Елизаветградский, викарий Одесской епархии». В 1923 г. обновленческий «епископ Тираспольский». В 1930 г. обновленцами «уволен на покой», принес покаяние, принят в сущем сане. Вновь уклонился в обновленческий раскол. В 1935 г. принес покаяние и был принят в общение с Церковью в сане епископа с последующим отбыванием епитимии во Владимире, где был арестован и приговорен к пяти годам заключения в лагере — 206
- Иувеналия, игумения — 514
- Казakov Матвей Федорович (1738—1812), архитектор — 288
- Казakov, комендант астраханского Кремля — 404, 408—410
- Калелейкин П., обновленческий священник Астраханской епархии — 330, 336
- Калинин Михаил Иванович (1875—1946), советский партийный деятель, Председатель ВЦИК — 38
- Калиновский Сергей Васильевич, бывший священник — 51, 67, 199
- Кальнев Б., священник, служивший в Америке — 173
- Каменев С. А. — 522, 543
- Кандидов Борис Павлович (1902—1953), один из организаторов Центрального антирелигиозного музея в Москве, автор множества антирелигиозных и антицерковных работ — 263, 266, 439
- Кант Иммануил (1724—1804), немецкий философ — 288, 289
- Каплин А. А., астраханский врач — 411
- Каппанидзе И., священник, служивший в Америке — 173
- Капустин М. Н., псаломщик астраханского кафедрального собора — 395
- Карасев Евгений Васильевич (1988—08.03.1938), священник Астраханской епархии. Расстрелян — 318, 329, 346, 349, 360, 361
- Каратыгин Л. А., председатель ярославской губернской управы — 495
- Карзов Иоанн, дьячок — 478
- Карин — 202—204

- Каринский Михаил Иванович (1840—1917), доктор философии, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии — 156
- Карпов Георгий Григорьевич (1898—1967), генерал-майор КГБ СССР. С 1943 по 1960 г. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР — 313
- Карташев Антон Владимирович, обер-прокурор Св. Синода — 11, 18, 19, 31, 235, 236, 254—256, 285, 552
- Карташев Николай Тимофеевич, протоиерей, член Св. Собора 1917—1918 гг. Член Ставропольского церковного собора — 262
- Карташов И., священник, смотритель Ростовского духовного училища — 493
- Кассини А. П., граф — 173, 174, 179, 181
- Кастальский Александр Дмитриевич (1856—1926), композитор, регент синодального хора, профессор Московской консерватории — 311, 312
- Катанский Александр Львович (1836—1919), доктор богословия, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии — 156
- Катенин, монархист — 569
- Каширин П. А.* — 521
- Кашменский Феодор Гаврилович (ок. 1857 —?), член Св. Собора 1917—1918 гг. — 400
- Кеплер Иоганн (1571—1630), немецкий астроном — 288, 289, 291
- Керенский Александр Федорович (1881—1970), адвокат, российский политический и государственный деятель. Депутат IV Государственной Думы. С 02.03.1917 министр юстиции Временного правительства, с 05.05.1917 военный и морской министр. 17.07.1917 возглавил Временное правительство, сохранив пост военного и морского министра. С 30.08.1917 Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции 1917 г. предпринял ряд неудачных попыток организовать сопротивление большевикам. В июне 1918 г. эмигрировал. До 1940 г. жил в Европе. С 1940 г. проживал в США, работал в Стенфордском и Гуверовском университетах — 30, 252, 255, 270
- Кизиветтер — 493
- Киреевский Иван Васильевич (1805—1856), русский религиозный философ — 287
- Кирилл (Васильев Кузьма Васильевич; 1871—1.04.1944), схиэпископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Любанского, викария Новгородской епархии. В 1924—1927 гг, 1930-е в заключении. После 1927 г. епископ Маловишерский; принял схиму с именем Макарий. Убит во время налета авиации — 50
- Кирилл (Павлов), архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры — 600
- Кирилл (Смирнов Константин Иларионович; 1863—1937), священномученик, митрополит. В 1904 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1909 г. епископ Тамбовский и Шацкий. С 1913 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917—1918 гг., избран заместителем члена Св. Синода. В апреле 1918 г. назначен митрополитом Тифлиским и Бакинским, Экзархом Кавказским. Вернулся в Москву, принимал участие в работе Св. Синода. В декабре 1919 г. арестован, через два месяца освобожден. С апреля 1920 г. митрополит Казанский и Свияжский. С 1922 г. почти непрерывно в ссылках и лагерях. В июне 1924 г. был вызван в Москву для участия в новообразуемом высшем церковном управлении

- с включением в него живоцерковного «протопресвитера» В. Красницкого. После срыва переговоров с В. Красницким возвращен в Зырянский край, и до конца жизни находился в заключении. 7 января 1925 г., согласно последнему завещательному распоряжению Патриарха Тихона, назначен первым кандидатом в Местоблюстители Патриаршего Престола. Осенью 1926 г. в ходе проведенных без его ведома выборов Патриарха путем опроса архиереев, получил наибольшее число голосов епископов. С 1934 г. в ссылке в Казахстане. В 1937 г. арестован, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян под г. Чимкентом. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 45, 46, 48, 50, 119, 318, 342, 343, 345, 387, 389, 544, 589, 605
- Кирилл Иерусалимский (315—386), святой, отец Церкви — 477
- Кириллов В. Т. — 88
- Кирион (Садзагелов [Садзаглишвили, Садзегели] Георгий Иеронимович; 1854—1918), бывший епископ Полоцкий и Витебский; архиепископ Мцхетский и Тбилисский, католикос-патриарх вся Грузии, духовный писатель и публицист. С 1900 г. епископ Горийский Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С 1902 г. епископ Балтский. С 1903 г. епископ Новомиргородский, викарий Херсонской епархии. С 1904 г. епископ Орловский и Севский. С 1906 г. епископ Сухумский. С 1907 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. Был решительным защитником совершенной автокефалии Грузинской Церкви. В 1908 г. был арестован за антиправительственные националистические выступления и уволен на покой с запрещением в священнослужении. До 1915 г. проживал в различных монастырях. С 1915 г. епископ Полоцкий и Витебский. С 1.09.1917 уволен, согласно прошению, от управления епархией. 17.09.1917 на соборе Грузинской Церкви был избран патриархом-католикосом автокефальной Грузинской Церкви. Вскоре он был найден мертвым в собственном доме. Погребен в Сионском соборе г. Тбилиси. Причислен к лику святых Грузинской Православной Церкви — 34
- Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886—1934), советский государственный и партийный деятель — 409, 412, 417, 418
- Киселев А., прот. — 590
- Киселев, работник ГПУ — 338
- Киселев, староста астраханской церкви — 336
- Кисловский В. П., ярославский вице-губернатор — 495, 496
- Климент (Капалин), архиепископ Серпуховской — 593
- Клопотовский И., священник, служивший в Америке — 173
- Ключевский Василий Осипович, русский историк — 72, 200—201, 287
- Книшпер-Чехова Ольга Леонардовна — 107—109, 306, 311
- Коггоут, художник-карикатурист — 440
- Кожин Василий Иванович, священник см. Гермоген (Кожин), митрополит
- Козлов И. И., староста астраханской церкви — 336
- Козлов Иван Николаевич, священник, член Ставропольского церковного собора — 262
- Коллонгай Александра Михайловна — 32, 430, 431

- Колчак Александр Васильевич (1873—1920), адмирал. В 1918—1920 гг. Верховный правитель России — 202, 203, 252
- Колчицкий Николай Федорович (1890—1961), протопресвитер, управляющий делами Московской Патриархии (1941—1945) — 386
- Коновалов, староста астраханской церкви — 336
- Коноград Михаил Андреевич, священник, член Ставропольского церковного собора — 262
- Константин (Булычев Константин Иоакимович; 1858 — после 1926), епископ, обновленческий «митрополит», григорианский «архиепископ». В 1901 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1904 г. епископ Самарский и Старопольский. С 1911 г. епископ Могилевский и Мстиславский. С 1915 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1922 г. несколько раз переходил в обновленческий раскол и приносил покаяние. С 1925 г. один из организаторов григорианского раскола, «архиепископ Тамбовский» — 269, 487
- Константин (Дьяков Константин Григорьевич, 1971—10.11.1937), митрополит, Экзарх Украины. В 1924 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 1927 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский, Экзарх Украины. С 1932 г. митрополит; с 1934 г. митрополит Киевский, Экзарх Украины. Арестован в 1937 г. Умер во время допроса в тюрьме — 49
- Константин Всеволодович († 1257), святой благоверный князь — 186
- Константин Всеволодович († ок. 1255), святой князь, чудотворец ярославский — 187
- Константин Константинович (К. Р.) (1858—1915), Великий князь, русский писатель, президент Петербургской АН с 1889 г. — 24, 29
- Конт Огюст (1798—1857), французский философ — 288
- Кончаловский В. П., профессор — 86
- Коперник Николай (1473—1543), польский астроном — 288, 291, 292
- Корнилий (Попов Константин Константинович, 1874—1966), митрополит. С 1906 г. миссионер и епархиальный наблюдатель в г. Ярославле и епархии. В 1909 г. пострижен в монашество, в 1913 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троице-Варницкого Ростовского монастыря Ярославской епархии. В 1915 г. хиротонисан во епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. С 1921 г. епископ Сумской, викарий Харьковской епархии. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол, сложил с себя монашеский сан, назначен обновленческим ВЦУ «епископом Вологодским». С 1942 г. обновленческий «митрополит Воронежский». В 1943 г. принес покаяние, принят в сане епископа, назначен на Сумскую кафедру. С 1948 г. архиепископ (митрополит с 1955 г.) Горьковский и Арзамасский. С 1961 г. на покое — 51, 425, 493, 495
- Корнилий (Соболев Гавриил Гаврилович, 1880—16.04.1933), архиепископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Каширского, викария Тульской епархии. С 1920 г. епископ Новосильский, викарий Тульской епархии; с 1921 г. епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии; с 1923 г. в заключении и ссылке; в 1926 г. епископ Владимирский и Суздальский (в течение месяца); в том же году епископ Свердловский и Ирбитский (номинально, будучи в заключении и ссылке). Погиб в ссылке — 48, 390, 391

Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918), генерал от инфантерии. В июле—августе 1917 г. Верховный главнокомандующий. В конце августа поднял мятеж с целью «сохранения Великой России». Один из организаторов белого движения и Добровольческой армии. Убит во время штурма Екатеринодара — 252

Коровин Константин — 299

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), русский писатель — 292

Косик О. В. — 315

Кострюков А. А. — 276

Котельский А. Г., инспектор — 496

Котов Н. И., обновленческий священник Астраханской епархии — 330, 336, 337

Коутс В. П., советский журналист — 32

Коханов, защитник на процессе «астраханских церковников» — 424

Кочергин Евтропий, астраханский мирянин — 330, 335, 336, 395

Кочергин Николай, астраханский мирянин — 330, 335—337, 395

Кочкарев Алексей Иванович († 15.03.1919), староста астраханской церкви св. Князя Владимира. Расстрелян — 409

Кочуров Иоанн, протоиерей см. Иоанн (Кочуров), священномученик, протоиерей

Коялович Михаил Осипович (1828—1891), русский историк. С 1862 г. профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. Основные труды посвящены церковно-бытовой и политической жизни западнорусских земель, Белоруссии и Украины, в которых развивал славянофильский тезис о единстве русского народа, куда включались украинцы и белорусы — 156

Крамской Иван Николаевич (1837—1887), русский живописец — 287

Красиков Петр Аваньевич — 122, 123, 223, 225, 337, 338, 426—428, 430, **435—436**, 438, 521, 544, 545

Красницкий Владимир Дмитриевич (1880—1936), священник, обновленческий «протопресвитер». С 1917 г. служил в соборе св. Князя Владимира Петрограда. В 1922 г. один из организаторов обновленческого раскола. С мая 1922 г. председатель ЦК созданной им группы «Живая церковь». Митрополитом Вениамином (Казанским) запрещен в священнослужении. С 1923 г. «протопресвитер Российской Православной Церкви». В 1924 г. покаялся перед Патриархом Тихоном, вел переговоры об объединении, в дальнейшем прощение было аннулировано. Вплоть до своей смерти возглавлял остатки «Живой церкви», служил в Ленинградских храмах — 39, 41, 42, 48, 80, 81, 213, 442, 444, 445, 553, 554

Красовский Алексей Федорович, священник, член Ставропольского церковного собора — 262

Красотин Павел Н., обновленческий «протопресвитер» — 51

Крейн — 178

Кремлев И. Л. — 409, 416

Криворотов Ф. А., председатель суда на процессе «астраханских церковников» — 424

Кривошеева Н. А. — 170, 222, 555

Крутиков Н., кафедральный протоиерей — 186

- Крылов Иван Андреевич (1769—1844), русский писатель, баснописец — 287, 355
- Ксения Петербургская († 1803), блаженная, причислена к лику святых в 1988 г. — 588
- Кубин, священник-расстрига, отлучен от Церкви — 430
- Кузнецов Аркадий Ильич — 112, 126, 314—315, 317, 362, 370, 379, 380, 387, 389, 390, 392
- Кузнецов В. И., письмоводитель Консистории — 395
- Кузнецов Николай Дмитриевич (1863—05.01.1930(1936?)), профессор, магистр богословия. В 1906 г. член Предсоборного Присутствия. Член Предсоборного Совета и Св. Собора 1917—1918 гг. В 1918—1919 гг. профессор церковного права в Православной Народной Академии. В 1918—1919 гг. член Исполнительного бюро Совета объединенных приходов г. Москвы. В 1919 г. арестован по делу Совета объединенных приходов г. Москвы (дело Самарина-Кузнецова). В январе 1920 г. приговорен к расстрелу; расстрел был заменен лагерным заключением. В 1921 г. освобожден по амнистии. В 1924 г. вновь арестован. В 1925 г. приговорен к трем годам ссылки. С 1928 г. упоминается как участник последних религиозных диспутов в Москве. Умер в ссылке — 35, 36, 47, 250, 400, 513
- Кузьмин Александр Николаевич (1877—?), астраханский священник, осужден в 1928 г. и сослан с Сибирь — 358, 361
- Куприн Александр Васильевич (1870—1938), русский писатель — 541
- Куракин И. А., князь, губернский предводитель дворянства — 495, 496
- Куров Н. Н. — 299
- Курский Дмитрий Иванович (1874—1932), советский партийный деятель. С 1918 г. нарком юстиции РСФСР — 401
- Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813), князь, русский полководец — 287
- Кызласова И. Л.* — 295, 296
- Лаванов Владимир Алексеевич, священник, член Ставропольского церковного собора — 262
- Лавр, епископ — 588
- Лаврентий (Князев Евгений Иванович; 1877—06.11.1918), священномученик, епископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 34
- Лаговский Николай Константинов, террорист — 237, 238
- Латышев В. В.* — 480
- Лажостский Павел Николаевич (ок. 1866—1931), митрофорный протоиерей Петроградской епархии, член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1917 г. по поручению Собора редактор газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» (1917—1918) и журнала «Церковные ведомости» (1917—1918). С 1918 г. заместитель члена Высшего Церковного Совета. С 1918 г. арестован. Служил в селе Ильинское (Ярославской губ., Угличского уезда). В 1922—1931 гг. служил в Петрограде — 549
- Лебедев В. А., церковный староста — 332
- Лебедев Феодор, священник астраханской Златоустовской церкви — 382

Лебедев Н. — 313

Лебедев, судебный заседатель на процессе Пелагеи Гусевой — 223

Левитин А. см. Левитин-Краснов А.

Левитин-Краснов А. — 11, 253, 279, 301, 439, 540, 541, 552, 554

Левицкий, прокурор Синодальной Конторы — 159

Левшин Димитрий Феодорович, генерал, член Ставропольского церковного собора — 263

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716), немецкий философ-идеалист, математик, физик — 288, 291

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), советский партийный и государственный деятель, один из основателей РСДРП-РКП(б) и непосредственный организатор Октябрьской революции. Председатель СНК РСФСР-СССР — 393, 541

Леонид (Окропиридзе Лонгин; 1861—1921), патриарх-католикос Грузинской автокефальной Церкви. В 1898 г. хиротонисан во епископа Горийского, викария Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С 1900 г. епископ Имеретинский; епископ Гурийский; с 1908 г. епископ Гурийско-Мингрельский, викарий Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии; с 14.10.1918 патриарх-католикос Грузинской автокефальной Церкви. Причислен к лику святых Грузинской Православной Церковью — 35

Леонид (Скобеев Евгений Дмитриевич; 1851—1932), епископ, обновленческий «митрополит». В 1920 г. хиротонисан в епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. В 1921 г. назначен епископом Верненским, к месту служения не поехал. 18.05.1922 вошел в группу лиц, определенных св. Патриархом Тихоном для передачи дел Св. Синода и Московской епархии митрополиту Агафангелу (Преображенскому), что было использовано обновленцами для захвата Патриаршей канцелярии. С 1922 г. обновленческий «архиепископ Крутицкий», обновленческий «архиепископ Орловский». В 1923 г. обновленцами «уволен на покой». С 1928 г. обновленческий «митрополит Орловский» — 47, 210

Леонтий († не ранее 1077), святитель, епископ Ростовский — 494

Леонтий (фон Вимпфен), епископ Царевский — 35, 120, 317, 319, 324, 403, 405, 406, 411, 413—417

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), русский поэт — 287, 449

Ликвентова О. М., начальница Ярославского Ионафановского епархиального училища — 496

Линней Карл (1707—1778), шведский естествоиспытатель — 288

Лисицин А. А., председатель суда по делу Пелагеи Гусевой — 223

Лист Ференц (1811—1886), венгерский композитор — 288

Лобанов В. В. — 205

Логинов А. — 522, 523

Лодыженский Н. Н., российский императорский генеральный консул в США — 170, 174, 179

Локкарт Роберт Брюс (1887—1970), дипломат, журналист. С 1912 г. вице-консул Великобритании в России. С 1915 г. генеральный консул. С января 1918 г. возглавлял британскую специальную миссию при СНК. В сентябре 1918 г. аресто-

- ван, обвинялся в организации шпионского заговора «трех послов» и контактах с антисоветскими кругами в России («дело Локкарта»). В октябре 1918 г. выслан из страны. В 1939—1940 гг. руководил политической разведкой британского МИДа — 34
- Лоллий (Леонтий) (Юрьевский Александр Иванович; 1875—11.02.1935). В 1921 г. хиротонисан во епископа Могилевского, викария Подольской епархии. С 1922 г. в обновленческом расколе. В начале 1930-х годов принес покаяние и был принят в сане епископа. Умер в Соловецком лагере особого назначения — 206
- Ломако Григорий Петрович (1881—1959), священник. Законоучитель Второй мужской гимназии г. Екатеринодара Кубанской области, кандидат богословия. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Ставропольской епархии, член Ставропольского и Карловацкого церковных соборов. Эмигрировал, был настоятелем Александро-Невского собора в Париже. Умер во Франции — 263
- Ломан Д. Н., полковник — 93
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), первый русский ученый-естествоиспытатель, поэт, историк, основатель Московского университета — 287, 309
- Лонгин, архимандрит* — 555
- Лопатин В. С., товарищ городского головы г. Ярославля — 495, 496
- Лопатина, врач — 87
- Лоу С., мэр города Нью-Йорка — 174, 179
- Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович; 1877—1961), священноисповедник, архиепископ. Выдающийся хирург. С 1920 г. заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии Государственного Туркестанского университета. С 1923 г. в ссылке, хиротонисан во епископа Ташкентского и Туркестанского. В 1923—1933, 1933—1941 гг. в заключении и ссылке. С 1942 г. архиепископ Красноярский, с 1944 г. Тамбовский и Мичуринский. С 1946 г. архиепископ Симферопольский и Крымский. В 1946 г. лауреат Сталинской премии I степени в области хирургии. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 56
- Лукьянов Сергей Михайлович, обер-прокурор Св. Синода** — 25, 235, 239—241
- Луцкий А., астраханский священник — 330
- Лушпаев Василий Федорович, астраханский юрист — 352
- Лушпаев Феодор, священник Астраханской епархии — 352
- Львов Алексей Федорович (1798—1870), композитор, дирижер — 287, 309
- Львов Владимир Александрович (ок. 1861 — не ранее 1919), протоиерей. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Сухумской епархии. Настоятель Николаевского собора г. Новороссийска. Член Ставропольского церковного собора — 263
- Львов Владимир Николаевич, обер-прокурор Св. Синода** — 30, 133, 189, 190, 229, 235, 252—254, 255, 272, 501, 535
- Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925), князь, В марте—июле 1917 г. глава Временного правительства — 253
- Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936), историк, академик, ректор Московского университета (1911—1917) — 310

Любимов Неофит Порфирьевич, священномученик, протоиерей — 551

Любимов Николай Александрович (1858—1924), протопресвитер. В 1911—1917 гг. протопресвитер Успенского Собора в Москве, присутствующий в Св. Синоде. Член Предсоборного Совета и Св. Собора 1917—1918 гг., товарищ председателя Собора, член Соборного Совета. Член Св. Синода. В 1921 г. член Высшего Церковного Совета — 274, 310, 553

Люперсольский Николай, протоиерей г. Вятки — 46

Ляйель (Лайель) Чарльз (1797—1875), английский естествоиспытатель — 288

М., доктор см. Манухин Иван Ивнович

Маевский В. А. — 162, 244

Мазарини Джулио (1602—1661), католический кардинал, первый министр Франции с 1643 г. — 125

Макарий (Глухарев; 1792—1847), архимандрит. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 608

Макарий (Гнеушев Михаил Васильевич; 1858—04.09.1918), священномученик, епископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С января 1917 г. епископ Орловский и Севский. В мае 1917 г. уволен на покой, назначен управляющим Вяземским Предтеченским монастырем Смоленской епархии на правах настоятеля. Летом 1918 г. арестован. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 34

Макарий (Павлов Михаил Михайлович; 1867—?), епископ. В 1901 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 1905 г. епископ Якутский и Вилюйский; с 1909 г. на покое. С 1917 г. епископ Владикавказский и Моздокский. Член Ставропольского церковного собора. С 1922 г. в обновленческом расколе — 97, 263, 268

Макарий Алтайский (Парвицкий-Невский Михаил Андреевич; 1835—1926), святитель, митрополит, апостол Алтая. В 1884 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 1891 г. епископ Томский и Семипалатинский; с 1895 г. именовался Томский и Барнаульский. С 1906 г. архиепископ; с 17.10.1908 именовался Томский и Алтайский. С 1912 г. митрополит Московский и Коломенский. В 1917 г. Временным правительством был уволен из состава Св. Синода, а затем смещен с Московской кафедры. По предложению св. Патриарха Тихона святителю присвоен пожизненный титул митрополита Алтайского. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 28, 30, 34—36, 44, 54, 93, 95, 133, 193, 233, 253, 501

Макарий Великий Египетский († ок. 390), преподобный — 456, 466, 467

Макаров Степан Осипович (1848/49—1904), русский флотоводец, океанограф, вице-адмирал — 287

Макаров, обвинитель на процессе по делу «астраханских церковников» — 424

Мак-Кинлей (Мак-Кинли) Вильям (1843—1901), президент США — 173

Маколей Томас Бабингтон (1880—1859), английский историк, публицист и общественный деятель — 289

Максим, Патриарх Болгарский — 613

Максимович, генерал — 233

Малинин Григорий Васильевич (1885 — после 1932), бывший обновленческий «архиепископ». В 1923 г. хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Арзгирского, викария Ставропольской епархии. С 1923 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии. С 1925 г. епископ Ростовский и Угличский. В 1925 г. находился в тюремном заключении, после освобождения в 1925 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1925 г. обновленческий «епископ Курский». С 1928 г. «епископ Орловский», потом «Оренбургский», «архиепископ Череповецкий, Астраханский». С 1931 г. перемещен на Саратовскую кафедру. В 1932 г. снял сан и отрекся от Бога — 47, 208, 209, 211

Малиновский А., священник Ярославской епархии — 493

Малиновский Александр Платонович (ок. 1864 — не ранее 1919), протоиерей. Законоучитель и настоятель церкви кадетского корпуса во Владикавказе, кандидат богословия. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Владикавказской епархии. Член Ставропольского церковного собора — 263

Малиновский Петр, священник, крестный отец св. Патриарха Тихона — 478

Мальцев, работник ГПУ — 338

Мануил (Лемешевский Виктор Викторович; 1884—1968), митрополит. В 1923 г. хиротонисан во епископа Лужского, викария Петроградской епархии. В 1924—1927 гг. в Соловецком лагере особого назначения. С 1928 г. епископ Серпуховской, викарий Московской епархии. В 1934—1944 г. в заключении. С 1945 г. епископ Чкаловский и Бузулукский. В 1948—1955 гг. в заключении. С 1956 г. архиепископ Чебоксарский и Чувашский. С 1960 г. архиепископ Куйбышевский и Сызранский. С 1962 г. митрополит. В 1965 г. уволен на покой — 41, 581

Манухин Иван Иванович (1882—1958), доктор медицины, ученый — 104, 105

Манухина Татьяна Ивановна (Т. Таманин) (1885—1962). Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила Педагогический институт, образование завершила в Париже. Жена И. И. Манухина. Журналистка, специализировалась по экуменическим вопросам — 150

Мария (Танеева (Вырубова) Анна Александровна; 1884—1964), монахиня, фрейлина и ближайшая подруга Императрицы Александры Феодоровны. После революции в эмиграции в Финляндии, где приняла монашеский постриг — 251, 503

Мария (Тучкова (урожденная Нарышкина) Маргарита Михайловна; 1781—1852), игуменья. Основательница Спасо-Бородинского монастыря. После бесплодных поисков останков убитого в Бородинском сражении мужа, Маргарита Михайловна решила на месте битвы построить церковь. В 1833 г. была утверждена Спасо-Бородинская община. В 1838 г. Тучкова приняла монашеский постриг. В 1839 г. община была переименована в Спасо-Бородинский монастырь — 581

Мария Васильевна — 386

Мария Николаевна (1899—17.07.1918), страстотерпица, Великая княжна. Третья дочь страстотерпцев Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны. Расстреляна вместе со всей семьей в г. Екатеринбурге. Архиерейским Собором 2000 г. причислена к лику святых — 588, 607, 611, 613

Мария, игуменья — 28

Маркелл (Попель Маркел Онуфриевич, 1825—29.09.1903), епископ, деятель по воссоединению холмских униатов с Православной Церковью. В 1875 г. хиротонисан

- во епископа Люблинского, викария Варшавской епархии. С 1878 г. епископ Подольский и Брашлавский; с 1882 г. епископ Полоцкий и Витебский. В 1889 г. уволен от управления епархией с назначением присутствующим в Св. Синоде — 23, 487—490
- Марков (2-й) Николай Евгеньевич (1866—1945), российский общественно-политический и государственный деятель. Член монархических организаций, депутат III и IV Государственных Дум. В 1905 г. один из основателей Партии народного порядка, слившейся с Союзом русского народа. В начале 1917 г. один из организаторов съезда «монархических единений». В 1918—1920 гг. в армии Н. Н. Юденича. В 1920 г. эмигрировал. В июне 1921 г. на «общероссийском съезде правых монархистов» в Рейхенгалле (Бавария) избран председателем Высшего монархического совета (до 1927) — 569
- Марков Стефан, протоиерей — 279
- Масленников А., монархист — 569
- Матвеева Т. А. — 380, 381
- Махароблидзе Екзакустодиан Иванович († 1960), начальник олевой канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства во время Первой мировой войны, в эмиграции с 1920 г. — 265
- Махмуд II (1784—1839), султан Османской империи — 576
- Машков И. П.* — 283
- Мгалобелов, секретарь — 159
- Медведь Роман Иванович, протоиерей см. Роман (Медведь), священноисповедник, протоиерей
- Медлер Иоганн (1794—1874), астроном — 288, 289
- Мелетий IV (Метаксакис) (1871—1935), архиепископ Афинский (1918—1920), Патриарх Константинопольский (1921—1923), Патриарх Александрийский (1926—1935) — 83
- Мелхиседек (Паевский Михаил Львович; 1879—1931), архиепископ. В 1916 г. хиротонисан в епископ Кронштадтского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1917 г. епископ Ладожский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1919 г. епископ Минский и Туровский; в июле 1923 г. провозглашен «митрополитом Минским и Белорусским, главой автономной Белорусской Церкви»; с января 1926 г. в григорианском расколе; в июне 1926 г. принес покаяние, сложил титул митрополита; с 1929 г. архиепископ Енисейский и Красноярский — 44
- Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934), советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1902 г. С 1919 г. член Президиума ВЧК. В 1920—1922 гг. начальник Особого отдела и член коллегии ВЧК-ГПУ. С июля 1922 г. начальник СО ГПУ. С 1922 г. член Антирелигиозной комиссии. С 1923 г. заместитель председателя ГПУ. С 1926 г. председатель ОГПУ — 281
- Мерсье Дезире (1851—1926), кардинал, примас Бельгии, религиозный философ — 239
- Мефодий (Красноперов Михаил Платонович; 1868—04.02.1921), священномученик, епископ. В 1913 г. хиротонисан во епископа Акмолинского, викария Омской епархии. С 1914 г. епископ Петропавловский, викарий Омской епархии. Убит. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 34

- Мечев А. Л. см. Алексей (Мечев), святой праведный Мещерский, врач — 87
- Милашевский Алексей, диакон астраханской церкви — 360, 411
- Милица Николаевна (1866—1951), Великая княгиня, жена Великого князя Петра Николаевича — 502
- Милль Джордж Стюарт (1806—1836), английский философ, историк и экономист — 288
- Милюков П. Н.* — 249
- Миртов И. К., священник Ярославской епархии — 496
- Миртов Петр Алексеевич (1871—1918?), митрофорный протоиерей. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Петроградской епархии. С 1894 г. исполняющий должность доцента Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1900 г. магистр богословия, доцент. С 1902 г. экстраординарный профессор. С 1914 г. доктор богословия, ординарный профессор. В 1917 г. был настоятелем церкви Воскресения у Варшавского вокзала в Петрограде — 270
- Мисаил (Крылов Михаил Иванович; 1837—1918), епископ. В 1883 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1885 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии; с 1896 г. епископ Могилевский и Мстиславский; с 1899 г. епископ Смоленский и Дорогобужский; с 1904 г. на покое. С 1905 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский; с 1908 г. на покое, настоятель Симонова монастыря — 310
- Митрофан (Абрамов Николай, в схиме Макарий; 1876—1944 или конец 1940-х), епископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. В феврале 1920 г. эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (после 1929 г. Югославия). Подвизался в монастырях Сербской Православной Церкви — 268
- Митрофан (Землянский Михаил Александрович; 1863—1914), епископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Елецкого, викария Орловской епархии — 26
- Митрофан (Краснопольский), священномученик, архиепископ Астраханский** — 18, 35, 55, 120, 317, 319, 324, **392—418**, 420
- Митрофан (Симашкевич Митрофан Васильевич; 1845 — после 1928), архиепископ. В 1907 г. хиротонисан в епископ Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 1907 г. епископ Пензенский и Саранский; с 1915 г. архиепископ Донской и Новочеркасский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1919 г. председатель Юго-восточного церковного собора. С 1922 г. митрополит. В 1922 г. арестован, вскоре уклонился в обновленческий раскол. Один из организаторов в 1926 г. григорианского раскола — 97, 261, 263, 265, 266, 268, 269
- Митрофан, схимник — 458
- Михаил (Бирюков Михаил Алексеевич; 1862—1942), «архиепископ». До уклонения в обновленческий раскол в 1923 г. священствовал в Пермской епархии. В 1923 г. хиротонисан во «епископа Красноуфимского», викария Пермской епархии. С 1924 г. «епископ Сарапульский». В 1925 г. по прошению уволен за штат. С 1927 г. «архиепископ». С 1930 г. «архиепископ Пермский». С 1931 г. на покое — 443—444
- Михаил (Грибановский), епископ** — 20—21, **154—170**

Михаил (Ермаков Василий Федорович; 1862—30.03.1929), митрополит. В 1899 г. хиротонисан во епископа Новгородсеверского, викария Черниговской епархии. С 1899 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии; с 1903 г. епископ Омский и Семипалатинский; с 1905 г. епископ Гродненский и Брестский. С 1912 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1921 г. управлял Киевской епархией, Экзарх Украины. В 1925—1927 гг. в заключении, после 1927 г. митрополит Киевский и Галицкий — 46

Михаил (Космодемьянский Михаил Иванович; 1858—1925), епископ. В 1895—1910 гг. священник. В 1910 г. пострижен в монашество. В 1911 г. хиротонисан во епископа Александровского, викария Ставропольской епархии. Член Ставропольского церковного собора. В 1920 г. эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев, член Карловацкого Собора — 96, 98, 263, 268

Михаил (Мидьюгин), архиепископ Вологодский и Великоустюжский — 593

Михаил (Новоселов Михаил Александрович; 1864—1938), мученик, духовный писатель. С 1929 г. в заключении. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 504

Михаил (Постников Михаил Степанович; 1878 — после 1947), епископ. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол и хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. С 1924 г. управляющий Пермской епархией. С 1925 г. обновленческий «епископ Уральский». С 1931 г. обновленческий «архиепископ Калининский». В 1933 г. арестован. С 1936-го по 1937 г. обновленческий «епископ Калининский». В 1943 г. принес покаяние и был принят в общение с Московской Патриархией в сане епископа, но с оставлением на покое. С 1944 г. епископ Архангельский. С 1947 г. епископ Пензенский и Саранский, с 1947 г. епископ Ивановский и Шуйский. В 1947 г. арестован и приговорен к пяти годам заключения. Срок наказания отбыл полностью. Дальнейшая судьба неизвестна — 328, 329

Михаил (Рамзей), примас Англии, архиепископ Кентерберийский — 39, 56, 83, 127

Михаил (Трубин Михаил Иосифович; 1893—27.09.1937), обновленческий «митрополит». До уклонения в обновленческий раскол в 1922 г. священствовал в Пермской епархии. В 1923 г. хиротонисан во обновленческого «епископа Пермского», будучи в браке. С 1924 г. обновленческий «архиепископ». С 1925 г. «архиепископ Тюменский». С 1927 г. «архиепископ Читинский». С 1928 г. обновленческий «митрополит». С 1929 г. «митрополит Дальневосточной митрополии». В 1929 г. принес покаяние и назначен настоятелем Ферганского собора. В 1931 г. вновь уклонился в обновленчество, «митрополит Казахстанский». С 1934 г. «митрополит Бакинский». С 1936 г. «митрополит Свердловский». В 1937 г. арестован и расстрелян — 444

Михаил Александрович (1878—1918), Великий князь, брат императора Николая II. В 1917 г. после отречения императора Николая II в его пользу отказался от прав от престола до решения Учредительного собрания. Расстрелян — 252

Михаил, Архангел — 110, 111

Мишле Жюль (1798—1874), французский историк — 460

Моисей, пророк — 289, 365

Моор (Орлов) Дмитрий Стахиевич (1883—1946), советский график, один из родоначальников советского политического плаката — 440

Москвин Иван Михайлович (1874—1946), советский актер — 306

Мотт Дж., доктор — 35

Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791), австрийский композитор — 288

Муравьев М. П., граф — 493

Муравьев Н. — 313

Мусин-Пушкин В. В., граф — 265, 266

Мусоргский Модест Петрович (1839—1881), русский композитор — 479

Мушкатеров Н. В. — 416, 417

Мюллер Фриц (1821—1897), немецкий зоолог — 288

Навиль Эрнест — 288, 292

Надеждин Н. А. см. Никанор (Надеждин), епископ

Надеждин Г. — 287

Назаревский В. В. — 310

Назарий (Андреев Николай; 1864—1940), епископ. В 1912 г. хиротонисан в епископа Алатырского, викария Симбирской епархии. С 1918 г. епископ Енисейский и Красноярский. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, затем, будучи обновленческим «епископом Ростовским», перешел в григорианский раскол. Григорианский «архиепископ Ставропольский». Скончался без покаяния — 41

Найденов Н. А. — 284

Нартов — 285

Наследышев Василий Андреевич (1876—1938), священник, настоятель астраханской Иоанно-Златоустовской церкви — 328, 331, 346, 349, 358, 359, 361

Наталья Кирилловна, царица, мать Петра I — 283

Натан Содерблум, архиепископ, примас Швеции — 35

Наум, игумен — 600

Нафанаил (Львов Василий Владимирович) (1906—1986), архиепископ. Сын В. Н. Львова. С 1920 г. в эмиграции. С 1971 г. епископ Венский и Австрийский. С 1981 г. архиепископ — 254

Нахимов Павел Степанович (1802—1855), русский флотоводец, адмирал — 287

Невский, чиновник Св. Синода — 256

Недосекин И. П. († 1917), протоиерей Смоленской епархии. Убит — 32

Нежданова Антонина Васильевна (1873—1950), певица Большого театра — 287, 306, 307

Немоловский Александр, священник см. Александр (Немоловский), митрополит

Неофит (Осипов Николай Александрович; 1875—03.11.1937), архимандрит. Член Учебного комитета при Св. Синоде, старший цензор Духовно-цензурного комитета. С 1918 г. личный секретарь Патриарха Тихона. В мае 1922 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Зырянский край. В 1925 г. вернулся в Москву. В 1927 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Сибирь. В 1934 г. вернулся в Москву. В 1935 г. арестован, приговорен к пяти годам заключения в лагере. Отбывал заключение в Сиблаге. В октябре 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Сиблаге — 49

Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942), русский живописец — 287

Нестор (Анисимов Николай Александрович; 1885—1962), митрополит. В 1916 г. хиротонисан во епископа Камчатского и Петропавловского. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1918 г. арестован. В 1919 г. возвратился на Камчатку. С 1921 г. в эмиграции. В 1921—1945 гг. настоятель Камчатского подворья в г. Харбине. В 1944 г. воссоединился с Московской Патриархией. С 1946 г. митрополит Харбинский и Маньчжурский, Экзарх Восточной Азии. В 1948—1956 гг. в лагерном заключении. В 1956—1958 гг. митрополит Новосибирский и Барнаульский. С 1958 г. на покое. С 1960 г. митрополит Кировоградский и Николаевский, викарий Одесской епархии — 54, 56

Нетесейгейм фон Агриппа — 290

Нечаев Павел, священник астраханской Тихвинской церкви — 345, 360, 361

Никандр (Молчанов Николай Дмитриевич; 1852—1910), архиепископ. В 1891 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1893—1895 гг. ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1895 г. епископ Симбирский и Сызранский; с 1904 г. архиепископ Литовский и Виленский — 26

Никандр (Феноменов Николай Григорьевич; 1872—1933), митрополит. В 1905 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. С 1908 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 1914 г. епископ Вятский и Слободской. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1919 г. архиепископ. С 1921 г. архиепископ Астраханский, к месту назначения выехать не мог. С 1921 г. член Св. Синода при Патриархе Тихоне. С 1922 г. архиепископ Крутицкий. Неоднократно арестовывался, находился в ссылках и лагерях. С 1925 г. митрополит Одесский. С 1927 г. митрополит Ташкентский и Туркестанский — 38, 47, 263

Никанор (Надеждин Николай; 1859—1916), епископ. В 1897 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1898 г. епископ Якутский и Вилюйский; с 1905 г. епископ Пермский и Соликамский; с 1908 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский — 157

Никодим (Боков Николай Павлович, 1850—1914), епископ. В 1895 г. хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии. С 1900 г. епископ Благовещенский и Амурский; с 1906 г. епископ Рязанский и Зарайский; с 1911 г. епископ Полоцкий и Витебский; с 1913 г. епископ Астраханский и Енотаевский — 394

Никодим (Кононов Александр Михайлович; 1872—1919), священномученик, епископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии. С 1913 г. епископ Белгородский. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 26

Никодим (Кротков Николай Васильевич; 1868—21.08.1938), архиепископ. В 1907 г. хиротонисан во епископа Аккерманского, викария Кишиневской епархии 11.11.1907. С 1911 г. епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии; с 1921 г. епископ Таврический и Симферопольский. С 1922 г. архиепископ. С 1922 г. в заключении. С 1932 г. архиепископ Костромской. С 1936 г. в заключении — 166

Никодим (Никулеску), Румынский Патриарх. В 1917—1918 гг. представитель Румынской Православной Церкви в сане епископа Нишского на Св. Соборе 1917—1918 гг. — 52

Николаевский Павел Федорович (1841—1899), доктор церковной истории, профессор-протоиерей Санкт-Петербургской Духовной Академии — 156

Николай († ок. 345), святитель, архиепископ Мир Ликийских — 173

Николай (Ашихмин, 1877 — после 1934), «епископ». В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол и хиротонисан в обновленческого «епископа» Кунгурского, викария Пермской епархии. С 1924 г. правящий «епископ» обновленческой Великоустюжской епархией. С 1931 г. епископ Бирский, викарий Казанской епархией. С 1934 г. епископ Кунгурский, викарий Пермской епархии, согласно прошению уволен на покой — 444

Николай (Зиоров Михаил Захарович; 1851—1915), архиепископ. В 1891 г. хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. С 1898 г. епископ Таврический и Симферопольский. С 1905 г. архиепископ Тверской и Кашинский; с 1908 г. архиепископ Варшавский и Привисленский — 30, 161, 169, 181, 182, 487

Николай (Кутепов), архиепископ Горьковский и Арзамасский — 596

Николай (Налимов Николай Александрович; 1852—1914), архиепископ, духовный писатель. В 1890 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1892 г. епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1893 г. епископ Саратовский и Царицынский. С 1899 г. архиепископ Финляндский и Выборгский; с 1905 г. архиепископ Тверской и Кашинский; с 1905 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии; с 1906 г. архиепископ Владимирский и Суздальский — 158, 159

Николай (Платонов), обновленческий «митрополит» см. Платонов Николай Федорович, протоиерей

Николай (Соловей, Соловейчик), обновленческий «архиепископ» см. Соловей (Соловейчик) Николай, авантюрист

Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич; 1891—1961), митрополит. В 1922 г. хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. С 1935 г. архиепископ Петергофский; с 1936 г. управлял Новгородской и Псковской епархиями. С 1940 г. архиепископ Волынский и Луцкий, Экзарх Западной Украины и Белоруссии. С 1941 г. митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх всей Украины; с 1944 г. митрополит Крутицкий; с 1947 г. митрополит Крутицкий и Коломенский. В 1960 г. освобожден от управления епархией — 51, 56, 392, 597

Николай II Александрович (1868—17.07.1918); святой страстотерпец, Император Всероссийский (1894—1917) — 23, 24, 28, 29, 33, 34, 173, 231—233, 236, 242, 314, 492, 549—551, 588, 590, 607, 610

Николай Александрович, цесаревич см. Николай II, святой страстотерпец, Император Всероссийский

Николай Николаевич (младший) (1856—1929), Великий князь, сын Великого князя Николая Николаевича (старшего), внук Императора Николая I, генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1901). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. С августа 1914 по август 1915 г. верховный главнокомандующий русскими войсками. В марте 1919 г. эмигрировал из Крыма в Италию, затем во Францию. Был популярен в офицерских эмигрантских кругах. Несмотря на девятое по старшинству место среди Великих князей, монархистами рассматривался как один из реальных претендентов на Российский престол — 502

Николай Японский (Касаткин Иван Дмитриевич; 1836—1912), святой равноапостольный, архиепископ. По собственному желанию вызвался ехать в Японию для служения в русской посольской церкви. В 1869 г. организовал православную миссию в Японии с центром в Токио. В 1880 г. хиротонисан во епископа Ревельского,

- викария Рижской епархии. С 1906 г. архиепископ Японский. Причислен к лику святых в 1970 г. — 27
- Николай, архимандрит Ростовского Богоявленского монастыря Ярославской епархии — 493
- Николай, митрополит Чешских земель и Словакии — 613
- Николайченко Иван Николаевич, священник, член Ставропольского церковного собора — 263
- Никольский В., диакон Ярославской епархии — 493
- Никольсон — 460
- Никон (Бессонов), епископ см. Бессонов Николай Николаевич, бывший епископ
- Никон (Минин-Ларионов Никита Минич; 1605—1681), Патриарх Московский и всея России (1652—1666). Провел церковные реформы, в частности, исправление богослужебных книг, вызвавших старообрядческий раскол в Русской Православной Церкви. В 1658 г. оставил Патриаршество. Был осужден Собором 1666—1667 гг., который 11.12.1666 снял с него сан Патриарха. Был сослан на Север в Ферапонтов монастырь на Белоозере. Погребен в Новоиерусалимском монастыре под Москвой — 12, 136, 137, 617—619
- Никон (Петин Александр Порфирьевич; 1902—1956), архиепископ. В 1944 г. хиротонисан во епископа Ворошиловградского. С 1945 г. епископ Донецкий и Ворошиловградский; с 1948 г. епископ Одесский и Херсонский. С 1951 г. архиепископ — 391
- Никон (Рождественский Николай Иванович; 1851—1919), епископ, духовный писатель. В 1904 г. хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. С 1904 г. епископ Серпуховской, викарий Московской епархии; с 1906 г. епископ Вологодский и Тотемский. В 1912 г. уволен от управления епархией; с 1916 г. на покое, проживал в Свято-Троицкой Сергиевой лавре — 310
- Никон (Софийский Николай Андреевич; 1861—28.05.1908), архиепископ. В 1898 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. С 1899 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 1901 г. епископ Вятский и Слободской. С 1904 г. епископ Владимирский и Суздальский. С 1906 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. 28 мая 1908 г. был убит грузинскими националистами. По завещанию был погребен в Успенском соборе г. Владимира — 24, 25, 158, 159, 161, 165, 449
- Нил Сорский († 1508), святой — 457
- Нильский Иван Федорович (1831—1894), доктор церковной истории, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии по кафедре теории раскола — 156, 158
- Ницше Фридрих (1844—1900), немецкий философ — 293
- Новиков (Айзенштейн) А. И., управляющий делами обновленческого Священного Синода — 215
- Новиков Н. С. — 153, 478—480, 483
- Новиков Николай Иванович (1741—1818), просветитель, писатель — 288
- Новоселов Михаил Александрович см. Михаил (Новоселов), мученик
- Ногатырев Алексей Гаврилович (ок. 1877—?), священник. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Тифлисской епархии. Законоучитель Тиф-

- лисского реального училища и Закавказского девичьего института. Член Ставропольского церковного собора — 263
- Нумеров Николай Васильевич** — 92, 256, 257, 318
- Ньюман Джон Генри (1801—1890), английский теолог, публицист и церковный деятель. В 1845 г. перешел из англиканства в католичество, кардинал с 1879 г. — 290
- Ньютон Исаак (1643—1727), английский математик, физик, астроном, теолог — 286, 288, 291, 292
- Оболенский Александр Дмитриевич, князь, обер-прокурор Св. Синода** — 24, 238
- Овчинников К., протоиерей, благочинный Ижевской епархии — 445
- Одоевский-Маслов Н. Н., заведующий придворной частью в Москве — 310
- Окиншевич Кирилл Емельянович, протоиерей, член Ставропольского церковного собора — 98, 263
- Олег Константинович (1892—1914), Великий князь, офицер лейб-гвардии гусарского полка. Смертельно ранен в атаке во время разезда в Восточной Пруссии — 29
- Олещук Ф. Н., антирелигиозный журналист — 440
- Ольга Николаевна (1895—17.07.1918), страстотерпица, Великая княжна. Старшая дочь страстотерпцев Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны. Расстреляна вместе со всей семьей в г. Екатеринбурге. Архиерейским Собором 2000 г. причислена к лику святых — 588, 607, 611, 613
- Оппокон Виктор Владимирович, член Ставропольского церковного собора — 263
- Орлеанский — 121, 426
- Орлов Анатолий Петрович (1879—21.12.1937), профессор—протоиерей, первый выборный ректор Московской Духовной Академии. После 1919 г. служил в храмах Москвы. Неоднократно арестовывался и находился в заключении. Расстрелян — 75
- Орлов И., астраханский священник — 330
- Орлов Н. И., настоятель астраханской церкви Петра и Павла, обновленец — 330
- Орлова О. В.* — 600
- Орлянский — 121, 426
- Орнатский Философ Николаевич (1860—1918), священномученик, петроградский протоиерей. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 36, 509, 510
- Освальд — 460
- Осипов Александр Александрович, бывший протоиерей, бывший профессор Ленинградской Духовной Академии, ренегат, отлучен от Церкви — 430, 521
- Осипов И. Ф., староста астраханской Казанской церкви — 117, 332, 333, 336, 337
- Осипов, защитник на процессе «астраханских церковников» — 424
- Остроумов Ст., прот.* — 290—292
- Остроумов, астраханский священник-обновленец — 330
- Павел († 67), апостол — 469, 498
- Павел (Ольмари), епископ — 54

- Павел (Поспелов Петр; 1855—1925), епископ. В 1897 г. хиротонисан во епископа Старицкого, викария Тверской епархии. С 1899 г. на покое. С 1903 г. епископ Кунгурский, викарий Пермской епархии; с 1905 г. епископ Глазовский, викарий Вятской епархии; с 1918 г. епископ Козловский, викарий Тамбовской епархии; с 1923 г. епископ Шацкий, викарий Тамбовской епархии — 87
- Павел VI (Монтини Джованни Батиста; 1897—1978), папа Римский (1963—1978) — 57
- Павел, в/у Московским Патриаршим Престолом — 618
- Павел, Патриарх Сербский — 613
- Павлов А. И., русский посланник в Корею — 174, 179
- Павлов Георгий Андреевич, генерал, член Ставропольского церковного собора — 263
- Павлов Иван Петрович (1849—1936), русский физиолог — 287, 290
- Паисий, иеромонах Сергиевской пустыни — 31, 528
- Палеолог Морис — 504*
- Палладий (Раев Павел Иванович; 1827—1898), митрополит. В 1866 г. хиротонисан во епископа Ладожского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1869 г. епископ Вологодский и Устюжский; с 1873 г. епископ Тамбовский и Шацкий; с 1876 г. епископ Рязанский и Зарайский. С 1881 г. архиепископ; с 1882 г. архиепископ Казанский и Свияжский; с 1887 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. С 1892 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский — 21, 251, 623
- Палладий (Соколов Павел Ильич; ок. 1850—1919), архиепископ. Член Св. Собора 1917—1918 гг. как член Предсоборного Совета. Магистр богословия. В 1891—1899 гг. ректор Тамбовской семинарии. С 1899 г. член и помощник председателя Училищного совета при Св. Синоде. В 1917 г. был председателем Училищного совета. Пострижен в монашество с именем Палладий. С 1919 г. епископ Астраханский и Енотавский, тогда же возведен в сан архиепископа. В сане архиепископа был не более трех месяцев, на кафедре не был — 310, 317
- Пальмов Иван Саввич, профессор — 156, 163**
- Пальмов Н. Г., астраханский протоиерей — 323, 324, 331, 332, 393, 408—410
- Пантелеимон (Рожновский Павел Стефанович; 1867—30.12.1950), митрополит. В 1913 г. хиротонисан в епископа Двинского, викария Полоцкой епархии. С 1918 г. епископ Пинский и Новогрудский; в 1922 г. отстранен польскими властями от управления Пинской епархией, в ссылке; с 1940 г. епископ Гродненский и Барановичский; с 1941 г. архиепископ Минский и Белорусский; с марта 1942 г. митрополит; с мая 1942 г. епархией не управлял, на покое — 42—43
- Парфений (1816—1867), преподобный, игумен Кизилташского монастыря. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 606
- Парфений (Брянских Петр Арсеньевич; 1881—22.11.1937), священномученик, епископ. В мае 1921 г. хиротонисан во епископа Ананьевского (Новомиргородского?), викария Одесской епархии. В 1923—1924 гг. несколько раз был арестован. С конца 1925 г. в заключении и ссылке. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2005 г. — 209
- Парфений (Левицкий Панфил Андреевич; 1858—1922), архиепископ. В 1899 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1904 г. епископ Подольский и Брацлавский; с 1908 г. епископ Тульский и Белевский.

- С 1911 г. архиепископ. С 1917 г. на покое. С 1920 г. архиепископ Полтавский и Переяславский — 310
- Пастер Луи (1822—1895), французский ученый, основатель микробиологии — 288
- Пафнутий (Гераклейский), преподобный — 469
- Пахомий (Кедров Петр Петрович, 1876—11.11.1937), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии. С 1917 г. епископ Черниговский и Нежинский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1922 г. арестован. С 1923 г. архиепископ. В 1925 г. проживал в Москве без права выезда. С конца 1925 г. в заключении и ссылке. Умер в заключении — 209, 513
- Пахомий Великий († 348), преподобный — 467
- Пашкевич Константин Михайлович (1889—?), послушник св. Патриарха Тихона — 87
- Персиц М. М.* — 426, 428, 430, 548
- Петлюра Симон Васильевич (1879—1926), один из руководителей украинского националистического движения, с 1920 г. в эмиграции, убит в Париже — 202, 267, 269
- Петр († 1326), святитель, митрополит Московский и всяя России (1305) — 136
- Петр (Блинов Петр Федорович; 1893—06.1938), «митрополит». До 1922 г. настоятель церкви в г. Томске. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол и хиротонисан в женатом состоянии во «епископа Томского и Сибирского», вскоре возведен в сан «архиепископа», в ноябре 1922 г. возведен в сан «митрополита Сибирского». Был постоянным членом обновленческого Священного Собора. С 1935 г. «митрополит Минский», управлял православными церквями в Белорусской ССР. Расстрелян — 213, 442, 445
- Петр (Зверев Василий Константинович; 1878—27.02.1929), священномученик, архиепископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 1920 г. епископ Старицкий, викарий Тверской епархии. В 1921 и 1922 гг. несколько раз был арестован. В 1923—1924 гг. в ссылке. С 1925 г. архиепископ Воронежский. В 1926 г. арестован, с 1927 г. в заключении на Соловках. Скончался в Голгофо-Распятском скиту на о. Анзер Соловецкого архипелага. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 46
- Петр (Полянский Петр Федорович; 1862—10.10.1937), священномученик, митрополит. В октябре 1920 г. хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии. Арестовывался в 1919 г., 1921 г. До 1923 г. в ссылке. В 1923 г. вернулся в Москву, возведен в сан архиепископа. С 1924 г. митрополит Крутицкий. 7.01.1925, согласно последнему завещательному распоряжению Патриарха Тихона, назначен третьим кандидатом в Местоблюстители Патриаршего Престола. 12.04.1925 решением почти 60 епископов утвержден в должности Патриаршего Местоблюстителя. 10.12.1925 арестован и до конца жизни находился в заключении. Расстрелян в тюрьме г. Магнитогорска. Причислен к лику святых в 1997 г. — 36, 43—45, 47—49, 57, 67, 72, 86, 87, 89, 121, 209, 250, 281, 296, 347, 422, 589, 592, 604, 606, 618, 620, 621, 692
- Петр (Руднев Николай Николаевич; 1891—3.11.1937), архиепископ. В 1928 г. хиротонисан во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. С 1929 г. епископ Коломенский; с 1933 г. епископ Самарский. С 1934 г. архиепископ. С 1935 г. в заключении. Расстрелян — 41, 49

- Петр (Соколов Павел Иванович; 1863—16.05.1937), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Сердобского, викария Саратовской епархии. С 1923 г. епископ Вольский, викарий Саратовской епархии; с 1928 г. епископ Камышинский; с 1930 г. епископ Могилевский; с 1930 г. епископ Сталинградский. С 1933 г. архиепископ; с 1935 г. архиепископ Воронежский; с октября 1936 г. в заключении, где и скончался — 320, 332, 333, 381
- Петр I Великий (1672—1725), русский царь (1682), первый Российский Император (1721) — 65, 134, 283
- Петр Алексеевич, царь см. Петр I Великий
- Петр Николаевич (1864—1931), Великий князь, внук Императора Николая I — 502
- Петров Василий Родионович (1875—1937), певец (бас) Большого театра — 307
- Пий XI (Ратти Акилле; 1857—1939), папа Римский (1922—1939) — 47
- Пимен (Белоликов Петр Захарович; 1879—16.09.1918), священномученик, епископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Салмасского, начальник Урмийской миссии. С 1917 г. епископ Верненский и Семиреченский, викарий Туркестанской епархии. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 34
- Пимен (Извеков Сергей Михайлович; 1910—1990), Патриарх Московский и всея Руси (1971—1990) — 592, 593, 596
- Пимен (Пегов Павел Григорьевич; 1875—1942), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Бакинского. В 1918 г. председатель Всеукраинского церковного собора. С 1918 г. епископ Каменец-Подольский и Брацлавский. С 1921 г. архиепископ. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1923 г. обновленческий «митрополит Харьковский». С 1925 г. обновленческий «митрополит Киевский», глава «Украинской автокефальной Православной синодальной Церкви». В 1935 г. принес покаяние, принят в общение, назначен архиепископом Каменец-Подольским и Брацлавским, вскоре арестован, скончался в заключении — 50
- Пимен (Хмелевский), архиепископ Саратовский и Волгоградский — 596
- Пимен Великий († 450), преподобный — 463
- Пирогов Николай Иванович (1810—1881), русский хирург и анатом, педагог, общественный деятель — 287
- Питирим (Окнов), митрополит Петроградский — 30, 35, 92—95, 133, 229, 230, 251, 268, 439, 501, 505
- Питирим, Патриарх Московский и всея России — 618
- Питирим, святитель, епископ Тамбовский — 29
- Пифагор Самосский (6 в. до н. э.), древнегреческий философ, религиозный и политический деятель, математик — 452
- Платон (428 или 427 г. до н. э. — 348 или 342 г. до н. э.), древнегреческий философ-идеалист — 288, 452, 454
- Платон (Кульбуш Павел Петрович; 1869—14.01.1919), священномученик, епископ. В январе 1918 г. хиротонисан во епископа Ревельского, викария Рижской епархии. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 34
- Платон (Рождественский Порфирий Федорович; 1866—1934), митрополит. В 1902 г. хиротонисан во епископа. В 1907 г. депутат II Государственной Думы. В 1907—1914 гг. архиепископ Алеутский и Североамериканский. С 1915 г. Экзарх Грузии,

- член Св. Синода. Член Св. Собора 1917—1918 гг., с августа 1917 г. митрополит. С 1918 г. митрополит Херсонский и Одесский. В 1920 г. эмигрировал в Северную Америку. В 1922 г. Американский церковный собор утвердил его митрополитом всея Америки и Канады. 29.09.1923. назначен на ту же должность св. Патриархом Тихоном. Назначен на эту же кафедру Всеамериканским Архиерейским Синодом. В 1923 г. объявил Американскую Церковь автономной. 10.01.1924 вызван в Москву для канонического суда; 16.01.1924 уволен Патриархом Тихоном от управления епархией, но указу не подчинился. 16.08.1933 запрещен митрополитом Сергием (Страгородским) в священнослужении. Скончался в расколе, не покаявшись. 19.04.1946 запрещение было посмертно снято — 41, 48, 52, 267, 268, 270, 566, 567, 571
- Платонида, игуменья Благовещенского монастыря в Астрахани — 399
- Платонов А. И., делопроизводитель Св. Собора 1917—1918 гг. — 513
- Платонов Николай Федорович (1889—1942), протоиерей. До 1923 г. служил в Петроградских храмах. В 1923 г. примкнул к обновленческому расколу. В 1925 г. хиротонисан в обновленческого «епископа Охтенского». С 1926 г. «епископ Гдовский». С 1934 г. «митрополит Ленинградский». В начале 1937 г. ненадолго арестовывался, после чего в 1938 г. снял сан и отрекся от Бога. В 1939—1941 гг. работал научным сотрудником в Институте религии и атеизма. Перед смертью принес покаяние и причастился в Николо-Богоявленском соборе Ленинграда, отпет как мирянин — 50
- Плеве П. А., командующий войсками Московского военного округа — 310
- Плетнев К. К., врач, профессор — 86
- Победоносцев Константин Петрович, обер-прокурор Св. Синода** — 20, 23, 24, 97, 131, 133, 145, 161, 162, 164, 182, 235, **236—238**, 240—242, 244, 260, 261, 484, 490
- Победоносцева Екатерина Александровна (урожд. Энгельгардт; 1848—1932), жена К. П. Победоносцева — 164
- П-ов П. М.* — 264
- Погожева Анна Владимировна см. Евфросиния (Погожева), игуменья
- Подгородников Д. Д., полицмейстер — 499
- Пожарский Димитрий Михайлович (1578—1642), князь, боярин, русский полководец, соратник К. Минина. Руководил военными действиями против польских интервентов — 551
- Поздняков Антоний, астраханский протодиакон — 331, 346, 352, 358, 360, 361, 381
- Покровский А. Ф., священник села Ново-Троицкого в Елецком уезде Орловской губернии — 27
- Покровский Александр Иванович (1873 — после 1928), профессор, один из идеологов обновленческого движения. Член Св. Собора 1917—1918 гг. — 446
- Покровский Василий, священник домово́й церкви в имени Саблеров — 242
- Покровский Евгений И., астраханский священник — 331, 346, 359
- Покровский Михаил Николаевич (1868—1932), советский историк, партийный и государственный деятель, ректор Московского университета — 340
- Покровский Николай Васильевич, профессор** — 156
- Покровский Николай, астраханский священник — 361

- Покровский, ассистент врача — 86
- Полихроний, монах, член Ставропольского церковного собора — 263
- Полозов Яков Анисимович (1879—09.12.1924), келейник св. Патриарха Тихона. Убит бандитами в патриарших покоях Донского монастыря — 42, 84, 101, 483
- Полозова Наталия Васильевна (урожденная княжна Друцкая-Соколинская) (1899—1988), жена Я. А. Полозова — 483
- Полторацкий Н.* — 559
- Польский Михаил, протопресвитер — 587
- Поляков, портной — 324
- Попкова Александра Михайловна — 407, 413, 420
- Попов Димитрий, дьякон Астраханской епархии — 348, 349
- Попов П. — 173
- Попов П., священник, служивший в Америке — 173
- Попов Ю. Г.* — 153
- Поселянин Е.* — 19
- Поспелов А., астраханский священник — 331
- Прилежаев Евгений Михайлович (1851—1900), приват-доцент Санкт-Петербургской Духовной Академии по кафедре церковной истории. Редактор журнала «Странник», где печатался архимандрит Тихон (Беллавин) — 155
- Прозоров Гр., протоиерей, настоятель Берлинского прихода — 567
- Прозоров, астраханский обновленец — 330
- Протасов Николай Александрович (1798—1855), обер-прокурор Св. Синода (1836—1855) — 244
- Проценко П. Г.* — 283
- Пряхин Дмитрий Иванович, староста астраханского кафедрального собора — 397, 399, 405, 406, 412, 419, 420
- Птолемей Клавдий (ок. 90 — ок. 160), древнегреческий астроном, создатель геоцентрической системы мира — 286
- Птоломей, архимандрит Алексеевского монастыря Ярославской епархии — 493
- Пупов Иоанн, иподиакон, келейник священномученика архиепископа Митрофана (Краснопольского) — 399, 408, 413
- Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920), один из лидеров Союза русского народа, член II—IV Государственных Дум. Участник убийства Григория Распутина — 502
- Путинцев М., свящ.* — 233
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), русский поэт — 287, 292
- Пшеничников Николай И. († после 1920), протоиерей, сакелларий Большого Успенского собора с 1897 г. — 513
- Раев Николай Павлович, обер-прокурор Св. Синода — 30, 229, 235, 251—252**
- Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630 — 1671), донской атаман, предводитель Крестьянской войны 1670—1671, казнен в Москве — 401

Райнке — 290

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1865—1916), тобольский крестьянин, в светских салонах был принят как «старец», «святой человек» из народа. С помощью своих покровителей из высшего света вошел в доверие к Царской Семье, обвинялся современниками в том, что оказывал влияние на ход государственных дел. Деятельность Распутина использовалась либеральными кругами как повод для дискредитации императрицы Александры Федоровны и всей императорской семьи. Убит в результате заговора — 27, 28, 30, 93, 133, 219, 229—231, 234, 242, 249, 251, 439—441, 501—505

Рафаил (Аваини (Гававини); 1860—1915), епископ Бруклинский — 23, 170—173

Рахманинов Сергей Васильевич (1873—1943), русский композитор — 287

Рейнке Михаил Михайлович, член Ставропольского церковного собора — 263

Ренан Жозеф Эрнест (1823—1872), французский писатель, автор «Истории происхождения христианства» — 289, 292

Репин Илья Ефремович (1844—1930), русский живописец — 287

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908), русский композитор и дирижер — 287

Риттер Карл (1779—1859), немецкий географ — 288

Рклицкий Н. — 160, 166, 167, 192

Рогович Алексей Петрович (1858 — после 1922), чиновник Св. Синода, товарищ обер-прокурора — 579

Рождественский Александр Петрович, протоиерей — 127, 142, 263, 265, 266, 447, 448, 483—485, 492, 500

Рождественский Григорий († 1917), священник Орловской епархии. Убит — 31, 528

Розанова В. — 451

Розов Константин Васильевич (1874—1923), Великий патриарший архидиакон. Известный в Москве диакон, обладавший выдающимися музыкальными данными — 40, 139, 149, 274, 306, 307, 552—554

Розов С., священник ростовского собора — 493

Роман (Медведь Роман Иванович; 1874—08.09.1937), священноисповедник, протоиерей, в 1908—1918 г. служил в Адмиралтейском соборе г. Севастополя. В 1918—1919 гг. служил в Покровском соборе в Москве на Красной площади, после закрытия собора Патриарх Тихон назначил его настоятелем храма св. митрополита Алексия, неоднократно арестовывался. В 1931 г. был арестован и до 1936 г. находился в заключении. В 1937 г. незадолго до смерти принял монашеский постриг с именем Иосиф. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 35, 502

Романов Михаил Петрович (ок. 1872—?), врач, член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как мирянин от Астраханской епархии — 397, 400, 412, 420

Романовы, боярский род в России. С 1613 г. царская, с 1721 г. императорская династия — 27, 28

Рооп (Ропп) Эдуард Юльевич (1851—1939), архиепископ, барон. Глава римско-католической церкви в России. В 1917 г. архиепископ Могилевский, митрополит Римско-католической церкви в России (с пребыванием в Петрограде). В 1919 г.

- арестован и приговорен к расстрелу. Расстрел был заменен высылкой в Польшу. В начале 1920 г. лично доложил папе Римскому о советской угрозе — 34
- Россиев Павел Амалиевич (ок. 1873 — ?), литератор, общественный деятель. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как мирянин от Сухумской епархии. Член Ставропольского церковного собора — 263
- Россини Джоаккино (1792—1868), итальянский композитор — 288
- Ртищев Федор Михайлович (1626—1673), русский просветитель — 288
- Рубцов Василий Георгиевич (ок. 1873—?), член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как мирянин от Тверской епархии, торговый приказчик, проживал в деревне Рахманово Кашинского уезда Тверской епархии — 400
- Рудинский Николай Семенович, протоиерей — 301**
- Руднев Александр, астраханский священник, погиб в заключении — 332, 352, 353, 361
- Руднев Сергей Петрович (1872—1935), член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как мирянин от Симбирской епархии. С 1920 г. в эмиграции — 446
- Румянцев Сергей Владимирович (1903—1977), протоиерей, бывший обновленческий «епископ». В 1923 г. совратился в обновленческий раскол, был рукоположен во иерея. В 1923—1943 г. состоял священником в обновленческих церквях Ленинграда. В 1943 г. был хиротонисан в обновленческого «епископа Ладожского, викария Ленинградской епархии». В 1945 г. после принесения покаяния был принят в общение с Московской Патриархией как мирянин и рукоположен в священника. Состоял настоятелем Преображенского собора в Ленинграде — 50
- Рункевич Степан Григорьевич — 92, 256, 257—259, 549**
- Рыбаков, астраханский обновленец — 362
- Рюриков М., свящ. — 482*
- С. Ф. — 483*
- Саблер (Десятковский) Владимир Карлович, обер-прокурор Св. Синода — 27, 29, 133, 161, 162, 182, 235, 240, 241—248, 310, 345**
- Саввинский И., протодиакон ростовского собора — 494
- Саввинский И., протоиерей астраханского кафедрального собора — 394, 395, 404
- Савина Мария Гавриловна (1854—1915), русская актриса — 287
- Сагарда А. — 534*
- Сакна-Муни («отшельник из сакьев»), одно из имен Сидхартхе Гаутаме (Будды) (623—544 до н. э.), основателя буддизма — 452
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889), русский писатель — 287
- Самарин Александр Дмитриевич, обер-прокурор Св. Синода — 29, 36, 47, 64, 110, 133, 232, 235, 242, 248—250, 310, 505**
- Самарин Дмитрий Федорович, славянофил — 249
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876), философ, историк, публицист, один из идеологов славянофильства — 248, 287
- Самуилов Вячеслав Никандрович — 256, 259, 513**
- Сафонов Д. В. — 44*

Сахаров К. И. — 17, 243

Свенцицкий Валентин Павлович (1897—20.10.1931), протоиерей. 09.09.1917 рукоположен во священника, служил на фронте. С 1920 г. служил в Москве. В 1922 г. арестован, приговорен к ссылке в Таджикистан. С 1926 г. настоятель церкви свт. Николая Большой Крест на Ильинке в Москве. После выхода июльской декларации 1927 г. вышел со своей паствой из-под юрисдикции митрополита Сергия (Страгородского). В 1928 г. арестован, приговорен к ссылке в Сибирь. В 1931 г. вернулся в общение с митрополитом Сергием. Скончался в ссылке. Похоронен в Москве — 47, 80, 263

Свержевский, врач-консультант, профессор — 87

Светилин Александр Емельянович (1842—1887), философ, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии — 155, 156

Севастианов, астраханский протодиакон — 405, 406

Секретан Шарль (1815—1895), швейцарский философ — 288

Семенов, судебный заседатель — 223

Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902), польский и русский живописец — 287

Семченко Феодор, астраханский священник — 358, 359

Сенько-Поповский Леонид Андреевич, член Ставропольского церковного собора — 263

Серапион (Сысоев), святитель, в/у Московским Патриаршим Престолом — 618

Серапион (Фадеев), митрополит Тульский и Белевский — 596

Серапион, прозванный Синдониум († 350), преподобный — 468, 460

Серафим (Александров Дмитрий Александрович, 1867—02.12.1937), митрополит. В 1914 г. хиротонисан во епископа Кустанайского, викария Оренбургской епархии. С 1916 г. епископ Челябинский, викарий Оренбургской епархии. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1919 г. епископ Тверской и Кашинский. С 1920 г. член Св. Синода. С 1918 г. епископ Полоцкий и Витебский; с апреля 1918 г. епископ Старицкий, викарий Тверской епархии; с сентября 1918 г. управлял Тверской епархией; с 1919 г. епископ Тверской и Кашинский. С 1922 г. архиепископ. В 1922 г. арестован в Москве по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей», позднее освобожден. С 1924 г. митрополит. В мае 1924 г. включен в состав членов Св. Синода и Высшего Церковного Совета. В декабре 1925 г. арестован, освобожден под подписку о невыезде. С ноября 1926 г. в ссылке. В 1927 г. включен в состав Временного Патриаршего Св. Синода. С 1928 г. митрополит Саратовский; с 1933 г. митрополит Казанский и Свяяжский. Арестован в 1937 г. Расстрелян — 81, 207—212, 214, 217

Серафим (Звездинский Николай Иванович; 1883—26.08.1937), священномученик, епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. В 1922 г. арестован, приговорен к двум годам ссылки в Зырянский край. В 1925 г. освобожден. С сентября по декабрь 1925 г. помогал митрополиту Петру в управлении Московской епархией. В декабре 1925 г. удалился из Москвы. В октябре 1927 г. подал прошение об уходе за штат. В 1932 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Казахстан. В 1935 г. освобожден. Проживал в г. Ишиме Омской области. В 1937 г. арестован, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 47

- Серафим (Лукиянов Александр Иванович; 1870—1959), митрополит. В 1914 г. хиротонисан во епископа Сердобольского, викария Финляндской епархии. С августа 1917 г. временно управляющий Финляндской епархией. С января 1918 г. епископ Финляндский и Выборгский. В 1920 г. возведен в сан архиепископа. С 1921 г. глава автономной Православной Церкви в Финляндии. В 1925 г. удален с кафедры финским правительством за нежелание переходить в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. Покинул Финляндию при содействии митрополита Евлогия (Георгиевского). С 1927 г. в составе Русской Православной Церкви Заграницей. В 1945 г. был принят в клир Московского Патриархата. В 1946—1949 гг. Экзарх Западной Европы в сане митрополита. В 1954 г. вернулся в СССР, пребывал в Гербовецком монастыре Кишиневской епархии — 558, 559, 568
- Серафим (Мещеряков Яков Михайлович; 1860—07.05.1933), митрополит. В 1898 г. хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. С 1902 г. епископ Полоцкий и Витебский. С 1911 г. архиепископ Иркутский и Верхотенский. С 1915 г. на покое. С 1922 г. архиепископ Костромской и Галичский. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1924 г. принес покаяние и сразу же был арестован, в 1924—1927 гг. в Соловецком лагере. С 1927 г. архиепископ Тамбовский; с 1928 г. архиепископ Ставропольский. С 1932 г. митрополит Ставропольский. Расстрелян — 42, 48, 157
- Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович; 1880—28.11.1937), священномученик, архиепископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Холмского и Люблинского. С 1917 г. епископ Орловский и Севский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. В 1918 г. арестован. В 1922—1924 гг. в тюремном заключении. В мае 1924 г. включен в состав членов Св. Синода. В декабре 1926 г. в тюремном заключении. С 1927 г. архиепископ Смоленский и Дорогобужский. С 1936 г. в заключении. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г. — 74, 511, 512
- Серафим (Руженцев Сергей Семенович; 1876—1935), епископ, обновленческий «архиепископ». В 1919 г. хиротонисан во епископа Михайловского, викария Рязанской епархии. С 1919 г. епископ Муромский. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, назначен «архиепископом Владимирским». С 1924 г. «митрополит Московский». С 1927 г. «митрополит Ленинградский и всея Северо-Западной области» — 206
- Серафим (Самойлович Семен Николаевич; 1880—04.11.1937), священномученик, архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. С 1924 г. архиепископ, временно управлял Ярославской епархией. 8.12.1926, согласно завещательному распоряжению-посланию митрополита Иосифа, назначен третьим кандидатом на должность временно исполняющего обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. С 29.12.1926 по 7.04.1927 Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В 1928 г. в составе группы Ярославских иерархов заявил об отделении от митрополита Сергия и его Св. Синода. С 1928 г. получил предписание от ОГПУ оставить пределы Ярославской губернии, выслан в Буйничский монастырь под городом Могилевом. В 1929 г. арестован, приговорен к трем годам заключения. Отбывал срок в Соловецком лагере. В 1932 г. освобожден, поселился в городе Козмодемьянске Марийской АО. В 1932 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Северный край. В июне 1933 г. выслан в город Архангельск. С 1934 г. в заключении. Расстрелян — 45, 46, 358, 390, 391, 495, 618

- Серафим (Чичагов Леонид Михайлович; 1856—11.12.1937), священномученик, митрополит. В 1905 г. хиротонисан во епископа Сухумского, викария Харьковской епархии. С 1906 г. епископ Орловский и Севский; с 1908 г. епископ Кишиневский и Хотинский; с 1912 г. архиепископ. С 1914 г. архиепископ Тверской и Кашинский; в конце 1917 г. уволен от управления епархией. Член Св. Собора 1917—1918 гг., председатель Отдела о монастырях и монашестве. В 1918 г. назначен на Варшавскую кафедру, но для управления епархией выехать не смог. В 1921 г. арестован. В 1922—1924 гг. в ссылке. В 1928—1933 гг. митрополит Ленинградский. Расстрелян. Причислен к лику святых в 1997 г. — 49, 93, 94, 260, 592, 606
- Серафим Вырицкий (Муравьев; 1866—1949), преподобный, иеросхимонах. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 608
- Серафим Саровский чудотворец († 1833), преподобный — 23, 45, 282
- Серафим, иеромонах, эконоом — 96
- Сергий (Воскресенский Дмитрий Николаевич; 1897—28.04.1944), митрополит. В 1933 г. хиротонисан в епископа Коломенского, викария Московской епархии. С 1934 г. епископ Бронницкий, викарий Московской епархии; с 1937 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии. С 1937 г. архиепископ; с марта 1941 г. митрополит Виленский и Литовский, Экзарх Латвии и Эстонии. Убит при невыясненных обстоятельствах — 51
- Сергий (Лавров Алексей Петрович; 1878 — после 1934), бывший епископ. С 1904 г. начальник Урмийской миссии в Персии. В 1913 г. хиротонисан во епископа Салмасского в Урмии. С 1916 г. епископ Соликамский, викарий Пермской епархии; с 1917 г. епископ Семиреченский, викарий Туркестанской епархии. В 1923—1926 гг. временно управлял Ташкентской епархией; с 1927 г. в обновленческом расколе, командирован в распоряжение Сибирского митрополитанского обновленческого управления. В 1929 г. снял сан, проживал в Москве. В 1931 г. арестован, приговорен к пяти годам заключения в лагере. В 1934 г. был переведен в ссылку в Тобольск, после чего его следы теряются — 268
- Сергий (Ларин), архиепископ — 161, 207, 218, 254, 315, 390, 437
- Сергий (Никольский), епископ — 200
- Сергий (Петров Стефан Алексеевич; 1864—1935), епископ. В 1899 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 1901 г. епископ Омский и Семипалатинский; с 1903 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии; с 1907 г. епископ Новомиргородский, викарий Херсонской епархии; с 1913 г. епископ Сухумский. В 1913—1917 гг. епископ Сухумский. Член Ставропольского церковного собора. С 1920 г. временно управлял Новороссийской епархией, затем в эмиграции в Сербии, носил титул епископа Черноморского и Новороссийского — 263, 268
- Сергий (Румянцев) епископ см. Румянцев Сергей Владимирович, протоиерей
- Сергий (Спасский Иван Александрович; † 1904), архиепископ, доктор богословия. В 1882 г. хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии; с 1885 г. епископ Могилевский и Мстиславский. С 1892 г. архиепископ Владимирский и Суздальский — 159
- Сергий (Страгородский Иван Николаевич; 1867—1944), Патриарх Московский и всея Руси. В 1901 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1905 г. архиепископ Финляндский и Выборгский. В 1912 г. Председатель Предсоборного Совещания при Св. Синоде. Член Пред-

соборного Совета. 10(23).08.1917 избран архиепископом Владимирским и Шуйским. Член Св. Собора 1917—1918 гг., член Св. Синода при Патриархе Тихоне. 28.11(11.12).1917 возведен в сан митрополита. С декабря 1919-го по 1920 г. находился в Москве. В 1921; 1922 и 1923 гг. подвергался арестам. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. 28.08.1923 принес покаяние св. Патриарху Тихону, принят в лоно Русской Православной Церкви. В 1923 г. в заключении. С 1924 г. митрополит Нижегородский. 21.05.1924 включен в состав членов Св. Синода при Патриархе Тихоне. 06.12.1925 по завещательному распоряжению Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) назначен первым кандидатом на должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. С декабря 1925 г. вступил в исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. 01.06.1926 направил народному комиссару внутренних дел обращение с ходатайством о легализации церковного управления. В ноябре 1926 г. арестован. 27.05.1927 издал указ об образовании и легализации Временного Патриаршего Св. Синода и регистрации на местах органов епархиального управления. 29.07.1927 совместно с членами Св. Синода подписал Послание (Декларацию) об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти, вызвавшую большие разногласия и разделения в Русской Православной Церкви. С 27.04.1934 Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский. С 27.12.1936 Патриарший Местоблюститель. В сентябре 1943 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви избран Патриархом Московским и всея Руси — 22, 30, 31, 36, 39, 41, 44—46, 50, 51, 69, 72, 77, 81, 86, 106, 156, 200, 208, 218, 243, 260, 269, 275, 281, 284, 294, 296, 301, 302, 313, 382, 386, 391, 437, 478, 487, 524, 525, 526, 560, 572—576, 588, 604, 618—621

Сергий (Тихомиров Сергей Александрович; 1871—1945), митрополит. В 1905 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1908 г. направлен миссионером в Японию. С 1908 г. епископ Киотосский, помощник начальника Российской духовной миссии в Японии. С 1921 г. архиепископ. С 1931 г. митрополит. С 1940 г. на покое. Летом 1944 г. перешел в советское гражданство. В апреле 1945 г. был арестован японскими властями. После сорокадневного заключения в тюрьме через три месяца скончался — 51

Сергий (Шейн Василий Павлович, 1871—13.08.1922), священномученик, архимандрит. Депутат Государственной Думы IV созыва. Член Предсоборного Совета. Член Св. Собора 1917—1918 гг., секретарь Собора, член Соборного Совета. В 1920 г. принял монашество с именем Сергий, настоятель Троицкого подворья в Петрограде. В 1922 г. осужден по «делу» митрополита Петроградского Вениамина (Казанского). Расстрелян — 192, 606

Сергий Радонежский (1314—1392), преподобный, чудотворец — 35, 36, 72, 201, 467

Сережников В. — 521

Сидоров А. П. — 502

Сидоров Д. — 521

Сидоровский Александр Александрович (1876 — после 1925), отрекшийся от епископства и монашества, бывший епископ (Зосима). В 1914 г. хиротонисан в епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1918 г. епископ Иркутский. В 1919 г. снял сан, отрекся от монашества и женился. В 1922 г. уклонился в обновленчество, был восстановлен в сане и назначен на Архангельскую обновленческую кафедру с именем Александр, откуда был изгнан верующими, вскоре после этого умер — 78

- Сильвестр (Братановский Александр Алексеевич; 1871—1932), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. С 1915 г. епископ Севастопольский, викарий Таврической епархии; с 1917 г. епископ Верецкий, викарий Московской епархии; с мая 1920 г. епископ Пермский. С 1924 г. архиепископ Вологодский, проживал в Москве. С 1927 г. член Временного Патриаршего Св. Синода. С 1928 г. архиепископ Калужский — 26, 27, 47, 494—495, 499
- Сильвестр (Ольшевский Иустин Львович; 1860—26.02.1920), священномученик, архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии. С 1914 г. епископ Челябинский, викарий Оренбургской епархии; с 1915 г. епископ Омский и Павлодарский. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1918 г. архиепископ. Зверски замучен в заключении. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 26—27, 512
- Симеон, князь мстиславский — 297
- Симон (Ивановский Симеон Васильевич; 1888—1966), архиепископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Кременецкого, викария Волынской епархии (Польша). С 1939 г. епископ Остожский, викарий Волынской епархии Польской автономной Церкви. После присоединения западных областей Украины к СССР воссоединился с Русской Православной Церковью. С 1941 г. архиепископ. С 1942 г. архиепископ Черниговский и Нежинский, с 1945 г. архиепископ Полтавский, в 1947—1955 гг. епархией не управлял. С 1955 г. архиепископ Днепропетровский и Запорожский, с 1955 г. архиепископ Винницкий и Брашлавский. С 1961 г. на покое — 344
- Симон (Шлеев Симеон Иоаннович; 1873—18.08.1921), священномученик, епископ. Член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию от единоверцев и по участию в Предсоборном Совете. С 1900 г. священник, настоятель (1907) Никольского единоверческого собора в Санкт-Петербурге. Участвовал в подготовке Первого единоверческого съезда в Москве. С 1918 г. епископ Охтенский (единоверческий), подчиненный митрополиту Петроградскому, хиротонисан Патриархом Тихоном. С 1919 г. временно управляющий Уфимской единоверческой епархией. С 1920 г. епископ Уфимский (единоверческий). Убит в Уфе. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г. — 34, 35, 515
- Скабалланович Михаил Николаевич (1848—1918), профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии — 155
- Скворцов Николай Алексеевич (1861—15.06.1917), протоиерей, ученый археолог, настоятель церкви на Лазаревом кладбище в Москве. Убит бандитами — 31, 527
- Скворцова Евгения Михайловна († 15.06.1917), жена протоиерея Н. А. Скворцова. Убита бандитами — 527
- Скипетров Петр Иванович (1863—20.01.1918), священномученик, протоиерей Скорбященской церкви Петрограда, убит красногвардейцами в Александрово-Невской лавре. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г. — 33, 529
- Скиталец (Петров) Степан Гаврилович (1869—1941), русский советский писатель — 542
- Славин И.* — 549
- Смарагд (Латышенко Павел Антонович), архимандрит. Будучи сторонником единства Церкви, был известен как твердый противник автокефалии Польской Православной Церкви. 2.11.1922 был запрещен в священнослужении сторонником от-

- деления от Русской Православной Церкви варшавским митрополитом Георгием (Ярошевским). В результате этого архимандрит Смарагд потерял душевное равновесие и 8.02.1923 после двухчасового острого разговора с митрополитом Георгием застрелил его из револьвера со словами: «Вот тебе, палач Православия!» Церковными властями был лишен монашеского звания и сана и судим как светское лицо. Был приговорен судом чрезвычайного трибунала к 12-летнему заключению. Отбыл наказание полностью в Варшавской Мокотовской тюрьме. С 1935 г. проживал в Чехословакии — 39
- Смидович Петр Гермогенович (1874—1935), советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1898 г. В 1918 г. председатель Московского совета. В 1921—1922 гг. член Центральной контрольной комиссии РКП(б). В 1918—1924 гг. член Президиума ВЦИК. В 1921—1923 гг. заместитель председателя ЦК Помгола-Последгола при ВЦИК. С 19.10.1922 член Антирелигиозной комиссии. В 1922 г. председатель комиссии по делам сектантов при Политбюро. В 1924—1929 гг. возглавлял секретариат по делам культов при Председателе ВЦИК. В 1929—1934 гг. председатель постоянной Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК — 47, 120, 122, 123, 337—338, 426
- Смиренномудров, астраханский священник-обновленец — 330
- Смирнов Василий, астраханский священник — 318, 320, 324, 329, 360, 361, 380
- Смирнов Дмитрий Андреевич, протоиерей, член Ставропольского церковного собора — 263
- Смирнов Евгений, протоиерей, настоятель церкви в Лондоне — 487
- Смирнов Иаков, священник, настоятель посольской церкви в Париже — 559
- Смирнов Константин Александрович (1889 — после 1936), священник Лебединской церкви Харьковской епархии. Запрещен в священнослужении в феврале 1922 г. Патриархом Тихоном. В 1922 г. примкнул к обновленческому расколу. Обновленческий протоиерей, профессор обновленческой Богословской академии, с 1931 г. обновленческий «архиепископ». Арестован в 1936 г., будучи «архиепископом» Ярославским, приговорен к 3 годам ИТЛ — 36, 37
- Смирнов, оперный певец — 307
- Смирнопуло Александр, протоиерей — 239
- Смыслов Василий Васильевич (род. 1921), чемпион мира (1957—1958) по шахматам — 391
- Смыслов М. И. — 379, 391, 404
- Соболевский Алексей Иванович (1856—1929), филолог—славист, академик — 310
- Созомен — 458
- Соколов Павел Ильич, протоиерей см. Палладий (Соколов), архиепископ
- Соколов Петр Авксентьевич, протоиерей — 385, 386
- Соллертинский Вячеслав Степанович (1872—?), протоиерей. До 1921 г. служил в г. Астрахани, в 1921 г. был приговорен к 3 годам заключения. После освобождения настоятель церкви в Черкизове (Москва) — 327
- Соловей (Соловейчик) Николай, авантюрист. В 1922 г. хиротонисан без монашеского пострижения в обновленческого «епископа Ржевского и Кашинского, викария Тверской епархии». В 1923 г. уволен на покой, в том же году возведен в сан «архи-

- епископа», получил назначение в Монтевидео с целью развала Православия среди эмиграции, но, приехав за границу Николай Соловей объявил себя тихоновцем, стал давать иностранным корреспондентам интервью антисоветского содержания, всячески изобличая обновленческих лидеров в неблагоприятных поступках, призывая «митрополита» Евдокима (Мещерского) к покаянию. «Митрополит» Александр Введенский на обновленческом соборе 1925 г. использовал имя Николая Соловья для дискредитации в глазах гражданской власти св. Патриарха Тихона и в особенности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского). Проживал в Монтевидео (Южная Америка) и поддерживал связь с американскими автокефалистами. В 1947 г. обратился с письмом к Патриарху Алексию (Симанскому), с просьбой принять в юрисдикцию Московской Патриархии, но ответа не получил — 42—44
- Соловьев А. А. — 380, 436
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), русский религиозный философ, поэт, публицист — 249, 286, 287
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), русский историк, с 1872 г. академик Санкт-Петербургской АН, ректор Московского университета в 1871—1877 гг. — 286
- Соловьев А. А.* — 436
- Соловьев И. В.* — 315
- Сопляев, следователь — 412
- Сорокин Владимир, прот.* — 306
- Софийский Николай, священник см. Никон (Софийский), архиепископ
- Софроний (Кристаллевский Стефан; 1703—1771), святитель, епископ Иркутский (1753—1771) — 30, 33
- Спаский, бывший священник, ренегат, отлучен от Церкви — 430
- Спенсер Герберт (1820—1903), английский философ и социолог — 288
- Сперанский Иван Никанорович, протоиерей см. Иоанникий (Сперанский), епископ
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), граф, русский государственный деятель — 288
- Сперанский Яков Дмитриевич, член Ставропольского церковного собора — 263
- Спиноза Бенедикт (Барух) (1632—1677), нидерландский философ — 288, 291
- Спиридон Тримифунтский († 348), св., епископ — 458
- Спиридонова Татьяна, крестная мать Патриарха Тихона — 478
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878—1953), политический и государственный деятель, глава советского правительства — 50, 281, 392, 423, 437
- Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863—1938), режиссер, актер, педагог, теоретик театра — 287
- Станиславский Алексей Маркианович (1865—1953), протоиерей, член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Харьковской епархии. В течение многих лет был протоиереем Богодуховского кафедрального собора, благочинным

- церквей Богодуховского уезда, председателем Ревизионного комитета, наблюдателем церковно-приходских школ, депутатом от духовенства в земских собраниях и городской думе. Депутат Государственной Думы III и IV созывов. Член Всеукраинского собора 1918 г. и Поместного Собора 1945 г. С 1946 г. консультант при Хозяйственном управлении Св. Синода. С 1948 г. член Пенсионного комитета Московской Патриархии — 53
- Степан Николаевич — 17
- Степанов Григорий, священник, настоятель астраханской Троицкой церкви — 328, 329, 331, 340, 360, 410
- Степанов М. П., генерал от кавалерии — 310
- Степанов Феодор Иродионович (1868—?), астраханский священник — 361
- Степанов, купец — 411
- Стефан (Георгиев, † 1957), митрополит, Экзарх Болгарский (1945—1948). При нем с помощью Русской Православной Церкви была ликвидирована схизма, наложенная Патриархом Константинопольским Анфимом в 1872 г. — 275
- Стефан (Гнедовский Степан, † 1931), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Кирсановского, викария Тамбовской епархии. В 1925 г. в ссылке. С 1926 г. епископ Енотаевский, викарий Астраханской епархии; с 1928 г. епископ Каширский, викарий Московской епархии; с марта 1931 г. епископ Волоколамский, викарий Московской епархии — 358
- Стефан (Устольский), самозванный «митрополит Американский» Серафим, авантюрист, появившийся и действовавший в Канаде, снявший с себя сан священник Степан Устольский. Выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии 1881 г. В 1901 г. иеромонах на Старом Афоне. С 1902 г. поддерживаемый Константинопольским Патриархом организовал и возглавил самочинную епархию в Канаде во времена управления Американской епархией св. Тихоном и объявил себя «митрополитом Американским» — 22
- Стефан (Яворский), в/у Московским Патриаршим Престолом — 618, 620
- Стефановская Елизавета Дмитриевна, дочь протоиерея Стефановского Д. А. — 347, 399
- Стефановский Дмитрий Андреевич (1863 — после 1930), ключарь кафедрального собора г. Астрахани — 318, 320, 331, 339, 346, 347, 349, 358, 359, 364, 381, 396, 397, 399, 406, 410, 419, 424
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), государственный деятель. В 1906—1911 гг. министр внутренних дел и Председатель Совета министров Российской империи. Смертельно ранен террористом Д. И. Богоровым — 252
- Стратонов И. А., проф.* — 207, 218, 569,
- Страхов Владимир Николаевич (1883—17.02.1938), профессор-протоиерей Московской Духовной Академии; 1917—1930 гг. служил в московской церкви Св. Троицы в Листах. С 1930 г. в ссылке в Ульяновске. В 1937 г. арестован. Расстрелян — 70
- Струве Н. Б., консул в Канаде — 174, 179
- Студеникин Косма, Елецкий гражданин — 458
- Суворов Александр Васильевич (1730—1912), граф Рымнинский (1789), русский полководец, генералиссимус — 287

- Сулоцкий А., прот. — 233
- Суриков Василий Иванович (1848—1916), живописец — 287
- Сурский И. К. — 437
- Сюлливан, архитектор — 183
- Тансия, св. — 469
- Талдыкин, астраханский протоиерей, примкнувший к обновленцам — 330
- Таптыков Г., астраханский протоиерей — 361
- Татиана Николаевна (1897—17.07.1918), страстотерпица, Великая княжна. Вторая дочь страстотерпцев Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны. Расстреляна вместе со всей семьей в г. Екатеринбурге. Архиерейским Собором 2000 г. причислена к лику святых — 588, 607, 611, 613
- Татищев Д. Н. (1867—1919), граф. С 1909 г. Ярославский генерал-губернатор. В 1910 г. вышел в отставку в связи с обострившимися отношениями с Саратовским епископом Гермогеном (Долганевым). В 1912—1915 гг. начальник и председатель совета Главного управления по делам печати. С 1915 г. командир отдельного корпуса жандармов при Министерстве внутренних дел — 495, 496, 499
- Таубе, профессор — 569
- Тейхмюллер Густав (1832—1888), немецкий философ-идеалист — 288
- Теодорович Терентий Павлович (1867—1939), протоиерей, член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Варшавской епархии. С 1910 г. настоятель Успенской церкви Варшавы. После окончания работы Собора — настоятель Свято-Преображенского храма на Аптекарьском острове (Петроград). В 1921 г. возвратился в Варшаву. Духовный писатель и публицист. Погиб при бомбардировке Варшавы — 15, 18
- Терентьев Е. Е., заведующий административным отделом г. Астрахани — 333, 337
- Терехов, свидетель смерти архиепископа Митрофана (Краснопольского) — 415
- Терещенко Иван Никифорович, член Ставропольского церковного собора — 263
- Терещенко Михаил Иванович (1886—1956), министр финансов при Временном правительстве — 255
- Тимофеев см. Беллавин И. Т., отец св. Патриарха Тихона
- Титлинов Борис Васильевич (1879 — 1941/45), член Св. Собора 1917—1918 гг., профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. Один из идеологов обновленческого движения — 400, 438, 442, 445, 511, 512
- Титов А. А., искусствовед, археолог — 25, 27, 309
- Тихомиров Александр Андреевич (1850—1931), зоолог, профессор. В 1896—1904 гг. ректор Московского университета и директор Зоологического музея, в 1904—1911 гг. директор Департамента народного просвещения, в 1911—1917 гг. попечитель Московского учебного округа — 310
- Тихомиров Павел Васильевич (1868—?), религиозный философ — 287
- Тихон (Ляшенко Тимофей; 1875—1945), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Берлинского с возглавлением самостоятельной Германской епархии. В 1938 г. освобожден от управления епархией. Поселился в сербском монастыре Ракови-

- ца. В 1944 г. эвакуировался вместе с митрополитом Анастасием (Грибановским). Скончался в Чехословакии — 566, 573
- Тихон (Малинин Тимофей; 1745—1793), архиепископ. В 1775 г. хиротонисан во епископа Воронежского и Елецкого. С 1788 г. епископ Тверской и Кашинский; с 1792 г. епископ Астраханский и Терский — 324
- Тихон (Никаноров Василий Варсонофьевич; 1855—09.01.1919), священномученик, архиепископ. В 1892 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1899 г. епископ Полоцкий и Витебский; с 1902 г. епископ Пензенский и Саранский. С 1907 г. на покое. С 1912 г. епископ Калужский и Боровский. С 1913 г. архиепископ Воронежский и Задонский. Убит. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 30—31
- Тихон (Оболенский Иван Иванович; 1856—1926), митрополит. В 1901 г. хиротонисан во епископа Николаевского, викария Саратовской епархии. Член Св. Собора 1917—1918 гг. С 1918 г. архиепископ Уральский и Николаевский. В 1922 г. выслан в Москву без права выезда. В 1924 г. возведен в сан митрополита. С мая 1924 г. член Св. Синода и Высшего Церковного Совета — 81, 208, 209, 214, 217
- Тихон (Шарапов Константин Иванович; 1886—10.11.1937), епископ. В 1922—1924 гг. архимандрит Жировицкого Свято-Успенского монастыря в Польше. В 1924 г. св. Патриарх Тихон назначил его уполномоченным по делам Православной Церкви в Польше. В 1925 г. хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии. В 1925—1934 гг. в заключении. В 1934 г. епископ Рязанский. 1934—1936 гг. в заключении. В 1937 г. назначен епископом Алма-Атинским, арестован. Расстрелян — 166, 219, 299, 300, 560
- Тихон (Шевкунов), архимандрит, наместник Сретенского монастыря — 598
- Тихон, архиепископ Ярославский и Ростовский см. Тихон (Беллавин), Патриарх Московский и всея России
- Тихон, Задонский чудотворец (Соколов Тимофей Савельевич; 1724—1783), святитель, епископ Воронежский (1763—1767) — 20, 27, 34, 55, 61, 458, 467
- Тихонов А., священник Астраханской епархии — 353
- Товт Алексей (1854—1909), святой праведный, протоиерей — 170, 171
- Толстой Дмитрий Андреевич, граф, обер-прокурор Св. Синода — 235, 236
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, русский писатель — 21, 238, 286, 287, 292, 434, 451—453, 469—471, 473—477
- Трайон, анабаптист — 454
- Транквилитатин, преподаватель Псковской духовной семинарии — 450
- Трач, священник — 149
- Трегубов И.* — 562
- Третьяков, астраханский священник — 333, 335
- Трифиллий (Инихов), в/у Московским Патриаршим Престолом — 618
- Трифон (князь Туркестанов Борис Петрович; 1861—14.07.1934), митрополит. В 1901 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. С 1916 г. на покое. С 1918 г. проживал в Москве. В 1923 г. возведен в сан архиепископа. В 1931 г. возведен в сан митрополита — 48, 71, 310

- Троицкий А., протоиерей, настоятель Ростовского собора — 493, 494
- Троицкий С. В., проф. — 559, 564, 573—576
- Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940), советский партийный и государственный деятель, один из идеологов и непосредственных организаторов Октябрьской революции 1917 г. Член РСДРП(б)-ВКП(б) в 1917—1927 гг., член ЦК партии. В 1917—1918 гг. нарком иностранных дел. В 1918—1925 гг. нарком по военным и морским делам. В 1918—1925 гг. председатель Революционного военного совета РСФСР-СССР. В 1922 г. один из главных инициаторов и руководителей кампании по изъятию церковных ценностей. В 1929 г. выслан из СССР по обвинению в антисоветской деятельности. Убит в Мексике — 281
- Трубецкой Григорий Николаевич (1873—1930), князь, член Св. Собора 1917—1918 гг. от действующей армии — 262, 263
- Трубецкой Евгений Николаевич (1863—1920), князь, профессор, член Св. Собора 1917—1918 гг. от Московского университета — 35, 263
- Туманова Елена Андреевна — 408
- Туркевич Венедикт Иеронимович (1873—1928), протоиерей, член Св. Собора 1917—1918 гг. по избранию как клирик от Волынской епархии. Служил в Америке, во время пребывания там епископа Тихона. Был законоучителем Морского кадетского корпуса. С 1919 г. в эмиграции в Польше в связи изменением государственных границ. Умер в Варшаве — 174, 181
- Турчанинов Петр Иванович (1779—1856), протоиерей, церковный композитор, регент — 25, 287, 309, 312
- Тучков Александр Алексеевич (1778—1812), русский генерал. Геройски погиб в Бородинском сражении — 581
- Тучков Евгений Александрович — 38, 44, 54, 100, 205, 214, 276—281, 300, 390, 391, 446
- Тышко Викторин (Виктор Архипович; 1884—1938), священник в г. Астрахани, в 1938 г. приговорен к высшей мере наказания, расстрелян — 360, 361
- Тютчев Федор Иванович (1803—1873), русский поэт — 286, 287
- Тяпугин Н. П., врач — 224
- Уар (Шмарин Петр Алексеевич; 1880—23.09.1938), священномученик, епископ. В 1926 г. хиротонисан во епископа Липецкого. В 1935—1938 гг. в заключении. Убит уголовниками в лагере. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых — 49
- Уильямс — 454, 455, 456, 459, 460
- Уоллес Альфред Рассел (1823—1913), английский естествоиспытатель — 289
- Успенская Вера Васильевна, сестра священномученика архиепископа Фаддея (Успенского) — 350, 387, 389, 392
- Успенский А. И., профессор — 495
- Успенский Василий Иванович, настоятель Васильсурского собора, отец архиепископа Фаддея (Успенского) — 354
- Успенский И. И., профессор — 495
- Устинов А. М., Московский вице-губернатор — 310

Ф. П. — 480

Фабрикантовы, владельцы магазинов в г. Астрахани — 409

Фаворский Димитрий, священник, настоятель храма, обновленец — 336

Фаддей (Успенский), священномученик, архиепископ Астраханский — 114, 116, 117, 119—121, 123—126, 147, 314, 317—364, 379—392, 414, 592, 606

Фай С., представитель епископального епископа Ч. Графтона — 170

Фарадей Майкл (1791—1867), английский физик, основоположник учения об электрическом поле — 288, 292

Федор Федорович, хозяин — 350

Федоров, астраханский хлебозаводчик — 409

Федотов Г. — 575

Федя — 264

Фей, диакон — 487

Феодор (?), викарий Минской епархии — 268

Феодор († 1394), святитель, ярославский чудотворец, архиепископ Ростовский — 187

Феодор (Лебедев Федор; 1873—1919), епископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 1916 г. епископ Старобельский, викарий Харьковской епархии; с 1917 г. епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии, управляющий Пензенской епархией — 27

Феодор (Поздеевский Александр Васильевич; 1876—23.10.1937), архиепископ. В 1909 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. В 1909—1917 гг. ректор Московской Духовной Академии. С мая 1917 г. настоятель Московского Данилова монастыря. В 1920—1925 гг. подвергался арестам. В августе 1923 г. возведен в сан архиепископа. В октябре 1923 г. назначен управляющим Петроградской епархией, от назначения отказался. В 1925—1927 гг. в ссылке. Возглавил «даниловскую оппозицию» митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1929—1932 гг. в заключении в Свирлаге. В 1933 г. вновь арестован. С 1933 г. в ссылке. В июле 1937 г. арестован по делу «даниловского братства». Расстрелян — 227, 228, 310, 318, 353, 354, 362

Феодор, иеродиакон Ярославской епархии — 498

Феодосий Великий (ок. 424—529), преподобный, основатель общежительного монашества — 461, 467

Феодосий Черниговский (Углицкий, † 1696), свт., архиепископ Черниговский (1692—1696) — 21, 144, 467

Феодосий, митрополит Вашингтонский и вся Америки — 593

Феоктист, Патриарх Румынский — 616

Феофан (Быстров Василий Дмитриевич; 1872—1940), архиепископ Полтавский и Переяславский. В 1909 г. назначен ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии и хиротонисан в епископа Ямбургского. Епископ Феофан познакомил Григория Распутина с одной великокняжеской семьей, которая и представила Григория Царской Семье. С 1912 г. епископ Астраханский и Енотаевский. С 1913 г.

- епископ Полтавский и Переяславский. В 1918 г. возведен в сан архиепископа. С 1919 г. в эмиграции. Член Всеаграничного Карловацкого Собора 1921 г., член Зарубежного Архиерейского Синода — 50, 394, 501, 502, 504
- Феофан (Гаврилов Федор Георгиевич; 1872—1943), епископ. В 1913 г. хиротонисан во епископа Рьльского, викария Курской епархии. С 1917 г. епископ Курский и Обоянский. С 1919 г. в эмиграции. Член Зарубежного Архиерейского Синода. Проживал в одном из сербских монастырей. Скончался в Белграде — 268
- Феофан (Ильменский Сергей Петрович; 1867—11.12.1918), епископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Соликамского, викария Пермской епархии; (замучен). Арестован. Утоплен в р. Каме — 35
- Феофан Затворник (Говоров Георгий Васильевич; 1815—1894), святитель, церковный деятель, духовный писатель, епископ Владимирский (1863—1866), с 1866 г. на покое в Вышенской пустыни — 532
- Феофилакт (Клементьев Федор, † 5.01.1923), епископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Таганрогского. С 1913 г. епископ Слуцкий, викарий Минской епархии; с 1918 г. епископ Елисаветпольский; с 1919 г. епископ Прилуцкий. В 1922 г. перешел в обновленчество, обновленческий «епископ» Таганрогский, викарий Ростовской епархии. Скончался без покаяния — 29, 269
- Фетисов Евфимий, единоверческий священник — 331, 360
- Филарет (Вахромеев), Митрополит Минский и Белорусский, председатель Отдела внешних церковных сношений — 596
- Филарет (Вознесенский Георгий Николаевич; 1903—1985), митрополит, Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей (1964—1985) — 587—590
- Филарет (Денисенко), Патриарший Экзарх Украины митрополит Киевский и Галицкий — 592, 594, 596, 619
- Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1783—1867), святитель, выдающийся церковный деятель, богослов и проповедник, митрополит Московский и Коломенский (1825—1867) — 20, 581—583
- Филарет (Никольский Гавриил; 1858—1922), епископ. В 1898 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1904 г. епископ Глазовский, викарий Вятской епархии; епископ. Вятский и Слободской; с 1914 г. архиепископ Астраханский и Енотаевский; с 1916 г. на покое. В 1918—1920 гг. временно управляющий Костромской епархией. В 1919—1921 гг. епископ Самарский. Скончался в ссылке — 394
- Филарет (Романов), Патриарх Московский и всея России — 618
- Филарет, иеромонах, духовник Александро-Невской лавры — 528
- Филатов Владимир Петрович (1875—1956), выдающийся офтальмолог и хирург — 287
- Филипп (Бекаревич Яков; 1862—1902), епископ Новгород-Северский (1899), викарий Полтавской епархии, духовный писатель, однокурсник Патриарха Тихона — 449
- Филипп (Гумилевский Сергей Николаевич; 1877—9.09.1936), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Ейского, викария Ставропольской епархии. С 1922 г. епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии; с 1923 г. в заключении и в ссылке; с 1927 г. епископ Звенигородский, викарий Московской епархии, вре-

- менно управляющий Московской епархией; с 1931 г. в заключении. В 1936 г. архиепископ Владимирский, арестован и заключен в тюрьму, где и скончался — 49
- Филипп** (Кольчев Федор Степанович; 1507—23.12.1569), святитель, митрополит Московский и всея Руси (1566). Постоянно обличал жестокость Ивана IV Грозного. В 1568 г. смещен с кафедры по приказанию царя и сослан. Вскоре убит в Тверском Отрочем монастыре — 540
- Филипп** (Ставицкий Виталий Степанович; 1884—1952), архиепископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Аляскинского, викария Алеутской епархии. В 1917 г. вернулся в Россию. С 1919 г. временно управляющий, затем правящий Смоленской епархией. В мае 1922 г. поддержал обновленческое Высшее церковное управление. Вскоре после покаяния ушел в затвор (1922—1923), с 1923 по 1928 г. в ссылке. С 1928 г. епископ Астраханский и Енотаевский. В 1929—1937 гг. в заключении. С 1937 г. архиепископ Омский. В 1937—1943 гг. в заключении. С декабря 1943 г. архиепископ Астраханский; с 1947 г. архиепископ Одесский и Херсонский, затем архиепископ Астраханский — 53, 346, 358, 359, 383, 391, 419, 551
- Фихте Иоанн Готлиб** (1762—1814), немецкий философ — 288, 289
- Флавиан** (Городецкий), архиепископ Холмско-Варшавский, митрополит Киевский — 21, 29, 30, 143, 144, 146, 578—579
- Флоренский Павел Александрович** (1882—1937), священник, богослов и философ, профессор Московской Духовной Академии — 50
- Флоровский, Н. Ф.**, архивный работник — 309
- Фокин**, обвинитель на процессе по делу «астраханских церковников» — 424, 425
- Фомин П, прот.* — 566, 568
- Фомин С. В.* — 233
- Фотий II** (Пероглу; 1853—1925), Вселенский (Константинопольский, Александрийский) Патриарх (1900—1925) — 442, 576, 577
- Франк Семен Людвигович** (1877—1950), религиозный философ — 569
- Халев**, келейник архиепископа Фаддея (Успенского) — 123, 124, 340, 350, 351
- Хандалеев Василий Павлович**, протоиерей, член Ставропольского церковного собора — 263
- Хапгуд Изабелла**, переводчица богослужебных книг на английский язык — 21, 23
- Хендрикс П.* — 18
- Хлебников**, астраханский рыбопромышленник — 409
- Хмельницкий Богдан** (Зиновий) Михайлович (ок. 1595—1657), гетман Украины, руководитель освободительной борьбы украинского народа против польского гнета. 8.01.1654 на Переяславской раде провозгласил воссоединение Украины с Россией — 288
- Холмогоров Михаил Кузьмич** (1870—1951), протодиакон. С 1910 по 1930 гг. служил в церкви Никиты вмч. на Басманной улице в Москве, затем в церкви Вознесения в г. Пушкино. В 1938 г. арестован. С 1943 по 1951 гг. служил в церкви св. Апостола Филиппа на Арбате — 307
- Холопов Г. К.* — 409, 416—418

- Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), русский религиозный философ, писатель — 287
- Хомяков Василий Димитриевич, член Ставропольского церковного собора — 263
- Хотовицкий Александр Александрович, протоиерей см. Александр (Хотовицкий), священномученик, протопресвитер
- Храповицкий А. П. см. Антоний (Храповицкий), митрополит Киевский и Галицкий
Хребтов Д. — 481
- Хризостом, архиепископ всего Кипра — 613
- Царевский, астраханский священник — 330, 335
- Цветаев В. Д., профессор — 310
- Цветков Петр (1876—?), астраханский священник, в 1933 г. приговорен к 5 годам ссылки в Северный край — 361
- Цветков, художник — 395
- Цендровский Ксенофонт, настоятель Николо-Гостинной церкви Астрахани — 327—330, 334, 335
- Цепляев, следователь — 412, 416
- Чайковский Петр Ильич (1840—1893), русский композитор — 287, 312
- Черемных Михаил Михайлович (1890—1962), советский график-карикатурист — 440
- Черепнин Василий, псаломщик — 478, 479
- Чернявский Николай Францевич, генерал, член Ставропольского церковного собора — 263
- Черняк, защитник на процессе «астраханских церковников» — 424, 425
- Чесноков Павел Григорьевич (1877—1944), хоровой дирижер, регент, композитор, педагог. С 1895 г. преподаватель Синодального училища церковного пения. С 1917 г. руководитель государственного хора. С 1921 г. профессор Московской консерватории — 89
- Чехов Антон Павлович (1860—1904), русский писатель — 169, 170, 311, 312
- Чистяков С. Д., товарищ ярославского городского головы — 496
- Чистякова Е. — 451
- Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), юрист, историк, философ — 287
- Чубаров В. А. — 296
- Чуков Николай, протоиерей см. Григорий (Чуков), митрополит
- Чуфаровский А., священник Ярославской епархии — 493
- Шабатин И., проф.* — 201
- Шавельский** Георгий Иванович, протопресвитер — 29, 92, 95, 96, 98, 228—229, 231, 232, 237, 243, 244—249, 251, 252, 259, 260, 261—263, 265, 266, 267, 269, 270, 273, 275—276, 440, 441, 447, 502, 503, 504
- Шавров В.* — 253, 279, 301, 439, 540, 541, 552, 554
- Шаляпин Федор Иванович (1873—1938), русский певец (бас) — 201, 287, 298, 299, 306, 312, 554

- Шебуев Василий Козьмич (1777—1855), художник — 287
- Шеин В. П. см. Сергей (Шеин), священномученик, архимандрит
- Шейнман М. М., антирелигиозник — 440
- Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775—1854), немецкий философ — 288
- Шервинский Василий Дмитриевич (1850—1941), терапевт и эндокринолог, доктор медицины (с 1879 г.), профессор (с 1884 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (с 1928 г.), основоположник клинической эндокринологии в СССР — 86
- Шереметьев Сергей Дмитриевич (1844—1918), граф, член Государственного Совета — 310
- Шилов Д. Н.* — 236, 238, 239, 241, 248, 250—252
- Пириинский-Шихматов Алексей Александрович, князь, обер-прокурор Св. Синода — 24, 238—239, 560
- Ширяев В. Н., профессор — 495
- Шифрин Борис Петрович, иподиакон св. Патриарха Тихона — 153
- Шлеев С. Г., протоиерей см. Симон (Шлеев), священномученик, епископ
- Шлеин, владелец магазинов в г. Астрахани — 409
- Шляпников Александр Гаврилович (1865—1937), член РСДРП с 1901 г., участник революции 1917 г., председатель Реввоенсовета. Расстрелян — 407, 408
- Шопенгауэр Артур (1788—1860), немецкий философ — 474
- Шпицберг Иван Анатольевич — 223, 226, 430, 432—435
- Штраус Давид Фридрих (1808—1874), немецкий теолог и философ — 293
- Шушерин Иванушка см. Иоанн (Шушерин), иподиакон
- Щапов П. П., городской голова — 495
- Щеглов Г.* — 259
- Щелкан Н. С., врач — 86
- Шукин Владимир Дмитриевич (1856—1911), протоиерей г. Торопца, в доме которого неоднократно бывал Патриарх Тихон. В 2007 г. на его доме установлена мемориальная доска — 481
- Щусев Алексей Васильевич (1873—1949), архитектор — 288
- Эдисон Томас Алва (1847—1931), американский изобретатель и предприниматель — 288, 290
- Эйкен Рудольф (1846—1926), немецкий философ — 288
- Ювеналий (Поярков), митрополит Крутицкий и Коломенский, Председатель Комиссии по канонизации святых в Русской Православной Церкви — 592, 593, 596, 603, 604—607
- Юдин Н. И.* — 522
- Юрикас Александр, бывший астраханский обновленческий священник, отрекшийся от сана — 327, 330, 335
- Юрин А.* — 190

- Юстиниан (Марина Иона; 1901—1977), Патриарх Румынский (1948—1977) — 532
- Юсупов, князь — граф Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович (1887—1967), организатор и участник убийства Г. Распутина — 502
- Юхов Иван Иванович — 312, 313**
- Юхова Екатерина, хоровой дирижер, дочь И. И. Юхова — 312
- Яблочкина Александра Александровна (1866—1964), актриса — 287
- Ягода Генрих Григорьевич (Иегода Генрих Гершевич; 1891—1938), сотрудник ОГПУ. С 1922 г. заместитель начальника СОУ ГПУ, одновременно начальник Особого отдела. С 1923 г. второй заместитель председателя и начальник Особого отдела ОГПУ. С 1925 г. заместитель председателя ОГПУ. Расстрелян — 281
- Якоби Фридрих Генрих (1743—1819), немецкий писатель и философ — 288
- Якушев Петр Самуилович, член Ставропольского церковного собора — 263
- Янышев Иоанн Леонтьевич (1826—1910), протопресвитер придворного духовенства, известный богослов, писатель, проповедник и церковный деятель. С 1866 по 1883 г. — ректор и профессор нравственного богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. В 1883 г. был назначен духовником Их Императорских Величеств и заведующим придворным духовенством. Наиболее известен его труд «Православно-христианское учение о нравственности» — 26, 156
- Ярославский Емельян (Губельман) — 50, 153, 430, 435, 436—438, 507, 521, 522**
- Яцкевич Виктор Иванович — 92, 95, 256, 259**

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Stokoe M., Kishkovsky L. Orthodox Christians in North America 1794–1994. Orthodox Christians Publications Center, 1995.

Архив М. Е. Губонина.

Донской ставропигиальный мужской монастырь: История и современность. М., 2007.

Новиков Н. Колыбель опального Патриарха. Псков, 1999.

Патриарх Московский и всея Руси Святейший Тихон: Личность, эпоха и наследие. Материалы научных чтений, посвященных 100-летию архиерейской хиротонии и 80-летию патриаршей интронизации. Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1999.

Попов Ю. Г. Торопец Патриарха Тихона. Торопец: Издательство Учебного информационного центра, 2000.

ЦИА ПСТГУ.

База данных «Новомученики и исповедники Российские»: <http://kuzl.pstbi.ccas.ru>.

МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ ГУБОНИН

Краткая биография

Михаил Ефимович Губонин — потомок известнейшего русского строителя железных дорог Петра Ионовича Губонина и сын Ефима Семеновича Губонина, крупного знатока мехового дела, родился 24 июня (7 июля) 1907 года, в день празднования Рождества Иоанна Предтечи. 7 июля 1924 года, в день рождения сына, скоропостижно скончался отец Михаила Ефимовича, и для семнадцатилетнего молодого человека началась самостоятельная жизнь. Честность, трудолюбие, любовь Ефима Семеновича ко всему русскому и к Русской Православной Церкви (Ефим Семенович был прихожанином церкви прп. Сергия Радонежского при Троицком патриаршем подворье, где в 1917—1922 годах находилась резиденция Святейшего Патриарха Тихона) запали в душу сына и явилась доброй почвой для формирования его личности. Во время учения в Московском художественном училище на живописном отделении Михаил Ефимович часто бывал на богослужениях в различных храмах Москвы, чаще всего в Сретенском монастыре. С иноками этого монастыря он сблизился, а с одним из них, иеромонахом Иеронимом (Захаровым), будущим епископом Ростовским, у него завязалась тесная дружба на всю жизнь.

На духовное становление Михаила Ефимовича особенно значительное влияние оказал Преосвященный Петр (Руднев, † 11.03.1937), епископ Коломенский, погибший позднее в Карелии в сане архиепископа Самарского. Он был последним настоятелем Богоявленского монастыря и последним благочинным монастырей Москвы. Столь же значительными были отношения с Преосвященным Тихоном (Шараповым), епископом Гомельским.

Церковная позиция Преосвященных Петра и Тихона оказала духовное воздействие на Михаила Ефимовича и его ближайших друзей, иеромонаха Иеронима (Захарова, † 14.12.1966) и Алексея Сергеевича Беляева († 15.12.1987, в 1920-е годы был иподьяконом, потом стал священником, а в последние годы исполнял послушание духовника в Пюхтицком женском монастыре).

С десятилетнего возраста Михаил Ефимович посещал богослужения св. Патриарха Тихона, а позднее будучи иподьяконом епископа Петра,

он невольно становился и непосредственным участником богослужений Святейшего, когда они совершались в сослужении архиереев, в том числе и Преосвященного Петра, епископа Коломенского. Суждено ему было и в день похорон Святейшего Патриарха Тихона присутствовать в Донском монастыре. Впоследствии ежегодно в день кончины Патриарха, 7 апреля, Михаил Ефимович старался бывать в Донском монастыре на панихиде у могилы Святейшего Патриарха Тихона.

По окончании художественного училища с 1928 года Михаил Ефимович работал в различных издательствах. 28 октября 1929 года нараставшие гонения на Церковь настигли и его. Он был арестован и 15 ноября 1929 г. был осужден Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ СССР по ст. 58—10 УК РСФСР по сфабрикованному обвинению в «связи с реакционными церковниками, ведения под флагом религии антисоветской агитации» и приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. К испытаниям, ложившимся на плечи всех сосланных, для 23-летнего молодого человека прибавилась и тяжелая болезнь. Неоценимой моральной поддержкой в это время для него было общение с репрессированными митрополитами, епископами, священниками, находившимися с ним в ссылке. Знакомство с этими интереснейшими людьми обогатило Михаила Ефимовича богословскими и историко-церковными знаниями.

15 мая 1933 года Михаил Ефимович был освобожден и вернулся в Москву, но по произволу властей ему было отказано в прописке и приходилось скитаться по Московской области, жить то в Кашире, то в поселке Дорохово, то под Можайском, работать художником-оформителем в различных учреждениях, в том числе и Государственном историческом музее. Только в 1940 году ему удалось добиться снятие судимости и он получил возможность жить в Москве. В 1938 г. М. Е. Губонин женился на Клавдии Петровне Мироновой, а 22 июня 1941 года М. Е. Губонин был призван на фронт. После окончания оружейно-технического училища он в составе седьмого гвардейского корпуса в должности начальника топографической службы дошел до Берлина в звании гвардии старшего лейтенанта с тремя орденами и пятью медалями.

В 1946 году Михаил Ефимович похоронил жену, оставившую малолетнего сына, и через два года вновь женился.

В 1946 году Михаил Ефимович был приглашен Московской Патриархией принять участие в создании сени над ракой Святителя Алексия, Митрополита Московского, в кафедральном Богоявленском соборе. С этого времени Михаил Ефимович много работал над реставрацией и росписью храмов в Москве и других городах страны.

В середине 1960-х годов М. Е. Губонина пригласил на работу Председатель Издательского отдела Московской Патриархии епископ (впоследствии митрополит) Волоколамский Питирим (Нечаев). Михаил Ефимович оформлял «Православный церковный календарь», выполнял и другую художественную работу по заказу Московской Патриархии. В «Журнале Московской Патриархии» были помещены несколько его статей.

Но основное внимание в последние два десятилетия своей жизни Михаил Ефимович отдавал делу, которому был предан с юности. Он торопился закончить многотомный труд (об издании которого в то время не могло быть и речи), посвященный Святейшему Патриарху Тихону и истории Русской Православной Церкви. Многие испытания подорвали здоровье подвижника, но он преодолевая недуг, с неослабным энтузиазмом продолжал трудиться до последних своих дней.

М. Е. Губонин начал собирать с 1920-х годов материалы по истории Русской Православной Церкви, несмотря на величайший риск, с которым была тогда связана эта деятельность. Видна забота Михаила Ефимовича о сохранении для церковной истории максимально полной информации, для чего в его труде упоминаются документы, тексты которых автор достать не мог, но имел более или менее надежные сведения об их существовании и времени написания, некоторые из этих документов стали доступны только с открытием секретных архивов. Отметим, что работа Михаила Ефимовича проходила во время полной недоступности материалов архивов и многих литературных произведений, которые находились в закрытых фондах.

Михаил Ефимович, будучи педантичным и скрупулезным собирателем всего, что имело значение для церковной истории новейшего периода, соединял в себе удивительную широту и свободу взглядов с тончайшей церковной интуицией, любовь к кропотливой архивной работе — с необычайной живостью характера, строгость и точность церковных и духовных оценок — с замечательной по артистичности даром рассказчика, тонким и веселым юмором. Был он скромным человеком, жил часто в бедности, отдавая все силы и время своему труду. Здесь его тоже постигли многие испытания и огорчения. Одним из них была утрата первой коллекции документов после его ареста. Выйдя на свободу, Михаил Ефимович стал собирать все заново, даже будучи на фронте он не прекращал заниматься собиранием церковных документов. Так первая редакция «Воспоминаний о Патриархе Тихоне» датируется апрелем 1945 года.

Только с начала 1990-х годов появилась возможность публикации подготовленных для печати рукописей Михаила Ефимовича. В на-

стоящее время ни один исследователь по истории Русской Православной Церкви XX века уже не может обойтись без его монументального труда «Акты Святейшего Патриарха Тихона», представляющего свод церковных документов первой половины XX века.

Перед самой кончиной Михаил Ефимович успел закончить огромную свою работу — составил продолжение строевского словаря архиереев Русской Православной Церкви и епархиальные списки архиереев.

С особой любовью и трепетом Михаил Ефимович относился к памяти Святейшего Патриарха Тихона, в святости которого он никогда не сомневался. Он порой негодовал, когда умышленно замалчивалось значение мученического служения святого Патриарха в труднейший период истории Церкви и страны. Любовь эта помогла составить замечательный сборник воспоминаний о святом Патриархе Тихоне, в котором Михаил Ефимович стремился собрать все возможные сведения о каждом дне жизни святителя Тихона за все семь с половиной лет его патриаршего подвига. Комментарии и дополнения к этим воспоминаниям представляют собой более двухсот статей, написанных на высоком научном уровне, которые сами по себе могут являться обширной хрестоматией по истории Русской Православной Церкви.

Много сердечного тепла Михаил Ефимович уделял своим молодым ученикам, передавая им любовь к новым святым мученикам, завещая им свое огромное архивное и творческое наследие.

Господь чудесным образом отметил подвиг жизни Михаила Ефимовича: он скоропостижно скончался в день святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, 26 сентября (9 октября) 1971 года. Через 18 лет в этот день состоялось прославление Святейшего Патриарха Тихона, к памяти которого с особой любовью и трепетом Михаил Ефимович относился всю свою жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
Предисловие	11
<i>М. Е. Губонин</i>	
Суждения о святости Святейшего Патриарха Тихона	16
<i>М. Е. Губонин</i>	
Схема жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (тезисы) ..	20

Часть I. Воспоминания о Патриархе Тихоне

Неизвестный автор

Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси	61
---	----

Протопресвитер Георгий Шавельский

Архиепископ Виленский и Литовский Тихон в Синоде	92
Протопресвитер Шавельский в Вильне	96
Белогвардейский собор в Ставрополе и архиепископ Агафодор	96

Монахиня Анфия

Без мыла	99
Исцеление расслабленного на Троицком подворье	99
Патриарх Тихон на Серафимо-Дивеевском подворье	102

Митрополит Вениамин (Федченков)

Сон доктора М-на	104
Несколько строк из «Записок епископа»	105

И. И. Василевский

О. Л. Книппер-Чехова в соборной палате	107
О «Державной» иконе	109

А. И. Кузнецов

Мои воспоминания о встречах с Патриархом Тихоном	112
--	-----

<i>Протоиерей А. П. Рождественский</i>	
Воспоминания о Святейшем Патриархе Тихоне	127
<i>Митрополит Евлогий (Георгиевский)</i>	
Выписки из воспоминаний	143

Часть II. Комментарии и дополнения

1. О написании фамилии св. Патриарха Тихона	153
2. Об истории создания данного документа	153
3. Епископ Михаил (Грибановский) — пророк и предтеча восстановления Патриаршества в России	154
4. Бруклинское викариатство в США и архиерейская хиротония архимандрита Рафаила (Ававини)	170
5. Храмоводительство в Америке при архиепископе Тихоне	173
6. Поправка о «почетном гражданстве» архиепископа Тихона	184
7. Прибытие архиепископа Тихона на Ярославскую кафедру	185
8. Распоряжение архиепископа Тихона о земных поклонах архиерею и прочее	188
9. О членстве архиепископа Тихона в Святейшем Синоде в 1917 году	189
10. Указание о наличии упоминаемого материала в Сборнике	190
11. К речи профессора-архимандрита Илариона (Троицкого) о восстановлении Патриаршества в России	190
12. О личной благотворительности архиепископа Тихона	190
13. Поправка о времени снятия с себя сана С. Калиновским	199
14. О последней архиерейской хиротонии, совершенной Святейшим Патриархом Тихоном	200
15. К кончине и погребению историка проф. В. О. Ключевского	200
16. Об отношении Святейшего Патриарха Тихона к еврейским погромам	201
17. Подложное послание Святейшего Патриарха Тихона от 6(19).12.1922 г.	205
18. Переговоры с обновленцами о примирении их с Православной Русской Церковью	206
19. О неизвестном письме митрополита Сергия (Страгородского) по поводу послания Святейшего Патриарха Тихона об осуждении главарей обновленческого раскола	218
20. Покушение П. К. Гусевой на жизнь Святейшего Патриарха Тихона; дело Гусевой	218
21. О «малом Соборе» епископов в Донском монастыре (7.1923 г.)	226
22. Краткие биографические сведения о протопресвитере Г. И. Шавельском	228

23. Мытарства на юге России и кончина бывшего Петроградского митрополита Питирима (Окнова)	229
24. «Дело» епископа Варнавы (Накропина), его кончина и Святейший Патриарх Тихон	231
25. Синодальные обер-прокуроры последних царствований (краткие биографические замечания о них)	234
26. Некоторые сведения о чинах канцелярии Святейшего правительствующего Синода, Собора 1917—1918 гг. и Патриаршего Высшего Церковного Управления	256
27. Порядок заседаний Святейшего Правительствующего Синода в предреволюционное время	259
28. К кончине К. П. Победоносцева	260
29. Юго-восточный Собор в Ставрополе Кавказском в 1919 г. и суд над архиепископом Агапитом (Вишневым)	261
30. О «дальнейшей» позиции протопресвитера о. Георгия Шавельского	269
31. О старшей сестре Серафимо-Дивеевского подворья монахини Анфии и Е. А. Тучкове	276
32. Кратко о Серафимо-Дивеевском подворье в Москве	281
33. Епископ Варнава (Беляев)	282
34. О храме свв. мучеников Адриана и Наталии в Мещанской	283
35. Митрополит Вениамин (Федченков)	284
36. Люди науки и веры	284
37. Богоматерь в судьбе Святейшего Патриарха Тихона	293
38. О вещих снах	298
39. Выписка из «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) от 16(29).07.1927 г.	301
40. Краткие биографические сведения об И. И. Василевском	302
41. Духовные концерты при Святейшем Патриархе Тихоне	304
42. Дополнение к выступлению О. Л. Книппер-Чеховой на духовном концерте; А. П. Чехов о загробной жизни	311
43. Церковный хор И. И. Юхова и его филиалы	312
44. О протоиерее-миссионере Д. И. Боголюбове	313
45. К прославлению иконы «Державной» Божией Матери	313
46. Краткие биографические сведения об А. И. Кузнецове	314
47. Разъяснение о лице, коему посвящены данные строки рассказа	315
48. «Методика» захвата Православных храмов обновленцами (по проф. П. В. Гидулянову)	315
49. Архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский). Воспоминания А. И. Кузнецова	317

50. Ильичев А. «Архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) (в последние годы жизни)». Астрахань, 1964 ...	392
51. Об ошибке автора в суждении о внешности митрополита Крутицкого Петра (Полянского)	422
52. К процессу астраханских церковников по „делу” о сопротивлении изъятию церковных ценностей (епископ Анатолий Соколов и др.) ..	423
53. Уточнение фамилии Орлянского	426
54. VIII Отдел НКЮ и первые «деятели» по разгрому Православной Русской Церкви	426
55. Сарапульский епископ Алексей (Кузнецов) и его послание к пастве	440
56. Краткие сведения о протоиерее А. В. Рождественском	447
57. Некоторые дополнительные данные об Корсунской иконе Божией Матери	448
58. О прозвище «Патриарх», данном товарищами по семинарии молодому В. И. Белавину	448
59. Епископ Псковский Гермоген (Добронравин)	450
60. Статьи архимандрита Тихона (Белавина), ректора Холмской духовной семинарии в церковной печати того времени	451
61. О родственниках Святейшего Патриарха Тихона	477
62. К вопросу о количестве посещений России архиепископом Алеутским и Северо-Американским Тихоном; деятельность его в Петербурге в 1903 г.	483
63. Проводы архиепископа Тихона из Ярославля	492
64. Митрополиты Питирим (Окнов) и Макарий (Невский) как «распутинцы»; Распутин и его кончина	501
65. Исправление ошибки автора о крестном ходе на Красную площадь 21.11(4.12).1917 г.	505
66. О несостоявшемся крестном ходе вокруг Кремля 21.11(4.12).1917 г. после на stolования Святейшего Патриарха Тихона.	512
67. К посланию Святейшего Патриарха Тихона от 19.01(1.2).1918 г., об анафематствовании творящих беззакония и гонителей Церкви Христовой	514
68. Слово Святейшего Патриарха Тихона при служении его в Казанском соборе г. Москвы 8(21).07.1918 г., по поводу расстрела императора Николая II; нечто об иконе Казанской Божией Матери	549
69. Исправление ошибки автора относительно «трагической» кончины Великого Патриаршего Архидиакона К. В. Розова	552
70. Краткие сведения о Троицком Патриаршем подворье в Москве, на Самотеке	554

71. К биографии митрополита Евлогия (Георгиевского) и кратко о зарубежном «евлогианском» расколе	555
72. Митрополит Флавиан (Городецкий)	578
73. Кратко о протоиерее К. М. Аггееве и его кончине	579
74. Архиепископ Варшавский и Привисленский Иероним (Экземплярский)	580
75. О Леснинском девичьем монастыре, Бородинской игуменнии Марии Тучковой и реставрации могилы Е. Н. Дроздовой — матери митрополита Московского Филарета (Дроздова)	581

Приложения

<i>Приложение 1.</i> О прославлении новомучеников и исповедников Русской Православной Церковью Заграницей.	587
<i>Приложение 2.</i> О прославлении Святейшего Патриарха Тихона Русской Православной Церковью	591
<i>Приложение 3.</i> Обретение мощей святителя Тихона.	597
<i>Приложение 4.</i> Прославление новомучеников и исповедников Российских	603
<i>Приложение 5.</i> Московский и Всея России Патриархат	616
<i>Приложение 6.</i> Основные даты жизни, деятельности и прославления святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России	622
Список сокращений библиографических названий	626
Биографический указатель	633
Основные источники иллюстративного материала	709
Михаил Ефимович Губонин. Краткая биография.	710

СОВРЕМЕННОКИ О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ
Составитель и автор комментариев М. Е. Губонин

Том первый

*Серия «Материалы по новейшей истории
Русской Православной Церкви»*

Главный редактор
профессор протоиерей Владимир Воробьев

Ответственный редактор
профессор протоиерей Владимир Воробьев

Редактор
Н. А. Кривошеева

Художник
В. Л. Калистов

Художественный редактор
Л. А. Головкова

Корректоры
Н. А. Соловьева, Н. Н. Сайгина

Оригинал-макет изготовлен в ПСТГУ

Компьютерная верстка
Е. Л. Коган, К. А. Хидоятов

Подписано в печать 29.05.2007 г. Формат 70×100 ¹/₁₆. Объем 45 п. л.
Печать офсетная. Тираж 2 000 экз.

Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
ЛР № 030568 от 29.09.03 г. 113184 Москва, Новокузнецкая ул., 23б.

Заказ № 1129

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6